

Невский проспект, № 6.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНИЕ „НИВЫ“ ЗА 1889 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, рассказы, комедіи, стихотворенія, очерки и пр.	СТРАН.
Амру. Поэма В. Величко	970
Барыни-крестянки. Ром. гр. Е. А. Салиаса 890, 914, 938, 962, 986, 1010, 1034, 1058, 1086, 1114, 1142, 1174, 1206, 1238, 1270, 1302, 1334	238
Безсонныя ночи. Пов. Нем.-Даченко 214,	332
Божье дитя. Рассказъ А. В. Стернь	826
Борь. Поэма А. Луговаго	754
Бывало вечеромъ..... Стихотв. кн. Д. Н. Цертелева	2
Внѣ моды. Рассказъ А. Фета	362
Военные рассказы. А. Львовича	10
Время. Стих. гр. А. А. Голен.-Кутузова Два миссионера. Разск. А. Я. Максимова 75, 100, 130, 158	1311
Дворняшка. Раз. Станицаго 1247, 1282,	642
Дѣти полей. Стих. П. В. Бынова	922
За городомъ. Стих. П. И. Вейнберга	286
Загадка. Ком. О. Чюминой 262,	184
Каринки полков. жизни. Раз. Сило-вича Краденая свадьба. Разск. П. Н. Полевого 1339	532, 558, 582, 606, 630, 658, 680, 706, 730, 754,
Кто-же? Разск. П. Доршешко 532, 558, 582, 606, 630, 658, 680, 706, 730, 754,	778
Масляница. Разск. П. Н. Полевого	195
Мать. Стих. кн. Д. Н. Цертелева	414
Опасная игра. Пов. Н. Д. Ахшарумова 11, 34, 70, 94, 122, 150, 178, 206, 230, 254, 278, 302	994
Перепутала. Фарсъ въ 1 д. Северина	994
Подъ звонъ колоколовъ. Ром. В. И. Немировича-Даченко 501, 526, 550, 574, 598, 622, 650, 674, 698, 722, 746, 770, 794, 818, 850, 875	1215
Русскій полоняникъ. Разск. Полевого	477
Торжество Юліи Андр. Ром. М. В. Крестовской 326, 354, 378, 405, 430, 454, Тотализаторъ. Разск. А. Зарина 1019, 1043, 1067, 1098, 1123, 1151	42
Три могилана. Разск. Львова	947
Увлеченіе. Разск. кн. Д. Голицына-Муравлина	510
Удивительныя приключен. Порф. Переп. Разск. Желиховской 438, 462, 487, Фарисъ. Поэма Мицнев. , пер. Данилевск. Христосъ Воскресе. Разск. Полевого Христосъ Воскресе. Стих. А. Ф. Федотова 394	510 236 384 394
II. Биографіи и характеристики.	
Акимова, С. П.	786
Александръ I, король Сербскій	343
Андреевъ, Е. Н.	810
Асѣевъ, М. В.	738
Ашиновъ, Н. И. (см. стат. мисс. въ Абисс.)	167
Байтышъ-Каменскій, Д. Н.	540
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.	149
Блондена, воспоминанія	636
Блудръ, Д. Н., графъ	649
Буяковский, В. Я.	1078
Верди, Джузеппе	1130
Вечѣра, баронесса	222
Вильгельмина, наслѣдн. Нидерландская	246
Вильгельмъ III, король Нидерланд.	398
Вогюэ (де) Мельхюръ	738
Галаганъ, Г. П.	399
Гамерлингъ, Робертъ	811
Гензельтъ, А. Л.	1131
Герсевановъ, М. Н.	1057
Градовскій, А. Д., профессоръ	1194
Грейтъ, С. К.	319
Громобочевскій, Б. Л.	762
Гюббенегъ (фонъ), А. Я., министръ	519
Давыдовъ, К. Ю.	271
Даниль, насл. Черногорск. прест.	111
Домъ-Карлосъ I и его сурр. Амалия	1165
Домъ-Луисъ I, король Португальскій	1165
Домъ-Педро, императоръ Бразиліи	1227
Дружининъ, А. В.	205
Дружининъ, Я. А.	907
Дурново, И. Н., министръ	621
Загоскинъ, М. Н.	763
Заюнчковская, Н. Д.	714
Зеленскій, М. С., докторъ	1104
Зелла-Султанъ, принцъ	542
Зичи, Геза, графъ	142
Зубко, Антоній, архіепископъ	614
Зыбинъ, А. А.	1320
Исидоръ, митрополитъ	1205
Іоаннъ, негусъ (см. стат. мисс. въ Абисс.)	167
Іовъ, патриархъ Московскій	114
Карль I, кор. Виртемб. и его супруга	613

Карль-Людвигъ, эрцгерцогъ	198
Кеппель, П. И.	721
Клагесъ, Ф. А.	1131
Клюшниковъ, Н. П.	1113
Козловъ, Н. И.	247
Кокоревъ, В. А.	495
Коллинъ, Уильки	1026
Константинъ Констант., Вел. Князь	611
Константинъ, пр. Греч. и Софія Прусск.	1078
Корсовъ, Г. Г.	1165
Краевскій, А. А.	858
Ландцертъ, Ф. П., профессоръ	1225
Леонидовъ, Л. Л.	885
Леру, Шарль	1003
Майковъ, Л. П.	294
Мей, Медея	271
Менеликъ и его полководцы	1130
Минаевъ, Д. Д.	787
Михаиль, митрополитъ Сербскій	1269
Насръ-Эддинъ, шахъ Персидскій	518
Нейманъ, Анджелио	294
Николай I, Императоръ	614
Николай, князь Черногорскій	51
Ожье, Эмиль	1194
Ольга Николаевна, корол. Виртемб.	613
Оскаръ II, кор. Швед., и его сурр. Софія	115
Остенъкъ, А. Х. (Востокъ)	841
Паисій, архим. (см. стат. мисс. въ Абисс.)	167
Павшинъ, А. Н.	166
Петръ Никол., В. Кн. и Милица Никол.	762
Пржевальскій, Н. М.	111
Растъ-Алула (см. стат. мисс. въ Абисс.)	167
Ристичъ, регентъ Сербск. кор.	343
Ришелье-Фронсакъ (де), герцогъ	1186
Романовскій, Георгій Максим., герц.	858
Лейхтенб. и Анастасія Николаевна	1187
Рубинштейнъ, А. Г.	139
Рудольфъ, эрцгерц. Австрійскій	497
Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ)	586
Спераскій, М. М., графъ. Оч. Дружинина	1255
Станлей, Генри	198
Стефани, эрцгерц. и ея дочь Елизавета	817
Струвъ, В. Я.	607
Съмашко, Юсифъ, митрополитъ	447
Тилло, Э. И.	494
Толстой, Д. А., графъ	222
Траутфеттеръ, Р. Э.	1319
Треновъ, Ф. Ф.	1237
Туръ, Евгения	271
Фигнеръ, Н. Н. и Медея Мей	883
Филипповъ, Т. И.	198
Францъ-Фердинандъ, эрцгерц.	1
Чихачевъ, Н. М., вице-адмиралъ	121
Шеншинъ, А. А. (Фетъ)	1333
Шинкинъ, И. И.	1051
Шредеръ, И. Н., академикъ	1227
Э (д'), графъ и сурр. его Изабелла Бразил.	1228
Эйхвальдъ, Э. Э., проф.	1255
Эмиль-Паша (Шнитцеръ)	87
Юрьевъ, С. А.	253
Якоби, В. С.	371
III. Историко-археологическіе очерки.	
Серебряныя издѣлія, древне-русск.	246
Церковная утварь, древняя	371
IV. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.	
Александровскій уездъ. Очеркъ	339
Анапуръ, мѣстечко на Кавказѣ	689
Англичане у себя дома. В. Брандта	243
Артиллерія, русская (500-лѣтн. юбилей).	1158, 1227
Историч. очеркъ	858
Аонъ, Хиландарскій монастырь	566
Багумъ. Очеркъ	832
Вильна, городъ	614, 802
Жена велик. чело. Ист. оч. Вейнберга	1127
Жилище чело. Ист. оч. очеркъ	135
Изверженіе вулкана Кракатао. Очеркъ	760
Керки, крѣпость	760
Литературно-критич. миниат. А. Введенскаго 904, 952, 999, 1047, 1072, 1190, 1222	538
Лондонская ж.-дор. контора. Оч. Вильдау	783
Лѣсъ Петра Вел. Оч. Я. П. Полонскаго	367
Маръ-Сааба, монастырь. Очеркъ	1290
Монастырь, Жичскій, въ Сербіи	830
Обсерваторія въ Пулковѣ	974
Одежды, стар. русскія. Оч. Полевого 855,	1191
Одесса. Истор. очеркъ	1183
Одесса, современ. Оч. Немир.-Даченко	1286
Орденъ и медали Росс. Имперіи. Оч.	1023
Персія (О). Очеркъ Н.	1023

Петербургъ—Владивост. (Спб. ж. д.) 422, 442	СТРАН.
Пища и напитки на Востокѣ. Очеркъ	710
Погулянка. Кумысо-лечебное завед.	590
Прага, городъ	712
Путешествія русск. людей за границу	106
Историч. очеркъ П. И. Вейнберга 54,	198
Тавастгустъ, гор. въ Финляндіи	319
Тоннеля, Влад. ж. д., постройка	562
Франція. Кровавая годовщ. Истор. оч.	735
Ханькоу и его рейдъ	1000
Церковь Мазены въ селѣ Ивановск.	759
V. Естествознаніе.	
Взрывныя силы природы. Очеркъ	1027
Въ облакахъ. Оч. А. Малаховскаго	1255
Дельфины-косатки, напад. на кита	683
Древесныя породы, русскія. Очеркъ	1284
Измѣненія характера въ мірѣ живогн.	267
Очеркъ Гашерта	639
Канарейка и уходъ за нею. Гашерта	398
Климатъ Россіи. Оч. В. В. Иванова 515,	66
Куры, стениля. Очеркъ	926
Левъ, ручной. Очеркъ д-ра Елишева	54
Листопадъ. Очеркъ Нидергера	1164
Макаки и удавъ. Очеркъ	492
Норка и лисухи	806
О приспособленіи формъ и окраски животныхъ. Оч. проф. Линдемана 420, 467,	162
О способахъ пищедобыванія въ животн. царствѣ. Очеркъ проф. Линдемана	314
Объ измѣненіяхъ природы въ періодъ чело. Оч. проф. Линдемана	19
Паденіе камней. Оч. Симашио 81, 190,	1252
Рыбы Россіи. Очеркъ Штауде	1225
Сибговъ, жив. и раст. жизнь. Очеркъ	714
Турухтаны (Бой)	690
Ужъ и травяная лягушка	635
Червь, Австралійскій	1316
Числахъ (О). Оч. Гатіена	662
VI. Новая изобрѣтенія и технология.	
Водяная жел. дорога	1194
Выпильваніе и ажурныя работы	978
Улей-двоакъ	1291
Фонографъ Эдиссона	542, 566
Фонтанъ, свѣтящійся	666
VII. Архитектура и скульптура.	
Башня Эйфеля	471
Дворецъ Вел. Кн. Павла Александров.	1319
Дресировщикъ, группа Брага	1050
Памятникъ Александру I въ Спб.	1290
Памятникъ Александру II въ Самарѣ	1077
Памятникъ Александру II въ Ченстох.	53
Памятникъ Гейбелю	810
Памятникъ Колумбу въ Барселонѣ	666
Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ	294
Памятникъ Н. М. Пржевальскому	446
Памятникъ Пушкину, въ Одессѣ	542
Памятникъ Ж. Ж. Руссо	1003
Соборъ, Князь-Владимірск. въ Спб.	1075
Театръ Барная, въ Берлинѣ	166
Театръ въ Вѣнѣ	954
VIII. Современность.	
Бракосочетаніе В. Кн. Павла Алекс.	638
Выставка, рыбопромышл., въ Спб.	318
Выставка, фотографич., въ Спб.	496
Выставка въ Парижѣ (см. огл. рисунок.)	1100
Колонія для малолѣтнихъ преступниковъ въ Спб. Очеркъ П. В. Бынова	858
Кольцо Нибелунга. Трилогія Вагнера, на сценѣ Маріин. театра. Оч. 343, 370,	591
Спускъ броненосца „Имп. Николай I“	1163
IX. Литературный альбомъ.	
Валленштейнъ, Шиллера	1026
Война и миръ, Толстаго	342
Дѣвѣнацѣтъ спящихъ дѣвъ, Жуковскаго	882
Евгеній Онѣгинъ, Пушкина	978
На горахъ, Мельникова	1050
Невольникъ, Шевченка	1173
Римъ Гоголя (Аннунціата)	786
Рыбакъ, Гете	446
Сонъ въ лѣтн. ночь, Шекспира	1075
Тартюфъ, Мольера	291
Фаустъ, Гете	829
X. Популярно-медицинскіе очерки.	
Пепсинъ и пимозинъ. Оч. Нидергера	391
Тайны гилотинъ, физиологич. очеркъ	391

XI. Библиография.

Стр. 58, 142, 199, 348, 401, 520, 570, 642, 835, 1197, 1259, 1323.

XII. Парижскія моды.

Ежемесячно съ Января по Декабрь, съ 377 модн. гравюр. и рисунк., 359 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 308 рисунок. рукодѣльн. и вышивочн. работъ и нѣсколько сотъ буквъ и монограммъ.

XIII. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.

48 тиражъ 1-го займа 2 Января 1889 г. 61
46 " 2 " 1 Марта 1889 г. 298
49 " 1 " 1 Юля 1889 г. 718
47 " 2 " 1 Сент. 1889 г. 934

XIV. Живопись, рисунки и портреты.

Аванпосты Кубанск. казак. Рис. Кравч. 961
Акимова, С. П. 788
Аламанъ (набѣгъ). Рис. Радомскаго . . . 160
Александровскій утѣсъ въ гор. Урала . 340
Александръ I на Брюл. терр. въ Дрезденѣ. Карг. Виллевалде 96
Александръ I, король Сербии 345
Алмея. Карг. Боброва 461
Альпигъ, крѣпость въ Кандж. ханствѣ . 761
Амазонка. Карг. Вейшлага 729
Амалия, королева Португальская 1164
Амуръ и Психей. Группа Лавренкова . 392
Амуры-садовники. Панно Маковского . 437
Амфитрига (опич. фокусъ). 2 рис. . . . 717
Анануръ, м.-ко на Кавказѣ 673
Анастасія Николаевна, кн. Черногор. . 861
Андреевъ, Е. Н. 812
Аннибалъ пер. чер. Рону. Рис. Мотта . 104
Аниунциата. Рис. Тромба 1173
Антверпенъ. Взрывъ патр. зав. 4 рис. 956, 957
Антоній и Иоаннъ. Карг. Трутнева . . . 457
Арабы, захватывающ. въ рабство негр. 217
Артиллеріи, 500-лѣтн. юбил. 13 рис. . . 1160, 1161, 1224, 1225
Асѣвъ, М. В. и его кони 741
Аханы и ловъ ими бѣлуги 140
Ашинновъ, Н. П. 168
Аеоны. Хиландарскій монастырь 852
Бантышъ-Каменскій, Д. П. 540
Багумъ. Карг. Лагоріо 565
Башкиры во Франціи. Карг. Виллевалде. 97
Бадера. Карг. Зихеля 1213
Базеетъ предъ Тимуромъ. Карг. Мерге . 133
Берега Лисогора. Карг. Гороневича . . 377
Вестужевъ-Рюминъ, К. П. 149
Весѣда. Карг. Целевина 456
Библиотека короля и королевы Румынск. 216
Блудовъ, Д. Н., графъ 649
Богатый женихъ. Рис. Казачинскаго . . 916
Богиня водъ. Панно К. Маковского . . 304
Богослуженіе въ римск. катакомб. . . . 665
Божій человекъ. Карг. Кошелева 1017
Болото. Карг. Куріаръ 913
Борышинъ. Рис. Лоренца 9
Бракосочетаніе принца Греческаго . . 1104
Брансочет. Аждамитрин и Мар. Минш. . 1060, 1061
Буяковскій, В. Л. 1080
Буруизъ на о. Цейлонѣ. Рис. Китаева . 161
Бухара. Крѣпость Керки 745
Бухарская пѣхота 80
Бюстъ Пушкина, изваянн. Полонскою . 448
Варшава. Старое мѣсто. Рис. Малышицк. 124
Верди, Джузеппе 1129
Веселый мальчуга. Рис. Дворакъ 681
Весло упустилъ. Рис. Ижакевича 772
Вечера, М., Баронесса 224
Взлнч волка. Карг. Кившенко 925
Вильгельмина, принц. Нидерландская . 244
Вильгельмъ III, король Нидерландскій. 396
Вильна. Общій видъ. 4 рис. 616, 828
Вильна. Церковь Троицк. монастыря . . 829
Воггоз (де) Мельхюръ 740
Воинъ и художникъ. Карг. Виллевалде . 137
Война и миръ, Толст. Рис. Шарлеманя . 1012
Воскресенье въ деревнѣ. Карг. Дмитріева-Оренбургскаго 529
Все въ прошломъ. Карг. Максимова . 365
Все продалъ съ барыш. Рис. Ижакев. . 873
Встрѣча Варвароссы съ сыномъ 876
Встрѣча муловъ въ Кордильерахъ . . . 573
Входная выемка Новороссійск. тоннеля въ горахъ. Карг. Самокиша 488
Въ кружалѣ. Рис. Кошелева 753
Въ лѣсу. Офортъ Шишкина 1036, 1037
Въ облакахъ. Рис. Малаховскаго 1025
Въ паркѣ. Карг. Федераса 492

Въ Ренскомъ лѣсу. Рис. Эбеля 853
Выставка, рыбопромышленная, въ Спб. Рис. Каразина 312, 313
Выставка, фотографическ. въ Спб. . . . 496
Выставка въ Парижѣ:
1) Глобусъ въ 20 сажень 297
2) Башня Эйфеля 544
3) Башня Эйфеля и ея сравн. велич. . . 569
4) Общій видъ выставки 576, 577
5) Центральный павильонъ 581
6) Отдѣлъ военнаго министерства . . . 584
7) Отдѣлъ изящн. искусствъ 608
8—11) Подъемная машина. 4 рис. 692, 693
12) Павильонъ Аргент. республики . . . 785
13) Павильонъ Мексикн 785
14) Ангорская пагода 813
15) Слав.-Русск. постройки 861
16) Музыка. Карг. Гние 921
17) Могила Самоуб. Карг. Феддерса . . . 924
18) Диана и Эндиміонъ. Карг. Вотса . . . 928
19) Дворецъ машинъ 980
20) Ананмо-Тонкинскій павильонъ 1001
21) Мостъ Бона 1001
22) Вой быковы 1028
23) Павильонъ настельной живописи . . . 1076
24) Входъ въ отдѣлъ керамики 1076
25—26) Индійскій дворець. 2 рис. 1101
27—30) Истор. чело. жилища. 4 р. 1132, 1133
31—32) Свѣтъщ. фонтанъ. 2 рис. 1157, 1158
33—38) Павильоны: Глобуса, Экватора, Парагвая, Норвегін, Чили и Венецуэлы. 6 рис. 1192, 1193
39) Иванскія танцовщицы 1192
40) Лѣстница въ худож. отдѣлѣ 1288
41) Центр. зало въ худож. отдѣлѣ 1289
Вночекъ. Рис. Ижакевича 801
Вѣстники весны. Карг. Каразина 533
Галаганъ, Г. П. 400
Галида. Лечебница для груди. болѣзн. . 884
Гамерлингъ, Робертъ 812
Гармонич. настроеніе. Карг. Эрдмана . . 893
Гарцъ (на). Рис. Штрицеля 441
Гензельгъ, А. Л. 1136
Герсевановъ, М. П., инженер 1057
Гибель парохода "Диръ". Съ фот. Ренара. 224
Глуховать. Карг. Целевина 481
Гнѣвъ Божій. Рис. Казачинскаго 757
Говѣдницы. Рис. Ижакевича 240
Гопакъ. Рис. Казачинскаго 1208
Горе и радость. Рис. Рейса 1349
Градоскій, А. Д. 1196
Грейгъ, С. К. 316
Громобескій, Б. Л. 761
Гуцулы на охотѣ. Карг. Ковальскаго . . 1241
Гюббенегъ, А. Я., Мин. Пут. Сообщ. . . 517
Давыдовъ, К. Ю. 273
Данакли (африк. племя). 2 рис. 169
Даніиль, Наслѣдн. Черногорск. прест. . 108
Даръ Божій. Рис. Казачинскаго 756
Дачный сезонъ. Рис. Маркса 804
Дворецъ въ Гатчинѣ. Рис. Гадона 37
Дворецъ Вел. Кн. Павла Алекс. въ Спб. 668
Дворникъ (Типъ). Рис. Флери 101
Двѣ кавалькады. Карг. Ковалева 512
Дѣвннадцатъ сплнч. дѣвъ, Жуковского. Рис. Волкова 333
Дельфинъ-косатки. Рис. Клемана 1253
Деньщикъ въ лагерѣ. Рис. Оболенскаго . 737
Деревушка, боснійская. Рис. Кирхнера . 948
Деревья, русскія (особ. прилож. къ 27 №). Джорджоне. Карг. Вольфа 1248
Добрые друзья. Карг. Мейергейма . . . 1313
Долгъ платитъ красенъ. Карг. Рейхерта . 220
Долина Канджуск. рѣки 761
Долина рѣки Сестры. Карг. Феддерса . 420
Домъ-Карлосъ I, король Португаліи . . 1164
Домъ-Луисъ I, король Португаліи 1164
Домъ-Педро II, императ. Бразильскій . 1228
Дресировщикъ. Группа Браге 468
Дружба. Рис. Леференца 969
Дружинникъ, А. В. 205
Дружинникъ, Я. А. 908
Дурново, Н. П., Министръ Ви. Д. 621
Дѣвочка. Карг. Творожниковъ 485
Дѣвушка, крестьянск. Рис. Томашев. . . 73
Дѣвушка перв. вѣк. христ. Карг. Шрейв. 309
Дѣвушка, русская. Карг. Веннга 509
Дѣвушка и внучекъ. Рис. Земцова . . 889
Дѣдушкинъ портретъ. Карг. Скаффая . 1312
Еврей-коробейникъ. Рис. Штейна 1096
Ежъ на фуражировкѣ 1325
Екатер. II и Ломонос. Карг. Федорова. 1240
Елизавета, дочь Рудольфа, насл. Ав. пр. 196
Живопись Панно Маковского 537
Жидовочка. Карг. Платонова 389

Жицца, малороссійск. Рис. Когляревск. 777
Загоскинъ, М. Н. 764
Заюнчковская, Н. Д. (рисун. и автогр.) 716
Занзибаръ. Видъ и типы. Рис. Чиквина . 221
Запутался въ счегахъ. Карг. Дуконича . 429
Залупенный паркъ. Карг. Шишкина . . 1117
Застигнутые грозой. Рис. Волкова . . . 725
Затравили. Карг. Бидерм.-Арендса . . . 697
Зелевскій, М. С. 1104
Зелла-Султанъ, старш. сынъ Перс. шаха. 545
Зимняя кормежка оленей. Рис. Шнехта . 20
Зичи, Г., графъ 144
Знаменщикъ техникской милиціи. Рис. Радомскаго 899
Зубко, Антоній, архіепископъ 616
Идетъ! Карг. Прельса 213
Игра въ матку. Рис. Казачинскаго . . . 660
Игра въ чурки. Рис. Ижакевича 1144
Изабелла, наслѣдн. Бразильская 1228
Изъ города въ деревню домой. Рис. Дм. Оренбургскаго 796
Икона поднес. Государ. въ Варшавѣ . . 617
Ильинъ, А. А. 1324
Институтъ Пастера въ Парижѣ 113
Иромскій храмъ и усыпальница Вел. Княз. Алекс. Павловича. 3 рис. 288, 289
Исидоръ, митроп. Новгор. и Сиб. 1205
Иггеръ, замокъ въ Тиролѣ 592
Ишь пошли сѣрыс. Рис. Суходольск. . . 1317
Иерусалимъ. Построен. Абисс. храма . . 265
Исусъ Христосъ въ домѣ Маріи и Марѣ. Карг. Семградскаго 380, 381
Иоаннъ Абиссинскій 168
Иоаннъ Грозный за письмомъ къ Курбскому. Рис. Радомскаго 797
Иовъ, патріархъ всероссійскій 113
Иорданъ въ Малорос. Рис. Ижакевича . 36
Иосифъ, митропол. Литовскій 613
Кабинетъ Якоби на галв. высг. въ Спб. . 397
Кавказскіе тины и сц. Рис. Юмудскаго . 905
Карлъ Анжуйскій въ Бордо. Карг. Туске . 781
Карлъ I, король Виртембергскій 612
Карлъ-Лудвигъ, эрцгерц. Австрійскій . 196
Катокъ въ деревнѣ. Рис. Ижакевича . . 200
Катюша. Карг. Зейферга 897
Кепенъ, П. П. 721
Китаево, въ окр. Кіева. Рис. Васильченка. 684
Клагесъ. Ф. А., проф. 1136
Кларисса. Карг. Кизеля 129
Клипперъ "Вѣстникъ" въ р. Тамарь . . 1301
Клюшинковъ, Н. П. 1113
Кобзарь въ Запорожѣ. Рис. Вѣлащенко . 845
Козловъ, Н. П., д. т. сов. 249
Кокоревъ, В. А. 493
Коллинъ, Уильки 1029
Колумбъ, осмѣиваем. учеными 44, 45
Кольцо Нибелунга, трил. Вагнера 4 р. . 341
Константинъ Констант. Вел. Князь . . . 605
Константинъ, пр. Греческій 1077
Концертъ Кард. Римел. Карг. Лейст. 1304, 1305
Корде, Шарлота, на пути къ гильот. . . 557
Корде, Шарлота, П. Г. 1165
Костры-грѣлки на улицахъ Петербурга. 188
Краевскій, А. А. 861
Крейсеръ "Адм. Корниль". Рис. Китаева . 13
Креста, поднятіе. Рис. Земцова 1089
Крестьянинъ, финскій. Карг. Кошелева . 1277
Крестьянка Новгор. губ. Рис. Томашев. 328
Крестьянка, Румынск. Карг. Эйсмонта . 1309
Крестьянская дѣвочка. Карг. Целевина . 405
Крестьянск. мальчикъ. Карг. Целевина . 444
Кромвель у Мильтона. Рис. Мерге 280
Кронштадтъ. Морскіе маневры 881
Крымскій видъ. Рис. Кравченко 229
Ксенія Александровна. Вел. Княжна . . 268
Кто смѣлъ, тотъ два сълѣ. Карг. Доллм. 1021
Кувшинъ для вина. Рис. Радомск. 93
Куванье въ деревнѣ. Карг. Ковалева . 513
Куры, стеньная. Рис. Шнехта 393
Лалддергъ, Ф. П., проф. 1220
Левъ, ручной 65
Ледоколы на Фонтанкѣ въ Спб. 56
Ледяной домъ въ Спб. Акваріумъ 117
Леонидовъ, Л. Л. 885
Леру и его полетъ. 3 рис. 1005
Листопадъ. Рис. Морана 929
Лоцманъ въ бурю у Норвеж. берега . . 1280
Лыска, Лиза (дѣвушка-великанъ) 593
Лѣсная дорога. Рис. Гумберга 724
Лѣсничій у домашняго очага 336, 337
Лѣстница въ Импи. Авад. Худ. въ Спб. . 633
Лѣсъ Петра Велик. Карг. Полонскаго . . 784
Лѣтній день. Рис. Писемскаго 676
Лѣтній день. Карг. Фридрихсенъ 806

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Лѣтняя идиллія. Рис. Шлезингера . . .	769	Патріархъ здравств. госуд. Рис. Бухг.	1352	Сцены изъ оперъ Рубинштейна	1184—1185
Любимцы. Карт. Бейшлага . . .	705	Первая уда и перв. сдѣло. Р. Крылова	1221	Счастлив. Аркадія. Панно Маковск.	600—601
Любовничество. Съ карт. Бергена . . .	277	Первый пѣвѣтокъ. Рис. Оболенскаго . . .	445	Съ государев. словомъ. Рис. Нестерова	661
Мамаки и удачѣ. Рис. Шпехта . . .	57	Перекочевка, осенняя. Карт. Генке . . .	1085	Съ чего ходитъ? Карт. Швенингера	1121
Майковъ, Д. П.	296	Пермь. Видъ съ Камы.	81	Сѣдина въ бороду. Карт. Степанова . . .	432
Марать	564	Петербургъ. Вѣздъ Алекс. Георгиевны.		Табушь, степной. Рис. Айдукевича . . .	264
Марія Магдалина. Карт. Барилли . . .	368	5 рисунковъ . . . 637, 640, 641, 644, 645		Тавастгустъ, гор. въ Финляндіи	189
Мартъ-Сааба, монаст. близъ Иерусалима .	372	Петербургъ. Колонія малолѣт. прест. . .	1097	Тартюфъ, Мольера. Карт. Б. Томашев.	1068
Масляница. Рис. Зауерлендера	193	Петръ I въ Нѣмецк. слоб. Рис. Земцова .	589	Татьяна (Евг. Онѣг.). Рис. Волкова . . .	877
Масляница. Рис. Каразина	177	Петръ I посѣщ. г. де-Ментенонъ	364	Театръ Барнаи, въ Берлинѣ	164
Масляница Передъ балаганомъ	180	Петръ Николаевичъ, Вел. Князь	760	Театръ въ Вѣнѣ. Рис. Кизля	937
Масляница. Съ блиновъ. Рис. Каразина .	181	Печеніе хлѣба въ Кахетин	1044	Текла. Карт. Шмихена	1149
Матрость. Акварель Бенкендорфа	468	Пиковый король. Карт. Корзухина	1145	Тилло, Э. П., ниж.-генер.	449
Машина, бурлящая, въ Новорос. топ. . .	316	Письмо съ родины. Карт. Пастернака . .	480	Толстой, Д. А., мни. внутр. дѣлъ	493
Медаль въ память возсоед. униатовъ . .	617	Плотина на Мургабѣ. Рис. Радомскаго .	1013	Топч. рыбацки, на Бѣломорск. берегу .	701
Медель-Мей, въ роли Дездемоны	272	Плотъ-великанъ. Рис. Штевера	1209	Тонкина въ городскомъ костюмѣ	413
Мейерлинъ, замокъ въ Австрій. 2 рис. . .	197	По гробу. Рис. Суходольскаго	844	Топленіе вандейцевъ. Карт. Шарлери . .	557
Мельница въ Ахаль-Теке	8	По деревьямъ съ красн. товаромъ	709	Турговецъ. Карт. Степанова	409
Мельница изъ соломенки (физич. оп.) . .	909	По начальству. Карт. В. Е. Маковскаго .	433	Торговка ягодами. Рис. Цютровскаго . .	737
Менелкъ и его полководцы	1124	По примѣру боговъ. Карт. Семирадск.	344	Трауфетгеръ, Р. Э.	225
Миланъ присягаетъ своему сыну	397	Погулянка, кумысо-леч. заведеніе	585	Треповъ, Ф. Ф.	1320
Миница Николаевна, изъ Черногорск. . .	760	Послушницагъ. Карт. Мюкке	940	Тризна воиновъ Свѣтослава. Карт. Се-	
Милый гость. Съ карт. Фрейвирта	185	Подъ осень. Карт. Джанетти	945	мирадскаго	4 — 5
Минаевъ, Д. Д.	788	Подъ сѣною креста. Рис. Штейна	329	Тройка въ грязи. Карт. Ковальскаго . .	512
Михаилъ Александровичъ, Вел. Кн.	292	Пожаръ Рима при Неронѣ	68 — 69	Трудъ и праздность. Карт. Брунера . . .	865
Михаилъ, митрополитъ Сербскій	1269	Поздравители. Рис. Ангеля	196	Турухтаны (Бой). Рис. Шпехта	1217
Мологъбы на Кавказѣ. Рис. Шмерлинга . .	53	Поклоненіе свѣц. дубу. Рис. Оболенск. . .	132	Туръ, Евгенія	1237
Монастырь, Жичскій, въ Сербіи	1289	Поклоненіе волкъ. Карт. Шрадера. 1336—1337		Тычковая снасть и ея установка	141
Монаст., Червенекъ. Рис. Константін. . . .	528	Поморцы о—ва Рюгена. Рис. Арендта . . .	972	У венеціанск. мастера. Карт. Степанова .	453
Mortuus pro rege nostro. Карт. Потта . . .	1152	Пора на водоной. Рис. Глоба	773	У знахарки. Карт. Шаховскаго	552
Морскіе божки и Амуры-садовн. 6 панно .		Послѣдній день сѣяльбы. Рис. Бѣлацк.	609	У каменной бабы. Рис. Радомскаго . . .	964
К. Е. Маковскаго	868, 869	Послѣдній красн. ден. Карт. Менцлера .	1065	У парма. Карт. Грузинскаго	989
Мостъ черезъ Ламаншъ. 3 рис.	1292	Посохъ, поднесенный Архим. Степану . . .	297	У страха глаза велики. Карт. Уайна . . .	1189
Музыка. Панно К. Е. Маковскаго	700	Позвѣ. Панно К. Е. Маковскаго	408	Ужъ и лягушка. Шпехта	713
Музыка и вино. Карт. Винеа	624, 625	Прага. Общій видъ	708	Улей-двоикъ	1197
Мулла-купецъ. Рис. Радомскаго	1281	Пржевальскій въ гробу и его мог. 2 р. . .	109	Умерщвленіе русск. князей. Копелева . .	1088
„На горахъ“, Мельникова. Рис. Земцова .	973	Приваль на охотѣ. Рис. Кившенко. 820—821		Урокъ фехтованія. Карт. Пробста	241
На гору. Рис. Кравченко	325	Приваль на маневрахъ. Рис. Китаева . .	900	Усадьба и могила Островскаго. 2 рис. . .	1321
На дѣвичицѣхъ. Карт. Корзухина	504	Продавщица пѣвѣтокъ. Рис. Флери	153	Фарисъ, Мицкевъ. 3 рис. Каразин. 236, 237, 238	
На конскій рынокъ. Карт. Френкеля	505	Продажа военно-плѣнн. у римлянъ	417	Фаустина, Импер. въ хр. Юноны	208—209
На лазу. Рис. Кившенко	997	Проловъ подъ кедр. Лив. Карт. Ригера .	541	„Фаустъ“ Гёте. Явленіе духа земли	285
На лося патигульсы. Рис. Земцова	1249	Проловъ въ сельской церкви. Карт. Ма-		Фигнеръ, въ роли Отелло	272
На морскомъ берегу. Рис. Корюса	657	ковскаго	416	Филипповъ, Т. И.	884
На нестромъ ковѣ. Карт. Адама	1125	Псковск. стражи, въ XV в. Рис. Караз . .	305	Фильтръ въ Слб. Рис. Полякова	1052
На поискахъ за счастьемъ. Карт. Шевал .	1245	Пугало. 2 рисунка	248	Флоренція. Майскія празднества	536
На помощь. Рис. Проскурина	901	Пчельникъ. Рис. Оболенскаго	629	Фонтанъ Айвазовскаго въ Феодосіи	52
На порожникахъ. Рис. Волкова	1272	Расчетъ по наслѣдству. Карт. Неврева . .	465	Фонтанъ Менье. 2 рис.	1293
На Снегахъ. Рожд. обичай. Рис. Кренца .	1353	Расъ-Адула, военач. Абисс. негуса	168	Фонтанъ работы А. Мальфатти	136
Наслѣдній пр. Шведск. на медв. охотѣ . . .	269	Римск. матрона въ терм. Карт. Б.-Том . .	677	Францъ-Фердинандъ, эрцгерц. Австр. . . .	196
Насръ-Одншъ, шахъ Персидскій	516	Ристичъ, I., членъ регент. въ Сербіи . . .	345	Ханькоу. Видъ гавани. Рис. Китаева . . .	732
Находка. Рис. Шмигтебергена	1273	Робеспьеръ, Максимилианъ	554	Хаты, рыбацки, въ окрестн. Кіева	793
Невольникъ, Шелченко. Рис. Трутовск. .	1045	Рождественская ночь въ средн. вѣка . . .	1345	Ходитъ съѣсъ надувающихся. Рис. Вика .	165
Недоразумѣніе. Карт. Лосева	464	Роланъ, Г-жа	561	Храмъ во Имя Христа Спасителя	932
Незванный гость. Карт. Лебягина	917	Романовскій, Георг. Макс., герц. Лейхт . .	860	Храмъ въ селѣ Покровскомъ	1260
Нешакомая тети. Съ карт. Фоглера	157	Ромео и Юлія. Карт. Шгокъ	1141	Христославы въ Подол. губ. Рис. Поцѣха .	1344
Нейманъ, А., директ. Вагнер. театра	296	Рояль, поднесенный Рубинштейну	1324	Хуторокъ зимой. Карт. Клевера	33
Нефрита, залежи на р. Раскемъ	761	Рубинштейнъ. 4 портр. и автогр. 1181—1188		Хуторокъ лѣтомъ. Карт. Клевера	1009
Неужели утонулъ? Карт. Батона	1020	Рудольфъ, эрцгерц. Австрійскій	141	Цвѣты на пирѣ. Рис. Гандога	1216
Николаевск. кавалер. училище въ Сиб. . .	517	Руссо, Жанъ-Жакъ (статуа)	544	Цейлонцы въ Зоолог. саду. Рис. Полякова .	953
Николай I, Императоръ	613	Рыбакъ, Гете. Карт. Канольдта	780	Церковная утварь, древняя	353
Николай, Кн. Черногорскій	48	Рыбы Россіи. (Особ. прилож. къ 1-му №)		Церковь Благовѣщенія въ с. Посадн. . . .	521
Новый годъ. Рис. Китаева	17	Салтыковъ, М. Е.	497	Церковь Мазены. Рис. Кондоупо	985
Норвегія. Древнія постройки. 2 рис. . . .	520	Самоловъ на Волгѣ	21	Церковь св. Антонія и Іоанна	472
Норка и лисуки. Рис. Шпехта	1153	Сборъ гонч. посль охоты. Рис. В. Ковальск.	301	Цыганка. Карт. Чумакова	849
Ночь передъ рожд., Гоголя. Рис. Ижак . .	1341	Сборъ древесн. сока. Рис. Суходольск. . .	632	Червь, земляной. Рис. Клемана	689
Обсерваторія Пулковск. 7 рис. 833, 836, 837		Свадьба, сельск., въ Серб. Рис. Геглера . .	685	Черногорцы въозвр. съ набѣга. Рис. Іоанн. .	105
Одежды, древи. русскія. 7 рис.	857, 977	Свиданіе, прерванное. Карт. Трутовск. .	245	Четверка. Карт. Таубе	421
Одесса, виды гор. Рис. Кравченко. 1176, 1177		Серебряного дѣла, древности	489	Чихачовъ, Н. М., вице-адмир.	1
Ожиданіе. Карт. Швенингера	1093	Сирогы. Карт. Клодта	489	Чтеніе завѣщанія. Карт. Эрдымана 748—749	
Ожье, Эмиль	1196	Сифонъ изъ соломенки (физич. опытъ) . .	909	Чужой! Карт. Арнольда	525
Окрестности Желоса. Карт. Васильковск. .	597	Святъ. Карт. Волкова	361	Шахматная партія. Карт. Фрейвирта . . .	152
Ольга Николаевна, кор. Виртембергск. .	612	Скнѣзъ. Группа Позена	549	Шахъ-Джеганъ на пути изъ меч.	988
Ордена, Россійск. (особ. прил. къ № 50). . .		Скорбищая Бож. Матерь. Карт. Шаховск. .	369	Швель, маленькая. Карт. Зммина	501
Освященіе Пасхи. Рис. Ижакевича	385	Сладкій виноградъ. Карт. Виллевалде . .	12	Шеншинъ, А. А. (Ферт)	121
Оскаръ II и корол. Софія	116	Служба—дружба. Карт. Виллевалде . . .	77	Шествіе на осляти въ Верби. Воскр. 356—357	
Остенэкъ (Востоковъ) А. X.	841	Смолтринъ дарск. невѣсты. Рис. Соломко .	77	Шипкины, П. И.	1333
Огдыхъ пшюковъ на спюк. Рис. Мурат . . .	949	Соборъ, Князь-Владимірска, въ Слб.	1004	Шредеръ, П. Н., акад.	1053
Ограженіе 3 челоуѣкъ въ 3 зеркалахъ . . .	1261	Сонъ въ лѣтн. ночь. Шексп., рис. Геннера .	440	Э (д'), Гасонъ	1225
Отъ нечего дѣлать. Карт. Вастага	281	Сорбонна въ Парижѣ. Рис. Нормана	1069	Эдиссонъ и его фонографъ. 2 рис.	981
Отъ новаго урожая. Рис. Котларовск. . .	825	Сосновый лѣсъ. Карт. Шинкина	1116	Эйхвальдъ, Э. Э., проф.	1229
Охота на медвѣдя. 3 рис. Каразина	232, 233, 256, 257	Софія, принцесса Прусская	1077	Элеваторъ въ Слб. 2 рис.	1257
Наденіе камней съ иеба. 20 рис. 84, 192, 317		Спасенные со шкуны „Алеутъ“	125	Эмиль-Паша (Э. Шинтцеръ)	1256
Пансіи, Архимандритъ	168	Сперанскій, М. М., Графъ	588	Этюдъ головки. Карт. Галкина	477
Памятникъ Александру I въ Слб.	1320	Спускъ корабля „Имп. Николай I“	592	Этюдъ. Съ карт. Чумакова	41
Памятникъ Александру II въ Самарѣ . . .	1049	Станлей, Геери	1256	Этюдъ. Карт. Чумакова	993
Памятникъ Александру II въ Ченстох. . . .	1285	Старуха съ книгой. Карт. Кошелева	553	Этюдъ. Карт. Чумакова	1041
Памятникъ Гейбелю въ Любекѣ	1073	Старушка. Карт. Д. Душинской	388	Этюдъ. Рис. Томашевича	261
Памятникъ Колумбу въ Барселонѣ	49	Старый баринъ. Рис. Муратова	892	Юрьевъ, С. А.	85
Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ . .	809	Стенной воръ. Рис. Каразина	652	Якоби, В. С.	253
Памятникъ пр. П. Г. Ольденб., въ Слб. . . .	669	Стефанія, эрцгерц. Австрійская	196	Яхта „Царевна“. 3 рис.	1105
Памятникъ М. Н. Пржевальскому на берегу Иссыкъ-Куль	293	Страшныя сказки. Карт. Зейферта	1033		
Панниъ, А. Н., конккобжецъ	172	Струве, В. Я.	817		
Процессія „Богини разума“ въ Парижѣ . .	568	Суда Гвард. Экипажа. Акв. Дядина	469		
		Судно, заирудное, на Дунаѣ. 2 рис. 424—425			
		Судный день XVII в. Рис. Пушкина	965		

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX
1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) Выдаѣт 1 янв. 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № со всѣми прилож. 45 к., съ перес. 55 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарейль (¼ шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ **5 р.**
Съ доставкою въ Петер-
бургъ **6 р. 50 к.**
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **9 р.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. И. Н. Печковской, Петровск. Торг. лпп. **6 р.**
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи **7 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особля приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.
На ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

Возъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1889 г. съ 30 рис. и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроенъ въ натуральн. величину и 35 рисунками рукодѣльных работъ 2) ТАБЛИЦА ВАЖНѢЙШИХЪ РЫБЪ РОССІИ; 3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1889 годъ.

Н. М. Чихачовъ.

Высочайшимъ прика-
зомъ по Морскому вѣ-
домству отъ 28 ноября
1888 г. вакантный постъ
управляющаго Мор-
скимъ министерствомъ
былъ замѣщенъ вице-
адмираломъ Николаемъ
Матвѣевичемъ Чихачо-
вымъ, занимавшимъ до
того отвѣтственный и
важный постъ началь-
ника главнаго морска-
го штаба. Н. М. Чиха-
човъ, изъ дворянъ Псков-
ской губерніи, родился
17 апрѣля 1830 года;
воспитывался въ Мор-
скомъ кадетскомъ кор-
пусѣ, изъ котораго вы-
пущенъ въ мичмана въ
1848 году. Черезъ два
года, онъ отправился въ
дальнее плаваніе на кор-
ветѣ „Оливуца“, подъ
командою одного изъ
выдающихся и энергич-
ныхъ моряковъ того вре-
мени, капитанъ - лейте-
нанта Сушева. Прибывъ
къ берегамъ Восточной
Сибири тотчасъ по за-
нятіи устьевъ Амура,
молодой офицеръ увлекъ
предстояшею во
вновь приобрѣтенномъ
краѣ кипучею дѣятель-
ностью и пожелалъ про-
должать службу въ Си-
бирской флотиліи, быв-

Вице-адмиралъ Н. М. Чихачовъ, Управляющій Морскимъ министерствомъ.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

шей еще въ зачаточ-
номъ состояніи. Пере-
водъ въ означенную фло-
тилію состоялся въ 1853
году, при чемъ, на осно-
ваніи существовавшихъ
тогда положеній, Н. М.
Чихачовъ былъ произ-
веденъ въ слѣдующій
чинъ капитанъ - лейте-
нанта, пробывъ лейте-
нантомъ меньше года.
Молодой, энергичный и
въ высшей степени ис-
полнительный штабъ-
офицеръ обратилъ на
себя особенное внима-
ніе главнаго командира
портовъ Восточнаго оке-
ана П. В. Козакевича,
который избралъ Н. М.
Чихачова начальникомъ
своего штаба. До назна-
ченія на этотъ важный
постъ, Н. М. Чиха-
човъ прошелъ послѣдо-
вательно всѣ ступени
военно-морской службы:
плавалъ на шхунѣ „Во-
стокъ“ старшимъ офи-
церомъ (въ 1853 г.), ко-
мандовалъ въ слѣдую-
щемъ году транспор-
томъ „Иртышъ“, исправ-
лялъ затѣмъ обязанно-
сти капитана надъ пор-
томъ, завѣдывалъ по-
стройкой укрѣпленій въ
Петропавловскѣ и вновь
командовалъ десяти-пу-
шечнымъ транспортомъ
„Двина“, затѣмъ корве-

томъ „Оливца“ и наконецъ пароходо-корветомъ „Америка“.

Въ 1858 году Н. М. Чихачовъ былъ произведенъ въ капитана 2 ранга, а въ слѣдующемъ — отплавился въ Средиземное море командиромъ винтового корвета „Воль“. Въ 1860 году Н. М. Чихачовъ, всего 30 лѣтъ отъ роду, получилъ въ командование одно изъ лучшихъ судовъ того времени — паровой фрегатъ „Свѣтлана“ и почти одновременно былъ назначенъ адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Генераль-Адмиралу Константину Николаевичу. Послѣ короткаго затѣмъ исправленія должности начальника штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта, Н. М. Чихачовъ получилъ ответственное и чрезвычайно важное назначеніе (въ 1862 году) на постъ директора-распорядителя Русскаго Общества пароходства и торговли, этого важнѣйшаго въ Россіи предриятія по части торговаго мореходства. Этотъ постъ капитанъ Чихачовъ занималъ до 1884 года, т. е. до своего назначенія начальникомъ Главнаго морскаго штаба, причемъ постепенно развилъ важное и сложное морское предриятіе въ Черномъ морѣ до громаднхъ размѣровъ и оставилъ его въ блестящемъ состояніи. Въ самое короткое время, энергичный директоръ поправилъ пошатнувшіяся дѣла Русскаго Общества настолько, что акціи его быстро поднялись съ 160 рублей до тысячи. Фактъ безиримѣный и краснорѣчиво говорящій о громаднхъ финансовыхъ и хозяйственныхъ способностяхъ вице-адмирала Н. М. Чихачова. За отличіе-полезные труды по званію директора Русскаго Общества пароходства и торговли, Чихачовъ былъ произведенъ въ 1867 г. за отличіе въ контръ-адмирала (чинъ капитана 1 ранга онъ получилъ въ 1860 г.), а

черезъ два года — назначенъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Во время русско-турецкой войны, Н. М. Чихачовъ принималъ дѣятельное участіе въ операціяхъ нашей флотиліи въ устьяхъ Дуная, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра съ мечами. Чинъ вице-адмирала онъ получилъ въ 1880 году, а черезъ четыре года былъ назначенъ начальникомъ Главнаго морскаго штаба. Дѣятельность его въ послѣдней должности вполне сливается съ плодотворною дѣятельностью покойнаго Ивана Алексѣевича Шестакова, сдѣлавшаго такъ много для роднаго ему флота. Н. М. Чихачовъ былъ всегда усерднымъ и энергичнымъ помощникомъ, настойчиво преслѣдовавшимъ разъ намѣченную дѣль. Онъ провелъ въ жизнь свой проектъ преобразования нашего военнаго флота, заслуживающій особеннаго вниманія. Послѣдніе два года вице-адмиралъ Чихачовъ командовалъ лѣтомъ практическою эскадрой и такимъ образомъ ознакомился съ личнымъ составомъ флота. Въ 1885 и въ прошломъ году онъ управлялъ, за отсутствіемъ генераль-адъютанта И. А. Шестакова, Морскимъ министерствомъ съ правомъ присутствовать въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и въ Адмиралтействъ-совѣтѣ.

Новый управляющій Морскимъ министерствомъ имѣетъ слѣдующіе ордена: русскіе — Св. Александра Невскаго, Вѣлаго Орла, Св. Владиміра 2 ст. съ мечами, Св. Анны и Св. Станислава 1 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст.; иностранные — греческій Спасителя 1 ст., прусскій — Краснаго Орла 1 ст., турецкій — Меджидіе 1 ст., черногорскій — князя Данила 2 ст. со звѣздой и виртембергскій — Фридриха большаго креста.

А. Максимовъ.

ВНѢ МОДЫ.

А. Фета.

Легкая коляска, запряженная породистою сѣрою четверкой, бѣжала по безлюдному раздолью черноземныхъ степей, разбирая путаницу частыхъ разстаней и перекрестковъ. По лѣвую сторону не стараго, расплывшагося кучера и запуская порою ему за спину правую руку въ перчаткѣ, чтобы придержаться за лакированный пруть козель, сидѣлъ плотный малый, въ щегольской сѣрой шляпѣ и съ едва пробивающимися усами. Въ глубинѣ коляски, у которой верхъ былъ откинутъ, лицомъ къ малому, котораго звали Василиемъ, сидѣлъ, въ далеко не щегольской сѣрой шляпѣ съ широкими полями и въ свѣтлосѣрой накидкѣ, старикъ лѣтъ шестидесяти. Сѣдая окладистая борода его совершенно сливалась съ остальнымъ нарядомъ, и только темнѣющіе усы и брови указывали, что когда-то онъ былъ темнорусый. Сильно подпудренные пылью, ничѣмъ не выдающіяся черты его лица выражали усталость и апатию, а небольшіе каріе глаза равнодушно смотрѣли на откидывающіяся въ обѣ стороны вѣреть зеленѣющихъ хлѣбныхъ загоновъ. Тонкій наблюдатель могъ бы разсмотрѣть въ этихъ усталыхъ глазахъ нѣкоторую вдумчивость и проблески нетерпѣнія.

Назовемъ старика Аѳанасіемъ Ивановичемъ, такъ какъ ярлыкъ этотъ общеизвестенъ. Рядомъ съ нимъ, по правую его руку и за спиною кучера, сидѣла и Пульхерія Ивановна. На ней была легкая шляпка съ вуалеткой, покрывающей лицо, и парусинное пальто. Не смотря на ея пятьдесятъ лѣтъ, въ волосахъ ея не замѣтно было сѣдины. Между ними въ ногахъ стоялъ на ребро средней величины чемоданъ. Кромѣ того, у ногъ Пульхеріи Ивановны ютились всякаго рода плетенныя корзинки и на самомъ сидѣннѣ между путниками торчали ручки небольшого сака. Видно было, что Пульхерія Ивановна добровольно подвергала себя всякимъ стѣсненіямъ, лишь бы дать возможно болѣе простора Аѳанасію Ивановичу. Со своей стороны, когда кака-либо мелочь приползала съ указаннаго ей Пульхеріею Ивановною мѣста къ нему подъ ноги, и Пульхерія Ивановна начинала хлопотать о возстановленіи нарушеннаго порядка, Аѳанасій Ивановичъ не безъ раздраженія въ голосѣ говорилъ:

— Оставь, пожалуйста. Корзина нисколько меня не беспокоитъ. Охота тебѣ возиться.

Разбѣгающаяся во всѣ стороны степь только казалась до краевъ горизонта сплошнымъ зеленымъ ковромъ,

тамъ и сямъ изрѣзаннмъ черными полосами, но въ сущности эта гладь нерѣдко прерывалась значительными углубленіями и даже безконечными оврагами, на днѣ которыхъ текли степные ручьи и рѣчки. Кромѣ такихъ крупнхъ задержекъ, представляемыхъ самою природою края, много ихъ возникаетъ въ силу давнишней ѣзды одноконыхъ обозовъ въ грязное, преимущественно осеннее время. Стоитъ гладкому и широкому проселку углубиться на известномъ разстояніи въ почву, и углубленіе это съ годами превращается въ тѣсное корыто, по которому съ величайшимъ трудомъ могутъ разбѣхаться двѣ одноконыхъ подводы; за то несчастнымъ пристажнымъ тройки, а тѣмъ болѣе четверки приходится на всемъ, нерѣдко значительномъ разстояніи, совершать полувоздушныя путешествія по откосамъ.

Видно было, что старосвѣтскіе помѣщики ѣдутъ не куда-нибудь въ гости къ сосѣдямъ, а въ болѣе дальній путь и притомъ не по желѣзной дорогѣ, а стародавнимъ пріемомъ, сохранившимъ гражданство въ наибольшей части нашей необъятной страны. Они дѣйствительно ѣхали за сто верстъ въ другую губернію, куда Аѳанасій Ивановичъ разъ въ годъ выѣзжалъ осмотрѣть свое родовое имѣніе. Почтовыхъ лошадей въ этомъ направленіи не было; поэтому Аѳанасій Ивановичъ, вынужденный ѣхать на своихъ, распорядился такимъ образомъ. Наканунѣ выѣзда онъ отправлялъ подводу съ овсомъ и поваромъ ночевать въ уѣздный городъ, лежащій на пути въ 35-ти верстахъ отъ дому. Поваръ долженъ былъ въ день выѣзда Аѳанасія Ивановича покормить на половинѣ остальныхъ 65-ти верстъ и къ вечеру прибыть въ другое имѣніе. Тѣмъ же способомъ отправлялись и самые владѣльцы коляски, т. е. съ ночлегомъ въ городѣ, съ тою разницею, что на другой день они на половинѣ дороги находили высланную имъ навстрѣчу свѣжую четверку.

Не смотря на апатичный видъ Аѳанасія Ивановича, было бы несправедливо назвать его лѣпвымъ и апатичнымъ. Онъ многое видѣлъ на вѣку, со многимъ познакомился изъ книгъ и о многомъ передумалъ, и его тяготила окружающая жизнь, пока представляла сырую массу накопившихся и давно знакомыхъ фактовъ. Ему просто надоѣло и претило перевертывать и перечитывать затрепанную книгу жизни, надъ которой его одолевала нестерпимая скука. Онъ зналъ, что въ будничномъ соприкосновеніи съ природою и съ людьми встрѣ-

тить давно знакомые и избитые предметы и потому съ одинаковымъ нерасположеніемъ отпосился къ такъ-называемымъ прогулкамъ и гостямъ; за то онъ оживлялся, когда ему случалось самому открыть какой-либо новый фактъ, или передъ нимъ являлся собесѣдникъ, будь это человѣкъ ученый или простолюдинъ, отъ котораго онъ ожидалъ новаго освѣщенія давно знакомыхъ предметовъ. Тутъ апатія его мгновенно исчезала, и каріе глазки его свѣтились огнемъ; онъ попадалъ въ дорогую для него сферу новизны и, овладѣвши какою-либо новинкой, не ограничивался однимъ удовлетвореніемъ любопытства, а тотчасъ же старался отыскать новому факту надлежащее мѣсто въ общемъ своемъ міросозерцаніи. Онъ радовался, когда фактъ, какъ бы мелокъ онъ ни былъ, служилъ новымъ подтвержденіемъ его міросозерцанія, но нимало не смущался, когда въ данную минуту не умѣлъ найти ему надлежащаго мѣста. Тогда онъ надѣялся, что мѣсто это современемъ найдется, или приходилъ къ окончательному убѣжденію, что это не его ума дѣло. Изъ этой двойственности отношеній къ жизни возникала и видимая двойственность его поступковъ. Только неизвѣданное, неиспытанное его увлекало. Въ этомъ увлеченіи онъ чувствовалъ свободу; тогда какъ перелистываніе избитой книги жизни, не смотря на свою неизбѣжность, казалось ему нестерпимымъ рабствомъ.

Зная, что всякій надзоръ за производствомъ сельскихъ работъ въ настоящее время связанъ съ мучительнымъ раздраженіемъ и, въ большинствѣ случаевъ, съ безплодными усиліями, Аѳанасій Ивановичъ, по природному миролюбію, старался, въ ущербъ собственной выгодѣ, не вмѣшиваться лично въ это дѣло, доставляющее сельскимъ хозяевамъ безпрестанный поводъ къ посѣщеніямъ сада и поля; а такъ какъ эта сторона побужденій отпадала, то гигиеническіе мотивы прогулокъ казались Аѳанасію Ивановичу нестерпимымъ рабствомъ. Онъ зналъ, что если бы, стоя во главѣ хозяйства, онъ, насилуя по чувству долга свое миролюбіе, и явился провѣрить данную работу, то дѣло отъ этого только бы проиграло. Онъ вдосталь испыталъ, что крестьянинъ инстинктивно чувствуетъ ту нравственную шатость, которая составляетъ характеръ нашей современной интеллигенціи, и чувствуетъ, что первой нелѣпости достаточно, чтобы поставитъ барина втупикъ тамъ, гдѣ безыскусственный здравый смыслъ простолюдина не встрѣтитъ ни малѣйшаго препятствія. Опытный хозяинъ, онъ предпочиталъ кабинетное запятіе бюджетною стороною дѣла, весьма важною, но находящеюся въ большинствѣ хозяйствъ въ полномъ пренебреженіи. Онъ зналъ, что нельзя правильно судить о ходѣ хозяйства и его результатахъ, не зная напередъ ни неизбѣжной мѣры расходовъ, ни возможнаго дохода. Нельзя при нерастятимости дохода и внезапномъ возвышеніи расхода по отдѣльному производству не подумать объ уменьшеніи бюджета на менѣе необходимое въ пользу неизбѣжнаго.

Давно Аѳанасій Ивановичъ привыкъ вести хозяйство изъ кабинета, изъ котораго въ подзорную трубу случайно могъ видѣть все происходящее даже на отдаленномъ концѣ имѣнія, чуть не однажды въ годъ провѣряя ходъ дѣла въ такую пору, когда упущеніе было еще поправимо. Остальное время онъ предпочиталъ проводить въ кабинетѣ за какою-либо интересною книгой не обширной, но избранной библіотеки, и, чтобы не засидѣться совершенно, ежедневно игралъ двѣ-три партіи на билліардѣ съ Пульхеріею Ивановною.

Нельзя сказать, чтобы вся эта, по обстоятельствамъ искусственная, жизнь не оставляла въ душѣ Аѳанасія Ивановича налета раздражительности. Поэтому стоило Пульхеріи Ивановнѣ, войдя въ кабинетъ Аѳанасія Ивановича, сказать: „сегодня на дворѣ чистый рай; жара еще не наступила; соловьи по цѣлому парку поютъ на

перебой и особливо подѣ окномъ кухни такой голосистый, какого я и не слыхивала. Ты бы для воздуха прошелся хоть до оранжереи“,—и Аѳанасій Ивановичъ не медля отвѣчалъ:

— Воздухъ, матушка, вездѣ есть. Очень радъ, что такъ хорошо, и я тебѣ не мѣшаю гулять сколько угодно. Но меня, пожалуйста, уволь.

За то иногда по собственному побужденію Аѳанасій Ивановичъ, не говоря ни слова, надѣвалъ фуражку и выходилъ не только на террасу, но спускался и въ партеръ, и въ садъ. Такіе моменты видимо доставляли великое удовольствіе Пульхеріи Ивановнѣ, которая тотчасъ же шла слѣдомъ за нимъ. Аѳанасій Ивановичъ зналъ, что природою нельзя любоваться во всякое время, а тѣмъ болѣе по заказу. Нужно, чтобы фотографическій снарядъ былъ надлежащимъ образомъ подготовленъ для воспріятія живаго образа. Въ минуты подобнаго расположенія Аѳанасій Ивановичъ любовно смотрѣлъ на елки, какъ онѣ, развѣшивая кругомъ молодые побѣги, точно на-показъ выставляли стройныя руки въ свѣтлозеленыхъ перчаткахъ. Иногда присѣвъ у фонтана и слѣдя за алмазнымъ преломленіемъ его луча, онъ вдругъ останавливалъ свой взоръ на округлыхъ изволахъ проплывающаго облака, котораго съ окружающею его воздушною синевою не въ состояніи произвести никакая скульптура, никакая живопись. „Вотъ оно“, думалось ему,—вѣчно новое, котораго ты постоянно жаждешь.“ Случалось ему иногда задавать себѣ такіе вопросы: вотъ этотъ побѣгъ хмѣля такъ и просится своею спиралью въ высоту, а между тѣмъ вокругъ его нѣтъ никакой тычинки или хотя бы куста, за который онъ могъ бы уцѣпиться. Только аршина на полтора въ сторону, да аршина на два отъ земли свѣсилъ засохшій сукъ ольхи; неужели хмѣль, направивъ въ сторону, поймается за этотъ сукъ? Но вѣдь это можетъ сдѣлать только зрячій, такъ какъ нѣтъ никакой причины не выдавши опоры къ ней тянуться, вопреки естественнымъ условіямъ роста, да и не видя сука можно сто разъ промахнуться, закидывая усы. Надо завтра посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. И когда на другой день Аѳанасій Ивановичъ находилъ хмѣль крѣпко вцѣпившимся въ далекую вѣтку, Аѳанасію Ивановичу казалось, что природа ему на радость позволяла на мгновенье заглянуть въ свою тайну. Равнымъ образомъ можно бы застать Аѳанасія Ивановича сидящимъ на скамейкѣ или на корточкахъ на дорожкѣ парка и съ любопытствомъ наблюдающимъ хлопотливую работу муравья, тащущаго неподсильную ему вѣточку. Все шло хорошо; вѣточка подвигалась съ достаточною быстротою. Но вотъ препятствіе: поперекъ дорожки лежитъ еще болѣе крупная вѣтка. Пробившись понапрасну надъ ношей, рабочей бросаетъ ее на мѣстѣ и убѣгаетъ; но черезъ полминуты ихъ бѣгутъ уже двое,—явно, онъ позвалъ товарища, и они вдвоемъ, ухватившись за толстый конецъ вѣточки, приподымаютъ ее, пятясь задомъ черезъ препятствіе. Вдругъ мимо бѣгущій третій, очевидно незванный, наткнувшись на нихъ, сиѣшитъ къ тонкому концу ихъ вѣтки и пихаетъ ее передъ собою. При дружныхъ усиліяхъ вѣтка переходитъ черезъ препятствіе.

Передъ самымъ отъѣздомъ Аѳанасій Ивановичъ долго любовался приѣмами небольшого черноватаго наѣкомаго. На полу въ кабинетѣ лежалъ бѣлый коверъ, испещренный темными цвѣтами и черными разводами. Аѳанасій Ивановичъ случайно обратилъ вниманіе на мошку, торопившуюся перебѣжать коверъ. Къ малому изумленію, онъ замѣтилъ, что бѣжавшая проворно по чернымъ разводамъ мошка каждый разъ становилась втупикъ, натыкалась на бѣлый фонъ. Она видимо пугалась этого бѣлаго и недоумѣвала, какъ продолжать путь въ желаемомъ направленіи. Постоявъ нѣкоторое время на мѣстѣ, она направлялась по черной полесѣ,

Тризна воиновъ Святослава подъ стѣнами Доростола (Силистрія). Картина Г. Семирадскаго (въ Московскомъ историческомъ музеѣ), грав. Голевискій.

если послѣдняя, хотя и окольнымъ путемъ, приближала ее къ цѣли. Когда же приходилось идти назадъ, мошка выбирала ближайшій темный рисунокъ и съ удвоенною быстротою перебѣгала черезъ бѣлое поле на этотъ темный островъ съ тѣмъ, чтобы по новой попутной черной полосѣ продолжать путь. И такихъ остановокъ передъ бѣлымъ было множество до самаго края ковра. Положимъ, Аѳанасій Ивановичъ былъ знакомъ съ толками естествоиспытателей объ охранѣ, предоставляемой природою животнымъ самою ихъ окраскою, дозволяющею имъ быть незамѣтными въ окружающей средѣ. Но вѣдь въ данномъ случаѣ сама мошка ни на минуту не забываетъ благоприятныхъ и вредныхъ условий цвѣтотъ для ея безопасности и самый законъ выступаетъ во всей таинственной очевидности. Откуда такое цѣлесообразное побужденіе? Гдѣ его источникъ? Если отвѣчать: *въ побужденіи*, — то сочтутъ отвѣчающаго тупоумнымъ; но скажите то же слово по-латынѣ: *въ инстинктѣ*, — и всѣ довольны, хотя оно только значить: не знаю. Конечно, на такое новое Аѳанасій Ивановичъ наткнулся только случайно; въ остальное же время искалъ его у могучихъ писателей. За то, попадая въ экипажъ или вагонъ, онъ чувствовалъ себя страдательною поклажей и невыносимо скучалъ. Не встрѣчая на пути ничего новаго, онъ старался у знакомыхъ предметовъ добиваться правды и большею частью усугублялъ свое раздраженіе сопоставленіемъ той путаницы понятій и сужденій, съ которыми большинство людей относилось къ этимъ предметамъ. Попадалась-ли ему вдоль дороги темнозеленая полоска могучей ржи, рѣзко отбивающая отъ остальнаго чахлаго клина, или же подобная ей полоска приближалась перпендикулярно къ дорогѣ, Аѳанасій Ивановичъ сразу видѣлъ, что первая — на запаханной дорогѣ, а вторая — на запаханной межѣ. А вотъ и круги сизаго овса, раскиданные по тощему всходу, и Аѳанасій Ивановичъ съ какимъ-то злорадствомъ припоминалъ журнальную статью, въ которой мнимая наука гордилась открытіемъ, что эти круги — слѣды удобрения, раскиданнаго въ прошломъ году насшимся скотомъ. Для Аѳанасія Ивановича этотъ фактъ былъ только указаніемъ, что удобреніе не теряетъ своей силы и при поздней запахкѣ. Когда подушка, заправленная Пульхеріею Ивановною, сбивалась на сторону, или пледъ сѣзжалъ съ его колѣнъ, онъ долго взвѣшивалъ въ умѣ — что лучше? — терять-ли это увеличивающееся неудобство, или выламывать лопатки, выправляя подушку за спиною, или снова подсовывая концы пледа подъ ноги?

За то при спускахъ въ крутыя балки ему предстояли тягостныя передвиженія. Напрасно разсудительный кучеръ повторялъ: „будьте покойны, мы подгоримозъ, и Василій впереди лошадей будетъ только осаживать дышла“ — Пульхерія Ивановна, не принимая никакихъ резонновъ, повторяла: „пустите меня ради Бога, я пѣшкомъ пойду.“

Крутые спуски къ живой водѣ и мосту большею частію бывають вдоль деревень, а потому Аѳанасію Ивановичу поневолѣ приходилось вылзать изъ коляски на защиту Пульхеріи Ивановны отъ собакъ, и затѣмъ начиналось ненавистное Аѳанасію Ивановичу размѣщеніе подушекъ, корзинокъ и т. д. Заглушая истому, Аѳанасій Ивановичъ то и дѣло закуривалъ новую папирску, а иногда старался выразить дробнымъ числомъ отношеніе пройденнаго пути къ остающемуся.

Но вотъ коляска выбралась изъ послѣдней балки и наконецъ взвѣхала на почтовый большакъ, по которому до города оставалось не болѣе одиннадцати верстъ по совершенно ровной дорогѣ. Коляска бѣжала какъ по шоссе, и лошади до того сладились крупною рысью, что казалось, будто тактъ отбивають ноги одной. Однако черезъ нѣкоторое время въ стройно от-

четливый топотъ примѣшивался какой-то второстепенный разладъ, и кучеръ Ефимъ, вытянувъ изъ всѣхъ силъ кнотомъ по спинѣ правую пристяжную, тотчасъ же откидывался всѣмъ тѣломъ назадъ, сдерживая остальную засакавшію тройку. Черезъ нѣсколько мгновеній мѣрный топотъ восстанавливался, но затѣмъ — тотъ же беспорядочный дребезгъ, тотъ же рѣзкій ударъ кнута по спинѣ правой пристяжной и то же напряженное отклоненіе назадъ кучерской спины.

— Ефимъ! восклицаетъ Пульхерія Ивановна, — за что ты ее все бьешь?

— Ей, внушительно отвѣчаетъ Ефимъ, — по настоящему здѣсь и работать-то не слѣдуетъ.

— Почему? любопытствуетъ Пульхерія Ивановна.

— Известно, продолжаетъ Ефимъ, — *руцкая* лошадь, гдѣ жъ ей, примѣрно, сбѣжать съ этими?

„Вотъ“, подумалъ Аѳанасій Ивановичъ, — „наглядное разрѣшеніе спора объ искусственномъ и естественномъ подборѣ.“

Солнце замѣтно стало спускаться къ горизонту, когда, съ едва ощутительнаго изволака, вдали засіялъ куполь собора, единственной церкви уѣзднаго городка. Нѣсколько ниже, словно правильный кубическій кусокъ сахара, бѣлѣлъ острогъ.

— Только крошечку приподымись, сказала Пульхерія Ивановна, поворачиваясь всѣмъ тѣломъ и съ усиленіемъ запуская руки за спину Аѳанасія Ивановича, — опять твоя подушка сбилась на сторону.

— Ахъ, матушка! воскликнулъ Аѳанасій Ивановичъ, — оставь пожалуйста! Вѣдь это наконецъ несвоя! Недалеко осталось, и такъ доплетемся.

Но Пульхерія Ивановна, какъ бы не слыша ворчанія Аѳанасія Ивановича, напряженно вытщила у него изъ-за спины подушку и привела ее въ надлежащій порядокъ.

„Странно“, подумалъ Аѳанасій Ивановичъ, — „что люди точно нарочно отворачиваются отъ очевидной истины. Какъ же не видать, что всѣми дѣйствіями руководить не разумъ, а невольная воля. Развѣ Ефимъ не понимаетъ, что стоить ему уменьшить рысь, и *руцкая* пристяжная не будетъ отставать? Но ему хочется катить, и онъ требуетъ невозможнаго. Развѣ Пульхерія Ивановна не видитъ, что она мнѣ досаждаеть? Но ей хочется, чтобы мнѣ было покойно сидѣть, и она выноситъ раздражительные отвѣты, которые разсердили бы стороннюю женщину. Почему же она-то не сторонняя? Вѣдь мы нѣкогда были не только чужіе, но даже другъ съ другомъ незнакомые люди. И вдругъ такіе незнакомцы становятся гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ Сіамскіе близнецы, и не вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ мѣропріятій или учрежденій, а прямо потому, что они мужъ и жена. Самый актъ сочетанія мгновенно перерѣзаетъ всякую самую утонченную натянутость отношеній; всякое *вы* мгновенно превращается въ *ты*, одинъ становится какъ бы продолженіемъ другаго, всякое возвращеніе къ прежней натянутости только искусственно и лживо. То, что мнимая наука проповѣдуетъ о свободѣ женщины, опять-таки подсказывается не разумомъ, а волею. Только поиски свободы тамъ, гдѣ ее не отвела природа, посылають разумъ преднамѣренно запутывать вопросъ, разрѣшаемый ежедневно самою природою, у которой весь онъ сводится къ тому, насколько новорожденныя дѣти въ состояніи кормиться тотчасъ по появленіи на свѣтъ. Связь между полями тѣмъ слабѣе, чѣмъ способнѣе новорожденные къ немедленному снискиванію себѣ пропитанія. Такъ въ куриной породѣ тетеревоваго самца забивается куда-нибудь въ глушь мѣнять перья, предоставляя тетеркѣ высидывать на землѣ цыплятъ, которые тотчасъ же, выбравшись изъ яйца, начинаютъ клевать. Но у птицъ въющихъ гнѣзда на деревьяхъ, куда одна мать не успѣетъ доста-

вить птенцамъ достаточное количество пищи, дружелюбное отношеніе паръ становится необходимымъ и у нѣкоторыхъ доходить до высшей нѣжности. Такъ, напримеръ, соловей, все время сидѣнія пѣмки на яицахъ, продолжаетъ улаждать ее своимъ пѣніемъ, которое, умолкнувъ при появленіи дѣтей, смѣняется усиленною заботою ихъ кормленія. Явно, что хотя тутъ все навѣки устроено согласно органическимъ условіямъ отдѣльнаго класса, но установлено не по расчету ума, а по неисповѣдимой волѣ, рѣшающей сохраненіе даннаго рода. Слѣдовательно, при вопросѣ о формѣ брачныхъ отношеній у людей, надлежитъ только найти соотвѣтственную рубрику, т. е. спросить: во-первыхъ, можетъ-ли новорожденный ребенокъ тотчасъ же самъ добывать себѣ пищу, и во-вторыхъ, можетъ-ли молодая мать, посящая свое бремя почти годъ, одна добывать пищу для себя и для десятка дѣтей. Отвѣтъ на эти вопросы укажетъ на форму соотвѣтственныхъ людскихъ отношеній“.

Коляска, проѣхавъ мимо полуверстной ограды рысистыхъ бѣговъ, покатила по гладкой и пыльной улицѣ, выставляющей по обѣ стороны вереницы самыхъ разнообразныхъ по наружному виду домовъ, большею частію подъ камышевыми и соломенными кровлями, между которыми попадались и исправныя желѣзныя. Конечно, въ цѣломъ городкѣ нѣтъ и аршина мостовой, и при весеннемъ и осеннемъ проѣздѣ по главнымъ улицамъ приходится тонуть въ грязи. И тутъ кабинетная наука не оставляетъ бѣдныхъ людей въ покоѣ и бьетъ на принудительную ассенизацію города, забывая, что самый городъ одолженъ своимъ существованіемъ возможности заваливать дворы всякаго рода отбросками сподручныхъ сырыхъ матеріаловъ, обрабатываемыхъ нищенскими ремеслами. Требовать отъ хозяина убогой полуразвалившейся лагуги неподсильныхъ тратъ на оздоровленіе и безъ того здоровыхъ людей—значитъ насильно разгонять ихъ въ землянки по полямъ, куда благодѣтельный прогрессъ до нихъ не скоро доберется.

Прокативъ мимо двухъэтажнаго каменнаго дома земства, кидающагося въ глаза громадною вывѣскою и неопрятнымъ крыльцомъ, коляска по обширной и безлюдной площади обогнула соборъ и завернула по набережной небольшой рѣки, превращенной мельничною плотиною въ широкій прудъ. Еще нѣсколько стройныхъ тактовъ, отбитыхъ ногами четверки, и коляска, повернувъ въ переулочъ и проѣхавъ вывѣску съ надписью: „Гостиница Соколова“, — остановилась противъ ближайшихъ, запертыхъ воротъ.

— Сбѣгай, узнай-ка, есть-ли комнаты, проговорилъ Аѳанасій Ивановичъ, и прыгнувшій съ козелъ слуга торопливо прошелъ въ калитку.

Черезъ минуту послышалось шуршанье засова, и въ распахивающихся воротахъ показался не то дворникъ, не то жилецъ въ синемъ затасканномъ халатѣ. Коляска въѣхала по проулку во дворъ и остановилась въ немъ передъ деревяннымъ крыльцомъ, на порогѣ котораго стояла небольшая востроноса и черномазая женщина, слегка раскидывавшая руками и повторявшая: „пожалуйста“. Она указала проѣзжимъ довольно просторную комнату съ двумя окнами во дворъ и двумя — въ тѣсный переулочъ, отдѣлявшій самый домъ отъ сосѣдняго забора. Незатѣйливая меблировка состояла изъ крашеннаго столика между окнами во дворъ, нѣсколькихъ стульевъ, кровати противъ оконъ въ переулочъ и подозрительнаго дивана спинкою къ переулку. На подоконникахъ стояли тщательно содержимые горшки съ растеніями: геранью, миртами и даже кактусомъ.

— Нѣтъ-ли тутъ клоповъ? спросилъ Аѳанасій Ивановичъ, ни къ кому специально не обращаясь.

— Помилуйте! воскликнула хозяйка, — у насъ этого не бываетъ.

Началось ношеніе чемодана, корзиночекъ, кулечковъ изъ коляски, и когда все было разстановлено и разложено въ концѣ комнаты, Пульхерія Ивановна спросила хозяйку, есть-ли сливки къ чаю.

Лишь только чемоданъ былъ раскрытъ, и въ комнатѣ слышался запахъ фіалки отъ мыла Галле, слуга внесъ два бѣлыхъ кувшина съ водою и поставилъ на стулъ грязный мѣдный тазъ. Аѳанасій Ивановичъ заперъ выходную дверь на крючокъ, и началось умыванье. Пульхерія Ивановна слѣдовало умываться первой, во-первыхъ, потому что ей предстояло еще много хлопотъ, а во-вторыхъ, и потому, что Аѳанасію Ивановичу, при взаимной помощи, легче было, чѣмъ ей, подымать полный кувшинъ съ водою. За то, когда очередь поливать дошла до Пульхеріи Ивановны, она была неумолима: „еще, еще, говорила она,—за лѣвымъ-то ухомъ протри хорошенько. Я не понимаю, какъ тебѣ самому не противна эта грязь“.

Наконецъ походный умывальникъ былъ удаленъ, и Аѳанасій Ивановичъ, къ немалой отрадѣ, облекся въ легкій парусинный халатъ. Столъ покрылся свѣжею салфеткою, и на немъ появился кипящій самоваръ, серебряныя ножи и вилки и нѣсколько аккуратно свернутыхъ пакетовъ, въ которыхъ оказались: индѣйка, языкъ, ватрушки и пакетики съ солью. Хотя Аѳанасій Ивановичъ не имѣлъ привычки ѣсть вечеромъ, но Пульхерія Ивановна нарѣзала такихъ привлекательныхъ кусковъ маслянистаго языка, что онъ сдѣлалъ ему небольшую честь. На дворѣ послышался топотъ лошадей, которыхъ послѣ проваживанія на улицѣ велъ Ефимъ. Пульхерія Ивановна отложила изъ сахарницы четыре куска и сказала Василию:

— Я и на вашу долю положила чаю; убирай самоваръ и напои Ефима.

— Да не забудь ему сказать, прибавилъ Аѳанасій Ивановичъ, — чтобы завтра въ половинѣ шестаго коляска была у крыльца. До пекучки надо добратъся до дому.

— Какъ напьешься, прибавила Пульхерія Ивановна,—приходи сюда накрыть постель. Аѳанасію Ивановичу—на кровати, а мнѣ—на диванѣ.

Напрасно Аѳанасій Ивановичъ протестовалъ противъ такого распоряженія. Но замѣтивъ, что Пульхерія Ивановна стала не на шутку сердиться на вмѣшательство въ ея дѣла, онъ замолкъ и присѣлъ къ столу, на который Пульхерія Ивановна положила двойную колоду картъ для вечерняго пасьянса Аѳанасія Ивановича. Это интересное дѣло никогда не совершалось безъ горячаго сочувствія со стороны Пульхеріи Ивановны.

— Ты вотъ не кладешь семерку на восьмерку и двойку-то не спасаешь, — оттого у тебя никогда и не выходитъ.

Заря давно погорѣла надъ крышею надворнаго сарая. Вошелъ слуга, и началось укрываніе кровати и дивана свѣжими простынями, и натягиваніе свѣжихъ наволочекъ на подушки.

— Поставь свѣчи на столъ и ложись спать. Ты намъ больше не нуженъ.

Заперевъ за ушедшимъ слугою дверь на крючокъ, Аѳанасій Ивановичъ сталъ раскладывать новый пасьянсъ, а Пульхерія Ивановна изъ припасенныхъ цѣльныхъ газетныхъ листовъ при помощи булавокъ устроила на низкихъ окнахъ непроницаемую для взоровъ со двора занавѣси, оставивъ открытыми только окна, обращенныя къ забору, откуда нельзя было ожидать нескромныхъ глазъ. Зажгли свѣчи, но увидавъ по часамъ, что скоро десять, Аѳанасій Ивановичъ замѣтилъ: „не пора-ли на отдыхъ? Вѣдь завтра рано вставать“. Подойдя къ кровати и снявъ халатъ и туфли, онъ взобрался на жесткую какъ доска постель.

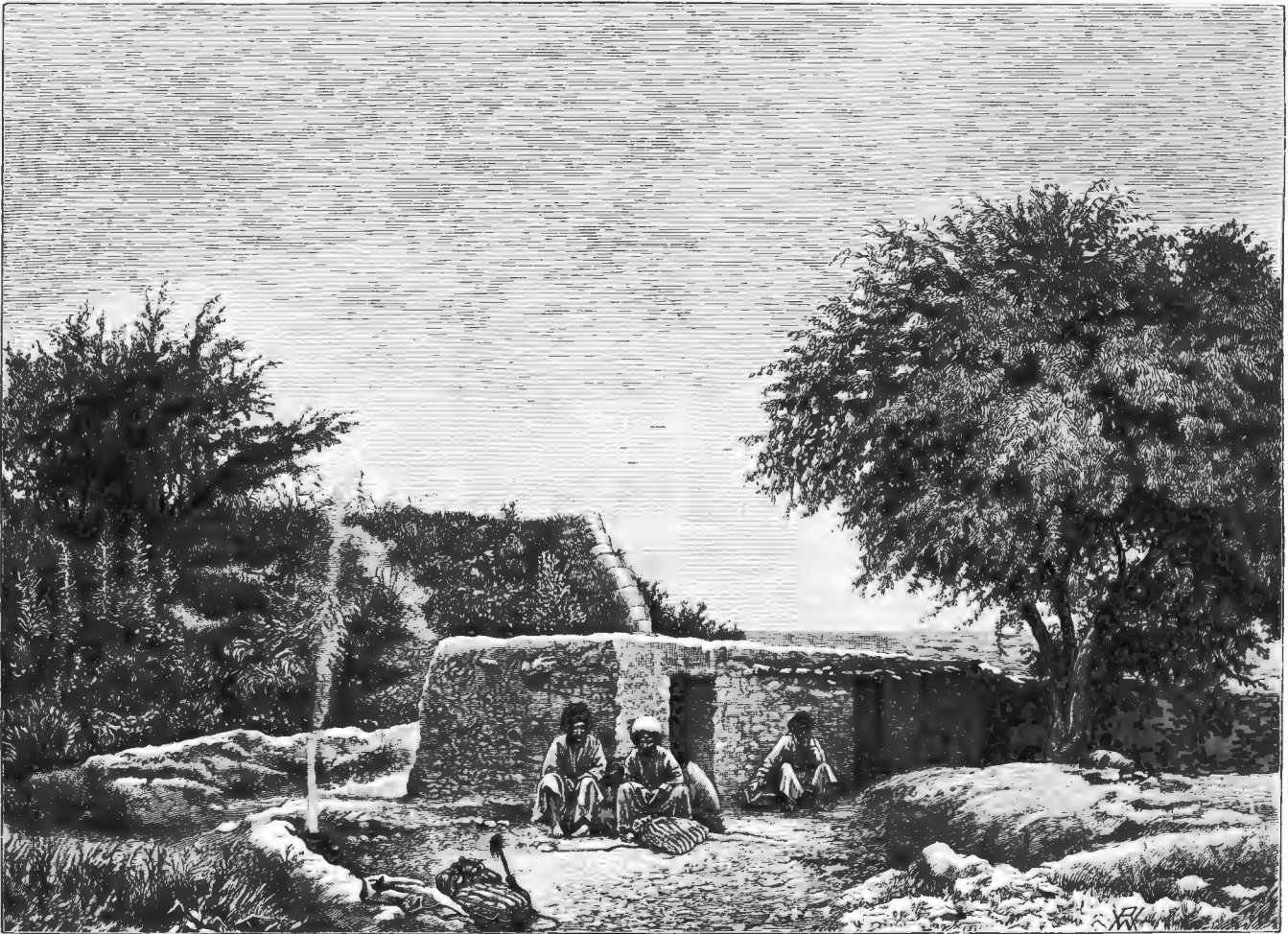
На стулъ у его изголовья Пульхерія Ивановна положила папиросочницу, свичечницу и коробку съ пер-

сидскимъ порошкомъ, а сама принялась за ночной туалетъ, окончанія котораго Аѳанасій Ивановичъ не дождался. Опъ крѣпко заснулъ.

Солнце еще не всходило, когда Аѳанасій Ивановичъ проснулся. Желая приблизительно опредѣлить время по цвѣту неба (часы Пульхеріи Ивановна изъ предосторожности положила съ вечера на столъ), Аѳанасій Ивановичъ взглянулъ въ окно черезъ близъ стоящій противъ него заборъ. На верхнемъ брускѣ послѣдняго сидѣла рядомъ пара голубей: сизый съ золотистымъ отливомъ болѣе крупный самецъ и бѣлая какъ свѣжнй комокъ голубка. Оба они распушившись представляли два небольшихъ шара на коралловыхъ ножкахъ. Но едва Аѳанасій Ивановичъ успѣлъ ихъ замѣтить, какъ самецъ, точно силою соскочившей пружины, высоко

плевою, и головка снова ушла и погрузилась въ пушистый шаръ. Сизый голубь невозмутимо занялся туалетомъ, въ то время какъ голубка продолжала нѣжиться сномъ. Но вотъ онъ вторично клюнулъ еще рѣшительнѣе, и на этотъ разъ голова голубки выскочила во всю длину шеи и, подобравъ въ свою очередь перья, голубка занялась тщательнымъ уборомъ своего бѣлоснѣжнаго ожерелья. Нѣкоторое время оба настойчиво предавались этому занятію, и вдругъ, въ одинъ и тотъ-же моментъ, мелькнули четыре крыла, раздался мощный плескъ съ едва слышнымъ подвистываніемъ, и заборъ опустѣлъ.

Подъ влияніемъ заботы о приближающихся сборахъ къ отъѣзду, Аѳанасій Ивановичъ провелъ часа полтора въ состояніи между сномъ и бдѣніемъ. Сквозь дремоту

Ахаль-теинская мельница. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

вскинулъ изъ своего шара красноносую головку съ раскрытыми глазами, подобралъ перья на всемъ тѣлѣ и сталъ пушинка за пушинкой чистить и улаживать свое золотистое ожерелье. При этомъ сизая головка, перебиравшая перышки, все дальше и дальше совершала кругъ съ такою свободою, какъ будто не состояла ни въ какой органической связи съ туловищемъ и такъ-же свободно озирала и оправляла ожерелье на затылкѣ, какъ и на груди. Нѣсколько минутъ продолжался этотъ утренній туалетъ, но вдругъ коралловый носикъ, повернувшись влѣво, сильно клюнулъ сидѣвшую рядомъ голубку. Въ то-же мгновеніе ея бѣлая головка подпрыгнула съ раскрытыми глазами. Ея носикъ въ свою очередь взялся за оттопыренные перышки ея ожерелья; но это было лишь мгновенное движеніе. Носикъ выронилъ пушинку, глаза закрылись бѣлою

онъ слышалъ, какъ подъ навѣсомъ лошади хруста доѣдали овесъ, какъ Ефимъ, проскрипѣвъ воротами, водилъ ихъ на водопой. Стало окончательно свѣтло. Пульхеріи Ивановна тихо спала какъ убитая, и Аѳанасію Ивановичу жаль было ее будить. Но дѣлать было нечего—онъ окликнулъ ее.

— Ахъ, Боже мой, простонала Пульхеріи Ивановна,—зачѣмъ ты меня будишь? Я такъ устала.

Аѳанасій Ивановичъ подошелъ и слегка качнулъ ее за плечо, громко проговоривши:

— Вставай, пора!

Пульхеріи Ивановна открыла глаза, приподнялась съ подушки и затѣмъ быстро проговорила:

— Спасибо, что разбудилъ. А то бы я пожалуй опоздала.

Начались сборы въ дорогу.

Русская боярышня. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Лоренца, гра

Время.

СТИХОТВОРЕНИЕ

Графа А. А. Голенищева-Кутузова.

Судьбу вопрошая, страшась и любя,
Безпечный младенецъ, смотрю на тебя.

Не вѣдая жизни таинственной цѣли,
Съ улыбкой блаженства ты спишь въ колыбели;

Все, въ чуткомъ вниманьи склонившись кругомъ,
Твоимъ заповѣднымъ любитесь сномъ.

Въ твой мѣръ сновидѣній, лучей и лазури
Дохнуть не дерзаютъ житейскія бури

И самое Время—скакунъ роковой—
Еще неподвижно стоитъ предъ тобой.

Но скоро безсилія свергнешь ты бремя,
И ступишь ногою въ опасное стремя,

И поводъ рука твоя смѣло возьметъ,
И двинется конь подъ тобою впередъ—

Впередъ, укороченнымъ, медленнымъ шагомъ,
Въ невѣдомый путь, по холмамъ и оврагамъ,

Цвѣтущимъ долинамъ, дремучимъ лѣсамъ,
Къ предѣламъ далекимъ, къ чужимъ небесамъ,

Гдѣ будущность скрыта въ невѣдомой долѣ,
Откуда назадъ не вернешься ты болѣ.

И радостенъ будетъ вначалѣ твой путь:
Надеждой подѣмлется юная грудь,

Надежда смѣется въ порхающемъ взорѣ,
Надеждой все дышетъ въ окрестномъ просторѣ...

— О конь, что ступаешь такъ медленно ты?
Тебя обгоняя, несутся мечты

Въ тотъ край, гдѣ лучи въ небесахъ необъятныхъ
Отъ радугъ, отъ молній, отъ звѣздъ незакатныхъ

Сверкаютъ, и меркнутъ, и свѣтятся вновь,
Гдѣ юность царить, гдѣ пылаетъ любовь.—

И конь, молодому желанью послушный,
Въ весельи ускорить побѣгъ свой воздушный,

И годы, какъ волны въ игрѣ и борьбѣ,
Быстрѣй понесутся навстрѣчу тебѣ.

Несчитанныхъ дней проплыветъ вереница,
Смѣнная картины, событія, лица;

Какъ лѣто, пора наслажденій пройдетъ;
А конь будетъ мчаться все дальше, впередъ—

Впередъ—ускоряя свой бѣгъ ежечасно,
За призрачнымъ счастьемъ въ погонѣ опасной...

И вдругъ на пути ты постигнешь душой,
Что счастье осталось вдали за тобой;

Услышишь, зловѣщей тревогой объятый,
Что бурь отошедшихъ смолкаютъ раскаты,

Увидишь, что солнце на небѣ блѣднѣй,
Почуешь, что дышетъ весь мѣръ холоднѣй,

Что меркнутъ и небо, и земли, и воды,
Что лучшіе мимо промчались годы,

Что гаснутъ надежды и страсти въ груди,
Что холодъ, пустыня и мракъ впереди.

Тогда съ сожалѣньемъ ты вспомнишь впервые
Событія, встрѣчи и годы былые.

И все, что чредой мимолетной прошло,
Опять предъ очами воскреснетъ свѣтло,

Воскреснетъ какъ сонъ, въ красотѣ небывалой,
Взывая къ возврату—и, путникъ усталый,

Кидая вокругъ отуманенный взглядъ,
Коня повернуть ты захочешь назадъ,

Чтобъ къ скрывшейся юности вновь воротиться,
Чтобъ счастьемъ прожитымъ опять насладиться;

Но конь, непокорный ужъ власти твоей,
Тебя будетъ мчать все быстрѣй и быстрѣй;

Подъ стужей и тьмой, одичалый, мятежный,
Какъ вихоръ крылатый въ пустынѣ безбрежной.

И въ жалкомъ безсильи, хотъ злобствуй, хотъ плачь,
Не смолкнетъ, не стихнетъ тотъ бѣшенный скакъ,

Пока безъ дыханья, безъ чувства, безъ силы,
Съ конемъ ты не свергнешься въ бездну могилы,

Въ разверстую пропасть безъ свѣта и дна,
Въ объятія чернаго, вѣчнаго сна.

И тамъ лишь—въ сознаниіи жизненной цѣли—
Безстрастенъ и тихъ, какъ дитя въ колыбели,

Ты снова найдешь тотъ блаженный покой,
Что нынѣ витаетъ въ тиши надъ тобой...

Но Время отъ сна ужъ тебя не подниметъ,
И счастья смерти никто не отниметъ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

I.

Прасковья Петровна была здоровая, статная дѣвушка, со свѣжимъ румянцемъ на смугломъ лицѣ и съ яснымъ, спокойнымъ взглядомъ. Въ семействѣ дяди ея, Ивана Ѳедоровича Ладищева, всѣ любили ее за ея безопасно-веселый нравъ и неподдѣльную простоту обращенія, которой не могли изгладить ни институтъ, ни уѣздное общество и которую можно встрѣтить еще лишь изрѣдка у людей родившихся и прожившихъ дѣтство въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, въ кругу старомодной дворянской семьи.

Но съ Пашей, въ этотъ прїѣздъ, произошла печальная переменѣна. Она явилась блѣдная и разстроенная, съ какимъ-то нервнымъ подергиваньемъ въ губахъ и растеряннымъ, дико блуждающимъ взоромъ, словно она не узнавала родныхъ или съ чего-то вдругъ почувствовала себя чужою въ старой, давно знакомой ей обстановкѣ. На всѣ разспросы: что это съ ней? она отвѣчала робко и неохотно, что такъ, ничего-моль, — дорогою съ ней была непріятность; — ихъ поѣздъ, недалеко отъ Грузова, переѣхалъ какую-то хорошо одѣтую, молодую женщину, и ее вытащили какъ разъ изъ-подъ того вагона, въ которомъ она сидѣла. Это произвело на нее такое ужасное впечатлѣніе, что съ ней сдѣлалось дурно, и съ того времени до сихъ поръ она не можетъ придти въ себя.

Никому и на умъ не пришло заподозрить тутъ вымыселъ или притворство. Ей дали успокоительныхъ капель и посовѣтовали не думать больше о страшныхъ вещахъ; но это не помогло. Она не ѣла почти ничего цѣлый день, и всю ночь проворочалась съ боку на бокъ, безъ сна, а утромъ проснулась въ жару и съ такою слабостью, что при всякой попыткѣ встать и одѣться — съ ней дѣлалась дурнота.

Домовый врачъ, за которымъ послали немедленно, не нашелъ однакоже ничего серьезнаго и отнесъ всѣ симптомы къ сильному нервному потрясенію, усложненному легкимъ приливомъ къ мозгу. Поставлены были мушки за уши, прописаны порошки бромъ-калія и предписанъ полнѣйшій покой. Она пролежала два дня и на третій дѣйствительно встала, повидимому здоровая; но какъ-то это была уже не прежняя Паша. Безпечная рѣзвость ея пропала и на нее находили нерѣдко минуты странной разсѣянности, сообщавшей ей видъ глубокаго равнодушія ко всему окружающему, — минуты, во время которыхъ она какъ будто уходила въ себя. А между тѣмъ малѣйшая неожиданность — звонокъ въ прихожей, письмо, появленіе незнакомаго человѣка — заставляли ее мгновенно вздрагивать и мѣняться въ лицѣ. Среди оживленнаго разговора она иногда, безъ всякой замѣтной причины, задумывалась и умолкала; а изрѣдка, заглянувъ къ ней въ комнату, ее заставляли одну, сидящую за ея рабочимъ столомъ безъ дѣла, съ лицомъ подпертымъ ладонями и съ неподвижно уставленными въ пустое пространство, заплаканными глазами.

Не трудно представить себѣ, какъ все это огорчало и озабочивало ея родныхъ. Дорожный случай, въ которомъ она призналась, какъ бы онъ ни былъ ужасенъ, самъ по себѣ не могъ оставить такихъ продолжительныхъ и глубокихъ слѣдовъ. Рождалось естественно подозрѣніе, что она причетъ что-нибудь, что случилось съ ней ранѣе; но писать къ ея матери не рѣшались изъ опасенія напугать ее, а потому пристали къ Серержѣ, который провелъ два мѣсяца въ отпуску, въ одномъ уѣздѣ съ Пашей и по сосѣдству съ ея усадьбой. Сергѣй Ивановичъ Лагодинъ былъ ея двоюродный братъ со стороны матери, молодой чело-

вѣкъ, немногимъ старше ея. Онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Пашей и довезъ ее до первой желѣзнодорожной станціи въ Р***; но оттуда они прїѣхали врознь.

— Что это съ Пашей? допрашивали его кузина и тетка.

— Понять не могу, отвѣчалъ онъ. — Дорогой была весела — или казалась; по крайней мѣрѣ я не замѣтилъ и тѣни того что я вижу здѣсь.

— Ну, да вѣдь вы, мужчины, видите тодько то что желаютъ вамъ показать, замѣтила тетушка, Клеопатра Васильевна. — Вспомни-ка, тамъ у васъ, въ уѣздѣ, не было-ли чего?

Сергѣй задумался, но не могъ ничего припомнить.

— Это ужасно странно! Она молчитъ, или ссылается на испугъ; но я не могу повѣрить чтобы подобная переменѣна произошла безъ какихъ-нибудь очень серьезныхъ причинъ. Право, другой разъ приходится на умъ: не влюблена-ли уже? Но у такихъ какъ ты не стѣдуетъ объ этомъ и спрашивать, потому что понятно она тебѣ не признается.

— Понятно, съ усмѣшкою подтвердилъ молодой чело-вѣкъ; — а между тѣмъ я кое-что знаю насчетъ сердечныхъ ея обстоятельствъ.

Это произвело сенсацию; но дамы, знавшія хорошо Сергѣя, переглянувшись между собою, выразили нѣкоторое сомнѣніе.

— Ей Богу же знаю! подтвердилъ онъ смѣясь: — да и не я одинъ. Между своими людьми, и совсѣмъ случайно, — или по крайней мѣрѣ, какъ говорятъ въ уголовной практикѣ, безъ предвзятаго умысла, — мы вывѣдали у Паши ея секретъ.

— Какъ подло! сказала, смотря на него съ негодованіемъ, его кузина Софья Ивановна. — Но я не вѣрю тебѣ, Серержа; ты врешь?

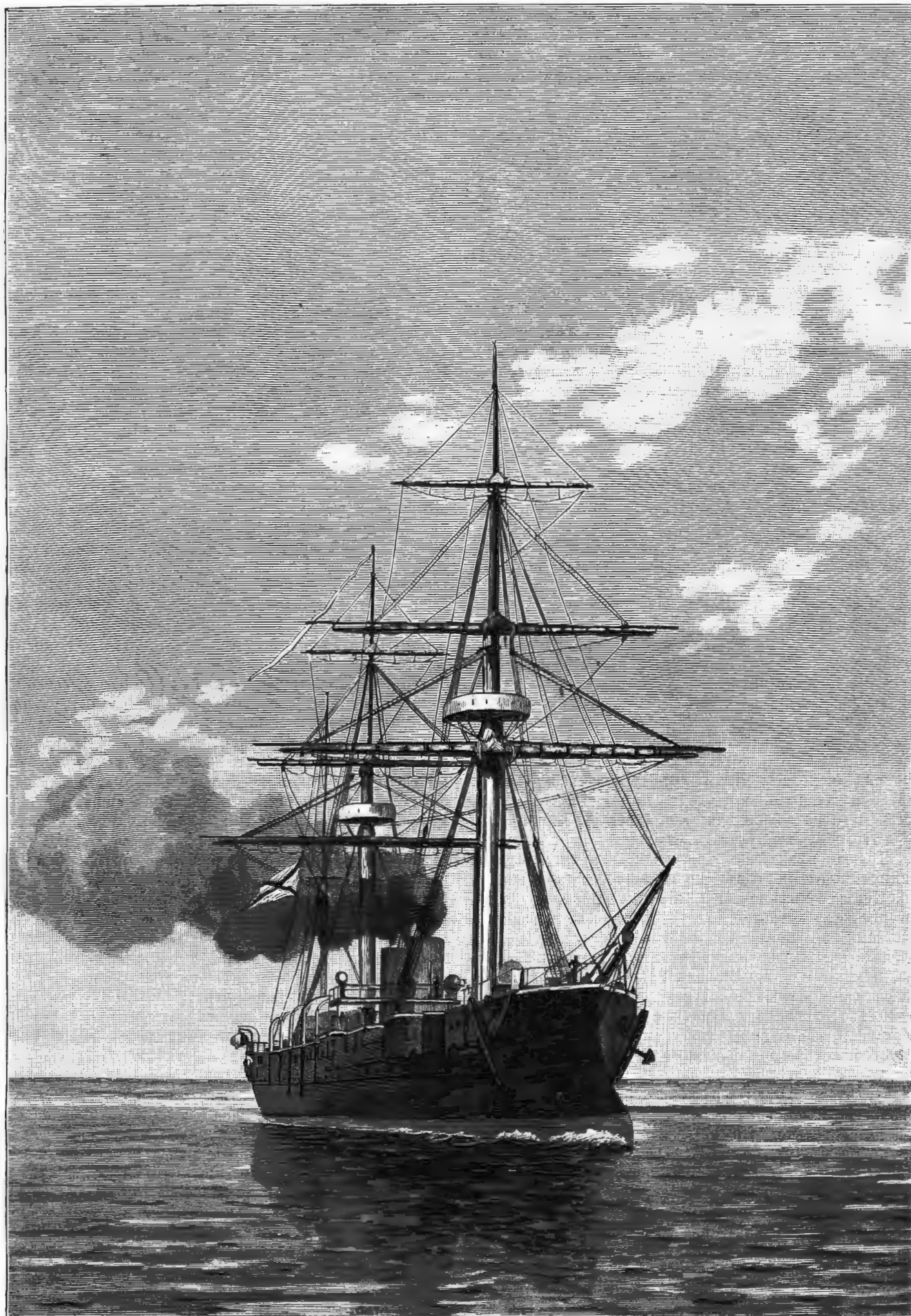
— Да вѣтъ же! Ну что мнѣ съ тобою дѣлать?.. Ну, слушайте, я расскажу вамъ какъ это было.

* * *

— Вы знаете Мезенскихъ? Это истинные герои нашего времени, въ скромныхъ размѣрахъ уѣздной сцены — дѣльцы и воротилы, которые окружили себя небольшою, но рѣшительною партіей, и вотъ уже пятый годъ какъ держатъ въ рукахъ уѣздъ. Сестра ихъ, Анна Григорьевна, старый другъ Паши по институту, гостила у ней недавно въ Сувидовѣ, и по этому случаю, туда съѣхалось небольшое общество близко знакомыхъ людей: Григорій и Павелъ Мезенскіе, Быховская, нашъ уѣздный докторъ Густавъ Андреевичъ Ваппъ и я. Это было какъ разъ передъ нашимъ отъѣздомъ и послѣ того какъ мы съ Пашею объявили уже что ѣдемъ вмѣстѣ. Передъ обѣдомъ играли въ винтъ, а послѣ обѣда тетушка насъ оставила; собирались ѣхать на лодкѣ, въ Дубки, и въ ожиданіи пока жаръ спадетъ, болтали въ гостиной. Народъ былъ болѣе или менѣе молодой и всѣмъ, что называется, не сидѣлось: то тотъ, то другой предлагали какую-нибудь затѣю. Какъ вдругъ, смотрю: наша jeune première, Быховская, достаётъ изъ мѣшка какой-то мало-извѣстный, еженедѣльный листокъ. — „Слушайте“, говоритъ: „какія тутъ чудеса рассказываютъ!..“ Это была одна изъ модныхъ, раздутыхъ до-нельзя статей, повѣствующихъ о новыхъ опытахъ нервнаго усыпленія, подъ руководствомъ Шарко, въ Salpêtrière, въ Парижѣ. Здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ спиритическіе сеансы и періодически возникающая изъ нихъ полемика успѣли уже всѣмъ надоесть, на это едва обращаютъ вниманіе. Но тамъ, въ глуши, понимаете, on n'est pas si blasé sur le chapitre du merveilleux... Пошли рассказы, предположенія, толки; тотъ вѣрилъ,

Семидесятипятилѣтіе перехода русскихъ войскъ черезъ Рейнъ. Служба — дружба.
(Эпизодъ изъ заграничнаго похода русскихъ войскъ въ 1814 году). Съ карт. проф. Виллевалде, грав. Пуць.

Новый крейсер „Адмиралъ Корниловъ“. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. Китаева, грав. М. Рашевскій.

другой не вѣрилъ, но всякій совался со своимъ объясненіемъ и у насъ завязался отчаянный споръ. Я клялся что видѣлъ собственными глазами всѣ эти продѣлки, но мнѣ возражали, что надо быть очень увѣреннымъ въ человѣкѣ, прежде чѣмъ поручиться что онъ не морочитъ публику, заодно съ какими-нибудь подобранными и заранѣе выдресированными сообщниками. Тогда Павелъ Мезенскій предложилъ, вмѣсто безплодныхъ споровъ, заняться проверкою общепныхъ фактовъ самимъ. Дѣло не сложное, молъ, и не требуетъ никакой технической обстановки, а что касается честной игры, то между присутствующими, какъ всѣмъ извѣстно, нѣтъ фокусниковъ и всѣ знаютъ другъ друга довольно близко, чтобы не опасаться обмана.

Затѣя встрѣчена была очень сочувственно, только докторъ замѣтилъ, что кто же изъ насъ, молъ, настолько самонадѣянъ, чтобы сыграть, безъ подготовки, роль требующую, во всякомъ случаѣ, большой увѣренности въ себѣ и опытнаго знакомства съ дѣломъ?

Всѣ посмотрѣли на Павла Григорьевича, но Павелъ Мезенскій, сколько я знаю, еще никогда не отказывался ни отъ какого вызова.

— А что-жь, молъ, пожалуй, хотя бы и я. Не отвѣчаю вамъ за успѣхъ; но такъ какъ спектакль безплатный, то почему же и не испробовать? Оборвусь, такъ освистаете; вотъ и все.

И онъ предложилъ пассивную роль Быховской; но та, заглянувъ въ его голубые, смѣлые и увѣренные глаза, струсила.

— Нѣтъ, говоритъ, боюсь, и вы не смотрите пожалуйста на меня такъ пристально; я ужасно этого не люблю.

Тогда обратились къ Пашѣ. Она смѣялась.

— Да я, говоритъ, не вѣрю.

— Такъ что-жь, говорятъ: — за бѣда? Это только ручательство, что вы не доступны самообольщенію... Или и вы тоже трусите?

— Нѣтъ, говоритъ, если я разъ не вѣрю, то я не имѣю причины трусить. Я вамъ ручаюсь, что если не захочу, никто на свѣтѣ меня не заставитъ уснуть и во снѣ дѣлать глупости.

Но она ошиблась. Пяти минутъ не прошло, какъ подъ пристальнымъ взглядомъ Павла Григорьевича, руки и ноги ея отяжелѣли, взоръ потерялъ направленіе, а голова откинулась и опустилась на спинку софы. Только вѣки еще трепетали, словно стараясь стряхнуть съ себя сонъ; но наконецъ и они закрылись. Она несомнѣнно спала, и такъ крѣпко, что Анна Григорьевна, которую это встревожило, никакими средствами не могла ее разбудить. Хотѣли дѣлать надъ нею опыты, но никто не зналъ какъ взяться за дѣло, и меньше всѣхъ Павелъ Григорьевичъ, который казался самъ озабоченъ своимъ, неожиданно-легкимъ успѣхомъ. Послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ ее оставили, и только докторъ, профессиональное любопытство котораго было сильно возбуждено, хотѣлъ еще продолжать. Онъ выпросилъ уже у Быховской булавку, чтобы убѣдиться въ потерѣ наружной чувствительности; но Анна Григорьевна отняла ее и объявила рѣшительно, что она не позволитъ болѣе никому прикоснуться къ спящей... Тогда только вспомнили о „внушеніи“. Ихъ предлагали много, но Павелъ Петровичъ выбралъ изъ нихъ только три. *Одно*, которое состояло въ томъ чтобы поймать на Быховской и передать ей муху, она продѣлала тутъ же, къ великому удовольствію публики. *Второе* исполнено было въ точности, въ городѣ, передъ отъѣздомъ, и на моихъ глазахъ, а для *третьяго*—случая не представилось, такъ какъ шутка касалась меня, и время ея исполненія назначено было ночью, въ вагонѣ, когда я усну, а я, какъ вы знаете, опоздалъ на поѣздъ, и Па-

ша сдѣлала остальную дорогу одна... Но второе, сбывшееся внушеніе было весьма интересно, хотя мнѣ потомъ и досталось отъ Паши за то, что я его допустилъ. Ей было приказано: первый разъ что она увидится съ тѣмъ, кого она въ тайнѣ души предпочитаетъ, обнять и поцѣловать его... Погодите... вижу уже по глазамъ что вы собираетесь разругать меня за мое участіе въ этой шалости; но, во-первыхъ, меня довольно уже за нее ругали, а во-вторыхъ, поймите что это почти ничѣмъ не отличалось отъ святочнаго гаданья, или отъ штрафа въ фантахъ, который конечно и вамъ случалось когда-нибудь исполнять при общихъ аплодисментахъ свидѣтелей. Прибавлю еще, что едва-ли кто-нибудь изъ всей компаніи могъ ожидать чтобы Паша, которая, какъ вы знаете, Sainte Nitouche, исполнила не на шутку такую вещь. Если же кто и ждалъ потѣхи, то въ ту минуту, когда ее разбудили, его ожиданіе было обмануто. Чтò до меня, то я, за ночь, даже забылъ объ этомъ и вспомнилъ совсѣмъ неожиданно только тогда, когда наканунѣ отъѣзда, въ городѣ, мы зашли съ ней проститься съ Черениными. Вы ихъ не знаете, а потому скажу вамъ только что Алексѣй Черенинъ вполне порядочный человѣкъ и скромнѣйшій изъ смертныхъ. Въ уѣздѣ у насъ онъ слыветъ образцовымъ хозяиномъ.

Ну, теперь слушайте. Мы уже знали, что онъ съ сестрою въ городѣ; но застали ее одну. Едва она успѣла сказать намъ, что братъ ея ушелъ въ банкъ и сію минуту вернется, какъ съ Пашей произошло что-то странное. Она сидѣла какъ на иголкахъ, едва понимая чтò ей говорятъ, едва отвѣчая и какъ-то тревожно поглядывая то на меня, то на дверь. Марья Васильевна не могла не замѣтить этого и была немного удивлена, я—тоже; — какъ вдругъ, въ прихожей послышались голоса и слѣдомъ затѣмъ вошли Алексѣй Черенинъ съ докторомъ. Всѣхъ удивило, что Паша, обыкновенно такая словоохотливая и ласковая съ Черенинымъ, на этотъ разъ не сказала ему ни слова привѣтствія, а поднявъ на него глаза, съ какимъ-то сконфуженнымъ видомъ тотчасъ же опустила ихъ и едва коснулась протянутой ей руки. Еще разъ я посмотрѣлъ на нее въ недоумѣніи; вижу — молчитъ. Онъ тоже. Вѣрно поссорилась, думаю, но понять не могу: зачѣмъ же она сама хотѣла идти къ нимъ проститься. Прошло минутъ пять. Алексѣй Васильичъ сидѣлъ какъ въ воду опущенный, Марья Васильевна лѣзла изъ кожи чтобы быть любезною за трехъ, но разговоръ не клеился. „Ну, говорю: — прощайте,“ и всталъ... Тогда случилось нѣчто непостижимое. Прощаясь съ Черенинымъ, Паша, словно какъ въ забытьѣ, обняла его и прильнула къ его губамъ... Только тогда въ головѣ у меня блеснуло что-то похожее на догадку; но прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить въ чемъ дѣло, ея уже не было въ комнатѣ. Она стрѣлою вылетѣла въ прихожую; Марья Васильевна, улыбающаяся, — за ней; а Алексѣй Черенинъ стоялъ какъ ребенокъ, нечаянно получившій въ подарокъ прелестнѣйшую игрушку, весь красный отъ неожиданности и очевидно не понимая чѣмъ ему удалось заслужить такой знакъ отличія. Тогда только я уже ясно вспомнилъ „внушеніе“ и оглянувшись на доктора, увидаль что онъ дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки. Лицо и движенія его были однако же такъ нелѣпо-смѣшны, что я, отвернувшись, фыркнулъ; онъ тоже; послѣ чего мы сжалились надъ Черенинымъ и объяснили ему, не безъ нѣкотораго труда, въ чемъ дѣло, скрывъ, разумѣется, въ интересахъ Паши, что выборъ былъ предоставленъ ей. Какъ объяснились дамы, этого я не могъ узнать, но немного спустя Черенина воротилась одна, съ усмѣшкою объявляя мнѣ, что Прасковья Петровна, молъ, уже ушла. Я распрощался наскоро и съ трудомъ догналъ ее, но всѣ старанія мои завести разговоръ остались

напрасны. Послѣ уже я узналъ отъ Анны Григорьевны, которая видѣлась съ докторомъ и немедленно послѣ того убѣждала къ Пашѣ, что съ Пашею были хлопоты. Бѣдняжка понять не могла что такое произошло, и только догадывалась, что уходя отъ Черениныхъ, она сдѣлала что-то очень неловкое. Подробнѣ Анна Григорьевна не хотѣла мнѣ объяснить и я заключилъ изъ того, что дѣло у нихъ не обошлось безъ ссоры. Но съ Пашею потомъ у меня была бурная сцена, во время которой, понятно, мнѣ одному пришлось отвѣчать за всѣхъ. Она расплакалась, проклиная „внушенія“, Мезенскихъ, собственное свое дурачество и въ заключеніе чуть не прибила меня.

— Ну, а потомъ? дорогій? спросила Софья Ивановна.

— Ни дорогій, ни здѣсь, по приѣздѣ, объ этомъ больше помину не было.

Дамы разспрашивали его довольно долго: въ какихъ отношеніяхъ вообще этотъ Черенинъ съ Пашею, и какъ велика вѣроятность чтобъ дѣло у нихъ окончилось счастливо, но убѣдясь что Сергѣй не знаетъ объ этомъ и самъ почти ничего, умолкли въ недоумѣніи. Имъ не вѣрилось, чтобы подобная шалость, какъ бы она ни была, въ свое время, обидна, могла набросить такую далекую и такую черную тѣнь.

И онѣ были правы. Совсѣмъ другаго рода бѣда стряслась надъ бѣдною Пашею, послѣ того какъ она развѣхалась въ Р** со своимъ кузеномъ.

II.

Въ началѣ августа, на одной изъ большихъ желѣзныхъ дорогъ, питающихъ Петербургъ, во время послѣдней значительной остановки, — случилась исторія. Какой-то не молодой уже и солидной наружности пассажиръ 2-го класса, бѣжавшій, какъ потомъ оказалось, съ знакомымъ семействомъ, проснувшись въ 7 часовъ по-утру, засунулъ руку въ грудной карманъ и вдругъ, съ испуганнымъ видомъ, вскопчилъ.

— Что за подлость! воскликнулъ онъ вслухъ. — Бумажникъ пропалъ!

Это однако прошло незамѣченнымъ, такъ какъ бѣднѣйшая часть пассажировъ спала или только что просыпалась; да кромѣ того и возгласъ его былъ заглушенъ другимъ, гораздо болѣе громкимъ, съ платформы:

— Грузово! двадцать минутъ остановки!

Его отдѣленіе было послѣднимъ отъ дверей и набито дѣтьми. Съ одной стороны: два мальчика-гимназисты, съ другой — ихъ мать съ малолѣтними дѣвочками и съ нянькой. Было одно свободное мѣсто, но его пришлось уступить проѣзжей, которая сѣла ночью, въ Кудинѣ, и которую онъ, какъ вѣжливый кавалеръ, помѣстивъ напротивъ себя, у окна. Это была молодая и очень порядочная на видъ, скромно одѣтая, недурная собою особа, съ сумкой черезъ плечо и съ небольшимъ, ковровымъ дорожнымъ мѣшкомъ, который она сама положила наверхъ. Но и эта тоже спала такъ крѣпко, что его возгласъ не произвелъ на нее впечатлѣнія.

Одна только дама, съ другой стороны, проснулась и очевидно слышала что-нибудь, — очевидно была коротко знакома ему, потому что, переглянувшись съ нею, встревоженный пассажиръ подсѣлъ къ ней и они стали шептаться, пристально всматриваясь въ спящую молодую особу. Судя по ея наружности, трудно было предположить въ ней воровку. Однако, чужого, кромѣ нея, возлѣ не было и весь путь до Кудина мѣсто ея оставалось свободно.

Перешевнувшись, онъ всталъ и съ рѣшительнымъ видомъ вышелъ. Знакомая дама, однако, повидимому не раздѣляла его рѣшимости. Это была не молодая

уже, но еще довольно свѣжая, рослая, полная женщина, лѣтъ сорока. Оставшись одна, она съ лихорадочною поспѣшностью принялась опрашивать свое измятое платье и волосы, приглаживая ихъ, на вискахъ, послушенными ладонями, что не мѣшало ей, между прочимъ, зорко и какъ-то тревожно смотрѣть въ окно.

Платформа, за раннимъ часомъ утра, была почти совершенно пуста — и прошло не болѣе трехъ минутъ, какъ она увидала на ней своего знакомаго. Онъ вышелъ откуда-то, весь раскраснѣвшійся, въ оживленной бесѣдѣ со старшимъ кондукторомъ и съ начальникомъ станціи, и всѣ трое шли прямо по направленію къ ней. Тогда она разбудила няньку.

— Смотри за дѣтьми, сказала она, — потому что я ужоу.

Покуда она говорила, дверь отворилась и старшій кондукторъ, окинувъ глазами ея отдѣленіе, остановилъ на ней вопросительный взоръ.

— Которая? спросилъ онъ вполголоса.

Полная барыня указала глазами на спящую. Ее будились не вдругъ. Зѣвая, она открыла заспанные глаза и увидѣвъ передъ собою прямую, короткую, круглую какъ ушатъ фигуру старшаго кондуктора, съ цвѣтнымъ кушакомъ на толстомъ брюхѣ и съ низкой, обшитою позументомъ, суконною шапкой на головѣ, вообразила съ просонковъ, что ему нуженъ ея билетъ. Но онъ разувѣрилъ ее.

— Позвольте васъ попросить, сударыня, на минуточку, на платформу, сказалъ онъ вѣжливо.

Она смотрѣла въ недоумѣніи, не понимая зачѣмъ ее вызываютъ; потомъ поднялась и спокойно вышла за нимъ.

У самого входа въ вагонъ, на платформѣ, стояли: дорожный ея vis-à-vis и начальникъ станціи, худощавый, смуглый мужчина, въ профессиональной красной фуражкѣ, насчетъ которой инструкторъ замѣчаетъ, что она можетъ, при случаѣ, замѣнить ему красный фонарь или флагъ, какъ встрѣчный сигналъ опасности.

— Не тревожьтесь, прошу васъ, сказалъ онъ дѣвчкѣ, видимо тронутый ея молодостью и свѣжимъ, невиннымъ лицомъ. — Это довольно обыкновенный, дорожный случай. У вашего сосѣда, вотъ, — ночью, пропалъ бумажникъ съ деньгами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ выронилъ его гдѣ-нибудь тутъ-же, въ вагонѣ, и что его найдутъ на полу. Но чтобы найти, надо было очистить мѣсто, и мы васъ вызвали только чтобъ имъ не мѣшать.

Покуда онъ говорилъ это, старшій кондукторъ и пассажиръ вернулись въ вагонъ. Дѣтей разбудили и тоже заставили встать. Искали вездѣ: на полу, на подушкахъ сидѣнья и за подушками, наконецъ на сѣткахъ, вверху, но не нашли ничего и вернулись съ вытянутыми физиономіями. За ними вышла и полная барыня.

— Это весьма неприятно! сказалъ станціонный начальникъ, и обращаясь къ солидному пассажиру: — Да не засунули-ли вы сами, съ просонковъ, куда нибудь? Поищите-ка на себѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ съ грустною миною, дѣлая надъ собою усилія чтобъ не смотрѣть на молодую дѣвушку. — Я ужъ и такъ вывертывалъ всѣ карманы.

— А можетъ-быть, вмѣсто кармана, сунули какъ нибудь невзначай, подъ жилетъ, и оттуда спустилось само собою въ сапогъ?

— Да я въ ботинкахъ. И онъ приподнялъ край панталонъ. Дѣйствительно, оказалось, что онъ въ ботинкахъ.

— Вы значить стойте на томъ, что васъ обокрали?

— Да. Это очень прискорбно; но что-же мнѣ больше думать?

Начальникъ станціи пристально посмотрѣлъ на него и нахмурился. Это былъ умный, опытный человекъ, и наружность солиднаго пассажира видимо не внушала

ему довѣрія: въ ней было что-то трусливо-вкрадчивое и юркое, что совалось подъ-руку и скользило изъ рукъ. Нѣсколько новыхъ вопросовъ и обстоятельные отвѣты на нихъ со стороны хладнокровнаго кондуктора и полной барыни не позволяли однакоже долѣе сомнѣваться въ томъ, что пассажиръ не выходилъ изъ вагона всю ночь и что до Кудина мѣсто возлѣ него было не занято.

Тогда, наконецъ, всѣ глаза обратились на дѣвушку, сильно перемѣнившуюся въ лицѣ и пристыженную. Она стояла, потупя глаза, вся красная какъ пюль: ей стало ясно, что подозрѣніе падаетъ на нее; но она не могла и представить себѣ еще что ожидаетъ ее.

— Послушайте, господа, моего совѣта, сказалъ начальникъ станціи:—окончите это дѣло между собою; это не трудно, если съ обѣихъ сторонъ согласны на обыскъ. Если-же нѣтъ, то я буду вынужденъ пригласить полицію, а полицію пригласить свидѣтелей и составить о васъ протоколъ. Тогда это дѣло пойдетъ формальнымъ порядкомъ и я не могу отвѣчать за его послѣдствія.

— Господи! вырвалось у несчастной дѣвушки. — Да за что-же?.. За что?.. Я ничего не знаю, не видѣла никакого бумажника!.. И я тутъ одна... Неужли-же вы думаете?..

— Я ничего не думаю, перебилъ онъ: — да и не въ правѣ думать. Я только указываю вамъ способъ окончить всю эту неприятность безъ шума; конечно, если противная сторона согласна?..

И онъ обратился къ солидному пассажиру.

— Очень охотно.

— А вы?

Она колебалась еще, озираясь вокругъ растеряннымъ, умоляющимъ взоромъ, словно отыскивая кого-нибудь, кто-бы взялъ ее сторону. Но страхъ при мысли о томъ скандалѣ, который ее ожидаетъ, если она не согласится на обыскъ, скоро взялъ верхъ.

— Согласна, шепнула она, глотая слезы.

— Ну вотъ и отлично. Пожалуйста, господа, — всѣ вмѣстѣ. Мы живо это окончимъ, — благо у насъ тутъ есть дама... И онъ шепнулъ, дорогою, нѣсколько словъ полной барынѣ, которая отвѣчала ему утвердительно.

Минуту спустя, всѣ пятеро были въ его кабинетѣ, и двери заперли. Полная барыня подхватила несчастную, всю дрожащую дѣвушку подъ руку и отвела ее немного поодаль отъ остальныхъ.

— Стойте тутъ смиренно и не кобняйтесь, сказала она ей строго, хотя та и не думала ей противиться.

Въ одну минуту, проворныя руки обшарили ее всю. Свидѣтели, отвернувшись чтобы не конфузить ее напрасно, слышали только нѣсколько робкихъ: „Ахъ!“ а съ другой стороны—ободрительно: „Ничего! Ничего! Не смотреть!“ и что-то похожее на сдавленное рыданіе. Не находя ничего, досмотрщица вдругъ перестала шарить и ухватила дорожную сумку.

— Заперто?

— Нѣтъ.

— Снимите...

Ихъ окружили. Сумка была снята, отворена и ее содержаніе высыпано при всѣхъ на столъ.

— Ахъ! вырвалось вдругъ у обысканной, и она, отшатнувшись, всплеснула руками. Между знакомыми ей предметами, она увидала маленькій, красный, сѣфяный, сильно потертый бумажникъ.

— Да вотъ онъ и есть! сказалъ съ торжествующимъ видомъ ея обвинитель. — Будьте свидѣтели, господа, что этотъ бумажникъ найденъ у нея и что онъ съ деньгами... Вотъ!.. Онъ открылъ его и указалъ на нѣсколько синихъ и красныхъ, засунутыхъ между письмами ассигнацій. — Этотъ бумажникъ мой, да она и сама я думаю не осмѣлится утверждать

противное. Остается только просить ее, чтобы она объяснила какъ онъ попалъ къ ней въ сумку.

И онъ уставилъ глаза на дѣвушку, ожидая съ ея стороны чего-нибудь. Но несчастная не нашлась сказать ни слова въ свое оправданіе. Она стояла какъ истуканъ, ухватясь руками за голову, и только широко-открытый, оледенѣлый отъ ужаса взоръ ея былъ прикованъ къ находкѣ.

— А! что? попалась—воровка! сказала полная барыня, заглядывая ей съ злою усмѣшкой въ лицо.

— Позвольте! остановилъ ее строго начальникъ станціи. — Это теперь уже не ваше дѣло...

И онъ обратился къ старшему кондуктору, прося его пригласить немедленно въ кабинетъ офицера мѣстнаго полицейско-жандармскаго управленія.

Но въ эту рѣшительную минуту „пойманная съ поличнымъ“ нашла-таки наконецъ человѣка который сжался надъ ея положеніемъ, и что всего страннѣе, это былъ самъ обвинитель ея.

— Одну минуточку, господа! сказалъ онъ, подходя къ нимъ съ торжественнымъ видомъ. — Сжальтесь, прошу васъ, надъ этой несчастною и не губите ее. Вы видите сами, какъ молода и неопытна. Другая, на ея мѣстѣ, стала-бы дерзко лгать. „Не знаю молъ ничего; подсунули“; а она, какъ дитя,—ни слова въ свою защиту, и вонъ, поглядите, какъ сбивается!

Дѣйствительно, пойманная сидѣла въ отчаяніи. Склонясь горячій щекою на столъ, и раскинувъ руки, она рыдала. Вещи изъ сумки ея разсыпаны были тутъ-же и между ними этотъ убійственный, краснокожій ея обличитель, Богъ знаетъ какимъ путемъ и откуда поавшій къ ней въ сумку!

— Свидѣтелей, кромѣ насъ съ вами, нѣтъ, продолжалъ пассажиръ, растроганнымъ голосомъ, въ которомъ однако чувствовались фальшивыя ноты: — а эта дама мнѣ родственница — и я отвѣчаю вамъ за нее... Я, господа, прощаю заблудшую, такъ какъ она уже получила урокъ, котораго, надо надѣяться, не забудеть... Простите ее и вы. Не беспокойте полицію. Отпустите ее; пусть ѣдетъ своею дорогою. Потомъ, когда опомнится, будетъ Бога за васъ молить.

Просьба его была принята сочувственно и удивила слегка одну только полную барыню.

— Ну, нечего дѣлать, сказалъ начальникъ станціи:—я беру это на свой страхъ... Степанъ Екимычъ, вы ничего не имѣете противъ?..

И получивъ подтвержденіе, онъ посмотрѣлъ на стѣнные часы.

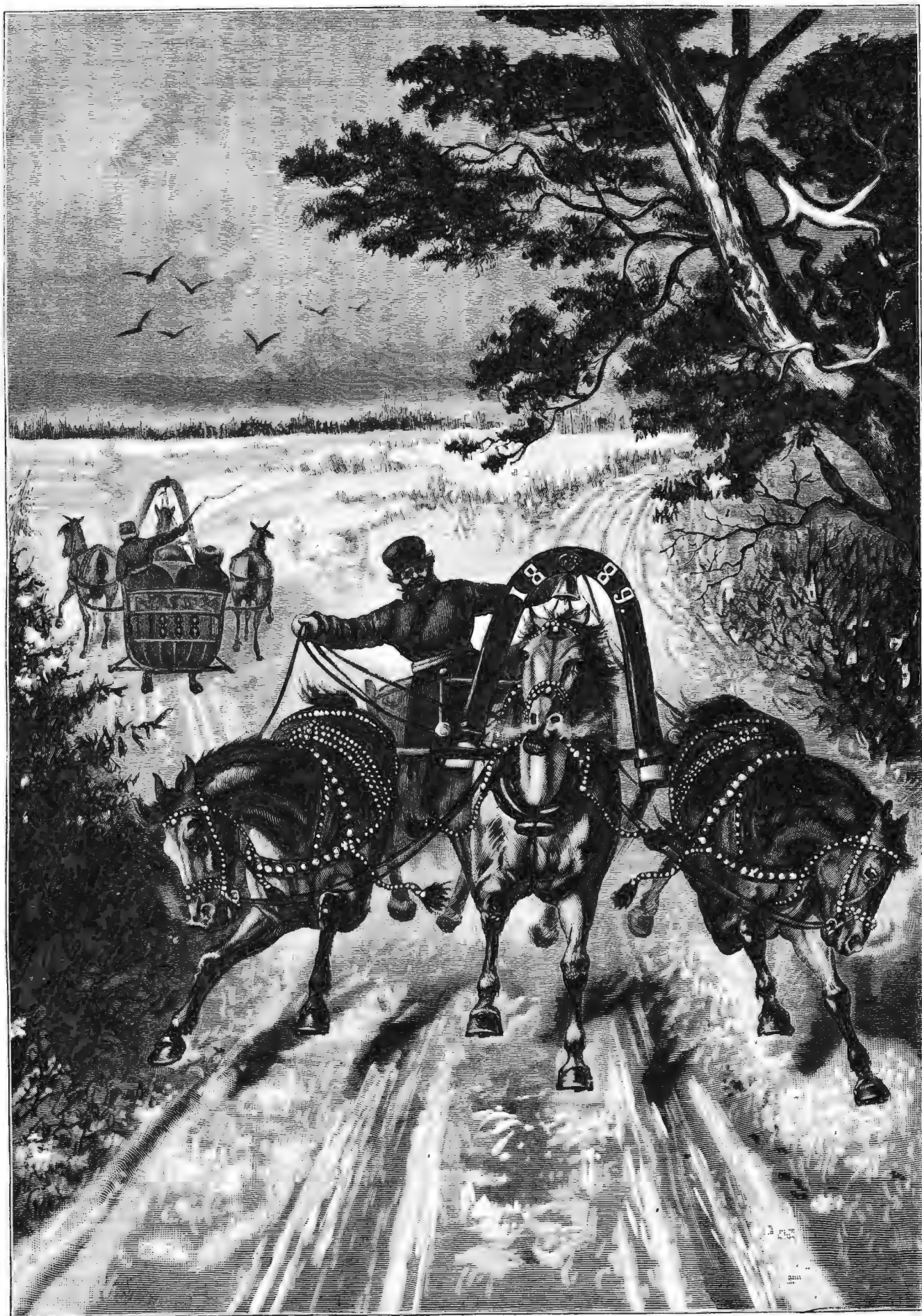
— Кончайте-же съ нею скорѣй, и уводите ее отсюда, потому что сейчасъ звонокъ... Да не забудьте бумажника... Ради чего вы его оставляете на столѣ?.. Идемте, Степанъ Екимовичъ...

И поспѣшно взявъ подъ руку своего сослуживца, онъ направился съ нимъ къ дверямъ.

Великодушный виновникъ такой неожиданной развязки отеръ платкомъ испарину на лицѣ, и подошелъ къ прощенной. Бумажникъ его валялся еще на столѣ, и онъ спряталъ его съ довольнымъ видомъ. Но возлѣ валялся сложенный въ восемь разъ, необрѣзанный листъ сивеатой бумаги, въ которомъ опытный глазъ его угадалъ сразу паспортъ. Сама судьба какъ будто бы послала ему въ награду эту находку. Онъ оглянулся съ какою-то, судя по отчетливой быстротѣ движенія, хорошо знакомою осторожностью, заглянулъ въ бумагу и убѣдился, что онъ не ошибся, сунулъ ее зачѣмъ-то проворно вслѣдъ за бумажникомъ, въ боковой карманъ. Одна только полная барыня видѣла это движеніе, но они переглянулись между собою, какъ люди вполне понимающіе другъ друга.

Въ эту минуту съ платформы раздался звонокъ и дверь кабинета отворена была уходящими настезь.

— Вставайте! сказала барыня, быстро склонясь

НОВЫЙ ГОДЪ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Китаева, грав. Шюблеръ.

надъ сидѣвшаго и коснувшись довольно жестко ея плеча.—Сию минуту ѣдемъ.

Та подвинулась и не догадываясь въ чемъ дѣло, такъ какъ она не слышала разговора, рѣшившаго ея участь, озиралась блуждающимъ взоромъ.

— Онъ васъ простилъ, шепнула ей на ухо та, собирая наскоро ея вещи въ сумку: — и вы свободны... Вы ѣдете въ Петербургъ... Скорѣе! Скорѣе! На-те, надѣньте, и маршъ! а то опоздаемъ!

Въ открытыхъ дверяхъ показался сторожъ, махающій имъ рукой.

Полная барыня, видя что та совсѣмъ обезумѣла, накинула ей на шею сумку, схватила за руку и онѣ побѣжали... за ними, съ сіяющею улыбкою побѣдителя — ихъ кавалеръ... Едва отыскали вагонъ, и едва усѣлись, какъ поѣздъ тронулся.

* * *

Вы можете быть спросите: Да что-же это у васъ за станціи? „Грузово?“ „Кудино?“ Ничего подобного, помнится, нѣтъ ни на Московскомъ, ни на Варшавскомъ пути... Отвѣтъ простой: всѣ имена въ этомъ рассказѣ вымышленны. Но о событіяхъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать того-же. О, какъ легко жилось-бы на свѣтѣ, если-бы всѣ человѣческія страданія были не болѣе какъ игра фантазіи, и забывались, какъ забывается поутру мучительный сонъ!

III.

Смутно было въ душѣ у „прощенной“, когда обезумѣвшая отъ ужаса и стыда, она усѣлась на прежнее мѣсто. Прямо насупротивъ сидѣлъ человѣкъ, въ глаза которому она не смѣла смотрѣть и должна была дѣлать видъ что глядитъ въ окно; а на другой сторонѣ — эта злая женщина, которая только что передъ тѣмъ издѣвалась надъ ней и называла ее „воровкой“. Къ счастью, она дремлетъ теперь, иначе и въ эту сторону невозможно было-бы смотрѣть; — но взгляда ея и голоса она никогда не забудетъ... „Воровка“ звучитъ у нея въ ушахъ — и она дивится, что сдѣлалось съ этимъ обыкновеннымъ словомъ, что оно вдругъ пріобрѣло для нея такой жгучій смыслъ. Конечно, ей никогда и во снѣ не снилось, что оно можетъ быть приложено къ ней, какъ клеймо, — какъ вдругъ именно это невообразимое съ ней и случилось!.. Лицо у нея еще горѣло, въ ушахъ звенѣло еще, какъ отъ публичной пощечины, послѣ того какъ изъ сумки ея упала на столъ *чужой бумажникъ съ деньгами!*

Какъ онъ попалъ къ ней? Единственное что представлялось хоть сколько-нибудь правдоподобнымъ, это что почью, когда она крѣпко спала, — подкинули. Только кому и зачѣмъ это могло понадобиться?.. Что пользы, для незнакомыхъ людей, что имъ удалось такъ легко обезчестить ее?.. И стоило ли это того, чтобы рисковать потерю денегъ?.. Потому что, насколько они могли это знать, — рискъ все-таки былъ. Она могла замѣтить подкинутое, уйти и больше не возвращаться, или по меньшей мѣрѣ выбросить его вонъ... Во всемъ этомъ было для нея что-то очень странное, но каждый разъ что она пыталась себѣ объяснить случившееся, на нее нападалъ безотчетный страхъ и она начинала дрожать. Въ душѣ у нея шевелилось невольное подозрѣніе, что быть можетъ она сама, безъ вѣдома своего, тутъ какъ-нибудь виновата... Грѣза это была или дѣйствительность, — ей сдавалось что почью, она вдругъ спохватилась о чемъ-то и, просыпаясь, открыла глаза... Все спитъ... Въ сосѣднемъ съ ней отдѣленіи, въ потолкѣ, горитъ фонарь, завѣшенный синею тафтой... Жара, и дѣти вокругъ поснимали съ себя все лишнее... Въ полумракѣ, прямо противъ нея, фигура крѣпко заснуваго человѣка, въ которомъ (конечно это уже былъ сонъ) ей чудится провожавшій ее третьяго дня, на почтовыхъ, кузень... И все это вмѣстѣ — одна минута; но именно въ эту

минуту, грѣза или дѣйствительность, ее охватило какое-то странное чувство — словно она старалась припомнить что-то, и вспомнила. — стала искать чего-то, нашла и успокоенная заснула... И только... Но почему-то теперь, когда она это вспомнила, это ее глубоко смутило. Ей вдругъ припомнилось дѣтство и слышанные не разъ отъ старшихъ рассказы о томъ какъ, ребенкомъ, она ходила и разговаривала во снѣ, и дѣлала странности о которыхъ потомъ ничего не помнила... Что если она „лунатикъ?..“ Искала во снѣ, не давая себѣ отчета гдѣ и чего — и нашла... *бумажникъ?..* и спрятала его машинально въ сумку?.. Тогда... Но тогда въ головѣ у нея наступалъ хаосъ, среди котораго зарождались чудовищныя фантазіи. Ей чудилось, что она сошла съ ума и надѣлала чортъ знаетъ что... Что ее и отпустили только послѣ того, какъ всѣмъ стало ясно, что это безумная; но что этимъ не можетъ окончиться... Что въ Петербургъ дана депеша; что тамъ ее свяжутъ и отвезутъ въ больницу умалишенныхъ, гдѣ она окончательно сбѣситъ и ее будутъ бить; обрѣютъ ей голову и одѣнутъ въ смиренную рубашку... Что ей остается только одно: воспользоваться послѣднимъ лучемъ угасающаго разсудка, чтобъ выйти сейчасъ-же на соединительную площадку и броситься подъ колеса...

Но силы ея не выдерживаютъ такого страшнаго напряжения, и она понемногу впадаетъ въ тяжелое забытье.

* * *

Станція, — и опять станція. Vis-à-vis ея задремалъ и, не чувствуя долѣе на себѣ его взгляда, она отдыхаетъ.

Августъ... Все еще зелено, и тепло, окошки открыты, солнце печетъ; — но въ воздухѣ уже ощутительна осень.]

Желѣзный копъ мчитъ, гремя и пыхтя, и вихри пара изъ раскаленныхъ его ноздрей — то застилаютъ, то открываютъ жидкій березовый молоднякъ и сырую, низменную, однообразную почву окрестностей Петербурга.

Картина ей хорошо знакома, но никогда еще до сихъ поръ она не дѣлала на нее такого гнетущаго впечатлѣнія. Словно всѣ радости жизни, все бодрое, молодое и свѣжее брошено тамъ позади. Какимъ волшебствомъ все сразу поблекло и помертвѣло вокругъ?.. Въ какой нибудь часъ — надежды, спокойствіе, честь, — все потеряно... А за что? Припоминая свою молодую жизнь, она напрасно спрашивала себя: чѣмъ заслужила она такое страшное наказаніе?

Правда, она не послушалась матери, которая горячо упрашивала ее остаться въ родномъ гнѣздѣ, но она это сдѣлала не въ своихъ, эгоистическихъ интересахъ. Ихъ маленькая усадьба разорена, заложена и жить долѣе такъ, какъ онѣ живутъ уже нѣсколько лѣтъ, невозможно, тѣмъ болѣе что меньшій братъ окончилъ гимназическій курсъ и на дальнѣйшее его воспитаніе положительно не хватаетъ средствъ. Надо было рѣшиться на что-нибудь, и она рѣшилась. Она хорошо образована; дядя ея, человѣкъ вліятельный, прискалъ ей мѣсто въ правленіи очень богатой компаніи, и она отправилась въ путь веселая, твердо увѣренная, что ее ожидаетъ счастье быть опорой своей семьи, и что дѣлая это, она не больше какъ исполняетъ свой долгъ... Могла-ли она предвидѣть, что ожидаетъ ее на пути, — она, которая знала путь этотъ наизусть и ни разу еще не испытывала на немъ ни малѣйшаго приключенія? Мало того, на этотъ разъ, у нея даже былъ провожатый, съ которымъ она доѣхала до отлично знакомаго имъ уѣзднаго города, и заночевала тамъ въ знакомой гостиницѣ, а Сережа ушелъ къ какой-то роднѣ. Раю поутру, на другой день, она должна была встрѣтить его въ воксалѣ желѣзно-дорожной вѣтви, соединяющей этотъ городъ съ Кудинимъ; но Сережа, по своему

обыкновенію, опоздалъ, и она уѣхала не дождавшисъ его, такъ какъ билетъ у нея былъ взятъ и вещи уже сданы въ багажъ. Какъ сожалѣла она теперь о своей поспѣшности, потому что, конечно, при Сереевѣ, съ ней не случилось-бы этой бѣды...

И сердце ея опять заняло; и весь этотъ страшный случай въ Грузовѣ снова воскресъ передъ ней, со всѣми его отвратительными подробностями.

* * *

Громкій, протяжный свистокъ вернулъ ее къ настоящей минутѣ... Станція... „Пять минутъ остановки...“ Ея vis-à-vis проснулся и вышелъ... Полная барыня тоже вышла, но черезъ минуту вернулась и ласково пригласила ее съ собой.

— Порфирій Ивановичъ спрашиваетъ, сказала она на платформѣ:—не позабыли-ли вы чего-нибудь въ Грузовѣ?...—И видя ея смущеніе:—Да не бойтесь, милочка, продолжала она съ усмѣшкой заглядывая въ ея глаза. — Онъ хорошій, добрый... Пойдемте къ нему;— вонъ онъ стоитъ...

И она указала ей пассажира, который стоялъ въ концѣ платформы, поодаль отъ остальныхъ.

— Прасковья Петровна... обратился онъ къ ней.

Та удивилась. „Откуда онъ знаетъ имя?“

— Прасковья Петровна, матушка, если не ошибусь, вы обронили тамъ, въ Грузовѣ, кое-что... Второпяхъ, какъ спѣшили садиться,—помните?... Но я шелъ за вами и поднялъ. Это вашъ видъ... Не тревожьтесь, онъ будетъ цѣль и я возвращу вамъ его въ Петербургъ. Только вы извините меня, Прасковья Петровна, если я васъ попрошу, въ Петербургѣ, сдѣлать мнѣ честь, захватить ко мнѣ на минутку. Мнѣ надо съ вами поговорить, а тутъ неудобно... народъ, да и некогда, потому что мы сію минуту ѣдемъ. На счетъ багажа тоже не беспокойтесь. Все будетъ цѣло и вы получите все у меня... Позвольте только у васъ попросить вашъ багажный билетикъ, чтобы я могъ, по приѣздѣ, избавить васъ отъ хлопотъ.

Тогда она поняла, что она въ когтяхъ у этихъ людей, отъ которыхъ ей нечего ожидать пощады. Несчастная подняла на нихъ вопросительный взоръ и тотчасъ-же опустила его. Ей очевидно не оставалось болѣе ничего какъ исполнить безпрекословно ихъ требованіе и ждать терпѣливо что будетъ дальше... Ни слова не говоря, она отдала свой багажный билетъ и получила въ замѣнъ засаленную визитную карточку, съ адресомъ:

Порфирій Ивановичъ Бурдюковъ.

Большая Подъячская, д. № и проч.

Порфирій Ивановичъ былъ, вообще говоря, довольно прилично одѣтъ, хотя въ деталяхъ костюмъ его и не обличалъ джентльмена. Форменная фуражка, весьма подозрительное бѣлье и несомнѣнно грязные ногти. Это былъ средняго роста, дородный мужчина, съ легкою просѣдою въ коротко обстриженныхъ волосахъ. На

заплывшемъ лицѣ его не замѣтно было слѣдовъ растительности, и сквозь сладко-заскисающую усмѣшку, оно сохраняло какое-то кислое, непріятное выраженіе. Но самую характерной чертой были глаза: большіе, сѣрые, они шныряли какъ двѣ гончихъ, которые потеряли слѣдъ, и во взглядѣ ихъ было что-то предательски-хищное...

Гораздо болѣе цѣльное, но не менѣе жесткое впечатлѣніе производила его знакомая. Это былъ типъ жирной достаточности и тунаго самодовольства. Иначе одѣтую и съ невыхоленными руками, ее можно-бы было принять за кухарку, только что хваставшую передъ мясникомъ, что служитъ у генерала и къ 1 сентября надѣется выиграть двѣсти тысячъ. Звали ее Марѳа Никитишна. Въ вагонѣ, она усадила Пашу возлѣ себя и долго разспрашивала о разныхъ вещахъ: откуда, одна или съ кѣмъ-нибудь, гдѣ, у кого, и долго-ли думаетъ жить и имѣть-ли состояніе, и какія знакомства, связи, родня — у нея въ Петербургѣ; но получая уклончивые отвѣты, надулась и прекратила допросъ.

— Напрасно вы намъ не довѣряете, продолжала она, помолчавъ и понижая голосъ до шепота. — Если-бы вамъ желали зла, то васъ-бы не отпустили такъ... Чего вы дрожите?... Я васъ не понимаю, право. Судя по тому, что вы сдѣлали, вы не должны быть изъ робкихъ, хотя, конечно, вы не рассчитывали попасться... Не плачьте, дѣти на васъ глядятъ. Подумайте только какъ дешево вамъ обошелся этотъ урокъ. Что за важность, что вы заѣдете на пять минутъ не туда куда вамъ нужно?... Могли попасть и гораздо похуже. А Порфирій Ивановичъ человекъ солидный, женатъ, — и молодая дѣвушка у него не рискуетъ ничѣмъ. Вы познакомитесь, потолкуете, послѣ чего онъ отдастъ вамъ вашъ видъ и отпуститъ съ Богомъ. А впрочемъ я и сама къ нему. Я родственница его и остаюсь у него на нѣсколько дней, пока не найду квартиры... И васъ сама отвезу.

Все это было мало успокоительно, и Паша, слушая ее, чувствовала себя какъ осужденная, которую готовятъ къ казни. Сердце ея замирало, когда ихъ поѣздъ, медленно подходя между безчисленными рядами вагоновъ, расположенными на запасныхъ путяхъ, остановился у дебаркадера.

Порфирій Ивановичъ вышелъ и воротился съ посылщицею.

— Вамъ нечего дожидаться, сказалъ онъ барыня.— Я сію минуту найму карету и дрожки, и вы отправляйтесь съ Богомъ; а я буду слѣдомъ за вами, тотчасъ какъ получу багажъ. Ручныя вещи поѣдутъ съ вами; и молодую особу тоже я поручаю вамъ.

Такимъ-то образомъ, вмѣсто того чтобы приѣхать къ дядѣ, гдѣ ее ожидали, Паша попала въ совсѣмъ незнакомый домъ.

(Продолженіе будетъ).

Важнѣйшія рыбы Россіи.

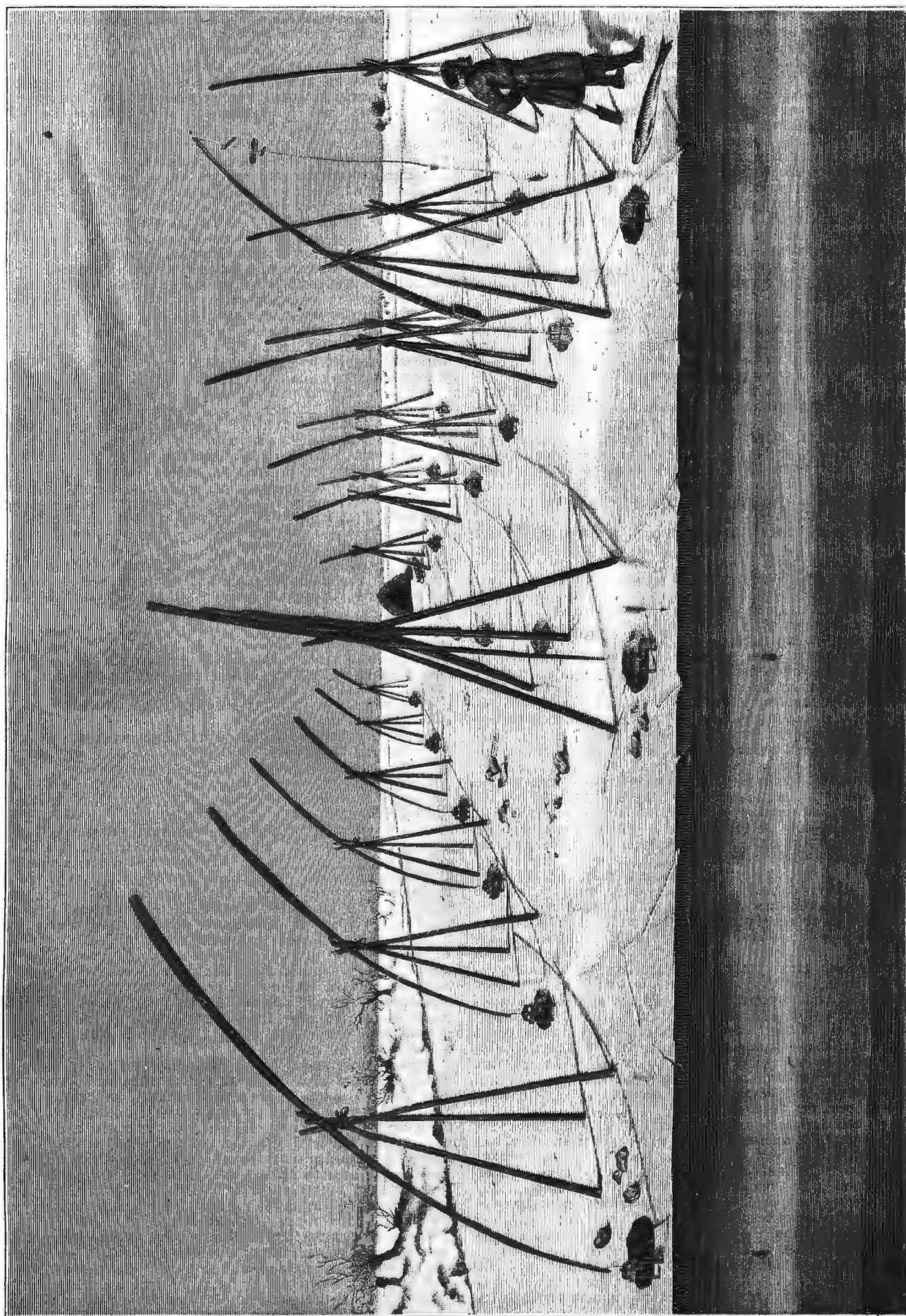
(Описаніе особаго приложенія при этомъ №, печатаннаго 12-ю красками).

Нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, гдѣ ловилось бы такое громадное количество рыбы, какъ въ Россіи. При разсмотрѣніи статистическихъ данныхъ это становится еще очевиднѣе. На основаніи данныхъ 60-хъ годовъ оказывается, что въ Европейской Россіи вылавливается рыбы въ годъ болѣе чѣмъ на 20.000.000 металлическихъ рублей: въ Каспійскомъ морѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ на 10.500.000 руб., въ Азовскомъ съ рѣками на 4.000.000 р., въ Балтійскомъ морѣ съ рѣками — на 1.250.000 р., въ Бѣломъ мѣрѣ по крайней мѣрѣ на 1.000.000 р., въ Черномъ морѣ—на 500.000 р., въ Чудскомъ и Кубенскомъ озерахъ—на 750.000 р., въ остальныхъ озерахъ и рѣкахъ—всего на 2.000.000 р. Приведенныя цифры въ 20 миллионовъ руб. скорѣе ниже стоимости среднего годоваго улова, чѣмъ выше. Далѣе извѣстно, что Ньюфаундленскій ловъ даетъ рыбы на 9.250.000 р., по берегамъ Франціи — на 3.400.000 р., въ Норвегіи на 7.000.000 р., всего полу-

чается 19.650.000 р. Итакъ мы видимъ, что три самыя важныя въ рыбопромышленномъ отношеніи страны въ общей сложности по цѣнности вылавливаемой въ нихъ рыбы стоятъ ниже одной только Европейской Россіи. По приблизительному расчету Данилевскаго, изъ водъ нашего отечества добывается рыбы до миллиарда фунтовъ. Конечно, такое количество рыбы имѣетъ громадное значеніе и нѣтъ ничего удивительнаго, что нашъ крестьянинъ и вообще бѣдный людъ подолгу обходится безъ мяса; за то въ рыбѣ онъ себѣ не отказываетъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а при питательности и удобоваримости рыбы, она является истиннымъ благодѣяніемъ. Почти все это богатство остается дома, не вывозится за границу, такъ какъ вывозъ рыбныхъ товаровъ не превышаетъ 750.000 р., при чемъ падаетъ или на предметы роскоши, какъ икра (вывозится на 150.000 р.), или на вещества не идущія въ пищу, какъ рыбій клей (вывозъ на 600.000 р.).

Зимняя кормежка оленей. Рис. Ф. Шлегль, грав. Ангереръ.

Самоловъ на Волгѣ. По рис. М. М., заимствованному изъ изданія Министерства Государственныхъ Имуществъ, грав. Шюблеръ.

На первый взгляд кажется удивительным, что такая значительная моря, как Каспійское и Азовское, по обилию рыбы могут соперничать со всеми другими морями и частями океанов. Но при ближайшем рассмотрении условий жизни рыб эта кажущаяся несообразность находит себе объяснение. Вообще вмѣстлица прѣсной или же малосоленой воды (как у насъ Азовское и Каспійское моря) при другихъ равныхъ условияхъ должны быть обильнѣе рыбою уже потому, что въ настоящихъ моряхъ и океанахъ огромная часть животнаго вещества, идущаго рыбамъ въ пищу, защищена отъ хищничества рыбъ твердою известковою оболочкою, напр. кораллы, раковины, крабы, иглокожія и пр. Съ увеличеніемъ солености воды количество неорганическаго вещества, облекающаго животное въ видѣ панциря, тоже возрастаетъ. Между тѣмъ въ прѣсныхъ водахъ все повидимому припаровлено къ тому, чтобы органическое вещество скорѣе могло рядомъ переходовъ превратиться въ мясо рыбъ. Здѣсь царятъ рыбы — и все живущее въ прѣсной водѣ, начиная съ мельчайшихъ инфузорій, мелкихъ ракообразныхъ и т. д., въ высшей степени способно служить пищею рыбамъ, даже самымъ молодымъ. По мнѣнію академика Бера, въ каждомъ обширномъ прѣсноводномъ бассейнѣ все количество питательнаго вещества, ежегодно бассейномъ производимое, ежегодно же превращается въ рыбу мясо. Кроме того, здѣсь также живутъ прямо травоядные рыбы изъ семейства сазановидныхъ; тогда какъ въ соленыхъ моряхъ всѣ рыбы исключительно хищны. Азовское и Каспійское моря особенно рыбы въ своихъ мелководныхъ частяхъ, куда изливаются многоводные рѣки, несущія съ собою большое количество органическаго вещества, а это изобиліе пищи и другія особенно благоприятствующія мѣстныя условия, какъ теплота климата и проч., объясняютъ съ достаточною ясностью причину рыбности вышеупомянутыхъ морей, именно потому, что мелководность не позволяетъ теряться органическому веществу въ массѣ соленой и глубокой воды. Поэтому самую отличительную черту русскаго рыболовства является именно его прѣсноводный характеръ; на долю морской рыбы приходится едва двадцатая часть.

По своей важности въ промышленномъ отношеніи, главное мѣсто занимаетъ такъ-называемая „красная рыба“, т. е. четыре породы осетровыхъ: бѣлуга, осетръ, севрюга и отчасти шинь, которая въ общей сложности даютъ продуктовъ не меньше какъ на 8.000.000 р. (одного мяса до 2.500.000 пуд.).

При одномъ взглядѣ на рисунокъ (приложеніе къ этому №), изображающій этихъ рыбъ, всякій найдетъ много отличій сравнительно съ другими рыбами*). Сплюснутая и впереди вытянутая въ заостренное рыло голова изгибѣт на нижней сторонѣ широкое ротовое отверстие, впереди котораго помѣщаются двѣ пары мягкихъ, подвижныхъ, иногда гребенчатыхъ усиковъ. Впереди глазъ симметрично съ каждой стороны расположены два отверстия: одно — обонятельная ямка, другое — такъ-называемое „водоветное отверстие“, сообщающееся съ полостью рта. Рѣзкимъ ихъ различіемъ являются пять рядовъ костныхъ пластинокъ, по большей части ромбидальныхъ, покрытыхъ эмалью, при чемъ между этими рядами кожа остается почти голою. (Одинъ рядъ этихъ пластинокъ или „жучекъ“ тянется отъ затылка до спиннаго плавника, остальные четыре расположены симметрично съ обѣихъ сторонъ тѣла: одинъ — отъ жабернаго отверстия по срединѣ боковой стороны тѣла до хвостоваго плавника, другой же по границѣ между боковой и брюшной сторонами тѣла). Число „жучекъ“ каждого ряда довольно постоянно и потому удобно служить для опредѣленія этихъ рыбъ. Эти костныя, эмализованныя пластинки (образующія лишь вышеуказанные пять рядовъ) представляютъ особенность присущую только осетровымъ рыбамъ, поэтому не безынтересно, надѣясь, будетъ указать какъ онѣ произошли. Позвоночникъ, рѣзко бросающійся въ глаза у нашихъ остальныхъ рыбъ (за исключеніемъ миноги), здѣсь у осетровыхъ выраженъ въ видѣ хряща, мѣстами лишь окостенѣваго. Вмѣсто внутренняго твердаго скелета родоначальники нашихъ осетровыхъ имѣли твердую наружную броню, остатки которой теперь и находятъ выраженіе въ вышеприведенныхъ пяти рядахъ костныхъ пластинокъ. Вообще осетровыя исчезли почти во всѣхъ мѣстахъ земнаго шара, остались они почти исключительно въ Россіи и здѣсь не только не вымираютъ, но, напротивъ, даже продолжаютъ производить разновидности.

Что касается образа жизни этихъ рыбъ, то приходится сказать, что еще многое остается невыясненнымъ. Всѣ онѣ принадлежатъ къ числу проходныхъ рыбъ, т. е. заходятъ въ рѣки только для метанія икры, остальное же время онѣ проводятъ въ морѣ. Это не относится къ стерляди, которая, напротивъ, въ морѣ не заходитъ. Молодые рыбы, такъ-называемыя „мальки“ питаются инфузоріями, мелкими ракообразными и другими животными, постепенно достигаютъ зрѣлаго состоянія и рано весною поднимаются изъ моря въ рѣки, чтобы тамъ на каменистыхъ и быстрыхъ мѣстахъ выметать икру. Эта икра прилипаетъ къ камнямъ, тростнику и пр. и подъ химическимъ влияніемъ быстро текущей воды изъ икры выклевываются

*) За названіемъ каждой рыбы на рисунокѣ поставлена дробь, показывающая натуральную величину изображенной рыбы. При этомъ берутся въ расчетъ не самые крупныя, а средней величины экземпляры.

„мальки“. Последніи вмѣстѣ съ метавшей икру и потому истощенною рыбой „скатываются“ по выраженію рыбаковъ въ морѣ, гдѣ изобиліе корма снова восстанавливаетъ ихъ силы. Если рыба не находитъ удобнаго мѣста для метанія икры, она продолжаетъ подыматься по рѣкѣ, и если въ продолженіе известнаго періода ея поиски все-таки кончаются неудачей, икра и молоки претерпѣваютъ измѣненіе и исчезаютъ, всасываются, безъ вреда для самой рыбы. Въ виду того однако, что рыба съ возрастомъ дѣлается опытиѣе, она подымается все выше и выше по рѣкѣ; наконецъ, чтобы еще болѣе пріобрѣсти шансовъ отыскать себѣ необходимое и подходящее мѣсто, болѣе пожилыя рыбы забираются въ рѣки еще до осени, залегаютъ тамъ въ лѣсъ, зимуютъ въ нихъ въ состояніи близкомъ къ зимней спячкѣ, чтобы пораньше весною отправиться на поиски за удобнымъ мѣстомъ для метанія икры. Вообще можно сказать, что жизнь рыбы исчерпывается питаніемъ и произведеніемъ потомства, при чемъ послѣднее пожалуй выражается у нихъ даже болѣе рѣзко. Этимъ обыкновенно и пользуются для ловли ихъ, тѣмъ болѣе, что для метанія икры, „переста“, рыба собирается обыкновенно большими стаями, которыя движутся впередъ несмотря ни на какія опасности, какъ бы стихійно. Въ это время и ловятъ ее неводами или при помощи самоловныхъ снастей, причѣмъ послѣднія состоятъ изъ очень длиннаго капота, къ которому довольно часто на веревкахъ прикрѣплены острые крючки, вонзающіеся въ голую часть тѣла проходящей красной рыбы. На томъ же самомъ основаніи и зимній ловъ на Уралѣ. Зимой въ заранѣ назначенное время собираются уральскіе казаки иногда до 10.000 человекъ, прорубаютъ ледъ и поддѣваютъ сплущую рыбу на багры, почему этотъ ловъ и носитъ названіе „багренье“.

Въ виду болѣе важности красной рыбы въ промышленномъ отношеніи, нельзя не упомянуть о продуктахъ изъ нея получаемыхъ. Вообще рыба поступаетъ въ торговлю въ трехъ видахъ: мороженая, соленая и вмѣстѣ соленая и сушеная. Красная рыба и бѣлорыбца часто готовится соленая и потомъ провяленная и тогда спинная часть, тщательно приготовленная и наиболее богатая жиромъ, пріобрѣтаетъ превосходный и совершенно особый вкусъ и идетъ въ продажу подъ названіемъ балыка. Стѣнки брюха, подвергнувшіяся почти такой-же обработкѣ, называются тешкою. Что касается икры, то всякій съ нею знакомъ: какъ паюсная, такъ и зернистая, представляютъ скорѣе лакомство, чѣмъ пищу, въ особенности послѣдняя. Салфеточная паюсная икра называется отъ того холста, которымъ выкладываютъ бочки, а лучшую называютъ въ длинныя цилиндрическія мѣшки, отчего она получаетъ названіе мѣшечной. Лучшая икра считается астраханская и именно бѣлужья. Визига получается также изъ этихъ рыбъ и есть ихъ спинная струна, высушенная на воздухѣ. Высшій сортъ рыбьяго клея получается изъ плавательнаго пузыря всѣхъ осетровыхъ.

Многіе ли умѣютъ безошибочно отличить одну породу рыбъ отъ другой? А между тѣмъ это весьма важно и для хозяекъ, и для любителей-рыболововъ, и вообще для интересующихся мѣстною фауной. Таблица наша пріурочена именно къ этой потребности.

Отдѣльное рассмотрѣніе этихъ рыбъ начнемъ съ царя обитателей прѣсныхъ водъ — бѣлуги. Она отличается отъ другихъ рыбъ уже по своей гигантской величинѣ: длина въ 2½ саж. и вѣсъ въ 30—40 пуд. весьма обыкновенны, хотя иногда она достигаетъ до 8 саж. Кроме того отличить ихъ легко по peculiarно-сѣрому цвѣту тѣла, сѣровато-бѣлому брюху и желтоватому носу; жучекъ спинныхъ по большей части 12—13, боковыхъ 40—45 и брюшныхъ 10—12. Такъ какъ при своей величинѣ бѣлуга питается животною пищею, то опредѣлено закономъ вскрывать большіе экземпляры ихъ и, если окажутся у нихъ въ желудкѣ части человѣческаго трупа или одного изъ высшихъ позвоночныхъ животныхъ, то не пускать такихъ бѣлугъ въ продажу. Въ почкахъ старыхъ бѣлугъ находятъ такъ-называемый бѣлужій камень, который въ глазахъ суевѣрнаго приволажанина является самымъ надежнымъ амулетомъ, предохраняющимъ отъ порчи, глазу и прочаго колдовства, почему и цѣнится очень высоко.

Севрюгу легко узнать по необыкновенно длинному носу, который придаетъ этой рыбѣ нѣсколько странный видъ. Тѣло краснорубаго цвѣта съ синевато-чернымъ отблескомъ, бока и брюхо бѣлыя. Жучекъ спинныхъ 12—18, боковыхъ 30—40, брюшныхъ 10—12. Нерѣдко длина ихъ достигаетъ до 1 сажени, вѣсъ — 1½ пуда. Бѣлуга изъ Азовскаго моря, черезъ Черное, иногда пробирается въ Средиземное море, севрюга же исключительно водится въ Каспійскомъ и Азовскомъ моряхъ и рѣкахъ въ нихъ впадающихъ. Вообще эта рыба подымается въ рѣкѣ очень рано и быстро скатывается обратно въ море, такъ что въ большомъ числѣ избѣгаетъ сѣтей.

Осетръ не можетъ быть названъ исключительно русскою рыбою, ибо такъ-называемый пѣмечій осетръ имѣетъ свое настоящее мѣстопробываніе въ Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ. Родственный ему осетръ — русскій, уступающій первому по своей величинѣ (пѣмечій 15—18 футовъ, русскій до 11 фут.), встрѣчается почти во всѣхъ рѣкахъ Россіи. Спина сѣроватобурая, брюхо серебристо бѣлое; жучекъ спинныхъ и брюшныхъ 10—13, боковыхъ 27—36. Количество этой рыбы умень-

шается, что главным образом слѣдует приписать человѣку.

Можно сказать, что ни одной изъ осетровыхъ рыбъ не живетъ такъ привольно у насъ, какъ стерляди. Она совершенно привыкла къ новымъ условіямъ и является уже не проходною, какъ всѣ раньше рассмотрѣнныя рыбы, а вполне прѣсноводною, рѣчною и водится во всѣхъ почти нашихъ рѣкахъ. Стерлядь легко отличается отъ прочихъ осетровыхъ уже по своей величинѣ: средняя величина—12 вершковъ при 3—5 фунтахъ вѣса. Спинные щитики (въ числѣ 13—17) у нея тѣсно смыкаются между собою и каждый изъ нихъ оканчивается позади довольно острымъ шиномъ, боковыхъ жучекъ 60—70, брюшныхъ 13—15. Цвѣтъ этой рыбы измѣняется смотря по мѣстности; обыкновенно же спина бываетъ сѣвато-бурая или темнубурая, брюхо желтовато-бѣлое, плавники сѣрые. Держась постоянно на днѣ воды, она рѣдко попадаетъ въ невода; главнымъ образомъ ловятъ ее или крючковатыми снастями, или же мордами (вершами).

Многа принадлежатъ къ числу наиболее интересныхъ нашихъ рыбъ, какъ по особенностямъ организаціи, такъ отчасти и по своему промышленному значенію. Длинное змѣеобразное ея тѣло нисколько не напоминаетъ собою другихъ рыбъ, а скорѣе приближаетъ къ угрю. Ни грудныхъ, ни брюшныхъ плавниковъ, ни наружныхъ жаберъ у нея нѣтъ. Эта рыба ведетъ образъ жизни паразитный, присасываясь ртомъ къ другой рыбѣ, изъ которой и высасываетъ кровь. Долго принимали водяную вѣшь съ ней нескорѣйку за особый видъ; оказалось же, что это лишь личиночная стадія миноги—особенность не встрѣчающаяся ни у одной рыбы. Отличается же она весьма рѣзко уже тѣмъ, что питается исключительно растительною пищею, совсѣмъ не имѣетъ глазъ и цвѣтъ тѣла грязновато-желтый. Главный ловъ миноги производится въ нижней Волгѣ, Курѣ, Невѣ, Наровѣ и Онегѣ.

Изъ всѣхъ рѣчныхъ рыбъ по величинѣ первое мѣсто безспорно принадлежитъ сому, причѣмъ его странная наружность вѣроятно и послужила народной фантазіи для созданія водяного. Обыкновенно достигаетъ онъ въ Волгѣ 6—8 футовъ и до 3—5 пудовъ, хотя въ Днѣпрѣ попадаются и въ 20 пуд. Голова его громадна и составляетъ несую часть всего тѣла; громадная пасть обильно вооружена мелкими зубами и на нижней губѣ имѣетъ четыре усика, а на верхней два длинныхъ уса. Цвѣтъ его голаго тѣла измѣняется смотря по водѣ; чаще спина черная, брюхо желтовато-бѣлое съ крапинками голубоватаго цвѣта. Сомъ изъ прѣсноводныхъ рыбъ самая хищная, поѣдаетъ даже большихъ щуку, хотя не гнушается и мертвыми животными попавшими въ воду. Ловятся они неводами, а также и на удочку, только, конечно, болѣе солиднаго устройства и наживленную лягушкою или живою рыбою.

Большинство рыбъ изображенныхъ на приложенномъ рисункѣ и водившихся у насъ принадлежатъ къ семейству карповыхъ. Родство всѣхъ этихъ рыбъ высказывается уже въ наружномъ ихъ видѣ; какъ на особенность ихъ, можно указать на слабую беззубую челюсти, тогда какъ нижнемогочныя кости снабжены очень сильными зубами.

Изъ этихъ рыбъ прежде всего слѣдуетъ указать на карпа, отличающагося своею величиною: онъ достигаетъ до 3—4 футовъ и 40—50 фунтовъ вѣса, а днѣпровскіе вѣсятъ даже больше 60 фунтовъ. Эта рыба очень красива: покрыта она темножелтой золотистой чешуей, и вообще она очень похожа на карася, но сразу отъ него отличается своими четырьмя толстыми и короткими усиками на губахъ. Такъ какъ эта рыба слѣдалась почти домашнею, то извѣстно много разновидностей, къ которымъ относится всѣмъ знакомая золотая рыбка. Водится карпъ почти во всѣхъ нашихъ рѣкахъ, также разводится въ прудахъ. Ловится онъ вообще во время перерста неводами, а также и при помощи удочки.

Карась почти тотъ-же карпъ, только меньшихъ размѣровъ, и водится, вопреки пословицѣ: „на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“—только въ прѣсныхъ водахъ, какъ и другія карповыя. Вслѣдствіе того, что „карась любитъ, чтобы его въ смѣтанѣ жарили“, онъ достаточно извѣстенъ каждому.

Линь покрытъ толстымъ слоемъ слизи, которая по вынутіи рыбы изъ воды спадаетъ, оставляя желтыя пятна. Смотри по водѣ, линь бываетъ темнѣе или свѣтлѣе, отливая иногда золотистымъ блескомъ. Живетъ преимущественно въ проточныхъ озерахъ и прудахъ, рѣже въ рѣкахъ. Обыкновенно бываетъ въ 4—6 фунтовъ вѣса, но попадаются и до аршина длины и вѣсомъ въ 18 фунтовъ.

Песнаръ также принадлежитъ къ этому семейству; название его происходитъ не отъ слова пицать, а отъ песка, на которомъ онъ любитъ располагаться. Ловится онъ преимущественно на удочку съ легкимъ поплавкомъ и днемъ (такъ какъ ночью онъ лежитъ на днѣ), но представляетъ небольшую находку удильщику, потому что рѣдко достигаетъ четырехъ вершковъ длины при толщинѣ большаго пальца.

Общезвѣстный лещъ по своему силуэнтному тѣлу близко подходитъ къ карпу, также какъ и по своей величинѣ—обыкновенно 1—1½ фут. длины и до 15 фунт. вѣса. Водится онъ во всѣхъ нашихъ рѣкахъ, ловится рыболовными снастями и на удочку, и въ послѣднемъ случаѣ интересно то, что въ видѣ приманки съ большимъ успѣхомъ употребляется овесъ.

Сурть меньше и продолговатѣе настоящаго леща; легко узнается

по утолщенному и удлиненному, далеко выступающему носу и рту. Онъ бываетъ не болѣе 3 фунтовъ вѣса и 10—12 дюймовъ длины. Удять его обыкновенно какъ леща и непрѣмьно со дна.

Чехонь тѣлосложеніемъ похожа на сельдь, чѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ карповыхъ рыбъ. Чешуя легко спадаетъ. Цвѣтъ затылка и спины стальнo-сѣрый, туловище и брюхо серебристо-бѣлыя. Ростою до 2 футовъ, вѣсъ 2 фунта. Мясо нѣжное, сладковатое.

Горчакъ напоминаетъ карасика, но не бываетъ больше 3¼ дюймовъ длины. Употребляется только для наживки; мясо невкусно.

Шересперь, *блѣзна*, отличается выступающей нижней челюстью и широкою пастью; спинной и хвостовой плавники синеваты, прочіе красноваты. Радужина желтая. Обыкновенно вѣсомъ 5—10 фунтовъ, но бываетъ и въ 20. Любитъ воду чистую, свѣжую и глубокую.

Улейка извѣстна каждому удильщику, ибо она очень нуждается, обѣдая наживку, назначенную вовсе не для нея. У насъ эта рыба совсѣмъ не имѣетъ значенія и рѣдко употребляется въ пищу; во Франціи и на Рейнѣ изъ ея чешуи добывается такъ-называемая жемчужная эссенція, идущая на подкраску поддѣльнаго жемчуга. Развитие этого дѣла у насъ также принесло-бы пользу хотя-бы тѣмъ, что уменьшилось количество этой негодной рыбы, только поѣдающей кормъ у другихъ рыбъ.

Язь—одна изъ рыбъ, весьма распространенныхъ въ Россіи. Весною онъ очень красивъ, ибо все его тѣло принимаетъ металлическій блескъ. Ловятъ его мордами, крылеками и т. п., или на удочку всегда со дна на толстыя леси на шейку рака, личинку майскаго или навознаго жука, а особенно на моденку.

Красноперу часто принимаютъ за плотву, но есть замѣтныя отличія. Цвѣтъ спины темно-бурый съ голубоватымъ отливомъ; радужина оранжево-желтая съ краснымъ пятномъ; плавники наполовину красные, наполовину черноватые или сѣрые. Любитъ медленно текуція воды, заросшія камышемъ и тростникомъ. Размѣръ: 10—12 дюймовъ, вѣсъ 1½, рѣдко 3 фунта.

Самую обыкновенную рыбою изъ карповыхъ по обширному своему распространенію является плотва. Она по своей небольшой величинѣ не пользуется почетомъ ни у настоящихъ рыбаковъ, ни у удильщиковъ. Гораздо болѣе значеніе приобретаютъ за последнее время двѣ ея разновидности: тарань и вобла. Последней по словамъ свѣдущихъ лицъ идетъ ежегодно въ продажу до 50.000,000 штукъ. Въ отличіе отъ рѣчной плотвы, обѣ эти рыбы принадлежатъ къ числу морскихъ, заходящихъ въ рѣки только для метанія икры. Черноморская и азовская плотва носятъ названіе тарани, а каспійская—воблы.

Головлъ имѣетъ туловище почти круглое, спинной и хвостовой плавники черноватые съ красноватымъ оттѣнкомъ, брюшные и заднепроходные—ярко красные, грудные—оранжевые. Любитъ небольшой, быстро текуція рѣки съ холодною и прозрачною водою, кремнистымъ и песчанымъ дномъ. Достигаетъ 10 и даже 14 фунт. Необычайно быстръ въ движеніяхъ и выудить его очень трудно.

Елецъ отличается отъ головли болѣе сжатымъ съ боковъ тѣломъ и болѣе узкою головою; нарные плавники бѣдно-желтые или оранжево-красные. Удять ельца можно цѣлый годъ.

Вьюнъ легко отличается отъ другихъ рыбъ своимъ длиннымъ тѣломъ съ желтовато-бурою покрытою крапинками голою кожей и поэтому напоминаетъ угря. Главный ловъ вьюна—на днѣпровскихъ плавняхъ мордами; также хорошо беретъ на удочку, на червяка. Такъ какъ мясо его весьма вкусно, особенно въ ухѣ, то остается пожалѣть о тѣхъ, кто вслѣдствіе сходаства съ змѣей не употребляетъ его въ пищу, что особенно относится къ жителямъ средней и восточной Россіи.

Многіе поэто-же пренебрегаютъ угремъ и тоже напрасно. Отличается эта рыба отъ предидущей темнымъ цвѣтомъ кожи различныхъ оттѣнковъ въ зависимости отъ мѣста обитанія. Главнымъ образомъ угоръ водится въ рѣкахъ Балтійскаго моря, въ Волгѣ онъ рѣдокъ. Общеизвѣстная живучесть угря, разрѣзаннаго на части, говоритъ, иногда доставляетъ хозяйкамъ неприятности, такъ какъ случается, что эти куски расподаются изъ пироговъ уже въ печи. Замѣчательно, что эта рыба является двупольнымъ животнымъ и, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, производитъ на свѣтъ дѣтенышей живыми, т. е. оплодотворенная икра остается въ тѣлѣ самки до выклеванія малекъ. Ловятъ ихъ мерсиками и переметами.

Семейство лососевыхъ, близкое по наружному виду къ карповымъ, легко отличается по придаточному виду плавника, находящемуся позади спиннаго; чешуя ихъ по большей части мелкая. Всѣ сюда относящіяся рыбы отличаются своимъ вкуснымъ мясомъ. Изъ нихъ рѣчной сигъ водится въ Финскомъ заливѣ, въ Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ. Славится преимущественно невскіе сиги, которые, какъ въ свѣжемъ, такъ и копченомъ видѣ расходятся въ большомъ количествѣ. Къ этому-же роду сиговъ относится бѣлорыбца, представляющая самый вкусный и крупный ихъ видъ: достигаетъ 3 фут. и 30—40 фунтовъ вѣса. Водится она въ сѣверныхъ частяхъ Каспійскаго моря, откуда подымается главнымъ образомъ въ Волгу и идетъ по ней очень далеко, проникая даже въ послѣднее время по каналамъ въ Ладожское и Онежское озера. Ловится преимущественно неводами.

Самый мелкій родъ сиговъ—ряпуша, которая, не смотря на свой малый ростъ (8—10 дюйм.), служитъ предметомъ значи-

тельного промысла. Она по преимуществу озерная рыба и водится почти во всех озерах сѣверовосточной Россіи. Соленая и копченая ряпушка съ Переславскаго озера поступаетъ въ продажу подъ именемъ копченой сельди и вкуснѣе соленой. Этой рыбы ловится не менѣе полумилліона пудовъ, изъ чего видно, что она имѣетъ весьма важное значеніе для сѣвернаго рыболовства.

Корюшка извѣстна всѣмъ сѣвернымъ жителямъ, водится въ сѣверныхъ моряхъ Стараго Свѣта, также встрѣчается въ большихъ озерахъ, но здѣсь она уже мелче, почему и носитъ названіе сѣтка, величина котораго не болѣе 3—4 дюймовъ. Серебристое тѣло живой корюшки очень красиво и бываетъ величиною до 9 дюймовъ. Собирается она въ большіе табуны, почему и ловится сѣтями. Въ Петербургѣ главный ловъ ея—точасъ по вскрытіи Невы и тогда она особенно вкусна. Вышеупомянутый свѣтокъ ловится главнымъ образомъ въ Чудскомъ и Бѣлоозерѣ въ громадномъ количествѣ—до 300,000 пуд. и идетъ въ продажу главнымъ образомъ сушенымъ.

Лосось или **семга**,—являющаяся исключительно европейскою рыбою, обитаетъ главнымъ образомъ въ моряхъ Нѣмецкомъ, Балтійскомъ, Бѣломъ и Ледовитомъ, а также въ Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ. Заходитъ она въ рѣки только для нереста лѣтомъ, осенью мечетъ въ нихъ икру, и въ это время ея главный ловъ. Особенностью старыхъ этихъ рыбъ во время нереста является хрящеватый крючокъ на нижней челюсти. Цвѣтъ тѣла семги сильно измѣняется сообразно съ мѣстностью и временемъ года. Достигаетъ она вѣса до 1½ пуда и 5 футовъ длины; озерные лососи меньше. Ловятъ ее неводами и заборами, а также мѣшкомъ изъ сѣтей, прикрѣпленнымъ за два конца къ лодкѣ, идущей на веслахъ, что носитъ названіе поѣздовъ. Также ловятъ ихъ на переметы наживляемые рыбками, для чего, благодаря живучести, особенно пригодна корюшка.

Всякій, кто видалъ живую форель, согласится, что названіе **пеструшки** дано ей очень удачно: все ея тѣло испещрено черными, красными и бѣлыми пятнами. Эта красивая рыба тоже очень вкусна, поэтому можно только сожалѣть, что границы для ея распространенія постепенно суживаются. Величина ея до 8 вершковъ при 1 или 2 фунт. вѣса. Встрѣчается она во многихъ быстротечныхъ рѣчкахъ, ручьяхъ и озерахъ, изобилующихъ ключами, въ сѣверозападной и сѣверовосточной Россіи. Въ виду того, что уженье форели требуетъ очень большаго искусства, это занятіе для любителей крайше заманчиво, и въ западной Европѣ доведено до высшей степени совершенства. Примацкою служатъ различныя наѣкомыя, а также искусственныя мухи, при чемъ клюетъ она только на закатѣ и рано утромъ, лучше въ пасмурную погоду. Форель очень боится грозы.

Вѣстѣ съ форелью **хариусъ** населяетъ холодныя рѣки всей Европы. По своей пестротѣ это одна изъ наиболѣе красивыхъ нашихъ рыбъ. Этою рыбою мы закончимъ разсмотрѣніе лососевыхъ.

Щука—рыба пользующаяся весьма широкою распространенностью и потому всѣмъ извѣстна. Хищническій образъ жизни ея также всякому знакомъ и на этомъ основанъ ея ловъ при помощи насаженной на крючокъ рыбы; попадается она и въ сѣти, хотя благодаря своимъ острымъ и многочисленнымъ зубамъ ей часто удается избѣгать опасности. Живетъ она болѣе ста лѣтъ и достигаетъ почтенныхъ размѣровъ, напр. до сажени длины. Интересно, что щука въ маѣ смѣняетъ зубы и въ это время только портитъ рыбу, не имѣя возможности ее схватить надлежащимъ образомъ.

Изъ сельдей у насъ извѣстна такъ-называемая рѣчная сельдь, представляющая два вида: черноморскую и каспійскую. Большее значеніе имѣетъ **бѣшенка**, черноморская сельдь, водящаяся въ Каспійскомъ морѣ въ громадномъ количествѣ. Исторія появленія ея въ промышленности очень поучительна. Во время нереста эта рыба подымается въ рѣки, главнымъ образомъ въ Волгу, и тогда прыгаетъ „какъ бѣшеная“, по выраженію волжскихъ рыбаковъ. Вълѣдствіе послѣдняго обстоятельства она долгое время считалась даже вредною. Только благодаря Беру, указавшему рыбопромышленникамъ, что эта всѣми презираемая рыба, изъ которой получали лишь жиръ, а мясо бросали, относится къ роду сельдей и можетъ быть такимъ же точно образомъ приготовляема, она начинаетъ пріобрѣтать промышленное значеніе, чему въ значительной степени способствовалъ недостатокъ иностранныхъ сельдей во время Крымской кампаніи. Черезъ 20 лѣтъ послѣ этого ее въ годъ вылавливаютъ уже на сумму около 2,000,000 р., причемъ она получаетъ болѣе почетное названіе—астраханской сельди. Величина ея 1—1½ фута, рѣдко 2, вѣсъ же достигаетъ 3—4 фунтовъ. Къ сельдямъ относится также килька и салака.

Налимъ, покрытый мягкою слизистою кожею, имѣетъ нѣкоторое сходство съ сомомъ, но гораздо меньше его: въ Онежскомъ озерѣ, гдѣ онъ достигаетъ наибольшей величины, болѣе 1—2 пудовъ онъ никогда не бываетъ, въ рѣкахъ же Черноморскаго бассейна рѣдко вѣситъ 2—3 фунта. Онъ подобно сому зарывается въ илъ и такъ же прожорливъ; питается рыбами и другими животными. Главный ловъ производится поздно осенью и зимою мордами и неводами. Ловятъ его также и переметами, на удочку же рѣдко, потому что насадку беретъ онъ исключительно ночью. Къ этому же отдѣлу мягкоперыхъ относится и тресна, главная масса которой впрочемъ приходится къ намъ изъ Норвегіи.

Окунь можетъ служить типомъ костистыхъ рыбъ, наилучше приспособившихся къ настоящимъ условіямъ. Это видно уже изъ того, что область его распространенія весьма обширна: водится во всехъ рѣкахъ и озерахъ Россіи, а въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ онъ даже вытѣснилъ всю остальную рыбу. Удить окуня очень весело, потому что беретъ онъ безпрерывно, только надо успѣвать вытаскивать, какъ только поплавокъ окунется въ воду. Это окунаніе до того характерно, что, вѣроятно, и дало названіе рыбѣ.

Этого же семейства—**судакъ** по своему промышленному значенію очень важенъ, такъ какъ съ низовьевъ каспійскихъ рѣкъ, гдѣ онъ водится въ большомъ числѣ, вывозятъ его въ соленомъ, сушеномъ и мороженомъ видѣ милліонами пудовъ. Достигаетъ онъ иногда 3 фут. длины и 25—35 фунт. вѣса. Судакъ—хищная рыба, но не смотря на это очень смиренъ и, по словамъ волжскихъ рыбаковъ—смирнѣе и глубѣе его нѣтъ ни одной рыбы.

По своему цвѣту и вообще по складу туловища къ судаку весьма близко подходит **бершъ**, но легко отличимъ по тому, что поперечныя темныя полосы у него выражены гораздо рѣзче. Онъ водится исключительно въ рѣкахъ Чернаго и Каспійскаго морей. Обыкновенно вѣсъ его 2—3 фунта при 8 вершкахъ длины. Въ продажѣ судакъ и бершъ не различаются.

Самую колючую и костлявую рыбою изъ употребляемыхъ въ пищу безусловно слѣдуетъ считать **ерша**. Онъ скорѣе похожъ на колючій шарикъ, чѣмъ на рыбу, благодаря чему онъ можетъ съ успѣхомъ избѣгать преслѣдованія многочисленныхъ враговъ. Ростомъ онъ до 5 дюймовъ; водится онъ почти во всехъ рѣкахъ Европы и въ любой водѣ. Во время нереста (въ сентябрѣ и октябрѣ) ловятъ его небольшими неводами, хотя чуть-ли не самый главный ловъ его производится на удочку безъ поплавка, при чемъ лучшею насадкою считается красный навозный червякъ. Благодаря прекрасному вкусу своего мяса, ершъ цѣнится сравнительно съ другими рыбами очень дорого и составляетъ главную принадлежность всякой хорошей ухи.

Поднаменьщикъ, водившійся въ рѣкахъ всей сѣверной Европы и достигающій величины 4—5 дюймовъ, настолько выдѣляется своею оригинальною формою, что трудно смѣшать его съ другою рыбою. Промышленнаго значенія не имѣетъ; мясо его, хотя и вкусно, но рѣдко употребляется въ пищу.

Колюшка, достигающая рѣдко 2½ дюймовъ длины, получила названіе отъ колючекъ, находящихся передъ спинными плавниками. Въ пищу не употребляется и поэтому никто ее не ловитъ, хотя она удобно могла бы служить для полученія жира. Эта рыбка замѣчательна тѣмъ, что самецъ строитъ гнѣздо, въ который заманиваетъ самку и затѣмъ охраняетъ положенную ею икру отъ враговъ до выклеванія потомства. Благодаря такой заботливости родителей, а также колючкамъ защищающимъ ее отъ хищной рыбы, колюшка размножается иногда въ громадномъ количествѣ. Въ виду того, что она, питаясь икрою другихъ рыбъ, тѣмъ самымъ истребляетъ (напр. въ Онежскомъ оз.) ихъ тоже въ громадномъ количествѣ, слѣдовало бы заняться и ея истребленіемъ, вытѣплавивъ изъ нея жиръ, или давая въ кормъ скоту.

Разсмотрѣвъ, хотя кратко, рыбныя богатства Россіи, приходится указать, что количество ея, благодаря усилению истребленія, а также развитію фабричной промышленности и пароклѣтства, годъ отъ году уменьшается. Впрочемъ, опасаться особенно этого нечего, въ виду открытаго въ послѣднее время искусственнаго ея разведенія; выработка способовъ искусственнаго разведенія рыбы принадлежитъ нашему академику Овсянникову, который перевозилъ оплодотворенную стерильную икру даже въ Шотландію. Интересующимся этимъ предметомъ, а также вообще состояніемъ рыбопромышленности въ нашемъ отечествѣ, можемъ рекомендовать посѣтить открывающуюся въ этомъ году въ Петербургѣ рыбопромышленную выставку.

М. Штауде.

Къ рисункамъ.

Тризна Святославовыхъ воиновъ подъ стѣнами Доростола. (Рис. на стр. 4 и 5).

Во второй половинѣ IX вѣка, въ Кіевѣ княжилъ и всюю тогдашнюю Русью правилъ храбрый князь Святославъ, прославившійся своими дальними и смѣлыми походами на хазаръ, своею борьбою съ хищными кочевниками, населявшими наши

южныя степи, и своимъ необычайнымъ личнымъ мужествомъ. Даже могущественные императоры византійскіе заискивали союза съ этимъ неустранимымъ вождемъ славяно-русовъ и посылали ему богатые подарки. Въ 967 г., по приглашенію греческаго императора Никифора, Святославъ помогъ ему въ войнѣ съ дунайскими болгарями и усмирить среди нихъ возстаніе противъ Византіи. Но прिवольная Болгарія, плодородная и богатая,

полюбилась ему настолько, что онъ не хотѣлъ изъ нея удалиться, затѣмъ вернулся на Русь ненадолго, и, тотчасъ послѣ смерти своей матери, Ольги Премудрой, вернулся снова въ Болгарію, предоставивъ управленіе Русью своимъ сыновьямъ. Но на этотъ разъ и болгары встрѣтили его враждебно, и греки не захотѣли терять такого опаснаго сосѣда на Дунаѣ. Когда Святославъ задумалъ окончательно въ Болгаріи утвердиться, византійскій императоръ Іоаннъ Цимисхій—опытный и храбрый воинъ—послѣдствовалъ на помощь къ болгарамъ съ отборнымъ и прекрасно-обученнымъ войскомъ. Князь Святославъ, отовсюду тѣснимый врагами, былъ вынужденъ укрыться въ крѣпкомъ городѣ Доростолѣ, на берегу Дуная, и подъ стѣнами этого города началась и долго тянувшаяся ожесточенная борьба между греками и русскими. Святославъ и воодушевляемые имъ воины дрались съ такимъ свирѣпымъ и отчаяннымъ мужествомъ, что греки не могли одолѣть ихъ и покончили миромъ, подъ тѣмъ условіемъ, что Святославъ добровольно покинетъ Болгарію.

Одинъ изъ византійскихъ историковъ, Левъ Дьяконъ (родомъ изъ мѣстечка Калон, въ Мал. Азіи), находившійся съ Цимисхіемъ въ Болгаріи, описалъ намъ весьма подробно эту достопамятную борьбу грековъ съ Святославомъ. Подробно излагаетъ онъ различные военные эпизоды, происходившіе у него на глазахъ, рассказываетъ о поразившихъ его обычаяхъ Святославова воинства и даже описываетъ намъ наружность и одежду самого Святослава, котораго ему удалось видѣть очень близко, во время свиданія Цимисхія съ храбрымъ русскимъ княземъ. Между прочимъ, на одной изъ страницъ своего любопытнаго сочиненія, Левъ Дьяконъ сообщаетъ намъ и слѣдующее любопытное описаніе той *тризны* или *поминокъ*, которыя совершались Святославовыми воинами надъ прахомъ ихъ убитыхъ товарищей. Описавъ одну изъ схватокъ, въ которой тѣлохранитель Цимисхія Амамаъ поразилъ славянскаго богатыря Икмара, Левъ Дьяконъ говоритъ:

„Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, то руссы вышли на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и сожгли ихъ на разложенныхъ кострахъ, заколовъ надъ тѣлами убитыхъ товарищей великое множество плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они стали погружать въ струи рѣки Истра (Дуная) младенцевъ и черныхъ пѣтуховъ, задушая ихъ такимъ образомъ“.

Обычай убивать рабовъ и плѣнныхъ надъ тѣлами павшихъ въ сраженіи воиновъ—былъ общимъ не только у славянъ, но и у многихъ другихъ народовъ древности. Это дѣлалось вовсе не по какой-нибудь особой кровожадности или дикости нравовъ, а въ томъ вѣднѣ убѣжденіи, что рабы, убитые надъ трупомъ господина и сожженные съ нимъ на одномъ кострѣ, должны будутъ оставаться у него въ рабствѣ и на томъ свѣтѣ. Въ тѣхъ же видахъ, на томъ же кострѣ сожигались и домашнія животныя (лошади, собаки), и оружіе и домашняя утварь,—т. е. всѣ тѣ удобства, которыми заботливые родственники и земляки старались окружить дорогаго покойника и послѣ его перехода въ царство тѣней. Изъ другихъ, вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ, узнаемъ, что тризна по умершемъ, между русскими славянами, сопровождалась еще воинскими играми и усиленнымъ питьемъ меда, который и до настоящаго времени, вмѣстѣ съ кутьею, составляетъ въ народѣ необходимую принадлежность поминокъ.

Г. Семирадскій основалъ свой живой и сложный рисунокъ на разсказѣ Льва Дьякона, который онъ передалъ во всѣхъ его мрачныхъ подробностяхъ, съ замѣчательною точностью. На первомъ планѣ сцены убійствъ и потопленія младенцевъ въ Дунаѣ; далѣе, костры, съ возлагаемыми на нихъ жертвами и группы невольниковъ, гибнущихъ подъ ударами суровыхъ воиновъ Святослава. Въ глубинѣ картины мрачныя стѣны и башни Доростола. А на правой сторонѣ картины, надъ кручею берега, старый кудесникъ, указывающій воину на струи рѣки, въ которыхъ тотъ собирается погрузить пѣтуха. Картина эта находится въ Московскомъ историческомъ музеѣ. П. П.

Ахаль-Текинская мельница. (Рис. на стр. 8).

Устройство этихъ почти первобытныхъ сооружений въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ чрезвычайно просто. Отъ арка (оросительной канавы), находящагося на нѣкоторомъ возвышеніи сравнительно съ мѣстомъ избранномъ для мельницы, проводится струя воды, которая приводитъ въ движеніе мельничныя жерновы. Вокругъ него воздвигаютъ простыя глинобитныя стѣны постройки. Проведенная струя воды, сдѣлавъ свое дѣло, отводится далѣе по уступамъ почвы къ слѣдующей мельницѣ и такъ далѣе.

Русская боярышня. (Рис. на стр. 9).

Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то низко-низко,
Вязъ изъ крупныхъ жемчужковъ...
Даромъ, что родилась дѣвкой—
Да иной разъ такъ приметъ
Молодецко надѣвкой;
А какъ въ духъ, да взмахнетъ
Черной бровью соболонию—

Пронадай богатыри!
Умеръ, право-бъ, заедипо,
Еслибъ молвила: умри!

(А. Н. Майковъ).

Служба — дружба. (Рис. на стр. 12).

75 лѣтъ тому назадъ, въ первый депъ новаго года, русскія войска перешли Рейнъ и вступили во Францію. По этому случаю императоръ Александръ Павловичъ, находясь на землѣ своего неукротимаго противника, отдалъ приказъ по арміи, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Неприятели, вступая въ средину Царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ: челоуколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава Россійнина—низвергать онолченнаго врага, и по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣлательствовать ему и его мирнымъ собратіямъ“. И воля царственаго отца и повелителя свято исполнялась русскими. По взятіи Парижа и вступленіи въ него русскихъ 19 марта 1814 г., чѣмъ завершилась война, начатая Александромъ Благословеннымъ за спасеніе Россіи, независимость Европы и святость законныхъ престоловъ,—наши солдаты долго еще пребывали среди французовъ въ дружбѣ со своими недавними врагами. Нѣсколько эпизодовъ и сценъ изъ этого достопамятнаго для всѣхъ русскихъ времени замѣчательно живо и художественно воспроизведены маститымъ профессоромъ батальной живописи, Г. П. Виллевалде. Одна изъ его картинъ „Служба — дружба“, изображаетъ дрессировку полковой собачонки на диво французскимъ мальчуганамъ.

Крейсеръ „Адмиралъ-Корниловъ“. (Рис. на стр. 13).

Крейсеръ этотъ недавно вступилъ въ рядъ нашихъ боевыхъ судовъ, послѣ испытанія его качествъ во Франціи, гдѣ онъ былъ выстроенъ Луарскимъ судостроительнымъ обществомъ въ С.-Назерѣ и обошелся казѣ въ 7,000,000 франковъ. Размѣры его слѣдующіе: длина 358½ футовъ; ширина 48 ф.; углубленіе кормы 22 ф.; носа—17 ф.; водоизмѣненіе 5029 тоннъ. Машина, развивающая болѣе 6000 индикаторныхъ силъ, сообщаетъ ему скорость 17½ узловъ (30,6 верстъ въ часъ).

Корпусъ выстроенъ изъ стали. Съ внутренней стороны бортовъ положены слои кокосовыхъ волоконъ, разбухающихъ въ водѣ при пробитіи и препятствующихъ водѣ литься въ судно. Броневая палуба, сводчатая, защищаетъ пороховые и бомбовые погреба. Внутреннія помѣщенія освѣщены электричествомъ. Крейсеръ будетъ вооруженъ 14-тью орудіями 6-ти дюймового калибра, 16-тью орудіями Гочкиса, изъ которыхъ 6—47 мм калибра, остальные 10—37 мм калибра. Для стрѣльбы минами Уайтхеда уже установлено 6 аппаратовъ.

Размѣщеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Особенно хорошо что камбузъ (кухня экипажа), малярная и фонарная каюты помѣщены на верхней палубѣ, а не рядомъ съ жилыми помѣщеніями. Паровая хлѣбопекарня можетъ снабжать экипажъ свѣжимъ хлѣбомъ.

Выйдя изъ Шербурга 19 октября 1888 года, крейсеръ на 7-й день былъ уже въ Кронштадтѣ, который нашелъ окруженнымъ льдомъ; но бронзовый таранъ крейсера свободно разрѣзалъ ледъ, и крейсеръ вскорѣ занялъ свое мѣсто въ гавани, гдѣ и будетъ зимовать.

Новый годъ. (Рис. на стр. 17).

Проводивъ Минувшій годъ,
Не осудимъ слишкомъ строго,
Скинемъ старцу недочетъ;
Съ Богомъ, скатертью дорога!
Ну, а Новый — въ добрый путь!
Веселій, смѣлѣе трогай
И кати прямой дорогой —
Будетъ время отдохнуть.

Зимняя кормежка оленей. (Рис. на стр. 20).

Это благородное животное, на нашей родинѣ водившееся лишь въ Сибири, на Кавказѣ да въ нѣкоторыхъ Привислянскихъ губерніяхъ, предпочитаетъ гористыя мѣстности ровнымъ, и особенно охотно держится въ силонныхъ лѣсахъ, преимущественно лиственныхъ; но зимою свѣгъ вынуждаетъ его спускаться съ высокихъ горъ, а мягкіе рога заставляютъ держаться въ низкомъ кустарникѣ, гдѣ они не зацѣпляются за вѣтви. Днемъ олень лежитъ въ своемъ логовищѣ, подъ вечеръ выходитъ пастись, лѣтомъ раньше чѣмъ зимою. Онъ пасется и днемъ, но только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ вполне увѣренъ въ своей безопасности. Весной, лѣтомъ и осенью стада разбиваются по возрасту и полу: взрослые самки, телата, одногодовалые и двухгодовалые держатся вмѣстѣ; болѣе взрослые самцы составляютъ отдѣльныя стада, а старыя сильныя олени держатся отдѣльно до брачной поры. Но зимняя безкормица нерѣдко соединяетъ всѣ категоріи. На превосходномъ рисункѣ Шпехта изображена именно такая компанія за скудной трапезой.

Сидебна (самоловь) на Волгѣ. (Рис. па стр. 21).

(Снарядъ для ловли бѣлорыбцы).

Рыболовство въ Россіи, па четырехъ прилегающихъ къ ней моряхъ и на громадныхъ рѣкахъ, впадающихъ въ эти моря, достигаетъ такихъ размѣровъ, о которыхъ трудно дать понятіе напимъ западнымъ сосѣдямъ. При громадности запаса ежегодно добываемой рыбы, онъ оказывается еще въ такой степени разнообразнымъ, что вызываетъ и рыбопромышленниковъ къ необычайной изобрѣтательности и къ удивительному разнообразію въ способахъ, употребляемыхъ для ловли различныхъ породъ красной и всякой другой рыбы, населяющихъ воды морей, рѣкъ и озеръ нашего обширнаго отечества. Не вдаваясь пока въ подробности различныхъ лѣтнихъ способовъ рыбной ловли, которымъ мы посвятимъ со временемъ довольно обширныя описанія и рядъ рисунковъ, мы остановимся теперь только на одномъ изъ весьма любопытныхъ и остроумныхъ способовъ зимней, *подледной* ловли бѣлорыбцы. Этотъ ловъ производится зимою и по Дону, и по Волгѣ, требуетъ самыхъ ничтожныхъ затратъ и очень незначительнаго количества рукъ; а между тѣмъ, въ зимы холодныя, продолжительныя и постоянныя, этотъ ловъ приноситъ промышленникамъ весьма значительную прибыль. Способъ ловли называется *сидебкой*, и самоловная снасть, употребляемая при этомъ способѣ, устраивается чрезвычайно просто, какъ это можетъ видѣть читатель съ перваго взгляда на нашъ рисунокъ. Весь снарядъ состоитъ изъ жердей, укрѣпленныхъ во льду и составляющихъ станокъ или козлы, на которомъ свободно ходитъ, отгибаясь и пригибаясь (наподобіе журавля или коромысла въ колодцахъ), длинная жердь, называемая *дутью*. Къ тонкому концу жерди прикрѣпляется веревочка (*гайтанъ*) въ

1³/₄ аршина длиною, а къ концу ея наглухо привязывается круглая палочка (*чибики*); у самой палочки, также наглухо, привязываются къ той-же веревкѣ дощечка, перекладникъ (*панулишка*). Вершковъ на 6 отъ этой перекладники на ту-же веревку навязывается третья палочка—такъ-называемый *сторожь*. Весь самоловный снарядъ ставится надъ пробитою во льду маленькою прорубью (*лушкою*). Въ прорубь опускается тонкая лесъ, аршина въ три длиною, крѣпко привязанная къ чибикю; на концѣ этой лесы—свинцовая рыбка (*блесна*) съ большимъ крючкомъ въ головѣ; крючокъ прикрытъ рыбьей чешуей или *наживкой* въ видѣ куска рыбы. Снарядъ ставится такъ: тонкій конецъ жерди, къ которому привязанъ гайтанъ, притягиваютъ къ *дутью* (изъ гнущей лозины), поставленной надъ самою прорубью; перекладникъ ставятъ попереку дуги, а сторожь въ длину ея, такъ, чтобы верхній его конецъ привасался срединѣ дуги, а нижній опирался на перекладникъ подлѣ чибика, тѣмъ и препятствуетъ перекладникъ выскользнуть. Но когда рыба дернетъ за крючокъ лесы, опущенной подъ ледъ, лесъ, прикрѣпленная къ чибикю, натягивается, перекладникъ понижается, вслѣдствіе чего сторожь выскакиваетъ и освобождаетъ перекладникъ, а толстый конецъ жерди, опускаясь книзу, поднимаетъ тонкій ея конецъ кверху и подтягиваетъ рыбу къ самой проруби. Рыболовъ, замѣчая, что отъѣтъ поднялся, подбѣгаетъ къ проруби и вытаскиваетъ рыбу крючкомъ на ледъ.

Сидебки ставятъ обыкновенно попереку рѣки, на разстояніи 5—7 шаговъ одна отъ другой; большею частью, ихъ бываетъ въ одномъ мѣстѣ не болѣе 20, при одномъ ловцѣ. Однако-же, въ мѣстахъ изобилующихъ бѣлорыбцею, ставятъ и отъ 50—100 сидебокъ въ одинъ общій *поядокъ*, поручивъ надзоръ за ними 5—10 ловцамъ, наблюдающимъ за снарядами изъ своихъ камышевыхъ шалашей.

Политическое обозрѣніе.

Быстро несется безвозвратное время и еще одинъ годъ каплетъ въ вѣчность. Много совершилось и переѣнилось въ теченіе его въ политическомъ мірѣ, и новый годъ начинается при нѣсколькихъ другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ это происходило триста шестьдесятъ шесть дней тому назадъ. Благодаря Богу, первая встрѣча съ 1889 годомъ совершается при болѣе счастливыхъ и благоприятныхъ условияхъ, хотя и въ настоящее время нѣтъ еще полной увѣренности въ мирѣ и спокойствіи, необходимыхъ для всесторонняго развитія и процвѣтанія всѣхъ государствъ вообще и cadaго въ отдѣльности. Годъ тому назадъ политическія обстоятельства были гораздо тяжелѣе и мрачнѣе. Грозный призракъ войны носился надъ Европой. Наступившія затѣмъ событія еще болѣе подняли тревогу. Но Россіи въ это тяжелое время оставалась спокойною. Ея непоколебимая твердость въ принятыхъ однажды рѣшеніяхъ, хладнокровная и терпѣливая внѣшняя политика много способствовали улучшенію существующаго положенія дѣлъ въ международной жизни Запада. „Вовсе не изъ патристическаго самоопія, говоритъ *Н. В.*, рѣшаемся мы утверждать, что Россіи болѣе чѣмъ кому-либо обязана Западная Европа тѣмъ, что общее положеніе дѣлъ до извѣстной степени утратило нынѣ свой острый характеръ. Внѣшняя политика, которой держалось наше правительство въ 1888 году, принесла всѣмъ хорошо извѣстные результаты. Благодаря ей, и только ей одной, вѣроятность европейской войны въ недалекомъ будущемъ значительно ослабѣла, хотя международныя обстоятельства, создававшія эту вѣроятность, почти вовсе не изменились.“ Однимъ изъ такихъ обстоятельствъ, хотя ничтожныхъ въ политическомъ мірѣ, былъ незаконный захватъ власти въ Болгаріи Фердинандомъ Кобургскимъ и неопредѣлимая безобразія его подручныхъ и клеветовъ. Извѣстія, одно возмутительнѣе другого, получались изъ Болгаріи, и какъ бы испытывали терпѣніе создавшей и облагодѣтельствовавшей ее Россіи. Но она спокойно посвятила всѣ свои силы и всѣ усилія вѣроподанныхъ сыновъ своихъ на дѣло внутренняго преслѣдованія, согласно надеждъ, выраженной Государемъ Императоромъ въ Высочайшемъ рескриптѣ по поводу новогодняго привѣтствія Москвы. Тогда другія государства приняли за Россію. По сосѣдству появились указанія, что спокойная Россія безпокойно втихомолку усиливаетъ свои силы на границахъ. Памятная статья *Русскаго Инванды* разсѣяла эти инсинуации. Но дѣло на этомъ не остановилось. 22 января 1888 г. обнародывается въ *Имперскомъ Указателѣ* тайный союзный договоръ Германіи съ Австріей, заключенный 7 октября 1879 г., т. е. въ то время, когда дружба Россіи съ Германіей была самою тѣсною, когда Россія была въ союзѣ съ этими имперіями. „Россія, писали въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по этому случаю, была любезна до подалливости по отношенію къ сосѣдямъ, добросовѣстности которыхъ она довѣряла, но она будетъ тверда и неуклонна по отношенію къ нимъ, коль скоро ихъ недобросовѣстность самими ими официально засвидѣтельствована въ моментъ апогее ихъ ухищреній. Когда Россія, разочарованная результатами своихъ отношеній къ этимъ сосѣдямъ, вслѣдствіе явнаго съ ихъ стороны посягательства на интересы и международные договоры вообще, разгадала дѣла

этихъ добрыхъ „друзей“, оцѣнила ихъ дѣйствія по достоинству и стала дѣйствовать самостоятельно,—ей признаются, что противъ нея былъ заблаговременно заключенъ союзъ, и что этотъ союзъ былъ въ полной силѣ во все время, когда она относилась къ союзникамъ съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью! Черезъ три дня послѣ обнародованія австро-германскаго договора, князь Бисмаркъ произноситъ въ рейхстагѣ памятную рѣчь о кредитѣ на военныя потребности.

Вызванная этими двумя событиями тревога еще не успѣла уняться, какъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появляется 11 февраля, правительственное сообщеніе по поводу болгарскаго вопроса. Какъ выставленныя въ ней чрезвычайныя умѣренныя требованія, такъ и тонъ, миролюбивый и спокойный, ясно говорили о взглядѣ Россіи на дѣла въ Болгаріи и указывали на образъ дѣйствій Россіи въ дѣлахъ внѣшней политики. Но требованія Россіи касательно искорененія незаконной въ Болгаріи—должны были пройти черезъ Турцію, и Болгаріи, получивъ ихъ отъ нея, знала съ кѣмъ имѣть дѣло, а потому отложила ихъ въ долгій ящикъ. Наступившія событія, на ея счастье, отвлекли отъ Софіи вниманіе.

26 февраля окончился масляный императоръ Германіи. Грозный призракъ войны казался приближался. Всѣ знали, что почившій императоръ не хотѣлъ омрачить кровопролитіемъ остатокъ дней своихъ и не допустилъ-бы войны.

Наслѣдовавшій ему тѣмъ-же большимъ Фридрихъ III, казался, не въ силахъ будетъ противостоять обстоятельствамъ, а о воинственности наслѣднаго принца было не мало толковъ. Но эти опасенія были напрасными. Несмотря на злой недугъ, Германскій императоръ съ замѣчательною твердостью воли и миролюбіемъ лично правилъ странкою. Но Богу было угодно не долго продлить его дни и 4 іюня императора Фридриха не стало. Молодой императоръ Вильгельмъ II, мѣсяцъ спустя, предпринимаетъ путешествіе по Европѣ, между прочимъ, чтобы лично ознакомиться со своими сосѣдями. Постѣвивъ прежде всего Россію и оставшись въ ней долѣе предполагаемаго срока, онъ могъ убѣдиться въ ея дружбѣ и миролюбіи. Позднѣйшія пребыванія его въ Австріи и Италіи познакомили его съ расположеніемъ къ Германіи ея союзницъ. Недавняя полемика австрійскихъ и германскихъ газетъ, а также заявленіе Криспины въ палатѣ депутатовъ о необходимости увеличенія военныхъ силъ Италіи, на случай ея дѣйствій въ союзѣ съ другими государствами или изолированно, хотя не могутъ привести къ какимъ-либо определеннымъ выводамъ, но невольно заставляютъ вспомнить о Крыловскихъ лебедѣ, рабѣ и щукѣ.

Тѣмъ не менѣе, по извѣстію изъ Лондона въ *Фоссову Газету*, государи, связанные между собою тройственнымъ союзомъ, обмѣнялись по случаю наступленія Нового года сердечными поздравленіями. Австрійскій императоръ прислалъ письмо, въ которомъ, ссылаясь на нынѣшнее международное положеніе, выражаетъ полную увѣренность въ томъ, что миръ сохранится въ теченіе 1889 года.

Таково положеніе дѣлъ по сосѣдству съ Россіей на Западѣ. На Юго-Востокѣ, въ Персіи замѣтна стала за послѣднее время нѣкоторая переѣбна въ отношеніи къ Россіи и проявленіе особеннаго расположенія къ Англіи. Въ *Нивѣ* было уже сообщено

объ открытіи свободнаго судоходства по рѣкѣ Каруну и о *международномъ* (?) значеніи этого распоряженія шаха. Рядомъ съ этимъ появляются извѣстія, и притомъ, преимущественно въ турецкихъ газетахъ, увѣренія, что Россія хочетъ завладѣть Персіей или заручиться ея нейтралитетомъ, въ виду

похода въ Индію (!). Не трудно догадаться, откуда вѣтеръ дуетъ, если обратить вниманіе на совѣты дружить съ Англіей. Недаромъ королева Викторія пожаловала британскому посланнику сэръ Друммонду Вольфу въ Тегеранѣ орденъ Баша первого класса.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Газета *Сеть* сообщаетъ, что въ министерствѣ Путей Сообщенія разсматривается проектъ относительно регулированія скорости пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Имперіи. Особое вниманіе обращено на движенія почтовыхъ поѣздовъ.

Дѣла церкви.

— Св. Синодъ, въ благодарность Господу Богу, чудодѣйственною силою сохранившему драгоценную жизнь Государа Императора, Государи Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всѣхъ Царскихъ Дѣтей отъ грозившей имъ смертной опасности, при крушеніи поѣзда 17 октября сего года, призналъ за благо, въ молитвенное воспоминаніе о великой милости Божіей къ Державѣ Россійской, установить ежегодно 17 октября во всѣхъ православныхъ церквахъ Имперіи торжественное служеніе Божественной литургіи, а послѣ оной благодарственнаго Господу Богу молебствія съ колѣноупреклоненіемъ. По всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ синодальнаго обер-прокурора, Государь Императоръ 12 ноября Высочайше соизволилъ на установленіе ежегоднаго церковнаго празднованія 17 октября.

— 11 декабря состоялось торжественное освѣщеніе часовни, сооруженной церковнымъ старостою кунцомъ Д. В. Зайкинымъ на мѣстѣ построенія въ Галерной гавани храма во имя Милующей Божіей Матери, воздвигаемаго въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— 18 декабря состоялось торжественное освѣщеніе вновь сооруженной при с.-петербургской духовной семинаріи церкви, во имя

Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. На освѣщеніи присутствовали: обер-прокуроръ Св. Синода д. т. сов. К. П. Побѣдоносцевъ и др. лица.

— Официальный эчмиадзинскій журналъ *Араратъ* сообщаетъ, что верховный католикосъ всѣхъ армянъ Макарій возвелъ патриарха турецкихъ армянъ, епископа Хорена, въ санъ архіепископа.

— 18 декабря, въ Петербургѣ состоялось освѣщеніе и открытіе зданія типографіи, словолитни, стереотипной, переплетной и центрального книжнаго депо, сооруженнаго на средства и для потребностей Святѣйшаго Ирагительствующаго Синода. Книгопечатное учрежденіе занимаетъ четырехъ-этажный каменный корпусъ, выходящій на улицу, и два примыкающихъ къ нему каменныхъ надворныхъ флигеля. При его постройкѣ и внутреннемъ снаряженіи были примѣнены на дѣлѣ всѣ требованія новѣйшей строительной и типографской техники. Въ подвальныхъ этажахъ размѣщенъ рядъ горизонтальныхъ паровыхъ машинъ послѣдней усовершенствованной конструкціи, съ необходимымъ для нихъ центральнымъ проводомъ (трансмиссія) и всѣми приспособленіями. Въ первомъ этажѣ находится огромная зала въ два свѣта. Здѣсь помѣщаются машины. По правую и по лѣвую сторону залы установлены 15 скоропечатныхъ машинъ системы Кенига и Бауеръ, приводимыхъ въ движеніе при помощи передаточной паровой силы. Особый придѣлъ въ залѣ отведенъ для установки въ немъ ротационной машины новѣйшей системы, печатающей разные форматы и способной давать въ часъ свыше 10,000 оттисковъ. По асфальтовому полу положены рельсы для передвиженія по нимъ

ручныхъ вагоновъ съ типографскими формами. Вдоль всего потолка идутъ металлическія трубы весьма значительныхъ размѣровъ, обеспечивающія помѣщенію сильно дѣйствующую вентиляцію. Отопленіе паровое. Освѣщеніе—электрическое, по системѣ Сименса и Гальске. Этажи сообщаются между собой при помощи подъемной площадки и широкой, прекрасно устроенной лѣстницы.

Морское дѣло.

— 21 декабря исполнилось 50-ти-лѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ вице-адмирала А. Б. Асланбегова.

— Начальникъ Орризарской станціи г. Пильбушъ, получивъ 5 декабря, въ 1³/₄ часа ночи, извѣстіе, что близъ Нейенгофа, въ 4 верстахъ отъ Орризара, зашла во льду лодка съ полуживыми людьми, немедленно собралъ всю команду спасательной станціи. Ночь была темная и бурная, съ сильною метелью. Съ большою опасностью удалось спустить лодку на воду, у деревни Нейенгофъ. Около версты отъ берега были найдены бѣдствовавшіе, изъ которыхъ солдатъ Егоръ Лошкинъ и студентъ Витрокъ оконечили отъ холода, учитель музыки Гривингъ, бывшій еще въ памяти, не могъ подняться безъ посторонней помощи, арестантка Эмилиа Келлеръ и торговецъ Григорій Васильевъ были почти въ безчувственномъ состояніи. Солдатъ Подѣвъ и крестьянинъ Коппель благополучно перешли по льдинамъ на берегъ. Пильбушъ доставилъ пострадавшихъ въ деревню Нейенгофъ, гдѣ старанія возвратитъ ихъ къ жизни увѣнчались успѣхомъ относительно всѣхъ пострадавшихъ, за исключеніемъ Лошкина, черезъ сутки умершаго въ судорогахъ

С М Ъ С Ъ.

Редакція „Нивы“ приобрѣла исключительное право на воспроизведеніе въ гравюрѣ извѣстныхъ „панно“ К. Е. Маковского, написанныхъ художникомъ для бар. Дервиза и выставленныхъ нынѣ въ помѣщеніи Общества поощренія художниковъ въ СПб., на Большой Морской. Въ „Нивѣ“ будетъ напечатана цѣлая серія этихъ картинъ.

Устройство воздушныхъ мостковъ въ Парижѣ. Парижскій муниципальный совѣтъ рѣшилъ сдѣлать первый опытъ возведенія воздушныхъ мостковъ (passerelle), разумѣется, въ томъ мѣстѣ Парижа, которое считается наиболее опаснымъ, почему и носитъ трагическое названіе „Le carrefour des échasés“, а именно тамъ, гдѣ улица и предместье Монмартра пересѣкаются большими бульварами. Мостки будутъ стоить отъ 20 до 22,000 тысячъ франковъ. Сумма эта съ избыткомъ обезпечена завѣщаніемъ, сдѣланнымъ въ послѣдніе годы имперіи одною особою, сшибленною съ ногъ каретой на Монмартрскомъ перекресткѣ и получившей столь тяжкіе ушибы, что послѣдствіемъ ихъ была смерть. Наслѣдники уже нѣсколько разъ требовали возвращенія завѣщанной суммы, такъ какъ она лежитъ безъ употребленія; и еще недавно послѣдовалъ новый судебскій приговоръ, по которому наследникамъ отказывается въ удовле-

твореніи на томъ основаніи, что различныя проекты еще не разсмотрѣны. Въмѣсто воздушныхъ мостковъ, муниципальными совѣтами нѣсколько разъ предлагались подземные проходы, но директоръ публичныхъ работъ никакъ не хотѣлъ на это согласиться. (с.)

Патеръ Делаттръ отырылъ недавно въ Карвагенѣ древнюю пуническую гробницу, въ которой найдены четыре человѣческихъ скелета, два топорика, бронзовый щитъ, двадцать пуническихъ вазъ и много греческихъ гончарныхъ издѣлій. Патеръ Делаттръ опредѣляетъ древность этой могилы въ три тысячи лѣтъ. Раскопки производились на счетъ бывшаго французскаго посланника, доктора Богюэ, и до сихъ поръ дѣятельно продолжаются. (с.)

Недавно въ Стратфордѣ-на-Эвонѣ открытъ памятникъ Шекспиру. Онъ состоитъ изъ бронзовой группы, одна изъ фигуръ которой представляетъ Вильяма Шекспира, а четыре другихъ—его величайшія драматическія творенія: Гамлета, олицетворяющаго философію, Леди Макбетъ—трагедію, принца Вельскаго—исторію, и Фальстафа—комедію. Фигуры вылѣплены скульпторомъ лордомъ Рональдомъ Гоуэрзомъ и подарены имъ городу Стратфорду. Памятникъ поставленъ противъ Стратфордской приходской церкви, гдѣ поконится прахъ Шекспира. (с.)

Новое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Гёте „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

Географическая задача № 1.

(Ходъ коня).

Найти по атласу городъ или рѣку не подписанная въ клеткахъ и отмѣченный вопро- сительнымъ зна- комъ, выкинуть тѣ буквы, которыя

придется на мѣ- стѣ занятыхъ. Изъ полученныхъ та- кимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посред- ствомъ хода коня русскую посло- вцу.

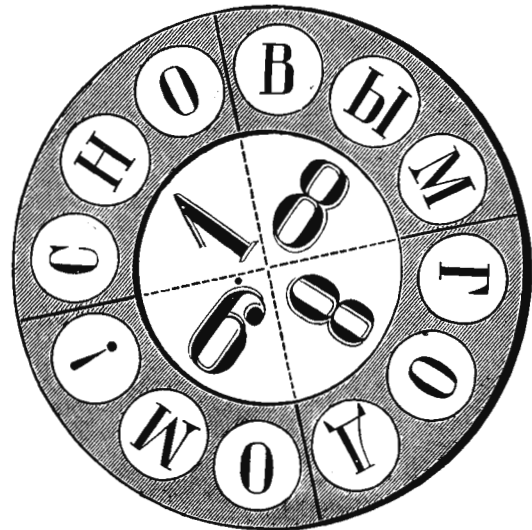
Рѣшеніе Рождественской задачи № 79 (помѣщенной въ № 52 1888 года).

П	з	л	а	е	а	ь	а	т	е	а	ь
О	р	л	н	х	ж	х	т	т	ц	а	ь
Д	л	а	а	м	н	и	т	е	р	о	ь
В	ь	а	а	ч	а	н	н	и	о	т	ь
М	и	и	а	ч	н	н	и	о	т	ь	
Ш	в	л	л	п	л	р	н	с	с	р	ь
У	м	п	л	п	л	р	н	с	с	р	ь
Е	и	е	ь	д	ь	е	а	о	с	в	ь
Ч	л	т	с	з	л	д	в	н	о	а	ь

- 1) Тетива.
- 2) Чардашъ.
- 3) Мей.
- 4) Лыжи.
- 5) Вязь.
- 6) Духи.
- 7) Перець.
- 8) День.
- 9) Слива.
- 10) Море.
- 11) Ласточка.
- 12) Нарзанъ.
- 13) Жито.
- 14) Пихта.
- 15) Мошь.
- 16) Висть.

„Поздравляемъ уважаемыхъ нашихъ читателей и чита- тельницъ съ праздникомъ Рождества Христова!“

Рѣшеніе задачи № 80 (помѣщ. въ № 52 1888 г.).

1889.

„Съ Новымъ Годомъ!“

СОДЕРЖАНІЕ: Н. М. Чихачовъ (съ портр.). — Внѣ моды. А. Фета. — Время. Стих. графа А. А. Голицына-Нутузова. — Опасная игра. Повесть Н. Д. Ахшарумова. — Важнѣйшія рыбы Россіи. (Описание особаго приложенія при этомъ №, печатаннаго 12 красками). М. Штауде. — Къ рисункамъ: Тризна Святославовыхъ воиновъ подъ стѣнами Доростола (съ рис.). — Ахаль-Тенинская мельница (съ рис.). — Русская боярышня (съ рис.). — Служба-дружба (съ рис.). — Крейсеръ „Адмиралъ Норниловъ“ (съ рис.). — Новый Годъ (съ рис.). — Зимняя кормежка оленей (съ рис.). — Сиделка (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь — Задачи и рѣшенія задачъ. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Объявленія. — При семь № гмлагаются: 1) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ и рукодѣльные работы за ЯНВАРЬ 1889 г.; 2) Таблица ВАЖНѢЙШИХЪ РЫБЪ РОССІИ, печатанная 12 красками; 3) СТЕННІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1889 г., печатанный 8 красками.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ
литературы, политики и современной жизни.

„НИВА“

Кромѣ напечатанныхъ въ этомъ № повѣсти А. А. Фета — „Внѣ моды“, начала романа Н. Д. Ахшарумова — „Опасная игра“, и стихотворенія гр. А. А. Голицына-Нутузова „Время“, въ теченіе этого года будутъ, между прочимъ, помѣщено въ „Нивѣ“:
П. Выховатова — „Голова съ натуры“, рассказъ. Кн. М. Н. Волконскаго. — „Мнимая любовь“, романъ въ 2 част.
Князя Д. Голицына-Муравлина — „Увлеченіе“, повѣсть. П. Дорошенко — „Кто же?“ современный рассказъ. В. П. Желиховской — „Удивительныя приключенія Порфирія Перепелина“, рассказъ. М. В. Крестовской — „Торжество Юліи Андреевны“, романъ.
Н. В. Кужольника — „Крѣпостной художникъ“. (Посмертное произведеніе). Евгенія Львова — „Три могилы“, очерки изъ недавняго прошлаго. А. Луговаго — „Борь“, поэма. В. И. Немировича-Данченко — „Подъ звонъ колоколовъ“, ром. въ 2-хъ част. П. Н. Полевого — „Корень зла“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саласа — „Барыни-крестьянки“, историческій романъ.
Н. Соверина — „Перепугала“, комедія въ 1 дѣйствіи. Н. Станицкаго — „Дѣдушка“, рассказъ. А. В. Стериль — „Боные дѣтя“, рассказъ.
О. О. Тютчева — „Артемій Саватьевъ“, рассказъ. Кн. Д. Н. Цертелева — „Иранское преданіе“. О. Чюминой — „Загадка“, комед. въ 1 дѣйств.

Кромѣ приложенныхъ къ этому № календаря на 1889 г. и таблицы съ изображеніемъ важнѣйшихъ рыбъ въ Россіи и разныхъ экстренныхъ премій, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „Нива“ выдается особое бесплатное еженеѣльное приложеніе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.
Какъ главную премию на 1889 г. гг. годовые подписчики имѣютъ безплатно получить большую олюграфическую картину печатанную масляными красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“,

точно такого-же формата, какъ и премія 1888 года, т. е. 14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины.

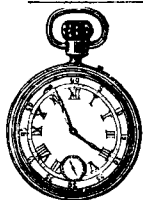
Картина эта изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, освѣщенный навѣсами рожи и залитый золотомъ послѣзюлуденнаго солнца по всей ширѣ облегающей его степи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ ПОКАЗАНА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ.

Для иногородныхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:
При подпискѣ вносится 3 р. Къ 1-му мая 1889 г. 2 р. Къ 1-му іюля остальные 2 р.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ, и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просить адресовать въ Главную Контору Редаціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 6.

ДЕПО ЧАСОВЪ
ФРИДРИХА
ВИНТЕРА
уголь Невскаго и
Литейнаго пр., № 78.
РЕКОМЕНДУЕТЪ

Съ ручательствомъ на 2 года,
въ особенно большомъ выборѣ:

ЧАСЫ ДАМСКІЕ:

Зол. глух. цѣл. на 10 к.	отъ до
" анк. на 15 кам.	28—50 р.
" цѣл. съ зав. б. кл.	33—115 "
" анк.	35—60 "
" съ зав. безъ кл., митовые съ жив. эмалью	45—150 "
Такіе-же съ бриллиант.	60—100 "
Зол. гл. новомодн. изящн. отд.	75—200 "
" Віюи менши. раз.	50—150 "
Серебр. глух. на 10 к.	40—125 "
" съ з. б. кл.	13—18 "
" анк. на 15 к.	15—22 "
Никелир. съ зав. б. кл.	15—25 "
Черные стальные	10—13 "
	14—25 "

ЧАСЫ МУЖСКІЕ:

Зол. глух. анк. на 15 к.	45—200
" съ з. б. кл.	55—350
" съ репетитор.	250—1000
" съ календаремъ и проч.	—425
Серебр. глух. на 10 кам.	13—18
" анк. на 15 к.	13—75
" съ брегет. з. анк.	18—1
Такіе-же съ зав. б. кл.	16—75
Хроногр. для бѣговъ.	15—50
Серебр. глух. докторск.	—50
Серебр. зав. б. кл. безъ стр.	30—40
" наклады золота.	30—40
Никелиров. открытые	—6
" съ зав. б. кл. цѣл.	8—12
Такіе-же анкерные	12—16
" анк. глухіе.	14—18
" цилиндр.	12—14
Стальн. черн. зав. б. кл.	14—28
Такіе-же безъ стрѣлокъ.	30—40
Часы стол. мад. разн.	4—
" съ будильникомъ.	4—18
Часы каретные.	25—150
" стѣнные.	2—250
" столовые	15—350
" контрол. Бюрка со всеми приборами	—45

ЧАСЫ БАШЕННЫЕ.

Часовые приборы и инструменты для часовыхъ дѣлъ мастеровъ. Подробные иллюстрированные прейсъ-курранты высылаются бесплатно. № 3625

ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ:

МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ,
изобрѣтенія В. Аккермана,

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ,
МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ
на складѣ при механическомъ заводѣ

В. АККЕРМАНА,

СПбурге, Невскіи, Больш. Болотная улица, домъ № 6. № 3390 4—4

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1889 г.

НА
РЕМЕСЛЕННИЧЬЮ

ГАЗЕТУ еженедѣльное издание. Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

Въ каждомъ № помѣщаются: со-
веты, рецепты, указанія и попут-
ныя описанія новостей по всемъ реме-
сламъ и мелкимъ техническимъ прои-
водствамъ, со множествомъ рисунковъ и
работныхъ чертежей (въ текстѣ и на 100
особыхъ листахъ) разныхъ новыхъ издѣ-
лій, инструментовъ, станковъ, машинокъ
и всякихъ полезныхъ приспособленій для
мастерскихъ и хозяйствъ. Описание вы-
ставокъ, музеевъ, учебныхъ мастерскихъ,
новости по техническому и ремеслен-
ному образованию.
◆ Необходимое издание для техника,
ремесленника, кустара, сельскаго хо-
зяина, любителя ремесла и для школы
(мужскихъ и женскихъ). № 3636

6 руб. въ годъ съ перес.
и доставной; 4 р. за 1/2 года.

РЕМ. ГАЗ. одобренъ Учебн. Ком. Мин. Нар. Просв.

АДРЕСА въ всѣхъ спе-
циально-
стей и
странъ до-
стандартъ подъ
гарантией: Interna-
tion. Adressen - Verl. - An-
stalt (С. HERM. SERBE) Leip-
zig (Германія) (основ. 1864). Ката-
логъ около 950 специаль. = 5.000.000 ад-
ресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

„НОВОСТЬ“

за 5 марокъ
(иногородныхъ) высылается
заказнымъ новымъ прантическій
стѣнной

КАЛЕНДАРЬ

на 1889 г.
(размѣръ 6½ в. X 9 в.)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ

Москва. — С.-Петербургъ
№ 3608

МЫЛО

произвора
А. М. ОСТРОУМОВА

противъ
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

за кусокъ 30 к.

Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ
маркой за № 3374. М. № 3580 4—3

ТРОИЦКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

Г. А. ЭТИНГЕРА,

С.-Петербургъ, Троицкая ул., № 38, у Пяти угловъ.
доставляетъ на домъ, съ прилож. открыт. письма для возобновленія заказа.
10 сифон. сельтерск. или (по — р. 10 к. 25 бут. минер. лимонаду за 1 р. 75 к.
25 полубут. содовой воды (за 1 „ 18 „ 25 бут. фрукт. и ягод. водъ. 2 „ 50 „
25 полубут. вина (Vichy) „ 2 „ 50 „ 1 ведро клюкв. и лимон. морсу. 1 „ 70 „
25 ¼ б. пирофосф. жел. водн. „ 1 „ 25 „ 1 Оршаду „ 3 „ 50 „
Залогъ за сифоны по 1 р. 50 к., за бут. по 2 коп. Мт. № 3643

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ

LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно известны:

- ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
- ЛОЗЕ SYRINGA
- ЛОЗЕ GOLD LILIE
- ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

№ 3607 12—2

Придворный Парфюмеръ

46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.

Новоизобрѣтенная нами глицериновая пуд-
ра по своему составу содержитъ все ка-
чества для бѣлизны кожи.

М. № 3454 4—3

Брокеръ и Ко.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
держащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣ
двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ стеклѣ каждого фла-
кона, — пров. Кинуненъ. (18) № 2946

CORSETS
LEOTY
adoptés
par le
High-Life pa-
risien.
8. Place de la
Madeleine, Paris.

ЛЮБИМЫЕ и ПЛОЗНИКЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которою печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2407

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

Коллекціи, избранныя заведеніемъ изъ
самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремо-
нтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ,
съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт.
за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. Минскъ, губер-
нское садовое заведеніе И. И. Голиневича
Наставленіе къ уходу и каталоги высыла-
ются по полученіи семикопѣчной марки.

КРАСОЧНЫЙ ТОЛЕВЫЙ

заводъ.

СИИ и ЛОСКЪ

Преемники В. П. Франке.
12—12 Москва. М. № 3008
Контора: Маросѣвка, д. Кайсарова.

БРАДЕВО-ГРАДЕЦКАЯ
ЧЕШСКО - СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА

В. Ф. ЧЕРВЕНЬИИ С-Я

въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки и
починки музык. инструмен. духовныхъ, струн-
ныхъ, ударныхъ и клавишныхъ, которые
первосходные нѣмецкихъ, англійскихъ и
французскихъ по чистотѣ строя, отличаея
элегантною и прочной отдушкой.
Т. п. адресовать: въ Кіевѣ, В. Ф. Чер-
веному и С. № 3461

НОВЫЙ
АДРЕСЪ
МОЛНОИ МАСТЕРСКОИ
Л. КНЮТТЕРЪ.
ВЪ МОСКВѢ ПЕР-
СОНАЛЬНЫИ
ДОМЪ ДА
ROBESPIERRE MANTEAUX
M. 3604

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ все ½ бумаги.
Ссуды подъ все ½ бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на все города.
Оплата купоновъ. № 3611 5—2
Также нужны върныя съ настоя-
щимъ мѣсяцемъ жительство
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-
означенному адресу.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА
съ 1-го Января 1889 года

на
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПАСТЫРСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ

Программа „Пастырскаго Собесѣдника“
остается безъ измѣненія.
Каждъ номеръ при веденіи въбогослужеб-
ныхъ собесѣдованій, по возможности, въ
каждомъ № журнала будутъ помѣщаться
образцы или опыты этого новаго вида цер-
ковно-народной проповѣди, а также и раз-
наго рода статьи для чтенія при въбого-
служебныхъ собесѣдованіяхъ.
Въ особыхъ приложеніяхъ къ журналу
попржнему будутъ печататься отличаю-
щихся простотою изложенія и приближеніемъ
къ народной жизни проповѣди на предсто-
ящее воскресенье и праздничные дни.
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ — пять рублей,
на 8 мѣсяцевъ (по 1 е сент.) — четыре руб.
на 4 мѣсяца (по 1 е мая) — два рубля.
Требованія адресовать:
Въ г. Москву, Редактору-издателю еже-
недѣльнаго духовнаго журнала „Пастырскій
Собесѣдникъ“, Василію Абрамовичу Ма-
рицкому. (Адресъ редакціи Почтамту из-
вѣстенъ). № 3627

„СУДЬБА ГАДАНЬ“

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, в течение недели, месяца, года и пяти лет. П. Книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалыньскъ М. Комисарову.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу шуточные рассказы для маленькихъ дѣтей въ стихахъ и рисункахъ

В. БУША

ДВѢ СОБАЧКИ. Около 100 рис. Въ раскрашенной папкѣ—75 к. Въ перепл.—1 р. 25 к. ВОРОНЕНОКЪ. 64 рисунка. Въ раскрашенной папкѣ—75 к. Въ перепл.—1 р. 25 к. ДВА ПРОКАЗНИКА. 100 рис. П. 60 к. Въ папкѣ—75 к. Въ перепл.—1 р. 25 к.

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ НОТЪ

ВЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНИЯХЪ ЮРГЕНСОНА П. № 3615 (болѣе 14000 №) 5—2 вышле изъ печати и высылается бесплатно изъ музык. торговли П. ЮРГЕНСОНА Москва, Неглинный пр., 10.

Вышла двѣнадцатая (декабрьская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

СОДЕРЖАНИЕ: I. Черный годъ. Романъ. Часть I. Г. П. Данилевскаго. — II. Надъ Нѣманомъ. Романъ Элизы Ожешковой. Окончаніе. — III. Стихотвореніе. Л. И. Пальмина. — IV. Грѣхи тѣжкіе. (Очеркъ). Гл. И. Успенскаго. — V. Паря. Рассказъ Жоржа Дюрюя. Перев. съ франц. В. М. Р. — VI. Съ двухъ сторонъ. (Рассказъ о двухъ настроеніяхъ). Окончаніе. Вл. Г. Нороллено. — VII. Стихотвореніе. Л. Н. Трефолева. — VIII. Очерки современнаго земства: II. Земство и экономическое положеніе населенія. Я. В. Абрамова. — IX. Что такое научная философія? В. В. Лесевича. — X. Хлѣбный кризисъ. Окончаніе. В. В. — XI. Два университета: курсъ по всеобщей исторіи. X. — XII. О значеніи профессиональнаго образованія при экономическомъ развитіи Россіи. Н. А. Набукова. — XIII. Мериме (Georg Brantes: „Die Litteratur des XIX Jahrhunderts in ihren Hauptströmungen“). — XIV. Очерки русской жизни. ХХХ. Н. В. Шалгунова. — XV. Литература и жизнь. (Критическія замѣтки). Т. — XVI. Научный обзоръ. В. В. Эрисмана. — XVII. Иностранное обозрѣніе. В. А. Гольцева. — XVIII. Внутреннее обозрѣніе. — XIX. Современное искусство. Ан. — XX. Библиографическій отдѣлъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1889 ГОДЪ.

Table with subscription rates for 1889, including monthly and quarterly rates for Russia and abroad.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ въ 1-му апрѣля, 1-му юля и 1-му октябрю по 3 рубля. Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., причеъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 рубля и затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 рублю.

Новые подписчики на 1889 г. получаютъ бесплатно начало романа Г. П. Данилевскаго „Черный годъ“. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21. Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., д. Армянской церкви. Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

ПОДПИСКА на 1889 годъ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ МАЛЮТКА

ДЛЯ САМЫХЪ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ. (ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

ДВѢНАДЦАТЬ КНИЖЕКЪ ВЪ ГОДЪ, крупнымъ, четкимъ шрифтомъ, со множествомъ превосходно исполненныхъ гравюръ.

ДВѢНАДЦАТЬ БЕСПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ, состоящихъ изъ разнообразныхъ занимательныхъ игрушекъ, для склеиванія, вырѣзыванія и раскрашиванія.

Подписная цѣна:

Въ Москвѣ безъ доставки 1 р. 50 к. | Съ доставкой на домъ и перес. 2 р. 50

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, у Н. ПЕЧКОВСКОЙ (Петровскія Линія); въ Петербургѣ: въ магазинѣ ФЕНУ, на Невскомъ.

Иногородные обращаются исключительно: ВЪ МОСКВУ, ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА МАЛЮТКА.

Оставшіеся экземпляры за 1887 и 1888 годы можно получать, со всѣми преміями, по той же цѣнѣ (1 р. 50 к. въ Москвѣ и 2 р. 50 к. съ пересылкой).

Къ журналу МАЛЮТКА были приложены слѣдующія бесплатныя преміи:

- 1) Картонная штампованная мебель для куколъ. 2) Комната для куколъ. 3) Альбомъ для раскрашиванія. 4) Шашечница. 5) Домикъ и конюшня (для склеиванія). 6) Домико. 7) Дикія животныя (для вырѣзыванія). 8) Двѣ мельницы (для склеиванія). 9) Домашнія животныя (для вырѣзыванія). 10) Китайская головоломка. 11) Игрушки изъ спичекъ. 12) Домики для склеиванія.

Abonnementsaufforderung auf den II. Jahrgang des in St. Petersburg, Leschtukow Pereulok Nr. 11, erscheinenden DEUTSCHEN HUMORISTISCHEN WOCHEBLATTES

„PIPIFAX“

Der „Pipifax“ ist das einzige illustrierte deutsche Blatt Russlands und erscheint regelmässig jeden Sonnabend. Dem „Pipifax“ bleibt jede Frivolität fern und kann derselbe daher mit bestem Gewissen als Familienblatt empfohlen werden. Preis mit Zustellung: R. 2 für 1/2 Jahr, R. 3. 50 für 1/2 Jahr, R. 6 für 1 Jahr. Der I. Jahrgang des „Pipifax“ ist in 2 eleg. gebundenen Bänden à Rbl. 3.—beide zusammen Rbl. 5.—durch alle Buchhandlungen und in der Expedition: St. Petersburg, Leschtukow-Per. Nr. 11, zu beziehen. Für Zustellung pr. Post 50 Kop. Zuschlag.

СЕЗОНЪ САРПИНОКЪ.

Вновь выработана на 1889 г. Саратовская сарпинка. Огромная партия новѣйшихъ рисунковъ, для дѣтъ, на дамскія платья, дѣтскія костюмы и мужскія сорочки прочныхъ красокъ; цѣною отъ 13 до 22 коп. за арш. Приемъ заказовъ и пересылка во всѣ города Россіи производится на счетъ фирмы; прейсъ-курантъ, въ которомъ до 280 разнообразныхъ модныхъ образовъ, высылается заказной бандеролью за 49 к. почтом. Марк. Адресъ: Г. Саратовъ. Коллегіуму Андреевичу Андрееву. № 3637

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ СТРАХОВАНІЯ“

Спеціально-популярный журналъ, посвященный дѣлу страхованія во всѣхъ его проявленіяхъ: страхованіе отъ огня, жизни, капиталовъ, пенсионныхъ пенсій, несчастныхъ случаевъ, транспортныхъ, градобитія, скопа отъ падежа и др. Вытѣкаетъ въ себѣ 18 разныхъ отдѣловъ, въ томъ числѣ и литературный. Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Цѣна годовому изданію 5 р., съ пересылкою 6 р., за границу 20 франки. Лица подписавшіяся на годовое изданіе получаютъ въ видѣ преміи безплатный на застрахованіе и внесшія 6 р.—получаютъ въ видѣ преміи полагъ въ 1000 р. хованіе на случай смерти отъ несчастнаго случая.

„СТРАХОВОЕ АГЕНТСТВО“

при редакціи открыто „СТРАХОВОЕ АГЕНТСТВО“ для пріема заявленій и заключенія страхованій по всѣмъ отраслямъ во всѣ Страховыя Общества. принимаетъ БЕЗВОЗМЕЗДНО составленіе всѣхъ страховыхъ комбинацій, равно какъ высылаетъ всѣ тарифы и свѣдѣнія о таковыхъ; исполняетъ БЕЗВОЗМЕЗДНО порученія по покупкѣ и высылкѣ повѣсточно ПОЖАРНЫХЪ ТРУВЪ, полныхъ ПОЖАРНЫХЪ ОБОЗОВЪ, МАШИНЪ и инструментовъ; является агентствомъ всѣхъ противуположныхъ средствъ и аппаратовъ; Автоматическое агнетуш. ГРИНДЕЛИ, состава БАБАЕВА, АНТИПНРЪ Урауба и проч. С.-Петербургъ, Невскій, № 75—2, кв. 3. № 3622

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

журналъ, издаваемый русскимъ обществомъ книгопродавцевъ и издателей. ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) правительственныя распоряженія, относящіяся до спеціальныхъ журналовъ (Височайшія повелѣнія, распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ и министерства, вновь разрѣшаемыя повременныя изданія, перемены въ изданіяхъ существующихъ, о книгахъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній и ихъ библиотекъ, и пр.); 2) свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его правленія; 3) книжно-торговое дѣло (сообщенія книгопродавцевъ и издателей, извѣщія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденція, запроса, разная свѣдѣнія, почтовый ящикъ и пр.); 4) указатель новыхъ изданій (списокъ выходящихъ въ продажу книгъ); указатель новѣйшихъ въ разныхъ журналахъ отзывовъ о книгахъ; четыре раза въ году рефераты и рецензій; 5) предложеніе и спросъ; 6) объявленія. Срокъ выхода одинъ разъ въ мѣсяцъ. Форматъ в 8°. Подписная цѣна 3 рубля въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Table with advertising rates for 'КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ', including prices for single pages, lines, and columns.

Вышли въ свѣтъ вторымъ изданіемъ ПОЧТОВЫЯ ПРАВИЛА для частной корреспонденціи съ приложеніемъ такъ же посылки во всѣ мѣста Имперіи. Составилъ А. Я. ХРЪНОВСКІЙ. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 60 коп. „Средоточивая всѣ нынѣ дѣлствующія постановленія и правила о частной почтовой корреспонденціи, книжка эта принадлежитъ въ изданіямъ полезнымъ какъ для публики, такъ и для чиновъ почтово-телеграфнаго вѣдства.“ (Почт. Телегр. журналъ. Ноябрь 1888 г. № 21).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ НА РУССКІЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРСТИЧЕСКИЙ. П. № 3633 Выходитъ ежемѣсячно, въ количествѣ 52 №№ въ годъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—7 руб., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи—8 руб.; на полгода безъ доставки—4 руб., съ пересылкой и доставкой—5 руб. Плата за помѣщеніе объявленій за 1 разъ 25 коп. за строчку негита въ одинъ столбецъ. За различныя украшенія и рисунки къ объявленіямъ плата полагается по соглашенію. Отдѣльные №№ 15 копѣекъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно въ Контору редакціи: Тверской бульваръ въ домъ священника Булгакова. Редакторъ-издатель Н. С. СЕДОВЪ.

ИЗДАНИЕ Ком. Скороп. д. Фирм. „ЕВГ. ТИЛЕ“

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ из лучшего англійскаго колленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанія красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Оставшіе экземпляры книгъ: **„СПАРТАКЪ“**. Историческій романъ Рафаэля Джювеноли, съ иллюстраціями къ автору Джювеноли Гарибальди. Большой томъ 462 стр. Цѣна въ бум. 1 р., въ пер. 1 р. 20 к., въ тиснен. золот. пер. 1 р. 75 к., (за № 3613 пересылка — 30 к.). 2—2
— Романъ читается съ захватывающимъ духомъ интересомъ, знакомятъ съ исторіей Рима времени борьбы гладиаторовъ и ихъ предводителя — Спартака. — Складъ изданій: С.-Петербург. Мастер. учеб. пособій и игръ, Троицкая ул. 11. Книгопродавцамъ, обычная уступка.

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

См. „Ниву“ № 50 1888 г.
Карм. форм. въ замшев. кошельк. . . 8 р. 50
съ пересылкою. 9 р. —
Больш. форм. въ шагр. футл. съ ремн. 9 р. 50
съ пересылкою. 10 р. 50
„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптич. качества, одинаково годенъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокала“. Театральный бинокль въ разв. оправ. отъ 5 до 65 рублей.

Е. КРАУСЪ и К^о.
СПЕЦИАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Парижъ, Авен. d. l. Républ. 4.
3—2 **СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ**
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высыл. безплатно. № 3618

10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ КОНЬКОВЪ
отъ 2 руб. — 15 руб. за пару. 3371
Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.
Ж. БЛОКЪ. Спб., В. Морская, 21.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія полурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и все танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленъ для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 80 фунтовъ.
Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана — безплатно.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ

Играетъ посредствомъ металлическихъ нотныхъ круговъ всевозможныхъ пьесъ, русскія, салонныя, оперныя, и все танцы. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра.
Цѣна фениксъ-органа съ 10-ю пьесами 35 руб. Добавочныя пьесы, безъ различія какаго размѣра, по 70 коп. Пересылка за 45 фунт. Списокъ пьесъ — безплатно.

ФЕНИКСЪ

прежней конструкціи съ 10-ю пьесами 25 р. Добавочныя пьесы безъ различ. размѣра по 70 к.

Каталоги нотъ для герофона, аристана, феникса и для оркестра-манопана — **БЕЗПЛАТНО.**

Все другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ имѣются въ самомъ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. № 3628

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42. — Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

ГЕРОФОНЪ

по удешевленной цѣнѣ. Обыкновенный герофонъ съ 10 пьесами стоитъ теперь только 30 руб. Герофонъ съ приспособл. для игры „forte“ и „piano“ съ 10 пьесами только 32 руб. Большое количество добавочн. пьесъ по 60 к. за каждую. Пересылка за 50 фунтовъ.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

съ 10-ю пьесами 28 руб. Добавочныя пьесы въ громаднѣйш. выборѣ по 60 коп. Пересылка за 45 фунтовъ.

Герофоны, аристаны, фениксы и ноты къ нимъ продаются у меня только настоящеіе патентованныя; поддѣланныхъ, которые легко портятся — не имѣю.

Les produits sous l'étiquette ROUME

ont une vogue extraordinaire qui s'étend tous les jours entre: **St. PETERSBOURG NEW-YORK PARIS.**

La maison Roume a conclu un traité avec une maison importante de NEW-YORK (Etats-Unis) et dès Janvier 1889

ON TROUVERA les PRODUITS ROUME

aux adresses suivantes:
St-PETERSBOURG MAISON ROUME 16 Grande-Morskaia.
PARIS MAISON ROUME 84. Rue des Petits Champs.
NEW-YORK MAISON WILLY-WALLACH 231. Broadway.

Ses parfums (essences) les plus appréciés, les plus demandés actuellement ont un cachet de supériorité distinctive provenant du fait: 1° d'une composition savante. Мт. 3632
2° Provenant d'essences extra, et d'infusions vieilles de 10 à 15 ans.

НОВАЯ карточная игра **„КЛИНЪ“**
3—2 для 4-хъ и 3-хъ. № 3591
Цѣна 40 к. (съ перес. 45 к.).
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: ТРОИЦКАЯ УЛ., 11.

ДЛЯ ОФИЦЕРСКИХЪ СОБРАНІЙ:
Тактическая игра.
БОЙ ЗА ПОЗИЦІИ.
Шашки означаютъ три части войскъ. Издѣное изданіе 2 р. 60 к. Упрощенное 1 р. 60 к. (упак. 30 коп., № 3640 перес. 4 фунт.). 2—1
Ключъ крѣпости.
Шашечная игра; ц. 2 р. (упак. 30 коп., пер. 4 фунт.).
ОПЕРЫ.
Игра шашками-картами. Цѣна 3 р. 50 к. (упак. 40 к., пер. 9 фун.).
ОБЛАВА.
Шашечная игра съ фигурами: 8 охотниковъ, а 1 медвѣдь; ц. 2 р. (упак. 30 к., пер. 4 ф.).
АГОПЪ.
Шашечная игра; ц. 1 р. 25 к. (упак. 25 коп., пер. 6 фунт.).
Шашки, шахматы, домино, лото разныхъ цѣнъ.
ПРЕДЛАГАЕТЪ:
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ учебныхъ пособій и игръ.
Троицкая ул., 11.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ **Г. ВАЛЬТЕРЪ**
СПбурѣ, Невскій пр., № 52 противъ Императ. Публичной Библиотеки оптова и розничн. продажа. Специализируетъ хронометровъ.
Никел. открыт. часъ отъ 7 руб. и дороже.
Стальн. " " 14 " " "
Серебрян. закр. " 15 " " "
Зол. дамск. закр. " 30 " " "
Зол. мужск. закр. " 50 " " "
Ручательство на два года.
Пересылка на счетъ магазина.
Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 2630 3—1

ПЕЧИ
переносныя, безъ трубы и усовершенствованныя
БЕЗДЫМНЫЙ УГОЛЬ
къ нимъ, можно получать:
1. Камюзе, Невскій просп., № 20.
2. О. Мюллеръ, Казанская ул., 28, кв. 3. № 3547 2—2

Большое депо часовъ **Б. АЛЬТШВАГЕРЪ**
НЕВСКІЙ ПР. № 42.
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-кур. высыл. безпл.

НОВОСТЬ! № 3577 4—4
Часы дамскіе стальные черныя съ зав. безъ ключа, величиною съ 20 коп. сер. монету. Ручательство за вѣрный ходъ. Цѣна отъ 30 руб.

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРЪ.
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 52, собственный домъ.
ПОСТАВЩИКА ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:
ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМІРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года, ЕДИНСТВЕННЫЯ ВЪ РОССІИ, ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ОТДѢЛУ:
ЛОНДОНЪ — золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ** — почетный дипломъ и орденъ Леопольда.
Пiano 425, 500 и 550 руб. Кабинетныя рояли 550, 650, 750 и 850 руб. Салонныя № 3616 рояли 900 и 1,000 руб. Концертныя рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей. 3—2
Дозвол. цензур., Спб., 28 декабря 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, Спб., Невскій, 6. Библиотечка „Нивы“, Спб., Невскій, д. 1.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

г. XX

№ 2

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаеъ 7 января 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

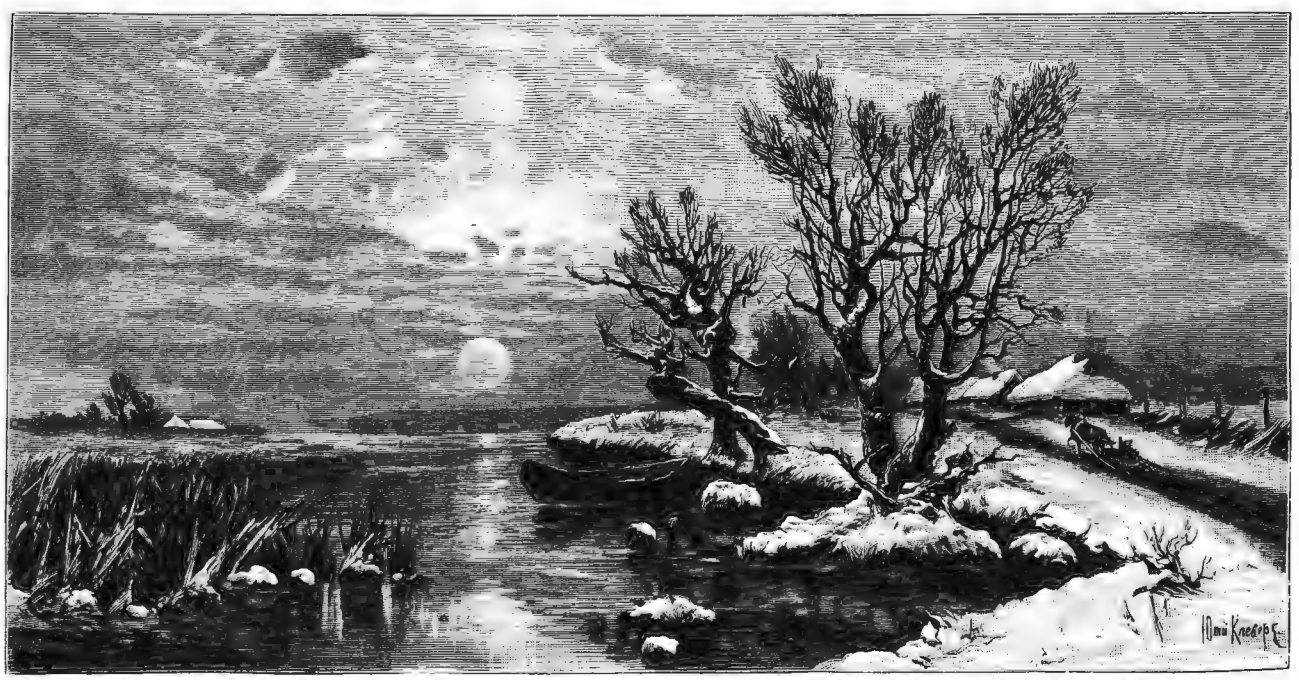
Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . .	5 Р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи	6 Р.	Съ перес. въ Москвѣ и въ друг. город. и мѣст. Имперіи.	7 Р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	6 Р. 50 к.			За границу	9 Р.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Также принимается подписка на 1889 г. съ разсрочкой. Подробности см. въ объявленіяхъ.
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всеми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМЪ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 6 Ч. ВЕЧЕРА.

Хуторокъ зимой. Съ карт. проф. Ю. Клевера (собственность Ф. Утемана), рис. Великановъ, грав. М. Рашевскій.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

IV.

Четвертый этажъ на дворѣ и узкая лѣстница, съ запахомъ кухни, со слѣдами кошкѣ, собакѣ и помоевъ. Квартира подѣ-стать: тѣснота, безпорядокъ, дѣти... Съ прибытіемъ новой семьи, число послѣднихъ выросло до того, что почувствовавъ свой перевѣсъ надъ взрослыми, они овладѣли всѣмъ помещеніемъ, и съ крикомъ буйнаго торжества, сопровождаемые собачьимъ лаемъ, переносились изъ комнаты въ комнату. Увидѣвъ Пашу, оставшуюся сидѣть въ прихожей, они окружили ее, какъ дикіе—захваченную въ набѣгѣ бѣдную, и на минуту притихли, безцеремонно разглядывая ее и ея дорожный костюмъ. Дѣвчонка, снавшая какъ сурокъ въ вагонѣ, а въ экипажѣ расплакавшаяся, когда ее посадили возлѣ чужой,—теперь, видя силу на своей сторонѣ, храбро взобралась къ ней на колѣни, ощупывая по обыкновенію дикарей, все что казалось ей ново и любопытно... Въ полуоткрытыя двери выглядывала прислуга и, перешептываясь, собладала другъ другу свои догадки... Наконецъ, Марфа Никитишна, выглянувъ тоже откуда-то, позвала ее.

— Вотъ, рекомендую, сказала она, пропуская ее, и заперла за ней двери.

Худая и плоская, нечесанная и неодѣтая женщина лѣтъ подѣ сорокъ, въ закапанномъ кофеемъ, распашномъ капотѣ, встрѣтила Пашу строгимъ взоромъ, и сѣла, оставивъ ее стоять.

Это была хозяйка, замѣтно чѣмъ-то взволнованная. Она подергивала плечами и впалыя щеки ея горѣли, что—при ея худобѣ—сообщало ей какой-то двусмысленный видъ,—словно она надумалась.

— Я слышала, произнесла она нараспѣвъ,—но признаюсь, не вѣрю, чтобы не дрянъ какая-нибудь безпашпортная, а дворянка изъ благородной фамиліи занималась такимъ ремесломъ.

Паша стояла какъ осужденная, чувствуя всѣмъ существомъ, что какъ-бы она ни оправдывалась, ей не повѣрятъ.

— Говорятъ: первый разъ, продолжала та, значительно поводя глазами.— Но вы должны это лучше знать. Разскажите пожалуйста сами, какъ это у васъ случилось.

— Клянусь вамъ, я ничего не знаю, былъ робкій отвѣтъ.— Я крѣпко спала, когда меня разбудили... Говорятъ: бумажникъ пропалъ, и на меня подозрѣніе... Бумажникъ нашли дѣйствительно въ моей сумкѣ, но какъ онъ туда попалъ, объ этомъ знаетъ одинъ только Богъ, да тотъ, кому нужно было меня погубить.

— А кому-же, по вашему, это нужно было? спросила та, протягивая слова и пожирая ее глазами.

— Не знаю...

— Ну, полноте, что за басни! Какъ это можетъ быть, чтобы вы не знали съ кѣмъ вы имѣете дѣло?.. Признайтесь ужъ лучше прямо. Вы были съ нимъ раньше знакомы?

— Въ жизни своей не встрѣчалась...

— Ну такъ свели знакомство дорогой. Потому какъ-же это возможно, такъ, ни съ того, ни съ сего, залѣзть въ карманъ къ совсѣмъ незнакомому человеку?

Молчаніе.

— Я у васъ спрашиваю: было у васъ съ нимъ что-нибудь рапѣ?

— Ничего... Единственное, свободное мѣсто въ вагонѣ было возлѣ него. Но онъ пересадилъ туда одного изъ мальчиковъ, а меня посадилъ въ углу, у окна.

— И только?

— Только.

— М-м!... А съ чего-же, позвольте узнать, опъ взялъ васъ съ собой и привезъ сюда?.. Здѣсь у меня не съѣзжая и не исправительный домъ.

— Анна Егоровна! не волнуйтесь! шепнула ей ея родственница, видя что наступаетъ буря.

— Ахъ, сдѣлайте милость, оставьте! Я знаю что я говорю... Съ чего вы взяли, что я волнуюсь? Я только хочу добиться чего ему нужно отъ этой воровки?.. Простилъ, такъ наплой ей въ рожу и отпусти... А нянчиться съ ней и таскать ее за собой... И обращаясь къ Пашѣ съ гнѣвно свергающими глазами:— Сейчасъ говори, негодница, что ты ему посулила чтобы опъ тебя отпустилъ?

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ! воскликнула Марфа Никитишна, въ свою очередь потерявъ терпѣніе.— Постоите, вотъ я разскажу Порфирію какъ вы тутъ, безъ него, скандалничаете!

— Порфирію-то? Да я и сама еще ему пось утру! А вамъ, позвольте сказать, что я не ожидала отъ васъ такой низости, Марфа Никитишна... Оставляю въ пріятной компаніи...

Она встала и выбѣгая изъ комнаты, хлопнула дверью.

— Знаете, милочка, вы посидите ужъ лучше „тамъ“, сказала Марфа Никитишна, тоже вставая. — „Тамъ“ васъ оставятъ по крайней мѣрѣ въ покоѣ.

Но Паша не слышала. Въ глазахъ у нея помутилось, ноги ослабли. Чувствуя себя очень дурно, она опустилась на маленькую, стоявшую въ сторонѣ кушетку, чтобы не упасть.

Марфа Никитишна, выглянувъ, кликнула очень спокойно няньку и поручивъ ей несчастную, приказала не отходить отъ нея.

* * *

Когда Паша открыла глаза, передъ нею стоялъ, съ соболѣзующимъ видомъ, ея великодушный завоеватель.

— Простите меня, сударыня, сказалъ онъ. — Жена у меня, того, понимаете, съ нервочками и имѣетъ свои грѣшки, на которые я убѣдительно васъ прошу не обращать вниманія... Я понимаю какъ вамъ тяжело; но если вы въ состояніи меня выслушать, то я васъ не задержу... Могу я съ вами поговорить открывенно?

Не зная въ чемъ дѣло, она кивнула ему утвердительно головой.

— Присядьте сюда къ столу, вамъ тутъ будетъ покойнѣе. Насчетъ того что случилось, изволите видѣть, вы можете быть совершенно спокойны. Дѣло это останется между нами—и я никогда не займусь о немъ никому. Я даже готовъ вамъ дать форменное удостовѣреніе, за своею подписью, что я отказываюсь отъ всякихъ претензій, и Марфа Никитишна подпишетъ его какъ свидѣтельница.

— Нѣтъ, ради Бога, не надо.

— А какъ же, сударыня? Мы не одни вѣдь присутствовали при обыскѣ, и въ подобныхъ случаяхъ неприятно зависѣтъ отъ постороннихъ, совсѣмъ незнакомыхъ людей. Положимъ, они, какъ не пострадавшіе, не въ правѣ васъ притянуть къ суду; но и вамъ, не имѣя въ рукахъ очистительнаго документа, неудобно преслѣдовать ихъ за оскорбленіе, въ случаѣ если бы имъ вздумалось опубликовать эту исторію, въ видѣ корреспонденціи на примѣръ, или въ разсказѣхъ игриваго содержанія. Я тоже ничѣмъ не обезпеченъ отъ обвиненія, на которое вамъ угодно было уже однажды и намекнуть, что будто бы я подкинулъ вамъ свой бумажникъ. Тогда какъ если мы съ вами подпишемъ

форменное удостовѣреніе, что мы взаимно отказываемся отъ всякихъ претензій, то кто же осмѣлится насъ беспокоить? Я самъ свезу и покажу его кому слѣдуетъ, чтобы такъ и знали, что дѣло у насъ съ вами кончено.

Молчаніе. Жертва его предусмотрительности тяжело дышала.

— А что до законности, продолжалъ онъ, — то смѣю сказать безъ хвастовства, вы можете на меня положиться, такъ какъ я самъ служилъ, да отчасти еще и служу по полиціи, и мнѣ эти порядки отлично знакомы-съ... Благоволите прослушать.

Онъ выпнулъ уже совсѣмъ готовый листъ, и развернувъ его началъ читать, не безъ авторскаго тщеславія:

„С.-Петербургъ; сего ... августа, 18** года. Мы нижеподписавшіеся: дочь отставнаго полковника Прасковья Петровна Ладицева и титулярный совѣтникъ Порфирій Ивановъ - сынъ Бурдюковъ, симъ свидѣтельствуемъ, что по предмету пронашнаго у меня Бурдюкова, во время слѣдованія желѣзной дорогою изъ *** въ Петербургъ, того же числа, бумажника съ деньгами, и возникшихъ изъ-за того, на станціи Грузово, пререканій, мы покончили это дѣло между собою миромъ, и никакихъ претензій другъ къ другу впредь не должны имѣть, равно какъ и исконъ другъ противъ друга не въ правѣ вчинать; позорящую же для насъ огласку, въ случаѣ если бы таковая произошла отъ лицъ неучастныхъ къ дѣлу, будемъ преслѣдовать сообща по статьѣ 1039 Уложенія о Наказаніяхъ, какъ диффамацию.“

— Надѣюсь, что это достаточно васъ обезпечиваетъ? сказалъ онъ съ самодовольнымъ видомъ, окончивъ чтеніе.

— Не знаю что вамъ сказать, отвѣчала Паша, измученная да одурившая... — Мнѣ совсѣмъ неизвѣстны законы... и я боюсь... боюсь запутаться...

— Прасковья Петровна! Матушка! Неужто же я не достаточно доказалъ, что я вамъ не желаю зла? Скажите по совѣсти кто, на моемъ мѣстѣ, сдѣлалъ бы больше чтобы заслужить ваше довѣріе? Я васъ не попрокаю. Съ кѣмъ, въ молодые года, не случалось грѣха? Да не всѣмъ онъ сходитъ такъ дешево съ рукъ. Неприятность, понятно; но вѣдь могло быть и вдесятеро еще неприятнѣе. Вспомните, вѣдь хотѣли уже позвать полицію и свидѣтелей, чтобы составить о васъ протоколъ! И вамъ бы не миновать окружнаго суда! А кто пожалѣлъ васъ, и не памятуя, по христіански, зла, спасъ вашу честь? Никто какъ самъ потерѣвшій! Боже меня упаси, чтобы я когда-нибудь употребилъ во зло вашу неопытность! Честью вамъ клянусь, бумажка эта пужна не меньше въ видахъ моего, какъ и вашего успокоенія. Вы вѣдь не собираетесь преслѣдовать меня по суду, за безчестіе?

— Ахъ, разумѣется нѣтъ!

— Вотъ то-то же. Вы не изъ храбрыхъ, да вѣдь и я не каменный. Честью вамъ клянусь, я не успу спокойно, покуда не получу какого-нибудь ручательства, что ваши родственники не захотятъ преслѣдовать меня по суду. Мы люди маленькіе и насъ погубить не трудно... Голубушка! Матушка! Отпустите душу на покаяніе! Подпишите! Поберегите себя и меня!.. Въ ножки вамъ кланюсь!..

И подавая ей одною рукой бумагу, другою перо, онъ сталъ передъ ней на колѣни... За дверью слышны были женскіе голоса и возня, прерываемая истерическими рыданіями. Нетрудно было понять что кто-то стремится войти, и кто-то съ трудомъ удерживается.

Силь ея не хватило долѣе выносить эту пытку. „Уйти! Во что бы ни стало уйти!“ твердило что-то настойчиво у нея въ ухахъ... Она схватила перо и подъ диктовку его подписала. Онъ сдѣлалъ тоже.

— А это что же еще? спросила она, увидѣвъ въ рукахъ у него другую бумагу.

— А это, сударыня, копія.

Подписали и копію.

— Отдайте же мнѣ мой видъ, сказала она, вдругъ спохватясь: — и отпустите меня.

— Вотъ онъ, сударыня. Я и взялъ-то его только изъ опасенія, чтобы вы опять какъ-нибудь не оброили.

Паспортъ ея лежалъ дѣйствительно на столѣ, но Порфирій Ивановичъ не торопился его отдавать.

— Прасковья Петровна! Матушка! У меня есть до васъ еще одна просьбишка.

— Что же еще?

— Не смѣю уже и сказать... совѣстно!.. Будьте великодушны, не осудите. Мѣстечко мое на службѣ — махонькое; жалованье грошевое; семейство! дѣти! Насилу концы съ концами свожу... Благоволите пожертвовать что-нибудь... Небольшаго прошу; всего какихъ-нибудь сотенки три.

Она смотрѣла, едва понимая, испуганная и изумленная.

— Вы ошибаетесь, отвѣчала она. — Я не богатая. Вотъ, поглядите что у меня осталось съ дороги...

Она открыла свой портмоне и показала единственную, красненькую бумажку, съ двумя рублевыми и съ остаткомъ мелкаго серебра.

Лицо его вытянулось, свидѣтельствуя, какъ то и слѣдовало, что онъ совсѣмъ не того ожидалъ.

— Шутить изволите, сказалъ онъ.

Но посмотрѣвъ на Пашу и убѣждаясь, что ей дѣйствительно не до шутокъ, мучитель ея смягчился.

— Не огорчайтесь, сударыня, сказалъ онъ. — Если нѣтъ на лицо, то назначьте сами когда вы можете заплатить.

— Не знаю... Клянусь вамъ — не знаю! Триста рублей для меня большія, очень большія деньги!

— Ну, нечего съ вами дѣлать; пишите вексель; на мѣсяць; а тамъ посмотримъ. Заранѣе, знаете, невозможно сказать въ какихъ обстоятельствахъ будешь. Но въ крайности, можно и пересрочить... Бумажка гдѣ-то тутъ у меня была...

Онъ отвернулся, дѣлая изъ приличія видъ что ищетъ въ столѣ, у окна; но искать было нечего; да и всѣ эти разговоры, съ его стороны были не болѣе какъ игра. Онъ зналъ, что такихъ денегъ, какихъ онъ требовалъ, съ нею нѣтъ. Поэтому, прежде чѣмъ Паша успѣла опомниться, вексельный бланкъ лежалъ уже передъ ней на столѣ, и онъ подаль ей то же перо.

— Пишите... Эхъ, ручка-то какъ дрожитъ! Смотрите, закапаете!.. Нѣтъ, вамъ не справиться; дайте, я лучше ужъ самъ напишу, а вы только подпишете... За отсрочку позвольте уже накинуть, какъ водится, что-нибудь... И онъ сѣлъ за столъ, диктуя самъ себѣ вслухъ:

„С.-Петербургъ. ** августа, 18** года.“

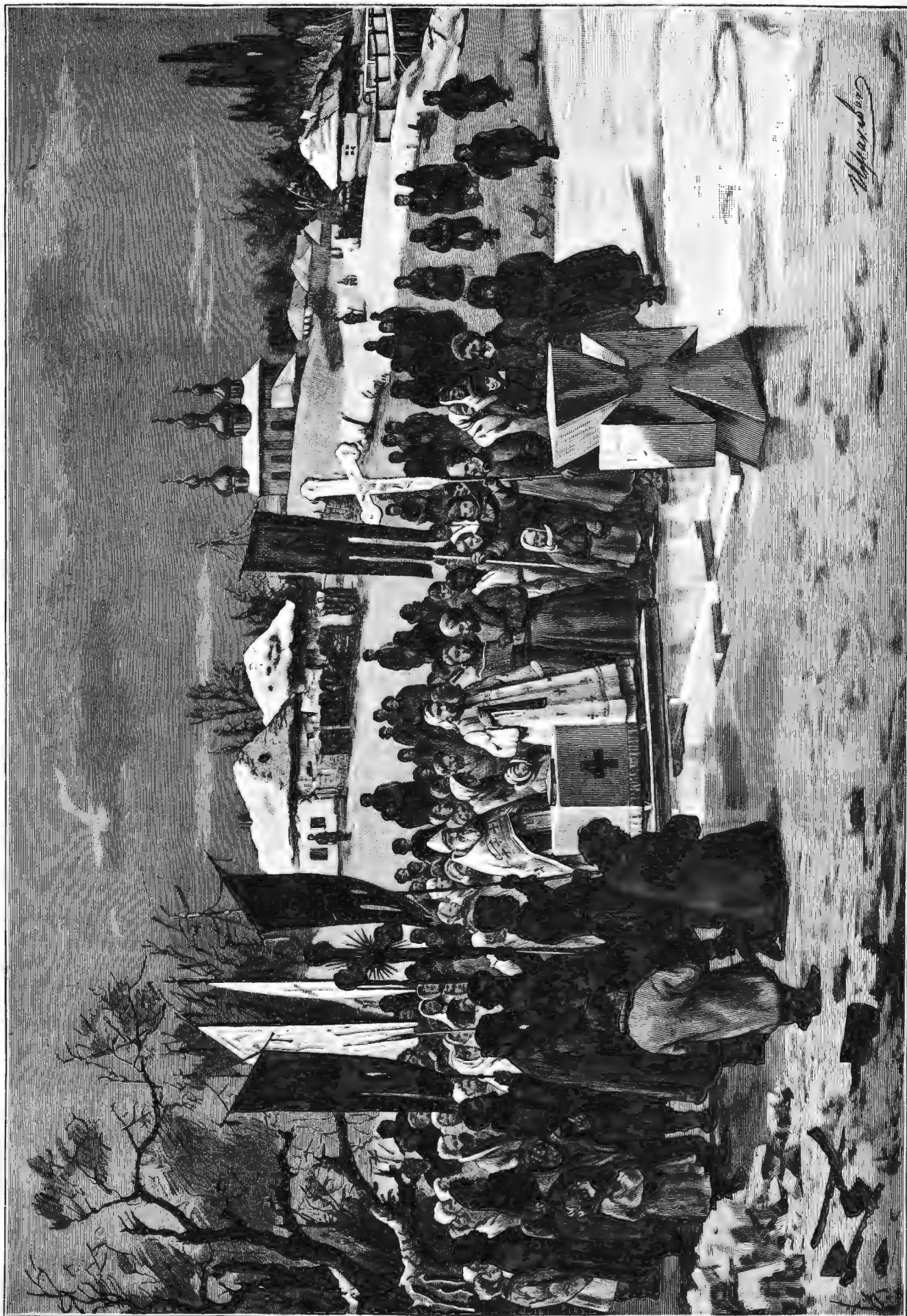
„Вексель на 400 рублей“ и прочее.

Буквы плясали въ ея глазахъ и все въ комнатѣ плыло кругомъ, когда, повинувшись ему, она прочитала написанное имъ вслухъ, и подписала. Послѣ чего, утирая глаза, несчастная начала вторично и горячо умолять своего палача, чтобы онъ наконецъ отпустилъ ее.

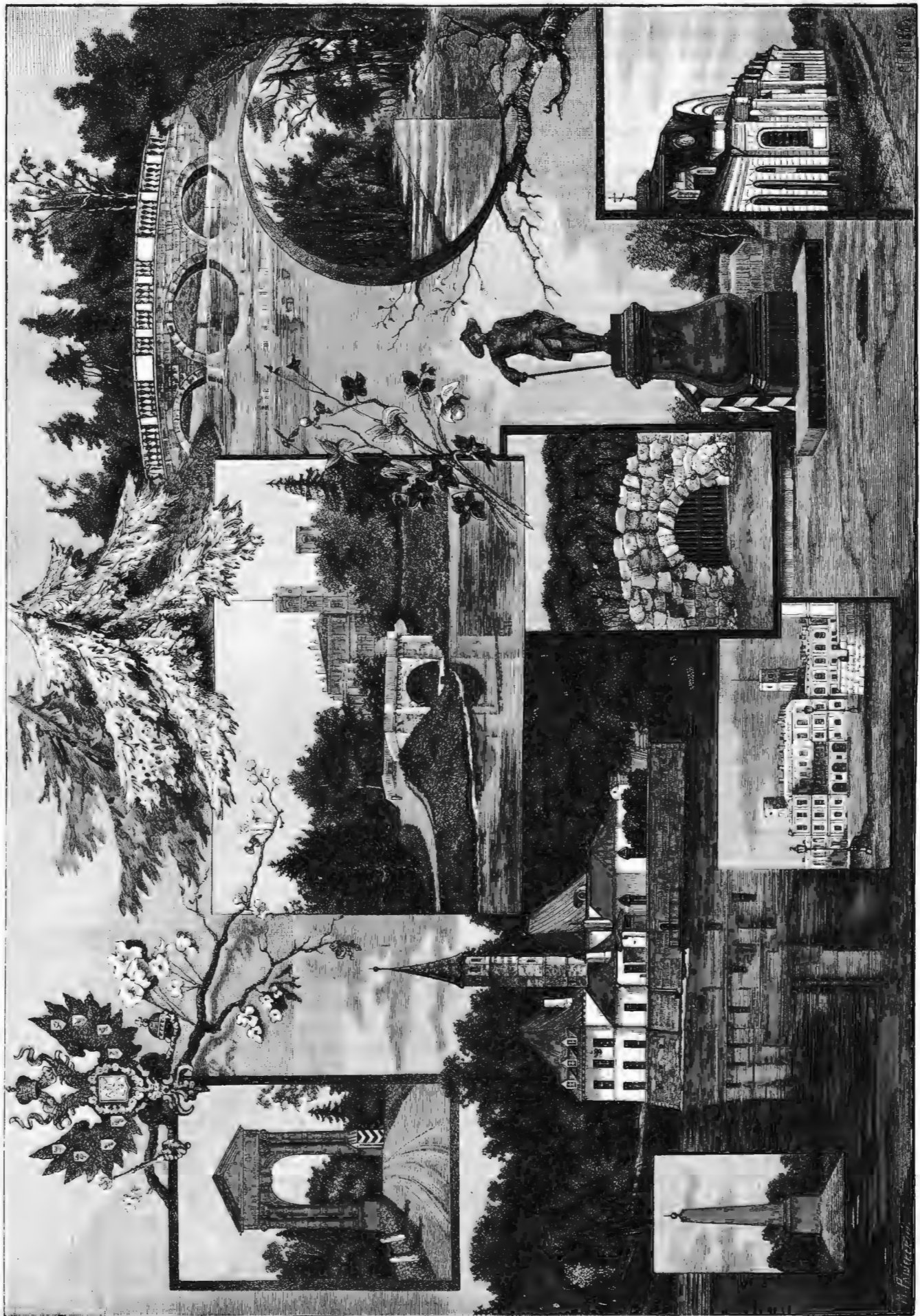
— Успокойтесь, сударыня, отвѣчалъ онъ весело: — я и не думаю васъ задерживать. Вещи ваши въ прихожей, а вотъ и видъ. Позвольте, я спрячу въ сумочку... Сю минуту пошлю за каретой. Скажите только куда нанимать.

— На Конно-Гвардейскій бульваръ, къ Замятницу переулку.

— Слушаю-съ.

Богоявленіе Господне. Јорданъ въ Малороссіи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Иманевича, грав. Шюблеръ.

Ворота на дорожку ведущей
в Иаковск.
Область, воздвигнутый
гг. Григорием, Орловым

Проратъ.
Виды Гатчинскаго дворца и окрестностей. Ориг. рис. (собств. „Ины“) С. Гадопа, грав. Рашевскій.

Видъ двorca (часть фасада).
Видъ двorca (со двора)

Гротъ „Эхо“.

Мостъ въ паркѣ.
Памятникъ Павлу I.

Аллея въ паркѣ.
Маринская городская
болотца.

Ей какъ-то еще не вѣрилось. Но карету дѣйствительно привели, и Порфирій Ивановичъ самъ, съ дворникомъ, снесъ ея вещи. Послѣ чего, какъ вѣжливый кавалеръ, онъ свелъ ее подъ руку внизъ, усадилъ и раскланялся. Но внимательность его этимъ не ограничилась. Едва захлопнулись дверцы кареты и она съ грохотомъ выѣхала на улицу, какъ онъ, догоняя ее бѣгомъ, вскочилъ на извозника и велѣлъ ему ѣхать слѣдомъ.

Карета остановилась дѣйствительно на бульварѣ. Парадный подъѣздъ... Швейцаръ въ щегольской ливреѣ, съ военнымъ орденомъ на груди, суетливо выбѣжалъ и почтительно высадилъ барышню, очевидно знакомую.

Этого было достаточно, и Порфирій Ивановичъ, очень довольный, не дождалъ, велѣлъ извознику ѣхать назадъ.

V.

Трудно сказать вообще, когда и какъ совершается переходъ отъ зеленой юности къ зрѣлому возрасту. Обыкновенно онъ происходитъ медленно, и его наружные признаки не бросаются рѣзко въ глаза, или бываютъ обманчивы. Иной еще съ школьной скамьи носить въ себѣ что-то старческое, а другіе и до сѣдыхъ волосъ остаются нравственными дѣтьми. Но есть одинъ, безошибочный признакъ зрѣлости, это—забота; конечно не та, которая забѣгаетъ къ намъ на минуту, съ улыбкою на устахъ, и съ новыми впечатлѣніями или исчезаетъ безслѣдно, или мѣняетъ свой смыслъ;— а та, которая, разъ закравшись въ душу, свиваетъ себѣ тамъ гнѣздо, и больше уже не покидаетъ насъ, ни за работою, ни за отдыхомъ, ни на веселомъ пиру, ни въ далекихъ странствіяхъ.

Съ такой-то заботою познакомилась Паша, и съ этого времени въ жизни ея была невидимою рукою проведена черта, за которой бѣдвяжка какъ-то уже не узнавала себя. Не то чтобъ до этого она оставалась еще ребенкомъ. Нѣтъ, Паша успѣла уже осмотрѣться вокругъ и чуткое сердце давно подсказало ей, что на ней лежатъ обязанности, къ которымъ нечестно было бы относиться шутя; но какъ-то доселѣ все это рисовалось свѣтло и казалось просто, или по крайней мѣрѣ не заставляло ее ломать головы. Конечно, ее ожидалъ впереди серьезный трудъ; но она не боялась его. Это былъ путь свободно избранный, и повороты съ него казались не заперты, а впереди разстилался широкій просторъ, и тамъ, залитыя солнцемъ, мелькали надежды, хорошія, чистыя, теплыя. Живая связь съ дѣтствомъ была крѣпка и не отравлена никакими потерями. Въ веселомъ обществѣ она чувствовала себя опять и въ полной мѣрѣ тѣмъ, что она была при выпускѣ, школьницей—готовою болтать безъ умолку и безопасно рѣзвиться по цѣлымъ часамъ, или плясать съ 12-ти до 6-ти.

И вдругъ, въ одинъ день, въ одно утро,—весь смыслъ ея жизни переиначился... Задумалась бѣдная Пашенька, да такъ крѣпко, что часто и ночью, во снѣ, головка ея не переставала работать; но что еще печальнѣе, толку изъ этого выходило мало. Правда, для нея уже перестало быть тайной: откуда къ ней это пришло. Она допрашивала, глазъ-на-глазъ, Сережу и безъ труда узнала немного, что ей оставалось еще узнать.

...„Третье внушеніе“—(о! будь проклятъ несчастный день, когда она, шутя, дала надъ собою власть этой бѣсовской силѣ!), „третье внушеніе“ исполнено было не надъ Сережей, а надъ чужимъ. Ей велѣно было, когда ея спутникъ уснетъ, украсть у него изъ кармана что-нибудь; и она это сдѣлала не сознавая кто противъ нея сидитъ, безотчетно, бессмысленно, какъ простой часовой механизмъ, прилаженный къ адекой машинѣ такъ, чтобы, дойдя до извѣстной минуты, за-

дѣть за ея запаль и взорвать на воздухъ— прежде всего—себя!.. Понятно, никто изъ веселой компаніи, въ которой затѣяна была эта шалость, не могъ предвидѣть такого фатальнаго результата, и все „внушеніе“ было не больше какъ глупая шутка. Но именно это отсутствіе умысла въ томъ что случилось—и создало для нея то ужасное положеніе, изъ котораго, сколько ни думай, не видно исхода. Надъ ней одной обрушилась вся бѣда, и ей не на кого сослаться, не кого обвинять, она не можетъ сказать ничего въ свое оправданіе, потому что ее не поймутъ, или ей не повѣрятъ... Въ первые дни она не понимала этого и почти готова была признаться во всемъ Сережѣ, который все-таки больше другихъ виноватъ. Онъ долженъ былъ помнитъ опасный характеръ шалости, которую ей приказано было продѣлать надъ нимъ, и позаботиться чтобы изъ шутки не вышло чего-нибудь очень серьезнаго. Но развѣ Сережа помнитъ что-нибудь, что не касается лично его, или способенъ серьезно заботиться о другихъ?..

Именно эти, знакомыя ей черты характера и заставили ее призадуматься... Нѣтъ никакого сомнѣнія, думала она далѣе, что такое открытіе взорвало бы Сережу какъ порохъ и сдѣлало бы на короткое время рыцаремъ, бурно стремящимся вызвать и поразить кого-нибудь. Но Сережа способенъ и самъ понять, что рыцарство привело бы только ихъ обоихъ къ скандалу у мирового судьи, то есть какъ разъ къ тому, что для Паша было всего опаснѣе. А на серьезно-обдуманной планъ онъ не способенъ, и такимъ образомъ, въ результатѣ осталась бы только опасность, что подстрекаемый пылкимъ желаніемъ сдѣлать для нея что-нибудь, но не надѣясь на собственное благоразуміе, и не желая взять на себя одного всю отвѣтственность за послѣдствія, онъ не сдержитъ слова и обратится, помимо ея, за совѣтомъ, къ кому-нибудь,— всего вѣроятнѣе къ Мезенскимъ, съ которыми онъ такъ друженъ, или, еще того хуже, къ дядѣ Ивану Федоровичу. Но худо-ли, хорошо-ли, для этого онъ не нуженъ Пашѣ, такъ какъ она могла бы сдѣлать это и безъ него... Въ итогъ, ея двоюродный братъ былъ вычеркнутъ изъ числа людей къ которымъ она могла бы, въ крайности, обратиться за помощью, и она не думала больше о немъ.

Гораздо серьезнѣе ее занималъ вопросъ: сказать-ли дядѣ?.. Это былъ умный, находчивый, ловкій и очень вліятельный человекъ, сѣвшій— что называется—зубы надъ разрѣшеніемъ самыхъ трудныхъ задачъ служебной эквилибристики, и занимающій, уже нѣсколько лѣтъ, высокое положеніе. Для дяди Ивана, если бы онъ не поспешилъ на свой кредитъ и взялся горячо за дѣло, было бы вѣроятно очень немудрено скрутить въ бараній рогъ такого врага какъ Порфирій Ивановичъ и выпутать изъ сѣтей племянницу. Къ несчастью, Паша отнюдь не могла надѣяться что бы дядя Иванъ взялся за это охотно; ибо, хотя она и не знала въ подробности затрудненій его игры, по ей было извѣстно, что весь личный кредитъ, которымъ онъ пользовался, необходимъ ему для его личныхъ, честолюбивыхъ цѣлей, такъ что, когда, напри- мѣръ, его просили о чемъ-нибудь, даже не важномъ, онъ уже дулся и хмурился, словно взвѣсивая во что ему обойдется желаемая услуга; а далѣе начинались увертки, явно направленные къ тому, чтобы уклониться отъ исполненія. Но не одни расчеты тонкаго игрока дѣлали дядю Ивана скрученнымъ на дѣятельное участіе въ интересѣ своихъ друзей и родныхъ. Иванъ Ладищевъ былъ отъ природы мелко-самолюбивый, желчный и мнительный человекъ, ослѣпленный всепоглощающею заботою о себѣ, до такой степени, что скромнѣйшій расчетъ на его участіе и содѣйствіе представлялся ему нахальною эксплуатаціей, тогда

какъ, наоборотъ, отказъ — даже въ самой безперемонной его претензии, какъ бы онъ ни былъ въ сущности справедливъ и естественъ, всегда приводилъ его въ ярость, и самымъ чистосердечнымъ образомъ записывался на счетъ, какъ измѣна и оскорбленіе... Зналъ такое наивное двоедушіе, какъ его знала Паша, не трудно было представить себѣ его изумленіе и испугъ, въ минуту—когда она, послѣ мучительныхъ колебаній, взволнованная, вошла бы къ нему на цыпочкахъ въ кабинетъ, и дрожащимъ голосомъ, рассказала бы ему, безъ утайки, свои приключенія... Боже ты мой, какіе глаза онъ вытаращилъ бы на племянницу!.. Какая буря негодованія разыгралась бы у него на лицѣ, и какими жалобами онъ разразился бы влѣдъ затѣмъ! Жалобами вырывающимися изъ устъ шипя, какъ пробки изъ уходящихъ бутылокъ съ квасомъ; жалобами на то что его спокойствіе и здоровье (у него былъ хроническій кашель) не дѣлятся ни во что людьми, для которыхъ, кажется, онъ и такъ не жалѣетъ себя... что это безсовѣстно! Возмутительно! Что послѣ этого остается только, чтобы его притянули свидѣтелемъ, въ судъ, по дѣлу родной племянницы, обвиняемой — шутка сказать — въ воровствѣ! и т. д. Прибавьте ко всему этому, что Паша жила у него на положеніи бѣдной родственницы, патронируемой богатымъ дядей, и что сознаніе этого дѣлало ее болѣзненно-щекотливою ко всякаго рода попреку съ его стороны. И что же затѣмъ?.. Могла-ли она по крайности быть увѣренною, что весь этотъ стыдъ и все униженіе вынесены будутъ не даромъ?... Положимъ дядя Иванъ, — который конечно любить ее и не можетъ забыть что она носитъ имя Ладиценьхъ, — не отступится отъ нея какъ отъ паршивой овцы, грозящей заразою всему стаду. Это не помѣшаетъ ему однако найти удобную огласку, которой нельзя будетъ избѣжать, если, какъ это весьма вѣроятно, ловецъ залучившій ее въ свои сѣти, не согласится ее освободить и противъ него потребуются крутыя мѣры... Но дядя Иванъ, какъ мнительный человѣкъ, не любитъ крайностей и всего вѣроятнѣе выберетъ средній путь. Онъ можетъ быть предпочтетъ избавить ее и себя отъ прямыхъ неприятностей, заплативъ по векселю, и затѣмъ отправить ее назадъ, въ деревню, съ письмомъ къ ея матери, въ которомъ, само собою, расскажетъ ей все и объяснить, что, къ несчастью, никакого другаго средства не оставалось. Такая развязка всего вѣроятнѣе, потому что она въ характерѣ дяди; а между тѣмъ ужаснѣе этого бѣдная дѣвушка и представить себѣ не могла. Вернуться домой замаранною и видѣть какъ убивается мать! Видѣть, быть-можетъ еще при жизни ея, какъ родовое гнѣздо пойдетъ съ молотка, и затѣмъ ждать старости гдѣ-нибудь на хлѣбахъ у чужихъ людей, безо всякихъ надеждъ, потому что безчестно было бы протянуть кому-нибудь руку съ такою тайною раной въ груди!..

Много бессонныхъ ночей провела несчастная, ломая свою молодую головку, чтобы рѣшить: какъ поступить дядя Иванъ, если признаться ему во всемъ; но мудреная эта задача такъ и осталась неразрѣшенною.

Былъ еще Павелъ Мезенскій, на котораго, благодаря своей старой дружбѣ съ его сестрой и хорошо знакомымъ ей, личнымъ качествамъ брата, она, вѣроятно, могла бы рассчитывать больше, чѣмъ на кого-нибудь. Это былъ предприимчивый и безстрашный, бойкій практической человѣкъ, который однажды узнавъ какую кашу онъ заварилъ со своими „внушеніями“, навѣрно не отказался бы ее расхлебать — и не ударилъ бы въ грязь лицомъ. Но тутъ было одно препятствіе... Послѣ всего случившагося, Паша возненавидѣла Павла Григорьевича. Новое это чувство, съ одной стороны, было совершенно женское. Прежде всего она не могла простить ему его „второго внушенія“... Какое дѣло было

этому аферисту до тайныхъ ея предпочтеній? и какое право имѣлъ онъ заставить ее, наперекоръ ея разсудку и волѣ, на зло самымъ святымъ ея чувствамъ, сыграть, на глазахъ у пѣлаго города, такую глупую роль? Другимъ это можетъ казаться вздоромъ; ей—никогда! Въ ея глазахъ—это кровное оскорбленіе, за которое онъ заслуживалъ бы, чтобы ему надавали пощечинъ... Но былъ еще и другой, существенный элементъ, входившій въ составъ ея ненависти:—это глубокій, хотя и пѣсколько суевѣрный страхъ передъ тою темною, стихійною силой, которою онъ одаренъ, и съ которой она, въ своей глупой самонадѣянности, дерзнула вступить въ борьбу. Она ненавидѣла эту силу тѣмъ болѣе, что, къ стыду своему, не могла ее презирать, какъ подобныя вещи того заслуживаютъ. Что-то шептало ей въ тайнѣ души, что никогда послѣ этого она не въ состояніи уже будетъ смотрѣть, какъ она смотрѣла прежде, безпечно и равнодушно, въ его спокойные и глубокіе голубые глаза. Она знала, навѣрное знала теперь, что при первой же встрѣчѣ съ ней, онъ можетъ, если захочетъ, сдѣлать изъ нея опять бессмысленную машину, куклу — готовую броситься, по его приказу, въ огонь, или исполнить что-нибудь совершенно безсовѣстное и безстыдное,—не женское, даже не человѣческое. И чувство опасности, которое ей внушало этотъ страхъ, было такъ сильно, что если бы нужно было, въ защиту чести своей и человѣческаго достоинства, всадить ему въ сердце ножъ, Пашѣ казалось, что она сдѣлала бы это безъ колебанія... Какъ же возможно, чтобы она обратилась къ нему за помощью?

Но все это еще не даетъ понятія о дѣйствительной драмѣ, происходившей въ душѣ у Паши, когда она убѣжала отъ общества въ свою комнату, или ворочалась съ боку на бокъ, безъ сна. Чтобы дополнить картину, надо все изложенное здѣсь связано представить себѣ мелькающимъ въ формѣ разъяренныхъ проблесковъ, среди глубокаго мрака, гнетущей ее тоски, или крутящимся съ быстротою вихря въ жару ея воспаленной фантазіи. Надо представить себѣ ее измученную до одури воскресающими у нея ежеминутно въ памяти образами и сценами изъ ея несчастнаго приключенія, и возвращающуюся пятьсотъ разъ на день, то въ Грузово, то въ Большую Подъяческую, — неотступно преслѣдуемую то Бурдюковыми, то бѣшеною его женой, то Марфой Никитишной, и въ отчаяніи хватающейся за эти лоскуты несбыточныхъ плановъ спасенія, какъ за единственное убѣжище отъ безумія. Тогда только мы поймемъ чѣмъ питалась та Черная Гостья, которая сдѣлала Пашу неузнаваемою.

Но что всего ужаснѣе, это—что избавленіе, если бы даже оно и пришло, никогда не вытравило бы у нея изъ памяти этого ада, въ которомъ она побывала однажды. Онъ выжженъ огненными чертами въ ея душѣ и останется тамъ навсегда.

VI.

Время однако шло и вело за собой, какъ всегда, свои растущія незамѣтно, но безостановочно — перемѣны. У Паши скоро явилось дѣло, спасительно отвлекшее ее по утрамъ отъ горькихъ заботъ. Это была ея служба въ правленіи общества Внутренняго Кредита. Занятія были сухи (она получила мѣсто по счетной части); но именно эта сухость дѣйствовала на мозгъ успокоительно. Какое-то мирное утомленіе распространялось во всемъ ея существѣ, когда, окончивъ дневную работу, она возвращалась къ обѣду домой; и оно, въ связи съ другимъ утомленіемъ, наступившимъ послѣ испытанныхъ ею бурь, помогло ей мало-по-малу свыкнуться съ новымъ своимъ положеніемъ. Она не металась уже, какъ невѣзженная лошадка въ упряжи, а склонивъ покорно голову, и напрягая силы, везла тяжелую ношу свою, сама не зная зачѣмъ и куда... Кнутъ до сихъ поръ еще не касался ея, и послѣ

напрасныхъ страховъ, что ей не дадутъ покоя съ на-
поминаніями, бѣдняжка въ своей неопытности, спра-
шивала себя: ужъ не забылъ ли о ней ея завоеватель?
Или, быть-можетъ, онъ понялъ, что торопить ее неза-
чѣмъ, потому что она сама только о томъ и думаетъ,
какъ бы ей расплатиться скорѣй?.. Но какъ это сдѣ-
лать — она не знала... Конечно, она поступила на
очень хорошее жалованье; но даже еслибъ она могла
пустить его цѣликомъ на уплату по векселю, — это
продлилось бы все-таки мѣсяцевъ пять... А захочетъ
ли онъ ожидать такъ долго?

Недѣли двѣ-три по прїѣздѣ, она ждала его почти
каждый день, и забота о томъ: какъ объяснить появ-
леніе въ домѣ совсѣмъ незнакомаго человѣка, служила
источникомъ безконечныхъ тревогъ. Но послѣ того
какъ она начала уходить, по утрамъ, на службу, ей
стало значительно легче, такъ какъ почему онъ за-
сталъ, думала Паша, что она служитъ, и гдѣ? А чтобы
онъ не вывѣдалъ этого, въ ея отсутствіе, отъ прислу-
ги — послѣдней велѣно было вообще не впускать ни-
кого незнакомаго, отвѣчая во всякомъ случаѣ, просто
и коротко, что ея нѣтъ дома и неизвѣстно гдѣ она.
Страхъ такимъ образомъ убылъ, по крайней мѣрѣ въ
томъ смыслѣ, что непріятель не могъ ее захватить
врасплохъ, и у нея всегда въ запасѣ останутся сутки,
чтобы предупредить вторичное нападеніе... Въ крайно-
сти, она даже готова была сама заѣхать въ Подъяче-
скую. (Если бы только не эта ужасная Анна Егор-
ровна!)

Никто однако не беспокоилъ ее и никакого письма
съ городскою почтой Паша не получала. Болѣе мѣсяца
уже прошло такимъ образомъ и 20-го сентября она
получила въ первый разъ жалованье, хотя и непол-
ное, такъ какъ служба ея началась только съ 1-го
сентября. Страшное искушеніе постигло ее: — оставить
себѣ какихъ-нибудь 5 рублей, а все остальное отпра-
вить немедленно къ матушкѣ, чтобы помочь ей съ
осенней уплатой за брата. Къ несчастію, надо было
при этомъ писать о своихъ дѣлахъ и если она рѣшит-
ся выплачивать долгъ, то все же предупредить, чтобы
мать не ожидала новыхъ присылокъ по крайней мѣрѣ
до марта мѣсяца... Но надо было еще подумать: какъ
объяснить задержку.

Съ такими мыслями Паша вернулась изъ кассы и,
посмотрѣвъ на часы, собиралась уже идти домой, какъ
вдругъ замѣтила Афанасьева, подходящаго къ ней съ
обыкновенною миною сторожей, имѣющихъ что-нибудь
„доложить“.

— Васъ спрашиваютъ-съ, сказалъ онъ вполголоса.

— Гдѣ? спросила она, слегка измѣнившись въ лицѣ.

— На лѣстницѣ, барышня... Не хотѣлъ войти... Ка-
кой-то — кто его знаетъ, — чиновникъ, что ли... Спро-
силъ только: тутъ ли еще? — „Ты, говоритъ, доложи,
пожалуйста, что мнѣ нужно ихъ на минуточку, но
чтобы онѣ не беспокоились: — я ихъ подожду на лѣст-
ницѣ.“

Несчастную бросило въ жаръ, а потомъ въ холодъ.

— Скажи, что сейчасъ ухожу, отвѣчала она, едва
скрывая свое безпокойство, и торопливо собравшись,
вышла, мысленно умоляя Создателя, чтобы Онъ наста-
вилъ ее и защитилъ.

Предчувствія ея оправдались. На площадкѣ лѣст-
ницы, у окна, ее ожидалъ дѣйствительно Бурдюковъ,
со своей хорошо-знакомою скаредною усмѣшкой и
хищнымъ взглядомъ. Увидѣвъ Пашу, онъ какъ-то на-
отмашъ снялъ форменную фуражку и торопливо отвѣ-
силъ ей низкій поклонъ.

— Простите, что я осмѣлился васъ потревожить,
Прасковья Петровна, сказалъ онъ, жадно заглядывая
въ ея глаза.

— Ничего, Порфирій Ивановичъ, я и безъ васъ со-
биралась идти, отвѣчала несчастная, дѣлая героиче-

скія усилія, чтобы скрыть охватившее ее чувство гад-
ливаго опасенія. — Но какимъ чудомъ вы меня оты-
скали тутъ?

— Нужда научила, сударыня. Не токмо что тутъ,
а и на днѣ морскомъ, кажись, отыскалъ бы... Чтѣ бу-
дешь дѣлать?.. Крайности!..

— Повѣрьте, что я отдала бы давно и съ радостію
весь долгъ, еслибъ имѣла какую-нибудь возможность.

— Вѣрю, сударыня, вѣрю. Ну, да ужъ Богъ съ
вами... Мнѣ бы куда хоть сотенку.

Сверху раздался стукъ двери и Паша, которая шла
съ нимъ рядомъ, страшась, чтобы кто-нибудь изъ
правленскихъ не увидалъ ихъ вмѣстѣ, кинулась внизъ
такъ быстро, что онъ не успѣлъ докончить. Съ тру-
домъ поспѣвая за ней, онъ догналъ ее уже на улицѣ.

— Ради Бога, не провожайте меня! умоляла Паша,
тревожно оглядываясь. — Меня тамъ знаютъ, и могутъ
подумать, что у насъ съ вами какіе-нибудь секреты.

— Слушаю-съ.

Паша бѣжала оглядываясь, и они повернули въ
другую улицу, прежде чѣмъ наконецъ она остано-
вилась и обернулась къ нему.

— Служить изволите тамъ? спросилъ онъ съ ус-
мѣшкой.

— Да.

— Ну, это похвальное дѣло... И жалованье сегодня
изволили получить?

— Да, повторила она, дивясь, какимъ образомъ онъ
сумѣлъ разузнать обо всемъ такъ аккуратно. — Будьте
добры, Порфирій Ивановичъ, подождите... Ей-богу, я
этотъ разъ не могу ничего заплатить.

— И радъ бы, сударыня, да никакъ не могу... А
позвольте полюбопытствовать: сколько изволили по-
лучить?

— Всего 55 рублей...

Они шли рядомъ и Бурдюковъ, по мѣрѣ того, какъ
уменьшался шансъ встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ зна-
комыхъ ея, становился нахальнѣе.

— Ну, нечего съ вами дѣлать, сказалъ онъ: — пожа-
луйте 40, а остальные пусть такъ и быть остаются у
васъ.

Несчастная заглянула въ его глаза и должно быть
прочла въ нихъ, что всякія просьбы напрасны. Про-
щай соблазнительная надежда послать домой свой
первый заработокъ!... Двѣ крупныя слезы свергнули
у ней на рѣсницахъ и покатались внизъ, по щекамъ.
Повѣсивъ голову, она вынула свой портмоне и от-
дала ему деньги, въ смущеніи позабывъ, что не мѣ-
шало бы получить хоть росписку въ уплатѣ.

— А на счетъ векселя, какъ прикажете? продол-
жалъ онъ развязно. — Мѣсяць-то вѣдь уже давно
истекъ.

Она смотрѣла въ недоумѣніи, не понимая, какую
роль должно играть въ рукахъ у мучителя это со-
всѣмъ незнакомое ей орудіе пытки.

— Возобновить бы надо... Такъ, знаете, для поряд-
ка... Благоволите заѣхать ко мнѣ, на минуточку; — мы
это живо покончимъ.

— Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, хоть отложить до
другаго раза?... Теперъ 5 часовъ и я очень боюсь
опоздать.

— Слушаю-съ. Прикажете къ вамъ зайти, въ попе-
дѣльникъ, въ правленіе?

Она чуть не вскрикнула. — Ахъ, ради Бога, нѣтъ!

— Или къ дядюшкѣ?

Новые знаки ужаса... Онъ сострадательно улыбнулся.

— Какъ вамъ угодно-съ. Назначьте сами, а я го-
товъ вамъ сдѣлать всякое удовольствіе.

Паша не знала чтѣ и сказать.

— Завтра воскресный день, и вы вѣрно не заняты,
продолжалъ Бурдюковъ. — Не сдѣлаете ли мнѣ честь
заѣхать, по утра, ко мнѣ, въ Подъяческую?

ЭТЮДЪ. Съ карт. (собств. „Ничи“) акад. Ф. Чуманова, грав Пааръ.

— Право, не знаю какъ вамъ сказать, отвѣчала она въ глубокомъ смущеніи. — Я вамъ должна признаться, что я... боюсь... потревожить...

— Жену? подсказалъ онъ, смѣясь. — Ну, если только за этимъ дѣло, то, можетъ быть, вы не откажетесь побывать, завтра поутру, въ часть, въ Офицерской, у Марфы Пикитишны? Она уже у себя и будетъ ду-

шевно рада... Все вспоминаетъ про васъ. — „Такъ жалъ!“ говоритъ. — „Такъ жалъ! Совсѣмъ вѣдь почти ребенокъ еще!“

Несчастная поняла намѣкъ и вспыхнула вся до ушей; но не видя другаго средства отдѣлаться, обѣщала быть.

(Продолженіе будетъ).

Три могицана.

(Очеркъ изъ недавняго прошлаго).

Евгенія Львова.

I.

Знакомъ-ли вамъ, читатель, типъ вралей-помѣшниковъ? Если вамъ, какъ мнѣ, уже стукнуло сорокъ, если вы также провели дѣтство въ деревнѣ и вращались въ средѣ помѣшниковъ, то конечно вамъ этотъ типъ отлично знакомъ; но если вы молоды, родились въ большомъ городѣ, не охотникъ, не имѣли дѣла съ до-эмансипаціонной Россіей, то можете имѣть понятіе объ этихъ милыхъ людяхъ — страстныхъ охотникахъ въ большнствѣ — только по наслышкѣ, ибо теперь народъ этотъ уже почти выродился и, подкошенный вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, вымираетъ все болѣе и болѣе.

Лѣтъ тридцать назадъ такихъ господъ въ Россіи можно было встрѣчать чуть не повсемѣстно. Въ то время въ одномъ N-скомъ уѣздѣ, *** губерніи, по сосѣдству съ имѣніемъ отца жили три врали первостепеннаго достоинства, если можно такъ выразиться. Одинъ изъ нихъ проживалъ въ какой-нибудь верстѣ отъ насъ. Марей (Маринъ) Аванасевичъ Шимановскій былъ обрусѣвшій полякъ. Я помню его съ самыхъ раннихъ лѣтъ моего дѣтства. Въ моей памяти это человѣкъ лѣтъ 45-ти съ огромными усами и большимъ носомъ (цвѣта, размѣра и формы хорошо вырѣвшаго чернослива, съ красными руками въ веснушкахъ, съ добродушными сѣрыми глазами на выкатъ, съ изрядной лысиной прикрываемой темными еще волосами, зачесываемыми съ праваго виска на лѣвый, въ видѣ скобы. Онъ былъ отцомъ четырехъ дѣтей и мужемъ дебели и грозной Анны Антоновны, коей обязанъ довольно порядочнымъ состояніемъ и которой сильно воблаивался, особенно когда вралъ, ибо если только ему приходилось провратъ, онъ, разказавъ что-либо невозможное, неизрѣнно подъ конецъ выдавалъ себя самъ восклицаніемъ „невѣроятно!“ Тутъ-то его безжалостно и накрывала Анна Антоновна. Бывало сидитъ за чаемъ въ гостяхъ и повидимому ничего не слышитъ, по стодитъ мужу воскликнуть „невѣроятно“, какъ съ другаго конца стола уже несется рѣзкій голосъ Анны Антоновны:

— Марей Аванасевичъ, опять врешь!

— Какъ, матушка. да это при тебѣ же было, помнишь какъ...

— Ничего не помню... Помню только что я тебѣ запрещаю срамиться, а ты все врешь; когда же этому конецъ будетъ!

Марей Аванасевичъ, захваченный врасплохъ, вытиралъ фуляромъ вспотѣвшую лысину, съ достоинствомъ пожималъ плечами и принимался съ такой досадой сосать свою трубку, что послѣдняя хрипѣла какъ удушенникъ; за то стоило Марей Аванасевичу понасть въ компанію одному и вдобавокъ закутить или выпить за чаемъ грогу, ну, тогда онъ развертывался и былъ буквально безподобенъ.

— Въ молодости и замѣчательно походилъ на великаго князя Михаила Павловича. Бывало прїѣдешь въ Петербургъ и сразу становишься чистымъ мученикомъ: что ни солдатъ — то на караулъ, что ни офицеръ — то фронтъ; прїѣдешь за дѣломъ, побьешься, побьешься, изъ себя выйдешь, и половины не окончивъ — махнешь рукой и уѣзжаешь домой. Просто невѣроятно!

— Да какъ же это такъ, замѣчаетъ кто-либо изъ лицъ отличннхъ, что противорѣчія только разжигаютъ воображеніе Шимановскаго; — вѣдь вы, Марей Аванасевичъ тогда уже въ военной службѣ не служили, какъ же вамъ статскому могли отдавать честь и принимать за великаго князя?

— А вотъ подите, принимали же. Мало того, разъ возвращаюсь изъ бани съ узломъ, на ванькѣ, въ халатѣ и въ шинели въ накидку, чего бы кажется скромнѣе; пробѣжаю мимо адмиралтейской гауптвахты, вдругъ слышу звонокъ и затѣмъ команду: „караулъ вонъ!“ Что, думаю, за оказія, кому бы это такая почесть. Только тогда и спохватился, какъ выѣхалъ на Невскій и генералы стали подкозыривать. Ну, вижу наконецъ въ чемъ суть и думаю: дѣло дрянъ — не сочли бы еще за самозванца; нарочно шинель сбросилъ, въ одномъ халатѣ остался, а тутъ народъ какъ гаркнетъ „ура“ — и пошли, и пошли... Насилу отъ толпы удралъ и не чаялъ какъ до гостиницы добрался. Не-вѣ-ро-ятно!

— Да, вашъ ромъ хорошъ, очень хорошъ, сейчасъ видно что отъ Лене и предорогой, любезно заявляетъ Марей Аванасевичъ хозяйкѣ дома за чаемъ въ гостяхъ, — но такой-ли ромъ былъ у Дебре лѣтъ 15 назадъ! Надо вамъ знать, что мы съ нимъ старые прїатели. Разъ въ Москвѣ онъ у себя дома въ подпитіи и говоритъ мнѣ: „Моря, лучшаго друга у меня нѣтъ, и это я сейчасъ тебѣ докажу.“ Затѣмъ всталъ, сходилъ

въ погребъ и что же! — черезъ полчаса приноситъ большой кусокъ плѣсени. „Бери!“ говоритъ. — „Помилуй, на что мнѣ такая гадость?“ — „Гадость! Да знаешь-ли ты, животное (съ добрыми друзьями старикъ Дебре никогда не церемонился), знаешь-ли что эта покрытая мохомъ поль-бутылки рома дружка той самой, которую мой покойный дѣдъ поднесъ консулу Вонапарте, за что тотъ, попробовавъ ромъ, тотчасъ же снялъ съ себя орденъ Почетнаго Легіона и тутъ же торжественно пришилъ къ его груди?! Самъ ты „гадость“; бери же, дрянъ этакая, пока дають, а то назадъ отнесу!“ Ну и дѣйствительно, я вамъ доложу. Очистилъ и раскуорилъ я ее на другой день — оставивъ я всегда въ гостиницѣ „Дрезденъ“, — знаете пурерь съ балкономъ что наискоко генераль-губернатора. Сіжу подъ-вечеръ на балконѣ и пью чай. Налилъ ложку рому попробовать. Не успѣлъ размѣшнать, какъ повнесъ такой ароматъ, что мнѣ чуть дурно не сдѣлалось. Смотрю на площадѣ, а народъ собирается толпами, всѣ носы кверху, всѣ нюхаютъ и недо гѣвають, лошади фыркають, кареты останавливаются, даже собаки сбѣжались. Самъ графъ Закревскій на балконѣ вышелъ, понюхалъ, этакъ ладонью помахалъ около носа и пожалъ плечами — ничего дескать не понимаю, да вдругъ увидалъ меня и говоритъ извѣстному барону Зебаху: „Счастливецъ этотъ Марей Аванасевичъ, всегда что-нибудь такое добудетъ; скажите ему что я сейчасъ прїду у него грогъ пить.“ Не-вѣ-ро-ятно!

Марей Аванасевичъ большой любитель всякой охоты. Его кабинетъ увѣшанъ ружьями, ягдташами, нагайками, сѣдлами, мѣдными рогами; его гончія лѣтомъ валялись по двору десятками, а борзья съ чурбанами привязанными длиною веревкой къ шеѣ тѣмъ не менѣе каждое лѣто, гоняясь за полевыми звѣрками, немилосердно топтали наши хлѣба.

Алексѣй Фомичъ Думашевъ — человѣкъ богатый. Состоитъ крупнымъ уѣзднымъ чиновникомъ, онъ жилъ въ городѣ, имѣя въ своемъ владѣніи всѣхъ казенныхъ крестьянъ уѣзда. Будучи въ то же время страстнымъ ружейнымъ охотникомъ, онъ постоянно съ ружьемъ и собакой обходилъ свои обширныя казенныя владѣнія. Это былъ высокій, худощавый человѣкъ съ длинными ногами, вѣчно въ болотныхъ саноггахъ, съ лицомъ почти всегда серьезнымъ, съ тонкими искривленными въ вѣчную насмѣшку губами безъ усовъ и съ тяжелымъ жесткимъ характеромъ, что не мѣшало ему разказывать самыя смѣшныя и невѣроятныя вещи, придираясь ко всякому случаю. Говоритъ, напримѣръ, кто-нибудь при немъ что такой-то помѣщикъ изъ Парижа привезъ женѣ шаль, которая легко проходитъ въ кольцо для ключей.

— Это что! замѣчаетъ Думашевъ. — Когда 15 лѣтъ назадъ я служилъ въ Данковѣ, подъ Рождество получаю повѣстку на тысячу рублей. Иду на почту, оказывается посылка отъ покойнаго дяди — богатаго холостяка изъ Иркутска. Почтмейстеръ выдаетъ мнѣ маленькую коробочку, обшитую въ клеенку. Ну, думаю, старикъ раздѣдрилъ: или мнѣ бриллиантовый перстень, или сережки женѣ. Представьте же себѣ мое изумленіе, когда въ коробочкѣ оказался простой грецкій орѣхъ. Просто орѣхъ, даже безъivolоты, понимаете. Ну, думаю, вѣрно глупая мистификація со стороны выжившаго изъ ума самодура. Съ досады беру орѣхъ въ ротъ въ расчетѣ разгрызть и хотъ съѣсть, авось какой-нибудь особенный. Грызю: — тьфу, червивый! этого только не доставало! Хочу выплюнуть волосатаго червяка — не тутъ-то было. Я пальцами — изо рта тянется что-то мохнатое, безконечное... Я задыхаюсь, тороплюсь, ташу обѣими руками и что-же? — послѣ долгихъ усилій у моихъ ногъ очутилась великолѣпная енотовая шуба! Почтмейстеръ, его помощники и публика ахнули и просто въ восторгъ пришли. Я ее потомъ проѣзжаму англичанину за шесть тысячъ продалъ.

— И концы въ воду, замѣчаетъ мой отецъ, отличавшійся добродушнымъ юморомъ.

Остальные присутствующіе улыбаются, а я думаю:

„Непремѣнно, какъ только буду большой, куплю себѣ такую же шубу...“

Князь Богановъ-Задонскій — отставной ротмистръ лейб-гусарскаго полка, смуглый, сухой, не высокій и не красивый, но стройный, холостякъ лѣтъ сорока, всегда гладко причесанный и одѣтый изысканно. Его прекрасныя манеры и утонченное обращеніе бросались въ глаза, но при всемъ этомъ къ барыш-

нямъ онъ питалъ какую-то не то робость, не то просто ненависть и презрѣніе. Нелюбовность его съ дамами славилась въ губерніи. Живя въ уѣздѣ безвыѣздно, онъ бывалъ нерѣдко у всѣхъ сосѣдей-помѣщиковъ, исключая тѣхъ, у кого водились незамужнія или вдовствующія дочери и вообще невѣсты. Въ тѣсныхъ мужскихъ кружкахъ онъ бывалъ очень милъ, но стоило прѣхать въ домъ какой-либо дѣвчѣ, онъ какъ по командѣ тотчасъ же мѣнялъ обращеніе и становился грубъ, высокомеренъ, невыносимъ, почти неприличенъ. Говорили что въ молодости его обманула какая-то красавица, другіе утверждали что въ венгерскую кампанію его чуть не женила на себѣ насильно юркая дочка какого-то шляхтича. Словомъ, настоящей причины этой дѣвобоязни у насъ не знали, но съ фактомъ все-таки мирились, тѣмъ болѣе что князь имѣлъ въ одномъ N-скомъ уѣздѣ тысячу душъ. Онъ жилъ въ семи верстахъ отъ насъ, въ большомъ селѣ Вогановѣ, и отличался феноменальной скупостью. Изъ экономіи онъ не служилъ по выборамъ; правда, себѣ дома онъ ни въ чемъ не отказывалъ, но гостей не приглашалъ и не сзывалъ. Въ городѣ бывалъ раза два-три въ годъ. Пріѣдетъ на прекрасной сѣрой четверкѣ своего завода, прикажетъ конюхамъ стать на площади, получить въ казначействѣ 75 тысячъ рублей процентовъ на полуторамиллионный капиталъ, зайдетъ въ гостиницу содержимую безрукимъ севастопольцемъ, повернется въ биліардной, выйдетъ на балконъ, достанетъ изъ задняго кармана завернутого въ бумажку цыценка, позавтракаетъ имъ тутъ же, выкуритъ папироску—и домой. Садовникъ князя продавалъ помѣщикамъ фрукты изъ его оранжереи и по его оцѣнкѣ, а съ крестьянами князь и вовсе не церемонился. Въ саду при немъ и даже при его внимательствѣ бабы мѣняли яйца на смородину и падалицу. Будучи рыннимъ охотникомъ, князь весною и осенью проводилъ много времени на своихъ обильныхъ дичью болотахъ, куда другіе охотники не допускались; что же касается охоты съ борзыми, то Вогановъ, любя ее страстно, изъ экономіи гончихъ не держалъ, а имѣлъ всего три смычка хорошихъ борзыхъ. Это и страсть къ охотѣ вообще заставили его сблизиться съ Шимановскимъ, несмотря на то что у послѣдняго было двѣ дочки, почти невѣсты. Князь приглашалъ Шимановскаго даже на свои болота, а въ поле выѣзжалъ непременно съ нимъ, травя волковъ, зайцевъ и лисицъ изъ-подъ его гончихъ и притомъ отнюдь не въ своихъ владѣніяхъ.

Князя сосѣди и уѣздные дворяне не долюбливали, но принимали охотно. Впрочемъ, Вогановъ ни съ кѣмъ вступать въ сердечныя отношенія и не пытался, а по врожденной черствости совершенно довольствовался соблюденіемъ внѣшнихъ приличій. При этомъ бросалась въ глаза еще одна особенность его характера, поражающая всѣхъ его знавшихъ и до сихъ поръ оставшаяся загадкой. Князь, будучи безусловно приличенъ и всегда сдержанъ, никогда ничѣмъ не хвасталъ. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ, если только въ числѣ присутствующихъ находились Шимановскій или Думашевъ, или даже другіе менѣе заговорившіеся охотники, онъ становился неузнаваемъ. Тогда его сдержанность пропала и стоило кому-либо соврать хоть малость — онъ непременно находилъ и въ своемъ прошломъ что-либо подобное, но еще болѣе невозможное. Можно было думать что князь смѣется надъ вралими, но оживленіе его холодныхъ глазъ, румянецъ на щекахъ, нервные жесты и вся его внѣшность вообще, ясно свидѣтельствовали о клокотавшемъ въ немъ внутреннемъ жарѣ и приводили въ недоумѣніе слушателей, не выключая Шимановскаго и Думашева, изо всѣхъ силъ старавшихся его перевернуть и въ случаѣ неудачи смотрѣвшихъ на него не то съ завистью, не то со злостью.

— Было это 25 лѣтъ назадъ, говоритъ Думашевъ. — Я былъ на скачкахъ въ Орлѣ. Призъ — кубокъ полный червонцевъ, дистанція — 10 верстъ въ 20 минутъ для мѣстныхъ заводскихъ жеребцовъ и кобылъ. Ждемъ: скоро начало, какъ вдругъ является мужикъ и заявляетъ что и онъ желалъ бы скакать. Мы заинтересовались — вышли посмотреть и расхохотались. Представьте себѣ двѣ замухрыстыя кобыленки въ рваныхъ хомутахъ, шерсть дыбомъ, спины побиты и въ кирничѣ, который только что возили. Тогда состоялся распорядителемъ Иванъ Ивановичъ, помните какой оригиналъ былъ покойникъ. „Пустимте, говорить, для потѣхи, что за бѣда что не по правиламъ.“ Разумѣется всѣ участвующие и члены охотно согласились. Стали, наконецъ, всѣ въ линію. На нашихъ скаковыхъ гарцуютъ разяженные жокеи, а на одной кобыленкѣ мужикъ въ зипунѣ и малахаѣ, на другой—его малый. Публика хохочетъ. Ну, хорошо. Только, сударь мой, дали сигналъ, а они какъ пустякъ—и пошли, и пошли... Кобылки словно зайцы — такъ брюхомъ по землѣ и стелются — мужики малахаи растеряли, только жарятъ кобыленокъ дубьемъ, да за оголовки хомутовъ держатся. Жокеи вначале тоже смѣялись, а потомъ видятъ—дѣло дрянн, и просто перетрусили, да и было чего. Даже пашковскіе за флагомъ остались: въ 10 минутъ мужички всю дистанцію отмахали. Тутъ такое „ура“, такой ревъ поднялся, просто невыразимо. Что же, государь мой, это оказались бычки. Такая въ Авіи порода есть — на лбу зачатки роговъ, и мужички этихъ кобылокъ на ярмаркѣ въ Косякѣ у киргизовъ добыли чуть-ли не по три рубля за штуку. Ну, объ-

ихъ лошаденокъ тутъ же на кругу купили. Масоловъ и Пашковъ за нихъ по тысячѣ рублей отвалили. А говорятъ еще у мужиковъ хорошихъ лошадей нѣтъ. Вотъ и подите.

— Да, это бываетъ, и незаводскія лошади другой разъ лучше заводскихъ, беретъ слово Марей Аванасьевичъ. — У меня черноморка была; сначала на пристажкѣ, потомъ я на ней въ поле выѣзжалъ, скакала такъ, что я всегда раньше борзыхъ нагонялъ и перегонялъ зайца. Потомъ я сталъ ее на скачку пускать и не было примѣра чтобы она приза не выскакала. А какъ погибла! — и славно, и трагически въ то же время! Было это лѣтъ 20 тому въ Лебедяни на ярмаркѣ. Знаете какіи тамъ знаменитыя скачки бывали. Только жокеемъ у меня былъ всегда мой доѣзжачій Прошка, а тутъ на зло заболѣлъ. Предложилъ мнѣ пріятель своего — пришлось взять. Только какъ пустилъ онъ *Строгого* во-всю съ перваго же круга, да чтобы обскákatъ круто повернулъ къ барьеру,—конь ударился о баллину лѣвой передней со всего маху. Нога въ самомъ колѣнѣ пополамъ, даже кость изъ кожи вонъ. Ну, конечно, *Строгий* о землю грянулся, а жокей отлетѣлъ на 20 сажень. Что же вы думаете — вскочилъ благородный конь, да горяча какъ пустился одинъ; всѣхъ обогналъ; за нимъ только пылъ да кровавый слѣдъ стелется. Подскакалъ къ столбу раньше всѣхъ, а затѣмъ палъ на землю и духъ вонъ. Я просто разревѣлся, такъ было жалъ такую лошадь.

— Да какъ не пожалѣть такого коня! говорить князь. — Вотъ въ венгерскую кампанію подо мной жеребецъ былъ; шерсть матовая, красавецъ и умница, скакутъ первый въ дивизиі, одно — трясокъ страшно. Только что перешли границу, меня послали съ эскадрономъ на рекогносцировку. Вдругъ откуда ни возьмись шальная граната. Конь мой дрогнулъ и сразу ослѣлъ на задъ. Глядь, а осколкомъ ему на задней ногѣ копыто и весь нижній суставъ по самую бабку отняло какъ бритвой. Слѣзъ я: жалъ коня, но все-таки хотѣлъ пристрѣлять чтобы не мучился, а тутъ мой вахмистръ и говорить: „Ваше сіятельство, не убивайте, авось выходится.“ Что же вы думаете! Тутъ на мѣстѣ уняли кровь, портянками перевязали и кое-какъ довели. А мѣсяца черезъ два конь дѣйствительно выхотился, но ногѣ подъ раной рогъ не рогъ, а какой-то твердый какъ сталь наростъ образовался. Выписалъ я его изъ госпиталя и что же! оказалось скачетъ не хуже чѣмъ прежде и никакой хромоты, напротивъ—плавность, иноходъ такая, что я верхомъ на ходу въ стаканѣ чай пилъ и никогда рукъ не обжигалъ. Всю кампанію сдѣлалъ на немъ и потомъ въ Хрѣновую цѣ заводъ за шесть тысячъ продалъ.

II.

Темный, душный августовскій вечеръ глядитъ слѣпными очами въ балконную дверь и высокіи настѣжъ отворенныя окна обширной деревенской столовой. За чайнымъ столомъ, при свѣтѣ висячей лампы, мой гувернеръ, деритскій магистръ, Карлъ Богдановичъ Вейсъ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ читаетъ *Московскія Вѣдомости*. Отецъ, только что вернувшійся съ поля, внимательно слушаетъ, молча покуривая трубку и прихлебывая чай. Рядомъ за самоваромъ помѣщается наша дальняя родственница, мать Паисіи — монахиня московскаго женскаго монастыря, — пріѣхавшая погостить и похозяйничать пока мать съ сестрами за границей. Въ комнатахъ совершенно тихо. Рѣзкое тиканье „башенныхъ“ часовъ, шорохъ шаговъ ходящаго на цыпочкахъ лакея и жужжаніе мухъ колотящихся о высокой потолокъ — не нарушаютъ тишины и не мѣшаютъ лорду Пальмерстону восхищать своимъ краспорѣчіемъ палату, а г. Дизраэли оспаривать его „благороднаго друга“. Вдругъ, среди мертвой тишины, откуда-то изъ-за парка донесся къ намъ звукъ рога; чтеніе прекращается, всѣ напряженно прислушиваются. Вотъ все ближе и громче раздаются звуки — и не прошло пяти минутъ какъ на дворѣ послышалось гиканье, гомонъ, топотъ многихъ лошадей, лай нашихъ собакъ слившійся съ воемъ борзыхъ и злобнымъ тивканіемъ гончихъ. Лакеи со свѣчами въ рукахъ бросились на крыльцо и вскорѣ въ столовую ввалилась дѣлая ватага охотниковъ въ камзелахъ, чекменяхъ и венгеркахъ, въ большихъ сапогахъ, при кинжалахъ, нагайкахъ, арапникахъ и прочихъ охотничьихъ атрибутахъ. Тутъ были и Шимановскій, и князь, и Думашевъ, и помѣщикъ Головинъ, и еще трое мелкопомѣстныхъ дворянъ-сосѣдей, примкнувшихъ къ крупной охотѣ со своими пятю-шестью собаками. Оказалось, что утромъ помѣщики затѣяли генеральную охоту и, зная что матушка заграницей, пріѣхали въ намъ ночевать, дабы завтра съ зарей ѣхать дальше. Отецъ по обыкновенію радушно принялъ неожиданный наѣздъ,—всѣмъ, и людямъ и собакамъ нашлось мѣсто, а для гостей часа черезъ два на столѣ уставленномъ бутылками уже дымился аперитивный и обильный ужинъ. Голодные спортсмены сперва кушали молча, но мало-по-малу вина и наливки начали развязывать языки. Поднялся шумъ и споръ о достоинствахъ *Ватаи* и *Бѣлки*, о неподобномъ чутѣ *Находки*, о сегодняшнихъ приключеніяхъ и вообще о преимуществахъ псовой охоты надъ ружейною.

— Нѣтъ, господа, сказалъ отецъ,—и не хлопчите напрасно, никогда я не сдѣлаюсь борзятникомъ и прямо скажу вамъ, что не уважаю этой потѣхи. По моему, вся эта удаля не стоитъ простой казачьей джигитовки. Я понимаю охоту ружейною:

Христофоръ Колумбъ, осмѣиваемый саламанкскими учеными. Картина Н. Баравино, грав. Шей.

тамъ требуется искусство; кромѣ того, человѣкъ, приходя въ общеніе съ природою, можетъ сосредоточиться, философствовать, поэтизировать, наконецъ показать и храбрость и даже принести пользу себѣ и людямъ, уничтожая напримѣръ кабана, медвѣдя или волковъ. А тутъ что? что кромѣ грубаго насилия, виага собакъ, непроизводительныхъ расходовъ, порчи чужихъ полей и луговъ? Однимъ словомъ, я по крайней мѣрѣ на провой охотѣ испытываю такое же эстетическое наслажденіе, какое чувствовалъ въ Москвѣ разъ въ жизни, слушая цыганъ. И тутъ и тамъ рѣзкія тѣлодвиженія, пьяная удалъ, визгъ, топотъ и ничего больше.

— Нашъ любезный хозяинъ отчасти правъ, замѣтилъ Головинъ,—только для ружейной охоты надо имѣть здоровыя ноги, какъ напримѣръ у Алексѣя Фомича, а нашему брату при ревматизмѣ она не всегда и подъ силу.

— Положимъ, я дѣйствительно могу похвастать моими ногами и не дальше какъ въ прошлый мѣсяцъ сдѣлалъ пѣшкомъ болѣе 900 верстъ, отвѣтилъ Думашевъ,—только при нынѣшнихъ усовершенствованіяхъ охотнику можно легко дѣлать и по сотнѣ верстъ въ день съ самыми плохими ногами; стоить только не пожалѣть 75 рублей и обзавестись гуттаперчевыми панталонами.

— Это для чего-же собственно-съ? полюбоньствовалъ одинъ изъ мелкопомѣстныхъ.

— Говорятъ вамъ, для быстрой и скорой ходьбы, бросилъ небрежно Думашевъ.

— Не слышалъ и я что-то о такихъ штанахъ, замѣтилъ прищурившій князь.

— И не мудрено. Вы, князь, въ Петербургѣ-то когда были? А я въ прошломъ году на себѣ испыталъ, да и не радъ былъ опыту. Иду разъ по Невскому, заглянулъ въ оконную витрину англійскаго магазина, вижу ярлыкъ „охотничьи каучуковыя панталоны-самоходы“. Меня и разобрало любопытство: дай, думаю, куплю, что будетъ. Ну, и купилъ и надѣлъ, да послѣ и не чаялъ какъ снятъ.

— Что такъ?

— Да какъ надѣлъ, объявляю магазину, что онѣ мнѣ коротки и штрипки молъ ноги поднимаютъ силой, а прикащики улыбаются и отвѣчаютъ, что такъ де и слѣдуетъ. Ну, хорошо. Только шагнулъ я изъ магазина и хотѣлъ затворить за собою дверь, а она отъ меня уже въ нѣсколькихъ саженихъ. Не успѣю вытннуть ноги и дотронулся ступней до мостовой, а ужъ другую штрипкой подхватить и согнеть, хочу остановиться—никакъ не могу. Шла барыня толстая такая съ ридикюлемъ, такъ я ее голубушку въ одинъ моментъ съ ногъ срѣзалъ; вижу—плохо; хватаюсь за вывѣску чтобы задержаться,—гдѣ тамъ: вывѣска отъ овощной лавки такъ въ рукахъ у меня и осталась. Просто мать. И что ни шагъ—несу все быстрее и быстрее. Я просто перетрусилъ. „Городовой, кричу, держи! караулъ!“ а онъ дуракъ перекрестился, да прыгъ въ сторону. Наконецъ духъ у меня захватило, голова кружится начала, фонари, экипажи, люди, дома, все завертѣлось и замелькало. Ну, думаю, будь что будетъ, и глаза закрылъ...

— Ну, и что-же?

— Да тревогу по всѣмъ частямъ подняли и казаки, заскакавъ на перерѣзъ, ажъ у Средней рогатки перехватили. Да и то насилу справились: повалили на-земь, а ноги у меня какъ у раненой лошади: разъ, разъ—все дрыгаютъ. Ну, казаки народъ ловкій, живо штаны шапки на перерѣзали, а то бы со всѣмъ себя загналъ—да и по дѣломъ, самъ выповать—въ штанахъ-то потомъ оказалась машинка, отпускаящая штрипки, а я объ этомъ и не разсирисилъ; такъ даромъ 75 рублей погубил.

Всѣ смѣются, хотя изъ приличія дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ и соболѣзываютъ; по раскраснѣвшимся лицамъ и блестящимъ глазамъ Марей Аванасьевича и князя замѣтно, что и ихъ охватилъ вадоръ и что выстрѣлъ не останется безъ отвѣтнаго залпа. Князь, кусая усы, задумчиво пьетъ свой портеръ, а трубка Марей Аванасьевича хрипло извѣщаетъ о вдохновеніи пахлящемъ на ся хозяина.

— Ужъ если дѣло въ ногахъ, говоритъ Головинъ тоже кури и отмаживая отъ себя дымъ ладошю, — то скорѣе на болотѣ надо хорошіе сапоги, а не штаны. А вотъ безъ собаки хуже чѣмъ безъ ногъ. У меня въ Рязанскомъ имѣніи, когда я жилъ тамъ, сразу отъ чумы три прекрасныя ружейныя собаки сдохли. Въ первое время какъ безъ руки былъ—убьешь дичь, а она такъ въ болотѣ и останется. Собаки-же взять неоткуда. Хотѣлъ совсѣмъ ружье забросить. Только что-же? Была у насъ дворовая, родила дѣвочку и черезъ годъ сама умерла. Дѣвочка осталась при дворѣ. Конечно, сиротѣ житье плохое, а тутъ еще она оказалась нѣмой, — во рту дефектъ — докторъ говорилъ полъ-неба не хватаетъ. Какъ собаки мои подошли, ей ужъ лѣтъ 10 было. Я какъ-то встрѣтилъ ее и приласкалъ. Что-же вы думаете, привязалась ко мнѣ дѣвочка, и только я на охоту — она за мной. Я выстрѣлю—она въ кусты или въ болото и непременно достанетъ и не завизжитъ, легка и ловка ужъ очень. Черезъ годъ я ее такъ натаскалъ, что и дичь находить стала, инстинктъ оказался лучше чѣмъ у другаго сетера. Бывало отыщеть дунеля и гамкнетъ какъ-то особенно по своему. Крикну: „Груша, пиль!“ — бацъ и готово. Послѣ я ее замужъ отдалъ за своего эгера, такъ чтобъ и за жену, и за собаку была. А тутъ и собаку добылъ

отличную; все равно въ Грушкѣ надобность миновалась. Имѣніе я потомъ продалъ, но еще на-дняхъ отъ нихъ письмо получилъ — очень счастливы — мужъ за выучку жены благодѣтелемъ называется.

— Со мной въ этомъ родѣ тоже случай былъ, говоритъ князь.—Въ Польшѣ товарищъ на охотѣ нечаянно у меня отличнаго легаша убилъ, такъ я жиды нанялъ; прекрасно искали, плавали, подавали и даже на четверенкахъ бѣгали, каналья. Только ужъ больно выстрѣла боялся. Никогда потому стойки не выдерживалъ. Разъ до того разбѣсился, что я ему парку зарядъ бекасиннику въ спину, и что-же—съ тѣхъ поръ я его и не видалъ: сбѣжалъ, а наома, вмѣстѣ съ моимъ ягдташемъ и трубой. Да, что ни говорите, человѣкъ на болотѣ не стоить собаки; куда-же! Знаете моего *Милорда*?

— Какже, какже, князь, собака отличная! въ одинъ голосъ закричали мелкопомѣстные.

— Я бы за нее сейчасъ 300 рублей далъ, добавилъ Головинъ.

— Триста рублей! Да я за него трехъ тысячъ не возьму. Вы, я вижу, о *Милордѣ* понятія не имѣете: вѣдь это, батюшка, геній въ лягавой шкурѣ. Прошлой зимой я какъ-то утромъ ходилъ на куропатокъ. Возвращаюсь назадъ; знаете у рѣки подлѣ Богановыхъ кусты. Такъ тамъ откуда ни возьмись—заяць. Пока ружье сваялъ съ плеча, пока приложился... Понимаете—неожиданность. Бацъ! въ первый разъ въ жизни промахъ, одинъ хвостъ отлетѣлъ къверху. Я изъ другаго ствола—хватъ, а ружье разряжено. Со злости кричу: „*Милордъ*, пиль!“ Песъ въ карьеръ съ мѣста: заяць по полю — онъ за нимъ, заяць по рѣкѣ—онъ за нимъ, заяць видитъ — плохо, да прямо въ прорубь, а *Милордъ*, не долго думая, бухъ туда-же. Подошелъ я къ проруби, а ихъ ужъ нѣтъ, вижу подлѣ льда уши. Посвисталъ, покричалъ, махнулъ рукой и пошелъ домой. Что-же вы думаете? Двѣ недѣли подлѣ льдомъ собака пробыла, а заяца все-таки вытащилъ.

— Тсссы...

— Каково это!

— Скажите на милость!

— Эка важность, что вашъ кобель, прожилъ цѣлыя двѣ недѣли въ проруби, наконецъ заяца вытащилъ, горячо отпарировалъ Шимановскій. — А я вамъ говорю, что вашъ *Милордъ* ка дрянной песъ, ничего особеннаго изъ себя не представляющій. Куда-же ему, напримѣръ, противъ моей *Дианки* или ея сына *Медора*, котораго я имѣлъ честь подарить великому князю и который до сихъ поръ еще здравствуетъ. Вотъ это такъ, собаки, а то нашли чѣмъ похвастаться! Да мой *Диана* одна на охоту ходила и при ней (даромъ что я не шевелилъ пальцемъ) за завтракомъ и обѣдомъ у меня дунеля и бекасы не переводились. На петербургской выставкѣ *Диана* получила первый призъ и объ ней тогда писали всѣ петербургскія газеты. Гречъ, Бугаринъ и Сельковскій нарочно ее смотрѣть ко мнѣ приѣзжали. 12 лѣтъ была неплодна, а подлѣ старости неожиданно ошенилась всего однимъ щенкомъ и ослѣбла. На обду на дворѣ осень и самая охота, а я безъ собаки. Какъ быть? Я взялъ, да ей ея щенка ко лбу и привязалъ. И что-же: щенокъ глядитъ, а она тляетъ и стойку дѣлаетъ, да еще какъ! Наконецъ къ лѣту она нала, осталась *Медора* одинъ. Думаю, молодъ еще, подожду. Такъ нѣтъ, молодой-то изъ раннихъ оказался; каждое утро ружье зубами со стѣны цапъ, поднесетъ ко мнѣ, а самъ визжитъ такъ убедительно и меня за фалды тащитъ. Такая вамъ доложу собака выходилась, что уму помрачение. Мнѣ за него 5 тысячъ давали, я и то не продалъ! Бывало сидимъ за обѣдомъ, а *Медоръ* голодець и проситъ. Я ему бросаю кость, онъ въ мигъ сгрызетъ ее и разумѣется всю морду выпачкаетъ. Я ему бросаю салфетку и кричу: „утрисъ,“ а онъ возьметъ ее передними лапами, вытретъ какъ человѣкъ, подаетъ ее мнѣ, да и говоритъ: „утерся, Марей Аванасьевичъ... Не-вѣ-ро-ятно!“

Всѣ разсмѣялись. Отецъ хохоталъ до слезъ, честиѣйшій и деликатѣйшій Карлъ Богдановичъ даже застыдился за Шимановскаго и шепнулъ мнѣ: „Wollen wir doch schlafen gehen, s'ist längst Zeit“. Но я, видя, что отцу не до меня, прямо заявилъ, что не пойду, рано молъ, да завтра къ тому-же празднику и уроковъ нѣтъ.

— Ну, это ужъ чортъ знаетъ что! кричитъ Головинъ. — Признайся, Марей Аванасьевичъ, что пересолил. Гдѣ-же видно чтобы собаки говорили!

— Прежде чѣмъ выражать сомнѣніе, да еще въ такой обидной формѣ, замѣтилъ докторальнымъ тономъ и нисколько не сконфузившій Шимановскій,—я бы рекомендовалъ тебѣ узпать въ чѣмъ дѣло, а потомъ уже изрѣкать свои вердикты. Совершенно вѣрно, что собакъ говорящихъ на свѣтѣ нѣтъ, но повторю, что мой *Медоръ* говорилъ и что на это имѣлись весьма вѣскія основанія. Надо вамъ знать, что я и до сихъ поръ большой другъ съ профессоромъ Пироговымъ. А лѣтъ 8 назадъ я въ Петербургѣ даже останавливался у него и прожилъ мѣсяца два вмѣстѣ съ собакой и насилу онъ васъ домой отпустилъ. Вижу, *Медоръ* отъ бездѣля жирѣть сталъ, я и посадилъ его на голодную порцію *Замытте себѣ это*. Только однажды, когда мы сидѣли за чаемъ, я и говорю Пирогову: „Николай Ивановичъ, сколько лѣтъ мы друзья, а я все еще не

видѣлъ твоего искусства, которому весь міръ удивляется.“ Пироговъ былъ въ это утро свободенъ и въ духѣ: „Изволь, говорить, покажу. Эй, позвать дворника!“ Является дворникъ. Пироговъ подводитъ его прямо къ операционному столу и безъ дальнѣйшаго говоритъ: „раздѣвайся и ложись“. Ну, дворникъ знаетъ, что это не кто-нибудь, а самъ Пироговъ: не долго думая онъ раздѣлся, перекрестился и легъ. Николай Ивановичъ поднесъ ему къ носу какой-то пузырекъ, ну тотъ и замеръ. Тогда Пироговъ взялъ ножъ и однимъ ударомъ распласталъ ему грудь и животъ. Потомъ вынулъ сердце и держитъ его на ладони, а оно такъ и бьется, такъ и бьется какъ пикарь, мнѣ даже страшно стало. „Ничего, говорить,—Моя, не бойся, все это хотя и премудро, но совершенно просто. А вотъ я тебѣ сейчасъ и легкіе покажу, только верхніе покровы подрѣжу“. Положилъ онъ это сердце на столъ и взялся за ножъ. Потомъ, повозившись съ полчаса и объяснивъ мнѣ все: „теперь, говорить, довольно, а то апоплексія случиться можетъ. Однако, что за притча, куда я положилъ сердце?“ Я тоже смотрю; на столѣ капли крови мѣсто указываютъ, а сердца нѣтъ. Мы подъ столъ—нѣтъ, мы подъ стулъ—и тамъ нѣтъ. Анъ глядь, тутъ же *Медоръ* вертится, облизывается и рыло въ крови. Выпрямились мы оба, сразу искать перестали, смотримъ другъ на друга и поблѣднѣли оба какъ бумага. „Ну, говорить Пироговъ, проспись съ собакой, иначе душу погубимъ“. Вѣрите-ли, я даже обрадовался, отъ сердца отлегло, хоть исходъ есть. Дали собакъ тоже поноухать и она замерла. Положили затѣмъ ее на другой столъ. Однако я не могъ смотрѣть и вышла. Что дѣлалъ безъ меня Пироговъ—не знаю, только когда я вернулся, гляжу, онъ дошиваетъ дворника, а фельдшеръ—*Медорку*. Потомъ помазавъ онъ чѣмъ-то обоимъ грудь, такъ что и шва не стало видно и летать какъ перъзаные. Далъ затѣмъ что-то обоимъ понюхать. Какъ вскочатъ оба сразу словно по командѣ: *Медорка* подъ столъ, а дворникъ на стулъ сѣлъ, а у самого глаза дикіе и злые, волосы дыбомъ. „Ну, дружокъ, какъ себя чувствуешь?“ спрашиваетъ его Николай Ивановичъ. А онъ вдругъ какъ собака—рррррррр!.. „Ну, ладно, ступай на мѣсто къ воротамъ!“ Тутъ дворникъ совсѣмъ ошестился, да вдругъ какъ залагаетъ: гамъ, гамъ, гамъ, гамъ... а самъ сорвался со стула, да въ двери. А *Медорка* съ тѣхъ поръ говорить начать. Не-вѣ-ро-ятно!

— Тфу, чортъ возьми! кричитъ въ восторгѣ Головинъ.

— Fato-os! менчегъ Карлъ Богдановичъ.

— Искушеніе! восклицаетъ среди всеобщаго хохота мать Паисіа.

III.

Прошло лѣтъ десять. Въ концѣ 186... года нашъ полкъ возвращался въ Петербургъ изъ бывшаго Царства Польскаго. Послѣ смотра я взялъ отпускъ на 28 дней и пріѣхалъ къ отцу въ деревню. Была скверная осень, дождь лилъ не переставая, на дворѣ грязь, слякоть. Отецъ оставался въ деревнѣ одинъ. За обѣдомъ стали вспоминать старое.

— Да, много воды утекло съ тѣхъ поръ какъ ты не былъ дома, началъ онъ.—Много сосѣдей умерло, а многіе не вынесли эмансипаціи и разорились. Помнишь нашихъ враглей? И тѣхъ тоже коснулось время. Псарни повывелись, да и ружейная охота стала какъ-то сокращаться. Лѣса повыврубили, земли дороже стала, бодота сушатъ и косятъ, ну и охотиться и врать стали меньше, не до того теперь. Къ тому же, Головинъ умеръ, а надъ остальными тремя много горькихъ событій разразилось.

— Ну, а самый послѣдній изъ Могиановъ этого рода?—какъ поживаетъ нашъ сосѣдъ, милѣйшій Марей Аванасьевичъ?

— Бѣдный Шимановскій тоже повидимому сходить съ припца. Онъ боленъ и кажется опасно, хотя и бравируетъ. Пользующій его Воздвиженскій говорилъ мнѣ на-дняхъ, что у него ракъ въ печени и что онъ больше на свѣтѣ не жилецъ. Весьма сожалѣю, что „Marie“ прекратила знакомство съ ними, находя близкое знакомство Наташи и Нади съ неблаговоспитанными дочерьми Шимановскихъ для твоихъ сестеръ вреднымъ. Понятно, что и мои посѣщенія стали послѣ того неудобными. Ты—дѣло другое. Врядъ-ли на тебѣ отзовется вредно общество Анны Антоновны и ея дочерей; къ тому-же, ты еще и въ кавалеріи не служилъ, а ужъ гувернантки постоянно восклицали по твоему адресу: „Aber was haben Sie für Cavalerie-Mापіегеп!“ помнишь! Значитъ этотъ casus belli для тебя не существуетъ; съ другой стороны, не перессориться-же тебѣ со всѣми здорово живешь. Я бы на твоемъ мѣстѣ сѣзидилъ навѣстить Шимановскаго, тѣмъ боате, что старикъ онъ въ сущности добрый, очень любилъ тебя и до сихъ поръ всегда спрашиваетъ о тебѣ при нашихъ встрѣчахъ у Вобриковыхъ.

На другой день, послѣ ранняго обѣда я надѣлъ мундиръ и сѣлъ въ крытый экипажъ. Надо было спуститься съ крутой горы, переѣхать мостъ и поднявшись на другую гору взлѣзъ и прямо упереться въ садъ Шимановскихъ, усадьба коихъ отъ насъ видна какъ на ладони. Знакомый съ дѣтства садъ, расположенный по скату внизъ, наводилъ теперь грусть своимъ одиачлымъ видомъ. Надо сказать, что имѣніе Шимановскихъ и наше когда-то составляли одно обширное цѣлое и принадлежали бабкѣ одного изъ знаменитыхъ русскихъ поэтовъ. Послѣ ея смерти третья часть имѣнія съ усадьбой досталась

по наслѣдству ея племянницѣ, а отъ той по родству оно перешло къ женѣ Шимановскаго. Покойный писатель гасивалъ не разъ и подолгу въ этомъ старинномъ домѣ и видѣлъ — въ этомъ саду есть посаженная имъ липа. Мой дядька Михайла, ходившій за мной въ дѣтствѣ—его крестникъ. Я очень дорожилъ всѣми этими воспоминаніями и теперь мнѣ было болно смотрѣть на эту полуразвалившуюся ригу, на этотъ освѣщенный садовый валь, прикрываемый порѣдѣвшимъ рядомъ акацій и кое-гдѣ подваленный соломой, съ десятками дорожекъ черезъ него, протоптанныхъ деревенскими любителями ягодъ, грушъ и яблокъ. Съ грустью взглянулъ я и на проржавѣвшую крышу обширнаго дома, на его углы почернѣвшіе и загнившие отъ затекавшей за обшивку воды, на покосившіяся и облупленныя рамы, стекла коихъ уже выгорѣли и покрылись непроницаемымъ перламутровымъ налетомъ. Три гончія, худыя какъ скелеты, затыкались на дворѣ вѣроятно отъ изумленія; двѣ борзья, подбѣжавшія къ крыльцу изъ любопытства, низко опустивъ мокрая острья морды, туло глядѣли на меня, виляя хвостами. На простомъ, украшенномъ облѣзшими колонками, крыльцѣ стояла сплошная лужа. Я вошелъ въ почти темную сырую переднюю. Не успѣвъ я снять пальто—за мной хлопнула дверь и послышался рѣзкій женскій окрикъ: „Когда-же ты, дрянъ такая, шляться перестанешь; вотъ тебѣ мамаша задастъ! Сейчасъ вылей таза изъ залы!“ Я быстро обернулся; предо мной стояла дѣвушка лѣтъ 22. „Здравствуйте, М-ле Ольга“, сказалъ я узнавъ въ ней среднюю дочь хозяйки. Но искаженное досадой, впрочемъ красивое личико выразило не то удивленіе, не то испугъ. Рука дѣвушки минимально скользнула по голой шеѣ и грязной разстегнутой кофтѣ. Въмѣсто отвѣта на пріѣтствіе, барышня ахнула и стремительно бросилась въ боковую дверь. По старой памяти я безъ указанія вошелъ въ среднія двери и, очутившись въ залѣ, вздохнулъ невольно. Старыя шерстяныя гардины сдѣлались ажурными отъ моды и получили фестоны отъ времени. Пестро, сѣро и грязно выглядывали порванныя и изъѣденныя мышами обои, кое-гдѣ заплатанныя когда-то бѣлой бумагой. Сумрачно и какъ-бы растерянно смотрѣли въ комнату потускнѣвшіе портреты барынь въ фижмахъ и съ бѣлыми руками въ кольцахъ какъ-бы напоказъ, въ перемежку съ изображеніями кавалеровъ при орденахъ, въ парикахъ, въ красныхъ, желтыхъ и синихъ лацканахъ. Одному только Юсифу Повитовскому повидимому было все равно. Съ слабей па-голо, въ контушѣ и конфедераткѣ, отчаянно подвигъ бѣлаго (хотя теперь и запылившася) коня на дыбы, заставляя онъ его ринуться въ волны Эльстера. Въ углу все еще стоялъ знакомый и уже при мнѣ старый роаяль, на немъ валялась куча рваныхъ нотъ и пыльных старыхъ газетъ, и тутъ-же тарелка съ мочеными яблоками. А посреди залы цѣлый рядъ подиорокъ и тазы, въ которые частыми крупными каплями падала съ грозво нависшаго потолка, шлепая и пузырясь, грязная вода.

Вошла Анна Антоновна, на ходу поправляя только что накиннутую на себя значительно порижлѣную шаль. Взглядъ ея всегда мало пріятливыхъ глазъ сталъ какъ-бы еще жестче, тѣмъ не менѣе мы сердечно поздоровались.

— Пойдемте, пойдемте къ Марюю Аванасьевичу, онъ очень ждетъ васъ, заторопилась она.

Въ кабинетѣ, на постели приготовленной на кожаномъ диванѣ, подъ стеганымъ шерстянымъ одѣяломъ, лежалъ больной. Шимановскій сильно осунулся и постарѣлъ. Потерявшій зубы ротъ съ его красными деснами выглядывалъ какъ-то криво и уже черезчуръ мясисто. Зачесываемые обыкновенно на лысину, теперь уже посѣдѣвшіе волосы висѣли гривой, закрывая правое ухо. При моемъ входѣ онъ старался пригладиться и привсталъ на локтѣ.

— Здравствуй, здравствуй, молодой вояка! Вотъ такъ спасибо! спасибо, братъ, что не забылъ старыхъ друзей. Постой, сперва поцѣлуйся. Ну, а теперь дай посмотришь на себя.—*Трезоръ*, не лѣзь! кушъ, животное! на мѣсто! — Молодецъ, право молодецъ! хоть куда. Что-же много бѣдъ и побѣдъ совершилъ? Ну, не отпирался. Польки вашего брата вѣдь на рукахъ носить. Выучилъ небось ифеню: „Ułanu, ułanu, malowane dziesi!“ Небось по-польски говоришь лучше меня, не даромъ-же изъ университета да на войну попалъ.

— Конечно, конечно, языкъ хорошъ, *оттого* только ему и выучился.

— Еше-бы не хорошъ. Каждый языкъ будетъ хорошъ если ему папска учить стануть. Знаемъ мы васъ, сами такими-же были. Бывало какъ... Ой, батюшки, что-то рѣжетъ!.. Ой, эта печень проклятая!.. О-охъ...

— Марей Аванасьевичъ, не говори такъ много—тебѣ вредно, замѣчаетъ жена.

Шимановскій примолкъ и закрылъ глаза. Я сидѣлъ на старинномъ кожаномъ стулѣ рядомъ съ его изголовьемъ и молча глядѣлъ на стѣны со знакомыми мнѣ ружьями, ядгатами, рогами и арапниками; на старика *Трезора*, издали (съ мѣста) вилявшаго мнѣ хвостомъ; на старинныя часы, по старому проигравшіе четверть, на угрюмаго усатаго нана, важно висѣвшаго въ полинилой золотой рамѣ въ контушѣ и съ маршальскимъ жезломъ и приходившагося Шимановскому двоюроднымъ дѣдомъ; на горку съ трубками покрытую теперь выѣсто кисей цѣлой тканью паутины...

— Скверно, братъ, болѣть, а главное наши уѣздные коновалы отъ пустяка вылѣчить не могутъ... Что отецъ? небось старикъ куда какъ обрадовался! Поцѣлуй его отъ меня за то что не передаетъ дрязгъ въ потомство. Не смотря на наши отношенія, всегда скажу — золотое у него сердце и благороднѣйшая душа. Да, мало насъ старыхъ осталось. Головинна помнишь? Отличный былъ человекъ; правда приврать любилъ.

Самъ я врать не гораздъ, но ему извиняю охотно, ибо вралъ онъ и умно и прилично. Пычке и врать-то не умѣютъ—все либо сально, либо обидно и глупо. И померъ-то онъ ужъ очень страшно, а главное отъ чистѣйшаго пустяка. Представь себѣ: на охотѣ напался не черезъ платокъ, а прямо изъ лужи. Недѣли три спусти стало его тошнить. Съѣсть или выпить — тошнить, слово скажешь — тошнить, чихнуть — тошнить. Скелетомъ сталъ — а коновалы все дѣвиги дерутъ и ничкаютъ его ничего не понимая. Только у него на счастье тетка въ Рязанской губернии была и отписала она къ его сестрѣ Прасковѣ Ивановнѣ (помнишь — у него жила), чтобы та непременно его сейчасъ же привезла къ ней дѣчить у извѣстнаго всей ихъ губернии мужика — знахаря. Ну, повезли и еле выволокли живаго. Пришелъ, осмотрѣлъ, оцупалъ знахарь, заварилъ какой-то травки и далъ выпить. „Теперь, говоритъ, скорѣе изъ дому въ садъ на коврѣ вынесите.“ Вынесли, а тамъ уже люди ждутъ. Какъ стали его подбрасывать подъ самыя макушки деревьевъ, а внутри у него словно кавалерійская дивизія церемоніальнымъ маршемъ проходитъ. Какъ пошли у него жабы изъ рта выскакивать. Вначалѣ крошечныя, а потомъ одна другой больше. „А, говорилъ онъ мнѣ потомъ, кричу: не качайте, глаза вонъ мрутъ! а они все пуце. Я съ ужаса и боли за вѣтку ухватился и повисъ, на сиду отдышался и слѣзь, а знахарь и говоритъ:— „Эхъ, баринъ, загубилъ ты себя—еще мнѣ, пугу помалдся бы и

„ихъ бы наибольшій вылѣзь. А то, смотри, я цѣлую мѣрку гадювъ вытрясъ,—другіе фунта по два есть, а наибольшій все еще въ тебѣ. Это они у тебя завелись съ лячекъ отъ болотной воды.“— „Чортъ съ тобой и съ наибольшимъ, говоритъ Иванъ Ивановичъ. Слава Богу что живъ остался послѣ такой встряски — везите домой скорѣе.“ Ну, пріѣхалъ — что же ты думаешь — тошнить перестало и вообще поправляться сталъ, только въ животѣ изрѣдка словно кто бревно переворачиваетъ. Думали просто отъ слабости, а нѣ предсказаніе знахаря сбылось таки. Вдругъ разъ ночью слышатъ изъ спальни ужасный крикъ; сестра и люди сбѣжались, а нѣ глядь, Иванъ Ивановичъ и рука-

ми и ногами швыряетъ, всю постель разметалъ, а изъ открытаго рта у него торчитъ огромная пасть, въ родѣ какъ крокодиловая, и зубами на всѣхъ шелкаетъ. Люди заробѣли. Имъ бы чѣмъ-нибудь прихватить и къ себѣ потянуть гадину, а они за докторомъ. Разумѣется, Иванъ Ивановичъ черезъ пять минутъ задохся, а жабища свое дѣло сдѣлала и затѣмъ скрылась — въ нутро ушла. Печально!

— Будетъ врать, Марей Аванасевичъ, мягко усовѣщаетъ Анна Антоновна. — Ты вѣдь во время болѣзни его и не видала. Просто простудился человекъ на охотѣ, отъ того и скончался. Никакихъ крокодиловъ не было, все бабы сказки, да твои прибавки.

— Перестань выдумывать, спорщица! раздражительно говоритъ Шимановскій;—десять свидѣтелей было и всѣ живы, а ты увѣришь что я вру! Пора, матушка, съ меня опеку снять.

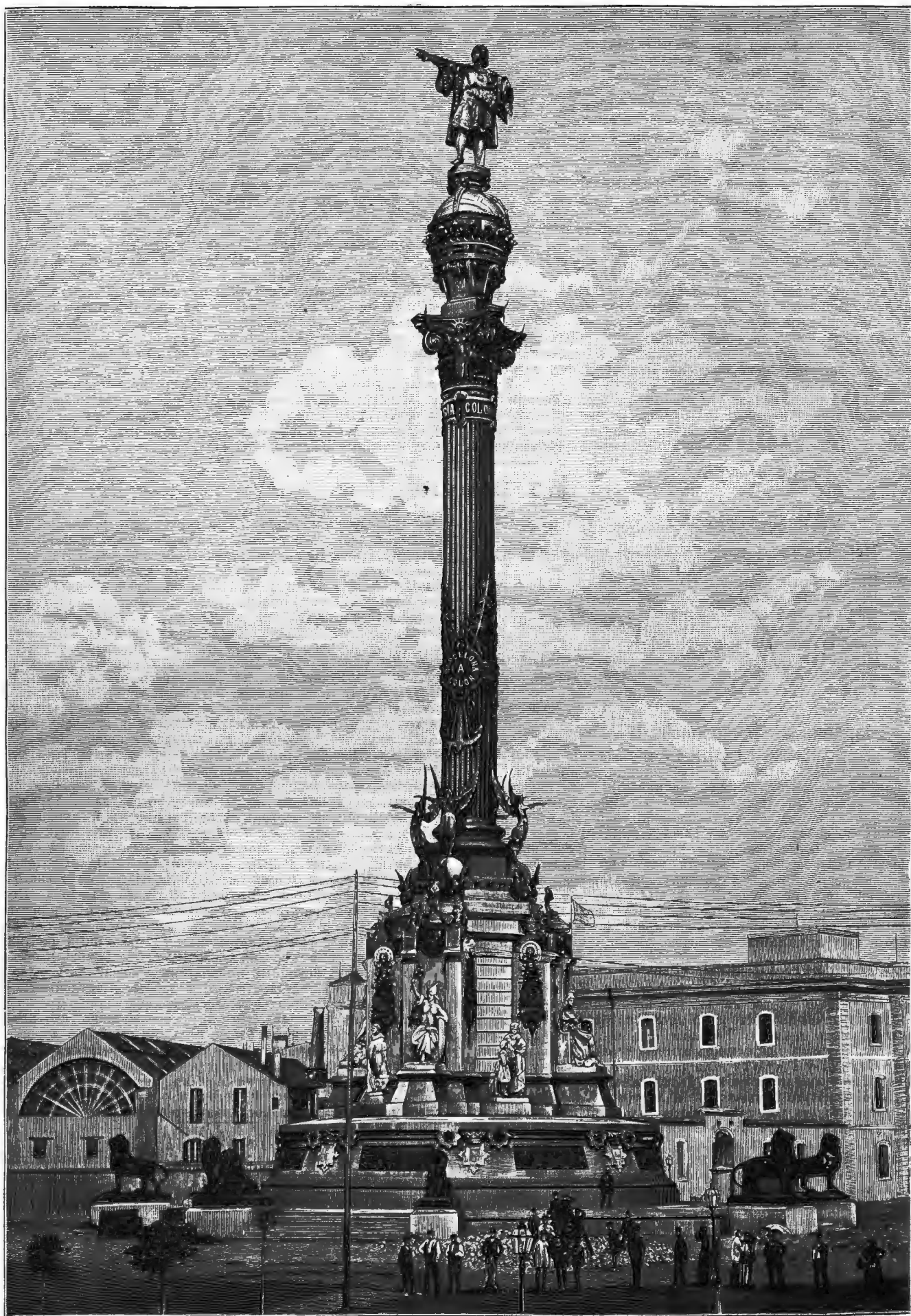
Вошли барышни. М-ше Ольга успѣла перечесть волосы и надѣтъ, простенькое по свѣжее платице и розовую ленточку на шею. Двѣ остальные влололи себѣ по бантику въ прическу. Мы быстро возобновили знакомство. Чай накрыли въ кабинетѣ; подали сливки, моченые яблоки, ветчину, лепешки, масло, черныи хлѣбъ, варенье... Однимъ словомъ все что было въ домѣ съѣстнаго. Шимановскій потребовалъ рому будто для дорогаго гостя. Принесли въ графинчикѣ остатки, которые онъ, опираясь на мой отказъ, и допилъ самъ, не смотря на протестъ жены. Послѣ чая Анна Антоновна мигнула дочерямъ. Старшая, небрасывая дѣвица лѣтъ 30-ти осталась здѣсь и жгла папиросу за папиросой. Двѣ же младшихъ вышли и затѣмъ оказались въ залѣ. Одна необработаннымъ, но свѣжимъ голоскомъ пѣла романсъ Рылѣва „Не слышно шуму городского“, другая аккомпанировала на разстроенномъ инструментѣ.

Выпивъ грогу, Шимановскій сдѣлался очень веселъ. Онъ сбросилъ одѣяло, и лежа на спинѣ подъ одной простыней и держа въ колѣняхъ труб-

ку, курилъ, что называется, въ засосъ. — Вотъ что, мой юный другъ!... Дней этакъ черезъ пять, много черезъ недѣлю, я отдамъ тебѣ визитъ. Пожалуйста, Анна Антоновна, не пожимай плечами, тебя не спрошусь и непременно пріѣзду въ „Каменный Верхъ“. Плевать мнѣ на ваши бабыи счеты. Ну-съ, а затѣмъ, какъ сосѣдъ себѣ хочетъ, а я приглашаю тебя на охоту, притомъ, на охоту въ нашихъ степныхъ мѣстахъ никогда не бывающую; представь себѣ: на зубровую охоту. Не вѣришь? Не вѣрь на здоровье, а я тебѣ скажу по секрету, что къ намъ изъ Бѣловъжской пушчи, вѣрно черезъ минскіе лѣса и смоленскую казенную засѣку (верстъ за

Князь Николай Черногогорскій.

Памятник Христофору Колумбу въ Барселонѣ. По рис. архитектора Бохигаса и Монрабе, грав. Флюгель

1.500 минимумъ) забѣжалъ зубръ, и знаешь-ли гдѣ онъ теперь скрывается: у васъ во Ржавцѣ (пашъ лѣсъ десятины во 150 не больше) — въ щажѣ у болота... Отецъ твой, конечно, не знаетъ, да и гдѣ ему — онъ не охотникъ, а мнѣ сейчасъ-же донесли... (Анна Антоновна въ глубокомъ изумленіи всплескиваетъ руками). Гончихъ у меня теперь меньше, всего штукъ 25, за то, братья, отборный. Облаву тоже какъ слѣдуетъ соорудимъ—мальчишкамъ придется дать по пятнадцатипному — это, конечно, пустишки—дадимъ; а трещотки вы, Анна Антоновна, извольте заказать заблаговременно столярю Антипкѣ, онъ знаетъ какъ ихъ дѣлать. Пусть къ Покрову сдѣлаетъ штукъ этакъ съ 50. Слышите!

— Да помилуй, Антипъ давнымъ-давно умеръ...

— Ну, такъ Ивану, не одинъ-же у насъ столяръ!

— Да что съ тобой, Марей Аванасьевичъ, ты, кажется, бредить начинаешь, или ты забылъ, что Иванъ, послѣ воли, уже съ годъ, какъ ушелъ отъ насъ въ городъ?

— Тфу, чортъ возьми! слова сказать не дасть. Я говорю тебѣ, чтобы было и basta. Не женись, братецъ, послушай меня, старика,—мученикомъ станешь. Умереть спокойно и то не дадутъ! О—ой!..

Я старался успокоить и примирить обѣ стороны, и затѣмъ, ссылаясь на темноту, сталъ собираться домой.

Прошло съ недѣлю. Получаю записочку отъ Анны Антоновны. „Марей Аванасьевичу очень плохо, онъ желаетъ васъ видѣть — не откажите *трудно*-больному“.

Отецъ тоже собрался и пріѣхалъ со мной. Больной сильно обрадовался и потянулся обнимать обоихъ, по сей часъ, затѣмъ, упалъ въ изнеможеніи на подушки. Измѣнился онъ за недѣлю такъ, что я едва узналъ его.

— Сосѣдъ другъ! началъ онъ слабымъ голосомъ, тяжело дыша и все чаще и чаще переводя духъ.—Спасибо, что пріѣхалъ. Коли виноватъ въ чемъ, прости... Конечно, виноватъ... Передъ всѣми виноватъ... Жизнь провелъ скверно... бражничалъ, сабашничалъ,

вралъ, болтался зря... Хозяйство забросилъ... порекалъ, рыскалъ... все прожилъ на пустяки... Жену разорилъ и образованія не далъ ни дочерямъ, ни сыну... пойдутъ по-миру всѣ... мебель, все движимое уже описано... Прости для Бога... и Марья Андреевнѣ скажи — я не судья, кто правъ, и у ней прощенія прошу... Коли сможешь и случай представится — сиротамъ, женѣ помоги совѣтомъ и дѣломъ... О—охъ, не могу больше!... А тебѣ урокъ... (обратился онъ ко мнѣ отдохнувъ) съ отца примѣръ бери, а не съ няньки...

— Я, сосѣдъ, началъ онъ снова, — вчера присоединился къ православію, а сегодня исповѣдался и приобщался... Коли и этимъ согрѣшилъ, не моя тутъ вина. У насъ-католиковъ нетерпимость недобралъ... Въ синагогу къ жидамъ ходить можно, а въ русскую церковь пельзы... Гдѣ же я тутъ костель и ксендза возьму?! Не умирать же какъ собакѣ, когда въ Бога вѣруешь!.. Да я вѣдь и по женѣ, и по дѣтямъ, и по сердцу русскій... Да, русскій.. русскій.. Мы всѣ вѣдь братья... а Богъ одинъ и вездѣ: и у насъ, и у васъ... Да, вездѣ Богъ!.. Онъ проститъ стараго грѣшника... и ввзвали... вррррррр... тоже проститъ... Анютѣ, дѣтямъ поможетъ... проститъ... да, проститъ... да... Прощай, сосѣдъ!.. Аня!.. Дѣти!.. Сынъ гдѣ?!.. Ой, душно!.. жжжжжж!.. Ой, Боже мой!!!

Шимаповскій сталъ метаться и впасть въ забытье; отецъ поцѣловалъ его въ лобъ, причемъ двѣ крупныя слезы скатились ему на усы...

Въ ночь Марей Аванасьевичъ скончался. День для его похоронъ какъ нарочно выдался солнечный и теплый. Даже дорога подсохла. Мы шли пѣшкомъ вплоть до сельской церкви, въ оградѣ коей ждала усопнаго разверстая могила. Покойника несли на рукахъ, а осеннее солнце мягко и одинаково ласково освѣщало: и простой неуклюжій гробъ, и заплаканныя лица провожавшихъ его сиротъ, и кучку любопытныхъ крестьянъ, и ветхія черныя ризы сельского духовенства...

Къ рисункамъ.

Хуторокъ зимою. (Рис. на стр. 33).

Морозить. Свѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ лигтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздуміи глядятъ на обнаженный лѣсъ,
На дома, крытые ковромъ младаго свѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у брега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ свѣговъ сребро;
Игlistымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.

(А. Н. Майковъ).

Иорданъ въ Малороссіи. (Рис. на стр. 36).

Въ малороссійскихъ губерніяхъ водоосвященіе въ день Богоявленія Господня, 6 января, отличается особенностями, которыя сразу бросаются въ глаза на прилагаемомъ рисункѣ. Въ селеніи имѣющемъ храмъ, собираются въ церковь какъ мѣстные жители, такъ и большая часть населенія окрестныхъ хуторовъ, причемъ по домамъ остаются развѣ старыя да больныя. Пока совершается богослуженіе во храмѣ, нѣсколько крестьянъ, выбравъ удобное для водосвятія мѣсто на рѣкѣ, вырубаятъ изъ льда крестъ, который и ставятъ въ изголовье другаго креста, вырубленнаго на поверхности льда, но не насквозь, а съ оставленіемъ тонкаго слоя чтобы не пропустить воды. Во время же самаго водосвятія, ударомъ топора пробивается отверстие и вся пустаота креста наполняется водою.

Виды Гатчины. (Рис. на стр. 37).

Гатчина, небольшой безуѣздный городъ С.-Петербургской губерніи, занимаетъ весьма видное положеніе въ числѣ пригородныхъ дачныхъ мѣстностей нашей сѣверной столицы. Въ послѣдніе годы значеніе Гатчины еще болѣе возрасло, такъ какъ она служитъ постоянно зимою резиденціею Августѣйшему Семейству Государя Императора, и по самому расположенію своему на пересѣченіи двухъ желѣзно-дорожныхъ путей (С.-Петербурго-Варшавской и Балтійской желѣзной дороги) представляетъ большія удобства для сообщенія со столицей. Гатчина лежитъ въ мѣстности плоской и чрезвычайно лѣсистой; но искусство, издавна начавшее видоизмѣнять и обрабатывать мѣстную природу, сумѣло внести въ нее много своеобразной красоты и привлекательности. Первоначально, когда русскія войска, при Петрѣ Великомъ, заняли Ингерманландію, Гатчина была бѣдною и простою мызою, которую Петръ подарилъ любимой сестрѣ своей, Натальѣ Алексѣевнѣ. По смерти царевны Натальи, мыза перешла въ дворцовое вѣдомство и была подарена Екатериною II князю Григорію Орлову, который и принялъ дѣятельно за украшеніе своего помѣстья. Онъ приказалъ заградить небольшой притокъ рѣки Ижоры, протекающей въ 4-хъ верстахъ отъ города, и при помощи этой запруды образовалъ два озера, *Бѣлое* и *Черное*, прилегающія къ городу съ южной стороны. Затѣмъ, по плану итальянскаго архитектора

Ринальди, графъ построилъ, при верховьяхъ р. Ижоры, великолѣпный дворецъ и разбилъ обширный паркъ въ англійскомъ вкусѣ (1770 г.). Благодаря этимъ сооруженіямъ, Гатчина пріобрѣла такую привлекательность, что императрица Екатерина II купила Гатчину у Орлова и подарила ее сыну своему, цесаревичу Павлу Петровичу. Павелъ поселился въ Гатчинѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ нея въ столицу, и такъ полюбилъ свою резиденцію, что сталъ еще болѣе, чѣмъ графъ Орловъ, прилагать заботы къ ея украшенію. Въ паркѣ предпринятъ былъ цѣлый рядъ работъ, по рисункамъ и планамъ современныхъ нервоклассныхъ художниковъ, вырыты новыя озера и пруды, проведены между ними протоки, насыпаны холмы и островки, перекинута на водахъ изящныя мостики. Самая отдаленная и глухая часть парка украсилась новымъ и весьма характернымъ зданіемъ *приората*, въ которомъ происходили засѣданія мальтійскихъ рыцарей, въ предѣлительствѣ императора Павла I, принявшаго титулъ великаго магистра ордена (1798 г.). Противъ самаго дворца, со стороны двора, выстроены были казармы для любимаго полка императора — для Гатчинскихъ кирасиръ. Самый дворецъ былъ расширенъ и украшенъ, а церковь дворцовая обогатилась моцями, которыя были въ XIV вѣкѣ вывезены однимъ изъ мальтійскихъ патеровъ на островъ Мальту съ острова Родоса. Императрица Марія Ѳеодоровна озабочилась учрежденіемъ въ Гатчинѣ благотворительнаго сиротскаго института и при немъ женскаго пансіона. Послѣ смерти императора Павла I, Гатчина была на нѣкоторое время заброшена и служила только мѣстностью для царскихъ охотъ. Въ самой Гатчинѣ заведенъ былъ обширный охотничій дворъ и при немъ егерская слобода; сюда, зимою и осенью, часто наѣзжалъ покойный императоръ Александръ II для охоты и отдыха отъ государственныхъ заботъ и трудовъ. На нѣкоторое время, Гатчина сдѣлалась любимою дачною мѣстностью петербуржцевъ, и, вслѣдствіе этого, чрезвычайно красиво обстроилась на окраинахъ, ближе къ линіи желѣзной дороги; въ послѣднее время дачники отхлынули въ окрестности Гатчины. Въ заключеніе нашей замѣтки припомнимъ, что озеро и рѣчки кругомъ Гатчины славятся особою, мелкою и чрезвычайно вкусною породою форелей, которыя, подъ названіемъ гатчинской, составляютъ лакомое блюдо нѣтербургскихъ гастрономовъ.

„Этюдъ“, Чумакова. (Рис. на стр. 41).

Въ прошломъ году мы уже познакомили читателей съ талантливымъ русскимъ художникомъ, Ѳ. П. Чумаковымъ, постоянно живущимъ въ Парижѣ и стивавшимъ себѣ у французовъ прозвание „русскаго Грѣза“. Въ послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ, осенью 1888 года, мы пріобрѣли еще нѣсколько его прелестныхъ женскихъ головокъ, одну изъ которыхъ и помѣщаемъ въ нынѣшнемъ №.

Колумбъ на совѣтѣ саламаннскихъ ученыхъ.

(Рис. на стр. 44 и 45).

Въ одной изъ глухихъ улицъ на окраинѣ Саламанки, въ то время—по календарю считался 1486 годъ—богатаго и много-

людного города, въ тѣсной коморкѣ, за столомъ покрытымъ картами и фоліантами, въ глубокой задумчивости сидѣлъ не старый еще человекъ, склонивъ голову на руку и глядя въ пустое пространство тѣмъ особеннымъ неподвижнымъ взглядомъ, что свойственно людямъ уорно и постоянно преслѣдующимъ одну и ту же мысль.

Онъ былъ еще молодъ, но загорѣлое, обвѣтренное лицо его и глубокия морщины, прорѣзавшія высокое чело, придавали ему видъ старше чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ и свидѣтельствовали о тѣлесныхъ трудахъ, лишеніяхъ и той неутомимой дѣятельности духа, которая подтачиваетъ тѣло. У ногъ его шестилѣтній мальчикъ возился съ моделью корабля, а ближе къ единственному окну комнаты молодая женщина старательно чистила мужнину верхнее платье изъ чернаго бархата, что не мѣшало ей по временамъ бросать на мужа взгляды, исполненные любви и заботы. Вдругъ она прислушалась къ отдаленному бою башенныхъ часовъ. Осторожно повѣсила она платье на стулъ, подошла къ мужу и положила ему руку на плечо.

— Христофоро! мягко проговорила она на родномъ италянскомъ нарѣчій. — Христофоро, пора!

Мужъ ея посмотрѣлъ на нее точно очнувшись отъ сна.

— Ахъ, это ты, Фелина, сказалъ онъ, обвивая ее рукой, — что тебѣ, дорогая?

— Пора идти, Христофоро. Черезъ полчаса соберется советъ.

— И рѣшить нашу участь — мою, твою и нашего ребенка, сказалъ Христофоръ Колумбъ, вставая изъ-за стола во весь величественный ростъ свой. — Здѣсь, въ этомъ городѣ, гдѣ мудрость и ученость свили себѣ прочное гнѣздо, я уже не извѣдаю новыхъ разочарованій; здѣсь поймуть какой неисчерпаемый источникъ богатствъ и могущества открываю я странѣ, пролагая ей путь въ дальнія области Восточной Азіи, которыхъ самое существованіе до сихъ поръ считается баснословнымъ. Люди науки замолвлять за меня слово предъ его величествомъ; я уже вижу себя въ открытомъ морѣ стремящимся къ желанной цѣли и затѣмъ возвращающимся со славою и сокровищами, которыя вознаграждать мою Фелину за все что она вынесла и претерпѣла со мною.

— На это не нужно никакихъ сокровищъ, улыбнулась молодая женщина, — мнѣ довольно твоей любви, а тебѣ я желаю славы, которой жаждетъ твое сердце. Ну, теперь ступай, прибавила она подавая ему короткій плащъ, — ступай и да помогутъ тебѣ Господь и всѣ Его святые!

Колумбъ захватилъ нѣсколько бумагъ, спрятавъ въ складкахъ платья и вышелъ на улицу.

Гордыя надежды волновали его грудь въ то время какъ онъ подходилъ къ дворцу, въ которомъ ученые и доктора саламанкского университета должны были изслѣдовать предложенія Колумба королю Кастильскому: отыскать баснословныя страны Востока и утвердить въ нихъ его королевскую власть. Цѣлые годы мечталъ опытный морякъ о возможности достигнуть Индіи океанскимъ путемъ съ востока на западъ, преслѣдуя эту мысль съ настоячивостью непоколебимаго убѣжденія, и до сихъ поръ нигдѣ еще не находилъ ни вѣры въ его великую, преобразующую міръ идею, ни поддержки своимъ планамъ. Но сегодня ему навѣрно удастся убѣдить своихъ судей, подсказывало ему сердце, — сегодня онъ побѣдитъ!

И вотъ, окрыленный этою надеждой, вдохновляясь великою идеей, онъ излагаетъ предъ учеными своей планъ, подтверждавъ подробности всѣмъ что добыто его собственнымъ и чужимъ опытомъ. Напрасно. Слова его не вызываютъ ни радостнаго изумленія, ни даже сколько-нибудь осмысленнаго вопроса. Безмолвное вниманіе, съ которымъ слушали его въ началѣ его рѣчи, вскорѣ смѣнилось какимъ-то тревожнымъ шепотомъ, который возвратилъ пламеннаго оратора къ уничтожающей дѣятельности.

Оглядѣвшись вокругъ себя, онъ увидѣлъ что лишь немногіе изъ присутствовавшихъ наполовину серьезно, наполовину недоброжелательно представляли имъ чертежи и карты, на которыхъ онъ основывалъ свои надежды. Большая часть ученыхъ судей удалились, другіе слѣдовали ихъ примѣру съ улыбкой состраданія или насмѣшки на губахъ, а вокругъ Колумба и позади его звучали насмѣшливые голоса, клеймившіе его идею ужаснымъ названіемъ бредни полоумнаго.

Кровь жаркою волной хлынула ему въ голову и къ сердцу, онъ судорожно стиснулъ кулаки и мрачно уставилъ неподвижный взглядъ въ пространство, чтобы не видѣть злополучныхъ, смѣявшихся надъ его вдохновеніемъ, и не поддаться соблазну отшченія.

И въ то время какъ онъ съ такимъ тѣснымъ трудомъ возстановлялъ самообладаніе, предъ мысленнымъ окомъ его, подобно фата-морганѣ, возставала обвѣтованная его стремленій. Гостеприимный берегъ во всемъ блескѣ невиданной роскошной растительности, улыбался ему въ лучахъ утренней зари и говорилъ ему: „надѣйся, не колеблясь въ вѣрѣ, и ты достигнешь меня.“ Дѣйствительность снова исчезла; лловиталъ насмѣшка и лицемѣрная соболѣзнованія уже не оскорбляли его слуха, не доходили до сердца; онъ жилъ въ своемъ мірѣ, и когда наконецъ пробудился отъ своего ясновидѣнія, увидѣвъ что онъ остался одинъ въ громадной залѣ, онъ гордо выпрямился какъ

побѣдитель и вышелъ, отряхивъ прахъ отъ ногъ своихъ, въ непреклонной надеждѣ, что мечта его сбудется.

И надежда эта не обманула его! Великодушная жепщина, королева Изабелла Кастильская, помогла ему исполнить великое дѣло въ то время, когда онъ, измученный неудачами, готовился уже взять въ руки посохъ странника и въ другихъ предѣлахъ искать сторонниковъ своей идеи.

3 августа 1492 года отплылъ Колумбъ изъ гавани Палось адмираломъ небольшой и скудно снаряженной эскадры, а когда, два мѣсяца спустя, 14 октября взойшло надъ моремъ солнце, оно освѣтило Новый Свѣтъ, грезившіяся нѣкогда лишь въ мечтахъ. Выѣсто западнаго пути въ Индію — открыта была цѣлая часть свѣта — нынѣшняя Америка.

Князь Николай Черногорскій. (Портр. па стр. 48).

Среди двухъ враждебныхъ силъ, западно-европейскаго католицизма и турецкаго ислама, окруженное поработенными мусульманскому игу народностями, затерялось въ неприступныхъ горахъ славянское орлиное гнѣздо, сумѣвшее отстоять свою независимость даже и тогда, когда всѣ его сородичи, въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, подчинились туркамъ. Болѣе трехъ столѣтій боролись черногорцы съ Оттоманскою имперіей, охраняя каменныя твердыни своего княжества, и дожили наконецъ до полнаго разложенія этой имперіи. Горсть отважныхъ *юнаковъ* (молодцовъ) перѣдко разбивала цѣлыя неурительскія арміи, выказывая такіа чудеса храбрости, предъ которыми блѣднѣютъ подвиги героевъ древняго міра. И это становится почетнымъ, если мы припомнимъ что черногорецъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства, едва научившись ходить, уже лазить по своимъ роднымъ скаламъ, съ опасностью жизни, что все населеніе вооружено съ ногъ до головы и даже духовенство лишь у дверей алтаря слагаетъ оружіе. Вся страна сплошь покрыта горами, нагроможденными одна па другую; но климатъ Черногоріи чрезвычайно разнообразенъ: тогда какъ Цетинская долина, въ которой расположена столица княжества, зимою покрывается глубокимъ снѣгомъ, въ Дульцинскомъ округѣ совсѣмъ не бываетъ зимы и въ январѣ уже цвѣтетъ миндаль. Бѣлонавлическая долина, хотя и находится на сѣверѣ княжества, но по климату одинакова съ южными нахіями Черницкой и Рѣчской — здѣсь растетъ табакъ и виноградная лоза. Въ Бѣлонавличахъ отстраивается новый городъ, Даниловградъ, которому, вѣроятно, предстоитъ современемъ сдѣлаться столицей княжества, такъ какъ въ безводной и каменистой долинѣ Цетинья ничего не растетъ кромѣ травы и единственнаго традиціоннаго дуба, подъ сѣнію котораго владыки Черногоріи творили судъ и правду. Въ прежнее время правленіе здѣсь отличалось чисто патріархальнымъ характеромъ. Глава государства — *владыка* — былъ въ одно и то же время главою церкви, судьей и военачальникомъ. Предшественникъ нынѣшняго князя, его дядя Данилъ, впервые измѣнилъ этотъ порядокъ: онъ былъ только свѣтскимъ правителемъ и въ томъ-же видѣ передалъ правленіе своему племяннику. Что касается самого князя Николая, то въ „Нивѣ“ уже не разъ подробно излагались его біографическія данныя. Помѣщая новый портретъ его, въ виду предстоящаго пріѣзда князя въ Петербургъ, мы коснемся на этотъ разъ менѣе извѣстной стороны его дѣятельности. Соединяя въ своей особѣ неустрашимость воина и традиціонную мудрость правителя, пользуясь громаднымъ обаяніемъ и авторитетомъ въ средѣ своихъ подданныхъ, князь Николай находить еще время удѣлять свои досуги поэзіи. Его стихотворенія и оэмы пользуются широкою извѣстностью въ славянскомъ мірѣ. Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ талантомъ державнаго ивца, прилагаемъ три его стихотворенія въ переводѣ Н. Югова, доставленные намъ однимъ изъ приближенныхъ къ князю. Первое стихотвореніе относится къ супругѣ князя, княгинѣ Миленѣ, рожденной Вукотичъ, второе — къ старшей его дочери, а третье — къ княжкѣ Станѣ (Анастасіи) (всѣ три стихотворенія суть надписи на подноси- мыхъ экземплярахъ сочиненій князя).

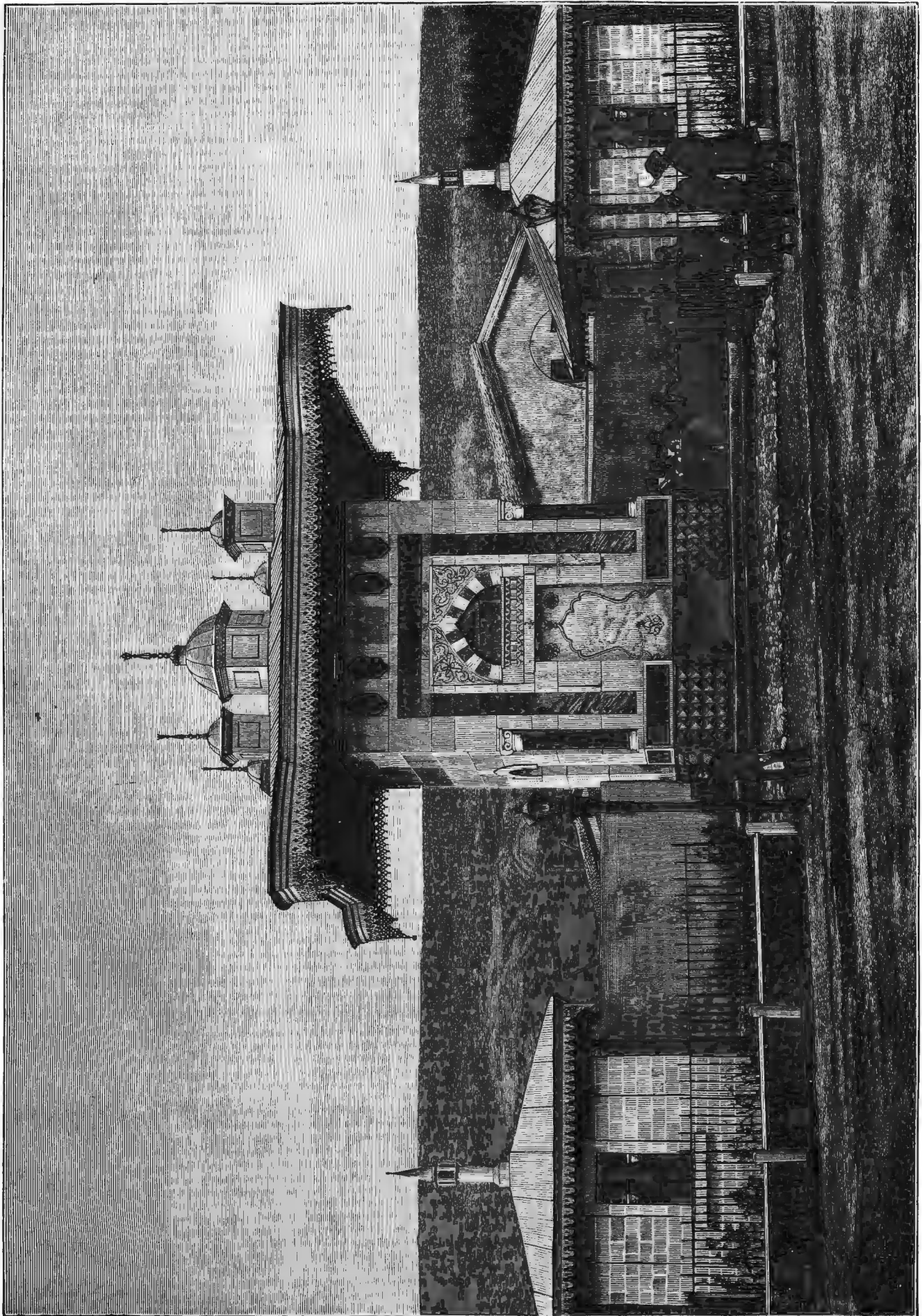
Моей Царицѣ.

Еслибъ, идя полемъ жизни,
Сбиралъ я тѣ цвѣты
(Тонкій запахъ ихъ впявая),
Что по немъ засжала ты,

Создалъ бы я нѣчто выше,
Нѣчто ярче и сильнѣй, —
Написалъ такую книгу,
Что подобья нѣтъ для ней...

Я воспѣлъ бы много лучше,
Доблесть, мудрость, доброту,
Чувства женскія вознесъ бы
На большую высоту

И въ вѣнецъ тотъ вилель бы также
Женщинъ къ родинѣ любовь —
Что мужской ничуть не меньше,
Но проникла глууже въ кровь.

Фонтанъ Айвазовскаго въ Феодосіи. Съ фотогр. Бабаева, грав. Рашевскій.

И на немъ, какъ на скрижаляхъ,
Начертилъ бы я подь-рядъ
Всѣ души твоей алмазы—
Лучшій царственный нарядъ.

Моей Зорнѣ.

Не все то золото что ярко,
И тронъ не мѣсто для покоя:
Повѣрь, дитя, тамъ счастья мало
Иль даже нѣчто есть иное.

Короны блескъ мѣшаетъ видѣть,
Что тернія подъ нею скрыты.
О королѣ вполнѣ счастливою
Разокажъ хоть въ сказкѣ отыщи ты.

Но счастливъ истинно—кто мирно
Въ своемъ углу трудиться знаетъ,

беллы, неоцѣпному при жизни и столько выстрадавшему въ награду за свои великіе подвиги. Человѣкъ этотъ, носившій безсмертное имя Христофора Колумба, открывшій, въ 1492 году, цѣлую часть свѣта, обладалъ огромной силой воли, пламенно вѣрилъ и до конца дней сохранилъ твердость въ убѣжденияхъ, нравственное величіе и спокойствіе. Честный, безкорыстный, истинный патриотъ, онъ подарилъ своему отечеству новую землю, которая обогатила Испанію, и, конечно, не помышлялъ, что людская зависть, неблагодарность и несправедливость заставятъ его страдать и физически, и нравственно. Враги оклеветали его передъ королемъ и даже надѣли на него оковы, какъ на преступника,—и умеръ онъ, хотя и оправданный, но тѣмъ не менѣе съ обидой горькою въ душѣ, завѣщавъ положить съ нимъ въ могилу цѣни, которыя всегда висѣли у его одинокаго ложа. Не лучше современниковъ отнеслось къ Колумбу и потомство, наименовавъ часть свѣта, имъ открытую, не его славнымъ именемъ, а именемъ дерзкаго искателя приключеній Америко Веспуччи. И вѣка осыпали эту непоправимую несправедливость. Исторія великаго человѣка нерѣдко вдохновляла и поэтовъ, и художниковъ, и дала идею одному скромному ремесленнику изъ Барселоны Антонио Фахасъ-и-Фереръ поставить памятникъ знаменитому мореплавателю. Долго онъ лелѣвалъ эту идею и могъ возвѣстить о ней лишь въ 1856 году; еще дольше приводилась она въ исполненіе. Только въ 1881 году, проектъ Фахаса-и-Фереръ увидѣлъ свѣтъ. Нѣсколько разъ были вызываемы на конкурсъ испанскіе архитекторы и, наконецъ, постройка памятника поручена архитектору Бохигасу. Въ сентябрѣ 1882 года состоялась торжественная закладка памятника, на сооруженіе котораго собрано, безъ малаго, 80,000 металл. рублей, и работа продолжалась цѣлыхъ шесть лѣтъ. Статуя Христофора Колумба, украшающая памятникъ, различныя фигуры эмблематическія, группы лицъ, бывшихъ сподвижниковъ Колумба, горельфы, изображающіе сцены изъ жизни мореплавателя, и прочія главныя части памятника, исполнены по особому конкурсу. Изъ-за чести исполненія самой статуи Колумба вели довольно продолжительную борьбу два, пользующіеся славой въ Испаніи, скульптора Вальмитанъ и Атче, причѣмъ послѣдній остался побѣдителемъ. Пять мѣсяцевъ декораторъ Видаль отливалъ эту статую, имѣющую четыре сажени вышины, пьедесталъ которой, въ видѣ огромной колонны, работы инженера Вольгемута, изготовленъ изъ чугуна, а капиталь, щитъ и прочія ея части—изъ старинныхъ бронзовыхъ пушекъ, пожер-

Молотьба на Кавказѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) О. Шмерлинга, грав. Ольшевскій.

Идя святымъ путемъ Господнимъ,
Какъ человѣку подобаетъ.

Нияннѣ Станѣ.

Точно ты изъ улья пчелка
Иль изъ садика цвѣточекъ;
Не съ росой ли къ намъ ты пала,
Хлѣба добраго кусочекъ?

Мимовольно ты чаруешь
Граціозной простотою,
И твой милый, кроткій образъ
Переполненъ добротою.

Будь, дитя, вѣрна портрету, —
Такъ не прочно все другое!..
Коль добра ты, вѣрн, доступно
Для тебя и все благое.

И замѣть ты въ этой книгѣ,
Что было съ Даницей въ жизни:
Чѣмъ способна черногогорка
Милой жертвовать отчизнѣ.

Памятникъ Колумбу въ Барселонѣ. (Рис. на стр. 49).

Недавно въ Барселонѣ воздвигли прекрасный памятникъ человѣку, обезсмертившему царствованіе Фердинанда и Из-

пучія. И вѣка осыпали эту непоправимую несправедливость. Исторія великаго человѣка нерѣдко вдохновляла и поэтовъ, и художниковъ, и дала идею одному скромному ремесленнику изъ Барселоны Антонио Фахасъ-и-Фереръ поставить памятникъ знаменитому мореплавателю. Долго онъ лелѣвалъ эту идею и могъ возвѣстить о ней лишь въ 1856 году; еще дольше приводилась она въ исполненіе. Только въ 1881 году, проектъ Фахаса-и-Фереръ увидѣлъ свѣтъ. Нѣсколько разъ были вызываемы на конкурсъ испанскіе архитекторы и, наконецъ, постройка памятника поручена архитектору Бохигасу. Въ сентябрѣ 1882 года состоялась торжественная закладка памятника, на сооруженіе котораго собрано, безъ малаго, 80,000 металл. рублей, и работа продолжалась цѣлыхъ шесть лѣтъ. Статуя Христофора Колумба, украшающая памятникъ, различныя фигуры эмблематическія, группы лицъ, бывшихъ сподвижниковъ Колумба, горельфы, изображающіе сцены изъ жизни мореплавателя, и прочія главныя части памятника, исполнены по особому конкурсу. Изъ-за чести исполненія самой статуи Колумба вели довольно продолжительную борьбу два, пользующіеся славой въ Испаніи, скульптора Вальмитанъ и Атче, причѣмъ послѣдній остался побѣдителемъ. Пять мѣсяцевъ декораторъ Видаль отливалъ эту статую, имѣющую четыре сажени вышины, пьедесталъ которой, въ видѣ огромной колонны, работы инженера Вольгемута, изготовленъ изъ чугуна, а капиталь, щитъ и прочія ея части—изъ старинныхъ бронзовыхъ пушекъ, пожер-

твованныхъ на это дѣло испанскимъ правительствомъ, и вѣситъ до 2000 пудовъ. Наверху колонны находится родъ балкона и въ центрѣ его укрѣпленъ шаръ изъ позолоченной бронзы, на который великій мореплаватель опирается ногою. Самъ Колумбъ обращаетъ свой взоръ къ морю; въ лѣвой рукѣ у него свитокъ, а правую онъ показываетъ вдаль, туда—

Гдѣ весь годъ канва луговъ
Шита бисеромъ дѣтвовать...
Тамъ въ древесныхъ шалашахъ,
Вдоль затопленной саванны
Дивнй варварскій народъ
Жизнь свободную ведетъ. (Мей.)

Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!
Чертежъ земной ты выполнившій смѣло,
И довершившій, наконецъ,
Судебъ неконченныхъ дѣло!
Ты завѣсу расторгъ всеильною рукою,
И новый мѣръ, невѣдомый, нежданный,
Изъ безпредѣльности туманной
На Божій свѣтъ ты вынесъ за собой. (Тютчевъ).

Фонтанъ Айвазовскаго. (Рис. на стр. 52).

30 мая 1887 г. состоялось въ Θεодосійской думѣ чрезвычайное засѣданіе думы для обсуждения предложенія проф. И. К. Айвазовскаго: уступить городу воду изъ богатаго и единственнаго въ Θεодосійскомъ уѣздѣ по обилію источника, имѣющагося въ его имѣніи, въ 25—30 верстахъ отъ города. По сборѣ гласныхъ думы вошелъ въ залу засѣданія маститый нашъ художникъ И. К. Айвазовскій и, поздоровавшись съ головою и со всѣми въ залѣ находившимися, занявъ, въ качествѣ гласнаго, предложенное ему кресло. Объяснивъ вкратцѣ мотивъ созыва экстреннаго засѣданія, городской голова попросилъ г. Айвазовскаго высказаться о своемъ предложеніи относительно снабженія города водою изъ его имѣнія. Въ отвѣтъ на это, г. Айвазовскій, неожиданно для всѣхъ, заявилъ, что онъ уступаетъ г. Θεодосіи въ вѣчное владѣніе воду изъ своего имѣнія Субашъ, въ размѣрѣ 50 тысячъ ведеръ въ сутки, безвозмездно, что составляетъ пять ведеръ на душу, считая населеніе города въ 10 тысячъ. При такомъ значительномъ дарѣ, лишающемъ владѣльца нѣсколькихъ тысячъ рублей дохода въ пользу города, восторгу гласныхъ, а вслѣдъ затѣмъ и всего населенія, и чувству благодарности не было границъ, такъ какъ, при хроническомъ, полномъ безводіи, которымъ давно невыразимо страдають жители, въ городѣ не только нѣтъ воды для домашняго обихода и водопола, но даже для питья; фонтаны вовсе иссохли и только еле-еле питають еще населеніе соленоватой водою, для питья которой надо имѣть или много рѣшимости, или большую привычку. Назлектризованная даромъ г. Айвазовскаго, дума озаболѣла присканіемъ капитала на сооруженіе самаго водопровода, на что не представило техническихъ затрудненій на всемъ пространствѣ отъ Субаша. Со своей стороны, И. К. Айвазовскій завершилъ свою щедрость, заказавъ въ Константинополь изображенный на нашемъ рисункѣ фонтанъ, высѣченный въ мавританскомъ стилѣ, изъ разноцвѣтнаго мрамора, и обещавшійся нашему маститому художнику, какъ слышно, въ 75,000 рублей.

Молотба въ Закавказьи. (Рис. на стр. 53).

Приемы хлѣбонашества въ Закавказьи, по климатическимъ и другимъ причинамъ, значительно отличаются отъ нашихъ, такъ напр. обѣ овинахъ тамъ не имѣютъ понятія; хлѣбъ сушитъ само солнце и его надо точасъ-же молотить, а потомъ и молотъ на мельницѣ. Сберегать въ зернѣ очень рискованно, такъ какъ напр. въ Имеретіи, при малѣйшей сырости, оно переходитъ

въ червячковъ, а потомъ въ бабочекъ, и улетаетъ. Молотба въ Грузіи и Имеретіи производится способомъ изобретеннымъ на нашемъ рисункѣ. Распицается токъ и на немъ бордюромъ раскладываются снопы, а по нимъ ѣздитъ человекъ на доскѣ, уложенной сверху тяжелыми камнями съ исподюку, уснащенною врѣзанными въ нее острыми кремнями; аппаратъ этотъ очень ловко отдѣляетъ зерно, а вслѣдъ идущая женщина отгребаетъ зерно граблями. Снопы переворачиваются нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ пока все зерно изъ нихъ не выйдетъ. Само собою разумѣется, что этотъ примитивный способъ молотбы очень далекъ отъ совершенства и съ введеніемъ молотилокъ становится рѣдкимъ явленіемъ.

„Ледоколы“, акварель проф. Премацци.

(Рис. на стр. 56).

Кисть проф. Премацци умѣетъ придать жизнь самой будничной сценѣ, какія часто можно видѣть въ Петербургѣ на Фонтанкѣ у Лѣтняго сада. Чуть сковала зима крѣпкимъ ледянымъ покровомъ красавицу Неву и каналы, на радость конькобѣжцамъ, по улицамъ и по самой рѣкѣ уже тянутся вереницы саней съ прозрачными кабанями льда, словно громадными акваринами, переливающимися на солнцѣ голубоватымъ свѣтомъ...

Макаки, дразнящіе удава. (Рис. на стр. 57).

Лѣса Индіи переполнены обезьянами, которыя въ большей части этой страны или считаются священными какъ потомки бога Ганумана, или пользуются наравнѣ съ прочими животными покровительствомъ брамановъ, запрещающихъ убивать вообще все живое. Огромное количество обезьянъ проживаетъ также въ городахъ, въ окрестностяхъ нагодъ (языческихъ храмовъ) по священнымъ смоковницамъ, и здѣсь дерзость этихъ четверорукыхъ доходитъ до того, что они являются въ жилище дома и безцеремонно грабятъ все что попадется подъ руку изъ съѣстнаго, набивая свои защечные мѣшки рисомъ, плодами и т. п. Большинство встрѣчающихся въ Индіи обезьянъ принадлежитъ къ роду макака, вслѣдствіе чего у русскихъ путешественниковъ и особенно у моряковъ индійскія обезьяны вообще называются *макаками*. Однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей этого рода является такъ-называемая шаночная обезьяна (*Macacus sinicus*), у которой волосы на головѣ образуютъ нѣкоторое подобіе шапки. Эти макаки живутъ въ лѣсахъ многочисленными обществами и проводятъ время въ тѣхъ рѣзвыхъ шалостяхъ и погонѣ другъ за другомъ, которыя можно наблюдать въ большихъ обезьяньихъ клѣткахъ зоологическихъ садовъ. Стѣдуетъ появиться какому-нибудь хищнику или вообще неприятному обезьянѣ животному, и онъ громкими криками подаетъ другъ другу сигналъ, дабы сообща устроить незваному гостю какую-нибудь каверзу. Особенно не терпятъ онъ змѣй, которыми буквально кишатъ лѣса Индіи. При этомъ макаки отлично умѣютъ различать ядовитыхъ змѣй отъ неядовитыхъ. При видѣ, напр., кобры (очковой змѣи), которая бросается съ быстротою стрѣлы на свою жертву и наноситъ ей безусловно смертельное укушеніе, макаки съ произвольнымъ визгомъ разсыпаются во всѣ стороны по сучьямъ и вѣтвямъ на вершины деревьевъ, дрожа отъ ужаса. Но вотъ въ густой травѣ медленно извивается лѣзвивый боа (удава), который совершенно безвреденъ въ смыслѣ укушенія и убиваетъ свою жертву лишь обвиваясь вокругъ нея и задущая въ объятіяхъ своего мускулистаго тѣла. Съ нимъ можно потягаться въ быстротѣ движешій — и вся стая мгновенно собирается вокругъ злополучнаго пресмыкающагося, спускаясь на самую нижнюю вѣтвь деревьевъ и бомбардируя своего врага орѣхами, сухими сучьями и т. п. Рисунокъ нашъ изображаетъ одну изъ такихъ сценъ, оживляющихъ священную тишину индійскихъ лѣсовъ.

Путешествія русскихъ людей за границу по произведеніямъ русской литературы.

П. И. Вейнберга.

Излишне было-бы говорить о той важной роли, которую играютъ въ культурной жизни государства и народа путешествія въ чужія страны; не одна страница всемирной исторіи представляетъ тому самыя краснорѣчивыя доказательства. Но не менѣе, пожалуй, важны описанія этихъ путешествій, записки, оставленныя людьми, пускавшимися въ отдаленныя страны, — важны независимо отъ чисто-литературной стороны, а именно съ точки зрѣнія общественной. Въ рѣдкихъ произведеніяхъ челоѣческаго ума и челоѣческаго слова выражаются съ такою яркостью, какъ здѣсь, особенности извѣстной націи, ея умственный кругозоръ, ея нравственныя воззрѣнія и т. п., ибо тутъ членъ даннаго народа приходитъ во многихъ случаяхъ въ соприкосновеніе съ чуждыми ему элементами, и оттого-то члѣмъ рѣзче отличается нація во всѣхъ этихъ отношеніяхъ отъ тѣхъ странъ и народовъ, съ которыми она приходитъ въ соприкосновеніе, тѣмъ болѣе выдѣляются ея національныя особенности и слѣдовательно тѣмъ характеристичнѣе и важнѣе становятся путевыя записки, какъ выра-

женный словомъ плодъ наблюденій челоѣка надъ чуждою ему обстановкой.

Такое отличіе, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ, долго выпадало на долю Русскаго народа, и вотъ почему описанія путешествій русскихъ людей — до тѣхъ поръ, пока Россія не сдѣлалась страной совершенно европейскою — представляютъ особенный интересъ въ вышеуказанномъ отношеніи.

Мы сказали: „до тѣхъ поръ, пока Россія не сдѣлалась страной совершенно европейскою“. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ огромномъ большинствѣ остальныхъ, первую гранью, первымъ существеннымъ, положительнымъ, шагомъ на пути сближенія Россіи съ Европою — служитъ реформа Петра Великаго. До этого времени, какъ всякому извѣстно, все наше просвѣщеніе, а сообразно этому и наша литература, имѣли характеръ сперва исключительно, потомъ преимущественно религіозный. Такой-же характеръ приняли съ самаго начала и путешествія русскихъ людей въ чужія страны, уже потому, что эти „чужія

страны" были собственно всего одна страна — Св. Земля, составлявшая предмет завѣтныхъ стремленій набожнаго чело- вѣка. Одушевленный чисто религиозными интересами, нашъ путешественникъ древняго періода русской исторіи обращаетъ внимание исключительно на тѣ предметы, которые имѣютъ бо- лѣе или менѣе важное значеніе для него именно въ этомъ религиозномъ, — точнѣе сказать, церковномъ отношеніи; все остальное проходитъ для него незамѣченнымъ, или затроги- вается только слегка, или разсматривается все съ той-же ре- лигиозной точки зрѣнія. Важную роль играетъ въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что огромное большинство, почти весь кон- тингентъ этихъ путешественниковъ (мы говоримъ здѣсь о пу- тешественникахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова) состав- ляли лица духовныя, между которыми притомъ было много, очень много такихъ, которые доходили въ своемъ религиозномъ рвеніи до истиннаго подвижничества, представляли собою обра- зецъ полнѣйшаго отреченія отъ всякихъ свѣтскихъ интересовъ, образецъ жизни исключительно созерцательной, или, какъ напр. преподобный Феодосій, сближались съ дѣйствительною жизнью только для того, чтобы водворять, укрѣплять въ ней начала религиозныя и религиозно-нравственныя, — при томъ въ духѣ строгаго, часто чуждаго всякой терпимости православія, — и энергически, даже безпощадно противодѣйствовать всему, что шло мало-мальски въ разрѣзъ съ этими началами. Были въ этомъ періодѣ между нашими путешественниками и лица свѣт- скія, отправлявшіяся за границу по собственному побужденію; но и они были до такой степени проникнуты религиозными интересами, что какова-бы ни была цѣль ихъ путешествія — любознательность, торговля и т. п.—эти религиозные интересы все-таки стояли на первомъ планѣ, и все встрѣчавшееся на пу- ти разсматривалось почти исключительно съ этой точки зрѣнія.

Впрочемъ, этихъ свѣтскихъ лицъ, ѣхавшихъ по *собственному побужденію*, было весьма мало. Если уже со времени Ивана Грознаго мы видимъ въ европейскія землѣхъ русскихъ людей, то почти всѣ они отправлены сюда правительствомъ, преимуще- ственно съ дипломатическою цѣлью, — и отъ нихъ нечего намъ ждать наблюденій, а тѣмъ менѣе описаній видимаго ими въ за- падной Европѣ изъ области общественной жизни, просвѣщенія, торговли, промышленности, искусства. Двѣ причины дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ: во 1-хъ, весьма незначительная степень образо- ванія этихъ людей, во 2-хъ, ихъ назначеніе, согласно давнейшей имъ инструкціи — „государево дѣло дѣлать во всемъ по государ- ву паказу и государевой чести во всякихъ мѣрахъ остерегать, и о иныхъ дѣлахъ держати отвѣтъ учтиво, а лишнихъ и нена- добныхъ рѣчей ни съ кѣмъ не говорить, и собой ничего не всчинять... ѣхать на спѣхъ, а забавливаться ни за чѣмъ нигдѣ не ведѣно...“ Да у этихъ невольныхъ путешественниковъ и не было никакой охоты „забавливаться“; послушаемъ, напрямѣръ, что говоритъ Котошихинъ, — стало быть уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда въ Россіи все больше и больше пахло Европой. „Россійскаго государства люди — говоритъ онъ — породу свою спѣсныи и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученіи никакого добраго не имѣютъ и не приемятъ, кромѣ спѣсивства и безстыдства, и не- правды и неправды. Правда есть всему тому, понеже для науки и обычай въ новыя государства дѣтей своихъ не посы- лаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычай, начали-бы свою вѣру отнѣять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ ни- какого-бы попенченія не имѣли и не мыслили...“

При такихъ воззрѣніяхъ, естественно, единственною цѣлью путешествій по собственному побужденію должна была пред- ставляться та мѣстность, которая имѣла высокій религиозный интересъ для всякаго христіанина, къ какому-бы вѣроисповѣ- данію онъ ни принадлежалъ, — т. е. Палестина, собственно Иеру- салимъ съ его окрестностями. И дѣйствительно, эти странствія ко Св. Мѣстамъ у насъ въ нѣсколько первыхъ столѣтій нашей исторіи (явленіе, впрочемъ, бывшее и на Западѣ) происходили въ очень большихъ размѣрахъ, и такъ какъ тутъ къ побуж- деніямъ чисто-религиознымъ стали съ теченіемъ времени при- соединяться соображенія корыстолюбивыя и влеченія празднаго тунеядства, то это такъ-называемое паломничество дошло одно время до такой чрезмѣрной распространенности, что наша церковь, имѣя въ виду только что упомянутое прикрытие ре- лигиозной одеждой далеко не религиозныхъ цѣлей, сочла нуж- нымъ вступиться въ это дѣло и положить ему извѣстныя гра- ницы. Само собой разумѣется, что изъ этой огромной массы путешественниковъ и странниковъ (ибо между тѣмъ и другими въ настоящемъ случаѣ есть существенное отличие) только очень немногіе занимались описаніемъ своихъ путешествій для удо- влетворенія собственной душевной — гораздо болѣе душевной, чѣмъ умственной — потребности, и съ цѣлью назидательною, къ которой присоединялось и желаніе доставлять нишу любозна- тельности своимъ соотчичей. Что эта любознательность по отно- шенію къ такимъ описаніямъ дѣйствительно существовала — до- казывается большимъ количествомъ списковъ, въ которыхъ ходи- ло по рукамъ путевыя записки, особенно нѣкоторыя изъ нихъ (и по настоящее время, замѣтимъ кстати, составляющія предметъ любимаго чтенія нисшихъ классовъ). Но самихъ сочиненій, по- вторимъ, было немного. Большинство этихъ авторовъ — духовныя

лица, остальные — свѣтскіе люди, и почти всѣ они отправились по собственному желанію. Цѣль путешествій — Св. Земля, и цѣль до такой степени исключительная, что всѣ страны, про- ходимыя по пути, игнорируются путешественникомъ, по край- ней мѣрѣ въ его описаніи, или затрогиваются весьма бѣгло; только трое (и изъ нихъ одинъ по собственнымъ дѣламъ) по- бывали въ Италіи, Индіи и Китаѣ.

Тутъ на первомъ планѣ — да и хронологически первое — „хож- деніе“ Данила Паломника, игумена неизвѣстнаго монастыря въ Черниговской области, — памятникъ, многія подробности ко- торого послѣдующіе паломники прямо вносили въ свои записки, что дало Сахарову поводъ сдѣлать справедливое замѣчаніе: „Данилъ былъ для паломниковъ то же, что Несторъ для лѣто- писцевъ“. Цѣль его хожденія — исключительно знакомство со Св. Мѣстами съ ихъ религиозной стороны, удовлетвореніе своей глубоко-религиозной потребности: нашъ паломникъ хочетъ соб- ственными глазами видѣть эти драгоценныя для христіанина мѣста, „обходить всю ту землю обѣтованную, идѣ же Христосъ Богъ нашъ походи Своима ногама и многа чудеса показа по мѣстомъ тѣмъ Святымъ“. *Описаль* же онъ это путешествіе не съ какими-нибудь литературными цѣлями; нѣтъ, онъ боялся, въ случаѣ неисполненія своего дѣла, сравниться съ лѣтними рабомъ притчи, зарывшимъ въ землю свой талантъ, при чемъ руководило имъ соображеніе и назидательнаго свойства: „да и се написахъ вѣрныхъ ради челоувѣкъ, дабы се кто слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, потпался душою и мысляю ко святымъ симъ мѣстомъ, и равно мзду симъ приметь съ ходившими до святыхъ мѣстъ“. Этой точкѣ зрѣнія нашъ путешественникъ остается строго вѣрнымъ во все продолженіе своего разсказа. Онъ игнорируетъ — но вовсе не съ умысломъ, не по пренебре- женію, а исключительно по складу своего ума и своего чув- ства — все то, что хотя въ самой незначительной степени не имѣетъ связи съ этою исключительною цѣлью его путешествія, и въ то же время самымъ подробнымъ, самымъ тщательнымъ, можно сказать — любовнымъ образомъ описываетъ малѣйшія частности религиознаго свойства. Являсь въ Иерусалимъ въ самый разгаръ Крестовыхъ походовъ, Данилъ не обращаетъ на ки- пичую вокругъ него политическую и военную жизнь никакого вниманія, по крайней мѣрѣ совершенно умалчиваетъ объ этомъ въ своемъ описаніи. Если говорить онъ о королѣ Иерусалим- скомъ Балдуинѣ, то исключительно настолько, насколько Балдуинъ содѣйствовалъ цѣли его „хожденія“, позволивъ ему „поставить свое кандило на гробѣ Святѣмъ Господнемъ отъ всея Русскія земли“, взявъ его въ свою свиту и подъ свое осо- бое покровительство въ церкви, наканунѣ Св. Христова Вос- кресенія (ибо именно въ это время былъ Данилъ въ Иерусалимѣ) и т. п. Балдуина-рыцаря, Балдуина-воителя, воителя даже за Св. Гробъ, Балдуина политическаго дѣятеля — нашъ странникъ не знаетъ; онъ видитъ въ немъ только челоувѣка, который „блажъ, и смиренъ велики, и не гордитъ“, сочувствіе его къ ко- ролю Иерусалимскому вызывается только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ видитъ Балдуина стоящимъ въ церкви, въ великую заутреню, „со страхомъ и смиреніемъ великимъ“, при чемъ „источникъ слезъ проливается отъ очю его...“ И причина этого полного игнорирования свѣтской стороны окружавшихъ Данила Паломника явленій и событій конечно совсѣмъ не та, которую предполагаетъ проф. Шевыревъ, говоря: „Лѣтописцы наши издали сочувствовали мысли, двигавшей Западъ ко Св. Гробу; но можетъ быть, дѣйствительность вблизи представляла иное и обнажала причины не совсѣмъ чистыя; худаго слова Данилъ не сказалъ о нихъ, быть можетъ, потому, что не могъ сказать ничего добраго“. Думать такъ — значитъ навязывать нашему скромному и надѣленному весьма ограниченнымъ кругозоромъ путешественнику то, отъ чего онъ былъ весьма далекъ. Ему просто не было дѣла до всего этого, до такой степени онъ былъ погруженъ въ *свое*, въ тѣ предметы которые были непосред- ственно связаны съ цѣлью его путешествія; а при этомъ мы не должны упускать изъ виду и степенъ, и характеръ его обра- зованія — образованія, имѣвшаго, какъ это было у всѣхъ нашихъ старыхъ грамотниковъ, исключительно, даже строго замкнуто- религиозный характеръ, и относящагося въ данномъ случаѣ къ тому времени, когда Россія была отдѣлена отъ Европы во- обще, а ужъ недавно отъ политической жизни этой послѣдней, очень толстою стѣною...

Но если Данилъ такъ относится къ предметамъ свѣтскимъ, то, напротивъ, какаю точностью, какою подробностью въ опи- саніи всего остальнаго! Какаю — повторяемъ — вѣрностью цѣли въ этомъ отношеніи! Не пропущены безъ вниманія и описанія ни одно мѣстечко, ни одинъ камень, мало-мальски связанные съ евангельскими и библейскими воспоминаніями. Съ матема- тическою точностью обозначены разстоянія между различными мѣстностями, величина того или другаго памятника и т. п. — и все это отнюдь не со словъ другихъ. Данилъ не даромъ гово- ритъ: „яко видѣхъ очима своими грѣшными, по истинѣ тако и написахъ“. Если онъ сообщаетъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія напрямѣръ о ширинѣ и глубинѣ Иордана, то это на основаніи собственного изученія: „яко самъ собою искусахъ, измѣрихъ, пребродихъ на ону страну Иордана, и много походихъ по берегу тому Иорданову любовно...“ Если онъ подробно описываетъ землю Галилейскую, то это потому, что „обходихъ всю ту землю

неложно бо, и яко видѣхъ очима своими грѣшныма, по испитіи тако и написахъ“. Если онъ съ математическою точностью узналъ величину Гроба Господня, то потому, что „измѣрихъ *собою* Гробъ въ длину и ширину“. И во всемъ этомъ виденъ не сухой пересказчикъ, не человѣкъ, механически и по чужому порученію исполняющій какъ-бы служебную обязанность; напротивъ, въ каждой строкѣ предъ нами — глубокое душевное побужденіе, и хотя того, что можно назвать собственно *поэтическимъ* одушевленіемъ—даже при видѣ роскошной Палестинской природы — мы не находимъ, но иногда оно замѣняется умиленіемъ, непритворною радостью при видѣ особенно священныхъ предметовъ...

Вышеупомянутая обстоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокая вѣра особенно хорошо видны въ занимающемъ главную часть „хожденія“ разсказѣ: „А се о свѣтѣ, како сходитъ ко Гробу Господню съ небеси“, гдѣ описана воскресная заутреня въ Иерусалимѣ, когда, по словамъ нашего путешественника,

крива есть“,—какъ и въ другомъ мѣстѣ своего „хожденія“ Давидъ, наприимѣръ, разсказывая, что въ праздникъ водокрещенія на Иордани (на которомъ онъ также присутствовалъ) Духъ Святой исходитъ на воды Иорданскія, съ глубокимъ убѣжденіемъ прибавляетъ: „достоинія человѣцы видятъ добръ: како выходитъ Духъ Святой, а вси народы не видятъ...“

Съ такою-же искренностью, не допускающею и тѣни пытливаго изслѣдованія, какой-бы то ни было провѣрки,—сообщаетъ Давидъ всѣ слышимыя имъ, ходящія тутъ легенды, приписывая имъ совершенно фактическое значеніе. Вотъ, наприимѣръ, гора каменная плоская, которая „разсѣлась въ распятіе Христова (т. е. въ моментъ распятія), и то зовется: адъ“. Вотъ камень, на которомъ былъ водруженъ Крестъ Христовъ, и подъ этимъ камнемъ—разсказываетъ Давидъ—„лежитъ глава Адама перваго. Въ распятіе Господне, егда на крестъ Господъ нашъ Иисусъ Христосъ предасть Духъ Свой, тогда раздрася церковная катачетама, и каменія распадеся, тогда-же той камень

Ледоколы на Фонтанѣ въ Спб. Съ акварели (собств. „Нивы“) проф. Премацци, грав. Рашевскій.

Богъ „показалъ видѣти ему, худому и недостойному рабу своему“. „Видѣхъ бо—говоритъ онъ—очима своими грѣшныма по истинѣ, како сходитъ Свѣтъ Святой ко Гробу Животворящему Господу нашего Иисуса Христа“, т. е. какимъ образомъ, какимъ чудомъ зажигаются въ воскресную полночь свѣчи въ кадилахъ, висящихъ надъ Св. Гробомъ и ставивыхъ на него въ это время. Дорога истинною вообще, а въ такихъ случаяхъ въ особенности, Давидъ опровергаетъ показанія другихъ „странниковъ“ на счетъ способа зажженія „кандилъ“ въ эту великую ночь,—показанія, по однимъ изъ которыхъ это Духъ Святой сходитъ голубемъ ко Гробу и возжигаетъ огонь, а по другимъ—чудо совершается посредствомъ ниспадающей молнии. „То есть лжа и неправда“—категорически заявляетъ нашъ Паломникъ; нѣтъ тутъ никакихъ голубей и никакихъ молній; „невидимо сходитъ благодать Божія, и вжигаются кандила“ свидѣтельствуемъ онъ, и затѣмъ совершенно искренно, „яко же видѣхъ по истинѣ“, сообщаетъ, что когда „запѣли пѣснь *Господеву поемъ*, внезапно малая тучка пришла отъ востока, и остановилась надъ непокрытымъ верхомъ церкви, и одождила надъ Гробомъ Святымъ, и омочила всѣхъ, надъ нимъ стоявшихъ; тогда внезапно возсіялъ свѣтъ во Св. Гробѣ и вышло отъ него блистаніе страшное“. Передавалъ малѣйшія подробности этой службы, Давидъ даетъ просторъ своему душевному умиленію; велика радость его, велико веселіе, и „кто не видѣвъ той радости въ той день, той не имѣтъ вѣры сказующему о всемъ томъ видѣніи“. Но истинно вѣрующій не усумнится, ибо „вѣрный въ малѣ и въ мнозѣ вѣренъ есть, а влзу человѣку истина

просѣдеся надъ главою Адамовой, и тою рассѣлиной спиде и вода изъ ребръ Иисусъ Христовыхъ на главу Адамлю, и смый грѣхи рода человѣча; есть бо рассѣлина та на каменіи томъ знати и до сего дня“. Вотъ „Елисеевы воды“ (около Иерихона), имѣющія очень сладкій вкусъ, потому что „ихъ ослади Елисей пророкъ, а прежь того быша горьки“. Вотъ на островѣ Телосѣ „лѣука Иродова, изъ рва кипитъ сѣрою горячею“. Вотъ гора, которая разступилась предъ Елисаветою, бѣжавшею съ младенцемъ Иваномъ Предтечею отъ преслѣдованія Ирода, и привила ихъ въ свою внутренность. Вотъ пещера, куда укрылся Лотъ съ двумя дочерьми, когда бѣжалъ изъ Содома. Вотъ пещера, гдѣ когда-то совершалъ—и по сей пору иногда продолжаетъ совершать—литургію Мельхиседекъ вмѣстѣ съ Авраамомъ; „естъ до двѣдѣяго дня трапеца та святая въ печерѣ той и вынѣ ту приходитъ святой Мельхиседекъ, и литургияетъ въ печерѣ той святой па той трапецѣ...“ И много еще въ этомъ-же родѣ.

Даже природа для нашего Паломника имѣетъ прелесть и значеніе лишь съ этой религіозной точки зрѣнія, исключительно постольку, поскольку она находится въ связи съ его религіозными мыслями и воспоминаніями. Иерусалимская природа такъ хороша лишь потому, что въ этой мѣстности совершались такіа великія священныя событія. Насколько сочувственно, даже любовно относится Давидъ къ Иордану, растительности вокругъ Вилелема, вообще къ природѣ тѣхъ мѣстностей, которыя дороги для сердца каждаго христіанина,—настолько же непріязненно, даже съ какимъ-то злорадствомъ говоритъ онъ о явленіяхъ природы находящихся въ связи съ событіями

Макаки, дразнящие удава. Рис. и грав. Шпехтъ.

грѣховнаго свойства. Таковъ, напримѣръ, его разсказъ о Содомскомъ морѣ, какъ оно, бывшее сначала около того мѣста, гдѣ крестился Христосъ, потомъ „далече отбѣгло крещенія ради“,—какъ оно издаетъ „духъ знойный и смердящъ“ и „попадаетъ ту землю зноемъ тѣмъ смерднымъ“,—какъ оно „мертво есть, и не имать ничтожь въ себѣ животно: ни рыбы, ни рака нисколько но аще быстрина Иорданская внесетъ рыбу въ море, то не можетъ жива быти ни мала часа, но вскорѣ погибаетъ, исходитъ бо изъ дна моря смола черна, и плаваетъ та смола многа; а смрадъ-же исходитъ изъ того моря несказанъ“. Также и въ растительномъ царствѣ вниманіе Паломника обращаютъ

на себя преимущественно тѣ предметы, которые имѣютъ важность для церкви, причѣмъ и объясненія даются сообразно этому взгляду; такъ, напр., онъ посвящаетъ особую главу описанію „ладана темьяка“ и сообщаетъ, что этотъ „добрый“ ладанъ „спадываетъ съ небеси, яко роса“.

Знакомясь съ „Хожденіемъ“ Данила, мы знакомимся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ разсказами другихъ древнихъ путешественниковъ нашихъ; ибо сущность описанія та же, программа та же, характеръ тотъ-же, даже многія подробности тѣ же, съ прибавленіемъ конечно нѣкоторыхъ новыхъ, но въ томъ-же родѣ, въ томъ-же направленіи.

(Оконч. въ слѣд. №).

Политическое обозрѣніе.

Минувшій 1888 годъ окончился благополучно во Франціи, но наступающій 1889, сотый послѣ первой французской революціи, обѣщаетъ не мало хлопотъ правительству. Предстоящіе 15 января выборы депутата въ палату въ самомъ Парижѣ не мало тревожатъ министерство, особливо при постоянно увеличивающихся шансахъ на успѣхъ генерала Буланже. Уволенный въ отставку, какъ это помнятъ читатели *Нивы*, 2 марта, браваый генералъ выбирается въ концѣ того же мѣсяца депутатомъ въ Дордоньскомъ департаментѣ. Очень осторожно, тѣмъ не менѣе вначалѣ не вполне успѣшно, Буланже выступаетъ на политическомъ поприщѣ. Въ маѣ, 22 числа онъ вноситъ въ палату депутатовъ предложеніе о пересмотрѣ конституціи. Переданное въ особую комиссію, это предложеніе, казалось, не будетъ имѣть успѣха, но, какъ извѣстно, впоследствии самъ министр-президентъ выступилъ со своимъ собственнымъ предложеніемъ о томъ же, должно быть памятуя, что клинъ вышибается клиномъ. Не видя близкаго разрѣшенія возбуденнаго вопроса, генералъ Буланже рѣшается на отчаянный поступокъ и произноситъ 30 іюня рѣчь, въ которой требуетъ распушенія палаты. Неуспѣхъ этого требованія повлекъ за собою сложеніе браваымъ генераломъ съ себя депутатскихъ полномочій и вызовъ посланный имъ министру-президенту Флоке. Но несчастье не приходитъ въ одиночку, какъ говоритъ французская пословица, и происшедшая на другой день дуэль между Флоке и Буланже окончилась для послѣдняго новою неудачей. Онъ былъ тяжело раненъ въ шею. Проходитъ мѣсяцъ; за это время сторонники генерала снова и притомъ осмотрительно, не слыша, начинаютъ ковать счастье своему лидеру и 8 августа Буланже сразу избирается депутатомъ въ 3 французскихъ департаментахъ. Оставивъ за собою званіе депутата отъ Сѣвернаго департамента, онъ отказался отъ депутатскихъ полномочій въ департаментахъ Соммы и Шаранты. Нынѣ, когда открылась депутатская ваканція отъ города Парижа, сторонники генерала выставляютъ его кандидатомъ, притомъ съ большими надеждами на успѣхъ. Прежде всего начало удачи видать въ происходившихъ депутатскихъ выборахъ въ департаментѣ Шаранты и Соммы, гдѣ, какъ мы уже сказали, должны были происходить выборы, вслѣдствіе отказа Буланже отъ званія депутата. Всѣ усилія противниковъ буланжизма нанести своему врагу поражение, не увѣнчались успѣхомъ. Въ департаментѣ Шаранты избраннымъ оказался буланжистъ Дюпоръ, а въ Амьенѣ, избирательствомъ центръ Соммскаго департамента,—орлеанистъ. Что касается генерала Буланже, то успѣхъ его главнымъ образомъ будетъ зависеть отъ того, насколько дружно будутъ дѣйствовать его противники и за кого подадутъ свои голоса монархисты. Относительно перваго вопроса, полученнымъ извѣстіямъ, среди республиканцевъ-антибуланжистовъ происходитъ расколъ.

Выставленнымъ ими кандидатъ — президентъ муниципальнаго совѣта департамента Сены, водочный фабрикантъ Жакъ, любимецъ парижской черни и сторонникъ автономіи столицы, не находитъ симпатій среди умѣренныхъ республиканцевъ и оппортунистовъ фракціи Ферри, отказывающихся поддерживать этого кандидата. Напротивъ, монархисты, можно думать, будутъ подавать свои голоса за Буланже. Бонапартистскій цен-

тральный комитетъ совѣтуетъ своимъ сторонникамъ подавать голоса за него, такъ какъ кандидатура Буланже является наиболѣе энергичнымъ протестомъ противъ возмутительной администраціи и пагубной политики правительства.

Что-же касается распорядительнаго роялистскаго комитета, то онъ еще не высказался окончательно, но газета *Soleil* заявляетъ, что Жакъ олицетворяетъ пышную республику, а Буланже—явнисроверженіе, и что поэтому монархисты будутъ вотирировать за Буланже.

Та же газета, основываясь на прежнихъ выборахъ, дѣлаетъ слѣдующій расчетъ относительно шансовъ выборовъ, предстоящихъ въ Парижѣ 15 (27) января: изъ 560,000 избирателей будетъ вотирующимъ 380,000; изъ нихъ 140,000 подадутъ голоса за Жака, отъ 20 до 40,000 голосовъ раздробятся, а 200,000 голосовъ будетъ подано за Буланже.

Какъ видно, положеніе министерства Флоке становится затруднительнымъ и побѣда Буланже на депутатскихъ выборахъ въ Парижѣ можетъ вызвать министерскій кризисъ.

Для Сербіи, а особенно для короля Милана, новый годъ начался вполне счастливо. Сербская великая скупщина приняла проектъ новой конституціи безъ прейвъ громадныхъ большинствомъ 494 голосовъ противъ 73. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* замѣчаетъ по этому поводу, что радикальная партія, ставъ хозяиномъ положенія, съумѣла обезоружить непримиримые элементы. Войдя въ соглашеніе съ королемъ Миланомъ на почвѣ новой конституціи, она доказала, что большинство не только хочетъ вести практическую политику, но и обладаетъ нужными для того способностями. Въ такой дѣл именно политикъ и нуждается страна.

Въ *Имперскомъ Указателѣ* обнаругованъ слѣдующій интересный рескриптъ императора Вильгельма къ имперскому канцлеру: „Любезный князь! Годъ, въ которомъ намъ пришлось пережить такіа тяжкія испытанія и такіа невознаградимыя потери, приходитъ уже къ концу. Мысль о томъ, что вы состоите при мнѣ вѣрнымъ помощникомъ, доставляетъ мнѣ радость и утѣшеніе. Вступая съ новыми силами въ новый годъ, сердечно молю Бога о ниспосланиі вамъ счастья и благоденствія, преимущественно-же добраго здоровья. Надѣюсь, что съ Божьей помощью мнѣ будетъ долго еще суждено трудиться вмѣстѣ съ вами для блага и величія нашего отечества. Вильгельмъ“.

Черезъ 2 дня, тамъ-же опубликовано постановленіе имперскаго суда по извѣстному дѣлу Геффкена. Судъ принялъ въ соображеніе, что по даннымъ предварительнаго слѣдствія оказывается достаточно основаній заключить, что опубликованіемъ изъ дневника императора Фридриха такихъ свѣдѣній, которыя для блага Германской имперіи необходимо было хранить въ тайнѣ отъ другихъ правительствъ, Геффкенъ публично огласилъ ихъ. Съ другой стороны, нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, что Геффкенъ зналъ, что опубликованныя имъ свѣдѣнія именно такого характера. Въ виду этого, судъ постановилъ признать Геффкена по обвиненію въ государственной измѣнѣ отъ суда свободнымъ и освободить его изъ заключенія, принявъ судебныя издержки на счетъ имперской кассы.

Библиографія.

Весенія красивоцветущія многолѣтнія и луковичныя растенія, ихъ содержаніе и воспитаніе въ садахъ. Др. Э. Регеля. СПб. 1888. Стр. 91 политинажемъ.

1889. *Двадцать четвертый списокъ сортовъ плодовыхъ, древесныхъ, кустарныхъ и многолѣтнихъ растеній*, находящихся въ ботаническомъ саду и питомникѣ для акклиматизаціи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ Др. Э. Л. Регеля и Я. Кессельринга.

Труды Др. Регеля давно уже стали настольными книгами у русскихъ садоводовъ. Первое изъ вышеназванныхъ сочиненій содержитъ въ себѣ руководство къ разведенію 170 видовъ и разновидностей, наиболѣе красивыхъ садовыхъ растеній, цветущихъ весною. Вторая есть новое изданіе извѣстнаго всей Россіи каталога съ выписными цѣнами растеній и множествомъ политинажей. Помологическій садъ находится въ СПб. на Выборгской сторонѣ по Лабораторному шоссе, домъ № 1. Др. Регель живетъ въ Имп. Ботаническомъ саду, а Я. Кессельрингъ въ Помологическомъ.

Малютка. Иллюстрированный журналъ для самыхъ маленькихъ дѣтей, издаваемый А. Я. Цветковой. Москва.

Строжайшій выборъ статей, проходящихъ нѣсколько редакціонныхъ цензуръ, изящныя англійскія гравюры и множество особыхъ приложеній (игръ, подвижныхъ и раскрашиваемыхъ картинокъ, и т. п.) при баснословно дешевой цѣнѣ 1 р. 50 к. за 12 книжекъ, давно уже сдѣлали это изданіе лучшимъ изъ журналовъ для дѣтей младшаго возраста, которое смѣло можно рекомендовать матерямъ семействъ.

Pipifax. Иллюстрированный юмористическій журналъ, издаваемый въ СПб. на нѣмецкомъ языкѣ Б. Гутманомъ.

Особенность этого изданія, которое очень схоже съ заграничнымъ *Fliegende Blätter*, состоитъ въ томъ, что въ немъ при веселомъ юморѣ не встрѣчается ничего оскорбляющаго нравственное чувство, и потому оно можетъ быть рекомендовано семьямъ желающимъ практиковаться въ нѣмецкомъ чтеніи.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 23 декабря, Государь Императоръ изволилъ принимать въ Гатчинскомъ Дворцѣ вновь аккредитованнаго при Высочайшемъ Дворѣ посланника Сѣв.-Америк. Соед. Штатовъ сэръ-Ламберта Три, который имѣлъ честь вручить Его Величеству свои вѣрительныя грамоты.

— 25 декабря, въ день праздника Рождества Христова, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшимъ Семействомъ, а также и другія Особы Императорской Фамиліи, прибывшія изъ Петербурга, присутствовали на богослуженіи въ церкви Гатчинскаго Дворца. По окончаніи богослуженія, въ Арсенальной залѣ Дворца былъ поданъ завтракъ, за которымъ присутствовали Ихъ Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ, Особы Императорской Фамиліи и нѣкоторыя изъ лицъ свиты.

— 27 декабря, въ Гатчинѣ, въ манежѣ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Ея Величества полка была устроена елка для нижнихъ чиновъ Собственнаго Его Величества Конвоя, своднаго гвардейскаго батальона и дворцовой ноліцейской команды. Въ половинѣ третьяго часа дня, въ манежѣ прибыли Ихъ Императорскія Величества съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшимъ Семействомъ. Изъ вазы, стоявшей на мостѣ, вынимались билеты съ номерами, и каждый нижній чинъ, соответственно доставшемуся номеру, получалъ подарокъ изъ рукъ Ея Величества Государыни Императрицы. Кроме подарка, каждый нижній чинъ получалъ корзину съ пряниками, фруктами и орѣхами.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Имп. Сенату признано нужнымъ въ обмѣнъ билетовъ Государственнаго Казначейства:

CCLVIII,	CCLIX,	CCLX,	CCLXI,	CCLXII,
258	259	260	251	262
CCLXIII,	CCLXIV,	CCLXV,	CCLXVI,	
263	264	265	266	
CCLXVII,	CCLXXXV,	CCLXXXVI,		
267	285	286		

и CCLXXXVII разрядовъ, выпустить въ обращеніе новыя тринадцать разрядовъ таковыхъ билетовъ, а именно: два разряда CCCXIII

и CCCLV сторублеваго достоинства безъ купоновъ и одиннадцать разрядовъ—CCCXLIV,

CCCXLV, CCCXLVI, CCCXLVII, CCCXLVIII,

CCCXLIX, CCCL, CCCLI, CCCLII, CCCLIII

и CCCLIV пятидесяти-рублеваго достоинства

съ 8-ю купонами, въ три милліона рублей каждый разрядъ, всего на тридцать девять милліоновъ рублей, на основаніи особаго положенія, съ назначеніемъ срока теченія процентовъ.

— Предполагается учредить Екатеринбургскую губернію.

— Село Балаково, Самарской губерніи, преобразуется въ уѣздный городъ.

— С.-Петербургскія Вѣдомости передаютъ слухъ, что съ Новаго Года проекти-

руется прекратить безноплинный ввозъ чая въ Туркестанскій край.

— Государь Императоръ, 23 октября 1888 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить образованному въ Нью-Йоркѣ акціонерному обществу подъ наименованіемъ „Международная компанія телефоновъ Белля“ продолжать свои операціи въ Россіи.

Дѣла церкви.

— Новое Время сообщаетъ, что 10 декабря изъ Одессы отправилась на пароходѣ „Адмиралъ Корниловъ“ миссія архимандрита Пансія. Составъ миссіи доходитъ до 150 человекъ, по большей части молодежи, бодрой и крѣпкой, выбиравшейся начальникомъ ея съ особеннымъ вниманіемъ. Съ миссіей ѣдетъ еще пятьдесятъ казаковъ съ Ашиновымъ во главѣ.

— Одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей Сѣвера — Палеостровскій (Олонецкой губ., Петрозаводскаго уѣзда, на островѣ Пальѣ, на Онежскомъ озерѣ), основаніе котораго относятъ одни къ XII, а другіе къ XIV вѣку, подвергся большому несчастію: 29 минушаго ноября сгорѣлъ каменный двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ, кромѣ келій, въ томъ числѣ и настоятельской, помѣщалась неотдѣланная еще внутри церковь. Убытки отъ пожара велики: всего на 62,280 руб.

Военное и морское дѣло.

— Опубликованы: приказъ по военному вѣдомству о сформированіи съ 1 сентября пяти кадровыхъ обозныхъ батальоновъ и положеніе объ обозныхъ батальонахъ.

— Въ послѣдній рейсъ изъ Александріи въ Одессу, пароходъ „Чихачовъ“ перенесъ сильный штормъ, какого ему еще не приходилось испытывать. Выйдя изъ Александріи 2 сего декабря, пароходъ около 6 часовъ вечера, попалъ въ этотъ штормъ, который къ ночи дошелъ почти до степени урагана. Благодаря опытности и энергіи капитана г. Риньери и дружнымъ усиліямъ всего экипажа, пароходъ счастливо избѣгнулъ опасности. Въ настоящее время, по сообщенію Новороссійскаго Телеграфа, на пароходѣ „Чихачовъ“ идутъ работы по исправленію поврежденій.

Торговля.

— Въ Харьковѣ начался подвозъ товаровъ на Крещенскую ярмарку. Въ этомъ году товары отправляются съ фабрикъ раньше, чѣмъ прежде. Виды на ярмарочную торговлю очень хорошіе; надѣются на большой сбытъ лѣтныхъ товаровъ, которыхъ вездѣ осталось мало.

— Движеніе хлѣбныхъ грузовъ къ Севастопольскому порту необычайно большое. Для увеличенія оборота вагоновъ администрація дороги устраиваетъ ночную выгрузку хлѣба; станція и станціонные пути будутъ освѣщены электричествомъ.

Народное просвѣщеніе.

— Въ 1838 году былъ изданъ указъ Святейшаго Синода объ учрежденіи приходскимъ духовенствомъ начальныхъ народныхъ училищъ, которыя и стали открываться въ слѣдующемъ 1839 году. Въ наступающемъ 1889 г. значить исполнится пятидесятилѣтній юбилей церковно-приходской школы.

— Правленіе Закавказской желѣзной дороги намѣрено устроить два особые вагона, въ которыхъ будутъ помѣщаться: въ одномъ — церковь, а въ другомъ подвижная школа.

Послѣдній вагонъ представляетъ новинку, еще не практиковавшуюся ни на одной изъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ немъ будетъ находиться нѣсколько отдѣленій — для жилища учителя, для помѣщенія самой школы, и проч. Вагонъ будетъ въ теченіе дѣлаго года переѣзжать съ мѣста на мѣсто, останавливаясь на болѣе или менѣе продолжительное время тамъ, гдѣ это будетъ найдено необходимымъ и гдѣ дѣти желѣзнодорожныхъ служащихъ терпятъ въ особенности много неудобствъ отъ неумѣйи въ близости станціи школы.

Театръ и музыка.

— 11 декабря, въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, артисты императорскихъ театровъ В. П. Главачъ исполнили на „гармоніиано“, послѣ объясненія механизма этого новаго усовершенствованія роля, нѣсколько музыкальныхъ пьесъ. Затѣмъ г. Главачъ игралъ на гармоніумѣ, вновь построенномъ фабрикою Шиндмайеръ.

— Въ открытомъ недавно въ С.-Петербургѣ собраніи врачей 20 декабря былъ музыкальный вечеръ, на которомъ были исполнены, подъ аккомпанیمانтъ фортепиано, съ участіемъ любителей, три картины изъ оперы „Евгеній Онѣгинъ“ г. Чайковскаго (сцена письма, объясненіе Татьяны съ Онѣгинымъ и дуэль). Женскій хоръ составляли ученицы г-жи Платоновой.

Наука.

— 21 декабря, въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества членъ-сотрудникъ, Dr. A. B. Елисеѣвъ сдѣлалъ сообщеніе „О иещерныхъ обитателяхъ Палестины“.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Московскаго общества испытателей природы, президентъ общества профессоръ Э. А. Бредихинъ сдѣлалъ, по словамъ Московскихъ Вѣдомостей, сообщеніе относительно образованія періодическихъ кометъ изъ параболическихъ. Профессоръ Бредихинъ вывелъ изъ многолѣтнихъ наблюденій надъ падающими звѣздами заключеніе, что въ кометахъ совершается особый процессъ, проявляющійся въ отдѣленіи отъ тѣла кометы частей и частицъ, не доведенныхъ до молекулярнаго разединенія. Отъ такого дѣйствія орбиты этихъ частицъ преобразовываются изъ параболы въ эллипсы съ весьма различными временами обращенія, чѣмъ и обусловливается годичная періодичность метеорныхъ потоковъ.

— Въ теченіе двухъ дней, 18 и 19 декабря, въ гор. Киевѣ наблюдалось весьма интересное атмосферическое явленіе, извѣстное подъ названіемъ ложныхъ солнць. По обѣ стороны солнца были видны блестящіе круги, также наподобіе солнць. Между этими солнцами находились блестящіе вертикальные столбы.

Неврологъ.

— Въ Москвѣ, 26 декабря, въ шесть часовъ вечера, скончался предсѣдатель общества драматическихъ писателей, извѣстный переводчикъ Калдерона и др. испанскихъ драматурговъ, Сергій Андреевичъ Юрьевъ.

— 27 декабря, скончался въ Спб. членъ военнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артиллеріи Иванъ Сергѣевичъ Лутковскій.

Смѣсь.

Объ искренности Наполеона III съ особой похвалой упоминаетъ во многихъ мѣстахъ своихъ интересныхъ мемуаровъ герцогъ Эрнстъ Кобургскій. Такъ напр., говоря о походѣ въ Италию, герцогъ высказываетъ слѣдующее: „Когда я встрѣтилъ императора въ Бадень-Баденѣ, онъ не скрывалъ, что считаетъ свои итальянскія побѣды дѣломъ чистаго случая. Между прочимъ, о личныхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, разсказывались, но его словамъ, величайшія небылицы, какъ, напр., о томъ, что при Маджентѣ пулей разорвало ему эполеты. — „Je n'ai jamais entendu siffler une balle“. (Я никогда не слышалъ свиста пули), говорилъ онъ. Тѣмъ не ме-

нѣе, онъ ненавидѣлъ войну. — „Le hazard joue un trop grand rôle“. (Слишкомъ большую роль играетъ случай). Армія, по его словамъ, была въ самомъ плохомъ состояніи, а генералы неспособны предводительствовать большою арміею. Австрійцы дрались гораздо лучше французовъ „и — присовокуплялъ онъ, — нѣтъ сомнѣнія, что они выиграли бы битву при Сольферно, еслибы были выдвинуты резервы“. Герцогъ разсказываетъ далѣе, что Луи Панаолони, во время сраженія, сильно страдалъ желудкомъ, что заставило его провести почти весь день въ близлежащей виллѣ. (с.)

О покойномъ императорѣ Фридрихѣ, въ числѣ другихъ анек-

Выдержки изъ отзывовъ прессы о роскошномъ иллюстрированномъ изданіи

А. Ф. Маркса:

„ФАУСТЪ“, ГЁТЕ

(Объ части) въ переводѣ А. Фета.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“

(№ 4580, 17 ноября 1888 г.)

Издатель „Нивы“ г. Марксъ выпустилъ роскошное изданіе „Фауста“ Гёте, въ переводе А. А. Фета, объ части. Изданіе въ полномъ смыслѣ слова прекрасное, и по бумагѣ, и по шрифту, и по печати, и по переплету, для котораго сдѣланъ былъ особый рисунокъ и штампъ. Изданіе украшено рисунками (25) Зейберта, въ средневековомъ, выдержанномъ стилѣ, и 130-ю иллюстраціями. Это — огромный томъ, въ листъ, который перелистывать можно съ удовольствіемъ, останавливаясь на рисункахъ... и т. д.

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВѢДОМОСТИ“

(№ 329, 28 ноября 1888 г.)

...Прекрасный, необыкновенно блистательный переводъ г. Фета уже извѣстенъ публикѣ; заслуга издателя состоитъ главнымъ образомъ въ обдуманной сторонѣ дѣла. Въ этомъ отношеніи предпріятіе г. Маркса — почти единственное у насъ по достоинству начавъ, будучи переплетъ и пр... Гравюры отъ издания на отдѣльныхъ аллюстрированныхъ листахъ, съ соблюденіемъ въ томахъ среднѣвѣковаго характера... Вообще, въ изданіи видно, что г. Марксъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ нечто капитальное, выдѣльное солидной фирмы. Въ любомъ кабинетѣ или въ любой гостиной, этотъ роскошный томъ явится цѣннымъ украшеніемъ стола.

„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(№ 272, 14 декабря 1888 г.)

...Наилучшій изъ послѣднихъ переводовъ на русский языкъ обѣихъ частей „Фауста“ принадлежитъ нашему маститому поэту — Липиру А. Фету. Этотъ переводъ очень выдѣляется изъ всѣхъ существовавшихъ до него тѣмъ, что въ немъ читатель находитъ сохраненными все мажорные отблески подлинника... Это изданіе представляетъ собою весьма удачный опытъ присоединенія къ тексту „Фауста“ соответствующихъ рисунковъ... Рисунки отличаются строгою выдержанностью стили и тонкимъ пониманіемъ изображаемыхъ въ нихъ моментовъ драмы. Въ изданіи перевода А. Фета, они переданы въ превосходныхъ астамахъ, числомъ до 25-ти, работы лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ-гравюровъ. Кроме того, изданіе украшено многочисленными гравюрами на деревѣ, рисунками.

„НОВОСТИ“

(№ 346, 15 декабря 1888 г.)

Съ большимъ удовольствіемъ мы перелистали это роскошное in-folio, напечатанное крупнымъ красивымъ шрифтомъ на толстой бумагѣ и украшенное цѣлой галереей блестящихъ, прекрасныхъ гравюръ на мѣди. Мы можемъ сказать безъ всякаго преувеличенія, что „Фаустъ“ впервые изданъ въ Россіи съ тою тщательностью и достоинствомъ, какія подобають внутреннимъ достоинствамъ и мировому значенію этого классическаго произведенія. Издатель, видимо, не пожалѣлъ ни труда, ни затратъ на выполненіе этого прекраснаго изданія, которое можно назвать образцовымъ и въ типографскомъ, и въ художественномъ отношеніи... Вообще одобряемъ мы и самый выборъ перевода для такого роскошнаго изданія. Переводъ Фета былъ, въ данномъ случаѣ, совершенно правильно предпочтенъ другимъ русскимъ переводамъ, какъ наиболее близкій къ подлиннику и наиболее художественный. Отъ души желаемъ успѣха прекрасному изданію А. Ф. Маркса...

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(№ 346, 16 декабря 1888 г.)

Предпріятіе г. Маркса изданія „Фауста“ Гёте мы еще не видали... Издатель, видимо, не пожалѣлъ ни труда, ни затратъ на выполненіе этого прекраснаго изданія, которое можно назвать образцовымъ и въ типографскомъ, и въ художественномъ отношеніи... Вообще одобряемъ мы и самый выборъ перевода для такого роскошнаго изданія. Переводъ Фета былъ, въ данномъ случаѣ, совершенно правильно предпочтенъ другимъ русскимъ переводамъ, какъ наиболее близкій къ подлиннику и наиболее художественный. Отъ души желаемъ успѣха прекрасному изданію А. Ф. Маркса...

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

(№ 1038, 10 декабря 1888 г.)

...Дать русской интеллигентной публикѣ полный переводъ произведенія Гёте, имѣющаго мировое значеніе — мысль сама по себѣ прекрасная. Еще прекраснѣе ея выполненіе. Смысл скажемъ, публика не видала еще ничего подобнаго. Даже за границей, гдѣ дѣло издательское поставлено превосходно, подобныя истинно художественныя изданія встрѣчаются не часто. Вышность книги вполне гармонируетъ съ текстомъ... Переводъ сдѣланъ размѣромъ подлинника; стихъ рифмованный и отличается той плавностью, которая вообще свойственна поэзіи Фета... Мы, конечно, можемъ смѣло рекомендовать этотъ chef-d'oeuvre русской публикѣ...

„Journal de St.-Petersbourg“

(№ 331 du 11 Decembre, 1888.)

...M. Marcks, l'intelligent et énergique éditeur de la „Niva“, a fait paraître, à titre de livre d'étrennes de Noël, une traduction russe en vers du Faust de Goethe, qui est à la fois la plus belle publication de la librairie russe moderne et une oeuvre littéraire d'un mérite hors ligne, destinée à faire époque dans la série déjà longue des versions russes de l'immortelle poème dramatique du plus grand et du plus profond des poètes allemands... Avoir eu l'idée de donner à l'oeuvre grandiose conçue et victorieusement accomplie par le nouveau traducteur du Faust un cadre digne d'elle, ne pouvait venir en tête qu'à un véritable artiste. M. Marcks a eu cette idée et il l'a réalisée avec une hardiesse surprenante. Son édition du Faust est un livre comme il n'en existait pas encore dans la librairie artistique russe. Le volume a pour étui un élégant et solide cartonnage qu'on peut exposer sans offenser les yeux sur la table du salon le plus élégant ou caser sur les rayons de la bibliothèque la mieux tenue. Le prix de l'édition de M. Marcks est d'une modicité relative à peine croyable. Il est meilleure preuve de ce que l'éditeur n'avait point en vue une de ces spéculations que la librairie moderne est devenue si habile, depuis quelque temps, à dissimuler sous de fallacieux dehors de désintéressement artistique. Si tout le tirage s'écoule on n'arrivera évidemment qu'à couvrir les frais de cette publication.

St.-Petersburger Zeitung

(№ 342, vom 7 December 1888.)

...Wir halten es für eine einfache Pflicht der Gerechtigkeit zu erklären, dass uns aus dem gesammten Russischen Verlage kein zweites Werk bekannt ist, das auf gleicher Höhe ästhetischer Vollkommenheit stände. Die ganze Ausgabe ist, was Illustration, Text, Druck, Papier, Einband anlangt, muster-giltig und macht den erfreulichsten Eindruck. Pracht eint sich mit Würde, solider, nicht prahlerischer Reichtum mit edelem Geschmack, um ein Ganzes zu bieten, das bildend und erhehend auf die Kreise wirken muss, für die die kostbare Ausgabe bestimmt ist... Als Illustrationen hat der Verleger die Bilder von Engelbert Seibert gewählt, die meisterhaft von Adrian Schleich gestochen sind... Ein Goethefieber, tief in die Dichtung eingedrungenen Geist spricht aus diesen gedankenvollen Compositionen... Wahrlich nicht der letzte Vorzug der Marcks'schen Frachtausgabe ist die Uebersetzung von A. Feth (Schenschin)... Das Werk, an dem unser grösster Genius ein selten langes Leben von den Jünglingsjahren bis ins hohe Greisenalter gearbeitet, das dem Deutschen als die Blüthe und Quintessenz seiner Literatur gilt, las den geistigen Gehalt unserer Kultur, unserm Geistesleben in knapper Form zusammenpressen — ein solches Buch einer andern Nation zu eigen zu machen, das ist wahrlich ein hohes Verdienst und alles Lobes und Dankes werth.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“

(№ 329, 29 ноября 1888 г.)

Названное изданіе составляетъ выдающееся явленіе въ области нашей литературы. Едва ли у насъ на частныя средства издавалось нечто подобное; безсмертное произведеніе Гёте превосходно переведено А. Фетомъ... Книга снабжена художественными иллюстраціями Зейберта и многочисленными рисунками. Чтобы судить о роскоши этого великолѣпнаго изданія, достаточно указать, что оно напечатано на 100 листахъ веленовой бумаги in folio; вслѣдствіе этого и затраты г. Маркса на него были громадными... Въ полномъ успѣхѣ этого вышности художественнаго и роскошнаго изданія не можетъ быть и сомнѣнія.

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(№ 147, 11 декабря 1888 г.)

...„Фаустъ“ Гёте — настоящая книга каждого сколько-нибудь развитаго, мыслящаго человека. Неудивительно, что извѣстному издателю не менѣе извѣстной „Нивы“, г. Марксу, пришла счастливая идея издать великое твореніе Гёте самымъ роскошнымъ, можно сказать, монументальнымъ образомъ, какъ съ внѣшней, такъ и внутренней стороны. Переводъ „Фауста“ сдѣланъ извѣстнымъ нашимъ поэтомъ-искусителемъ Фетомъ и можетъ, по справедливости, считаться лучшимъ переводомъ „Фауста“... г. Фетъ снабдилъ свой капитальный трудъ необходимыми поясненіями и комментаріями, желая, чтобы каждый, читая „Фауста“, могъ вполне уснить и понять все кажущееся темнымъ и загадочнымъ... Такихъ великолѣпныхъ изданій въ нашей литературѣ не много... Шрифтъ, выставки, рисунки въ текстѣ, все верхъ изящества... Книга переплетена въ шагреневъ, съ золотымъ обрѣзомъ... и т. д.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 руб.

Желающіе пріобрѣсти это изданіе въ разсрочку, съ уплатою въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могутъ получить его выпусками, для чего открыта особая подписка. Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ СПб.

Всѣхъ выпусковъ 10. При этомъ подписчики вносятъ:
Городскіе въ 1 разъ 6 р., иногородные 10 р., и получаютъ 1 выпускъ
„ во 2 „ 6 р., „ 8 р., „ 2 „
„ въ 3 „ 6 р., „ 5 р., „ 3 „
„ въ 4 „ 6 р., „ 5 р., „ 4 и 5 „
„ въ 5 „ 5 р., „ 5 р., „ 6 и 7 „
„ въ 9 „ 4 р., „ 2 р., „ 8, 9 и 10 „
Отдѣльно кожная (шагреновая) крышка для переплета продается по 7 рублей.

1-й заемъ 1861 года.

48-й тиражъ 2-го января 1889 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.
12	23	500	2252	47	500	5249	48	500	7560	18	500	9742	26	1000	12291	30	500
19	17	500	2260	46	8000	5282	16	500	7638	19	1000	9780	27	500	12303	33	5000
58	30	500	2263	31	500	5301	27	500	7755	2	500	9900	45	500	12376	44	500
213	26	500	2350	39	500	5371	41	500	7762	13	500	9940	47	500	12415	44	500
268	15	500	2426	27	500	5409	28	500	7848	11	500	10004	41	500	12556	47	500
317	16	500	2457	15	500	5489	40	500	7857	27	500	10172	48	500	12820	3	500
381	40	500	2546	42	500	5545	34	500	7943	14	5000	10222	14	500	12884	3	500
602	7	500	2748	17	1000	5652	28	500	8006	9	500	10322	15	500	12922	40	500
608	18	500	2895	19	500	5744	25	500	8023	2	1000	10358	38	500	12941	42	500
612	15	500	2898	15	1000	5753	31	500	8151	5	500	10365	26	500	12943	20	1000
622	15	500	2923	23	500	5809	24	500	8190	30	500	10399	35	500	13137	22	500
719	47	500	2968	10	500	5811	47	10000	867	40	500	10475	6	8000	13143	48	500
737	12	500	3328	38	8000	5869	31	1000	8321	27	500	10499	7	75000	13166	48	500
798	30	500	3517	40	500	5908	12	500	8508	10	500	10579	37	500	13280	39	500
819	34	500	3568	31	500	6043	1	500	8513	4	500	10653	1	8000	13407	12	500
839	32	1000	3610	47	500	6054	50	500	8584	16	500	10745	48	500	13410	33	500
845	43	500	3700	19	500	6102	25	500	8677	35	500	10758	5	5000	13449	50	500
958	43	500	3765	26	500	6183	39	500	8769	11	500	10876	8	500	13619	47	500
969	3	500	3902	6	500	6271	35	500	8782	1	500	10957	15	25000	13634	13	500
1091	4	5000	3948	14	5000	6282	6	5000	8798	6	500	10963	48	500	13777	5	1000
1199	6	500	3980	12	500	6398	30	500	8976	15	500	11215	14	500	14040	35	500
1204	10	500	4162	7	500	6382	26	500	8976	38	500	11216	32	500	14111	4	500
1330	4	500	4191	20	500	6383	35	500	8986	20	500	11225	25	500	14117	26	500
1367	5	500	4192	33	10000	6440	3	500	9027	16	500	11252	14	500	14149	41	500
1372	13	500	4258	28	500	6507	28	500	9035	41	5000	11301	6	500	14151	28	500
1390	11	500	4273	1	500	6518	10	500	9096	10	500	11416	3	500	14259	24	500
1424	30	500	4321	6	500	6589	30	500	9208	1	1000	11469	33	500	14264	23	500
1529	15	500	4337	4	500	6618	6	500	9289	3	500	11492	17	500	14307	1	500
1584	24	500	4368	48	500	6649	21	500	9326	28	1000	11573	6	500	14479	44	500
1681	27	500	4790	24	500	6663	2	8000	9425	38	500	11643	38	500	14537	30	500
1711	44	500	4791	9	500	6788	50	500	9452	39	500	11741	50	500	14538	5	500
1747	5	500	4812	4	1000	6872	23	500	9461	27	500	11783	27	500	14656	29	500
1809	27	500	4858	41	500	7279	20	500	9561	28	500	11887	34	500	14658	30	500
1839	4	500	4871	50	500	7339	38	500	9586	14	500	11894	25	1000	14687	30	500
1922	6	500	4912	50	500	7345	25	500	9615	2	500	12119	14	200000	14689	17	1000
1962	47	500	4916	42	500	7363	34	500	9630	20	500	12239	21	500	14710	5	500
2044	3	500	5192	18	500	7389	22	500	9664	36	500	12281	32	500	14737	5	500
2175	22	500	5193	30	1000	7471	50	500	9695	50	500						

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

52, 139, 219, 485, 605, 908, 1270, 1358, 1497, 1581, 1916, 1954, 2250, 2302, 2432, 2909, 3124, 3200, 3559, 3649, 3999, 4266, 4295, 4395, 4445, 4525, 4544, 4607, 4767, 4958, 5624, 6521, 6594, 6608, 6799, 7404, 7511, 7718, 7992, 8183, 8392, 8439, 8632, 9242, 9366, 9656, 9725, 9752, 9871, 10390, 11189, 11176, 11233, 11297, 11335, 11698, 11725, 11758, 11878, 11963, 11987, 13018, 13124, 13555, 13600, 14122, 14289, 14399, 14475, 14527, 14884, 15367, 15394, 15449, 15502, 16113, 16337, 16815, 16909, 17055, 17202, 17778, 17942, 18271, 18312, 18440, 18460, 18875, 19369, 19455, 19556, 19905.

Продолжается подписка на

1889 г. „НИВУ“ XX г.

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакціею В. П. КЛЮШНИКОВА.

Кромѣ напечатанныхъ въ №№ 1 и 2: повѣсти А. А. Фета—„Внѣ моды“, начала романа Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, стихотворенія гр. А. А. Голицына-Кутузова „Время“, очерка Евгенія Львова—„Три могомана“ и проч., въ теченіе этого года будетъ, между прочимъ, помѣщено въ „Нивѣ“:

П. Висковатова — „Головка съ натуры“, разсказъ. Кн. М. Н. Волконскаго. — „Мнимая любовь“, романъ въ 2 част. Князя Д. Голицына-Муравлина — „Увлеченіе“, повѣсть. П. Дорошенко — „Ито жер“ современный разсказъ. В. П. Желиховской — „Удивительныя приключенія Порфирія Перепелина“, разсказъ. М. В. Крестовской — „Торжество Юліи Андреевны“, романъ. Н. В. Кукольника — „Крѣпостной художникъ“. (Посмертное произведеніе). А. Луговаго — „Борь“, поэма. В. И. Немировича-Данченка — „Подъ звонъ колоколовъ“, ром. въ 2-хъ част. П. Н. Полевого — „Корень зла“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саліаса — „Барыни-крестянни“, историческій романъ. Н. Северина — „Перепутала“, комедія въ 1 дѣйствіи. Н. Станицкаго — „Дѣдушка“, разсказъ. А. В. Стерня — „Божье дитя“, разсказъ. Ф. Ф. Тютчева — „Артемій Саватьевъ“, разсказъ. Кн. Д. Н. Цертелева — „Иранское преданіе“. О. Чюминой — „Загадка“, комед. въ 1 дѣйств.

Кромѣ приложенныхъ къ № 1 календари на 1889 г. и таблицы съ изображеніемъ важнѣйшихъ рыбъ въ Россіи и разныхъ экстренныхъ премій, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „Нива“ выдается особое бесплатное ежемѣсячное приложение „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

Какъ главную премію на 1889 г. гг. годовые подписчики имѣютъ безплатно получить большую олеографическую картину печатную масляными красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“,

точно такого-же формата, какъ и премія 1888 года, т. е. 14 3/4 вершк. вышины и полтора аршина ширины.

Картина эта изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, освѣщенный навѣсами роши и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей ширинѣ облегающей его степи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ ПОКАЗАНА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ.

ПОДПИСКА СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Для иногородныхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится **3** руб. Къ 1-му мая 1889 года **2** руб. Къ 1-му іюля остальные **2** руб.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ, и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6.

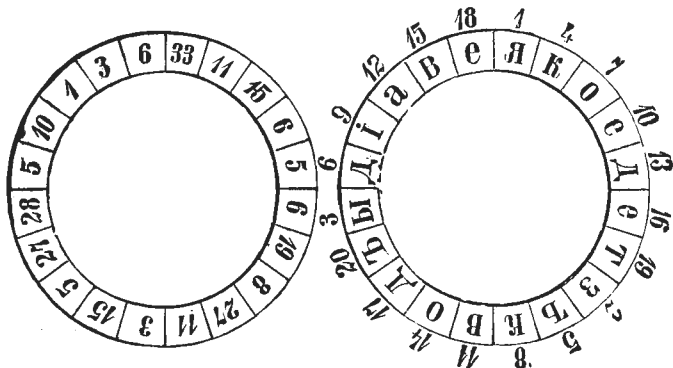
дотовъ, рассказываютъ, между прочимъ, слѣдующіе. Первый изъ нихъ относится къ тому времени, когда императоръ, тогда еще кронпринцъ, жилъ со своимъ семействомъ на морскихъ купаньяхъ Витъ на островѣ Форъ (Wuk auf Föhr). Однажды кронпринцъ, вмѣстѣ со своей супругой, предпринялъ прогулку по живописному берегу острова. Взоры его остановились на темной синевѣ моря и, погруженный въ созерцаніе чудной картины природы, онъ отсталъ нѣсколько отъ своей жены, которая ушла впередъ. Тутъ онъ былъ остановленъ разговоромъ нѣсколькихъ дамъ, громко высказывавшихъ свое мнѣніе объ одиноко гуляющей особѣ, которой, повидимому, онъ не знали. Незамѣченный дамами, Фридрихъ слышалъ каждое сказанное ими слово. Когда же болтовня приняла такой оборотъ, который казался принцу въ высшей степени безтактнымъ, онъ подошелъ къ разговаривающимъ и сказалъ серьезнымъ тономъ, указывая на свою супругу: „Если она некрасива, то во всякомъ случаѣ сердечно добра“. Разговоръ тотчасъ прекратился и дамы поспѣшили удалиться.

На одномъ изъ большихъ баловъ, въ которыхъ и кронпринцъ принималъ участіе, адъютантъ его подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и проговорилъ: „По приказанію его высочества, вы танцуете съ нимъ слѣдующій танецъ“. Къ ужасу окружающихъ, которые уже съ весьма понятной завистью смотрѣли на высокую честь, оказанную

ихъ такъ-называемой пріятельницѣ, дѣвица отвѣчала спокойно, но рѣшительно: „Никто изъ кавалеровъ не можетъ приказывать мнѣ. Если его высочество желаетъ танцовать со мною, то пусть найдетъ меня“. Адъютантъ отошелъ съ легкой улыбкой и пѣлый потокъ упрековъ: Какъ ты могла — какъ ты осмѣлилась — развѣ ты не знаешь этикета? и т. д. и т. д. вылился на молодую особу, которая однако продолжала сидѣть на своемъ мѣстѣ, спокойно улыбаясь. Въ ту-же минуту было замѣчено, что кронпринцъ на донесеніе своего адъютанта, разразился веселымъ смѣхомъ и, быстро подойдя къ молодой дѣвушкѣ, проговорилъ ей съ любезнымъ поклономъ и самымъ сердечнымъ, дружескимъ тономъ: „На вашемъ мѣстѣ, фрейлейнъ, я бы тоже не позволялъ приказывать себѣ; но такъ какъ я очень желаю танцовать съ вами, то прошу васъ на слѣдующій танецъ“. Счастливая и гордая, молодая дѣвушка понеслась по залѣ со своимъ высокимъ кавалеромъ и до сихъ поръ съ благодарностью хранитъ въ сердцѣ сказанныя имъ слова: „Это пренебрежительный придворный обычай, противъ котораго вы, дорогая фрейлейнъ, такъ храбро и съ такимъ сознаніемъ своего права востали сегодня. Можетъ быть, найдутся и другія пионерки, которыя помогутъ вамъ защитить женское достоинство. Благодарю васъ, дорогая фрейлейнъ, за танецъ и за знакомство съ самостоятельнымъ характеромъ“. (с.)

Рѣшеніе ребуса № 76 (помѣщен. въ № 49 1888 г.).
„Языкомъ не торопись, а дѣломъ не лѣнись.“

Рѣшеніе задачи буквъ № 78
(помѣщенной въ № 49 1888 года).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: СПб. — Н. В. Панкова, А. А. Поспѣева, Москва — С. М. Черепетина, Ф. Шарикова, С. П. Ирошника, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Тверь — З. М. Назаровой.

Рѣшеніе задачи № 77 (помѣщенной въ № 49 1888 г.).

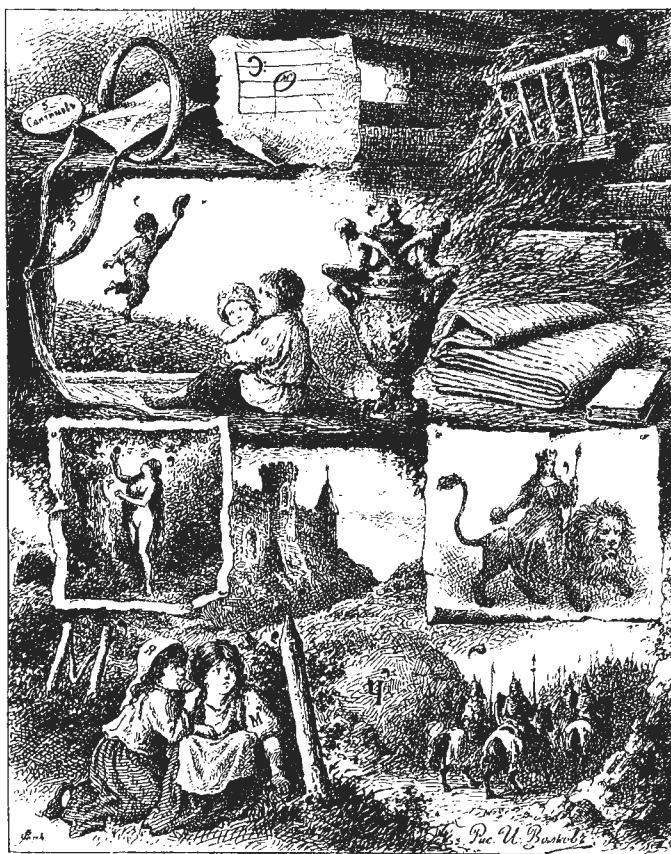
1)	<table border="1"> <tr><td>ѣ</td><td>с</td><td>т</td></tr> <tr><td>а</td><td>с</td><td>и</td></tr> <tr><td>е</td><td>л</td><td>о</td></tr> </table>	ѣ	с	т	а	с	и	е	л	о	<table border="1"> <tr><td>в</td><td>ѣ</td><td>к</td></tr> <tr><td>е</td><td>л</td><td>о</td></tr> <tr><td>ѣ</td><td>м</td><td>ѣ</td></tr> </table>	в	ѣ	к	е	л	о	ѣ	м	ѣ	2)						
ѣ	с	т																									
а	с	и																									
е	л	о																									
в	ѣ	к																									
е	л	о																									
ѣ	м	ѣ																									
3)	<table border="1"> <tr><td>а</td><td>а</td><td>ч</td></tr> <tr><td>в</td><td>ѣ</td><td>к</td></tr> <tr><td>с</td><td>т</td><td>о</td></tr> </table>	а	а	ч	в	ѣ	к	с	т	о	<table border="1"> <tr><td>н</td><td>е</td><td>м</td></tr> <tr><td>о</td><td>к</td><td>р</td></tr> <tr><td>т</td><td>ѣ</td><td>ч</td></tr> </table>	н	е	м	о	к	р	т	ѣ	ч	4)						
а	а	ч																									
в	ѣ	к																									
с	т	о																									
н	е	м																									
о	к	р																									
т	ѣ	ч																									
4)	<table border="1"> <tr><td>н</td><td>е</td><td>м</td><td>ѣ</td><td>с</td><td>т</td></tr> <tr><td>о</td><td>к</td><td>р</td><td>а</td><td>с</td><td>и</td></tr> <tr><td>т</td><td>ѣ</td><td>ч</td><td>е</td><td>л</td><td>о</td></tr> <tr><td>в</td><td>ѣ</td><td>к</td><td>а</td><td>а</td><td>ч</td></tr> </table>	н	е	м	ѣ	с	т	о	к	р	а	с	и	т	ѣ	ч	е	л	о	в	ѣ	к	а	а	ч	1)	
н	е	м	ѣ	с	т																						
о	к	р	а	с	и																						
т	ѣ	ч	е	л	о																						
в	ѣ	к	а	а	ч																						
2)	<table border="1"> <tr><td>е</td><td>л</td><td>о</td><td>в</td><td>ѣ</td><td>к</td></tr> <tr><td>ѣ</td><td>м</td><td>ѣ</td><td>с</td><td>т</td><td>о</td></tr> </table>	е	л	о	в	ѣ	к	ѣ	м	ѣ	с	т	о	3)													
е	л	о	в	ѣ	к																						
ѣ	м	ѣ	с	т	о																						

- 1) Мечи
- 2) Вѣка
- 3) Леса
- 4) М
- 5) Вѣтеръ
- 6) Лѣто
- 7) Сѣнокосъ
- 8) Точка

„Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто.“

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: СПб. — Н. Панкова, А. Аветисовъ, В. Преображенскаго, Е. Г. Милонтъ, Г. Г. Ходунова, А. Румянцева-Геллеръ, А. Е. Елизѣева, Ф. Михаль, Ф. А. Боронина, А. А. Поспѣева, Москва — Е. Клендо, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Кременчугъ — Переверзева, Новгородъ — Покровскаго.

Ребусъ. Задача № 2.

СОДЕРЖАНІЕ: Опасная игра. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе). — Три моголана. (Очерки изъ недавняго прошлаго). Евгения Львова. — Къ рисункамъ: Хуторокъ зимою (съ рис.). — Иорданъ въ Малороссіи (съ рис.). — Видъ Гатчины (съ рис.). — „Этюдъ“, Чуманова (съ рис.). — Колумбъ на совѣтѣ саламанскихъ ученыхъ (съ рис.). — Князь Николай Черногорскій (съ портр.). — Памятникъ Колумбу въ Барселонѣ (съ рис.). — Фонтанъ Айвазовскаго (съ рис.). — Молотъба въ Закавказьи (съ рис.). — „Ледоколы“, январель проф. Премацци (съ рис.). — Манани, дразнище удава (съ рис.). — Путешествія русскихъ людей за границу. П. И. Вейнъ. — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Отказы прессы о Фаустѣ. — Тиражъ выигршей въ Государственномъ Банкѣ. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Задачи и рѣшенія задачъ. — Объясненія.

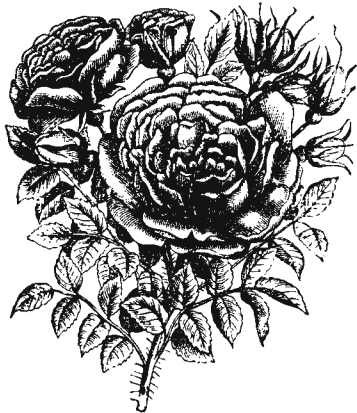
Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

СЪМЕННОЕ ДЕПО
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ
въ Москвѣ, Мясницкая ул., д. Шѣгова.
Прейсъ-курантъ на 1889 г. сельско-хозяйственнымъ, огороднымъ, цвѣточнымъ, древеснымъ, пальмовымъ сѣменамъ, растеніямъ, и садовымъ ии инструментамъ по М. № 3578 требованію выдается и пересылается бесплатно. 5—5

НАСТОЯЩІЙ КЮРАССО, АНИЗЕТЪ и другіе ЛИКЕРЫ
извѣстнѣйшей голландской фирмы № 3648
WYNAND FOCKINK, Amsterdam,
основ. въ 1679 г.
иѣется у всѣхъ извѣстныхъ виноторговцевъ С.-Петербурга и Москвы.

СОДЕНСКІЯ Минеральныя Лепешки
противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней
приготовляемая подлѣ надзоромъ Сан. Сов. Д-ра Штельтцинга изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18, СОДЕНЪ.
Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Клеимо. Медицинскимъ Департа. въ С.-Петербургѣ.
Продажа во всѣхъ почти Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 70 коп. за коробку.
Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ**, Большой Морская № 23, С.-Петербургъ.

И. Г. КАРЛСОНЪ въ Воронежѣ.

Сѣменной складъ, садовое заведе-
дѣіе и обширный древесный пи-
томникъ.

По требованію высылаются немедленно
за двѣ семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ
слѣдующія изданія:

1. Полный иллюстрированный прейс-
курантъ всякаго рода сѣменамъ, георги-
намъ и садовымъ инструментамъ.
2. Полный, очень обстоятельный, прейс-
курантъ деревьямъ, кустарникамъ и грун-
товымъ растениямъ съ изящнымъ аль-
бомомъ полинажеи плодовъ и растений.
3. Иллюстрированный каталогъ теплич-
нымъ, оранжерейнымъ и комнатнымъ ра-
стениямъ и голландскимъ цвѣточнымъ лу-
ковичкамъ. № 3645

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ дерхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
держащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе
двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго фла-
кона, — пров. Кинуненъ. (49) № 2946

„НОВОСТЬ“

ЗА 5 МАРКЪ
(иногородныхъ) высылается
казанымъ новымъ прагматическимъ
стѣнной

КАЛЕНДАРЬ

на 1889 г.
(размѣръ 6½ в. X 9 в.)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ

Москва. — С.-Петербургъ
№ 3608

МЫЛО

провизора

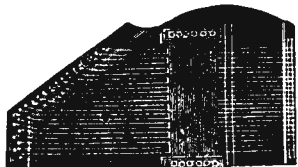
А. М. ОСТРОУМОВА

противъ

ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

за кусокъ 30 к.

Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ
маркой за № 3374. М. № 3580 4-4

ВЫШЛИ БЪ ПРОДАЖЪ:
Усовершенствованныя

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и при-
способленіемъ для легкой и скорой на-
стройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированныхъ . . . 8

темно-полированныхъ . . . 8 50

Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по . . . 30

Альбомъ III новый . . . 50

За пересылку въ города прилагается за
15 фунтовъ.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Прейс-куранты всѣмъ инструментамъ
бесплатно.

Заказы исполняются аккуратно и не-
медленно. Ц. № 3886 (8)

ЛЕНИНГЪ и ГРОЗНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Юный ИМПЕРАТОРЪ. Романъ - хроника
XVIII в. Всеволода Соловьева. СПб.
Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Суды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Филата купоновъ. № 3611 5-8

Также нужны вѣрныя съ постоян-
нымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по выше-
указанному адресу.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Ору-
жіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Укра-
шенія и пр. и пр.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,
въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекраснo
исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ
области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюръ 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ колѣнк. перелетѣ
съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“,
Невскій пр., № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на
РУССКІЙ

САТИРИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ЮРИСТИЧЕСКИЙ.

Ц. № 3633 Выходитъ еженедѣльно, въ количествѣ 52 №№ въ годъ. 2-2

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ—7 руб., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи—8 руб.; на полгода
безъ доставки—4 руб., съ пересылкой и доставкой—5 руб.

Плата за помѣщеніе объявленій за 1 разъ 25 коп. за строчку пегита въ одинъ столбецъ.

За различныя украшенія и рисунки къ объявленіямъ плата полагается по соглашенію.

Отдѣльные №№ 15 копѣенъ.

Иногородные подписчики адресуются исключительно въ Контору редакціи: Тверской
бульваръ, домъ священника Булгакова. Редакторъ-издатель Н. Н. СОБДОВЪ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора,
гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послед-
ними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно
просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Ко-
митета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено:
нугу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендо-
вать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ сред-
нихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ,
въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній,
оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ
журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес.
6 р. 75 к.; въ роскошныхъ колѣнкоров. перелетахъ съ зо-
лотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.;
въ перелетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просятъ обращаться въ СПбургъ, въ кон-
тору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущоб“): 8-е
изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

15-го января выйдетъ январская книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Изъ переписки съ А. И. Герценомъ; 2) Черный годъ, романъ Г. П. Давилевскаго. Часть II; 3) Докторъ
Северъ, романъ Джорна Кэбля, пер. съ англійскаго; 4) На минутку, рассказъ Г. И. Успенскаго; 5) Та третья, повѣсть Генгима
Сенневича; 6) На границахъ, повѣсть Каронина; 7) Стихотвореніе; 8) Соціологическія очерки. С. А. Муромцева; 9) Кольныя
крестьянскія школы, А. С. Пругавина; 10) Что такое научная философія? В. В. Лесевича; 11) Новые матеріалы для біографіи
Н. А. Добролюбова, сооб. Андреевскимъ; 12) Очерки русской жизни, Н. В. Шелгунова; 13) Научный обзоръ: энтологіи и энто-
графіи, М. И. Пулишера; 14) Литература и жизнь (критическія замѣтки) Т.; 15) 1888 годъ въ политическомъ отношеніи, В. А.
Гольцева; 16) Внутреннее обозрѣніе; 17) Современное искусство; Библиографическій отдѣлъ.

Условія подписки на 1889 годъ.

(Десятый годъ изданія).

Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	6 р.	3 р.
За границу	14	7	3, 50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1-му апрѣлю, 1-му юлю и 1-му октябрю по 3 рубля.
Студенты, слушателиныя высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ
получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., причѣмъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 рубля и
затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 рублю.

Новые подписчики на 1889 г. получаютъ безплатно начало романа Г. П. Давилевскаго „Черный годъ“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Г. № 3646

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.

Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Ко, Невскій просп., д. Армянской церкви.
Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

Скрипки отъ 2½ до 800 руб.
Смычки къ нимъ отъ 50 к. до 60 р.
Виолончели отъ 25 до 800 р.
Гитары въ 3½, 5, 8, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75 р. и дороже.
(Гитары отъ 8 р. и дороже, имѣютъ механизмъ для струнъ).
Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно. № 3650

Мандолины отъ 10 до 125 руб.
Флейты отъ 3 до 175 руб.
Корнетъ-а-пистонъ отъ 18 до 260 руб.
Гармони въ громадномъ выборѣ, а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно. № 3650

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., домъ Торлецкаго.

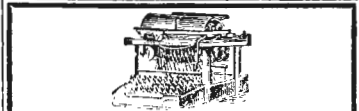

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
СПБургъ, Невскій пр., № 52
противъ Императ. Публичной Библиотеки
оптовая и розничн. продажа.
Специальность хронометровъ.
Никел. открыт. часы отъ 7 руб. и дороже.
Стальн. " " " 14 " " "
Серебрян. закр. " " 15 " " "
Зол. дамск. закр. " " 30 " " "
Зол. мужск. закр. " " 50 " " "
Ручательство на два года.
Пересылка на счетъ магазина.
Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3630 3-2

КРЫШКИ для переплета "НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатаннымъ красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

АДРЕСА всѣхъ спеціальныхъ и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl. - Anstalt (С. HERN. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 специальн. = 5.000 0/00 адресовъ за 35 коп. полаг. марками франко.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
ШЕСТЬ КОМЕДІЙ
П. П. ГНѢДИЧА.
ДЛЯ ТЕАТРА, ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ И ДОМАШНИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.
1) Горяція письма. Ком. въ 1 дѣйств.
2) На хуторѣ. Ком. въ 3 дѣйств.
3) Женя. Ком. въ 1 дѣйств.
4) На южномъ берегу Крыма. Комед. въ 2 дѣйств.
5) Въ цвѣтахъ. Ком. въ 3 дѣйств.
6) Старая сназна. Ком. въ 4 дѣйств.
Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленовой бумагѣ и украшенный вышитками. Цѣна этому изданію 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к. Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала "Нива", Невскій, № 6.

ПИСУЩАЯ МАШИНА "РЕМИНГТОНА".
Имѣетъ въ три раза бѣгуще пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безплатно.
Многочисленные отзывы отъ желан. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр. Москва, Кузнецкій м., д. Ж. БЛОКЪ, Голыцины. Р. № 3373

"СУДЬБА ГАДАНИЯ"
предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіи года, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Цѣна книжки съ перес. 1 р. Адресъ единственн. въ г. Хвалынскъ, И. Комисарову.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ПОЛНЫЙ ТОМЪ "НИВЫ" ЗА 1888 ГОДЪ,
заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, рассказы И. А. ГОНЧАРОВА: "Слуги", большой историч. романъ Д. В. АВЕРНИЕВА: "Вѣчу не быть", историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: "Братья Соперники" и его же: "Выгнанные русскаго историч.", Я. П. ПОЛОНСКАГО: "Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой", большой романъ графа Е. А. САЛАСА: "Бригадирская внучка", большую повѣсть Н. СТАНИЦКАГО: "Исторія одного таланта", рассказъ Макс. БЪЛИНСКАГО: "Зановѣдныи лѣтъ", комедію В. КРЫЛОВА: "Сорванецъ", повѣсть А. ЗАХАРОВА: "Защита Нарвы", рассказъ Е. А. САЛАСА: "Онъ-же", рассказъ ТХОРЖЕВСКАГО: "Рекогносцировка" и нѣсколько рассказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новейшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кроме того при "Нивѣ" имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безплатныхъ приложений, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, "Сборника повѣстей и рассказовъ" извѣстныхъ русскіхъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), "ПАРИЖСКІЯ МОДЫ", 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. "Нивы" моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА: "ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА" (14¾ вершк. вышины и полтора аршина ширины).
ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми безплатными преміями и приложеніями:
Броширован. 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 р. Съ пересылкою 7 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ контору журнала "Нива", СПб., Невскій пр., № 6.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.
Въ виду часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, сдѣлать при покупкѣ требовать № 3574 12-3
Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ "LILIENMILCH"
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ.
40, Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,
состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.
Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПб.
Цѣна въ изящ. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили: въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умеренная. 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.
Требованія просить адресовать: въ С.-Пб.—гь, въ контору журнала "Нива" (Невскій, 6).

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРЪ.
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 52, собственный домъ.
ПОСТАВЩИКА ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:
ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМИРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года. Единственныя въ Россіи. по музыкальному отдѣлу:
ЛОПДОНЪ—золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ**—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.
Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650, 750 и 850 руб. Салонные рояли 900 и 1,000 руб. Концертные рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей.
Довол. цензур., СПб., 4 января 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6. Тѣмъ, кто желаетъ узнать болѣе, д. 1.

XX г.

№ 3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX

1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выдаѣтъ 14 января 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку непарейль (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к. — Загран.: для Франціи у
 Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
 Безъ доставки въ Петер-
 бургъ **5 р.**
 Съ доставкою въ Петер-
 бургъ **6 р. 50 к.**

Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
 Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. **6 р.**
 Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
 рода Россіи **7 р.**
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **9 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особыя приложенія при
 „НИВѢ“ объявленій отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Ручной левъ. Съ фотогр. доставл. д-ромъ А. В. Елѣсьевымъ, грав. Ольшевскій.

Ручной левъ.

(Изъ путешествія Др. А. В. Елистева). (Рис. на стр. 65).

Пять-шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ на почву древняго Карагена пришелъ интеллигентный и бойкій французъ и принялся за перестройку на европейскій ладъ наслѣдія финикійцевъ, римлянъ, вандаловъ и аравитянъ. Пали на этой почвѣ великій Карагенъ, царство Гензериха, могучій Магребъ и владычество грозныхъ Варварійскихъ деевъ, царившихъ нѣкогда на Средиземныхъ моряхъ. Послѣдній полунезависимый дей Туниса почти безъ сопротивленія отдался въ руки своихъ сосѣдей, которые скрутили его по рукамъ и по ногамъ и овладѣли всею странкою со священнымъ Кайруаномъ до самыхъ пустынь необъятной Сахары. Все сдѣлалось такъ, какъ то дѣлается и въ другихъ колонизируемыхъ европейцами странахъ. Пришли прежде всего колонисты и солдаты; появились во всѣхъ уголкахъ страны небольшіе домики и укрѣпленія, въ которыхъ пришлый франкъ и засѣлъ крѣпко. Не успѣла очнуться давно заснувшая страна, какъ большія дороги прорѣзали Тунисъ, рельсовый путь прошелъ по развалинамъ Карагена, пересѣкая всю страну, и ушелъ въ Алжирію для соединенія съ тамошнею сѣтью желѣзныхъ дорогъ; на берегахъ древняго Баграда, гдѣ нѣкогда великая змѣя остановила легионы Регула, педшаго на Карагенъ, выросли какъ изъ земли бѣлые домики фермеровъ, появились усовершенствованныя орудія земледѣлія, прошелъ грузный омнибусъ, и въ горахъ, гдѣ еще недавно рыкали львы, показались небольшія постройки, носящія громкое названіе отелей, рестораноу и тавернъ.

Старый, дряхлый Тунисъ сталъ просыпаться подъ могучимъ напоромъ французской цивилизаціи, но не для того, чтобы захитъ прежнею славною жизнію, когда еще стояло великое царство Магреба, а для жизни новой, которую пришли въ него вдохнуть немногочисленные, но сильныя культурою и умомъ европейцы. Расчехлился старый Магребъ, и на площадяхъ царицы бѣлаго Туниса послышались веселые звуки французской рѣчи, звонки омнибусовъ и пѣсни заѣзжихъ изъ Европы пѣвцовъ. Какъ однако ни стараются внести свою культуру европейцы въ старый, помнящій свою древнюю славу Тунисъ, онъ остался тѣмъ-же чѣмъ былъ и раньше; новая одежда прикрыла лишь старое рубище; новый Тунисъ сталъ рядомъ со старымъ Магребомъ, пришлые люди не смѣшались съ кореннымъ берберскимъ населеніемъ Туниса. Скромный туземецъ Магреба, безсильный противъ власти франка, заключился въ самый себѣ и рѣшился скорѣе умереть чѣмъ стать похожимъ на невѣрнаго, надѣть его платье и говорить его рѣчью на мѣсто благородной рѣчи темакахъ.

Какъ ни трудно было, но все вынесли бѣдные люди Магреба; имъ некуда было уйти изъ насиченныхъ ихъ предками мѣстъ, а потому они терпѣли, хотя терпѣніе для многихъ и равносильно смерти... Могучій левъ Атласа, такой-же исконный обитатель Магреба, какъ и древній берберъ, тоже ненавидящій всѣмъ своимъ существомъ европейца и неразлучную съ нимъ культуру, которая приноситъ въ даръ нецивилизованнымъ странамъ прежде всего усовершенствованное оружіе,—не стерпѣлъ вѣянія грядущей культуры и ушелъ подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ появился колонистъ, собака, плугъ, магазинка и омнибусъ... Горы Атласа, по преданію, касавшіяся неба, много столѣтій давнѣе пріютъ могучему варварійскому леву, теперь уже не стали безопасны для него и грозятъ скрытою засадою врага, вооруженнаго хитрымъ новымъ оружіемъ. Предъ нимъ безсильно непоколебимое мужество льва, его ужасающая сила, ловкость и даже рыканіе, потрясающее скалы и лѣса. Пришлый европеецъ съ нарѣзнымъ штуцеромъ не боится льва какъ жалкій туземецъ, выходявшій съ копьемъ и кремневою противъ могучаго царя звѣрей.

Со времени знаменитаго Жерара, истребившаго львовъ въ Алжиріи, не мало французскихъ охотниковъ пробовало свои силы въ борьбѣ съ царемъ звѣрей, и хотя не мало ихъ также погибло на благородной охотѣ, но все-таки левъ Атласа былъ побѣжденъ, покинулъ поле неравной битвы и ушелъ въ горы Кабилии и Ауресъ, въ дебри Марокко и Туниса, куда дотолѣ не достигалъ еще европеецъ... Но скоро пронырливый европейскій охотникъ пришелъ за львомъ и въ эти завойдныя отъ вѣка дебри. Царь звѣрей, доселѣ не встрѣчавшій себѣ противника на землѣ, бѣжалъ отсюда въ горы и пустыни Сахары, да въ тѣ уголки Магреба, гдѣ до сей поры владычествуетъ единственный берберскій владыка, блестящій императоръ Марокко. Сверхшлось... Судьба льва рѣшена въ сѣверной Африкѣ, для него нѣтъ уже мѣста тамъ, гдѣ онъ еще недавно царилъ. Многие путешественники, перѣхавшіе сѣверную Африку въ разныхъ направленіяхъ, не только не видали льва, но даже и не упоминаютъ о немъ. Онъ пропадаетъ повсюду въ бывшихъ Варварійскихъ владѣніяхъ, какъ пропала оттуда слонъ, носорогъ и крокодилъ, обитавшіе въ Нумидіи еще во времена цезарей Рима. Рѣдко теперь въ горахъ и дебряхъ Атласа слышится голосъ вопіющаго въ пустынѣ; наперечетъ нынѣ, можно сказать, всѣ львы Алжиріи и Туниса, и не далеко то время, когда подъ мѣткою пулею французскаго охотника падетъ и послѣдній варварійскій левъ... Мнѣ помнится неволью

то небольшое, но дикое ущелье въ южномъ Тунисѣ, которое недавно прорѣзала большая дорога въ Кайруанъ; на обрывѣ сѣрой скалы тамъ высится бѣленькій домикъ, а на немъ блеститъ новая вывѣска—Hôtel des Lions. На этомъ мѣстѣ всего пять лѣтъ тому назадъ, говоритъ мѣстное преданіе, было убито шесть или семь львовъ... Не было тогда прѣзда по страшному ущелью, гдѣ царилъ могучій кошк; самые храбрые охотники избѣгали этого проклятаго мѣста, погубившаго цѣлыя десятки жертвъ... Но пришелъ одинъ безтрепетный охотникъ—капитанъ французскихъ егерей, и подъ его штуцеромъ одинъ за другимъ, какъ намѣченные жертвы, пали всѣ могучіе и кровожадные львы... Одинъ изъ нихъ предъ смертью отомстилъ челоуѣку за своихъ товарищей и успѣлъ въ агоніи задуть капитана. Мертваго, истерзаннаго охотника нашли въ страшныхъ объятіяхъ послѣдняго издыхавшаго льва...

Съ той поры ущелье стало тихимъ и мирнымъ; появились тамъ фермеры и рабочій людъ... Мирно пасутся черныя овечки на склонахъ сѣрой скалы, ихъ стерегутъ дѣти колонистовъ, кромѣ хворостинки не имѣющія никакого другаго оружія; въ страшной пещерѣ, служившей пріютомъ львиной стаи и цѣлымъ кладбищемъ обглоданныхъ людскихъ и звѣриныхъ костей, теперь часто играютъ дѣти, пугая другъ друга разсказами о львахъ притаившихся въ трещинахъ... Такихъ мѣстностей не мало въ Алжиріи и Тунисѣ; сохранилась лишь память о львиныхъ пещерахъ, засадахъ и любимыхъ мѣстахъ; есть лѣски, горныя выбоины, канавки, груды камней и масса другихъ урочищъ, къ которымъ пріурочены страшные разсказы о львахъ. Какъ память о страшномъ завоевателѣ, много столѣтій угнетавшемъ страну, хранится память о львахъ, царившихъ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ уголкахъ Магреба и дѣлавшихъ ихъ необитаемыми для челоуѣка. Плохо вѣрится иногда этимъ разсказамъ гдѣ-нибудь въ веселомъ ресторанѣ или на цвѣтущей верандѣ, гдѣ слышатся звуки дребезжащаго фортепьяно и веселые мотивы французскихъ пансонетокъ; еще недавнія охотничьи похождения этихъ героевъ „львиной войны“ кажутся или легендою, давно отошедшею въ область сказаній; сами львы кажутся сказочными звѣрьми, созданными въ воображеніи туземцевъ.

Въ европейскихъ циркахъ и звѣринцахъ встрѣчается не мало прирученныхъ и смиренныхъ львовъ, продѣлывающихъ разныя штуки; но по этимъ жалкимъ экземплярамъ нельзя и судить о могучихъ хищникахъ, только что перенесенныхъ въ неволю изъ дебрей африканскихъ львовъ. Если еще во времена Карагена, Нумидіи и Рима въ сѣверной Африкѣ было распространено прирученіе львовъ, отправляемыхъ въ цирки вѣчнаго города, то можно думать, что давнымъ давно по капризу гордаго челоуѣка накладывались цѣпи на самого царя звѣрей. Африканскіе властители всегда любили видѣть прирученныхъ львовъ у своего престола, и вѣроятно многимъ еще знакомъ изъ воспоминаній дѣтства очень распространенный рисунокъ, изображающій Абиссинскаго негуса, сидящаго на тронѣ и окруженнаго четырьмя прирученными львами. Императоры Марокко и нѣкоторые негритянскіе князья центральной Африки донинѣ позволяютъ себѣ эту роскошь, и весьма часто у жестокихъ тирановъ темнаго материка ручные львы служатъ исполнителями казни надъ провинившимися подданными. Путешественникъ Габботъ, бывшій свидѣтелемъ такой ужасной и скорой казни, едва и самъ не подвергся таковой по капризу чернаго царька, уже махнувшаго рукою четвероногимъ палачамъ, оставленнымъ лишь счастливою случайностью, спасшею жизнь трепетавшему европейцу.

Въ сѣверной Африкѣ, давно раздѣленной между нѣсколькими варварійскими властителями, ручные или, лучше сказать, прирученные и усмиренные львы, хотя и пользовались особенною любовью и почетомъ, но никогда не были особенно распространены. У арабскихъ писателей, оставившихъ извѣстія о великомъ Берберскомъ царствѣ и о народахъ его населявшихъ, есть нѣсколько указаній на прирученныхъ львовъ, но можно думать, что ихъ никогда не было много въ Магребѣ, хотя нѣсколько экземпляровъ львовъ, ходившихъ на цѣпи со своими хозяевами напоподобіе ученыхъ медвѣдей, по всей вѣроятности, и до сихъ поръ сохранилось въ сѣверной Африкѣ, не смотря на гоненіе, воздвигнутое европейцами на подобнаго рода спортъ. Въ южномъ Тунисѣ, на границѣ Триполійскаго регентства, намъ самимъ въ 1884 году по крайней мѣрѣ удалось увидѣть прекрасный экземпляръ прирученнаго льва.

Это былъ великолѣпный представитель благородной породы варварійскаго льва, сохранившій прирожденную осанку, гордость и красоту, не смотря на десятилѣтній плѣнъ, угнетавшій его. Я никогда не забуду того сильнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня этотъ первый видѣнный не въ звѣринцѣ и не въ клѣткѣ левъ. Возвращаясь тогда изъ неудачной экскурсіи къ воротамъ триполитаской Сахары, я остановился въ одной берберской деревушкѣ, гдѣ было нѣчто въ родѣ хана, давшаго пріютъ небольшимъ караванамъ. Десятки верблюдовъ наполняли небольшой дворикъ и песчаную пло-

шадку передь нимъ. Груды товаровъ, отпавлявшихся въ Фейданъ, вьюки и кучи колючей степной травы, положенной передь отдохавшими верблюдами, группы погонщиковъ, суетившихся около животныхъ,—все это, освѣщенное золотыми и красными лучами заходящаго солнца, представляло обычную и знакомую картину ежедневнаго похода каравановъ. Занявшись продолженіемъ зашущеннаго дневника, я мало обращалъ вниманія на окружающее и писалъ свои замѣтки на своемъ дорожномъ чемоданѣ, замѣнявшемъ походный столъ, подъ защитою огромнаго верблюда, прикрывавшаго меня отъ ослѣпительныхъ лучей солнца. Все было тихо, погружено въ отдыхъ, кейфъ и созерцаніе вечерней тишины. Животныя и люди, истомленные тяжелымъ дневнымъ переходомъ по африканской жарѣ, по выраженію туземцевъ, дѣлали сладкій кейфъ и вдыхали благорастворенный, живящій вечерній воздухъ, напоенный вечернею прохладою. Всѣ ожидали тихаго наступленія ночи—лучшаго времени въ знойной пустынѣ, не представляющей тѣни...

Но вотъ вдругъ какъ-то судорожно зашевелился всѣмъ своимъ тѣломъ прикрывавшій меня верблюдъ: онъ вытянулъ длинную шею, понюхалъ воздухъ, потомъ шарахнулся и при быстромъ своемъ подъемѣ опрокинулъ своего сосѣда, погруженнаго въ усердное писаніе дневника. Я не могъ еще опомниться отъ неожиданнаго паденія, какъ все вокругъ меня зашевелилось... Десятки верблюдовъ, словно по какой-то безмолвной командѣ, вдругъ вскочили, судорожно затряслись огромными тѣлами и выказали такое необыкновенное безпокойство, что это невольно сообщило и мнѣ, какъ и другимъ мирно кейфовавшимъ сотоварищамъ по каравану. Всполошилось все вокругъ, словно по тревогѣ въ виду внезапно появившагося врага. За страшную суетою мы не сразу разсмотрѣли причину общей суматохи, и продолжали толкаться на мѣстѣ, сдавливаемые тренагавшими верблюдами, которые отступали передь невидимымъ врагомъ.

Вскорѣ однако дѣло объяснилось, когда за поворотомъ небольшого проулка, проходившаго между мазанками деревушки, показался огромный левъ, сопровождаемый тремя оборванцами арабами, ведшими его на цѣпи. Первое впечатлѣніе этого зрѣлища было ужасно, не смотря даже на тяжелыя цѣпи, повидимому сдерживавшія льва. Скованный царь звѣрей шелъ такою гордою поступью, что казалось, будто плѣвъ вовсе не стѣснялъ его дикой и могучей натуры. Глаза его, увидавшія переполохъ, произведенный его появленіемъ въ караванѣ, блистали ярко, словно въ нихъ горѣлъ огонь хищника при видѣ лакомой и трепетавшей добычи. Благородное животное, легко потряхивая гривой, шло тихими, но крупными шагами прямо на кучку столпившихся людей, которые уже успѣли оправиться отъ испуга. Только одинъ молодой путникъ, пришедшій съ далекаго Сѣвера и еще впервые видѣвшій льва такъ близко передь собою, все еще стоялъ словно очарованный магнетизмомъ глазъ приближающагося хищника. Мнѣ казалось въ эти минуты, что левъ свободенъ, что онъ только что вышелъ изъ лѣсной чащи и подходитъ къ людямъ, чтобы отомстить за попытку сковать его могучіе члены. Признаюсь, что въ эти минуты, какъ и въ послѣдствіи при первомъ раскатѣ ливнаго рыканія, услышаннаго въ глухой лѣсной дебри, я чувствовалъ полное свое безсиліе и невозможность состязаться съ могучимъ звѣремъ, одною лапой убивающимъ быка. Напрасно, казалось, я призывалъ свое прежнее мужество; самое сознаніе безопасности вблизи прирученнаго и скованнаго звѣря было безсилно помочъ моему состоянію и вызвать хотя бы рѣшимость сопротивленія на тотъ случай, если бы звѣрь захотѣлъ предпринять нападеніе. Напрасно я сжималъ крѣпко рукоятку Вессоновскаго револьвера и искалъ глазами свою вѣрную берданку; оружіе было бы бесполезно, еслибъ мнѣ его нужно было употребить. Инстинктивно я отступала передь приближавшимся львомъ въ кучку верблюдовъ, тоже раздѣлявшихъ мой испугъ и казавшихся совершенно растерянными.

И тогда только, какъ по данному окрику своихъ хозяевъ, левъ остановился и легъ у ногъ кучки людей, собравшихся для того, чтобы полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ, у меня немного отлегло отъ сердца и я могъ хладнокровнѣе отнестись къ могучему животному, лежавшему такъ близко, что можно было слышать его тяжелое дыханіе. Скоро успокоились люди, но животныя, не умѣвшія отличать дикаго звѣря отъ ручнаго, долго не могли прийти въ себя и дрожали.

Глядя на это страшное и мощное животное, раболѣпно послушно цѣпи, едва-ли обременявшей его, и сравнивая съ нимъ его жалкихъ одѣтыхъ въ рубище хозяевъ, я считалъ невозможнымъ такое полное пораженіе и никакъ не могъ довѣрять такъ свободно лежавшему льву. Мнѣ невольно казалось, что вотъ-вотъ могучее животное очнется, ощутитъ весь позоръ своего положенія, почувстуетъ легкую возможность свободы и захочетъ вернуть ее послѣ десятилѣтняго плѣна. Пристально вглядывался я въ эти полупотухшіе глаза хищника, глядѣвшіе теперь такъ безстрастно, и мнѣ казалось, что они готовы загорѣться тѣмъ огнемъ, который воспламенитъ въ спящемъ ручномъ левѣ дикаго и могущественнаго владыку африканскихъ лѣсовъ.

Но спокойно и недвижно, почти засыпая, лежалъ облѣнив-

шійся въ неволѣ левъ; его мало-выражающіе глаза были мутны и временами закрывались, опустилась на землю и на лобъ красивая, хотя и повылѣзшая грива, слабо ударялъ по землѣ длинный хвостъ, и все мощное словно изъ стали отлитое тѣло лѣнливо покоилось.

Глядя на относительно слабую цѣпь, даже не продѣтую черезъ живое тѣло, какъ то дѣлалось у нашихъ прирученныхъ цѣпныхъ медвѣдей, сравнивая относительно свободно двигающагося льва съ питомцами „Сморгонской академіи“, которые всецѣло были связаны движеніемъ цѣпи, продѣтой черезъ ноздрю, и видя неподвижными зубы и когти страшнаго животнаго, я невольно начиналъ думать, что прирученный левъ можетъ быть еще безопаснѣе, чѣмъ укрощенный и цѣпной медвѣдь. Изъ практики добраго стараго времени мы знаемъ, сколько несчастныхъ случаевъ было обязано своимъ возникновеніемъ исключительно проявленію дикихъ инстинктовъ у ручныхъ медвѣдей, но ни о чемъ подобномъ намъ не говорили многоопытные въ своемъ дѣлѣ хозяева и вожаки прирученнаго варварійскаго льва. Я говорю, правда, на основаніи лишь единичнаго случая, но все-таки въ правдивости разсказовъ о полномъ послушаніи и безопасности прирученныхъ львовъ сомнѣваться не имѣю никакого права.

Цѣпный вечеръ и ночь мы провели въ близкомъ сосѣдствѣ съ могучимъ хищникомъ, къ которому подъ конецъ повидимому привыкли и самыя животныя. Связанный небольшою и короткою цѣпью, левъ все время лежалъ возлѣ дверей ковака, въ которомъ остановились его вожаки, и не поворачивалъ даже головы, когда мимо него проходили. Скоро къ виду лежавшаго льва привыкли даже собаки, которыя подъ конецъ осмѣлились подходить и обнюхивать дремавшее животное. Ободренный примѣромъ своихъ спутниковъ по каравану, подошелъ однажды и я къ самой мордѣ могучаго звѣря, чтобы подать ему кусокъ купленнаго для него спеціально барана. Почувявъ запахъ свѣжей крови и любимаго мяса, доселѣ спавшій спокойно левъ выпрямился, потянулся, что напугало только меня, но не моихъ болѣе привыкшихъ къ лвамъ спутниковъ. Поданный кусокъ мяса левъ взялъ очень осторожно зубами, какъ берутъ прирученныя собаки кость, и затѣмъ снова расположился на землѣ для того, чтобы лучше обсмаковать.

Наступила ночь тихая, ясная, освѣжающая, какія можно наблюдать лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ вѣчно сияетъ солнце и земля пышетъ зноемъ. Отъ ночной свѣжести зябкіе туземцы не могли укрыться въ своихъ полосатыхъ гандурахъ (плащахъ) и потому вокругъ меньшаго хана, вмѣшавшаго лишь небольшое количество гостей, заняли веселые костры, около которыхъ образовались небольшіе кейфовавшіе кружки. Вмѣстѣ со своимъ проводникомъ Ибрагимомъ мы засѣдали около самаго большаго костра въ почетной компаніи двухъ хаджей (наломниковъ изъ Мекки), муллы, кади (судьи), двухъ кушцовъ и одного изъ вожаковъ заинтересовавшаго всѣхъ ручнаго льва. Болтливый старикъ, подогрѣтый хорошимъ кофе и отваромъ горячей дурры, сталъ еще словоохотливѣе и быстрымъ потокомъ лился его плавная, не лишенная поэтическаго вдохновенія рѣчь.

— Въ глухомъ зеленомъ лѣсу родился и выросъ могучій Абу-рранъ*), говорилъ между прочимъ разошедшійся Муслимъ,—много лѣтъ громкій голосъ его оглашалъ скалы Мабуда, заставляя трепетать все живущее въ лѣсной чащѣ, и наполняя ужомъ сердце путника, осмѣливагося проникать въ дебри, гдѣ царилъ левъ, а не человекъ. Много неопытныхъ смѣльчаковъ разорвалъ дикій Абу-рранъ, но пришелъ черный часъ и для того, кто не боялся ни человека, ни звѣрей. Аллахъ благословилъ Муслима и наполнилъ сердце его желаніемъ обуздать грознаго Абу-ррана и очистить чащу Мабуда отъ страшнаго звѣря—губителя людей. Съ двумя молодыми помощниками отправился онъ въ лѣса, гдѣ обиталъ Абу-рранъ, и поставилъ тамъ крѣпкія тенета на тропинкѣ, которою ходилъ левъ отъ своего логовища къ горному ручейку, утолявшему его жажду. Два дня и три ночи просидѣлъ въ опасной засадѣ трепетавшій Муслимъ, но осторожный Абу-рранъ обходилъ расставленныя хитро сѣти. Лѣса и скалы стонали отъ мощнаго рыканія истребителя стада, бѣжали самыя пантеры передь громовыми раскатами осирѣпѣвшаго льва, трепетали люди, осмѣлившіеся покушаться на его свободу, но Абу-рранъ презиралъ расставленныя тенета и не проходилъ даже мимо. Но настала наконецъ роковая ночь и для того, кто доселѣ былъ необходимымъ и самъ сокрушалъ другихъ. То была страшная ливная ночь, когда Аллахъ даетъ побѣду льву даже надъ человекомъ, осмѣливающимся безстрашно нападать на царя африканскихъ лѣсовъ. Въ эту ночь всего менѣе надѣялся на успѣхъ своей засады Муслимъ и самъ трепеталъ Абу-ррана, уже давно подбиравшагося къ людямъ, пришедшимъ въ заповѣдныя ливныя чащи. Громче прежняго въ эту ночь еще съ вечера ревѣлъ грозный левъ, словно предвидя свою участь и печалась о лѣсѣ, который ему суждено было покинуть. Насталъ мой послѣдній часъ, думалъ измученный зловѣщими предзнаменованіями Муслимъ, въ эту ночь суждено погибнуть человеку, а не льву, уже заранѣе празднующему свою побѣду. Около полуночи близко подходилъ къ человеку засадѣ Абу-рранъ, и не много труда стоило бы ему

*) Такъ называли вожаки своего прирученнаго льва.

Пожаръ Рима при Неронѣ. Диорамная картина Э. Бернингера и Г. Шнейдера, грав. Фридрихъ.

разметать ту жалкую хижинку, что сложили из вѣтвей Муслимъ и его двое молодыхъ друзей. Но Аллахъ хранилъ человѣка, и предъ невидимымъ врагомъ отступилъ даже могучій левъ. Отъ своей пещеры, наполненной костями растерзанныхъ людей и животныхъ, Абуурранъ пошелъ прямо на тенета, уже не избѣгая ихъ, а съ цѣлью сокрушить то, что ему уже три noci лежало на пути. Крѣпко видно надѣялся на свою силу и счастье въ ливиную ночь Абуурранъ; но Аллахъ, разгнѣванный жестокостью звѣря, истребившаго уже много людей, отступился отъ него... Крѣпко затянули гибкія сѣти запутавшагося льва, не помогла ему даже сила и крѣпость его когтей и зубовъ; чѣмъ болѣе старался высвободиться Абуурранъ, тѣмъ сильнѣе стягивали и оутывали его тенета... Скоро понялъ могучій левъ, что судьба его рѣшена, что послѣдній часъ его свободы пробилъ, и что его побѣдили люди, которыхъ онъ такъ глубоко презиралъ... Громко тогда возопилъ къ небу о помощи запутанный въ тенета левъ... Вызывающимъ и грознымъ доселѣ было его рыканіе, но теперь въ немъ слышались жалобные крики и вопли, оглашавшіе лѣсъ. Не привыкли звѣри слышать подобныхъ звуковъ и вторили невольно голосу своего царя... Застоналъ дремучій лѣсъ, оглашенный ревомъ испуганныхъ звѣрей, и содрогнулся самъ человѣкъ, вызвавшій на бой грознаго владыку африканскихъ лѣсовъ. Но какъ ни вопилъ изловленный тенетами левъ, Муслимъ не вынелъ изъ своей заставы до самаго утра, радуясь своей удачѣ и счастьемъ, испосланному Аллахомъ. Всю ночь раздавались въ глухомъ лѣсу раскаты ливинаго рева, всю ночь до утра зывалъ къ небу о помощи Абуурранъ, но некому было ему помочь, разъ самъ Аллахъ отступился отъ истребителя стада.

Много долгихъ дней и ночей затѣмъ провели около связаннаго льва Муслимъ и его сотоварищи. Еще крѣпче установили они тенета, еще прочнѣе привязали изловленнаго льва. Новую куббу (хижинку) выстроили они около своей пойманной добычи и старались голодомъ, лишеніемъ воды и своимъ видомъ приручить свирѣпаго льва. Два первые дня своего плѣна Абуурранъ не прикасался ни къ горячей крови молодой подстрѣленной Муслимомъ газели, ни къ холодной водѣ, поднесенной человѣкомъ связанному лву... Взыбленное животное кидалось со страшною яростью на людей изловившихъ его, а затѣмъ подносившихъ пищу и питье... Но голодъ и жажда скоро укротили звѣря, и мало-по-малу смирился передъ своею судьбою Абуурранъ... Когда небо не давало ему своей помощи, а земныя потребности были слишкомъ сильны, чтобы ихъ забывать, измученный бесполезными попытками левъ прикоснулся къ холодной водѣ горнаго потока и горячей крови газели... Вкусивъ однажды пищу, предложенную человѣкомъ, дикій звѣрь уже пересталъ видѣть въ немъ только исконнаго врага и нерѣдко ждалъ съ покорностью когда поднесутъ ему мясо и воду. Страшны были усилія и попытки Абууррана вырваться на свободу, ужасны были его рыканія, которыми онъ нарушалъ спокой-

ствіе лѣса въ часы ночной тишины, но терпѣніе человѣка взяло верхъ надъ дикою природою звѣря, и черезъ много дней и ночей Абуурранъ немного укротился. Еще много усилій, терпѣнія и труда нужно было Муслиму и его друзьямъ, пока они совершенно смирили льва. Почти два мѣсяца втроемъ, одни, вдали отъ всего міра, въ глухой лѣсной дебри они выжили возлѣ захваченнаго тенетами льва... Цѣною тяжелыхъ лишеній они добыли побѣду надъ могучимъ животнымъ и смирили его, доставляя ему пищу и питье... Не скоро сдѣлался совершенно ручнымъ левъ, но затѣмъ онъ позволилъ своимъ хозяевамъ подходить къ себѣ и даже безнаказанно прикасаться къ нему... Терпѣливый человѣкъ одолѣлъ гордаго звѣря, и тотъ узналъ въ немъ своего господина.

Мы не знаемъ полной исторіи прирученія Абууррана, потому что не могли хорошенько распросить Муслима; но мы слышали, что черезъ полгода левъ сталъ совершенно смирнымъ и позволилъ себя водить на цѣпи человѣку. Съ тѣхъ поръ уже много лѣтъ онъ ходитъ вмѣстѣ съ Муслимомъ и оба они взаимно кормятъ другъ друга; много тысячъ верстъ отъ Магребъ до Сахары и Триполи выходилъ старій Муслимъ, и старій Абуурранъ былъ его единственнымъ другомъ и сотоварищемъ. Всѣ остальные уже лежатъ въ сырѣй землѣ, лишь Муслимъ живетъ для Абууррана... Они оба пойдутъ вмѣстѣ въ могилу, потому что слишкомъ привыкли другъ къ другу, у нихъ обоихъ нѣтъ въ мірѣ другихъ друзей.

Когда старій Муслимъ окончилъ свой расказъ, уже было довольно темно, догорали послѣдніе костры каравана, верблюды давно уже дремали, наступала глубокая ночь пустыни съ ея поэтическими грѣзами, съ ея серебристыми звѣздами... Старій Абуурранъ лежалъ недалеко отъ насъ и слегка приподнялся, когда подошелъ къ нему Муслимъ; я видѣлъ, какъ человѣкъ легъ рядомъ со львомъ, какъ на черномъ плащѣ араба покоилась огромная голова Абууррана...

И мнѣ стала въ эти минуты понятна дружба человѣка со львомъ, я понялъ, что такое связывало двухъ не сходныхъ по природѣ друзей; я убѣдился, что можно довѣрять животному, и съ этого момента пересталъ бояться Абууррана. Тихонько я подошелъ къ Муслиму, чтобы пожелать ему спокойной ночи, и я видѣлъ какъ ласково и спокойно глядѣли на меня все еще сверкавшіе глаза ручнаго льва... По приглашенію Муслима, я даже прикоснулся къ косматой гривѣ Абууррана, и онъ только привѣтливо взмахнулъ своимъ могучимъ хвостомъ. Скоро затѣмъ, уже не смущаясь близостью почти неприязннаго льва, я заснулъ, закутавшись въ свою гандуру, и не слышалъ даже какъ вокругъ стонали шакалы и завывали исчадія ночи — гиены.

На утро уже не было Абууррана — Муслимъ ушелъ съ нимъ по дорогѣ въ Феццанъ. И хотя ничего общаго не было у меня со львомъ и его хозяиномъ, но мнѣ было жалко ихъ обоихъ, словно я потерялъ друзей... Я полюбилъ Абууррана.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

Пріемная Марфы Никитишны, въ Офицерской, была отдѣлана заново, подъ какое-то, съ виду, торговое помѣщеніе. Длинный прилавокъ дѣлилъ ее на двѣ части, одна изъ которыхъ имѣла выходъ, черезъ прихожую, на парадную лѣстницу и была снабжена лакированными подъ ясенъ скамьями для посѣтителей, а въ другой красовались шкапы съ пустыми еще витринами и, въ промежуткѣ между двухъ оконъ, письменный столъ съ этажерками по краямъ. Все было дѣлательной чистоты и пахло лакомъ. Другая дверь, изъ прихожей, вела во внутренніе апартаменты. Къ наружной двери, на лѣстницѣ, только что собирались прибить какую-то вывѣску, но она стояла еще на полу, поодаль, и мѣсто ея занимала визитная карточка съ именемъ: „Марфа Никитишна Жужина“.

Со стѣсненнымъ дыханіемъ Паша остановилась тутъ и позвонила. Ей отворилъ тотъ самый маленькій гимназистикъ, который дорогю спалъ, прислоняясь къ ея плечу. Онъ тотчасъ узналъ ее и, отвѣсивъ поклонъ, убѣжалъ, суетливо взывая: „Мама! Мама! Эта мамзель, что пріѣхала съ нами!“ Изъ внутреннихъ комнатъ ему отвѣчали: неистовый лай и звонкіе голоса дѣтей, уговаривавшихъ Бребишку молчать. Навстрѣчу ей выбѣжала, шурша растопыренными, новымъ шелковымъ платьемъ, хозяйка, и съ радостнымъ возгласомъ обняла ее. Она говорила что-то на счетъ удовольствія,

которое кто-то ей сдѣлалъ, и новоселья; но Паша, въ волненіи, не разслушала хорошенько что. Вниманіе ея поглощали: сіяющій видъ и что-то торжественное въ нарядѣ Марфы Никитишны, которая бойко взяла ее подъ руку и увела въ гостиную. Тѣсная комната эта была полна дѣтей, среди которыхъ стояли: Порфирій Ивановичъ въ вицмундирѣ, Анна Егоровна въ шелковомъ платьѣ съ турнюромъ, вся расфуфыренная, и священникъ. Порфирій Ивановичъ занятъ былъ дружескою бесѣдой съ батюшкой и поклонился ей издали, съ видомъ распорядителя, озабоченнаго приготовленіями къ семейному торжеству; но супруга его подошла и, какъ ни въ чемъ не бывало, пожала ей дружески обѣ руки. Въ углу стоялъ столъ, накрытый бѣлою скатертью, съ образомъ и съ зажженными восковыми свѣчами. Дѣвочка вынимала изъ узла облаченіе. Нянька гнала собаченку вонъ, и не успѣла Паша обнять одну изъ дѣвочекъ, которая тоже узнала ее и лѣзла къ ней уже запросто, цѣловаться, какъ начался молебень.

Странныя чувства все это пробудило въ Пашѣ; словно она принадлежала уже къ семейству, какъ неотъемлемый членъ его, и присутствіе ея на освященіи новой квартиры было не только въ порядкѣ вещей, а считалось даже необходимымъ. Въ столовой, куда послѣ обхода и окропленія комнатъ,

собралось все общество, — за кофеемъ и закуской, два гимназиста взапуски угощали Пашу, хозяйка почти насильно ее заставляла ѣсть, Порфирій Ивановичъ дѣлъ изъ кожи, чтобы вовлечь ее въ разговоръ, и даже батюшка, ласково улыбаясь, при всякомъ удобномъ случаѣ обращался къ ней, съ шуточкой, или съ вопросомъ.

Изъ разговора, въ которомъ многое, натурально, упоминалось лишь вскользь и изъ скромности не называлось по имени, Паша могла составить себѣ только смутное и урывочное понятіе объ обстоятельствахъ этой семьи и о дѣлѣ, которое привело Марфу Никитишну въ Петербургъ; но мы, не имѣя нужды чиниться, пополнимъ здѣсь пробѣлы. Она переѣхала изъ Орла, гдѣ ея мужъ, нажившій во время оно, всякими правдами и неправдами, небольшія деньжонки, оставивъ службу, держалъ открытую кассу ссудъ; дѣло, по смерти его, пришло въ упадокъ, и по совѣту родственниковъ, она рѣшилась перевести его въ Петербургъ. Здѣсь у нея нашелся дѣятельный и предприимчивый компаньонъ, который давно желалъ завести нѣчто подобное; но не рискуя оставить службу, не могъ это сдѣлать отъ собственнаго лица. Переговоры шли нѣсколько мѣсяцевъ, и окончены были только недавно, въ Орлѣ. Въ итогѣ Порфирій Ивановичъ переселилъ свою родственницу, со всѣмъ семействомъ, помогъ ей устроиться и добылъ всѣ нужныя разрѣшенія. Главнымъ хозяиномъ предпріятія былъ, разумѣется, онъ; а Марфа Никитишна, вносящая въ него лишь вдовью лепту, вознаграждала за недочетъ трудомъ и навыкомъ.

Все это вмѣстѣ какъ-то невольно давало тонъ и бѣсѣдѣ, которая шла за столомъ, между взрослыми. Со стороны Порфирія Ивановича сказано было, не безъ достоинства, нѣсколько теплыхъ словъ о нуждающихся классахъ столичнаго населенія и о широкой помощи, получаемой ими благодаря такимъ благодѣтельнымъ учрежденіямъ, какъ „Частный ломбардъ“ и „Общество для залога движимостей“.

— Да, осторожно замѣтилъ батюшка, бодрый еще старикъ: — кто не видалъ настоящей нужды, тотъ не повѣритъ, какъ важень подъ-часъ и полтинникъ, если его возможно добыть непостыднымъ путемъ.

Всѣ замолчали и онъ, обводя глазами вокругъ, продолжалъ:

— Въ житейскихъ дѣлахъ разобратся весьма мудрено; но съ достовѣрностью можно сказать, что не все то чернѣ внутри, что слыветъ за черное. Поэтому мы, служители церкви Христовой, и не спѣшимъ съ осужденіемъ — предпочитая терпѣть за это несправедливый нареканія... Обидныя вещи ходятъ въ народѣ насчетъ того, что будто бы мы, за рублевку, готовы благословить что угодно. А я васъ спрошу (и онъ обратился, какъ-то невольно, къ Пашѣ): наша ли то вина, если есть люди, которые, обращаясь къ Богу съ зажженою свѣчею въ рукѣ и съ молитвою на устахъ, въ сердцѣ своемъ таятъ нечистыя вождельнія?... Ибо не все то и чисто, что тѣшится прослыть таковымъ... (Но видя, что это не нравится и что лица вытянулись): — Я говорю — само собой — не на чей-нибудь счетъ, а вкушъ о томъ, что величаетъ себя у насъ высокимъ именемъ филантропіи...

Онъ вздохнулъ и, спѣша замѣть разговоръ, обратился къ хозяйкѣ съ какимъ-то невиннымъ вопросомъ о нищихъ въ Орлѣ и о мѣрахъ къ призрѣнію ихъ со стороны городского общества. Но оказалось, что Марфа Никитишна плохо знакома съ предметомъ... Поговоривъ еще немного, онъ всталъ и, благословивъ присутствующихъ, ушелъ.

Невольная гостя была весьма смущена — какъ ей казалось — спеціальнымъ его обращеніемъ къ ней, — словно онъ зналъ что-нибудь и желалъ пояснить жи-

вымъ примѣромъ свое поученіе. Были у ней и другія догадки; но ей не дали времени взвѣснить насколько онѣ правдоподобны.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, сказалъ Порфирій Ивановичъ, проводивъ батюшку. — Пожалуйте-съ... Марфа Никитишна, матушка, благоволите снабдить насъ пѣрышкомъ и чернильницей. Барышня наша, понятно, торопятся; но я это предвидѣлъ и я ихъ не задержу... Пожалуйте-съ.

Онъ провелъ ее въ новое помѣщеніе и, усадивъ за письменный столъ, досталъ изъ кармана совсѣмъ готовый къ подписи вексельный листъ. Срокъ новаго векселя былъ опять на мѣсяць, но сумма оставлена та же, а полученные наканунѣ 40 рублей засчитаны, по его объясненію, за проценты. Несчастливая поняла, что такимъ образомъ, если бы даже она могла отдавать ему все свое жалованье, дѣло затянется на весьма продолжительный срокъ, грозя, въ противномъ случаѣ, обратиться въ безсрочный оброкъ; но на ея замѣчаніе въ этомъ смыслѣ, онъ съ добродушной усмѣшкой отвѣчалъ, что отъ нея зависитъ покончить счеты когда ей угодно, выплативъ ему сразу весь долгъ.

Что было дѣлать? Послѣ короткихъ переговоровъ и просьбъ, клонившихся уже только къ тому, чтобы онъ не тревожилъ ее ни въ правленіи, ни у дяди, а ждалъ, она подписала и получила въ обменъ свой старый вексель, давъ слово зайти въ Офицерскую черезъ мѣсяць, утромъ, на другой день по полученіи жалованья.

Съ тяжелымъ сердцемъ она воротилась домой, усталая и разстроенная. Но дома ее ожидали извѣстія, заставившія ее на минуту забыть все выстраданное съ пріѣзда.

— Къ тебѣ письмо изъ деревни, сказала кузина Сося. — Лежить у тебя на столѣ.

Взволнованная, она прибѣжала къ себѣ и еще издали, на конвертѣ, узнала почеркъ Анны Григорьевны. Паша давно ожидала отъ ней письма; но передъ отбѣдомъ, у нихъ случилась маленькая размолвка, послѣ которой ни та, ни другая не торопилась писать. Вопросъ, что заставило Анну Григорьевну первой прервать молчаніе, былъ, по разнымъ причинамъ, весьма интересенъ для Паши. Дрожащей рукой она разорвала конвертъ, но едва начала читать, какъ лицо ея вспыхнуло яркимъ огнемъ. Послѣ короткихъ извѣстій о матери, заглядывая нетерпѣливо дальше, она увидала имя Черенина... Дальше—опять!.. Перевернула страницу — опять и опять!.. У ней захватило духъ и она должна была бросить чтеніе, чтобы выпить стаканъ воды.

VII.

Посланіе Анны Григорьевны не содержало ни очень тонкихъ, ни очень мудреныхъ вещей, но столь многое въ немъ было обойдено молчаніемъ, какъ извѣстное, что впечатлѣнія, произведеннаго имъ, нельзя объяснить, не сказавъ предварительно нѣсколько словъ о Черенинѣ и о томъ, какъ на него смотрѣла Паша.

Черенинъ принадлежалъ, въ уѣздѣ, къ партіи Мезенскихъ и пользовался большимъ расположеніемъ всей семьи. Трудно поэтому было дѣвушкамъ, часто гостившей у ихъ сестры, не обратить на него вниманія, а разъ обративъ — она скоро нашла, что все въ чело-вѣкѣ этомъ своеобразно.

Это былъ рослый и сильно сложенный мужчина, лѣтъ 30-ти, съ густой свѣтлорусою гривой, вздымавшейся вихрами надъ выпуклымъ лбомъ, и съ грубоватыми, но энергическими чертами лица. Многое въ нихъ было сурово, но, какъ нерѣдко у русскаго чело-вѣка, глаза — которымъ обычный загаръ придавалъ особенный блескъ — смотрѣли открыто и сообщали все-му привѣтливый видъ. Черты эти съ выпуска были знакомы Пашѣ и можетъ-быть именно въ силу сво-

ихъ противорѣчій, заставляли дѣлательно работать ея воображеніе. Дѣвушка отъ природы была съ романтической закваской и, зная, какъ цѣнить его другіе, упорно хотѣла вѣрить, что въ Алексѣй Черенинѣ скрыты большія силы. Скрыты же потому, что въ его рѣчахъ онѣ ничѣмъ не высказывались и никакихъ особенныхъ подвиговъ, кромѣ известной удали его на медвѣжьей охотѣ, Паша за нимъ не знала. Мало того, въ немъ незамѣтно было и тѣни чего-нибудь поэтического, — недостатковъ, такъ хорошо известный уѣзднымъ барышнямъ, что Паша, иной разъ, послѣ бесѣды съ нимъ, невольно спрашивала себя: да что же такое ей нравится?.. Попробуемъ освѣтить этотъ темный и деликатный вопросъ.

Черенинъ былъ человекъ способный и образованный, но мало интересующійся вещами въ жизни его не имѣющими практическаго значенія, и слишкомъ скромный, чтобы произносить о нихъ заочно какое-нибудь рѣшительное сужденіе. Въ рѣчахъ его не было ничего размашистаго и яркаго: ни поэтически-мрачныхъ воззрѣній на жизнь и судьбу человѣчества, — ни мистической вѣры въ призваніе своего народа служить избранникомъ и орудіемъ промысла, — ни фанатическихъ упованій, связанныхъ въ наше время у многихъ людей съ убѣжденіемъ, что человѣчество только „не такъ сидитъ“, и что стоить ему стряхнуть обветшалыя формы, чтобы грязь обратилась въ золото и на землѣ, въ самый короткий періодъ времени, водворился рай... Благодаря такому отсутствію идеальной окраски, Черенина невозможно было подвести ни подъ одну знакомую категорію — это былъ чистый практикъ, и какъ такой, принадлежалъ къ неизслѣдованнымъ еще, у насъ въ Россіи, новообразованіямъ.

Но дальше, за этимъ, были и положительныя черты. Онъ былъ хорошей хозяйинъ и изъ немногихъ, которые, послѣ реформы, поняли, что полевое хозяйство въ сѣверной полосѣ не можетъ существовать самостоятельно, а способно только служить подспорьемъ промышленной и заводской дѣятельности. Правда, его имѣніе было на судоходной рѣкѣ и не далѣе, какъ въ пяти верстахъ отъ города, но тогда какъ у многихъ такія же преимущества пропадали даромъ — онъ имѣлъ водяную мельницу и лѣсопильный заводъ на притокѣ, выдѣлывалъ лучшій въ уѣздѣ лёнъ и былъ въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ригой. Былъ, впрочемъ, еще одинъ и очень солидный залогъ успѣха. Черенинъ зналъ русскаго мужика насквозь и умѣлъ заслужить, съ его стороны, неограниченное довѣріе. Имя его, на ряду съ именами Мезенскихъ и еще немногихъ, известно было во всемъ уѣздѣ, и кучка эта имѣла одно, огромное преимущество — она никогда не нуждалась въ рабочихъ рукахъ. Лучшій народъ шелъ къ нимъ и не имѣлъ причины каяться, потому что трудъ его былъ щедро вознаграждаемъ. Это была не бросающаяся въ глаза черта, но, съ поэтической точки зрѣнія, она искупала многое... Ибо нельзя сказать, чтобы Пашу очень интересовала заводская дѣятельность и ея наглядные результаты: водка, пилы, доски, лёнъ, подрады и векселя, возня съ приказчиками и мастерами, расчеты съ рабочими, иногда расправа одинъ-на-одинъ съ какимъ-нибудь пьянымъ нахаломъ. Она видала заводы у Мезенскихъ, но не находила въ нихъ ничего привлекательнаго. Съ Анной Григорьевной онѣ выходили отсюда запудренные мукою или опилками, оглушенные стукомъ колесъ или визгомъ пилы, съ тошнотой отъ пота рабочихъ, отъ вони смазочныхъ маселъ и отъ удушливыхъ испареній сивушной гари, не понимая почти ничего въ деталяхъ сложнаго производства. Но въ общемъ итогѣ — этотъ невѣдомый міръ, гдѣ все было въ тѣсной связи, клонилось къ опредѣленнымъ практическимъ результатамъ и повиновалось волѣ единаго человека, имѣлъ

въ себѣ нѣчто, на зло ея поэтическимъ вкусамъ, внушавшее ей уваженіе. Дѣло стояло въ немъ на своихъ ногахъ и не нуждалось въ хитросплетенныхъ мудрствованіяхъ для своего оправданія... Продукты первой необходимости, вѣрный доходъ хозяину и не менѣе вѣрный заработокъ рабочимъ, избавленнымъ отъ далекихъ походовъ и отъ соблазновъ, связанныхъ съ отхожими промыслами въ большихъ городахъ.

Собственно говоря, она не знала ни Мезенскихъ, ни Черенина; такъ далеки отъ ея разумѣнія были насущные интересы и помыслы этихъ людей; но она не могла не знать, что это были не болтуны, разыгрывающіе на сценѣ роль, къ которой въ дѣйствительности они не способны; а истинные борцы, которымъ успѣхъ достался не даромъ. Въ столицѣ она видала другихъ, не менѣе занятыхъ и пользующихся гораздо большимъ почетомъ, живущихъ гораздо шире; но за что собственно они получали свои оклады и на какой практической результатъ своей дѣятельности могли указать — это казалось Пашѣ загадкой, которую она и не пробовала рѣшить. Къ чему, на примѣръ, способенъ дядя Иванъ и могъ ли бы онъ заработать себѣ хоть десятую долю того, что онъ получалъ, еслибъ высокое положеніе, выработанное имъ въ администраціи, какимъ-нибудь случаемъ ускользнуло изъ рукъ? Знаетъ ли онъ что-нибудь, кромѣ порядковъ которые созданы для него и подобныхъ ему и едва ли нужны кому-нибудь, кромѣ нихъ? Видалъ ли собственными глазами, какъ трудятся и живутъ тѣ массы убогихъ людей, судьбами которыхъ онъ, вмѣстѣ съ другими, въ жизни своей не выдавшими ничего кромѣ собственныхъ канцелярій, призванъ заочно распоряжаться? Нѣтъ, это ловкій игрокъ, который сбумѣлъ протолкаться въ толпѣ и воспользоваться ошибками своихъ конкурентовъ. Тогда какъ здѣсь совершенно не то. Здѣсь, какъ у тѣхъ пионеровъ цивилизаціи, что селятся на дальнемъ Западѣ, въ дебряхъ, гдѣ никогда не звенѣлъ топоръ и почва отъ сотворенія міра еще не знакома съ плугомъ, — все создано собственными руками и цѣнится только въ предѣлахъ своей осозательной, несомнѣнной пользы. Тутъ настоящіе люди и настоящая жизнь, въ которой успѣхъ завоеванъ отвагой, выдержкой и трудомъ, а тамъ фразерство и гаерство...

Подобныя рѣчи Пашѣ не разъ доводилось слышать въ обществѣ Мезенскихъ — и онѣ-то внушили ей мысль о невидимой силѣ, кроющейся въ Черенинѣ. Это былъ фонъ, на которомъ ея поэтическое воображеніе вышивало заманчивые узоры. Понятно, они не всегда соотвѣтствовали дѣйствительности, которую предназначены были украшать; но безъ подобныхъ противорѣчій нельзя обойтись, такъ какъ они-то и составляютъ ферментъ поэтическаго броженія, безъ котораго жизнь была-бы безвкусною очередью самыхъ будничныхъ дразгъ. Другими словами, известныя просторы для вымысла въ дѣлѣ женской, какъ и народной, идеализаціи необходимы тамъ гдѣ требуются герои; а спрашивается: какой-же просторъ возможенъ тамъ гдѣ все аккуратно смѣряно и известно. Именно этотъ просторъ для вымысла, это невыясненное въ характерѣ человека и стало одною изъ первыхъ причинъ того предпочтенія, въ которомъ таились уже задатки ея привязанности къ молчаливому и сдержанному Черенину. Недоставало только толчка чтобы это чувство вспыхнуло, но подобнымъ толчкомъ легко могла стать эта дерзкая шалость, которую съ ней продѣлали, еслибъ отбѣздъ ея, тотчасъ послѣ того, не отсрочили развязки.

Вопросъ: какъ онъ принялъ это дурачество и не почувствовалъ-ли къ ней отвращенія послѣ того, что она, какъ сумасшедшая, ни съ того, ни съ сего, повисла къ нему на шею, — въ первое время послѣ пріѣзда, мучилъ Пашу совѣсьмъ независимо отъ другихъ

Крестьянская дѣвушка Новгородской губ., Старорусскаго уѣзда.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Б. Томашевича, грав. Шюблерь.

Библиотека "Руниверс"

терзаній и такъ неотступно, что бѣдная дѣвушка каждый день возвращалась къ нему. Сто разъ она спрашивала себя: какъ это будетъ, если дѣла, зимой, приведуть его въ Петербургъ. Захочетъ-ли онъ повидаться съ ней?.. скажетъ-ли что-нибудь объ этой глупости?.. И дѣвушка представляла себѣ, какъ она стогривъ отъ стыда, увидѣвъ его неожиданно у себя; ибо конечно онъ знаетъ уже, что имя его ей не было внушено и что это она сама себя выдала... Чего-бы она не дала, чтобы узнать заранѣе какъ онъ на это смотритъ!.. Хотя-бы даже узнать, что она ему опротивѣла,—все-таки кажется легче чѣмъ волноваться такъ, какъ она волнуется! По крайней мѣрѣ ужъ разомъ махнуть рукой и не думать больше! Да и не все-ли равно чѣмъ это кончится, зная — какъ она знаетъ теперь—что въ самомъ счастливомъ случаѣ, изъ этого ничего не выйдетъ?.. Она невозвратно замарана и въ когтяхъ у людей, которые не отпустятъ ее покуда не высосуть изъ нея всю кровь... Какое счастье возможно въ такомъ положеніи?.. Бога надо благодарить, что она не успѣла еще серьезно влюбиться!.. Но послѣ того впечатлѣнія, какое произвело на нее письмо, позволительно усомниться, точно-ли она избѣжала этой опасности.

* *

Извѣстія изъ Сувадова были старья, за исключеніемъ одного, что мать, въ сентябрѣ, занимала деньги; но Паша уже предвидѣла это и ее огорчило только что мать сочла нужнымъ скрыть это отъ нея... (Какъ будто-бы на ея мѣстѣ она не поступила-бы также!)

Затѣмъ, тревожная вѣсть: Сережа писалъ, что съ нею, по возвращеніи въ Петербургъ, произошло что-то странное (слѣдовали подробности), о причинахъ чего она упорно молчитъ, и что къ нему, по этому поводу, приставали съ вопросами, на которые онъ не зналъ что отвѣчать; хотя и думаетъ что это должно быть въ связи съ „*внушеніями*“. („О! этотъ Сережа!..“) Дальше — упрекъ. Не обидно-ли это, что ей (т. е. Аннѣ Григорьевнѣ) доводится узнавать такія вещи черезъ другихъ! и неужели она такъ злопамятна, что не простила ей до сихъ поръ *этой глупости*? — какъ будто она одна должна отвѣчать за всѣхъ!.. Но она не хочетъ напоминать обидныхъ вещей, которыя сказаны были ей сгоряча, передъ разлукой, и воздавая по христіански, добромъ за зло, спѣшитъ успокоить ее на счетъ „*послѣдствій*...“ Вскорѣ послѣ отъѣзда Паши, она имѣла съ Черенинымъ объясненіе, изъ котораго ясно, хотя онъ и силится это скрыть, что *эта глупость* произвела на него глубокое впечатлѣніе... „Бѣдняжка и радъ и встревожень. Радъ, ты сама понимаешь чему; но боится чтобъ *этотъ случай*, хотя онъ и вовсе не виноватъ въ немъ, не былъ поставленъ ему въ вину; и между прочимъ, въ отчаяніи отъ твоего отъѣзда. „Какъ убѣдить ее,“ говоритъ: „что я презиралъ-бы себя, если-бы „я позволилъ себѣ, хоть на мигъ, заключить изъ этого „что-нибудь лестное для мужскаго моего самолюбія. „Нужды нѣтъ, говоритъ:—что это доставило мнѣ минуту невыразимаго счастья; вы поймете меня если я „вамъ скажу, что я не желалъ-бы быть „счастливъ „ошибкой“. „А что касается *предпочтенія*, говоритъ:— „то надо быть очень самоувѣреннымъ чтобы приписывать ему положительный смыслъ. Тамъ гдѣ нѣтъ выбора, или онъ вынужденъ, люди невольно предпочитаютъ меньшее между нѣсколькихъ золь, но это еще „не значитъ, чтобы они любили его“... И черезъ нѣсколько словъ: „между нами молъ, Анна Григорьевна,—я ее очень люблю; но это не болѣе какъ естественно, если припомнить, что люди любятъ обыкновенно въ ближнемъ именно то чего имъ лично недостаетъ. Я, говоритъ:—человѣкъ практический не потому чтобы я не умѣлъ цѣнить идеальныхъ характеровъ и стремленій, а потому, что я самъ неспособенъ

„быть въ жизни ничѣмъ кромѣ чернорабочаго. Это „единственный путь, на которомъ я въ состояніи зарабатывать себѣ хлѣбъ и пользоваться правами свободо-наго человѣка. Но я не могу не быть тронутъ до „глубины души, когда я вижу передъ собою что-нибудь „идеально-прекрасное и я понимаю, что это гораздо выше. Меня, молъ, вы можете уважать, не „болше того, а на такую дѣвушку какъ она, надо „молиться...“ И говоря это, онъ (какъ случается иногда когда его, какъ говорится, прорветъ) весь покраснѣлъ.“

„Надѣюсь, писала далѣе Анна Григорьевна,—что ты, по старой памяти, не скроешь отъ меня, что ты объ этомъ думаешь, и совѣтую помнить пословицу: *куй желѣзо пока горячо*... Какъ жаль, что тебя здѣсь нѣтъ, Pachtel.. тѣмъ болѣе, что я не одна жалю... Жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта,“ и прочее. А въ припискѣ извѣстіе, что „Черенинъ, зимой, собирается въ Петербургъ.“ Но, прибавляла, не безъ лукавства, Анна Григорьевна:—„было-бы жаль если-бы онъ поѣхалъ туда безъ разумныхъ надеждъ и вернулся оттуда ни съ чѣмъ“.

* *

Читая и перечитывая, въ невыразимомъ смущеніи, это письмо, Паша чувствовала, что ее начинаетъ вертѣть и подбрасывать какъ челнокъ попавшій въ бурную толчею. Напрасно она усиливалась остановиться на чемъ-нибудь, ее подхватывало и уносило совсѣмъ въ другомъ, непредвидѣнномъ направленіи. Минутами словно крылья у ней выросли—и любящая, любимая, она взлетала на высоту, съ которой всѣ бѣдствія и тревоги ея казались мелкими. Но тотчасъ-же вслѣдъ за тѣмъ, что-то горькою волной поднималось отъ сердца и схватывало за горло. Тогда слова утѣшенія и надежды звучали въ ея ухахъ насмѣшкой и въ груди закипала злость.

— „Разумныхъ надеждъ?“ твердила она себѣ, съ досадою бросая письмо:— „Шутка сказать! а откуда я ихъ возьму?.. И это уѣздное простодушіе воображать, что я тутъ сохну отъ безнадежной любви! О! какъ они, въ своей Аркадіи, далеки отъ догадки, что я тутъ одна, какъ мышь въ западнѣ, и что мнѣ не отъ кого ждать помощи! Я, какъ царь въ сказкѣ, склонилась надъ омутомъ, чтобы напиться воды, какъ вдругъ мохнатая лапа вцѣпилась въ меня и не пускаютъ. Для меня нѣтъ спасенія. Все что манило и обѣщало счастье, отнято у меня; но у меня осталась совѣсть. И если уже моя судьба тонуть, то тонуть одной. А тянуть за собою въ тину хорошаго, честнаго человѣка, который любитъ меня, — никогда!..“ Но ужасъ такой судьбы не разъ заставлялъ ее озираться, невольно спрашивая себя: „Да неужли-же нѣтъ никакого исхода?.. Признаться развѣ ему во всемъ и предоставить ему самому рѣшать?..“ Да, это былъ-бы исходъ, если-бъ она могла быть увѣрена, что такое открытіе не заставитъ его призадуматься и въ концѣ концовъ не уронитъ ее совершенно въ его глазахъ. Потому что, конечно, несчастная, пойманная съ чужими деньгами въ сумкѣ и лишь изъ жалости или расчета отпущенная потомъ на оброкъ,—далеко не тотъ идеаль, на который приходитъ охота молиться. Понятно, она найдетъ что сказать въ свое оправданіе; — кто-жъ не найдетъ?.. Но есть вещи, которыя, разъ сослуживъ свою службу, теряютъ потомъ уже всякій смыслъ. Сказать что и тутъ виновато во всемъ „*внушеніе*“—можно, тѣмъ болше что ей очевидно нечего болше сказать. Но не слишкомъ-ли уже будетъ валить этотъ новый грузъ все на того-же шатакаго и загадочнаго конька?.. Въ городѣ, какъ писала матушка, и безъ того уже думаютъ, что *эта глупость*, какъ называетъ ее Аннетъ, быть-можетъ далеко не такъ глупа и что дѣло навѣрно не обошлось безъ предварительнаго, дружескаго намѣка со стороны послѣдней, на-

счетъ того, что слѣдуетъ сдѣлать дабы сбылось *внушение*. Въ такихъ чудесахъ, моль, безъ этого рода услугъ мудрено обойтись. И если теперь ему, какъ лично заинтересованному, не упустили шепнуть объ этомъ, то какъ-бы презрительно онъ ни отнесся къ извѣтѣ, а этотъ послѣдній невольно придетъ на память, въ случаѣ если-бъ у ней хватило смѣлости, или безстыдства, сослаться опять на *внушение*...

И несчастная представляла себѣ какими глазами онъ на нее посмотритъ, выслушавъ ея исповѣдь до конца. Конечно, онъ не повѣритъ чтобы она способна была на воровство; но тѣмъ не менѣе все это вмѣстѣ невольно должно показаться ему неискренно и темно. „Къ тому-же, подумаетъ онъ,—тутъ замѣшался красавецъ-кузнецъ, и какъ знать до чего способна дойти свобода родственныхъ отношеній, особенно если на помощь придетъ магнетической сонъ со своими услужливыми галлюцинаціями.—союзникъ быть-можетъ уже испытанный?..“ Нѣтъ! Никогда!.. Языкъ у нем не повернется!.. Что-бы съ ней ни было — онъ не узнаетъ, не долженъ объ этомъ знать ничего.

Такъ началась отчаянная борьба, благодаря которой, въ сердцѣ у Паши скоро—что называется — не осталось мѣста живаго: страхъ и надежда, ненависть и любовь — все стало источникомъ пытки... Но

время шло, и она не могла уже дольше сидѣть, по-прежнему, сложа руки. Что-то бродило неутомимо у ней въ груди, заставляя ее ежедневно придумывать новые планы. Причина понятна: бѣдняжкѣ было всего двадцать лѣтъ—и послѣ извѣстій отъ Анны Григорьевны, ей ужасно хотѣлось жить.

Прежде всего она отвѣчала Аннѣ Григорьевнѣ, что она глубоко тронута тѣмъ, что она узнала; но что она находится здѣсь въ мучительныхъ затрудненіяхъ, и покуда не сбудетъ ихъ съ рукъ, не можетъ дать никому *разумныхъ надеждъ*... Въ чемъ дѣло: она не въ правѣ сказать, такъ какъ это чужая тайна, но просить вѣрить, что сердце ея тутъ не причемъ. До такой степени, прибавляла она, что если-бъ была физическая возможность, она охотно отправила-бы его своему другу на сохраненіе, какъ залогъ, что оно, безъ ея вѣдома, не будетъ отдано никому... Но надеждъ у ней нѣтъ—не только разумныхъ, а и совсѣмъ никакихъ. Нечего значить и посулить тому „кто зимой собирается въ Петербургъ“. „Такъ и скажи ему, если ему это нужно знать, потому что я его не хочу обманывать. Я не свободна; но разумѣется это его не должно стѣснять, и если какія-нибудь дѣла зовутъ его въ Петербургъ, то разумѣется я не помѣха. Пусть прѣзжаетъ, я буду всею душою рада увидѣть его.“

(Продолженіе будетъ).

Два миссіонера.

(Разсказъ изъ жизни богоносцевъ далекаго Востока).

А. Я. Максимова.

I.

Жаркій, лѣтній день на исходѣ; раскаленное солнце медленно совершаетъ свое величественное шествіе по лазуревому небу, постепенно приближаясь къ мохнатымъ вершинамъ мрачнаго хребта Сихотэ-Алинь. Въ воздухѣ царитъ таинственное жарое безмолвіе. Все подавлено удушаскою, почти тропическою жарой лѣтняго дня. Гигантскія деревья, прихотливо обитыя цѣпкимъ, ярко-зеленымъ виноградомъ, словно застыли, печально опустивъ свои пушистыя вѣтви къ засохшей землѣ. Разнообразные лѣсные цвѣты склонили головки почти къ самой травѣ, точно желая скрыться въ ней отъ безжалостно-палашаго солнца. Трава, пожелтѣвшая подъ вліяніемъ раскаленныхъ лучей дневнаго свѣтла, приникала, въ свою очередь, къ самой почвѣ, тщетно стараясь высосать изъ земли, растрескавшейся отъ продолжительной жары, хотя каплю живительной влаги. Душно въ воздухѣ, не смотря даже на близость безграничнаго моря, также застывшего и замершаго на всемъ необъятномъ просторѣ; его зеркальная поверхность не рябится даже быстрымъ движеніемъ рыбы, скрывшейся въ глубь—въ воды болѣе холодной и оживляющія. Немолчные буруны заснули вдоль крутаго побережья, на время переставъ лизать подножи базальтовыхъ скалъ, поражающихъ взоръ дивными, сказочными очертаніями; не слышно ихъ ропота и въ фантастическихъ гротахъ, воздвигнутыхъ могучими усиліями морскихъ валовъ. Уснуло все, подавленное палащю жарой. Ни звука, ни отклика, ни вздоха. Звѣри забились въ непролазную чашу тайги, въ прохладную тѣнь вѣковыхъ деревьевъ, забывъ на время борьбу за существованіе, вражду и голодъ. Птицы скрылись въ густыхъ вѣтвяхъ подлѣска, предпочитая недвижный покой въ прохладѣ звонкимъ пѣніямъ и веселому порханью въ чистомъ воздухѣ. Только морскія чайки не скрылись отъ раскаленныхъ лучей солнца; тысячи ихъ унизали, прихотливыми, сброватобѣлыми линиями, карнизы базальтовыхъ скалъ и сонно поглядываютъ на зеркальную поверхность уснуваемаго моря. Да еще рѣзко выдѣляется на лазурномъ фонѣ безоблачнаго неба громадный орланъ, недвижно сидящій на острой вершинѣ совершенно голаго, одинокаго утеса. Орланъ дремлетъ, не переставая изрѣдка окидывать зоркимъ взоромъ лежащую передъ нимъ мѣстность и вслушиваться чуткимъ ухомъ въ таинственную тишину, стараясь уловить какой-нибудь подозрительный шорохъ. Солнце постепенно склоняется къ хребту Сихотэ-Алинь, позлащая его мохнатыя вершины. Еще часть, и оно скроется за гигантскими, могучими кедрами, унизанными, словно щетиной, всѣ склоны неизвѣданнаго хребта. Въ воздухѣ царитъ то-же подавляющее безмолвіе...

Но вотъ орланъ, до сихъ поръ недвижный, началъ проявлять беспокойство; повернувъ величественную голову къ югу, онъ сталъ во что-то зорко всматриваться. Хищная птица замѣтила нѣчто для себя диковинное, приближавшееся по узкому побережью, къ одиноко-стоящему утесу, на которомъ расположился для отдыха орланъ...

По рыхлому песку, увязая по шиколку, шель богатырскаго

сложенія инородецъ и велъ подъ уздцы мохнатую, небольшую лошадку; на послѣдней сидѣлъ верхомъ пожилой монахъ въ чистой нанковой рясѣ и широчайшей соломенной шляпѣ. Одежда инородца состояла только изъ короткихъ, бумажныхъ шароваръ и легкихъ ошметокъ, весьма удобныхъ для скитанья по тайгѣ; за плечами его торчала старая пистонная винтовка, а съ боку, на широкомъ, сыроматномъ кушакѣ, висѣлъ большой охотничій ножъ. Инородецъ бодро шагаль по узкому побережью, изрѣдка поглядывая на спутника, молчаливо созерцаваемаго безмолвное величіе раскинуваемаго передъ глазами моря. Монахъ плотно сидѣлъ въ мягкомъ казацкомъ сѣдлѣ, глубоко просунувъ въ стремя ноги, обутыя въ тѣ-же удобныя ошметки. Симпатичное лицо его, обрамленное рѣдкою, сѣдою бороδοю, носило печать аскетизма и самоотверженія; голубые, кроткіе глаза глядѣли ясно и спокойно; отъ всей его наружности вѣяло рѣдкимъ добродушіемъ и смиреніемъ. Это былъ знакомый всему Уссурийскому краю миссіонеръ, отецъ Николай, искренно и самоотверженно преданный дѣлу духовнаго просвѣщенія инородцевъ нашей далекой окраины. Въ рукахъ отецъ Николай держалъ небольшой ящичекъ со Св. Дарами и Крестомъ; за сѣдломъ его висѣлъ выюкъ съ облаченіемъ, самыми необходимыми вещами и провизіей... Почтенный миссіонеръ совершалъ свой обычный лѣтній объѣздъ паствы, разбросанной на необъятномъ просторѣ невѣдомаго, обширнаго края; его сопровождалъ крещенный инородецъ Иванъ, служившій ему проводникомъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, переводчикомъ, когда отцу Николаю случалось встрѣчать представителей малочисленнаго племени орочей, съ нарѣчіемъ которыхъ онъ еще не успѣлъ освоиться. При исполненіи необходимыхъ требъ, Иванъ исполнялъ также обязанности дьячка, и дѣлалъ это, благодаря продолжительному навыку, весьма толково и успѣшно. Онъ совершалъ съ отцомъ Николаемъ десятый объѣздъ по паствѣ, ежегодно по два раза: лѣтомъ и зимой. Въ эти два раза, обыкновенно, крестили родившихся за истекшіе полъ-года, отпѣвали уже похороненныхъ, вѣнчали нерѣдко уже зажившихъ семейною жизнью... Въ то-же время отецъ Николай успѣвалъ привлекать въ лоно православной церкви новыхъ вѣрующихъ, что ему удавалось, благодаря рѣдкому умѣнью говорить съ инородцами и убѣждать ихъ. Со Св. Дарами въ рукахъ, пѣшкомъ или верхомъ на той-же неутомимой лошади, онъ дѣлалъ ежегодно тысячи верстъ, успѣвая посѣтить всѣхъ обращенныхъ и укрѣпить ихъ въ новой вѣрѣ. Это былъ человекъ желѣзнаго здоровья и безграничной энергіи, одухотворенный святымъ дѣломъ.

II.

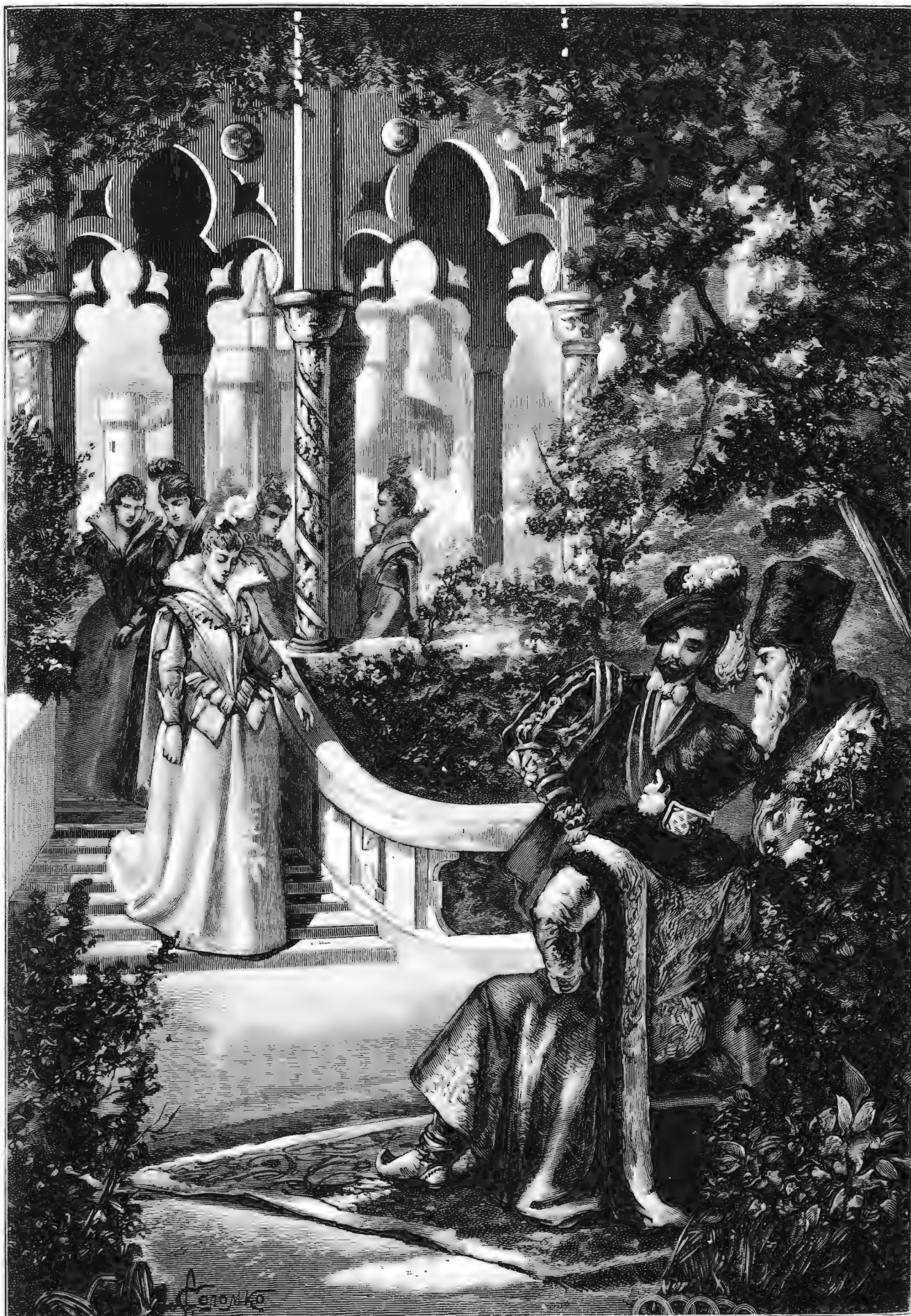
Орланъ, сидя на вершинѣ голаго утеса, повидимому, недоумѣвалъ кого онъ видитъ: врага или друга. Зорко всматривался онъ въ приближавшееся, диковинное для него, шествіе, опасаясь какого-нибудь враждебнаго намѣренія и въ то-же время не желая расстаться съ насиженнымъ мѣстомъ. Шествіе между тѣмъ все приближалось. Наконецъ, хищникъ не выдержалъ, нехотя расправилъ широкія крылья, сорвался съ утеса и началъ лѣниво подниматься въ лазуревую высь... Увидѣвъ сорваваемаго орлана, Иванъ не утерпѣлъ.

Семидесятипятилітє занятія Парижа рускими войсками (1814 г.). Сладкій виноградъ.

Картина профессора Виллевальде, грав. Шуцъ.

Библиотека "Руниверс"

Смотрины царской невесты посломъ Іоанна Грознаго въ Англіи.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Соломко, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

— Го, го, го! раздался вельдъ слетѣвшему орлану рѣзкій, гортанный крикъ. Хищникъ нервно рванулся еще выше, съ любопытствомъ поглядывая съ выси на крикуна, осмѣливагося нарушить волшебное безмолвіе тайги.

— Зачѣмъ кричишь, Иванъ? спокойно спросилъ миссіонеръ, оторванный неожиданнымъ крикомъ отъ дивнаго созерцанія уснувшей безграничной морской глади.

— Гляди, батька, какая сейчасъ птица полетѣла, отвѣтилъ инородецъ, тыкая грязнымъ пальцемъ въ лазуревое небо.— Жаль -- не примѣтилъ, продолжалъ онъ, — а то снесъ-бы ей бабку пулей...

— Не для того у тебя ружье, чтобы по невинной твари стрѣлять, кротко замѣтилъ отецъ Николай. — Птица тебя не трогаетъ—и тебѣ не подобаетъ Божье творенье обижать.

— Мнѣ все-равно — пушай летаетъ... Вишь, куда поднялась!... О, го, го!... крикнулъ опять Иванъ провзительнымъ голосомъ.

Чайки, унижавшія карнизы базальтовыхъ скалъ, встрепетали отъ этого дикаго крика и съ недоумѣніемъ начали оглядывать безграничный просторъ уснушаго моря, словно ища виновника, нарушившаго ихъ сладкую дремоту. Отецъ Николай, достаточно привыкшій къ выходкамъ своего вѣрнаго проводника, только улыбнулся и сталъ съ любопытствомъ слѣдить за величественнымъ полетомъ орлана. Нѣсколько минутъ хищникъ рѣялъ въ лазуревой выси, повидному, безъ опредѣленной цѣли; но вотъ онъ замеръ на мѣстѣ и черезъ секунду камнемъ бросился почти къ самой поверхности моря, сватилъ могучими когтями одинокую зазѣвавшую чайку и молніей взлетѣлъ опять въ высь. Было ясно видно, какъ онъ рвалъ на лету кривымъ клювомъ бѣлые перья чайки, поплывшія въ воздухѣ въ видѣ снѣжныхъ хлопьевъ...

— Гляди, батька, какъ орланъ чайку рветъ, замѣтилъ Иванъ, отирая со лба, грязною ладонью, крупныя капли пота.

— Вижу, проговорилъ отецъ Николай. — Не привыкать намъ... И на землѣ то-же самое: сильный рветъ слабого. И все оттого, что истиннаго Бога еще не познали, далеки отъ Бога... Неразумной птицѣ или звѣрю это простительно — они жрать хотятъ; а человѣку, совершеннѣйшему изо всѣхъ Божьихъ твореній, непрестительно: онъ рветъ и обижаетъ ближняго только по злобѣ своей...

— Ты правду сказалъ, поддакнулъ Иванъ...

Между тѣмъ, солнце уже склонилось за щетиныстыя вершины Сихота-Алиня, разомъ потемнѣвши; потемнѣла и зеркальная поверхность уснушаго моря. Всюду легли таинственныя тѣни. Повѣло оживляющею вечерней прохладой. Чайки, доселѣ дремавшія на карнизахъ базальтовыхъ скалъ, вдругъ встрепетали, сорвались съ насиженныхъ мѣстъ и шумной стаей начали рѣять надъ моремъ, высматривая добычу и оглашая воздухъ рѣзкими криками, очень схожими съ плачемъ дитяти... Безмолвная тайга, въ свою очередь, оживилась: откуда-то неся свистъ свиристеля; гдѣ-то вдали слышалось щелканье зимородка, перебиваемое мѣрнымъ стукомъ дятла, долбившаго крѣпкимъ клювомъ стволъ пріютившаго его дерева; изъ ближайшей пади неся отрывистый, глухой голосъ гурана... *).

— Иванъ! позволь проводника миссіонеръ.

— Чтѣ скажешь, батька?

— Не пора-ли и привалъ сдѣлать?... Посмотри, солнышко уже зашло... Выбери поляночку, да и заночуемъ.

— И выбирать нечего... Хочешь отдохнуть — спустимся опять къ берегу: на песочкѣ славно будетъ, да и отъ звѣря сохранишъ, предложилъ Иванъ и, не ожидая рѣшительнаго согласія почтеннаго миссіонера, своротилъ лошадь къ морю, выбиралъ удобный спускъ на побережье. Болѣе получаса шель онъ среди густаго разнообразнаго кустарника, по мягкому темнозеленому ковру виноградника. Отецъ Николай съ трудомъ избѣгалъ, отовсюду нависшихъ, вѣтвей, наклоняя голову къ лошадиной гривѣ и ревниво охраняя драгоцѣнный, завѣтный ящичекъ. Широкополую шляпу пришлось снять и подвѣсить къ торoku. Между тѣмъ, Иванъ нашель, чутьемъ дикаря, взрослошаго въ тайгѣ, удобный спускъ къ морю, и черезъ нѣсколько минутъ путники уже брели по желтому песку побережья. Отецъ Николай слѣлъ съ лошади и покорно слѣдовалъ за проводникомъ, высматривавшимъ подходящее для ночлега мѣсто.

— Здѣсь хорошо будетъ, проговорилъ черезъ минуту инородецъ, останавливаясь у развѣсистаго дуба, склонившагося съ крутаго берега надъ побережьемъ.

Не ожидая окончательнаго рѣшенія отца Николая, Иванъ привязалъ лошадь, быстро развьючилъ ее и, не говоря ни слова, сталъ по близости собирать матерьялъ для костра. Повидному, онъ привыкъ хозяйничать въ тайгѣ по усмотрѣнію. Миссіонеръ, съ тою же покорностью, подошелъ къ дубу и, благоговѣнно перекрестившись, поставилъ въ укромное мѣсто завѣтный ящичекъ со Св. Дарами; затѣмъ онъ приступилъ къ раскупоркѣ небольшого выюка... Осторожно развернувъ легкую кошму, отецъ Николай прежде всего выставилъ въ сторону мѣдный чайничекъ, въ которомъ хранился весь запасъ сахару и кирпичнаго чаю, и жестяную, сильно поматую, потемнѣвшую кружку. Рядомъ съ чайникомъ, вскорѣ появились два небольшие полотняные мѣшечка: одинъ съ черными сухарями,

другой — съ пшеномъ. Разобравъ свой незатѣпливый запасъ, почтенный миссіонеръ сталъ помогать проводнику разжигать костеръ при помощи трута и сухой травы... Гулко затрещалъ хворостъ, и черезъ короткое время зеркальная поверхность моря окрасилась кровавымъ заревомъ разгорѣвшагося костра. Иванъ опросталъ чайникъ и зачерпнулъ изъ ближайшаго ручья студеной, прозрачной, какъ кристаллъ, воды. Отецъ Николай успѣлъ въ это время приладить надъ костромъ треножникъ, а также позаботиться о своемъ неутомимомъ Васкѣ, предъ мордой котораго навалилъ огромную охапку свѣжей травы, наравной по близости...

Между тѣмъ солнце зашло совсѣмъ; наступила темная, лѣтняя ночь, столь свойственная южнымъ широтамъ. Пылающій костеръ отбрасывалъ вокругъ кровавый отблескъ, фантастически освѣщая крутой, обросшій разнообразною растительностью, берегъ, ближайшую полосу уснушаго моря и двухъ путниковъ, дружески занявшихся скромнымъ ужиномъ. Оба ѣли молча. Иванъ съ волчьимъ аппетитомъ рвалъ зубами послѣднюю юколу, оставшуюся изъ небольшого запаса, взятаго въ дорогу изъ Владивостока; а отецъ Николай медленно жевалъ свою вечернюю порцію черныхъ сухарей, размоченныхъ въ жидкомъ чаю, изрѣдка поглядывая на проголодавагося проводника. Замѣтивъ, что тотъ уже справился съ жесткой, какъ подошва, юколою, миссіонеръ предложилъ:

— Напейся чайку, да сvari, если хочешь, пшена.

— Это хорошо, батька, а то одной юколы маловато, обрадовался Иванъ. — Сегодня, самъ знаешь, неудача — ни одной козы не удалось подстрѣлить, а брюхо не ждетъ, такъ и подводить...

— Кушай, кушай на здоровье; я больше не стану — сытъ...

— Ой, ой, какой ты, батька, смѣшной: съѣлъ два сухарика, да выпилъ кружку чаю, и уже сытъ, удивился Иванъ, который никакъ не могъ освоиться съ выдающеюся умѣренностью отца Николая. — Ты, видно, не товарищъ отцу Петру, продолжалъ разболтавшійся проводникъ, — тотъ жретъ-жретъ, а все ему мало, словно вмѣсто брюха у него мѣшокъ рваный виситъ...

— Не осуждай, строго перебилъ миссіонеръ не въ мѣру разговаривагося проводника. — Намъ дѣла нѣтъ до отца Петра — одинъ Богъ ему судья...

— Ты, батька, правду сказалъ, просто согласился Иванъ и замолчалъ, занявшись предложеннымъ чаемъ.

Отецъ Николай отомелъ отъ костра и, опустившись на прибрежный песочъ на колѣни, началъ творить вечернюю молитву... Иванъ давно уже кончилъ свой ужинъ, успѣвъ сварить въ чайникѣ изрядную порцію пшена; онъ уже сладко заснулъ около пылающаго костра; а миссіонеръ продолжалъ еще молиться, восторженно глядя на опрокинутый куполъ звѣзднаго неба и безграничное море, усѣянное миллионами фосфорическихъ искръ. Величіе окружающей природы переняло его сердце благоговѣйнымъ чувствомъ къ Всемогущему Творцу, сотворившему однимъ словомъ это безпредѣльное, чудное небо, съ миллионами прекрасныхъ звѣздъ, и эту необятную землю, съ ея безграничными океанами и морями... Онъ молился горячо, мысленно возносясь къ величественному Престолу Бога-Творца, окруженному легіонами дучезарныхъ серафимовъ и керувимовъ... Кругомъ его царствовала таинственная тишина: только гдѣ-то вдали слышался глухой рокотъ валовъ, бесильно разбивавшихся о базальтовые выступы суроваго берега...

III.

Алая кайма охватила далекой востокъ; нѣжный, розовый блескъ обильгъ чудную синеву чистаго, безоблачнаго неба, ласково прикинула къ морскому простору. Безпредѣльная поверхность пробудившагося моря заколыхалась и затрепетала въ волшебномъ-прекрасномъ сіяніи восходящаго солнца... Вотъ показалась изъ-за горизонта золотая макушка дневнаго свѣтила, и миллионы ярко-золотистыхъ лучей разсыпались во всѣ стороны, обдавъ радостнымъ свѣтомъ темную зелень проснушагося берега. Тысячи чаекъ, сладко дремавшихъ на выступахъ базальтовыхъ скалъ, встрепетали и крикливой стаей заволновались надъ рябью моря, сверкая на солнцѣ бѣлоснѣжными крыльями. Несмѣтныя тучи куликовъ со свистомъ заматались по песчаному побережью, суетливо подбирая моллюсковъ и рыбокъ, выброшенныхъ услужливымъ приливомъ. Въ далекой выси дѣвственно-чистаго неба раздался клѣкотъ бѣлохвостаго орлана, зорко высматривагошаго подходящую добычу. На всемъ побережьи закипѣла утренняя жизнь; навстрѣчу восходящему солнцу неслись разнообразныя звуки пробужденной природы. Криканье утокъ перебивалось хриплымъ пискомъ чирковъ и музыкальнымъ, гармоничнымъ крикомъ бѣлаго журавля. Откуда-то издалека неслись трубныя звуки лебедей и пронзительное гоготанье гусей, поднявшихся съ ближайшаго болота. Ястребъ-тетеревятникъ, какъ злой разбойникъ, зашнырялъ по кустамъ и рвалъ ошолохенныхъ птицъ. Черный коршунъ вынырнулъ изъ пади, стрѣлой поднялся въ высь и парилъ широкими кругами, зорко высматривая добычу... Всюду началась кипучая, утренняя жизнь...

Восходящее солнце застало нашихъ путниковъ уже въ дорогѣ; они выбрались на крутой берегъ съ первыми проблесками разсвѣта и, пользуясь освѣжающею утреннею прохладой,

*) Гуранъ — дикій козель-самецъ.

бодро шагали по извилистой тропѣ, протоптанной звѣремъ среди дѣвственной тайги. Впереди шелъ Иванъ, ведя за поводъ лошадь; позади слѣдовалъ отецъ Николай, съ завѣтными ящичкомъ въ рукахъ. Вообще, почтенный миссіонеръ большую часть дневнаго перехода дѣлалъ всегда пѣшкомъ и только къ вечеру позволялъ себѣ устѣться въ удобное казацкое сѣдло, въ которомъ и отдыхалъ отъ тяжелаго пути по кочкамъ, оголеннымъ корнямъ деревьевъ и поваленнымъ стволамъ. Что касается Ивана, то неутомимый дикарь, казалось, никогда не чувствовалъ усталости; онъ съ одинаковою бодростью шагалъ какъ утромъ, такъ и къ вечеру, нерѣдко сдѣлавъ по тайгѣ до двадцати верстъ, а иногда и больше. При этомъ надо помнить что эти двадцать верстъ сдѣлать не легко по тропѣ едва пробитой дикимъ звѣремъ, среди непроницаемой заросли, когда ноги путаются въ густой травѣ, почти въ человѣческой ростъ, когда ежеминутно вьжеть ихъ цѣпкій виноградъ, который стелется по землѣ и покрываетъ ее почти сплошнымъ ковромъ велени...

Къ полдню путники подошли къ довольно широкой рѣкѣ, истоки которой терялись въ неизвѣданныхъ надахъ хребта Сихотэ-Алинь. Передъ впадениемъ въ море, рѣка развѣтвлялась на нѣсколько извилистыхъ протоковъ, образовавшихъ два прелестныхъ миниатюрныхъ островка, сплошь покрытыхъ густою, почти тропическою растительностью. Приблизившись къ рѣкѣ, Иванъ остановился и, полуобернувшись къ отцу Николаю, проговорилъ:

— Ты отдохни, батка, а я пойду, поищу брода...

И не ожидая отвѣта, дикарь зашагалъ по отлогому берегу рѣки. Отецъ Николай съ наслаждениемъ опустился на мягкую, душистую траву, снявъ широкополую шляпу и отеръ потное лицо полонъ подрысника. Полуденное солнце стояло высоко въ небѣ, разбрасывая вокругъ яркіе, палящіе лучи, жаръ которыхъ нѣсколько умался легкой прохладой морскаго вѣтра. Кругомъ господствовала снотворная тишина. Только вдали глухо шумѣлъ неутомимый прибой, окаймляя песчаное побережье бѣлоснѣжною лѣною. Отецъ Николай съ наслаждениемъ прилегло на траву и началъ пристально глядѣть въ глубокое, чистое небо, въ голубой выси котораго величественно рѣяли копчики и орланы. Свѣжесть душистаго лѣжа манила ко сну и тѣгѣ. Убаюкиваемый глухимъ рокотомъ морскаго прибоя, миссіонеръ отдался сладкой дремотѣ, полной разнообразныхъ сновидѣній. И приснился ему странный сонъ. Видитъ онъ себя на обширной аренѣ древняго римскаго цирка, среди толпы христіанскихъ мучениковъ, собранной гонителями для кровавой трапезы хищныхъ звѣрей, привезенныхъ со всѣхъ владѣній обширной имперіи. Кругомъ, на безконечныхъ скамейкахъ, опоясывающихъ арену многоэтажнымъ амфитеатромъ, толпятся десятки тысячъ любопытныхъ зрителей. Жгучее, яркое солнце обдаётъ арену и амфитеатръ блестящими лучами. Отецъ Николай съ горечью глядитъ на возбужденныя и омраченныя низкою страстью лица безчисленныхъ зрителей, толпами привалившихъ въ Римъ на дикое зрѣлище борьбы хищныхъ, голодныхъ звѣрей съ беззащитными христіанскими мучениками. Медленно обводитъ онъ глазами безконечные ряды скамеекъ и всюду видитъ только кровавадность и жестокость: ни одного привѣтливаго, ни одного добраго взгляда... Больно ему стало глядѣть на эти безпощадныя лица и онъ отводитъ взоръ съ амфитеатра на арену. Чтò за дивное зрѣлище представилось его восхищеннымъ глазамъ! Онъ увидѣлъ божественно-прекрасныя лица христіанскихъ мучениковъ, стариковъ и молодыхъ людей, мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, безтрепетно смотрящихъ на рядъ темныхъ отверстій, изъ которыхъ, съ минутой на минуту, будутъ выпущены на арену голодные, хищные звѣри. Лица христіанъ величественно спокойны; ихъ кроткіе глаза горятъ самоотверженіемъ и безграничною преданностью Христу, во славу котораго они готовы принять злѣйшія муки... Кругомъ царитъ подавляющая тишина, изрѣдка прерываемая только глухимъ отдаленнымъ ропотомъ нетерпѣливыхъ зрителей... Но вотъ, въ темныхъ отверстияхъ кѣтъкъ мелькнули гибкія спины тигровъ и пантеръ, и хищники однимъ гигантскимъ скачкомъ выпрыгнули на арену; за ними неуклюже ковыляли громадные медвѣди... Христіане не дрогнули. Смѣло глядятъ они на голодныхъ хищниковъ и безтрепетно ждутъ мучительной смерти. Лица ихъ продолжаютъ выражать то же величественно прекрасное спокойствіе и высокое самоотверженіе... Отецъ Николай, въ свою очередь, не чувствуетъ страха. Сердце его не дрогнуло даже при глухомъ рычаніи необычайно громаднаго тигра, медленно ползущаго къ нему по желтому песку арены. Смѣло глядитъ онъ въ кровавые глаза хищника, готовая сдѣлать послѣдній прыжокъ... Еще моментъ—и все кончено... Вдругъ сверкнула молнія; раздался сильный громъ, потрясшій до основанія величественное зданіе цирка... Небо разомъ потемнѣло; все окружающее скрылось въ какомъ-то волшебномъ хаосѣ и... отецъ Николай проснулся. Раскрывъ глаза, онъ прежде всего увидѣлъ Ивана, бѣгущаго къ нему; въ одной рукѣ Иванъ держалъ еще дымящуюся винтовку, въ другой—своей охотничій ножъ. Лошадь, сбивъ на сторону выюки и сѣдло, неслась вдоль рѣки къ побережью, точно охваченная паническимъ ужасомъ. Отецъ Николай приподнялся и съ недо-

умѣніемъ сталъ слѣдить за проводникомъ, который, не обращая вниманія на миссіонера, пробѣжалъ мимо и съ дикимъ ожесточеніемъ набросился на какого-то звѣря, бившагося въ высокой травѣ. Послышался хриплый, предсмертный ревъ, такой страшный и неожиданный, что отецъ Николай невольно вздрогнулъ, не смотря на все свое мужество. Въ этомъ предсмертномъ рычаніи онъ узналъ грозный голосъ бича тайги—тигра... Не успѣлъ еще миссіонеръ сообразить чтò дѣлать, какъ Иванъ выпрямился и ровнымъ шагомъ направился къ нему...

— Ну, батка, счастливъ ты, что я въ время возвратился, проговорилъ онъ спокойно, отирая со лба грязною ладонью нѣсколько капель крови.

— Спасибо тебѣ... Вижу, что отъ смерти спасъ... Еще разъ спасибо.. горячо благодарилъ проводника отецъ Николай, крѣпко пожимая его мозолистую руку.—Молодчина ты у меня!.. съ умилениемъ добавилъ миссіонеръ, всматриваясь въ безжизненную, громадную тушу тигра, широко разметавшагося на окровавленной, смятой травѣ.— Не знаю, чѣмъ и какъ отблагодарить тебѣ!..

— Зачѣмъ благодарить, просто отвѣтилъ Иванъ.— Вѣдь я свое дѣло сдѣлалъ.. Вижу, тигра хочеть на тебя прыгнуть, а ты дрыхнешь; ну, я его и стрѣлилъ... Ой, ой, какъ хорошо, что я въ время пришелъ!.. Ой, ой, какъ было-бы мнѣ тебя жалко!..

— Чудо-богатырь, да и только! съ восторгомъ повторилъ отецъ Николай, крѣпко обнимая своего спасителя.

— Добрый ты у меня, батка, умилится Иванъ,—другой на твоёмъ мѣстѣ разсердился-бы, а ты благодарить...

— За чтò сердиться!? удивился миссіонеръ.

— Какъ за чтò?.. Гляди, какъ я твой кафтанъ испортилъ... Ужъ извини, право нечаянно; тигра очень близко подползла, а я и не разчиталъ, началъ извиняться Иванъ, смущенно поглядывая на нанковый подрысникъ миссіонера.

Послѣдній, въ свою очередь, оглядѣлся и тутъ только замѣтилъ на подрысникѣ кровавыя брызги: онъ недоумѣвалъ...

— Это изъ башки, разъяснилъ Иванъ недоумѣніе отца Николая.— Я прямо въ башку выстрѣлилъ—изъ нея и забрызнуло кровью: тигра, вѣдь, совсѣмъ близко была... Ты ужъ извини пожалуйста, что кафтанъ твой испортилъ...

— Чудакъ ты, Иванъ, добрый чудакъ! проговорилъ миссіонеръ съ улыбкой.— Жизнь спасъ, а о подрысникѣ безпокошися...

— Затвердилъ ты, батка, свое—жизнь спасъ, а взгляни, какую славную шкуру за то заработалъ... Вѣдь за нее мнѣ во Владивостокѣ двадцать рублей дадутъ... Дозволь только ее съ собой взять...

— Возьми, возьми.

— Такъ слушай, батка, чтò я тебѣ скажу: время попусту терять намъ нельзя, а то не успѣемъ къ вечеру до становища... Ты ужъ уважь меня, сходи, поймай лошадь, а я тѣмъ временемъ шкуру со звѣря сниму...

— Хорошо, снимай! согласился отецъ Николай и отправился за лошадью, скрывшеюся въ ближайшей рошѣ.

IV.

Отцу Николаю пришлось пройти вдоль рѣки не менѣе версты, прежде чѣмъ онъ увидѣлъ лошадь, спокойно пасущуюся на берегу. Безъ труда поймавъ ее, онъ тщательно пересѣдлалъ ее, поправилъ выюкъ и привелъ на злуполучную лужайку. Иванъ уже снялъ съ тигра шкуру и аккуратно свертывалъ ее, предлагая высушить по приходѣ въ становище гольдовъ, до котораго оставалось, по его расчету, не болѣе шести часовъ перехода.

— Славный звѣрь! весело встрѣтилъ миссіонера проводникъ, разглаживая рукой блестящую, желтую, съ черными полосами, шкуру.

— Славный-то онъ славный, только большой бѣды едва не надѣлалъ: насилу лошадь отыскалъ, отвѣтилъ отецъ Николай, присаживаясь на траву.

— Лошадь ничего—лошадь всегда найти можно, а вотъ приходи минуту позже—большая бѣда случилась-бы: навѣрное тигра уже прикончила-бы тебя...

— Расскажи, Иванъ, какъ все это случилось, полюбопытствовалъ миссіонеръ.— А я, какъ спалъ, такой чудный сонъ видѣлъ, и этого звѣря видѣлъ, и рычаніе его слышалъ.. добавилъ отецъ Николай.

— Ой-ли!?! Вотъ чудно-то! удивился Иванъ.— Это навѣрное Богъ тебя будилъ, добавилъ онъ съ искреннимъ убѣжденіемъ и задумался.

— Ну, слушай! началъ Иванъ послѣ минутнаго раздумья.— Пошелъ я искать бродъ—пришлось подняться по рѣкѣ съ полверсты; бродъ нашелъ отличный— всего по брюхо лошади будетъ, а дно—крѣпкое, песокъ... Сталъ возвращаться къ тебѣ... Иду—трубку курю... Подошелъ уже близко, тебя увидѣлъ: лежашъ—спишь... Вдругъ, лошадь рванула изъ рукъ поводъ и понеслась, словно испуганный гуранъ... Думаю, дѣло неладное, сталъ приглядываться, ружье приготовилъ; иду къ тебѣ осторожно... Вижу, въ травѣ прилегла большая тигра, на тебя нацѣливается, да я помѣшалъ... Притаилась она и глаза отъ тебя отвела: на меня стала глядѣть—почуяла врага... Ждать я не сталъ, положилъ ружье на сошки, нацѣлился въ голову и выпал-

лиль... Попалъ ловко... Тигра подпрыгнула и стала биться: я уже ножомъ дорѣзалъ... — Вотъ, батька, я и готовъ, перемѣнилъ разговоръ Иванъ, подвизывая къ выюку свернутую шкуру.—Пора и въ дорогу, а то опять въ тайгѣ придется заночевать.

— Тронемся, согласился отецъ Николай, поднимаясь съ мягкой травы...

Черезъ полчаса путники достигли брода.

— Батька, садись на лошадь, предложилъ проводникъ, — а я ее за поводъ поведу: не зачѣмъ тебѣ даромъ мочиться.

Отецъ Николай не заставилъ упрашивать себя и проворно влѣзъ на коня.

— Смотри, батька, какъ на середину выѣдемъ—подбирай ноги выше, посоветовалъ Иванъ.

поградныя лозы закидывались на гигантскія сосны и ильмы, вѣбгали почти до самыхъ ихъ вершинъ, нерѣдко покрывал стволы сплошнымъ ковромъ яркой зелени... До побережья пришлось идти около двухъ верстъ. По самому берегу рѣки вилась узкая тропа, нерѣдко исчезающая въ непроходимой чащѣ разнообразныхъ кустарниковъ, нависшихъ надъ самой водой. Въ этомъ случаѣ, путникамъ приходилось спускаться въ рѣку и пробираться до удобнаго мѣста въ бродъ, часто по полямъ въ водѣ. Благодаря твердому, песчаному грунту и жаркому дню, эти вынужденныя ванны принимались съ большою охотою. Отецъ Николай, не желая утомлять лошадь, отягченную добавочнымъ выюкомъ — тигровой шкурой, — бодро шагаль по дну рѣки, вслѣдъ за проводникомъ, предоставляя затѣмъ знойному солнцу высушивать на себѣ намоченную одежду...

Бухарская пѣхота. Съ фотогр. Васильева, грав. Барановскій.

— Не прозѣваю, трогой, отвѣтилъ миссіонеръ, усаживаясь плотнѣй въ казачкомъ сѣдлѣ.

Проводникъ вошелъ въ рѣку и бодро зашагалъ по твердому песчаному дну. Лошадь послѣдовала за нимъ смѣло, обдавая его миллионами радужныхъ брызгъ; воды ей было всего по колѣна, но къ серединѣ рѣки стало глубже, ири довольно сильною теченіемъ. Отцу Николаю пришлось поднять ноги довольно высоко. Перейдя рѣку, проводникъ свернулъ по ея теченію, къ морскому берегу, стараясь обойти непролазныя кустарники, за которыми высилась непроницаемая чаща густолиственныхъ, гигантскихъ деревьевъ, поражающихъ взоръ дивнымъ разнообразіемъ. Приземистые, вѣковые дубы, въ два-три обхвата толщиной, стояли рядомъ со стройными кедрами и лиственницами; громадные ильмы вѣдымали надъ ними свои пираковѣтвистыя вершины, вблизи которыхъ слегка колыхались пальмовидныя листья граціознаго диморфанта и перистыя листья пробовыхъ деревьевъ. Тутъ-же видѣлись: стройный тополь, серебристая липа, крѣпкій ясенъ, грабъ и группа разнообразныхъ орѣховыхъ деревьевъ, перемѣшанныхъ съ сосной, тисомъ и пихтой. Подлѣсокъ, состоявшій изъ лещины, бузины, жасмина, сирени, колючей азалии и шиповника, образовалъ непроходимую зарость, перелетенную цѣпкими виноградомъ. Послѣдній затѣйливо вился среди разнообразной, почти тропической, растительности, свѣшиваясь къ землѣ роскошными гирляндами и перебрасываясь восхитительными кружевами съ одного дерева на другое, съ вѣтви на вѣтвь. Тутъ и тамъ, ви-

По выходѣ на побережье, дорога стала еще затруднительнѣе. Ноги уходили въ глубокіи, сыпучій песокъ, перемѣшанный съ мелкой ракушкой и морской травой, выброшенными волнами. Отцу Николаю пришлось снять отяжѣвшіи отъ воды ошметки и идти босикомъ. Дорога шла вдоль отвѣсныхъ скалъ, такъ близко отъ моря, что ноги путниковъ нерѣдко смачивались брызгами прибоя... Вчерашнее спокойное море было изборозжено пѣнистыми волнами, набѣгавшими на узкое побережье съ глухимъ рокотомъ. Тамъ и сямъ высились со дна темныя массы одинокихъ причудливыхъ скалъ, смѣло подставлявшихъ свою крѣпкую грудь безпощаднымъ ударамъ грозной стихіи. Рокочущія волны то яростно влетали до самыхъ вершинъ этихъ фантастическихъ кекуръ, обдавая ихъ алмазнымъ дождемъ, то покорно лизали ихъ отполированные основанія; съ подвѣтренной стороны послѣднихъ нерѣдко видѣлись небольшія лебизца, силошъ усѣянныя тюленями и моржами, грѣвшимися на солнцѣ. Сотни разнообразныхъ морскихъ птицъ носились надъ пѣнистою поверхностью моря, оглашая воздухъ рѣзкими, пронзительными криками... Наши путешественники молча брели по побережью, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ сыпучаго песку. Прошло около двухъ часовъ. Солнце уже начало медленно склоняться къ западу... Вдругъ, Иванъ остановился и отрывисто проговорилъ, указывая вдаль мозолистою рукой:

— Гляди, батька!

— Чтѣ такое? встрепенулся отецъ Николай.

— Гляди туда... Видишь?..

(Продолженіе будетъ).

Паденіе камней съ неба въ Оханскомъ уѣздѣ, Пермской губ., 18 (30) августа 1887 г.

І. Профес. Ю. И. Симашко.

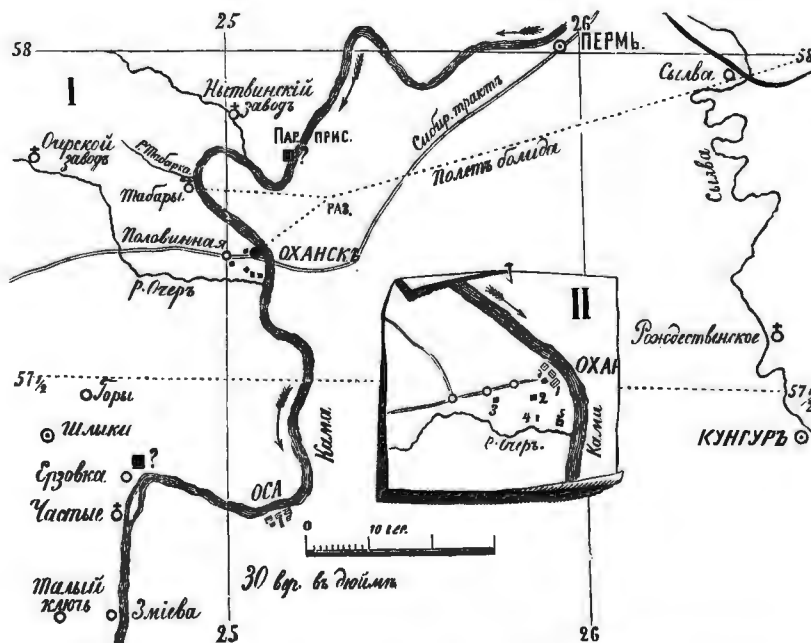
Многіе жители Перми и юго-западной части Пермской губ., за собою свѣтлый дымчатый слѣдъ. Черезъ 2—3 минуты было слышно въ Перми же нѣсколько весьма рѣзкихъ звуковыхъ ударовъ Пермскаго, Оханскаго, Осовскаго, Кунгурскаго и ча-

Паденіе камней съ неба. Фиг. 1. Полетъ болида надъ г. Пермью. Видъ Перми съ р. Камы. Юго-западная сторона. а. Мѣсто наблюденія—зданіе семинарской больницы. Рис. съ натуры А. В. Селиванова.

стию Сарапульскаго уѣзда Вятской губ., были свидѣтелями одного изъ замѣчательныхъ явленій природы — паденія камней изъ воздуха; это явленіе тѣмъ болѣе поражаетъ очевидцевъ, что оно необычайно, несогласно съ общеукоренившимися понятіями о тверди небесной, бываетъ вездѣ рѣдко, а въ данной мѣстности — Пермскомъ краѣ — оно, на памяти людей, совершилось впервые ¹⁾. Фактъ заключается въ слѣдующемъ:

Около 12^{1/2} часовъ (12 ч. 45 м. — 12 ч. 25 м.) дня, 18 августа 1887 года надъ Пермью къ Оханску, въ сѣверо-восточномъ направленіи, при совершенно ясномъ небѣ, пролетѣла почти горизонтально огненная масса, сыпавшая по пути искры и оставлявшая

Паденіе камней съ неба. Фиг. 2. Карта части Пермской губ. съ показаніемъ пути полета болида и мѣсть паденія метеоритовъ. І. Черныя точки у с. Табары и г. Оханска — мѣста паденія камней. [?] мѣста предполагаемаго паденія. ІІ. Мѣста паденія камней близъ Оханска. 1) Садъ земской управы. 2) Половина. 3) Половинная. 4) Поломъ 5) Берегъ рѣки Очеръ.

ударовъ, болѣе похожихъ на выстрѣлы изъ многихъ орудій или на пороховые взрывы, чѣмъ на громъ. Затѣмъ, въ г. Оханскѣ, въ д. Таборъ, Половинной, на Поломѣ, на Поновкѣ и др. выпали черные теплые или горячіе камни, вѣсомъ отъ 2 фунтовъ до 20 пудовъ, болѣе или менѣе углубившіеся въ землю.

Понятно, что полетъ огненного тѣла высоко надъ головами, почти гъ горизонтальномъ направленіи, слабо спускающагося къ землѣ, грозные раскаты грома при безоблачномъ небѣ и совершенно ясной погодѣ, наконецъ паденіе изъ области свѣта черныхъ, горячихъ, твердыхъ тѣлъ, — составляють столь необычныя явленія, что возбуждаютъ повсемѣстно въ народѣ то религиозныя, то суевѣрныя чувства, толки и объясненія.

Въ русскихъ лѣтопи-

¹⁾ Только около 1809 года было паденіе града, съ заключенными внутри каменными ядрами бѣлаго цвѣта.

сяхъ сохранилось нѣсколько описаній подобныхъ явленій, изъ которыхъ приведемъ одно особенно достопамятное. Въ одной рукописи подъ заглавіемъ „Житіе и жизнь святаго блаженнаго Проконія, иже Христа ради юродиваго Устюжскаго чудотворца“, знаменитаго призвателя народа къ покаянію, жившаго въ Устюгѣ Великому (нынѣ Вологодской губ.), въ половинѣ XIII вѣка, и умершаго по лѣтописцу въ 1285 году, а по Карамзину въ 1303 г., встрѣчается слѣдующее мѣсто:

„Бысть же во вторую недѣлю о полудни, найде внезапно на градъ Устюгъ (нынѣ Вологод. губ.) облакъ темень и бысть яко пощь темная; людіе же видѣвша града того такое необычное превеликое чудо и о семъ недоумѣвахуся, что се бысть. И по семъ явишася и востаха со всѣ четыре страны тучи великія, изъ нихъ же исходила молнія огненная безпрестанно, и грому убо многу и странну бышу (зѣло) надъ градомъ Устюгомъ, яко-же не слышати что другъ со другомъ глаголати, яко-же бо и земли отъ того страшнаго труса непрестанно колебалися и трясися, огненные же тучи ходяху въ скорѣи соступитися вмѣсто; тогда же бышу отъ молніи и отъ грому огненнаго зноу превелику зѣло.“

Когда же народъ съ блаженнымъ Проконіемъ собрался въ церкви Пресвятой Богородицы и молился „образу ея, и видѣна вси, яко искинѣи источникъ мѣра изъ образа ея. И въ той часъ бысть тишина велия, и не бысть молніи и грому, и разведышеся облацы огненныя на всѣ страны и пойдоста на мѣста пустынная и тамо попалиша многія лѣсы и дѣбри, тѣмъ многимъ и безчисленнымъ каменіемъ ови дрѣвеса изъ корени избиша, а иныя въ полы поломаша.

„Отъ Устюга же та пустыня отстоитъ 20 поприщъ, именуется *Котавальская* весъ, въ юю же испадоша изъ тоя тучи превеликое каменіе на землю ту. Ломовный же лѣсъ видимъ бысть и донныи многими человекъ на увѣреніе и на страсть послѣднему роду нашему: сотвори бо Господь такое превеликое чудо. Тогда же бо сохранилъ Господь Богъ отъ того страшнаго труса, не уби громомъ и каменіемъ отъ человекъ и отъ скота никого же, но вси убо человекъ и скоти сохранени быша милостію Его; отъ мѣра же того истекшаго отъ образа Пресвятыя Богородицы знаменашася мнози болѣзни человекъ и здравы быша, хромымъ теченіе сотворися, слѣпымъ прозрѣніе даровася, бѣснованіемъ и всякими различными недуги здравіе бысть...“

Явленіе это было 8 іюля въ полдень, около 1250 года.

Несмотря на 600 лѣтъ истекшихъ съ того времени, въ народѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе объ этомъ явленіи; около 1810 года натуралистъ Борновооловъ разспрашивалъ въ Устюгѣ мѣстныхъ жителей, извѣстно-ли имъ мѣсто паденія этихъ метеоритовъ, и они ему сказывали, что не только извѣстно, но что и до днесь видны слѣды сего страшнаго происшествія. По просьбѣ моей, шт. смотр. Устюжскаго училища, г. Воронецкій въ 1883 году посѣтилъ это мѣсто, хорошо извѣстное жителямъ и до сихъ поръ (дер. Котолово и Каменный ручей), и весьма любезно доставилъ мнѣ нѣсколько образцовъ камней, собранныхъ тамъ и въ Каменномъ ручьѣ; къ сожалѣнію, они оказались не метеоритами, а обыкновенными валунами; сохранились-ли тамъ метеориты вообще, къ стыду нашихъ ученыхъ учреждений—осталось до сихъ поръ неизслѣдованнымъ.

Другую выписку о паденіи метеорита 25 декабря 1582 г., въ царствованіе Грознаго, характеризующую возрѣніе предковъ на эти явленія, я привожу здѣсь изъ сочиненія г. Гебеля по описанію Оберборна ¹⁾:

„И власатая звѣзда (комета), видѣнная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ небѣ, предвозвѣщала, казалось, что Москвитамъ предстоитъ нѣчто ужасное. Послѣ того, ударъ молніи, упавшей съ яснаго неба, въ день Рождества Христова, смегъ прекрасное царское жилище, Слободу, причемъ домашнія утварь, въ которой хранилось много драгоценныхъ вещей, была уничтожена.

„Особенно замѣчательно также то, что, незадолго предъ тѣмъ, близъ города Налю (по Карамзину это вѣроятно Налеекъ, или Замоскворѣцкая слобода) были замѣчены предвѣстія войны и смуты. Трое мужчинъ и столько же женщинъ отправились въ сосѣдній лѣсъ, какъ это въ обычаѣ у сихъ варваровъ, за дрѣвами. Когда-же вечеромъ, въ сумерки, они возвращались домой, то услышали голосъ: „бѣгите, Москвиты!“ Когда же, устранивъ этого, они пустились послѣбно бѣжать, чтобы скорѣе достигъ города, то изъ воздуха упала на землю, въ свѣтъ, большаго мраморнаго глыба, подобная тѣмъ, которыя у нѣмцевъ и другихъ народовъ употребляютъ для надгробныхъ камней, и паденіе ея сопровождалось ударомъ молніи, при чемъ глыба ударила не съ большою силою, а легла такъ, какъ будто бы нарочно была къ-мъ-либо положена. На этой глыбѣ было начертано неизвѣстными и неотчетливыми письменами какое-то изреченіе, или скорѣе надгробная надпись, которая, безъ сомнѣнія, означала, что Московское государство обречено погибѣти. Когда камень низринулъся, упали мертвыми и упомянутые трое мужчинъ. Тѣла ихъ пролежали нѣсколько дней безъ всякаго смрада и разложенія (дѣло было въ самые холода—на Рождествѣ). Даже и женщины, устранивныя столь невиданнымъ событіемъ, упали ницъ, но вскорѣ оправились; когда-же онѣ

замѣтили на свѣту капли крови, то со страхомъ поспѣшили обратно въ городъ, и прибывъ туда ночью, съ громкими воплями возвѣстили о случившемся.

„Склонясь, наконецъ, предъ настоятельными просьбами своихъ приближенныхъ, царь отправился, въ сопровожденіи митрополита и сыновей своихъ за городъ, и самъ увидѣлъ обрызганный кровью свѣтъ и камень. Пораженный зрѣлищемъ, онъ тотчасъ спросилъ, что означаетъ это дивное явленіе. Такъ какъ всѣ терялись въ догадкахъ, то онъ повелѣлъ митрополиту растолковать слившимся другъ съ другомъ и неизвѣстныя письма. Митрополитъ, не безъ великаго страха, отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ. Тогда царь приказалъ на слѣдующій день привести къ себѣ двухъ военнопленныхъ проповѣдниковъ изъ Кокенкузена и Оберналена (два мѣстечка въ Лифляндіи), которые прославились своею ученостію даже между варварами, и обшались имъ свободу и подарки, если они разрѣшатъ тайну, написанную на камнѣ. Но такъ какъ эти послѣдніе также не могли прочесть неизвѣстныя письма и открыть таинственную волю Божію, то надѣясь истолкованіемъ наудачу получить себѣ свободу, обратились къ царю со слѣдующими словами: „Ты видишь въ облакѣ погибѣль страны; посему молчи и помышляй объ умилостивленіи Бога. Эти знаки касаются твоихъ народовъ и твоего царства“. Услышавъ столь неблагопріятный отвѣтъ, царь тотчасъ-же созвалъ своихъ вѣдомыхъ вѣдомыхъ и повелѣлъ имъ разбить камень въ куски; вскорѣ потомъ онъ уѣхалъ оттуда, помышляя человеческими мѣрами воспринять совершенію грозныхъ судебъ, предназначенныхъ небеснымъ усмотрѣніемъ ²⁾. (Гебель. „О нѣкоторыхъ случаяхъ паденія аэролитовъ“).

Еще весьма недавно, не далѣе 90—100 лѣтъ, многіе, да и физическая возможность паденія камней изъ атмосферы, и не смотри ни на историческія свидѣтельства, ни на описанія очевидцевъ, ни на официальные документы мѣстныхъ властей, относили все это въ область басенъ и удостовереній очевидно ложныхъ (Bertholon, Journ. des Sc. utiles), недостойныхъ вниманія не только ученыхъ, но даже здравомыслящихъ людей. Даже въ нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ тогда музеевъ Дрездена, Вѣны, Копенгагена, Вероны и другихъ, гдѣ хранились подлинныя метеориты, самые камни были уничтожены, выброшены изъ собранія какъ предметы способствующіе лишь укорененію народныхъ предрассудковъ. По справедливости эти распоряженія должны стоять рядомъ съ повелѣніями Чи-Хоангъ-Ги и Омара—сжечь всѣ книги!

Не такъ дѣло стоитъ теперь. Не только возможность и дѣйствительность паденія камней и желѣзныхъ массъ изъ небесныхъ пространствъ признаются (со времени работъ Хладни 1794 года и Біо 1803 г.) не подлежащими сомнѣнію, но и каждый камень, какъ посланникъ, какъ пришелецъ изъ небеснаго пространства, представляющій образецъ строенія не-земныхъ тѣлъ, изучается и хранится съ величайшимъ тщаніемъ; каждое сопутствующее приходу его явленіе свѣтовое, звуковое, какъ и путь проходимый камнемъ—ислѣдываютъ во всѣхъ мелочахъ (такъ какъ еще не знаемъ, что при этомъ существенно и постоенно, что случайно и мелочно), чтобы по этимъ ослабленнымъ явленіямъ вывести правильныя заключенія каковыя о мѣстѣ происхожденія самыхъ камней, такъ и объ условіяхъ ихъ образованія и о причинахъ вызвавшихъ появленіе ихъ въ сферѣ дѣятельности земныхъ силъ. Метеориты суть переселенцы—но откуда они? что это за тѣла? что побудило ихъ искать себѣ пріюта на землѣ? Эти камни, какъ транспорты, посылки или телеграммы изъ другихъ міровъ, изъ небесныхъ пространствъ, суть единственные осязаемые указатели того изъ чего построены другіе міры, или по крайней мѣрѣ части міровъ, другія твердыя небесныя тѣла—и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что люди достаточно образованные для того, чтобы цѣнить важность познанія законовъ мірозданія, ищутъ ключъ къ азбукѣ, которою начертаны эти законы, собираютъ возможно полныя свѣдѣнія о явленіяхъ сопровождающихъ паденіе этихъ міровыхъ осколковъ—и что самые эти осколки во всѣхъ странахъ цѣлаго образованнаго міра, хранятся въ мельчайшихъ частицахъ (въ 1, въ 0,1, въ 0,01 грамма) какъ величайшая драгоценность, а факты о явленіяхъ, сопутствующихъ паденію этихъ тѣлъ, собираются со всею тщательностію, чтобы изъ сопоставленій и свода ихъ умъ человеческій могъ вывести, современемъ, не гадательныя, какъ до сихъ поръ, но достовѣрныя, бесспорныя показанія.

Наука объ этихъ изъ воздуха падающихъ камняхъ—аэролитахъ, или правильнѣе метеоритахъ, т. е. камняхъ падающихъ всегда въ сопровожденіи метеоровъ, которую я предлагаю называть *Ме-*

¹⁾ Въ *Rerum Moscovit. auct. Varii. Francf. 1600. Ioannis Basil. Magni Moscov. Ducis Vita, conscr. a P. Oberbornio 1585.*

²⁾ Привожу эти строки нашего лѣтописца, невольно припоминающа слѣдующія строки изъ Хладни (Feuer-Met. p. 178): За 211 лѣтъ до Р. X. въ Китаѣ, въ окрестностяхъ *Тонкина*, въ послѣдній годъ правленія тирана цари Чи-Хоангъ-Ги, по повелѣнію котораго сожжены были всѣ книги, на землю упала *звезда, превратившаяся въ камень*. На камнѣ найдена была надпись, гласящая: Чи-Хоангъ-Ги вскорѣ умретъ и его царство послѣ того распадется на части (что и было въ самомъ дѣлѣ). Императоръ велѣлъ произвести строжайшія разслѣданія, и когда не могли найти виновника этого толкованія, повелѣлъ умертвить всѣхъ жителей той мѣстности и камень разбить (по сказанію другихъ исполнить—чего впрочемъ сдѣлать нельзя). Кажется, есть сказаніе, что и два лифляндскіе проповѣдника были казнены по повелѣнію Грознаго. Замѣчательное совпаденіе обстоятельствъ съ промежуточкомъ времени въ 1796 лѣтъ, съ пространственнымъ разстояніемъ десятка тысячъ верстъ!

теоритикою — не может, понятно, довольствоваться изучением своего материала только по той схемѣ, по какой изучают земные камни и минералы, хотя и такіа описанія признает необходимыми — но только какъ азбуку необходимую для разрѣшенія своихъ задачъ, изъ коихъ одна есть геологія небеснаго пространства.

Вѣрный программѣ своей дѣятельности, заявленной 25 лѣтъ тому назадъ ¹⁾ и въ виду малораспространенности даже основныхъ понятій о задачахъ метеоритики, я призналъ цѣлесообразнымъ помѣстить въ *Ниву*, какъ наиболее распространенномъ періодическомъ изданіи, описаніе паденія Оханскаго метеорита, дабы попутно съ этимъ описаніемъ ознакомить возможно большее число читателей какъ съ метеоритами вообще, такъ и съ современнымъ состояніемъ главнѣйшихъ вопросовъ метеоритики, насколько то уместно въ популярной статьѣ.

II.

И такъ, при паденіи метеоритовъ, особенное вниманіе обращаютъ на себя три главные момента явленія: появленіе и полетъ надъ землею огненного, свѣтящагося тѣла — *болида*, затѣмъ *взрывы* съ грохотомъ, подобнымъ грому, наконецъ *паденіе* твердаго горячаго камня — метеорита — а въ результатѣ болѣе или менѣе объемистый и вѣскій камень.

Прoslѣдимъ послѣдовательно эти три момента явленія.

Болиды всегда появляются на небѣ внезапно, представляются глазу весь вдругъ, не увеличивается во время полета, появляется и летитъ безъ всякаго шума, свиста и т. п. звука, слышнаго на землѣ, который привлекалъ бы вниманіе человѣка, — и потому моментъ его появленія замѣчается рѣдко, особенно въ ясный солнечный день, какимыъ былъ въ Перми и Оханскѣ день 18 авг. 1887 г. Поэтому здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, полетъ его былъ наблюдаемъ случайно, замѣченъ не многими — и потому тѣмъ драгоценнѣе показанія очевидцевъ, которые частію публиковали свои наблюденія (въ мѣстныхъ, *Перм. Вѣдомостяхъ*), частію сообщили мнѣ, по моей просьбѣ, въ письмахъ и рисункахъ свои наблюденія.

Случайный наблюдатель этого явленія, учитель духовной семинаріи Анд. Вен. Селивановъ, въ письмѣ къ члену Оханской земской управы Ив. Вас. Вологдину, обязательно пересланному мнѣ послѣднимъ въ копіи, пишетъ по личнымъ его наблюденіямъ слѣдующее:

„18 авг. около 1 часу пополудни я возвращался домой (въ зданіе семинаріи) изъ города (Перми). Погода была тихая, небо было покрыто мелкими перистыми облаками. Когда я подходилъ къ крыльцу дома, то невольно обратилъ вниманіе на вдругъ появившійся на южной сторонѣ или *впртѣ*, на *половинѣ южнаго небосклона между самой высшей точкой надъ семинарною (зенитомъ) и горизонтомъ южной стороны*, свѣтлый предметъ, наподобіе *падающей звезды* или раскаленнаго куска желѣза, который двинулся отъ востока на западъ, въ *горизонтальному, нѣсколько наклонномъ къ землѣ направлению*. *Величина свѣтящагося предмета не превосходила ракету*, такъ что я сперва и счелъ было этотъ предметъ за такую, но горизонтальное направленіе полета заставило въ этомъ усомниться и прити къ тому заключенію, что этотъ свѣтящійся предметъ не чтъ иное какъ аэролитъ, *величина котораго не превзошла кулакъ взрослога человека*. Полетъ аэролита совершался довольно быстро и виденъ былъ въ теченіе *2-хъ или 3-хъ секундъ*. Разстояніе, на которомъ можно было наблюдать полетъ аэролита, или то время пока онъ былъ виденъ на небосклонѣ, было не болѣе 100 саж. При полетѣ за главной массой, т. е. за самымъ аэролитомъ, оставалась свѣтящаяся полоса, которая очень скоро исчезла, чтъ я приписываю не искрамъ исходящимъ отъ аэролита, а свойству зрѣнія или нашего глаза, не успѣвающаго тотчасъ же моментально воспринимать полученныя впечатлѣнія, не отставая отъ быстро двигающагося свѣтящаго предмета. Кромѣ того путь своего полета аэролитъ обозначилъ длиною, узкою, въ $\frac{1}{4}$ аршина, полосой бѣловатаго свѣта, въ родѣ дыма, получаемаго когда сжигаешь фосфорную свичку. Эта длинная полоса оставалась видимою по небосклону довольно долго: минутъ 5 на всемъ видимомъ пути полета аэролита.

„Аэролитъ скрылся, насколько мнѣ удалось подмѣтить, въ болѣе низкомъ слобѣ облаковъ, чѣмъ тѣ, которые находились надъ городомъ, а кромѣ того не стало видно за дальностію разстоянія. Какъ только мною было замѣчено появленіе аэролита на небѣ, я тотчасъ же досталъ часы: на нихъ было безъ 15 минутъ часъ (нужно принять во вниманіе, что я не свѣрилъ своихъ часовъ, насколько они могли разнись съ истиннымъ временемъ). О полетѣ аэролита я тотчасъ, какъ замѣтилъ, сообщилъ находившимся со мной. Нѣкоторые изъ нихъ тутъ же наблюдали полетъ этого свѣтящагося предмета, а нѣкоторые если не могли или не успѣли видѣть самаго предмета, то по крайней мѣрѣ убѣдились по оставленной послѣ него бѣловатой полосѣ, показывающей путь и направленіе полета аэролита.

„Какого-нибудь шума или грома, сопровождающаго полетъ аэролита ²⁾ или послѣ его полета, я не слышалъ.

„Высоту, на которой совершенъ полетъ, опредѣлить не могу, такъ какъ разстояніе съ точки наблюденія и отъ свѣтящагося аэролита было довольно значительное; надъ землею же (вертикально), по моему мнѣнію, онъ находился не менѣе двухъ верстѣ.“

На послѣдовавшую по полученіи этого письма просьбу мою, Анд. Вен. Селивановъ выслалъ мнѣ рисунокъ, сдѣланный имъ по моей просьбѣ, который въ уменьшенномъ видѣ приведенъ здѣсь (фиг. 1). Мѣсто наблюденія, семинаріи, означена буквою *a*.

Кромѣ того, болиды были наблюдаемы въ Перми въ 12 час. 40 мин. застывающимъ Физическою Обсерваторіею О. П. Панаевымъ, который по просьбѣ моей прислалъ мнѣ приложенный здѣсь рисунокъ (фиг. 3; къ сожалѣнію не воспринятый красками) явленія какъ оно ему казалось. Явленіе было наблюдаемо также (см. карту, фиг. 2): по словамъ г. Селиванова, въ заводѣ Очерѣ, въ 30 верстахъ на западъ отъ Перми; г. Меньшикова, въ селѣ Частые, около 100 верстѣ на ю.-з. отъ Перми, въ с. Рождественскомъ (60 в. на ю.-ю.-в. отъ Перми); г. Блинова на западъ отъ Сарануля въ починкахъ Горѣломъ (250 в. на ю.-ю.-з. отъ Перми), гдѣ крестьяне видѣли „во Фролы“, около половины перваго часа, „какъ отполдичали“ полетъ его съ сѣверо-востока на западъ „на полночь“ — какъ пролетѣлъ „*мечистый*“; „искры, говорили крестьяне, — такъ и сыплются отъ него, летѣлъ высоко и скрылся за облакомъ.“ Обстоятельство это замѣчательно для крестьянъ потому въ особенности, что „*ночью-то его и раньше видывали*, а чтобы днемъ леталъ, — такъ еще не примѣчали“.

Сила *свѣта* была весьма значительна, такъ какъ не смотря на яркій свѣтъ полуденнаго солнца болиды были видены на огромной площади, длина которой не менѣе 250 верстѣ (отъ Сылвы на юго-западъ далѣе Сарануля), а ширина не менѣе 60 верстѣ. Какъ ни велика эта область видимости болида, но она не представляетъ ничего въ метеоритикѣ новаго, такъ какъ извѣстны примѣры гдѣ болиды бывали видны на 400—600 верстѣ въ окрестности, когда явленіе наблюдалось вечеромъ и ночью. Впрочемъ, должно отмѣтить, что болиды летѣлъ днемъ, свѣтъ его значительно былъ ослабленъ для глазъ солнечными лучами, и потому съ болѣе далекихъ разстояній не былъ виденъ, и это положеніе подтверждаю между прочимъ тѣмъ, что всѣ показанія о болидѣ получены только изъ мѣстъ лежащихъ на югъ отъ линіи Сылвы, Оханскъ, Сарануля; напротивъ, нѣтъ ни одного показанія до сихъ поръ, изъ мѣстностей лежащихъ сѣвернѣ этой линіи — и это конечно потому только, что глаза наблюдателей по этой линіи, чтобы видѣть явленіе, должны были бытѣ обращены въ сторону полета, смотрѣть противу солнца; они были, такъ сказать, ослѣплены болѣе яркими лучами послѣдняго.

Понятно, что не только видимость, но и цвѣтъ и величина болида кажутся различными, смотря по мѣсту наблюденія; однако всѣ наблюдатели видѣли въ болидѣ, какъ и изображено на рисункѣ (см. фиг. 3), обязательно нарисованномъ, по моей просьбѣ, и доставленномъ мнѣ гг. Панаевымъ и Селивановымъ: а) округленную передъ или голову *a* болида желтаго, или точнѣе соломенно-желтаго цвѣта, затѣмъ б) огненно-пылающую, сыплющую искры часть, въ нѣсколько кратъ болѣе широкую и длинную, тѣла болида — *b* — и наконецъ в) дымчатый хвостъ въ видѣ полосы, переходящей въ облачки и разсѣивающейся въ небѣ.

Къ сожалѣнію, о *величинѣ болида*, о длинѣ его хвоста нельзя ничего сказать опредѣленнаго, за отсутствіемъ измѣреній. Одному болиду казался величиною въ кулакъ (Селивановъ въ Перми), другому въ аршинъ (Меньшиковъ въ Рождественскѣ), третьему въ корчагу или чулгану.

Впрочемъ, не во все время полета болиды можетъ оставаться одной и той-же величины и цѣльнѣмъ; по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, болиды, отдѣливъ отъ себя части, раздвигался, удѣляя отъ себя части для Оханска, р. Камы, Таборъ и и др. Къ сожалѣнію, я не могъ получить рисунокъ момента раздѣленія болида и помѣщая здѣсь изображеніе подобнаго момента изъ исторіи „Паденія метеорита въ Венгріи у Книгиня“ (Унгарскій Комитатъ), бывшаго 9 іюня въ 1866 году около $4\frac{1}{2}$ часовъ пополудни (см. фиг. 4, 5, 6 и 7).

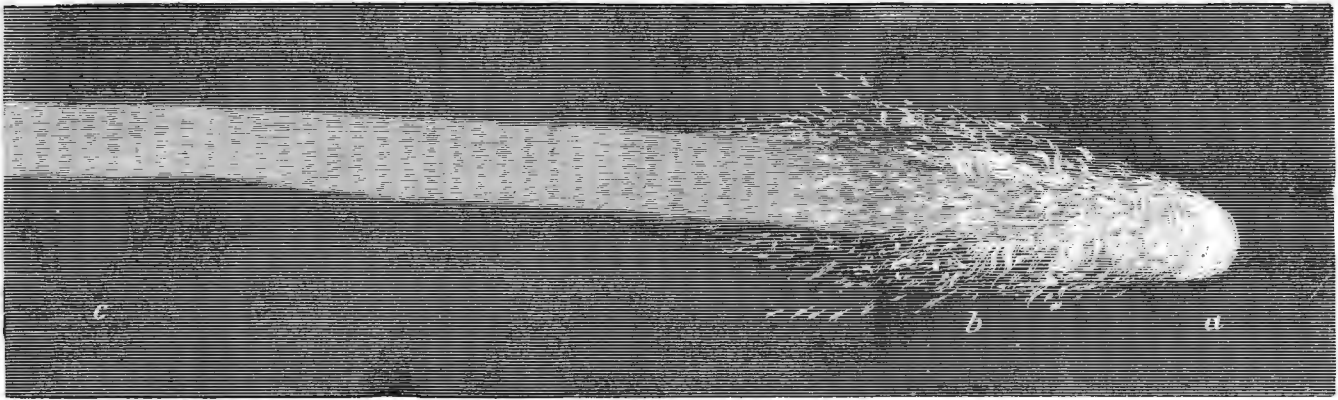
Продолжительность горнія и скорость полета болида. Изъ всѣхъ корреспонденцій должно заключить, что болиды летѣлъ на протяженіи видимомъ отъ Сылвы, черезъ Пермь, нѣсколько южнѣе ея, на Таборѣ, гдѣ въ разные моменты онъ былъ въ положеніи близкомъ къ зениту, но вообще нѣсколько южнѣе. До появленія надъ Сылою - Пермью или онъ не существовалъ, т. е. не былъ воспламененъ, а находился въ видѣ холоднаго камня, имѣющаго температуру небеснаго пространства, — или воспламененный до того, онъ находился на высотѣ, на которой не могъ быть видимъ, — или просто не былъ замѣченъ, пока свѣтъ его по отдаленію былъ слабѣе солнечнаго; во всякомъ случаѣ воспламененный онъ летѣлъ на долготѣ Сылвы - Перми пылающимъ и сыплющимъ искры — и только не долетѣвъ долготы Табора негасъ, и въ видѣ раскаленныхъ камней ушалъ во многихъ мѣстахъ Оханскаго уѣзда. За недостаткомъ точнаго, достовѣрнаго указанія времени появленія болида въ разныхъ мѣстностяхъ, нельзя непосредственно опредѣлить какъ долго онъ горѣлъ — во всякомъ случаѣ это могло быть нѣсколько

¹⁾ См. рѣчь мою на первомъ съѣздѣ натуралистовъ въ С.-Петербургѣ. „Труды Съѣзда“, т. I.

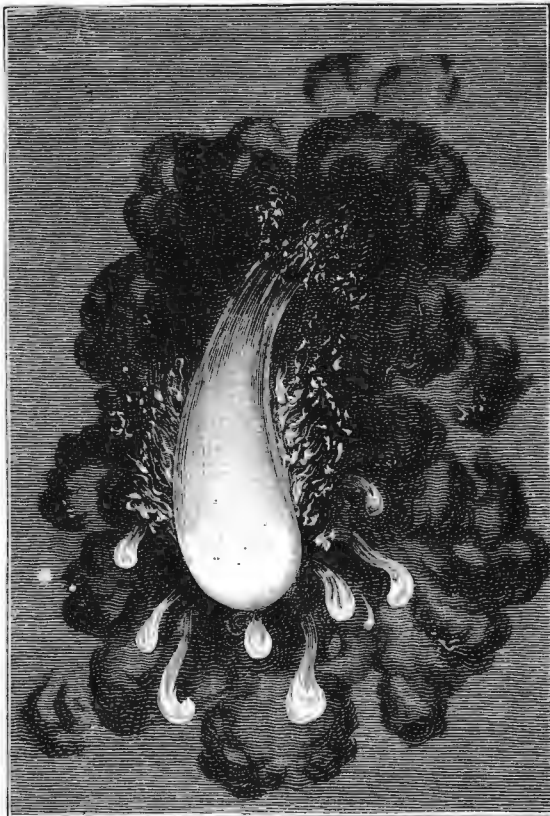
²⁾ Очевидно во всей этой корреспонденціи подъ словомъ *аэролитъ*, что собственно означаетъ камень, должно разумѣть *болиды*.

секундъ и не болѣе минуты. Чтобы найти какія-либо данныя, я черезъ посредство гг. Стерншевскаго и П. А. Вологодина обратился съ просьбою къ г. Панаеву: повторивъ мы-

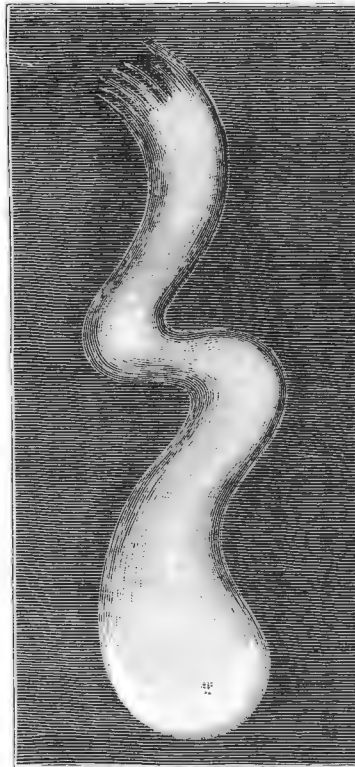
личины угла aob и времени употребленномъ болидомъ для прохожденія отъ a до b , я имѣлъ въ виду сдѣлать расчетъ иначе, чѣмъ то сдѣлалъ г. Панаевъ, въ поминутой статьѣ. А именно,

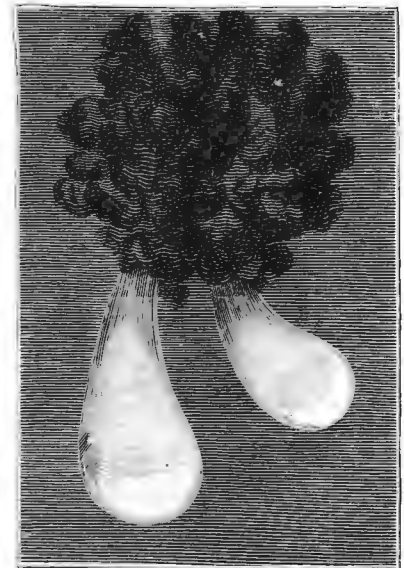
Паденіе камней съ неба. Фиг. 3. Полетъ болида, набл. въ Перми гг. Панаевымъ и Сперанскимъ. a —голова болида, b —тѣло, c —хвостъ.

Паденіе камней съ неба. Фиг. 4. Разные виды болида, набл. въ Венгріи у Княгини 9 іюня 1866 г. 1. Сплюснутый искры болида цѣльный.

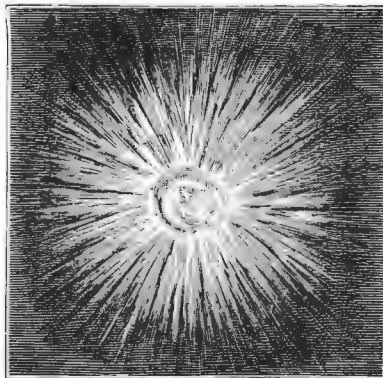

Фиг. 5. Спиральный хвостъ.

Фиг. 6. Раздваивающійся.

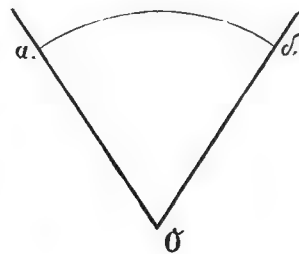
сленно наблюденіе при посредствѣ очевидца г. Сперанскаго, опредѣлить (см. фиг. 8) какой уголъ образуется линіями проведенными мысленно отъ глаза O (окно) до точекъ a появленія и b исчезновенія болида на небѣ, и кромѣ того сообщить мнѣ время въ теченіе котораго былъ болида виденъ на пути отъ a до b . Въ отвѣтъ на эту просьбу г. Панаевъ въ № 94 „Перм. Вѣд.“, помѣстивъ корреспонденцію, въ которой, отвѣчая на мой вопросъ, онъ между прочимъ опредѣлилъ уголъ $aob = 65^\circ$, а скорость полета болида въ 1 минуту 30 верстъ, слѣдовательно въ секунду $\frac{1}{2}$ версты, а разстояніе отъ O до дуги ab въ 4 версты. Обращаясь съ просьбою о сообщеніи мнѣ ве-

Фиг. 7. Видъ болида спереди, набл. въ Индіи.

дометровъ), весь же путь отъ Перми до Табора-Оханска—онъ пролетѣлъ въ полминуты. Какъ ни кажется большою эта скорость, почти въ 8 разъ превосходящая скорость звука, она въ дѣйствительности менѣе настоящей, потому что воспламененіе болида было безъ сомнѣнія выше перистыхъ облаковъ, судя по известнымъ даннымъ о полетѣ болидовъ при паденіи другихъ метеоритовъ, гдѣ скорость полета опредѣлена отъ 30 до 60 верстъ въ секунду—1,800—3,600 верстъ въ минуту, а также о скорости полета падающихъ звѣздъ (съ которыми метеориты имѣютъ безспорно связь), колеблющейся между 16—70 километрами въ секунду.

Воспламененіе. Принимая даже этотъ минимальный расчетъ скорости за истинную величину, мы все-таки видимъ откуда взялось тѣло болида и какъ онъ образовался. По расчету Бесселя тѣло имѣвшее первоначально скорость $5,732\frac{1}{2}$ тоаза, падаетъ на землю лишь со скоростью въ 61 разъ меньшею, единственно вслѣдствіе сопротивленія воздуха; прилагая этотъ

Фиг. 8.

расчетъ къ данному случаю, видно, что Оханскіе метеориты упавшіе на землю со скоростью $2\frac{1}{2}$ верстъ въ секунду, вступили въ область атмосферы со скоростью $152\frac{1}{2}$ верстъ въ секунду; припомнимъ, что земля движется со скоростью только 30 верстъ въ секунду, Меркурій около 50—мы очевидно должны признать, что болиды пришли къ намъ изъ далекихъ небесныхъ пространствъ и не есть ни продуктъ нашей атмосферы (каковыми нѣкоторые ученые считаютъ метеориты и до сихъ поръ), ни продуктъ луны, а тѣмъ менѣе земныхъ вулкановъ (каковыми считали ихъ нѣкоторые изъ древнихъ ученыхъ). Далѣе, говори о разединеніи метеоритовъ Оханскаго и Таборскаго, мы увидимъ, что надъ Пермью болиды летѣли по крайней мѣрѣ на высотѣ 50—60 верстъ, слѣдовательно въ секунду пролетали болѣе 11—13 верстъ, а въ минуту около 680—825 верстъ. Эта быстрота движенія имѣетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ чрезвычайно сильное сжатіе воздуха и стало быть возвышеніе температуры метеорита.

Изъ опытовъ Пикте извѣстно, что струя сжатого воздуха, направленная на шарикъ септиграда-термометра, подыма въ $\frac{1}{4}$ минуты ртути съ 15 на 33°; изъ наблюдений Лежанти извѣстно, что свинецъ ружейной пули достигаетъ своей цѣли почти въ расплавленномъ состояніи; иногда пули, пролетая сквозь тучи песковъ (въ Египтѣ), по его наблюденіямъ, сплюсчивается, или разбивается на части, имѣющія плавленый видъ; наконецъ каждому извѣстны пневматическія огнива, гдѣ трутъ (огниво Ноллета) воспламеняется единственно вслѣдствіе сжатія воздуха. Но стеновъ сжатія воздуха во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ ничтожна сравнительно съ тою, какую претерпѣваетъ воздухъ при полетѣ метеорита, который подобно поршню пневматическаго огнива движется можно сказать въ цилиндрѣ съ твердыми стѣнками, потому что газы слѣдующіе за тѣломъ метеорита производятъ давленіе несравненно меньшее и развиваются изъ болида уже послѣ произведеннаго давленія на ближайшія къ метеориту части воз-

С. А. Юрьевъ. † 26 Декабря 1888 г. Предсѣдатель Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ. Съ фотогр. грав. Пущъ.

духа, прикасающіяся снизу и съ боковъ. При этомъ развившаяся температура достигаетъ такой степени, какой мы на землѣ достигнуть не можемъ, ни при какихъ нашихъ приборахъ; она въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, и не далѣе минуты, двухъ, совершенно метаморфозируетъ поверхность метеорита — части этой поверхности воспламеняются, плавятся, сгораютъ, отдѣляютъ различные газы въ видѣ дыма, метеоритъ уменьшается въ объемѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе горѣніе; болѣе или менѣе мелкія, сильно окисленные, не сгорѣвшія части, отторгаются и въ видѣ искръ остаются позади раскаленнаго ядра; вмѣстѣ съ этими мелкими частицами, которыя иногда удается собрать въ видѣ метеоритной пыли, отторгаются и довольно примѣтная въ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, 1 и 2 грамма метеориты (см. далѣе—кора). Это отторженіе частей метеоритовъ будетъ совершенно ясно иллюстрировано при описаніи коры Таборскаго метеорита, представляющагося въ этомъ отношеніи классическимъ.

Взрывъ. Достигнувъ низкихъ, болѣе плотныхъ слоевъ атмосферы, метеоритъ пріобрѣтаетъ еще большую скорость полета, но съ шлакованною поверхностью, поэтому съ меньшею воспламеняемостію, *гаснетъ*, т. е. пламя силою сопротивленія воздуха отрывается отъ камня и производитъ тотъ звукъ, который предшествуетъ паденію метеорита, и который по характеру рѣзко отличается отъ звуковъ пушечной пальбы, громозыхъ ударовъ и т. п.

Причину этого своеобразнаго метеоритнаго звука до сихъ поръ объясняютъ различно: одни находятъ ее въ разрывѣхъ камня на части и называютъ самый звукъ *Explosion* (Knall, Schlag, Ausbruch), хотя, какъ справедливо замѣчаетъ Гейдигеръ, не при всякомъ паденіи метеоритъ разрывается въ воз-

духѣ; иные искали другую причину звуковъ и происхожденіе ихъ объясняютъ замѣщеніемъ воздухомъ пустоты, образуемой пролетомъ камня въ атмосферѣ. Но это объясненіе звука неудовлетворительно и не выдерживаетъ критики. Если бы звукъ происходилъ отъ замѣщенія воздухомъ образуемой его пролетомъ пустоты позади камня, то, вслѣдствіе непрерывности полета, должна бы быть непрерывность звука, т. е. слышенъ былъ бы непрерывный шумъ, грохотъ во все время полета болида и метеорита, что вовсе не соответствуетъ т. н. *Explosion*. Непрерывный шумъ или свистъ дѣйствительно слышится, но только тогда, когда летитъ уже погасшій метеоритъ, и этотъ шумъ справедливо сравнивается съ шумомъ при полетѣ пушечнаго ядра; напротивъ, полетъ болида не сопровождается звуками похожими на взрывы. Большинство наблюдений паденія метеоритовъ начинается именно съ момента взрыва, и тогда наблюдателю представляется уже не болиды, а только

раскаленный, иногда до краснаго каленія, камень — и оставшіяся дымчатый слѣды болида, какъ это и было наблюдаемо въ Таборахъ (Шебуевъ), гдѣ былъ виденъ огненный сночь соломеннаго цвѣта.

Правда, иногда наблюдались болиды летѣвшіе и послѣ взрыва, но это бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда падаетъ нѣсколько камней; понятно, въ этихъ случаяхъ нѣкоторые изъ болидовъ угасаютъ ранѣе, даютъ такъ-называемый взрывъ, тогда какъ другіе продолжаютъ летѣть воспламененные, въ видѣ болидовъ, и гаснутъ, хотя и въ весьма короткій промежутокъ, но послѣ первыхъ.

Взрывъ — *Explosion*, по моимъ понятіямъ, есть моментъ угасанія болида, — моментъ, когда пламя съ газообразными продуктами горѣнія, частью и съ мелкими горючими остатками камня отрываются отъ самаго горящаго камня и онъ гаснетъ; затѣмъ полетъ камня продолжается; высокая температура его, новое количество кислорода въ воздухѣ, въ который перешелъ камень, вновь воспламеняютъ его на короткое время, онъ

вновь гаснетъ, даетъ новый взрывъ и т. д.

Подобные взрывы, происходящіе отъ замѣщенія воздухомъ пустоты вокругъ горящаго тѣла, когда отъ него пламя моментально отрывается, каждый можетъ наблюдать, напримѣръ на фосфорной свичкѣ, керосиновой лампѣ, лампѣ Деви и т. п.

Сила этихъ взрывовъ отъ погасанія метеоритовъ чрезвычайно велика, если припомнимъ высокую температуру метеорита и скорость полета; она доказывается и тѣмъ, что хотя погасаніе происходитъ въ высокихъ слояхъ атмосферы, разрѣженный воздухъ которыхъ представляетъ невыгодныя условія для передачи звуковыхъ волнъ, — тѣмъ не менѣе, на землѣ ощущается такое движеніе воздуха, которое мѣстами производитъ сотрясеніе всѣхъ предметовъ и принимается даже за землетрясеніе; въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ отъ мѣста погасанія болида слышится такая трескотня, которая похожа не на перекаты грома, а скорее на рядъ орудіиныхъ выстрѣловъ, слѣдующихъ быстро одинъ за другимъ, то усиливаясь, то ослабѣвая. Всѣ эти особенности метеорическаго звука понятны, если принять предлагаемую мною причину ихъ происхожденія.

О *свойствахъ распространенія звука и сотрясеній* воздуха можно составить себѣ понятіе по корреспонденціямъ, которыя были помѣщены объ этомъ предметѣ въ *Пермскихъ Вѣдомостяхъ* (исправника Митяшева, г. Миронольскаго, Ив. Вологодина, Свигузова и др.); во всякомъ случаѣ ударъ былъ слышенъ на меньшемъ пространствѣ чѣмъ виденъ свѣтъ — верстъ на 100 въ окружности, но сотрясеніе воздуха было столь сильно, что въ Оханскѣ затряслись даже зданія (Миронольскій), въ земской управѣ полагали что провалилось что-то (Ив. Вологодинъ), въ с. Очерь (20 верстъ отъ Таборъ) зазвенѣли стекла въ ра-

махъ, а въ деревянныхъ непрочныхъ зданіяхъ было замѣтно колебаніе стѣвъ.

Въ заключеніе описанія болида остается сказать нѣсколько словъ о томъ слѣдѣ, который онъ оставляетъ за собою: это хвостъ — облакообразная вытянутая дугою, иногда змѣвидная или спиралью извитая полоса дыма, состоящая, какъ сказано уже, изъ продуктовъ горѣнія, которые по причинѣ легкости ихъ разсѣиваются постепенно, и долго держатся въ воздухѣ; изъ этого хвоста осаждаются иногда на землю пылевидный и черный осадокъ, иногда съ зернами въ 1 и болѣе миллиметровъ, какой былъ собранъ между прочимъ Норденшильдомъ и г. То-

ромъ. Подобные пылеобразные слѣды горѣнія иногда покрываютъ и всю поверхность упавшихъ на землю метеоритовъ, какъ это было замѣчено на метеоритахъ выпавшихъ въ Моёс и которыми очевидно былъ покрытъ и Таборскій метеоритъ, судя по той маркости нѣкоторыхъ частей его поверхности, которая, будучи въ углубленіяхъ послѣдней, не подвергалась тренію при переносахъ и были покрыты какъ бы сажею, довольно легко стирающеюся. Особенно заслуживаетъ вниманія спиральная форма хвоста, которая указываетъ на вращеніе метеорита во время полета; подтвержденіемъ этого вращенія служатъ неровности и струйки, которыми покрыта кора Таборскаго и Оханскаго метеорита.

Къ рисункамъ.

Пожаръ Рима при Неронѣ. (Рис. на стр. 68 и 69).

Картина эта, предназначенная для діорамы, принадлежитъ кисти двухъ живописцевъ мюнхенской школы: фигуры и зданія исполнены Германомъ Шнейдеромъ, извѣстнымъ воспроизводителемъ предметовъ античнаго міра, а трудная задача распределенія свѣта и тѣней при освѣщеніи заревомъ пожара и луною выполнена проф. Э. Берншгеромъ. При этомъ всѣ зданія вѣчнаго города возсозданы съ точностью археолога.

Изображенный здѣсь пожаръ Рима произошелъ въ 64 г. по Р. Х., при императорѣ Неронѣ, и описанъ Тацитомъ въ 15-ой книгѣ его римскихъ лѣтописей (гл. 38—40). „Затѣмъ послѣдовало печальное событіе“, пишетъ историкъ, „неизвѣстно—случайно-ли или по злобѣ правителя, такъ какъ историки сообщаютъ и то, и другое; тѣмъ не менѣе бѣдствіе и ужасъ его превзошли все, что когда-либо терпѣлъ этотъ городъ отъ огня. Пожаръ начался въ той части города, гдѣ расположенъ цѣркь, примыкающей къ Палатинскому и Целійскому холмамъ; огонь разомъ охватилъ лавки съ горючими матеріалами. Бушующее пламя пожара распространилось первоначально по равнинѣ, затѣмъ стало подниматься на высоты, и снова опустошало низменности, охватывая съ ужасающей быстротой все что встрѣчалось на пути, тѣмъ болѣе что городъ былъ беззащитенъ, благодаря узкимъ улицамъ и тѣсной скученности зданій стараго Рима. Никто не осмѣливался тушить пожаръ, такъ какъ то и дѣло слышались грозныя воспрещенія, между тѣмъ какъ другіе открыто поджигали зданія, громко крича, что они знаютъ кто имъ это повелѣлъ,—съ цѣлю ли безнаказанно грабить городъ или въ самомъ дѣлѣ по приказу. Неронъ, въ это время находившійся въ Антіумѣ, прибылъ въ Римъ тогда только, когда пожаръ приблизился уже къ его жилищу. Но уже поздно было остановить пожара и огонь пожралъ это жилище. Въ облегченіе бѣдствія оставшагося безъ крова населенія онъ отдалъ Марсово поле, дома Агриппы и даже собственные сады. Домашняя утварь была привезена изъ сосѣднихъ городовъ и цѣна хлѣба понижена до трехъ сестерцій. Эти благонамѣренныя распоряженія однако не достигли цѣли, такъ какъ распространился слухъ, что во время самаго пожара Неронъ вышелъ на свою домашнюю сцену и декламировалъ „Пожаръ Трои“, сравнивая настоящее бѣдствіе съ трагическими событіями древности. Живописцы и воспроизвели какъ разъ тотъ моментъ, когда Неронъ читаетъ стихи о пожарѣ Трои. Живописецъ переноситъ зрителя на эспланаду расположеннаго на Палатинскомъ холмѣ дворца Нерона съ открывающимся видомъ на Капитолій въ глубинѣ картины. Лежація между ними низменная часть города, охваченная пожаромъ, невидима, но зарево тѣмъ ярче освѣщаетъ зданія Капитолія, надъ которыми возвышается храмъ Юпитера Капитолійскаго. Дивный блюмораторный дворецъ Нерона также освѣщенъ заревомъ. Разлитый надъ нимъ яркій лунный свѣтъ, перемежающійся темными тѣнями, образуетъ чарующій контрастъ съ этимъ заревомъ. На террасѣ средняго плана, служившей домашнею сценою для „частныхъ представленій“ этого бредившаго искусствомъ и страстно предавашагося поэзіи императора, видна фигура самого Нерона, призрочно облитая луннымъ свѣтомъ, съ лирою въ рукахъ. Широкія ступени ведущія на сцену охраняются двумя воинами преторіанской стражи. Стражники съ правой стороны только-что закололъ молодого римлянина, который, будучи раздраженъ видомъ императора декламирующаго при народномъ бѣдствіи, пытался ворваться на террасу. Другой, у подножія группы Лаокоона, удерживаетъ нѣсколькихъ сенаторовъ. Передній изъ нихъ очевидно находитъ идею Нерона превосходною, между тѣмъ какъ двоимъ его товарищамъ слѣва зрѣлище кажется не особенно по вкусу, а задній, только-что вернувшійся съ пира, бросилъ на-земь свой вѣнокъ изъ розъ, прикрывавшій лысый черепъ, и не можетъ скрыть своего горестнаго негодованія.

Древній головной уборъ старо-русскихъ горожанокъ. (Рис. на стр. 73).

Быстрое распространеніе желѣзныхъ дорогъ и той формы мнимаго просвѣщенія, которую они разносятъ во всѣ концы свѣта, всюду дѣйствуютъ самымъ печальнымъ образомъ на остатки стариннаго быта, одежды и обычаевъ. Старина исчезаетъ у насъ вездѣ, оставляя по себѣ только жалкіе остат-

ки, только слѣды того, что было когда-то. Такъ напр., въ настоящее время въ Новгородской губерніи, уже только въ двухъ мѣстахъ уцѣлѣли остатки древняго новгородскаго костюма: въ Бѣлозерскѣ да въ Старой Руссѣ. Остатки эти представляются намъ въ видѣ того кружевнаго или жемчужнаго женскаго убора, который читатели *Нивы* видятъ на прилагаемомъ рисункѣ. Эти повязки надѣваются старорусскими горожанками во время весеннихъ и лѣтнихъ праздниковъ, при старинныхъ штофовыхъ сарафанахъ. Любопытно, что при такомъ нарядѣ, женщины и дѣвушки считаютъ долгомъ непремѣнно бѣлиться и румяниться. Нѣкоторыя изъ этихъ повязокъ состоятъ изъ весьма цѣннаго жемчуга и стоютъ не менѣе 150, даже 200 р. сер. Повязки эти, точно также какъ и штофовые сарафаны, передаются какъ свитыня, отъ бабушекъ внучкамъ въ приданое.

Сладкій виноградъ. (Рис. на стр. 76).

Помѣстивъ на стр. 12 перваго № гравюру съ картиной проф. Виллевалде „Служба — дружба“, мы печатаемъ въ настоящемъ № копию съ другой его картины „Сладкій виноградъ“, относящейся по своему содержанію къ тому же славному времени похода русскихъ во Францію, послѣ изгнанія Наполеона изъ предѣловъ Россіи, — когда Александръ Благословенный несть

...врагу не гибель, но спасенье

И благотворный миръ землѣ!

Пезатѣливая по содержанію картинка передаетъ очень живо и художественно тѣ дружельюбныя отношенія, какія проявлялись у русскихъ солдатъ и французовъ послѣ долгаго военнаго времени. Милостивая французенка со своими ребятишками угощаетъ черезъ заборъ трехъ солдатъ виноградомъ.

Смотрини англійской принцессы, предназначенной въ невѣсты Іоанну Грозному. (Рис. на стр. 77).

Въ 1581 г. Іоаннъ Васильевичъ Грозный, уже женатый на седьмой женѣ (изъ рода Пагихъ), прослышалъ отъ медика-англичанина, Роберта Якоби, о томъ, что у его союзницы, могущественной королевы англійской Елисаветы, есть племянница-невѣста, дѣвушка замѣчательной красоты и большихъ достоинствъ. Въ пылкомъ воображеніи Іоанна тотчасъ явилось пламенное желаніе—поблизе разузнать объ этой заморской царевнѣ и, если возможно, вступить въ брачный союзъ съ нею. Ни на одну минуту онъ не задумался о томъ, что для вступленія въ новый бракъ, ему придется расторгнуть свой бракъ съ Маріей Нагою, которая въ это время уже ожидала разрѣшенія отъ бремени, и вскорѣ дѣйствительно родила царю сына, Дмитрія, столь несчастнаго впоследствии. 11 августа 1582 г., избранный государемъ посоль, думный дворянинъ Писемскій, отплылъ изъ Холмогоръ, и вышелъ на берегъ Англій 16 сентября того же года. Посоль прѣхалъ не во время: въ Лондонѣ свирѣпствовалъ страшный моръ и весь дворъ англійскій жилъ уединенно въ Виндзорѣ. Посоль долго не могъ добиться торжественной аудіенціи у королевы и сердился на то, что его окружаютъ любезностями, перевозятъ съ мѣста на мѣсто, и не допускаютъ до настоящаго дѣла. Наконецъ, 4 ноября, Писемскій, вмѣстѣ со своимъ дьякомъ Неудачею и толмачемъ Бекманомъ, былъ удостоенъ торжественнаго и весьма любезнаго приѣма у Елисаветы. За приѣмомъ послѣдовали опять угощенія и забавы, но русскій посоль отказывался наотрѣвъ и отъ увеселительныхъ прогулокъ, и отъ охоты: „Мы здѣсь за дѣломъ, а не за игрушками; мы послы—а не стрѣлки“, рѣзко высказывалъ Писемскій. Наконецъ начались переговоры о дѣлахъ (18 декабря, въ селѣ Гриничѣ). За переговорами послѣдовало совѣщаніе о сватовствѣ, на которомъ Писемскій требовалъ уже не торжественнаго приѣма, а тайной аудіенціи у королевы. 18 января Писемскій добился этой аудіенціи и услышалъ отъ Елисаветы, что намѣченная Іоанномъ невѣста, Марія Гастингсъ (племянница королевы) „едва-ли понравится Іоанну, извѣстному любителю красоты“. Посоль настаивалъ на томъ, что долженъ собственными глазами убѣдиться въ этомъ, и требовалъ, чтобы ему показали невѣсту. Елисавета отвѣчала, что Марія Гастингсъ только что оправилась отъ тяжелой болѣзни (отъ оспы), и просила повременить.

Только уже 18 мая 1583 г., Писемскаго пригласили въ садъ къ канцлеру королевы Томасу Брамаю и показали ему Ма-

рю Гастингсъ, которая явилась передъ нимъ въ красивой садовой бесѣдкѣ, окруженная придворными дамами и сопровождаемая своимъ братомъ, графомъ Гастингдонскимъ. Канцлеръ Брамлей наклонился къ послу и сказалъ: „вотъ она! глди, разсматривай на досугъ.“ Невѣста поклонилась послу и осталась передъ нимъ неподвижно. Писемскій вполне воспользовался своимъ правомъ: онъ долго и пристально вглядывался въ избранную для царя невѣсту и разсматривалъ ее весьма безцеремонно. Потомъ сказалъ: „довольно!“ и пошелъ гулять по саду съ канцлеромъ, при чемъ еще нѣсколько разъ встрѣтился съ Маріей Гастингсъ и не упустилъ случая оглядѣть ее съ головы до ногъ. Надо предположить, что англійскій принцесса, дѣвица уже не первой молодости (Марія Гастингсъ было въ ту пору 30 лѣтъ), не произвела на Писемскаго особенно пріятнаго впечатлѣнія. По крайшей мѣрѣ, въ своемъ донесеніи царю, Писемскій написалъ о ней только: „Марія Гастингсъ ростомъ высока, тонка, стройна, лицомъ бѣла: — глаза у ней сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ долги“. И только! Явно, что стройная, высокая англичанка пришлась не по вкусу русскому послу, потому что не удовлетворила современному понятію русскихъ людей о красотѣ, которая, на ихъ взглядъ, должна была главнымъ образомъ заключаться въ дородствѣ.

Вышеизложенный нами историческій эпизодъ и послужилъ художнику сюжетомъ для картины, помѣщенной въ настоящемъ № „Нивы“.

Бухарская пѣхота. (Рис. па стр. 80).

Бухарскія войска не представляютъ ничего особеннаго въ военномъ отношеніи, а потому можно ограничиться бѣлыми замѣтками. Въ столицѣ ханства, Бухарѣ, при эмирѣ находится 2 тысячи сарбазовъ (т. е. солдатъ) и 8 орудій; по своей организаціи они составляютъ два баталіона и одну батарею; всего-же въ ханствѣ около 15 тысячъ пѣхоты, 3 тысячи кавалеріи и 60 орудій. Наружный видъ этихъ войскъ далеко не боевой и даже не регулярный. Сарбазы, одѣтые въ красныя куртки, бѣлыя брюки, персидскія шапки изъ черной мерлушки и сапоги съ довольно короткими голенищами, стоятъ во фронтъ безъ ружья и безъ всякой выправки. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ гладкоствольныхъ ударныхъ и кремневыхъ ружей, между которыми попадаются зачастую экземпляры безъ замковъ. У артиллеристовъ-же — черныя куртки. Командныя слова произносятся по-русски.

Въ мирное время всякій пѣхотный и артиллерійскій сарбазъ получаетъ отъ правительства содержаніе въ мѣсяцъ 20 копановъ, т. е. 4 руб., а въ военное — 35 копановъ или 7 руб. Кавалеристы-же (хасабадиры) взамятъ денежнаго содержанія получаютъ шеницу въ натурѣ, полагаютъ около 8 батласовъ въ годъ на cadaго.

Вещевое довольствіе сарбазовъ, отпускаемое отъ казны, ограничивается только одною мундирною парой въ годъ, но и эта одежда выдается имъ на руки лишь во время исполненія служебныхъ обязанностей; обыкновенно-же они носятъ свою собственную одежду и обувь, не стѣсняясь при этомъ опредѣленною формою, только для отличія ихъ отъ прочихъ туземцевъ они обязаны носить форменную персидскую шапку.

Боевая подготовка бухарскихъ войскъ весьма неудовлетворительна, ученія производятся имъ весьма рѣдко и заключаются въ ружейныхъ пріемахъ и церемониальномъ маршѣ, которому они никогда порядкомъ не выучиваются.

Стрѣльковое-же дѣло окончательно въ застоѣ и практическая стрѣльба даже совсѣмъ не производится. Апатія народа замѣтно отражается и на войскахъ, нравственный духъ которыхъ въ полномъ упадкѣ и дисциплина поддерживается одною только строгостью.

П. С. Васильевъ.

С. А. Юрьевъ. (Портр. на стр. 85).

На второй день праздниковъ Рождества Христова скончался въ Москвѣ одинъ изъ почтенныхъ литературныхъ дѣятелей, Сергій Андреевичъ Юрьевъ, бывшій редакторъ журнала *Русская Мысль* и председатель Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ. Юрьевъ пользовался большою популярностью въ Москвѣ и былъ извѣстенъ не столько своею литературною дѣятельностью, сколько огромнымъ вліяніемъ на окружающую среду. Человѣкъ сороковыхъ годовъ, съ серьезнымъ, весьма солиднымъ образованіемъ, высокопросвѣщенный, правдивый, замѣчательно честный, онъ являлся живымъ звеномъ, связывавшимъ лучшую часть московскаго общества съ идеями сороковыхъ годовъ. Онъ стоялъ совершенно особнякомъ и въ литературѣ и въ жизни, горячо любилъ свою родину, вѣрилъ въ ея будущее, но и въ старо-русской жизни видѣлъ не мало прекрасныхъ сторонъ; онъ живо сочувствовалъ славянству, хотя и не считалъ себя славянофиломъ, равно не причислялъ себя и къ либеральной партіи, что не мѣшало ему тѣло относиться къ реформамъ прошлаго царствованія. Словомъ, онъ не былъ представителемъ какого-либо цѣльнаго направленія, но всѣ его уважали, цѣнили и любили; онъ являлся какъ бы посредникомъ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ. Юрьевъ вообще былъ личностью типической, весьма оригиналь-

ною, и Писемскій говорилъ про него, что онъ опоздалъ родиться, что ему слѣдовало жить еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Большой знатокъ сценическаго искусства, страстно любившій театръ, Юрьевъ перевелъ нѣсколько классическихъ произведеній испанской драматической литературы, былъ друженъ съ Мочаловымъ, близко знакомъ съ Щепкинымъ, Шумскимъ, Полтавцевымъ и прочими корифеями московской сцены, въ незабвенную эпоху процвѣтанія этой сцены, и написалъ большую статью „Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ“, въ которой выразилось его глубокое пониманіе высшихъ вопросовъ эстетики, его знаніе философскихъ наукъ, его богатая эрудиція. Въ сферѣ журнальной дѣятельности Юрьевъ извѣстенъ также какъ основатель двухъ литературныхъ органовъ *Бесѣда* и *Русская Мысль*, изъ которыхъ въ первомъ журналѣ онъ помѣстилъ нѣсколько статей, посвященныхъ его оригинальнымъ воззрѣніямъ на вопросы славянскій и русскій педагогическій.

Сергій Андреевичъ Юрьевъ, сынъ помѣщика, родился 13 мая 1821 года въ селѣ Воскресенскомъ, Калужскаго уѣзда, Тверской губерніи, первоначальное воспитаніе получилъ въ Дворянскомъ Институтѣ въ Москвѣ и высшее въ Московскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1845 году по математическому факультету. Хотя послѣ этого онъ и служилъ, около двухъ лѣтъ, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при тверскомъ губернаторѣ Бакунинѣ, но продолжалъ свои занятія математическими науками, главнымъ образомъ небесною механикою. Въ 1854 году онъ получилъ мѣсто астронома-наблюдателя въ обсерваторіи при Московскомъ университетѣ, но скоро принужденъ былъ оставить эту должность вслѣдствіе серьезной болѣзни глазъ, отъ которой лѣчился за границей. Здѣсь онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, слушалъ лекціи парижскихъ и германскихъ свѣтилъ математической науки и работалъ по вопросу объ устойчивости солнечной системы. Предварительныя работы его, заключающіяся въ рѣшеніи нѣсколькихъ вопросовъ объ интегрированіи линейныхъ уравненій съ переменными коэффициентами, были помѣщены въ журналѣ Математическаго Общества (при Московскомъ университетѣ), котораго онъ былъ членомъ-учредителемъ. Постановка самаго вопроса, путь къ его рѣшенію и основныя уравненія были имъ изложены въ парижскомъ *Cercle scientifique* и получили одобреніе членовъ парижскаго института Лаврера, Фе и Лаше. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя обстоятельства принудили Юрьева прервать свою работу и вообще исключительныя занятія математическими науками. Послѣ этого онъ весь отдался изученію философіи, исторіи литературы и вопросовъ эстетики, преимущественно въ сферѣ драмы и сценическаго искусства, интересовавшихся его еще въ самые юные годы. Его сильно занимала мысль о народномъ театрѣ — и Юрьевъ устроилъ нѣчто подобное въ своемъ помѣстьѣ. На этой деревенской сценѣ нѣсколько лѣтъ сряду давались представленія, при чемъ шли многія пьесы Островскаго и Писемскаго, а дѣйствующими лицами являлись крестьяне и самъ устроитель народнаго театра. Объ этихъ представленіяхъ упоминается, между прочимъ, и въ изслѣдованіи Александра Веселовскаго „Старинный театръ въ Европѣ“. Кроме того, Юрьевъ написалъ проектъ школы сценическаго искусства, въ которомъ пытался въ сжатой формѣ выиспать сущность и начала этого искусства.

Въ 1871 — 72 годахъ С. А. Юрьевъ издавалъ и дѣятельно редактировалъ ежемѣсячный журналъ *Бесѣда*, въ которой участвовали многія литературныя силы, выдающіеся ученые, земскіе и общественные дѣятели. По прекращеніи *Бесѣды*, онъ усердно занялся исторіею драмы и перевелъ съ нѣмецкаго трагедію Кальдерона: „За тайное оскорбленіе — тайное мщеніе“, его же комедію „Самъ у себя подъ стражей“. Затѣмъ, основательно изучивъ испанскій языкъ, онъ перевелъ нѣсколько драматическихъ произведеній Лопе-де-Веги; „Наказаніе — не мщеніе“, „Овечій источникъ“, „Звѣзда Севильи“, „Земледѣлецъ въ своемъ углу“ и передѣлалъ для сцены драму Кальдерона „Соломейскій судья“. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ шли на сценѣ московскаго Малаго театра и были напечатаны. Кроме того, имъ переведены съ англійскаго трагедіи Шекспира „Король Лиръ“, „Макбетъ“ и „Антоній и Клеопатра“ и изданъ 1-й томъ переводовъ драматическихъ произведеній испанскихъ писателей „цвѣтущаго періода испанскаго театра“ съ прибавленіемъ обстоятельной статьи о значеніи и характерѣ твореній Лопе-де-Веги. Въ 1878 году Юрьевъ былъ избранъ въ члены Общества Любителей Россійской Словесности, въ которомъ состоялъ председателемъ вплоть до 1885 года и произносилъ много интересныхъ рѣчей, независимо отъ чтенія своихъ произведеній. Въ это же время онъ, года два, читалъ публичныя лекціи по исторіи драмы съ древнѣйшихъ временъ, а затѣмъ лекціи по нѣмецкой литературѣ XVIII и начала XIX столѣтій. Страстный поклонникъ Пушкина, Юрьевъ былъ дѣятельнымъ участникомъ извѣстнаго литературнаго торжества по случаю открытія памятника великому поэту въ 1880 году въ Москвѣ, и это торжество своимъ огромнымъ успѣхомъ много обязано заботливости и усерднымъ хлопотамъ Юрьева. Въ этомъ самомъ году имъ основанъ и журналъ *Русская Мысль*, который онъ редактировалъ безъ малаго шесть лѣтъ. Неумолимый, вѣчно дѣятельный, живой, онъ, помимо всѣхъ этихъ занятій, удѣлялъ время и педагогикѣ: еще

въ 1826 году Юрьевъ открылъ въ своемъ родномъ селѣ крестьянскую школу и содержалъ ее до учрежденія школъ земскихъ, потомъ онъ года два преподавалъ математику въ кандидатскихъ классахъ Николаевского Сиротскаго Института, по

приглашенію профессора Армфельда, желавшаго правильно поставить преподаваніе математики въ этомъ заведеніи. Юрьевъ умеръ 67-ми лѣтъ, но этотъ почтенный возрастъ имъ мало не старилъ его всегда юнаго и чистаго сердца. П. Быновъ.

Политическое обозрѣніе.

На другой день новаго года въ Бѣлой залѣ королевскаго дворца въ Берлинѣ состоялось открытіе Прусскаго сейма. На церемоніи присутствовали министры, придворные сановники, генералитетъ и члены дипломатическаго корпуса. Императоръ прочиталъ тронную рѣчь, которая была встрѣчена неоднократно возобновлявшимися выраженіями одобренія. Въ ней, между прочимъ, императоръ Вильгельмъ заявилъ, что Германская имперія остается въ дружественныхъ отношеніяхъ ко всемъ иностраннымъ государствамъ. „Изъ посѣщенія государственныхъ государей—сказалъ императоръ—я вынесъ убѣжденіе, что мы можемъ съ довѣріемъ отдаться надеждѣ на дальнѣйшее сохраненіе мира“. Это было первое торжественное выраженіе тѣхъ впечатлѣній, которыя преемникъ Фридриха III вынесъ изъ своихъ путешествій,—впечатлѣній о миролюбивомъ настроеніи державъ.

На открытіи Прусскаго сейма князь Бисмаркъ не присутствовалъ, хотя наканунѣ онъ вернулся въ Берлинъ. Это отсутствіе толковалось нѣкоторыми какъ подтвержденіе ходившихъ въ послѣднее время слуховъ объ удаленіи желѣзнаго канцлера отъ дѣлъ. Но другіе, ссылаясь на недавній рескриптъ императора Вильгельма князю Бисмарку, отрицали возможность подобнаго рѣшенія со стороны послѣдняго, вѣрили, что при первой необходимости канцлеръ найдетъ въ себѣ прежнюю энергію и волю, чтобы править государственными германскими дѣлами,—и они не ошиблись. На другой-же день послѣ открытія сейма князь Бисмаркъ принялъ живое участіе въ засѣданіи имперскаго парламента, обсуждавшаго бюджетъ иностранныхъ дѣлъ. Всѣ статьи, касающіяся содержанія должностныхъ лицъ въ Западной Африкѣ, равно какъ вся роспись обыкновенныхъ расходовъ были вотированы рейхстагомъ. Имперскій канцлеръ, не касаясь колониальнаго вопроса и предположивъ сдѣлать это послѣ того, какъ будетъ внесенъ въ рейхстагъ законопроектъ о колониальной политикѣ, неоднократно принималъ участіе въ преніяхъ. Онъ говорилъ 8 разъ и особенно сильными были его возраженія Рихтеру и Бамбергеру; причѣмъ онъ упрекалъ оппозицію въ отсутствіи патриотизма. Между прочимъ, возражая Рихтеру, Бисмаркъ сказалъ, что существующую уже нѣсколько тысячелѣтій торговлю невольниками нельзя уничтожить разомъ и что упраздненіе безъ дальнихъ околичностей невольническаго труда представляется невозможнымъ. „Этого—присовокунили канцлеръ—и г. Рихтеръ не можетъ не имѣть въ виду, хотя его печатъ и покровительствуетъ всему, что можетъ причинить затрудненія и осложненія отечеству“.

Въ настоящее время живаго участія князя Бисмарка въ государственныхъ дѣлахъ имперіи, весьма интересны и назидательны полученныя изъ Берлина извѣстія о нашей государственной росписи. Въ финансовыхъ кругахъ германской столицы русской бюджетъ произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Не касаясь уже того, что голыя цифры говорить сами за себя—сообщается въ специальной депешѣ—совершающійся за послѣдніе два года переворотъ въ русскихъ финансахъ безспорно доказывается всенеподданнѣйшимъ докладомъ. Переворотъ обуславливается подъемомъ всѣхъ отраслей экономической жизни Россіи, что служитъ гарантіею его продолжительности. В. Т. представляетъ на видъ аккуратность, съ которою составленъ бюджетъ. *Boersencourier* указываетъ на отраднѣйшій фактъ, что на этотъ разъ нѣтъ увеличенія расходовъ на армію исключая ассигнованій на пищевое довольствіе и обмундированіе войскъ. Въ официальной газетѣ *Deutsche Tageblatt* напечатана на видномъ мѣстѣ замѣчательная статья компетент-

паго писателя, въ которой приводятся очевидные симптомы возрастающаго благосостоянія и особенно указывается на то, что даже особые расходы для продуктивныхъ цѣлей покрываются безъ ассигнованія чрезвычайныхъ средствъ. По общему убѣжденію, русской бюджетъ является новымъ доказательствомъ миролюбивой тенденціи русской политики. *Vossische Zeitung* признаетъ центромъ тяжести финансоваго положенія Россіи искренно миролюбивую политику Русскаго правительства и указываетъ на чрезвычайно благоприятный характеръ торговаго баланса Россіи, а также на другіе признаки возрастающаго оживленія ея экономическихъ условий, какъ, напримѣръ, обильное поступленіе налоговъ и достигнутый Россіею перевѣсъ надъ Соединенными Штатами въ снабженіи Европы хлѣбомъ. *Frankfurter Z.* и многія другія провинціальныя газеты вообщѣ одобряютъ колоссальный переворотъ въ финансовыхъ условіяхъ Россіи. Въ берлинскихъ финансовыхъ кружкахъ произвела превосходнѣйшее впечатлѣніе надежность послѣднихъ смѣтныхъ исчисленій русской государственной росписи: надежность эта прямо ставится въ заслугу нынѣшнему министру финансовъ. Общее впечатлѣніе сводится къ тому, что роспись эта является лучшимъ опроверженіемъ нападокъ на русскіе финансы. Всѣ ожидаютъ, что повышение русской валюты будетъ продолжаться, не смотря на понижательную спекуляцію и усилія части печати, направленной къ ея пониженію.

Вѣнскія газеты находятъ, что пріемъ, оказанный биржами русской государственной росписи, означаетъ блестящій успѣхъ финансовыхъ результатовъ 1888 года въ Россіи, въ особенности, если припомнить о займѣ, чрезвычайно удачно совершенномъ безъ участія нѣмецкихъ биржъ. При этомъ газеты настаиваютъ на томъ, что къ росписи на 1889 годъ слѣдуетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, чему должно способствовать мирное настроеніе русскаго правительства.

Совсѣмъ не мирнымъ характеромъ отличаются событія послѣдняго времени во Франціи. Избирательный поединокъ генерала Буланже и водочнаго заводчика Жака въ полномъ разгарѣ. Противники стараются поразить одинъ другаго манифестами и избирательными заявленіями. „Пересмотръ конституціи.—Распушеніе палаты.—Учредительное собраніе“ восклицаетъ бравый генералъ въ своемъ воззваніи. Въ отвѣтъ на это Жакъ говоритъ въ громаднѣйшихъ афишахъ, распространяемыхъ по всему Парижу: „Не будетъ диктатуры.—Не будетъ Седана.—Да здравствуетъ республика!“ Возражая на заявленіе Жака съ девизомъ: „Не надо Седана!“, генералъ Буланже въ новомъ своемъ манифестѣ къ парижскимъ избирателямъ говоритъ: „Возгласъ этотъ является воззваніемъ къ трусости. Франціи нѣтъ болѣе повода опасаться Седана. Она искренно желаетъ мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно могущественна, чтобы постоять за себя. Она сумѣетъ отвѣтить на вызовы и дать отпоръ, если на нее будетъ произведено нападеніе“. Буланже въ заключеніе присовокупляетъ: именно для избѣжанія новаго Седана мы и хотимъ посвятить на усиленіе государственной обороны и развитіе благосостоянія страны сокровища, которыя теперь расхищаются. Въ свою очередь Жакъ обнародовалъ еще два воззванія, возражающія на второй избирательный манифестъ Буланже. Въ этихъ воззваніяхъ Жакъ представляетъ на видъ, что избраніе мятежнаго солдата приведетъ къ упадку дисциплины въ арміи, народному разоренію и предавію отечества врагу. Который изъ двухъ лицъ придется по вкусу парижанамъ, покажутъ выборы 15 января.

СМѢСЬ.

Высочайшая благодарность. Издатель журнала *Нива*, А. Ф. Марксъ, 21 минувшаго декабря, имѣлъ счастье поднести, чрезъ Министерство Императорскаго Двора, Ихъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ и Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу три экземпляра изданной имъ книги: „Фаустъ“, Гёте, въ переводѣ А. А. Фета, съ гравюрами по рисункамъ Энгельберта Зейберта.

За это поднесеніе Высочайше повелѣно: объявить г. Марксу благодарность.

Два эпизода изъ жизни императора Николая I. Извѣстно, что долгъ службы и совѣсти обязываетъ каждаго техника протестовать противъ даннаго ему приказанія въ томъ случаѣ, когда исполненіе его влечетъ за собою опасность. Рассказываютъ о нѣсколькихъ случаяхъ такой разумной твердости, выказанной спеціалистами въ присутствіи императора Николая. Императоръ отличался отъ своихъ предшественниковъ требовательностію относительно исполненія своихъ приказаній; но всѣ его приказанія оставались въ границахъ возможнаго. Онъ самъ ихъ такъ и формули-

ровалъ. Въ одномъ изъ упомянутыхъ случаевъ онъ отдалъ должное адмиралу, который, не смотря на его приказаніе, не допустилъ чтобы государь былъ отвезенъ на катерѣ на берегъ, во время сильной бури и беспокоившей его качки. Другой случай произошелъ въ 1851 году, на Николаевской желѣзной дорогѣ. Въ то время скорость движенія поѣздовъ не превышала 25 верстъ въ часъ. Министръ путей сообщенія Клейнмихель первый пробѣжалъ по названной линіи со скоростью 50-ти верстъ въ часъ, о чемъ онъ и доложилъ государю. При слѣдующей заѣздѣ поѣздъ на желѣзной дорогѣ, государь приказалъ везти себя также со скоростью 50 верстъ. Министръ сдѣлалъ соответственное распоряженіе, но поѣздъ не пошелъ скорѣе. Государь выразилъ неудовольствіе и повторилъ свое приказаніе; поѣздъ продолжалъ идти съ тою-же скоростью. Оказалось, что простой машинистъ отказался исполнить приказаніе своего начальства и своего государя. На одной изъ станцій государь потребовалъ машиниста къ себѣ и спросилъ, что побудило его ослушаться даннаго ему приказанія.

— Ваше величество, отвѣчалъ машинистъ,—съ такою скоростью ѣхать нельзя.

— Однако же ты везь Клейнмихеля съ этою скоростью.
 — Да, ваше величество, но это представляло большую опасность. Дѣло въ томъ, что въ Россіи много Клейнмихелей и только одинъ императоръ.

Государь поблагодарилъ машиниста. (с).
Мертвыя эпидеміи. Кому изъ насъ не случилось осенью наблюдать мертвыхъ мухъ на оконныхъ стеклахъ? Вокругъ крѣпко прилипшаго къ стеклу насѣкомаго мы видимъ туманный кругъ, на счетъ котораго мнѣ приходилось слышать отъ разныхъ лицъ самая удивительная объясненія. По мнѣнію однихъ, это служитъ доказательствомъ, что муха издохла отъ холеры; другіе полагаютъ, что туманное пятно есть не что иное, какъ „отвердѣвшее дыханіе мухи“. Само собою разумѣется, что подобныя объясненія давались не учеными. Мертвая муха на оконномъ стеклѣ есть маленький, но интересней предметъ изученія и въ послѣднее время изслѣдователи обратили на нее должное вниманіе. Вотъ каково въ краткихъ словахъ мнѣніе науки относительно этого предмета.

Не только людямъ приходится опасаться невидимыхъ микроскопическихъ грибовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ бациллъ; эти крохотные враги преслѣдуютъ и насѣкомыхъ. Шелководные черви заболѣваютъ отъ двухъ видовъ грибовъ, и шелководамъ хорошо извѣстны происходившія отъ нихъ болѣзни шелководныхъ червей. Комнатная муха, которая, по мнѣнію многихъ, иногда распространяетъ заразительныя болѣзни, имѣетъ также между микроорганизмами своего особаго врага. Врагъ этотъ плѣсневый грибокъ; научное названіе его *Empusa Muscae*. Онъ однороденъ съ грибовъ, отъ котораго плѣснѣетъ хлѣбъ въ кладовыхъ. Споры *Empusa Muscae* нападаютъ на мухъ именно осенью, пускаютъ въ нихъ, такъ сказать, корни, т. е. сильно развѣтвляющіяся нитевидныя грибообразованія, называемыя *мицеліемъ*. Этотъ мицелій вѣдряется въ тѣло мухи и такъ разслабляетъ насѣкомое, что оно садится гдѣ-нибудь и издыхаетъ. Въ мертвой мухѣ плѣсневый грибокъ созрѣваетъ и выпускаетъ наружу споры, которыя и образуютъ на окнахъ вышеупомянутое „отвердѣвшее дыханіе мухи“. На окно прилетаютъ другія мухи, проглатываютъ по мертвымъ, споры проникаютъ въ полости ихъ тѣла, между брюшными кольцами и т. д., мухи заражаются и гибнутъ. Такимъ образомъ и между комнатными мухами возникаютъ эпидеміи. (с).

Въ минувшемъ ноябрѣ исполнилось сто лѣтъ со дня появленія на водѣ перваго парохода. 14 ноября 1788 года Уильямъ Симмингтонъ, молодой шотландскій инженеръ, дѣлавшій уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ попытки примѣнить паровую силу къ судоходству, спустилъ первый, еще довольно несовершеннаго типа, пароходъ, на Дальвингстонъ-лохѣ (озерѣ). Это было двойное колесное судно. Несмотря на скромность судна, на немъ помѣстилось избранное общество, которое не помышляло конечно къ какимъ великимъ результатамъ приведетъ этотъ первый опытъ. Кромѣ Симмингтона на пароходѣ находились лордъ Бругамъ, Бёрнсъ,

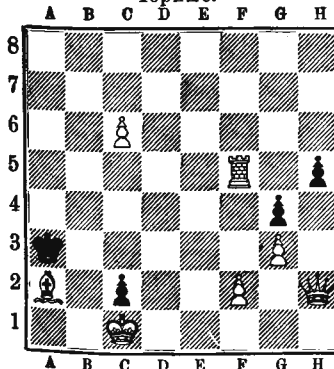
Нэсмитъ, знаменитый шотландскій пейзажистъ, и мистеръ Милларъ, щедрый покровитель Симмингтона. Странно, что ни поэтъ, ни художникъ не оставили никакого воспоминанія объ этомъ событіи, имѣющемъ для насъ такое огромное значеніе. Опытъ настолько удался, что былъ повторенъ годъ спустя на Фортъ-Клейдскомъ каналѣ. Судно дѣлало въ часъ шесть миль (9,5 километровъ) и успѣхъ казался обезпеченъ. Лордъ Дундасъ, одинъ изъ акціонеровъ общества Фортъ-Клейдскаго канала, заказалъ Симмингтону нѣсколько пароходовъ и одинъ изъ нихъ (леди Милтонъ) былъ уже оконченъ и началъ совершать рейсы отъ Лоха до Глазго. Звѣзда Симмингтона повидимому ярко заблистала, но, къ сожалѣнію, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ снова померкнуть. Акціонеры, опасаясь, чтобы берега канала не пострадали отъ производимаго колесами волненія, запретили дальнѣйшее движеніе пароходовъ. Тогда лордъ Дундасъ познакомилъ Симмингтона съ герцогомъ Бриджуотеромъ и этотъ послѣдній тотчасъ-же заказалъ ему восемь судовъ для канала, носящаго его имя. Но въ моментъ начала постройки пришло извѣстіе о смерти герцога и съ нею погибли блестящія надежды Симмингтона. Не въ состояніи будучи бороться съ сыпавшимся на него ударами судьбы, несчастный изобрѣтатель принужденъ былъ поставить свой пароходъ во одну изъ маленькихъ гаваней канала, гдѣ онъ простоялъ нѣсколько лѣтъ, составляя предметъ любопытства для проезжающихъ. Симмингтонъ обратился къ правительству съ просьбою о пособіи, но выданная ему сумма была такъ мала, что едва покрыла расходы по подачѣ просьбы. Симмингтонъ умеръ въ 1831 году, въ нищетѣ и всѣми забытый, точно также какъ Генри Бейль, значительно усовершенствовавшій его изобрѣтеніе. Что же касается правъ американца Фультона на присисываемую ему честь изобрѣтенія парохода, то права эти ограничиваются тѣмъ, что Фультонъ, посѣтивъ Симмингтона въ Шотландіи, просилъ сдѣлать съ нимъ вмѣстѣ рейсы на пароходѣ, чтобы изучить его конструкцію. Разставаясь съ Симмингтономъ, Фультонъ увѣрилъ изобрѣтателя что это послужитъ ему на пользу, но болѣе не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій. Только въ настоящее время человѣчество сознало, какую великую услугу оказалъ ему Симмингтонъ—и въ Шотландіи производится дѣятельный сборъ на сооруженіе ему достойнаго памятника.

Стулья въ Гайдъ-Паркѣ. Въ лондонскомъ Гайдъ-Паркѣ имѣются тысячи стульевъ, отдаваемыхъ въ пользованіе публики по одному пенни. Происхожденіе этихъ стульевъ, говорятъ, слѣдующее: Вскорѣ послѣ битвы при Ватерлоо, одинъ изъ англійскихъ генераловъ, оказавшихъ большія услуги отечеству, впалъ въ крайнюю нищету. Англійское правительство, желая, въ ознаменованіе прежнихъ заслугъ, помочь ему, даровало генералу и его наслѣдникамъ, на вѣчныя времена, право отдавать въ наемъ стулья въ Гайдъ-Паркѣ. Генераль началъ со 100 стульевъ. Въ настоящее время число ихъ возрасло до 27,000 и ежегодный доходъ съ нихъ простирается до 200,000 марокъ. (с).

Шахматная задача № 3.

Г. Готшалъ.

Черные.

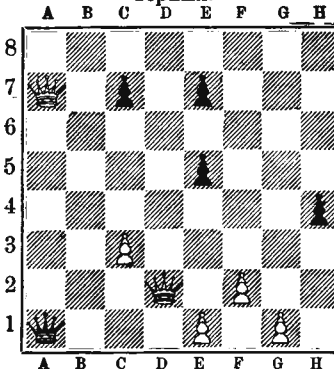
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 4.

А. Попова.

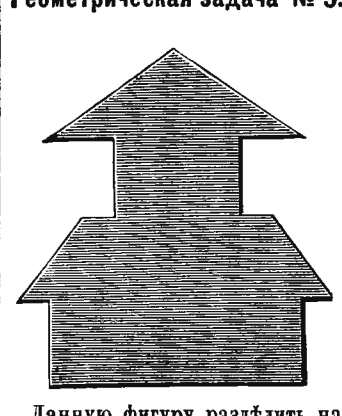
Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ простую черныхъ.

Геометрическая задача № 5.

Данную фигуру раздѣлить на 6 частей, изъ которыхъ можно было бы составить квадратъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Котора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Ручной левъ. (Изъ путешествія Др. А. В. Елисѣева) (съ рис.). — Опасная игра. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе). — Два миссіонера. (Рассказъ изъ жизни богословцевъ далекаго Востока). А. Я. Мансимова. — Паденіе наместа съ неба. Профес. Ю. И. Симашио (съ 8 рис.). — Въ рисункахъ: Помаръ Рима при Неронѣ (съ рис.). — Древній головной уборъ старо-русскихъ горожанокъ (съ рис.). — Сладкій виноградъ (съ рис.). — Смѣрины англійской принцессы, предназначенной въ невесты Іоанну Грозному (съ рис.). — Бухарская пѣхота (съ рис.). — С. А. Юрьевъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. Сибѣрь. — Задачи. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Объясненія.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Ключниковъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ ПОКАЗАНА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ.

ПОДПИСКА СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Для иногородныхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится 3 руб. Къ 1-му мая 1889 года 2 руб. Къ 1-му іюля остальные 2 руб. Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ, и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ со всѣми приложеніями. Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6.

Новое роскошно иллюстрированное издание А. Ф. МАРКСА въ СПб.

Гёте „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю вѣстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ листѣ 45 р.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

АДРЕСА

вѣсьх спеціальностей и стран доставляетъ подъ гарантией: Internation. Adressen-Verl. - Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софьи. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перен. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗОНАЗЫ В. П. Березина.

2 тома. Цѣна по 2 р. 50 к. каждый.

ЕГО-ЖЕ. СТИХОТВОРЕНІЯ. 1 томъ. Цѣна 2 руб. № 3655

Складъ изданія у Стасюлевича, въ СПб., Вас. Остр. 2 л., д. 7 и у Комарова, Невскій, д. 138-140.

КАТАЛОГЪ

№ 3656

иностранныхъ почтовыхъ марокъ, содержащій цѣны слишкомъ 2,000 марокъ, выслано за 14 коп. почтовыми марками. Б. Гостинскій, г. Кіевъ, Малая Подвальная, № 17.

„СУДЬБА ГДАДАНЬ“

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. одиновъ: въ г. Хвалынскъ И. Комисарову.

ЗАКЛАНІЕ

вылечивается въ заведеніи РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ, W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается R. № 3651 бесплатно. 18-1

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

Коллекція, избранная заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голиневича. Наставленіе въ уходѣ и каталоги высылаются по полученіи семиконечной марки.

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ НОТЪ

ВЪ ДЕШЕВѢЙШИХЪ ИЗДАНІЯХЪ ЮРГЕНСОНА П. № 3615 (болѣе 14000 №) 5-8 вышель изъ печати и высылаются бесплатно изъ музея торговли П. ЮРГЕНСОНА Москвѣ, Неглинный пр., 10

ФАБР. КЛЕЙМО. Фабрика существуетъ съ 1850 года. ТУЛЬСКИЙ ФАБРИКАНТЪ ОКОННЫХЪ, ДВЕРНЫХЪ И ПЕЧНЫХЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ

ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ КАМЕНЕВЪ

продаетъ и принимаетъ заказы на оныя и исполняетъ по всевозможнымъ рисункамъ и образцамъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно, а для торговцевъ, архитекторовъ и правленій жел. дорогъ могутъ высылаться и образцы для приѣма заказовъ по нимъ. Контора и фабрика въ Тулѣ, за Московской заставой, въ собственныхъ зданіяхъ. Желаящимъ могу выслать образцы на комиссію по полученіи за образца денегъ. П. № 3633

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

J. Simon, 36, rue de 36, Paris, Provence

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16

САРПИНКА. | Пріемъ заказовъ и пересылка во всѣ города Россіи и за границу. | СЕЗОНЪ 1889 г.

Собственной выработки САРПИНСКІЯ ИЗДѢЛІЯ ручного ткачества родъ зефира, для лѣта на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки. Отлично моются. Цѣны отъ 15 до 22 копѣекъ за аршинъ.

ОГРОМНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ НОВѢЙШИХЪ ОБРАЗЦОВЪ. высылаются заказною бандеролью въ альбомѣ за 42 и въ конвертѣ за 28 копѣекъ почтовыми марками. Цѣны и условія при образцахъ. № 3525 5-4

Адресъ: Саратовъ. „Товариществу промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій“.

СЕЗОНЪ 1889 г. | ПРОДАЖА ШТУКАМИ И АРШИНАМИ. | САРПИНКА.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Нители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Простятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (50) № 2946

LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно известно: ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN ЛОЗЕ SYRINGA ЛОЗЕ GOLD LILIE ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12-3 Придворный Парфюмеръ 10, JÄGERSTRASSE, BERLIN. Можно заказать во всѣхъ парфюмерныхъ заведеніяхъ и во всѣхъ аптекахъ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ а литературно-художественный, издаваем. П. П. Щегловымъ, журналъ съ карикатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ, 400 больш. рисунки, множество иллюстрацій къ тексту, масса каррикатуръ. 12 нарт., въ видѣ еженѣд. прилож., историческаго содержанія. ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шпр.), исполненная масляными красками, КОПІЯ СЪ НАРТИНЫ андальскаго И. М. Приишикова: „ПЛАВНЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-ІЙ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ. Условія подписки съ пересылкой и доставкой: на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяць 75 коп.

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія лѣнія) и въ конторѣ редакціи. Изъгородныхъ просятъ адресовать на имя издателя, Павла 10-8 Петровича Щеглова: Москва, Зацѣвская ул., соб. домъ. П. № 3489

ВЫСОЧАЙШЕ

УТВЕРЖДЕННОЕ

ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

Главная контора: Обводный каналъ, № 130.

САПОЖНАЯ ФАБРИКА: Обводный каналъ, № 130.

КОЖЕВЕННАЯ ФАБРИКА: Моск. застава, Лиговка, № 268.

МАГАЗИНЫ:

въ С.-Петербургѣ: Невскій пр., № 5, Невскій пр., № 54, Невскій пр., № 110, Обводный каналъ, № 130.

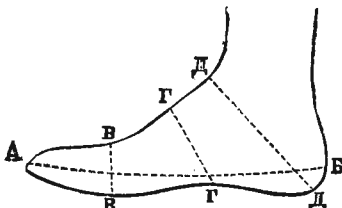
въ Москвѣ: Петровка, прот. Кузнечи. моста, д. Хомяковыхъ; Никольская, прот. Славянск. Базара, д. графа Шереметева.

въ Одессѣ: Риппельевская улица, домъ Баржанскаго.

ФАБРИЧНЫЙ

РУКОВОДСТВО

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

КЪ СНИМАНІЮ МЪРКИ.

Table with 3 columns: No. (№), Description (Мужская обувь), and Price (P. K.).

Table with 3 columns: No. (№), Description (Дамская обувь), and Price (P. K.).

Table with 3 columns: No. (№), Description (Дѣтская обувь), and Price (P. K.).

дѣтской . . . отъ № 17 до № 21, т. е. отъ 14 до 16 1/2 сантиметр. то же . . . " " 22 " " 26, " " 17 " 19 " то же для дѣвочекъ " " 1 " " 4, " " 19 1/2 " 21 " то же . . . " " 5 " " 8, " " 21 1/2 " 23 " то же для мальчицъ " " 27 " " 31, " " 20 " 22 1/2 " то же . . . " " 32 " " 36, " " 23 " 25 3/4 "

Почтеннѣйшихъ Господъ заказчиковъ покорнѣйше просятъ при заказахъ обозначать только номеръ сорта, показаннаго въ прейсъ-курантѣ.

Мѣрка снимается посредствомъ бумажки съ правой ноги обутью въ чулокъ, а именно:

Мѣрка длины, начиная съ середины пятки съ внутренней стороны ноги до конца большаго пальца, А—Б.

Мѣрка пальцевъ снимается кругомъ ноги В.

Мѣрка подъема снимается съ самаго высокаго мѣста подъема, кругомъ ноги Г.

Мѣрка пятки снимается со сгиба кругомъ ноги Д.

Каждую мѣрку прикинуть къ припечатанному при семь сантиметру, и обозначить въ письменномъ заказѣ цифрами.

Желательно было бы препровождать при заказѣ бумажку, которой снята мѣрка; кромѣ того, пріятно было бы получить рисунокъ ноги, ставя ее на листъ бумаги въ чулкѣ и обрисовавъ прямо держаннымъ карандашемъ.

При заказѣ просятъ обозначать фасонъ носка: узкій или круглый, а также вышину каблука: низкій, средній или высокій.

Обувь оказавшаяся не въ пору, и будучи немедленно возвращена, перемѣняется, для чего покупатель вмѣстѣ съ возвращеніемъ товара, пересылаетъ одновременно и необходимое количество денегъ на покрытие почтовыхъ расходовъ.

Пара легкихъ мужскихъ сапогъ съ упаковкою вѣситъ приблизительно 4 фунта, пара тяжелыхъ 5 фунт.; пара дамскихъ сапогъ около 3 фунт. и дѣтскихъ около 2 фунт. По вышеозначеннымъ даннымъ легко опредѣлить размѣръ почтоваго расхода.

При заказахъ покорнѣйше просятъ приложить надлежащую сумму денегъ на пересылку товара и покрытие почтоваго расхода. Высланная сумма, оказавшаяся недостаточною на покрытие расходовъ, можетъ послужить замедленіемъ высылки товара; лишнія же высланные деньги возвращаются безусловно наличными деньгами или почтовыми марками.

Расходи опредѣляются согласно почтовой квитанціи, съ причисленіемъ за упаковку въ одну посылку одной пары 15 коп. и за каждую послѣдующую пару въ той же посылкѣ по 5 коп.

Заказы выполняются по возможности немедленно.

Заказы покорнѣйше просимъ адресовать: въ магазинъ Товарищества, находящійся въ зданіи фабрики,

Обводный каналъ, № 130, въ С.-Петербургѣ.

ОБРАЗЕЦЪ ЗАКАЗНОЙ ЗАПИСКИ.

НАПРИМѢРЪ:

СОРТА № 102.

А—Б. длина 28 сантиметр.

В. пальцы 22 1/4 "

Г. подъемъ 23 3/4 "

Д. пятка 33 "

Носокъ подошвы узкій; вышина каблуковъ—средній.

ДЛИНА ОБУВИ ИМѢЕТСЯ: мужской отъ № 37 до № 47 т. е. отъ 26 1/2 до 32 1/2 сантиметр. женской " " 9 " " 19 " " " 23 1/2 до 28 1/2 "

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ЛЕНИНГСТЪ И ГЛОЗНГСТЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
 СПбургъ, Невскій пр., № 52 противъ Императ. Публичной Библіотеки
 оптовая и розничн. продажа. Специальн. хронометровъ.

Никак. открыт. часм отъ 7 руб. и дороже.
 Статьи 14 " " "
 Серебрян. закр. 15 " " "
 Зол. дамск. закр. 30 " " "
 Зол. мужск. закр. 50 " " "

Ручательство на два года.
 Пересылка на счетъ магазина.
 Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. № 3630 3-3

Вполнѣ усовершенствованный Русско-Уральскій копировальный прессъ, имѣетъ преимущество передъ винтовыми, рычажными и другими прессами: 1) Въсь прессы въ форматъ почтовой бумаги 1 футъ; 2) Употребляется какъ винтовой, но значительно быстрее; 3) Можетъ копировать одновременно съ 10 оригиналовъ и 4) отъ употребленія не портится и не ломается, что весьма часто случается съ винтовыми. Практичность прессы вызвала массу лестныхъ отзывовъ о немъ, а громадный спросъ на него далъ мнѣ возможность понизить цѣну за форматъ почтовой бумаги до 2 рублей и за форматъ писчей бумаги до 2 руб. 50 коп. съ принадлежностями. Почтовая пересылка того и другого по 2 фута, за 5 штукъ перваго 9 р., пересылка за 5 футовъ. Торговцамъ обычная скидка. Главное депо какъ-то: прессы, химическихъ производствъ, русскаго шиточнаго и байковаго чая въ Екатеринбургѣ. Цѣна чаю партиямъ 67 к. за футъ. Прейсъ-курантъ высылаются за 5 коп. марку. На объясненія просить прилагать двѣ 7 коп. марки.

ДЛЯ ОФИЦЕРСКИХЪ СОБРАНІЙ:
 Тактическая игра.

БОЙ ЗА ПОЗИЦИИ.
 Шаши означаютъ три части войскъ. Издачное изданіе 3 р. 60 к. Упрощенное 1 р. 60 к. (упак. 30 коп., № 3640 перес. 4 фут.).

Блочь крѣпости.
 Шашечная игра; ц. 2 р. (упак. 30 коп., пер. 4 фут.).

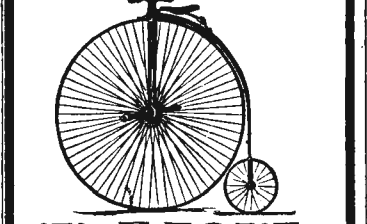
ОНЕРЫ.
 Игра шашками-картами. Цѣна 3 р 50 к. (упак. 40 к., пер. 9 фут.).

ОБЛАВА.
 Шашечная игра съ фигурами: 8 охотниковъ, а 1 медвѣдь; ц. 2 р. (упак. 30 к., пер. 4 фут.).

АГОПЪ.
 Шашечная игра; ц. 1 р. 25 к. (упак. 25 коп., пер. 6 фут.).

Шаши, шахматы, домино, лото разныхъ цѣнъ.
ПРЕДЛАГАЕТЪ:
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ учебныхъ пособій и игръ.
Троицкая ул., 11.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ И ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ колесные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
 Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-курантъ безплатно, также брошюра виконта Ферри: „0 велосипедовъ и велосипедистахъ“. Москва, Кузнецкій м., д. Голицына. СПб., Б. Морская, 21. Р. № 3395. (8)

поступилъ въ продажу
ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ за 1888 ГОДЪ,

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ И. А. ГОНЧАРОВА: „Слуги“, большой историч. романъ Д. В. АВЕРКІЕВА: „Вѣчу не быть“, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: „Братья Соперники“ и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА: „Бригадирская внучка“, большую повѣсть Н. СТАНИЦАГО: „Исторія одного таланта“, разсказъ Макс. БѢЛИНСКАГО: „Заповѣдныя лѣтъ“, комедію В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“, повѣсть А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвы“, разсказъ Е. А. САЛАСА: „Онъ-же“, разсказъ ТХОРЖЕВСКАГО: „Рекогносцировка“ и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій известныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кроме того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ бесплатныхъ приложеній, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, „Сборника повѣстей и разсказовъ“ известныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ перенесенію экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВРА: „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14 3/4 вершк. вышины и полтора аршина ширины).
 ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всеми бесплатными преміями и приложеніями:
 Брошюрован. 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
 Съ пересылкою 6 р. Съ пересылкою 7 р. 50 к.
 Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПб., Невскій пр., № 6.

НОВОСТИ!
 Вполнѣ усовершенствованный Русско-Уральскій копировальный прессъ, имѣетъ преимущество передъ винтовыми, рычажными и другими прессами: 1) Въсь прессы въ форматъ почтовой бумаги 1 футъ; 2) Употребляется какъ винтовой, но значительно быстрее; 3) Можетъ копировать одновременно съ 10 оригиналовъ и 4) отъ употребленія не портится и не ломается, что весьма часто случается съ винтовыми. Практичность прессы вызвала массу лестныхъ отзывовъ о немъ, а громадный спросъ на него далъ мнѣ возможность понизить цѣну за форматъ почтовой бумаги до 2 рублей и за форматъ писчей бумаги до 2 руб. 50 коп. съ принадлежностями. Почтовая пересылка того и другого по 2 фута, за 5 штукъ перваго 9 р., пересылка за 5 футовъ. Торговцамъ обычная скидка. Главное депо какъ-то: прессы, химическихъ производствъ, русскаго шиточнаго и байковаго чая въ Екатеринбургѣ. Цѣна чаю партиямъ 67 к. за футъ. Прейсъ-курантъ высылаются за 5 коп. марку. На объясненія просить прилагать двѣ 7 коп. марки.

Иванъ Федоровичъ Гагаринъ, въ Екатеринбургѣ.
 СКЛАДЫ ПРЕССОВЪ:
 Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Контора Эд. Шоровскій и №, Гороховая, Каменный мостъ, № 29.
 Въ МОСКВѢ: Контора Эд. Шоровскій и №, Маросейка, № 7, магазинамъ резиновыхъ вѣдѣлій И. А. Мейеръ и №, Газетный пер. и Кузнецкій мостъ. П. № 3637

ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, въ Екатеринбургѣ.
СКЛАДЫ ПРЕССОВЪ:
 Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Контора Эд. Шоровскій и №, Гороховая, Каменный мостъ, № 29.
 Въ МОСКВѢ: Контора Эд. Шоровскій и №, Маросейка, № 7, магазинамъ резиновыхъ вѣдѣлій И. А. Мейеръ и №, Газетный пер. и Кузнецкій мостъ. П. № 3637

АДВОНАТЪ, архитекторъ, врачъ, нупецъ, фабрикантъ или другое лицо можетъ за плату отъ 27 до 47 руб. въ годъ (смотря по роду занятій) застраховать въ Страховомъ Обществѣ „Россія“ 10,000 руб. на могущія произойти вслѣдствіе несчастнаго случая смерть или инвалидность. Съ третьяго года страхованія годовичные взносы уменьшаются. Страхованія принимаются также съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ наследникамъ или же самому застрахованному, по достиженіи имъ 65-ти-лѣтняго возраста.

Справитесь въ Главной Конторѣ Страховаго Общества „Россія“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, 13) или у агентовъ въ городахъ Имперіи. По требованію высылаются безплатно подробныя брошюры. № 3649 3-1

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шилламанна. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ГАРМОНИИ
 по удешевленнымъ цѣнамъ.
 Однорядные въ 3, 4 1/2, 6, 8, 10, 12, 15, 18 и 24 р.
 Двурядные въ 14, 20, 22, 25, 28, 30, и 35 руб.
 Трехрядные въ 35, 50, 60 и 75 р.
 Самоучитель Соколова по 1 руб.
 Ноты его же по 75 коп. и 1 руб. за тетрадь.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій м., д. Горлецаго.

НОВАЯ
 карточная игра
„КЛИНЪ“
 для 4-хъ и 3-хъ. № 3591
 Цѣна 40 к. (съ перес. 45 к.).
 СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
 ТРОИЦКАЯ УЛ., 11.

САМОУЧУЩЕЛЪ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА
 въ 2-хъ частяхъ, съ 2-мя табл. чертеней. Руководство къ быстрому самообученію безъ учителя, любому изъ 14 разнѣсн. занятій, ПРИНОСЯЩИХЪ НА КАЖДОЕ ЛИЦО ЕЖЕМѢСЯЧНО отъ 50 до 250 р.
 Не требующихъ капитала, быстро изучаемыхъ, легкихъ, доступныхъ всякому возрасту и полу.
 Соч. А. МИХАЙЛОВЪ. № 3634
 Цѣна съ пересылкой 1 рубль.
 Требования адресовать: въ Харьковѣ, Рыбная улица, д. Дольника, женѣ подполковника Александрѣ Дмитриевнѣ Золотницкой.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги, Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхованіе выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3611 5-4
 Также нужны вѣрныя съ постоянн. имѣемъ и желательство
АГЕНТЫ.
 Предложенія адресовать по выше-означенному адресу.

„НОВОСТЬ“
 за 5 марокъ (иногородныхъ) высылается заказнымъ новымъ прантическимъ стѣнной
КАЛЕНДАРЬ
 на 1889 г.
 (размѣръ 6 1/2 в. X 9 в.)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ
 Москва. — С.-Петербургъ. № 3608

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

г. XX

№ 4

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдать 21 января 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

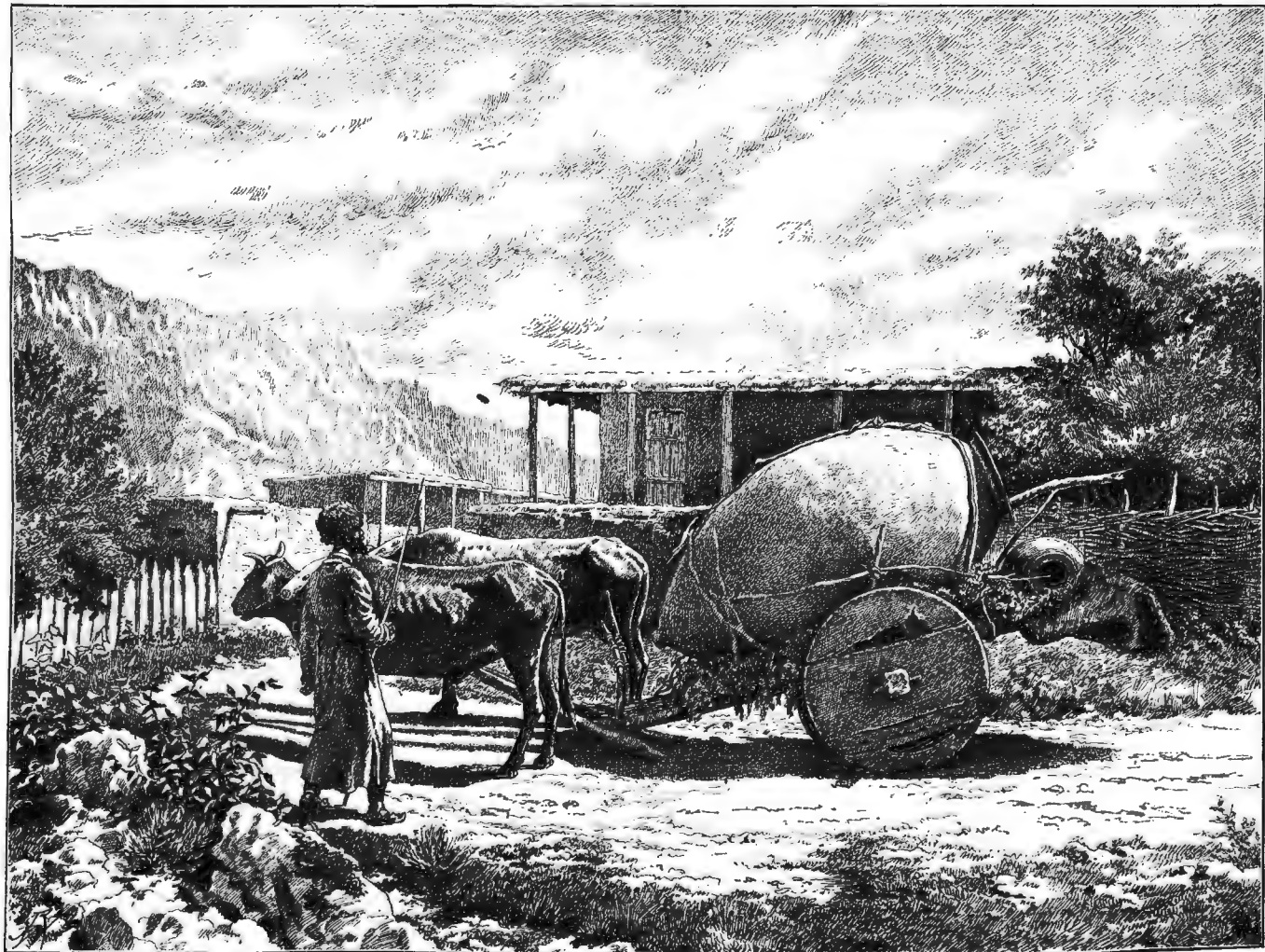
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКИЙ ПР., Д. №6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки	Съ доставкою	Безъ доставки въ Москвѣ	Съ пересылкой	За гра-
въ Петербургѣ . . . 5 р.	въ Петербургѣ 6 р. 50 к.	чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія 6 р.	въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р.	ницу . . . 9 р.

Везъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложениями.

Въ Имеретин. Кувшинъ для вина на арбѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. Ангерерь.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

VIII.

Мѣсяць прошелъ въ объясненіяхъ съ Анной Григорьевной, очень встревоженной недомолвками Паши, и въ стараніяхъ этой послѣдней найти кредитора, который освободилъ-бы ее, на сносныхъ условіяхъ, отъ ея кабалы у Бурдюкова. Дѣло казалось быточнымъ... Перебирая въ памяти старыхъ знакомыхъ, она остановилась на одной дальней родственницѣ, старушкѣ, давно удалившейся отъ мірской суеты на Петербургскую и прозябавшей тамъ, гдѣ-то за Ждановкой, на пять процентовъ съ крохотнаго, оставленнаго ей мужемъ лѣтъ десять тому назадъ — наслѣдства. Женщина эта, приросшая какъ улитка къ раковинѣ, всеѣмъ своимъ существомъ, къ ниспосланному ей милостію судьбы обезпеченію, свела понемногу земныя свои заботы къ одной, въ основѣ которой лежала слѣпая и безпощадная бережливость. Послѣдняя понемногу дошла до того, что въ бюджетѣ ея, все — отъ сухариковъ къ кофею до свѣчи у образа и воскресной милостыни на улицѣ, — расчитано было копѣйка въ копѣйку, за годъ впередъ. Понятно поэтому какъ взволновало старушку внезапное появленіе Паши съ ужасною просьбою дать ей взаймы 440 рублей, изъ 10 процентовъ впередъ, подъ условіемъ ежемѣсячнаго возврата изъ жалованья въ размѣрѣ 22 рублей. Великій соблазнъ наживы съ одной стороны, съ другой необъятная для ея разумѣнія сложность предложенной ей финансовой комбинаціи — перетревожили бѣдную Пелагею Семеновну до того, что она, послѣ перваго посѣщенія Паши, едва не слегла. Потомъ это отошло; но молодая родственница напрасно старалась ей объяснить, выкладывая на счетахъ, сколько у ней получится чистой прибыли, если къ предлагаемымъ ей 44 рублямъ впередъ — прибавить все, что у ней останется въ видѣ банковаго процента по ежемѣсячнымъ вкладамъ на книжку уплаченныхъ ею отъ Паши суммъ. Старуха никакъ не могла взять въ толкъ къ чему это все ее поведетъ и, хлопая какъ сова глазами, молчала, вставляя лишь изъ приличія что-нибудь одобрительное, въ родѣ: „Ну да, понятнo“ или „Еще-бы!“ „Само собой разумѣется!..“ Но когда та, въ надеждѣ, что дѣло уже достаточно ясно, спрашивала: „Такъ какъ-же, милая Пелагея Семеновна?“ — смотрѣла безсмысленно ей въ глаза, или вдругъ дѣлала ей какой-нибудь непроходимо-глупый вопросъ.

— А какъ-же теперича ты говоришь: на книжку десять процентовъ?.. На книжку нынче даютъ только три... И когда Паша, съ отчаяніемъ въ душѣ, принималась Богъ знаетъ въ который разъ, объяснять, что 10 процентовъ будутъ уплачены ей впередъ, совсѣмъ независимо отъ того, что она получитъ по вкладамъ на сбереженіе, и такимъ образомъ 44 рубля чистыхъ останется у нея въ рукахъ, — качала сомнительно головой.

— Останутся-то оно пожалуй останутся, да только ты на меня не сердись, голубушка, если я у тебя спрошу: изъ какихъ? По той причинѣ, что если теперь это останется у меня изъ моихъ-же, то ты сама разсуди: какая-же мнѣ отъ этого выгода?

Переговоры тянулись недѣли три и стоили Пашѣ невѣроятныхъ трудовъ, терпѣнія, краснорѣчія, не считая извожиковъ и подарковъ. Но дѣло не двигалось, и проѣздивъ послѣдній рубль, несчастная бросила эту затѣю какъ безнадежную.

* * *

Еще разъ завоеватель ея отобралъ безъ малаго весь ея заработокъ.

— Эхъ, барышня! говорилъ онъ, когда, отдавая

деньги, она заплакала. — Балованная вы, какъ я вижу, и не бывали еще въ настоящихъ тискахъ!.. Ну вы подумайте только: чего вамъ недостаетъ? Живете здѣсь у богатой родни, какъ у Бога за пазухой, безъ единой заботы о завтрашнемъ днѣ: столъ, помещеніе, мебель, прислуга, — все даромъ; а дамскаго щегольства чай навезли съ собой столько, что и въ два года не износить. Можно-бы кажется быть довольной и Бога благодарить; а вы вонъ плачете! За обиду, значить, считаете подѣлиться съ отцомъ семейства, который выручилъ васъ изъ бѣды, а самъ не знаетъ иной разъ откуда пятирублевку добыть.

Такое заигрываніе со своею жертвой было уже не ново для Паши, но почему-то, на этотъ разъ, она потеряла терпѣніе и у нея невольно вырвалось нѣсколько словъ смутившихъ мирное торжество ловца, только что спрятавшаго въ карманъ добычу.

— Оставьте это, Порфирій Ивановичъ, сказала она. — Я не ребенокъ чтобы не понимать своего несчастнаго положенія. Но если вы думаете, что страхъ скандала заставитъ меня когда-нибудь помириться съ нимъ, то вы весьма ошибаетесь. Всему есть мѣра, и если вы будете требовать больше чѣмъ я могу вамъ дать, то вы доведете меня до отчаянія... Я пропаду; но и вы отъ этого ничего не выиграете.

— Прасковья Петровна! Матушка! Помилосердуйте! заговорилъ онъ разставивъ руки. — Да развѣ-же я разбойникъ, чтобы губить свою благодѣтельницу?.. Вѣрите Богу, вотъ больше двухъ мѣсяцевъ уже протекло, а до сихъ поръ не могу равнодушно вспомнить о вашемъ несчастіи!.. Такая славная молодая барышня! Красавица! Умница! Скромная!.. Изъ хорошей фамиліи!.. И вдругъ этакая бѣда! Да камень кажись и тотъ прослезится отъ жалости!.. Но Богъ милостивъ; въ ваши года все можетъ еще поправиться, и приходитъ въ отчаяніе грѣшно. Вспомните о старушкѣ-матушкѣ и поберегите ее; подумайте: какимъ тяжелымъ ударомъ было-бы для нея, если-бъ дошло до огласки, и она вдругъ узнала!.. Но нѣтъ никакой нужды доводить до крайности. Потерпите маленько, не вѣкъ-же вѣдь будете состоять въ опежѣ. Должокъ не большой, а родня ваша тутъ — богатые люди. Мало-ли сколько случаевъ... Стоить шепнуть въ добрый часъ какой-нибудь тетюшкѣ или бабушкѣ, что молъ вотъ, завелся векселекъ... Да, кстати, угодно возобновить?..

Это происходило опять у Марѣи Никитишны, только не въ кассѣ, которая, къ этому времени, была въ полномъ ходу, а рядомъ съ ней, въ кладовой. День, слѣдующій за полученіемъ жалованья, вышелъ будничной и, окончивъ съ векселемъ, Паша спѣшила уйти, чтобы поспѣть въ правленіе; но видя что Бурдюковъ собирается тоже уйти и опасаясь чтобы онъ не вздумалъ ее провожать, остановилась, и въ нерѣшимости посмотрѣла на Марѣю Никитишну, выбѣжавшую за ней съ убѣдительной просьбой остаться на чашку кофею.

— Оставьте его идти, шепнула послѣдняя. — Мнѣ надо съ вами поговорить.

И Паша осталась.

Хозяйка, съ перваго посѣщенія очень замѣтно ухаживавшая за ней какъ за почетной гостьей, схватила ее проворно подъ руку и увела въ столовую, предупреждая, что тамъ у нея одна пріятельница, которая сію минуту уйдетъ.

* * *

Въ столовой кофе стоялъ уже на столѣ, и за кофеемъ она увидала — съ какимъ-то особеннымъ, щегольскимъ пошибомъ одѣтую даму. Барыня эта была

въ черномъ шелковомъ платьѣ съ множествомъ разнаго рода затѣй, въ модной, высокой шляпкѣ съ вуалемъ, въ цѣпочкахъ, сережкахъ и перстенькахъ; на лѣвой рукѣ перчатка, застегнутая вплоть до локтя; поверхъ перчатки — браслетъ. Особа эта окинула ее съ головы до ногъ вопросительнымъ взоромъ и обернулась къ хозяйкѣ въ недоумѣнн, словно желая сказать: „не ожидала!..“ Должно-быть Марѳа Никитишна такъ это и поняла: потому что лицо ея освѣтилось довольною усмѣшкой. Но Паша была смущена и чувство это еще усилилось когда она услышала — вполголоса но отчетливо (то что на сценѣ зовется „сторону“) выговоренное: „Не можетъ быть?“

Пашѣ предложено было мѣсто прямо противъ шикарной дамы, и Марѳа Никитишна, видя ея смущеніе, поспѣшила занять ее кофеемъ. Это не помѣшало однако Пашѣ украдкой поглядывать на свою vis-à-vis; но встрѣчая все тотъ-же, пристально вопросительный взоръ, она опускала глаза.

Противъ нея сидѣла эффектно-красивая, гибко-сложенная женщина, явно уже не первой молодости, съ серебристою искоркой въ темныхъ, густыхъ волосахъ, съ едва замѣтными рябинками на блѣдныхъ съ горячимъ оттѣнкомъ — щекахъ, съ широкимъ и дерзко разрѣзаннымъ, но красивымъ и выразительнымъ ртомъ. Общій характеръ наружности былъ чрезвычайно женственный, но тѣмъ не менѣе удалой, и это замѣтно проглядывало въ рѣчахъ... Бесѣда шла въ перебивку, то обрываясь на полусловѣ, то перескакивая, какъ то нерѣдко когда предметъ разговора мало интересуетъ людей; но взглядъ иногда пояснялъ недосказанное, и эта игра глазами, которые какъ-то особенно пристально останавливались на Пашѣ, больше всего смущала послѣднюю. Сѣрые съ золотымъ просвѣтомъ зрачки незнакомки такъ и впилились въ нее.

— Вы институтка? спросила она однажды, послѣ такого взгляда, съ ласковою усмѣшкою, Пашу, не принимавшую никакого участія въ разговорѣ.

— Да, отвѣчала та, вспыхнувъ.

— Живете однако не здѣсь?.. въ деревнѣ?..

— Да, я здѣсь очень недавно.

— Ну, я могла бы еще кое-что угадать, но боюсь, чтобы вы не приняли меня за ворожею.

„А вѣдь похоже“, подумала та.

Это были единственные слова, которыми онѣ обмѣнялись.

Сидѣли не долѣе десяти минутъ. Довивъ свою чашку и докуривъ, судя по окуркамъ, четвертую папиросу, гостя сказала: „Пора“, и исчезла.

— Это изъ нашихъ, орловскихъ, сказала Марѳа Никитишна, воротясь: — только она давно уже здѣсь, и успѣла разбогатѣть; но, какъ видите, помнитъ старыхъ друзей... Добрѣйшая женщина... Вы сдѣлали на нее хорошее впечатлѣніе и она тамъ въ прихожей спрашивала: „Откуда у васъ, говорить, такая душечка?“ Куда-жъ это вы?.. Ну полноте, посидите еще немножко, мнѣ надо съ вами поговорить... Признайтесь, вы недовольны Порфириемъ Ивановичемъ?

Вопросъ былъ такъ глупъ, что Паша не сразу даже и поняла что собственно она хочетъ сказать.

— Подумайте сами, Марѳа Никитишна, отвѣчала она вздохнувъ: — могу-ли я быть довольна когда меня обираютъ до чиста, а чтобы не дать мнѣ выпутаться, насчитываютъ по 10 процентовъ въ мѣсяцъ за деньги, которыхъ я и въ глаза не видала?

— Охъ, ужъ не говорите! Вы думаете я его не ругала?.. Стыда, говорю, у васъ нѣтъ! Чего вы Лазаря-то поете? Какая у васъ такая крайность что ждать не даетъ? А онъ смѣется. „Люблю, говоритъ, бумажку штемпельную! Лежитъ подъ замкомъ смиренхонько и пить-ѣсть не проситъ; а свисни: всегда къ услугамъ.“ — „Ахъ вы душа, говорю: прыжнал! Въ чер-

вильницѣ, говорю, васъ крестили, и крестная мать, какъ на руки приняла, гербовую марку на васъ налѣпила!..“ Натура, вы понимаете, уже такая. Отцу родному рубля не повѣритъ въ долгъ безъ росписки... Вотъ и со мной... Изъ-за каждой копѣйки споръ и все жалуется что интересовъ его не соблюдаю... А еще родственникъ!.. Вотъ я и думаю: если ужъ мнѣ съ нимъ трудно, то каково же вамъ?.. Барышня изъ хорошей фамилии и вдругъ-этакія мытарства!.. вздохнуть не дастъ!.. И помолчавъ: — Я, знаете, часто думаю какъ бы мнѣ вамъ помочь. Но мой вдовій остатокъ ушелъ на дорогу и здѣсь, по прїѣздѣ, на обезвѣденіе, а оборотныя деньги — его... Одно только я могла бы: это найти кого-нибудь съ деньгами кто бы васъ выкупилъ, разумѣется не затѣмъ чтобы обирать: — человекъ который не сталъ бы васъ притѣснять съ ежемѣсячными расчетами, и удовольствовался малымъ, только чтобы самому, понимаете, не остаться въ убыткѣ.

Ладищева слушала ее въ сильномъ недоумѣнн, не довѣряя этому вдругъ загорѣвшемуся участію и опасаясь попасть въ какую-нибудь новую западню. Дальше всего она была отъ догадки, что Марѳа Никитишна, послѣ безжалостной травли, въ которой она играла такую охотную роль, могла быть подкуплена атмосферю чистоты и порядочности, которую Паша лично вносила съ собой въ этотъ темный мїръ, и которая заставляла даже совсѣмъ незнакомыхъ людей относиться къ ней съ уваженіемъ. Но Паша не знала еще какъ дорого цѣнится, за недостаткомъ собственнаго, даже и отраженный свѣтъ. Единственное, что представлялось ей вѣроятнымъ, это что ссора между ея преслѣдователями, разстроивъ прежнее ихъ согласіе, побуждаетъ менѣе заинтересованнаго изъ двухъ тихомолкомъ портить игру своему товарищу.

Отвѣтъ былъ робкій и нерѣшительный, но Ладищева въ тайнѣ души ухватила за эту гадательную надежду какъ утопающій за соломенку. Кто бы ни выкупилъ ее и въ какія бы затрудненія ни поставила ее ссуда отъ незнакомаго человекъ, въ худшемъ случаѣ, думала она: это все же будетъ одно изъ тѣхъ обязательствъ, на изнанкѣ которыхъ нѣтъ ничего въ чемъ было бы стыдно признаться. Заемъ, хотя бы и у ростовщика, ведетъ къ заключенію только что деньги были нужны.

— Не знаю, Марѳа Никитишна, говорила она. — Если бы я могла быть увѣрена, что другому не нужно знать обо мнѣ ничего, кромѣ того, что я служу и получаю хорошее содержаніе...

— Будьте спокойны; успѣемъ найти что вамъ нужно; у васъ вѣдь цѣлый мѣсяцъ еще впереди... Зайдите черезъ недѣлку, или позвольте, я къ вамъ зайду...

Паша ушла съ душой разорванной на-двое между радостною надеждою и какимъ-то нелюбимымъ, крадущимся какъ кошка въ сумерки, опасеніемъ.

* * *

Это случилось въ четвергъ, а въ субботу вечеромъ Марѳа Никитишна навѣстила ту даму, которую Паша видѣла у нея за столомъ, и просидѣла у ней до 11-ти часовъ. Бесѣда была дѣловая, и главный ея интересъ, для Жухиной, сосредоточивался на ссудной кассѣ. Мѣсто, какъ оказалось, выбрано было очень удачно и дѣло шло бойко, но Марѳа Никитишна горько жаловалась что Бурдюковъ связалъ ее кляузными условіями, смысла которыхъ она не понимала въ ту пору когда нотаріальная сдѣлка была между ними заключена; а теперь вдругъ что же оказывается? Она, хозяйка, на имя которой дано и разрѣшеніе, кругомъ во власти у безымяннаго компаньона и шагу не въ правѣ ступить безъ него. Спасибо еще что онъ, какъ служащій, не можетъ быть гласнымъ хозяиномъ предпріятія; а иначе онъ сдѣлалъ бы изъ нея простую

Семидесятипятилѣтіе занятія Парижа русскими войсками. Императоръ Александръ на Брюлевской террасѣ въ Дрезденѣ. Съ карт. проф. Виллевальде, грав. Шюблеръ.
Библиотека "Руниверс"

Семидесятипятилѣтіе занятія Парижа русскими войсками. Башкиры во Франціи.
Съ карт. проф. Виллевальде, грав. Волковъ.

прикащику, которую отъ него зависить выгнать когда угодно... Женское наше дѣло, молъ, уже такое: — живешь какъ въ потемкахъ и кромѣ того что тебѣ удостоить изъ милости объяснить, не знаешь рѣшительно ничего. Дѣрого молъ дала бы поговорить съ настоящимъ, присяжнымъ ходатаемъ, знаете это что съ пражкой. Они, говорятъ, ученые... Можеть такой ученый-то и нашель бы какую-нибудь лазейку, которая ей развяжетъ руки.

— Охъ, если бы Осипъ Антоновичъ мой былъ живъ, онъ бы не далъ меня никому въ обиду! Осипъ Антоновичъ-то проведъ бы и вывелъ этакого, какъ Бурдюковъ, шутя!.. Вы помните моего голубчика, милая Марья Кондратьевна? Неправда-ли за такимъ спокойно жилось? И ужъ какъ теперь жаль-то!.. Какъ жаль! Повѣрите, чуть не каждую ночь его вижу во снѣ... Да горе мое, не дожدهшься ни слова. Глядите на тебя и молчить. А станешь жаловаться, сердце-то какъ займется, глядь и проснулась...

И говоря это, Марья Никитишна утирала глаза.

Пріятельница, которую она называла Марьей Кондратьевной, говорила мало; но слушала очень внимательно и мѣстами вставляла вопросъ или замѣчаніе.

— Я вамъ пришла когда-нибудь моего повѣреннаго, говорила она, — и вы ему покажите ваши бумаги. Если въ нихъ есть хоть какая-нибудь зацѣпка, приравнясь къ которой вы можете рушить условіе, то я охотно вамъ помогу... А вотъ насчетъ векселя право уже не знаю. Выкупить ее я не прочь, да только не бросить бы денегъ даромъ. Потому что тутъ дѣло совсѣмъ не въ вексели. Представьте себѣ, что завтра она расплатилась съ нимъ на-чисто, а черезъ мѣсяць онъ снова у ней, и опять та же пѣсня. Крайность, молъ, помогите! Что же она, велить его вытолкать?.. Нѣтъ: поторгуется, да и заплатитъ опять... А впрочемъ, пришлите ее ко мнѣ, я съ нею поговорю... Тутъ есть что-то темное... Много-ли было въ бумажничкѣ?

— Нѣтъ, не много. Всего 45 рублей.

— Вотъ то-то же. Разсудите. Дѣвушка изъ хорошей фамилии; застѣнчивая, краснѣетъ когда на ней остановишь глаза. Сбыточно-ли чтобы она, изъ-за какихъ-нибудь 50 рублей, рискнула себя осрамить?.. Да еще и осталась въ вагонѣ?.. Чего же она ждала? Вѣдь если она воображала, что у нея богатство, то что же мѣшало ей улизнуть?.. Никто пожалуй и не хватился бы до утра. А вмѣсто того, вы говорите, спала какъ сурокъ!.. Пришлите ее ко мнѣ.

— Попробую, отвѣчала Жухина, — но за успѣхъ не ручаюсь... Она дрожить какъ ребенокъ за свой секретъ и если узнаетъ что я рассказала вамъ, врядъ-ли придетъ.

— А это какъ ей угодно. Если вы съ ней хотите секретничать, то вы и дѣлайте безъ меня, какъ знаете. Съ чего мнѣ вмѣшиваться въ дѣла, которыя отъ меня скрываютъ?

— Ахъ, Марья Кондратьевна, какая вы право — прятка! Да дайте же мнѣ, хоть изъ вѣжливости, предупредить...

— Предупредите. Скажите что я не дамъ ни копѣйки и пальцемъ не шевельну пока не узнаю на чистоту и безъ всякой утайки въ чемъ дѣло. А тамъ какъ ей угодно. Я ей не навязываюсь и мнѣ отъ нея ничего не нужно.

— Голубушка! Да она и имени-то вашего еще не слыхала.

— Напрасно; я имени своего не прячу... И помолчавай: — Вы говорите родня управляющему К**?...

— Родная племянница.

— Странно, какъ это сходится!

— Чтѣ?

— Такъ... ничего. Въ послѣднее время я много слыхала о немъ въ известномъ кругу.

IX.

Въ какомъ кругу вращалась Марья Кондратьевна: — объ этомъ послѣ; а теперь скажемъ только что самоувѣренный тонъ ея не былъ лишень известной точки опоры. Она занимала изящно-убранную квартиру на Мойкѣ, у Краснаго моста, держала свой экипажъ, лакея, горничную и повара... Но Марья Кондратьевна не всегда наслаждалась такой обстановкой. Молодость ея была бурная и въ цвѣтущіе годы жизни она натерпѣлась всякаго рода бѣдъ. Дочь разорившагося помѣщика, имѣніе котораго было продано съ молотка, она, 16-ти лѣтъ, осталась круглою сиротою и скоро забыла чтѣ значить осѣдлая жизнь.

Отрочество ея прошло въ глуши Херсонской губерніи, въ разоренной степной усадьбѣ, подъ крыльями гувернантокъ, не знавшихъ куда дѣваться отъ безобразныхъ пооекъ и кутежей въ послѣднее время жизни ея отца; а первые годы молодости она голодала и мерзла у тетки въ Чугуевѣ. Отъ тетки ее увезъ лихой драгунскій поручикъ, съ которымъ Марья Кондратьевна странствовала два года; но кончила тѣмъ, что бросила, потому что имъ нечего было ѣсть... Это случилось въ Тифлисі, гдѣ о ту пору производила фуроръ большая, пріѣзжая труппа актеровъ. Дѣвушка было всего девятнадцать лѣтъ, она была очень ловка, свѣжа и эффектна; антрепренеръ смайлъ ее и она имѣла блестящій успѣхъ...

Такъ началась ея богатая всевозможными приключеніями, бурная жизнь. Талантливая актриса и страстная женщина, она не разъ покидала сцену; но это кончалось обыкновенно тѣмъ что, промотавъ кого-нибудь, или промотанная сама, она оставалась въ номерѣ какой-нибудь гостиницы, покинутая, въ долгу, и безъ запасной копѣйки на черный день, перебиваясь продажей или залогомъ какихъ-нибудь, уцѣлѣвшихъ въ ея рукахъ, дорогихъ бездѣлокъ, и бѣдствовала покуда не представлялся случай вновь поступить на сцену.

Во время одной изъ такихъ передрыгъ, она застряла въ Орлѣ и невольно свела знакомство съ кассою Осипа Жухина. Но счастье на этотъ разъ улыбнулось дыганкѣ. Мужъ Марья Никитишны былъ способный дѣлецъ. Случайно узнавъ, что у его закладчицы есть векселя, по которымъ она давно потеряла надежду что-нибудь получить, онъ навелъ справки и получилъ благоприятный отвѣтъ. Тогда онъ предложилъ ей испробовать счастья, съ тѣмъ что добыча пойдетъ пополамъ. Дѣло, въ искусныхъ рукахъ, дало неожиданно-счастливый результатъ и у Марьи Кондратьевны, первый разъ въ жизни еще, очутилось нѣсколько тысячъ чистыхъ. Это былъ словно намекъ судьбы, заставившій ее наконецъ серьезно подумать о будущемъ: ей было уже 26 лѣтъ, пора необузданныхъ увлеченій прошла, и молодая женщина, какъ говорится, взялась за умъ. Случай послалъ ей скоро новаго покровителя; но это былъ уже не безпроекій кавалеристъ, а богатый, желѣзнодорожный тузъ, который временно жилъ въ Орлѣ, и скучая въ тѣсной губернской сферѣ, искалъ развлечения. Человѣкъ этотъ былъ уже не молодъ: онъ привязался къ Марьѣ Кондратьевнѣ и приложилъ всѣ старанія чтобы спасти ее отъ обычной судьбы podobныхъ авантюристокъ. Деньги, какъ онъ это зналъ, не послужили бы ни къ чему безъ умѣнья цѣнить и беречь ихъ, а этого невозможно было достигнуть иначе, какъ внушивъ ей вкусъ къ прибрѣтению. Съ этой цѣлью онъ пустилъ въ оборотъ ея крохотный капиталецъ, и (разумѣется поднадувъ немножко на счетъ результата) вернулъ ей его черезъ полгода впятеро, съ новыми предложеніями. На этотъ разъ, тщеславіе ея было затронуто; она принята была пайщикомъ въ одно изъ самыхъ азартныхъ его предпріятій, и скоро нашла это интереснѣ провинціальной сцены. Вмѣстѣ,

они совѣщались, рассчитывали, ѣздили въ Крымъ, въ Одессу и въ Петербургъ, и вели безчисленные переговоры; причемъ учитель не могъ не замѣтить въ своей ученицѣ рѣдкихъ способностей. Теоретическіе уроки его усваивались съ неимоверною быстротой, а практика даже опережала теорію. Лѣтъ черезъ пять, она стояла уже на своихъ ногахъ и изъ безпечной цыганки выработалась расчетливая, смѣлая афферистка. Около этой поры, какое-то дѣло, въ которомъ она имѣла на 20,000 паевъ, пошло на рѣшеніе въ Петербургъ. Свобода уже давно соблазняла ее, а теперь и предлогъ былъ въ рукахъ. Она разсталась со своимъ учителемъ, жившимъ въ ту пору въ Москвѣ, и уѣхала.

На новомъ поприщѣ имя Марьи Рогневичъ скоро приобрѣло извѣстность, благодаря вдругъ обнаруженнымъ ею талантамъ, и прежде всего неподражаемому искусству, съ которымъ, угадывая что у кого бодить, она умѣла отыскивать и сплетать концы на видъ совершенно чуждыхъ другъ другу дѣлъ. Домъ ея мало-помалу сталъ мѣстомъ встрѣчи для всякаго рода покупателей и продавцевъ неудобопоказываемаго товара, и центромъ самыхъ разнообразныхъ интригъ. Кружкомъ однако его невозможно было назвать, ибо люди стремившіеся туда, большею частію и сами не знали кого они встрѣтятъ и что найдутъ. Но у Марьи Кондратьевны былъ одинъ, довольно невинный въ сущности контингентъ друзей по старой ея профессіи, который служилъ цементомъ для остальныхъ и давалъ ей дому извѣстный тонъ: это кулиса и родственникъ ей, артистическій полусвѣтъ. Въ пестротѣ смѣси нельзя было разобрать за чѣмъ кто пришелъ; и это одно уже было для многихъ неоцѣнимымъ удобствомъ. Банкиры съ колеблющимся кредитомъ, биржевики, адвокаты по темнымъ дѣламъ, антрепренеры дутыхъ финансовыхъ предпріятій, кассиры пустѣющихъ кассъ, и шатающіеся въ своихъ официальныхъ устояхъ, высокочиновные совмѣстители, противъ которыхъ въ ту пору уже собиралась гроза, — все чувствовало себя привольно въ этой средѣ съ ея, такъ сказать, естественною аттракціей. Никто однако не зналъ всего что тутъ дѣлается, кромѣ хозяйки. Она одна играла роль маклера во всѣхъ сдѣлкахъ и брала со всѣхъ куртажъ... Домъ ея правда имѣлъ не лестную репутацію: его часто за-просто называли вертепомъ, но Марья Кондратьевна этимъ не обижалась. Она, какъ мы знаемъ уже, была не горда, и не брезгала никакими клиентами, слѣдуя мудрому правилу, что „не знаешь гдѣ что найдешь“...

И вотъ какими судьбами, недѣлю спустя послѣ разсказанной нами встрѣчи и слѣдовавшихъ за ней объясненій, въ карманѣ у Паши явилась визитная карточка съ адресомъ Марьи Рогневичъ.

* * *

Есть вещи, которыя до того противны характеру человѣка, что при обычномъ, мирномъ теченіи жизни, мысль о возможности ихъ для него не грезится и во снѣ. Но разъ онъ оторвался отъ старыхъ устоевъ, и увлекаемый бурнымъ потокомъ событій, не знаетъ за что ухватиться чтобы спастись, обычная мѣрка сбывчивости терется—и тѣ же, немислимые еще недавно вещи могутъ явиться ему какъ единственный его шансъ. Скромнѣйшая женщина, захваченная въ постели огнемъ, способна забыть что она не одѣта и кинуться на руки первому, кто ворвется къ ней въ спальню, чтобы ее спасти...

Нѣчто подобное произошло и съ Пашей. Барыня, встрѣченная у Марьи Никитишны, имѣла очень сомнительный видъ, и ея профессія, на повѣрку, могла оказаться не лучше профессіи Жухиной. Повятно поэтому въ какой ужасъ пришла молодая дѣвушка, когда послѣдняя ей призналась что этой особѣ уже

извѣстно, въ общихъ чертахъ, о ея несчастіи, и что она, имѣя хорошія средства, охотно готова ей пособить; но что для этого надо идти къ ней, и рассказать ей чистосердечно свое приключеніе... Чувство это однако принадлежало прошедшему, мирному времени—и стоило только поставить съ нимъ рядомъ другой, гораздо болѣе неотступный ужасъ ея настоящаго положенія, чтобы старая мѣрка вещей потеряла въ ея глазахъ свой практическій смыслъ. Бойкая барыня, съ пристальнымъ взоромъ и дерзкой усмѣшкой на губахъ, могла весьма основательно не внушать ей довѣрія; но рядомъ съ Марьей Никитишной и ея милыми родственниками трудно было ей не отдать предпочтенія. А имѣя въ виду что такіе люди какъ Бурдюковъ уже знаютъ все что имъ нужно знать, чтобы, въ случаѣ если она заупрямится, опозорить ее на весь Петербургъ, и что тайна ея у нихъ въ рукахъ, безъ зазрѣнія совѣсти можетъ быть продана любому покупщику, который предложитъ имъ за нее хорошую цѣну,—не поздно-ли ей церемониться съ этой другой, которая собственно уже знаетъ въ чемъ дѣло?..

Обставленная со всѣхъ сторонъ опасностями, Паша, въ минуты когда обстоятельства требовали отъ нея немедленнаго рѣшенія, часто теряла голову, но не взирая на то, она не хвастала, увѣряя своего завоевателя, что она понимаетъ свое несчастное положеніе. Къ этому времени ей уже стало ясно, что самое страшное въ немъ, это то что она совершенно одна и по своей неопытности не видитъ исхода, тогда какъ любой практическій человѣкъ весьма вѣроятно нашель бы что-нибудь, можетъ статься и не мудреное, да такое, чего она, въ своей слѣпотѣ, не замѣчаетъ... И вотъ, покуда она искала, не находя, Марья Никитишна, побуждаемая естественнымъ чувствомъ негодованія противъ товарища, и не искавши нашла.

Два дня молодая дѣвушка провела въ мучительной нерѣшимости, ѣздила даже еще разъ на Петербургскую, но вернулась опять ни съ чѣмъ... Вопросъ о возможности получить свое жалованье впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ—давно занималъ ее, но и тутъ она скоро узнала что безъ поручительства ей не выдадутъ ничего. Надо значить просить, а просить, кромѣ дяди Ивана, ей не кого. Но просить у дяди чтобы онъ за нее поручился, или нашель ей кого-нибудь вмѣсто себя, это такая исторія, что отъ одной только мысли ее бросало въ жаръ...

— Нѣтъ, лучше идти уже къ той!

И вотъ, въ одно прекрасное утро, собравъ всю храбрость свою, она пошла.

* * *

Паша пришла на Мойку, къ Красному мосту, почти въ лихорадкѣ; но Марья Кондратьевна выбѣжала навстрѣчу ей, ласковая, веселая, и протянула ей такъ привѣтливо обѣ руки, что всѣ опасенія дѣвушки разлетѣлись какъ дымъ.

„Да полно, та-ли?“ спрашивала она себя дивясь. „И что такое съ ней сдѣлалось что ее невозможно узнать?.. Не роль-ли разыгрываетъ?“

Догадка ея была не далека отъ истины; но Паша, во-первыхъ, не знала еще что эта особа дѣйствительно провела полжизни на сценѣ, а во-вторыхъ, естественно было думать что если она и играла роль, то конечно уже не тутъ, у себя, а тамъ, у Марьи Никитишны... Куда дѣвались теперь эти сценическія ужимки плечъ, и эти быстрые обороты лица, и эта многозначительная игра глазами?.. Послѣдніе были скромно опущены, или смотрѣли спокойно, довѣрчиво... Чудеса!

Но Пашѣ не дано было времени на размышленіе. Ее разспрашивали шутя и перескакивая отъ одного къ другому: что она дѣлаетъ въ Петербургѣ?.. и поселится-ли?.. Часто-ли ѣздитъ въ театръ и танцуетъ?..

Балуешь-ли ее дядя?.. Очень-ли скучно у нихъ въ деревнѣ зимой и интересные-ли у нихъ сосѣди?.. Потомъ увела въ богато-убранный кабинетъ, и тамъ, минутъ черезъ пять, гостя, сама не зная какъ это началось, рассказывала уже, въ слезахъ, свое дорожное приключеніе.

Это была ея первая исповѣдь, но не взирая на то что она имѣла дѣло съ совсѣмъ незнакомою женщиной, Паша ей не сказала ни слова умышленной лжи. Она только выпустила, изъ скромности, все касающееся „внушенія“, и это было естественно. Не помня въ сущности ничего что съ нею случилось ночью, она не видѣла никакой нужды запутывать свой рассказъ догадками, которыя такъ легко могли быть приняты за неловкую выдумку, вставленную экспромтомъ, чтобы прикрыть какой-нибудь пробѣлъ... Это не только казалось лишнимъ, но и потребовало-бы еще, для объясненія, цѣлаго ряда другихъ признаній, которыхъ никто отъ нея не ждалъ, да и не въ правѣ было ожидать.

Пропускъ конечно не могъ быть замѣченъ, но, какъ бываетъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, онъ повелъ къ неожиданнымъ для рассказчицы заключеніямъ.

— И вы не догадываетесь какимъ путемъ этотъ несчастный бумажникъ попалъ къ вамъ въ сумку? спросила Марья Кондратьевна.

Тогда только Паша хватилась, что недомолвка ея, хотя и естественная, завела ее далѣе чѣмъ она желала идти. Въ дѣйствительности она не знала истины, но если догадки ея были вѣрны, то одно уже то, что она умолчала о нихъ, бросало на Бурдюкова тѣнь подозрѣнія, котораго онъ можетъ статься и не заслуживалъ... бросала фатальнымъ образомъ, ибо иначе такая же тѣнь и столько же незаслуженнымъ образомъ упала бы на нее. Альтернатива была безвыходная и это заставило Пашу нехотя покривить душой.

— Я не въ правѣ дѣлать догадки, которыхъ я не могу ничѣмъ оправдать, отвѣчала она въ смущеніи.

— Ну, мы оставимъ это, сказала Рогневичъ,—такъ какъ пожалуй это теперь не ведетъ ни къ чему... И помолчавъ: — Вексель конечно слѣдуетъ выкупить, и я сдѣлаю это на-дняхъ; а затѣмъ придется весьма вѣроятно повременить, и посмотрѣть какъ пойдетъ это другое дѣло съ Жухиной. Она теперь не готова еще, но разъ она будетъ съ нимъ на ножахъ, ее не трудно будетъ уговорить чтобы она пугнула его. Имѣйте только въ виду что она, какъ единственная его свидѣтельница, можетъ его утопить, и будьте къ ней повнимательнѣе; навѣстите ее когда-нибудь, такъ, просто. Вы вѣдь конечно замѣтили что ей лестно ви-

дѣть васъ у себя... Я бы желала совсѣмъ васъ избавить отъ этихъ людей, но я не могу, къ сожалѣнію, обещать ничего, покуда не поговорю съ моимъ повѣреннымъ.

„Какъ я запутана!“ думала Паша, соображая, что женщина эта уже четвертая, и что, кромѣ того, еще одинъ человѣкъ долженъ узнать ея тайну... Пятый! тогда какъ пословица говоритъ, что и двухъ уже слишкомъ много!.. Ея повѣренный?.. Снова, значитъ, знакомства съ темными личностями, разспросы, встрѣчи, Богъ знаетъ гдѣ,—и тайныя совѣщанія!.. Ея повѣренный?.. Вѣроятно, тонкій крючокъ, если она разсчитываетъ, съ помощію его, выманить у Марфы Никитишны, въ видѣ угрозы ея компаньйону, что-то такое, что очень похоже на лжесвидѣтельство?... Господи! Гдѣ же дно этого омута и неужли изъ него не существуетъ другаго исхода, какъ выкупаться по горло въ его грязи... Увы! Мохнатая лапа вѣщились крѣпко и тянутъ ее туда!

— Чего вы такъ пригорюнились? спрашивала съ усмѣшкой Марья Кондратьевна.—Не бойтесь;—все будетъ сдѣлано чтобы васъ спасти; все что мы можемъ и даже еще кое-что... Скажите: вашъ дядюшка знаетъ о вашемъ несчастіи?

— Нѣтъ, отвѣчала Паша, встревоженная, сама хорошенько не зная чѣмъ; можетъ быть, пристальнымъ взоромъ, который опять появился у этой барыни. — Я никому на свѣтѣ еще не признавалась...

— Напрасно! Чего вамъ прятаться отъ своихъ, если вы правы?.. Или вы, можетъ статься, боитесь вашего дядюшки больше, чѣмъ Бурдюкова?... Но вѣдь и дядюшка вашъ не святой...

Что-то еще вертѣлось у ней на языкѣ; но возрастающее смущеніе Паши зажало ей ротъ.

— Какая же вы однако невинность! воскликнула она вдругъ, размѣявшись.— Ну, ну, успокойтесь, я пошутила.

Паша ушла отъ нея глубоко встревоженная, едва не каляя уже въ своей предприимчивости. У нея мелькнула догадка, что только тамъ, у Жухиной, она видѣла настоящую Марью Кондратьевну, а что тутъ, у себя, она разыграла роль. И ей стало страшно. Ей даже пришло на умъ: ну, а что если всѣ они составляютъ одну воровскую шайку, которая сговорилась опутать ее и погубить?.. Легко можетъ быть, что „внушеніе“ въ самомъ дѣлѣ тутъ не при чемъ и что бумажникъ былъ ей подкинутъ. Но если такъ, то зачѣмъ же она его выдаетъ?.. Или и это не болѣе какъ игра, клонящаяся къ тому, чтобы убавкаать ея подозрѣніе?

Въ головѣ у нея ходило кругомъ.

(Продолженіе будетъ).

Два миссіонера.

(Рассказъ изъ жизни богоносцевъ далекаго Востока).

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

Миссіонеръ прикрылъ глаза ладонью и сталъ пристально всматриваться по указанному направленію. Вдали сверкалъ на солнцѣ одинокій парусъ, подъ которымъ едва видѣлся темный, неуклюжій кузовъ джонки, тяжело колыхавшейся на крутыхъ волнахъ.

— Ну, что?.. Видишь? спросилъ еще разъ Иванъ.

— Джонку-то?.. Вижу...

— Да, джонку... Откуда только она идетъ? озабоченно проговорилъ проводникъ.

— А тебѣ какое дѣло?.. Пускай себѣ идетъ, откуда хочетъ и куда хочетъ...

— Ты худо сказалъ, батка, мало думалъ, видно, проворчалъ Иванъ, продолжая пристально всматриваться въ быстро приближавшуюся джонку.

— Почему? удивился отецъ Николай.

— Смотри хорошенько, батка: видишь, сколько на джонкѣ народу?

— Народу много, согласился миссіонеръ, все еще недоумѣвая, съ чего растревожился Иванъ.

— Тутъ будетъ сейчасъ рѣчка, продолжалъ проводникъ, — не болѣе версты осталось... Въ этой рѣчкѣ много-много золота... Навѣрное, джонка туда идетъ...

— Ну, и пускай себѣ идетъ, хладнокровно проговорилъ отецъ Николай.

— Тебя они и не спросятъ — запретить не посмѣешь, началъ горячиться Иванъ. — Я не къ тому говорю... Боюсь, видишь-ли, что на рѣчкѣ этой встрѣтимъ много китайскихъ бродягъ — не сдѣлали-бы намъ чего-нибудь; а другой дороги нѣтъ...

— Полно, Иванъ, намъ нечего бояться... Что могутъ намъ сдѣлать?..

— Шкуру отнимутъ, лошадь отнимутъ, ружье отнимутъ, началъ проводникъ развивать грозящую опасность. — Ты этихъ людей мало знаешь: кровожадные звѣри всѣ, разбойники!..

— Будутъ отнимать — отдадимъ, просто проговорилъ отецъ Николай.

— И никуру отдашь!? испугался Иванъ. — Вѣдь она двадцать рублей стоитъ!.. славная шкура!..

Литовські типи. Дворникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Флѣри, грав. Барановскій.

— Богъ съ ней и со шкурой, если она кому понадобится...
 — А потому и убьютъ насъ, привелъ Иванъ окончательную, рѣшительную причину своего страха.
 — Всеъ подь Богомъ ходимъ, спокойно отвѣтилъ миссіонеръ.— Вспомни только сегодняшній случай: ты спасъ мнѣ жизнь по волѣ Божіей... Захочетъ Господь нашей смерти — намъ ее все равно не миновать...

— Твоя правда, батька, согласился Иванъ и рѣшительно зашагалъ лѣсу, за которымъ только что скрылась встревожившая его джонка.

Черезъ полчаса, путники обогнули мысъ и вошли въ узкую долину, вдоль которой затѣйливо вилась быстрая, горная, золотоносная рѣчка. На обрывистыхъ берегахъ послѣдней были разбросаны, въ живописномъ безпорядкѣ, нѣсколько десятковъ рваныхъ, до нельзя грязныхъ, палатокъ и дырявыхъ, древесныхъ шалашей, наскоро выстроенныхъ въ защиту отъ наляпшихъ лучей солнца. Въ этомъ заброшенномъ уголкѣ глухой тайги, не считомъ еще ногой цивилизованнаго человѣка, кипѣла лихорадочная, шумная жизнь. До сотни грязныхъ, загорѣлыхъ хищниковъ, разбившихся на небольшой партіи, возились вдоль рѣчки, точно муравьи, энергично работая лопатами, кирками и ломанами. Едва прикрытые отвратительнымъ рубищемъ, одни золотоискатели насыпали землю въ грубыя тачки, другіе промывали ее въ деревянныхъ желобахъ; трети, стоя по колѣна въ жидкой грязи, выбрасывали изъ глубокихъ шурфовыхъ ямъ золото-содержащій наслѣтъ. Работа шла лихорадочная, энергичная и дружная, не смотря на то, что въ небольшой долинкѣ сосредоточились самые разнообразныя подонки китайскаго населенія, оставившіе родину въ надеждѣ на богатую добычу золота. Бездомные голыши, не имѣвшіе на родинѣ мѣста гдѣ преклонить голову, работали рядомъ съ бродягами и преступниками, бѣжавшими отъ суроваго наказанія въ богатый золотомъ край, хотя и русскій, но не признаваемый за русскій этими буйными головорѣзами. Бокъ-о-бокъ съ наивными искателями счастья копошились въ жидкой грязи ссыльные (*лоху*), съ обрѣзанными косами, нѣкоторые даже лишенные ушей и носа за преступленія. Звѣрскія лица послѣднихъ, обезображенные осной, производили тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе; на нихъ лежала неизгладимая печать кроваваго хищничества и порока. Тутъ же работали: дезертиры китайской арміи; прогорѣвшіе купцы, мечтающіе о новомъ, быстромъ обогащеніи; несчастливые игроки, проигравшіе все, до послѣдней нитки одежды, и надѣющіеся добыть новыя средства для азартной игры... Словомъ, на рѣчкѣ собрались хищники-золотоискатели, бичъ и язва молодого Усуурійскаго края, не могущаго до сихъ поръ сбросить съ себя эту китайскую сволочь, распоряжающуюся въ нашихъ предѣлахъ съ безпримѣрнымъ нахальствомъ. Не признавая край за русскій, хищники съ наглیمъ презрѣніемъ относятся ко всемъ распоряженіямъ мѣстной власти, грабятъ и рѣжутъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, русскихъ переселенцевъ, истощаютъ край своими хищническими промыслами, роняютъ, въ глазахъ инопородцевъ, достоинство русскаго владычества...

V.

Замѣтивъ приближеніе двухъ путниковъ, золотоискатели приостановили свои работы и съ любопытствомъ стали разглядывать незнакомцевъ. Хищные лоху слѣдили за послѣдними особенно зорко; алчными глазами осматривали они крѣпкую лошадку съ солиднымъ вьюкомъ, малоизношенную одежду отца Николая и почти новенькую винтовку Ивана; ихъ разбойничьи инстинкты стали разгораться при видѣ всѣхъ этихъ драгоценностей. У cadaго изъ лоху мгновенно зародилась одна неотвязная мысль: какъ бы завладѣть всѣмъ этимъ богатствомъ, не жертвуя, конечно, жизнью. А жертва эта была, по ихъ мнѣнію, возможна, такъ какъ трудно было ожидать, чтобы путники не оказали насилію серьезнаго сопротивленія. Особенно смущала лоху винтовка — страшное оружіе въ рукахъ смѣлаго и энергичнаго непріятеля. Иванъ же, при своей внушительной, почти богатырской, вѣшности, казался имъ врагомъ очень опаснымъ, сладить съ которымъ не легко даже при многочисленности плохо вооруженныхъ хищниковъ. Послѣдніе хорошо знали, что все ихъ оружіе состояло только изъ двухъ фитильныхъ ружей, да нѣсколькихъ топоровъ и ножей, годныхъ исключительно для рукопашной схватки. Слѣдовательно, сооружали лоху, если врагъ воздержится отъ этой схватки, то легко можетъ перестрѣлять съ далекаго разстоянія много народу, прежде чѣмъ удастся добраться до его головы и принадлежащихъ ему богатствъ. Разбирая возможность или трудность успѣха, лоху совершенно не принимали въ расчетъ отца Николая, миролюбиваго, далеко не бравая, фигура котораго давала имъ полное право выключить его изъ числа бойцовъ. Одно смущало лоху, что путники, замѣтивъ становивше золотоискателей, навѣрное свернутъ изъ предосторожности въ тайгу и постараются найти какую-нибудь обходную тропу, чтобы избѣгнуть опасной встрѣчи съ хищниками. Это смущеніе, однако, было совершенно напрасно. Лоху съ удивленіемъ увидѣли, что незнакомцы смѣло направились прямо къ становищу; еще больше удивились они, когда замѣтили, что богатырь-инопородецъ пропустилъ впередъ безоружнаго, тѣдеш-

наго старика, который сталъ приближаться къ золотоискателямъ твердымъ, спокойнымъ шагомъ, точно шелъ къ завѣдомо хорошимъ друзьямъ. Это рѣдкое въ тайгѣ довѣріе начало обезоруживать даже наиболѣе бездушныхъ хищниковъ. Съ большимъ недоумѣніемъ глядѣли они на медленно приближавшагося отца Николая, который произвелъ на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе своею благообразною наружностью.

Почтенный миссіонеръ, приблизясь къ золотоискателямъ, привѣтливо снялъ шляпу и ласково проговорилъ по китайски:

— Доброга успѣха, друзья. Да поможетъ вамъ вашъ Фо (Будда)!

— Спасибо, добрый старикъ, спасибо! успѣшили отвѣтить золотоискатели, пріятно пораженные привѣтствіемъ на родномъ языкѣ.

— Откуда идете?... Куда?... Кто вы такіе?... Купцы, что-ли? посыпались съ разныхъ сторонъ частіе наиболѣе любопытныхъ бродягъ, столпившихся врозь путниковъ.

— Я не купецъ, а смиренный служитель своего Бога, спокойно удовлетворялъ отецъ Николай любопытныхъ. — А это — мой проводникъ, добавилъ онъ, указывая на Ивана, чувствованнаго себя очень жутко среди звѣрскихъ лицъ лоху, продолжавшихъ жадно разглядывать его винтовку и лошадь съ вьюкомъ.

— Старикъ — русскій бонза, стали передавать золотоискатели другъ другу. — Зачѣмъ онъ къ намъ пришелъ?... Не думаетъ-ли онъ поссорить насъ съ нашимъ Фо? заговорили нѣкоторые довольно громко, подозрительно оглядывая почтенную фигуру отца Николая.

— Дураки вы, совсѣмъ дураки! возразилъ одинъ изъ золотоискателей — сѣдой, крѣпкій старикъ. — Развѣ вы не слыхали, какъ онъ призываетъ на наши работы благословеніе божественнаго Фо!..

— Кэ-си правъ... Кэ-си умно сказалъ, послышались ободряющіе голоса.

— Я не съ тѣмъ пришелъ къ вамъ, чтобы ссорить васъ съ вашимъ Фо, успѣшилъ, въ свою очередь, отецъ Николай успокоить фанатическихъ послѣдователей Будды. — Я попалъ къ вамъ случайно, пробираясь въ становивше голыдь, расположенное въ нѣсколькихъ ли (ли=2 1/2 версты) отсюда. Къ слову скажу вамъ, друзья, что мое дѣло не смуту вносить, а сѣять всюду миръ и благословеніе. Вы вѣруете въ своего Будду — вѣруйте пока, если только эта вѣра вносить въ ваши сердца добрыя помыслы и дѣла, если вашъ Фо учитъ васъ любить другъ друга, быть милосердными даже къ врагу, прощать ему всѣ обиды, помогать неимущимъ, больнымъ, уважать родство и старость...

— Нѣтъ, нашъ божественный Фо этому не учитъ, по крайней мѣрѣ бонзы ничего подобнаго не говорили намъ, замѣтилъ Кэ-си.

— Правда, правда, бонзы совсѣмъ иное говорятъ, слышались съ разныхъ сторонъ энергичныя возраженія нѣкоторыхъ золотоискателей. — Развѣ можно любить врага своего!? Врагъ всегда врагомъ останется, пока живъ... Хочешь хищнаго звѣря не бояться — надо вырвать у него всѣ зубы и когти...

— Вы говорите и думаете такъ, а послѣдователи моего Бога, исполняя завѣтъ Его, думаютъ совсѣмъ иначе, продолжалъ отецъ Николай, увлекшись случаемъ бросить нѣсколько смѣлыхъ истинной вѣры. — Нанѣтъ Богъ заповѣдалъ намъ дѣлать только добро, любить другъ друга, прощать врагамъ всѣ обиды и не мстить имъ за нихъ. Многомилостивый къ людямъ, нашъ Богъ послалъ на землю Своего Единственнаго Сына, принявшаго, по волѣ Отца, мученическую смерть, чтобы спасти людей отъ грѣха. Умирая, распятый на крестѣ, божественный Страдалецъ простилъ всѣмъ, сдѣлавшимъ Ему зло, потому что тѣ сами не знали, что дѣлали, потому что Онъ хотѣлъ научить людей предавать забвенію самое жестокое зло, содѣянное врагомъ...

Большинство золотоискателей было заинтересовано словами почтеннаго миссіонера и слушало его горячую рѣчь съ большимъ вниманіемъ. Многие были поражены новымъ ученіемъ о всепрощеніи, плохо ввазавшемся съ ихъ грубыми, дикими понятіями о правѣ сильнаго и обиженнаго. Только лоху, не перестававшіе жадно разглядывать соблазнительное имущество путниковъ, отнеслись къ словамъ отца Николая съ явнымъ пренебреженіемъ. Ихъ жесткія сердца не поддались обаянію всепрощенію и продолжали таить въ себѣ закоренѣлую преступность, желаніе воспользоваться благодушіемъ незнакомцевъ, ради удовлетворенія своей жадности. Одинъ изъ лоху, пожилой, богатырски сложенный атлетъ, лишенный ушей и косы за преступленія, слушалъ миссіонера съ хитрою улыбкою и нѣсколько разъ перешептывался со своими достойными товарищами, признававшими повидимому за нимъ известныя авторитетъ и главенство. Едва отецъ Николай кончилъ свою искреннюю рѣчь, какъ атаманъ-лоху обратился къ нему съ рѣзкимъ, грубымъ вопросомъ:

— Послушай, старикъ, ты учишь насъ прощать обиды врагамъ, а самъ-то умѣешь-ли прощать? Или твою болтовню можно приравнять къ глупой болтовнѣ сороки?..

— Кто ты таковъ — я не знаю, спокойно отвѣтилъ отецъ Николай, внимательно оглядывая вопрошавшаго, — но по твоимъ

словамъ сужу, что языкъ твой въ ссорѣ съ сердцемъ твоимъ и головой...

— Ты хорошо сказалъ, старикъ, поддержали миссионера нѣкоторые золотоскатели. — Дже-зи навѣрное мало подумалъ о томъ, что сбрехнулъ...

— Не увертывайся, а отвѣчай на вопросъ прямо, разсердился Дже-зи, взбѣшенный неожиданнымъ вмѣшательствомъ товарищей. — Говори, простишь-ли меня, если обижу тебя?

— Я уже простилъ, лаконически отвѣтилъ отецъ Николай.

— Слушай, старикъ, рѣшительно проговорилъ лѣху, выведенный изъ тебѣ пѣнья невозмутимымъ спокойствіемъ миссионера, — мнѣ нравится ружье твоего проводника — отдай его!..

— Возьми, кротко отвѣтилъ отецъ Николай.

— Батка, что ты? встревожился Иванъ, до сихъ поръ молчавшій. — Подумай хорошенько: вѣдь этотъ разбойникъ изъ подареннаго ружья тебѣ-же пристрѣлитъ!..

— Хочетъ взять — отдай, твердо проговорилъ миссионеръ.

— А мои товарищи желаютъ получить лошадь съ вьюкомъ, добавилъ Дже-зи, ободренный уступчивостью отца Николая.

— Возьми и лошадь, также спокойно согласился миссионеръ, хорошо сознававшій невозможность оказать какое-либо противодѣйствіе насилію бродягъ.

Дже-зи первый моментъ нѣсколько опѣшилъ отъ покорности отца Николая, но черезъ минуту подошелъ съ наглостью къ Ивану и грубо вырвалъ изъ его рукъ ружье и поводъ лошади. Въ это время вышелъ изъ толпы выборный старшина Кэ-си, внимательно наблюдавшій за происшедшимъ, и рѣшительно приблизился къ нахальному ваторожнику.

— Отдай назадъ ружье и лошадь! рѣзко проговорилъ онъ, пронизывая Дже-зи суровымъ взглядомъ.

— Не отдамъ!.. Старикъ подарилъ мнѣ! нагло возразилъ лѣху, стараясь отстранить Кэ-си отъ себя.

— Отдай, отдай, сейчасъ отдай! зашумѣли многіе золотоскатели, шаирая на Дже-зи.

Отецъ Николай, хорошо зная характеръ китайцевъ, счелъ излишнимъ вмѣшиваться въ разгоравшійся споръ и спокойно ждалъ его результата.

— Слышишь, всѣ требуютъ, чтобы ты отдалъ! Ослушаешься, и раздѣлаюсь съ тобою такъ, что не радъ будешь и подаркамъ! съ угрозой крикнулъ Кэ-си.

— Что-же вы, черти, молчите!? грубо обратился бродяга къ своимъ притихнувшимъ товарищамъ, испугавшимся угрозы старшины.

— Товарищи не помогутъ — они не такіе негодии, каковы ты... Слушай, Дже-зи, въ послѣдній разъ говорю: отдай сейчасъ ружье и лошадь! пронзительно крикнулъ Кэ-си, разбѣшонный упорствомъ бродяги.

— На, возьми ихъ! Подавился ими! дерзко проговорилъ Дже-зи, злобно бросивъ на землю ружье и поводъ лошади. Затѣмъ, бродяга протиснулся черезъ толпу къ своему шалашу, въ которомъ и разразился отборнѣйшими китайскими ругательствами, выкрикиваемыми на все становище самой высокой фистулой. Между тѣмъ Иванъ, зорко слѣдившій за всѣми перепетіями бурныхъ переговоровъ, не зѣвалъ: быстро подобралъ онъ брошенное ружье и гордо закинулъ его за плечи; затѣмъ, съ дѣтски-наивнымъ восторгомъ сталъ цѣловать лошадь въ морду, весело приговаривая:

— Былъ чужой, Васька, и опять нашимъ сталъ... Отбили тебя отъ разбойника, отбили, и шкуру мою отбили... Вѣдь она двадцать рублей стѣитъ... У, какъ много денегъ! Закутимъ, Васька, съ тобою, какъ деньги за шкуру получу: себѣ новые штаны куплю, табаку, трубку...

Васька относился къ ласкамъ Ивана очень снисходительно, усердно отмахиваясь хвостомъ отъ роя оводовъ, все наравнившихъ усесться на его жирныя лшкы; ему, видимо, было все равно, что купить Иванъ на вырученные за шкуру деньги, лишь-бы жгучіе оводы перестали такъ назойливо кружиться надъ его лоснившимся отъ поту хребтомъ.

Между тѣмъ, Кэ-си подошелъ къ отцу Николаю и просто предложилъ:

— Пойдемъ въ мою палатку, покушай и отдохни...

— Спасибо, другъ, поблагодарилъ миссионеръ и направился за своимъ неожиданнымъ защитникомъ и покровителемъ.

Черезъ четверть часа, онъ уже сидѣлъ на рваной циновкѣ, въ дырчатой, до нелзя грязной палаткѣ старшины. Кэ-си, усадивъ гостя, набилъ табакомъ миниатюрную трубку, закурилъ и вѣжливо подаль ее отцу Николаю. Послѣдній, хорошо знакомый съ обычаями китайцевъ, слегка затянулся и передалъ затѣмъ трубку хозяину, который молча и важно докурилъ ее.

— Кушай, лаконически предложилъ послѣ этого Кэ-си, подавъ въ глиняной чашкѣ немного варенаго проса. — Больше ничего нѣтъ, добавилъ онъ. — Въ тайгѣ я уже давно — все пріѣлъ... Придется скоро кореньями питаться...

Отецъ Николай, не желая обидѣть гостепримнаго хозяина, отвѣдалъ предложеннаго проса и поблагодарилъ:

— Спасибо, другъ, за угощеніе.

— Кушай еще... Просо славное...

— Нѣтъ, довольно, сытъ, отказался миссионеръ.

— Пора, батка, идти, а то не успѣемъ къ заходу солнца въ становище, прервалъ разговоръ Иванъ, заглянувъ въ палатку.

— Да, да, пора, заторопился отецъ Николай. — Прощай, другъ, обратился онъ къ Кэ-си, приподнимаясь съ циновки. — надо идти дальше... Спасибо тебѣ за гостепримство и ласку.

— Прощай, старикъ, прощай, проговорилъ старшина, крѣпко пожимая миссионеру руку и провожая его изъ палатки.

— Буденъ когда въ Янчихэ — заходи ко мнѣ: я тамъ живу, пригласилъ отецъ Николай старшину. — Знаешь вѣдь Янчихэ?.. Спроси тамъ русскаго бонзу. Такъ и спроси — тебѣ покажутъ мой домъ.

— Какъ не знать — знаю; непремѣнно побываю при случаѣ... Спасибо, прощай-же!..

Кэ-си пожалъ еще разъ руку отцу Николаю, вскинулъ на плечо лопату и направился къ своей шурфовой ямѣ.

— Такъ я побываю у тебя, старикъ! крикнулъ онъ, немного отойдя и обернувшись къ удаляющимся путникамъ.

— Заходи, буду тебѣ радъ, привѣтливо отвѣтилъ миссионеръ, ласково кивая головою. — Славный китаецъ, обратился онъ къ своему проводнику.

— Хорошій человекъ — насъ отъ бѣды спасъ, поддакнулъ Иванъ...

Путники между тѣмъ благополучно миновали становище золотоскателей, занятыхъ своими работами, переместились черезъ рѣчку въ бродъ и направились тайгой къ близкой цѣли своего путешествія — къ голдыской деревнѣ...

VI.

День уже былъ на исходѣ, когда наши путники вышли изъ тайги на берегъ довольно широкой рѣки, вдоль которой блеснули на солнцѣ чистенькія фанзы голдыской деревни, потонувшія въ яркой зелени разнообразной растительности. Рачительно воздѣланные огороды, засѣянные всевозможными овощами и табакомъ, тянулись отъ фанзы къ фанзѣ, придавая общей картинѣ характеръ домовитости. Около каждой фанзы выселись большіе амбары, устроенные на высокихъ деревянныхъ стойкахъ *) и предназначенные для склада запасовъ сушеной рыбы (юколы). До десятка оморочекъ **) были вытасены на плоскій берегъ; тутъ и тамъ виднѣлись развѣшенные для просушки рыболовныя снасти, невода и оригинальные круглыя сѣти — предметъ голдыской изобрѣтательности. На всемъ окружающемъ лежала печать рѣдкаго трудолюбія, хозяйственности и образцоваго порядка...

Едва лишь путники показали въ виду поселенія, какъ были тотчасъ-же замѣчены мохнатыми, крѣпкими собаками, спокойно лежавшими до тѣхъ поръ передъ фанзами; съ враждебнымъ лаемъ бросились онѣ навстрѣчу, но немедленно успокоились, признавъ въ путникахъ старыхъ знакомыхъ. Ласкаясь къ отцу Николаю и къ Ивану, дружелюбно хватая за морду Ваську, собаки начали носиться во все стороны, словно угорѣлымъ, оглашая воздухъ уже радостнымъ лаемъ, точно предупреждая хозяевъ о прибытіи дорогихъ, давно жданныхъ гостей. Громкій, дружный лай почти тридцати собакъ поднималъ на ноги все голдыское населеніе. Старики и молодые, женщины и дѣти высныли изъ домовъ, пожираемые любопытствомъ и ожиданіемъ. Всѣ приглядывались вдаль, стараясь распознать путниковъ, мелькавшихъ среди густой зелени. Нѣсколько бойкихъ мальчугановъ, сгоравшихъ особеннымъ, свойственнымъ дѣтямъ, любопытствомъ, бросились стремглавъ навстрѣчу путникамъ. Прошло нѣсколько минутъ, и мальчуганы бѣжали уже обратно, радостно крича:

— Николай пріѣхалъ!.. Николай! Николай!..

Все населеніе встрепенулось отъ этого радостнаго крика и двинулось навстрѣчу миссионеру. Старые и молодые сбѣжили поздравиться съ дорогими гостями.

— Здравствуй, Николай!.. Здравствуй, Иванъ!.. Здоровы-ли? Какъ дошли? посыпались со всѣхъ сторонъ радостныя восклицанія и привѣтствія.

— Здравствуйте, друзья, здравствуйте, милые! здоровался отецъ Николай направо и налѣво, пожимая всѣмъ руки и цѣлуя чумазыхъ ребятъ, вертѣвшихся у его ногъ.

— Николай, привезъ сахару? Ты обѣщалъ сахару привезти, теребили отца Николая наиболѣе бойкіе мальчуганы и лохматыя дѣвчонки.

— Дайте дорогу, ступайте прочь! крикнулъ на дѣтей высокій старикъ — старшина селенія Синбей, въ фанзѣ котораго всегда останавливался миссионеръ.

Дѣти шарахнулись въ сторону, продолжая выкрикивать:

— Привезъ сахару?.. Привезъ сахару?..

— Привезъ, привезъ, съ улыбкой успокоилъ ихъ отецъ Николай, продолжалъ привѣтливо здороваться со всѣмъ членомъ голдыскаго селенія. Перездоровавшій со всѣми, мужчинами и женщинами, миссионеръ, окруженный голдыми, вошелъ въ обширную фанзу Синбея, гдѣ и занялъ предложенное хозяиномъ почетное мѣсто на широкихъ, низкихъ нарахъ, прикрытыхъ звѣриными шкурами.

— Ну, еще разъ здравствуйте! обратился отецъ Николай къ

*) Голды устраиваютъ амбары на остокахъ для защиты запасовъ рыбъ отъ крысъ.

**) Оморочка — голдыская лодка отъ 2½ до 3 сажень длины и только около аршина ширины; носъ и корма высоко загнуты надъ водой. Остовъ оморочки дѣлается изъ тонкихъ, крѣпкихъ лалокъ и обтягивается берестой, вслѣдствіе чего оморочка чрезвычайно легка и вмѣстѣ съ тѣмъ мало устойчива. Надо имѣть большую сноровку и ловкость, чтобы управлять ею.

Переходъ Аннибала черезъ Рону. Рис. Анри Мотта, грав. Аде.

Черногорцы, возвращающиеся съ набѣга. Рис. П. Юлиновичъ, грав. Кнезичъ.

столпившимся гольдамъ. — Разсказывайте-ка, какъ ваши дѣла? Что случилось въ мое отсутствіе? продолжалъ онъ послѣ шумнаго, дружнаго отвѣта на привѣтствіе.

— Пойдите, пойдите, не всё разомъ—я ничего не разберу, съ улыбкой, кротко остановилъ миссіонеръ цѣлый залпъ самыхъ разнообразныхъ сообщеній о всемъ случившемся за истекшіе полгода.

— Синбей, разсказывай ты, обратились гольды къ старшинѣ съ просьбой.

— Хорошо, согласился Синбей,—только вы не галдите какъ вороны...

— Слушай, Николай, продолжалъ онъ, обращаясь къ миссіонеру.—Вскорѣ, какъ ты ушелъ отъ насъ, тигръ растерзалъ Котая—только кости его наши; мы зарыли ихъ—ты ужь, пожалуйста, прочитай надъ его могилой молитву... Потомъ, умеръ отъ какой-то болѣзни Ци-унъ, тоже такъ похоронили. У Пойни сынъ очень боленъ; самого нѣтъ—на охоту ушелъ, а мать съ сыномъ осталась—все плачетъ, да плачетъ, думается ей, что умереть сынъ... Кажется все! обратился старшина къ гольдамъ.

— Нѣтъ не все—у меня дочь родилась, заявилъ одинъ изъ гольдовъ, выступая впередъ.

— А у меня, жена сына принесла, добавилъ другой, отдѣляясь также отъ толпы.

— Да, да! вспомнилъ Синбей. — У Кучана, видишь-ли, родился сынъ—ему уже пошелъ... Эй, Кучанъ, который мѣсяцъ твоему сыну?..

— Пятый, отвѣтилъ Кучанъ.

— Сыну Кучана уже пятый мѣсяцъ пошелъ, повторилъ Синбей,—придется окрестить... Потомъ, жена Хотэ дочь принесла, которой также уже пятый мѣсяцъ пошелъ...

— Всего только третій, поспѣшилъ поправить Хотэ.

— Видишь-ли, дочкѣ Хотэ всего третій мѣсяцъ пошелъ, повторилъ опять Синбей, видимо нутая происшествій въ повѣдомственномъ ему селеніи.—Совсѣмъ еще она маленькая!.. Теперь все... рѣшительно закончилъ старшина свой докладъ.

— Какъ все! обидѣлся молодой, симпатичный гольдъ, выдвигаясь ихъ толпы. — Вѣдь я тебѣ говорилъ, что жениться хочю...

— Видишь, Николай, еще новость нашлась, добродушно проговорилъ Синбей.—Монѣи хочеть жениться—мою дочь беретъ... Теперь, ужь навѣрное все!..

— Все, все, подтвердили хоромъ гольды.

— И такъ, друзья, новости ваши я выслушалъ—знаю, что дѣлать, а теперь пойду навѣстить сына Пойни, проговорилъ отецъ Николай, подымаясь съ наръ.

— Раньше покусай—сейчасъ жена ужинъ подастъ, предложилъ Синбей.

— Нѣтъ, другъ мой, я послѣ поужинаю, отказался миссіонеръ,—а теперь схожу къ Пойни—надо жену его успокоить.

— Ступай, просто согласился Синбей.

Отецъ Николай вышелъ на улицу и, въ сопровожденіи той-же толпы, направился въ конецъ селенія, гдѣ стояла небольшая, но чистенькая, фанза Пойни. Подходя къ послѣдней, толпа притихла, опасаясь потревожить больного, на выздоровленіе котораго все потеряли надежду. Добродушные гольды живо сочувствовали тяжкому горю несчастной матери, сознавая всю горечь возможной утраты горячо любимаго сына. Это сознание истекаетъ изъ тѣсной семейной связи, существующей у всѣхъ гольдовъ; каждый изъ нихъ безгранично любить своихъ дѣтей, которыхъ, въ свою очередь, платитъ родителямъ тою-же горячею любовью и привязанностью. Эта тѣсная семейная связь служитъ у гольдовъ источникомъ самыхъ миролюбивыхъ, добродушныхъ взаимныхъ отношеній; она ставитъ этихъ дикарей на сравнительно высокую нрав-

ственную ступень, дающую имъ возможность легко культивироваться и сознать всю высоту и превосходство христіанскаго ученія, въ основу котораго положено „любить другъ друга“. Гольды, благодаря своему добродушію и миролюбію, легко поддались вліянію китайцевъ, населяющихъ край, отъ которыхъ переняли очень много какъ въ одеждѣ, такъ и въ постройкѣ своихъ жилищъ. Китайцы пользуются добродушіемъ дикарей и безстыдно эксплуатируютъ ихъ, сбывая имъ въ долгъ, за страшныя цѣны, необходимые припасы, какъ-то: порохъ, свинець, просо, табакъ, соль и т. п., и обязывая ихъ за это доставлять весь уловъ соболей за самую низкую цѣну. Благодаря подобному образу дѣйствій, гольды не выходятъ изъ неплатнаго долга, не могутъ, безъ посторонней помощи, освободиться отъ жестокой кабалы, тормозящей ихъ культуру. Гольды совершенно забыты мѣстной административною властью, между тѣмъ они достойны, по своимъ нравственнымъ качествамъ, самой лучшей будущности. Гольды вздохнули только съ прибытіемъ въ край своего благодѣтеля, отца Николая. Обративъ особенное вниманіе на добродушныхъ инородцевъ, почтенный миссіонеръ задаясь энергичною, смѣлою мыслью просвѣтить ихъ христіанскимъ ученіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавить отъ китайской кабалы. Многолѣтній, тяжелый, упорный трудъ отца Николая увѣнчался рѣдкимъ, выдающимся успѣхомъ.

Цѣлыя гольдскія селенія перешли въ православіе, причемъ отцу Николаю пришлось вести отчаянную, энергичную борьбу съ гнусными эксплуататорами несчастныхъ дикарей—съ китайцами, справедливо видѣвшими въ немъ опаснаго врага, подрывавшагося подъ ихъ благосостояніе насчетъ закабаленныхъ инородцевъ. Отецъ Николай прежде всего научилъ гольдовъ производить овощи, развезъ имъ разнообразныя сѣмена, показалъ какъ сѣять просо, табакъ, старался, чтобы инородцы своимъ трудолюбіемъ добыли то, что прежде пріобрѣтали за большія деньги, отъ кулаковъ-китайцевъ. Онъ постепенно сбрасывалъ съ дикарей тяжелую вѣковую кабалу, научилъ ихъ ходить въ ближайшіе русскіе города и селенія и тамъ покупать несравненно дешевле необходимые припасы: порохъ, свинець, соль и бумажныя матеріи. Все это доставлялось зимнимъ путемъ на собакахъ. Отецъ Николай надумалъ гольдовъ сбывать весь уловъ соболей въ руки русскихъ промышленниковъ за тройную цѣну противъ прежней, указавъ имъ настоящую стоимость дорогаго мѣха, представляющаго едипственный источникъ благосостоянія дикарей. Изучивъ практически медицину, почтенный миссіонеръ лѣчилъ, прививалъ, осну и, одновременно, крестилъ, вѣнчалъ, наставлялъ дикарей въ истинной вѣрѣ. Благодаря разбросанности гольдскихъ селеній, отцу Николаю приходилось дѣлать ежегодно тысячи верстъ, при чемъ все-таки десятки селеній иногда по году не были осязательны его посѣщеніемъ, вслѣдствіе физической невозможности поспѣть одному во все пункты обширнаго края. Зимой и лѣтомъ, дважды въ годъ, отецъ Николай дѣлалъ объѣзды насты, бывая дома только въ дни осенней и весенней распутицы, когда онъ всецѣло отдавался корейцамъ, селенія которыхъ были расположены вблизи его постоянного мѣстожительства. Такимъ образомъ, круглый годъ онъ несъ свою тяжелую, но благотворную, миссіонерскую обязанность, не зная усталости и немощи, не кичась своими подвигами, не описывая ихъ въ краснорѣчивыхъ отчетяхъ, на которые особенно налегать другой миссіонеръ край, отецъ Петръ. По отчетамъ послѣдняго, обращенныхъ имъ было такъ много, что чуть-ли не являлась надобность строить въ разныхъ концахъ пустыннаго края каменные соборы, на постройку которыхъ даже собирались пожертвовать.

(Продолженіе будетъ).

Путешествія русскихъ людей за границу по произведеніямъ русской литературы.

П. И. Вейнберга.

(Продолженіе).

Во второй половинѣ четырнадцатаго вѣка, ѣздилъ ко Св. Мѣстамъ Стефанъ Новгородецъ, тоже монахъ, и при томъ престарѣлый, какъ можно заключить изъ словъ его: „старость моя аки ветхаго мниха уручаетъ“; ходилъ онъ „поклонился святымъ мѣстамъ, и цѣловати тѣлеса святыхъ“, и былъ въ Иерусалимѣ,—но литературнымъ плодомъ этого путешествія осталось описаніе только Царьграда. Что-же въ этомъ описаніи? Опять вся свѣтская сторона жизни чуждаго, любопытнаго края осталась совершенно незатронутою; до нравовъ и обычаевъ, а ужь подавно до внутренней стороны быта нашему путешественнику нѣтъ никакого дѣла; только мелькомъ опишетъ онъ иногда тотъ или другой памятникъ искусства, да и то при косвенной хотя связи его съ какимъ-нибудь религіознымъ предметомъ. Такъ напр. обозрѣваетъ онъ церковь Св. Софіи, и тутъ обращаетъ вниманіе на стоящій предъ нею столбъ, на вершинѣ котораго „сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣхъ сарацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а

правую руку отъ себя простре буйно на полдни, на срацинскую землю къ Иерусалиму“. Но онъ тщательно собираетъ легенды духовнаго характера, подробно разсказываетъ о разныхъ церковныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, какъ напримѣръ о ношеніи во вторникамъ иконы Богородицы, которая „велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы передъ нею поютъ красно... единому челоуку на плеча вставятъ раму, а онъ руцѣ распротретъ, аки распять, также и очи ему запровержутъ, видѣти грозно, по ходбицу менеть его семо и овамо, вельми сильно повертываетъ имъ, а онъ не помнитъ, куда его икона носитъ“...

Мало, почти ничего новаго—сравнительно съ „Хожденіемъ“ Данила Паломника—не найдемъ мы и у путешественника начала пятнадцатаго столѣтія, іеродиакона Зосимы, ходившаго изъ Кіева въ Иерусалимъ и описавшаго Св. Мѣсто и Царьградъ. Съ извѣстными уже намъ точностью, тщательностью и любовью собираетъ онъ и сообщаетъ своимъ читателямъ свѣдѣнія обо всѣхъ мѣстахъ, всѣхъ памятникахъ, важныхъ въ церковномъ отношеніи или связанныхъ со священными воспоми-

нанями (причем очевидно пользуется и „Хождением“ Данила); точно также отводит не мало мѣста слухамъ и легендамъ духовнаго характера, относясь съ полной вѣрой даже къ такимъ изъ нихъ, какъ напр., сказаніе о каменной жабѣ передъ воротами монастыря, которая яко-бы при Львѣ Премудромъ ходила по улицамъ и пожирала людей, а метлы сами вылетали изъ устъ; точно также игнорируется все свѣтское. Если Зосима иногда и отступаетъ чуть-чуть отъ своей—конечно неумышленно составленной—программы, то для того, чтобы сообщить такое напирѣжь историческое свѣдѣніе, что „тогда (т. е. во время его путешествія) былъ патриархъ Теофілъ, а во Египтѣ султанъ, сирѣчь царь, или ему Тотаръ, а въ Домасцѣ Дембалъ“,—или, видя крестоносцевъ и живя среди нихъ, ограничиться замѣчаніемъ, что они „носятъ кресты на лѣвыхъ плечахъ, на портищахъ нашиваны“,—или между всѣми памятниками древняго искусства, собранными въ столицѣ Византіи, остаются (да и то бѣгло и съ такою-же наивностью, какую мы видѣли выше) все на томъ-же столбѣ Юстиніана, „который (т. е. Юстиніанъ) хвалится на срацинскіе цари, а срацинскіе цари противъ ему стоятъ, всѣ болваны мѣдныи, держать въ своихъ рукахъ дань, и глаголятъ ему: „а не хвалися на насъ, Господине, мы бо ся тебѣ ради“...“

Такъ какъ почти всѣ эти путешественники стараются побывать въ Иерусалимѣ во время Свѣтлаго Праздника, то одно изъ главныхъ мѣстъ своего описанія они естественно отводятъ—какъ мы это видѣли и у Данила—описанію этого торжества, причемъ почти каждый по своему—конечно подъ впечатлѣніемъ и собственнаго воображенія, и бывшей въ данномъ случаѣ обстановки—описываетъ процессъ зажженія свѣчей и кандиль на Св. Гробѣ. Такъ „убогій Василій по прозвищу Гогаръ“ (уже въ семнадцатомъ столѣтіи) рассказываетъ—какъ очевидецъ—что за нѣсколько минутъ до воскресной полночи надъ церковью Воскресенія три раза раздался ударъ грома, и прилетѣли на порогъ церковный три голубя, „связи видѣніемъ“, митрополитъ вошелъ въ часовню ко Гробу Господню, оставался тамъ нѣкоторое время одинъ, а потомъ вдругъ „яко-же Божіимъ повелѣніемъ“ загорѣлся огонь въ лампадѣ, висѣвшей надъ Св. Гробомъ. На нѣсколько минутъ у глубоковѣрующаго Гогаря явилось, однако, сомнѣніе—„не греки-ли той огонь составляютъ своимъ умышлениемъ, а не небесный огонь сходитъ съ небеси“. И вотъ онъ дѣлаетъ опытъ: беретъ въ руку двадцать свѣчей, зажженныхъ у того-же священнаго огня, и три раза вытаскаетъ ими подпалить свою бороду, но ни одинъ волосокъ ея не дѣлается жертвою огня; и тогда—„азъ грѣшный токмо убрѣялъ, что небесный огонь есть, како не сожгло бороды моея отъ огня, како-же бываетъ отъ естественнаго огня, что многія вещи пожигаетъ“. Убрѣявалъ убогій Василій, и просилъ прощенія у митрополита, что „небѣрваніемъ одержимъ бысть“... Арсеній Солунскій, прожившій въ Иерусалимѣ цѣлыхъ семнадцать лѣтъ, видѣлъ, что свѣчи зажигала молнія... Трифонъ Коробейниковъ—о которомъ еще будетъ рѣчь ниже—опять даетъ показаніе иное. По его разсказу, за два часа до вечера „пріидетъ аки солнце въ великую церковь, въ непокровенное мѣсто большой церкви; это знакъ съ неба патриарху идти въ церковь. Послѣ ибнѣ стихарей отворяютъ двери часовни, — и тутъ „узрѣвшіе люди вси благодать Божью, сошедшую съ небеси на Гробъ Господень во огненнѣ образѣ, огню ходящу по Гробу Господню по двѣ мраморной всякими цвѣты, что молнія съ небеси“. И этотъ огонь тоже не сожигаетъ...

Религиозный элементъ, такъ исключительно—и такъ естественно—господствующій въ произведеніяхъ нашихъ путешественниковъ изъ духовнаго сословія, составляетъ—и это опять вслѣдствіе общаго характера просвѣщенія и грамотности въ нашемъ древнѣйшемъ періодѣ—составляетъ, какъ уже выше замѣчено, отличительную черту описаній и путешественниковъ свѣтскихъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны пользующіеся и теперь значительною популярностью въ народѣ записки купцовъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова, которые были отправлены Иваномъ Грознымъ для поминованія царевича Іоанна и посѣтили Царьградъ, Иерусалимъ, Антиохію и Синайскую гору. Не говоря уже о томъ, что и они—подобно всѣмъ остальнымъ путешественникамъ—ни однимъ словомъ не упоминаютъ о видѣнномъ ими на всемъ пути до Царьграда отъ мѣста своего отправленія изъ отечества, точно на всемъ этомъ пути не встрѣчено было ими ничего замѣчательнаго,—почти все, сообщаемое ими какъ о Царьградѣ, такъ и о Св. Землѣ, касается только религиозной стороны. Большинство подробностей тѣ же, что и у Данила (котораго авторы нѣрѣдко списываютъ); вниманіе путешественниковъ обращено также исключительно на мѣста имѣющія священныи характеръ, и описаніе этихъ мѣстъ, отчасти очевидческое, отчасти заимствованное, какъ у Данила Паломника, такъ и изъ апокрифовъ и легендъ, и т. п., самое обстоятельное и тщательное. Если находимъ мы у Коробейникова подробности, ему собственно принадлежащія и не встрѣчающіяся въ другихъ описаніяхъ, то онѣ все того-же религиознаго свойства. Любопытенъ, напирѣжь, разсказъ автора о Селѣ Скудельничѣ, „что откудено кровію Господа нашего Исуса Христа“. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Спасителя Иуда, въ порывѣ раскаянія, отдалъ въ храмъ тридцать сребренниковъ, полученныхъ за предательство;

но „пребезаконные іудеи рѣша во себѣ: не достоятъ намъ тѣхъ сребренниковъ положить въ корвану, сирѣчь въ казну, понежъ цѣна крови есть, и куши ими село Скудельниче въ погребеніе страннымъ“,—т. е. странникамъ-христіанамъ, умирающимъ въ Св. Землѣ. Умершихъ кладутъ въ ископанной для того пещерѣ, кладутъ безъ гроба на землѣ; „а егда положить христіанина праведнаго или грѣшнаго, и лежить тѣло его сорокъ дней цѣло и мягко, и смраду отъ него нѣтъ, и егда исполнится сорокъ дней, объ одну ночь тѣло его земля будетъ, а кости его наги будутъ.“ Вслѣдъ затѣмъ особый служитель складываетъ эту землю въ одинъ „закромъ“, а кости въ другой; „а кости цѣлы и до сего дня, а земля аки голуба; и егда кто отъ православныхъ христіанъ придетъ помолитися, и не велеть никому изъ того села на мощи имать ничтоже; аще которой человекъ возьметъ что втай отъ тѣхъ мощей, и егда придетъ корабль на морѣ, тогда корабль на морѣ не можетъ идти, и учнутъ турки обыскивати христіанъ, и аще что найдутъ отъ тѣхъ костей, и свергнуть того человекъ въ морѣ совсѣмъ, а корабль поидетъ своимъ путемъ“...

Въ другомъ мѣстѣ авторъ записываетъ со словъ египетскаго патриарха Сильвестра (котораго онъ называетъ и патриархомъ, и свѣтѣйшимъ папой) разсказъ о переносимыхъ въ Египтѣ христіанами бѣдствій, и какъ самое содержаніе этого разсказа, такъ и способъ передачи его нашимъ путешественникомъ-авторомъ, несомнѣнно заключаютъ въ себѣ много характеристическаго. Узнаемъ мы здѣсь о какомъ-то египетскомъ царѣ Чиркизкоѣ (вѣроятно, испорченное и обратившееся во имя существительное—имя прилагательное „черкесскій“) „имя ему Гаврило, а невѣриемъ сынъ турчанинъ, вельми золь на христіанъ“, и о его врачѣ-жидовинѣ, который строитъ противъ христіанъ всяческія козни и подбиваетъ царя, чтобы велѣлъ имъ держать вѣру „турскую или жидовскую“. Особенный предметъ злобы—патриархъ Іоакимъ Александрійскій, котораго царь, однако, шадитъ, потому что тотъ пользуется большимъ авторитетомъ и считается свѣтымъ человекѣмъ; „азъ того блюдусъ“—говоритъ этотъ странный египтянинъ Гаврило. Но жидовинъ-врачъ обѣщаетъ извести Іоакима ложкою зелья, и когда царь требуетъ патриарха къ себѣ, жидовинъ, присутствующій тутъ-же, задаетъ Св. Отцу вопросъ: „правда-ли въ вашихъ книгахъ написано, аще что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, жидовинъ предлагаетъ Іоакиму „иснити смертное зелье за свою вѣру“. Патриархъ конечно съ радостью соглашается, и всю ту недѣлю, которая проходитъ между этимъ днемъ и тѣмъ, что назначенъ для испытанія, проводить въ молитвѣ (которую раздѣляетъ съ нимъ его наставъ), причемъ однажды появляется къ нему въ видѣніи таинственная „жена-утѣшительница“ въ бѣлыхъ ризахъ и въ сопровожденіи двухъ юношей; это—Богородица явившаяся Св. мужу для того, чтобы сказать: „Старче, не бойся, дерзай; Азъ емь съ тобою“. Но вотъ наступилъ часъ испытанія, совершающагося въ присутствіи огромнаго количества народа самыхъ различныхъ національностей и вѣръ: маркянъ, арабовъ, латынянъ, коптовъ, маруни, арианъ, несторіанъ, якобитовъ и тетрадитовъ... Жидовинъ-врачъ подноситъ патриарху кубокъ съ отравленнымъ питьемъ, сопроводжая поднесеніе словами: „аще будетъ правая вѣра ваша—и ты будешь живъ, и цѣлъ, небреженъ; аще не будетъ правая вѣра ваша—и ты смерти вкусишь“. Чудо совершилось—патриархъ выпилъ и остался невредимъ. Но онъ въ свою очередь предлагаетъ жидовину выпить—уже не отравленнаго зелья, а простой воды, и врачъ, понуждаемый къ тому всѣми присутствующими и самимъ царемъ, поневолѣ пьетъ. Но едва онъ проглотилъ нѣсколько глотковъ этого чистаго, свѣтлаго, безвреднаго напитка, какъ „нача тѣло его пухнути, онъ же побѣже изъ палаты въ домъ свой“, а черезъ нѣсколько минутъ „злѣ животь свой испроверже, разсѣяся утроба его и изляся“. А патриархъ остался живъ и здоровъ; только отъ лютаго зелья всѣ зубы выпали. Не остался безъ наказанія и царь Гаврило: въ Египетъ пришелъ съ войскомъ изъ Царьграда „царь Сулеманъ Турскій“ и повѣсилъ Гаврилу.

Коробейниковъ разсказываетъ и другую исторію, происшедшую между этимъ египетскимъ царемъ и тѣмъ-же патриархомъ Іоакимомъ, и слышанную имъ отъ того-же патриарха Сильвестра. Беззаконный царь Чиркизкоѣ приказалъ отнять у патриарха Іоакима церковь и обратить ее въ баню. Патриархъ обратился съ молитвой о заступничествѣ къ Св. Николаю, и вотъ—„въ ту же ночь явись царю Св. Николай, и взи его рукою за горло, и стисну, и глагола ему: „почто еси велѣлъ въ дому моемъ баню сотворити? Аще ли не велики дома моего христіанамъ отдати, то въ другую ночь приду и погублю тя“... И въ той часъ посла царь, и не велѣ той церкви трогати, и отдалъ ю патриарху“.

Какъ Даниилъ Паломникъ—о чемъ мы уже говорили—обращаетъ вниманіе только на тѣ явленія или произведенія природы, которыя имѣютъ какую-нибудь связь съ предметами или событіями религиознаго характера, такъ Коробейниковъ съ Грековымъ сочли нужнымъ въ этомъ отношеніи занести на страницы своихъ путевыхъ записокъ, напирѣжь, вошедшихъ въ Синайскомъ монастырѣ птицъ, которыхъ „послатъ Богъ съ небеси израильскимъ людямъ, егда они жили въ Синайской пустынѣ сорокъ лѣтъ“, и мясо которыхъ, по свидѣтельству нашихъ путешественниковъ, „сладчае всѣхъ мясъ“.

Болѣ свѣтскимъ и слѣдовательно болѣ разнообразнымъ характеромъ отличается пользующеяся очень большою популярностью описаніе путешествія въ Индію Аванасія Никитина. Цѣль этой поѣздки уже не религиозная. Аванасій Никитинъ, богатый тверской купецъ, отправился (въ концѣ XV вѣка) въ заморскія страны по собственнымъ торговымъ дѣламъ, побывавъ въ Индіи, на Кавказѣ, въ Персіи. Но и тутъ, главное вниманіе путешественника, человека глубоко набожнаго, обращено на предметы находящіяся въ болѣе или менѣе близкомъ соприкосновеніи съ религіей. Старательно наблюдаетъ онъ религиозные обряды и върванія тѣхъ странъ, и подробно сообщаетъ о томъ въ своихъ запискахъ. Въ Бедерѣ, столицѣ Хоросанскаго султана, интересуется онъ тамошнимъ идоломъ Бутомъ и рассказываетъ, что этотъ Бутъ „вырѣзанъ изъ камня изъ чернаго, велики велики, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко, да простеръ ее, аки Устинеянь, царь Цареградскій, а въ лѣвой рукѣ у него копье, а на немъ нѣтъ ничего, а видѣнье обезьянино... А передъ Бутомъ стоитъ воля велики велики, а вырѣзанъ изъ камня изъ чернаго, а весь поволоченъ, а пѣлуютъ его въ концы, а сыплютъ на него цвѣты...“ И много другихъ подробностей въ томъ-же родѣ и пересказанныхъ въ такомъ же тонѣ, такою-же манерою... Неоднократно выражаетъ нашъ путешественникъ скорбь человека, оторваннаго отъ родины, захваченнаго къ совсемъ чужимъ людямъ, но ни о чемъ не горюеть онъ такъ, какъ о трудности соблюдать въ такой далекой и нехристіанской странѣ чистоту вѣры, исполнять ея обряды, — тѣмъ болѣе, что онъ тутъ безъ священныхъ книгъ (которыя ограблены у него въ дорогѣ) и не знаетъ точно времени, не знаетъ „ни что великій день, ни что постъ, ни Рождество Христово, ни другіе праздники, ни среда, ни пятница...“ — „И велика дѣя христіанскаго не вѣдаю Христово Воскресенія — свѣтуеть онъ — а говѣиное же ихъ говѣхъ съ бесермены, и разговѣхъ съ ними“. Съ истиннымъ душевнымъ отчаяніемъ онъ въ одномъ изъ городовъ Индіи „взмислихся по вѣрѣ по христіанской, и по крещеніи Христовѣ, и по говѣиныхъ Св. Отецъ устроенныхъ, и по заповѣдѣхъ апостольскихъ, и устремихся умомъ поити на Русь...“

При этомъ преобладающимъ направлениемъ труда Аванасія Никитина, мы находимъ тутъ однако много подробностей и другаго рода — во всякомъ случаѣ выдвигающихъ произведение этого путешественника далеко изъ ряда всѣхъ остальныхъ. И если преувеличено замѣчаніе профессора Срезневскаго (подробно изслѣдовавшаго и разобравшаго этотъ памятникъ), что только „разказы де-Конта и отчеты Васко ди-Гама одни могутъ быть поставлены вровень съ хожденіемъ Никитина“,

то все-таки нельзя не признать въ этихъ запискахъ не мало такого, что заставляетъ видѣть въ Никитинѣ отдаленный первообразъ русскаго путешественника въ настоящемъ значеніи этого послѣдняго слова. Что Никитинъ забрался въ такую отдаленную страну какъ Индія — въ томъ удивительнаго мало: уже въ нашихъ былинахъ находятся ясныя указанія на торговые сношенія Руси съ этими странами. Но достойно вниманія то обстоятельство, что Никитинъ сообщаетъ извѣстія не

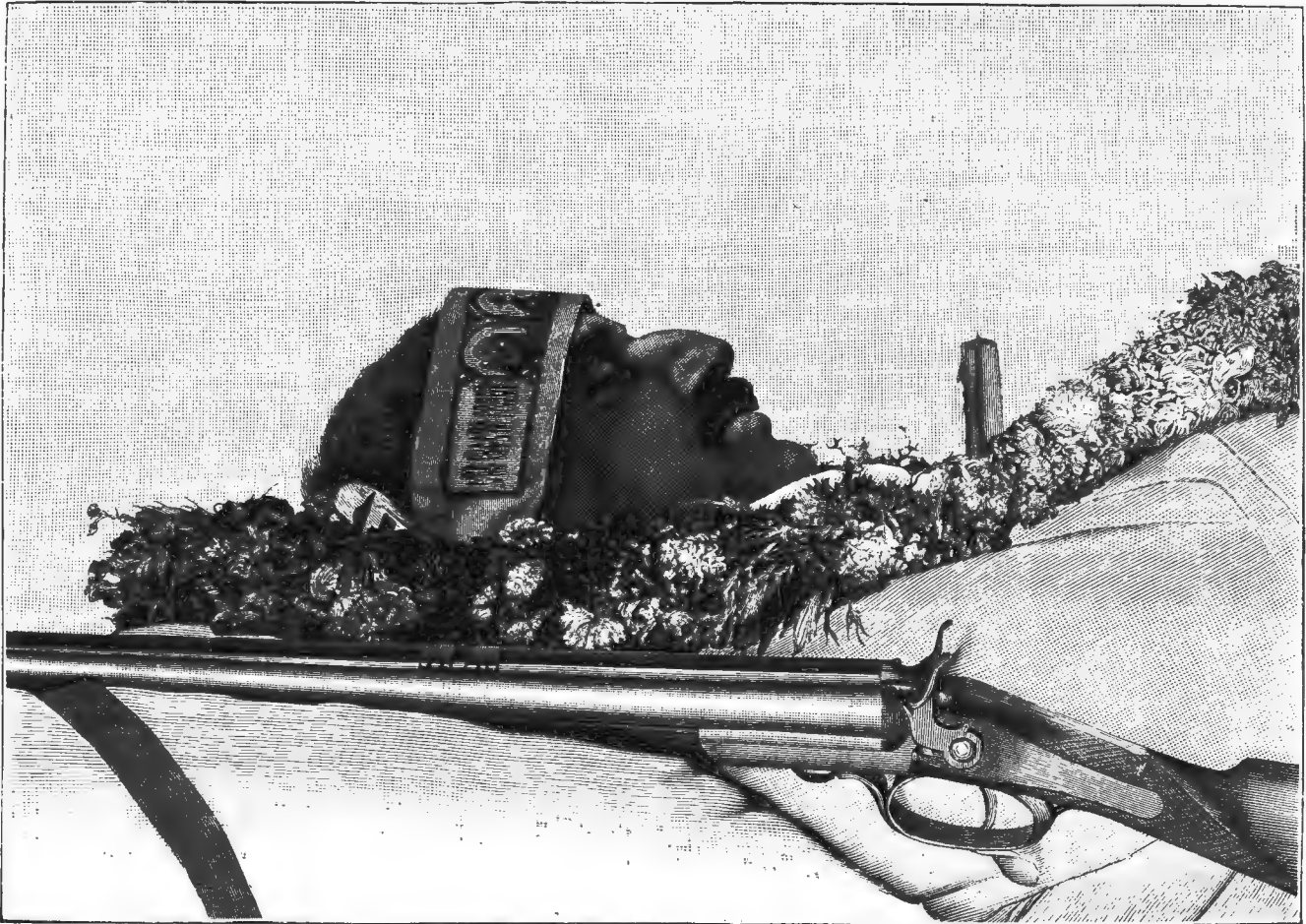
только о чисто внѣшней сторонѣ предмета (каково напр. сухое описаніе вида зданія и т. п.), но и о такихъ вещахъ, какъ нравы и обычаи народа, его торговля, состояніе войска, пища, одежда... И все это — если въ такомъ-же тонѣ, какой мы встрѣчали у другихъ путешественниковъ, съ такою-же наивностью человека впервые попавшаго въ кругъ хотя очень обыкновенныхъ, но для него совершенно новыхъ, диковинныхъ предметовъ, — но все, говорю, изложенное весьма обстоятельно, и притомъ очевидно не съ чужихъ словъ, а какъ результатъ собственныхъ наблюденій. Конечно, многое, слышимое нашимъ путешественникомъ отъ другихъ, отъ туземцевъ, принимается имъ чисто на вѣру, безъ малѣйшей провѣрки. Такъ, вполне серьезно сообщаетъ онъ о томъ, что есть въ Аляндѣ (?) какаля-то птица гукукъ, „летаетъ ночью, а кличетъ куукъ-куукъ, а на которой хороминѣ сидитъ, то тутъ человекъ умретъ, и кто ее хочетъ убити, ино у ней изо рта огонь выйдетъ“. Или рассказываетъ онъ намъ объ индійскихъ обезьянахъ, которыя „живутъ въ лѣсу, а есть у нихъ князь обезьянскій, да ходятъ ратью своею, да кто ихъ займаетъ, а оны ся жалуютъ князю своему, и оны, пришедъ на градъ, дворы развалиютъ, и людей побьютъ; а рати ихъ, сказываютъ, велики много, а языкъ у нихъ свой, а дѣтей родятъ много, да который родится ни во отца, ни въ мать, и они тѣхъ мечутъ по дорогамъ, ино Гиндустанцы тѣхъ имають, да учатъ ихъ всякому рукодѣлю, а иныхъ учатъ плясамъ“. Или найдемъ у него свѣдѣніе о какихъ-то змѣяхъ, которыя въ Бедерѣ ходятъ по улицамъ, и т. д., и т. д. Никитинъ прислушивается также къ языку индійцевъ, записываетъ многія фразы, конечно сильно коверкая ихъ, и пересказываетъ ими свой рассказъ довольно обильно... Видно, однимъ словомъ, что это человекъ котора-

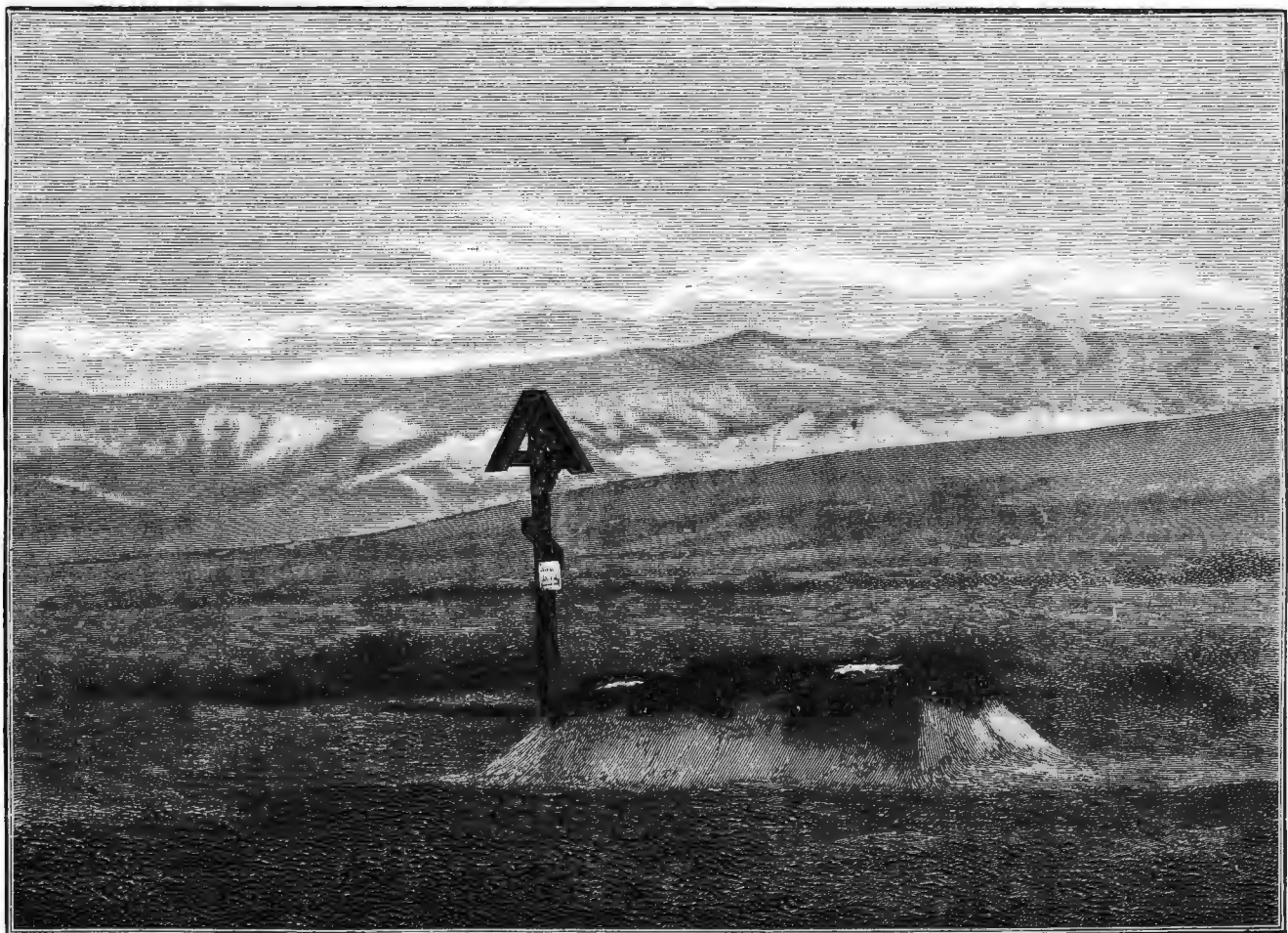
Князь Даниль, наследникъ Черногорскаго престола.

го интересуется все, что онъ видитъ и слышитъ вокругъ себя, хотя способъ его наблюденія, міросозерцаніе его еще очень ограничены, очень наивны, очень дѣтски...

Упомянемъ еще о нелишнемъ интересѣ описанія путешествія въ Китай Байкова, который былъ отправленъ туда въ качествѣ посланника русскимъ государемъ въ 1654 г. (но, замѣтимъ кстати, за свой упорный отказъ исполнять разные унизительные обряды, требовавшіеся китайскимъ этикетомъ,

Н. М. Пржевальский въ гробу. Съ фот. Роборовскаго, грав. Шюблеръ.

Могла Н. М. Пржевальскаго на берегу озера Иссык-Куль. Съ фот. Роборовскаго, грав. Пуцъ.

въ течение трехъ лѣтъ не былъ допускаемъ къ богдыхану — и такъ и вернулся въ Москву, не выполнивъ своего дипломатическаго порученія). Въ путевыхъ замѣткахъ Байкова есть нѣсколько подробностей о китайской торговлѣ, тамошнихъ нравахъ и т. п., но и тутъ никакого углубленія въ наблюдаемый предметъ, и тутъ записывается только то, что поражаетъ *внѣшнее* чувство...

Начиная съ пятнадцатаго столѣтія находимъ нашихъ путешественниковъ — т. е. такихъ которые и описываютъ свои странствія — и въ Западной Европѣ. Тутъ, уже по свойству самихъ мѣстностей, вниманіе путешественника обращаютъ на себя предметы и явленія свѣтскіе (хотя все имѣющее характеръ религиозный занимаетъ его и здѣсь больше). Но въ этомъ наблюденіи, насколько оно выражается въ литературномъ продуктѣ его — описаніи, сказываются и наивно-дѣтское мировоззрѣніе, и наивно-дѣтская манера выраженія своихъ мыслей; ясно видно, что это новички, для которыхъ даже самыя незначительныя произведенія европейскаго комфорта, европейскаго искусства и т. п. — большія, никогда не виданныя ими диковинки. Укажу для примѣра на путевыя записки Симона Суздальскаго (монаха), который былъ посланъ въ свѣтъ митрополита Исидора на флорентинскій соборъ въ 1437 г.

Здѣсь, независимо отъ подробностей, касающихся собственно дѣла путешествія, находимъ достаточное количество наблюденій вышеупомянутаго свойства надъ другими предметами. Напримеръ, дома въ Юрєвѣ (Деритѣ) показались ему палатами „весьма чудными“, и онъ тутъ-же даетъ объясненіе, что „намъ, не видящимъ таковыхъ, дивятся“. Любекъ изображается у нашего путешественника, какъ „градъ весьма чуденъ, и палаты весьма чудны, съ позлащенными верхами... И воды приведены въ него, и текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столбовъ, и студены, и сладки...“ Въ одномъ монастырѣ поразило его механическое приспособленіе, которое онъ называетъ чудомъ, „мудростью недоумѣнною и несказанною“. Это — изображеніе Богородицы со Спасителемъ на рукахъ, на голову которой, по звону колокольчика, ангелъ, спускающійся по убѣжденію нашего путешественника съ неба, кладетъ вѣнецъ; „и — разсказываетъ онъ — пойдетъ звѣзда яко по небу, и на звѣзду зряху, идутъ волстви (волхвы) три, а предъ ними человекъ съ мечомъ, а за ними человекъ съ дарами“; эти дары подносятся Христу; Онъ беретъ ихъ, „и ангелъ же возлетитъ горѣ, и вѣнецъ взъ“. Водяная мельница приводитъ Симона въ меньшее изумленіе. Въ Люнебургѣ отмѣчаетъ онъ, какъ явле-

ніе тоже диковинное, „столпы въ мѣди позлащены“, и у каждаго изъ этихъ столбовъ „люди приражены тою-же мѣдью, и истекаютъ изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены: у иного изъ усть, а у иного изъ уха, а у иного изъ ока, а у иного изъ локтя, а у иного изъ поздрію... проведеніе водъ тѣхъ весьма хитро, и стѣпаніе несказанно...“ Въ Феррарѣ — единственной вѣдьи, обратившею на себя его вниманіе, оказался каменный столбъ съ устроенными на немъ часами, при боѣ которыхъ выходитъ ангелъ — „простѣ видѣти, яко живъ“. Во Флоренціи представляются ему наиболѣе замѣчательными вещами: лѣчбеница, гдѣ на кроватяхъ „перны чудныя съ одѣла дорогія“; монастырь, „устроенный бѣлымъ камнемъ хитро и весьма твердо“; звѣринецъ, состоящій изъ двадцати двухъ лютыхъ звѣрей — вотъ почти и все. Въ такомъ же родѣ и описаніе Венеціи. О бытѣ, нравахъ, обычаяхъ, о чемъ-нибудь хоть издалека касающемся внутренней жизни посѣщаемыхъ странъ — ни слова; но за то найдемъ нѣсколько очень любопытныхъ указаній и объясненій географическаго и историческаго свойства. Напримеръ, около Нюрнберга „гдѣ рѣка Тискъ“, нашъ путешественникъ находитъ городъ Понтъ, объясняетъ, что „того ради (т. е. по рѣкѣ Тиску) онъ зовется Понтискъ“, и къ этому объясненію присоединяетъ еще болѣе замѣчательное, что этотъ городъ Понтискъ „градъ бывшаго при распятіи Пилата, въ томъ бо градѣ отчина его и рожденіе, и потому градъ зовется Понтійскій Пилатъ...“

Все это пишется въ пятнадцатомъ столѣтіи, и пишется скромнымъ монахомъ; но еще два столѣтія спустя, и въ людяхъ, принадлежащихъ къ высшему сословію, находимъ путешественниковъ такого же рода. Послушайте, напримеръ, какъ бояринъ Лихачевъ, отправленный посломъ во Флоренцію въ 1659 г., описываетъ театральное представленіе во дворцѣ герцога флорентинскаго: „Князь (т. е. герцогъ) приказалъ играть. Объявилась палата, и бывъ палата, и внизъ уйдетъ; и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ-же палатахъ объявилось море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, и на рыбахъ люди вѣдять, а вверху палаты небо, и на облачкахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на нихъ опущаться, подхватя человекъ съ земли подъ руки, опять вверхъ же пошли... Да случилась съ неба же на облаки съѣдъ человекъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки (т. е. лошади) подъ каретами какъ бытъ живы ногами подрыгиваютъ...“ и т. д. все въ томъ же родѣ.

Но мы подошли ко времени Петра Великаго, когда характеръ нашихъ путешествій рѣзко измѣняется...

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Кувшинъ для вина въ Имеретіи.

(Рис. на стр. 93).

Одна изъ самыхъ обширныхъ отраслей производства Закавказскаго края, винодѣліе, вполне сохраняетъ свои первобытныя, можно сказать библейскія приемы и манипуляціи. Процессъ винодѣлія самый несложный. Въ землю вмазывается продолговатый острокопечный глиняный кувшинъ съ широкимъ отверстиемъ; возлѣ него устанавливается деревянная давилня, сдѣланная изъ цѣлаго сруба липы; давилня наполняется виноградомъ и въ нее влѣзаютъ нѣсколько босоногихъ людей, которые давятъ виноградъ, а сокъ его, по желобкамъ, стекаетъ въ кувшинъ. Когда кувшинъ наполняется до трехъ четвертей, въ него бросаются выжимки, оставшіяся въ давилнѣ, и онъ герметически закупоривается камнемъ, при помощи воска. Въ кувшинѣ вино бродитъ болѣе мѣсяца и когда наконецъ въ немъ все утонится и выжимки осядутъ на дно, крышку снимаютъ и отстоявшееся вино перегоняютъ сифономъ въ другой пустой сосѣдній кувшинъ, который опять-же герметически закрывается, а черезъ три мѣсяца даетъ уже готовое вино. Вотъ и весь процессъ винодѣлія. Изъ этого можно заключить, какую важную роль играетъ тутъ кувшинъ, изображенный на нашемъ рисункѣ лежащимъ на арбѣ. Размѣръ этого кувшина сравнительно небольшой; но въ Кахетіи напр. имѣются кувшины, въ которыхъ помѣщается до десяти тысячъ бутылокъ и бывали случаи, что въ нихъ тонули люди.

Александръ Благословенный на Брюлевской террасѣ въ Дрезденѣ. (Рис. на стр. 96).

Императоръ Александръ Благословенный былъ однимъ изъ первыхъ красавцевъ своего времени. Красота его была особая: привлекающая, чарующая мягкимъ благодушіемъ выраженія лица и яснымъ, свѣтлымъ взглядомъ чудныхъ глазъ. Особенно прославилась всѣмъ дивная улыбка императора, которая не только озаряла лицо Александра, но и всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье удостоиться высочайшей улыбки. Чрезвычайно сдержанный въ обращеніи со всѣми, неизмѣнно-любезный и обворожительный въ обращеніи съ женщинами, императоръ Александръ былъ удивительно ласковъ съ дѣтми, которыхъ тѣмъ болѣе любилъ, что ему самому не дано было насладиться семейнымъ счастьемъ: бракъ его былъ бездѣтенъ... Дѣти всегда имѣли прямой и открытый доступъ къ императору во время его прогулокъ въ Царскомъ Селѣ, въ Лѣтнемъ

Саду — и во время его частыхъ отлучекъ за границу. На прилагаемой нами картинкѣ изображена одна изъ сценъ, весьма обычныхъ во время утренней прогулки Александра Павловича по Дрезденскому дворцовому парку. Онъ окруженъ, онъ осажденъ дѣтми. Дѣвочки, всегда болѣе смѣлыя, чѣмъ мальчики подносятъ ему букетики цвѣтовъ, которые онъ привѣтливо собираетъ въ лѣвую руку; собираетъ отъ всѣхъ, чтобы никого не обидѣть. Одинъ маленькій бугузъ-мальчуганъ, замѣшался въ групу дѣвочекъ, но стоитъ въ нерѣшительности, руки по швамъ, почти на вытяжку. Другіе трое мальчиковъ, побольше перваго, держатся почтительно въ сторонѣ, и, снявъ шапочки, издали любятся на величавую фигуру Русскаго Царя, который привлекаетъ къ себѣ рой играющихъ, ласкающихъ дѣтей. Зрѣлище, достойное кисти художника!

Башкиры во Франціи. (Рис. на стр. 97).

Башкиры — „дикіе сыны стеней“ — среди благословенныхъ полей, среди тучныхъ нивъ и роскошныхъ виноградниковъ Франціи! Что за странная игра судьбы — вѣчная игра противоположностей и неожиданностей, вѣчная игра тѣней и свѣта! До 1814 года, французы, вообще не особенно-любопытные, не имѣли никакого опредѣленнаго и яснаго понятія о Россіи и обитающихъ въ ней народцахъ. Не только киргизы, башкиры, калмыки и другіе наши кочевники совсѣмъ не были извѣстны французамъ; но даже и о русскихъ казакахъ французы имѣли самыя дикія и нелѣпыя представленія. Въ обращеніи между французскимъ простонародьемъ было много такихъ глупѣйшихъ популярныхъ книжонокъ, въ которыхъ рассказывались о казакахъ всякія небывалыя, между прочимъ, даже и то, что казаки — завѣдомыя „людоѣды“ и любятъ лакомиться „мясомъ маленькихъ дѣтей“. Каково-же было удивленіе всего французскаго простонародья, когда союзныя войска вступили въ Парижъ и посюлемъ заняли многія парижскія окрестности — и среди русскихъ войскъ оказались не только казаки донскіе, уральскіе, гребенскіе и черноморскіе, но и цѣлыя полки башкировъ, въ высочайшихъ войлочныхъ колпакахъ, на крѣпкихъ, приземистыхъ стѣнныхъ лошадкахъ. И эти башкиры, внушившіе французамъ такой панической страхъ своею некрасивою внѣшностью, своими скуластыми, узкоглазыми лицами — оказались простыми, добродушными, безобидными людьми, которые придерживались строгой военной дисциплины и относились къ чужой собственности гораздо осторожнѣе, чѣмъ французскія регулярныя войска къ напей собственности во время похода 1812 года...

Маститый художник нашъ, академикъ Г. Виллевалде, изображая на прилагаемой картинкѣ временную остановку небольшого башкирскаго пикета въ одной изъ улицъ маленькаго французскаго мѣстечка. Еще одинъ листокъ изъ той обширной художественной эпопеи, которою почтенный академикъ увѣковѣчилъ наши воспоминанія о славномъ военномъ прошломъ 1814 и 1815 годовъ.

Литовскіе типы. Виленскій дворникъ. (Рис. на стр. 101).

Городъ Вильна, одинъ изъ древнѣйшихъ въ сѣверо-западномъ краѣ, сихъ поръ сохраняетъ много особенностей, какихъ не встрѣишь въ другихъ русскихъ городахъ. Старинныя зданія своеобразной постройки, кривыя, узкія и грязныя улицы и закоулки, или многолюдныя площади съ интересною живописною толпою обитателей. Среди нихъ попадаются не мало типичныхъ фигуръ, которыя невольно напрашиваются подъ карандашъ художника. Къ числу послѣднихъ долженъ быть отнесенъ изображенный на стр. 101 виленскій дворникъ съ характерными чертами лица, свойственными литовскому племени.

Переправа Аннибала черезъ Рону. (Рис. на стр. 104).

Многолѣтнее соперничество Рима съ Карфагеномъ является едва-ли не величайшею борьбою, записанною на страницахъ исторіи, — борьбою на морѣ и на сушѣ за превосходство семитической или индо-германской расы, — Востока или Запада; это была расовая и мировая война. Въ ней то семитическій Востокъ бралъ перевѣсъ благодаря геніальнымъ полководцамъ, то успѣхъ склонился на сторону самаго энергичнаго и стойкаго народа древности. Государственная и народная сила Рима и геній Аннибала взаимно противустоятъ здѣсь во всеоружіи и съ твердымъ сознаниемъ своего превосходства.

Первая война Рима съ Карфагеномъ, или какъ она обыкновенно называется — Пуническая война, окончилась побѣдою римлянъ. Карфагеняне должны были покинуть Сицилію и искали возстановленія утраченной силы и могущества въ Испаніи, откуда они замыслили произвести нападеніе на Римъ съ тыла. Въ 218 году перешелъ Аннибалъ со своимъ войскомъ Эбро, Пиринес, Рону и Альпы и появился въ Аостской долинѣ. Возгорѣлась вторая Пуническая война, начавшаяся памятными въ исторіи именами: Тичино, Требій, Траименское озеро и Канны, видѣвшая неукротимаго врага Рима подъ стѣнами этого вѣчнаго города и окончившаяся на африканской землѣ поражениемъ при Замѣ.

Рядомъ съ небывалымъ еще въ исторіи переходомъ Аннибаловыхъ войскъ черезъ Альпы, слѣдуетъ отмѣтить переправу ихъ черезъ Рону. Въ концѣ іюля достигъ Аннибалъ съ 50000 человекъ пѣхоты, 9000—кавалеріи и 37 слонами берега рѣки противъ города Авиньона. На разстояніи нѣсколькихъ дней перехода изъ Массилии находился консулъ Публий Сципіонъ, который въ союзѣ съ кельтами могъ безъ особыхъ потерь помѣшать этому отчаянному предпріятію карфагенскаго полководца. Но римскій консулъ или не имѣлъ яснаго представленія о намѣреніяхъ Аннибала, или оно казалось ему невѣроятнымъ, и онъ не принялъ должныхъ мѣръ чтобы не допустить осуществленія этого дерзкаго плана. Аннибалъ, не теряя времени, принялся за дѣло. Силою, обѣщаніями и дарами онъ собралъ сколько было возможно судовъ и плотовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвлечь отъ себя вниманіе противника, онъ послалъ Ганнона съ отборною частью войска вверхъ по рѣкѣ и приказалъ имъ переправиться на удобномъ мѣстѣ въ бродѣ. Предпріятіе это увѣчалось успѣхомъ. Когда эти войска раскинули на другомъ берегу лагерь и могли во всякое время дать отпоръ нападавшимъ, Аннибалъ на пятый день началъ переправлять черезъ Рону свои войска. Особенную трудность представляла переправа слоновъ. Для этого былъ построены громадныя, прикрѣпленный къ берегу плоты, покрытыя землею. Другой плотъ или паромъ, длиною въ 100 футовъ и въ 50 футовъ ширины, непосредственно приставалъ къ нему. Слоновъ предварительно загоняли на первый плотъ, а съ него на паромъ, и какъ только громадный звѣрь становился на него, связи распускались и паромъ начиналъ переправляться черезъ рѣку. Во время такой переправы не мало слоновъ, испуганныхъ непривычною обстановкою, кидались въ стороны, падали въ воду и погибали. Тѣмъ не менѣе Аннибалу удалось довести свое трудное предпріятіе до конца—войска было переправлено на другой берегъ рѣки, и могло продолжать побѣдоносное шествіе къ вѣчному городу.

Апри Мотъ изобразилъ въ картинѣ переправу карфагенскихъ войскъ черезъ Рону. Посрединѣ на ней представленъ испанскій слонъ на плоту. Съ громадными усиліями стараются гребцы переправить его черезъ рѣку. Умное животное спокойно стоитъ, придерживаясь за перекладину хоботомъ, который гладить успокаивая карфагенскій солдатъ. На спинѣ слона прикрѣплена боевая башня; во весь ростъ, съ гордо поднятой головою стоитъ въ ней Аннибалъ въ греческомъ шлемѣ. Онъ внимательно осматриваетъ широко раскинувшійся передъ нимъ берегъ рѣки и высіявшаися вдали предгорія Альпы. Тамъ, за ними лежитъ обтованная земля, туда влечетъ его честолюбіе и любовь къ угнетенной римлянами родинѣ.

Набѣгъ черногорцевъ. (Рис. на стр. 105).

Живописная, величественная, но суровая природа Черногоріи, посреди которой свили себѣ неприступное гнѣздо отважные жители этого большаго княжества, въ теченіе слишкомъ трехсотъ лѣтъ сьумѣвшаго отстоять свою независимость отъ велическихъ попытокъ своихъ сосѣдей-недрузей; сами обитатели этой страны — воины отъ колыбели до гробы, ихъ патриархальный образъ жизни, нравы и обычаи, славное прошлое, — невольно обращали и обращаютъ на себя вниманіе и перѣдко служили неизсякаемымъ источникомъ вдохновенія писателей и художниковъ. Достаточно припомнить изъ числа послѣднихъ имена: Чермака, Звержины, ихъ талантливыя картины и рисунки, чтобы представить себѣ какой разнообразный и высоко-художественный матеріалъ представляетъ Черногорія и сосѣднія съ нею мѣста.

Въ настоящемъ номерѣ помѣщена гравюра съ картины Р. Ивановича. Въ ней живо передана сцена возвращенія черногорскихъ юнаковъ съ набѣга. Два плѣнника и навьюченная великимъ добромъ лошадь — говорятъ объ успѣхѣ набѣга, что также можно прочесть на одушевленномъ, веселомъ лицѣ коннаго черногорца, торжественно потривающаго отягатыя вражескимъ знаменемъ. Оставшіеся дома население мѣстечка, старики, женщины и дѣти, радостно высыпало на встрѣчу и приветствуетъ побѣдителей. Сцена эта происходитъ посреди суровой гористой мѣстности съ теряющеюся въ туманѣ далекою цѣнью горъ.

Князь Данилъ, наслѣдникъ Черногорскаго престола. (Портр. на стр. 108).

Лѣтъ восемь тому назадъ въ Петербургскомъ зоологическомъ саду, у палатки, гдѣ производится стрѣльба въ цѣль, стояла толпа любопытныхъ и любовалась красивымъ десятилѣтнимъ отрокомъ, одѣтымъ въ національный черногорскій костюмъ. Смуглое лицо мальчика дышало здоровьемъ, глаза черные, выразительные, поминутно всхливали огонькомъ. Онъ мало обращалъ вниманія на окружающихъ и весь былъ углубленъ въ свое занятіе: онъ цѣлился въ одну изъ медныхъ фигуръ и уже въ который разъ не давалъ промаха. Кровь храбраго воинственнаго народа сказывалась въ немъ. Этотъ прекрасный отрокъ былъ наслѣдникъ Черногорскаго престола, князь Данилъ Нѣгошъ, прѣзжавшій тогда въ Россію съ матерью своею, княгиней Миленою, вмѣстѣ съ черногорскою депутаціей. Теперь будущій Черногорскій князь совсѣмъ возмужалъ и еще болѣе окрѣпъ: ему уже пошелъ 18-й годъ. Князь Данилъ-Александръ, старшій сынъ князя Николая Петровича, вѣнценоснаго-поэта, и внукъ черногорскаго героя Мирко Петровича Нѣгоша, родился въ Цетинѣ, 30 іюня 1871 года. Восприемниками его, по просьбѣ его отца, черногорскаго повелителя, были въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Николаевичъ и великая княжна Марія Александровна, нынѣ герцогиня Единбургская. Такимъ образомъ еще болѣе укрѣпились вѣковыя узы, связывающія нашу великую родину съ неспособимою Черногоріей. Въ прочности этихъ узы и въ неохладѣвающихъ симпатіяхъ русскаго общества къ черногорскому народу, князь Данилъ могъ вполнѣ убѣдиться въ свою послѣднюю поѣздку въ Россію, въ 1881 году, когда ему и его матери былъ оказанъ въ высшей степени сочувственный приемъ.

Н. М. Пржевальскій. (Рис. на стр. 109).

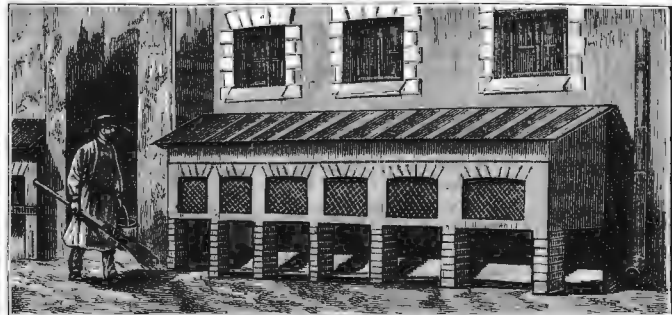
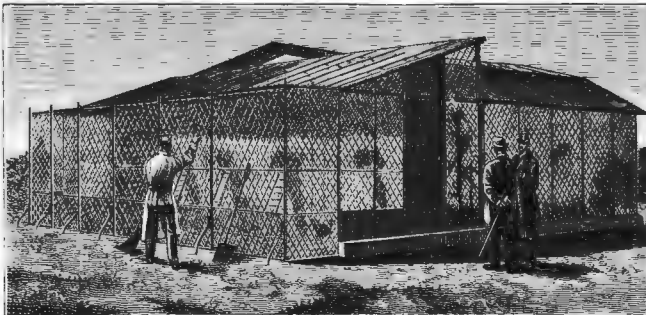
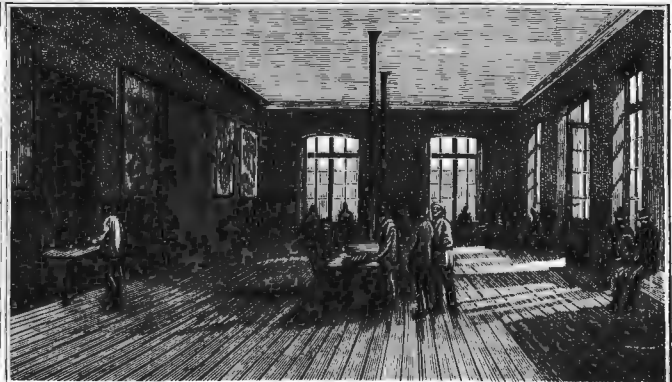
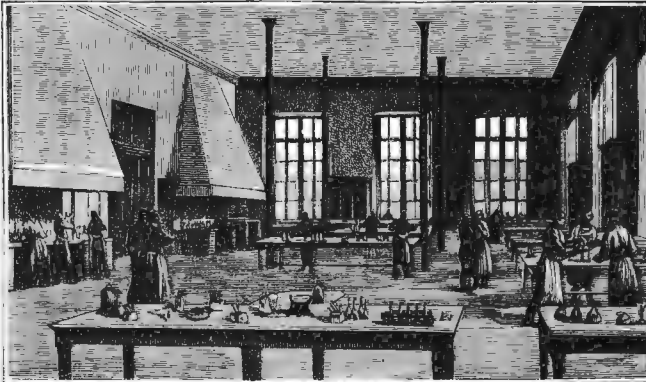
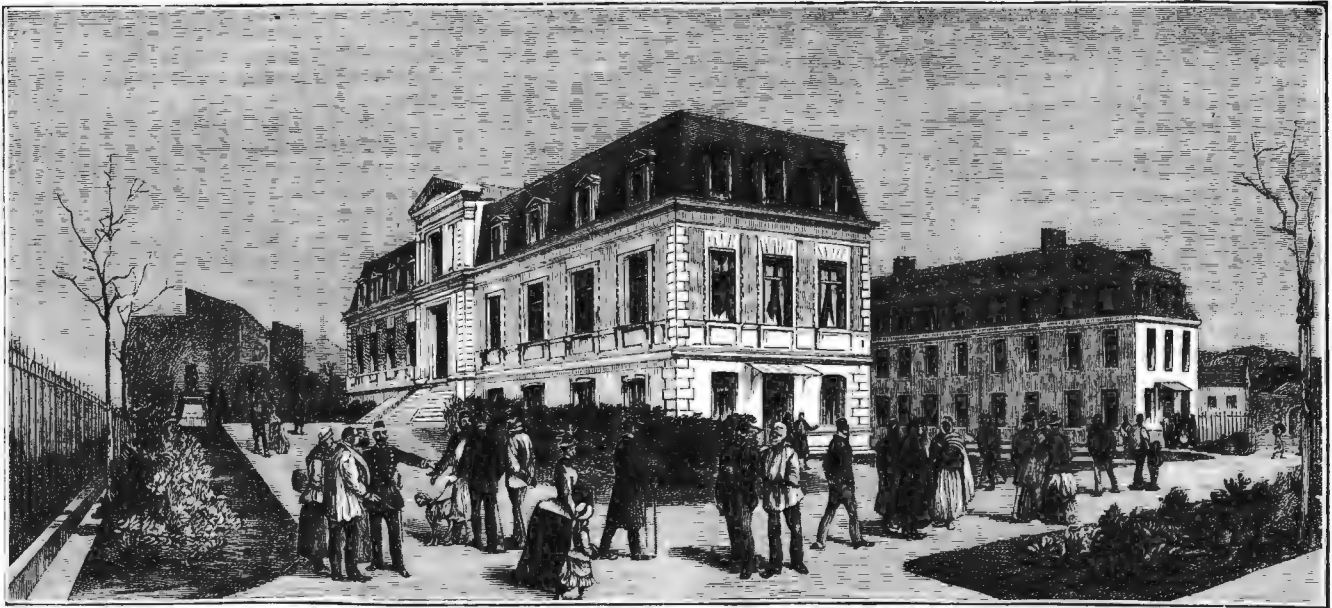
„Вѣрный, 21 октября, пятница. Вчера въ городѣ Караколѣ скончался генералъ Пржевальскій. Передъ смертію онъ просилъ похоронить его на берегу озера Иссыкъ-Куль; распоряженіе объ этомъ сдѣлано“. Неожиданно для всѣхъ въ теченіе пяти дней не стало Николая Михайловича, еще въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, во время приготовленій къ новому путешествію на окраины Тибета; въ немъ не только Россія, но и наука потеряла одного изъ знаменитѣйшихъ путешественниковъ.

Подробности о послѣднихъ дняхъ и смерти Н. М. Пржевальскаго въ *Русскомъ Инвалидѣ* сообщаетъ одинъ изъ постоянныхъ спутниковъ покойнаго путешественника, г. В. Руборовскій. Покойный простудился на охотѣ, нѣсколько дней перемогался, наконецъ слегъ и докторъ нашель, что больной не можетъ оставаться въ юртѣ, а долженъ перенраться въ баракъ лазарета, находящагося въ г. Караколѣ.

18 октября мы перенрлись въ этотъ баракъ; но здѣсь постоянное здоровья его стало очень плохо и внушало намъ серьезныя опасенія. Мы въ эту ночь предежурили у него не спавши. Ему стало такъ плохо, что мы послали за докторомъ, который вмѣстѣ съ фельдшеромъ провели у насъ ночь.

Н. М. и этотъ день провелъ неспокойно; на лѣвомъ боку лежать онъ не могъ, потому что тотчасъ же показывалось кровотеченіе носомъ и унять его было трудно; кромѣ того, оно сильно ослабляло его. Все-таки, при пособіи доктора, день прошелъ безъ пароксизма.

Вечеромъ, 19 октября, больному было чуть легче, но въ 12 часовъ пошла кровь носомъ, которую унять сами, съ помощію фельдшера, мы никакъ не могли; привезли доктора; на головѣ держали ледъ. Больному стало немного легче. Н. М. сдѣлалъ нѣсколько послѣднихъ распоряженій относительно слободы, нѣкоторыхъ своихъ вещей и хотѣлъ еще что-то передать важное

Новый институт Пастера въ Парижѣ. По рис. Journ. III., грав. Флюгель.

Лабораторія для ученыхъ.
Помѣщеніе для куръ.

Главный видъ института.

Общій видъ отдѣльныхъ помѣщеній.

Приемная для больныхъ.
Помѣщеніе для кроликовъ.

и спрашивалъ доктора: проживеть-ли онъ до утра? Докторъ его успокоилъ. Тогда Н. М. сказалъ: „Ну, остальное завтра; пошлемъ телеграммы. Объ одномъ прошу не забыть, чтобы похоронили меня непременно на берегу Иссыкъ-Куля, въ походной экспедиционной формѣ; слать съ меня фотографію для родныхъ, съ Ланкастеромъ, который на память дамъ Роборовскому; Парда—Козлову“.

Затѣмъ, Н. М. говорилъ доктору, чтобы не скрывать отъ него близости смерти, ибо онъ ей не боится нисколько и много разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ ней; бранилъ насъ и называлъ „бабами“, если у кого замѣчалъ слезы на глазахъ; потомъ успокоился и сказалъ, что чувствуетъ себя хорошо, только жить воть его беспокоитъ.

Ночь прошла кое-какъ, затѣмъ утромъ температура снова поднялась до 40,5.

Бредъ, преимущественно объ экспедиціи, все усиливался; на моменты большой приходилъ въ сознание, но только на моменты. Лежалъ онъ на боку, закрывъ лицо рукою; по выраженію нижней части лица видно было, что онъ плачетъ. Затѣмъ Н. М. вскочилъ, сталъ на ноги, поддерживаемый нами и старыми солдатами, постоялъ нѣсколько моментовъ, посмотрѣлъ на всѣхъ и сказалъ: „Теперь я лягу“. Ему помогли лечь, но вслѣдъ затѣмъ нѣсколько глубокихъ, сильныхъ вздоховъ были послѣдними и унесли его отъ насъ...

Докторъ бросился растирать грудь его холодной водой; я положилъ туда же полотенце со снѣгомъ, но было уже поздно: лицо и руки стали желтѣть...

Было приглашено нѣсколько медиковъ, но они опоздали. По ихъ объясненіямъ, у Пржевальскаго былъ брюшной тифъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не разъ пришлось нашимъ читателямъ встрѣтиться съ именемъ Николая Михайловича. Такъ, между прочимъ, его подробная біографія была помѣщена въ 1886 году въ № 8, стр. 222, а затѣмъ цѣлый рядъ зоологическихъ рисунковъ съ привезенныхъ имъ чучель.

Раздѣляя со всею Россіею долгъ признательности къ незабвеннымъ заслугамъ передъ наукою и Россіею Николая Михайловича, редація *Нивы* помѣщаетъ въ настоящемъ номерѣ портретъ усопшаго и изображение его могилы.

Вотъ какъ характеризуетъ мѣсто погребенія Н. М. вице-предсѣдатель Имп. Русскаго Географическаго Общества П. П. Семеновъ, который первый путешествовалъ по Тянь-Шаню и тѣмъ открылъ эру изслѣдованія Центральной Азии. „Мѣстность, въ которой находится могила Пржевальскаго, отстоитъ въ 12 верстахъ отъ города Каракола, на твердой береговой террасѣ, отдѣленной отъ озера низкими береговыми припаями...“

„Обращаясь отъ только что закрывшейся могилы къ завѣтному югу“, передъ нами вправо широко раскинута „синяя поверхность необъятнаго къ западу озера. Впереди высится горная стѣна Небеснаго хребта, образующая вправо окранию озера, увѣчанную непрерывнымъ рядомъ снѣжныхъ вершинъ. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ ближе прикасается этотъ блѣдоснѣжный вѣнецъ къ синей поверхности озера, а на его оконечности снѣжныя вершины кажутся какъ-бы утопающими въ волнахъ Иссыкъ-Куля“.

Рисунокъ снятъ повидному въ направленіи отъ могилы къ

сѣверу, потому что крестъ не обращенъ лицевой стороною къ югу, вслѣдствіе чего на заднемъ планѣ видны снѣжныя вершины не Тянь-Шаня, а Заилійскаго Алатау, ограничивающаго котловину Иссыкъ-Куля съ сѣвера, а лежащаго къ западу отъ могилы озера—совсѣмъ не видно. Фотографія, снятая соутникомъ Пржевальскаго г. Роборовскимъ, передаетъ намъ видъ могилы въ настоящее время; вскорѣ, по Высочайшей волѣ, надъ одинокою могилою будетъ поставленъ прекрасный памятникъ изъ мѣстнаго (кескеленскаго) мрамора.

Быть похороненнымъ на берегахъ Иссыкъ-Куля—желаніе выраженное Н. Михайловичемъ не въ бреду. Весьма мѣтко выразился по этому поводу П. П. Семеновъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ посвященномъ памяти Пржевальскаго чрезвычайномъ собраніи Географическаго Общества 9 ноября 1888 года: „Идея, связанная съ этимъ желаніемъ, не только глубокая, но и вполне соответствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича. Въ русскомъ народномъ творчествѣ сказочный русскій богатырь желаетъ быть похороненнымъ на перешейкѣ, какъ бы указывая своею могилою на дальнѣйшіе пути тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые пойдутъ вслѣдъ за нимъ.“

Наконецъ, приведемъ еще телеграмму изъ Каракола отъ 28 октября истекшаго года: „Сегодня предализемъ прахъ незабвеннаго Николая Михайловича на берегу Иссыкъ-Куля въ двухъ гробахъ, деревянномъ и желѣзномъ; поставленъ въ каменномъ склепѣ на высомомъ сухомъ обрывѣ. Всѣ доступныя Караколу почести были отданы праху покойнаго. Войска и народъ провожали гробъ нѣшкомъ 12 верстъ до могилы. Задушевныя рѣчи сказали докторъ Крыжановскій и полковникъ Корольковъ“.

Институтъ Пастера въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 112).

Имя Пастера, какъ основателя науки, получившей названіе микробіи, и какъ ученаго, указавшаго впервые если не бесспор-

ный, то по крайней мѣрѣ рациональный способъ лѣченія водобоязни, слишкомъ извѣстно чтобы объ немъ распространяться. Поэтому перейдемъ прямо къ описанію сооруженнаго по его инициативѣ и на деньги собраннаго по подпискѣ во всей Франціи (болѣе 2½ милл. франковъ) новаго института, посвященнаго научнымъ цѣлямъ микробіи. Институтъ этотъ, открытый 14 (2) ноября 1888 года, тѣмъ интереснѣе для насъ, что во-первыхъ, какъ видно изъ рѣчи Пастера, произнесенной на открытіи, Государь Императоръ соизволилъ принять участіе въ этомъ учрежденіи пожертвованіемъ, которое ораторъ называетъ „даромъ по истинѣ императорскимъ“, а во-вторыхъ, что въ институтскихъ лабораторіяхъ будутъ работать двое русскихъ ученыхъ, Д-г Мечниковъ и Д-г Гамалея, завѣдуя отдѣлами: морфологіи низшихъ организмовъ и сравнительной микробіи. Учрежденіе это предназначено быть съ одной стороны лѣчебницей для страдающихъ водобоязью, центромъ изслѣдованій по всемъ заразнымъ болѣзнямъ вообще и наконецъ мѣстомъ преподаванія наукъ имѣющихъ связь съ микробіей.

Институтъ состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, расположенныхъ въ садахъ, образующихъ какъ бы одинъ обширный паркъ. Въ главномъ зданіи, котораго фасадъ паралеленъ улицѣ Дюто,

Миренныйъ епѣ, Бжїею мѣтїю па
Триархъ москодекїи, ꙗсеа рш
сїн:ца

Иовъ, первый патріархъ Всероссійскій (по поводу трехсотой годовщины учрежденія патріаршества въ Россіи). Грав. Шюблеръ.

въ нижнемъ этажѣ (rez de chaussée) помѣщается лабораторія Д-г Пастера, кладовая, кухни, калориферы и погребя. Второй корпусъ, соединенный съ первымъ галереей, посвященъ спеціально цѣлямъ микробіи. На правой сторонѣ его находится пріемная для страдающихъ водобоязнью; регистрація, архивы, помѣщеніе для прививки и проч. размѣнены въ слѣдующихъ залахъ. На лѣвой сторонѣ, въ нижнемъ этажѣ, помѣщаются аудиторія, анатомическій театръ, зоологическій кабинетъ, фотографическая лабораторія и склады.

Позади этого зданія въ саду разбѣяны дополнительные постройки, изъ которыхъ назовемъ, какъ наиболѣе важныя, помѣщенія для животныхъ необходимыхъ для опытовъ, бѣсныхъ животныхъ и псарни.

Бросивъ общій взглядъ на зданія института, осмотримъ подробно нижніе этажи двухъ главныхъ корпусовъ. Въ первомъ корпусѣ, выходящемъ фасадомъ на улицу Дюто, направо находятся анпартаменты Д-г Пастера, налѣво—обширная зала библиотеки, въ которой и происходила церемонія открытія института. Вышеупомянутая галерея позволяетъ переходить изъ этого зданія въ лабораторію. По бокамъ втораго корпуса находятся двѣ громадныя залы, служація лабораторіями ученикамъ; онѣ отдѣляются одна отъ другой цѣлымъ рядомъ другихъ лабораторій, комнатами директора и преподавателя и помѣщеніями для коллекцій.

Институтъ Пастера, безспорно, наилучшее изъ современныхъ зданій приспособленныхъ къ научнымъ цѣлямъ. Въ немъ бездна свѣта и воздуха. Постройки не скучены. Садъ превосходно разбитъ. Главный входъ украшенъ бронзовою статуей пастушка Жюлиа, который изображенъ въ борьбѣ съ бѣшеною собакой, чѣмъ и увѣковѣченъ его героической подвигъ. Учрежденіе это не есть лишь храмъ науки, но и святѣйшее милосердія и человѣколюбія, такъ что основатель его къ прежнимъ ученымъ заслугамъ по справедливости можетъ быть названъ благодѣтелемъ человѣчества.

Іовъ, патріархъ Московскій. (Портр. на стр. 113).

Триста лѣтъ тому назадъ, когда отечество наше особенно нуждалось въ опорѣ такого лица, которое было-бы предано интересамъ церкви православной и поддерживало стремленіе русскихъ царей къ государственному порядку, Константинопольскій патріархъ Іеремія прібылъ въ Москву и представъ предъ очи благочестиваго государя Θεодора Ивановича, сына Іоанна Грознаго, говорилъ ему: „Древній Римъ палъ, второй Римъ въ рукахъ Агаринъ, только твое великое Россійское царство, третій Римъ, всѣхъ превзошло благочестіемъ. Всѣ царства слотились въ одномъ твоёмъ, ты единый остаешься подъ небомъ царемъ христіанскимъ“. Іеремія самолично убѣдился въ могущество Московскаго царства и въ твердости вѣры русскихъ людей и потому испрашивалъ у государя пособника себѣ, пособника своей церкви. И вотъ царь Θεодоръ Ивановичъ, внявъ его рѣчамъ „осязавъ благодатію Святаго Духа, желаніемъ и любовію побѣждаемъ... како-бы украсити престолъ русскія церкви патріаршимъ достоинствомъ, полагаемъ совѣтъ съ супругою своею“, возвѣщаетъ свою царскую мысль Борису Θεодоровичу „доброхоту правителю русскія земли“ и созываетъ на соборъ русскихъ архіереевъ для избранія Московскаго патріарха. Избраніе происходило въ Успенскомъ соборѣ въ придѣлѣ Похвалы Богородицы, въ предѣлательствѣ вселенскаго патріарха Іеремія, причемъ намѣчены три кандидата: Іовъ, митрополитъ Всероссійскій, Александръ, архіепископъ Великаго Повгорода и Пскова, и Варлаамъ, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій. Избраннымъ оказался смиренный Іовъ, который, по чиноположенію данному Іеремію, и былъ нареченъ патріархомъ. Его вызвали въ соборъ и по окончаніи вечерни и молебствія царскій приближенный со свѣчей въ рукѣ подошелъ къ нему и торжественно воскликнулъ: „Святый царь и самодержецъ, святѣйшій патріархъ Іеремія и весь священный соборъ призываетъ тебя на престолъ Владимірскій, Московскій и всей Россіи“. На это вновь нареченный отвѣтствовалъ: „Ежели мени грѣшнаго избралъ святыи самодержавецъ, и вселенскій господинъ Іеремія со всѣмъ соборомъ къ столъ великой стени: то я благодарю ихъ и на себя тотъ чинъ пріемлю“. Такъ совершилось, въ январѣ 1589 года, избраніе перваго русскаго патріарха; сдѣланное ему постановленіе не различествовало отъ митрополитскаго и епископскаго. Государь, по окончаніи литургіи, 26 января, того года, собственноручно возложилъ на Іова драгоцѣнную папагію и мантию изъ зеленого бархата и сказалъ ему привѣтственную рѣчь, въ которой повелѣлъ ему называться главою епископовъ, отцомъ отцовъ, патріархомъ всѣхъ земель сѣверныхъ. Съ учрежденіемъ патріаршества, русскія церковь получила еще болѣе величія съ внѣшней стороны, явилась также большаю опредѣленностью въ отношеніи святителей. Патріархъ въ лицѣ своемъ сосредоточивалъ верховную власть церковнаго суда, но приглашаемъ былъ и на совѣты царскіе; съ его благословенія предпринимались дѣла, предлагаемыя ему, по усмотрѣнію государя. Въ дѣла-же гражданскія, безъ воли государя, патріархъ не вмѣшивался и отвѣтственно подлежалъ и самъ.

Первый патріархъ Московскій строго смотрѣлъ на свои обязанности, сознавая всю ихъ важность и понимая, что къ та-

кому высокому сану онъ не былъ подготовленъ вполнѣ. Первоначальное воспитаніе его, о которомъ не имѣется никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, равно какъ нѣтъ и указаній на годъ рожденія Іова, — ни мало не отличалось отъ обыкновеннаго монастырскаго воспитанія того времени. При постепенномъ прохожденіи нехитрой науки монастырскаго, воспитанникъ съ таковой же постепенностью проходилъ и всѣ монастырскія должности, начиная отъ послушника и кончая архимандритомъ. Въ ту пору между школою и жизнью раздѣленія не существовало. Но примѣру другихъ, и Іовъ достигъ сана архимандрита въ Старинскомъ монастырѣ, мѣстѣ его духовнаго рожденія. Отсюда съ тѣмъ же саномъ онъ переведенъ былъ, въ 1572 году, въ Симоновъ монастырь, черезъ три года въ Новоспасскій, а въ 1581 году, 16 апрѣля, по повелѣнію Іоанна Грознаго, рукоположенъ во епископа Коломенскаго; въ 1586 году переведенъ въ Ростовъ архіепископомъ и затѣмъ 11 декабря слѣдующаго года „по нуждѣ быхъ“ повелѣніемъ царя Θεодора Ивановича „на великую митрополию царствующаго града Москвы“. На первыхъ порахъ патріарху Іову пришлось заняться разстроенными дѣлами церкви послѣ своего предшественника, митрополита Діонисія, сосланнаго въ заточеніе. Съ этого времени церковь и со внутренней, и со внѣшней стороны сдѣлалась предметомъ постоянныхъ попеченій Іова. Онъ ревностно заботился о благочиніи церковномъ, создалъ новыя и украсилъ старыя храмы, установилъ праздники въ память трехъ московскихъ святителей, Св. Іосифа Волоколамскаго, которому канонъ и служба написаны самимъ патріархомъ, и преподобнаго Корнилія Комельскаго. Моги этого святаго, а также и Василия Блаженнаго были обрѣтены и прославлены многими чудесами тоже при Іовѣ. Онъ заботился также, насколько это было въ его силахъ, и о просвѣщеніи: имъ написаны жизнь царя Θεодора Ивановича, утѣшительное посланіе вдовѣ его, царицѣ Иринѣ (потомъ инокини Александры), поучительное посланіе къ Пископа, митрополиту Мхетскому (грузинскому), посланія къ священному собору Иверской земли по просьбѣ тамошняго царя Александра, „благовѣрія ради“, и къ самому Александру въ отвѣтъ на его письмо объ исходатайствованіи у царя Θεодора Ивановича, чтобы онъ принялъ Грузинское царство подъ свое покровительство, и еще нѣсколько грамотъ къ патріархамъ восточнымъ. Въ патріаршество Іова составлены при немъ общія Четьи-Миней, въ 12 книгахъ, и начатаны многія богослужебныя книги: Трїодъ постная и цвѣтная, Октоихи, общія Миней, Псалтырь учебная, Апостолъ и другія. Іовъ оставилъ также и духовную, въ которой подробно описалъ жизнь свою.

Царь Θεодоръ Иоанновичъ оказывалъ большое уваженіе патріарху Іову, не переставалъ до конца дней любить его. Іовъ и глаза закрылъ царю, и первый возвѣстилъ о наступающей кончинѣ его, за чѣмъ враги осмѣли добросердечнаго святителя разными клеветами и укоридами, какъ будто онъ былъ виноватъ въ преждевременной кончинѣ государя, утрата котораго причинила ему глубокую печаль. Не малую скорбь причинило Іову и дѣло объ убійствѣ царевича Дмитрія, въ слѣдствіи по которому онъ долженъ былъ, какъ патріархъ, принимать участіе. Но это было лишь началомъ тѣхъ страданій, которыя готовила слѣпая судьба злополучному патріарху. Съ кончиною государя Θεодора Иоанновича пресѣклась царственная линия московскаго дома, явились честолюбцы, которыхъ манилъ русскій престолъ — и для многострадальной Руси настало смутное время. Настали черныя дни и для Іова, тогда уже старца преклонныхъ лѣтъ. Помышляя о вѣчномъ успокоеніи, онъ, жившій въ больномъ согласіи съ царемъ Борисомъ Годуновымъ, итававшимъ къ нему благодарность и глубокое уваженіе, и не ожидая, что съ Запада идетъ буря, готовая разразиться надъ церковью и государствомъ. На этомъ Западѣ уже началась борьба православія съ униєю и церковъ малороссійская распалась на православную и уніатскую, иезуиты работали съ пріусущею имъ энергіей, — наконецъ явился Дмитрій Самозванецъ. Осдѣлленная его льстивыми грамотами, чернь привіяла восторженно мнимаго царевича. Напрасно патріархъ, понимавшій всю опасность для православія отъ торжества самозванца, увѣщевалъ народъ, чтобы онъ памятовалъ крестное цѣлованіе, тщетно разсылалъ онъ свои грамоты, писалъ въ полки, боярамъ, воеводамъ, ко всей рати въ предуряженіе дальнѣйшей измѣны. Къ стыду бояръ и войска, Лжедмитрій торжественно вступилъ въ Москву. Вунтовщики ворвались въ соборный храмъ, куда удалился вѣрныи своему долгу патріархъ, не перестававшій обличать клятвеннопреступниковъ и горячо молиться о спасеніи юнаго царя Θεодора, и, вооруженные коблями и дрэколіемъ, стали безчинствовать въ алтарѣ, во время литургіи. Они сорвали съ патріарха святительскія ризы и когда онъ, полный кротости и смиренія, сталъ молиться предъ чудотворной иконой Богоматери, крамольники освирѣбли еще болѣе. Надѣвъ на Іова черную ризу простаго монаха, позорно таскали его по храму и по площади, затѣмъ посадили на телѣгу и увезли въ Старинскій Богородицкій монастырь, прежнюю его обитель. Но и въ изгнаніи многострадальшій патріархъ остался вѣренъ своимъ строгимъ правиламъ, не уналъ духомъ. Когда лже-патріархъ Игнатій, ради сохраненія приличія, требовалъ у опальнаго патріарха благословенія на святительство, послѣдній въ отказѣ своемъ, отвѣтилъ: „По ватагѣ атаманъ, по овцамъ пастырь“. Но вотъ осла-

пление доверчивой черни прошло, она увидѣла, что самозванный царь губить православіе, оскорбляетъ вѣру и русскую народность, все что такъ дорого и священо для каждаго русскаго человека, и тогда-то они вспомнили объ Іовѣ. Онъ уже лишился зрѣнія, когда новозбранные царь Василій Іоанновичъ и патриархъ Гермогенъ, посовѣтовавшись съ „освященнымъ соборомъ, съ боярами окольными, дворянами, съ приказными людьми и со всѣмъ царскимъ синклитомъ“ и со всѣми православными христианами, рѣшили послать къ Іову, чтобы онъ „учинилъ подвигъ и вѣхалъ въ царствующій градъ Москву для его государева и земскаго великаго дѣла.“ Іовъ прибылъ въ царской каретѣ („каптанѣ“), 14 февраля 1607 года, въ Москву. Здѣсь во время торжественнаго служенія Гермогена въ Успенскомъ соборѣ при громадномъ стеченіи православнаго люда, народъ подалъ Іову челобитную, моли его простить его грѣхи, вѣроломство, измѣну и благословить царя, князей и все христіанское воинство. Кроткій патриархъ объявилъ народу разрѣшеніе и прощеніе, послѣ чего народъ съ воплемъ раскаянія припадалъ къ ногамъ святителя, и снова просилъ прощенія. Однако Іову не пришлось снова возсѣсть на патриаршемъ престолѣ: отправленный затѣмъ въ Старидкій монастырь, онъ, по прїѣздѣ туда, очень скоро скончался, а именно 8 марта 1607 года. По указу царя Алексѣя Михайловича, тѣло патриарха Іова въ 1652 году перенесено въ Москву, въ тотъ самый храмъ, гдѣ онъ и другіе два великіе страдальца церкви російской, Гермогенъ и митрополитъ Филиппъ, „просіяли пастырскими доблестями“. Мощи патриарха Іова находятся въ Успенскомъ соборѣ въ устроенной тогда-же богатой гробницѣ.

П. Быковъ.

Оскаръ II король Шведскій и его супруга королева Софія. (Портр. на стр. 116).

9 (21) января въ Стокгольмѣ торжественно праздновалась шестидесятая годовщина рожденія короля Оскара II. Утромъ его величество получилъ поздравительныя телеграммы Государя Императора, императоровъ Германскаго и Австрійскаго, вдовствующей императрицы Августы, королевъ Датскаго, Италійскаго и Португальскаго, королевы Нидерландской и др.; затѣмъ принималъ сановниковъ и до пятидесяти депутацій отъ университетовъ, академій и различныхъ ученыхъ обществъ. Вечеромъ столица была иллюминирована; весь день на улицахъ двигались толпы народа. Во время параднаго спектакля въ театрѣ въ началѣ и въ концѣ представленія національный гимнъ былъ пропѣтъ самой публикой.

Король Оскаръ II Фридрихъ, третій сынъ Оскара I, родился

въ Стокгольмѣ 9 (21) января 1829 года. Въ 1840 году онъ вступилъ во флотъ морскимъ кадетомъ и затѣмъ, послѣ долгаго плаванія на военномъ бригѣ, коимъ онъ командовалъ, учился въ Упсалѣ, посвятивъ себя изученію военной исторіи и морскаго дѣла, по которымъ неоднократно дѣлалъ сообщенія въ Стокгольмскомъ Шведскомъ Военномъ Обществѣ. Затѣмъ имъ были напечатаны: „Нѣкоторые матеріалы для военной исторіи Швеціи 1711—13“; „Историческія извѣстія о полкахъ и корпуссахъ Шведской и Норвежской арміи и флота“; „Карлъ XII“ (биографическій очеркъ), а также нѣсколько лирическихъ и драматическихъ поэмъ, обнаружившихъ значительный талантъ и тонкій вкусъ автора. Изъ нихъ особенно выдаются „Ur svenska flottans minnen“ (Воспоминанія о шведскомъ флотѣ. 1858), увѣчанная преміей Шведской Академіи. Кромѣ того, вѣнценосный писатель перевелъ Гердерова *Cuda* и *Tassa Gête* прекрасными стихами. Въ 1868 году Лундскій университетъ призналъ за нимъ званіе доктора философіи. По смерти бездѣтнаго брата своего, короля Карла XV (6 сентября 1872), Оскаръ II вступилъ на престолъ и 30 апрѣля 1873 г. короновался въ Стокгольмѣ, а 6 іюля въ Дронтеймѣ. 25 мая 1857 онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Софіей Пассауской (р. 27 іюля 1836). Дѣти отъ этого брака: наследный принцъ Густавъ-Адольфъ, герцогъ Вермеландскій, родился 4 іюня 1858 года, съ 1881 года въ бракѣ съ принцессой Викторіей Баденской; принцъ Оскаръ, герцогъ Готландскій, родился 3 ноября 1859 года, но женился на Эббѣ Мункъ въ 1888 году, получилъ титулъ принца Бернадотта; принцъ Карлъ, герцогъ Вестготландскій, родился 15 февраля 1861 года, и принцъ Евгеній, герцогъ Церикскій, родился 31 іюля 1865 года.

Ледяной замокъ въ СПБ. Акваріумъ. (Рис. на стр. 117).

Прошлою зимою въ СПБ. Акваріумъ было сложено изъ льда строеніе по образцу ледянаго дома, построеннаго зимою 1739—1740 годовъ въ Петербургѣ, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Холодная зима и множество посѣтителей обезпечили успѣхъ проногодней постройки и нынѣшней зимой содержатель Акваріума задумалъ удивить столичную публику еще болѣе грандіознымъ строеніемъ изъ льда. Ледяной замокъ, изображеніе котораго помѣщено на стр. 117, уже оконченъ постройкою. Сооруженіемъ его заняты были сотни рабочихъ днемъ и ночью, при электрическомъ освѣщеніи, подъ наблюденіемъ архитектора и съ помощію дѣдушки-мороза. Значительный по размѣрамъ, этотъ ледяной замокъ напоминаетъ собою тѣ ледяныя грандіозныя дворцы, которые за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ воздвигаются каждую зиму то въ одномъ, то въ другомъ городѣ Канады, въ Америкѣ, во время карнавала.

Политическое обозрѣніе.

Въ Болгаріи совершаются неслыханныя вещи. Ворвавшійся своевольно и захватившій власть въ свои руки при помощи нѣсколькихъ прислѣбниковъ, которымъ выгодно имѣть въ лицѣ князя послушное орудіе для своихъ замысловъ, самозванный князь, принцъ Фердинандъ Кобургскій—продолжаетъ своевольничать въ Болгаріи. Недовольный болгарскимъ духовенствомъ за то что оно не молится за него въ православныхъ церквяхъ, преданный и ревностный сынъ католической церкви уже давно искалъ случая показать ненавистному ему болгарскому духовенству, что сила на его сторонѣ. Въ день Рождества Христова высшее духовенство не присутствовало въ церкви у обѣдни. Это событіе, а равно неоднократные отказы духовенства являться во дворецъ, сильно раздражили принца Фердинанда. Были призваны на совѣтъ Стамбуловъ и Странскій и тутъ было рѣшено выслать епископовъ. Въ 3 часа ночи вооруженные жандармы ворвались въ дома, гдѣ квартировали епископы, схватили послѣднихъ и, посадивъ въ экипажи, увезли изъ города. Народъ крайне возмущенъ этою исторіей и многіе не понимаютъ, какимъ образомъ Стамбуловъ, который знаетъ страну и вліяніе духовенства, могъ присовѣтовать принцу подобную мѣру. Расправившись такимъ неслыханнымъ образомъ съ высшимъ духовенствомъ, принцъ Фердинандъ заискиваетъ у другихъ болгарскихъ духовныхъ лицъ, стараясь увѣрить ихъ въ своемъ расположеніи и покровительствѣ болгарской церкви. Это дало поводъ вѣскимъ и другимъ газетамъ сообщить, что между принцемъ и духовенствомъ установилось полное соглашеніе; по эти извѣстія вымышлены. Дѣло сводится къ тому, что послѣ высылки членовъ синода принцъ старается пріобрѣсти расположеніе низшаго духовенства и съ этою цѣлью къ Новому Году было командировано во дворецъ много священниковъ, которыхъ принцъ встрѣтилъ очень любезно и нѣкоторыхъ пригласилъ даже къ обѣду. Тѣмъ не менѣе общее раздраженіе не успокоилось. Напротивъ, многіе именитые граждане, а также бывшіе министры и сановники составили въ Софіи адресъ къ болгарскому экзарху Іосифу. Въ немъ сказано: „Вызывающіе и богохульственные поступки людей, находящихся нынѣ во главѣ Болгаріи, съ членами синода и національной церкви извѣстны. Это—неслыханное поруганіе; точно будто Болгарія находится подъ игомъ еретиковъ. Фактъ этотъ тѣмъ прискорбнѣе, что онъ явленіе вовсе не случайное. На-

несепное народу поруганіе является лишь отпрыскомъ протекающаго нынѣ по Болгаріи ледянаго потока, который становится все болѣе и болѣе опаснымъ. Этотъ грязный потокъ оскверняетъ все благородное, святое и почтенное въ Болгаріи. Въ настоящую минуту мы можемъ только молить Бога, чтобы періоду нравственнаго упадка нашей родины былъ положенъ конецъ. Ваше преосвященство, въ качествѣ верховнаго главы православной церкви въ Болгаріи, являетесь для насъ единственною надеждою на огражденіе нашей святой церкви, которая подвергается столь тяжкимъ испытаніямъ, но съ помощію которой Болгарія достигнетъ самостоятельной жизни“.

Кромѣ этого нечальнаго инцидента, газеты чуть не ежедневно приносятъ извѣстія о новыхъ событіяхъ, ясно говорящихъ о послѣднихъ дняхъ Кобургіады. Такъ между офицерами генеральнаго штаба и военнымъ министромъ Муткуровымъ возникло столкновеніе вслѣдствіе того, что послѣдній публично и въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ офицеровъ генеральнаго штаба, обвиняя ихъ въ лѣни. Офицеры почли себя оскорбленными и потребовали либо отставки, либо болѣе точнаго опредѣленія круга дѣятельности и въ то же время расширенія правъ. Отставка, однако, не была принята и всѣ офицеры генеральнаго штаба были переведены въ строевыя части, исключая начальника генеральнаго штаба маюра Петрова. Далѣе произошелъ конфликтъ изъ-за того, что принцъ Фердинандъ измѣнилъ поднимаемый надъ конакомъ національный флагъ, сочетавъ болгарскаго льва съ кобургскимъ гербомъ. Поступокъ этотъ вызвалъ сильное волненіе, особенно въ кругахъ офицеровъ и чиновниковъ. Собранный ад hoc совѣтъ министерствъ рѣшилъ предложить принцу, чтобы онъ приказалъ снять такой флагъ, и офиціозная *Свобода* совѣтовала принцу какъ можно скорѣе убрать его, такъ какъ въ противномъ случаѣ недовѣріе страны можетъ усилиться и имѣть вредныя послѣдствія. Притомъ совѣтъ этотъ былъ высказанъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Если-бы какал либо другая газета осмѣлилась говорить подобнымъ языкомъ, она непремѣнно подверглась-бы высылкѣ, а такъ какъ всѣмъ извѣстно, что императоромъ *Свободы* является Стамбуловъ, то въ тонѣ ея видятъ доказательство усиливающихся разногласій между нимъ и принцемъ, хотя антагонизмъ и не проявляется открыто. Этимъ объясняется образъ дѣйствій Стамбулова, не удержавшаго принца отъ послѣднихъ необдуманныхъ

ныхъ проступковъ. Напротивъ, Стамбуловъ имѣетъ въ виду вызвать этимъ путемъ неудовольствіе народа противъ принца, дѣло котораго въ Болгаріи онъ считаетъ окончательно проиграннымъ. Переживаемое время всеобщаго неудовольства, даже внутри Болгаріи, принцемъ Фердинандомъ, показалось наиболее удобнымъ принцу Александру Баттенбергскому, чтобы напомнить о себѣ, и онъ отправился въ Вѣну, якобы съ цѣлю возвратити императору Францу-Иосифу знаки австрійскихъ орденовъ недавно умершаго своего отца. Встрѣча съ бывшимъ болгарскимъ министромъ Начевичемъ и агентомъ болгарскаго правительства въ Константинополѣ Вуковичемъ, очень близкими людьми къ принцу Баттенбергскому, въ Вѣнѣ, а также радушный приемъ оказанный ему въ столицѣ Австріи, вызвали слухи о возможности новаго появленія на болгарскомъ

даже къ рабочимъ произвела переполохъ въ республиканскомъ лагерѣ и вызвала со стороны ихъ кандидата Жака контръ-прокламацію, въ которой онъ совѣтуетъ рабочимъ не поддаваться наущеніямъ буланжистовъ и не вѣрить обѣщаніямъ генерала, который только притворяется ихъ другомъ. Изъ Парижа пишутъ въ *Neue fr. Presse*, отъ 22 января, что во Франціи, подъ вліяніемъ возбужденія повсемѣстно вызваннаго буланжистскимъ движеніемъ, вступилъ для агитаціи различныхъ претендентовъ на французскую корону весьма удобный и общающій усилъ моментъ. Какъ империалисты, такъ равно и роялисты одинаково готовы пожать плоды буланжистской пропаганды, съ тою только разницею, что пока орлеанисты ждутъ и, по всѣмъ признакамъ, рѣшили не насиловать событій, въ бонапартистскомъ лагерѣ торо-

Оскаръ II, король Шведскій (по поводу 60-й годовщины рожденія).
Грав. Шюблеръ.

Королева Софія Шведская. Грав. Шюблеръ.

престола бывшего болгарскаго князя Александра. Но врядъ ли подобная реставрація можетъ имѣть мѣсто, если принять формальное отреченіе принца Александра отъ болгарскаго престола, вслѣдствіе чего онъ потерялъ всѣ права, дѣлавшія его законнымъ, призваннымъ всѣми великими державами—правителемъ Болгаріи.

Во Франціи продолжается агитація по выборамъ депутата отъ Парижа. Въ *Journal des Débats*, отъ 21 января, сообщаютъ, что генералъ Буланже издалъ на-дняхъ прокламацію рабочимъ, составленную въ весьма энергическихъ и враждебныхъ парламентаризму выраженіяхъ. Обращаясь къ рабочимъ, генералъ Буланже объявляетъ имъ, что подавалъ голосъ за его кандидатуру, каждый изъ нихъ этимъ поддержитъ принципъ демократической республики и докажетъ „хищникамъ“ и „эксплуататорамъ“, что народъ не желаетъ впредь имѣть съ ними дѣла. Вѣскимъ газетамъ сообщаютъ, что прокламація генерала Бу-

ланже и, какъ видно по всему, хотятъ опередить въ активной роли прочія соперничающія въ Парижѣ партіи. Изъ Брюсселя телеграфируютъ въ *Neue fr. Presse*, что сынъ принца Жерома Бонапарта, принцъ Викторъ Бонапартъ, внезапно выѣхалъ оттуда, и никто еще не знаетъ, куда онъ собственно направился. Парижскія, отъ 12 (24) января, вечернія газеты сообщаютъ, что на 15 (27) января, въ виду предстоящихъ выборовъ, правительство приняло большія мѣры предосторожности: удалило изъ Парижа нѣсколько неблагонадежныхъ полковъ и приказало на всякій случай войскамъ вѣлоуть до Амьена и Пуатье не отлучаться изъ казармъ.

Во венгерскомъ сеймѣ одна за другою слѣдуютъ скандальныя сцены. Оппозиція заявила, что принятіе военнаго законопроекта было бы равносильно нарушенію конституціи и пригрозила тѣмъ, что всѣ оппозиціонные члены сложатъ съ себя полномочія.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ея Императорское Величество Государыня Императрица, 8 января, въ присутствіи Государя Императора и Государя Наслѣдника Цесаревича изволила собственноручно раздавать всѣмъ находившимся въ Царскомъ поѣздѣ 17 октября во время его крушенія на Курско-Харьково-Азовской дорогѣ, образки въ память чудеснаго спасенія Ихъ Величествъ и Ихъ Августѣйшихъ дѣтей отъ угрожавшей имъ опасности.

— *Новое Время* передаетъ слухъ, что торжественный въѣздъ высоконазначенной невесты Е. И. В. Вел. Ки. Павла Александровича, Греческой принцессы Александры, въ Петербургъ состоится въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Дѣла церквей.

— Русскіе жители Риги рѣшили постро-

ить въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи часовню, на чтѣ и собрана значительная сумма.

— 26 минувшаго декабря, въ гор. Житомирѣ присоединены къ Православной Церкви два чешскихъ семейства, въ числѣ 8 человекъ.

Морское дѣло.

— Съ открытіемъ навигаціи нынѣшняго года предполагается окончательно упразднить остатки Бѣломорской флотиліи и остающуюся въ Архангельскѣ единственную военную паровую шхуну „Баканъ“ перевести въ Балтійское море.

— Въ настоящее время на Балтійскомъ заводѣ строится императорская яхта „Полярная Звѣзда“. Яхта дѣлается изъ стали и явится послѣднимъ словомъ кораблестроитель-

наго искусства. Она должна имѣть скорость въ 21 узелъ въ часъ.

— Въ Одессѣ работы по сооруженію эллинга Беллино-Фендерпха совершенно закончены; рельсы положены; въ началѣ весны на надводной части эллинга установлены будутъ три подъемные механизма для вытаскиванія на сушу судовъ подлежащихъ ремонтировакѣ. На этой недѣлѣ эллингъ совершенно будетъ сообщенъ съ моремъ.

— Въ ночь на 6 января, пароходъ добровольнаго флота „Россія“ съѣлъ на мель возлѣ херсонесскаго маяка, вслѣдствіе густаго тумана. На выручку парохода „Россія“ были посланы пароходы „Нижній-Новгородъ“, „Ярославъ“, „Пушкинъ“ и канонерская лодка „Уралецъ“. 6 января пароходъ „Россія“ снялъ съ мели, но пароходъ „Нижній-Новгородъ“

Ледяной замокъ въ Петербургскомъ анвариумѣ. Ориг. рис. Полякова, грав. Гоппе.

занутился винтомъ между камнями; потребовалось выгрузить балластъ и послать водолазовъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Государственнымъ Совѣтомъ разрѣшено министерству Государственныхъ Имуществъ кредитъ въ размѣрѣ 80,000 рублей на производство изслѣдованій мѣсторожденія каменнаго угля въ Южно-Уссурийскомъ краѣ.

— Владѣлецъ имѣнія Домброва (въ верстѣ отъ г. Велюля, Калишской губ.), г. Кедровскій, открылъ на своей землѣ залежи каменнаго угля.

— На Уралѣ, еще въ 20-хъ годахъ, были открыты богатая залежи никкелевой руды, но до сихъ поръ онѣ не были подвергнуты надлежащей разработкѣ, и только въ послѣднее время на нихъ обратилъ серьезное вниманіе графъ Стенбокъ. Онъ провелъ много шурфовъ и прослѣдилъ рудную жилу не менѣе какъ на 300 сажень. Эта жила очень правильна; толщиною она около 2 сажень; шахта прошла по жилѣ въ глубь около 15 сажень, такъ что мѣсторожденіе, повидимому, вполне благонадежное. Мѣсторожденіе никкелевой руды находится въ Ревдянскомъ

округѣ; содержаніе никкеля около 7%, по есть образцы и съ 20%.

— На разсмотрѣніи министерства Внутреннихъ Дѣлъ находится, по словамъ одесскихъ газетъ, проектъ устройства въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи русскихъ колоній на казенныхъ земляхъ вѣдомства министерства Государственныхъ Имуществъ на тѣхъ приблизительно основаніяхъ, на какихъ устроены были колоніи менонитовъ, т. е. отводомъ на каждый дворъ отъ 60 до 100 десятинъ земли, поступающей въ пользованіе крестьянъ на льготныхъ условіяхъ долгосрочной аренды.

— Вопросъ о постройкѣ элеватора въ Одессѣ рѣшенъ положительно. Постройка будетъ произведена на средства общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Элеваторъ будетъ построенъ на новомъ молѣ и обойдется обществу около милліона рублей.

— Въ настоящее время, въ Самарѣ купцомъ А. П. Графовымъ строится судно, заключающее въ себѣ паровую мукомольную мельницу и просообдирку. На Волгѣ, какъ извѣстно, есть много большихъ селъ, которыя,

по имѣя вблизи рѣчекъ, принуждены довольствоваться вѣтряными мельницами. Теперь эта подвижная мельница будетъ совершать правильные рейсы по Волгѣ.

— Почти во всей Таврической губерніи озимые пострадали.

— Кружокъ образованныхъ женщинъ въ Варшавѣ, открываетъ въ этомъ городѣ большое садоводственное заведеніе подъ наблюдениемъ исключительно однихъ только женщинъ. При заведеніи предполагается устроить практическую школу.

Торговля.

— Съ января нынѣшняго года долженъ быть приведенъ въ исполненіе законъ, касающійся евреевъ, пребывающихъ въ Прибалтійскомъ краѣ по документамъ иностранныхъ купцовъ; имъ предписано оставить свою торговлю въ краѣ и выѣхать за границу, если они не представили къ 1 мая 1888 года въ установленномъ порядкѣ своего ходатайства о дозволеніи имъ торговать въ предѣлахъ имперіи на прежнемъ основаніи.

— Въ Харьковѣ, 6 января, официально открылась крещенская ярмарка. Съѣздъ тор-

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ ПОКАЗАНА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ.

ПОДПИСКА СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Для иногородныхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится **3** руб. Къ 1-му мая 1889 года **2** руб. Къ 1-му іюля остальные **2** руб.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ со всѣми приложеніями.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6.

говцевъ значительный. Появились покупатели-мануфактуристы. Конная ярмарка прошла удовлетворительно.

— Недавно, московские фабриканты Морозовъ и Кузнецовъ отправили большой торговый караванъ на 183 верблюдахъ, при 35 служащихъ и переводчикахъ, во внутреннюю, китайскую провинцію, гдѣ караванъ долженъ остановиться въ Лань-чжоу-фу. Караванъ отправился по сѣверо-восточному склону Тянь-шаньскаго хребта, такъ какъ этотъ путь имѣетъ то преимущество передъ главнымъ трактомъ, что тамъ даже въ Гоби встрѣчается хороший подножный кормъ и вода въ изобиліи, что трудно найти на главномъ трактѣ.

— Въ Севастополь, 5 января, прибылъ пароходъ добровольнаго флота „Нижній-Новгородъ“ съ грузомъ чая и хлопка, а 6 января пароходъ „Корниловъ“ съ грузомъ хлопка до 70,000 пудовъ.

Народное просвѣщеніе.

— *Новое Время* сообщаетъ слухъ, что предусмотрѣнными новымъ университетскимъ уставомъ испытательныя комиссіи должны начать свою дѣятельность осенью, и что называть имена нѣкоторыхъ лицъ, которые будутъ предсѣдѣть въ комиссіяхъ. Такъ, въ СПб. университетѣ предсѣдателемъ юридической комиссіи называютъ почетнаго Дерптскаго университета профессора М. Н. Калустина, физико-математической—члена совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія Н. А. Любимова, а филологической—ректора Варшавскаго уни-

верситета Н. А. Лавровскаго (бывшаго почетнаго Одесскаго учебнаго округа).

— Министерство Иностранцевъ Дѣлъ въ этомъ году ассигновало до двадцати трехъ тысячъ рублей на переводы воспитывающихся въ Россіи иностранныхъ славянъ и на содержание ихъ въ училищахъ.

— Завѣщанный Ф. И. Ушаковымъ капиталъ поступилъ уже въ Московскій университетъ въ количествѣ 300 тысячъ рублей. Въ настоящее время совѣтомъ университета вырабатывается проектъ распределенія капитала по факультетамъ.

Искусства изобразительныя.

— Въ Петербургѣ приѣхалъ проф. Г. И. Семирадскій. Вскорѣ въ Академіи Художествъ откроется выставка его картины „Фрина въ Элевзисѣ“.

— 27 минувшаго декабря, открылись въ С.-Петербургѣ выставки учебныхъ работъ въ рисовальной школѣ Императорскаго Общества Поощренія Художествъ и въ центральномъ училищѣ технического рисованія барона Штиглица.

— 31 минувшаго декабря, въ Москвѣ, въ зданіи историческаго музея, происходило торжественное открытіе всероссійской фотографической выставки, устроенной фотографическимъ отдѣломъ общества распространенія техническихъ знаний, въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго открытія свѣтописи. На торжествѣ присутствовали: московскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ князь А. Долгоруковъ и прочія начальствующія

лица, а также товарищъ московскаго городского головы М. О. Ушаковъ, предсѣдатель общества распространенія техническихъ знаний и его отдѣловъ, нѣкоторые профессора университета и другіе почетные гости, экспоненты выставки и многіе любители фотографіи.

Литература и на.на.

— Обществу ветеринарныхъ врачей разрѣшено издавать въ С.-Петербургѣ, подъ редакторствомъ предсѣдателя общества адъюнкты-профессора Имп. Военно-Медиц. Академіи В. Е. Воронцова, два раза въ мѣсяцъ, журналъ подъ названіемъ „Вѣстникъ Общественной Ветеринаріи“.

— 31 минувшаго декабря, въ гор. Харьковѣ праздновался 35-ти-лѣтній юбилей ординарнаго профессора Харьковскаго университета А. Н. Стоянова. Въ этотъ день товарищи юбиляра поднесли ему докторскій золотой знакъ.

Пути сообщенія.

— По инициативѣ промышленнаго дѣятеля Печорскаго края И. А. Сулова, начата сооруженіемъ новая желѣзная дорога, имѣющая пройти по сѣверной части Пермской губерніи и связать бассейны рѣкъ Волги и Камы съ бассейномъ рѣки Печоры.

Изъ губерній и областей.

— Въ селеніи Марзаллахъ, Шемахинскаго уѣзда, Бакинскія области, въ ночь на 23 декабря чувствовалось землетрясеніе. Первый подземный ударъ произошелъ въ четвертомъ часу утра, а второй— въ шестомъ часу. Оба удара не отличались особенною силою.

Алгебраическая задача № 6.

Извѣстная русская пословица состоитъ изъ 18 буквъ; если эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ ихъ въ русскомъ алфавитѣ, то полученныя такимъ образомъ числа будутъ между собою въ слѣдующихъ соотношеніяхъ:

- 1) Сумма перваго и втораго равна разности шестаго и пятаго.
- 2) Двѣнадцатое съ тринадцатымъ равны одинадцатому.
- 3) Шестое равно удвоенному седьмому.
- 4) Третье равно суммѣ пятнадцатаго и восемнадцатаго.
- 5) Девятое безъ седьмаго равняется десятому.
- 6) Шестнадцатое равно утроенному тринадцатому.
- 7) Восьмое безъ девятаго равно корню квадратному изъ семнадцатаго.
- 8) Пятое съ восемнадцатымъ равняется двумъ третимъ суммъ седьмаго и пятнадцатаго.
- 9) Сумма третьяго и двѣнадцатаго равна восьмому съ единицею.
- 10) Четвертое равно восемнадцатому.
- 11) Разность между одинадцатымъ и десятымъ равна разности четырнадцатаго и перваго.
- 12) Пятое безъ третьяго равно шестому безъ девятаго.
- 13) Третье съ первымъ равняется семнадцатому.
- 14) Десятое такъ относится къ седьмому, какъ тринадцатое къ 7.
- 15) Отношеніе четырнадцатаго къ третьему равно восемнадцатому.
- 16) Сумма четвертаго и пятаго равна удвоенной разности шестаго и шестнадцатаго.
- 17) Разность между восьмымъ и первымъ равна $\sqrt{6436,343}$.
- 18) Сумма перваго и восемнадцатаго равна разности между пятымъ и двумя третями двѣнадцатаго.

10	6	7	-9
-8	13	2	1
1	8	17	13
-5	-9	-4	6
11	12	4	-2
4	-8	14	-5

ПОПРАВКА. Въ № 3 „Нивы“, стр. 80, подъ рисункомъ „Бухарская пѣхота“, вмѣсто: съ фот. Васильева слѣдуетъ читать: съ фот. Кондратенко.

Задача № 7.

Раздѣлить данный прямоугольникъ на четыре равныя части. Полученныя части наложить одну на другую, чтобы онѣ совпали, и замѣнить сумму цифръ въ каждой клѣткѣ соответствующую въ азбукѣ буквою, при чемъ должна получиться фамилія одного извѣстнаго русскаго писателя.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Опасная игра. Повесть Н. Д. Ахшарумова. (Продолж.)—Два миссионера. (Разс. изъ жизни богоносцевъ далекаго Востока). А. Я. Максимова (Прод.).—Путешествія русскихъ людей за границу. П. И. Вейнберга. (Продолж.)—Изъ рисунковъ: Кувшинъ для вина (съ рис.).—Александръ Благословенный на Брюлевской террасѣ въ Дрезднѣ (съ рис.).—Башкиры во Франціи (съ рис.).—Виленискій дворянинъ (съ рис.).—Переправа Аннибалъ черезъ Рону (съ рис.).—Набѣгъ черногорцевъ (съ рис.).—Князь Даниилъ, наследникъ черногорскаго престола (съ портр.).—И. М. Пржевальскій (съ 2 рис.).—Институтъ Пастера въ Парижѣ (съ рис.).—Юва, патріархъ Московскій (съ портр.).—Оскаръ II король Шведскій и его супруга королева Софія (съ 2 портр.).—Ледяной замокъ въ Ангарумѣ (съ рис.).— Политическое обозрѣніе.—Разная извѣстія.—Задачи.—Поправка.—Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Якушкиновъ.

Изданіе А. Ф. МАРКЕСА, въ СПБ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГИЛЬДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ колѣн. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 част. Соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

„СУДЬБА ГАДАЮЩА“ предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіи недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адресъ единств.: въ г. Хвалынскъ И. Комисарову

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА

* à l'Etoile du Nord *
ЛУИ БУИСЪ и К^о.
М. № 3662 Москва, Бульварный мостъ, д. Солодовникова.

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ Сан. Сов. Д-ра Штельтцинга ил. содей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и № 18 СОДЕНЬ.

Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ К.д.в.м. Медицинскимъ Департ. въ С.-Петербургѣ.

Продажа во всѣхъ почти Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 10 коп. за коробку

Оптовая продажа въ М. МОРИШТЕРИИ. Болдино Морское № 23, С.-Петербургъ.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1888 годъ,

закрывающей въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, рассказы И. А. ГОНЧАРОВА: „Слуги“, большой историч. романъ Д. В. АВЕРКIEВА: „Вѣчу не быть“, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: „Братья Соперники“ и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА: „Бригадирская внучка“, большую повѣсть Н. СТАНИЦКАГО: „Исторія одного таланта“, рассказъ Макс. БѢЛИНСКАГО: „Заповѣдный лѣсъ“, комедію В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“, повѣсть А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвы“, рассказъ Е. А. САЛАСА: „Онъ-же“, рассказъ ТХОРЖЕВСКАГО: „Рекогносцировка“ и нѣсколько рассказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кроме того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ бесплатныхъ приложений, состоящихъ изъ картинъ, печатан. аquareльных красками, „Сборника повѣстей и разсказовъ“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ перелетному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА: „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14 3/4 вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всеми бесплатными преміями и приложениями:

Брошюрован. 4 р. Въ колѣн. перепл. 5 р. 50 к.
 Съ пересылкою 6 р. Съ пересылкою 7 р. 50 к.
 Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ежемесячное литературно-политическое изданіе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1889 ГОДЪ:

(Десятый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всю мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14,	7,	3,	50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1-му апрѣлѣ, 1-му іюля и 1-му октябрю по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., причѣмъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 рубля и вѣтъ, съ 1 апрѣля, ежемесячно по 1 рублю.

Новые подписчики на 1889 г. получаютъ бесплатно начало романа Г. П. Давилевскаго „Черный годъ“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21. Г. № 3661

Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Ко, Невскій просп., д. Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. Ж. Лавровъ.

ЭЛЕОПАТЬ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всехъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопать Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптеки или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (51) № 2946

А. РАЛЛЕ и Ко въ МОСКВѢ.

Пудра бархатная.	Масло репейное.
Мыло лимонно-глицер.	Личная помада.
Духи Шери-бло-ссомъ.	Духи Б-тъ Пактоль.
Одеколонъ двойной.	Цветочная парфюмерія.
Духи Испанская кожа.	Духи Казанликъ-мимоза.
Элексиръ борно-тимоловый.	Мыло цветочно-глицер.

Ц. № 3664

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
 Розничныи магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

САРПИНКА. | Приемъ заказовъ и пересылка во все города Россіи и за границу. | СЕЗОНЪ 1889 г.

Собственной выработки САРПИНСКІЯ ИЗДѢЛІЯ ручнаго ткачества родъ зефира, для лѣта на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки. Отлично моется.

Цѣны отъ 15 до 22 копѣекъ за аршинъ.

ОГРОМНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ НОВѢЙШИХЪ ОБРАЗЦОВЪ. высылаются заказной бандеролью въ альбомѣ за 42 и въ конвертѣ за 28 копѣекъ почтовыми марками. Цѣны и условия при образцахъ. № 3525 5-5

Адресъ: Саратовъ. „Товариществу промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій“.

СЕЗОНЪ 1889 г. | ПРОДАНА ШТУКАМИ И АРШИНАМИ. | САРПИНКА.

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Управленія. Все названныя косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ:

1) ЭЛЕКСИРЪ MELANGE

для волосъ. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ объ употребленіи, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

2) ХИНО-ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПОМАДА

на перуанскомъ бальзамѣ, для волосъ. Ц. банки 2 руб.

3) ПОДЛИННИКЪ PASTA-EUGENIE

средство для лица. Ц. банки 1 р. 60 к.

4) БАЛЬЗАМЪ EUGENIE

изъ миртовыхъ и сандалеваго букета цвѣтовъ для лица, шеи и рукъ, съ благоуханіемъ лиліи и розъ. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ.

5) РУМЯНА EUGENIE

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи. Рекомендуются въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. за флаконъ 1 р. 50 к. съ наставленіемъ какъ употреблять.

6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА

Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка „амуръ“ и подпись изобрѣтательницы „Bertha Ries“.

7) ПОДЛИННИКЪ „POUDRE EUGENIE“

бѣлая и розовая. Цѣна коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к.; безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛѢ ВОЛОСЪ

Трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Ц. коробки 3 р. РИСЪ ГУТМАНЪ.

Дело въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Пассажѣ, бывш. Дарзанск.; въ Центральномъ аптекарскомъ магаз., у Казанскаго моста № 30; въ Невскомъ аптекарскомъ магазинѣ и въ Гостиный дворѣ у А. М. Рузанова № 40; у М. П. Ушакова, и у Кошкина № 12, Суконный рядъ. № 3659

Въ Москвѣ: у К. И. Феррейна и Р. Келеръ и Ко., Никольская; у А. Брунсъ (бывш. Ф. Пецъ) и Л. Борхардтъ, Маросѣйка; у В. Кавъ и у парикмахера Теодора, Кузнецкій мостъ; у Оскара Гейлига, Петровка; у Эм. Керстанъ, Тверская; и у В. Везбардтъ, Арбатскій ворота.

Въ Астрахани: у А. И. Фадѣева;	Въ Одессѣ: у Гельдеръ и Ко, Гуммельтъ и Аудерскаго;
„ Бану: у В. Погозова;	„ Пермь: въ писчебумажномъ магазинѣ П. П. Демидова;
„ Харьковѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами;	„ Полтавъ: у Н. Шульцъ;
„ Енатеринбургѣ: у У. У. Ермолаева, у парикмахера Эдигарева и у Е. Харитоновъ и Ко;	„ Ревель: у Хр. Келеръ;
„ Енатеринодарѣ: у Гамбургеръ, Лазетъ и Робинсонъ;	„ Ригѣ: у Б-ель Видеманъ;
„ Енатеринославѣ: у В. Абрамова; А. Я. Горькова.	„ Ростовѣ н/Д.: у Матисена;
„ Елазаветградѣ: у Г. А. Трестъ-ръ Насѣдникъ;	„ Самарѣ: у Ю. В. Христенсена;
„ Гельсингфорсѣ: у Горетъ;	„ Саратовѣ: у Матисена и у Р. Штроли;
„ Казани: у Мураева;	„ Ставрополѣ: у Курьиченко;
„ Кіевѣ: въ перчаточн. магаз. Поля, Крестьянскіе;	„ Таганрогѣ: у Л. Раппенпортъ;
„ Костромѣ: у А. Прокопенко;	„ Тифлисѣ: у В. Гринякъ;
„ Кременчугѣ: у Заки;	„ Томскѣ: у С. П. Ненашева;
„ Минскѣ: у парикмахера К. Ивановскій;	„ Варшавѣ: у Александръ и Марселли, Театральн. площ.; у Калининскаго, въ Краковск. предместьи, и у Длаинка;
„ Новочеркасскѣ: у З. Петрова;	„ Вильнѣ: у Гржевскаго;
	„ Воронежѣ: у Бухалькова;
	„ Владикавказѣ: у Г. А. Отиева.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колленора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

АДРЕСА въ всѣхъ европейскихъ и иностранныхъ городахъ. Гарантируетъ подлинность адресовъ. Adressen - Verl. - Anstalt (C. HERM. SERBE, Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 специальностей. = 5,000,000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Суды подъ всѣ % бумаги. Страхованіе выписанныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3611 5-5. Также нужны върныя съ послѣдними мѣстами жительства **АГЕНТЫ**. Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЛЕВИНГЕТЪ и ГЮЗНГЕТЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 240.

ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛ. ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

(См. „Нива“ № 50, 1888 года). Этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать многи хорошия фотографіи. Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дороже. Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются безплатно.

Е. КРАУСЪ и К^о.
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

„НОВОСТЬ“
за 5 марокъ (иногородныхъ) высылается заказнымъ новымъ прантическій стѣнной **КАЛЕНДАРЬ** на 1889 г. (размѣръ 6½ в. × 9 в.) **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**
Москва, — С.-Петербургъ № 3608 (6)

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЕТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ **Энгельберга Зейбертца**, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *СПБ кѣи Видомости* (№ 329, отъ 28 ноября) говорятъ о книгѣ слѣдующе: „Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ, только что выпустилъ въ полномъ смыслѣ роскошно изданіе „Фауста“ Гете въ переводѣ А. Фета (Шеншина), съ эстампами и гравюрами Э. Зейбертца. Прекрасный, необыкновенно близкій къ подлиннику переводъ г. Фета уже извѣстенъ публикѣ; заслуга издателя состоитъ главнымъ образомъ въ обдуманной роскоши, съ какою исполнена внѣшняя сторона дѣла. Въ этомъ отношеніи предпріятіе г. Маркса — почти единственное у насъ по достоинству печати, бумаги, переплета и пр. Книга отпечатана на 100 листахъ великобюной веленовой бумаги in folio; гравюры отснуги на отдѣльныхъ александрійскихъ листахъ, съ соблюденіемъ въ тонахъ среднебѣлаго характера; множество вишетоковъ, мелкихъ рисунковъ, заставокъ, украшаютъ текстъ. Вся эта художественная часть изданія отличается строжайшимъ единствомъ стиля, выдержанностью и благородствомъ вкуса. Такою же обдуманною роскошью отличается и переплетъ книги. Онъ сдѣланъ изъ цѣльной кожи (шагрень), вытисненной рельефно мѣднымъ штампомъ по оригинальному рисунку, въ старинномъ нѣмецкомъ стилѣ. Вообще въ изданіи совершенно отсутствуетъ спекулятивная цѣль: видно, что г. Марксъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ нечто капитальное, вполнѣ достойное солидной фирмы. Въ любомъ кабинетѣ или въ любой гостиной, этотъ роскошный томъ явится цѣннымъ украшеніемъ стола.“

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

АМЕРИКАНСКІЯ ФИСГАРМОНІИ

(Америк. фисгармонія въ 300 р.)

по своему прекрасному тону сдѣлались необходимыми инструментами любителей музыки. Новыя усовершенствованія въ ихъ конструкціи даютъ каждому возможность выучиться играть въ самое короткое время и исполнять пьесы съ прекрасными музыкальными эффектами.

Цѣны американскихъ фисгармоній:
120, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.

Французскихъ фисгармоній: 100, 130, 160, 200, 300 и 500 руб.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотъ для фисгармоній — безплатно.

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо № 3666 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42. Москва, Бульварный мостъ, д. Горлацкаго.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать

Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILLENMILCH“
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46, Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Сов. Шиндлера. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИНЪ

лучшихъ системъ по умѣреннымъ цѣнамъ.
А. ШТЕЙНЪ
№ 26. Большая Морская, № 26
въ С.-Петербургѣ. № 3667

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. П. ДАВГУЛЯ
существуетъ съ 1822 года въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ. и высылаетъ безплатно и франко **НАТАЛОГЪ СЪМЯНАМЪ** огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ, 500 сорт. **РОЗАНАМЪ**, грунтовымъ и оранжерейнымъ, Георгинамъ, Гвоздинамъ, цвѣточн. луковичамъ, воздушн. и тепличн. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ. № 3668

СRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха. не портится. **LA POUDE SIMON И МЫЛО à la СRÈME-SIMON** имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16-7

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЪ: Усовершенствованныя НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-ми струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированныхъ 8
темно-полкированныхъ 8 50
Лоты въ нимъ: Альбомъ I и II по . . . 30
Альбомъ III новый 50
За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

І. Ф. МОЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Прейсъ-куранты всѣхъ инструментовъ безплатно.
Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (9)

10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ КОНЬКОВЪ
отъ 2 руб. — 15 руб. за пару. 3371
Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.
Ж. БЛОКЪ. СПБ., В. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

№ 5

г. XX

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 28 января 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (¼ шпр.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургѣ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургѣ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

А. А. Шеншинъ (А. Фетъ).

„Шенотъ, робкое ды-
ханье, трели соловьи...“
Кто не знаетъ наизусть
этого граціознаго, чару-
ющаго стихотворенія, и
врядъ-ли найдется у
насъ кто-либо изъ читаю-
щей публики, кому не
было бы извѣстно имя
Фета, автора этой и дру-
гихъ пьесъ, столь у насъ
популярныхъ. Фетъ боль-
шой любимецъ нашей
публики,—не той части
ей, которая думаетъ, что
поэзія есть одно только
средство, способъ для
выраженія современ-
ныхъ идей въ стихо-
творной формѣ, хотя-
бы даже анти-художес-
твенной,—Фета любятъ
та публика, которая
„благоговѣть безмолвно
передъ святыней красо-
ты“, ищетъ въ поэзіи
прежде всего эстетиче-
скаго наслажденія и
понимаетъ ее сердцемъ,
цѣнитъ не съ помощью
одного лишь холоднаго
разсудка. Въ эпоху гос-
подства въ нашей лите-
ратурѣ реалистическа-
го направленія, когда
первенствовала и пожи-
нала лавры одна лишь
„муза мести и печали“,

Аванасій Аванасіевичъ Шеншинъ (А. Фетъ). По поводу 50-лѣтняго юбилея лите-
ратурной дѣятельности. Съ фот. Панова, грав. Шюблеръ.

Фетъ былъ какъ будто
позабытъ, о немъ гово-
рили не иначе какъ съ
усмѣшкой, его прекрас-
ныя вещи подвергались
глумленію. Только
истинные любители по-
эзіи продолжали восхи-
щаться его стихами,
полными неизяснимой
прелести; но когда не-
здоровое направленіе и
въ литературѣ, и въ об-
ществѣ если не совер-
шенно исчезло, то зна-
чительно ослабѣло, Фетъ
снова сдѣлался однимъ
изъ любимѣйшихъ на-
шихъ поэтовъ и поста-
вленъ на должную вы-
соту. И можно-ли не
любить этого оригиналь-
наго, нерѣдко причудли-
ваго поэта? Его произ-
веденія больше всего
говорятъ нашему серд-
цу, иѣжать какъ див-
ная весенняя ночь, то-
мятъ какъ знойный
лѣтній день, ласкаютъ
слухъ какъ рядъ без-
конечныхъ, дивныхъ
аккордовъ, внутренно
межъ собою связанныхъ,
которыхъ прервать не-
льзя. Фетъ—поэтъ истин-
ный съ большимъ и край-
не своеобразнымъ тала-
нтомъ, съ настоящимъ по-
этическимъ складомъ
ума, съ богато разви-
тымъ чувствомъ красо-

ты, у котораго форма большей частью поражает изяществом, стихъ — необыкновенною музыкальностью, являемоем отличаясь образностью и колоритностью. Лирикъ въ самомъ строгомъ значеніи слова, онъ отлично сознаетъ свои силы и управляетъ ими какъ настоящій виртуозъ. Не большое мѣсто отмежевалъ онъ себѣ въ поэтической области, но за то онъ распоряжается въ немъ какъ полный хозяинъ. Мимолетныя, трудно уловимыя ощущенія, оттѣнки чувствъ, пробуждающихся подъ влияніемъ созерцанія природы въ наиболѣе таинственныя, торжественно-чуждыя минуты и подъ влияніемъ молодой, свѣтлой, идеальной любви,—моменты, когда человѣкъ бываетъ необъяснимо, томительно нѣгой волнуемъ, когда душа „несказаннаго стремленія полна“ — все это составляетъ главное содержание поэзіи Фета, чрезвычайно самобытной и совершенно субъективной. Самобытность его заключается въ необыкновенно цѣльной и нѣжной поэтической натурѣ поэта, который производитъ невыразимо обаятельное впечатлѣніе своей простотой, непосредственностью и глубокою искренностью, порой граничащею у него съ дѣтскою наивностью. Эта простота, эта наивность, это возвышенное игнорированіе мелочной, пошло-обиходной, будничной логической послѣдовательности, эта нѣкоторая—для профановъ—какъ-бы туманность его поэзіи нисколько не вредятъ цѣльности впечатлѣній, не умаляютъ прелести его произведеній. Напротивъ, все это придаетъ его поэзіи нѣчто неуловимо-чарующее (одинъ изъ старыхъ критиковъ весьма удачно сравниваетъ многія мелодіи Фета съ мазурками Шопена). И благодаря особенностямъ своей натуры, поэтъ отзывался на все это нѣрѣдко какимъ-то страннымъ, непривычнымъ для всякаго уха звукомъ, далеко не всякому сердцу понятнымъ. Напрасно стали бы мы искать во многихъ лучшихъ пьесахъ Фета чувства вполнѣ созрѣвшаго, вполнѣ яснаго. Поэтъ сознательно не хочетъ выразить его опредѣленно, сдѣлать его доступнымъ каждому; онъ предпочитаетъ, по выраженію Аполлона Григорьева, услаждаться такъ-сказать грѣзою чувства. И въ этой неопредѣленности, въ этой туманности и загадочности заключается своего рода прелесть: „прелесть грѣзы—съ одной стороны, полуудовлетворенія—съ другой, прелесть того состоянія, когда человѣкъ вливаетъ послѣднюю сладкую влагу сна на зарѣ.“ Фетъ не желаетъ вовсе знать ничего осталнаго кромѣ того, чѣмъ онъ живетъ и чѣмъ чувствуетъ, но рѣдко кому изъ поэтовъ — говорить тотъ же Григорьевъ — удается подмѣчать такъ хорошо задатки зарождающихся чувствъ, тревоги подчувствъ и наконецъ поднимающіеся подчасъ въ душѣ человѣка отирскія прошедшихъ чувствъ и старыхъ впечатлѣній, бывшихъ стремленій, которыя „далеки, какъ выстрѣлъ вечерній“, памяти былого, которая „крадется въ сердце тревожно“. Какъ трудно уловить всю прелесть нѣжныхъ красокъ зари, букетъ аромата цвѣтушихъ полей, разнообразный гомонъ лѣса, такъ трудно уловить все очарованіе поэзіи Фета. Она мало даетъ матеріала для мысли, ее надо чувствовать, понимать сердцемъ. „Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость, только художникъ на всемъ чувствуетъ прекраснаго слѣдъ.“ Этими стихами Фетъ опредѣляетъ отчасти свое художественное творчество, давая понять, что художникъ не столько созерцаетъ и сознаетъ прекрасное, сколько чувствуетъ его. Фетъ обладаетъ еще удивительной способностью выразить въ двухъ-трехъ строкахъ извѣстное настроеніе души, изобразить въ самой коротенькой ипескѣ цѣлую картину, порою цѣлую драму, не смотря даже на быстрые скачки и переходы мысли, на неожиданныя порывы.

Фетъ замѣчательнъ не только какъ удивительный лирикъ, но и какъ переводчикъ классическихъ произведеній древнихъ и новыхъ поэтовъ. Никто, рѣшительно никто изъ прежнихъ и нынѣшнихъ поэтовъ не достигалъ такого совершенства въ передачѣ всѣхъ красотъ, особенностей и самаго духа такихъ произведеній какъ, напр., „Фаустъ“ Гёте. Фетъ цѣлые года работалъ надъ переводами произведеній Гёте и латинскихъ и греческихъ классиковъ, изучалъ ихъ, такъ сказать, капля по капля и за то, смѣло можно утверждать, что такого перевода гётевскаго „Фауста“ не существуетъ ни въ одной литературѣ. Не говоря о внутреннемъ достоинствѣ, о глубокомъ, философскомъ пониманіи великаго творенія Гёте, Фетъ, путемъ долгой работы, достигаетъ необыкновенной силы стиха въ этомъ и прочихъ переводахъ, а часто и замѣчательной отдѣлки. Нашъ поэтъ идетъ рука объ руку съ подлинниками. Фетъ первый познакомилъ русскую публику съ твореніемъ Гёте въ полномъ видѣ и первый же издалъ всѣ оды Горация; кромѣ того, онъ подарилъ отечественную литературу

прекрасными переводами поэмы Гёте „Германъ и Доротея“ и трагедій Шекспира „Юлій Цезарь“ и „Антоній и Клеопатра“. Изъ прозаическихъ произведеній Фета заслуживаетъ большаго вниманія написанная горячо, глубокая и по мысли и по чувству, статья о стихотвореніяхъ Тютчева. Думаемъ, что всѣ эти заслуги теперь уже маститаго поэта даютъ ему право на глубокое уваженіе и признательность его соотечественниковъ, помимо той глубокой симпатіи, которую чувствуютъ къ нему всѣ, въ комъ не угасла любовь къ прекрасному, кто хоть разъ въ жизни былъ молодъ, кто чувствовалъ и жилъ. Уже давно работаетъ Фетъ и въ нынѣшнемъ году исполнилось полвѣка его литературной дѣятельности. Хотя высокоталантливый лирикъ нашъ болѣе извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ Фета, по его родовой фамиліи—Шеншинъ. Аванасій Аванасьевичъ Шеншинъ родился 20 ноября 1820 года въ имѣніи своего отца, Аванасія Неофитовича, сельцѣ Новоселки, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія, онъ тринадцати лѣтъ былъ отведенъ въ частный пансіонъ Крюммера въ Верро, уѣздномъ городѣ Лифляндской губерніи, гдѣ, между прочимъ, изучалъ языки и въ особенности нѣмецкій, послѣ чего около года учился въ пансіонѣ Погодина въ Москвѣ, откуда поступилъ въ Московскій университетъ, сначала по юридическому, а потомъ по словесному факультету. Во времени пребыванія Аванасія Аванасьевича въ университетѣ относятся и его первые робкіе шаги въ литературѣ. Онъ началъ писать стихи очень рано, и въ 1839 году, будучи еще восемнадцатилѣтнимъ юношей, отдалъ въ печать сборникъ своихъ стихотвореній, который, съ помѣтью 1840 годомъ, вышелъ подъ заглавіемъ „Лирическаго Пантеона“ А. Ф. Сборникъ этотъ встрѣтилъ сочувствіе въ литературѣ и вызвалъ похвалы рецензентовъ. Во времени своего выхода изъ университета, въ 1844 году, Аванасій Аванасьевичъ составилъ уже себѣ нѣкоторое имя и съ тѣхъ поръ печатался въ лучшихъ нашихъ журналахъ. По окончаніи курса онъ опредѣлился конферомъ въ Орденскій кирасирскій полкъ, прослужилъ въ немъ безъ малаго девять лѣтъ, потомъ переведенъ въ лейбъ-гвардію уланскій Его Величества полкъ, сдѣлавъ съ нимъ походъ къ нашимъ западнымъ границамъ и въ 1856 году, по заключеніи мира, вышелъ въ отставку. Въ это время онъ женился въ Москвѣ на сестрѣ знаменитыхъ Боткиныхъ, затѣмъ поселился въ своемъ родовомъ помѣстьѣ и весь отдался литературѣ и сельскому хозяйству.

Съ 1860 по 1877 годъ Аванасій Аванасьевичъ Фетъ, поглощенный устройствомъ небывалаго до того времени вольнаемаго труда, а затѣмъ занятіями по должностямъ участковаго мирового судьи до выхода въ отставку въ 1877 году, — почти ничего не писалъ, за исключеніемъ хозяйственныхъ замѣтокъ „Изъ деревни“. Въ 1863 г. были нанчтаны въ Москвѣ „Стихотворенія А. А. Фета“. 2 части. Изданіе Солдатенкова. Но съ 1877 года, переселившись въ Шигровский уѣздъ, онъ всецѣло предался литературнымъ занятіямъ, и за послѣднія десять лѣтъ издалъ: въ 1880 г. — переводъ Артура Шопенгауэра: „Миръ какъ воля и представленіе“ (вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1888 году); въ 1882 году изданъ переводъ „Фауста“ Гёте, часть первая; въ 1883 г. — вторая часть „Фауста“; въ 1883 г. — стихотворенія А. А. Фета: „Вечерніе Огни“ — часть первая; въ 1883 г. — переводъ Квинта Горация Флакка. Этотъ переводъ въ 1856 г. былъ поднесенъ его величеству государю Александру II, за что Фетъ Высочайше награжденъ перстнемъ; а въ 1883 г. вполнѣ оконченный переводъ удостоенъ Академіею Наукъ первой Пушкинскою преміею. Въ 1885 г. — переводъ Ювенала; въ 1885 г. — стихотворенія „Вечерніе Огни“ — часть вторая; въ 1886 г. — переводъ Катулла; въ 1886 г. — переводъ Тибулла; въ 1886 г. — переводъ Артура Шопенгауэра: „О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія“; въ 1887 г. — переводъ „Превращеній“ Овидія; въ 1888 г. — стихотворенія „Вечерніе Огни“ — часть третья; въ 1888 г. — переводъ „Энеиды“ — Виргилія, и переводъ „Элегій“ Проперція!

Стихотворенія А. А. Фета выдержали нѣсколько изданій.

Въ 1885 г. А. А. Шеншинъ за литературныя заслуги Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени.

Проидуть года, многія литературныя имена, столь громко шумѣвшія въ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годахъ, перейдутъ лишь въ область исторіи литературы, но дивныя мелодіи Фета останутся жить въ обществѣ. Ихъ съ чувствомъ повторитъ и отзвучивый на все доброе, пачивающій жить юноша, и отжившій старикъ, воспоминающій время, когда онъ былъ такимъ ж чуткимъ юношей.

П. Быновъ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

Х.

Въ правленіи общества „Внутренняго кредита“, всѣ, отъ кассира до предсѣдателя, боготворили Ивана Федоровича Ладищева. Не то чтобы онъ принималъ

участіе въ ходѣ обычныхъ дѣлъ, — на это, какъ человѣкъ, по горло занятый государственной службой, онъ не имѣлъ ни времени, ни охоты; но тѣмъ не мѣнѣ, какъ патронъ-учредитель, Ладищевъ имѣлъ за

себя большинство на общих собраніяхъ, властвовали пераздѣльно въ совѣтѣ банка, и даже не разъ выручалъ его изъ критическихъ затрудненій... Понятно поэтому, что служебное положеніе Паши въ правленіи было привилегированное. Старшій бухгалтеръ и предсѣдатель, кассиры, директора, юрисъ-консультъ — всѣ знали дѣвушку и, встрѣчаясь съ нею въ приемные дни у Ладищевыхъ, или на службѣ, не забывали пожать ей руку или сказать какое-нибудь, ничтожное въ сущности, но любезно свернутое и еще любезнѣе выговоренное привѣтствіе... Юрисъ-консультъ банка служилъ о ту пору Стойницкій. Это былъ молодой еще, но успѣвшій уже приобрести извѣстность, ловкій и образованный человѣкъ, съ весьма представительною паружностью: блѣдное, выразительное лицо и кудрявые, темные волосы, красивая борода, увѣренный взоръ, и манера откидывать голову говоря, — все у Стойницкаго было эффектно. Въ домѣ Ладищевыхъ онъ былъ баловнемъ дамъ: его окружали, за нимъ ухаживали, къ нему приставали нарочно, чтобы заставить его говорить, и бойкій ораторъ не оставался въ долгу: блестящая рѣчь его была ключемъ и искрилась какъ шампанское. Кузина Софья Ивановна, интересная молодая вдовушка, была очарована имъ и не скрывала того, а Паша, хотя и старалась увѣрить себя, что она равнодушна, минутами тоже была безотчетно увлечена. Но онъ появлялся въ приемные дни, какъ метеоръ, и, ожививъ на короткое время общество, исчезалъ такъ внезапно, что Пашѣ долго не представлялось случая поговорить съ нимъ дома. Это ей удавалось только въ правленіи; но и тамъ ихъ встрѣчи большею частію ограничивались рукопожатіемъ и обмѣномъ нѣсколькихъ словъ, послѣ которыхъ онъ раскланивался и проходилъ.

Стойницкій нравился дѣвушкѣ, но въ первое время ей и во снѣ не снилась возможность какого-нибудь сближенія... Какъ вдругъ, — это случилось недѣли двѣ послѣ свиданія ея съ Марьей Кондратьевной, въ правленіи, — онъ подошелъ къ ней, и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, шепнулъ, что имѣетъ ей передать одну вещь.

— Могу я васъ оторвать на минуту отъ вашихъ занятій? прибавилъ онъ, взглядомъ указывая ей на приемную, которая въ эту минуту была пуста.

Она отвѣчала: „Конечно“, и вышла, немножко заинтригованная, но безъ малѣйшей догадки, въ чемъ дѣло.

— Вы вѣдь немножко знакомы съ мадамъ Рогневичъ? продолжалъ онъ, вынимая изъ портфѣля, маленькую, сложенную бумажку.

Дѣвушка вздрогнула и лицо ея загорѣлось жаркимъ огнемъ.

— Да, прошептала она со встревоженнымъ взоромъ: — А что?

— Бездѣлка... Она поручила мнѣ передать вамъ вашъ вексель и объяснить, что деньги по немъ уплачены.

Въ рукахъ у него былъ дѣйствительно вексель, но Паша, вмѣсто того чтобы взять и спрятать его, стояла растерянная и яркая краска стыда на ея лицѣ уже смѣнилась мертвенной блѣдностью.

Стойницкому стало жалко ея.

— Сядемте, сказалъ онъ. — И, ради Бога, простите меня... Еслибъ я могъ предвидѣть, что эта малость васъ такъ взволнуетъ..

— Кто заплатилъ? перебила она.

— Я, — по порученію Марьи Кондратьевны.

— Вы, стало-быть, сами были... тамъ?..

— Былъ самъ.

— И знаете?.. Но въ такомъ случаѣ вы должны понимать, что для меня это совсѣмъ не малость!..

Ужасъ написанъ былъ у нея на лицѣ.

— Сударыня, отвѣчалъ юрисъ-консультъ съ искреннимъ состраданіемъ, — я не хочу васъ обманывать. Марья Кондратьевна сообщила мнѣ все, что мнѣ было необходимо знать, — но я убѣдительно васъ прошу: не смотрите на это какъ на нескромность съ ея или съ моей стороны, и вообще, удостоите меня хоть нѣкотораго довѣрія. Имѣя дѣло съ такимъ сутягой, какъ вашъ кредиторъ, я бы не могъ исполнить его удовлетворительно, если бы явился къ нему ничего не зная. Но это васъ не должно смущать; потому что, во-первыхъ, тайна — въ нашей профессіи — составляетъ такое же дѣло чести, какъ и въ профессіи медика, и я прошу васъ не сомнѣваться, что она будетъ свято сохранена. А во-вторыхъ, — то, что я знаю о вашемъ несчастномъ случаѣ, не составляетъ и тѣни сомнѣнія въ вашей невинности... Дѣло, конечно, весьма пекотливое; но единственное, что заставляетъ меня опасаться за результатъ, это — собственная ваша неопытность и тѣ ошибки, въ которыя она угрожаетъ увлечь васъ, — можетъ-быть даже отчасти и вовлекла. Поэтому если вы позволите дать вамъ совѣтъ — заручитесь какъ можно скорѣе повѣренными и не дѣлайте безъ него ни шагу...

— Это легко сказать, отвѣчала Паша, не смѣя поднять на него глаза, — но вы понимаете сами... какал это задача... въ моемъ положеніи... Я никого не знаю; да еслибъ и знала, то кто захочетъ взять на себя такой... непривлекательный трудъ?..

Онъ улыбнулся. — Ну, это не лестно для нашего брата! сказалъ онъ: — и если бы я былъ въ правѣ придать обдуманнѣе смыслъ тому, что я слышу, и принять бы ваши слова за выраженіе общаго недовѣрія къ нашей профессіи, — въ томъ смыслѣ, что адвокатъ, какъ вы его понимаете, по природѣ своей, не можетъ быть безкорыстенъ... Но, шутки всторону, что вы имѣли бы, напримѣръ, противъ меня?

Она молчала, въ большомъ замѣшательствѣ, не осмѣливаясь признаться, что онъ, на ея глаза, слишкомъ молодъ, чтобы служить ей въ роли, которую онъ и самъ ставитъ рядомъ съ ролью врача или духовника. И еслибъ она могла читать у него въ душѣ, она убѣдилась бы, что ея опасенія не напрасны.

„Ахъ, чортъ возьми!“ думалъ тотъ: „да она прелесть! — И какъ это и до сихъ поръ не обратилъ на нее вниманія?..“

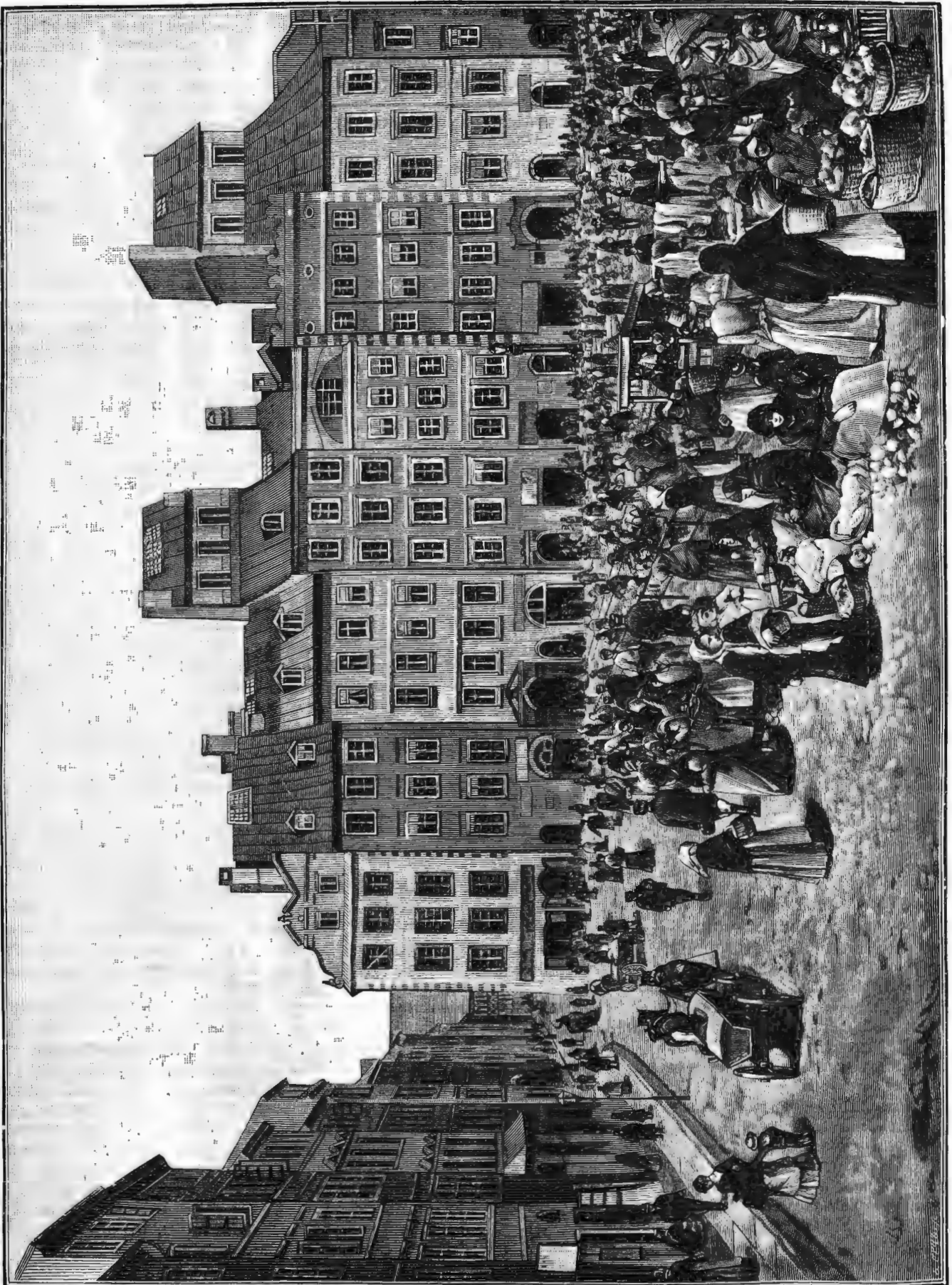
— Позвольте мнѣ отвѣчать за васъ, сказалъ онъ, съ усмѣшкой. — Вы не имѣете лично противъ меня ничего; но васъ затрудняетъ формальный вопросъ приличій?.. Съ повѣренными, напримѣръ, необходимо встрѣчаться и совѣщаться, т. е., другими словами, придется ему назначать дѣловыя свиданія; а такъ какъ, именно, дѣловая ихъ сторона не допускаетъ огласки, то ваша фантазія и создаетъ себѣ пугало тайныхъ свиданій... Не такъ ли?

— Не совсѣмъ такъ, отвѣчала она: — по отчасти и это правда.

— Я продолжаю.. Первое, что смущаетъ васъ, такимъ образомъ, это — вопросъ, гдѣ мы могли бы видѣться... У Марьи Кондратьевны неудобно, потому что вы мало знаете эту особу и непосредственное участіе ея въ консультаціяхъ стѣснило бы насъ обоихъ... Здѣсь слишкомъ людно, и наши *aparte*, за явнымъ неправдоподобіемъ всякихъ реальныхъ попытокъ ихъ объяснить, имѣли бы фантастическій видъ какого-то заговора противъ правленія банка. А дома, у дядюшки, извините меня, это приняли бы, пожалуй, за тайное сватовство... Не правда ли?

— Очень похоже на правду.

— Но при такихъ условіяхъ, остается только одно: это — почтить меня вашимъ полнымъ довѣріемъ и назначить, хотя бы на первый разъ, когда я могу васъ принять у себя.

Старое мѣсто въ Варшавѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Малышцаго, грав. Пукъ.

Спасенные со шкуны „Алеутъ“ у острова Матсмая (Японія). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) геш. Ладженского, грав. Флогель.

(Молчаніе, не мѣшавшее, впрочемъ, Стойницкому паходить ее восхитительною).

— Простите мнѣ мою дерзость, продолжалъ онъ: — вы — умная дѣвушка, и мнѣ нечего вамъ объяснять, что тамъ, гдѣ нѣтъ выбора, не должно оставаться простора и колебанію... Что же дѣлать, если ни у меня, ни у васъ въ распоряженіи нѣтъ другаго мѣста?.. А? какъ вы думаете?

— Думаю, отвѣчала она, — что дѣйствительно у меня нѣтъ выбора.

— Придете, стало быть?

Она покраснѣла. — Приду.

— Какъ это мило!.. Когда?

— Въ воскресенье, въ 12 часовъ, если васъ это не затруднитъ.

— Нимало. Это и для меня самый удобный часъ... Возьмите же вексель: онъ никому не нуженъ; но это урокъ осторожности, и, какъ такой, онъ долженъ вознаграждать васъ, хотя отчасти, за тѣ непріятности, въ которыя опъ васъ вовлекъ. Первое правило съ незнакомыми вамъ людьми — не подписывать никакихъ обязательствъ, которыя вамъ предлагаютъ, какъ бы они ни казались невинны, и вообще не оставлять ни строчки у нихъ въ рукахъ... Но мы объ этомъ еще поговоримъ, и я прошу васъ только, если у васъ есть еще что-нибудь письменное по этому дѣлу, — все равно, что, — не забудьте мнѣ показать въ воскресенье.

* * *

Лицо у нея горѣло, когда она воротилась къ своей конторкѣ, и мысли были въ такомъ разбродѣ, что даже конецъ ея оброчной зависимости отъ Бурдюкова — какимъ представлялся ей выкупъ векселя — затерянь былъ въ общемъ сумбурѣ, какъ что-то очень хорошее, по о чемъ теперь некогда думать.

А опъ ушелъ торжествующій, поздравляя себя съ рѣдчайшею и интереснѣйшею находкой, какаю только возможна въ его профессіи. Защита красавицы отъ чудовища, угрожающаго ее растерзать, едва ли могла бы казаться заманчивою какому-нибудь легендарному паладину. А что касается безкорыстія, то это пустой вопросъ; ибо какой аскетъ способенъ требовать его не шутя въ подобномъ случаѣ? Если онъ помнитъ себя въ года цвѣтущей молодости, то онъ согласится, что есть пора, когда идеальное-постное отношеніе къ притѣсненной, хорошенькой дѣвушкѣ, со стороны даже и самаго безкорыстнаго изъ ея защитниковъ, граничитъ почти съ физической невозможностью. Затѣмъ, остается, однако, вопросъ: насколько возвысили цѣну Пашѣ, въ глазахъ молодого юриста, ея опасное положеніе и этотъ загадочный инцидентъ въ вагонѣ (который, по правдѣ сказать, представлялся ему совсѣмъ не такъ ясенъ, какъ онъ ее увѣрялъ), — и краска стыда, когда она убѣдилась, что тайна ея известна Стойницкому?.. Но это профессиональный вопросъ, и мы, какъ непосвященные въ психологію ремесла, не беремся его рѣшать, а констатируемъ только фактъ, что съ этой минуты, Паша, изъ очень милой, но прозаической барышни, превратилась для него вдругъ въ увлекательную загадку, предметъ интереснѣйшаго изслѣдованія и наблюденія, — а можетъ быть и награду профессиональной отваги и предприимчивости.

Пылъ этотъ, впрочемъ, немного остылъ, покуда онъ шелъ пѣшкомъ изъ правленія къ Красному мосту. Жизнь человѣческая, къ несчастію, такъ создана, что на изнанкѣ ея поэтической стороны всегда шевелятся какія-нибудь низменные и прозаическія заботы. И эти заботы, одна за одной, выползали изъ мрака, по мѣрѣ того какъ прогулка его приходила къ концу. Не то, чтобы его ожидали холодный пріемъ и сухая, скучная, исключительно дѣловая бесѣда. Дѣла у Марьи Кондратьевны, въ настоящее время, конечно, играли первостепенную роль, но отъ прежней цыганской жизни

у нея уцѣлѣли известнаго рода свобода правотъ и удалъ, не позволявшія никому соскучиться съ нею, даже и за дѣловымъ совѣщаніемъ.

Услышавъ имя, она со своею необузданною живою выбѣжала навстрѣчу.

— А! это вы, голубчикъ?.. Откуда васъ Богъ принесъ?..

И услышавъ, что онъ со вчерашняго дня былъ чуть не въ шести мѣстахъ по ея дѣламъ, барыня эта нѣжнымъ образомъ обняла и разцѣловала его.

— Ну, живо! садитесь, рассказывайте!.. Или — нѣтъ, лучше пойдемте ко мнѣ; тамъ у меня уютнѣе..

И вернувъ лакея, она приказала ему до обѣда не принимать никого.

Пошли разспросы... Первое мѣсто между известіями принадлежало Шалыгинской горнозаводской компаніи, дѣла которой были уже давно въ безвыходномъ положеніи, и, не взирая на дорого-купленную, но всегда стѣспительную, правительственную поддержку, къ исходу года, обыкновенно висѣли на волоскѣ.

— Ни о какой развязкѣ не слышно еще, говорилъ Стойницкій: — но съ облигаціями, на биржѣ — швахъ! И у васъ уже знаютъ, что общее собраніе ихъ, въ Москвѣ, отложено.

— Представить себѣ не могу, чѣмъ они оплатятъ мартовскій свой купонъ, сказала Марья Кондратьевна, съ озабоченнымъ видомъ. — Мнѣ пишутъ, что касса пуста, а съ повымъ выпускомъ, говоритъ, не пройдетъ въ декабрѣ.

— Говорятъ хуже, прибавилъ Стойницкій. — Говорятъ прямо, будто собраніе потому и отложено, что ликвидація неизбежна. Но ликвидація, для Шалыгина, это — пуля въ лобъ, или тузъ на спину... Чтѣ это?.. Слезы!..

Она обмахнула глаза платкомъ.

— Нѣтъ... пустяки!.. Но я не скрою отъ васъ, что мнѣ его жалко... Я ему многимъ обязана.

Стойницкій смотрѣлъ на нее дивясь.

— Не понимаю я васъ, сказалъ опъ. — Добро-бы что-нибудь непредвидѣнное; а то вѣдь комедія эта разъигрывается изъ году въ годъ, безъ малѣйшей обновки. Стоить-ли же теперь, каждый годъ пороть горячку, зная, какъ вы это знаете, что его невозможно спасти?.. Годъ ранѣе или позже, не все-ли равно, если конецъ одинъ, и если онъ неизбеженъ?

— Можетъ-быть, отвѣчала она вздохнувъ: — но куда конецъ не насталъ, всегда остается еще надежда... Случалось и не изъ такихъ тисковъ выходить... Пять лѣтъ назадъ, съ этой Харьковскою его затѣей, у прокурора уже лежала бумага... однако, вотъ, вывернулся-же!.. И помолчавъ: — вы, значитъ, не думали болѣе о моемъ планѣ?

— Это насчетъ кредита у насъ?

— Да, черезъ Ладищева.

— Думалъ; но признаюсь, не выдумалъ ничего, о чемъ бы стоило говорить. Въ подобныхъ вещахъ, какъ въ азартной игрѣ, всѣ предварительныя, глубокомысленныя соображенія — вздоръ, а успѣхъ зависитъ всецѣло отъ неудовимаго сочетанія обстоятельствъ. Попали въ счастливую минуту — и дѣло въ шляпѣ; — нѣтъ — никакіе расчеты и ухищренія не послужатъ вамъ ни къ чему... А впрочемъ, попробуйте, чѣмъ чортъ не шутитъ?.. Но прежде чѣмъ выступать въ походъ, необходимо знать въ точности средства, какія въ рѣшительную минуту будутъ у васъ въ рукахъ... Опъ не писалъ вамъ?

— Нѣтъ; но я жду его съ часу на часъ... Кнехтъ давеча говорилъ, что кого-то изъ ходоковъ его видѣли уже мелькомъ у Палкина.

Они замолчали... Марья Кондратьевна заглянула въ глаза своему повѣренному и потомъ на часы... Была уже половина 5-го.

— Голубчикъ, сказала она, наклонясь къ Стойницкому и касаясь рукою его кофѣна: — обѣдите у меня... Иначе вы будете торопиться и я не узнаю отъ васъ путемъ ничего.

Онъ началъ было отвѣкиваться, божась, что въ семь часовъ его ждутъ на консультацию; но въ результатѣ настойчивыхъ просьбъ ея, уступилъ, съ условіемъ, что она не будетъ удерживать его дольше семи.

Сказано было еще нѣсколько словъ о дѣлахъ Шалыгина, но Стойницкому видимо надоѣлъ сюжетъ.

— Ахъ да, спохватилась Марья Кондратьевна, — а у Жухиной были?

— Былъ и вывѣдалъ всю подноготную... Былъ тѣмъ-же разомъ и у ея компаньона.

— Значить и вексель выкупили?

— И вексель выкупили... Слушайте, надо вамъ рассказать это по порядку... Ихъ нотаріальную сдѣлку, хотя она и предательски связываетъ одну изъ сторонъ, оставляя другой свободныя руки, трудно оспаривать, да и пользы отъ этого ей никакой, потому что ссора у нихъ изъ-за такихъ вещей, о которыхъ въ сдѣлкѣ ни словомъ не упомянуто, et pour cause... Трудно даже сказать кто въ выгоду, такъ какъ касса фактически въ рукахъ Жухиной и контроль, съ его стороны, по меньшей мѣрѣ, весьма затруднителенъ. Отъ этого онъ и пишитъ ее, требуя отъ нея въ каждой копѣйкѣ отчета... Но главное дѣло въ выручкѣ отъ продажи просроченныхъ ихъ закладчиками вещей. Ихъ цѣнять, примѣрно, вчетверо ниже ихъ стоимости и выдаютъ двѣ трети противъ оцѣнки, а продаютъ гораздо дороже, и разницу, большею частію очень значительную, кладутъ преспокойно въ карманъ. Вездѣ это дѣлается и никакихъ претензій со стороны закладывающихъ не бываетъ, потому что несчастные не имѣютъ возможности провѣрить за сколько ихъ вещи проданы. Но по закону — это грабежъ, и жалобы содержателей кассы, обесчуживающихъ другъ друга на дѣлѣ, такъ же бессмысленны, какъ жалобы въ судъ воровъ, посорившихся изъ-за раздѣла добычи. Судъ не захочетъ разсматривать ихъ претензій, а учесть обоихъ за утайку выручки... Бросьте вы ихъ! Чтѣ за охота вамъ вмѣшиваться въ ихъ ссору, зная—какъ это не трудно знать,—что праваго между ними нѣтъ, да и быть не могло... Пусть ихъ грызутся властью: это зачтется имъ, на томъ свѣтѣ, въ уплату и облегчить хоть нѣсколько ихъ балансъ. А затѣмъ вы можете быть спокойны: чѣмъ хуже придется Жухиной отъ товарища, тѣмъ охотнѣе она выдастъ его.

— Что-же вы ей сказали?

— Сказалъ, что игра не стоитъ свѣчей, и что въ ея профессіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, подобныхъ, чѣмъ далѣе отъ суда, тѣмъ лучше; ибо судъ, страннымъ образомъ, преудѣждетъ противъ нихъ. А компаньона, молъ, вашего — не трудно и безъ суда прижать, если взяться за это умѣючи. Одна уже эта продѣлка его съ Ладищевой, молъ, если она дойдетъ до дяди ея, можетъ дорого обойтись не только ему, но и всѣмъ его соучастникамъ, если они не отступятся отъ него... Тогда она начала отрекаться и призывать въ свидѣтели силы небесныя, что она тутъ совсѣмъ не причѣмъ, хотя изъ разсказа ея и ясно, что это ложь. Разсказывала мнѣ, напримѣръ, какъ они запугали несчастную до того, что ее лихорадка трясла и какъ они тамъ ее обыскивали, не пригласивъ ни свидѣтелей, ни полиціи, — какъ у нея отобрали видъ и багажный билетъ, и увезли къ нему на квартиру, въ Подъяческую, гдѣ его жена, изъ ревности, чуть не выцарапала ей глаза; и какъ онъ заставилъ ее подписать какую-то клеузную бумагу, которая будто бы позволяетъ ему, когда угодно, ее замарать; а послѣ бумаги—вексель... Все имѣетъ такъ хорошо ри-

совало типъ, исчезающій уже у насъ среди произрожденій новаго времени, что мнѣ не терпѣлось провѣрить его на живомъ лицѣ, и я отправился къ нему въ тотъ-же день (по совѣту Жухиной — тотчасъ послѣ обѣда)... Ну и имѣлъ удовольствіе видѣть зотчѣ антикъ... Узнавъ изъ визитной карточки мое званіе, онъ побѣжалъ напаялить свой вицмундиръ и вышелъ во всей своей красотѣ: взъерошенный, съ галстухомъ на бокъ, и со Станиславомъ въ петличкѣ—на отмашь: глаза такъ и прыгаютъ. — „Господинъ Стойницікій?“ — „Онъ самый, съ вашего позволенія; повѣренный госпожи Ладищевой, по дѣлу о ея векселяхъ“. — Вижу, какальа струсилъ. — „Сдѣлайте милость, пожалуйста, говоритъ: садитесь... Напрасно изволили беспокоиться... Дали-бы знать; я и самъ-бы явился... Вотъ, говоритъ, и барышня тоже изъ пустяковъ изволятъ тревожиться...“ — „Да, говорю, она могла-бы и не платить; потому что вексель ея, какъ недостижной совершенополнѣтій, не имѣетъ силы; но она слишкомъ совѣтлива и благородна чтобы воспользоваться статьею вексельнаго устава, которой она и не знала покуда я ей не объяснилъ... Она ставитъ слово свое выше формальнаго права... Только она платила вамъ уже раза два... Вопросъ теперъ: сколько еще остается за ней...“

Онъ завертѣлся и выбѣжалъ, дѣлая видъ, что не помнитъ въ точности и что надо справиться; но воротился черезъ минуту съ векселемъ. „Вотъ-съ, потрудитесь, молъ, сами удостовѣриться; за послѣдней уплатою, двѣ недѣли назадъ: „четыреста...“ Я поглядѣлъ ему строго въ глаза. „Послушайте“, говорю: — „разъ вы желаете чтобы она расплатилась съ вами не по закону, который ее ни къ чему не обязываетъ, а по совѣсти, то и вы считайте по совѣсти... Вычите чтѣ уплачено, и получите остатокъ...“ Онъ покачалъ головой и скорчилъ талкую рожу. — „Обидно-съ“. — „Ну, если обидно, прикиньте проценты, сколько придется изъ десяти годовыхъ, это болѣе чѣмъ достаточно. Въ итогѣ, если не ошибаюсь, выходитъ все-таки меньше 300, но для круглаго счета, положимъ 300, и кончимте этотъ вздоръ, о которомъ стыдно и говорить, потому что въ дѣйствительности она не получала отъ васъ ни гроша и все это вы насчитали съ нея за услуги, которыя, если-бы дѣло вышло на рожу, вы-бы не знали какъ и назвать... Пишите, что деньги уплачены намъ сполна, и что вы никакихъ, дальнѣйшихъ претензій къ ней не имѣете. А не согласны, прощайте; но я васъ предупреждаю, во-первыхъ, что вы потеряете только напрасно время и трудъ, а во-вторыхъ, что, имѣя повѣреннаго, она желаетъ чтобы вы избавили ее впредь отъ личныхъ переговоровъ, и проситъ васъ обращаться ко мнѣ...“ Поторговавшись, онъ согласился, и мы окончили въ пять минутъ... Вексель ей возвращенъ, а росписку на ваше имя она обѣщала мнѣ, въ воскресенье.

— Чтѣ за взоръ! сказала Марья Кондратьевна. — На чтѣ мнѣ ея росписка?.. Шалыгинъ заплатилъ мнѣ за нее и безъ росписки...

XI.

Паша пришла къ своему юристъ-консульту со смѣшаннымъ чувствомъ стыда, надежды и опасенія, очень похожимъ на чувство большой, отправляющей къ врачу, въ кабинетъ котораго ее ожидаютъ: мучительный, профессиональный осмотръ, мучительные разпросы, и, въ заключеніе, неизвѣстно еще какой приговоръ. Но ни одно изъ ея опасеній не оправдалось въ дѣйствительности. Она нашла у него, въ Копюшенной, со вкусомъ но безъ претензій убранный кабинетъ, и занятаго, но негоддѣльно обрадованнаго ея приходомъ, милого и внимательнаго хозяина... Ни докторальнаго тона, ни важныхъ миць: онъ принялъ ее безъ малѣйшей торжественности и аффектаци, запросто, какъ знакомую забѣжавшую къ нему побол-

татъ, и не выпытывалъ у нея ничего, а напротивъ самъ разсказалъ ей, со своеобразнымъ юморомъ, результаты своихъ посѣщеній. Потомъ спросилъ: припесла-ли она съ собою копію съ документа, который ее заставили подписать и, пробѣжавъ ее, попросилъ оставить въ его рукахъ.

— Ну вотъ и все, заключилъ онъ.—Ручаться за будущее нельзя, такъ какъ подобные случаи не имѣютъ еще у насъ прецедентовъ; но я васъ прошу: положитесь во всемъ на меня и не думайте больше объ этомъ, чтобы не отравлять себѣ понапрасну жизнь. Дѣло, хотя и весьма деликатное,—это „шантажъ“,—не такого рода, чтобы противу васъ могло быть предпринято что-нибудь кромѣ угрозы, все съ тою-же цѣлію: выманить деньги. Всячески, послѣ такой уплаты, можно надѣяться, что этотъ хищникъ не скоро возобновитъ свои вымогательства; а къ тому времени когда это можетъ случиться, у насъ, я надѣюсь, будутъ уже въ рукахъ всѣ средства зажать ему ротъ.

И только!.. Догадываясь что дѣловое ихъ совѣщаніе кончено, Паша вздохнула съ отраднымъ сознаніемъ миновавшей опасности и озабоченное доселѣ лицо ея просвѣтлѣло. „Какъ просто!“ думала она: — „и деликатно, что онъ не хочетъ мучить ее разспросами, на которые онъ, какъ ея повѣренный, несомнѣнно имѣлъ-бы право. А между тѣмъ въ его обращеніи съ нею не было ни малѣйшей профессиональной сухости, или желанія поскорѣе отдѣлаться отъ докучливаго кліента... Мало того, когда она встала съ намѣреніемъ поблагодарить его и уйти, онъ такъ замѣтно былъ огорченъ ея поспѣшностью и такъ простодушно спросилъ: „Куда-жь вы?“—что сердце ея растаяло.

— Я думала, что вы заняты, отвѣчала она зарумянившись.

— Запятъ, пожалуй; но не такія-же у меня каторжныя занятія чтобы не позволять ни минуты отдыха... Полноте! Посидите! Подумайте только какъ рѣдко судьба посылаетъ нашему брату кліентовъ, съ которыми можно поговорить по душѣ о чемъ-нибудь кромѣ дѣла ихъ поглощающаго. Къ тому-же, сегодня воскресный день—и мы съ вами, какъ люди служащіе, несомнѣнно имѣемъ право на отдыхъ... Сядьте и разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ; все равно что, лишь-бы то было отъ васъ и о васъ. Мнѣ просто хочется васъ послушать: рѣдкое удовольствіе въ ваши приемные дни! Вы такъ молчаливы въ своемъ кругу, что до послѣдняго времени, даже голосъ вашъ былъ мнѣ почти незнакомъ... А отчего? Это загадка, которая не шутя занимаетъ меня иногда...

И онъ смотрѣлъ на нее вопросительно.

— Не знаю какъ вамъ сказать, отвѣчала дѣвушка, съ непривычки робѣя передъ вопросомъ такъ близко касающимся ея. — Я никогда не спрашивала себя объ этомъ.

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ развѣзно: — если-бы вы захотѣли, вы-бы нашли въ избыткѣ о чемъ говорить; потому, что у васъ, какъ у сельской жительницы, долженъ быть своеобразный запасъ наблюдений и есть рѣдкое преимущество: это естественность. Я, наиримѣръ, не слыхалъ отъ васъ еще ни разу чего-нибудь, что такъ часто приходится слышать въ обществѣ,—чего-нибудь безхарактернаго и безцвѣтнаго.

— Я не бойка, отвѣчала она вздохнувъ.

— Да развѣ у васъ такъ много бойкихъ? Смѣю увѣрить васъ, если вы сами еще не убѣдились: то что у васъ слыветъ за бойкость, за рѣдкими исключеніями, не болѣе какъ обмѣнъ заученныхъ наизусть банальностей. Да вотъ, наиримѣръ хотъ ваша кузина, Софья Ивановна. Она не молчитъ, а между тѣмъ она

отъ природы, совсѣмъ не изъ бойкихъ, и въ этомъ не трудно удостовѣриться. Стоить только сказать ей чтонибудь совершенно для нея неожиданное, чтобы поставить ее втупикъ и получить въ отвѣтъ какое-нибудь общее мѣсто съ безсодержательною усмѣшкой. Я впрочемъ не отрицаю у ней ума; но его не легко замѣтить, благодаря тому, что она сама не цѣнитъ его и онъ сказывается у ней только тогда, когда она меньше всего воображаетъ сказать что-нибудь дѣйствительно умное. У нея пѣтъ естественности... Не такъ-ли?

— Да, отвѣчала Паша смѣясь: — это вѣрно подмѣчено.

— За то кузень вашъ, Сергѣй Ивановичъ Лагодинъ—сама натура, и это съ избыткомъ вознаграждается за всѣ его недостатки... Вы съ нимъ дружны?..

— Да, я люблю Сережу, сказала Паша и прибавила съ тонкой усмѣшкой:—когда онъ не слишкомъ занятъ собой.

— Ну кто-же, съ его счастливой наружностью, не занятъ немножко собой?.. Я спрашиваю, потому что мнѣ хочется знать съ кѣмъ изъ родныхъ вы всего откровеннѣе.

Она опустила глаза.

— Съ Сережей, во всякомъ случаѣ, это не безопасно, сказала она вздохнувъ: — потому что Сережа сущій полишинель по части секретовъ

— А съ дядюшкой?

— Еще менѣе.

— Отчего?.. Онъ кажется любить васъ?

— Да, любить... Но дядя Иванъ такъ занятъ, что ему некогда очень интересоваться тѣмъ, что дѣлается въ его семьѣ. Я впрочемъ не исключеніе. Соня и тетюшка тоже рѣдко ему повѣряютъ что-нибудь, а если у нихъ когда и доходитъ до откровенности, то стоить только взглянуть на его отсутствующее лицо, чтобы убѣдиться какъ онъ далекъ отъ того, что ему говорить.

Отъ дяди Ивана, они перешли къ правленію.

— Скажите, пожалуйста, спрашивалъ онъ:—отчего вашъ дядюшка не приицетъ для васъ другаго мѣста?

— Зачѣмъ?

— Да чтобы избавить васъ отъ такого сухаго дѣла, какъ бухгалтерія. Въ ваши года, когда сердце еще такъ горячо и фантазія занята розовыми видѣніями, счета должны быть невыносимо скучны.

Но Паша вступилась за бухгалтерію, увѣряя его, что она не знаетъ занятія успокоительнѣе дѣйствующаго на нервы и на голову, когда человекъ замученъ или раздраженъ чѣмъ-нибудь очень далекимъ отъ поэтическихъ грѣзъ. И она разсказала ему чисто-сердечно о благотворномъ влияніи на нее служебныхъ занятій въ первое время послѣ ея несчастнаго приключенія.

— Мнѣ кажется я съ ума-бы сошла безъ нихъ, говорила дѣвушка.

* * *

Они просидѣли, усердно занятые другъ другомъ, до двухъ, и разстались друзьями. Паша потомъ сама удивлялась: откуда у ней такая прыть!.. Придти къ юрисъ-консульту, человеку серьезному, у котораго каждое четверть часа на счету, потому что они ему доставляютъ деньги, и проболтать съ нимъ, безъ всякаго дѣла, часа полтора!.. Но еще страннѣе было довѣріе, которое онъ такъ внезапно завоевалъ. Лично она до сихъ поръ не имѣла соприкосновеній съ его профессіей, а понятіе, которое она составляла себѣ о ней по слухамъ, было далеко не лестное. Въ ея представленіи адвокатъ былъ мастеръ перетолковывать вещи, смотря по надобности, въ хорошую и въ дурную сторону, и человекъ отдающій свое мастерство внаймы безразлично правому и неправому, лишь-бы

Кларисса. Картина К. Кизели, грав. Л. Л. Н.

ему за него платили что слѣдуетъ. Ждать отъ такого мастера, чтобы онъ искренно принялъ къ сердцу несчастіе обращающагося къ нему за помощью, думала дѣвушка,—невозможно уже потому, что его не хватить на всѣхъ. Какъ врачъ, у котораго каждый день перебиваютъ десятки больныхъ, онъ не имѣетъ ни интереса, ни времени выбирать между ними людей серьезно заслуживающихъ его участія, а служить своимъ совѣтомъ равно охотно всякому кто пришелъ... Но врачъ, принимавшій ее въ воскресенье, совсѣмъ не похожъ былъ на этотъ сложившійся у нея въ понятіи тишъ. Такой деликатности, доброты, участія и вниманія она конечно не въ правѣ была ожидать ни отъ юриста, служившаго съ нею въ правленіи, ни отъ простаго знакомаго, встрѣчающаго ее иногда, по субботахъ, въ обществѣ. Нельзя было также ихъ приписать и какому-нибудь особому, рѣдкому интересу ея несчастнаго случая, ибо, по совѣсти говоря, она не была съ нимъ настолько искренна... Если-бъ она была по крайней мѣрѣ богата; но вѣдь не такъ-же онъ простъ, чтобы рассчитывать на какое-нибудь существенное вознагражденіе отъ несчастной, которую незнакомая женщина выкупила изъ кабалы... Оставалось только одно, и для многихъ на мѣстѣ ея несомнѣнное заключеніе: это что она ему лично нравится. Но Паша помнила слишкомъ твердо, что онъ ее видитъ не въ первый разъ, и если раньше не обращалъ осо-

беннаго вниманія, то не глупо-ли думать, что эта исторія съ нею, въ Грузовѣ, могла ее сдѣлать вдругъ привлекательной?.. Что привлекательнаго быть удивительною въ воровствѣ и не найти ни слова сказать въ свое оправданіе, не имѣть даже духу съ негодованіемъ оттолкнуть отъ себя обвиненіе?.. Быть наконецъ прощенною и растеряться до такой степени чтобы подписать бумагу почти подтверждающую извѣтъ?.. И выдать вексель въ вознагражденіе!.. Кланяться! Унижаться! молить въ слезахъ чтобы ее не обирали до-чиста?.. И вотъ однако-же отыскался рыцарь, который, вмѣсто того чтобы презирать ее за ея безхарактерное поведеніе, можетъ быть даже подозрѣвать въ утайкѣ какихъ-нибудь грязныхъ, маленькихъ обстоятельствъ, — великодушно повѣрилъ ей на слово, что она невинна, и горячо, безкорыстно вступился за оскорбленную ея честь!.. Что удивительнаго, что Паша ушла отъ него глубоко тронутая и нравственно поднятая въ своихъ глазахъ, съ непоколебимою вѣрой въ его благородство и безкорыстіе, — благодарная, мы бы сказали: почти очарованная, еслибъ на сердцѣ у ней не шемило что-то... Что именно—трудно сказать, но у нея, какъ у сонной, все время было смутное ощущеніе какой-то подкрадывающейся опасности, форму которой въ потемкахъ нельзя разглядѣть и смысла которой она не создала.

(Продолженіе будетъ).

Два миссіонера.

(Рассказъ изъ жизни богоносцевъ далекаго Востока).

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

VII.

Отецъ Николай осторожно вошелъ въ фанзу Пойни, въ сопровожденіи только Ивана, который, убравъ лошадей и задавъ ей корму, послѣжилъ присоединиться къ почтенному миссіонеру. Въ фанзѣ господствовалъ полумракъ. Слабый свѣтъ вечерней зари едва проникалъ черезъ промасленную бумагу небольшихъ рѣшетчатыхъ оконъ, расположенныхъ по обѣ стороны единственной двери. Въ глубинѣ фанзы видѣлся едва тлѣвшій очагъ, бросавшій красноватый отблескъ на внутреннюю сторону соломенной крыши и развѣшанныя подъ нею, на длинныхъ жердяхъ, звѣриныя шкуры, одежду и какія-то веревки. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по земляному, твердо убитому, полу, отецъ Николай остановился и сталъ пристально всматриваться, стараясь разглядѣть въ полутьмѣ какое-либо живое существо.

— Кто вошелъ? раздался изъ глубины фанзы глухой женскій голосъ, въ которомъ слышались слезы.

— Я, Саго, я, ласково отвѣтилъ миссіонеръ.

— Николай, другъ ты мой! радостно вскрикнула жена Пойни, узнавъ по голосу миссіонера. — Иди, иди, садись, сейчасъ вочникъ зажгу... Ахъ, какъ я рада, что ты пришелъ! Ты знаешь — у меня сынъ боленъ, добавила Саго, и въ голосѣ ея опять послышались слезы. — Хорошо, что ты пришелъ — можетъ быть поможешь ему... Да, Николай, поможешь?.. Скажи, привезъ съ собой лѣкарство? Сынъ заболѣлъ всего пять дней тому назадъ... Миѣ ужасно жалко его — я все сижу и плачу... Не знаю, что дѣлать, какъ помочь ему... А мужа нѣтъ — на охоту ушелъ уже давно...

Не переставая рассказывать, Саго живо раздула въ очагѣ тлѣвшіе уголья и затеплила небольшой вочникъ изъ перичьяго жира, слабо освѣтившій всю внутренность фанзы.

— Здравствуй, другъ Николай! здравствуй, Иванъ! садитесь, пригласила Саго, крѣпко пожимая руки неожиданнымъ гостямъ.

— Покажи прежде сына, Саго, я посмотрю его и полѣчу, ласково проговорилъ миссіонеръ, продолжая стоять посреди фанзы.

— Иди, иди сюда, онъ тутъ лежитъ, успѣшила отвѣтить ободренная мать, ведя отца Николая за руку въ отдаленный уголъ фанзы. — Вотъ онъ, бѣдный, посмотри...

Миссіонеръ склонился къ нарамѣ, на которыхъ лежалъ мальчикъ, прикрытый выдѣланннмъ козымъ мѣхомъ. Мальчикъ дышалъ тяжело, отрывисто, широко раскрывая ротъ, точно ему не хватало воздуха; его полуоткрытые и нѣсколько потускнѣвшіе зрачки рефлективно двигались изъ стороны въ сторону, ничего не выражая и ничего не видя. Не было сомнѣній, что мальчикъ находился въ полузабытій.

— Иванъ, принеси аптечку, распорядился отецъ Николай, послѣ внимательнаго наружнаго осмотра больнаго. — А ты,

Саго, приготовь въ чашкѣ теплой воды... Успокойся, молись, надѣйся на Бога, и твой сынъ будетъ здоровъ, съ участіемъ прибавилъ онъ разрыдавшейся матери.

Черезъ четверть часа, Иванъ возвратился съ небольшимъ ящичкомъ—дорожной аптекой отца Николая, въ которой имѣлись всѣ необходимыя простѣйшіе медикаменты и кое-какіе хирургическіе инструменты.

— Иванъ, возьми мальчугана и поддержи, приказалъ миссіонеръ. — Я осмотрую ему горло: кажется, горло болитъ.

Иванъ привычными руками взялъ больнаго съ нарѣ и посадилъ его на колѣни. Мать съ надеждою и вѣрой начала слѣдить за отцомъ Николаемъ, не разъ уже спасавшимъ гольдскихъ дѣтей отъ явной смерти. Вотъ онъ взялъ какую-то блестящую пластинку и осторожно разжалъ ея зубы сыну, который вдругъ какъ-то неестественно широко раскрылъ ротъ и заплакалъ.

— Горло болитъ, да ничего—во-время пришелъ, проговорилъ миссіонеръ, роясь въ аптечкѣ.

— Не плачь, милый, не плачь, начала ласкать сына Саго, едва удерживая слезы. — Николай тебя вылѣчитъ—опять съ отцомъ на охоту пойдешь...

Между тѣмъ, почтенный миссіонеръ досталъ изъ аптечки небольшую кисточку, обмакнулъ ее въ какое-то лѣкарство и, набожно проговоривъ „Господи благослови!“, мастерски смазалъ ею горло мальчику. Тотъ громко раскричался и сталъ вырываться изъ крѣпкихъ рукъ Ивана.

— Возьми сына, Саго, услокой его, проговорилъ отецъ Николай. — Вишь дряни сколько накопилось у него въ горлѣ, прибавилъ онъ, тщательно обмывая кисточку въ приготовленной водѣ.

— Не плачь, милый, не плачь, хорошій, со слезами утѣшала мать расплакавашагося сына, разомъ вышедшаго изъ прежней апатіи.

— Ну, Саго, полно теперь горевать... Молись усердно, и твой сынъ поправится, успокоилъ миссіонеръ мать. — Я найду завтра рано утромъ — придется мазать ему горло нѣсколько разъ въ день, и болѣзнь какъ рукой сниметъ... Прощай, Саго...

— Прощай, Николай, спасибо тебѣ... Всю ночь стану молиться, чтобы Богъ поправилъ моего сына, съ умиленіемъ проговорила Саго и порывисто поцѣловала миссіонера въ обѣ щеки, выказавъ этимъ свою безграничную благодарность и уваженіе.

Отецъ Николай вышелъ изъ фанзы, возлѣ которой продолжали топиться жители селенія, не смотря на наступившую уже темноту.

— Скажи, Николай, будетъ сынъ Пойни здоровъ?.. Вылѣчинъ мальчугана? посыпались со всѣхъ сторонъ добродушные вопросы инородцевъ.

— Съ Божьею помощью вылѣчу—поправится онъ, удовлетворилъ миссіонеръ ихъ любопытство.

— Слава Богу, слава Богу, начали шептать женщины.— Теперь Саго, бѣдна, плакать перестанетъ... Жалко на нее смотрѣть было...

Толпа опять проводила отца Николая до самыхъ дверей фанзы Синбея, добродушно и дружески бесѣдуя съ почтеннымъ миссіонеромъ, къ которому, повидимому, всѣ чувствовали глубокое уваженіе, преданность и любовь. При входѣ въ фанзу, отецъ Николай приостановился и трижды благословилъ инородцевъ, благоговѣнно ожидавшихъ этого.

— Господь да сохранитъ васъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!.. Спите спокойно! задушевно проговорилъ миссіонеръ.

— И ты спи спокойно! пожелали инородцы, расходясь по фанзамъ.

Отецъ Николай засталъ семью Синбея еще бодрствующею и не ужинающею: всѣ ждали его, не желая прикоснуться, безъ благословенія, къ круто сваренному просу и жареной на кунжутномъ маслѣ рыбѣ.

— Садись, Николай, ужинъ готовъ... Садись, Иванъ, гостеприимно пригласилъ Синбей, указывая миссіонеру почетное на парахъ мѣсто, украшенное роскошною шкурою черного медвѣдя.

Передъ ужиномъ, миссіонеръ прочелъ по-гольдски краткую молитву, благоговѣнно выслушавшую великимъ и малымъ, и благословилъ неапатѣливую трапезу. Всѣ усѣлись вокругъ стола, врытаго ножками въ земляной полъ, и наполнили небольшія глиняныя чашки круто свареннымъ просомъ.

— Какъ здоровье сына Пойни?.. Поприветствуй оца? полюбопытствовала жена Синбея, ловко набирая въ ротъ просо, при помощи двухъ тоненькихъ деревянныхъ палочекъ, замѣнявшихъ за столомъ ножи и вилки.

— Богъ поможетъ — поправится, отвѣтилъ отецъ Николай, привычно управляясь тѣми-же палочками.— Мнѣ придется прожить у васъ недѣли двѣ, а можетъ быть и дольше, добавилъ оца послѣ минутнаго молчанія.

— Очень рады, очень рады! обрадовались хозяева. — Живи, сколько пожелаешь... Твой приходъ всегда приноситъ намъ вѣсѣмъ счастье.

— Благодарю за гостеприимство, друзья мои... Останется на такой долгой срокъ заставляешь меня болѣзнь сына Пойни. Надо его полѣчить, а то помретъ—сильно боленъ, продолжалъ почтенный миссіонеръ. — Поживу у васъ—пойду въ Саходу, а тамъ и въ Пейня...

— Далеко, очень далеко, вставилъ свое замѣчаніе Синбей.— До Саходу болѣе недѣли пройдемъ, да до Пейня—еще десять дней... Тяжелая дорога!.. Сильно устанешь...

— Что-же дѣлать, другъ мой, замѣтилъ отецъ Николай,—надо и тамъ побывать — вѣдь и тамъ меня навѣрное ждутъ... Изъ Пейня пройду еще на Даубих-э...

— Аи, аи, какъ далеко! испугалась хозяйка.

— Да, далеко, глубокомысленно добавилъ Синбей. — До Даубих-э еще дней восемь пройдемъ... Придется всю дорогу глухой тайгой дѣлать... Опасно!..

— Ничего... Меня прислали тѣхъ-же огородныхъ сѣмянъ привезти, какихъ я привезъ вамъ два года назадъ... Вѣдь хорошо у васъ овощи принялись? спросилъ отецъ Николай.

— Отлично, очень хорошо!.. Ты видѣлъ, вѣрно, наши огороды: все посѣяли—огурцы, капусту, картофель... Всего народилось много-много... Послѣдній годъ сѣяли уже на свои сѣмена: собрали ихъ, какъ ты научилъ, началъ рассказывать словоохотливый Синбей. — Теперь, слава Богу, все свое: просо, табакъ, овощи... Отбились, наконецъ, отъ этихъ жадныхъ китайцевъ...

— Очень радъ, что дѣла ваши идутъ хорошо, а теперь я привезъ вамъ пшеницу; попробуйте посѣять—земля у васъ очень хороша.

— Спасибо тебѣ, Николай, большое спасибо, что насъ, бѣдныхъ, не забываешь... Ты для насъ отецъ родной! умилился Синбей.

Пожинали. Отецъ Николай опять прочелъ по-гольдски молитву и, благословивъ всѣхъ членовъ семьи, тотчасъ-же завалившихся спать тутъ-же на парахъ, удалился въ глубину фанзы, гдѣ была постлана для него, вмѣсто постели, выдѣланная шкура дикаго козла.

Почтенный миссіонеръ проснулся съ восходомъ солнца. Выйдя на дворъ и умывшись студеною водою тутъ-же протекавшаго родника, оца направился къ миниатюрной, но безукоризненно чистой фанзѣ, стоявшей въ нѣсколькихъ саженахъ отъ главнаго строенія. Фанза эта ничѣмъ не отличалась отъ остальныхъ оверстныхъ построекъ и выдѣлялась среди ихъ только своею блестящею наружностью и миниатюрнымъ видомъ. На одномъ изъ концовъ соломенной крыши высился небольшой металлическій крестъ, да надъ дверью едва видѣлся мѣдный образокъ-складень, врызанный въ глиняную стѣну фанзы. Это была часовня, сооруженная благочестіемъ дикарей, по ихъ собственной инициативѣ, вмѣсто прежней кумирни, разрушенной вскорѣ послѣ первыхъ посѣщеній селенія отцомъ Николаемъ. Внутренній видъ часовни, по своей безурочной чистотѣ, вполнѣ гармонировалъ съ ея внѣшностью. На всемъ видѣлась заботливая, благоговѣйная рука истинно вѣрующаго. Плотно убитый, земляной полъ былъ носыпанъ мель-

чайшимъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, пескомъ; стѣны, тщательно выбѣленные известью, были украшены множествомъ самыхъ разнообразныхъ образковъ — добровольныхъ приношеній инородцевъ, приобретенныхъ ими во время поѣздокъ въ русскіе города и селенія. Тутъ видѣлись небольшіе мѣдные складни, фарфоровые и деревянные образки, металлические шейные кресты и даже яркія изображенія разныхъ угодниковъ и святыхъ, московскаго изданія. Въ глубинѣ часовни висѣлъ довольно большой образъ Спасителя, въ серебряной ризѣ, подорокъ почтеннаго миссіонера новообращеннымъ. Передъ образомъ тѣли, за неимѣніемъ восковыхъ свѣчей, искусно выдѣланная сердцевина какого-то растенія, вставленная въ металлическій висячій подсвѣчникъ. Эта святыня, поднесенная обожаемому миссіонеромъ, особенно чтится новообращенными дикарями, старавшимися, отъ простоты сердца, украшать ее всевозможными приношеніями. Вокругъ образа были разложены свѣжіе цвѣты и зелень; на вѣличкѣ висѣли, на разноцвѣтныхъ ленточкахъ, образки и крестики; передъ самымъ образомъ, на столѣ, были разставлены миниатюрныя фарфоровыя чашечки съ рисомъ, просомъ и другими продуктами, принесенными въ даръ, въ силу вѣковаго обычая, добродушными дикарями, привыкшими такъ чествовать своихъ прежнихъ идоловъ. Отецъ Николай не старался отмѣнить это сердечное и наивное чествованіе, такъ какъ оно, нисколько не нарушая должнаго благоговѣнія, служило лишь яркимъ доказательствомъ искренней, простой вѣры добродушно-религиозныхъ инородцевъ. Приношенія послѣднихъ напоминали ветхозавѣтныя жертвы, дивныя по своей глубиной вѣрѣ, безурочной искренности и величественной простотѣ...

Отецъ Николай пробылъ въ часовнѣ болѣе часу, весь отдавшись горячей молитвѣ, въ которой оца всегда черпалъ силы и энергію для своей безконечно трудной и опасной миссіонерской дѣятельности.

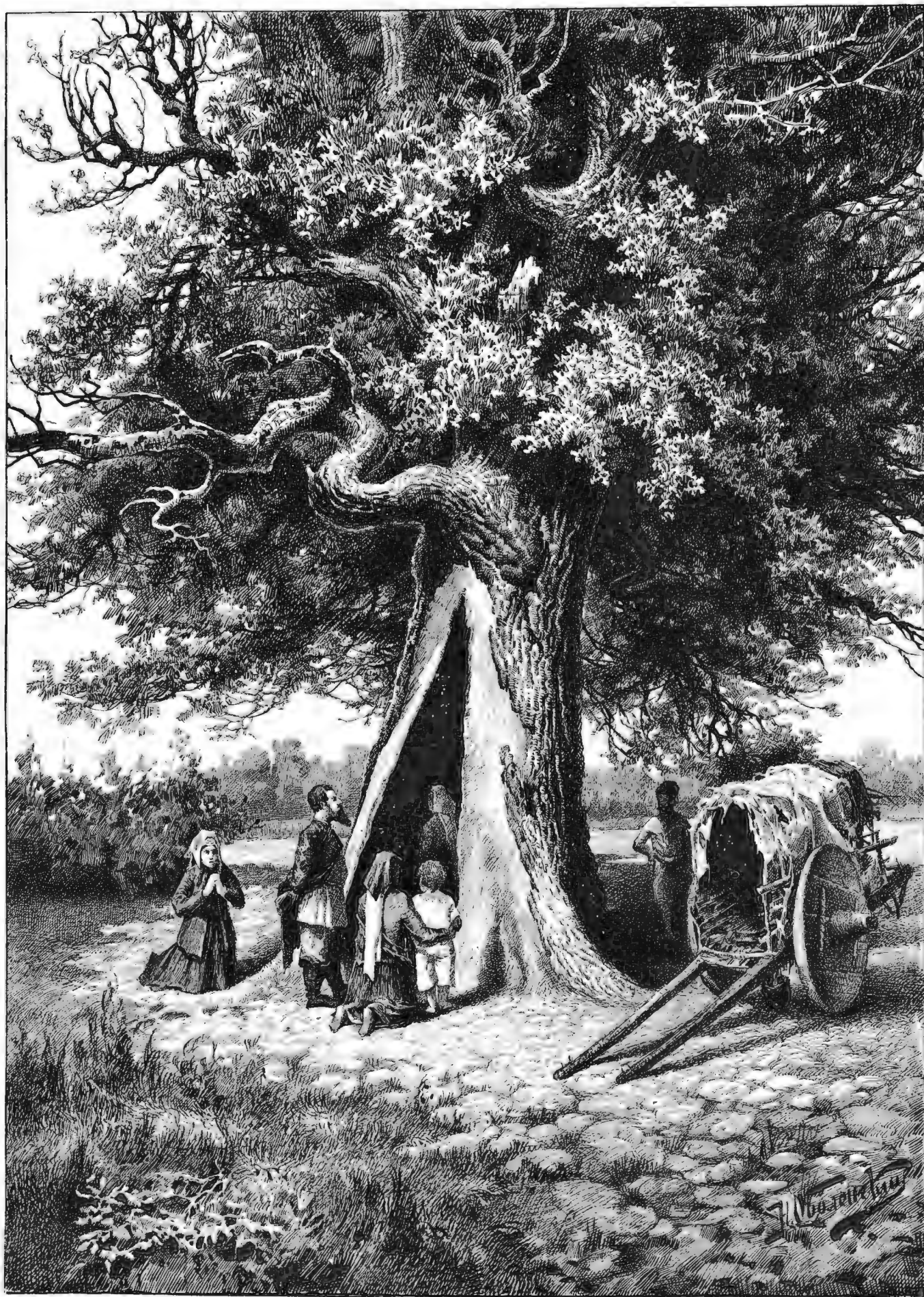
Выйдя изъ часовни, почтенный ревнитель православія разбудилъ Ивана и, захвативъ аптечку, торопливо направился съ нимъ къ фанзѣ Пойни, къ своему маленькому пациенту. Послѣднему было уже сравнительно лучше; оца дышалъ ровнѣе и проснулся ночь спокойнѣе. Смазавъ ему горло и давъ укрупленной въ надеждѣ Саго кое-какіе практическіе совѣты относительно ухода за больнымъ ребенкомъ, отецъ Николай поспѣшилъ домой, чтобы приготовиться къ назначеннымъ по утрамъ различнымъ церковнымъ тремамъ, въ которыхъ такъ нуждались инородцы, не видѣвшіе священнослужителя въ теченіе почти полугода...

VIII.

Оставимъ почтеннаго миссіонера просвѣщать дикарей, указывать имъ истинный путь благой жизни и духовнаго спасенія, и перенесемся за сотни верстъ отъ этого заброшеннаго, забытаго уголка, въ центръ русской культуры и цивилизаціи на далекой окраинѣ—во Владивостокъ...

Вечерело. Солнце уже зашло и всюду легли темныя тѣни. Городъ, казалось, спалъ, погруженный въ полумракъ быстро наступившей лѣтней ночи. По немощенымъ, пыльнымъ улицамъ бродили только стаи голодныхъ, одичавшихъ собакъ, которыя тщательно перерывали кучи всевозможныхъ отбросковъ, въ надеждѣ найти случайно выброшенную корку хлѣба, либо кость. Никто не мѣшалъ мародерской дѣятельности отошавшихъ животныхъ, благополучно переходившихъ отъ одной кучи къ другой и затѣвавшихъ надъ каждою, давно обглоданною, костью безобразныя свалки. Драки эти велись всегда молча, изъ опасенія привлечь постороннее вниманіе: щелкали только зубы и летѣли во всѣ стороны клочья свалывшейся, грязной шерсти. Собаки рвали одна другую, совершенно забывал даже о предметѣ раздора, который всегда дѣлался добычей какого-нибудь ловкаго, наиболѣе смѣтливаго, иса, не принимавшаго участія въ общей свалкѣ. Захвативъ изъ-подъ носа сражающихся кость либо корку хлѣба, похититель стремглавъ улепетывалъ въ ближайшіе кусты, гдѣ торопливо и жадно, ежесекундно давнись, старался, по возможности скорѣе, сгрызть случайно попавшійся лакомый кусокъ. Между тѣмъ собаки, вдоволь надравшись и достаточно увеличивъ одна у другой на хребтахъ и бокахъ плѣшины прежнихъ дракъ, вновь расходились по названнымъ кучамъ, продолжая свою мародерскую дѣятельность, временно приостановленную побоищемъ. Такимъ образомъ, голодные животныя дѣлали тщательный ночной обходъ чуть-ли не всѣхъ городскихъ улицъ, никѣмъ не тревожимыхъ. Мѣстные блюстители порядка, три вѣчно полупьяныхъ казака, предпочитали предаваться въ своихъ лачугахъ непробудному сну, находя это болѣе естественнымъ въ ночную пору, когда на улицахъ можно было встрѣтить только голодныхъ собакъ, да пожалуй тигра, который могъ-бы оказать блюстителямъ порядка какое-нибудь особенное, вовсе нежелательное, вниманіе. Казаки-полиціянтъ отлично знали нравъ грозныхъ хищниковъ, частенько посѣщавшихъ по ночамъ городъ, въ надеждѣ стащить какое-нибудь домашнее животное, а потому старались набѣгать вслѣдъ за ними встрѣчь, очень возможныхъ съ заходомъ солнца...

И такъ, городъ спокойно спалъ, полъ охраной Провидѣнія; погруженный въ таинственный полумракъ, оца напоминалъ своимъ мертвеннымъ наружнымъ видомъ скорѣе заброшенное кладбище, чѣмъ жилище живыхъ, но только предавшихся

Поклонение священному дубу близ Моздока. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

Плѣнный Баязеть предъ Тимуромъ. Съ карт. Мерге, грав. Гейеръ.

продолжительному благодѣтельному сну. Часы проходили за часами, по городу продолжалъ пребывать въ неизмѣнномъ спокойствіи; ничто не нарушало его мертвенной тишины... Прошла уже полночь; сумракъ сгущался все болѣе и болѣе, прикрывая городъ едва пронизаемою таинственною завѣсой... Вдругъ, гдѣ-то вдаль, раздались едва слышные дребезжащія звуки разбитой на всѣ четыре колеса долгуши. Собаки наострили уши и стали чутко прислушиваться. Черезъ минуту, онѣ бросились въ придорожные кусты, гдѣ и притаились въ ожиданіи проѣзда почтовыхъ шатуновъ, такъ не въ время нарушившихъ ихъ мародерскую дѣятельность. Долгуша со звономъ и трескомъ пронеслась по главной улицѣ, вздымая тучи ѣдкой, известковой пыли и неустою подпрыгивая по кочкамъ и выбоинамъ. Вотъ она свернула къ линіи темнѣвшихъ невдалекѣ холмовъ и съ прежнимъ остревѣніемъ задрезжала по твердому грунту узкаго проулка. Сдѣлавъ еще нѣсколько крутыхъ заворотовъ, долгуша остановилась передъ хорошенькимъ деревяннымъ домикомъ, изъ ярко освѣщенныхъ и настежь открытыхъ оконъ котораго несли шумные, нестройные голоса. Слышались хриплые возгласы: „На ш!..“ „Въ цвѣтъ и масть!“ „Десять рублей очко!“ „Ва-банкъ!“

— Ба, да тутъ уже цѣлое собраніе! весело проговорилъ одинъ изъ подѣхавшихъ на долгушѣ, засматривая въ окна. Это былъ высокаго роста, совершенно еще юный, морякъ съ коротко остриженною русой бородкой и большими голубыми глазами.

— Сразимся, сразимся, чортъ возьми! проворчалъ его молодой спутникъ, потирая руки и входя на крыльцо. Это былъ сильно сутуловатый, почти горбчатый, штабъ-офицеръ, сухой, какъ щенка, съ неиритными оловянно-безцвѣтными глазами.

— Никита, отправляйся домой и пріѣзжай за нами къ восьми часамъ утра, распорядился молодой морякъ, слѣдуя за своимъ спутникомъ въ небольшую переднюю и затѣмъ въ довольно уютный залъ. Въ сильно накуреной атмосферѣ послѣдняго мелькали возбужденныя лица и лохматая голова десятка игроковъ, столпившихся вокругъ стола, за которымъ металъ банкъ не то монахъ, не то священникъ, въ раастегнутомъ подрясникѣ, едва прикрывавшемъ голую, мохнатую, сильно развитую грудь. Длинные волосы банкюмета, тщательно заплетенные въ нѣсколько мелкихъ косичекъ, безпорядочно обрамляли полное, ожирѣвшее лицо, на которомъ лихорадочно свѣтились два пронизательныхъ, чрезвычайно быстрыхъ глаза. Длинный, красно-ватый носъ некрасиво висѣлъ надъ толстыми, чувственными, слегка открытыми, губами, за которыми сверкало два ряда крѣпкихъ, какъ желѣзо, зубовъ. Прибывшій сутуловатый штабъ-офицеръ прямо пробрался къ банкюмету и коротко сообщилъ, когда тотъ кончилъ талію:

— Привезъ тебѣ еще партнера... Рекомендую, мичманъ Проньшко...

— Очень радъ познакомиться, привѣтливо проговорилъ банкюметъ, пожимаая руку молодому офицеру. — Ставьте—сейчасъ продолжаю... А впрочемъ, если желаете равнѣе закусить, милости прошу въ комнату рядомъ... Да покажи ему, Мишка! безцеремонно обратился онъ къ сутуловатому штабъ-офицеру. — Тамъ водка стоитъ, сыръ, селедка...

— Благодарю, я не хочу, сконфузилъ Проньшко, краснѣя. — Полю, батинька, жеманиться, словно красная дѣвчонокъ.. Пей, когда даютъ, бѣги, когда бьютъ, проворчалъ Михаилъ Петровичъ, сирѣчь Мишка, хваталъ Проньшко подъ руку и насильно увлекъ его въ сосѣдную комнату, также сильно накуренную.

— Ну, пей, и я выпью за твое здоровье, властно проговорилъ Михаилъ Петровичъ, наливая двѣ объемистыя рюмки водки. — Да пей-же, просить тебя честью, настаивалъ онъ. — Наша компанія не терпитъ красныхъ дѣвчонокъ... Карты и водка это, братецъ ты мой, лучшее, что только есть въ жизни... Да пей-же, расалия, чортъ тебѣ возьми!..

Проньшко нехотя взялъ рюмку, чокнулся со своимъ назойливымъ, грубымъ товарищемъ и, съ видимымъ отвращеніемъ, опрокинулъ ее въ горло.

— Первал—коломъ, вторая—соколомъ... Ну, батинька, хлобсынемъ-ка по второй, предложилъ Михаилъ Петровичъ, наливая въ рюмки водку.

— Довольно, будетъ, нерѣшительно отказался Проньшко.

— Какъ довольно!.. Да ты кто такой?.. Фендрикъ, а я—штабъ-офицеръ; приказываю пить! шуточно-начальническимъ тономъ проговорилъ Михаилъ Петровичъ, подавая мичману рюмку.

Тотъ чокнулся и выпилъ опять.

— Закуси, довольно пить, а послѣ опять зайдѣмъ сюда... Веселѣе играть будешь... Пойдемъ теперь въ залу, посмотримъ, чтѣ отче дѣлаетъ... Скажу тебѣ по секрету: молодецъ этотъ Петька!.. Монахъ, а перепьетъ каждаго питуха; а какъ при этомъ мечетъ—просто заглядѣнье!.. Спокойно, хладнокровно, мускуль у шельмеца не дрогнетъ, хотя-бы тысячная карта была-бы дана или бита, характеризовалъ Михаилъ Петровичъ своего загадочнаго друга, миссіонера Петра, хорошо уже извѣстнаго Проньшкѣ по разсказамъ городскихъ старожиловъ.

Сосѣдники возвратились въ залу и заняли мѣста около большаго ломбернаго стола, заваленнаго мятыми, рванными картами и грудой кредитныхъ билетовъ. Отецъ Петръ продолжалъ метать, изрѣдко отчеканивая: „Дана! Бита! Бита! Дана! Бита!“

Какъ только талія кончилась, Проньшко взялъ карту и поставилъ для пробы десять рублей... Карта была дана въ онкахахъ. Онъ немедленно удвоилъ кушъ—опять получилъ... Въ короткое время, ему было дано нѣсколько картъ подъ-ридь. На столѣ, возлѣ него, начала уже набираться довольно значительная груда кредитныхъ билетовъ.

— Экое анаежское счастье валить! удивлялся Михаилъ Петровичъ.—Да съ твоимъ счастьемъ я-бы кучу золота выигралъ, миллионеромъ-бы сталъ... Развѣ такъ играютъ? Заладилъ десять рублей, двадцать рублей... Нѣтъ, ты ваи во всю, пользуйся счастьемъ!.. Ва-банкъ ставь!.. Рви его!.. Ты, я вижу, и въ карты такъ-же мало смыслишь, какъ и въ водкѣ... Тыфу, дѣвчонокъ этакъ!

— Да вѣдь курочка по зернышку клюетъ, Михаилъ Петровичъ, попробовалъ замѣтить одинъ изъ рядомъ сидѣвшихъ игроковъ, покилой армейскій офицеръ, съ роскошными бакенбардами.

— По зернышку!.. Курочка! разсердился Михаилъ Петровичъ, передразнивая неожиданнаго оппонента. — Да развѣ мичманъ курочка? Настоящій орелъ онъ, только орлу такое безсмысленное счастье валить можетъ... А орелъ долженъ хватать съ налету свою добычу, рвать ее цѣпкомъ...

— Ну-ка, фендрикъ, молодчина, не зѣвай на брасахъ! обратился Михаилъ Петровичъ къ своему спутнику съ энергичнымъ поощреніемъ. — Ты, я знаю, лихо морякъ! Хвати ва-банкъ, да и съ колокольни долой!.. Въ банкъ не болѣе пяти-сотъ будетъ...

Проньшко, разгоряченный игрой и выпитой не въ мѣру водкой, а также сконфуженный публичными похвалами своего патрона, не рѣшился отказать—и при слѣдующей-же таліи поставилъ ва-банкъ трефовую даму, на которую почему-то возлагалъ особенныя надежды. Отецъ Петръ началъ метать спокойно, хладнокровно, вполне оправдывая характеристику, сдѣланную Михаиломъ Петровичемъ. Проньшко слѣдилъ за медленно ложившимися картами лихорадочными глазами, съ нервною дрожью... Прошло нѣсколько секундъ тяжелаго, тревожнаго ожиданія, и вдругъ трефовая дама была побита, побита совершенно неожиданно, вопреки всякихъ соображеній. Проньшко даже похолодѣлъ отъ этой ужасной неожиданности.

— Ахъ, чортъ возьми, досадища кака! разсердился Михаилъ Петровичъ, изо всей силы ударивъ о столъ кулакомъ.— Везло, везло, и вдругъ на самой главной картѣ сорвалось... Положительно, дьяволъ въ игру замѣшался!.. Денегъ, денегъ-то сколько заразъ просадила—страсти!..

— Вѣдь я говорилъ вамъ, что ва-банкъ ставить рано, дрожащимъ голосомъ упрекнулъ Проньшко.

— Пустяки, поправишься—времени на поправку еще много осталось, началъ успокоивать мичмана Михаилъ Петровичъ.— Одна очко, отче, сколько у тебѣ тамъ въ банкѣ?..

— Одна тысяча двѣсти тридцать два рубля! отчеканилъ отецъ Петръ.

Проньшко бросило даже въ жаръ отъ такой громадной цифры. Онъ никогда и не воображалъ, что можно разомъ проиграть такую солидную сумму денегъ.

— Петька, да ты не ошибся-ли? проговорилъ Михаилъ Петровичъ, пересчитывая банкъ.— Нѣтъ, вѣрно: одна тысяча... двѣсти... тридцать два рубля!.. Фу, чортъ тебѣ дерн, какую уймѣ денегъ подвалилъ, началъ онъ опять киняться. — Ви очемъ, другъ мой Анатолій, дѣлать нечего: отсчитывай денежки, да поправляйся, обратился болтливый штабъ-офицеръ къ совершенно ошеломленному Проньшкѣ. — Постой, я тебѣ помогу... Тутъ, на столѣ, у тебѣ пятьсотъ шестьдесятъ пять рублей—ишь какую груду выигралъ!.. Остается приплатить шесть-сотъ шестьдесятъ семь рублей... Пустяки, поправишься, не падай только духомъ...

Игра продолжалась до восьми часовъ утра. Проньшко „поправился“, проигравъ всѣ наличныя деньги, скопленные въ теченіе трехлѣтняго заграничнаго плаванія...

IX.

Отецъ Петръ проснулся только въ третьемъ часу пополудни. Не открывая глазъ, онъ долго нѣжился на пружинномъ американскомъ матрасѣ, подъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ, подсчитывая и провѣряя въ умѣ весь свой послѣдній выигрышъ.

„Удачная ночь—нельзя хантъ“, размышлялъ онъ. — „У одного мичмана двѣ тысячи взялъ, да съ прочихъ около тысячи урвалъ. Изъ нихъ Мишкѣ пришлось отдать пятьсотъ рублей... Это, впрочемъ, ничего: онъ еще какого-нибудь юнца приволокетъ... Да, рѣдкая ночка удалась... Однако, кажется, уже поздноато...“

Отецъ Петръ норвалъ нить своихъ размышлений и открылъ глаза. Яркіе солнечные лучи едва пробивались черезъ голубыя, плотныя занавѣсы, слабо освѣщая со вкусомъ обставленную спальню, мало гармонировавшую съ подрясниками и рясами, развѣшанными вдоль одной изъ стѣнъ. Миссіонеръ понѣжился еще немного и наконецъ окончательно рѣшилъ встать съ мягкой постели, все еще соблазнительно манившей ко сну.

— Марья, а Марья! позвалъ онъ осиншимъ голосомъ.

Черезъ минуту вошла въ спальню пухлая, молодая женщина—ключница миссіонера.

— Отдерни-ка занавѣси, да принеси кофейшко, распорядился отецъ Петръ.

Черезъ короткое время, Марья возвратилась съ огромнымъ кофейникомъ, сливками и цѣлымъ ворохомъ домашняго свѣжаго печенья. Все это она поставила на круглый столикъ, стоявшій у изголовья кровати. Отецъ Петръ лѣтливо налил чашку крѣпчайшаго кофе и занялся утоленіемъ голода. Плотно покушавъ, онъ не торопясь умылся, расчесалъ косички, одѣлся въ шелковый подрясникъ и вышелъ въ прибранную уже залу. Посмотрѣвъ въ открытыя настѣжи окна на бродящихъ по улицѣ грязныхъ свиней, миссіонеръ что-то вдругъ вспомнилъ и крѣпко ударилъ ладонью по лысому лбу.

— Вѣдь пора и дѣломъ заняться, а то владыко разсердится, проворчалъ отецъ Петръ, продолжая внимательно разглядывать свиней, разрывавшихъ тупыми мордами ближайшую навозную кучу.

— Марья! крикнулъ онъ послѣ короткаго раздумья. — Позови скорѣй Алешку... Чѣмъ онъ тамъ занятъ?..

— Въ конюшнѣ прибирается, отозвалась Марья изъ кухни, — сейчасъ кликну...

— Алексѣй, Алексѣй, тебя отче зоветъ, иди скорѣй! раздался черезъ минуту на весь дворъ визгливый голосъ ключницы.

— Ишь, какъ звонокъ оретъ! проворчалъ отецъ Петръ, расхаживая по залу. — Славный голосъ...

И въ головѣ его зародились разныя картинки...

Думы его были вскорѣ прерваны приходомъ Алешки. Это былъ плутоватый на видъ китаецъ, давно уже обращенный миссіонеромъ въ православіе и оставшійся у него въ услуженіи. Алешка смиренно подошелъ къ отцу Петру и лицемѣрно приложился къ его пухлой, холеной рукѣ; онъ хорошо зналъ, какъ нравится это миссіонеру, нерѣдко награждавшему за подобное усердіе объемистою рюмкой русской водки.

— Здравствуй, здравствуй, ласково проворчалъ отецъ Петръ. — Собирайся живо въ походъ... Завтра, съ зарей, тронемся въ объездъ по нашей паствѣ... Навѣрное, отецъ Николай давно уже въ походъ?..

— Давно, отче, давно... Вчера прѣзжалъ изъ Янчихъ-э товарищъ, такъ сказывалъ, что прошло уже три мѣсяца, какъ отецъ Николай выѣхалъ, отвѣтилъ подобострастно Алексѣй.

— Хорошо, ступай, да живо готовься, какъ я сказалъ, въ походъ, рѣзко проговорилъ отецъ Петръ и нервно засагалъ по залу. Алексѣй моментально скрылся за дверью.

— Шутъ возьми этого проклятаго выскочку, началъ ворчать разсерженный вдругъ миссіонеръ. — Ханжа, лицемѣръ!.. Владыко просто одуряченъ его подвижничествомъ... Дикаремъ сдѣлался, чтобы лучше надуть преосвященнаго, а тотъ и вѣритъ, что Николай съ успѣхомъ миссіонерствуетъ... А что онъ дѣлаетъ на самомъ-то дѣлѣ?.. Бродитъ себѣ по тайгѣ, да охотится, да промѣномъ съ инородцами занимается, эксплоатируетъ ихъ... Знаю, что кулакомъ сталъ, деньги зашибаетъ... Вотъ погоди, наступитъ время — выведу ханжу на чистую воду: пускай-ко владыко узнаетъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ... Вотъ преосвященный мною недоколенъ, пишеть, что малоуспѣшно миссіонерствую... Я-то малоуспѣшно миссіонерствую? Да у меня варазъ сотнями обращаются... И еще сотни обращу!.. Скажетъ-ли тогда владыко, что малоуспѣшно миссіонерствую?

— Марья, а Марья! крикнулъ отецъ Петръ послѣ своего длиннаго и сердитаго монолога.

Вошла ключница.

— Послушай, Марья, заготовила ты ситцевыя рубахи, что я приказалъ шить? спросилъ онъ.

— Готовы, готовы, отвѣтила ключница.

— А, примѣрно, сколько нашла? полюбопытствовалъ отецъ Петръ.

— Сотни двѣ готовы... Цѣлый мѣсяцъ съ подеащницами работала, заявила Марья.

— Хорошо, молодчина-баба, ступай, похвалилъ миссіонеръ.

— Ну, вотъ, теперь посмотримъ, какъ я малоуспѣшно миссіонерствую, продолжалъ онъ ворчать, по уходѣ ключницы. — Увидимъ!

Отецъ Петръ предавался опять разнымъ мыслямъ, забродившимъ шумнымъ роємъ въ его головѣ. Долго ходилъ онъ по залу, пока Марья не доложила: „Пожалуйте обѣдать!“

Плотно покушавъ жирнаго борщу, фазана и оладьевъ, которые ключница пекла съ рѣдкимъ мастерствомъ; выпивъ, ради возбужденія аппетита, изрядное число объемистыхъ рюмокъ водки, миссіонеръ тотчасъ-же завалился спать, чтобы уснуть побывать у князя Храповицкаго положенные десять часовъ и въ то-же время не запоздать выѣдомъ на свою просвѣтительную миссію... Отецъ Петръ былъ разбуженъ расторопнымъ Алексѣемъ съ восходомъ солнца. Самоваръ уже кипѣлъ на

столѣ и сердито шумѣлъ, точно досадуя на хозяина, вздумавшаго подняться съ чего-то такую равнь. Четыре сытныя лошади стояли у крыльца, вполне готовые къ походу. Двѣ изъ нихъ едва виднѣлись изъ-подъ громадныхъ вьюковъ. Чего только не было въ этихъ вьюкахъ, плотно и мастерски увязанныхъ опытной рукой бывалаго Алексѣя: походная постель отца миссіонера, всевозможные консервы, боченокъ водки, церковное облаченіе, сдобныя домашнія печенья, ситцевыя рубахи для новообращенныхъ, ворохъ мѣдныхъ крестиковъ... Даже захвачено было, на всякій случай, нѣсколько колодь картъ, въ томъ соображеніи, что миссіонерская дѣятельность отца Петра всегда ограничивалась небольшимъ райономъ, расположеннымъ около русскихъ поселеній, гдѣ проживало не мало знакомыхъ офицеровъ, чиновниковъ и купцовъ, никогда не отказывавшихся отъ призрачной надежды сорвать банчишко у счастливаго банкюмета... Другіе двѣ лошади были засѣданы. На ворономъ, крѣпкомъ иноходцѣ красовалось удобное мексиканское сѣдло съ просторными переметными сумками. Заботливая рука ключницы въ послѣднія уложила двѣ откупоренныя бутылки крѣпкаго рома, множество бутербродовъ, папиросы и т. п. мелочь, необходимую для дорожнаго пропитанія миссіонера „на скорую руку“, между пунктами дневокъ. На другомъ конѣ, бѣломъ мохнотомъ жеребцѣ, виднѣлось высокое китайское сѣдло съ потаенными мѣшечками, въ которые Алексѣй не забылъ уложить для себя, по примѣру хозяина, нѣсколько бутылокъ водки, закуски и табакъ...

Городъ еще спалъ, когда отецъ Петръ тронулся въ дорогу, сопутствуемый расторопнымъ Алексѣемъ, вооруженнымъ, на всякій случай, магазинною винтовкой Винчестеръ, парой револьверовъ и охотничьимъ пожемъ. Самъ миссіонеръ, какъ лицо духовное, не имѣлъ другаго оружія, кромѣ казачкой ногайки; тѣмъ не менѣе его воинственная посадка, сапоги съ ботфортами, надѣтая на бекрень соломенная шляпа — заставляли предполагать, что почтенный священнослужитель скорѣе ѣдетъ въ какую-нибудь отважную, охотничью экскурсію, а отнюдь не съ цѣлью мирной проповѣди слова Божія...

Какъ только миссіонерская экспедиція перевалила черезъ хребетъ, ограждающій городъ съ сѣверной стороны, дорога разомъ съузилась до того, что пришлось ѣхать гуськомъ. Вьючныя лошади были пущены впередъ; за ними слѣдовалъ отецъ Петръ. Алексѣй замыкалъ шествіе, вполне готовый отразить возможное нападеніе какого-нибудь хищника и... выжить. Солнце, между тѣмъ, поднималось все выше и выше; становилось жарко. Путниковъ начала одождать неопредолимая жажда, немедленно впрочемъ удовлетворяемая, благодарно имѣвшимися при сѣдлахъ запасамъ. При этомъ каждый старался хлебнуть изъ горлышка по возможности потаенно отъ спутника, что особенно удавалось Алексѣю, бѣжавшему въ аррьергардѣ. Время шло незамѣтно — быстро, безвозвратно поглощаемое съ коньякомъ и водкой. Часамъ къ десяти утра стало такъ жарко, что дальнѣйшая дорога оказалась положительно невмоготу довольно тучному миссіонеру: ему захотѣлось спать.

— Алешка! крикнулъ онъ сильнымъ голосомъ. — Пора и привалъ сдѣлать!..

— Вѣрно, отче, пора! обрадовался проводникъ, котораго начало также неудержимо клонить ко сну. Повидимому, выпитая бутылка водки возымѣла уже на него свое снотворное дѣйствіе.

— Здѣсь и отдохнемъ, распорядился отецъ Петръ, ткнувъ погайкой въ зимовку, виднѣвшуюся на другомъ берегу не широкой рѣчки Янчихъ-э.

— Вѣрно, отче, отдохнемъ, согласился Алексѣй коснѣющимъ языкомъ.

— Пошелъ теперь впередъ!.. Показывай бродъ! крикнулъ миссіонеръ.

Проводникъ молча вѣхалъ въ рѣчку... Черезъ десять минутъ, всѣ лошади благополучно выбрались на плоскій берегъ, на которомъ стояла покосившаяся зимовка, выстроенная для рубщиковъ лѣса. Это былъ плохенькій срубъ, сложенный на мху, безъ крыши, съ маленькимъ, криво прорубленнымъ окномъ, заклееннымъ дырчатымъ пузыремъ, и низенькою, почернѣвшею отъ копоти, дверью. Отецъ Петръ послѣдно слѣзъ съ лошади и, захвативъ съ собой бутылку коньяку, направился къ знакомой зимовкѣ, въ которой всегда дѣлалъ, при своихъ миссіонерскихъ поѣздкахъ, первый привалъ. Войдя въ полутемную, почернѣвшую отъ дыма конуру, миссіонеръ пробрался къ грязнымъ нарамъ, усѣлся на нихъ и тотчасъ-же сталъ утѣлять странную жажду. Въ это время, Алексѣй внесъ въ зимовку походный тюфячекъ и пуховую подушку...

Плотно выпивъ и закусивъ, отецъ Петръ сбросилъ всю лишнюю одежду и завалился спать. Алексѣй, убрывъ лошадей, незамедлительно слѣдовалъ добросовѣстному примѣру своего хозяина...
(До слѣд. №).

Изверженіе вулкана Кракатоа.

Всѣмъ современникамъ памятны страшныя послѣдствія, которыми сопровождалось изверженіе вулкана Кракатоа. Нѣсколько городовъ и деревень исчезло съ лица земли, погнбло 37,000 человекъ, измѣнились внѣшнія очертанія страны, старыя каналы закрылись, появились новыя, море на нѣсколько

миль было усѣяно обломками, небо цѣлыми днями было закрыто тучами пепла. Четыре мѣсяца спусти послѣ изверженія на разстояніи ста миль еще замѣтно было его дѣйствіе. Грохотъ взрыва былъ слышенъ на разстояніи 3,000 (англійскихъ) миль, въ проливѣ между Англійей и Франціей замѣчалось сильное волненіе,

имѣвшее начало въ Лѣвѣ, а атмосферное колебаніе обнаружилось на барометрѣ у антиподовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя замѣчались измѣненія въ цвѣтѣ солнца и луны, какъ послѣдствія изверженія Кракатоа; такое-же происхожденіе имѣли и восхитительная *сумеречная сіянія* 1883 года. Небо и земля, воздухъ и вода возмущали современникамъ и потомству о чудесахъ происшедшей катастрофы. Немудрено послѣ этого, что наука занялась изверженіемъ Кракатоа болѣе обстоятельно, чѣмъ какимъ либо другимъ повѣйшимъ событіемъ. Нидерландское правительство учредило комиссію, которая должна была изслѣдовать явленія сопровождавшія изверженіе Кракатоа, а Лондонская академія наукъ созвала совѣтъ специалистовъ, чтобы выслушать ихъ мнѣнія.

Наиболѣе сильное изверженіе Кракатоа произошло въ августѣ 1883 года и четыре года послѣ того трудились ученые, чтобы составить полное представленіе о причинахъ и послѣдствіяхъ этого явленія природы.

Англійская комиссія, состоящая изъ гг. Ральфа Аберкромби, Дугласа Арчибалда, профессора Боннел, Эванса, д-ра Гейки, Джудда, Нормана Локіера, Ролло Росселя, Скотта, профессора Стокса, генерала Страхей, Симонса и капитана Вартона, недавно обнародовала результаты своихъ трудовъ, изъ которыхъ мы заимствуемъ нижеслѣдующія подробности.

На нѣкоторыхъ изъ членовъ комисіи возложено было изученіе вулканическихъ явленій, на другихъ изученіе воздушныхъ и звуковыхъ волнъ; третья часть разсматривала распространеніе явленій въ водѣ; одну изъ главныхъ частей изслѣдованій составляли затѣмъ оптическія явленія и наконецъ матеріаломъ для изученія служили электрическія и магнитическія наблюденія. Все это вмѣстѣ составило трудъ въ 500 страницъ, заключающій въ себѣ чрезвычайно поучительныя свѣдѣнія.

По изслѣдованіямъ профессора Джудда, Кракатоа лежитъ въ центрѣ области извѣстной какъ главный очагъ вулканической дѣятельности. Кракатоа и окружающіе его острова въ ихъ настоящемъ видѣ очевидно представляютъ собою остатки исполненной вулканической горы, которая по береговой линіи должна была имѣть 25 миль окружности и отъ 10,000 до 15,000 фу-

товъ высоты. Въ маѣ 1883 года Кракатоа началъ извергать пламя. Уже въ прежніе годы было нѣсколько крупныхъ изверженій, но они, не смотря на свою значительность, не могли быть изслѣдованы по неизмѣннѣ къ тому средствъ. Вулканическая дѣятельность длилась до 26—27 августа, когда она достигла наибольшей силы. Изслѣдованія землетрясенія, сопровождавшаго страшное вулканическое изверженіе, заставило профессора Джудда убѣдиться, что теорія просачиванія несостоя-

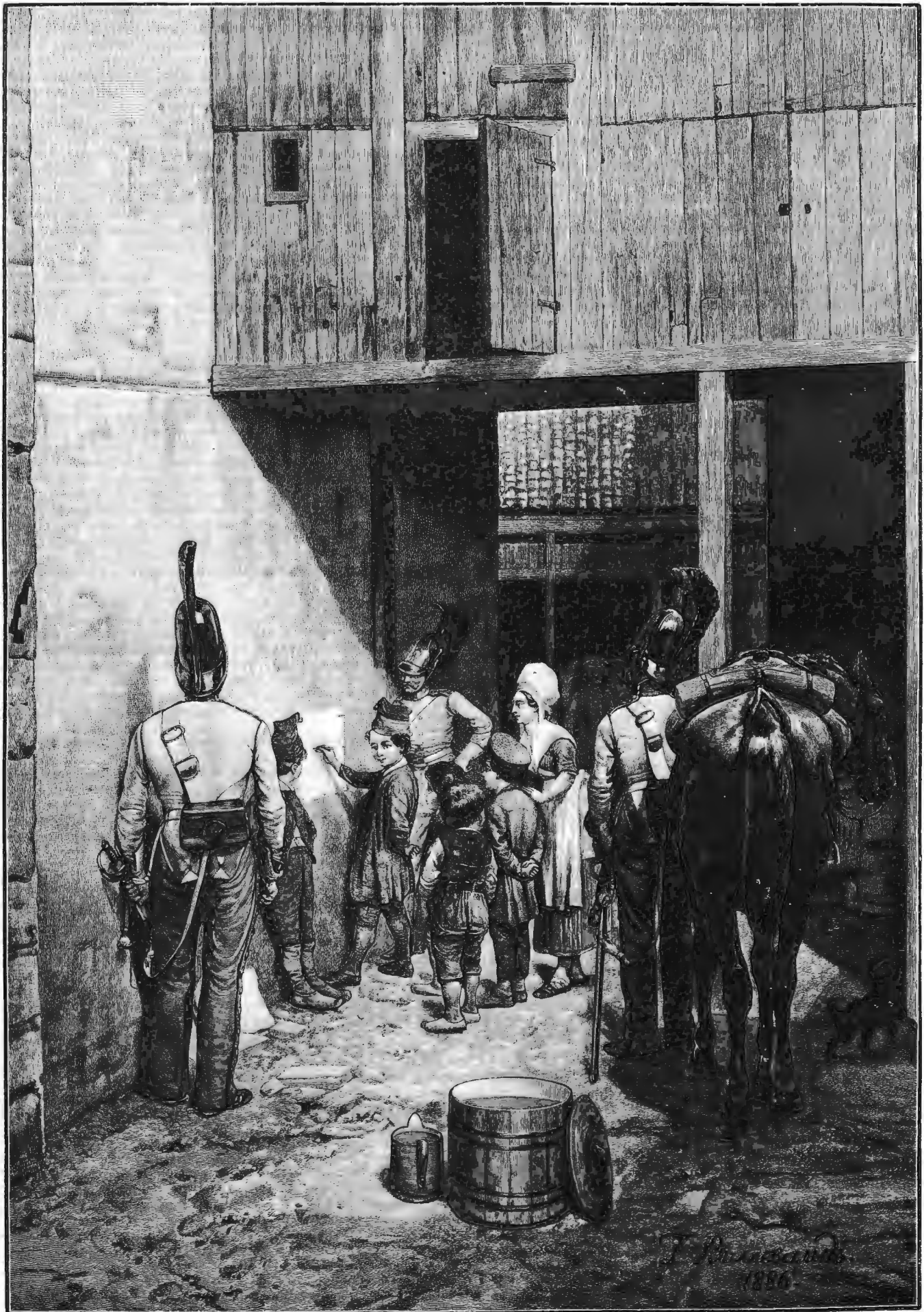
тельна. Она исходитъ изъ предположенія, что просачивающаяся вода развиваетъ огромную химическую дѣятельность. Профессоръ Джуддъ объясняетъ, что хотя вода играетъ большую роль при взрывахъ, но не химическимъ дѣйствіемъ. Вслѣдствіе разрушенія земной поверхности при вулканическомъ изверженіи, устья кратеровъ дѣйствительно появлялись на самой поверхности моря и огромное количество воды проникало въ вулканъ, но она дѣйствовала не химически, а механически. Поверхность лавы временно охлаждалась и твердела, отчего газы задерживались и достигли такого напора, что потомъ съ тѣмъ болѣею силою прорывали лаву и причиняли тѣмъ сильнѣйшіе взрывы. Наибольшая сила изверженія наблюдалась въ 10 часовъ утра 27 августа. Безъ преувеличенія можно сказать, что островъ былъ растерзанъ до самыхъ нѣдръ своихъ; тысячи тоннъ почвеннаго матеріала во всѣхъ степеняхъ измельченія было выброшено въ высоту, достигавшую отъ 12 до 23 (англійскихъ) миль. Гигантская волна, поднявшаяся отъ сотрѣсенія, затопила землю и увлекла въ океанскую пучину 37,000 чело-вѣкъ; ударъ былъ заштенъ и въ англійскомъ каналѣ. Половина острова уничтожилась и наполнила своимъ матеріаломъ

Египетскій фонтанъ работы Андрея Мальфатти. Грав. Герше.

когда-то судоходные каналы. По исчисленію капитана Вартона, Кракатоа потерялъ 200,000 милліоновъ кубическихъ футовъ своей массы.

Наблюденіями генерала Страхей установлено, что атмосферныя колебанія могли быть наблюдаемы почти на половинѣ всей земной поверхности. Наблюденія производились отъ Кракатоа, какъ отъ центра. Семь разъ воздушная волна исходила изъ Кракатоа. Какъ велика была скорость ея движенія, видно изъ того,

75-лѣтіе вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ. Воинъ и художникъ. Съ карт. проф. Виллевалде, грав. Флюгель.

что по выходѣ изъ Кракатоа, она достигала Гринича чрезъ 13 часовъ 45 минутъ. Скорость воздушной волны почти равнялась скорости волны звуковой, проходившей отъ 674 до 726 миль въ часъ. Звуковая волна не шла, подобно воздушной, вокругъ земли, но была слышна въ окружности 2,000 англійскихъ миль отъ Кракатоа, и даже, по увѣренію лицъ заслуживающихъ довѣрія, на разстояніи 3,000 англійскихъ миль, въ окрестностяхъ острова Маврикія слышенъ было „какъ-бы отдаленный грохотъ тяжелыхъ орудій“.

Относительно вліянія землетрясенія на море, капитанъ Вартонъ даетъ весьма подробныя объясненія. Наибольшая высота волны считается въ 50 футовъ, а между тѣмъ ударъ волнъ чувствовался въ Англійскомъ каналѣ, на мысѣ Горнѣ, у острова Маврикія. Наибольшую часть отчета занимаютъ объясненія Ролло Росселя и Дугласа Арчибалда относительно оптическихъ явленій. Вечернія сіянія, какъ извѣстно, наблюдались и у насъ еще долго спустя послѣ изверженія; а зеленые, голубые, серебристые и мѣдные цвѣта солнца и луны были видимы только въ экваторіальныхъ странахъ. Причиною этого явленія былъ туманъ исходившій изъ Кракатоа и состоявшій частью изъ влажныхъ частицъ пыли, частью изъ пыли и паровъ. Туманъ большею частью направился на западъ; спектроскопъ показалъ, что онъ состоялъ не изъ газа, а изъ твердыхъ веществъ, можетъ быть

изъ частицъ льда или тончайшей пыли, походившей на облако. Географическое распространеніе тумана подвигалось впередъ, съ быстротою 73 англійскихъ миль въ часъ, съ востока на западъ; вмѣстѣ съ тѣмъ туманъ распространялся и къ сѣверу и къ югу, становясь все болѣе и болѣе разрѣженнымъ, такъ что чрезъ шесть недѣль онъ охватывалъ область между 20 град. сѣверной и 45 град. южной широты.

Наибольшую высоту слоевъ сіянія Дугласъ Арчибалдъ опредѣляетъ въ 121,000 футовъ, причемъ съ августа по январь она постепенно уменьшилась до 64,000 футовъ, и по всей вѣроятности наименьшая высота въ августѣ была въ 104,000, а въ январѣ въ 54,000 футовъ. Въслѣдствіе тяжести болѣе крупныя лучепреломляющія частицы опустились на землю до апрѣля 1884 года, а болѣе мелкія продолжали носиться, почти на одинаковой высотѣ, и сдѣлавшись однороднѣе, обнаруживали еще бдльшую лучепреломляющую силу. Еще въ зимніе мѣсяцы 1884—1885 годовъ можно было любоваться красивыми вечерними зорями и только въ 1886 году снова возстановился нормальный порядокъ.

Спеціалистъ найдетъ въ отчетѣ англійской комиссіи много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, а для публики представитъ интересъ его главнѣйшія научныя данныя. Книга снабжена рисунками, фотографіями и чертежами, облегчающими пониманіе подробностей и увеличивающими ея интересъ. (С).

Къ рисункамъ.

Старый городъ въ Варшавѣ. (Рис. на стр. 124).

Главный городъ Привислинскаго края, Варшава, расположенный полумѣсяцемъ на лѣвомъ берегу Вислы, среди обширной песчаной долины, основанъ не ранѣе XI вѣка. По однимъ сказаніямъ, основателемъ его былъ князь Мазовецкій Конрадъ. Охотясь однажды на мѣстѣ нынѣшней Варшавы, онъ такъ былъ восхищенъ красивымъ мѣстоположеніемъ, что построилъ тамъ деревянный замокъ, а внутри его часовню. Вокругъ замка явилось укрѣпленное село: „варшгъ“ по венгерски, откуда и названіе Варшавы. По другой легендѣ, въ концѣ XII вѣка Казиміръ Справедливый зашелъ однажды на охотѣ въ хижину. Въ ней онъ нашелъ бѣдную женщину, только что ставшую матерью двухъ близнецовъ. Встрѣча эта внушила Казиміру мысль составить счастье малютокъ. Онъ захотѣлъ быть ихъ крестнымъ отцомъ и ихъ назвали Варъ и Сарва, откуда и происходятъ имя города Варшава, разросшагося на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то находилась хижина крестниковъ Казиміра. Сто пятьдесятъ лѣтъ спустя мазовецкіе князья поселились въ Варшавѣ, а въ 1593 году она становится столицею Польши. Въ концѣ XIV вѣка городъ раздѣляется уже на *старый* и *новый*. Старый городъ (*Старое мѣсто*) съ узкими улицами и домами средневѣковой архитектуры находится вблизи крѣпости, вновь востроенной послѣ мятежа 1831 г. Въ немъ находится почти половина всѣхъ церквей Варшавы, мало замѣчательныхъ художественными украшеніями и историческими памятниками. Большаго вниманія заслуживаетъ рынокъ, изображенный на стр. 124. Нѣкогда на четырехугольной площади рыжка, обстроеннаго со всѣхъ сторонъ узкими и высокими домами, находилась ратуша. Въ ней помѣщались судъ, тюрьма, казначейство и архивъ города, а самая площадь еще въ XVIII вѣкѣ служила лобнымъ мѣстомъ. Въ настоящее время рынокъ на этой площади самый оживленный въ Варшавѣ.

Крушеніе у острова Матсмай (Японія).

(Рис. на стр. 125).

Русскую военную шхуну Алеутъ, возвращавшуюся изъ сѣвернаго плаванія во Владивостокъ, штормами отбросило отъ Сибирскихъ береговъ и поднесло къ берегамъ Японіи. За недостаткомъ провизіи, воды и угля, шхунѣ пришлось зайти въ японскій портъ Хакодаде, но по пути непогоды заставили ее остановиться въ одномъ изъ заливовъ на якорь; здѣсь она выдержала трехъ-дневный штормъ — картины, сопряженныя со всѣми ужасами вѣтра, ураганной силы, и волны открытаго моря разбивавшейся о побережье. Обезсиленный въ борьбѣ съ бурями, экипажъ былъ вынужденъ къ тому рѣдкому способу крушенія, которое называется выходомъ корабля на берегъ.

Очевидецъ крушенія такъ рассказываетъ о немъ. Еще наканунѣ стало очевидно, что нечего думать о спасеніи шхуны и принято было рѣшеніе выбрасываться на берегъ. 8 ноября съ утра занялись исполненіемъ приказаній командира: облегчить насколько можно мачты отъ парусовъ и верхнихъ рейчъ чтобы вѣтру оставалась наименьшая площадь. Въ седьмомъ часу утра оборвало главную якорную цѣпь. Командиръ торопливо сошелъ въ каюту и созвавъ офицеровъ, предложилъ имъ послѣднюю бутылку шампанскаго, чтобы выпить за хорошей исходъ крушенія. Безмолвно чокаялись и выпили по глотку. Въслѣдъ затѣмъ отданъ былъ приказъ расклепать кавать — и шхуна освободилась отъ послѣдняго якоря и вырветъ помчалась на берегъ. Событія и перемѣны на суднѣ происходили со страшною быстротою, такъ какъ шхунѣ надо было пролетѣть мило, много подторы. Самый грозный моментъ былъ тотъ, когда шхуна, домчавшись до трехсаженной глубины, въ первый разъ ударились

вѣсѣмъ корпусомъ объ грунтъ съ высоты 2—4 футовъ. Днище проломил, и вода наполнила каютъ-компанію, капитанскую каюту и машинное отдѣленіе. Шхуна съѣла на нѣсколько секундъ въ грунтъ и не двигалась съ мѣста. Штормовыя волны одна за другою перекатывались черезъ ея палубу. Удары ихъ о палубу грохотали какъ выстрѣлы двадцати-дюймовой пушки. Срубилы фокъ-мачту, паденіе которой всегда возбуждаетъ въ морякахъ тягостное чувство, какъ-бы сознаніе нѣкотораго позора. Толпа японцевъ около пятидесяти человекъ тѣснилась на песчаномъ прибрежьи у зажженныхъ фостровъ. Величію картины содѣйствовала грозная тѣма пурги и ропотъ разбивавшихся о побережье волнъ. Команда начала надѣвать бѣлыя чистыя рубашки, — обычай матросовъ на морѣ готовиться къ смерти...

Рисунокъ изображаетъ послѣдній моментъ крушенія: свирѣпыя волны шторма рушатся съ грохотомъ на побережье, кормовая часть шхуны, палубныя надстройки шлюпки уничтожены обрушившимся валомъ, передняя фокъ-мачта сломана и слѣдовъ ея не виднѣтся у борта. Толпа японскихъ рыбаковъ помогаетъ спасенію экипажа: въ прибоѣ виднѣются головы людей, которыхъ тащатъ на веревкѣ къ берегу. Японскія женщины жгутъ костры и ихъ слабый свѣтъ едва освѣщаетъ зловѣщую картину бѣдствія.

На прибрежьи собираются спасенные люди, принося благодарственные молитвы Силамъ Небеснымъ.

Экипажъ былъ спасенъ весь, и лишь на другой годъ послѣ этого событія здѣсь погибло въ бурунахъ при работахъ 10 русскихъ матросовъ и 3 китайца. Разбитая шхуна была куплена англичаниномъ, три года она еще проплавала и погибла безъ вѣсти въ Тихомъ Океанѣ. Это была большая шхуна въ 140 футовъ длины, съ машиною въ 37 силъ. Экипажъ состоялъ изъ командира, 5 человекъ офицеровъ и команды, всего съ пассажирами 67 человекъ.

Клариса. (Рис. на стр. 129).

Немногимъ художникамъ, въ особенности нѣмецкимъ, удаются красивыя женскія лица. Счастливымъ исключеніемъ является Конрадъ Кивель, извѣстный жанровый живописецъ. Вначалѣ архитекторъ, затѣмъ скульпторъ, онъ сравнительно поздно началъ заниматься живописью. Тѣмъ не менѣе его техника замѣчательно блестяща, а женскія фигуры, которыхъ онъ чаще всего рисуетъ, всегда бывають привлекательны. Въ этомъ можно убѣдиться по гравюрѣ нанечатанной на стр. 129. Молодая красивая дѣвушка съ чудными, темными глазами, въ одеждѣ временъ Возрожденія, только что окончила пѣть. Счастливая усѣхкомъ и гордая полученною наградою, лавровымъ вѣнкомъ, она задумчиво смотритъ вдаль, мысленно переживая еще разъ незабвенныя минуты недавняго торжества.

Священный дубъ близъ Моздока. (Рис. на стр. 132).

Древне-язическій Востокъ, даже тамъ гдѣ христіанство, а за нимъ и монотеистическій исламъ господствуютъ уже много вѣковъ, все-таки напоминаетъ о себѣ вѣкторыми своими культами, какъ напр. поклоненіемъ священнымъ рощамъ и деревьямъ. На Кавказскомъ перешейкѣ этотъ культъ сохранился во многихъ мѣстахъ, принявъ лишь иную форму, позаимствованную изъ христіанской и мусульманской обрядности. Священные рощи встрѣчаются на Черноморскомъ побережьи Западнаго Кавказа, въ Грузіи, въ мусульманскихъ провинціяхъ; на вершинахъ холмовъ издалека виднѣются выдающіяся своею могучею красотой кусты много-вѣковыхъ дубовъ, непоевъ, чинаровъ, обыкновенно скрывающихъ собою руины язическихъ капищъ, поросшія мхомъ и кустарниками. Мистическія тра-

дици хранят такую рощу от топора; по вѣрованіямъ народа, въ ней обитаютъ духи, вліяющие на судьбу человѣка. Въ глухихъ же мѣстахъ горъ и долинъ разбросаны одиночныя колоссы-деревья, подъ сѣнію которыхъ также обитаютъ духи, и это тоже дѣлаетъ ихъ священными. Сюда, какъ и къ священнымъ рощамъ, стекаются поклонники—христіане и мусульмане—признающіе присутствіе въ нихъ чего-то чудотворнаго, молятся имъ, дѣлаютъ приношенія, состоящія изъ образковъ, крестиковъ, монетъ, амулетовъ, разныхъ мелкихъ вещей, записочекъ со стихами изъ корана и все это вкладываютъ въ ихъ дула. Клятвы и заклинанія произнесенныя тутъ считаются самыми сильными. Къ числу такихъ-то священныхъ деревьевъ принадлежитъ и изображенный на нашемъ рисункѣ безподобный по своей красотѣ священный дубъ, находящійся близъ Моздока.

Побѣда Тимура надъ Баязедомъ. (Рис. на стр. 133).

Извѣстный монгольскій полководецъ Тамерланъ или Тимуръ (Тимуръ-Ленгъ), провесившій грознымъ ураганомъ надъ старою Азією, въ промежутокъ времени съ 1336 по 1405 г., можетъ быть поставленъ въ переднемъ ряду тѣхъ „бичей Божьихъ“, которые отъ времени до времени сотрясали политическій строй громадныхъ древнихъ государствъ и имѣли пагубный даръ—превращаютъ цѣлыя цвѣтущія области, заселенныя людьми, въ пустыни, посѣщаемыя лишь шакалами. Тамерланъ—любимый герой монгольскихъ народныхъ легендъ; монголы зовутъ его Чингизъ-Ханомъ. По ихъ преданіямъ, онъ прійдетъ вновь и озаритъ свой народъ тѣмъ-же блескомъ и обалтительными силами, съ какимъ когда-то эта, нынѣ болѣе чѣмъ скромная раса, пронеслась надъ лицомъ земли. Въ исторіи этого человѣка трудно отдѣлать дѣйствительныя событія отъ тѣхъ кружевъ фантазіи, которыми ее украсила восточная легенда. Повидимому, въ молодости Тимуръ находился на службѣ у Гусейна, эмира Хорасанскаго, происходившаго изъ Джагатайской династіи, владѣвшей Балкомъ. Когда, затѣмъ, эта монгольская династія пала, Тимуръ завладѣлъ трономъ и избралъ своею столицею Самаркандъ. Завоевательныя инстинкты новаго владыки не долго дремали: онъ обратился сначала на своихъ ближайшихъ сосѣдей, персовъ, а затѣмъ, мало-по-малу раздвинулъ свои владѣнія „отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая.“ въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ нашего знаменитаго поэта. Около 1398 года Чингизъ-Ханъ двинулся на Индію и завоевалъ земли отъ Инда до Ганга. Послѣ того, онъ повернулъ къ Малой Азіи. Здѣсь у него вышла любопытная встрѣча съ турецкимъ султаномъ Баязедомъ I, который, по части военныхъ доблестей, также блестящъ звѣздой первой величины. Тимуръ уже слышалъ о Баязедѣ отъ многихъ властителей, которыхъ ему пришлось покорить до того времени; онъ побѣдоносно прошелъ черезъ Сирію, взявъ приступомъ Багдадъ, и, наконецъ, вступилъ въ Малую Азію, гдѣ турецкій султанъ ожидалъ его во главѣ многочисленнаго войска. На ряду съ янычарами и спагами подъ его знаменами стояло до 20,000 европейскихъ латниковъ, многочисленныя боевыя колесницы анатолійцевъ, многіе князья которыхъ уже уснѣли перебѣжать къ Тимуру. 20 іюля 1402 года обѣ арміи встрѣтились на равнинѣ близъ Ангоры. „Великій Волкъ“—Тимуръ сталъ лицомъ къ лицу съ „Молніею“—Баязедомъ. Цѣлый день длилась неслыханная рѣзня, и, дотолѣ непобѣдимый Баязедъ, не смотря на чудеса отваги, проявленныя имъ въ этотъ злополучный день, вынужденъ былъ позорно бѣжать съ поля битвы. Всадники Тимура долго гнались за побѣжденнымъ; подъ нимъ, къ несчастію, споткнулся конь, и османскій властитель былъ взятъ въ плѣнъ со своимъ сыномъ и множествомъ приближенныхъ и военачальниковъ. Чингизъ засадилъ полоненнаго врага въ желѣзную клѣтку и въ сопровожденіи этого трофея парадировалъ передъ своими полчищами, съ любопытствомъ смотрѣвшими на диковиннаго плѣнника. Этотъ моментъ и представленъ на нашемъ рисункѣ. Тимуръ беретъ эту добычу и припасалъ ее для декораціи своего торжественнаго вступленія въ Самаркандъ; но Баязедъ, потрясенный событіями, скончался до возвращенія побѣдителя въ свою столицу, въ мартѣ 1403 года; а вскорѣ вслѣдъ за нимъ, въ февралѣ 1405 года, умеръ и Тимуръ, застигнутый смертію въ самый разгаръ сборовъ въ походъ на „Среднюю Имперію.“

Египетскій фонтанъ. (Рис. на стр. 136).

Современная итальянская пластика, судя по тѣмъ образцамъ, какіе можно было видѣть за послѣднее десятилѣтіе на различныхъ выставкахъ, легче всего характеризуется при взглядѣ на прошлое время и сопоставленіи произведеній классической древности и вѣковъ Возрожденія съ твореніями современныхъ ваятелей. Вкусы итальянскаго народа настоящаго времени совершенно измѣнились, а отъ нихъ находятся въ зависимости большинство современныхъ итальянскихъ скульпторовъ. Самый крайній натурализмъ, часто выходящій изъ границъ возможнаго, притомъ выражающійся не только въ содержаніи художественнаго произведенія, но преимущественно въ самой передачѣ его, въ формахъ, — вотъ удѣлъ болѣе части нынѣшнихъ ваятелей. Счастливымъ исключеніемъ, именно по содержанію, являются скульптуры бытоваго характера. Къ числу ихъ долженъ быть причисленъ фонтанъ

въ Миланѣ, работы скульптора Андреа Мальфатти. Онъ представляетъ, какъ это видно на нашей гравюрѣ, египетскую дѣвушку стоящую у водоема въ египетскомъ вкусѣ, въ видѣ льва, источающаго воду. Передъ нимъ лежитъ разбитый сосудъ. Дѣвушка, почерпнувъ раковинною водою, подноситъ ее ко рту. Ощущеніе томительной жажды и спѣшность ея удовольворенія переданы художникомъ чрезвычайно красиво. Уроженецъ Триента, Мальфатти давно извѣстенъ въ Италіи и за предѣлами ея какъ высоко-даровитый скульпторъ, произведенія котораго, въ особенности цѣлый рядъ надгробныхъ памятниковъ, украшаютъ многіе города Италіи. Такъ, между прочимъ, имъ изваяны открыты въ 1886 году прекрасный памятникъ Гарибальди въ Кременѣ.

Воинъ и художникъ. (Рис. на стр. 137).

У талантливыхъ художниковъ не бываетъ непривлекательныхъ картинъ. Самая простая, незатѣливая сценка, самое заурядное лицо или обыкновенный видъ становятся интересными, когда ихъ передаетъ даровитый живописецъ. Доказательствомъ можетъ быть рисунокъ на стр. 137. Картинка профессора Виллевалда служитъ продолженіемъ цѣлага ряда работъ его, иллюстрирующихъ славное время похода русскихъ къ Парижу. На ней изображено, какъ маленькій французъ, пораженный величественнымъ видомъ русскихъ воиновъ, старается набросать фигуру одного изъ нихъ на листѣ бумаги. Съ какимъ вниманіемъ вглядывается будущій соперникъ Ораса Верне въ черты высокаго солдата, неподвижно стоящаго передъ маленькимъ художникомъ!

Аханы и ловъ ими бѣлуги на Волгѣ. (Рис. на стр. 140).

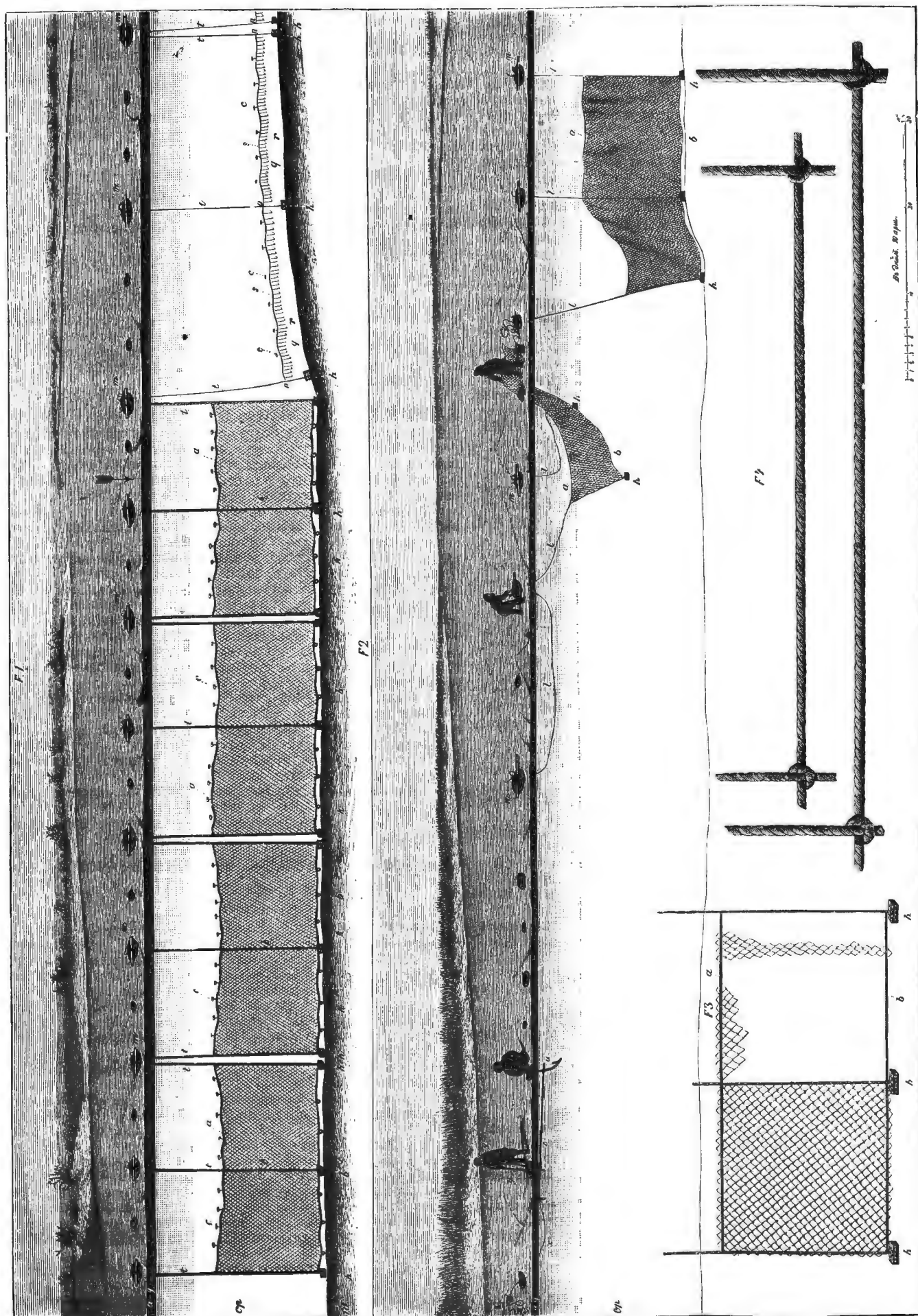
Въ низовьяхъ своихъ Волга раздѣляется на множество отдѣльных рукавовъ, которые захватываютъ и перестѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ обширное пространство ея дельты. Здѣсь настоящее рыбное царство—здѣсь полное раздолье рыбаку и широкая поле для примѣненія всѣхъ его хитростей и измышлений. Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ зимнихъ способовъ рыбной ловли въ волжскихъ рукавахъ—это *аханы* (или *аханная снасть*), родъ ставной сѣти съ двойнымъ полотномъ. На одномъ полотнѣ сѣти ячеи мелкія, въ квадратный вершокъ (fig. 3); на другомъ, болѣе рѣдкомъ, ячеи въ квадратную четверть (fig. 4). Для постановки полотнищъ пробиваются во льду два ряда луночекъ: однѣ болѣе, другія поменьше. При помощи длиннаго шеста и деревяннаго крюка, надо льдомъ, отъ луночки къ луночкѣ, передается веревка и перетягивается полотнище сѣти (fig. 2), къ которому снизу прикрѣплены грузила, а все полотнище прикрѣплено въ вертикальномъ положеніи, веревками къ палкамъ, положеннымъ поперекъ луночекъ. Полотнище рѣдкой сѣти ставится ниже по теченію; полотнище частой сѣти аршина на два выше. Проткнувшись съвозъ рѣдкую сѣть, рыба, идущая вверхъ по рѣкѣ, упирается въ частую сѣть, поворачиваетъ, играя плѣсомъ, и запутывается. По сторонамъ рукава, перегороденнаго аханной снастью, на мѣстахъ болѣе мелкихъ и болѣе близкихъ къ берегу, ставится еще прегражденіе изъ вѣрочковой снасти. Количество рыбы (особенно бѣлуги и севрюги), которая иногда набивается въ пространство между двумя полотнищами сѣтей, бываетъ поразительно.

Эрцгерцогъ Рудольфъ, наслѣдникъ Австро-Венгерскаго престола. (Портр. на стр. 141).

(Некрологъ).

Внезапно похищенный смертію 18 (30) января, эрцгерцогъ Рудольфъ-Францъ-Карль-Юсифъ, единственный сынъ императора Австрійскаго Франца-Юсифа и императрицы Елисаветы, родился 21 августа 1858 г. Съ самаго рожденія принадлежавшій къ арміи въ качествѣ полковника и шефа 19-го пѣхотнаго полка (кронпринца), онъ уже въ юные годы достигъ всеобщаго уваженія въ средѣ военныхъ, 23 іюля 1878 года (черезъ годъ послѣ своего совершеннолѣтія) зачислившись въ дѣйствительную службу въ 36-й австрійскій пѣхотный полкъ; въ сентябрѣ 1880 былъ произведенъ въ генералъ-майоры и затѣмъ въ контръ-адмиралы, а въ 1883 въ фельдмаршалы-лейтенанты и вице-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 25-й пѣхотной дивизіи. Кромѣ того, эрцгерцогъ Рудольфъ состоялъ шефомъ русскаго 34-го пѣхотнаго Сѣвскаго полка, двухъ австрійскихъ (артиллерійскаго и уланскаго), прусскаго Бранденбургскаго уланскаго и Баварскаго кирасирскаго. Въ послѣднее время онъ былъ генералъ-инспекторомъ всей австрійской пѣхоты.

Но главное значеніе Австрійскаго наслѣднаго принца коренилось не въ высокомъ военномъ званіи, такъ какъ продолжительный миръ не позволилъ ему проявить свои способности на этомъ поприщѣ; онъ стяжалъ себѣ другую, не менѣе почетную извѣстность въ области науки и искусства, коихъ онъ былъ всегдашнимъ покровителемъ. Получивъ въ ранней молодости основательное и всестороннее образованіе, онъ былъ по преимуществу естествовѣдомъ (спеціально орнитологомъ) и въ сколько лѣтъ велъ переписку съ учеными натуралистами Бремомъ и Гомейеромъ. Описанія природы въ его литературныхъ трудахъ, каковы между прочимъ „Пятнадцать дней на

Аханы и ловъ ими бѣлуги на Камызякъ (рукавъ Волги). Съ рис. къ изслѣдованію Каспійскаго рыболовства, грав. Раменскій.

Дунаѣ" (1881) и „Путешествіе на Востокъ“ (1885), возбудили вниманіе всего ученаго міра. Величайшею же литературною заслугой принца предъ отечествомъ было препринятое по его почину и при ревностномъ сотрудничествѣ монументальное изданіе „Австро-Венгерская монархія въ описаніи и картинахъ“ (Die Oesterreichisch - Ungarische Monarchie in Wort und Bild). Это изданіе, начатое въ 1886 году и донынѣ выходящее выпусками, соединило въ себѣ труды лучшихъ научныхъ, литературныхъ и художественныхъ силъ Австро-Венгрии. Введеніе написано самимъ принцемъ Рудольфомъ. Теперь этому величественному предпріятію недостаетъ души его.

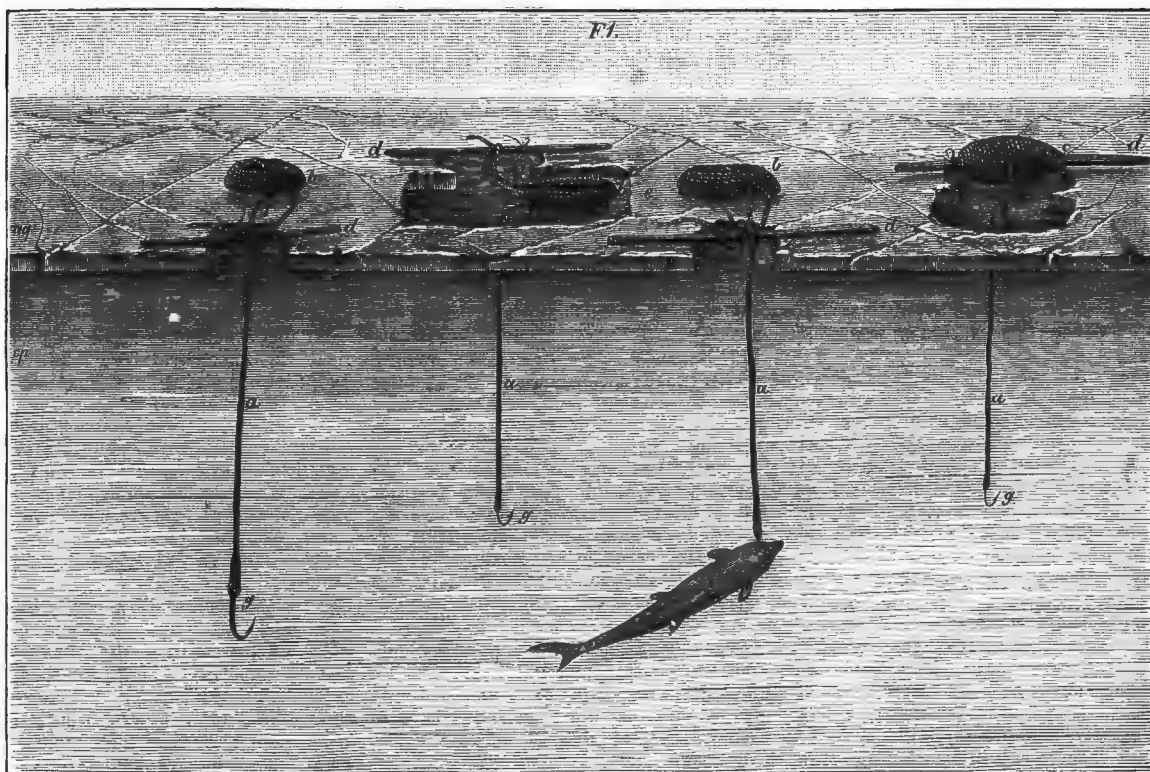
10 мая 1881 года эрцгерцогъ Рудольфъ вступилъ въ бракъ съ дочерью короля Бельгійскаго, Леопольда II, принцессою Стефаніей (родилась 21 мая 1864). Отъ этого брака родилась 2 сентября 1883 г. единственная дочь кронпринца, эрцгерцогиня Елисавета. Такъ какъ въ Австро-Венгрии, по прагматической санкціи и праву престолонаслѣдія въ Габсбургско-Лотарингскомъ домѣ, мужская линія имѣетъ преимущество надъ женскою, и послѣдняя наследуетъ престолъ лишь по пресѣченіи первой, то по смерти эрцгерцога Рудольфа имперская корона Габсбурговъ должна была бы достаться бывшему императору Мексиканскому Максимилиану, еслибъ онъ терпѣливо дожидался ея въ своемъ

Эрцгерцогъ Рудольфъ, наследникъ Австро-Венгерскаго престола. († 18 января 1889).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

отечествѣ и не нашелъ безвременной и лютой кончины въ Мексикѣ. За смертью его, старшимъ представителемъ Австрійскаго императорскаго дома остается братъ императора Франца Иосифа, его императорское высочество эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, родившійся 30 іюля 1833 года и женатый третьимъ бракомъ, съ 23 іюля 1873 г., на дочери покойнаго принца Мигуэля, инфанта Португальскаго, Маріи-Терезіи, родившейся 24 августа 1855 г. У эрцгерцога Карла-Людвига, отъ второго брака съ дочерью покойнаго короля обѣихъ Сицилій, Фердинанда II, принцессою Анунциадой, остались два сына: эрцгерцогъ Францъ, родившійся 18 декабря 1863 г. и эрцгерцогъ Оттонъ, родившійся 21 апрѣля 1865 года и нынѣ состоящій въ супружествѣ съ дочерью принца Георга Саксонскаго, принцессою Маріею-Жозефиною. Эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ состоитъ, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, шефомъ 7-го австрійскаго уланскаго полка, 8-го прусскаго уланскаго и русскаго 24-го Лубенскаго драгунскаго полка.

Подробности безвременной кончины эрцгерцога Рудольфа читатели найдутъ ниже, въ „Политическомъ обозрѣніи“, насколько онѣ выяснились изъ телеграммъ, постоянно противорѣчившихъ одна другой въ теченіе послѣднихъ трехъ дней предъ выпускомъ настоящаго № „Нивы“.

Тычковая снасть и установка ея въ морѣ. Съ рис. къ изслѣдованію Каспійскаго рыболовства, грав. Рашевскій.

Тычковая снасть для ловли красной рыбы въ Каспійскомъ морѣ. (Рис. на стр. 141).

При громадномъ обиліи рыбы въ Каспійскомъ морѣ и самыя способы ловли ея являются чрезвычайно разнообразными. Многіе изъ этихъ способовъ просты до наивности, въ особенности если мы вспомнимъ о добычѣ, которая вылавливается этими простѣйшими способами: о пудовыхъ осстрахъ и блугахъ, объ аршинныхъ стерлядяхъ, сазанахъ и шересперахъ... Во льду, на довольно большой глубинѣ, пробиваются *луночки*—круглыя и продолговатыя отверстія. Поперекъ этихъ луночекъ кладется средней толщины палка, къ которой накрѣпко, глухимъ *мертвымъ* узломъ привязывается крѣпкая снасть (веревка), въ палецъ толщиной, и сажень въ десять длины. Вся снасть навязывается на палку, поверхъ узла, и образуетъ вѣчто въ родѣ катушки, которая можетъ свободно разматываться, если дернуть снизу за конецъ снасти, на которомъ прикрѣпленъ толстый и крѣпкій желѣзный крючокъ, наживленный мелкою рыбешкой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятъ болѣе удобнымъ складывать снасти правильными кругами на льду, около палки, къ которой она привязана. Крутая рыба, хватая наживку на крючокъ или прямо цѣпляясь за крючокъ, распускаетъ снасть, стараясь уйти подалеже отъ луночки, у которой она на крючокъ попала. Но напрасно пытается она сорваться съ крючка! Большими кругами ходить она все около одного и того же мѣста, и наконецъ, утомленная усиленными движеніями, почти не противится и не бьется, когда ловкій рыбакъ начинаетъ тянуть свою снасть къверху и выбрасываетъ рыбу на ледъ.

Графъ Геца Зичи. (Портр. на стр. 144).

Петербургъ вскорѣ познакомится съ замѣчательнымъ виртуозомъ на фортепьяно, графомъ Гезой Зичи. По своему рожденію графъ принадлежитъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ аристократическихъ фамилій Венгрии. Родился Геца Зичи 11 июля 1849 г. и въ дѣтствѣ учился играть на фортепьяно, не придавая, впрочемъ, своимъ занятіямъ большого значенія. Несчастный случай на охотѣ, когда юношѣ не было еще 17 лѣтъ, лишилъ его правой руки, тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ играть на фортепьяно одною лѣвою рукою, посвящая, главнымъ образомъ, свое время юридическимъ наукамъ. Послѣ знакомства съ Листомъ, графъ Зичи всецѣло отдался музыкѣ и сталъ подъ его руководствомъ добиваться возможности продѣлывать на роялѣ одною рукою то, что дѣлаютъ другіе двумя руками. Старанія его не остались безплодными и, по словамъ иностранныхъ газетъ, онъ достигъ въ своей игрѣ одною рукою замѣчательныхъ результатовъ, въ чемъ, въ недалекомъ будущемъ, убѣдятся многіе изъ петербуржцевъ. „Многіе играютъ на фортепьяно, говоритъ музыкальный критикъ Эдуардъ Гансликъ, нѣкоторые доставляютъ удовольствіе, а графъ Зичи—очаровываетъ.“ Въ настоящее время онъ состоитъ президентомъ національной консерваторіи. Свои концерты одиоукой виртуозъ даетъ всегда только съ благотворительною цѣлью, вызывая въ Вѣнѣ, Пештѣ и Парижѣ всеобщее восхищеніе. Его талантъ и искусство доставили бѣднымъ и недужнымъ разнымъ странъ не мало сотенъ тысячъ рублей. У насъ, въ Петербургѣ, Геца Зичи будетъ играть въ пользу Общества „Краснаго Креста“.

Библиографія.

Донъ Жуанъ Байрона. Переводъ П. А. Козлова. СПб. 1889. Нельзя не привѣтствовать этого перевода, который является *первымъ* въ русской, да пожалуй и въ европейскихъ литературахъ, достойнымъ Байрона воспроизведеніемъ его безсмертной поэмы... Г. Козловъ перевелъ „Донъ Жуана“ разнѣромъ подлинника, труднѣйшимъ изъ стихотворныхъ размѣровъ—октавами, и не смотря на то стихъ у переводчика плавенъ, звученъ и легко читается. Попадаются, правда, нѣкоторые неправильныя обороты въ русской рѣчи, но, во-первыхъ, рѣдко, а во-вторыхъ, они неизбежны при такой сложной задачѣ какъ точнѣйшая передача духа и смысла чужестранной поэмы съ соблюденіемъ оригинальнаго размѣра. Но величайшая заслуга г. Козлова состоитъ въ томъ, что онъ съ самаго начала взялъ вѣрный тонъ, исключительно свойственный Байрону и составившій главную прелесть такихъ его произведеній какъ *Донъ Жуанъ*, *Бетто* и аналогичныхъ. Всѣ предшествующіе переводы безусловно блѣднѣютъ предъ этимъ послѣднимъ, смѣло скажемъ воссозданіемъ Донъ-Жуана: одни изъ нихъ грѣшатъ тяжеловѣсностью стиха, другіе— излишнею вольностью передачи мысли, а нѣкоторые (и наиболѣе прославленные) поразительнымъ невѣжествомъ и непониманіемъ.

Сочиненія Гльба Успенскаго, въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Второе значительно дополненное изданіе Ф. Павленкова. СПб. 1889.

Это компактное изданіе въ два столбца весьма убористаго шрифта, стоящее всего 2 р. 50 к., обнимаетъ все что заключалось въ восьми томахъ прежняго и все что затѣмъ написало г. Успенскимъ до послѣдняго времени.

Иллюстрированный каталогъ съмянъ, растений и т. п. В. Е. Грачева, въ СПб. 1889.

Любители огородничества и садоводства найдутъ не мало интересныхъ новинокъ въ этомъ каталогѣ, украшенномъ множествомъ гравюръ и олеографій.

Воздушное садоводство. Практическіе совѣты о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Н. Жуковскаго. Съ 72 рис. въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. СПб. 1889 г. Цѣна 60 к.

Весьма обстоятельно составленная книжка, могущая служить руководствомъ каждому начинающему любителю цвѣтоводства.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 16 января, Ея Величество Государыня Императрица и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтили благотворительную ярмарку, устроенную въ залѣ дворянскаго собранія въ пользу общества для пособія бѣднымъ женщинамъ.

— Государь Императоръ 17 января изволилъ повелѣть: наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на шесть дней, по случаю кончины внука императора Бразильскаго, принца Домъ-Жозе.

— 18 января, съ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги прибылъ въ Петербургъ великій герцогъ Гессенскій Лудвигъ IV съ наслѣднимъ принцемъ Эрнстомъ и младшею дочерью принцессою Алисою. Великій герцогъ Гессенскій—отецъ Е. И. В. Вел. Кн. Елисаветы Теодоровны, носитъ званіе шефа 18-го Клятицкаго драгунскаго полка.

Дѣла церкви.

— Среди духовенства Харьковской епархіи, по почину высокопреосв. Амвросія, собираются пожертвованія на отливку изъ чистаго серебра—колокола въ 10 пудовъ, для ежедневнаго благоговѣнія съ колокольни Харьковскаго кафедральнаго собора, въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности во время крушенія 17 октября.

— Извѣстный Кіеву своимъ собесѣдованіямъ съ шгунистами о. іеромонахъ Арсеній открываетъ на Аеоиѣ практическую школу миссіонерства, съ двухлѣтнимъ курсомъ, на

20 человѣкъ. На учрежденіе школы послѣдовало уже благословеніе Св. Синода.

Военное дѣло.

— 15 января, Выборскій полкъ получилъ отъ своего шефа, Германскаго императора, при рескриптѣ на имя полковаго командира, изячно вышитыя золотомъ ленты на четыре знамени. На полковомъ завтракѣ между прочимъ говорилъ рѣчь германскій военный уполномоченный полковникъ Вильомъ порусски.

— Въ Варшавѣ, 15 января, въ церкви с.-петербургскаго гренадерскаго полка было совершенно молебствіе по случаю дня рожденія шефа полка, императора Германскаго. На посланную поздравительную телеграмму былъ полученъ изъ Берлина слѣдующій отвѣтъ на французскомъ языкѣ: „Сердечно благодарю васъ за поздравленія и добрыя пожеланія, выраженныя вами отъ имени петербургскаго гренадерскаго полка, которыя доставили мнѣ истинное удовольствіе. *Вильгельмъ, императоръ и король*“.

Промышленность.

— Средне-азиатское торгово-промышленное товарищество Н. Кудрина и К^о устроило въ январѣ нынѣшняго года въ Хивѣ, у Хазарійскихъ воротъ, первый хлопко-очистительный заводъ, который пуценъ въ ходъ и вызвалъ одобреніе хана.

— Въ послѣднее время, на Закавказской желѣзной дорогѣ дѣлались приготовленія по устройству керосино-проводной станціи. На

станціи Михайлово, уже получены трубы и различныя машины для прокладки керосино-провода. Строителемъ керосино-провода является товарищество бр. Нобель. Керосино-проводъ начнется отъ желѣзнодорожной станціи Михайлово и окончится на станціи Квирилы.

Торговля.

— Въ Харьковѣ дѣла на крещенской ярмаркѣ оживляются. Теперь хорошо торгуютъ бумажнымъ и суконнымъ товаромъ. Извѣстія о пониженіи цѣнъ на торгитовскіе фабрикаты невѣрны, никакихъ скидокъ Торнтонъ не дѣлаетъ.

— Прибывшій въ Севастополь пароходъ добровольнаго флота „Нижній-Новгородъ“ привезъ 12,500 пудовъ чая, который уже нагруженъ въ 22 вагона и отправится спеціальнымъ поѣздомъ въ Москву, гдѣ очистится пошленною. Английскій пароходъ „Servo“ привезъ 100 тысячъ пудовъ американскаго хлопка.

Искусства изобразительныя.

— Надняхъ, какъ мы уже сообщали, прибылъ въ Петербургъ изъ Рима извѣстный русскій живописецъ, профессоръ Г. И. Семирадскій, съ тѣмъ чтобы устроить здѣсь выставку нѣкоторыхъ изъ своихъ новѣйшихъ произведеній, въ томъ числѣ только что оконченной картины: „Фрина на праздникѣ Посейдона“. Римскіе критики искусства, видѣвшіе эту колоссальную картину, отзывались о ней съ восторгомъ. Пезадолого отъправки

ея въ Россію, мастерскую г. Семирадскаго посѣтила Итальянская королева Маргарита, которая долго любовалась новымъ произведеніемъ русскаго художника и выразила ему свое полное удовольствіе. Выставка г. Семирадскаго нынѣ открыта въ одной изъ залъ Императорской академіи художествъ.

— 6 января, въ СПб., въ домѣ В. А. Ратькова-Рожнова, открылась выставка картинъ, устроенная въ пользу Александровской общины сестеръ Краснаго Креста. Она состоитъ изъ акварелей профессора Л. О. Премаппи, альбома рисунковъ русскихъ художниковъ, поднесеннаго министру Иностранныхъ Дѣлъ въ день пятидесятилѣтняго юбилея его службы, работъ академика С. Ф. Александровскаго, и сорока картинъ и акварелей профессора А. А. Риппони.

— Граверъ г. Струкъ задумалъ воспроизвести въ гравюрахъ лучшія картины Императорскаго Эрмитажа. Недавно онъ вошелъ

въ соглашеніе съ книгопродавцемъ г. Гаммершмидтомъ (хозяиномъ фирмы Шмиддорфъ) и владѣльцемъ литографическаго и гравировальнаго заведенія г. Кастелли, которые взялись издать эти работы г. Струка въ видѣ сборника, съ приложеніемъ объяснительнаго текста, и выпускать этотъ сборникъ въ свѣтъ постепенно, тетрадами, заключающими въ себѣ по 5 гравюръ. Всѣхъ выпусковъ предполагается двадцать.

Литература.

— Въ воскресенье, 15 января, въ С.-Петербургѣ, въ квартирѣ редактора газеты *Сентъ*, В. В. Комарова, праздновалось открытіе вновь организованной редакціи еженедѣльнаго журнала *Славянскія Извѣстія*, редактировать котораго будетъ теперь В. В. Комаровъ. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: преосвященный Антоній, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, болгар-

скій архимандритъ Меодій, членъ Государственнаго Совѣта, генераль-адъютантъ графъ Н. П. Игнатьевъ, управляющій канцелярію Св. Синода, дѣйствительный тайный совѣтникъ В. К. Саблеръ, многіе писатели и художники.

Пути сообщенія.

— Весною будетъ доставленъ въ Россію сооруженный въ Бельгіи на судостроительныхъ заводахъ „Коккериль“ колоссальный пароходъ „Тургеневъ“ (около 36 сажень длины). Онъ встроены по заказу пароходнаго общества „Самолетъ“. Тѣмъ же обществомъ будутъ вскорѣ заказаны для Волги еще нѣсколько пароходовъ, подъ названіями „Островскій“, „Грибоѣдовъ“ и проч. На этихъ пароходахъ будутъ примѣнены, по словамъ *Волжско-Донск. Листка*, всѣ новѣйшія усовершенствованія и электрическое освѣщеніе.

Политическое обозрѣніе.

18 января телеграфъ принесъ потрясающую вѣсть о трагической кончинѣ наслѣднаго Австрійскаго принца Рудольфа. Посланный въ Мейерлингъ корреспондентъ *Fremdenblatt* сообщалъ слѣдующее: „Въ понедѣльникъ, 16 января, наслѣдный принцъ выѣхалъ въ придворномъ экипажѣ изъ Вѣны въ Брейтенбургъ, гдѣ ожидалъ его вѣнскій фіакръ. Наслѣдный принцъ фіакромъ не воспользовался, а прошелъ небольшое разстояніе до Мейерлинга пѣшкомъ. Онъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и оживленно бесѣдовалъ съ приглашенными имъ на охоту лицами. Во вторникъ, по возвращеніи съ охоты, наслѣдный принцъ жаловался на головную боль, удалился въ свои апартаменты и послалъ въ Вѣну сказать, что не можетъ быть на назначенномъ въ тотъ день императорскомъ фамильномъ обѣдѣ. Во вторникъ, вечеромъ, наслѣдный принцъ занимался въ своей спальнѣ, написалъ нѣсколько писемъ. Въ день катастрофы наслѣдный принцъ проснулся въ 7 ч. утра, позвонилъ давно уже состоявшему на его службѣ камердинера Йоганна Кошека и заказалъ ему завтракъ. Неиздало до половины восьмого лейбъ-камердинеръ нашелъ принца мертвымъ въ постели. Принцъ Филиппъ Кобургскій и графъ Іосифъ Гойосъ находились на дворѣ замка, когда лейбъ-камердинеръ, смертельно блѣдный, сбѣжалъ съ дѣстницами. Они послѣдили въ спальню наслѣднаго принца и тотчасъ же поняли, что всякая помощь бесполезна. Принцъ Кобургскій, убитый горемъ, остался у смертнаго одра своего августѣйшаго зятя, а графъ Гойосъ отправился черезъ Баденъ въ Вѣну, чтобы передать императорской фамилии ужасную вѣсть.“ Распространившись затѣмъ въ Вѣнѣ и переданные по телеграфу всей европейской прессѣ слухи сначала о несчастномъ случаѣ на охотѣ, а затѣмъ о смерти отъ разрыва сердца оказываются теперь невѣрными.

Въ неофициальной части *Wiener Zeitung* напечатано: „Свѣдѣнія, сообщенныя нами вчера объ ужасномъ событіи съ наслѣднымъ принцемъ Рудольфомъ, были основаны на первыхъ слухахъ, занесенныхъ изъ среды приближенныхъ къ почившему принцу подѣ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ злополучнаго случая. По этимъ слухамъ, когда дверь спальни эрцгерцога была выломана, его высочество найденъ въ постели мертвымъ. На этомъ первомъ впечатлѣніи были основаны провикшія въ Вѣну извѣстія и догадки о кончинѣ отъ аполексическаго удара. Находившіяся въ Мейерлингѣ лица вызвали срочной телеграммой профессора Видергофера, который и отправился туда съ ближайшимъ поѣздомъ. Немедленно приступивъ къ изслѣдованію тѣла, Видергоферъ замѣтилъ на головѣ покойнаго значительную рану съ большимъ расщепленіемъ костей черепа, которая должна была вызвать мгновенную смерть. Рана была признана за огнестрѣльную; на правой сторонѣ постели, рядомъ съ рукою эрцгерцога, оказался разряженный револьверъ. Его положеніе не оставило никакого сомнѣнія въ томъ, что эрцгерцогъ застрѣлился собственноручно. Въ виду того, что прислуга наслѣднаго принца была размѣщена въ соседнихъ домахъ, а состоявшій при немъ камердинеръ вышелъ на время изъ дома, чтобы, согласно распоряженію его высочества, сдѣлать приготовленія къ охотѣ, никто не могъ слышать выстрѣла. Задачею тотчасъ-же посланной въ Мейерлингъ комисіи, которая имѣла установленный для подобныхъ случаевъ составъ, было—составить протоколъ о самомъ фактѣ и о побочныхъ обстоятельствахъ.“

„Мы не можемъ умолчать о томъ, что приближенные къ наслѣдному принцу лица замѣчали въ немъ, въ теченіе послѣднихъ недѣль, различные признаки нервнаго возбужденія. Поэтому нужно предположить, что это ужасное событіе было послѣдствіемъ временнаго помраченія умственныхъ способностей. Кроме того, считаемъ долгомъ упомянуть о томъ, что наслѣдный принцъ съ нѣкоторыхъ поръ часто жаловался на головную боль, которую считалъ послѣдствіемъ своего паденія прошлаго

осени съ лошади. Это приключеніе было, однако, въ свое время сохранено въ тайнѣ по настоятельному желанію самого эрцгерцога“. Далѣе, вотъ что сообщаетъ вѣнская телеграмма отъ 20 января (1 февраля): „Опубликованное въ *Wiener-Zeitung* официальное извѣстіе, что Австрійскій наслѣдный принцъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, выстрѣливъ себѣ изъ револьвера въ високъ, подтверждается. Слухи о самоубійствѣ ходили по городу еще вчера, но опубликованіе телеграммъ объ этомъ въ газетахъ было запрещено. Еще въ прошломъ году эрцгерцогъ Рудольфъ не разъ говорилъ близкимъ къ нему лицамъ о близости своей смерти; объ этомъ онъ заявлялъ особенно графамъ Вильчеку и Гойосу. Наслѣдный принцъ оставилъ записку, въ которой поручаетъ начальнику отдѣленія Сѣнепи привести въ порядокъ остающіеся послѣ него рукописи. По удостовѣреніи врачами факта самоубійства, императоръ Францъ-Іосифъ пригласилъ къ себѣ графа Таафе и Тиссу; послѣдніе посоветовали ему опубликовать этотъ фактъ. Дворъ отклонилъ участіе иностранныхъ особъ въ церемоніи погребенія тѣла наслѣднаго принца.“ Ударъ судьбы подействовалъ на императора потрясающимъ образомъ. Всю ночь онъ не спалъ и ходилъ по кабинету, къ утру онъ пошелъ къ гробу сына, плакалъ и молился. Наслѣдная принцесса совѣтъмъ убила горемъ. Опасаясь, чтобы возбужденное состояніе, въ которомъ она находилась, не разстроило ея здоровья. 19 января *Neues Wiener Tagblatt* сообщалъ: „Императоръ Францъ-Іосифъ провелъ нѣсколько часовъ въ одиночествѣ въ своемъ кабинетѣ и затѣмъ, пересидѣвъ, повидимому, свое горе, принималъ явившихся для выраженія соболѣзнованія членовъ императорской фамилии. Императоръ въ трогательныхъ словахъ выразилъ свою покорность воли Божіей, а императрицѣ посоветовалъ отдохнуть. Эрцгерцогъ Карль-Людвигъ и Альбрехтъ вышли изъ дворца, глубоко взволнованные и громко рыдая. Принцъ Леопольдъ баварскій и принцесса Гизела прибыли въ 6 часовъ утра и были встрѣчены на вокзалѣ западной желѣзной дороги императоромъ. Когда принцъ и принцесса вышли изъ вагона, императоръ бросился имъ навстрѣчу, обнялъ и облобызалъ ихъ, обливаясь слезами. Принцесса Гизела убита горемъ. Изъ Мюнхена прибыли герцогъ Филиппъ и герцогиня Маріи-Терезія Виртембергскіе, съ дѣтьми. Провинціальныя газеты всѣхъ нарѣчій, чешскія, нѣмецко-богемскія, польскія, галицко-русскія, словенскія, сербскія и итальянскія отражаютъ неподдающуюся описанію впечатлѣніе, произведенное скорбною вѣстью во всѣхъ земляхъ имперіи, полное пониманіе духовнаго значенія усопшаго принца, безусловное признаніе его человѣческихъ добродѣтелей и сердечнѣйшее участіе къ горю императорской фамилии, глубокая скорбь которой можетъ быть облегчена лишь болѣе тѣснымъ обменіемъ австрійскихъ народовъ съ императорскимъ домомъ. Газеты указываютъ, какъ на единственное утѣшеніе, на то, что вся Европа раздѣляетъ постигшее Австрію горе. 19 января, бранные останки наслѣднаго принца были привезены ночью на вокзалъ южной желѣзной дороги, откуда были отправлены въ Гофбургъ въ запряженномъ шестеркою фургономъ. Собравшійся передъ вокзаломъ народъ обнажилъ головы. На дворѣ Гофбурга стояла тоже большая толпа народа, которая тоже въ нѣмомъ почтеніи привѣтствовала умершаго наслѣднаго принца. Гробъ несенъ былъ въ апартаменты августѣйшаго покойника. Изъ всѣхъ цислейтанскихъ областей постоянно получаютъ донесенія о чрезвычайномъ горестномъ впечатлѣніи, произведенномъ скорбною вѣстью. Заствданіи всѣхъ корпорацій, какъ официальнаго, такъ и частнаго характера, были тотчасъ приостановлены, всякія увеселенія, спектакли и концерты отмянены. Получаются также изъ всѣхъ европейскихъ столицъ извѣстія объ участіи, принимаемомъ другими народами въ повесенной Австрію утратѣ. Внезапная и невознаградимая утрата будетъ долго и искренно опла-

живаться Австріей. Безжалостная смерть похитила кропирнина въ полномъ цвѣтѣ силъ. Эрцгерцогу Рудольфу было всего 30 лѣтъ. Многосторонне образованный, онъ подавалъ большія надежды, что сумѣетъ примирить вѣчно несогласныя народности Австро-Венгерской имперіи.

Во Франціи избирательная борьба Буланже и Жака окопчилась и побѣда осталась на сторонѣ браваго генерала.

Трудно себѣ представить до какихъ предѣловъ достигла эта борьба за послѣдніе дни. Прокламаціи, манифесты, бюллетени, воззванія съ обѣихъ сторонъ появились одинъ за другимъ въ несмѣтномъ числѣ. Никогда еще въ Парижѣ не было наклеено такого количества покрывающихъ одна другую афишъ, какъ нынѣ. Афиши достигали до первыхъ этажей домовъ, ими покрыты заборы, пьедесталы памятниковъ, ступени лѣстницъ общественныхъ зданій и т. п. Въ виду такого возбужденія, правительствомъ принято большія мѣры предосторожности, приказано было на всякій случай войскамъ вполоть до Амьена и Пуатье не отлучаться изъ казармъ.

Но выборы прошли сравнительно спокойно. Несмотря на то, что борщики собрались въ большомъ количествѣ, никакихъ инцидентовъ не было. Ночью на 16 января телеграфъ принесъ извѣстіе, что изъ 568,697 выборщиковъ участвовало въ голосованіи 435,860. Избранъ Буланже, получившій 244,070 голосовъ, тогда какъ Жакъ получилъ 162,250, социалистъ Булэ—16,760, а 10,358 голосовъ высказались за различныхъ кандидатовъ. Побѣда генерала Буланже на выборахъ, по отзыву газетъ, превзошла всѣ ожиданія, не только потому, что нынѣшній депутатъ Парижа, уже ранѣе бывший депутатомъ департаментовъ Дордонь и Шаранты, обладаетъ „сердцемъ и тѣломъ“ всей Франціи, но еще и потому, что онъ получилъ большинство въ каждомъ парижскомъ округѣ, почти въ каждой секціи, въ томъ числѣ и въ Монмартрѣ, Бельвиллѣ, Шароннѣ и въ пригородахъ.

Республиканскія газеты сознаютъ, что избраніемъ Буланже нанесено республиканской партіи тяжелое пораженіе, но что, тѣмъ не менѣе, ей не слѣдуетъ падать духомъ, а нужно сохранить хладнокровіе и болѣе прежняго силотить союзъ всѣхъ республиканцевъ противъ „цезаризма.“ Монархическія и буланжистскія газеты видятъ въ результатѣ вчерашнихъ выборовъ ириговоръ парламентской республикѣ и предвѣщаютъ скорое паденіе ея. Голосованіе избирателей—говорятъ упомянутыя газеты—направлено преимущественно противъ нынѣшняго правительства.

Когда результаты выборовъ стали извѣстными, въ 11 часовъ вечера въ Елисейскомъ дворцѣ собрался совѣтъ министровъ въ предѣдательствѣ г. Карно. Засѣданіе продолжалось до

1 1/2 часа пополудни. Различныя случайности, которыя могутъ быть послѣдствіемъ нынѣшняго положенія, служили предметомъ продолжительнаго обсужденія. Флоке объявилъ г. Карно, что онъ и его коллеги готовы выйти въ отставку, если президентъ республики полагаетъ, что ихъ отставка можетъ содѣйствовать устраненію затрудненій, которыя предвидятся. Президентъ Карно положилъ обождать результата засѣданія палаты 16 января, прежде чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе. Но въ этотъ день ничего не было рѣшено и обсужденіе запроса Жуванселя о томъ, какія мѣры расчитываетъ правительство

принять, чтобы заставить уважать общественную власть, отложено, по просьбѣ самого Жуванселя, которая была поддержана всѣми республиканцами. Запросъ этотъ давно уже стоялъ на очереди.

Флоке, какъ говорятъ, если онъ останется у власти, предложитъ четыре мѣропріятія, не терпящихъ отлагательства, а именно: выборы по округамъ, распущеніе палаты, общіе выборы мая и запрещеніе многократныхъ кандидатуръ, имѣющихъ плебисцитарный характеръ. Республиканское большинство, къ которому Флоке обратился за содѣйствіемъ, отказалось одобрить эти мѣры.

Недавно въ *Journal des Débats* напечатана статья, въ которой указывается на то, что ни Россія, ни Англія, ни Германія, ни Франція, ни Австрія не хотятъ войны. Въ ней между прочимъ о Россіи говорится слѣдующее: „Россія обладаетъ спокойствіемъ великана, который видитъ, что его силы увеличиваются соразмѣрно его росту, что жили его полны крови и что въ членахъ его совершается сильный жизненный процессъ. Если-бы Россія захотѣла войны, то въ предлогахъ

и даже поводахъ къ ней она не нашла-бы недостатка; но она презираетъ это. Она по чувству гордости вышла изъ союза трехъ Императоровъ и вновь приобрѣла себѣ свободу, чувствуя себя достаточно сильною для того, чтобы быть свободною. Россія изолирована, но не состоитъ въ настоящее время ни чѣмъ въ врагѣ. Она хранитъ спокойствіе, доставляемое вѣрою въ будущее“. Сознаніе спокойной и мирной политики Россіи начинаетъ появляться и въ другихъ государствахъ. Въ Вѣнѣ миролюбіе ея начинаетъ признаваться безусловно, а въ австрійской политикѣ оказывается предпочтеніе улаженію мирными средствами разногласій между Россіей и Австро-Венгеріей. Такіе взгляды отчасти отразились на ходѣ преній о военномъ законѣ въ венгерской палатѣ депутатовъ. Этотъ законъ встрѣтилъ совсѣмъ иной приемъ въ Венгріи, нежели въ Австріи, и повсемѣстно происходитъ митинги протеста противъ него. Въ венгерскомъ сеймѣ одна за другою слѣдуютъ скандальныя сцены. Оппозиція заявила, что принятіе военнаго законопроекта было-бы равносильно нарушенію конституціи.

Графъ Геца Зичи. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

С М Ъ С Ъ .

Нравы норвежскихъ крестьянъ. Честные норвежцы, живущіе по берегамъ фьордовъ и въ долинахъ суровыхъ пограничныхъ горъ, народъ крайне скупой на слова. Очень можетъ быть, что угрюмая норвежская природа содѣйствуетъ скрытности характера ея обитателей. До чего доходитъ молчаливость и несообщительность норвежца, мы видимъ изъ разсказовъ Фердинанда Крауса въ его прекрасномъ сочиненіи „Von der Ostsee bis zum Nordkap“. Такъ, напр., приходитъ одинъ крестьянинъ къ другому; онъ не снимаетъ шапки, не протягиваетъ руки, даже не кивнетъ головою. Ничего подобнаго. Точно также и находящійся въ комнатѣ не думаетъ прекращать свою работу. Но вотъ посѣтитель, обращаясь ко главѣ

семейства, желаетъ „добраго утра“ или „добраго дня“ или же произноситъ обычную въ Норвегіи фразу: „Благодарю за послѣдній разъ“, и получаетъ въ отвѣтъ: „Благослови тебя Господь“, или „не стоять благодарности“, причѣмъ онъ по махеръ и голосу, съ какими дается отвѣтъ, легко заключаетъ, пріятно его посѣщеніе или нѣтъ.

Отправляясь куда-нибудь въ дорогу, крестьянинъ нагружитъ свою повозку, запряжетъ лошадей, дастъ жень, можетъ быть, кой-какія указанія о томъ, что должно быть сдѣлано въ его отсутствіе; но ему и въ голову не придетъ протянуть ей на прощанье руку или кивнуть головою; точно также и по возвращеніи, онъ прежде всего

поставить на мѣсто лошадей; затѣмъ, окруженный дѣтьми, всегда ожидающими подарковъ, развязываетъ покупки, сдѣланныя въ городѣ; но не подумаетъ поздороваться съ женой; точно также какъ и крестьянка, при прибытіи мужа, не оторвется отъ своего дѣла.

Когда старикъ Эйлертъ Зундтъ, который въ концѣ пятидесятыхъ годовъ много трудился надъ изученіемъ нравовъ норвежскихъ крестьянъ, сказалъ по этому поводу одному старому крестьянину: „Послушай, любезный, по моему мнѣнію, жена твоя должна была бы оставить работу, пойти тебѣ на встрѣчу, привѣтствовать тебя и протянуть тебѣ руку“, крестьянинъ не могъ удержаться отъ смѣха, и сказалъ: „Если бы она такъ поступила, работники бы засмѣяли насъ“. Любопытный Зундтъ продолжалъ однако разспрашивать: „Развѣ ты никогда не слышалъ, чтобы крестьянинъ, возвратясь домой, здороваясь со своей женой?“ „Какже“, возразилъ крестьянинъ, „много лѣтъ тому назадъ, въ нашемъ приходѣ жилъ одинъ челевѣкъ, который имѣлъ это странное обыкновеніе“.

Они старательно избѣгаютъ всякаго рода ласки, всякаго выраженія нѣжности, даже въ любви родителей къ дѣтьми. Родители вслѣдствіе заботятся о своихъ дѣтяхъ; каждый ребенокъ имѣетъ свой собственный сундукъ и въ каждомъ сундукѣ лежитъ столько рубашекъ, сколько ребенку лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, никто не увидитъ, чтобы родители какъ-нибудь ласкали дѣтей, коль скоро они выросли изъ пеленокъ; даже всюду принятое обыкновеніе, утромъ и вечеромъ желать родителямъ „добраго дня“ и „покойной ночи“ не вошло въ употребленіе у норвежскихъ крестьянъ. Когда сынъ или дочь покидаютъ родительскій домъ для поступленія на мѣсто, то и тутъ всѣ очень скупы на слова, и никогда не бываетъ, чтобы уѣзжающіе протянули родителямъ на прощанье руку. Только при выходѣ замужъ, дочь подаетъ родителямъ руку, но не въ видѣ прощанья, а въ знакъ благодарности за оказанную ей въ родительскомъ домѣ благодѣянія. Сватовство производится черезъ посредство какого-нибудь старика, который приходитъ къ родителямъ невесты, не говоря сначала о цѣли своего посѣщенія, а придумывая какой-нибудь предлогъ, напр., дать на прокатъ земледѣльческое орудіе или купить теленка, и только постепенно сводитъ разговоръ на настоящій предметъ. Если онъ замѣчаетъ, что женихъ пріятель, то общается въ скоромъ времени пріидти снова. Между тѣмъ, о сватовствѣ сообщаютъ двѣушкѣ, которая обыкновенно раздѣляетъ мнѣніе родителей, такъ какъ любовь не играетъ здѣсь почти никакой роли. Зачастую проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ женихъ окончательно сдѣлаетъ предложеніе; послѣ чего, опять-таки при посредствѣ свата, затѣваются переговоры о приданомъ, о свадебныхъ издержкахъ и т. п. Наконецъ, происходитъ помолвка. Самая свадьба въ большинствѣ случаевъ справляется съ блескомъ и пышностью. Двѣ подруги наряжаютъ невесту, которая за недѣлю до свадьбы оставляетъ домъ родителей и, въ сопровожденіи отца, переселяется въ домъ жениха. Въ день торжества, невеста, съ распущенными, волнистыми, большею частью золотистоблѣкурными волосами, сидитъ неподвижно среди хлопотливой толпы подругъ и родственницъ. Ея грудь украшена золотыми и серебряными пряжками и застежками, обвѣшанными иногда небольшими круглыми бляхами; станъ обвитъ прекраснымъ длиннымъ поясомъ изъ роскошныхъ серебряныхъ вызолоченныхъ пластинокъ съ чудною орнаментацией въ стилѣ нѣмецкаго Возрожденія, художественный образецъ древнорвежскаго золотыхъ дѣлъ мастерства; на голову надѣтъ старинный, зубчатый, высокой брачной вѣнечъ, большею частью серебряный вызолоченный или мѣдный. Во всемъ остальномъ свадебные обряды походятъ на общепринятыя; нѣтъ недостатка въ скрипкахъ, кларнетахъ, барабанахъ и пистолетныхъ выстрѣлахъ; число гостей часто доходитъ до трехсотъ, а праздничный столъ снабженъ всѣмъ въ изобиліи. Оригинальны норвежскіе танцы, требующіе особенной силы со стороны танцора. Дама медленно кружится на одномъ мѣстѣ, а кавалеръ вертится вокругъ нея, дѣлая огромные прыжки. Въ одномъ Бергенскомъ приходѣ первый танцоръ, въ 17 лѣтъ, поднимался отъ земли на высоту четырехъ локтей, а въ 30 лѣтъ доходилъ до пяти локтей. Дама должна слѣдить за движеніями своего кавалера, и какъ только онъ опускается на ноги, протягивать ему локоть для опоры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Телемаркена и дама, поддерживаемая кавалеромъ, дѣлаетъ весьма почтенные прыжки. (с.)

Лимонный сокъ, какъ средство противъ дифтерита. Калифорнскій врачъ, д-ръ Гартойскій, сообщаетъ, что онъ долгое время,

даже въ самыхъ безнадежныхъ случаяхъ дифтерита, предписывалъ больнымъ употребленіе самыхъ свѣжихъ лимоновъ или лимоннаго сока, во всевозможныхъ, переносимыхъ больными, видахъ, причемъ почти всегда достигалъ наилучшихъ результатовъ. Въ Китаѣ лимонный сокъ весьма распространенъ въ народѣ, какъ цѣлебное средство, которому, при употребленіи его во внутрь, приписывается значительная цѣлительная сила. Особенно во время эпидемическаго дифтерита китайцы употребляютъ свѣжій лимонный сокъ или въ видѣ лимонада, или же даютъ больнымъ ѣсть свѣжіе лимоны въ какомъ угодно количествѣ, какъ апельсины. Китайцы употребляютъ лимонъ и какъ предохранительное, и какъ цѣлебное средство противъ названной злокачественной болѣзни, и большею частью крайне успешно. Опыты д-ра Гартойскаго, познакомившагося съ дѣйствіемъ лимоннаго сока во время путешествія по Китаю, давали до сихъ поръ такіе же результаты, почему онъ и рекомендуетъ это средство для всеобщаго употребленія. Такъ какъ средство это чрезвычайно просто, никѣмъ образомъ не представляетъ опасности, и можетъ быть названо въ самомъ широкомъ смыслѣ домашнимъ средствомъ, то на него слѣдуетъ обратить всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что его, при случаѣ, можно употреблять не задумываясь, до прибытія врача. (с.)

Замѣчательное явленіе наблюдается съ нѣкоторыхъ поръ во Франціи — общее пониженіе почвы. Съ 1884 года инженернымъ вѣдомствомъ производится нивелировочная съемка всей страны. Работы эти показали, что почва съ каждымъ годомъ осѣдаетъ все болѣе и болѣе отъ юга къ сѣверу. Въ то время какъ на южномъ берегу высота почвы не претерпѣла никакихъ измѣненій, между Марселемъ и Лиллемъ, то есть на протяженіи 820 километровъ, земля осѣла весьма значительно, а именно на 3 сантиметра въ годъ. Замѣчательно, что по направленію къ сѣверо-востоку осѣданіе почвы втрое сильнѣе, чѣмъ въ прямомъ направленіи съ юга на сѣверъ. Въ первомъ случаѣ осѣданіе равняется 1 миллиметру на 27 километровъ, а во второмъ — 1 миллиметру на 10 километровъ. Если подобное явленіе будетъ продолжаться, то сѣверная Франція можетъ черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ подвергнуться такой же катастрофѣ, какая постигла Нидерланды въ концѣ XIII столѣтія. (с.)

Парижская охранная полиція недавно дѣлала опыты съ новымъ изобрѣтеніемъ, которое должно быть очень непріятно всѣмъ убійцамъ, ворами, похитителямъ кассъ и мошенникамъ. Дѣло идетъ о передачѣ фотографическихъ изображеній съ помощью электрической проволоки, т. е., другими словами, одновременно съ приказомъ о задержаніи будетъ посылаться по телеграфу и фотографія бѣглеца. Съ этою цѣлью бумажная лента, на которой получаютъ телеграфные знаки и буквы, дѣлается шире и на ней воспроизводится телеграфическій портретъ величиною съ серебряную пятифранковую монету. Портретъ получается въ однихъ контурахъ, безъ тѣней, но вполне отчетливый и вѣрный. Поэтому для передачи по телеграфу болѣе всего пригодны фотографическіе снимки въ профиль. Парижскимъ полицейскимъ управленіемъ, въ присутствіи комиссіи, во главѣ которой находились полицейскій префектъ г. Вуазенъ и начальникъ охранной полиціи г. Жакобъ, былъ въ видѣ опыта телеграфированъ профиль г. Жакоба въ Ліонъ; чрезъ нѣсколько минутъ телеграфъ извѣстилъ, что изображеніе мнимаго преступника благополучно получилось въ Ліонѣ, и согласно требованію, было обратно передано въ Парижъ, гдѣ начальникъ охранной полиціи имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ на бумажной лентѣ, подъ ударами электрическаго аппарата, воспроизводился его портретъ. Вслѣдъ затѣмъ начальникъ ліонской полиціи телеграфировалъ изображеніе дѣйствительнаго бѣглеца, бѣжавшаго съ кассой банковскаго чиновника, и парижская полиція могла такимъ образомъ снабдить агентовъ, посланныхъ на Ліонскій вокзалъ, портретомъ похитителя.

Для редактора не можетъ быть ничего несноснѣе ненужныхъ или излишнихъ продолженныхъ посѣщеній, открывающихъ его отъ дѣла въ редакціонное время. Впрочемъ, это недугъ международный, свирѣпствующій по ту сторону океана съ той же силой, какъ и въ Европѣ; но въ Америкѣ не стѣсняются самымъ недвусмысленнымъ образомъ отклонять отъ себя подобныя безполезныя посѣщенія. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ *Little Rock Blade* (Арканзасъ) стояло на видномъ мѣстѣ слѣдующее предостереженіе: „Совѣтуемъ Самуилу Диккинсону не слишкомъ надобѣять намъ въ нашемъ святилищѣ, иначе его бедра могутъ познакомиться съ по-

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ ПОКАЗАНА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ.

ПОДПИСКА СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Для иногородныхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится 3 руб. Къ 1-му мая 1889 года 2 руб. Къ 1-му іюля остальные 2 руб.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ со всѣми приложеніями.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6.

дошвами наших сапогъ". *Las Vegas Minco* въ Новой Мексикѣ вывѣсила у себя на дверяхъ слѣдующее объявленіе: "Входъ дозволяется только трезвымъ, желающимъ абонироваться или помѣстить объявленіе. Пьяные и не абоненты будутъ выталкиваться вонъ." На подобную же энергичную расправу намекаетъ и болѣе добродушное изреченіе нѣмецкой газеты *Granada Banner*: "Побереги излишнія слова; не кради у насъ напрасно времени; и мы будемъ довольны и одежда твоя останется въ цѣлости". Редакторъ издающейся въ Тринидадѣ, частью на англійскомъ, частью на испанскомъ языкѣ, газеты *Diario* написалъ на дверяхъ своего дома: "Если тебя беретъ сомнѣніе, имѣешь ли ты право войти сюда, то дай волю своему сомнѣнію и проходи мимо!" Надпись въ одной редакціи въ Ватерлоо, *Joba*, гласитъ: "Входъ запрещенъ. Кто сюда войдетъ, будетъ выброшенъ за дверь". Немного грубо, надо сознаться! (С).

Библиотекарь Сведжъ сдѣлалъ интересную находку въ мѣсто-рожденіи Шекспира—Стратфордѣ на Эвонѣ, и обнаружилъ ее въ небольшомъ отдѣльномъ изданіи, подъ названіемъ: "Shakespearean extracts from Edward Pudsey's Book, temp. Q. Elizab. and K. James". Если вѣрить Эдварду Педси и Сведжу, то мы имѣемъ

въ настоящее время шесть выдержекъ изъ неизвѣстной до сихъ поръ драмы великаго писателя "Ирусъ". Книга Педси имѣется только въ одномъ экземплярѣ. Между тѣмъ, по мнѣнію изслѣдователя Шекспира П. А. Даніэля, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что приписываемая Сведжемъ Шекспиру драма *Ирусъ*, есть не что иное, какъ "The blind beggar of Alexandria" Джорджа Чапмана, въ которой ипшій Ирусъ играетъ только главную роль. (С).

Д-ръ Шлиманъ энергически продолжаетъ свои раскопки близъ Микены и ежедневно находитъ новые предметы, представляющіе большой археологической и антропологической интерес. Вся мѣстность вокругъ города переполнена гробницами до-Гомеровскаго періода. Гробницы эти вырублены въ скалахъ и представляютъ правильныя отдѣленія отъ 35 до 40 квадрат. метровъ величиною. Помѣщавшіяся въ эти камеры тѣла не засыпались землею и не сжигались, какъ во времена Гомера. Среди многочисленныхъ находокъ встрѣчаются предметы изъ стекла, хрусталя и слоновой кости, а также драгоценныя каменья съ превосходною гравировкою. Восточный характеръ орнаментовъ даетъ весьма важныя указанія относительно происхожденія греческаго искусства съ Востока. (С).

Ребусъ. Задача № 8.

Рѣшеніе географической задачи № 1 (помѣщенной въ "Нивѣ" 1889 г. № 1).

"Терпѣнье и трудъ все перетрутъ".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: Сиб. — Н. В. Панкова, В. Софійскаго, Чирчикова, В. Пискаря, Москальскаго, В. Миронова, Г. Быкова, В. И. Шошина, Н. В. Ш., А. А. Крокова, В. Соболева, Н. Стронскаго, Володи, К. Шенкѣ, В. Меньшаго, Карнина, М. А. Никитина, Ф. А. Воронина, М. Заборовскаго, А. А. Постилова, Москва — М. Семеновъ, Шкребовичъ, А. Шеръ, М. Мадіевскій, Н. Масленникова, А. Н. Есипова, В. Комарова, В. А. Кравцовичъ, Алексинъ — А. Руднева, Бахчисарай — М. М. Дремджи, Б. Нововино — В. К. Терскаго, Варшава — Витте, Жуковна — А. М. Захеръ, Ковно — Н. Кешенъ, А. Люриѣ, Новель — Вейтцлеръ, Курскъ — Л. Шалашова, Невъ — А. Н. Шульженко, Лебедянь — В. И. Чурилина, Мценскъ — фонъ-Бурмейстеръ, Нозогоріевскъ — Г. Рюмина, Оренбургъ — П. М. Миронова, Полтава — А. Альбрехтъ, Павловскъ — С. Арсень, Петроновъ — В. Рубина, Портьче — А. И. Лютова, Рыбинскъ — И. Клементьева, Ростовъ на Д. — З. Беслеръ, Рязань — П. Постынина, Симферополь — К. Мазлумова, Сокольна — А. Григорьевскаго, Саратовъ — А. Золотарева, Тверь — В. Эрстова, В. Чигирь, Харьковъ — А. Д. Ивановъ, Царское Село — А. Кузьмина, Шадъ — А. Филимоновича, Ярославль — А. Штепка, Вѣна (Австрія) — С. Радефельдъ.

СОДЕРЖАНІЕ: А. А. Шеншинъ (А. Фетъ) (съ портр.). — Опасная игра. Поистѣ Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе). — Два миссіонера. (Рассказъ изъ жизни богословца далекаго Востока). А. Я. Максимовъ. (Продолженіе). — Изверженіе вулкана Кракатоя. — Изъ рисунковъ: Старый городъ въ Варшавѣ (съ рис.). — Крушеніе у острова Матсмай, Японія (съ рис.). — Илариса (съ рис.). — Священный дубъ близъ Моздона (съ рис.). — Побѣда Тимура надъ Баязетомъ (съ рис.). — Египетскій фонтанъ (съ рис.). — Воинъ и художникъ (съ рис.). — Аханы и лось ими блуги на Волгѣ (съ рис.). — Эрцгерцогъ Рудольфъ, наслѣдникъ Австро-Венгерскаго престола (съ портр.). — Точковая снасть для ловли красной рыбы въ Каспійскомъ морѣ (съ рис.). — Графъ Гега Зичи (съ портр.). — Биографія. — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — О подпискѣ на "Ниву" 1889 г. — Ребусъ и рѣшеніе задачи. — Объявленія.

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ **Энгельберта Зейбертца**, исполненными знаменитыми граверами: **Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.** Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ Спб.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія Вѣдомости* (№ 346, 16 декабря 1888 г.), говорятъ о книгѣ слѣдующее: "Прекраснѣйшее изданіе, выполненное теперь, является большою заслугою впередъ цѣлѣулыи издательскихъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу — мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не описедемъ, сказавъ, что такого изданія безсмертная поэма Гёте ни еще не видѣли... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ исполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ своихъ работахъ, такъ и во множествѣ подлѣшней, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта, — онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которую насъ не избавляли русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много) — хоть вѣшал на стѣну, бумага великолепна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгомъ вкусѣ того времени, — ни банальной позолоты, ничего, что рвало-бы глазъ... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ..."

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р. Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала "Нива", Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Ключниковъ.

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопать Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, пров. Кинуненъ. (52) № 2946

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на литературно-художественный, издаваемъ П. П. Щеголовымъ, журналъ съ каррикатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ. 400 больш. рисунк., множество иллюстрацій къ тексту, масса карриатуръ. 12 карт., въ видѣ еженѣм. прилож., историческаго содержанія.

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шпр.), исполненная масляными красками, КОПИЯ СЪ КАРТИНЫ акадѣмика И. М. Прянишникова: „ПЬЯНЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЧЪ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяць 75 коп.

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскій лѣній) и въ конторѣ редакціи. Иногородныхъ просятъ адресовать на имя издателя, Павла 10 — 9 Петровича Щеголова, Москва, Задѣкаевъ ул., соб. домъ. П. № 3489

2-1 **ПОВЫШЕННЫЕ** Ц. № 3671

ДУХИ:

№ 4711

НАРЦИССЪ

въ 3 р., 2 р. и 1 р. 50 к. за флаконъ.

№ 4711

ЛАНДЫШЪ

зелен.-золотой ярлыкъ по 3 р., 2 р. 40 к., 1 р. 65 к. и 1 р. за флаконъ.

№ 4711

VIOLETTES DE PARME

въ 2 р. 40 к., 1 р. 60 к. и 1 р. 25 коп. за флаконъ. — При покупкѣ обращайте внимание на

№ 4711

(фабричная марка утвержд. правительствомъ), которая находится на каждомъ ярлыкѣ, какъ отличительный знакъ.

CRÈME-SIMON

(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDE SIMON И МЫЛО à la CRÈME-SIMON

имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16-8

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника VIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это рассказъ изъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшего только 3 года. СПб. 1885 г. Над. 2-в. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Адвокатъ, архитекторъ, врачъ, купецъ, фабрикантъ или другое лицо можетъ за плату отъ 27 до 47 руб. въ годъ (смотря по роду занятій) застраховать въ Страховомъ Обществѣ „Россія“ 10,000 руб. на могущія произойти вслѣдствіе несчастнаго случая смерть или инвалидность. Съ третьяго года страхованія годовичные взносы уменьшаются. Страхованія принимаются также съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ наследникамъ или не самому застрахованному, по достиженіи имъ 65-ти-лѣтняго возраста.

Справиться въ Главной Конторѣ Страховаго Общества „Россія“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, 13) или у агентовъ въ городахъ Имперіи. По требованію высылаются безплатно подробныя брошюры. № 3649 3-2

НОВОУДНЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Управленія. Всѣ названныя косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ.

- 1) ЭЛЕКСИРЪ MELANGE**
для волосъ. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ объ употребленіи, на рускомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.
- 2) ХИНО-ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПОМАДА**
на перуанскомъ бальзамѣ для волосъ. Ц. банки 2 руб.
- 3) ПОДЛИННИКЪ PASTA-EUGÉNIE**
средство для лица. Ц. банки 1 р. 60 к.
- 4) БАЛЬЗАМЪ EUGÉNIE**
изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для лица, шеи и рукъ, съ благоуханіемъ лиліи и розъ. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ.
- 5) РУМЯНА EUGÉNIE**
краска, чтобы придать щекамъ и устамъ розовый цвѣтъ, не исчезающій при вѣтрѣ комъ осѣненіи. Рекомендуются въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. за флаконъ 1 р. 50 к. съ наставленіемъ какъ употребить.
- 6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА**
Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка „амуръ“ и подпись изобрѣтательницы „Bertha Ries“.
- 7) ПОДЛИННИКЪ „POUDRE EUGÉNIE“**
бѣлая и розовая. Цѣна коробокъ съ пуховкой 1 р. 50 к.; бѣзъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

Трѣхъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Ц. коробки 3 р. **РИСЬ ГУТМАНЪ.**

Депю въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Пассажѣ, бывш. Дарганск; въ Центральномъ аптекарскомъ магаз. у Казанскаго моста № 30; въ Невскомъ аптекарскомъ магазинѣ и въ Гостиномъ дворѣ у А. М. Рузанова № 40; у М. П. Ушакова, и у Кошкина № 12, Суконый рядъ.

Въ Москвѣ: у К. И. Феррейна и Р. Келеръ и Ко, Николаевская; у А. Брунса (бывш. Ф. Пецъ) и Л. Борхардтъ, Маросѣйка; у В. Кавъ, Александровскій пассажъ, у парикмахера Теодора, Кузнецкій мостъ; у Оскара Геттингъ, Петровка; у Эм. Керстана, Тверская; и у В. Безбардись, Арбатскія ворота.

Въ Астрахани: у А. И. Фадѣева;
 „ Бакъ: у В. Погозова;
 „ Харьковѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами;
 „ Екатеринбургѣ: у У. У. Ермолаева, у парикмахера Эдигарева и у Е. Харитоновъ и Ко.
 „ Екатеринбургѣ: у Гамбургеръ, Лазеръ и Робинсонъ;
 „ Екатеринбургѣ: у В. Абрамова; А. Я. Гуртыкова.
 „ Екатеринбургѣ: у Г. А. Трестеръ Наслѣдникъ;
 „ Гельсингфорскѣ: у Горетъ;
 „ Назани: у Мураева;
 „ Нерчи: у Ганъ;
 „ Невѣ: въ перчаточн. магаз. Поль, Крепачикъ;
 „ Костромѣ: у А. Прокопенко;
 „ Кременчугѣ: у Заки;
 „ Минскѣ: у парикмахера К. Ивановскій;

Въ Новочеркасскѣ: у З. Петрова;
 „ Одесѣ: у Гельдеръ и Ко, Гуммельтъ и Аудерскаго;
 „ Пермѣ: въ всеобщемъ магазинѣ П. П. Демидова;
 „ Полтавѣ: у Н. Шульце;
 „ Ревелѣ: у Хр. Келеръ;
 „ Ригѣ: у В-въ Видемальс;
 „ Ростовѣ н/Д.: у Матисена;
 „ Самарѣ: у Ю. В. Христенсена;
 „ Саратовѣ: у Матисена и у Р. Штроль;
 „ Ставрополѣ: у Куряченко;
 „ Таганрогѣ: у Л. Раппенортъ;
 „ Тифлисѣ: у В. Гринякъ;
 „ Томскѣ: у С. П. Ненашева;
 „ Варшавѣ: у Александръ и Марсели, Трактарья, плоч.; у Калиновскаго, въ Краковск. предмет., и у Лишинка;
 „ Вильнѣ: у Грузевскаго;
 „ Воронежѣ: у Буханькова;
 „ Владикавказѣ: у Г. А. Офиена.

ГНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

Вс. С. Соловьева.

Исторія повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис. художника И. С. Панаова. Изданіе III. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЛЕШЕНІЕ и ГРОЗНІЕ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ НОТЪ

ВЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІИХЪ ЮРГЕНСОНА

П. № 3615 (болѣе 14000 №) 5-4
 вѣнать изъ печати и высылаются безплатно на музыку торговца П. ЮРГЕНСОНА Москва, Неглинный пр., 10.

АДРЕСА

всѣхъ спеціальныхъ и странъ доставляетъ подг. гарантіей: Internation. Adressen - Verl. - Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціалит. = 5.000 000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
 Покупаетъ всѣ % бумаги.
 Суды подъ всѣ % бумаги.
 Страхование выигранныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города
 Оплата купоновъ. № 3611 5-5
 Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

CORSETS LEOTY adoptés par le High-Life parisien.

8. Place de la Madeleine Paris.

ПРЕВОСХОДНАЯ ДИАФАНСКАЯ ГОРЧИЦА

всѣхъ сортовъ П. № 3688
 ПАРОВОЙ ФАБРИКИ

АРТЮРЪ и К^о.

Представ. для Центр. Россіи: Б. Н. Корнфельдъ. Москва, Мясницкая, д. Ге. Прейс-курантъ безплатно.

Продолжается подписка на ежедневную газету „**НОВОСТИ ДНЯ**“ въ 1889 году.

Съ 10-го января „Новости Дня“ (VII-й годъ изданія) выходятъ въ увеличенномъ форматѣ, въ размѣрѣ большихъ газетъ—въ семь печатныхъ столбцовъ, при чемъ подписная цѣна осталась безъ измѣненія.

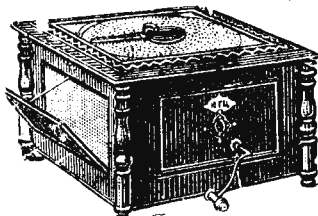
Съ первыхъ январскихъ №№ началось печатаніе повѣсти кн. С. В. Голицына „Дама самъ-третьей“, романа В. А. Ривалы—„Жертва чести“ и разсказа С. Ш.—„Насмѣшка судьбы“ (автора „Цапчока“, „Въ чужомъ домѣ“) и фельетоновъ „Что такое богатство и жилищное счастье?“ философія практической жизни—Дисъ. Въ непродолжительномъ времени послѣдуютъ:

„Безприданница“, ром. въ 2-хъ част., кн. С. В. Голицына. „Въ лунную ночь“—И. Н. Ге. „Мушкетеры“, пов. изъ театрального быта, Н. А. Хлопова. „Современный герой“, ром., Н. Осипова. „Двѣ сестры“, пов., Н. Нестерова. „Перстъ Божій“, истор. ром. изъ временъ „Глшайшаго“ царя Алексѣя Михайловича, Д. Дмитриева, и друг.

Гг. годовымъ подписчикамъ будетъ высланъ романъ В. Ривалы—„Купленный мужъ“, помѣщавшійся въ „Новостяхъ Дня“.

Подписная цѣна:
 На 12 м. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.
 Для городскихъ 8 р. — к. 5 р. — к. 2 р. 90 к. 1 р. — к.
 „ иногородныхъ 9 „ — „ 5 „ 50 „ 3 „ — „ 1 „ — „
 Новымъ подписчикамъ будутъ высланы всѣ вышедшіе номера.
 Москва, Мясницкая, домъ Сытова. П. № 3673

**ДЛЯ ВЕСЕЛЬЯ
НА МАСЛЯНИЦЪ**

Настоящій, патентованный
ГЕРОФОНЪ

обновленный съ 10-ю пьесами

30 РУБ.

Герофонъ съ приспособленіемъ для игры forte и piano

32 руб.

Добавочныя пьесы въ громадномъ выборѣ 60 коп. за каждую. Пересылка за 50 фунт. Списокъ пьесъ — бесплатно.

Всѣ другіе музыкальные инструменты въ большомъ выборѣ. № 3677

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій м. д. Торлецкаго.

СЪМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ

ИВ. ИВ. СИМА

14. Караванная 14.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Прейсъ-курантъ сѣменамъ на 1889 годъ высылается бесплатно.

„СУДЬБА ГАДАНИЯ“

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіи вѣдѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адресъ единств.: въ г. Хвалыньскъ И. Комисарову.

МАЛЕНЬКІЕ ПОДАРКИ
10
за 10 к.

Крошечный изданіе альбомъ поговѣвъ. За 15 к. крошечн. альб. Гоголевскихъ типовъ. За 35 коп. два альбома Боги и Богини Олимпа. За 20 к. крошечный географическій атласъ въ 28 картъ. За 15 альбомъ предковъ нашего царя. За 30 к. Два Альбома достопримѣчат. Петербурга и Москвы. За 15 к. Альбомъ—художника Мартышки. За 20 коп. Новый заморскій фокусъ Тузъ Патерна изъ Нью-Йорна. Древне-греческ. фокусъ 15 к. двѣ заданшутки 30 к. **НОВОСТИ!** Узнать чужой характеръ, качества, добродѣт. 60 к. За всѣ 14 подарковъ съ перес. во всей Россіи 3 р. Каждое отдѣльное высылается за 4 семи-копѣечныя почтовые марки. Платы за 3 марки, за Чужой харант. 12 марокъ. № 8689
Простѣе обращаться въ Петербургъ, къ издат. В. И. Шайкевичу, Большой Мастерская ул., д. 5. Каталогъ новыхъ задѣкъ, шутокъ, фокусовъ, игръ бесплатно.
Всѣ эти издан. продаются также во всѣхъ игрушечн. и бумаж. магазинъ.

ПИСУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ три раза быстрее пера. Прочной и простой конструкціи. Каталогъ безплат. Многочисленные отзывы отъ жандарм. дор., прокуротъ. ж., адвокатовъ и пр. **Ж. БЛОКЪ**, Голлицына. Москва, Кузнецкій м., д. Спб., В. Морская, 21. Р. № 3373

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1888 годъ,

закрывающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, рассказъ И. А. ГОНЧАРОВА: „Слуги“, большой историч. романъ Д. В. АВЕРНІЕВА: „Вѣчу не быть“, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: „Вратья Соперники“ и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА: „Бригадирская внучка“, большую повѣсть Н. СТАНИЦНАГО: „Исторія одного таланта“, рассказъ Маис. БЪЛИНСКАГО: „Заповѣдныи лѣсъ“, комедію В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“, повѣсть А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвы“, рассказъ Е. А. САЛАСА: „Онъ-же“, рассказъ ТХОРЖЕВСКАГО: „Рекогносцировка“ и нѣсколько рассказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобретеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ бесплатныхъ приложений, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, „Сборника повѣстей и рассказовъ“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКИЕ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА: „ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“ (14 3/4 вершк. вышины и полтора аршина ширины).
ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложениями:
Брошюрован. 4 р. Въ колѣнк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 р. Съ пересылкою 7 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, Спб., Невскій пр., № 6.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колѣнкоръ съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНЫХЪ и МОСКОВСКИХЪ посредствомъ лекцій и переноски, совершенно замѣняющей усное преподаваніе; пользыше ручательство за успѣхъ; плата умѣренная; подробныя условія и пробныя письма высылаются бесплатно.
Преподаватель коммерческихъ наукъ Ц. № 3873
С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ
Адресъ: Москва, Арбатъ, Малый Песковский пер., д. Адамовича.

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES
достаточно извѣстны:
ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12-4
Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,
состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ Спб.
Цѣна въ изящн. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная. 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.
Требованія просить адресовать: въ С.-Пб.—гъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій б.).

ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛ. ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.
(См. „Нива“ № 50, 1888 года).
Этими аппаратами можетъ вслѣдъ, безъ особенной подготовки, снимать вполне хорошия фотографіи. Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дорожж.
Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.
Е. КРАУСЪ и К°.
Парижъ, Aven. d. l. République. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“
для НАРУЖНАГО употребленія
разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.
Главное депо: б. Коношненая, № 14
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Продается: у Шарфа, Кербера, Фейнгольда, Чирикова въ Ростоу въ Дону и во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.
Цѣна 1 р. 20 коп. за стянину.

„НОВОСТЬ“ за 5 марокъ
(иногородныхъ) высылается заказнымъ новымъ прантическій стѣнный **КАЛЕНДАРЬ на 1889 г.**
(размѣръ 6 1/2 в. × 9 в.)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва. — С.-Петербургъ № 3808 (7)

ПРОДАЖА СЪМЯНЪ
изъ ЦИММЕРМАНОВСКОЙ ЭКОНОМІИ. Задавшись цѣлью, кромѣ усовершенствованія извѣстныхъ въ Россіи сортовъ, развести и тѣ сѣмена, которыя до настоящаго времени приобрятаются изъ-за границы, но чрезвычайно высокой цѣны, экономія съ 1888 г. начала выисывать изъ-за границы значительное количество сѣмянъ для пробныхъ посѣвовъ и теперь обращаетъ въ продажу до 30 сортовъ полевыхъ сѣмянъ, оказавшихся наиболее урожайными и наименѣе прихотливыми къ почвѣ и климату. Подробный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Адресъ: Тамбовская губернія, Бурнаево. Циммермановская контора, Михелю. № 3876

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

г. XX

№ 6

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 4 февраля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
И. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 9 р.

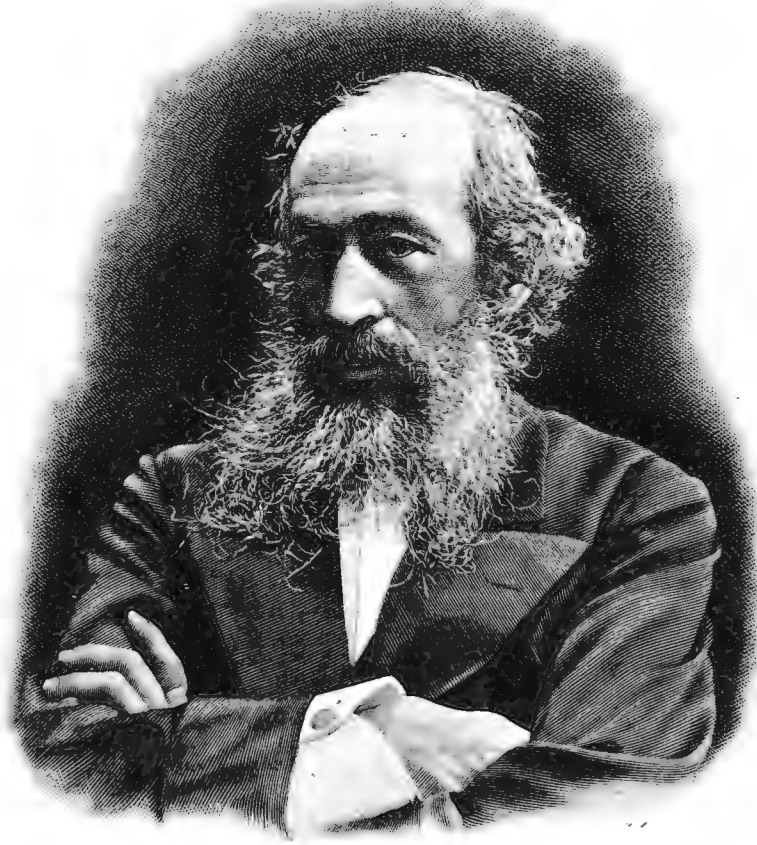
ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особья приложения при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всеми приложениями.
При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1889 г., съ 32 рисунками и отд. листъ съ 33 чертеж.
выкроекъ въ натур. величину и 37 рис. вышивл. работъ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода. Родился онъ въ 1829 г., въ сельцѣ Кудрешки, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губ. Получалъ домашнее воспитаніе до одиннадцати лѣтъ — до времени поступленія въ школу. Предметами занятій его дома были — Платархъ (въ переводѣ), Карамзинъ, не разъ перечитанный подъ руководствомъ отца, современные поэты съ классическимъ представителемъ ихъ во главѣ — Пушкинымъ, — потомъ языки французскій (подъ руководствомъ отца) и нѣмецкій (подъ руководствомъ матери и гувернантокъ). Домашняя бібліотека отца, состоявшая преимущественно изъ историческихъ книгъ, въ числѣ коихъ были и записки XVIII в., Шаховскаго, Данилова, Грибовскаго и Манштейна, представила любознательному отроку широкую воз-

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ. Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

можность развить вкусъ къ историческимъ трудамъ и дала дальнѣйшее направленіе юношескому уму. Болѣе всѣхъ изъ помннутыхъ авторовъ имѣлъ на него вліяніе Карамзинъ. О впечатлѣніи, сдѣланномъ Карамзиннымъ на нашего историка, можно судить изъ строкъ рѣчи „о Карамзинѣ“, читанной К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ торжественномъ собраніи Петербургскаго университета 2 декабря 1866 года: „Приятно говорить о томъ произведеніи, съ которымъ связаны для меня, какъ и для многихъ, дорогія воспоминанія дѣтства: по „Исторіи Государства Россійскаго“ мы знакомились съ тѣмъ, что совершалось въ давние годы; въ живыхъ образахъ являлись намъ и великіе подвиги, и позорныя дѣянія; яркіе образы запечатлѣвались въ памяти и на всю жизнь становились свѣтлыми маяками.“ Одинадцати лѣтъ (въ 1840 году) нашъ историкъ определяется въ благородный пансіонъ при Нижегородской гимназіи, который въ 1844 го-

ду былъ преобразованъ въ Александровскій дворянскій институтъ, а въ 1845 въ Нижегородскую гимназію, гдѣ Бестужевъ и окончилъ курсъ въ 1847 г. Къ этому году принадлежитъ первый шагъ его литературнаго поприща: въ *Нижегород. Губ. Вѣд.* онъ напечаталъ статью о „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ Гоголя. Въ томъ же году Бестужевъ поступаетъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, а въ 1851 окончиваетъ свое университетское образованіе. Его студенчество падаетъ на лучшую пору нашего вѣка: на сороковые годы. Воспоминанія нашего историка объ этой порѣ, какъ и школьной, интересующійся читатель можетъ найти въ статьѣ его „С. И. Фурчевскій“ въ „Бюрг.“ и характ. По окончаніи университетскаго курса Бестужевъ поступаетъ домашнимъ учителемъ въ семейство проф. Чичерина. Съ 1854 по 56 онъ учительствовалъ въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ. Съ 1856 года по 59 — былъ помощникомъ редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ помѣщалъ свои статьи, — между прочимъ и о шестомъ томѣ исторіи Соловьева. Въ 1859 году былъ однимъ изъ редакторовъ журнала *Московское Обозрѣніе*, — гдѣ помѣщена статья его: „Современное состояніе русской исторіи какъ науки“. Въ концѣ года онъ перѣхалъ въ Петербургъ и принялъ участіе въ редакціи *Отечественныхъ Записокъ*, гдѣ работалъ до 1863 г., а статьи помѣщалъ и позднѣе. Между прочимъ здѣсь напечатаны — въ 1860 г. статьи объ исторіи Соловьева, о соч. К. Д. Кавелина, въ 1862 году — о славянофилахъ и о русскихъ былинахъ; здѣсь же начато печатаніе переведеннаго въ содружествѣ съ Тибленомъ известнаго историческаго труда Бокля. Въ то же время Бестужевъ былъ однимъ изъ редакторовъ „Энциклопедич. Словаря“ Краевскаго. Въ 1863—64 годахъ онъ былъ редакторомъ *Записокъ Географическаго Общества* и членомъ Археологической комисіи.

Въ 1864 г. составилъ четыре народныя книжки „О крещеніи Руси“, „О Владимірѣ Мономахѣ и его потомкахъ“, „О злыхъ временахъ татарщины“, „О томъ какъ росло Московское государство“. Въ 1865 г. Петербургскій университетъ пригласилъ его на кафедру русской исторіи, а съ 1867 по 71 г., не оставляя университета, Бестужевъ читалъ лекціи въ Историко-Филологическомъ Институтѣ. Въ 1868 г. получилъ отъ университета званіе „почетнаго доктора“ за изслѣдованіе „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в.“ (печатано въ четвертомъ выпускѣ лѣтописей Археологической комисіи). Въ 1872 году издалъ первый томъ „Русской Исторіи“, благоговѣнно посвященный памяти отца. Второй томъ вышелъ въ 1882 году, посвященный учителемъ гимназій — Мельникову (писателю) и Кроткову. Съ 1865 по 82 г. Бестужевъ участвовалъ въ разныхъ журналахъ. въ *Русской Старинѣ*, *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Древней и Новой Россіи*, *Историческомъ Вѣстникѣ*, и въ *Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ* проф. Березина. Въ 1882 году собралъ и издалъ свои нѣкоторыя мелкія статьи, составилъ томъ „Біографій и характеристикъ“. Начиная съ 1878 года по 1882 былъ председателемъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, въ то же время стоя въ главѣ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Въ 1882 году послѣ тяжелой болѣзни уѣхалъ въ Италію, гдѣ прожилъ до лѣта 1884 года, а осенью этого года вышелъ въ отставку изъ университета. Съ конца осени 1885 года до осени 1887 г. былъ редакторомъ *Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества*. Въ послѣдніе годы помѣщалъ и помѣщаетъ статьи въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ *Извѣстіяхъ Славянскаго Благотворительнаго Общества*, въ *Библиографіи* и *Русскомъ Вѣстникѣ*.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

ХІІ.

„Какъ это весело, что не надо больше идти къ нимъ, въ кассу!“ думала Паша, соображая на какой день придется 20-ое. — „И можно послать наконецъ хоть что-нибудь маменькѣ! О! какъ славнo!“

Смутное подозрѣніе, что она запутана и запутывается ежеминутно хуже — не покидало ее; но ей какъ-то не вѣрилось, чтобы опасность была близка.

Стойниціей правда предупреждалъ ее, что это „шантажъ“ и что она не отдѣлается уплатой 300 рублей. Но Пашѣ не вѣрилось чтобы у ея преслѣдователя хватило безстыдства явиться къ ней съ новыми требованіями, по крайней мѣрѣ такъ скоро. Вѣдь самъ-же онъ говорилъ, что въ ея волѣ покончить съ нимъ счеты когда угодно. А развѣ счеты теперь не кончены?.. Такъ или иначе онъ конечно оставитъ ее въ покоѣ — годъ, или полгода, — всячески уже не меньше какъ мѣсяца три... Три мѣсяца она проживетъ спокойно, а тамъ ей обѣщано полное и окончательное освобожденіе.

Что-то однако заставило ее поторопиться съ уходомъ домой, когда она получила деньги... Выбѣжала на лѣстницу — нѣтъ никого... На улицу — тоже... Она побѣжала оглядывалась, словно боясь что „онъ“ вдругъ выскочитъ какъ собака откуда-нибудь изъ-подъ воротъ, и силой отниметъ деньги.

Но ничего подобнаго не случилось, и на другой день утромъ деньги были благополучно сданы на почту... Бѣдница повеселѣла, какъ путникъ, надъ головой у котораго небо прояснило. Чтѣ ни грозило-бы ей впереди, но въ настоящемъ судьба послала ей песомѣнно отдыхъ, и дѣвушка, отложивъ заботы, жадно имъ наслаждалась... Сонъ ея сталъ спокойнѣе, походка живѣе и голосъ звонче... Встрѣчая на службѣ Стойницкаго, она торопилась предупредить его жестомъ или усмѣшкою, что ничего тревожнаго, слава Богу, нѣтъ, чтобы, минуя этотъ проклятый вопросъ, отвести душу на чемъ-нибудь вовсе не связанномъ съ нимъ. И молодой юристъ, словно угадывая эту потребность отдыха, останавливался возлѣ нея съ очевиднымъ желаніемъ поболтать. На первыхъ порахъ это льстило ея самолюбію, какъ свидѣтельство, что она значитъ для него что-нибудь и помимо дѣла. Но

послѣ того какъ онъ разъ явился къ Ладицевымъ въ непріемный день, и весь вечеръ не отходилъ отъ нея, вопросъ самолюбія между ними былъ упраздненъ, и они окончательно подружились. Сама не давая себѣ отчета какъ совершилась такая важная перемѣна, Паша стала съ нимъ совершенно дружна: доверчива, весела, говорлива... Нѣсколько разъ они уходили со службы вмѣстѣ и не взирая на то, что ему нужно было совсѣмъ въ другую сторону, онъ провожалъ ее до дому, всю дорогу ни словомъ не помяная о дѣлѣ... Но торжество ея было непродолжительно.

* * *

Прошло что-то около трехъ недѣль съ тѣхъ поръ какъ вексель былъ ей возвращенъ, и зима стояла уже на дворѣ, когда воротясь въ субботу домой, она нашла у себя на столѣ письмо, которое еще издали показалось ей подозрительнымъ. Съ какимъ-то щемящимъ предчувствіемъ она изорвала конвертъ и заглянула на подпись.

— Ну, такъ и есть, отъ него!..

Письмо было коротко и почтительно. Порфирій Ивановичъ просилъ удостоить его, на завтрашній день, свиданія, въ Офицерской, у Марыи Никитишны, извиняясь за безпокойство, и поясняя, что онъ не смѣетъ, безъ разрѣшенія, самъ къ ней явиться.

Паша была глубоко огорчена и встревожена... Вотъ тебѣ и три мѣсяца!.. Чтѣ теперь дѣлать?.. Пойти — значитъ ясно ему показать, что онъ не ошибся въ расчетѣ и что она попрежнему у него на привязи... Не пойти — значитъ встрѣтить его навѣрно опять, гдѣнибудь на лѣстницѣ или у подъѣзда правленія... Сбитая совершенно съ толку и, чувствуя что ее начинаетъ опять тошнить, она написала немедленно нѣсколько строкъ Стойницкому, приложила подлинное письмо и отправила прямо къ нему съ посыльнымъ. День былъ пріемный, но Паша не знала: получить-ли онъ ея записку во-время, такъ какъ, уѣхавъ изъ дому поутру, онъ часто не возвращался до ночи.

Дѣйствительно, она не видала его въ этотъ день, и получила его отвѣтъ только въ 10 часовъ поутру.

„Не ѣздите“, писалъ онъ: „а если васъ очень это тревожитъ, то пріѣзжайте лучше ко мнѣ... Я буду васъ ждать до часу“.

Въ 12 часовъ, она была уже у него, въ Конюшенной.

— Господи! да какая-же вы трусиха! говорилъ онъ съ участіемъ, усадивъ ее и держа похолодѣвшія руки ея въ своихъ. — Поглядите-ка въ зеркало: даже губы бѣлыя!.. Это дурно уже и само по себѣ; но еще хуже если онъ васъ увидитъ въ такомъ состояніи. Что онъ подумаетъ, кромѣ того, что деньги заплачены ему совершенно даромъ?

— Да, мнѣ и самой это приходится въ голову, отвѣчала Паша съ растеряннымъ взглядомъ... И помолчавъ:—Знаете, продолжала она, — смѣшно сказать, но право, мнѣ кажется, я никогда еще такъ не трусила... Можетъ быть потому, что прежде я знала чѣмъ я могу отъ него отдѣлаться... Стоило только приѣхать разъ въ мѣсяцъ и заплакать. Тогда какъ теперь я и представить себѣ не могу, что мнѣ съ нимъ дѣлать!

— Вы можетъ быть собирались ѣхать туда — чтобы узнать?

— Нѣтъ, я и безъ васъ не поѣхала-бы. Я понимаю сама, что надо-же наконецъ оборвать эту связь. Но когда я подумаю, что меня ожидаютъ встрѣчи, которыхъ я не могу ни предвидѣть, ни избѣжать, и объясненія отъ которыхъ рада-бы провалиться сквозь землю, съ намеками что мое спокойствіе, честь и доброе имя зависятъ вполнѣ отъ его милости—мнѣ становится тошно, такъ тошно какъ я не умѣю вамъ и сказать... А вы хотите чтобъ я оставалась спокойна! Да если-бы я могла заранѣе знать когда я встрѣчу его и что отъ него услышу, и затвердила-бы наизусть, что я должна ему отвѣчать, я все-таки не сдумѣла-бы вынести эту пытку, не показавъ ему ничего!

Онъ пробовалъ ободрить ее, общая, конечно нѣсколько наобумъ, что онъ приметъ мѣры. Но Паша не слушала, не смотрѣла, не отвѣчала... Горячія слезы катились у ней по щекамъ. Тогда, увлекаемый жалостью, онъ притянулъ ея руки къ губамъ и началъ ихъ цѣловать.

— Оставьте! произнесла она, въ первый моментъ нерѣшительно, стараясь освободиться; но тотчасъ-же вслѣдъ затѣмъ, словно ужаленная, вскочила и сильнымъ движеніемъ вырвала руки. — Оставьте! сказала она уже строго.—Я не хочу!.. Не позволяю вамъ этого! Если бы я знала я бы къ вамъ не пришла; да больше и не приду.. Пустите меня!.. Пустите!..

Съ трудомъ ему удалось остановить ее на минуту и успокоить горячими увѣреніями, что это вырвалось у него невольно и неумышленно, отъ избытка участія. Но дѣвушка была такъ взволнована, что не взирая ни на какія просьбы его остаться, чтобы еще потолковать, ушла.

„Вотъ чортъ меня дернулъ!“ думалъ Стойницкій, страшно досадуя на себя за свой промахъ. — „Какая прелесть!.. Какая естественность и невинность!..“

* *

А между тѣмъ „невинность“ ушла отъ него въ совершенномъ отчаяніи. Не то чтобы въ сердцѣ своемъ она не могла простить такихъ пустяковъ; но дѣло усложнено было для нея одной неприятностью, о которой новому другу ея и во снѣ не снилось. Вниманіе его къ этому времени было замѣчено, и кузина ея отнеслась по этому случаю къ Пашѣ очень недружелюбно.

Софья Ивановна была худенькая, но интересная молодая блондиночка лѣтъ 25-ти, страшная щеголиха и модница, очень живая и милая, но немножко что называется съ норовомъ, что замѣтно было и по глазамъ, которые то смотрѣли мягко и ласково, то сверкали неугомоннымъ огнемъ.

— Что это значитъ? спросила она какъ-то однажды, входя къ кузинѣ въ комнату, поздно вечеромъ, уже

раздѣтая, и садясь... Это случилось въ тотъ самый день, когда официальный ея фаворитъ, Стойницкій, явился совсѣмъ неожиданно и весь вечеръ былъ занятъ Пашей... Зачѣмъ—онъ и самъ хорошенько не зналъ; такъ, просто, неудержимое любопытство влекло его поглядѣть на свою находку, и, если удастся, вызвать ее на свѣтъ изъ обычной ея скорлупы.

— Что это у тебя съ Стойницкимъ? спросила Софья Ивановна строго.—Онъ до сихъ поръ едва обращалъ на тебя вниманіе; а теперь приѣзжаетъ, какъ кажется, уже исключительно для тебя и не отходить, словно пришить къ твоимъ юбкамъ!.. Но что еще загадочнѣе—это твое поведеніе. Здѣсь ты разыгрываешь Агнесу, а тамъ, въ правленіи у тебя, надо думать, другая роль. Всячески это ново въ тебѣ: эта способность вести двойную игру, и я поздравляю тебя со сценическимъ дарованіемъ.

Паша сначала разинула ротъ отъ удивленія; но и у сельской розы, при всей ея скромности, были тоже шипы.

— Эхъ, Соня! сказала она. — Если бы я захотѣла считаться съ тобою обновками, я бы нашла и у тебя одну... Ты до сихъ поръ не ревновала его...

— Я! возразила Софья Ивановна, сильно уколота, но не взирая на то изображая глазами наивное удивленіе.—Что за фантазія?.. Съ чего мнѣ его ревновать?

— Ну, не прикидывайся... Ты лучше знаешь съ чего. Только позволь мнѣ тебѣ сказать, что это совсѣмъ напрасно. Ни здѣсь, ни въ правленіи, у меня со Стойницкимъ не было ничего, чего ты не могла бы услышать совсѣмъ равнодушно... Въ правленіи онъ даже рѣдко и останавливается, чтобы сказать мнѣ, при всѣхъ, пару словъ.

Кузина взглядывалась въ ея глаза чтобы узнать не лжетъ-ли. Но даже и у честнѣйшей женщины, глаза умѣютъ хранить секретъ гораздо лучше ея языка.

— Съ чего же онъ сталъ къ тебѣ такъ внимателенъ? сказала Софья Ивановна, понижая тонъ. — Сегодня уже не я одна, а и маменька это замѣтила.

— А Господь его вѣдаетъ, отвѣчала Паша вздохнувъ. — Развѣ они объясняютъ это кому-нибудь? Можетъ быть ты раздосадовала его и онъ дѣлаетъ это въ пику, чтобы тебя наказать?

— Какія глупости! Онъ мнѣ нравится, но у меня съ нимъ не было ничего.

— Можетъ и глупости, отвѣчала Паша,—но я вѣдь не утверждаю что это именно такъ. Я дѣлаю только предположеніе, которое мнѣ и на умъ не пришло бы, если бы ты не пытала меня. Спроси у него сама—это короче, и я надѣюсь что онъ, какъ порядочный человекъ, не захочетъ тебя обмануть.

— Ахъ, убирайся!

И Софья Ивановна, убѣгая, гнѣвно захлопнула за собою дверь.

Но если-бы она могла знать правду, у ней не хватило бы духу сердиться на Пашу, которая, вмѣсто того чтобы торжествовать побѣду, послѣ ея ухода, горько расплакалась... И тутъ, противъ нея начиналось преслѣдованіе!..

* *

Вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ бурь, случилось и то, чего Паша больше всего боялась. Окончивъ дневныя занятія и возвращаясь домой пѣшкомъ, она встрѣтила Бурдюкова. Низкій поклонъ и знакомая, скредная усмѣшка. Лицо Порфирія Ивановича изображало пріятную неожиданность, изъ-подъ которой сквозило что-то похожее на отечески-нѣжный укоръ. Онъ былъ увѣренъ что дѣвушка, увидавъ его, остановится, но она, кивнувъ головою, прошла. Порфирій Ивановичъ былъ такъ удивленъ, что стоялъ съ минуту разставивъ руки; потомъ повернулъ и догнавъ ее, пошелъ рядомъ.

Шахматная партія. Съ карт. русскаго художника О. Фрейширта, грав. Флюгель.

Виленскіе типы. Продащица первыхъ цвѣтовъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. Флори, грав. Барановскій.

— За что изволите гнѣваться, матушка? началъ онъ жалобнымъ голосомъ.

Но отвѣта не было, только Паша невольно ускорила шагъ.

— Голубушка! Барышня! Неужли же я такъ виноватъ, что и добраго слова не стою?

— Что вамъ нужно? шепнула она не останавливаясь, блѣдная отъ волненія, только глаза горѣли невыносимымъ страданіемъ, и полный обиды, негодованія, ужаса — взоръ ихъ былъ такъ напряженъ, что даже преслѣдователь ея, не выдерживая, косился какъ хищный звѣрь, робѣющій передъ взглядомъ наступившей имъ добычи.

— Потолковать бы намъ надо, барышня.

— О чемъ?.. Вѣдь вы получили все что вамъ слѣдовало?..

— По векселю, матушка, только по векселю. Да и что получилъ-то? 300 рублей?.. Такъ развѣ же вы такъ дешево цѣните вашу дворянскую честь?.. Припомните, барышня, отъ какой бѣды я васъ спасъ и пожалѣйте Порфирия Бурдюкова!

— Я васъ не понимаю, сказала она.

— Не доводите меня до крайности! Послушайте моего совѣта, не доводите!

— Ахъ, Господи, да на что вы жалуетесь?

— Эхъ, барышня! Память-то видно у васъ коротка!.. А какой, позвольте спросить, у насъ былъ разговоръ, когда я васъ отпускалъ? Не оглашать того что случилось, не правда-ли? Сами собственноручно и подписать изволили. Ну-съ; а кто огласилъ? И теперь я не согласенъ ужъ больше на то что я получилъ... 300 рублей! Тыфу 300 рублей! Мнѣ надо солидное обезпеченіе отъ того что противъ меня затѣвается.

— Что затѣвается? спрашивала несчастная, не понимая рѣшительно ничего.

— Прасковья Петровна! матушка! Да неужли жъ я не знаю, на что вамъ понадобился этотъ присяжный хватъ, съ пряжкой, что наемни ко мнѣ прѣзжалъ?.. Ей, барышня, остерегитесь!.. Не доброе дѣло вы затѣваете, барышня!.. Остерегитесь, барышня!.. Честію вамъ клянусь, не поможетъ вамъ вашъ совѣтникъ... Нѣтъ; не поможетъ!

Но тутъ случилось нѣчто съ обѣихъ сторонъ непредвидѣнное. Ужасъ и отвращеніе заставляя Пашу ускоривать шагъ, дошли до того, что страдавшій одышкою Бурдюковъ не въ силахъ былъ дольше за ней поспѣвать. Сначала она понять не могла, что это значитъ, что онъ то отстанетъ, то поравняется съ ней; но нѣсколько разъ, оглядываясь и видя какъ онъ пыхтитъ, усиливаясь ее догнать, она наконецъ не могла не почувствовать какъ легко ей отъ него отдѣлаться... На заворотѣ за уголъ, ей попались изволицы санки... Еще разъ она оглянулась.. Не видно!

— На Конно-Гвардейскій бульваръ! сказала она, проворно садясь, и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ замѣтить ее, была уже далеко

— Удрала! ворчалъ Бурдюковъ, завернувъ за уголъ и озираясь. — Ну, погоди же!.. Я у тебя посбавлю прити!

XIII.

Конечно Ладищева извѣстила немедленно своего повѣреннаго и они видѣлись на другой же день, въ правленіи.

— Вы кончили? спросилъ онъ, замѣтивъ что она прячетъ бумаги.

— Кончила.

— Такъ подождите немножко; я сію минуту тоже окончу, и если позволите, васъ провожу.

Дорогой онъ успокоивалъ Пашу.

— Вы видите сами, говорилъ онъ, — что чортъ не такъ страшенъ какъ вы воображали... Все же, вы ему дали урокъ, послѣ котораго онъ едва-ли рѣшится

преслѣдовать васъ на улицѣ. А тутъ, въ правленіи, уже приняты мѣры... Вамъ остается только распорядиться дома, чтобы швейцаръ и прислуга не принимали совѣтъмъ незнакомыхъ людей Пусть объяснятъ, что васъ можно видѣть только въ правленіи; а въ правленіи скажутъ наоборотъ, что вы принимаете только дома.. И на ея замѣчаніе что это возбудить толки между прислугой: — Да, на короткое время. Но что же дѣлать? Нельзя же его пустить на лѣстницу, или въ прихожую, когда онъ идетъ завѣдомо чтобы сдѣлать скандалъ. А время, когда мы обратимся къ дядюшкѣ, съ жалобой на преслѣдователя и съ просьбою чтобы онъ насъ избавилъ отъ этого молодца, — еще не пришло.

— Какъ „обратимся къ дядѣ“? воскликнула она въ ужасѣ.

— Такъ; будьте спокойны. Мы это уладимъ.

— Вы?

— Съ Марьей Кондратьевной... Она имѣетъ къ нему другое дѣло, гораздо болѣе трудное, и ваше пройдетъ въ придачу, безъ всякаго затрудненія.

— Викторъ Михайловичъ, сказала Паша, сильно встревоженная, — я бы желала чтобы вы не прятали отъ меня вещей такъ близко меня касающихся... Какое дѣло у Марьи Кондратьевны съ дядей?

— Развѣ она вамъ не говорила?

— Ни слова

Онъ сдѣлалъ нѣсколько удивленный видъ хотя и отлично зналъ что ей ничего не извѣстно.

— Ну, извините, — мнѣ значитъ тоже слѣдовало молчать, потому что вы понимаете, у насъ, присяжныхъ повѣренныхъ, есть обязанности, не позволяющія намъ оглашать того, что намъ ввѣрено... Но будьте спокойны, какія бы ни были у нея дѣла, они нисколько васъ не касаются.

Ладищева замолчала, припоминая обмолвки Марьи Кондратьевны и неясный призракъ какой-то опасности, который мелькнулъ передъ нею еще въ ту пору. Опять онъ былъ тутъ, и опять ей стало страшно, только уже не за себя, а за дядю. Знать-ли онъ что-нибудь о томъ что затѣвается? И если такъ кажется, нѣтъ, то честно-ли это будетъ не предупредить его?

Но на вопросъ: что она можетъ сообщить дядѣ отвѣтъ ея себѣ былъ весьма коротокъ:—Ничего. Какое-то дѣло, с которымъ желаютъ къ вамъ обратиться. — „Кто?“—Юрисъ-консултъ банка отъ имени госпожи Рогневичъ.—„А ты почему это знаешь?.. Въ итогѣ она сгоритъ отъ стыда, и дядя Иванъ, посмѣявшись надъ нею отправить ее гулять.. Потому что дѣлами его не удивишь

Стойницікій тѣмъ временемъ чутко слѣдилъ за перемѣнами на ея лицѣ. Погода сначала хмурилась потому наступили какія-то колебанія и наконецъ понемногу прояснило.

— А какъ же на счетъ воскресныхъ свиданій? спросилъ онъ вдругъ. — Не смѣю настаивать но я бы очень желалъ чтобы вы уступили мнѣ этотъ часъ во всякомъ случаѣ, то есть нужно или не нужно намъ сообщить другъ другу что-нибудь касающееся до дѣла. Такъ какъ, во-первыхъ, трудно предугадать всѣ вопросы какіе могутъ ежеминутно возникнуть. А вторыхъ сказать-ли вамъ правду? (и говоря это онъ коснулся ея руки) Это единственный часъ изъ всей недѣли который мнѣ дорогъ самъ по себѣ, безъ всякихъ утилитарныхъ соображеній.

Она заглянула украдкой ему въ глаза, и покраснѣла, но не сказала ни слова.

— Можетъ быть я безразсудно дѣлаю, говоря такъ прямо, но я вамъ долженъ это сказать, хотя бы только чтобы оправдаться.

— Въ чемъ? спросила Ладищева, отворачивая лицо.

— Вы сами знаете въ чемъ.

— Но если я васъ увѣрю серьезно, что я не знаю за вами вины...

— Не смѣю спорить, а только напомню, что вы не всегда были такъ снисходительны.

Ладищева помнила, но ей не понравилось что онъ ей это напоминаетъ, точно какъ будто бы онъ считалъ недавній гнѣвъ ея, въ воскресенье не искреннимъ.

— Вы кажется переходите въ обвиненіе? сказала она. — Оставьте пожалуйста этотъ предметъ: о немъ достаточно сказано... Хотите чтобъ я абонировалась на ваши воскресныя консультаціи?.. Что-жь? Я не прочь, потому что и я ихъ высоко цѣню. Только съ условіемъ, чтобы это не было обязательно. Могу—приду; не могу — вы не будете на меня въ претензіи.

Дома ее перепугало извѣстіе что ее кто-то спрашивалъ.

— Кто? добивалась она въ смущеніи.

— Не могу знать-съ, отвѣчалъ лакей. — Чиновникъ, надо быть, потому въ вицмундирѣ и съ орденомъ... Пожилой... Не изъ важныхъ... Былъ скоро послѣ того какъ вы ушли, и сказалъ что еще придетъ.

— А карточки не оставилъ?

— Нѣтъ-съ... Я спрашивалъ, какъ о немъ доложить. Говорить: не нужно. Барышня, молъ, и такъ догадуются кто. Если же нѣтъ, то скажи что покорнѣйше молъ просилъ не позабыть объ одномъ дѣльцѣ, на станціи, въ Грузовѣ

Сомнѣнія не было, да и выбора тоже. Еслибъ она и успѣла дать знать своему зацигнику, то конечно онъ не далъ бы ей никакого другаго совѣта кромѣ того, который она уже слышала.

— Все равно кто, сказала она слугѣ. — Я не желаю видѣть здѣсь никого кромѣ личныхъ моихъ знакомыхъ, которые всѣ вамъ извѣстны. А по дѣламъ меня можно видѣть въ правленіи... Не пускай никого, и Федору передай. Никакихъ вицмундировъ съ орденомъ у меня нѣтъ знакомыхъ... Да позови мнѣ швейцара.

Явился швейцаръ и она ему повторила тоже.

— Ты и на лѣстницу ихъ не пускай, говорила она, — а отсылай, безъ всякаго разговора, въ правленіе. Я тамъ всегда, отъ 12-ти до 5-ти, и тамъ уже знаютъ: кого мнѣ нужно или не нужно видѣть по дѣлу.

Швейцаръ, какъ большая часть швейцаровъ, былъ глупъ; но этого рода распоряженія были ему отлично знакомы.

— Слушаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ вытянувшись. — Дядюшка тоже не любятъ когда они сюда шляютъ.

Какъ разъ на другой день утромъ, въ 11-ть, Порфирій Ивановичъ былъ тутъ, но швейцаръ, отлично притравленный на просителей, масса которыхъ почти ежедневно пыталась увидѣть Ивана Федоровича Ладищева, остановилъ его не особенно вѣжливо.

— Кого вамъ?

— Прасковья Петровна Ладищева...

— Не принимаютъ.

— Да мнѣ по дѣлу, голубчикъ, по очень важному дѣлу.

— По дѣлу извольте идти въ правленіе.

— Нельзя-ли хоть тутъ подождать?.. Онъ вѣдь сейчасъ пройдутъ.

— Нельзя... Отъ самого генерала строжайшій приказъ, чтобы просители тутъ не толкались... И видя что тотъ меланхолически хищнымъ взоромъ поглядываетъ наверхъ: — Чего дожидаетесь?.. Вамъ говорятъ: не приказано!

Порфирій Ивановичъ былъ глубоко оскорбленъ такимъ явнымъ неуваженіемъ къ вицмундиру и кре-

стику, которые онъ, въ подобныхъ случаяхъ, старательно выставлялъ на видъ, и едва-ли ушелъ бы такъ смиренно, если бы хорошо извѣстныя ему имя Ладищева и его высокое положеніе не налагали узды на его предпримчивость.

Та же попытка, на другой день, повторена была имъ въ правленіи; но въ правленіи, послѣ вчерашняго, приняты были уже другія мѣры. Его хотя и пустили наверхъ, но едва онъ назвался, проси доложить о себѣ госпожѣ Ладищевой, какъ ему объяснили вѣжливо, но рѣшительно, что его не велѣно принимать, прибавивъ многозначительнымъ шепотомъ, чтобы онъ уходилъ безъ разговора, если не хочетъ, чтобы его немедленно вывели.

Онъ постоялъ, посмотрѣлъ, и ушелъ взбѣшенный.

— Барышня-то сегодня какъ перетревожилась, говорилъ за обѣдомъ лакей, рассказывая своимъ сотрапезникамъ о посѣщеніи вицмундира и объ инструкціяхъ, которыя онъ съ швейцаромъ по этому поводу получилъ отъ Паши. Извѣстіе это показалось загадочно и, какъ все загадочное, произвело на кухнѣ сенсацію. Вспомнили странныя обстоятельства, сопровождавшія прїѣздъ ея изъ деревни и дѣлали разныя предположенія на счетъ вѣроятной связи этихъ двухъ инцидентовъ. Напоминаніе о какомъ-то дѣлѣ на станціи находили особенно любопытнымъ.

— Не сказывалъ, что такое? спросила горничная Наташа.

— Да, какъ же! Скажутъ тебѣ!.. замѣтилъ значительно поваръ. — Мало-ли, нынѣшнимъ временемъ, у господъ, какія дѣла!

Но Пашу любили и большинство склонялось къ тому, что худаго за барышнею не слѣдуетъ быть.

Стойницкій, который зналъ кое-что о „дѣльцѣ на станціи“, въ сущности былъ того же мнѣнія, только понятія его о „худомъ“, какъ юриста, были весьма относительны. Онъ былъ очарованъ Пашей и погнался за нею какъ страстный охотникъ за увлекательною добычей, самъ не давая себѣ отчета къ чему это поведетъ. Сильный аффектъ, котораго она не умѣла скрыть, мгновенно зажегъ въ немъ страсть, а ея чистота, довѣрчивость, искренность и беззащитное положеніе стали скоро, въ его глазахъ, столь же могущественною приманкой, какъ и надежнымъ ручательствомъ за успѣхъ. Вопросъ: какимъ образомъ этотъ дрянной бумажникъ, съ 50 рублями, попалъ къ ней въ сумку, — съ фактической стороны, казался неясенъ; но именно эта неясность и придавала особый „haut gout“ психологической сторонѣ загадки. Множество хорошо извѣстныхъ въ судебной практикѣ случаевъ не позволяли ему сомнѣваться, что грѣхъ находитъ себѣ нерѣдко лазейку въ такія, повидимому, неодолимая крѣпости нравственной чистоты, гдѣ самая смѣлая гипотеза отказывается его искать.

Весьма возможно, думалъ онъ, что у его клиентки есть тайна, которой она добровольно не согласится открыть никому. А если такъ, то вывѣдать эту тайну необходимо, хотя бы только чтобы не сдѣлать профессиональной ошибки, стараясь избавиться ее отъ ея преслѣдователя. Но дальше, за этою профессиональною цѣлью, мелькала другая, гораздо болѣе привлекательная. Рѣшивъ загадку, онъ могъ бы весьма вѣроятно провикнуть въ сердце ее скрывающее и овладѣть имъ, овладѣть мыслями, волей своей клиентки, стать властнымъ посредникомъ въ сдѣлкахъ ея со своею судьбою и вмѣстѣ единственною надеждой ея на счастье, а это такая награда, передъ которой все остальное казалось ему безвкусно.

Стойницкій любилъ свое ремесло, но привязывали его къ послѣднему не тонкость профессиональнаго

мастерства съ его регулярной добычей, а рискъ и отвага азартнаго игрока, для которыхъ адвокатура порой открываетъ такой широкой просторъ. Ранній успѣхъ достаточно обезпечилъ его матеріальное положеніе чтобы сдѣлать, для этого предприимчиваго дѣльца, простую, денежную наживу второстепеннымъ дѣломъ, да онъ по природѣ своей и не былъ жаденъ, не былъ даже, подобно многимъ сверстникамъ, жуиромъ въ вулгарномъ значеніи слова. Но страстный его темпераментъ требовалъ сильнаго возбужденія, и это его заставляло предпочитать иррегулярную практику такихъ кліентовъ какъ Марья Кондратьевна всякой другой.

Дѣло Шалыгина замедлено было временнымъ недостаткомъ пороха у этого флибустьера, и въ ожиданіи крупной игры, Стойницкій занялъ былъ на досугѣ розысками по тѣсно связанному съ нимъ и далеко не столь рискованному, но въ своемъ родѣ гораздо болѣе общающему дѣлу Паши.

Ни слова не говоря ей, онъ былъ вторично у Жухиной; но не узналъ ничего особеннаго.

— Сдѣла, моль, ночью, въ вагонъ, и повидимому спала.

— Но если она спала, то какимъ образомъ этотъ злостный бумажникъ попалъ къ ней въ сумку?

— А этого я ужъ не знаю.

— Можетъ быть вашъ компаньонъ нарочно его подбросилъ туда?

Подумавъ, Марья Никитишна, взволнованнымъ голосомъ отвѣчала, что прежде она поручилась бы за него, но что теперь не ручается...—Кто жъ его знаетъ?.. Можетъ быть и подбросилъ.

— А вы съ нимъ не говорили объ этомъ?

— Нѣтъ, видите, у меня съ нимъ и такъ довольно свары, чтобъ подливать еще масла въ огонь.

— То есть, другими словами, вы не желаете ссориться съ нимъ безъ нужды. Но я и самъ вамъ этого не совѣтую. Безъ всякихъ угрозъ, вы могли бы просто ему намекнуть что его поведение съ вами наводитъ васъ иногда невольно на мысль, что онъ и съ Ладищевою кругомъ виноватъ.

— Да, Марья Кондратьевна то же мнѣ говоритъ; но я, признаться вамъ, просто его боюсь.

— Вотъ это-то вамъ и портитъ все дѣло, милая Марья Никитишна, сказалъ Стойницкій. — Покуда онъ будетъ видѣть что вы боитесь его, онъ не посовѣстится васъ притѣснять. А надо поставить себя съ нимъ такъ, чтобы не вы его, а онъ васъ боялся. Тогда онъ станетъ шелковый—и дѣло у васъ пойдетъ такъ гладко, какъ только можно желать... Конечно, если у васъ не хватаетъ смѣлости...

— Нѣтъ, отвѣчала она спокойно: — смѣлостію Богъ не обидѣлъ; да положеніе-то мое, вотъ видите, таково, что мнѣ не къ лицу куражиться.

— Такъ разрѣшите мнѣ. Я только ему намекну чтобы онъ не слишкомъ на васъ рассчитывалъ въ случаѣ если ему придется, какъ это и вѣроятно, не обвинять, а оправдываться.

— Голубчикъ, сказала Жухина, утирая глаза, — мнѣ не учить васъ. Дѣлайте какъ хотите; только, ради Создателя, не забудьте что у меня семейство, и что если онъ выживетъ меня изъ кассы...

— Будьте спокойны. Не только онъ васъ не выживетъ, а скорѣе, наоборотъ, вы его выживете, если вы только съумѣете взяться за дѣло. Потому что, вы понимаете, съ вашею помощью, можно будетъ и безъ суда устроить что его выплюютъ изъ Петербурга въ 24 часа.

Марья Никитишна широко улыбнулась при мысли объ этой возможности, и общала подумавъ.

Позже, онъ ѣздилъ въ Грузово и имѣлъ конфиденціальное объясненіе съ нашимъ знакомымъ, чернявымъ

начальникомъ станціи. Тотъ подтвердилъ всѣ факты, и на вопросъ какимъ чудомъ подобныя вещи могли случиться, признался ему чистосердечно, что ни у него, ни у отлично знакомаго ему, старшаго кондуктора, на этотъ счетъ не осталось сомнѣнія... Бумажникъ былъ несомнѣнно подброшенъ, чтобы запутать несчастную пассажирку.

— А вы не откажетесь подтвердить при случаѣ то что вы говорите, какъ ваше нравственное убѣжденіе?

Тотъ призадумался. Но получивъ кое-какія свѣдѣнія на счетъ родни и связей дѣвушки, общалъ, какъ за себя, такъ и за старшаго кондуктора.

* * *

Въ профессиональномъ смыслѣ Стойницкій сдѣлалъ все что при данныхъ условіяхъ долженъ былъ сдѣлать заботливый адвокатъ, оградивъ кліентку свою, по мѣрѣ возможности, отъ преслѣдованія, и обезпечивъ себя, на худой конецъ, свидѣтелей. Но онъ не узналъ отъ нихъ ничего что бросало бы хоть малѣйшій свѣтъ на столь важную для него въ другомъ отношеніи, психологическую загадку. Въ томъ что Ладищева не воровка онъ не имѣлъ и тѣни сомнѣнія; но не случилось-ли съ ней, въ потемкахъ, чего-нибудь что отдало ее — на поверхностный взглядъ безъ всякихъ причинъ — во власть этого хищника?.. Какой-нибудь глубоко-сокрытой во мракѣ этой несчастной ночи — ошибки, неосторожности, минутнаго омраченія мысли и заблужденія чувствъ?

Занятый этимъ вопросомъ, онъ возвращался однажды, въ пятомъ часу, изъ правленія, какъ вдругъ, — это было на Невскомъ, у Полицейскаго моста, — ему попалась навстрѣчу Софья Ивановна. Она была совершенно одна, и озиралась, словно отыскивая глазами кого-то въ толпѣ; но увидавъ Стойницкаго, мигомъ перенесла вниманіе на него, и стала жаловаться ему, смѣясь, на своего кузена Сережу.

— Этакій вѣтеръ! Представьте: бросилъ меня у Мелле, обѣщая вернуться черезъ минуту, да такъ и пропалъ!.. Куда это вы? Если по важнымъ или интереснымъ дѣламъ, то я разумѣется васъ не держу, но если куда-нибудь въ ресторанъ, обѣдать, то я надѣюсь, что вы предпочтете меня проводить и обѣдать съ нами?.. А cher cousin можетъ искать меня гдѣ угодно... Ему это не въ диковину.

И взявъ предложенную ей очень охотно руку, она продолжала въ томъ же развязномъ тонѣ.

— Паша вамъ не рассказывала какъ онъ покинулъ ее въ вокзалѣ желѣзной дороги, въ Р***, одну?.. Такъ слушайте же, это вамъ дастъ понятіе о Сережѣ, если вамъ иначе не случилось его изучать...

И она рассказала ему, смѣясь, этотъ многозначительный въ жизни кухни ея инцидентъ.

Юристъ былъ сильно заинтересованъ, и Софья Ивановна, которая это тотчасъ замѣтила, въ тайнѣ души уколота, почти всю дорогу потомъ поддразнивала его насчетъ якобы незамѣченнаго ею до сихъ поръ, но замѣчательнаго участія его ко всему что касается Паши.

— Сережа вамъ не рассказывалъ ничего объ этомъ ея путешествіи? спросила она между прочимъ.

— Рѣшительно ничего.

— Вы, стало быть, не знаете, что у Паши, дорогой была неприятность?.. Пустая въ сущности, но послѣ которой она, здѣсь въ Петербургѣ, едва не слегла?

Рука, на которую она опиралась, едва ощутительно дрогнула.

— Паша престранный субъектъ, продолжала она, не давая себѣ отчета въ чувствѣ, которое подстрекало ее. — Въ будничной жизни трудно представить себѣ что-нибудь скромнѣе, сдержаннѣе и положительнѣе; а между тѣмъ съ нею то и дѣло случаются чудеса...

Незнакомая тётя. Съ карт. Фоглера, грав. Бонгъ. Библиотека "Руниверс"

И она заглядывала ему въ глаза съ вызывающею усмѣшкой, какъ бы желая знать что онъ на это скажетъ; но онъ молчалъ.

— Вы любите чудеса?

— Да, я всегда имѣлъ какую-то дѣтскую слабость къ чудесному.

— На прозаической почвѣ?

Онъ улыбнулся.

— Ну, въ такомъ случаѣ, рекомендую вамъ моего кузена. Онъ знаетъ курьезныя вещи о Пашѣ...

И вдовушка замолчала; но взглядъ ея былъ выразителенъ: онъ какъ-бы невольно давалъ понять, что она останавливается передъ нескромностью.

* * *

Софья Ивановна сильно подозрѣвала, что онъ пришелъ для Паши; но если такъ, то ожиданія его были обмануты: вскорѣ послѣ обѣда, послѣдняя получила записку, заставившую ее всю вспыхнуть отъ столкновѣнія самыхъ противоположныхъ чувствъ.

— Откуда? быстро спросила ея кузина.

— Отъ Аннетъ Мезенской!

Записка была дѣйствительно отъ нея и содержала уведомленіе о ея прїѣздѣ, съ адресомъ меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ она остановилась, и съ убѣдительною просьбой прїѣхать *немедленно*. (Слово это подчеркнуто было дважды).

Стойничій съ едва скрываемымъ безпокойствомъ глядѣлъ на Пашу, покуда дѣло не выяснилось, подозревая какую-нибудь новую, непріятельскую затѣю; но дѣвушка, несмотря на свое волненіе, не забыла о немъ и успокоила его взглядомъ.

— Я черезъ четверть часа должна ѣхать, сказала она, какъ-бы прося у него извиненія, но высидѣла съ трудомъ даже и этотъ срокъ; по озабоченному лицу ея было ясно, что мысли ея отсутствуютъ.

— Да уѣзжай ты пожалуйста! сказала ей, наконецъ, кузина. — Точно смотрѣть, какъ ты принуждаешь себя.

И пристыженная Паша уѣхала.

(Продолженіе будетъ).

Два миссіонера.

(Разсказъ изъ жизни богоносцевъ далекаго Востока).

А. Я. Максимова.

(Окончаніе).

X.

Отецъ Петръ разоспался до такой степени, что тронулся въ дальнѣйшій путь только на другой день. Онъ поднялся не рано, такъ какъ до селенія Раздольнаго, гдѣ миссіонеръ предполагалъ сдѣлать второй привалъ, оставалось не болѣе пятнадцати верстъ отличной, сравнительно, дороги...

Путники прибыли въ Раздольное вскорѣ послѣ полудня и остановились, по обыкновенію, въ домѣ отставнаго солдата Перевалова, лихаго охотника и горькаго пьяницы Перевалова, несканзано обрадовавшаго неожиданному прїѣзду отца Петра: онъ хорошо зналъ, что миссіонеръ никогда не ѣздитъ по паствѣ безъ хорошаго запаса отличнаго коньяку и водки, весьма рѣдкихъ въ Раздольномъ, гдѣ приходилось чаще довольствоваться слабымъ и одуряющимъ китайскимъ напиткомъ *ганшиномъ*. На основаніи этихъ вѣсскихъ соображеній, со стороны Перевалова послѣдовала самая сердечная встрѣча. Съ низкими поклонами онъ проводилъ отца Петра въ уютную горницу, не забывъ принять пастырское благословеніе и лицемѣрно поцѣловать пухлую руку миссіонера.

Черезъ четверть часа, на столѣ уже кипѣлъ блестящій самоваръ; появились превосходная простокваша, сливки и свѣжій яйца. Рядомъ съ этими сельскими продуктами, Алексѣй не замедлилъ разставить нѣсколько банокъ съ разнообразными консервами, бутылки водки и коньяку. Когда все было готово, отецъ Петръ пригласилъ Перевалова:

— Садись, выкушай вмѣстѣ чайку.

— Много благодаренъ за вниманіе, отче, поблагодарилъ Переваловъ, усаживаясь на дубовый табуретъ.

— Быпей и разсказывай, что у васъ тутъ новаго проговорилъ отецъ Петръ, наливая стаканчикъ водки.

Переваловъ не замедлилъ опрокинуть водку въ горло, крикнувъ при этомъ на всю горницу: давно уже ему не приходится пить такого славнаго напитка.

— Новостей у насъ нѣтъ, отче, удовлетворилъ онъ затѣмъ любопытство миссіонера. — Живемъ помаленьку, тихо и скромно. Сами изволите знать, на что наша жизнь похожа: изо дня въ день все одно и то-же... Людей почти не видимъ... Побывалъ тутъ на-дняхъ тигръ, хотѣлъ было лошадей у меня зарѣзать, но я и самъ не промахъ: застрѣлилъ его на дворѣ и шкуру уже за двѣ красненькія продалъ какому-то проѣзжему офицеру...

— А хунхузы (китайскіе бродяги) не шалатъ?

— О хунхузахъ давно не слышно... Они Раздольное обѣгаютъ — хорошо знаютъ, что Переваловъ съ ними шутить не любитъ... Гдѣ ни встрѣчу — спуску имъ не даю!

— Слыхалъ, слыхалъ, съ улыбкой перебилъ миссіонеръ словоохотливаго хозяина. — А правду-ли разсказываютъ у насъ, во Владивостокѣ, что ты, на ряду съ хунхузами, частенько подстрѣливаешь и мирныхъ китайскихъ охотниковъ, зарясь на добытые ими панты?.. *) Чего ты перенугалъ?.. Это я такъ къ слову спросилъ, поспѣшилъ отецъ Петръ успокоить всполошившагося вдругъ хозяина. — Ха, ха, ха! ты, я вижу, проказникъ большой руки! добавилъ онъ весело.

— Поклѣнь, отче, ей Богу одинъ только поклѣнь, какъ передъ Богомъ говорю началъ Переваловъ торопливо оправды-

ваться, хотя отлично зналъ, что въ данномъ случаѣ не было никакого поклѣна. Его только поразило то ужасное обстоятельство, какимъ образомъ распространился такой слухъ, когда онъ обдѣлывалъ свои кровавыя дѣла въ глухой тайгѣ, вдали отъ всякаго жилья, при чемъ единственный свидѣтель (и въ то же время жертва) всегда старательно вычеркивался изъ списка живыхъ людей.

— Надо быть осторожнѣй, получше концы хоронить*, мелькнуло у него въ оловѣ.

— Такъ поклѣнь, значитъ? переспросилъ отецъ Петръ, хитро улыбаясь.

— Поклѣнь, отче, ей Богу, поклѣнь! повторилъ свою божбу совѣстмъ растерявшійся Переваловъ, пряча глаза въ кружку съ чаемъ.

— Уступилъ-ка мнѣ парочку пантовъ, да и рѣчи нашей копецъ, продолжалъ миссіонеръ тѣмъ же тономъ.

— Пантами всегда вамъ, отче, удружить готовъ! обрадовался вдругъ хозяинъ, словно съ его совѣсти свалился тяжелый камень. Онъ видимо ободрился и смѣло взглянулъ въ лицо отца Петра, продолжавшаго хитро улыбаться.

— Ну, неси, неси! настойчиво проговорилъ миссіонеръ.

Переваловъ покорно вышелъ. Черезъ полчаса онъ вернулся съ парой пантовъ, уже приготовленныхъ къ продажѣ тѣмъ секретнымъ способомъ, который удалось ему вывѣдать отъ китайцевъ.

— Примите, отче, въ даръ, смиренно проговорилъ разбойникъ-охотникъ, передавая миссіонеру принесенные панты.

— Превосходные панты! съ видомъ знатока пробурчалъ отецъ Петръ, алчно разглядывая неожиданно полученный драгоценный даръ. — Спасибо, большое спасибо!.. А тебѣ, дружокъ, дарствую взамятъ пантовъ двѣ бутылки коньяку: кушай его на здоровье!.. Отличный коньякъ! похвалилъ миссіонеръ, передавая хозяину свой подарокъ.

Переваловъ былъ въ восхищеніи и не находилъ словъ, какъ отблагодарить милостиваго и въ то же время щедратаго гостя...

Миссіонеръ оставилъ гостепріимный домъ Перевалова только черезъ три дня; онъ выѣхалъ въ дальнѣйшій путь не ранѣе, какъ сталъ ощущать недостатокъ въ крѣпкихъ напиткахъ, взятыхъ въ дорогу изъ Владивостока. Такимъ образомъ, отцу Петру поневолѣ пришлось спѣшить въ село Никольское, гдѣ можно было сдѣлать новый запасъ всего необходимаго. Не станемъ описывать этотъ короткий переѣздъ изъ захолустнаго Раздольнаго въ маленькій центръ культурной и общественной жизни Усурійскаго края. Онъ былъ совершенъ вполне благополучно, хотя и съ прежнею торжественно величавою медленностью похоронной процессіи. Вся сельская интеллигенція, состоявшая изъ кушцовъ и армейскихъ офицеровъ, уже ждала отца Петра, сгорая нетерпѣніемъ сразиться съ нимъ на зеленомъ полѣ. Онъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями, и тотчасъ погрязъ въ омутъ азартной картежной игры и попооекъ, единственныхъ въ то время развлеченій далекой окраины...

Обоидемъ молчаніемъ двухъ-недѣльное пребываніе отца Петра въ Никольскомъ. Пора уже перейти къ другой сторонѣ миссіонерской дѣятельности отца Петра, самой характерной и заслуживающей сугубаго вниманія.

Переходъ отъ одной дѣятельности къ другой совершился случайно и неожиданно. Увлеченный картежной игрой, отецъ

*) Пантами (по китайски Лу-жизимъ) русскіе называютъ молодые олени и изуберные рога. Пара оленьихъ пантовъ дѣнится, смотря по достоинству, отъ 150 до 300 серебряныхъ рублей. Китайцы готовятъ изъ нихъ возбуждающее дѣйство.

Петръ совершенно забылъ о своей паствѣ, тщетно ожидавшей миссіонера для выполненія крайне необходимыхъ требъ. Онъ не обращалъ даже вниманія на вѣчно пьянаго Алексѣя, начавшаго уже пропивать рубахи, нарочно сшитыя для будущихъ новообращенныхъ. Дни шли за днями быстро и незаметно. Отецъ Петръ, охваченный чадомъ счастливой игры, уже окончательно сталъ забывать о настоящей цѣли своего путешествія, какъ вдругъ разнесся по Никольскому тревожный слухъ, что изъ Иркутска ѣдетъ ново-посвященный епископъ Камчатскій, которому поручено подробно ознакомиться съ ходомъ миссіонерской дѣятельности въ Усурійскомъ краѣ. Услыша эту новость, отецъ Петръ встрепетнулъ и немедленно приказалъ Алексѣю готовиться въ дорогу. Сборы были недолги. Подгоняемый страшнымъ призракомъ предстоящей строгой ревизіи, миссіонеръ въ тотъ же день тронулся въ дальнѣйшій путь, проклиная тревожно сложившіяся обстоятельства, нарушившія его картельный кейфъ. Онъ торопился наверстать потерянное время, чтобы успѣть до пріѣзда владыки составить краснорѣчивый отчетъ о своей якобы плодотворной миссіонерской дѣятельности...

На другой день, вечеромъ, отецъ Петръ уже прибылъ въ небольшое поселеніе корейскихъ выходцевъ, часть которыхъ была обращена имъ въ православіе два года тому назадъ и съ тѣхъ поръ не видѣла своего духовнаго отца. Новообращенные встрѣтили миссіонера холодно и даже непріязненно, досадуя на его забвеніе. Никто не вышелъ привѣтствовать отца Петра; даже собаки продолжали лѣниво грѣться на солнцѣ, не обращая никакого вниманія на неожиданныхъ гостей...

Пробѣжавъ вдоль безмолвной, пыльной улицы, миссіонеръ остановился у фанзы одного изъ новообращенныхъ, корейца Юмантуя, копошившагося со всей семьей на своемъ огородѣ, примыкавшемъ къ самой фанзѣ.

— Здравствуй, Иванъ! крикнулъ отецъ Петръ хозяину, слѣзая съ лошади.

— Меня не Иваномъ звать, а Юмантуемъ, угрюмо проворчалъ кореецъ, холодно оглядывая, изъ-подъ широкой соломенной шляпы, тучную фигуру миссіонера.

— Какъ Юмантуемъ? удивился отецъ Петръ, расправляя смятую шелковую рясу. — Да вѣдь я тебя окрестилъ и имя православное далъ!

— Твоя правда, согласился хозяинъ, продолжая недвижно стоять у изгороди, — только ты не Иваномъ меня называлъ, а Николаемъ...

— Ну, извини, забылъ, сконфузился миссіонеръ.

— Не мудрено забыть — давно уже не видѣли тебя, съ укоровой проворчалъ Юмантуя. — Впрочемъ, пріѣхалъ — будь гостемъ... Заходи въ фанзу... Шихэ, принимай гостей!.. обратился онъ къ женѣ.

Отецъ Петръ вошелъ въ фанзу и съ удовольствіемъ усѣлся на чистую циновку, разостланную на низенькихъ нарахъ, тянувшихся вдоль одной изъ стѣнъ.

— Какъ живете? задалъ онъ шаблонный вопросъ.

— Живемъ понемногу, отвѣтилъ хозяинъ, лѣниво почесывая загорѣвшую, сухую шею.

По случаю жаркаго времени, Юмантуя былъ одѣтъ только въ одни бумажные шаровары. Костюмъ хозяйки состоялъ всего изъ бѣлоснѣжной юбки и коротенькой кофты, едва прикрывавшей плечи.

— Значить, хорошо живете? старался отецъ Петръ завязать разговоръ.

— По нашему — хорошо, а какъ будетъ по твоему — не знаемъ, уклончиво отвѣтилъ хозяинъ, закуривая трубку.

— А гдѣ же кресты, что я вамъ подарилъ? спросилъ вдругъ миссіонеръ, оглядывая голыя шеи хозяевъ.

— Потеряли, коротко отрѣзалъ Юмантуя.

— Развѣ можно кресты терять!?. Такъ вы и Бога потеряете! грубо проговорилъ отецъ Петръ.

— И Бога безъ тебя потеряли — давно не былъ! сердито проворчалъ хозяинъ. — Ждали, ждали и ждать перестали!..

— Такъ вы что-же: отъ православной вѣры отпали!? разсердился миссіонеръ. — А знаете-ли, что съ вами за это будетъ?.. На Сахалинъ соплотятъ!..

— Зачѣмъ ссылать... Да и кресты — оныя надѣнемъ: намъ все равно, испугался Юмантуя.

— Ну, смотрите!.. Въ другой разъ увижу васъ безъ крестовъ — плохо вамъ будетъ!.. Алексѣй! крикнулъ отецъ Петръ проводнику, — выдай имъ по кресту, да самъ покрѣпче шнуръ завяжи, чтобы черезъ голову снять нельзя было...

— Завяжу хорошо, отозвался Алексѣй, вытаскивая изъ кобры два мѣдные крестика на крѣпкихъ шнуркахъ. — Эй, подходи ты... Какъ тебя звать? грубо обратился онъ къ хозяину.

Юмантуя лѣниво подошелъ къ Алексѣю и покорно вытянулъ свою сухую, загорѣлую шею. Онъ въ этотъ моментъ очень походилъ на быка, вытягивающаго шею подъ непріятное ярмо.

— Хорошо будетъ, ступай! скомандовалъ проводникъ черезъ минуту. — Эй, хозяйка, подходи: твой чередъ!..

Шихэ такъ же покорно подставила свою шею подъ грубыя руки проводника, но отогнала отъ Алексѣя въ глубокомъ смущеніи и оскорбленіи.

— Какой дурной человекъ! прошептала она, подходи къ мужу.

— Что онъ сдѣлалъ? глухо спросилъ Юмантуя.

— Ахъ, онъ очень дурной человекъ! стыдливо проговорила Шихэ.

— Негодяй, я съ нимъ при случаѣ раздѣлаюсь, съ угрозой проворчалъ хозяинъ, съ ненавистью поглядывая на Алексѣя, разставлявшаго на столѣ всевозможные закуски и напитки, захваченные въ Никольскомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, отецъ Петръ уже приступилъ къ обильному возліанію и плотной закускѣ.

— Выпей и закуси, предложилъ онъ хозяину, наливая стаканчикъ коньяку.

— Спасибо, не пью! холодно отрѣзалъ Юмантуя, удаляясь съ женой и дѣтьми въ другой уголъ фанзы, за низенькую перегородку.

Отецъ Петръ не сталъ упрашивать. Раздосадованный слишкомъ явнымъ пренебреженіемъ хозяина къ своей особѣ, онъ особенно налегъ на коньякъ, словно стараясь потопить въ немъ непріятную обиду. Черезъ часъ миссіонеръ уже хрипѣлъ на всю фанзу, забывъ на время все шипы своей миссіонерской дѣятельности...

XI.

Отецъ Петръ всталъ на другой день очень поздно. Все почти населеніе деревни уже ушло на полевую работу. Въ фанзахъ остались только дряхлые старики, старухи и малолѣтки. Миссіонеръ не торопясь позавтракалъ, расчесалъ свои пушистые волосы, надѣлъ легкую шелковую рясу и вышелъ прогуляться. Пройдя по пустынной улицѣ рядъ чистенькихъ фанзъ, онъ миновалъ околицу, съ цѣлью взглянуть на развалины кумирни, разрушенной имъ два года назадъ, съ общаго согласія жителей. Еще издали, отецъ Петръ увидѣлъ новенькое, ярко раскрашенное, небольшое зданіе, стоявшее именно на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышалась когда-то кумирня.

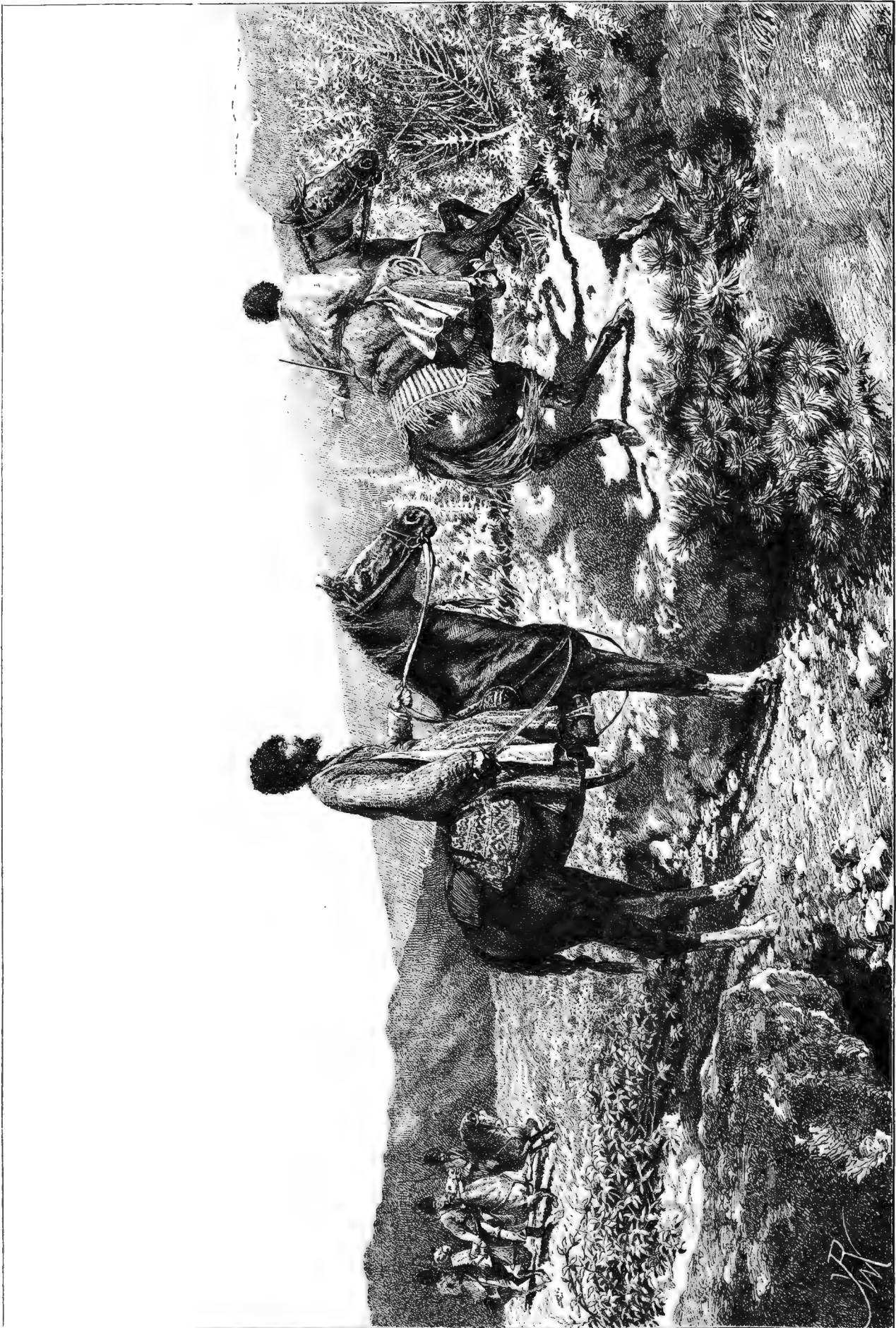
„Молодцы, часовенку выстроили“, подумалъ отецъ Петръ, шагая по пыльной дорогѣ и лелѣя себя видимыми плодами своей ревностной миссіонерской дѣятельности.

Подойдя къ предполагаемой часовнѣ, миссіонеръ положительно ослобнѣлъ, пораженный неожиданнымъ разочарованіемъ. Передъ нимъ высилась не часовня, а новенькая кумирня, несравненно щеголеватѣе прежней. За ярко раскрашенной рѣшеткой красовался цѣлый рядъ идоловъ, украшенныхъ зеленью, ленточками и цвѣтами. Тутъ же висѣли мѣдные крестики, когда-то навѣшанные отцомъ Петромъ на шею новообращенныхъ жителей селенія.

— Все пропало!.. Надо начинать снова! проворчалъ миссіонеръ, злобно разглядывая кумирню. — Впрочемъ, не унываю!.. Я ихъ такъ пугну, что они сами не только эту кумирню разнесутъ по дощечкамъ, но и часовню взамѣнъ ея построятъ!..

И отецъ Петръ быстро зашагалъ обратно. Солнце сильно припекало, обдавая яркимъ свѣтомъ волнующіяся нивы золотистой пшеницы, въ которой копошились трудолюбивые корейцы и корейки, тщательно очищая засѣянную поля отъ самой ничтожной сорной травы. Всюду мелькали широкія соломенные шляпы мужчинъ и бѣлоснѣжныя кофты женщинъ, неутомимо работавшихъ, не смотря на расслабляющую дневную жару. кипучая дѣятельность отступниковъ не отрезвила взбѣшеннаго миссіонера; злобный, угрюмый добрался онъ до прохладной фанзы, гдѣ и отдался продолжительному кейфу, рѣшивъ произвести задуманную расправу съ отпадшими отъ православія не ранѣе захода солнца...

Наступилъ вечеръ. Все населеніе деревни возвратилось съ полевыхъ работъ въ фанзы, въ надеждѣ спокойно отдохнуть послѣ тяжелаго, трудового дня. Дикари и не подозревали, что надъ ихъ головами скопились грозовыя тучи, что надежда на спокойный отдыхъ будетъ разбита несправедливыми нападками отца Петра. Никто не предполагалъ, что миссіонеръ цѣлый день копилъ въ себѣ злобу, чтобы вечеромъ неожиданно разгромить отступниковъ за ихъ призрачную вину противъ православія. Миссіонеръ слѣпо считалъ дикарей главными виновниками всего случившагося въ ущербъ достоинству христіанской религіи, не желая серьезно вникнуть въ дѣло и обратитъ вниманіе на свою вину, несравненно крупнѣйшую. Дѣйствительно, окрестивъ два года назадъ толпу корейцевъ, совершенно не подготовленныхъ къ воспріятію новой вѣры, окрестивъ ихъ при помощи соблазна новенькими ситцевыми рубахами, щедро раздаваемыми всѣмъ желающимъ креститься, миссіонеръ не двинулъ затѣмъ пальцемъ, чтобы направить колеблющіеся шаги новообращенныхъ по новому пути истиннаго спасенія. Окрестивъ толпу грубыхъ дикарей наотмашъ, только ради соблазнительной цифры, отецъ Петръ мечталъ лишь о гладкомъ написанномъ отчетѣ и затѣмъ о возможныхъ наградахъ за свою якобы плодотворную миссіонерскую дѣятельность. Охваченный бѣсомъ честолюбія, погрязшій въ омутѣ мірской жизни, онъ совершенно забылъ о новообращенныхъ, нуждавшихся въ духовномъ просвѣщеніи и въ нравственной поддержкѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, отецъ Петръ ни разу не побывалъ среди своей паствы, не удовлетворилъ ея духовныхъ потребностей, не совершилъ ни одной церковной требы, не ознакомилъ дикарей хотя съ нѣкоторыми обрядами новой вѣры. Дикари оставались дикарями, но болѣе испорченными чѣмъ прежде, съ пошатнувшимися старыми религиозными воззрѣніями

Аламанъ (набѣгъ). По слѣдамъ каравана. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомснаго, грав. Ангереръ.

Бурунъ на островѣ Цейлонѣ (Индія). Ориг. рис. (собств. „Мивы“) В. Китаева, грав. Рашевскій.

и съ неустановившимися новыми. Въместо просвѣщенія, миссіонеръ внесъ въ ихъ среду нравственное смутеніе, бросилъ въ сердца дикарей сѣмена разврата, обращая ихъ въ православіе при содѣйствіи гнуснаго соблазна, возбуждая алчность и пріучая входить въ безнравственную сдѣлку съ совѣстью, ради какихъ-то меркантильныхъ и въ то-же время призрачныхъ выгодъ. Отецъ Петръ придалъ святой миссіонерской дѣятельности грязный видъ кули и продажи: за каждую рубаху онъ покупалъ quasi - православнаго, не желая вникнуть, что онъ губитъ въ корнѣ, своею миссіонерскою дѣятельностью, всякое стремленіе дикарей къ духовному просвѣщенію... Можно-ли, при такихъ условіяхъ, винить новообращенныхъ за то, что они оказались нетвердыми въ новой, маловѣдомой вѣрѣ, отпали отъ нея, какъ только миссіонеръ оставилъ ихъ, и начали опять поклоняться идоламъ, крѣпко вѣровать въ которыхъ научили ихъ предки? Конечно, нѣтъ; но отецъ Петръ, привыкшій обращать инородцевъ въ православіе или угрозами, или при помощи всевозможныхъ подарковъ, думалъ совершенно другое и рѣшилъ непоправимое исправить немедленно, придерживаясь циничнаго іезуитскаго принципа: „цѣль оправдываетъ средства!“ Едва Юмантуй вошелъ въ фанзу, миссіонеръ озадачилъ его крайне грубымъ вопросомъ:

— А ну-ка, разскажи: какіе негодяи поставили новую кумирню?.. Не хочешь сказать!? продолжалъ онъ взбѣшеннымъ голосомъ. — Думаешь покрыть мерзавцевъ!?. Погоди, приведу казаковъ—они у тебя нагайками выхлещутъ все что надо... А скажи-ка мнѣ: какіе разбойники развѣсили на идоловъ кресты?.. Молчишь!?. Знаю этихъ разбойниковъ, знаю ихъ!.. И твой крестъ тамъ-же виситъ!.. А сказалъ, негодяй, что потерялъ!.. Богохульникъ!.. За это тебя въ каторжныя работы сошлютъ!.. Да впрочемъ, что съ тобой говорить!.. Стушай, созови сію минуту сюда всѣхъ — я съ ними поговорю!.. Шевелись, рябая образина!..

Переуганный до-нельзя грубымъ монологомъ отца Петра, Юмантуй со всѣхъ ногъ бросился вонъ изъ фанзы—исполнять приказаніе суроваго, страшнаго миссіонера. Черезъ четверть часа, передъ фанзой Юмантуя собралось почти все населеніе деревни. Всѣ были встревожены и со страхомъ ждали выхода изъ фанзы сердитаго бовзы. Протомивъ достаточно инородцевъ, отецъ Петръ стремительно вышелъ на дворъ. Всѣ замерли въ тревожномъ ожиданіи неизвѣстной грозы.

— Здравствуйте! грубо поздоровался миссіонеръ.

— Здравствуй, здравствуй! послышался глухой, сдавленный отвѣтъ.

Отецъ Петръ высокомерно оглядѣлъ толпу дикарей, откашлялся и началъ:

— Два года назадъ я окрестилъ васъ въ православіе, а вы отпали отъ истинной вѣры и новую кумирню построили... Вы совершили ужасное преступленіе, за которое васъ ждетъ жестокое наказаніе... Сюда пришлютъ казаковъ, которымъ будетъ приказано сжечь ваши фанзы и сравнять ихъ съ землей, а васъ всѣхъ отравить на Сахалинъ... Жалѣю васъ!.. Покайтесь, пока не поздно!..

Переуганные инородцы заволновались и замумѣли:

— Прости насъ!.. Будь добренькій!.. Не губи!..

— Если хотите отратить бѣду, продолжалъ миссіонеръ, — сейчасъ-же сожгите вашу кумирню и возвращайтесь сюда — каждый изъ васъ получить по кресту и новой рубахѣ...

— Сожжемъ, сождемъ — только не присылай казаковъ! за-просили до-нельзя испуганные корейцы, покорно двинувшіеся къ кумирнѣ—исполнить строгое требованіе грознаго миссіонера...

Черезъ полчаса, сухая кумирня уже горѣла какъ факель. Отецъ Петръ торжествовалъ; онъ положительно не ожидалъ

такого блестящаго успѣха своей проповѣди. Прошло еще нѣсколько времени, и корейцы, совершивъ ауто-да-фе, возвратились къ фанзѣ Юмантуя, гдѣ уже ждалъ ихъ миссіонеръ съ развѣзаннымъ тюкомъ ситцевыхъ рубахъ... Началась раздача крестовъ и подарковъ. Инородцы съ восторгомъ разглядывали разноцвѣтныя рубахи и осязательно стали сознавать все благополучіе новой вѣры, отъ которой вздумали было отпасть. Угрозы миссіонера были забыты; всѣ ликовали отъ его необыкновенной щедрости...

Окончивъ раздачу рубахъ, отецъ Петръ обратился къ заблудшимъ овцамъ съ краткою рѣчью:

— Вѣруйте въ Бога, и вамъ всегда будетъ такъ-же хорошо... Забудьте вашихъ идоловъ... А теперь, кто еще не крестенъ, приходите завтра креститься — каждый получитъ по двѣ рубахи...

Толпа разошлась довольная и веселая. Въстѣ о раздачѣ подарковъ въ ту-же ночь проникла въ сосѣднія селенія, и рано утромъ, передъ фанзой Юмантуя, собралось до сотни инородцевъ, изъявившихъ желаніе креститься. Пришли молодые и старые, мужчины, женщины и дѣти: каждый жаждалъ получить обѣщанный подарокъ.

Отецъ Петръ не замедлил явиться среди инородцевъ.

— Зачѣмъ пришли? задалъ онъ обычный вопросъ.

— За рубахами! загремѣлъ дружный отвѣтъ.

— Какъ за рубахами? удивился миссіонеръ.

— Да вотъ говорили намъ, что ты крестишь и рубахи да-ришь, такъ мы за рубахами пришли—крести скорѣй! отвѣчалъ за всѣхъ рослый кореецъ, старшина ближайшаго селенія.

Отецъ Петръ удовольствовался этимъ безмысленнымъ отвѣтомъ и тотчасъ же приступилъ къ исполненію своей миссіонерской дѣятельности. Къ концу дня, всѣ желающіе были окрещены и одарены рубахами и крестами; послѣдніе навѣшивались грязными руками Алексѣя, получившаго приказаніе связывать шнуры по возможности короче, чтобы дикари не могли снять кресты черезъ голову. Многие крестились во второй разъ, чтобы только получить обѣщанный подарокъ. Отецъ Петръ крестилъ на-отмашъ, по числу головъ, не разбирая внутреннихъ мотивовъ каждого новообращеннаго, желавшаго вдругъ принять христіанство. Надо было торопиться и крестить возможно больше, чтобы было о чемъ написать въ отчетѣ...

„Теперь я могу и вернуться домой“, размышлялъ вечеромъ сильно уставшій отецъ Петръ. — „Слава Богу, поработалъ просто на удивленіе — сотню окрестилъ за одинъ день... Есть чѣмъ отчетецъ заполнить... Пускай-ка помѣняется теперь со мной отецъ Николай!.. Бродитъ онъ по тайгѣ и все безъ толку... Читалъ я его прошлогодній отчетъ — всего десять душъ окрестилъ и это за цѣлые полгода!.. Да-съ, могу похвастаться!“

И миссіонеръ заснулъ, убаюканный свѣтлыми грѣзами о необычайныхъ успѣхахъ своей миссіонерской дѣятельности...

На другой день, отецъ Петръ тронулся въ обратный путь, во Владивостокъ — писать краснорѣчивый отчетъ. Погостивъ опять недѣльки двѣ въ Никольскомъ, онъ возвратился домой со спокойною совѣстью, несказанно радуясь благополучному окончанію своей поѣздки. Нужно-ли прибавлять, что отецъ Петръ, написавъ краснорѣчивый отчетъ объ этой поѣздкѣ, благодушно умолчалъ въ немъ о своемъ продолжительномъ пребываніи въ селѣ Никольскомъ... Тѣмъ не менѣе, ревизія вскорѣ прибывшаго владыки имѣла для отца Петра роковыя послѣдствія: онъ былъ заточенъ въ дальній монастырь за свое „излишнее“ усердіе въ дѣлѣ распространенія православія среди инородцевъ, а также за жизнь, несомнѣнную съ высокими и почтеннымъ саномъ миссіонера... Словомъ: „сорвался“!..

к о н е ц ъ .

Объ измѣненіяхъ природы въ періодѣ человѣка.

Профессора Петровской Академіи Н. Э. Линдемана.

На основаніи наблюденій надъ явленіями повседневной жизни мы часто склоняемся къ мысли, что окружающая насъ природа всегда была совершенно такою же, какою мы видимъ ее нынѣ. Особенно наша сѣверная природа, съ ея многомѣсячною зимнею неподвижностью, наталкиваетъ насъ на такой взглядъ. Но уже давно наука пришла къ тому заключенію, что въ мертвой природѣ и въ живомъ ея населеніи, съ начала существованія земли, происходила дѣятельная перестройка, весьма рѣшительно выражавшаяся въ измѣненіи отношеній суши къ морю, въ перемѣнѣ конфигураціи материковъ. Убѣждаясь въ томъ, что такіа измѣненія дѣйствительно происходили, мы однако же склонны думать, что могли они совершаться лишь въ прошлыя эпохи, отмѣченныя бурнымъ, лихорадочнымъ теченіемъ совидѣтельной работы природы; что въ настоящее время, періодъ спокойной жизни земли, она постоянно удерживаетъ себя тотъ опредѣленный внѣшній видъ, какой выработался во время бурнаго прошлаго. Но стоитъ провести нѣсколько часовъ въ жаркій лѣтній день на поверхности альпійскаго ледника, чтобы навсегда оставить мысль о неизмѣнности формъ мертваго міра и убѣдиться въ томъ, что и въ настоящую минуту въ немъ совершается дѣятельная перестройка и

измѣненія, что онъ живетъ полною жизнью. Стоитъ разъ только услышать разнородные голоса альпійскаго ледниковаго ландшафта: шумъ тысячи ручьевъ бѣгущихъ по поверхности глетчера; изъ-подъ земли поднимающійся стонъ скаль, отрываеваемыхъ ползучимъ ледникомъ отъ дна его ложа; трескъ камней перекатываемыхъ невидимой рукою по скатамъ моренъ; громъ падающихъ лавинъ, отрывающихся и уносящихъ съ собою обломки скаль... Стоитъ разъ только увидать извѣденныя и источенныя вершины известняковыхъ скаль, частицы коихъ вѣтеръ уноситъ въ видѣ пыли и отлагаетъ на поверхности ледника, мѣстами покрытаго толстымъ слоємъ ея... Стоитъ одинъ только разъ увидать глетчерный источникъ, вытекающій изъ-подъ ледника, почти бѣлая вода котораго уноситъ въ долину огромное количество частицъ истертыхъ скаль... Стоитъ только одинъ разъ увидать и услышать все это, чтобы въ этомъ концертѣ мертвой природы уловить одинъ основной мотивъ, одну идею — *измѣненіе и перестройку*. Медленно, но дружно, за тихой бесѣдой, работаютъ здѣсь силы природы, измѣняя форму и составъ горъ и скаль отдѣльной мѣстности и затѣмъ цѣлой страны. Горные хребты растираются и даютъ матеріалъ для насыпанія долинъ; почва равнинъ уносится на морское дно; паростающее морское

дно поднимается и увеличивает берег суши. И это происходит безперервно, изо-дня-въ-день, сегодня как вчера, какъ въ первыя эпохи существованія земли.

Точно также постоянно мѣняется и составъ населенія нашей земли. Еще въ прошломъ столѣтїи натуралисты убѣдились въ томъ, что многочисленныя окаменѣлости и отпечатки, встрѣчаемые въ скалахъ и пластахъ земной коры, суть не случайная игра природы, не капризно выдѣлившаяся форма минерала, а представляютъ собою остатки и слѣды вѣкогда дѣйствительно существовавшихъ животныхъ и растений. Изученіе этихъ остатковъ и слѣдовъ привело къ убѣжденію, что животныя прежде существовавшія—значительно отличаются отъ нынѣ живущихъ, и что эта разница между нынѣшней фауной и населеніемъ прежде жившимъ на землѣ—тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отдаленныя эпохи изъ исторїи послѣдней мы будемъ сравнивать съ современною. Существовали прежде цѣлыя группы животныхъ, которыя нынѣ не имѣютъ живыхъ представителей, и наоборотъ существуютъ нынѣ такія группы, какіхъ еще не было на землѣ въ эпохи предшешія. Изучая окаменѣлости различныхъ пластовъ земной коры, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ природы, *Кювье*, въ первой половинѣ нашего вѣка даже высказалъ такое предположеніе, что во время существованія земли нѣсколько разъ происходила на ней рѣшительная и полная *смена фауны*; что въ началѣ каждой отдѣльной эпохи природа внезапно и разомъ уничтожала все живущее на землѣ и потомъ вновь населяла ее совершенно новыми формами, вполнѣ независимыми отъ населявшихъ ее передъ этимъ. Эта мысль теперь оставлена. Но самый фактъ глубокаго измѣненія, совершившагося въ населеніи земли со времени перваго появленія на ней живыхъ существъ и до нашего времени, прочно установленъ въ наукѣ.

Впрочемъ и по отношенію къ этому вопросу мы приучаемся обыкновенно думать, что значительныя измѣненія въ формахъ животныхъ и растений, населяющихъ землю, могли совершаться лишь въ первыя эпохи ея существованія, но что въ настоящее время они уже не происходятъ. Мы думаемъ такъ потому, что не замѣчаемъ повидимому никакихъ перемѣнъ вокругъ насъ. А между тѣмъ этотъ взглядъ неправиленъ, и не видимъ мы перемѣнъ въ населеніи земли въ данное время лишь потому, что не умѣемъ смотрѣть. Наука имѣетъ много фактовъ, которые несомнѣнно доказываютъ, что и живой міръ такъ же безпрестанно и глубоко мѣняется въ настоящее время, какъ и въ предшешія эпохи исторїи земли, какъ продолжаетъ мѣняться и мертвая земля наша. Мы знаемъ факты, свидѣтельствующіе о томъ, какіа значительныя измѣненія произошли въ составѣ животныхъ и растений нѣкоторыхъ опредѣленныхъ областей *въ теченіе короткаго періода существованія человека на землѣ*. Я остановлюсь здѣсь на нѣкоторыхъ изъ этихъ фактовъ.

Когда человекъ, знакомый съ природой Европы, воспроизводитъ въ памяти образы видѣнныхъ имъ странъ, то при мысли о *сѣверной Италїи* въ умѣ его воскресаетъ оригинальная картина. Однимъ сплошнымъ роскошнымъ садомъ представляется ему эта чудесная страна. Повсюду сѣролистыя *оливковыя* рощи чередуются съ темною зеленою рощею *апельсинныхъ* и *лимонныхъ*; повсюду тянутся необозримыя *виноградники*, окаймленные и прорѣзанные аллеями изъ *тутовыхъ* деревьевъ; по склонамъ горъ лѣнятся *итальянскія сосны* (пинія) съ характерною низкою кроною, — *худравыя пальмы*, развѣсистыя *платаны* гордо въ поднебесье смотрящія *кипарисы* украшаютъ сады вмѣстѣ съ *лаврами*, *миртами*, *мангольми*, минальными и *гранатовыми* деревьями, персиками и мн. друг. Повсюду кактусы—*опунтіи* и оригинальныя *агавы*. Поля покрытыя сочнозеленымъ *рисомъ*, широколистымъ *маисомъ*, кормовыми травами, лишь изрѣдка зерновыми хлѣбями, всюду обрамлены рядами плодовыхъ деревьевъ. Вѣчно зеленая, съ десятками разнообразныхъ колоритовъ и цвѣтовъ, смотрится эта роскошная флора въ ярко-лазоревое небо, залитая теплыми лучами блистающаго солнца.

Такою память рисуетъ природу сѣверной Италїи. Ни одно дерево сѣверной Европы не вторгается въ эту чудесную картину, не наломиваетъ сѣверянину о его родивъ. Очарованному оригинальностью и блескомъ такой картины не приходитъ и на умъ спросить себя: всегда-ли такая флора украшала поверхность сѣверной Италїи? Составляютъ-ли всѣ эти, теперь характерныя для нея, растения необходимый результатъ взаимодѣйствія ея почвенныхъ и климатическихъ условій? На этотъ вопросъ мы можемъ однако дать весьма точный отвѣтъ.

Двадцать семь столѣтїй тому назадъ Италїя имѣла совершенно другой характеръ. Склоны горъ ея были тогда покрыты необозримыми и дремучими лѣсами: еловыми, пихтовыми, дубовыми и букowymi. Лучи солнца не проникали до земли сквозь густыя кроны этихъ лѣсовъ, и на поверхности холодной почвы ихъ росли лишайники и мхи. Въ долинахъ ютились селенія Сабинянъ и Этрусковъ; ихъ окружали поля зерновыхъ хлѣбовъ и огромныя пастбища для безконечно многочисленныхъ стадъ рогатаго скота. Такъ глубоко отличалась тогдашняя сѣверная Италїя отъ современной, сходяствуя въ то же время съ среднеевропейскими странами. Въ теченіе многихъ столѣтїй эллины знали Италїю какъ страну лѣса, скотоводства

и земледѣлія. Съ того времени и до сихъ поръ шла дѣятельная работа вытѣсненія растений прежде здѣсь господствовавшихъ и замѣна ихъ новыми породами.

Уже во времена древней римской республики почти вездѣ исчезли громадные прежде лѣса. Лавры, мирты, гранаты и оливки, привезенные греками, распространились по Италїи въ эпоху *Диодоховъ*. Изъ Сициліи былъ перенесенъ кинарїсъ во время покоренія Тарента римлянами. Платаны и итальянская сосна, привезенные съ Востока, начали распространяться лишь въ концѣ римской республики. Вишни появились впервые во времена Августа. Въ III вѣкѣ по Р. Х. появились лимонныя деревья; тутовыя деревья и каштаны—въ IX вѣкѣ; въ XI вѣкѣ арабы перенесли сюда померанецъ; въ XVI вѣкѣ португальцы привезли въ Лиссабонъ изъ южнаго Китая апельсины, которые тогда же перешли въ Италїю; въ половинѣ XIX вѣка перевезены сюда мандарины. Въ XV столѣтїи изъ Египта былъ перенесенъ рисъ; въ началѣ XVI вѣка изъ Америки перенесенъ мансъ. Въ XIX вѣкѣ перешли сюда: алое, агавы, опунтіи и магноліи. Передъ миллионами этихъ растений быстро отступали и наконецъ совершенно исчезли растенія, прежде господствовавшія въ странѣ — и нынѣ почти невозможно найти въ этомъ блестящемъ обществѣ южныхъ растений хотя-бъ одинокую сосну, ель или пихту. Такъ рѣшительно измѣнился характеръ флоры и вся физономія страны. Трудно найти достаточно громкія слова для того, чтобы достойно подчеркнуть громадность описаннаго переворота. Чтобы вполнѣ уразумѣть глубину его значенія—нужно вспомнить, что каждая древесная порода имѣетъ своихъ, къ ней приуроченныхъ животныхъ, преимущественно насѣкомыхъ и птицъ, и что съ исчезновеніемъ цѣлага ряда растительныхъ породъ долженъ былъ исчезнуть цѣлый міръ животныхъ.

Въ предшешемъ я крупными штрихами набросалъ картину, показывающую, какъ глубоко можетъ измѣниться характеръ растительности цѣлой страны *въ теченіе историческаго періода*, на глазахъ человека, оставившаго намъ его рукою написанные документы почти для каждаго вновь вторгающагося растенія. По прошествїи 27 столѣтїй не осталось почти слѣдовъ отъ прежней господствовавшей флоры. Такія явленія совершаются повсемѣстно и въ настоящее время. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки насчитываютъ теперь *болше семисотъ видовъ* различныхъ европейскіихъ растеній, перешедшихъ туда въ теченіе короткаго періода четырехъ вѣковъ.

Какъ ни громаденъ вышеописанный переворотъ, свершившійся во флорѣ нѣкоторой страны, мы, углубляясь въ лѣтописи природы, можемъ отыскать примѣры еще болѣе глубокихъ и рѣшительныхъ измѣненій, совершившихся также на глазахъ человека, хотя и независимо отъ его вліянія. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ были найдены въ сѣверной Швейцарїи пещеры, служившія убѣжищемъ или жилищемъ для первобытнаго человека, троглодита. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ пещеръ первобытныя обитатели ихъ сложили рядомъ со своими собственными костями и цѣлами рукъ своихъ — кости многихъ животныхъ, обитавшихъ въ странѣ вмѣстѣ съ нимъ. Вода занесла имомъ эти склады костей — сохранила для насъ такимъ образомъ краснорѣчивую лѣтопись о фаунѣ, одновременно съ первобытнымъ человекомъ населявшей нѣкоторую часть Европы въ ту отдѣленную эпоху, когда человекъ только что начиналъ утверждать свое господство надъ землею. Изъ числа этихъ пещеръ приобрѣла особую знаменитость одна, въ Тайингенѣ, близъ Шафгаузена. Исслѣдованіе многочисленныхъ костей, собранныхъ въ этой пещерѣ, показало, что первобытныя люди жили въ этомъ уголкѣ западной Европы окруженный совершенно другимъ обществомъ животныхъ чѣмъ то, которое мы теперь здѣсь видимъ. Изученіе этихъ костей открываетъ предъ нами слѣдующую картину: Въ лѣсахъ тогдашней Швейцарїи паслись болыными стадами нынѣ совершенно вымершіе *туры* (*Bos primigenius*) и первобытные, также вымершіе, *зубры* (*Bison priscus*). Рядомъ съ ними ходили стадами *сѣверные олени*, теперь обитающіе лишь въ отдаленныхъ полярныхъ странахъ Европы и Азіи, а также *мускусные быки*, теперь встрѣчающіеся исключительно въ Гренландїи и въ полярныхъ странахъ Америки. *Каменный козелъ* и *серна* спускались съ предгорій Альпъ, вмѣстѣ съ благороднымъ *оленьемъ*. Въ открытыхъ мѣстахъ водились косяки *дикихъ лошадей*, въ позднѣйшую эпоху встрѣчавшихся только въ степяхъ средней Азіи.

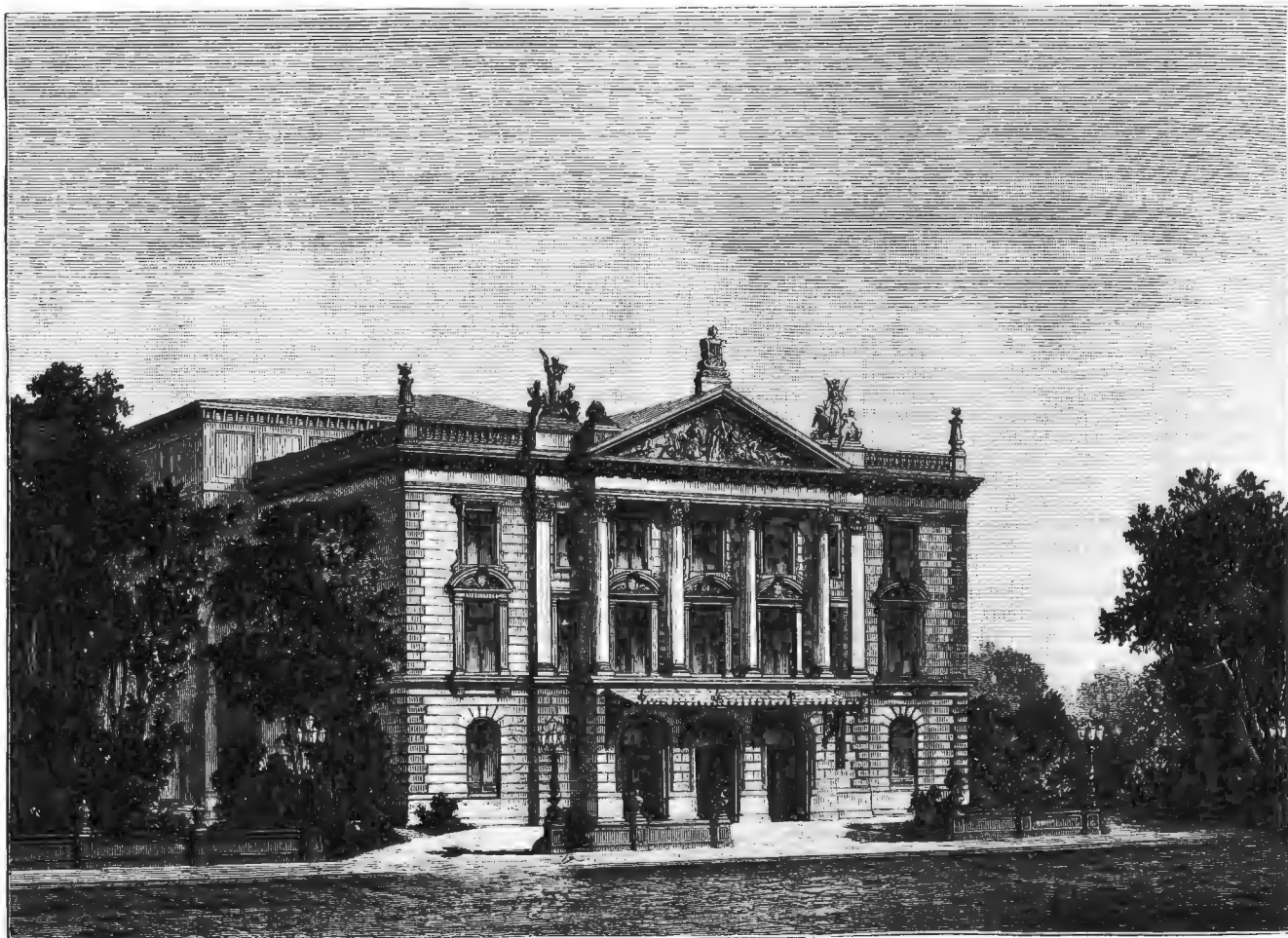
Этотъ рядъ травоядныхъ млекопитающихъ, въ которомъ стонѣтъ еще упомянуть о *суркѣ* и *альпійскомъ зайцѣ*, завершился *мамонтomъ*, и также какъ этотъ, нынѣ уже вымершимъ *носорогомъ* (*Rhinoceros tichorhinus*), близкая которымъ формы живутъ теперь въ Остѣ-Индіи и Африкѣ.

Всѣхъ этихъ животныхъ преслѣдовали многочисленныя хищныя млекопитающія. Кромѣ *волка*, *лисицы*, *дикой кошки* и *медведя*, присутствіе которыхъ здѣсь не поражаетъ насъ удивленіемъ (хотя теперь ни волкъ, ни медвѣдь въ Швейцарїи уже не встрѣчаются), въ лѣсахъ тогдашней Швейцарїи водились: *россомаха* и *тесецъ*, теперь живущіе лишь въ странахъ арктическаго пояса; *львы* — теперь обитающіе въ Африкѣ, и *красная лисица* Сѣверной Америки.

Жителю современной Швейцарїи трудно вообразить себѣ столь странную и пеструю фауну его родины. Какъ будто на-

рочно сошлись сюда самыя характерныя формы млекопитающихъ изъ разныхъ мѣстъ земнаго шара, чтобы сложить свои кости въ маленькой пещерѣ Тайингена. Слоны и носороги тропической Азіи; львы Африки; мускусные быки арктической Америки; сѣверные олени и песцы полярной Европы и Азіи; туры и зубры средней Европы и лошади среднеазиатскихъ степей,—сошлись вмѣстѣ въ лѣсахъ и на полянахъ сѣверной Швейцаріи, какъ-бы нарочно затѣвъ, чтобы представиться здѣсь будущему властителю земли, на зарѣ возникающей культуры. И нѣсколько вѣковъ такое, теперь уже невозможное, общество жило здѣсь вмѣстѣ, пока новыя условія не разогнали по разнымъ частямъ свѣта болѣе или менѣе измѣнившихся потомковъ этихъ животныхъ. На мѣсто фауны столь богатой оригинальными формами стала та фауна млекопитающихъ, которая намъ теперь известна въ Швейцаріи или въ средней Европѣ вообще. Несомнѣнно, что такое измѣненіе швейцарской фауны представляется еще гораздо болѣе значительнымъ и глубокимъ, нежели вышеописанное измѣненіе флоры сѣверной Италіи. Оно именно потребовало длиннаго промежутка времени, многихъ тысячелѣтій, тогда какъ послѣднее свершилось въ теченіе срав-

примѣровъ, доказывающихъ существованіе постоянной перестановки формъ живой природы, постоянное передвиженіе и измѣняющееся смѣшеніе ихъ въ короткіе періоды времени. Но ограничусь вышеизложеннымъ, ибо оно достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что живая природа, окружающая человѣка, глубоко измѣнялась во время существованія его на землѣ. Такія измѣненія происходятъ и теперь, въ настоящее время, и, зная предшедшее, мы получаемъ возможность видѣть и разумѣть ихъ. Мы понимаемъ теперь, что на глазахъ нашихъ свершающагося исчезновеніе напр. волка, медвѣдя и другихъ животныхъ въ нѣкоторой странѣ; постоянное уменьшеніе стада зубровъ; вырубаніе лѣсовъ; осушеніе болотъ; выиска новыхъ породъ культурныхъ растений; внезапный прилетъ какихъ-нибудь прежде небывавшихъ здѣсь птицъ,—что все это суть явленія, имѣющія значеніе отдѣльныхъ звеньевъ того длиннаго ряда фактовъ, который, совершаясь на нашихъ глазахъ, приведетъ наконецъ, чрезъ нѣкоторый длинный промежутокъ времени, къ глубокому измѣненію въ характерѣ фауны и флоры данной страны, подобному тому, какое мы рассказали относительно Италіи и Швейцаріи. Каково будетъ это измѣненіе? каковы его отдѣльныя фазы?—

Новый театр Л. Барня въ Берлинѣ. Съ фотогр. Тигенталера, грав. М. Рашевскій.

нительно короткаго періода времени 27 вѣковъ. Но общему чергою для обоихъ родовъ явленій служить то, что оба они совершались *на глазахъ человѣка*.

Можно-бы привести еще много, правда менѣе грандіозныхъ,

мы не знаемъ и не можемъ предвидѣть. Для насъ здѣсь важно было лишь установить самый фактъ такого постояннаго измѣненія въ населеніи страны, на глазахъ и подъ вліяніемъ самого человѣка.

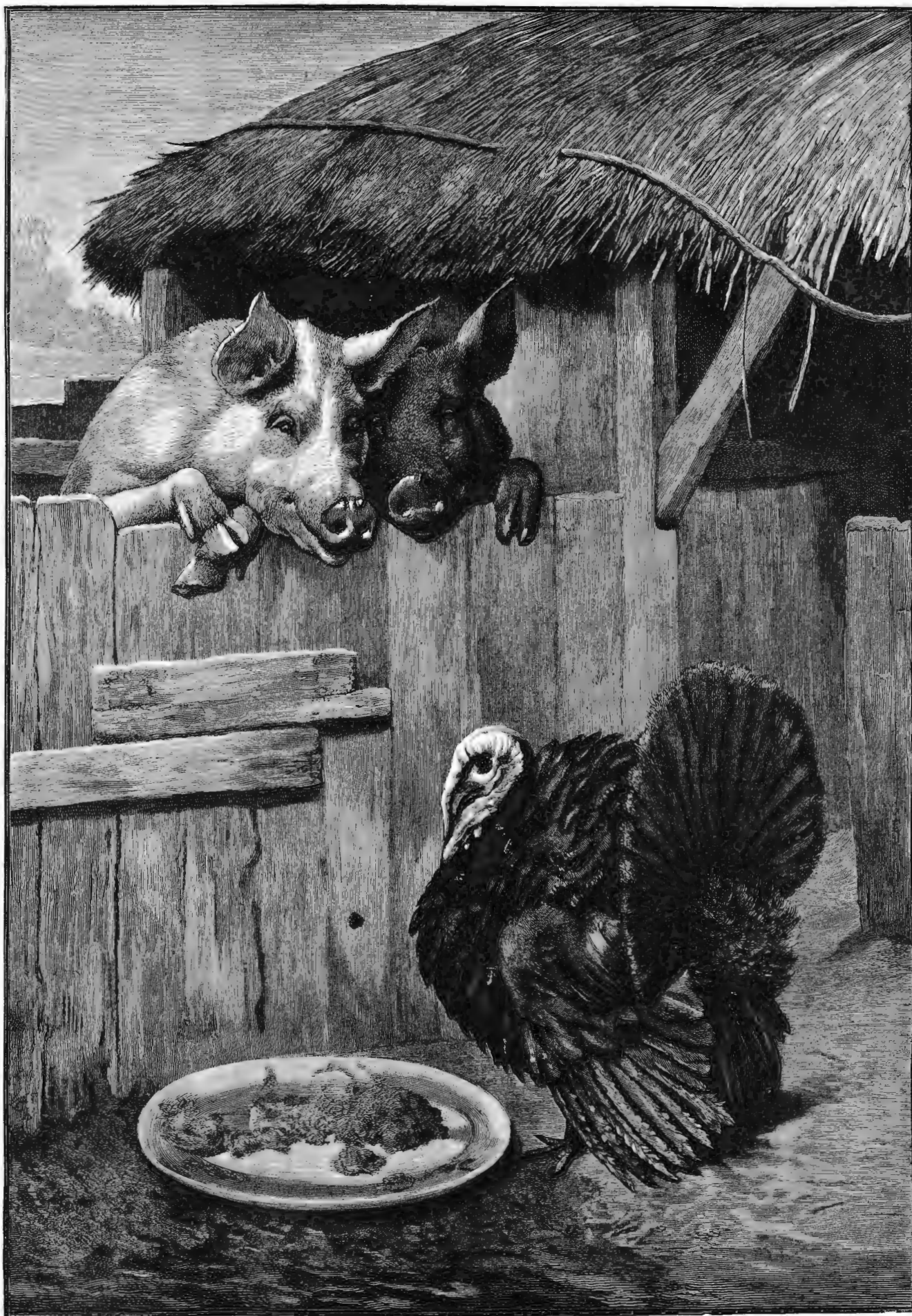
Къ рисункамъ.

Шахматная партія. (Рис. на стр. 152).

Молодой русскій художникъ, Оскаръ Фрейвиртъ-Лютцовъ, родился 28 апрѣля 1862 года, получалъ первоначальное образованіе болѣею частью дома, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Штутгартской гимназіи и въ 1879 году поступилъ въ Боннскій университетъ, гдѣ изучалъ естественныя науки. Въ 1882 году онъ отправился въ Парижъ, съ цѣлью посвятить себя живописи, которая влекла его съ дѣтства, и тамъ изучалъ это искусство подъ руководствомъ Вугеро и Тони-Робера Флери. Въ 1884 году онъ предпринялъ поѣздку въ Римъ для изученія тамошнихъ сокровищницъ искусства, но вынужденъ былъ покинуть вѣчный городъ ранѣе предполагаемаго срока, вслѣдствіе маляріи. Съ 1884 года онъ основался въ

Мюнхенѣ, гдѣ и донныѣ работаетъ самостоятельно. Его привязанность къ Россіи высказалась между прочимъ въ томъ, что онъ устроилъ себѣ мастерскую въ стилѣ русской избы, которая скоро стала предметомъ удивленія во всемъ городѣ. Уже въ 1883 году работы только что кончившаго университетскій курсъ художника обратили на него всеобщее вниманіе; въ Парижѣ даже прозвали его „русскимъ Мейсонье“. Мастерская его всегда полна заказчиковъ и посѣтителей, въ числѣ коихъ нерѣдко бываетъ и баварскій принцъ-регентъ.

Прилагаемая гравюра съ известной картины молодого художника, изображаетъ двухъ шахматныхъ игроковъ, изъ которыхъ старшій совершенно погруженъ въ обдумываніе своего хода.

Ходить спѣсь надуваючись... Рис. Вискъ, грав. Рашевскій.

Продащица цвѣтовъ въ Вильнѣ. (Рис. на стр. 153).

Помѣстивъ въ № 4 нашего журнала одинъ изъ типовъ Вильны, мы печатаемъ на стр. 153 пѣнашаго номера рисунокъ, изображающій хорошо знакомую жителямъ этого города фигуру продащицы весеннихъ цвѣтовъ. Молодая, миловидная дѣвушка предлагаетъ прохожимъ купить букетики цвѣтовъ, распустившихся равнею весною въ окрестностяхъ Вильны.

Незнакомая тетя. (Рис. на стр. 157).

Дѣти значительно меньше взрослыхъ отличаются одно отъ другаго своимъ характеромъ. Чаще всего различіе между ними является отраженіемъ окружающихъ людей и обстановки, посреди которой имъ приходится жить. Въ большихъ или открыто живущихъ семьяхъ, гдѣ они постоянно бываютъ окружены другими дѣтьми и взрослыми, они обыкновенно привѣтливы и легко знакомятся съ новыми лицами. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ дѣти чаще всего бываютъ нелюдимыми, боязливыми.

На нашей гравюрѣ маленькая дѣвочка, не изъ бойкихъ, чуждается незнакомой тети. Послѣ увѣщаній матери, она недовѣрчиво протягиваетъ ей свою рученку и смотритъ изподлобья куда-то въ сторону. Мать осторожно старается приблизить свою крошку къ гостьѣ, которая также уговариваетъ не быть букой. Эту привлекательную сценку талантливая кисть Фоглера изобразила посреди роскошной обстановки временъ Возрожденія.

Набѣгъ. (Рис. на стр. 160).

На горы ложится вечерній туманъ.
Опасной дорогой идетъ караванъ.
Богатыхъ товаровъ несмѣтные груды
Несутъ, утомленные за-день, верблюды;
При свѣтѣ вечернемъ подобны тѣнямъ,
Ступаютъ они тяжело по камнямъ.
И все въ караванѣ безмолвны, угрюмы,
Неволью гнетутъ ихъ зловѣщія думы,
Какимъ-то предчувствіемъ сжаты сердца...
Пустынной полянѣ не видно конца.
Какъ только послѣдній верблюдъ каравана
Исчезъ въ отдаленіи, за дымкой тумана,—
Покинувъ засаду въ угрюмыхъ горахъ,
Примчались туркмены на рѣзвыхъ коняхъ.
Ихъ черныя очи блестятъ какъ зарница,
И алчностью дышатъ ихъ смуглыя лица;
О, хищныя птицы туркменской земли,
Давно ужъ они караванъ стерегли!
Давно сговорились они о набѣгѣ,
Рѣшили настичъ караванъ на почлегѣ...
Вотъ, выслѣдивъ путь,—подъ защитою мглы,—
Несутся, несутся степные солы...
Увы, каравану пощады не будетъ—
Ужъ скоро молчанье пустыни пробудятъ
И воли, и стоны, и ржанье коней,
И хохотъ, и яростный крикъ дикарей
Въ пылу возрастающей ссоры горячей,
Совсемъ опьяненныхъ кровавой удачей. П. Б.

Бурунь на островѣ Цейлонѣ. (Рис. на стр. 161).

Въ ясные тихіе дни волны морей и океановъ приближаются къ берегамъ, журчатъ, играютъ и плещутся у скалъ. Вода то наступаетъ на берегъ, то отливаетъ; слѣдующая волна борется съ приливомъ въ безконечной борьбѣ. Чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ болѣе угрожающій характеръ принимаетъ послѣдняя волна у берега: озлобленная препятствіемъ отлива, она принимаетъ характеръ водной пасти, которая такъ часто поглотитъ людей и шлюпки.

Послѣднія неправильныя волны у берега носятъ названіе буруна. Бурунь тѣмъ и опасна, что подбираетъ подъ себя—и пловцу, разъ въ него попавшему, трудно изъ него выбраться; остается лишь одно средство: онуститься и ползти по дну до берега.

Индійскія шлюпки, выходящія недалеко въ океанъ отъ острова Цейлона, строятся съ противовѣсами, чтобы избѣгнуть опасности быть перевернутыми вверхъ дномъ. Дѣло все въ томъ, что при неправильныхъ волнахъ океана шлюпка неудержимо быстро несется къ берегу поступательнымъ движеніемъ волны; кормчому надо быть очень зоркимъ: задняя волна старается догнать и залить шлюпку, а передняя старается поставить ее поперекъ этого страшилища. Малѣйшій промахъ въ управленіи шлюпкою—и все потеряно. Кормчаго не должны смущать ни клочкотавіе волны, ни пѣнистыя вершины, надъ которыми онъ несется. Разъ шлюпка коснулась берега, тотчасъ ее тащатъ дальше отъ воды; иначе она будетъ разбита слѣдующимъ валомъ.

Рисунокъ представляетъ одинъ изъ моментовъ путешествія въ окрестностяхъ Point-de-Gall'я на Цейлонѣ: компанія путешественниковъ спасается отъ засвѣжившаго въ океанѣ мусона. Шлюпка вступила на послѣднюю опасную волну, которая ставитъ ее чуть не вертикально. Передняя волна разсыпается, а сзади угрожающе стѣною надвигается слѣдующій валъ. Отчаянно-отважно стоитъ индеецъ на противовѣсѣ, въ

готовности, съ первымъ прикосновеніемъ къ берегу, тащить челнокъ дальше отъ волнъ. Послѣднее исполняется индійцемъ съ кошачьей ловкостью и съ быстротою. Дамы сидищія въ шлюпкѣ даже не ощутятъ испуга, такъ быстро совершится ихъ выходъ на берегъ; опасность будетъ ими сознана лишь впоследствии. Въ буруна, по правильнымъ волнамъ океана, движутся вдали два парохода.

Берлинскій театръ. (Рис. на стр. 164).

Недавно Берлинъ украсился еще однимъ красивымъ зданіемъ. 2 сентября прошлаго года былъ открытъ Берлинскій театръ, перестроенный изъ прежняго театра „Валгалла“, въ которомъ нѣкогда царила веселая оперетка. Новый храмъ музъ какъ своею внѣшностію, такъ и родомъ представленій, значительно отличается отъ прежняго. Берлинскій театръ перестроенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ что производитъ впечатлѣніе великолѣпнаго новаго зданія. Сцена значительно увеличена и снабжена всеми новѣйшими усовершенствованіями театральнаго дѣла. Лѣстницы, коридоры и входы расширены; вестибюль отдѣланъ съ большимъ вкусомъ; великолѣпный фойе расположенъ въ самомъ нижнемъ этажѣ. Зрительная зала богато украшена живописью и роскошно декорирована, партеръ приподнятъ, помѣщеніе для оркестра опущено, при этомъ весь театръ освѣщенъ электричествомъ. Что касается внѣшняго вида, то о немъ можно судить по гравюрѣ, помѣщенной на стр. 164. Словомъ, этотъ Берлинскій театръ можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ возможности передѣлать старое театральное зданіе въ новый роскошный театръ. Но лучшимъ украшеніемъ его является труппа, составленная изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ артистовъ. Во главѣ ея стоитъ хорошо извѣстный столичнымъ поѣтителямъ нѣмецкаго театра, даровитый Лудвигъ Барнай. Его окружаетъ цѣлая плеяда прекрасныхъ артистовъ, среди которыхъ встрѣчаются знакомыя имена Клары Циглеръ, Фридриха Газе, Гедвиги Ниманъ-Раабе и др.

Ходить спѣсь надувающихся... (Рис. на стр. 165).

Англійскіе художники отличаются большимъ юморомъ при изображеніи домашнихъ животныхъ,—и это совершенно естественно въ виду того обширнаго поля для наблюденій, какое представляетъ мѣстная культура всевозможныхъ породъ скота и птицъ, доведенная до спорта, чтобы не сказать до художественности. Посмотрите, съ какимъ искусствомъ передана г. Вискомъ основная характеристическая черта надутого, расфурфиреннаго индюка—его ни съ чѣмъ несравнимая спѣсь и равнодушно-ироническое отношеніе къ ней со стороны двухъ свидѣтелей, любующихся на него черезъ заборъ.

А. Н. Паншинъ. Извѣстный русскій конькобѣжецъ.

(Портр. на стр. 172).

Нынѣшняя зима надолго останется въ памяти у русскихъ конькобѣжцевъ. Одинъ изъ нихъ, Александръ Никитичъ Паншинъ, ѣздилъ за границу, чтобы помѣриться тамъ силами съ лучшими конькобѣжцами Европы, Англій и Америки—и повсюду, гдѣ пришлось ему встрѣтиться съ ними, онъ былъ побѣдителемъ. На международныхъ состязаніяхъ въ Амстердамѣ, Вѣнѣ и Прагѣ онъ опережалъ всѣхъ своихъ соперниковъ на дистанціяхъ до 1½ верстъ и, по справедливости, долженъ быть признанъ самымъ быстрымъ конькобѣжцемъ въ свѣтѣ на короткія разстоянія, какъ это замѣчаетъ въ *Field's* предсѣдатель союза англійскихъ конькобѣжцевъ Гудманъ Невиль.

Еще не такъ давно въ Петербургѣ скорый бѣгъ на конькахъ, какъ особый видъ спорта, совсемъ былъ неизвѣстенъ. Хотя ежегодно зимою на прудахъ Юсупова сада устраивались бѣга на скорость, но вслѣдствіе неудобства мѣста для состязаній и въ особенности по причинѣ того, что на скорость бѣгали на тѣхъ-же конькахъ на которыхъ выписывали фигуры на льду, быстрота бѣга была сравнительно незначительною и ею мало занимались. Только послѣ посѣщенія Петербурга норвежскими конькобѣжцами, братьями Паульсенъ, въ 1886 году произошелъ переворотъ въ этомъ родѣ спорта. Младшій изъ нихъ, Аксель, уже давно былъ извѣстенъ за границу не только какъ искусный конькобѣжецъ на фигуры, но и какъ замѣчательный по быстротѣ бѣгунъ на конькахъ. Посѣтители Юсупова сада въ Петербургѣ могли воочию убѣдиться въ томъ. Его манера бѣгать, а въ особенности коньки „для бѣга на скорость“, совершенно отличные по виду и устройству отъ коньковъ „для катанья на фигуры“, обратили на себя всеобщее вниманіе и вызвали не мало подражателей. Однимъ изъ нихъ былъ А. Н. Паншинъ, который въ настоящее время далеко превзошелъ въ быстротѣ свой прототипъ. Катаясь часто и прилежно не болѣе 4—5 зимъ, онъ достигъ на конькахъ большого совершенства. Въ годъ приѣзда Паульсеновъ, г. Паншинъ во время состязанія въ Юсуповомъ саду пробѣжалъ 1 англ. милю или 754 саж. 2 ф., первымъ изъ 3 соперниковъ, въ 3 мин. 53¼ сек. Тщательная подготовка и особые коньки „на скорость“ дали возможность Паншину увеличить эту скорость въ слѣдующемъ году болѣе чѣмъ на 22 сек., причѣмъ имъ былъ побѣжденъ лучшій скороходъ Финляндіи Ю. Ф. Бальчевскій, замѣчательно сильный и выносливый конькобѣжецъ на большія разстоянія. Послѣ такого успѣха г. Пау-

шинъ рѣшилъ попробовать свои силы на заграничныхъ состязаніяхъ и отправился съ этою цѣлью слѣдующею зимою въ Вѣну.

Тамъ, 27 декабря 1887 года, онъ одержалъ блестящую побѣду надъ лучшими австрійскими конькобѣжцами, опередивъ перваго изъ нихъ, Альфреда Блаттера, на 17 секундъ. Наградой побѣдителя было званіе быстрѣйшаго конькобѣжца въ Австріи, но особенно льстило самолюбію г. Паншина то обстоятельство, что онъ пробѣжалъ 1 милю въ 3 мин. 35 сек., или на $\frac{3}{5}$ сек. скорѣе чѣмъ могъ это сдѣлать на томъ-же мѣстѣ въ Вѣнѣ Аксель Паульсенъ въ 1882 году. Дальнѣйшія появленія г. Паншина на состязаніяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Гельсингфорсѣ были продолженіемъ ряда побѣдъ его. Обязанный по правиламъ вѣнскаго общества конькобѣжцевъ трижды остаться побѣдителемъ, чтобы имѣть право сохранить за собою особый почетный знакъ, выдаваемый быстрѣйшимъ конькобѣжцамъ на состязаніяхъ въ Вѣнѣ, А. Н. Паншинъ особенно старательно готовился къ вѣнскому состязанію вышней зимы. Его подготовка еще болѣе усилилась, когда въ Петербургѣ стало извѣстнымъ, что Амстердамскій спортивный клубъ, при дѣятельномъ участіи и содѣйствіи извѣстнаго спортсмена барона де-Салиса, собирается устроить трехдневныя состязанія на конькахъ и на нихъ приглашены лучшіе конькобѣжцы Европы и Америки. Слухи эти оправдались—и бывшія въ Амстердамѣ состязанія

27, 28 и 29 прошлаго декабря можно признать небывалымъ событіемъ въ области спорта на конькахъ. Въ первый день состязанія на полъ-милю побѣдителемъ оказался нашъ землякъ, А. Н. Паншинъ, пробѣжавшій разстояніе съ небывалою до того скоростью въ 1 минуту 24 $\frac{3}{5}$ сек. На другой день онъ снова былъ первымъ, причемъ побѣдилъ самаго быстро изъ своихъ соперниковъ, американца Джо Доногу, сдѣлавъ 1 милю въ 2 мин. 58 $\frac{3}{5}$ сек. Но въ третій и послѣдній день, въ состязаніи на 2 мили, Доногу оказался на перебѣжкѣ быстрѣе Паншина, и опередилъ его на 7 секундъ. Послѣ этого состязанія всѣхъ интересовалъ вопросъ, кто изъ нихъ быстрѣе. Поэтому можно себя представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалось извѣстіе изъ Вѣны, куда отправились оба конькобѣжца на состязаніе. Въ день Нового Года оба они приняли въ это время и побѣдителемъ снова оказался А. Н. Паншинъ. Изъ Вѣны г. Паншинъ отправился въ Прагу, гдѣ состязался безъ опасныхъ для себя соперниковъ, такъ какъ г. Доногу былъ въ это время въ Гамбургѣ. Всѣ эти побѣды и главнымъ образомъ замѣчательная быстрота, выказанная г. Паншинымъ на состязаніяхъ, навсегда сохраняются въ лѣтописяхъ спорта, а молодость его и замѣчательная энергія даютъ надежду, что онъ не остановится въ своемъ усовершенствованіи и еще многіе годы съ честью и славою будетъ высоко держать знамя побѣды на скользкомъ пути русскаго конькобѣжца.

Русская духовная миссія въ Абиссинію.

(Портреты и рисунки на стр. 168 и 169).

Читателямъ „Нивы“ уже извѣстно о первой русской духовной миссіи, недавно отправившейся въ Абиссинію. Считаемо необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе какъ на самой миссіи, такъ и на ея выдающихся представителяхъ: начальнѣйшей миссіи, о. архимандритѣ Паисіи, и сопровождающемъ ее въ качествѣ вождя добровольцевъ-конвоировъ—извѣстномъ вольномъ казакѣ Н. И. Ашиновѣ.

Отецъ архимандритъ Паисій, еще недавно смиренный схимонахъ Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря, нынѣ начальникъ первой русской духовной миссіи, отправившейся въ Абиссинію,—родомъ изъ Оренбургскихъ казаковъ, въ ряду которыхъ онъ и пронелъ недолгое свое боевое поприще. Щадя скромность о. Паисія, мы умолчимъ о невидномъ первомъ періодѣ его иночества на Аѳонѣ—о годахъ его искуса; на болѣе видномъ поприщѣ о. Паисій появляется лишь съ назначеніемъ его настоятелемъ или строителемъ Пантелеймоновскаго подворья въ Царьградѣ. Смиренные аѳонскіе старцы, давая такое важное въ ихъ глазахъ назначеніе сравнительно еще молодому монаху, явно доказали тѣмъ, какъ оцѣнили они природный умъ, смѣлливость и дарованіи о. Паисія. Съ назначеніемъ въ Константинополь, новый строитель принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ за строительство, и почти цѣлыхъ двадцать послѣдующихъ лѣтъ не сходитъ со своего поста, созидал скромное, но настоящее русское дѣло.

Неусыпными трудами, безъ особыхъ денежныхъ средствъ, о. Паисій прежде всего воздвигъ огромное пятиэтажное подворье, которое скоро обратилось въ великую русскую странноприимницу или, скажемъ болѣе, настоящій своеобразный русскій центръ въ Царьградѣ. Кто знаетъ Константинополь, особенно тотъ адъ что зовется Галатою и куда понадеетъ прежде всего съ парохода каждый европеецъ, посѣщающій Царьградъ,—тотъ пойметъ, какую огромную услугу оказывалъ о. Паисій, организовавъ приѣмъ и уходъ для каждаго русскаго, особенно для простаго сѣраго нашего наломника, снимая его прямо съ парохода, проводя черезъ турецкую таможену, давая ему приютъ, угощеніе, пищу и даровую услугу, въ какой-бы формѣ она ни понадобилась; чисто подъ материнскимъ крылышкомъ считаетъ себя простой русскій наломникъ, какъ только послѣ ступоки пароходной жизни и Галатской суеги очутится среди добрыхъ батюшекъ, заботящихся о немъ, какъ о родномъ. Монахи не только приютятъ, но и выводятъ его по всѣмъ святынямъ Константинополя, а потомъ посадятъ на пароходъ и отправятъ дальше, куда слѣдуетъ. Всѣмъ этимъ обизаны наломники о. Паисію, который ежегодно тысячъ отъ 4 до 6 пропускалъ ихъ черезъ свои отеческія руки. Со всѣми-то онъ поговоритъ, всякаго утѣшитъ, иному и денегъ на дорогу дастъ, и все это единственно ради добраго сочувствія къ нуждамъ заброшеннаго въ Туретчину русскаго простаго человѣка.

Но не однимъ простыкамъ, а и всякому русскому человѣку былъ готовъ всегда помогать о. Паисій; и ученый, и воинъ, и монахъ, и новый консулъ, и купецъ, и туристъ—всѣ заглядывали въ гостеприимную келлію о. Паисія, зная, что отъ него услышатъ всегда добрый совѣтъ и получатъ посыланную помощь. О. Паисій, въ теченіе всего своего пребыванія въ Константинополѣ, служилъ вполнѣ русскому дѣлу, въ какой-бы формѣ оно ни выражалось. Кромѣ самой разнообразной помощи каждому русскому, за что скажутъ ему спасибо десятки тысячъ русскихъ, посѣтившихъ въ послѣдніи 20 лѣтъ Царьградъ, смиренный труженикъ ратовалъ и за такіе вопросы, которые повидному не касались его скромной миссіи, но интересовали его, какъ доблестнаго русскаго патриота.

О. Паисій такимъ образомъ почти 20 лѣтъ стоялъ твердо и стражѣ русскихъ интересовъ у самыхъ вратъ Востока; его дѣло было маленькое, но онъ успѣлъ изъ малаго сдѣлать великое.

Но какъ ни доблестны подвиги о. Паисія въ мирное время, еще доблестнѣе было его служеніе русскому дѣлу во время послѣдней войны. Онъ не ушелъ тогда изъ Стамбула, хотя турки не разъ грозили ему смертью; какъ мужественный воинъ, онъ остался на своемъ посту и благополучно выдержалъ грозу до конца. Твердо и безтрепетно онъ исповѣдывалъ тогда русское имя, и не отрекался отъ него, какъ то дѣлали другіе православные, къ ихъ вѣчному позору и стыду. Въ то время, когда русское оружіе терпѣло неудачи, о. Паисій громко молился о дарованіи ему побѣды, не боясь бѣснованія турокъ и доносовъ грековъ, служившихъ тогда, какъ говорятъ, благодарственные молебны. Такъ же громко и радостно въ своей церкви праздновалъ о. Паисій русскія побѣды и пораженіе турокъ, хотя это ежечасно угрожало ему лютою смертью. Страшные дни пережилъ о. Паисій, когда русская армія шла быстро къ Босфору; взбѣшенныя турки клялись разорить ненавистное имъ русское подворье, гдѣ ликовали по поводу побѣдоноснаго шествія русскихъ войскъ. Не боялся о. Паисій идти и къ русскимъ плѣннымъ, привезеннымъ въ Константинополь; въ то время, когда отъ нихъ отвергивались даже православные греки и болгары, о. Паисій не только утѣшалъ ихъ словомъ, но и помогалъ имъ тѣмъ, чѣмъ могъ, не боясь навлечь на себя новую злобу мусульманъ. А когда пришла и остановилась у воротъ Стамбула побѣдоносная армія Русскаго Царя, о. Паисій какъ будто забылъ о своемъ санѣ и, вспоминая свою прежнюю казацкую удаль, готовъ былъ служить проводникомъ для русскихъ колоннъ въ случаѣ штурма Стамбула.

О. Паисій, не смотря на свои преклонные уже годы и немощи тѣлесныя, самоотверженно взялъ на себя тяжелый и отвѣтственный постъ строителя и начинателя русской миссіи въ Абиссиніи и возгорѣлся снова, какъ юноша, сердцемъ и душою, готовый всецѣло отдаться новому, великому и святому дѣлу. Знакомый давно съ „казакомъ“ Ашиновымъ, которому онъ не мало помогалъ въ Константинополѣ, о. Паисій принялъ предложеніе „атамана“ и его казаковъ отправиться вмѣстѣ съ миссіей въ невѣдомую страну. Благодарный сочувствію выдающихся іерарховъ Россіи, дѣло Абиссинской миссіи было рѣшено, и о. Паисій съ благословенія Святейшаго Синода былъ поставленъ во главѣ этой послѣдней и рукоположенъ въ архимандриты. Лучнаго выбора, по нашему мнѣнію, не могъ сдѣлать Святейшій Синодъ, потому что только въ о. Паисіи можно найти монаха-подвижника, труженика, создателя, борца за русскую идею, человѣка огромной практической подготовки, казака душою и пастыря, знающаго и понимающаго Востока.

Передъ Рождествомъ миссія о. Паисія, собравшаяся въ Одессѣ, сѣла на пароходъ „Корниловъ“ и отправилась въ Александрію. Въ составъ ея, кромѣ монаховъ и пѣвчихъ, вошло до 150 человѣкъ обоего пола, но большей части казаковъ и притомъ людей знающихъ то или другое ремесло. Миссія забрала съ собою и все нужное для устройства православнаго храма въ Абиссиніи. Въ Константинополѣ турки, науганные молвою говорившею о 2,000 русскихъ казаковъ, пробирающихся въ Абиссинію, оцѣнили пароходъ, на которомъ находилась миссія. Въ Портъ-Саидѣ о. Паисія встрѣтила депутация изъ архимандрита, пяти іеромонаховъ и одного военачальника, высланныя негусомъ Іоанномъ навстрѣчу русской миссіи. Отъ Саида наша миссія зафрахтовала австрійскій пароходъ „Амфитру“, который и долженъ ее доставить въ Таджураскій заливъ. Ино-

страшныя газеты сообщали недавно, что „Амфитрита“ прошла паралель Суакима и что за нею по нитамъ идетъ итальянская канонерка, которая имѣла цѣлью препятствовать высадкѣ миссіи на Африканскомъ берегу. Теперь наша миссія уже высадилась благополучно на берегахъ Африки, около французской колоніи Обока и мѣстечка Таджураха, и собирается идти въ самую Абиссинію черезъ землю данакилей, о

въ немъ должно видѣть не только смѣлаго авантюриста, но и начальника русскихъ добровольцевъ, вызвавшихся на свой рискъ сопровождать духовную миссію до самаго царя Ивана (негуса Иоанна).

Въ послѣдніе годы газеты не мало говорили объ этомъ страшномъ и не совсѣмъ понятномъ чловѣкѣ, который сумѣлъ заинтересовать собою не только русское общество, но и часть

Архимандритъ Паисій. Съ фот. Лихтенберга, грав. Шюблеръ

Негусъ Іоаннъ (царь Иванъ) Абиссинскій. Грав. Пуцъ.

Расъ-Алула, военачальникъ Абиссинскаго негуса. Грав. Пуцъ.

Н. И. Ашиновъ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

которыхъ мы скажемъ нѣсколько ниже. Не смотря на благополучную высадку, о. Паисія и его неутомимаго помощника Н. И. Ашинова ждутъ впереди тяжелыя испытанія. Дай Богъ имъ преодолѣть всѣ эти препятствія и достигнуть своей завѣтной цѣли.

Что касается втораго представителя кучки русскихъ людей, пробирающихся въ Абиссинію, Николая Ивановича Ашинова,

европейской публики. Такие люди какъ Н. И. Ашиновъ, именующій себя „почетнымъ атаманомъ вольныхъ казаковъ“, составляютъ, такъ сказать, наслѣдіе прошлыхъ XVIII, XVII и XVI вѣковъ, когда смѣлые искатели приключеній добывали не только громкое имя, но и выдающееся положеніе.

Много чего объ Ашиновѣ передали въ печати, еще больше можно слышать о немъ всякихъ разсказней; но, по правдѣ

сказать, фактических данных о прежней деятельности Ашинова так мало, что даже самые отъявленные враги, как и лучшие его „друзья“ не могут представить ничего болѣе или менѣе вѣроятнаго. Да и не этими легендами онъ составилъ себѣ громкое имя, которымъ даже въ Европѣ пугаютъ тѣхъ, кто способенъ его бояться. Мы взглянемъ на него только съ той точки зрѣнія, на которую даетъ намъ право послѣдующая не бесполезная деятельность Ашинова. Человѣкъ который заставилъ говорить о себѣ всю Россію, съ которымъ находятся въ перепискѣ Буланже, Деруладъ и М-ше Аданъ, человѣкъ, имени котораго трепещутъ итальянскіе легіоны, стоящіе подъ Массовой, и котораго ожидаетъ самъ „великій негусъ“ Абиссиніи — далеко не такая заурядная личность, чтобы ее можно было игнорировать. Еще не далеко то время, когда итальянскіе броненосцы крейсировали передъ Массовой, освѣщая снопами электрическаго свѣтя морю, изъ боязни высадки вольныхъ казаковъ Ашинова; еще недавно итальянскіе военачальники опровергали официально извѣстія о появленіи русскихъ казаковъ въ Абиссиніи для того, чтобы поддержать духъ въ своихъ трусливыхъ войскахъ, и недавно еще, какъ сообщали иностранныя газеты, итальянская канонерка конвоировала австрійскій пароходъ, на которомъ ѣхали о. Паисій, Н. И. Ашиновъ и его „каза-

го оказалось поднятіе вопроса о русской духовной миссіи въ Абиссинію, къ которому сочувственно отнеслись Святѣйшій Синодъ и выдающіеся іерархи Россіи. Мы не говоримъ о конечной цѣли Ашинова, о его колонизаціонныхъ замыслахъ въ землѣ данакильцевъ и другихъ его предпріятіяхъ, но нѣтъ сомнѣнія, что въ дальнѣйшей установкѣ нашей миссіи въ Габешѣ онъ будетъ ея защитникомъ въ страшѣ, гдѣ не вліяютъ никакія дипломатическія ноты, гдѣ нѣтъ ни одного консульскаго агента.

Въ послѣднее время не мало говорили о русской колоніи или казачьей станицѣ „Москва“, основанной Н. И. Ашиновымъ на берегахъ Таджураскаго залива. У насъ нѣтъ пока никакихъ данныхъ, доказывающихъ ея дѣйствительное существованіе. Если никакой русской колоніи въ строгомъ смыслѣ и нѣтъ пока на берегахъ земли данакильцевъ, то въ настоящее время съ миссіею о. Паисія отправилось до 150 человѣкъ обоаго пола, которыхъ достаточно въ самомъ дѣлѣ для устройства подобной колоніи вокругъ ядра, образуемаго духовною

Женщина изъ племени данакиль.
Съ фотогр. грав. Флюгель.

Мужчина изъ племени данакиль.
Съ фотогр. Ашинова, грав. Флюгель.

ки“. Н. И. Ашиновъ стѣдитъ нашего вниманія уже потому, что тѣмъ или другимъ способомъ онъ одинъ, самъ по себѣ, прикрываясь только грознымъ именемъ русскаго казака, привлекъ симпатіи извѣстной части русскаго общества, вызвалъ сочувствіе выдающихся людей Франціи, напугалъ итальянцевъ и турокъ и наконецъ такъ или иначе въ самой Абиссиніи, относившейся издревле съ симпатіями къ Россіи, разбудилъ стремленіе войти въ болѣе близкія отношенія съ этою послѣднею.

Давно уже, полу-забытая міромъ, Абиссинія обращала свои взоры къ далекому и могучему сѣверному колоссу; нѣсколько разъ пріѣзжали въ Россію даже абиссинскія миссіи за пожертвованіями, но сношенія между обѣими христіанскими странами не стали оживленнѣе. Еще очень недавно негусъ Іоаннъ послалъ Русскому Царю драгоцѣнный золотой крестъ; въ прошломъ году небольшая абиссинская депутація явилась въ Россію для того, чтобы присутствовать при торжествѣ 900-лѣтія принятія русскими христіанства и тѣмъ заявить симпатіи далекаго Габеша къ великой Московіи.

Побѣдка вольнаго казака Н. И. Ашинова въ 1886 г., при всемъ своемъ полудегендарномъ характерѣ, не только подогрѣла симпатіи абиссинцевъ къ Россіи, но и въ русскомъ обществѣ возбудила интересъ къ этой далекой, интересной странѣ. Русскій народъ услышалъ опредѣленно о малоизвѣстномъ африканскомъ народѣ, который исповѣдуетъ православіе, а русскіе люди старой вѣры увидали въ Абиссиніи настоящую христіанскую страну древняго благочестія и заинтересовались ею исключительно съ этой точки зрѣнія. Своими разсказами, переданными во всѣхъ русскіхъ газетахъ, Н. И. Ашиновъ дѣйствительно заставилъ въ Россіи заговорить серьезно объ Абиссиніи. Какъ ни мечтательны казались его грандіозные планы объ утвержденіи тамъ русскаго вліянія при помощи вольныхъ казаковъ, но важнымъ практическимъ результатомъ всего это-

миссіею. Если смѣлые проекты Н. И. Ашинова будутъ выполнены хотя отчасти, тогда онъ будетъ вполне достоинъ своей славы, которою его окружили его почитатели; если же „вольному атаману“ и не удастся болѣе сдѣлать ничего, то и тогда его вѣчною заслугою останется возбужденіе въ Россіи вопроса объ Абиссиніи и интереса къ этой послѣдней.

Такъ какъ въ настоящее время наша духовная миссія и кучка русскихъ добровольцевъ находится уже на берегахъ Африки и готовится идти большимъ караваномъ черезъ землю данакилей, то мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ и объ этихъ послѣднихъ.

Между Краснымъ моремъ и горными массивами Абиссиніи лежитъ страна данакилей или афаровъ, т. е. бродячихъ полудикихъ народцевъ, которые только отчасти признаютъ власть царей Абиссиніи. Народъ этотъ, распадающійся на массу отдѣльныхъ клановъ, интересенъ для насъ главнымъ образомъ потому, что черезъ землю его проходитъ дорога ведущая въ сердце Абиссиніи.

Мы не знаемъ, надѣтъ ли на данакилей просвѣтительная дѣятельность первой русской духовной миссіи въ Абиссиніи, но до настоящаго времени, они, несмотря на сосѣдство народовъ исповѣдующихъ единого Бога, грубые идолопоклонники и боготворятъ даже деревья. Данакили—вообще рослые, стройные люди съ очень гибкими членами, темнымъ цвѣтомъ кожи, отчасти негритянскимъ обликомъ лица и богатою шевелюрою, которая заплетается въ массу мелкихъ косичекъ, не только у женщинъ, но и у мужчинъ. Обыкновенная одежда данакилей состоитъ изъ передника (разноцвѣтной матеріи) или плаща, часто замѣняемаго звѣриною шкурою, небрежно накинутою на плеча. Мужчины вѣрдо украшаютъ свои волосы страусовыми перьями, которыя служатъ доказательствомъ побѣды надъ врагомъ. Хотя данакили народъ дивій и свирѣпый, истреблявшій всѣхъ

своихъ враговъ, пытавшихся посягать на ихъ независимость, тѣмъ не менѣе ни одинъ европеецъ не проходилъ ихъ территории безъ того, чтобы они не чествовали его въ качествѣ гостя и не просили заключить съ ними союзъ братства крови. При проходѣ черезъ страну данакилей каждый караванъ уплачиваетъ извѣстную сумму денегъ начальникамъ племени, и тогда, благодаря даваемымъ ему проводникамъ и охраннымъ грамотамъ, можетъ безопасно совершать свой путь между моремъ и горами Абиссиніи. Русской миссіи придется тоже пробираться большимъ караваномъ черезъ землю данакилей, и дай Богъ, чтобы итальянцы, какъ сообщалось недавно въ газетахъ, не устроили посредствомъ золота какихъ-нибудь серьезныхъ препятствій для горсти русскихъ при проходѣ ихъ черезъ страну данакилей. Путь этотъ все-таки довольно опасенъ, тѣмъ болѣе что отъ моря до Абиссиніи придется пройти по странѣ афаровъ или данакилей по крайней мѣрѣ около 400 верстъ. Быть можетъ, царь Иванъ, его военачальникъ Расъ-Алула, или правитель Шоа Менеликъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ожидающіе прибытія русской духовной миссіи, вышлютъ навстрѣчу ей свой эскортъ, и тогда путь о. Памсія и Н. И. Ашинова черезъ землю данакилей будетъ совершенно благополучно.

„Царь царей“ негусъ-негестъ Иоаннъ и полководецъ его Расъ-Алула — вице-король области Тигрэ—самые выдающіеся люди современной Абиссиніи.

Негусъ Иоаннъ, ранѣе правитель Тигрэ, лишь въ 1870 году (вскорѣ послѣ ухода англичанъ, низложившихъ Теодора), побѣдивъ своихъ противниковъ, сталъ царемъ царей Эіопіи. Почти двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ онъ правитъ феодальною Абиссиніею и не только сумѣлъ управиться съ непокорными вассалами, но и заставилъ всѣхъ сосѣдей уважать Абиссинію. Съ Европою царь Иванъ тоже умѣетъ ладить, и потому сираведливо стижалъ славу искуснаго дипломата. Посвятивъ первые годы своего царствованія умиротворенію страны, потраченной въ послѣдніе годы владычества Теодора, онъ въ 1875 г. противъ воли долженъ былъ вступить въ борьбу съ могущественнымъ Египтомъ, покусившимся на независимость Эіопіи. Казалось бы, что ослабленная внутренними безпорядками Абиссинія не можетъ бороться съ цвѣтущимъ Египтомъ; напрасно негусъ обращался съ просьбою о помощи къ Англіи и Франціи, а въ 1874 г. пробовалъ даже войти въ сношенія съ Россіею, но не добившись ни откуда даже простаго сочувствія, онъ собственными силами далъ страшный отпоръ врагу. На поляхъ Гундета

тридцати-тысячный корпусъ египтянъ, вооруженныхъ прекрасными ружьями, былъ истребленъ абиссинцами, дрившимися однимъ холоднымъ оружіемъ, при чемъ вся артиллерія его пошла въ плѣнъ. Въ 1876 г. подъ Гурою былъ уничтоженъ другой египетскій корпусъ, и самъ принцъ Гассаиъ былъ захваченъ абиссинцами. Отбившись отъ Египта, Абиссинія обратила все свое вниманіе на востокъ, на побережье Краснаго моря, которое занимали европейцы. Въ 1876 г. негусъ Иоаннъ дѣлаетъ новую попытку вступить въ сношенія съ Россіею и письмомъ, переданнымъ черезъ одного оріенталиста, предлагаетъ даже нашему Синоду воссоединеніе церквей; это предложеніе было однако отклонено нашею дипломатіею. Въ 1883 г. царь Иоаннъ вступаетъ въ борьбу съ махдистами Судана, а въ 1885 г. съ Италіею, захватившею Массову, въ которой нуждалась Абиссинія. Во всѣхъ этихъ послѣднихъ войнахъ выступаетъ однако не столько самъ негусъ, сколько его военачальникъ Расъ-Алула. Этотъ извѣстный полководецъ Абиссиніи, нашедшій уже много горя итальянцамъ,—но происхожденію изъ простыхъ крестьянъ; своими собственными заслугами онъ дошелъ до званія „раса“, т. е. вице-короля Тигрэ. Въ 1883 г. онъ принялъ предложеніе англичанъ освободить гарнизонъ нѣсколькихъ египетскихъ крѣпостей, осажденныхъ махдистами въ сѣверномъ Суданѣ. Выговоривъ себѣ 15 тыс. ружей, много золота и право занять Массову онъ исполнилъ честно свое обѣщаніе и выручилъ изъ рукъ махдистовъ египетскіе и англійскіе отряды, запертые въ крѣпостяхъ. Вѣроломные англичане однако не выполнили договора и Массову передали Италиі, стремившейся овладѣть всѣмъ побережьемъ Абиссиніи и закрыть ей доступъ къ морю. Абиссинцы поняли страшную опасность—и вотъ изъ-за Массовы, Асаба и др. оковъ къ морю и въ Европу, началась война Габеша съ Италіею. Расъ-Алула истребилъ отрядъ итальянцевъ подъ Догали и обложилъ Массову, гдѣ заперся 20 тыс. корпусъ Саиъ Марцано. Итальянцы боялись двинуться впередъ, потому что война съ ними въ Абиссиніи считается священной и ихъ ждетъ отпоръ всего населенія; болѣе сотни тысячъ абиссинцевъ, вооруженныхъ даже скорострѣлками, ждуть ихъ въ родныхъ горахъ, а хитрый Расъ-Алула манитъ ихъ въ дѣбри владѣній негуса Иоана. Отъ этихъ-то двухъ выдающихся людей Абиссиніи зависитъ теперь и дальнѣйшая судьба нашей миссіи; можно однако думать, что въ нихъ-то она и найдетъ себѣ могучихъ покровителей въ Абиссиніи.

А. Е.—въ.

Политическое обозрѣніе.

Внезапная трагическая смерть наслѣдника Австрійскаго престола продолжаетъ быть предметомъ всевозможныхъ толковъ. Вѣнскія газеты называютъ официальное сообщеніе о самоубійствѣ эрцгерцога Рудольфа ужаснымъ, а мотивы самоубійства наслѣднаго принца непонятными. Самое сообщеніе находятъ не достаточно яснымъ во многихъ отношеніяхъ. Поэтому неудивительно, что населеніе встрѣтило официальное сообщеніе съ чувствомъ сомнѣнія и прислушивается къ самымъ преувеличенымъ слухамъ. Близкіи къ принцу лица, кромѣ дурнаго расположенія духа и его периодической задумчивости, не замѣчали въ немъ ни накаунѣ, ни раньше ясныхъ признаковъ душевнаго разстройства, въ принадлежъ котораго эрцгерцогъ, якобы, застрѣлилъ себя. Напротивъ того, нѣкоторыя газеты, заграничныя, передаютъ со словъ вѣнскихъ корреспондентовъ, что самоубійство наслѣднаго принца было вынужденнымъ и видѣть въ немъ американскую дуэль. По другимъ извѣстіямъ, принцъ палъ жертвою поединка или просто убійства. Различныя противорѣчія между официальнымъ протоколомъ и предшествующими сообщеніями о ранѣ, бывшей причиною смерти эрцгерцога Рудольфа; слухи, что пуля, причинившая смертельную рану принцу, нигдѣ не была найдена; затѣмъ толки о томъ, что пуля, выпущенная изъ такого револьвера, какой найденъ у постели герцога въ Мейерлингѣ, не можетъ причинить столь тяжкое пораженіе, какъ раздробленіе черепа, и другія обстоятельства продолжаютъ вызывать самыя невѣроятныя догадки о причинахъ, побудившихъ принца свести такимъ ужаснымъ образомъ расчеты съ жизнью. Изъ пяти оставленныхъ эрцгерцогомъ Рудольфомъ писемъ, письмо къ императрицѣ самое обстоятельное и, по слухамъ, одно только содержитъ объясненіе совершеннаго эрцгерцогомъ поступка; но содержаніе этого письма неизвѣстно, и разгорѣвшіеся фантастичныя догадки продолжаютъ сообщаться о причинахъ самоубійства эрцгерцога Рудольфа, бранные останки котораго преданы землѣ 24 января. Погребеніе наслѣднаго принца состоялось, согласно установленному церемоніалу, въ 4 часа пополудни. Похороною шествіе открывала кавалерія; по бокамъ крытой печальной колесницы шли лейбъ-гвардейцы, нажи, придворные лакеи. На похоронахъ присутствовали всѣ командующіе въ провинціяхъ генералы, государственные савонники, представители аристократіи, всѣ иностранные послы и посланники, а также прусскія и баварскія депутаціи съ принцемъ Мейнингенскимъ во главѣ. Въ церкви находились: императоръ, Бельгійская королевская чета, герцогъ и герцогиня Кумберландскіе, принцесса Мэри Гацшверская, три Бавар-

скихъ герцога (братья императрицы), герцогъ Алансонскій съ супругою, принцесса Луиза Орлеанская, принцы Шаумбургскіе, герцоги Веймарскіе и Браганцскіе, герцогъ Нассаускій съ супругою, принцесса Климентина, принцы Филиппъ и Людвигъ Кобургскіе и принцъ Францъ Лихтенштейнъ. Послѣ отпѣванія, гробъ былъ перенесенъ въ склепъ Калуцискаго монастыря княземъ Гогенлоэ, графомъ Бомбеллемъ и адъютантами покойнаго.

Этотъ склепъ построенъ императоромъ Матвѣемъ и законченъ въ 1633 году. Болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ того императрица Марія-Терезія приказала построить въ 1748 г. новый склепъ, отдѣленный отъ стараго желѣзною рѣшеткой, чтобы отдѣлить древній Габсбургскій родъ отъ новой вѣтви Габсбурго-Лотарингской. Въ склепѣ императорской фамилии покоятся одиннадцать императоровъ, пятнадцать императрицъ, римскій король Фердинандъ, двѣ королевы, пятьдесятъ три эрцгерцогини, двадцать семь эрцгерцоговъ, два кронпринца и два герцога. Настоятель Калуцискаго монастыря, принявъ гробъ и отворивъ склепъ, просилъ оберъ-гофмейстера удостовѣрить, что въ гробу, дѣйствительно, лежатъ останки наслѣднаго принца, а затѣмъ замкнулъ двери склена двумя елочками, одинъ изъ которыхъ оставилъ себѣ, а другой передалъ оберъ-гофмейстеру.

Особенностью состоявшейся похоронной церемоніи было то обстоятельство, что, въ противность четырехсотлѣтней традиціи и этикету, императоръ Францъ-Иосифъ, вмѣстѣ со своими братьями, племянниками и зятѣмъ, проводилъ тѣло во внутренность склена, гдѣ произошла разрывающая душу сцена. Послѣ благословенія тѣла въ склепѣ, императоръ преклонилъ колѣни и, залившись слезами, поцѣловалъ крышку гроба.

Эти печальныя событія отвлекли вниманіе отъ Парижа, гдѣ борьба буланжистовъ и правительства, противниковъ существующаго режима и защитниковъ его, разгорается съ каждымъ днемъ все болѣе. Ожидаемый въ палацѣ запросъ Жуванселя не получилъ прямаго отвѣта. Въ своемъ запросѣ ораторъ, приписывая сильное движеніе, охватившее нынѣ общественное мнѣніе, главнымъ образомъ, ежедневному потоку оскорбленій, наносимыхъ правительству, и равнодушному отношенію правительства къ оскорбленіямъ, заявлялъ, что онъ, приверженецъ свободы, спрашиваетъ: неужели ее слѣдуетъ отдавать въ жертву всевозможнымъ злоупотребленіямъ. На протестъ правобъ, Жувансель отвѣтилъ, что правительство должно защищаться. Министръ-президентъ Флоке просилъ разрѣшенія внести законопроектъ о восстановленіи выборовъ по округамъ прежде, чѣмъ отвѣчать на запросъ Жуванселя, причемъ имъ было замѣчено, что проектъ восстановления выборовъ по округамъ

вовсе не умаляет значенія всенароднаго голосованія. Если политика его будет одобрена, то республиканской партіи представится возможность держаться ей и впредь, притомъ съ бодшимъ авторитетомъ; въ противномъ же случаѣ онъ подастъ въ отставку. Правительство не думаетъ, чтобы слѣдовало принять мѣры противъ свободы, но оно имѣетъ право и обязано карать тѣхъ, кто покушается ниспровергнуть республику. Онъ не думаетъ, чтобы существующіе законы предоставляли достаточныя средства для борьбы съ враждебными партіями. Развѣтніе сообщеній и богатства дали виновнымъ такіа средства, какихъ не могъ предвидѣть законодатель и уголовный кодексъ. Вотъ почему правительство предложитъ новыя мѣры для пресѣченія покушеній на безопасность государства. Далѣе Флоке доказывалъ также необходимость регламентаціи наклеваній и разноски афишъ. Въ заключеніе онъ сдѣлалъ общую аполо-

гію своей политики и присовокупилъ, что если большинство недоволено, то пусть оно ищетъ другихъ министровъ; вотъ почему онъ требуетъ отъ палаты выраженія довѣрія. И палата, большинствомъ 300 голосовъ противъ 240, вотировала выраженіе довѣрія къ кабинету Флоке. Столь незначительное большинство невольно наводитъ на мысль, что положеніе министерства не особенно прочно, и если палата и довѣряетъ еще Флоке, то скорѣе всего изъ нежеланія помочь и передѣлокъ въ правительственномъ строѣ наканунѣ грядущихъ національныхъ празднествъ. Подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить сообщеніе, что на другой же день палата отвергла признаніе восстановления выборовъ по округамъ неотложнымъ, что служить свидѣтельствомъ о желаніи палаты и правительства отложить общіе выборы до октября и дать мирно пройти времени всемирной выставки.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Министерство Иностранныхъ Дѣлъ вскорѣ представитъ въ Государственный Совѣтъ выработанный имъ проектъ новаго консульскаго устава.

— Министерствомъ Финансовъ, по соглашенію съ министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, составленъ проектъ открытія сберегательныхъ касъ при почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

— На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта внесено представленіе министерства Государственныхъ Имуществъ о мѣрахъ противъ фальсификаціи коровьяго масла и объ упорядоченіи торговли такъ - называемымъ маргариновымъ масломъ.

Морское дѣло.

— Новый пароходъ добровольнаго флота „Орель“, заказанный на верфи въ Ньюкаслѣ, будетъ готовъ въ іюнь нынѣшняго года.

— Въ Ревелѣ сѣверный вѣтеръ при морозахъ укрѣпилъ ледъ на рейдѣ до того, что навигацію нужно считать оконченною. Изъ 13 находящихся здѣсь пароходовъ 10 успѣли выйти въ море. Три датскихъ парохода зимуютъ здѣсь.

Торговля.

— Департаментъ Земледѣлія и Сельской Промышленности вывелъ среднія по губерніямъ цѣны на хлѣбные продукты, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ нѣсколькихъ тысячъ корреспондентовъ и относящимся къ концу истекшаго года. Изъ полученныхъ такимъ образомъ данныхъ оказывается, что цѣны 1888 года въ большинствѣ мѣстностей превъшали среднія осеннія цѣны 1887 года, но не достигали высоты цѣнъ 1885 и 1886 годовъ.

— Крупныя фирмы, торгующія на украинскихъ ярмаркахъ, заявили въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ о своемъ рѣшеніи не посѣщать Ильинской ярмарки въ Полта-

вѣ, замѣли ее новою казанскою ярмаркой въ Харьковѣ въ іюль мѣсяцѣ.

Народное просвѣщеніе.

— По словамъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ непродолжительномъ времени имѣетъ послѣдовать въ законодательномъ порядкѣ распоряженіе, по которому на всѣ высшія спеціальныя учебныя заведенія будутъ распространяются правила о государственныхъ экзаменахъ, установленныя нынѣ для университетовъ.

— Въ Новгородѣ, 23 января, губернское земское собраніе постановило въ память чудеснаго избавленія 17 октября Царской Семьи ассигновать изъ земскихъ суммъ 100,000 рублей на устройство и содержаніе сельско-хозяйственной школы и ходатайствовать о присвоеніи школѣ Имени Государя Императора.

Искусство.

— 23 января Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи посѣтили Императорскую Академію Художествъ и осматривали выставку картинъ профессора Г. И. Семирадскаго.

Государь Императоръ изволилъ приобрести одну изъ картинъ профессора Г. И. Семирадскаго, находящихся на выставкѣ Академіи Художествъ. Эта картина называется „По примѣру боговъ“ и изображаетъ идиллическую сцену среди роскошнаго античнаго пейзажа.

Литература и наука.

— Министры Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи и Оберъ-Прокуроръ Святышаго Синода, въ совѣщаніи, 24 января, постановили: прекратить вовсе изданіе „Сибирской Газеты“.

— 22 января, въ с.-петербургскомъ университетѣ, происходила публичная защита С. М. Георгіевскимъ диссертациі, подъ заглавіемъ: „Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающей въ себѣ

исторію древняго китайскаго народа“. Послѣ продолжительныхъ преній, факультетъ восточныхъ языковъ призналъ С. М. Георгіевскаго достойнымъ полученія искомой степени докторна китаискій словесности.

Пути сообщенія.

— Работы въ Сурамскомъ туннелѣ въ послѣднее время идутъ весьма успѣшно. Теперь продолжается облицовка туннеля, произведенная уже на пространствѣ 470 сажень.

— 14 января, какъ сообщаютъ варшавскія газеты, на Привислинской желѣзной дорогѣ, возлѣ станціи Соболевъ, произошло столкновеніе двухъ товарныхъ поѣздовъ. 8 вагоновъ разбиты въ дребезги, причемъ совершенно испорченъ весь находившійся въ нихъ грузъ и нѣсколько человекъ поѣздой прислуги получили тяжелыя раны. Причину столкновенія поѣздовъ объясняютъ неправильнымъ переводомъ стрѣлки.

Археологія и древности.

— 20 января, при раскопкахъ въ московскихъ верхнихъ городскихъ рѣдахъ, найденъ кувшинъ съ серебряною монетою времени царя Михаила Феодоровича и Бориса Годунова.

— 17 января, въ гор. Харьковѣ, на Основѣ, близъ семинаріи, найденъ огромный, больше обыкновеннаго, человѣчскій черепъ, наполненный старинными серебряными монетами. Эта находка, какъ рѣдкость, отправлена въ С.-Петербургъ.

Спортъ.

— 19 января, нѣсколько московскихъ охотниковъ выѣхали на медвѣжью охоту въ имѣніе г-жъ Ждадовскихъ, въ Александровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ станціи Балакирево Московско-Ярославской желѣзной дороги. 20 января они убили тамъ трехъ медвѣдей, изъ которыхъ— старая медвѣдица вѣсиль 9 пудовъ и два двухгодовалыхъ медвѣдя—4 пуда.

Смѣсь.

Какъ должно боксировать. Англичане при боксированіи употребляютъ только верхнія, французы же и верхнія, и нижнія оконечности. Трудно рѣшить чей способъ правильнѣе, но вопросъ этотъ имѣетъ въ настоящее время животрепещущій интересъ, такъ какъ во время Парижской всемирной выставки будущаго года предполагается устроить большое премированное состязаніе атлетовъ („*Concours athlétique*“). Французы конечно стоятъ за свой способъ бокса— и противъ возраженія англичанъ, что бой ногами не рыцарскій и не джентльменскій, выставляютъ весьма вѣскіе доводы. Филиппъ Дариль въ *Фигаро* очень горячо разбираетъ этотъ вопросъ и, весьма серьезно разлагая о немъ, высказываетъ между прочимъ слѣдующія соображенія: „Каждый долженъ согласиться, что боксированіе есть прежде всего искусство самозащиты, искусство отражать внезапное и грубое нападеніе одними только естественными средствами. Въ такомъ случаѣ употребленіе нижнихъ оконечностей не только естественно и логично, но нѣкоторымъ образомъ даже обязательно, и было бы просто смѣшно ограничивать средства самозащиты. Развѣ чловѣкъ, подвергшійся нападению разбойника или убійцы откажется отъ мѣткаго удара ногою, если онъ только владѣетъ этимъ искусствомъ? Конечно, нѣтъ. Или развѣ онъ станетъ наскоро условливаться съ нападающимъ, чтобы бороться только верхнею частью тѣла по поясъ? Огвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію, а то что понятно на практикѣ, должно быть важно и въ теоріи и въ искусствѣ, облакающемъ практику въ благородныя правильныя формы. Знатоки, поэтому, вопльи правы, утверждая, что француз-

скій способъ боксированія гораздо цѣлесообразнѣе и совершеннѣе англійскаго. Такова точка зрѣнія извѣстнаго боксера Шарлемона, съ чѣстью продолжающаго дѣло Виньерона и Лекюра; таково же убѣжденіе и Теофиля Готье, который какъ во всемъ другомъ, такъ и въ дѣлахъ спорта былъ весьма компетентнымъ судьей“. Послѣ этого объясненія Филиппъ Дариль переходитъ къ международному боксу и задаетъ вопросомъ: должны ли нѣтъ французы, въ угоду англичанамъ, пускаться въ ходъ мускульную силу и ловкость только верхней части тѣла; и приходитъ, наконецъ, къ заключенію, что для каждаго рода бокса должна быть назначена особая премія. Если французскій боецъ въ обоихъ случаяхъ выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы, то слава его удвоится; если же онъ осилитъ противника только французскимъ способомъ, то позоръ быть побѣжденнымъ по-англійски покажется ему менѣе тяжкимъ. Третій возможный случай, а именно, что французъ окажется побитымъ и по-французски и по-англійски, г. Дарилемъ совершенно не принимается въ соображеніе; подобный случай кажется ему невозможнымъ. Впрочемъ, увидимъ каковъ будетъ исходъ боя, и да проститъ намъ читатель, что мы не беремся рѣшать этотъ вопросъ, представляя рѣшеніе его болѣе компетентнымъ людямъ. (с.)

Рельефная фотографія. Минимальныя возвышенія, достаточныя для печатанія, уже съ давнихъ поръ получались въ фотографіи посредствомъ освѣщенія асфальтовыхъ и хроможелатиновыхъ пластинокъ. Недавно, однако, фотографу Церру въ Вейсенбургѣ, въ Эльзасѣ, удалось изготовить „рельефныя фотографіи“ съ возвыше-

нием до 5 миллиметровъ, при помощи новаго способа, составляющаго пока секретъ изобрѣтателя. Исполненные имъ рельефы изъ гипса, воска и металла воспроизводятъ не только орнаменты, но также пейзажи и портреты съ рисунковъ и съ натуры, съ замѣчательною точностью. Такимъ образомъ тяжелая работа гравированія можетъ теперь въ большинствѣ случаевъ замѣняться механическимъ, крайне дешевымъ способомъ, который даетъ возможность изготовлять модели для фарфоровыхъ и стеклянныхъ рисунковъ, для украшеній изъ желѣза, золотыхъ и серебряныхъ медалей, гипсовыхъ и бронзовыхъ портретовъ и т. п. Замѣчательное примѣненіе новаго рода свѣтлониси сдѣлано недавно страсбургскимъ профессоромъ Кутингомъ. Онъ заказалъ гипсовые снимки съ надписей собранныхъ имъ въ Аравіи и отпечатанныхъ на пропускной бумагѣ, что, конечно, составляетъ прекрасный способъ сохраненія бѣглыхъ оттисковъ въ прочной и вѣрной оригиналу формѣ. Образцы этого новаго, важнаго для науки, искусства и ремесла, изобрѣтенія находятся въ эльзасскомъ отдѣлѣ художественной выставки въ Мюнхенѣ, гдѣ имъ отведено правительственнымъ комиссаромъ, г. Шрикеромъ, почетное мѣсто. (с.)

О Виндзорскомъ замкѣ, резиденціи английской королевы Викторіи, гдѣ она принимаетъ своихъ гостей, г. Геэль рассказываетъ слѣдующее: Быть гостемъ королевы, конечно, не малая честь, однако и это удовольствіе, несмотря на яркій свѣтъ королевской милости, имѣетъ свои темныя стороны, особенно въ зимнее время. Дѣло въ томъ, что ея величество замѣчательно нечувствительна къ холоду и спитъ всегда въ нетопленной комнатѣ; а если въ спальнѣ королевы не горитъ каминъ, то, по симпатіи, и всѣ другія спальни должны оставаться нетопленными. Вслѣдствіе этого измѣненные гости королевы мерзнутъ и почти всегда покидаютъ замокъ съ насморкомъ, который, если не въ медицинѣ, то въ обществѣ получилъ непріятную и вѣсть съ тѣмъ заманчивую извѣстность подъ названіемъ „виндзорскаго насморка“. Герцогъ Ричмондскій и Гордонскій были единственнымъ членомъ, осмѣлившимся однажды пожаловаться королевы на то, что его спальня не топтана. Королева возразила смѣльчаку съ ледяною холодностью, отъ которой его бросило въ жаръ: „I never feel cold“ („Мнѣ никогда не бываетъ холодно!“), и послѣ того герцогъ уже не имѣлъ больше случая зябнуть въ Виндзорѣ. За обѣдомъ, прославившимся необыкновенно плохимъ приготовленіемъ, холодными тарелками и краткостью меню, никто не смѣетъ говорить съ королевою, большою любительницею, однако, оживленныхъ застольныхъ бесѣдъ. Поэтому, если кто имѣетъ въ запасѣ интересный рассказъ, въ особенности какой-либо анекдотъ о собакахъ или членахъ парламента—то рассказываетъ его громко своей сосѣдкѣ или сосѣду; если королева смѣется, то и другіе могутъ улыбаться—смѣхъ узаконенъ; если же королева безмолвна, рассказъ считается глупымъ и проходитъ безъ вниманія. Иногда рассказанное вызываетъ вопросъ со стороны ея величества, въ такомъ случаѣ спрашиваемый отвѣчаетъ онять-таки своему сосѣду, не глядя на задающую вопросъ, и отвѣтъ не долженъ заключать въ себѣ новаго вопроса, такъ какъ спрашивать королеву никто не имѣетъ права. Американскій генераль Лессе Грантъ однажды провинился относительно этого правила, позволивъ себѣ за обѣдомъ спросить королеву, почему она не снимаетъ за столомъ перчатокъ—обычай, которому должны слѣдовать всѣ дамы, приглашенныя къ королевскому столу. Отвѣтомъ было „всеобщее казаніе головой“, и храбрый генераль, послѣ такой тактической ошибки, готовъ былъ броситься въ самый разгаръ битвы, лишь бы пабѣжать укоризненныхъ взглядовъ паредворцевъ. (с.)

Городъ въ опасности. Изъ Нью-Йорка пишутъ: Городу Ралей, въ Сѣверной Каролинѣ, съ нѣкоторыхъ поръ угрожаетъ опасность быть оставленнымъ жителями. Свообразныя подземныя явленія, ясно слышимый шумъ, какъ-бы отъ быстрыхъ подземныхъ рѣкъ, проложившихъ себѣ путь подъ городъ, сильно встревожили его обитателей. Шаги прохожихъ на улицахъ глухо раздаются, зыбнучи производятъ подземный гулъ, какъ будто городъ стоитъ на сводахъ. Клокотаніе воды (или подземныхъ теченій газа) всего яснѣ слы-

шится ночью, когда затихаетъ дневной шумъ, особенно если наблюдатель приложитъ ухо къ землѣ или къ стѣнѣ зданія. Подземныхъ ударовъ пока не замѣчалось, тѣмъ не менѣе опасаются, что городъ рухнетъ вслѣдствіе измѣненій въ строеніи почвы. Причина такого необыкновеннаго явленія до сихъ поръ еще не выяснена; буреніе и раскопки не привели ни къ какимъ результатамъ. (с.)

Г. фонъ-Гердтлемъ представленъ недавно въ Вѣнскую академію наукъ интересныи докладъ, имѣющій важное значеніе для разрѣшенія вопроса о томъ, наполнено ли мировое пространство, какъ многіе полагаютъ, такъ-называемымъ мировымъ эфиромъ. Явленія, сопровождавшія движеніе кометы Энке, заставляли думать, что это небесное тѣло встрѣчаетъ нѣкоторое сопротивленіе въ своемъ обращеніи вокругъ солнца. Это заставило предположить, что мировое пространство наполнено тонкою матеріею, не имѣющею, правда, замѣтнаго вліянія на большія планеты, но оказывающею сопротивление обращенію кометъ, состоящихъ изъ болѣе легкаго вещества. Появляющаяся чрезъ каждыя 3 1/2 года комета Энке, обратившая вниманіе ученыхъ на силу сопротивленія мирового эфира, была однако же единственнымъ небеснымъ тѣломъ, указывавшимъ на существованіе подобнаго вещества. Во всякомъ случаѣ, наблюденія эти могли относиться только къ пространству пробѣгаемому кометою Энке. Существуетъ ли сила сопротивленія и на болѣе далекомъ разстояніи отъ солнца, объяснить могли лишь болѣе отдаленныя, періодическія кометы. Гердтль провѣрилъ наблюденія, дѣлавшіяся съ 1858 года, надъ періодически черезъ каждыя 5 1/2 лѣтъ появляющеюся кометою Винке, и нашелъ, что теченіе этой кометы не подвергается никакому сопротивленію въ мировомъ пространствѣ. Поэтому весьма вѣроятно, что уже въ области большихъ внѣшнихъ планетъ нашей солнечной системы мировой эфиръ не существуетъ. (с.)

Изъ Нью-Йорка пишутъ въ иностранныя газеты: Джозъ Р. Галсли, молодой адвокатъ и членъ правленія „Нью-Йоркскаго общества доставленія свѣжихъ яицъ“, придумалъ слѣдующую антрепризу, въ видѣ гарантіи, требуемой потребителями, относительно свѣжести доставляемыхъ яицъ. Общество употребляетъ капиталъ въ 10,000 долларовъ на приобретеніе огромнаго числа куръ, которыя будутъ находиться въ особо устроенныхъ зданіяхъ, подъ надзоромъ ученыхъ надомотрицковъ. Потребителямъ, вмѣсто яицъ, будетъ съ вечера доставляться на домъ курица, въ надеждѣ, что она за ночь снесетъ яйцо. Курица помѣщается въ плетеной корзинкѣ, гдѣ ей приготовленъ кормъ и вода, а для того чтобы она своимъ кудахтаніемъ не мѣшала спать жителямъ, ей надѣваютъ особый „наклювикъ“. Нью-Йоркское общество покровительства животныхъ, на усмотрѣніе котораго было представлено это нововведеніе, нашло, что подобнаго рода приспособленіе не причиняетъ никакого вреда курамъ. Такимъ образомъ новая система даетъ возможность потребителямъ за дѣну, не превышающую рыночной цѣны яицъ, во-очію убѣдиться въ ихъ свѣжести, но они рѣшуютъ за то, несмотря на внесенную впередъ плату, остаться не при чемъ. Дѣло въ томъ, что общество, какъ сказано въ его циркулярѣ, не гарантируетъ, что курица непременно снесетъ. Плата взимается за одно только яйцо; снесетъ ли курица больше или меньше—не принимается въ расчетъ. (с.)

Корреспонденты газетъ, находившіеся въ свѣтѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ, во время путешествія на Кавказъ, намѣрены поднести альбомъ своихъ фотографическихъ кабинетныхъ портретовъ начальнику канцеляріи Министерства Императорскаго Двора В. И. Кривенко, на обязанности котораго лежало просматривать посылаемые ими корреспонденціи. Альбомъ, по слухамъ, заказанъ въ Москвѣ.

Въ то время, когда „Аида“ Верди вызвала энтузіазмъ во всей Италіи, одинъ любитель музыки написалъ композитору слѣдующее письмо. „Реджо, 7-го мая 1872 г. Глубокоуважаемый г-нъ Верди! 2-го числа сего мѣсяца, увлеченный усилкомъ вашей оперы „Аида“, я отправился въ Парму. Мое любопытство было такъ велико, что я за полчаса до начала представленія занялъ уже свое мѣсто въ театрѣ. По окончаніи представленія я сиротилъ себя,

А. Н. Паншинъ, извѣстный русскій коннобѣвецъ. Съ фотогр. Штокмана въ Вѣнѣ, грав. Барановскій.

остался ли доволен оперой, и отвѣтъ получился отрицательный. Возвращаясь въ Реджо, я прислушивался по пути къ сужденіямъ другихъ пассажировъ. Почти всѣ были того мнѣнія, что „Аида“ первоклассное музыкальное произведение. Тогда у меня явилось желаніе еще разъ прослушать оперу, и 4-го числа я снова поѣхалъ въ Парму. Съ величайшимъ трудомъ удалось мнѣ достать мѣсто за 5 лиръ. Въ концѣ концовъ я пришелъ къ слѣдующему выводу: опера не заключаетъ въ себѣ ничего воодушевляющаго и электризующаго зрителей. Если-бы не великолѣпныя декораціи, публика не досидѣла бы до конца. Вы легко поймете, дорогой г-нъ Верди, какъ мнѣ жаль тѣхъ-32 лиръ, которые я истратилъ на эти два представленія; а если вы примете въ соображеніе, что я завишу отъ своей семьи, то поймете, что деньги эти, какъ страшное привидѣніе, не дадутъ мнѣ покоя. Обращаюсь къ вамъ съ откровенной просьбой возвратитъ мнѣ истрченную сумму по прилагаемому счету:

Железная дорога туда . . .	2,60	лиръ
Театръ обратно . . .	3,30	”
Скромный ужинъ въ вокзалѣ	2,00	”

Итого 15,90 ”

Во второй разъ: Та же сумма 15,90 ”

Общій итогъ 31,80 лиръ.

Адресъ: Бергани Просперо, тамъ-то“.

Можно представить себѣ удивленіе композитора при полученіи этого письма. Тѣмъ не менѣе онъ взглянулъ на это съ комической стороны и поручилъ своему издателю Рикорди удовлетворить откровеннаго просителя. „И такъ прошу васъ переслать ему 27,80

лиръ“, писалъ онъ; „хотя это и не вся требуемая имъ сумма, но въ мои расчеты вовсе не входитъ платить за ужинъ; онъ могъ бы отлично поужинать и дома. Само собою разумѣется, что молодой человекъ долженъ выдать квитанцію и кромѣ того я прошу васъ взять съ него письменное обязательство не слушать больше моихъ оперъ, для того чтобы его не преслѣдовали привидѣнія и мнѣ не пришлось снова платить за его путевныя издержки“.

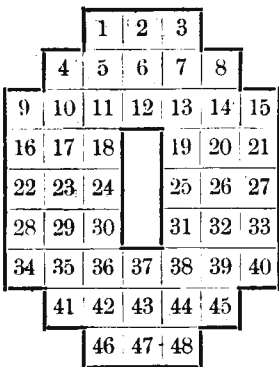
Рикорди счелъ все дѣло за мистификацію и ожидалъ, что письмо будетъ ему возвращено. Однако, нѣсколько дней спустя онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Я нижнеподписавшійся симъ свидѣтельствую, что получилъ отъ маэстро Джузеппе Верди сумму въ 27,80 лиръ. Маэстро возвратилъ мнѣ эту сумму, въ виду того, что опера его пришлась мнѣ не по вкусу. Я обязуюсь не ѣздить болѣе на его оперы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ приметъ расходы на себя, независимо отъ того, понравится мнѣ его произведеніе или нѣтъ“. (с.)

Путешественникъ Мозеръ изъ Шафраузена, присутствуя однажды при ученіи бухарскихъ войскъ, былъ очень удивленъ однимъ маневромъ, а именно: по звуку сигнальнаго рожка люди бросались на спину и, поднявъ ноги вверхъ, энергически потрясали ими въ воздухѣ. Когда Мозеръ спросилъ, что значитъ этотъ необычайный приемъ, онъ получилъ въ отвѣтъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскій батальонъ, перейдя въ бродъ стѣнную рѣчку, получилъ приказаніе броситься такимъ образомъ на землю, для того чтобы вода вытекла изъ сапогъ; а такъ какъ русскіе въ этотъ походъ побѣдили бухарскаго эмира, то бухарская армія безъ дальнѣйшихъ разсужденій ввела этотъ маневръ въ свой воинскій уставъ. (с.)

ПОПРАВКА: Въ Библиографіи № 5 „Нивы“ вкралась печатка: тѣна *Сочиненій Глѣба Успенскаго* не 2 р. 50 к., а три рубля.

Задача буквъ № 9.

Н. С. Даржана.

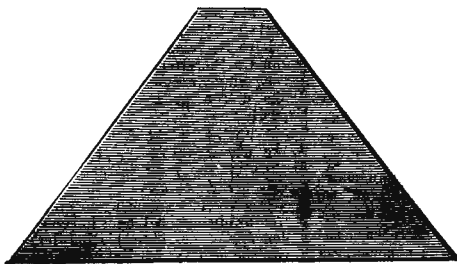
Найти слѣдующія 9 словъ:

- 1) Произведеніе Сброва 43. 1. 21. 32. 18. 30. 3. 38. 39. 28.
- 2) Одинъ изъ кантоновъ Швейцаріи 24. 10. 29. 35. 36. 7.
- 3) Названіе плода 4. 44. 34. 42. 6. 40.
- 4) Отдѣлъ книги 26. 9. 37. 20. 5.
- 5) Женск. имя (уменьш.) 27. 33. 16. 15.
- 6) Низменное мѣсто 41. 13. 22. 19. 17. 31.
- 7) Части сутокъ 11. 47. 46.
- 8) Образъ 14. 8. 48. 25.
- 9) Болѣзнь 45. 2. 12. 23.

Буквы найденныхъ словъ размѣстятъ по квадратамъ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждого искомаго слова. Затѣмъ, данную фигуру, наполненную буквами, разрѣзать на четыре части, которыя должны быть соединены вмѣстѣ, но такъ, чтобы получилась *заглавная буква* фамиліи известнаго русскаго композитора; а *въ буквѣ* — имя, отчество и фамилія подразумеваемаго композитора и названія двухъ его произведеній.

цифръ, указанныхъ противъ каждого искомаго слова. Затѣмъ, данную фигуру, наполненную буквами, разрѣзать на четыре части, которыя должны быть соединены вмѣстѣ, но такъ, чтобы получилась *заглавная буква* фамиліи известнаго русскаго композитора; а *въ буквѣ* — имя, отчество и фамилія подразумеваемаго композитора и названія двухъ его произведеній.

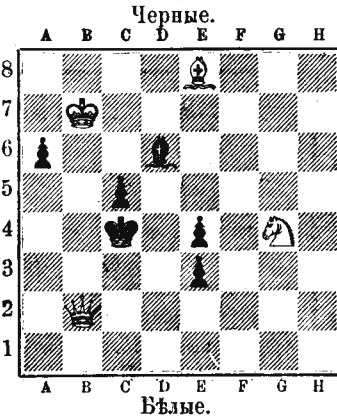
Геометрическая задача № 10.

Раздѣлить данную трапецію на 8 частей, изъ которыхъ можно было бы составить квадратъ.

Шахматная задача № 11.

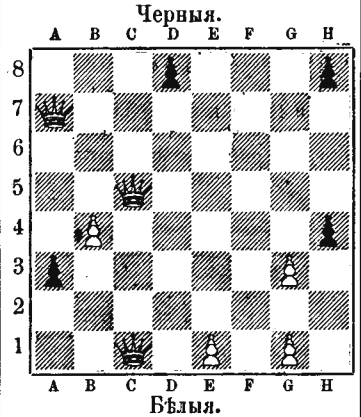
И. Дробускаго.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 12.

А. Попова.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ простую черныхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ (съ портр.). — Опасная игра. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе). — Два миссіонера. (Разсказъ изъ жизни богословцевъ далекаго Востока). А. Я. Максимовъ. (Окончаніе). — Объ измѣненіяхъ природы въ періодъ человѣка. Профессора Петровской Академіи К. Э. Линдеманна. — Къ рисункамъ: Шахматная партія (съ рис.). — Продащица цѣтговъ въ Вильнѣ (съ рис.). — Незнакомая тота (съ рис.). — Набѣгъ (съ рис.). — Бурунъ на островѣ Сейлонѣ (съ рис.). — Берлинскій театръ (съ рис.). — Ходитъ спѣшь надувачишь... (съ рис.). — А. Н. Паншинъ, известный русскій коннобѣецъ (съ портр.). — Русская духовная миссія въ Абиссинію (съ 4 портр. и 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Поправка. — Задачи. — О перемѣнѣ адреса. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Объявленія. — При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЙ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1889 г., съ 32 рис. и отд. листъ съ 32 чертж. выроекъ въ натуральн. величину и 37 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ ПОКАЗАНА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ.

ПОДПИСКА СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Для иногородныхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится 3 руб. Къ 1-му мая 1889 года 2 руб. Къ 1-му іюля остальные 2 руб.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ со всѣми приложеніями.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просить адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6.

Выдержки изъ отзывовъ прессы о роскошномъ иллюстрированномъ изданіи

А. Ф. Маркса:

„ФАУСТЪ“, ГЁТЕ

(объ части) въ переводѣ А. Фета.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“

(№ 4580, 17 ноября 1888 г.).

Издатель „Нивы“ г. Марксъ выпустилъ роскошное изданіе „Фауста“ Гёте, въ переводѣ А. А. Фета, объ части. Изданіе въ полномъ смыслѣ слова прекрасное, и по бумагѣ, и по шрифту, и по печати, и по переплету, для котораго сдѣланъ былъ особый рисунокъ и штампъ. Изданіе украшено рисунками (25) Зейбертца, въ средневѣковомъ, выдержанномъ стилѣ, и 130-ю иллюстраціями. Это — огромный томъ, въ листъ, который перелистывать можно съ удовольствіемъ, останавливаясь на рисункахъ... и т. д.

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВѢДОМОСТЬ“

(№ 329, 28 ноября 1888 г.).

...Прекрасный, необыкновенно близкій къ подлиннику переводъ г. Фета уже известенъ публикѣ; заслуга издателя состоитъ главнымъ образомъ въ обдуманной роскоши, съ какою исполнена вся сторона дѣла. Въ этомъ отношеніи предпріятіе г. Маркса — почти единственное у насъ по достоинству печата, бумага, переплетъ и пр... Гравюры отпечтаны на отдѣльныхъ лѣксадрайскихъ листахъ, съ соблюденіемъ въ точности средневѣкового характера... Вообще, въ изданіи совершенно отсутствуютъ спекулятивная цѣль; видно, что г. Марксъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ нѣчто капитальное, вполнѣ достойное солидной фирмы. Въ любовь кабинета для въ гостиную, этого роскошныя томъ является цѣннымъ украшеніемъ стола.

„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(№ 272, 14 декабря 1888 г.).

...Наилучшій изъ послѣднихъ переводовъ на русский языкъ обнѣхъ частей „Фауста“ принадлежитъ нашему маститому поэту — лирику А. Фету. Этотъ переводъ очень выдѣляется изъ всѣхъ существовавшихъ до него тѣмъ, что въ немъ читатель находитъ сохраненными всѣ малѣйшіе оттѣнки подлинника... Это изданіе представляетъ собою весьма удачный опытъ присоединенія къ тексту „Фауста“ соответствующихъ рисунковъ... Рисунки отличаются строгою выдержанностью стиля и тонкимъ пониманіемъ изображаемыхъ въ нихъ моментовъ драмы. Въ изданіи перевода А. Фета, они переданы въ превосходныхъ астампахъ, числомъ до 25-ти, работы лучшихъ ивѣнскихъ художниковъ-гравюровъ. Кроме того, изданіе украшено многочисленными, гравированными на деревѣ, рисунками...

„НОВОСТИ“

(№ 346, 15 декабря 1888 г.).

Съ большимъ удовольствіемъ перелистали мы это роскошное in-folio, напечатанное крупнымъ красивымъ шрифтомъ на толстой слоной бумагѣ и украшенное цѣлой галереей большихъ, прекрасныхъ гравюръ на мѣди. Мы можемъ сказать безъ всякаго преувеличенія, что „Фаустъ“ впервые изданъ въ Россіи съ тою пышностью и достоинствомъ, какія подобаютъ внутреннимъ достоинствамъ и мировому значенію этого классическаго произведенія.

„РУССКАЯ ВѢДОМОСТЬ“

(№ 346, 16 декабря 1888 г.).

Предпріятіе г. Маркса выпущенное теперь является большимъ заслуженнымъ литературнымъ событіемъ. Мы не знаемъ, въ какой изъ главъ Гёте мы еще не видѣли... Разнообразное исполненіе своей работы, такъ и во много воспринимая идеи великаго поэта, — онъ выдѣляетъ все это съ роскошью, которую одобряли бы и русскіе издатели. Очѣдная картинка (а къ всѣмъ выдержанъ въ строгомъ вкусѣ тоже выдержанъ г. Маркса драматическимъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

(№ 1038, 10 декабря 1888 г.).

...Дать русской интеллигентной публикѣ полный переводъ произведенія Гёте, имѣющаго мировое значеніе — мысль сама по себѣ прекрасная. Еще прекраснѣе ея выполненіе. Смѣло скажемъ, публика не видала еще ничего подобнаго. Даже за границей, гдѣ дѣло издательское поставлено превосходно, подобныя истинно художественныя изданія встрѣчаются не часто. Выѣшность книги вполнѣ гармонируетъ съ текстомъ... Переводъ сдѣланъ размѣромъ подлинника; стихъ рифмованный и отличается той плавностью, которая вообще свойственна поэзіи Фета... Мы, конечно, можемъ смѣло рекомендовать этотъ chef-d'oeuvre русской публикѣ...

„Journal de St.-Petersbourg“

(№ 331 du 11 Decembre, 1888).

...M. Marcks, l'intelligent et énergique éditeur de la „Niva“, a fait paraître, à titre de livre d'étrennes de Noël, une traduction russe en vers du Faust de Goethe, qui est à la fois la plus belle publication de la librairie russe moderne et une oeuvre littéraire d'un mérite hors ligne, destinée à faire époque dans la série déjà longue des versions russes de l'immortel poème dramatique du plus grand et du plus profond des poètes allemands...

Avoir eu l'idée de donner à l'oeuvre grandiose conçue et victorieusement accomplie par le nouveau traducteur du Faust un cadre digne d'elle, ne pouvait venir en tête qu'à un véritable artiste. M. Marcks a eu cette idée et il l'a réalisée avec une hardiesse surprenante. Son édition du Faust est un livre comme il n'en existait pas encore dans la librairie artistique russe. Le volume a pour étui un élégant et solide cartonnage qu'on peut exposer sans offenser les yeux sur la table du salon le plus élégant ou caser sur les rayons de la bibliothèque la mieux tenue. Le prix de l'édition de M. Marcks est d'une modicité relative à peine croyable. Il est meilleure preuve de ce que l'éditeur n'avait point en vue une de ces spéculations que la librairie moderne est devenue si habile, depuis quelque temps, à dissimuler sous de fallacieux dehors de désintéressement artistique. Si tout le tirage s'écoule on n'arrivera évidemment qu'à couvrir les frais de cette publication.

St.-Petersburger Zeitung

(№ 342, vom 7 December 1888).

...Wir halten es für eine einfache Pflicht der Gerechtigkeit, zu erklären, dass uns aus dem gesammten Russischen Verlage kein zweites Werk bekannt ist, das auf gleicher Höhe ästhetischer Vollkommenheit stünde. Die ganze Ausgabe ist, was Illustration, Text, Druck, Papier, Einband anlangt, mustergerig und macht den erfreulichsten Eindruck. Pracht eint sich mit Würde, solid, nicht prahlerischer Reichtum mit edelem Geschmack, um ein Ganzes zu bieten, das bildend und erhebend auf die Kreise wirken muss, für die die kostbare Ausgabe bestimmt ist...

Als Illustrationen hat der Verleger die Bilder von Engelbert Seibertz gewählt, die meisterhaft von Adrian Schleich gestochen sind... Ein Goethereifer, tief in die Dichtung eingedrungenen Geist spricht aus diesen gedankenvollen Compositionen...

Wahrlich nicht der letzte Vorzug der Marcks'schen Prachtausgabe ist die Uebersetzung von A. Feth (Schenschin)...

Das Werk, an dem unser grösster Genius ein selten langes Leben von den Jünglingsjahren bis ins hohe Greisenalter gearbeitet, das dem Deutschen als die Blüte und Quintessenz seiner Literatur gilt, das den geistigen Gehalt unserer Kultur, unseres Geisteslebens in knapper Form zusammenpressend — ein solches Buch einer andern Nation zu eigen zu machen, das ist wahrlich ein hohes Verdienst und alles Lobes und Dankes werth.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“

(№ 329, 29 ноября 1888 г.).

Названное изданіе составляетъ выдающееся явленіе въ области нашей литературы. Едва ли у насъ на частныя средства издавалось нѣчто подобное; безсмертное произведеніе Гёте превосходно переведено А. Фетомъ... Книга снабжена художественными иллюстраціями Зейбертца и многочисленными рисунками. Чтобы судить о роскоши этого великолѣпнаго изданія, достаточно указать, что оно напечатано на 100 листахъ веленовой бумаги in folio; вслѣдствіе этого и затраты г. Маркса на него были громадными... Въ полномъ успѣхѣ этого вполнѣ художественнаго и роскошнаго изданія не можетъ быть и сомнѣнія.

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(№ 147, 11 декабря 1888 г.).

...„Фаустъ“ Гёте — настоящая книга каждого сколько-нибудь развитаго, мыслящаго человека. Неудивительно, что известному издателю не менѣе известной „Нивы“, г. Марксу, пришла счастливая идея издать великое твореніе Гёте самымъ роскошнымъ, можно сказать, монументальнымъ образомъ, какъ съ выѣшней, такъ и внутренней стороны. Переводъ „Фауста“ сдѣланъ известнымъ нашимъ поэтомъ-писателемъ Фетомъ и можетъ, по справедливости, считаться лучшимъ переводомъ „Фауста“... г. Фетъ снабдилъ свой капитальный трудъ необходимыми поясненіями и комментаріями, желая, чтобы каждый, читая „Фауста“, могъ вполнѣ усвоить и понять все кажущееся темнымъ и загадочнымъ... Такихъ великолѣпныхъ изданій въ нашей литературѣ не много... Шрифты, выѣтки, рисунки въ текстѣ, все верхъ изящества... Книга переплетена въ маренъ, съ золотымъ обрѣзомъ... и т. д.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 руб.

Желающіе приобрести это изданіе въ разорочку, съ уплатою въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могутъ получить его выпусками, для чего открыта особая подписка.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ СПБ.

Всѣхъ выпусковъ 10. При этомъ подписчики вносятъ:

Городскіе въ 1 разѣ	6 р.	иногородные 10 р., и получаютъ 1 выпускъ
” во 2 ”	6 р.	8 р., ” 2 ”
” въ 3 ”	6 р.	5 р., ” 3 ”
” въ 4 ”	5 р.	5 р., ” 4 и 5 ”
” въ 5 ”	5 р.	5 р., ” 6 и 7 ”
” въ 9 ”	4 р.	2 р., ” 8, 9 и 10 ”

Отдѣльно кожаная (шагреновая) крышка для переплета продается по 7 рублей.

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ НА СООРУЖЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ ПАМЯТНИКА НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣкинскимъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подписки на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому гениальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрывались подписками.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Высш. почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всеміровѣйше соизволило разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ 1-му января 1889 года къ Казначей Общества поступило пожертвованій 31.163 руб. 68¼ коп.

Пожертвованія принимаются въ редакціи журнала „Русская Мысль“. Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться Казначей Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ. О поступившихъ пожертвованіяхъ ежемѣсячно печатаются отчеты. № 3686

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1 Декабря 1888 года по 1 Января 1889 года къ Казначей Общества поступили собранія съ Высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю: 1) по купонамъ отъ процентныхъ бумагъ—292 руб. 12½ коп., 2) изъ Москвы отъ Ф. А. Танинина—5 руб., 3) по подписному листу № 412 изъ Москвы чрезъ Инспектора Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ—35 руб., 4) по подписному листу № 987 изъ Пинчова чрезъ Инспектора Мужской Прогимназіи—4 руб., 5) по подписному листу № 380 изъ Млавы чрезъ Управляющаго Таможнею—10 руб., 6) по подписному листу № 395 изъ Керчь-Еникаль чрезъ Управляющаго Таможнею—4 руб., 7) изъ Санктъ-Петербурга чрезъ Г. А. Грекова—11 руб., 8) изъ Оренбурга чрезъ г. Попечителя Учебнаго Округа пожертвованными служившими и преподавателями двухклассныхъ и начальныхъ училищъ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи и Каменскаго начальнаго училища—142 руб. 21 коп., 9) изъ Санктъ-Петербурга чрезъ главную контору редакціи журнала „Нива“ отъ издателя журнала „Нива“ А. Ф. Маркса—50 руб. и отъ должностныхъ лицъ Уфимско-Оренбургскаго Акцизнаго Управленія—23 руб., 10) по подписному листу № 332 изъ Киржача чрезъ Директора Учительской Семинаріи—5 руб. 60 коп., 11) по подписному листу № 1147 изъ Курска чрезъ Начальника Землеустроительнаго училища—7 руб., 12) по подписному листу № 1099 изъ Тамбова чрезъ Управляющаго Акцизными сборами—56 руб. 50 к., 13) изъ Тамбова чрезъ него же отъ 6 округовъ акцизнаго управленія—60 руб., 14) по подписному листу № 1148 изъ Уфы чрезъ Начальника Землеустроительнаго училища—6 руб. и 15) по подписному листу № 1053 изъ Нижняго Новгорода чрезъ Управляющаго Казенною Палатою—20 руб. Итого семьсотъ тридцать одинъ рубль 43¼ копейки. А всего съ преденоступившими тридцать одна тысяча сто шестьдесятъ три рубля 68¼ копейки (31.163 руб. 68¼ коп.). № 3687

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попури, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полными и пріятными тенорами, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 35 фунтовъ.

Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., домъ Торлецкаго.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края
Н. Н. Каразина.

Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригиналы, рисунки автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ колѣнк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 коп.

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЬ:
Усовершенствованныя **НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ** съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированныхъ . . . 8
„ темно-полированныхъ . . . 8 50
Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по . . . 80
Альбомъ III новый . . . 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

І. Ф. МЮЛДЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ бесплатно.
Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (10)

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.
Вс. С. Соловьева.

Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русск. исторіи XVI в. Томъ этотъ украсенъ 30 рис. художника Н. С. Панова. Изданіе III. СПб. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ЛЕПШИНСЪ И ГЛОЗНИЦЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“.

АДРЕСА

всѣхъ спеціальныхъ и общихъ статей доставляетъ подъ гарантіей: International Adressen-Verl. - Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

„РЕБУСЪ“

Еженед. журналъ. Новости по гипнотизму, спиритизму, психизму и т. п. Балдериастика. Годъ съ перес. 5 р.; полгода 3 р. Подписка у Мартынова (Невскій, 46). Почтой: въ С.-Петербургѣ, редакція „Ребуса“.

**Высочайше утвержденное
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ЗАСТРАХОВ. ОТЪ ВЕСЧАСТН. СЛУЧАЕВЪ**

ПОМОЩЬ

Невскій пр., № 11.

I. За ежегодную премію въ 50 р. Общество принимаетъ на страхъ членовъ, лица, присяжнаго повѣреннаго и т. п. лицъ, 33-хъ лѣтъ, съ условіемъ выдачи при несчастномъ происшествіи

- а) въ случаѣ смерти страхователя — наследникамъ его капитала въ 5000 рублей;
- б) въ случаѣ пожизненной неспособности страхователя къ труду (инвалидности) — самому пострадавшему пожизненной ежегодной ренты въ 1200 рублей;
- в) въ случаѣ временной лишь неспособности къ труду—ежедневнаго вознагражденія въ 6 рублей.

II. За ежегодную премію въ 100 рублей застрахованное лицо, того же возраста, пріобрѣтаетъ не только право на получение вышеозначенныхъ вознагражденій, но кромѣ того, Общество обеспечиваетъ его полнымъ возвратомъ всѣхъ внесенныхъ премій, въ случаѣ преждевременной смерти страхователя—его наследникамъ, въ противномъ же случаѣ ему самому, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.

Въ виду введеннаго, по Уставу Общества, участія страхователей въ дивидендѣ, въ обоихъ случаяхъ премія, начиная съ 3-го года страхованія, понижаются.

Подробныя поясненія и справки во всякое время выдаются всѣми представителями и агентами (во всѣхъ губернскихъ, уѣздныхъ и многихъ другихъ городахъ Имперіи), а также и Правленіемъ Общества (Невскій пр., № 11). № 3214 6—5

А. РАДЛЕ и Ко ПРИВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ **ВЪ МОСКВѢ.**

- Мыло ланолиновое.
- Вода туалетная (особ.).
- Одеколонъ тройной.
- Уксусъ цвѣточный.
- Вода сосновая.
- Кольдъ-кремъ violetъ.

- Пудра вельют.-цвѣт.
- Мыло гераній-роза.
- Мыло лимонно-глицер.
- Духи московскіе.
- Мыло для мытья головы.
- Мыла санитарныя.

№ 3683

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

**ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЮ
EAU DE LYS DE LOHSE.**

Въ виду часто встрѣаемыхъ въ продажѣ поддѣловъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать

Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse Berlin.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

КРЫШКИ для переноса „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ-колесные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-курранты бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій м., д. Голыцина.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. №3395 (7)

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
съ различнымаъ запахомъ:
Эдельвейсъ, желтый левкой, жасминъ, гелотропъ, ландышъ, оппонансъ, роза, рейнская фиалка, рейнская цвѣты и аспера душистая, ирисоводные, долго сохраняющіеся и дешевые цвѣты для носовыхъ платковъ.

Цѣна за флаконъ, содержащій 1/4 фунта 1 р. 25 коп.
Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Ц. № 3682 2-1

ИЗЪ ОРЕНБУРГА привхавшая продавайт и числгт Оренбургск. пухов. платки и вуалки. Литейный пр., 57. кв. 18. 1 эт. № 3681

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведе- ніе прекрас- наго запаха. ве порги- щееся.

LA POUDRE SIMON
И МЫЛО à la CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же за- пахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.
Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16-9

При этомъ № 2 прилаг. для гг. иногородн. подписчиковъ объявлено отъ Банкирской Конторы Ф. А. Клина въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 1 февраля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1888 годъ,

закрывающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ И. А. ГОНЧАРОВА: „Слуги“, большой историч. романъ Д. В. АВЕРНІЕВА: „Вѣчу не быть“, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: „Братья Соперники“ и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА: „Бригадирская внучка“, большую повѣсть Н. СТАНИЦАГО: „Исторія одного таланта“, разсказъ Макс. БЪЛИНСКАГО: „Заповѣдный дѣлъ“, комедію В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“, повѣсть А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвиъ“, разсказъ Е. А. САЛАСА: „Онъ-же“, разсказъ ТХОРЖЕВСКАГО: „Рекогносцировка“ и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологій, гигиенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологій, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безлатныхъ приложеній, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, „Сборника повѣстей и разсказовъ“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПARIЖСКИЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переносному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА: „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“ (14 3/4 вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Цѣна ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложеніями:
Брошюрован. 4 р. Въ коленик. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 р. Съ пересылкою 7 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (53) № 2946

ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИНТЕРЕСНОЕ ИЗОБЪРТЕНІЕ
ДУХИ ВЪ ТВЕРДОМЪ ВИДѢ
КАРАНДАШЪ ДЕ ЛА НОБЛЕССЪ.
(Crayon de la Noblesse).

Духи эти, обращенные въ твердый видъ по новому способу, отличаются тѣмъ, что очень приятны и совершенно сгущены, что не было до сихъ поръ еще извѣстно. Можно имѣть духи всѣхъ сортовъ въ палочкахъ, вложенныхъ въ маленькія металлическія гильзы, которыя весьма удобно носить при себѣ. Эти духи имѣютъ то громадное преимущество, что передаютъ присутствію имъ запахъ всѣмъ предметамъ, приходящимъ съ ними въ соприкосновеніе, не смачивая и не портя никакихъ. Достаточно слегка потереть подобнымъ карандашемъ для того, чтобы немедленно надушить.

№ 3679 3-1
Нозу, бороду, носовой платокъ, кружева, перчатки, матеріи, искусственные цвѣты, бѣлье.

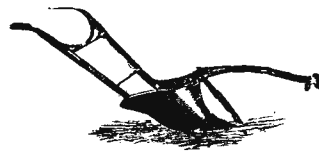
Особенно пригодны эти духи для театровъ, концертовъ, баловъ и проч.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галантерейныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна 75 коп.
Эд. ШОРОВСКІЙ и Комп. въ С.-Петербургѣ.

КОНТОРЫ МЕХАНИЧ. ЗАВОДА

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ
С.-Петербургъ, Нас. Остр. 1 линия, 10.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.

предлагаютъ въ большомъ выборѣ: плуги, бороны, сѣялки, жни, косилки, молотилки, вѣялки, мельницы, маслобойки, насосы, пожарныя и садовая трубы и пр., и между прочимъ новѣйшій плугъ Товарищества Б. и У.

№ 3680 „КОЛОНИСТЪ“ 5-1 построенный весьма солидно и прочно и снабженъ всѣми удобными служебной техникой, марки GA по 8 р. 50 к., 3A-10 руб. Улучшени. ручную сѣялку ЧАМПИОНЪ разбрасывающ. всѣми сѣмена равномерно и быстро, чѣмъ это возможно рукою. Ц. 12 р. Иллюстр. каталогъ по востребованію.

Видеть изъ печати въ 5-мъ изданіи „НИВА“ **ВАЛЬСЪ** (посвящается Адольфу Федоровичу Марксу).
Цѣна съ пересылкою 75 коп.
Для подписчиковъ „Нивы“ (только черезъ контору „Нивы“) 45 коп.
ПРОДАЕТСЯ У ИЗДАТЕЛЯ
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.
Высылается бесплатно каталогъ интересныхъ музыкальн. новостей.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ.
Покупаютъ всѣ оо бумаги.
Ссуды подъ всѣ оо бумаги.
Страхование выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3611 5-5
Также нужны вѣрныя съ удостовѣреніемъ вѣдомыя жительства

АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше- означенному адресу.

НОВЫЙ АЛЬБОМЪ
РИСунковъ для вышиванія, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и ра пообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ издан. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.
Требованія просятъ адресовать: въ СПБ., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

„НОВОСТЬ“
ЗА 5 МАРКОВЪ
(иногородныхъ) высылается заказнымъ новымъ практическій стѣнной
КАЛЕНДАРЬ
на 1889 г.
(размѣръ 6 1/2 в. X 9 в)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ
Москва, — С.-Петербургъ
№ 3608 (8)

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маршанта. Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

XX г.

№ 7

г. XX

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ В ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выдавъ 11 февраля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 сторону непарель (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к.—Загран.: для Франціи у
 Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
 тербургъ 5 р.
 Съ доставкою въ Пе-
 тербургъ 6 р. 50 к.
 За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
 конт. объявл. Н. Н. Печков-
 ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
 Съ пересылкой въ Москву
 и другіе города Россіи . . . 7 р.
 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особая приложенія при
 „НИВѢ“ объявленій отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Масляница. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Шюблеръ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

XIV.

Ее глубоко обрадовалъ этотъ прїѣздъ, но радость ея была отравлена разными ядовитыми примѣсами. Прежде всего она знала, что ей предстоитъ допросъ, отъ котораго ее не спасутъ никакія двусмысленности и недомолвки, а между тѣмъ, старой увѣренности въ Аннетъ теперь уже какъ-то не было. Худо-ли, хорошо-ли, Аннетъ за эти четыре мѣсяца несомнѣнно сблизилась и вступила въ тѣсный союзъ съ Черенинымъ. Въ ея интересахъ?... да; но какъ далеко это у нихъ пошло, Паша не знала. Кто ей поручится, что ея признанія, такъ или иначе, не дойдутъ до него?... А если дойдутъ, если къ тому существуетъ хотя малѣйшее вѣроятіе, то какая дерзость съ ея стороны—сказать всю правду!... Не то-ли же это, какъ если-бъ онъ спрятанъ былъ гдѣ-нибудь тутъ и слушалъ?... Какой мѣдный лобъ надо имѣть, чтобъ рассказать, при этомъ незримо свидѣтель, всѣ несчетныя, пережитыя ею за эти четыре мѣсяца униженія; а зачѣмъ? Чтобы въ самомъ счастливомъ случаѣ, стать для него предметомъ жалости?...

Вотъ чтó смущало Пашу, не позволяя ей ни къ чему приготовиться, ничего обдумать, преслѣдовало ее по лѣстницѣ, въ третій этажъ, какъ черная тѣнь отъ какой-то неотвратимой, нависшей надъ головою ея бѣды, и заставило, наконецъ, въ нерѣшимости, тяжело дыша, остановиться у входа...

Дрожащей рукой она позвонила... Шаги и веселый возгласъ за дверью... Кто-то нетерпѣливо ее отворялъ, и въ то-же мгновеніе она очутилась въ объятіяхъ Мезенской.

— Какъ похудѣла!... Пашута! Ангель мой! чтó съ тобой?

„Не говори!... Не говори!“ шепталь какой-то вну-тренній голосъ на ухо Пашѣ.

* * *

Анна Григорьевна была статная, русая дѣвушка, нѣсколькими годами старше и полъ-головою выше, сильнѣе, румянѣе и дороднѣе Паши... Нацѣловавшись до опухли въ губахъ, она потащила и усадила Пашу съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, который говорилъ ясно: „Ну вѣтъ, теперь ты отъ меня уже не отдѣлаешься!“ Но такъ какъ, вслѣдствіе этой увѣренности, слѣзнуть было некуда, то она отложила серьезное объясненіе и начала съ извѣстій. Ихъ накопилось множество и она выкидывала ихъ впопыхахъ, въ хаотическомъ беспорядкѣ, ежеминутно перерывая и перескакивая на что-нибудь новое, съ такой быстротой, что у друга ея голова кружилась.

— Прїѣхала поутру, да опоздала къ 11-ти, а послѣ 11-ти боялась что не застану... Братъ Паля хотѣлъ тоже быть... Онъ теперь въ П**, на выборахъ... Черенинъ не обѣщалъ навѣрно; но стѣбитъ ему написать два слова... Да, между прочимъ, я недовольна тобой, но объ этомъ послѣ... Онъ въ хлопотахъ: у него двѣ недѣли тому назадъ сгорѣло Захаркино... 12 семействъ, зимой, безъ пристанища!.. Матушка приказала тебя расцѣловать... Я ее видѣла въ городѣ, передъ самымъ отъѣздомъ... Она продала свою рожь... Съ тѣхъ поръ какъ ты выслала деньги, очень повеселѣла, а передъ тѣмъ тревожилась за тебя... Ахъ, да! я и забыла тебѣ сказать... У насъ, въ Гривицахъ была свадьба: Леоконида Ивановна вышла замужъ за Вальберха... Я тоже едва не вышла...

— Какъ! можетъ-ли быть?.. За кого?

— Потомъ расскажу... Глупости!..

Но Паша требовала немедленнаго признанія.

— Ну слушай, это не длинно. Былъ у насъ лѣтомъ

майоръ такой, нѣкто Бахрѣевъ,—ты вѣрно видѣла его въ городѣ,—къ роднѣ прїѣзжалъ... Лѣтъ этакъ ужъ подь сорокъ; но еще молодецъ собой; только усы себѣ красить, но краска отличная: черная съ сизымъ отливомъ, въ вороново крыло... Съ братьями гдѣ-то въ карты игралъ, и повадился съ этого къ намъ: разъ, и другой, и третій, то на два, то на три дня... Играетъ онъ мастерски; поэтому мы, съ утра до вечера, рѣзались въ винтъ... И только; больше рѣшительно ничего. Какъ вдругъ, послѣ его отъѣзда, Паля, со своею улыбочкой: „да ты что-жъ, говоритъ, зѣваешь?.. Вѣдь это женихъ!“ Я такъ и остолбенѣла. „Шутишь?“—„Какія тамъ шутки!.. Серьезно мнѣ признавался, что ты плѣнила его, и что онъ осмѣливается питать надежды“.—„Ахъ, Господи! да я и понятія о немъ не имѣю!“ А Паля смѣется, знаешь, съ этой своей улыбочкой. „И я, говоритъ, тоже!“—„Чтожъ ты ему сказалъ?“—„Сказалъ, что это меня не касается...“ Смѣялись мы съ нимъ сначала; однако, чѣмъ чортъ не шутитъ! стали справляться... И что-же ты думаешь?.. Оказалось, что молодецъ подь судомъ за растрату казенныхъ денегъ... Ну, послѣ этого, мы и просили ему передать, чтобы онъ больше не ѣздилъ... Да ты чего такой классною дамою на меня глядишь?.. Не плакать-же мнѣ, что меня миновали крашенные его усы!

Но Паша едва и сама давала себѣ отчетъ: отчего у ней сердце сжалось. Дѣло однакоже было просто. Ей почему-то пришло на умъ, что и она, до извѣстной степени, подь судомъ... Стало-быть, не годится въ невѣсты... Стало-быть не о чемъ и писать Черенину... Нечего больше и думать о немъ!.. Нечего значить и прятаться отъ Аннетъ... Если-бы это знать навѣрно, это значительно упростило-бы дѣло. Но Паша еще не дошла до такой увѣренности.

— Я не могу смотрѣть, такъ легко, какъ ты, на серьезные вещи, сказала она.

— А что-жъ тутъ серьезнаго?.. Что я съ нимъ играла въ карты?.. Больше вѣдь ничего... Вотъ у тебя съ Черенинымъ было и посерьезнѣе, да и то теперь, для тебя пустяки!..

И она глядѣла съ укоромъ на Пашу.

— За чтó ты меня обижаешь, мой другъ? отвѣчала Ладищева, замѣчая съ ужасомъ, что допросъ уже начался.—Я никогда не шутила привязанностями... И я отъ тебя не скрывала...

— Ты? не скрывала? Да всѣ твои письма, отъ перваго до послѣдняго, не болѣе какъ одна игра въ прятки. Чтó я изъ нихъ узнала, кромѣ того, что у тебя здѣсь завелись какія-то затрудненія, о которыхъ ты можешь сказать только то, что это чужая тайна и что пока ты не развяжешься съ ними, я не должна отъ тебя ожидать ни слова искренняго?.. И это, по твоему, называется: *не скрывать!*..

Паша сидѣла какъ осужденная, чувствуя, что ей нечего больше сказать, но останавливаясь передъ признаніемъ, какъ передъ пропастью. Одинъ только шагъ туда внизъ—и все кончено: ей уже не за чтó удержаться, негдѣ остановиться: она полетитъ стремглавъ въ такую бездонную глубину, въ такія потѣмки, которымъ конца не видать, навстрѣчу такимъ вопросамъ, которыхъ она и сама не смѣетъ еще себѣ задать...

Если-бъ была какая-нибудь возможность остановиться, въ исповѣди своей, на томъ, чтó случилось съ ней въ Грузовѣ... Но за Грузовымъ, надо будетъ рассказывать какъ ее увезли въ Петербургъ, въ Подъяческую, и продержали тамъ четверть часа въ передней, потомъ ругали и чуть не плевали въ лицо... Какъ она бѣгала въ кассу, чтобы заплатить Бурдюкову об-

рокъ... Какъ у нея завелся цѣлый кругъ секретныхъ знакомствъ, которыхъ она никогда не думала и не желала пріобрѣтать... Порфирій Ивановичъ, Марѳа Никитишна, Анна Егоровна, гимназисты... Какъ наконецъ ее выкупила, Богу извѣстно съ какою цѣлью, совсѣмъ незнакома женщина; и дальше, страшнѣе всего, какъ у нея отыскался защитникъ: знакомый съ одной стороны, незнакомый—съ другой... И какъ она, падая, ухватила въ отчаяніи эту протянутую ей безкорыстно, сильную руку, сблизилась съ нимъ, и, страшно признаться, бѣгаетъ уже къ нему, тайкомъ, по воскресеньямъ... Но тутъ, бездонная глубина теряла свои реальные очертанія и превращалась въ какой-то миражъ... Неудержимое, неоглядное любопытство тянетъ ее—она и сама не знаетъ куда... Живая загадка стоитъ передъ ней въ образѣ молодаго, рыцарски преданнаго и сильнаго человѣка, который выросъ какъ изъ земли и привялъ ее подъ свою защиту. Онъ пылокъ и смѣлъ, и — если сердце ея не ошибается—любитъ ее... Онъ овладѣлъ ея воображеніемъ и она повѣрила ему безусловно... Но все это слишкомъ ужъ хорошо для трезвой дѣйствительности—и на нее минутами нападаетъ сомнѣніе. Можетъ-быть это призракъ созданный притягательною силою бездны и собственнымъ ея головокруженіемъ?.. Паша не спрашивала еще себя объ этомъ; а между тѣмъ отъ нея уже требуютъ, чтобы она рѣшила этотъ неразрѣшимый вопросъ... И Аннетъ конечно не удовольствуется ничѣмъ, покуда не доберется до этого... И она не посовѣтится спросить съ укоромъ: а какъ-же съ тѣмъ?.. Тогда ей, несчастной, останется только закрыть руками лицо и сознаться Аннетъ, сознаться себѣ, что она не честная дѣвушка, а какое-то полоумное, жалкое существо, отъ котораго всѣ должны съ презрѣніемъ отвернуться и настоящее мѣсто котораго не между живыми людьми, а въ глубинѣ и потемкахъ бездоннаго омута!..

Но Паша отнюдь не давала себѣ отчета въ деталяхъ этого ужасающаго видѣнія. Оно промелькнуло въ спутанныхъ мысляхъ какъ молнія въ массѣ скученныхъ тучъ, и освѣтивъ мгновенно ихъ очертанія, столь-же мгновенно пропало.

* * *

— Ну, будетъ тебѣ секретничать! говорила Аннетъ, обнявъ и притягивая ее къ себѣ. — Сейчасъ рассказывай, чтó у тебя тутъ за дѣла... Признаться, мнѣ иногда приходило на умъ, что тебя тутъ впутали въ какую-нибудь подпольную, политическую игру, которая ранѣе или позже должна окончиться гдѣ-нибудь, куда Макарь телятъ не гонялъ, — игру о которой писать по почтѣ ты не рѣшалась, — и мнѣ становилось страшно, такъ страшно, что я иногда, улегшись въ постель, по цѣлымъ часамъ не могла заснуть. Все думалось, вотъ, у тебя звонокъ, и тебя забираютъ въ часть... Но тутъ мы съ тобою однѣ, и ты знаешь, что я, когда нужно, умѣю молчать. Избавь ты меня, ради Бога, отъ этого кошмара, скажи, — я не буду выпытывать у тебя ничего, — скажи только *да* или *нѣтъ*.

— Нѣтъ, отвѣчала спокойно Паша.

— Такъ что-же такое? Ради Создателя—чтó?

Уйти было некуда, но достигнутая и припертая въ уголъ Ладищева все-таки не хотѣла сдаться.

— Прости меня, Аня, сказала она съ виноватымъ видомъ. — Я не лгала, говоря, что я въ затрудненіяхъ... Позже когда-нибудь расскажу въ какихъ, и даю тебѣ слово, что ты узнаешь все; но я напрасно ссылаюсь на это, потому что не это мѣшало мнѣ быть съ тобою чистосердечною насчетъ Алексѣя Васильевича.

— А что-же? спросила Аннетъ, широко вытаращивъ глаза.

— Такъ, просто, вотъ видишь-ли, мнѣ надоѣло ваше преслѣдованіе, и я не хотѣла, чтобы, основываясь на этомъ глупомъ, вынужденномъ признаніи которое разъ

уже сдѣлало меня сказкой всего уѣзда, вы сватали меня за него... Это насильство. Черенинъ мнѣ нравится, но я слишкомъ мало знаю его, чтобы желать отъ него чего-нибудь кромѣ дружбы и уваженія.

— Положимъ, сказала Анна Григорьевна, еще не оправившаяся отъ перваго изумленія, — но почему ты не хотѣла сказать мнѣ этого прямо, вмѣсто того чтобы ссылаться на вещи которыя тутъ не причемъ и которыхъ ты мнѣ не хочешь открыть?

— Прости меня, Аня! Я можетъ быть ошибалась, но мнѣ не вѣрилось, — да я и теперь еще не увѣрена, — что это идетъ отъ тебя одной. Мнѣ представлялся заговоръ, въ которомъ не только ты, но и братья твои, — вы всѣ за одно.

— Какая глупость!

— Помимо того, я боялась чтобы отвѣтъ, въ родѣ того, который ты слышишь, не переданъ былъ ему съ какими-нибудь прибавленіями и не принятъ былъ имъ за обвиненіе. Я не думала, чтобы онъ былъ въ заговорѣ, но онъ могъ вообразить себѣ, что я это думаю, и сдѣлать изъ этого очень обидныя заключенія... Я ни въ чемъ его не виню; но пусть-же и онъ меня не винить за мою рѣшимость окончить, такъ или иначе, эти пустые переговоры. Они начались слишкомъ глупо чтобы ихъ продолжать.

— Однако, ты не отталкиваешь его?

— Оставь пожалуйста этотъ вздоръ. Съ чего мнѣ его отталкивать? Развѣ онъ признавался мнѣ въ чемъ-нибудь?.. предлагалъ мнѣ что-нибудь? Нѣтъ?.. ну такъ и мнѣ ему нечего отвѣчать. Пусть пріѣзжаетъ если ему угодно. Я рада видѣть его, но я его не зову и не могу ему ничего обѣщать.

Мезенская задумалась какъ человѣкъ который сбился съ дороги въ лѣсу.

— А это твое дорожное приключеніе, послѣ котораго, если вѣрить Сергѣю Ивановичу, ты здѣсь едва не слегла? спросила она, перескакивая черезъ какое-то неудовимое сочетаніе представлений.

— Боялась чтобъ не дошло до маменьки, отвѣчала Паша.

Анна Григорьевна была очень огорчена и тайнѣ души недовольна Пашей; но получивъ уже отъ нея урокъ, на который не знала что возражать, и не желая напрашиваться на повтореніе, молчала надувшись.

— Ты сердисься на меня? сказала, обнявъ ее, Паша.

— Нѣтъ... мнѣ только жалко бѣднаго Алексѣя Васильевича.

Ладищевой было еще больше жалко его; только она не хотѣла въ этомъ сознаться.

— Мнѣ почему-то думается, продолжала Аннетъ, — что онъ серьезно привязанъ къ тебѣ.

— Не замѣчала.

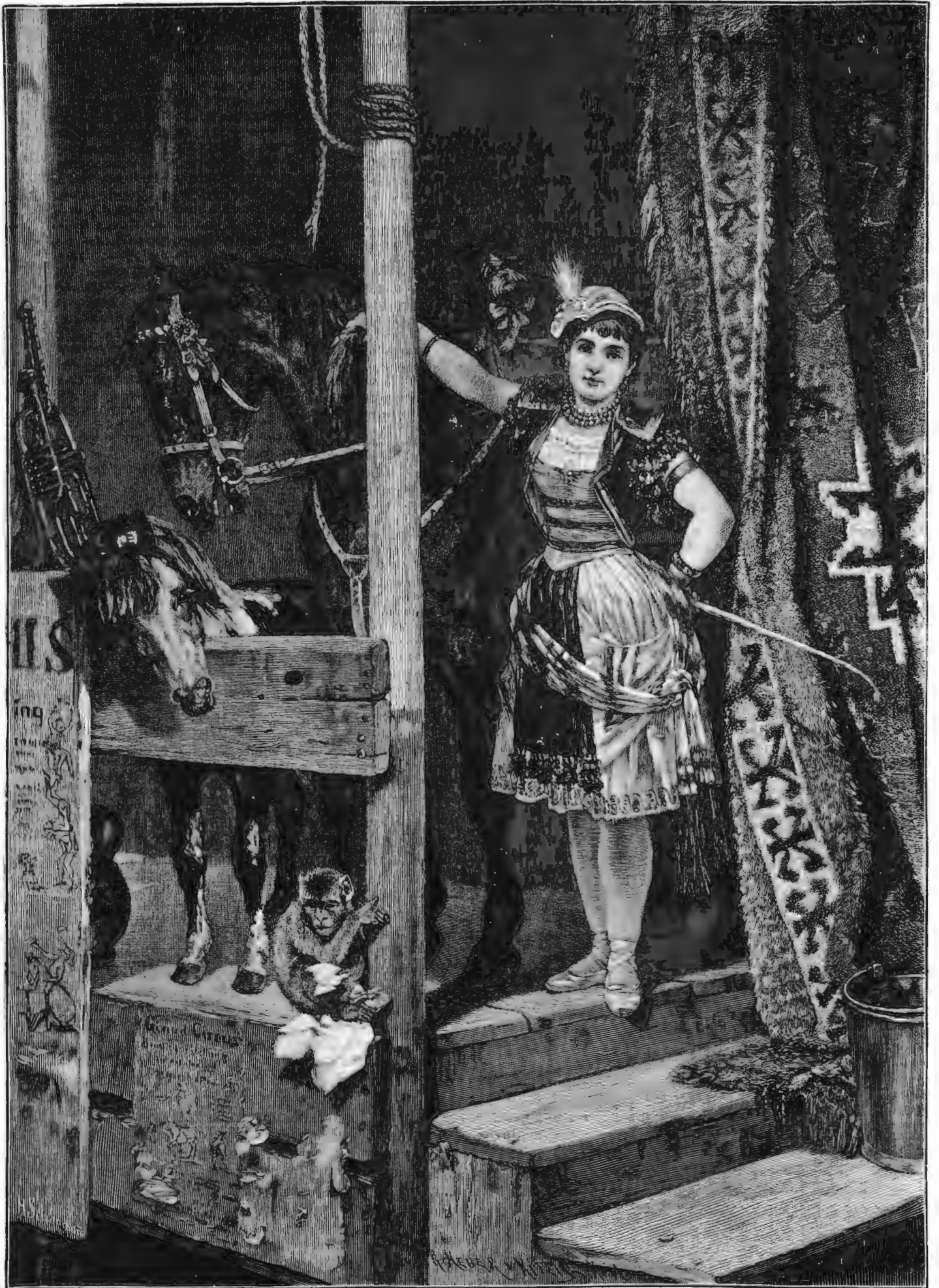
— Ну, въ этомъ не онъ одинъ виноватъ... Ты знаешь какъ онъ застѣнчивъ, и мало увѣренъ въ себѣ. Такіе люди нуждаются въ поощреніи.

— Отъ этого ты вѣроятно и вызвалась его поощрять?

— Я думала, что ты будешь мнѣ благодарна за это. Но, къ сожалѣнію, вижу теперь что я ошиблась.

— Нѣтъ, Аня, какъ я ни цѣню твою дружбу, но я не могу быть благодарна тебѣ за твою нескромность... Потому что нескромно вмѣшиваться между людьми и поощрять, сама не зная чтó и зачѣмъ. Все это изъ одного куска съ вашимъ безсовѣстнымъ, гадкимъ „внушеніемъ“.

Она говорила довольно сдержанно, но ей стоило это величайшихъ усилій и на нее напалъ минутами страхъ, что она не выдержитъ до конца. Но еще болѣе мучила Пашу укору совѣсти, которая неотступно твердила, что какъ-бы серьезны ни были ея оправдательныя причины, а она все-же не искренна со своимъ лучшимъ другомъ и прячетъ отъ ней самое важ-

Масляница. Передъ балаганомъ, для приманки зрителей. Съ карт. Шаумана, грав. Гейберъ и Кирмае.
Библиотека "Руниверс"

Масляница. Съ блиновъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Каразина, грав. М. Рашевскій.

ное. Никогда, ранѣе, этого съ нею не было, и она сочла-бы за оскорбленіе, еслибы кто-нибудь даже мысленно заподозрилъ ее въ попыткѣ отвести челоуѣку глаза двусмысленностями и недомолвками... А теперь!.. Какъ низко надо было упасть, чтобы, оглядываясь назадъ, всего за четыре мѣсяца, не узнавать въ себѣ прежняго челоуѣка, съ прежнею совѣстью!..

Все это поднялось въ ней вдругъ и голосъ ея обрвался.

— Безсовѣстно! повторила она почти шепотомъ, чувствуя въ ужасѣ, что она не въ силахъ долѣе совладать съ собой. — Безсовѣстно! вырвалось у нея еще разъ, но уже громко и съ отголоскомъ отчаянія. — Шутя, испортить всю жизнь челоуѣку!.. Сдѣлать съ нимъ то, что онъ самъ не можетъ себя узнать!.. Втоптать его въ грязь и отнять у него всѣ надежды, — всю вѣру въ себя!.. И все шутя, понимаешь-ли, Аня, — шутя!..

И она зарыдала.

— Паша! голубушка! Милая! восклицала Аннетъ, сбитаая окончательно съ толку, но сильно подозрѣвая, что дѣвушка спрятала отъ нея что-нибудь очень важное. — Пашута! Признайся, ты лжешь?.. Ты любишь его?

— Нѣтъ, не люблю! отвѣчала несчастная. — Нѣтъ! Нѣтъ! Оставь меня! Я не знаю, что со мной дѣлается, но я умоляю тебя, оставь! Не допрашивай. Потому что вѣдь ты не знаешь—вѣдь это пытка!.. Невыносимая пытка!.. О! я съ ума сойду!..

Мало-по-малу однако, она совлала съ собой, и Аннѣ Григорьевнѣ, не взирая ни на какія ласки и увѣщанія, не удалось отъ нея ничего добиться.

— Оставимъ это, пожалуйста, повторила Паша. — Пожалуйста!.. Если ты любишь меня, оставимъ это разъ навсегда, чтобы объ этомъ болѣе и помину не было!.. Расскажи мнѣ лучше что-нибудь о твоёмъ майорѣ. Меня онъ очень интересуетъ.

Анна Григорьевна улыбнулась и начала рассказывать о майорѣ.

* * *

Поздно вечеромъ Паша вернулась домой, измученная, съ жестокою болью въ сердцѣ, но гордая завоеванною свободой.

Увы! Завоеванія, даже и самыя мирныя, рѣдко обходятся безъ кровавыхъ жертвъ!

XV.

Настали праздники, и за ними, въ полномъ разгарѣ, сезонъ пикниковъ. По вечерамъ, на главныхъ загородныхъ путяхъ, стоялъ неумолкающій звонъ бубенчиковъ, и стѣны модныхъ пристанищъ столичнаго кутежа едва вмѣщали своихъ посѣтителей. Тройка за тройкой, скрипя полозьями, подкатывала къ залитому огнями подъѣзду, сдавала швейцару своихъ сѣдковъ и отъѣзжала, одѣтая облакомъ пара. Внутри гремѣла музыка, хлопали пробки, звенѣла посуда, сновала сбитаая съ ногъ прислуга во фракахъ, съ подносами, на которыхъ дрожали горы тарелокъ, съ закутанными въ салфетки, дымящимися мисками, соусниками и блюдами. Въ сіяющихъ окнахъ мелькали тѣни, изъ открывающихся дверей, какъ изъ пчелиныхъ ульевъ, минута доносился смутный гулъ голосовъ, слышны были громкіе возгласы, пѣсни, визгливые крики, хохотъ...

Было уже за полночь когда на крыльцѣ одного изъ загородныхъ ресторановъ появилось нѣсколько дамъ и мужчинъ, кто съ раскраснѣвшимися щеками и воспаленнымъ взоромъ, кто—блѣдный отъ перегрѣтаго воздуха и отъ переполненнаго желудка.

— Тройка Шалыгина! крикнулъ швейцаръ, и убранныя коврами, съ густой мѣховою полостью, тройка лихо подъѣхала къ ступенямъ крыльца. Въ нее усадили Марью Кондратьевну съ двумя интересными молодыми особами, какъ-то не твердо стоявшими на ногахъ; а *à-vis-à-vis* помѣстились: видный мужчина подъ пятьдесятъ, въ

ильковой шубѣ, съ сильною просѣдью въ бородѣ, Стойницкій и Лагодинъ. Послѣдній былъ веселъ какъ школьникъ, только что сдавшій экзамень, вралъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и заодно съ Шалыгинымъ, который былъ пьянъ, заставлялъ кататься со смѣху дамъ. Марья Кондратьевна плакала, улыбался, какъ это случалось съ ней часто послѣ шампанскаго. Стойницкій ораторствовалъ передъ какой-то воображаемой публикой... Но свѣжій, морозный воздухъ скоро отрезвилъ всѣхъ.

Дорогой они обгоняли, или ихъ обгоняли другія тройки, въ которыхъ было не менѣ шумно и весело. Снѣжная пыль отъ копытъ серебрила бархатныя ротонды дамъ и мужскіе воротники. По сторонамъ дороги, мелькали, какъ привидѣнія, одѣтые зимнимъ саваномъ, загородные дома и дачи, съ забитыми наглухо ставнями и дверьми, — уснувшіе зимнею спячкою парки, балконы и цвѣтники... Вверху, сверкали холоднымъ блескомъ далекія звѣзды... Городъ съ своими безчисленными огнями, близился и какъ старый отецъ обнималъ возвращающихся подъ кровь его, блудныхъ дѣтей... Мелькнули: высокая, крѣпостная игла и безконечный рядъ фонарей, обозначающихъ набережныя, потянулись мосты и площади.

У въѣзда на Невскій, тройка остановилась, и молодые люди, видимо не желавшіе разставаться такъ скоро съ своими спутницами, перешепнувшись, высадили ихъ изъ саней.

Марья Кондратьевна, вспоминая свои молодые года, добродушно надъ ними подсмѣивалась.

— И вы туда же? сказала она Стойницкому.

— *homo sum*, отвѣчалъ юристъ съ своимъ невозмутимымъ апломбомъ.

„Пьянъ!“ подумала она, и махнувъ рукой обратилась къ Лагодину.

— Такъ же забудьте же: завтра я жду васъ обоихъ къ пяти.

— *Mille gracie!* Неминуемо буду.

— Да ради Бога, не заѣзжайте съ Алею никуда. Ей завтра поутру надо быть въ Маринскомъ, на репетиціи.

— Будьте спокойны.

И пары разстались.

На другой день, Сергѣй Ивановичъ явился первый и на вопросъ объ Алѣ удостовѣрилъ что все обстоятъ благополучно.

Сережа ничего не зналъ о затѣяхъ Марьи Кондратьевны и пріятеля. Введенный послѣднимъ въ домъ, онъ скоро сошелся на *ты* съ кружкомъ артистическихъ его завсегдатаевъ и сталъ между ними болѣе свой чѣмъ иной цыганъ по профессіи, — свой по природѣ, которая позволяла ему смотрѣть на жизнь какъ на вѣчный праздникъ, не думая на чей счетъ онъ дается и долго-ли будетъ длиться. Сама хозяйка такъ увлекалась Сереей что забывала съ нимъ часто даже политику. Лагодинъ напоминалъ ей то золотое время, когда она и сама жила какъ птица небесная... Но Шалыгинъ былъ тутъ—и надо было спѣшить.

Въ бесѣдахъ своихъ глазъ-на-глазъ съ Сереей, касаясь Стойницкаго, она увѣряла уже не разъ съ лукавой усмѣшкою, что юристъ совсѣмъ не такъ исключительно занятъ дѣломъ, какъ многіе это думаютъ, и намекала на вовсе не юридическіе предметы, которыми онъ иногда увлекается.

— Его однако же нѣтъ, сказала она, посмотрѣвъ на часы. — Вамъ неизвѣстно куда онъ дѣвался вчера съ Залевской?

— Нѣтъ; они перехватили у насъ извощика и уѣхали первые.

— А что значить „*homo sum*“?

— Значить: — „есмъ челоуѣкъ и не стыжусь ничего челоуѣческаго“... Чего вы смѣтаетесь? Это латинская, хо-

рошо извѣстная поговорка, которой онъ не докончилъ вчера, полагая что дѣло и такъ понятно... Надо однако надѣяться что М-ле Залевская не была съ нимъ безчеловѣчна.

— Не врите! Я не люблю когда молодые люди ведутъ себя такъ не скромно, сказала Рогневичъ смѣясь. — Берите примѣръ со Стойницкаго. Онъ если когда и совретъ, то позаботится это сдѣлать такъ чтобы хоть дамы не поняли... Номо sum!.. А я думала это значить: „Пьянь“...

И она покатила съ смѣху. Лагодинъ вслѣдъ за ней.

— У этого „гомосума“ однако долженъ быть постоянный предметъ?... Такъ какъ и это вѣдь тоже принадлежитъ къ числу человѣческихъ слабостей.

— Вѣрно, сказалъ Сережа. — И я даже знаю какой. Онъ раньше интересовался одною изъ моихъ кузинъ; а теперь еще усерднѣе занятъ другою... Это племянница дяди Ивана Федоровича, Паша Ладищева.

— Прасковья Петровна?... Смугленькая?... Ну, я такъ и думала.

— А вы развѣ знаете Пашу?

— Знаю.

Сергѣй Ивановичъ былъ такъ изумленъ, что съ минуту молча смотрѣлъ на хозяйку.

— Можетъ-ли это быть?... Какимъ образомъ?

— Да какъ люди обыкновенно знаютъ. Видѣлись и имѣли дѣло. Она даже была здѣсь у меня.

— Паша?... Ахъ, Господи! Да какія у Паши дѣла, о которыхъ мы всѣ не знали бы?

— Какъ вы любопытны! сказала Марья Кондратьевна, улыбаясь, что называется, во весь ротъ. — Будьте спокойны; я знаю съ кѣмъ я имѣю дѣло, и ваша кузина, здѣсь у меня по крайней мѣрѣ, не рисковала ничѣмъ...

— Викторъ Михайловичъ Стойницкій, сказалъ, покаяваясь въ дверяхъ, лакей.

— Пожалуйста, ни полъ-слова при немъ! проворно шепнула Рогневичъ.

— Какія дѣла у Марьи Кондратьевны съ Пашей? спросилъ Сергѣй у юриста, вечеромъ, когда они вышли вмѣстѣ на улицу.

— Дѣла? повторилъ тотъ небрежно, догадываясь что Марья Кондратьевна выступила въ походъ.

— Да; она говорила, безъ васъ, что она знаетъ Пашу.

— Случай, рѣшилъ Стойницкій.

— Вы знали однако объ этомъ?

— Недавно узналъ.

— И скрыли отъ насъ?

— „Скрыли“ — невѣрный терминъ... Если она не считаетъ нужнымъ рассказывать о своихъ случайныхъ знакомствахъ дома, то съ какой стати мнѣ брать это на себя?

Сергѣй смотрѣлъ на него недоувѣрчиво.

„Сядетъ сейчасъ на извозчика“, думалъ онъ, — „и удереть.“

Но, къ удовольствію его, Стойницкій не торопился, и они пошли вмѣстѣ, по Мойкѣ, по направленію къ Невскому.

— И только? спросилъ Сергѣй.

— Не знаю что она вамъ еще рассказывала, отвѣчала осторожно его приятель.

— Смѣялась и не хотѣла мнѣ ничего объяснить. „Такъ, видѣлась, молъ, и имѣла дѣло.“

— Встрѣтились гдѣ-то случайно, сказалъ юристъ. — А дѣло денежное... Если-бъ вы заняли, на примѣръ, у Шалыгина, 300 рублей, то это не значить еще что вы имѣете съ нимъ дѣла, не правда-ли?

— Кузина однако была у нея.

— Такъ что-жь?

— Послушайте, Викторъ Михайловичъ, продолжалъ Сергѣй съ озабоченнымъ видомъ, — если-бъ это было не больше какъ встрѣча со случайнымъ заимодавцемъ, то о подобныхъ вещахъ не стоило бы и говорить; но я имѣю причины думать, что это немножко не такъ. У Паши, какъ всѣ домашніе замѣчали, есть уже нѣсколько мѣсяцевъ что-то такое, что очень ее беспокоитъ и что она прячетъ отъ всѣхъ. Извѣстно или неизвѣстно объ этомъ что-нибудь Марья Кондратьевна, это мало меня интересуеетъ, потому что она чужой человѣкъ и что важно для Паши — въ ея глазахъ можетъ быть совершенные пустяки. Но вы — другое дѣло. Вы знаете все семейство и приняты въ домѣ какъ человѣкъ на дружбу котораго мы имѣемъ право разсчитывать. Поэтому васъ не должно удивлять что я пристаю къ вамъ съ вопросами.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ Стойницкій со своимъ обычнымъ апломбомъ. — Сколько угодно... Нашего брата не удивить вопросами, такъ какъ намъ приходится обязательно отвѣчать на нихъ — сотнями. Только вопросы вопросамъ рознь. Есть вещи, на которыя я могу категорически отвѣчать; какъ на примѣръ, я могу васъ увѣрить, что у Рогневичъ нѣтъ никакого дѣла, въ которомъ Прасковья Петровна была бы хоть на волосъ лично заинтересована... Но это случай, а вообще говоря, я не въ правѣ рассказывать даже родному отцу того что довѣрено мнѣ отъ моихъ клиентов... Это принципъ... Затѣмъ что касается собственно вашей кузины, я знаю, весьма вѣроятно, не болѣе если не менѣе васъ. Но если бы я случайно и зналъ что-нибудь неизвѣстное вамъ, то именно эта скрытность ея со своимъ семействомъ сдѣлала бы меня двоякимъ осмотрительнымъ. Такъ какъ, во-первыхъ, мнѣ неизвѣстны мотивы которые ее заставляютъ молчать и которые могутъ быть очень серьезные; а во-вторыхъ, она можетъ быть скрываетъ именно то, что я, не зная ея соображеній, счелъ бы возможнымъ вамъ сообщить. Тогда я опять-таки оказался бы виноватъ передъ нею въ нескромности; а нескромность у нашего брата — смертельный грѣхъ.

— Пойдите, голубчикъ, перебилъ Лагодинъ. — Всѣ эти профессиональныя тонкости только запутываютъ вопросъ. Одна уже важность, которую вы придаете ему, не оставляетъ сомнѣній, что у Паши есть дѣло, извѣстное вамъ и Марья Кондратьевна, но составляющее секретъ для ея семейства. И именно это дѣло вы прячете: — вы, отъ котораго мы имѣли бы право ждать полной искренности.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, мой другъ, что вы сами себя противорѣчите. Кто прячетъ? Прежде всего, какъ вы говорите, — она; и это уже давно — четыре мѣсяца. Спрашивается: при чемъ же я тутъ?.. Я съ мѣсяцъ тому назадъ и понятія не имѣлъ что у Прасковьи Петровны есть вообще какія-нибудь дѣла. А позже, осмѣлюсь вамъ доложить, все дѣловое мое участіе состояло въ томъ, что Марья Кондратьевна поручила мнѣ заплатить за вашу кузину по векселю, и что по этому поводу я имѣлъ два или три дѣловыхъ объясненія. Это единственный, осязательный фактъ, и какъ видите, я не прячу его отъ васъ, хотя Прасковья Петровна можетъ быть и задала мнѣ за это головоломку. А все остальное относится къ области темныхъ догадокъ и подозрѣній, съ которою вы очевидно знакомы лучше чѣмъ я.

— Вотъ то-то что нѣтъ, отвѣчалъ Сергѣй, чувствуя что ему не по силамъ бороться съ такимъ противникомъ. — Кромѣ догадки что съ Пашею было какое-то приключеніе, которое она прячетъ отъ насъ, мнѣ неизвѣстно рѣшительно ничего.

Къ этому времени они были уже на Полицейскомъ мосту и словно по уговору оба остановились.

— Однако, куда мы идем? сказалъ Лагодинъ.

— Если вамъ все равно, то зайдемте ко мнѣ, пред-ложилъ его спутникъ.

И черезъ 10 минутъ они продолжали прерванную бесѣду, въ Конюшенной, въ кабинетѣ Стойницкаго.

— Странно! сказалъ послѣдній. — Вы говорите что вамъ ничего неизвѣстно; а Софья Ивановна говоритъ другое.

— Соня?

— Да, она увѣрила меня на-дняхъ, что съ Прасковьей Петровной, которая по характеру якобы далека отъ всего романическаго, случаются, какъ на смѣхъ, самыя странныя приключенія. И когда я, естественно, интересовался узнать какія, отправила меня за отвѣтомъ къ вамъ.

Это обезоружило наконецъ Сергѣя.

— Мистификація! отвѣчалъ онъ смѣясь. — И совершенно во вкусѣ Софьи Ивановны, которая любитъ сдѣлать изъ мухи слона, когда ей нужно кого-нибудь подразнить... Но шутки всторону. Никакихъ романическихъ приключеній за Пашею я не знаю. А былъ одинъ случай, еще до прїѣзда ея сюда, въ деревнѣ... Такъ, шалость между своими людьми, о которой не стоило бы и говорить. Но если Соня интриговала васъ этимъ вздоромъ, то я, такъ и быть, расскажу.

И онъ повторилъ, въ короткихъ словахъ, исторію трехъ внушеній, не замѣчая какое сильное впечатлѣніе она производитъ на новаго слушателя. Сергѣй былъ увѣренъ что этотъ скептикъ только изъ вѣжливости не перебиваетъ его, какъ онъ это дѣлалъ съ другими въ подобныхъ случаяхъ, какою-нибудь циническою шуткой. А между тѣмъ Стойницкому, въ эту минуту, было совсѣмъ не до шутокъ. Онъ слушалъ его съ лихорадочною жадностью сыщика, котораго дѣтская болтовня неожиданно навела на слѣдъ глубоко запрятанной тайны, и руки его, когда онъ закуривалъ нѣсколько разъ потухавшую папиросу, тряслись. Какой-то небрежный повидимому вопросъ былъ сдѣланъ имъ мимоходомъ, послѣ котораго онъ замолчалъ и, дослушавъ рассказъ до конца, смотрѣлъ на Сергѣя безсодержательнымъ взоромъ.

— Васъ утомилъ этотъ вздоръ? спросилъ Лагодинъ.

— Нѣтъ, ничего; только этого рода исторіи, знаете, производятъ на непривычнаго странное впечатлѣніе. Словно васъ опоили дурманомъ и вы не даете себѣ отчета: гдѣ вы, чтѣ съ вами дѣлается... Въ глазахъ нестритъ, разсудокъ отказывается служить и вы вообще глупѣете.

— Да, это отчасти правда, сказалъ Сергѣй, и помолчавъ, вернулся, по выраженію басни, къ своимъ баранамъ.

— Вы ничего не имѣете противъ того чтобы я поговорилъ объ этомъ серьезно съ Пашей? спросилъ онъ, забывъ уже свой рассказъ.

— Я?... вѣтъ... Только наврядъ-ли вы отъ нея узнаете что-нибудь.

— Но я ей скажу что я не могу оставить этого такъ, и что если она отказывается чистосердечно мнѣ объяснить въ чемъ дѣло, то я буду вынужденъ поговорить объ этомъ съ дядей.

— Дѣлайте чтѣ угодно, сказалъ Стойницкій: — только не путайте, если возможно, меня. И я бы совѣтовалъ вамъ сперва допросить хорошенько Марью Кондратьевну. Она вѣроятно знаетъ болѣе моего; а изъ

того чтѣ она вамъ выболтала, безъ всякой необходимости, насчетъ своего знакомства съ Прасковьей Петровной, вы можете сами понять, что она не грѣшитъ особенной скрытностью.

Сергѣй посидѣлъ, посмотрѣлъ, но видя что Стойницкому больше не до него, ушелъ озабоченный.

На другой день онъ былъ у Паши, въ правленіи. Дѣвушка съ первыхъ словъ его измѣнилась въ лицѣ, догадываясь что тайна ея со всѣхъ сторонъ выходитъ наружу; но не взирая на то, наотрѣзъ отказалась отъ объясненія.

— На чтѣ тебѣ знать гдѣ я встрѣтила Марью Кондратьевну, говорила она, — и зачѣмъ у нея занимала деньги?.. Это касается только меня одной и я не хочу чтобы меня осаждали допросами... Я тоже не знала что ты съ ней знакомъ, и до сихъ поръ не знаю чего тебѣ нужно у ней, но я и гроша не дамъ чтобы это знать.

— Да чортъ съ ней! перебилъ Лагодинъ. — Скажи мнѣ только: есть или нѣтъ у тебя какія-нибудь затрудненія, въ которыхъ я могъ бы тебѣ помочь.

— Нѣтъ, отвѣчала она рѣшительно.

— Послушай, Паша, я не навязываюсь тебѣ въ совѣтники, но мнѣ обидно за все семейство. Если бъ никто не зналъ, ты могла бы пожалуй еще сказать что это касается только тебя одной. Но ты прятешь отъ насъ дѣла, которыя хорошо извѣстны совсѣмъ постороннимъ людямъ.

— Какія дѣла? спросила дѣвушка, вспыхнувъ.

— А эта дорожная неприятность, которая у тебя была съ какимъ-то проѣзжимъ... и вексель, который онъ взялъ съ тебя... и твои посѣщенія въ ссудную кассу...

— Еще что?

— Да развѣ этого мало?... (Онъ болѣе ничего не зналъ).

— Оставь меня, ради Бога, въ покоѣ. Я не могу тебѣ ничего сказать.

— Такъ объясни, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ ты скрываешь такія вещи отъ тетюшки и отъ дяди.

— Боюсь, что меня съ ума сведутъ попреками и допросами.

— Какой вздоръ!..

Но сколько онъ ни старался увѣрить ее что она напрасно труситъ, — что это доказываетъ только какъ мало она еще знаетъ дядю и тетку, — все пропало даромъ.

— Ну, если такъ, сказалъ Лагодинъ, вдругъ измѣняя тонъ, — то я ѣду сейчасъ же къ дядѣ и самъ ему все расскажу.

Паша оставила на него испуганные глаза. Въ головѣ у нея пошло кругомъ.

— Нѣтъ!... Нѣтъ! шептала она. — Не дѣлай этого! Это подло!

— Такъ признавайся.

— Сережа, голубчикъ, не торопи!... Дай мнѣ хоть немного времени... Сережа, милый!..

Она вдѣпилась какъ кошка въ его рукава и не пускала.

Сережа принялъ было неумолимый видъ; но замѣтивъ слезы у ней на глазахъ, растаялъ и далъ ей недѣлю на размышленіе.

(Продолженіе будетъ).

Картинки полковой жизни.

— Гришка! Стенка! Солдаты идутъ! Вѣжимъ маршировать! вопятъ ребятишки, завидѣвъ двигающуюся по улицѣ колонну пѣхоты, и первые спѣшатъ навстрѣчу къ приближающемуся полку.

Заиграла музыка и повсюду изъ оконъ повысовывались за-спавныя лица желавшихъ взглянуть на выступающій въ лагери

полкъ. Прохожіе столпились на тротуарѣ. Торговцы выползли изъ своихъ лавочекъ и на вопросы любопытныхъ кухарокъ и горничныхъ: „Какіе такіе военные? Куда они идутъ?“ — неопредѣленно отвѣчаютъ: „Должно какой ни на есть полкъ, на ученье, либо на парадъ.“

Мальчишки шумной гурьбой провожаютъ солдатъ, смѣльчаки

МИЛЫЙ ГОСТЬ. Съ карт. рус. художн. О. Фрейвирта, грав. Шюблеръ.

подбѣгаютъ поближе къ музыкантамъ и маршируютъ съ торжественнымъ видомъ, воображая себя настоящими солдатами.

— А это должно-бы ихній енералъ, изъ себя-то положительный такой. Какъ есть начальникъ, показывается лавочникъ на полковаго командира.

— Энтотъ? Ишь ты какой осанистый! Строгъ, надо полагать.

— Ахти, батюшки! Сколько ихъ тутъ, страсть! Да всѣ бравые, какъ на подборъ! удивляется старушка, приостановивши интересную бесѣду со встрѣтившейся знакомой о нынѣшней дороговизнѣ.

Бодро идетъ полкъ. Солдаты передъ публикой въ грязь не ударять. Кто-бъ узналъ въ этихъ молодцоватыхъ на видъ Коротковыхъ, Тулицыныхъ—нерасторопныхъ деревенскихъ Прошекъ и Ванекъ?.. Идетъ точно картинка. Талия туго перетянута португесей, грудь на выкатъ. Усы вьются въ колечко. Пуговички горятъ какъ жаръ. „Ерой“ да и только.

— Что, кавалеръ, куда это вы собрались? спрашиваетъ солдата храбрая бабенка.

— Небось думаешь всѣ къ тебѣ въ гости? Жирно будетъ, востроглазая! отвѣчаетъ кавалеръ.

— Ишь ты, лѣшій, чего вздумалъ! хохочетъ женщина, оставшаяся довольною комплиментомъ.

— Цц! вотъ такъ краля! причмокнувъ унтеръ-бакенбардистъ, увидѣвъ разрабаченную круглолицую кормилицу, которая плавно выступала по тротуару.

— И походка, опять, у пей антиресная, точно это, опять, цермулярнымъ маршемъ— право. Къ намъ бы ее за фланго-ваго. Прахъ ее забери!

— Да, баба гладкая!

— А хорошее житье въ мамкахъ! Одно тебѣ дѣло, знай корми. Работы никакой. Кушанье господское...

— Не собрался-ли ты въ мамки-кормилки поступить, что больно завидуешь?..

Какой-то спотыкавшійся на улицѣ оборванецъ съ испитымъ лицомъ, замѣтивъ солдатъ, приостановился, и раскочиваясь въ стороны, захрипѣлъ: „лѣвой, правой, лѣв...“ но не успѣлъ онъ докончить слова, какъ рукой городского стража былъ увлеченъ по направленію къ мѣсту успокоивающему буяновъ. Нарушитель общественнаго спокойствія не унимался и кричалъ:

— Я самъ военный... самъ...

Солдаты по поводу такой сцены дѣлаютъ свои заключенія.

— Какъ нашъ Демидовъ на проводахъ не натрескался? Удивительное дѣло.

— Въ карцѣ сидѣлъ двое сутокъ, тамъ не напелъся, развѣ водичей.

— А здоровъ, братцы, и пить онъ. Налопается и лежитъ словно боровъ— никого то-есть ни пальцемъ не тронетъ.

— Вотъ Лисицынъ первымъ дѣломъ драться лѣзетъ. Почнетъ это сейчасъ ругаться. Не одобровать ему, когда-нибудь безпрѣменно...

— Не оттягивай! Второе отдѣленіе не отставать! недовольнымъ голосомъ прерываетъ бесѣду офицеръ, который обыкновенно любилъ побалагурить съ солдатами.

Вечеръ наканунѣ выступленія въ лагери дорого обошелся Церемониаловъ, такую фамилию носилъ офицеръ. Вчера, когда вокругъ раздавались вогазали:

Дайте бокалы, дайте вина!..

Пусть насъ веселыхъ видитъ заря!..

все было тринь-трава. А сегодня? „Тьфу, какая пошлость! думалось ему. Сколько разъ давалъ себѣ слово не заходить туда... Спать-то какъ хочется!.. Чортъ знаетъ откуда теперь денегъ достану? Ну чего народъ радуется?“

И съ досады буркнулъ:

— Чего тамъ зачастили? Держи ногу!

— Ну, братцы, поручикъ осерчалъ, перешептывались солдаты.

— Вѣдь вотъ этотъ толстошубый купчина небось тысячами ворочаетъ, продолжалъ разсуждать Церемониаловъ со своей собственной персоной, завидѣвъ почтеннаго коммерсанта, который своей надутой фигурой съ излишкомъ занялъ сидѣнье дребезжащей линейки и, упершись ладонями въ пухлыя колѣна, самодовольно поглядывалъ по сторонамъ, „вотъ-де мы какіе, степенство значить.“—А зачѣмъ деньги ему?.. Самаго-то смаку жизненнаго онъ не постигаетъ... У-у!..

Съ такими черными мыслями Церемониаловъ допелся съ полкомъ до вокзала желѣзной дороги.

„Люди“—подъ такимъ громкимъ именемъ слывуть у офицеровъ нижнѣе чины—рассажены по вагонамъ. Офицеры тоже размѣстились. Въ нѣсколькихъ вагонахъ загудѣли и засвѣтили пѣсенники. Хоръ музыки загремѣлъ скорый маршъ...

Сквозь массу звуковъ, наполнявшихъ дебаркадеръ, рѣзко протиснулся сигналъ къ отправленію поѣзда. Локомотивъ, давно уже нетерпѣливо пыхтѣвшій, присвиснулъ и сталъ мѣрно выбирать изъ-подъ навѣса. Солдатскія головы замелькали въ окнахъ вагоновъ, раскланываясь съ незнакомыми лицами, которыя невольно улыбаются, наблюдая за веселой, ликующей командіей.

Постепенно платформа уходитъ отъ поѣзда, а съ ней и пу-

блика, глазѣвшая на отправку полка. Вскорѣ звуки марша начинаютъ долетать все тише и тише, и наконецъ совсѣмъ замолкаютъ. Слышнеть только глухой шумъ колесъ и мѣрные удары золотника. Изрѣдка пронзительный свистъ локомотива огласитъ сѣренькую окрестность. Сторожки ползутъ въ даль одна за другой, передъ ними по большей части стоятъ бабы, безучастно держа въ рукахъ флаги. Кой-гдѣ подлѣ шлагбаума чухонецъ придерживаетъ за уздечку свою лошаду, вздумавшую встать на дыбы и обратиться вспять отъ дымящагося чудища. Далеко по обѣ стороны дороги виднѣется кочковатая поверхность, покрытая мелкимъ кустарникомъ. Коровы, бродящія вблизи рельсовъ, апатично поглядываютъ на поѣздъ. Молодое рогатое поколѣние, задравъ хвосты, выбрыкивается, находясь въ полнѣшемъ телѣчемъ восторгѣ; подлѣ нихъ прыгиваютъ снутанныя лошади.

Въ офицерскомъ вагонѣ царствуетъ молчаніе, полное затишье; послѣ безсонной ночи многие предались объятіямъ Морфея. Только изрѣдка какой-нибудь политикъ зашуршитъ газетой или шушуканье неугомонныхъ прапорщикова на минуту перейдетъ въ нетерпѣливый говоръ. И снова все тихо и спокойно...

Церемониаловъ, забравшись въ вагонъ, усѣлся поудобнѣе и погружился въ думы. Мягкія подушки въ вагонѣ перваго класса, веселый полусонъ молодыхъ сосѣдей подѣйствовали на него успокоительно. До Церемониалова долетали слова: „Проценты деретъ жидовскіе, а деньги нужны были до зарѣзу...“ Это несказанно его ободрило.

„Вѣдь не я одинъ долженъ, вотъ и другіе тоже, а смѣются... Устроюсь какъ-нибудь. Можетъ быть дать въ долгъ Петръ Никитичъ. Да, навѣрное дать. Получу отъ матери, ему заплачу... Однако послѣ какъ-же, чѣмъ жить?..“ пришло ему въ голову. „Эхъ, вотъ пустяки! Не умру-же въ самомъ дѣлѣ съ голоду... Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ жить отшельникомъ...“ Блаженъ кто съ молодю былъ молодъ...“ словами поэта подтвердилъ Церемониаловъ свою аргументацію и вполнѣ успокоился. На лицѣ его постепенно разлилась самая сладкая улыбка, вѣроятно отъ воспоминанія чего-то очень и очень пріятнаго...

Въ углу вагона сидитъ задумчивый солдатъ-малороссъ. Онъ одинъ сынъ у старухи-матери и попалъ на службу совершенно неожиданно. При поступленіи его на службу, мать подала прошение о возвращеніи ей единственнаго кормильца; но вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло, а отвѣта нѣтъ, какъ нѣтъ...

Засмотрѣлся онъ на поле, на стадо и припомнилось ему, какъ онъ тоже пасъ овецъ—чабаномъ былъ. Сидеть бывало на бугрѣ да наигрываетъ на сопилкѣ. Любо ему становилось тогда... А какой внуть у него былъ ловкій! звонко умѣлъ онъ имъ хлопать. И Сѣрко—вѣрный былъ пѣсь, хорошо караулилъ; попусту бывало ужъ не забрешетъ. Что-то стало теперь со старымъ товарищемъ?.. Вспомнилъ онъ и хуторъ весь окутанный яблонями, грушами, вишнями, бузкомъ... А какъ Катря въ садочѣхъ поджидала его... Кровь даже прилила къ голове. Пришли ему на память слова невесты: „Не забудь мене, мій коханій, на чужой стороні...“—„Не забуду моя любя, горлица моя сізюкрыла. По вікъ не забуду...“ Сердце защемило. Такъ и подступило что-то къ горлу. Теперъ-бы одному остаться да поплакать—легче было-бы, или пѣсню, пѣсню казацкую зачитать, чтобы размыкать горе. А на умъ все приходятъ слова: „Не забудь...“ Давить тоска. Рвется душа далеко, далеко... Не даромъ Катря всегда плакала, когда бывало запоетъ:

Гдѣ-жъ ты, мій, чернобривій?

Гдѣ ты? озовися!..

Еще горче стало отъ этихъ воспоминаній. Вперилъ онъ взглядъ въ одну точку и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ товарищей.

Подлѣ него сидѣли два русскихъ новобранца, бесѣдовали о былой деревенской жизни.

— А что поди Агашка съ Апроской на насъ скачуютъ?

— Есть имъ время скачать, небось косить собираются. Да безъ насъ пайдется кому утѣшить. Таковскія онѣ чтобы скачать... Только и я плакать не стану...

— Смотри, Рябченко-то точно сычъ уставился, давай-ка его спугнемъ, обратилъ вниманіе одинъ изъ собесѣдниковъ на пригорюнившаго малоросса. — Эй ты, хохоль, чего насупился? Про галушки вспомнилъ что-ли?

— А ты чего пасть разинулъ? Нельзя человѣку и подумать. Не трожь его! вступился за обиженнаго его дядька.

— Думать, отчего не думать. Думать завсегда можно; я развѣ что... это можно... замаялъ молодой солдатъ, не желая вступить въ ссору съ почтеннымъ ефрейторомъ.

— То-то, можно. Затвердилъ одно слово. Ишь какой нашелся учитель! Думать завсегда тоже, братецъ ты мой, не разрѣшается. Дай волю, нашему брату, такъ тоже пойдете умничать, никакъ не могъ успокоиться затронутый за живое дядька.

Лагерь длинной, бѣлой дугой охватилъ склонъ горы. Внизу виднѣется довольно большое озеро, заросшее у берега камышемъ. Вечеръ. Ученья всѣ окончены. Замолкъ грохотъ пушекъ. Прекратилась ружейная стрѣльба... Между палатками вишеть

народъ. На зеленомъ дугу, разстилающемся передъ лагеремъ, ведутся различныя игры. Въ одномъ мѣстѣ толпа сбилась въ кружокъ и глазѣтъ на игру въ жугты *). Рядовой съ армейскими погонями, на головѣ котораго красовалась заломленная на бекрень гвардейская шанка, съ азартомъ накостыливалъ противника.

— Луи его чище, вотъ такъ! Вотъ такъ! Молодчина!

— Довко дубасить, точно дробь на барабанѣ бьетъ.

— А въдъ армейской, братцы. Ну, шустрый солдатикъ!

Толпа гогочетъ и забавляется побищемъ, перекидываясь громкими, ядреными фразами.

Въ середину группы солдатъ хлопнулся резиновый мячъ и отскокливо отъ земли попалъ въ лицо зазѣвавшего зрителя. Нѣсколько человекъ бросились ловить подпрыгивающій шаръ и на бѣгу старались сбить съ ногъ одинъ другаго. Вотъ менѣе поворотливый солдатикъ споткнулся и кувырнулся на землю, на него налетѣлъ слѣдовавшій за нимъ товарищъ и тоже грохнулся, еще подскочило нѣсколько и повалились на движущуюся кучу изъ желанія побарахтаться. Здоровый, громкій хохотъ заражаетъ всю молодую компанію.

На интервалѣ, раздѣляющемъ одинъ полкъ отъ другаго, собрались сосѣди-разнополчане. Ведутся мирные разговоры о томъ гдѣ лучше кормить, гдѣ меньше учений.

— У насъ, братцы, насчетъ этой самой бѣды очень хорошо, потому командеръ завсегда самъ, т. е. вотъ какъ!..

— Жалѣетъ, значить, солдата. Кумовья **) на ученья, ни свѣтъ ни зари, идутъ, да еще въ мундрахъ; а мы, вспоминаясь и въ рубашкахъ, хвастаются солдатиками.

— А нашъ одно слово орелъ. Теперь лошадь у него. И... и! чисто соколъ. Опять-же голосъ. Звонкій, какъ заведетъ—ахъ ты мнѣ!..

— А на маневрахъ завсегда безъ палатки. Закутался буркой—да и только... Вотъ оно какъ!..

Въ свою очередь собесѣдники выставляютъ своего начальника.

Внезапно всеобщее вниманіе обращается на воинственный вызовъ.

— Н—ские выходи! Посмотримъ чей полкъ лучше, выступилъ съ предложеніемъ, побороться франтоватый ефрейторъ.

Съ другой стороны никто не выходилъ. Многіе съ удовольствіемъ-бы подрались; но въдъ теперь дѣло идетъ о чести полка. Стоять переглядываются.

— Выходи Демидовъ! Поддержи нашихъ, обращаются нѣкоторые къ коренастому солдату, но тотъ отпихивается и не выходитъ.

— Бондыревъ здоровъ драться, наемни боролись съ прочими ротами, онъ ихнихъ-то всѣхъ убралъ.

— Эй, Бондыревъ! Пошелъ, пошелъ!.. Ну, не унирайся.

И нѣсколько дюжихъ рукъ вытолкнули на лобное мѣсто молодого неповоротливаго солдата.

— Смотри не осрамысь.

Начался бой. Долго возились противники. Бондыревъ былъ видимо сильнѣе и нѣсколько ужъ разъ хвастливый ефрейторъ рисковалъ очутиться подъ массивнымъ соперникомъ. Зрители напряженно наблюдали за ходомъ борьбы.

— Такъ его, Бондыревъ! Такъ! Подмахни-ка скорѣй, подступали къ борющимся нетерпѣливые солдаты.

— А вы, братцы, отойдите, не мѣшайте.

— Это не порядокъ. Такъ не позволяется! Безпокоились исходомъ боя товарищи ефрейтора, который вдругъ ударилъ Бондырева подъ-ножку, навалился на него и оба грохнулись на землю.

Толпа загудѣла.

— Нашъ осѣдлалъ! Куды ихнимъ супротивъ насъ итить.

— А ты зачѣмъ подъ-ножку? замѣтилъ побѣжденный, сѣвшій, не поднимая головы, укрыться въ толпѣ.

— Да, да! подъ-ножку не полагаются.

— Снова нужно бороться. Посмотримъ кто кого еще осилитъ, волновались сторонники побѣжденнаго.

— А ты косолапый медвѣдь, какъ спонъ валишься. Большая бѣда, что подъ-ножку. Ухъ, тюр!.. покачивая укоризненно головой, ворчатъ, затронутые живою, старослуживые.

— Эхъ! Какъ-бы не галушь, показалъ-бы я ему кузькину мать, вышелъ изъ-себя унтеръ-офицеръ.

— Снова, снова боротся! Становись-ка, господинъ ефлеторъ. Бондыревъ! Гдѣ онъ! жаждетъ толпа новой расправы.

— Погоди Бондыревъ драться, я вотъ своего племяша ***) Рябченка хочу въ люди вывести.

Съ этими словами старый дядька потянулъ хохла впередъ.

— Та я его не сдужаю, Прохоръ Микитичъ, конфузится Рябченко.

— Ты тутъ не разговаривай. Сказано пошелъ и дерись, исполняй приказаніе.

Завязалась борьба. Не разъ приходилось Рябченко бороться съ паробками; забава эта ему приходилась по сердцу. Онъ вошелъ въ азартъ.

*) Играющихъ два. У одного завязаны глаза, а другой привязанъ на длинной веревочкѣ къ кольцу. Вся хитрость состоитъ въ томъ, чтобы увернуться отъ ударовъ, которые сыплютъ товарищъ съ завязанными глазами.

**) Чины одной бригады называются кумовьями.

***) Ученика.

— Ни, братіку, не дамъ.. Постою лишень не втечешь відъ мене, крихтѣлъ старавшійся изъ всѣхъ силъ Рябченко.

— Ну, попробуй.. ну! Осънешься.. нѣ-ѣ-тъ.. шалишь.. приговаривалъ красный какъ ракъ ефрейторъ. Шанка у него свалилась. Потъ лилъ ручьями.

— Що, получишь дулю! Теперь сгода! торжественно объявилъ Рябченко, сидя верхомъ на соперникѣ.

— Урра! Го, го, го! грянула побѣдившая сторона.

— Это, братцы, некрутикъ изъ первой роты.

— Вотъ такъ ловкачъ! Ну, хохоль—молодчина!

— Ежели драться на кулачки, такъ я бы ему такую тютю поднесъ!.. Во!.. оправдывается совѣмъ уничтоженный ефрейторъ.

— То-то не фарсись, что наши-де завсегда верхъ берутъ. Вотъ и съѣлъ кукишь.

— И какъ онъ это его вжарить, значить; а ефлеторъ лежить и голосу не подаетъ, комузно стало.. слышатся долго замѣчанія по поводу интереснаго зрѣлища и пересказы невиданнымъ товарищамъ о побѣдѣ Рябченка.

— Луку! Луку зе-лѣ-наго! Огурчики солены! раздается протяжное завываніе огородника, дѣлающаго обычный вечерній рейсъ по лагерю съ возомъ нагруженнымъ зеленью. Вереницей подходятъ солдатика закунать пучки зелененькаго лука, который съ прибавкой кваску и заправленный солью вскорѣ и поѣдается съ надлежащимъ апетитомъ.

Между палатками расхаживаютъ разношники съ лотками, заваленными: ситнымъ, хлѣбомъ, печенкой и рубцомъ. Два молодые солдатика стоятъ въ сторонѣ, бросая алчные взоры на печенку, соблазняющую ихъ своимъ видомъ, и не рѣшаются подойти.

— А ну какъ дорого, да денегъ не хватаетъ,—засмѣются.

Наконецъ болѣе смѣлый приближается къ разнощику и обращается къ нему съ вопросомъ:

— Почему, дѣдушка, у васъ будетъ фунтъ печенки?

— По семи копѣекъ, кавалеръ. На сколько тебѣ вѣшать-то?

— А ты возьми по пяти, по семи дорого.

— Вѣстимо дорого, прибавляетъ товарищъ покупщика.—У насъ на селѣ по три платятъ, а рубца у насъ-то и бѣтъ не станутъ.

— Эй ты, деревенщина! замѣчаетъ проходящій мимо старый солдатъ.—У насъ на селѣ! Тутъ братъ на все солдатами такца положена!..

Подлѣ палатокъ стрѣлковой роты заливаются пѣсенники.

Вокругъ пѣвцовъ собралось изрядное количество меломановъ.

— Эхъ, куда еще-бы одного солдатика съ 1-ой роты. Знатный тамъ есть пѣсенникъ.

— Вольковъ ловко выводитъ; ишь, ишь, дуи его горой, какой голосистый.

— Ни-да.. Хорошо деретъ, прахъ-бы его побралъ. Вотъ голосъ! одобрили слушатели запѣвалу, который, вытянувъ шею съ надутыми жилами, выводилъ неосуществимыя ноты.

„К-какъ французъ въ двѣнадцатомъ году“

начинаетъ запѣвало. По знаку дирижера всѣ голоса слились въ какой-то протяжный вздохъ: „Э-эхъ“ и затѣмъ все росло дальше и дальше.

Тоскливо переливается пѣсня. Молча слушаютъ любители. Вдругъ запѣвало съ заунывной перешелъ на веселую:

Куманечекъ, побывай у меня!

Душа радость, побывай у меня!

Дружно подхватилъ хоръ „бывай у меня“ ко нѣсколькы разъ отчеканивая послѣднія слова. Бубенъ, все время молчавшій, вскрикнулъ внезапно и началъ страшный трезвонъ. Тарелки бѣшено загремѣли. Гармоника тоже начала прилаживаться, часто фальшивя; но усердный артистъ-каптенармусъ не замѣчалъ диссонанса и продолжалъ наигрывать, азартно притоптывая ногой. Высокій, худой, съ выдавшейся челюстью рядовой неистово засвисталъ.

Эхъ! ходи хата, ходи печь!

взвизгнулъ восторженный зритель, котораго давно ужъ всего передергивало.

— Вотъ такъ по нашимъ откалываютъ, разбойники. Ай да стрѣлочка—завитые височки!

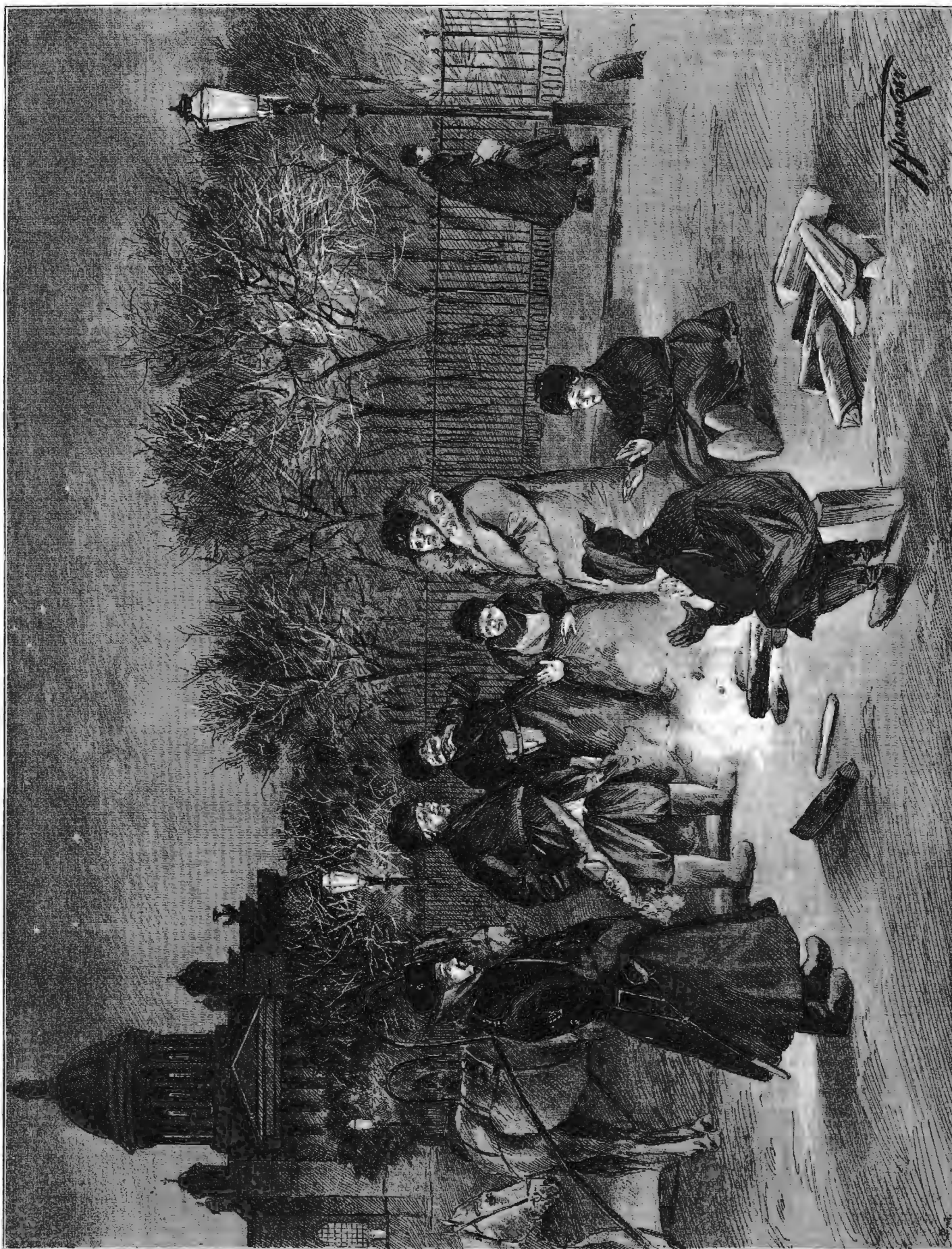
Приказаніе: „Пошелъ, выходи на переключку“ прекратило всѣ забавы и заставило солдатъ разойтись по ротамъ.

Вытянулась рота въ струнку. Стоитъ не шелохнется. Фельдфебель, старый Николаевскій служака, немного ужъ горбленый, инквизиторски поглядываетъ на солдатъ. Переключка кончена—всѣ на лицо. Читаютъ приказъ:

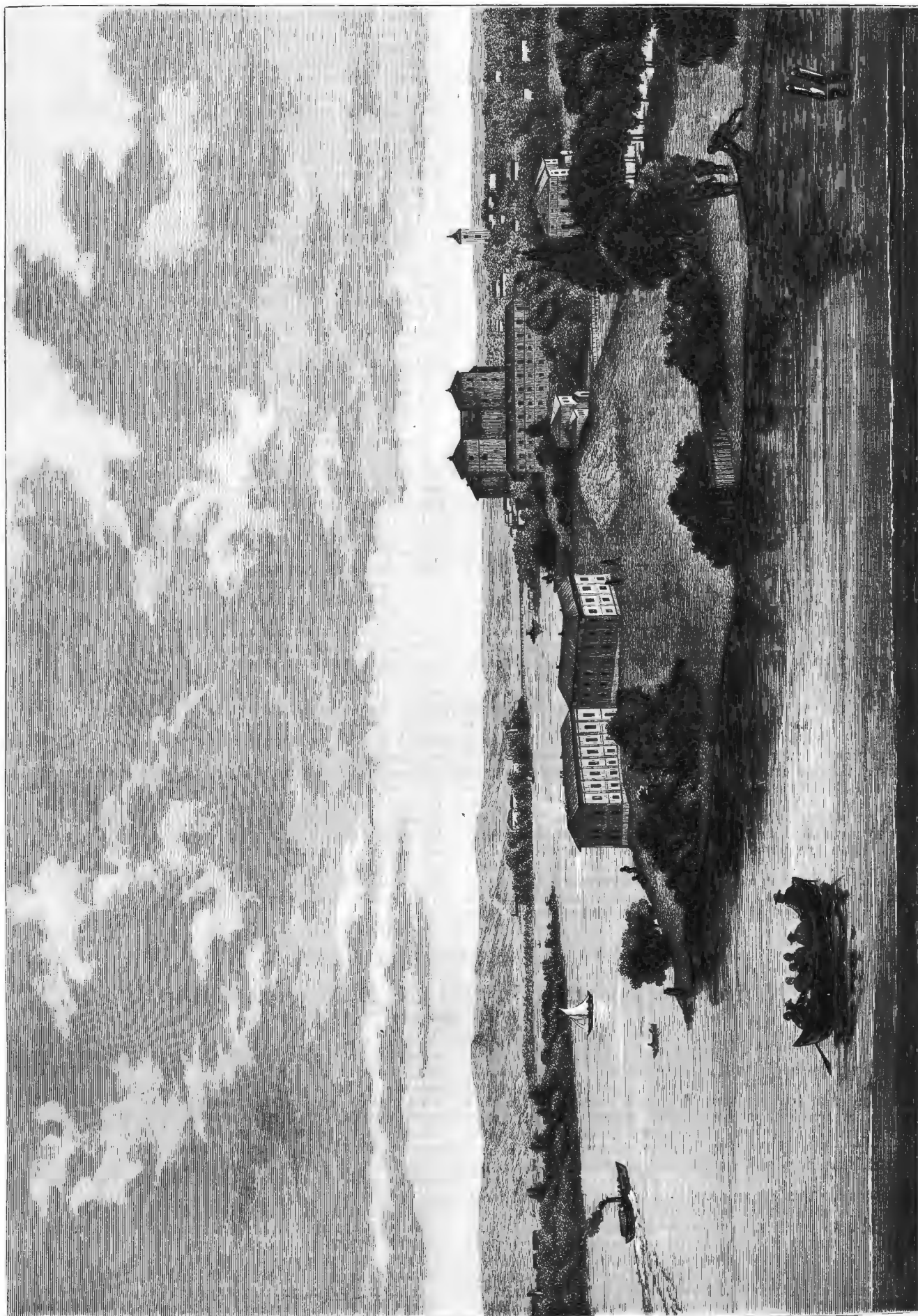
„Миргородское уѣздное по воинской повинности присутствіе увѣдомило, что новобранецъ первой роты Остапъ Рябченко подлежить обращенію въ *неработное* состояніе *). Въслѣдствіе сего . . . изъ списковъ полка исключить и препроводить въ Губернское правленіе“.

Слушаетъ Рябченко и не можетъ отдать себѣ отчету, правдана это. „Чи це вправду?“ сорвалось у него съ языка. Сказалъ и обмеръ отъ страха—какъ таки заговорить въ строю! Нѣко-

*) Официальное выраженіе.

Костры-грѣлки на улицахъ Петербурга зимою. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Полякова, грав. Ангереръ.

Финляндія. Городъ Тавастгустъ (по поводу 250-лѣтняго юбилея). Съ фотогр. грав. Рашевскій.

торые солдаты невольно обернулись в его сторону, а другие не утери́ли и захихикали.

— Кто разговаривает? Я тебя поговорю. Смирно! послышалось суровое замѣчаніе фельдфебеля.

«Вот надѣлалъ-то горю себѣ, чего добраго не пустать домой,» вертѣлось въ головѣ наивнаго солдата. Но старый служака ограничился однимъ замѣчаніемъ.

Высоко взвилась ракета надъ лагеремъ, слѣдующимъ за ней тысячами глазъ. Раздался выстрѣлъ. Горнисты и барабанщикъ забили зорю. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ залились артиллерійскія трубы... „Шалки долой!“ Весь лагерь читаетъ „Отче Нашъ“. „Накройсь! По палаткамъ!“ Раздаются рѣзкія команды и шумная, веселая ватага снова раздается по лагерю... Вотъ съ праваго фланга раздаются возгласы:

— Надѣть зимни брюки и шинели въ рукавъ!“

Приказаніе по живому телеграфу доносится все слышнѣе и слышнѣе. Вотъ уже крикнули въ сосѣдней ротѣ, а стрѣлковый дневальный, молодой солдатъ изъ Плоцкой губерніи, труситъ и не произноситъ ни одного слова.

— Чего-жъ ты не передаешь приказаніе? Кричи! приказываетъ ему дежурный, и вотъ полячокъ, сконфуженный, захлебываясь, протягиваетъ дрожащимъ готосомъ:

— Надѣть шинели и зимни брюки въ рукавъ.

Громкій хохотъ товарищей еще больше конфузитъ молодого солдатика, перепутавшаго слова.

— Ты-то чего смѣешься, Рябченко? Тоже не лучше бь его крикнуть, какъ бы довелось дневаить. Обрадовался что на печку къ бабамъ уходилъ! распекать настойчивый дядька своего ослабившаго было племяша, который не могъ прийти въ себя отъ восхищенія, что вскорѣ отправится на родину.

Офицеры собрались въ столовую. Подали скромный ужинъ: битки съ макаронами. Церемоніаловъ отличался всегда непомернымъ аппетитомъ и какъ-то въ училищѣ на пари съѣлъ десять такъ-называемыхъ батарейныхъ котлетъ. Вотъ и теперь, при дружномъ одобреніи товарищей, онъ беретъ, насколько не смущаясь, пятый биточекъ.

— Господа, Церемоніаловъ добрался до пятой!

— Послушай, крокодилъ, вѣдь ты завтра на стрѣльбу въ 4 часа не поднимешься.

— Битки-то хорошо, а вотъ зачѣмъ пятую рюмку поручикъ опрокидываетъ, замѣчаетъ, какъ бы про себя, серьезный полковникъ-баталіонеръ, большой авторитетъ среди общества офицеровъ.

— Вотъ-те на, мелькаетъ въ головѣ Церемоніалова,—кажется уже меня въ пьяную компанію записываютъ. Давно-ли съѣмъ ничего не могъ пить. А теперь: вино, долги, водка... Фу, какая гадость водка!.. Мама какъ просила никогда не пить... Ростовщикъ Габерцетель тоже.. бр... бр... И какъ все это вышло?!.. Какъ это вышло?

Послѣ ужина отъ казначея принесли денежный пакетъ Церемоніалову. Письмо отъ матери, больше некому прислать денегъ. „Родной Володинъ, радость моя, ты пишешь, что задолжалъ... Знаю, какъ дорого служить въ гвардіи... Что-же, я какъ-нибудь перебысь... Ненаглядный, могу послать лишь сто рублей и то пришлось занять у Ивана Петровича, онъ тебя очень любитъ. Повѣрь, дорогой, не могу больше прислать...“

Церемоніаловъ не сразу начинаетъ читать письмо. Онъ боязливо разворачиваетъ листокъ, зная заранѣе, что въ строкахъ, нанизанныхъ его любящей матушкой, онъ не встрѣтитъ упре-

ка, но что-то больше, горше, то, что задѣваетъ его за сердце и заставляетъ оглянуться на свое прожитіе жизни. Въ такія минуты Владиміръ Петровичъ полонъ желаніемъ остепениться и порадовать старушку-мать, отказывающую себя во многомъ для него, для своего единственнаго сына.

Церемоніаловъ начинаетъ въ умѣ дѣлать выкладки: „Заплачу Габерцетелю завтра сто рублей, вотъ жидъ удивится... Нѣтъ, лучше ему семьдесятъ пять, а двадцать пять оставлю себѣ... Довольно будетъ пархатому и пятидесяти... Право...“

— Церемоніаловъ, ты кажется разбогатѣлъ „Богать и славень Кочубей, поля его необозрима“... Пойдемъ къ Сольскому въ баракъ, тамъ Ивковъ мечетъ банкъ.

— Нѣтъ, не пойду, я играть не буду.

— И отлично, дружище, пойдемъ лучше спать, а то продурешься, таяетъ его сожитель по бараку домой.

— Ну, глупости, пойдемъ, крестъ, со мной.

— Развѣ посмотрѣть только...

Въ началѣ онъ дѣйствительно слѣдитъ за игрой, затѣмъ не выдерживаетъ и разрѣшаетъ себѣ поставить одинъ рубль, всего одинъ. Проигралъ; хотѣлъ отыграться. Еще больше проигралъ. Сольскій самъ удерживалъ его отъ продолженія игры, зная грустныя финансовыя обстоятельства товарища. Но Церемоніаловъ „врагъ опеки“ и жаждетъ реванша. Вскорѣ онъ проигрываетъ все и съ отчаяніемъ возвращается къ себѣ въ баракъ, гдѣ сожитель его давно спитъ спокойнымъ сномъ...

Погасли огни. Лагерь погрузился въ крѣпкій, здоровый сонъ. Въ солдатской палаткѣ сбилось человѣкъ десять. Жарко, тѣсно, воздухъ спертый. Не спится новобранцу изъ привилегированныхъ, стиснули его съ двухъ сторонъ коренастые товарищи. Иной изъ сосѣдей повертывался и по лицу задѣвлетъ не деликатной ручкой... „Нѣтъ,“ думаетъ жертва тѣсноты, „завтра же буду просить отдѣленнаго, чтобы онъ меня положилъ у выхода“ и злополучный культурный человѣкъ, натянувши шинель на свои измученные члены, слѣзшитъ выбраться изъ палатки и освѣжиться на воздухѣ.

Но усталость беретъ свое и набродившись вдоволь между палатками, онъ снова помѣщается въ своемъ доловнѣ и засыпаетъ крѣпчайшимъ сномъ, не обращая вниманія на окружающую его обстановку.

Все тихо. Вдругъ ночное спокойствіе непріятно-рѣзко нарушается передачей приказанія:

— Послать ротныхъ писарей въ полкову канцелярію! *).

Голосисто выкрикивается послѣднее слово. Сосѣдній дневальный на лету подхватываетъ приказаніе и подсаживаетъ горло надъ вызовомъ писарей.

Новобранецъ, не привыкшій къ подобнымъ возгласамъ, услыхавъ надъ ухомъ богатырскій крикъ, привсталъ на подвигныхъ, самодѣльныхъ наразахъ и прислушивается, не понимая ничего; разобралъ онъ только отчетливо одно слово *канцелярія*. А зачѣмъ это кричать? Богъ ихъ знаетъ. Не во снѣ ли это прислылось?..

Не спится Рябченко. Скорѣй бы утро приходило. Когда его отправятъ домой и онъ заживетъ снова въ своей хатѣ, т. е., выражаясь словами приказа, обратится въ первобытное состояніе,—то-то будетъ радость, когда онъ очутится снова въ родномъ хуторѣ. „А Катруся?.. Затанное видъ радости. О моя любя...“ И онъ машинально двинулся всѣмъ корпусомъ.

— Ну, что ты тутъ вертишься! заворачалъ сосѣдъ,—мало ему время днемъ.

И снова все погружается въ мирныя сновидѣнія.

Василій Сило—вичъ.

Паденіе камней съ неба

въ Оханскомъ уѣздѣ, Пермской губ., 18 (30) августа 1887 г.

Ю. И. Симашко.

(Продолженіе).

III.

Перейдемъ наконецъ къ паденію самыхъ камней и ихъ описанію.

Всего до сихъ поръ найдено 6 камней: пять въ Оханскѣ и близкіяхъ къ нему (въ разстояніи 2—3 версты) мѣстностяхъ, а одинъ въ с. Таборы или Таборскомъ. Особенно интересны камни выпавшіе въ Оханскѣ и въ с. Таборы, какъ по ихъ величинѣ, такъ и въ особенности по наблюденіямъ надъ ихъ паденіемъ.

Точно опредѣлить время появленія болида и паденія метеорита трудно. Дѣлаютъ различныя показанія: 12 ч. 40 м., 12 ч. 30 м., 12 ч. 25 м., 12 ч. 15 м.,—изъ Перми, Таборъ, Оханска и проч., но никто не указываетъ насколько часы его были повѣрены съ истиннымъ временемъ. Полагая, что въ метеорологической обсерваторіи часы вѣрныя чѣмъ у частныхъ лицъ, мы принимаемъ показаніе г. Панаева за наиболее близкое къ истинѣ, т. е. 12 ч. 40 м. по пермскому времени, а показаніе г. Минквица въ *St.-Petersburger Zeitung*—2 ч.—ошибочнымъ.

Вотъ что писали объ этомъ явленіи:

Вчера, 18 августа, въ 12 ч. 25 м. дня, при совершенно

ясномъ небѣ и тихой погодѣ, внезапно разразился надъ городомъ сильный ударъ грома, отъ котораго затряслись даже здания. (Какъ будто что-то провалилось, по выраженію гг. Жакова и Ив. Вологодина). Затѣмъ *хлопотанье* грома продолжалось болѣе *двухъ минутъ* (отъ 3 до 4 минутъ по писью Ив. Вологодина) попеременно, то усиливаясь, то ослабѣвая, и наконецъ удары перестали слышаться, какъ-бы за отдаленностью мѣстоприсхожденія грома. Многие обыватели повскакивали изъ домовъ, ища на небѣ громовую тучу, которой на чистомъ и прозрачномъ небосклонѣ, къ удивленію, не оказалось, хотя громъ очень явственно былъ слышанъ. Только нѣкоторыми было замѣчено надъ самымъ городомъ движеніе небольшого облачка бѣлесоватаго цвѣта, продолговатой формы (звѣобразно-тонкая полоса дыма на высотѣ одной версты—Ив. Вологодинъ), быстро двигавшагося съ сѣверо-востока къ юго-западу и скоро исчезнушаго изъ глазъ наблюдателей въ лучахъ ярко-блестѣвшаго солнца. *Въ этотъ моментъ, съ полминуты послѣ прекращенія грома*, бывшими на улицѣ (между прочимъ ученикомъ гор. уч. Алексѣемъ Нагибинымъ) увидѣно было паденіе на землю ка-

* Какъ говорятъ солдаты.

кого-то *темнаго тѣла* (что-то черное, похожее на ворона—Ал. Нагибинъ). Рабочіе, находившіеся вблизи мѣста паденія, слышали *шумъ или жужжаніе какъ-бы* пролетѣвшаго пушечнаго ядра. Бывшіе на улицѣ тотчасъ кинулись на поиски къ тому мѣсту, гдѣ предпологалось паденіе. Скоро однимъ изъ рабочихъ, видѣвшихъ направленіе полета тѣла (Трофимъ Селивановъ и Григорій Дуречинъ, по словамъ Ив. Вологодина), было замѣчено свѣже взрытое мѣсто на землѣ и оборванные кусты цвѣтовъ около него. Раскопавъ это мѣсто на глубинѣ одной четверти аршина (3 вершка по Ив. Вологд.), онъ нашелъ камень почти съ дѣтскую голову величиною (4 ф. 12 зол. Ив. Вол.). Когда вынули его изъ земли, онъ былъ настолько теплымъ, что всѣ бравшіе его въ руки явственно ощущали его тепло, хотя онъ былъ покрытъ приставшими къ нему частицами земли. Въ продолженіе не менѣе 5 минутъ, пока онъ переходилъ изъ рукъ въ руки присутствующихъ, онъ сохранялъ явственно теплоту, которая совершенно исчезла только тогда, когда облили его водою, чтобы очистить отъ земли.

Аэролитъ этотъ упалъ во дворъ Земской Управы съ сѣверной стороны зданія, саженьхъ въ 20-ти. Счастливая только случайность спасла одного изъ работавшихъ во дворѣ плотниковъ, который находился всего въ 2-хъ саженьхъ отъ мѣста паденія.

Облако, послужившее, по предположеніямъ, причиною паденія аэролита, находилось на высотѣ, такъ называемыхъ, перистыхъ облаковъ; передвигалось же оно по небу сравнительно быстро послѣднихъ. Громъ, раздавшійся при этомъ, отличался отъ обыкновенныхъ раскатовъ при дождевыхъ тучахъ. Онъ походилъ скорѣе на клокотаніе падающихъ и сталкивающихся между собою твердыхъ тѣлъ или на стукъ движущихся по мосту экипажей, при чемъ опредѣленного направленія къ мѣсту ступа указать было нельзя. (*Перм. Вид.*)

Въ рапортѣ губернатору исправника г. Тимашева находимъ: Камень вѣсомъ въ 5 фунт., покрытъ также черною корою незначительной толщины, одна сторона представляетъ свѣжій изломъ, запачканный только землею (слѣдов. касавшіяся земли этою стороною), безъ признаковъ плавленія, такъ что нужно полагать, что камень разбился при паденіи и другой кусокъ находится вблизи, но онъ не найденъ. Незначительное углубленіе также *указываетъ на впроятность рикошета*. По излому можно видѣть, что камень той же формации, какъ и камень обрѣтенный въ Таборахъ.

Къ этому изъ письма г. Ив. Вологодина присовокупимъ:

Въ *Оханскѣ* упавшій аэролитъ представляется оторваннымъ кускомъ отъ другой массы, почему сторона отрыва его съ свѣжымъ изломомъ, а съ прочихъ всѣхъ сторонъ покрытъ онъ какимъ-то чернымъ налетомъ и имѣетъ округлыя очертанія безъ острыхъ угловъ или выступовъ; только по краю отрыва на немъ имѣются такіа острія. Цвѣтъ его въ изломѣ сѣрый съ черными крапинками мелко-зернистаго сложенія; вѣситъ онъ 4 фунта 12 зол.

Болѣе интересныя и весьма важныя для меня данныя сообщилъ мнѣ г. Миропольскій, производившій, по моей просьбѣ, на мѣстахъ повѣрку всѣхъ явленій и необходимыхъ измѣреній.

Вотъ что онъ пишетъ объ Оханскомъ паденіи:

Направленіе полета камня я опредѣлялъ по тѣмъ поврежденіямъ на растеніяхъ, которыя были произведены имъ при паденіи на землю, причемъ мною были приняты во вниманіе также и показанія очевидцевъ паденія: мальчика Нагибина, видѣвшаго полетъ съ улицы, и рабочихъ, бывшихъ въ саду Управы. Послѣ громоваго удара они всѣ видѣли паденіе *просто темнаго тѣла*, безъ искръ и какого-либо свѣта. Поврежденія растеній (сломанная вѣтка) находились отъ метеорита въ сторону къ сѣверо-востоку¹⁾; по измѣренію компасомъ этого направленія, оказалось отклоненіе ихъ отъ точки сѣвера къ востоку на 35°, причемъ отклоненіе магнитной стрѣлки для нашей мѣстности не было принято въ расчетъ. Затѣмъ, самый высочій пунктъ поврежденія (сломанная вѣтка георгины) былъ отъ почвы на высотѣ 12 вершковъ, а центръ лежавшаго метеорита находился отъ отвѣсной линіи, опущенной изъ мѣста поврежденія георгины, по горизонту въ разстояніи 3-хъ, и никакъ не болѣе 4-хъ вершковъ. (Фиг. 10). Отсюда получается прямоугольный треугольникъ съ катетами въ 12 и 3 (4) вершка, изъ котораго уголъ паденія при горизонтѣ $x-ACB$ получается по пропорціи $x:90-x=12:3$, откуда будетъ $x=\frac{90 \times 12}{15}=72^\circ$, другой же

уголъ $ACB-x=90-72=18^\circ$, или что то же—уголъ образуемый линіею полета метеорита съ зенитомъ содержитъ 18° . Если же возьмемъ малый катетъ въ 4 верш., то этотъ уголъ будетъ имѣть 22° . Въ этихъ предѣлахъ и должна заключаться линія полета.

Здѣсь, по моему мнѣнію, могутъ быть допустимы нѣкоторыя ошибки въ опредѣленіяхъ угловъ только отъ слишкомъ малыхъ величинъ (12 и 3 в.), поддежавшихъ непосредственному измѣренію, которое однако было исполнено съ возможной осторожностью и тщательнаго. Мелкія же доли вершка, въ опредѣленіи горизонтальнаго катета не должны производить большой

¹⁾ Дѣлопроизводитель Ох. уѣзд. воинскаго присутствія А. И. Нагибинъ, какъ прибавляетъ въ письмѣ г. Ив. Вологодина, утверждаетъ, что аэролитъ палъ, какъ онъ видѣлъ, при направленіи съ юга на сѣверъ. Безъ сомнѣнія, г. Нагибинъ видѣлъ полетъ Таборскаго камня, который послѣ разрыва главной массы принялъ направленіе нѣсколько сѣвернѣе отъ общаго направленія полета болида.

разницы въ числѣ градусовъ нужнаго намъ угла. (Мир.). Опредѣленіе этого угла, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ угла паденія при Таборахъ, чрезвычайно важно, какъ увидимъ далѣе, для опредѣленія высоты мѣста разрыва или, по крайней мѣрѣ, разлученія этихъ двухъ метеоритовъ.

Своди корреспонденціи относительно паденія камней въ Таборахъ, получимъ слѣдующія данныя:

Волостной таборскій писарь Шолоповъ пишетъ слѣдующее: Въ полдень, 18 августа, при ясной теплой погодѣ, жителями села Таборскаго, на сѣверо-востокъ былъ услышанъ въ воздухѣ сильный ударъ—подобный пушечному выстрѣлу, сопровождавшемуся трескомъ, какъ будто быстро-бѣдущаго экипажа по шоссеиной дорогѣ. Бывшій въ этотъ моментъ крестьянинъ таборской волости Александръ Бушуевъ съ работникомъ своимъ Афанасіемъ Шиловымъ въ полѣ, послѣ удара, начали смотрѣть къверху, на небо, полагая, что ударъ произошелъ отъ тучи, но нигдѣ положительно не только тучи, но и малѣйшаго облачка не было видно, почему они стали внимательно разсматривать въ воздухѣ, такъ какъ раскатъ отъ удара все еще былъ слышанъ и, вотъ, они замѣтили полетъ, *кувыркомъ, какогото тѣла, въ видѣ овсяной куки соломеннаго цвѣта* (камень въ темномъ каленіи летѣлъ кубаремъ, по словамъ г. Митяшева), за которыми позади видѣлся бѣлый дымокъ выходящая струею (Митян.), отдѣлявшійся влѣво и издававшій *свистыиый запахъ*. Масса эта, быстро пролетѣвъ надъ ихъ головами, саженьхъ въ 100 отъ нихъ, упала на землю, отчего на мѣстѣ паденія поднялся столбъ пыли. Вслѣдствіе чего она, испугавшись, соскочила съ клади (по словамъ г. Лнишевскаго, крестьянинъ рассказывалъ, что въ моментъ страшнаго взрыва отъ стоялъ наверху хлѣбной клади, съ которой, вслѣдствіе взрыва и сотрясенія воздуха, упала на землю) и побѣжали въ село Таборское, извѣстивъ объ этомъ волостное правленіе.

Съ момента удара по моментъ паденія на землю аэролита прошло *не болѣе одной минуты*. Ударъ произошелъ, по указанію другихъ очевидцевъ, надъ рѣкой Камой, гдѣ и блеснула отъ аэролита молнія, внизъ по рѣкѣ Камѣ, къ г. Оханску.

По заявленію Бушуева, тотчасъ-же былъ произведенъ осмотръ мѣста паденія, гдѣ были найдены: яма глубиною въ 2 арш. 3 вершка, шириною въ 6 четвертей вверху; камень въ горячемъ состояніи, такъ что тогда не было возможности произвести выемку его изъ земли. (Сначала подходитъ къ камню было невозможно, вслѣдствіе исходящаго изъ него сильнаго жара—по словамъ г. Панаева). *Къ вечеру же часовъ въ 8 камень былъ нѣсколько теплымъ*. На другой день камень былъ вынутъ во многихъ частяхъ; вообще камень былъ около 20 пудовъ. Къ этому присоединимъ изъ рапорта г. Митяшева слѣдующее: вслѣдствіе удара, или вслѣдствіе разности температуры, камень въ землѣ разсыпался на множество частей, сохранивъ только одинъ кусокъ вѣсомъ около 6 пудовъ—остальная-же часть вынута изъ земли въ мелкіхъ кускахъ отъ $\frac{1}{4}$ ф. до 27 ф. и во множествѣ совершенно мелкаго щебня до 5 пудовъ.

Что разрывъ камня въ землѣ произошелъ съ нѣкоторою силою, видно изъ того, что въ стѣнахъ ямы, въ которой лежалъ камень, видны въ разныхъ мѣстахъ трещины и отверстія діаметромъ до 3 вершковъ и глубиною около 1 аршина. Въ волостномъ правленіи было замѣчено дрожаніе стеколъ во время удара, но сотрясенія почвы не было (Шолоповъ).

Г. Миропольскій сообщилъ мнѣ письменно слѣдующія весьма интересныя данныя. На прилагаемомъ планѣ изображены село Таборское и близъ лежащія деревни Кошелева, Черныши и Шарканъ (фиг. 11). Таборскій берегъ р. Камы напротивъ села и у церкви представляеть крутой, голый обрывъ грунта красной глины, перемѣшанной съ мелкими камнями, высокою 6—7 сажень.

Изъ показаній, собранныхъ отъ очевидцевъ въ послѣднее время о направленіи полета и углѣ паденія таборскаго камня, выходитъ, что полетъ его былъ замѣченъ по линіи къ югу отъ востока на $10-15^\circ$, причемъ видѣвшимъ паденіе съ поля въ пунктѣ *b*, уклонъ лѣтѣвшей массы казался имѣющимъ не менѣе 35° къ горизонту или подъ угломъ въ 35° отъ зенита мѣста. Эти измѣренія получены на мѣстѣ на основаніи рассказовъ очевидцевъ посредствомъ примѣрнаго расположенія вѣхъ и опредѣленія транспортиромъ указанныхъ угловъ.

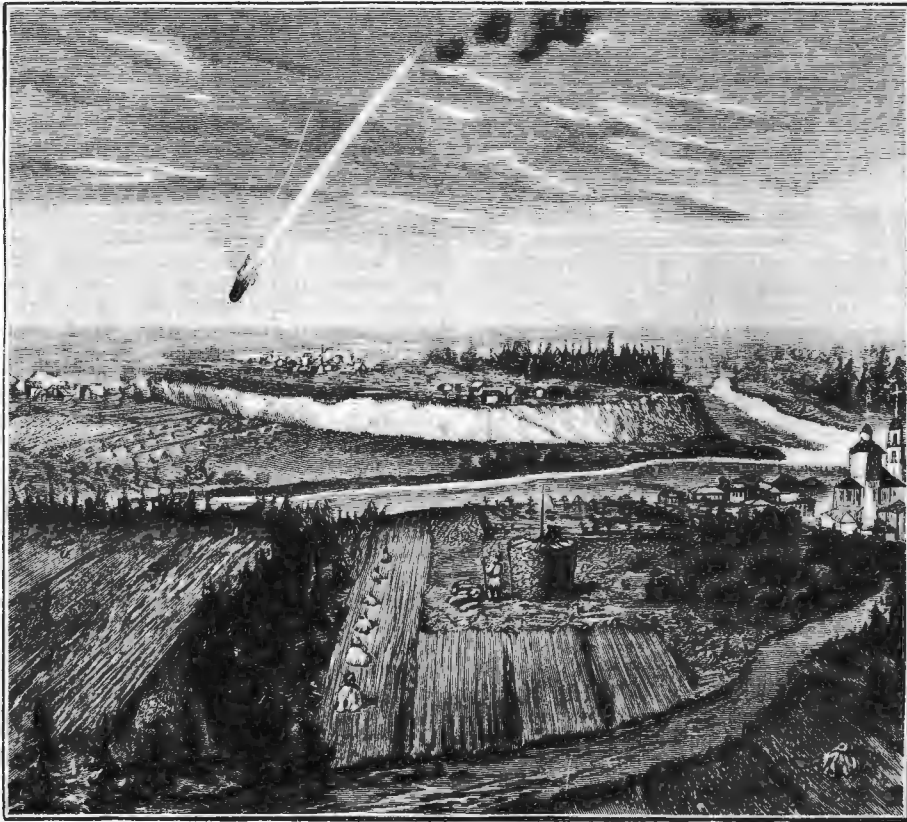
Ручаться за совершенную точность этихъ измѣреній конечно трудно, но тѣмъ не менѣе можно считать ихъ приближительно вѣрными, потому что во время примѣрныхъ указаній направленія вѣхами грубыя отклоненія отъ этихъ направленій, напр. въ $15-20^\circ$, положительно отвергаются очевидцами (Бушуевымъ).

По плану, который здѣсь уменьшенъ вполонину, и по настоящему описанію художникъ нарисовалъ ландшафтъ мѣстности помѣщенный на стр. 192 (фиг. 9).

Кромѣ этихъ камней, по всей вѣроятности упало еще много камней въ районѣ волостей Нытвинской, Таборской, Притыкинской, Острожской и Казанской волости до границы Оснянскаго уѣзда (А. Миропольскій), но они не разысканы. Г. Свигузовъ по тщательно собраннымъ свѣдѣніямъ полагаетъ, что одинъ камень колоссальныхъ размѣровъ (величиною съ *корчагу* или *чулунку*)—по выраженію крестьянъ видѣвшихъ полетъ его)

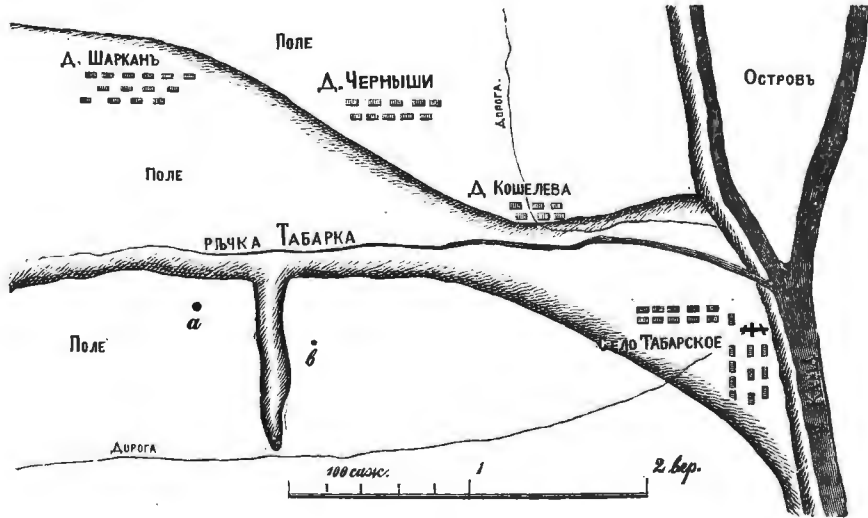
упалъ на землю между дер. Ерзевкой и горой Иретиной, на правомъ берегу Камы, въ 7—10 верстахъ выше села Частинскаго (верстахъ въ 40 на ю.-ю.-в. отъ Оханска), но онъ не найденъ по причинѣ лѣсистой мѣстности, а быть можетъ онъ упалъ въ р. Каму. Кромѣ того, весьма интересно указаніе на другой камень упавшій въ р. Каму.

Лѣсной сторожъ, находившійся на Усть - Нытвинской пристани (верста отъ Оханска на с.-в.) въ моментъ явленія, видѣлъ, какъ послѣ объясненнаго удара (треска) камень громадной величины упалъ въ средину р. Камы, противъ пристани. Ударъ въ водѣ былъ такъ силенъ, что вся пристань пошатнулась, и лошади, шившія съ берега воду, отъ испуга понападали и затѣмъ обратились въ бѣгство. Вода при ударѣ поднялась столбомъ кверху, и затѣмъ, еще въ некоторое время кипѣла надъ мѣстомъ паденія (Митишевъ. *Перм. Вид.*).

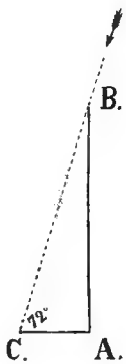

Паденіе камней съ неба. Фиг. 9. Паденіе метеорита въ Таборахъ. *a*—мѣсто паденія камня въ 15—20 пудовъ, видѣнное крестьяниномъ Бушуевымъ, съ хлѣбной кледи. Рис. по описанію и плану мѣстности, Н. Земцовъ.

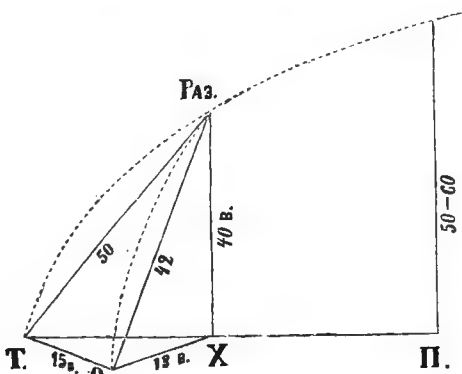
Г. Н. Янишевскій пишетъ объ этомъ такъ: „Извощики и караульные, бывшіе на Усть - Нытвинской пристани, видѣли какъ въ средину Камы упалъ громадный, но ихъ словамъ, *черный камень*. Вслѣдствіе паденія вода на этомъ мѣстѣ поднялась столбомъ на значительную высоту и упала обратно въ видѣ фонтана. На мѣстѣ паденія, какъ рассказываютъ, нѣсколько минутъ было видно воронкообразное углубленіе, въ которомъ вода кипѣла. Ударъ и сотрясеніе воздуха были настолько велики, что бывшія на берегу лошади, числомъ 50—60, упали на землю, а потомъ бросились бѣжать (Н. Янишевскій). Хотя г. Кротовъ сомнѣвается въ достовѣрности этого паденія по наведеннымъ справкамъ въ Таборахъ (жалъ что не на мѣстѣ — въ Усть - Нытвинской, а не въ Таборской пристани), но въ паденіи этомъ меня удостовѣряютъ слѣдующія строки изъ письма г. Миропольскаго. Въ то самое время, когда происходило взвѣшивание таборскаго камня, г. Миквицъ твердо увѣрялъ всѣхъ насъ о паденіи метеорита, большаго чѣмъ таборскій, въ рѣчку Каму противъ пароходной пристани Нытвинской, которая находилась тогда противъ дер. Усть-Нытвы, которую вы найдете на картѣ. Объ этомъ метеоритѣ онъ самъ лично разспрашивалъ караульщика контор-

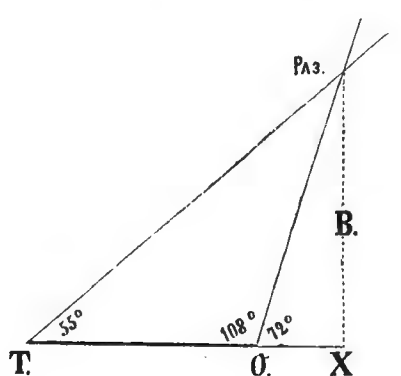
Паденіе камней съ неба. Фиг. 11. Планъ села Таборы. *a*—мѣсто паденія метеорита, *b*—мѣсто, откуда крестьянинъ Бушуевъ видѣлъ паденіе. Рис. Миропольскій.

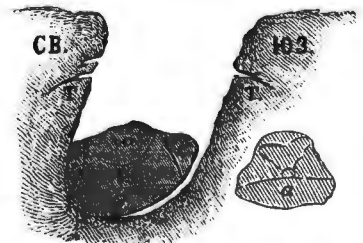
Фиг. 10.

Фиг. 12. *T*—Таборы, *O*—Оханскъ, *П*—Пермь, *Раз.*—Точна разлета.

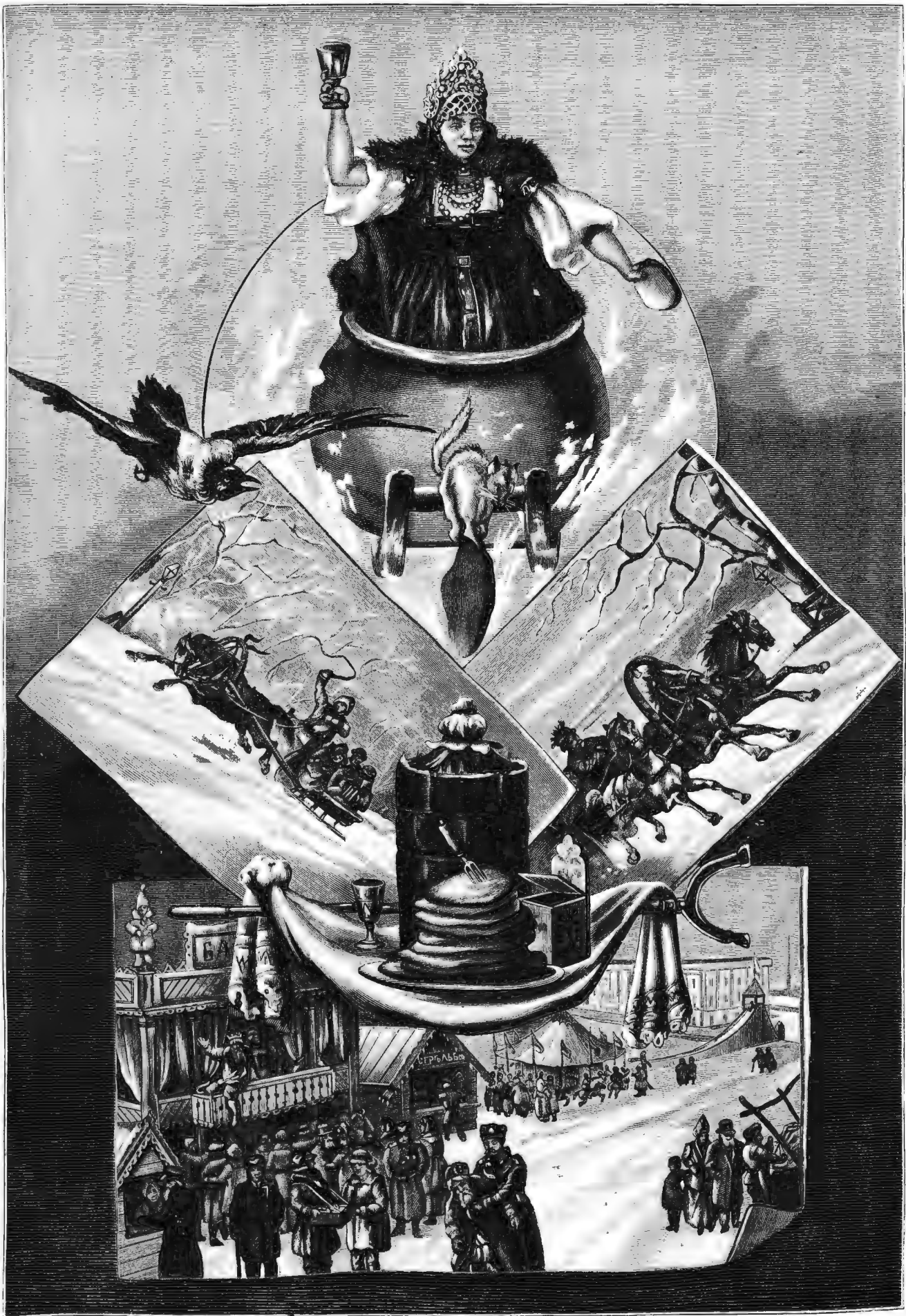
Фиг. 13.

Фиг. 14.

Фиг. 15.

Паденіе камней съ неба. Метеоритъ въ мѣстѣ *a*—самая большая часть его — 8 пуд., *b*—часть разнесенная народомъ, *в*—болѣе крупная части стѣрля, *г*—боковая часть въ 13 ф. доставлена мнѣ, *д*—часть въ землѣ въ мелкихъ кускахъ, большинство коихъ доставлено мнѣ.

Масляница. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Зауерлендера, грав. Шюблерь.

ки. Никаких разысканий этого камня не дѣлалось, и, кромѣ сообщенія г. Миквица, о немъ свѣдѣній нѣтъ. Кромѣ того, вѣроятности паденія въ этой мѣстности вытекаетъ и изъ сообщенія другого рода, которыя будутъ высказаны далѣе, и изъ самаго описанія паденія, точныя обстоятельства котораго не могли быть придуманы лѣснымъ сторожемъ.

Происходятъ-ли всѣ метеориты отъ одного громаднаго, который распался въ воздухѣ на нѣсколько частей — или это цѣлая группа метеоритовъ, одновременно достигшая Оханскаго уѣзда — рѣшить не трудно по виду самыхъ камней. Всѣ метеориты по моему мнѣнью, кромѣ трехъ самыхъ крупныхъ, были самостоятельными спутниками одного огромнаго — вѣсомъ бы могъ быть пудовъ 30—40 и болѣе, который, достигнувъ зенита мѣста на земной поверхности соответствующаго широтѣ $57^{\circ} 40'$ с. ш. и $25^{\circ} 30'$ долготы отъ Пулкова, раздѣлился на 3 части: Усть-Нытвинскую, Таборскую и Оханскую (последній вѣроятно составляетъ только часть упавшаго близъ Еретинки). Какъ ни смѣло покажется это мое предположеніе, оно имѣетъ за собою слѣдующее научное подтвержденіе. Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ г. Миропольскимъ, видно что въ Таборахъ метеоритъ летѣлъ по линіи къ югу отъ востока на $10-15^{\circ}$ и упалъ на землю подъ угломъ 55° ; метеоритъ въ Оханскѣ летѣлъ по линіи уклоненной отъ сѣвера къ востоку на 35° и упалъ на землю подъ угломъ въ 72° (фиг. 12). Принявъ линію отъ Таборъ до Оханска въ 15 верстъ за основаніе, и проведя на картѣ линіи направленія полета въ оба названныхъ мѣста, получимъ на картѣ точку пересѣченія ихъ, опредѣляющую положеніе того мѣста, въ зенитѣ котораго произошелъ разрывъ или по крайней мѣрѣ разлетъ камней. Проведи черезъ эти же линіи — двѣ вертикальныя къ земной поверхности плоскости, получаемъ тѣ плоскости, въ которыхъ метеориты упали въ Таборѣ подъ угломъ 55° къ горизонту, а въ Оханскѣ 72° . Пересѣченіе линіи полета и есть та точка въ пространствѣ, въ которой произошло раздѣленіе метеоритовъ. Для опредѣленія разстоянія ея отъ земли — напесемъ линію полета Оханскаго метеорита на плоскость полета Таборскаго метеорита; получимъ треугольникъ съ углами въ 55° при Таборахъ, въ 108° (дополненіе къ 72° до двухъ прямыхъ), соответствующій Оханскому углу — вершина третьяго угла P въ 17° образованная линіями полета обоихъ метеоритовъ, — опредѣлитъ съ точностію точку исхода обоихъ метеоритовъ и вѣроятную точку раздѣла большой массы (фиг. 13). Тригонометрически рѣшая треугольникъ TPO , получаемъ двѣ весьма важныхъ данныхъ: точка P — раздѣленія или разлета метеоритовъ находится въ 40 верстахъ (39,97 в.) надъ поверхностью земли въ зенитѣ мѣстности отстоящей отъ Оханска къ сѣверо-востоку въ 13 в. (12,99 в.), а Таборъ на юго-востокъ въ 30 верстахъ (27,99 в.).

Еслибы метеориты летѣли по прямымъ линіямъ, а не параболамъ, то Таборскій камень при этомъ совершилъ бы путь въ 50 верстъ (48,79), а Оханскій въ 42 версты послѣ ихъ раздѣленія. Вычисленіе это, чрезвычайно важное въ научномъ отношеніи вообще, такъ какъ касается вопроса почти не тронутого въ метеоритикѣ, интересно и по отношенію къ Персскому метеориту, такъ какъ показываетъ 1) что появленіе болида на высотѣ перистыхъ облаковъ было только обманомъ зрѣнія, и во 2) что скорость полета была далеко больше чѣмъ $2\frac{1}{2}$ версты въ секунду, какъ вычислялъ г. Панаевъ, и какова должна бы быть, если бы болидъ былъ не выше перистыхъ облаковъ. Дѣйствительно, предполагая, что тѣло летѣвшее по параболѣ склоняясь къ землѣ на разстояніи 40 верстъ отъ зенита Перми до точки раздѣла метеорита на части, приблизилось къ землѣ только на 20 верстъ — имѣемъ высоту его надъ Пермью — 60 верстъ, что по вычисленію дастъ 13 верстъ въ секунду или 780 верстъ въ минуту. Скорость поразительная, которая даетъ основаніе ко многимъ заключеніямъ.

Весьма жаль что г. Миквицъ и Янишевскій при разпросахъ очевидцевъ не опредѣлили хотя приблизительно (помощію вѣхъ) угла паденія камня въ Каму при Усть-Нытвѣ, а въ Перми не было опредѣлено насколько южнѣ зенита летѣлъ болидъ; опредѣленіе линіи полета и разлета метеоритовъ было бы точнѣе. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что общее направленіе полета было съ с.-в. на ю.-з., что послѣ раздѣленія группы метеоритовъ и разлета, раздѣла ихъ, метеориты приняли разное направленіе, причемъ всѣ меньшіе приняли южное и юго-западное направленіе до рѣки Очеръ. Въ этомъ еще болѣе утверждаетъ и положеніе, которое занимали камни въ почвѣ, на которую упали.

При паденіи мелкіе метеориты или остались на поверхности земли, или углубились на 2—3 вершка. Особенно интересно и подробнѣе изслѣдовано залеганіе въ почвѣ большаго Таборскаго метеорита, къ которому мы теперь и перейдемъ, замѣтивъ предварительнo, что величина камня и форма его, можно сказать, не описаны и самый вѣсъ показанъ различно отъ 15 до 20 пудовъ, а потому о величинѣ и формѣ камня мы сдѣлаемъ свои выводы послѣ описанія ямы, которую, кромѣ г. Миташева, довольно подробно описали гг. Янишевскій и Кротовъ.

„Яма была около сажени шириною и аршина два глубиной, почти овальной формы. Грунтъ на этомъ мѣстѣ очень крѣпкій — красная глина съ крупною и мелкою галькой. Къ сожалѣнію, было уже трудно, при осмотрѣ этой ямы, повѣрить тѣ

подробности паденія и разрыва аэролита въ землѣ, о которыхъ разсказывали свидѣтели его открытія. Но все-таки на $\frac{3}{4}$ отъ поверхности земли я нашелъ три трещины: одну на востокъ, и двѣ на западъ; двѣ изъ нихъ представляютъ видъ косыхъ, неширокихъ трещинъ, глубиной вершка въ три, а одна — круглое отверстіе, въ которое входитъ рука; эта трещина была глубиной около шести вершковъ. Стѣнки трещины были уже сглажены, вслѣдствіе введенія рукъ, почему я на стѣнкахъ и не нашелъ уже слѣдовъ обжога. Внутри трещинъ обломковъ аэролита не было; между тѣмъ, мелкіе осколки его во множествѣ разсыпаны на днѣ ямы, перемѣшанные съ глиной“ (Н. Янишевскій).

Осматривавшій эту яму г. Кротовъ описываетъ ее такъ: „Здѣсь я нашелъ яму въ 2 арш. 7 вершк. длины, около 2 арш. ширины и $1\frac{3}{4}$ арш. глубины; но первоначально эта яма имѣла, конечно, другіе размѣры, — именно (указанные въ корреспонденціи г. Шолопова): ширина въ верхней части была около $1\frac{1}{2}$ арш., а въ нижней нѣсколько меньше; глубина 2 арш. 3 верш. въ ю.-з.-й части и 2 въ с.-в.-ной части ея. Отъ верхней поверхности камня до поверхности земли было 1 арш. 10 вершковъ (фиг. 14). Камень лежалъ въ наиболѣе глубокой южной части ямы, вдавшись въ ю.-з.-ную стѣнку ея, во впадинѣ этой стѣнки, какъ бы подъ небольшимъ навѣсомъ. Между боковыми поверхностями камня и стѣнками ямы было свободное пространство (до 2 верш.), въ которое свободно входила рука, и благодаря которому можно было удобно обрывать камень, не касаясь поверхности его. При обрываніи выяснилось, что камень былъ покрытъ черною корою не только сверху, но и съ боковъ; что онъ угловато-овальной формы, при чемъ верхняя ея часть остроугольнѣе боковыхъ; что диаметръ его около 10 вершковъ и что весь онъ проникнутъ многочисленными трещинами въ разныхъ направленіяхъ.“

Къ сожалѣнію, я не могъ получить отъ г. Янишевскаго пи рисунокъ ямы, ни фотографіи съ камня — вѣроятно (что весьма жаль) они будутъ приложены къ описанію, которое готовится въ Казанскомъ университетѣ. Я получилъ только отъ г. Шолопова слѣдующій эскизъ ямы, а по описанію г. Кротова я такъ представляю себѣ яму и положеніе въ ней камня, который я мысленно вложилъ въ томъ видѣ, какъ мнѣ нарисовалъ его г. Шолоповъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ. Только по этимъ описаніямъ возможно опредѣлить размѣры камня, которые должны были быть: высота или толщина камня около 9 вершк.; длина около 14 верш., т. е. камень имѣлъ видъ толстой плиты, или неправильную кубическую форму. Почти такую же форму нарисовалъ мнѣ г. Миропольскій, который доставилъ мнѣ такъ много интересныхъ объ этомъ камнѣ свѣдѣній, присовокупивъ: Таборскій камень имѣлъ форму неправильнаго угловатаго овала, съ закругленными углами, приближенно такой видъ, причемъ сторона a составляла почти плоскость, покрытую спекшею корою съ пузырями, пространствомъ около 2 кв. футовъ. По этой плоскости, кажется, отъ него отдѣлился большой кусокъ массы, можетъ быть, не меньшій найденнаго, о которомъ говорилось, что онъ упалъ въ р. Каму. Это предположеніе г. Миропольскаго болѣе чѣмъ вѣроятно, что вытекаетъ до очевидности изъ строенія коры, описаніе коей вновь я заимствую изъ письма Ал. Ив. Миропольскаго, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть единственное описаніе состоянія, въ какомъ камень былъ найденъ. Г. Миропольскій пишетъ мнѣ (отъ 18 февр.): „Метеоритъ былъ осматриваемъ нами въ видѣ 3-хъ большихъ кусковъ и нѣсколькихъ кусковъ меньшей величины. Одна сторона самаго большаго куска, почти совсѣмъ плоская, пространствомъ въ 6 кв. четвертей аршина, вся была покрыта спекшею корою сѣраго цвѣта съ незначительнымъ темнымъ оттѣнкомъ (на фиг. 15-й приложеннаго рисунка она обозначена буквою a). Эта корка во многихъ мѣстахъ имѣла пузырчатый неровности величиной съ горошину и болѣе. Кора эта при нѣкоторомъ усилии отдѣлилась въ нѣкихъ мѣстахъ отъ камня плитками толщиной въ $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{8}$ и въ $\frac{1}{2}$ дюйма. Упомянутая выше большая кора была растрескана по разнымъ направленіямъ на 3 или 4 части; эти трещины въ корѣ не заполнялись ничѣмъ, имѣя пустые промежутки въ $\frac{1}{8}$ дюйма и менѣе и обнажая поверхность тѣла камня. Это все относится къ наружной корѣ Таборскаго метеорита. Но и самый камень имѣлъ трещины гораздо большей величины чѣмъ сказанныя; по этимъ трещинамъ онъ и распался на отдѣльные большіе и малые куски. Эти-то трещины самаго тѣла камня были заполнены спекшею корою; меньшіе куски по этимъ трещинамъ можно было иногда разламывать руками, причемъ къ одному изъ отломковъ отдѣлялась и сплывшаяся, заполнявшая трещину, масса, образуя какъ бы корку того отломка камня. Отдѣляя эту последнюю корку обломка, мною и была найдена посланная вамъ пластинка (см. далѣе), такъ что она заключалась ущемленной между напывшею коркой и самымъ тѣломъ камня. Въ такомъ же положеніи были и прочіе слитки. Въ подобномъ положеніи находили такіе пластинки и другія лица, какъ Жакковъ. Всѣ онѣ были величиною такіе же, какъ моя посланная вамъ, а самая большая была величиною въ серебряную монету въ 5 коп.; такая была у г. Жаккова, употребленная имъ въ земской аптекѣ на изслѣдованіе состава металла; она вся была растворена. Нужно замѣтить, что всѣ

блѣе слитки сопровождалась черной корочкой, такъ что нужно было отщеплять ее отъ слитка, что и дѣлали и другія лица.

Упоминаемая здѣсь пластинка представляла серебристо-блѣый металлическій слѣвъ въ 1 сантиметръ съ волнистою поверхностью, толщиной въ $\frac{1}{2}$ миллиметра, покрытая съ обѣихъ сторонъ черною, блестящею стеклянистою коркою, при нажимѣ слегка, отскакивающей отъ металла. Такъ какъ подоб-

ные слѣвы въ метеоритахъ были совершенно мнѣ до сихъ поръ неизвѣстны, то я и просилъ разъяснить мнѣ въ какихъ условіяхъ они были найдены и получили приведенныя выше свѣдѣнія. Они побудили меня употребить все возможное чтобы получить образцы не только этихъ металлическихъ пластинокъ, но и тѣхъ коркообразныхъ слѣвовъ, которые заполняли трещины, равно и образцы каплеобразныхъ наростовъ.

(Окончаніе будетъ).

Широкая масляница.

(Рис. на стр. 177, 180, 181, 193 и 200).

Вотъ и еще разъ она къ намъ пришла — завѣтнал, игривал, шутивая, забавная! Еще разъ наступила... Еще разъ вслѣдъ за Зимой-Красавицей, за морозами трескучими, за мятелями рыскучими, выѣхать къ намъ изволила Государыня-Масляница! Выѣзжать изволила Государыня изъ-за каменныхъ горъ, изъ-за темныхъ лѣсовъ, изъ-за быстрыхъ, широкихъ рѣкъ—разрумяненна, разнаряженна... Здравствуй, госпожа наша, честная Масляница! Здравствуй, разудалая, развеселая, широкая, разгульная!

Вотъ и нашей улицей ѣдетъ Масляница. Парь валить отъ ея сытыхъ, добрыхъ коней; звенятъ-гудятъ на нихъ бубенцы съ колокольцами да съ гремачими дѣлами серебряными; какъ жаръ горятъ бляхи на сбруѣ ея, алымъ бархатомъ обвитой, соболями, по старинному, увѣшанной. И сидитъ Государыня-Масляница на саняхъ распіенныхъ-раззолоченныхъ, въ дорогой камчатой тѣлогрѣбѣ, въ высокой жемчужной кикѣ съ подвязками, въ красномъ штофномъ сарафанѣ узорчатомъ. И сияетъ весельемъ лицо ея широкое, вышетъ здоровьемъ и силою отъ ея сытаго тѣла дебелаго. Одной ручкой бѣлою она конями править; а другой—всѣмъ намъ свой ласковый привѣтъ шлетъ.

И бѣгутъ-катятся впереди саней Государыни-Масляницы, бѣгутъ-катятся въ запуски два блина: гречневый да овсяный. На гречневомъ ѣдетъ верхомъ старый дѣдъ съ балалайкою; на овсяномъ—молодая бабѣнка съ квашенкою; а впередъ ихъ мчится безъ памяти заяцъ со штофами, съ живою, веселищей водицею...

— Здравствуйте, люди добрые! привѣтствуетъ Масляница. — Вотъ и я къ вамъ пришла—поиграть, пошутить, позабавиться. Пришла думушкѣ съ заботушкой морщины порасправить... Пришла—на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться. Веселитесь, люди добрые — и всего дано вамъ сроку по Прощеный день!

И собираются кругомъ саней Государыни-Масляницы люди добрые на веселье: тутъ и ряженые съ харями, и скomorохи съ гудошниками; тутъ и пѣсенники заливные, тутъ и шуты съ пясунами записные... И всѣ за честной Масляницей спѣшатъ да бѣгутъ, всѣ ей хоромъ славушку поютъ:

— Здравствуй, Матушка-Масляница! Здравствуй тридцати братьевъ сестра, сорокъ бабушекъ внучка, трехъ матерей дочка!

— Здравствуй во-вѣки, матушка! Перепелины твои косточки, бумажное твое тѣльце, сахарныя твои уста!

— Здравствуй, Масляница-обѣдуха, деньгамъ приберуха! галдитъ кругомъ веселая толпа. — Спасибо, Госпожа, что къ намъ пожаловала, изъ-за каменныхъ горъ, изъ-за темныхъ лѣсовъ, изъ-за быстрыхъ рѣкъ, гдѣ витаютъ съ тобой морозы трескучіе, гдѣ баюкаютъ тебя мятели пѣвучія!

Ѣдетъ Госпожа честная нашей улицей, а на встрѣчу ей съ переулочка идетъ Хмурый, шляпочкой пуховой укрывается, въ плащъ широкій заморскій кутается, на посохъ суковатый опирается; хочетъ пройти мимо Масляницы...

Но и Хмураго Госпожа честная запримѣтила, и его добрымъ словомъ опривѣтила.

И окрылся ей Хмурый въ отвѣтъ на привѣтъ:

— Да ты съ чѣмъ опять пришла? Съ чѣмъ пожаловала? Съ какой такой забавою? Съ какой новой сладостью? Съ какой диковинкой заморскою?

— А ты кто такъ? отвѣчаетъ Хмурому Масляница. — Откуда ты взялся, откуда выискался? О чемъ вздумалъ меня спрашивать! Съ чѣмъ искони хожу, съ тѣмъ и нынѣ пришла: съ блинами, съ похмѣлемъ да съ шумнымъ весельемъ!

— Ну, и ступай своей дорогой: мнѣ самому не до блиновъ, головѣ не до похмѣлья, душѣ не до веселья!

— Что-же ты это, другъ сердечный, такъ запечалился? Аль какой грѣхъ на душу принялъ?.. Аль отца съ колокольни блиномъ ушибъ?

— Убирайся ты съ шутками... Я думушку крѣпкую думаю: о чужихъ грѣхахъ сокрушаюсь... За чужое веселье у меня душа болитъ!

— А все потому, Хмурь-Хмуровичъ, что Масляницу спрашивать разучился, да еще и другимъ помѣнать хочешь... Аль ты за моремъ долго жилъ, тамъ, гдѣ по семи молодцовъ на одинъ овсяный блинъ выдѣаются?..

— Что ты путаешь, безтолковая Масляница! За моремъ богаче нашего живутъ, сытѣе нашего ѣдятъ, слаще нашего пьютъ!

— Вотъ то-то и оно! Зависть тебя на чужое добро одолѣла:—оттого ты, чай, и запечалился! У самого ломоть хлѣба блиномъ обвернуть, а на чужой сухарь глаза плянись... А слыхаль-ли ты такую причту-не-причту, бывальщину?.. Какъ зашелъ-при-

шелъ дѣтипа изъ-за моря, нашей Руси православной въ поясъ кланялся, а самъ таково слово приговаривалъ:

„Тѣтушка, Русь православная! Меня къ тебѣ матушка послала: дай сковороды, дай сковородничка, мучки да подмозочки; у матушки вода кипитъ въ печи,—хочетъ она блины печь“.

Отвѣчаетъ дѣтипа Русь православная:

„Ступай своей дорогой, отваливай! Не хожу я въ міръ по всякій блинъ... И ты своихъ блиновъ дома пощи“.

А дѣтипушка ей опять въ поясъ кланяется, говорить:

„Еще-бы, тетушка Русь, тебѣ къ намъ за блинами идти! Да у тебѣ, кажись, и изба-то блинами конопачена, лешечками покрыта!“

Разсмѣялась Русь православная:

„Исполать тебѣ, дѣтипушка, что умѣлъ ты рѣчь держать... Блиномъ маслянымъ ко мнѣ въ ротъ лѣзешь! На тебѣ и мучки, и подмозочки; и сковороду, и сковородничекъ! Авось у насъ не убудетъ—блиновъ на всѣхъ полно будетъ.“

Тутъ и Хмурый не выдержалъ, разсмѣялся.

— Спасибо, говоритъ,—тебѣ, Госпожа-Масляница! Ты своей бивальщиной и меня, Хмураго, развеселила. Ступай-же къ намъ, съ блинами ископными, съ бородами посконными, съ задорнымъ похмѣлемъ да съ шумнымъ весельемъ!.. Съ шуткой-проказницей, съ прибауткой-базарницей!

— Спасибо и тебѣ, Хмурушко, на привѣтъ, на добромъ словѣ! Садись со мной за столъ—угощу я тебя тѣмъ, что на сковороду наливаютъ да вчетверо загибаютъ, икрой смазываютъ, масломъ да сметаной поливаютъ.

Да, у этой задорной, разудалой Масляницы есть несомнѣнно одно драгоценное свойство... Она сама никогда не старѣется; она приходитъ къ намъ всегда одинаково-молодала, одинаково-свѣжая, одинаково-здоровая и веселая — и потому невольно молодитъ насъ самихъ и заставляетъ возвращаться къ воспоминаніямъ нашей молодости, когда все кругомъ насъ цвѣтеть, поетъ и играетъ, когда мы такъ глубоко проникнуты вѣрою въ жизнь и въ наши собственные силы. Молодость — это и есть настоящая Масляница нашей жизни, шумная, веселая, беззаботная! Счастливы тотъ, кто умѣетъ ею воспользоваться, кто умѣетъ зацѣпиться на этой Масляницѣ радостными впечатлѣніями и воспоминаніями на весь долгій великій ностъ зрѣлаго возраста и наступающей старости... Одинаково жалокъ и тотъ, у кого, по народному присловію, „широкая выдалась Масляная, затопила и Великій постъ“—и тотъ, о комъ въ народѣ говорятъ: „была у его двора Масляная, да въ избу къ нему не зашла!“

На Масляницѣ всегда мнѣ вспоминается одинъ дорогой мой пріятель — одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые умѣли и работали, и веселиться, которые всегда помнили, что „за Масляной идетъ Великій постъ“, но не забывали и того, что „за Страстною бываетъ Пасха“. Какъ теперь его вижу передъ собою въ одинъ изъ вечеровъ на Масляной, когда мы, лѣтъ пятнадцать назадъ, столкнулись съ нимъ въ Маринскомъ театрѣ на одномъ изъ первыхъ представленій оперы „Вражья сила“. Онъ цвѣлъ здоровьемъ, онъ былъ въ полномъ разгарѣ силъ и той бодрости духа, которая силы удваиваетъ, которая заставляетъ съ улыбкой говорить о неприятствіяхъ и не знаетъ границъ предприимчивой энергіи. Но этого мало: онъ былъ не только молодецъ, свѣжъ и бодръ — онъ былъ счастливъ... Онъ любилъ и его любилъ. Я любовался на него. Онъ сидѣлъ въ одной ложѣ съ любимой женщиной и безпрестанно искалъ ея ласковаго взгляда — не сводилъ съ нея своихъ глазъ, полныхъ огня, полныхъ любви и признательности. Она изрѣдка, украдкой отъ другихъ, оборачивалась къ нему и тайкомъ пожимала его руку. На сценѣ ставили Масляницу, пѣли ей хвалебныя пѣсни, увлекали волшебными звуками въ ея волшебное царство — и тамъ, въ темномъ, ни для кого незримомъ уголкѣ ложи, два знакомыя мнѣ, два близкія существа также переживали Масляницу своей молодой жизни, также пѣли неслышный гимнъ веселью, радости и счастью...

Прошло много лѣтъ. Я очень долго не встрѣчался съ моимъ другомъ. По наслышкѣ зналъ о томъ, что онъ претерпѣлъ большія крушенія, разочарованія, невзгоды... Слышалъ я и о томъ, что какія-то „вражьи силы“ разлучили его съ горячо-любимой женщиной и разбили его лучшія надежды. Года три тому назадъ, тоже на Масляницѣ, и при томъ въ самомъ концѣ ея, мнѣ пришлось ѣхать изъ Москвы на Югъ, по важному и спѣшному дѣлу. Сажусь въ вагонъ — и прежде всего, лицомъ къ лицу, встрѣчаюсь съ моимъ другомъ. Ужъ онъ не тотъ: пожелтѣлъ, похудѣлъ, постарѣлъ; сѣдина

пробивается въ усахъ и въ бородѣ — только взглядъ да улыбка все тѣ же, что и прежде...

Обнялись, поцѣловались, заговорили, какъ будто вчера еще только видѣлись. Онъ поразили меня спокойствіемъ и полнымъ отсутствіемъ желчи и озлобленія во взглядахъ и въ отношеніяхъ къ людямъ. Я во многомъ не могъ согласиться съ нимъ

Эрцгерцогиня Стефанія Австрійская.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

и съ его мягкою снисходительностью... Особенно бѣсили меня наши желѣзнодорожные порядки: — Масляница сказывалась въ полной силѣ и здѣсь. На одной станціи насъ задерживали; на другой — не давали положить въ ротъ куска; то кондукторъ оказывался не трезвымъ, то машинистъ проѣзжалъ мимо стан-

— Оставьте, не стоить киняться себѣ напрасно. Они празднуютъ Масляницу. Абыто жилъ полною жизнью, кто нилъ отъ ея полнаго кубка, тотъ знаетъ, что *у каждаго должны быть своя Масляница...*

— Хорошо вамъ говорить, горчился я ему въ отвѣтъ, — когда вы шкуда не спѣшите. А я по дѣлу ѣду...

Принцесса Елизавета, дочь эрцгерцога Рудольфа и эрцгерцогини Стефаніи. Съ фот. грав. Шюблеръ.

— Вы ошибаетесь, сказалъ онъ совершенно спокойно. — И я ѣду по дѣлу: я пять лѣтъ уже съ *нею* не видался, и ѣду теперь къ ней, чтобы болѣе съ *нею* не разставаться.

И онъ показалъ мнѣ телеграмму, въ которой стояло: «Если примиреніе возможно, буду ждать васъ съ нетерпѣніемъ.»

Эрцгерцогъ Карль-Людвигъ Австрійскій.
Съ фот. грав. Пуцъ.

ціи, не останавливаясь. Наконецъ въ К. намъ дали такой локомотивъ, который могъ насъ дотащить только за три версты отъ города, въ чистое широкое поле, и сталъ — ни съ мѣста. Всѣ переносились, всѣ кричали и бранились съ прислугой поѣзда. Я тоже кричалъ такъ же громко, какъ и другіе. Мой другъ взялъ меня тихонько за руку и шепнулъ мнѣ:

Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ Австрійскій-Эсте.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Я взглянулъ на него молча, и присмирѣлъ по поволѣ.

И вотъ она, развеселая, разудалая, еще разъ къ намъ пожаловала и всю Русь православную обуяла! Изъ конца въ конецъ, по всей Руси, разлилось веселье, заглянуло во всѣ города съ пригородками, во всѣ села съ присѣлками, во всѣ углы съ за-

коулками — и всёиъ вездѣ туманить головы госпожа честная Масляница. По всей Руси, изъ конца въ конецъ, льется и звучитъ одна могучая, русская, веселая, плясовая пѣсня, — та пѣсня, отъ которой не то у молодого, а и у старого, и у хвораго

Всѣ суставы говорить,
Въ плясъ ногамъ идти велеть...
По всей Руси разносится
треньканье балалаекъ и гармоникъ,
шумныя здравицы, возгласы
и клики, звонкій смѣхъ и
веселый говоръ... Гуляеть Русь
и въ городахъ, и въ селахъ — съ
горъ и на ваткахъ катается, блинами
угощается. Скачуть бѣшенныя
тройки, увозя изъ города
веселыхъ людей за городъ,
въ широкихъ, разукрашенныхъ
ямскихъ саняхъ, обитыхъ
коврами, прикрытыхъ медвѣжьей
полостью; скачуть длинношерстыя,
доморошенныя лошади, вираженныя
въ плохія пошеви, биткомъ
набитыя дѣвками и парнями.
Всѣ смѣются, всѣ поютъ,
забывъ о горѣ и невгодахъ,
всѣ сибшатъ наслаждаться
короткимъ, временнымъ
счастьемъ, отхлебнуть отъ
общаго кубка радости...
Всѣ славятъ Государыню-
Масляницу, госпожу честную
разудалую, широкую, разгульную!
Славить ее и старый дѣдъ,
съ посконной бородой,
сидя верхомъ на перильцахъ
балагана и отпуская плоскія
шутки окру-

жающей его пестрой и весело гогочущей толпѣ... Славить ее и эта наѣздница, которая съ

такимъ гордымъ и всеобъемлющимъ видомъ взираетъ на публику со своихъ высокихъ подмостокъ... Славить и сама себя Государыня-Масляница, выльзая изъ квални жидкимъ тѣстомъ, разливаясь на сковороды масляныя, раскатываясь по бѣлу свѣту румяными блинами со всякимъ припекомъ и присыпкомъ. Славимъ и мы Государыню-Масляницу блиномъ и похмѣлемъ, смѣхомъ да весельемъ, и просимъ ее, Госпожу, униженно:

„Продлись наша Масляна до Воскреснаго дня!“

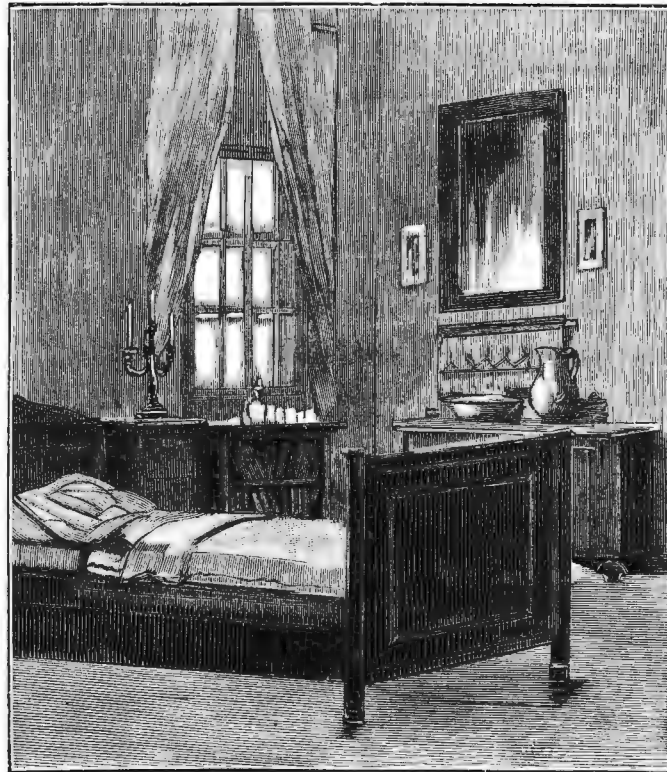
П. Полевой.

Къ рисункамъ.

Милый гость издалена.

(Рис. на стр. 185).

Художникъ задался очень скромною задачею и выполнилъ ее прекрасно. Радужный хозяинъ принимаетъ и угощаетъ у себя за столомъ прѣхавшаго издалека милаго гостя. Нехитрая трапеза, приправленная добрымъ стаканомъ стараго вина или стопой стоялаго меда, украшается теплою душевною бесѣдой, въ которой заѣзжій гость болѣе говоритъ, а хозяинъ — болѣе слушаетъ, знаками побуждая слугу не забывать объ угощеніи гостя. Тема

Замокъ Мейерлингъ. Комната въ которой найдено тѣло эрцгерцога Рудольфа. По рис. I. Z., грав. Пуцъ.

Замокъ Мейерлингъ. Общій видъ зданій. По рис. I. Z., грав. Ольшевскій.

художника очень проста; по выполнению прекрасно и довольно до высокой степени изящества. Костюм молодого гостя, состоящий из бархатной *чуми* и шелкового расшитого золотом кафтана—взрвѣ до мельчайшихъ подробностей; прекрасно выполненъ и костюмъ старика—его домашняя скучейка, его опашень съ высокими козыромъ, его исподній терликъ съ широкими застѣжками. Не забыты и подробности древне-русскаго терема: двери съ лѣпными карнизами, стѣны расписанныя цвѣтами и травами, окошечко съ тонкими свинцовымъ перелетомъ и слюдяными оконницами, полочка съ посудой на стѣнѣ, икона съ лампадой въ углу. О самомъ художникѣ, г. Фрейвиртѣ, мы уже говорили въ № 6 *Нивы*.

Костры-грѣлки. (Рис. па стр. 188).

Зимнимъ вечеромъ и ночью въ большіе морозы, повсюду въ Петербургѣ можно встрѣтить картину, изображенную на стр. 188. Около костра толпа извожиковъ, поджидающихъ сѣдокъ, дежурные дворники и городовые, или запоздалые пѣшеходы отогрѣваются отъ холода. Яркое пламя разгорѣвшихся полѣньевъ освѣщаетъ зарумянившіяся отъ мороза лица и запылевшія бороды, и трескъ сухаго горящаго дерева смѣшивается съ шумливымъ говоромъ и веселыми шутками, отъ которыхъ русскій человекъ не можетъ удержаться даже въ самыя трудныя и неприятныя минуты своей жизни.

Городъ Тавастгусъ (Финляндія). (Рис. па стр. 189).

7 января губернской городъ Тавастгусъ, одинъ изъ стариннѣйшихъ городовъ Финляндіи, праздновалъ 250-лѣтній юбилей своего существованія. Въ XIII в. шведы, завоевавъ Финляндію и обративъ жителей въ христіанство, воздвигнули во многихъ мѣстахъ крѣпкіе замки, какъ для своей защиты, такъ и для защиты повооруженныхъ христіанъ. Около замка Тавастгусъ постепенно выросло населенное мѣстечко, завелась ярмарка. Въ 1639—1650 г. это мѣстечко получило первыя свои городскія привилегіи. Въ 1770 г. городъ перенесенъ на болѣе удобное мѣсто, немного къ югу. Въ 1831 г. Тавастгусъ выгорѣлъ почти весь, но затѣмъ городъ отстроился еще лучше. Старинными губернаторами Ребиндера вблизи города разведенъ прелестнѣйшій паркъ обширныхъ размѣровъ. Тавастгусъ расположенъ крайне живописно при озерѣ; считавшіяся когда-то неприступнымъ замкомъ со старѣлся и обращенъ въ тюрьму; жителей насчитываютъ до 4,000 чел. Торговля ведется черезъ Гельсингфорсъ; близость столицы Финляндіи значительно измѣнила вѣнній характеръ, обычаи и цѣны въ Тавастгусѣ. Неизмѣнна только чудная природа, роскошная зелень и цѣлебный запахъ обширныхъ хвойныхъ лѣсовъ.

Въ день юбилея городъ богато изукрасился флагами. Вокругъ рынка были поставлены постаменты съ шестами, на которыхъ развѣвались знамена. Новая ратуша, красивѣйшее зданіе въ городѣ, украсилась большимъ пѣтомъ съ годами 1639—1889 и флагами; на домѣ губернатора красовался гербъ губерніи. Съ ранняго утра большія толпы народа двигались на улицахъ. Среди городскихъ жителей было видно не мало крестьянъ изъ окрестностей города. Лавки были по случаю торжества закрыты и школы также. Празднество началось съ торжественнаго богослуженія въ 11 часовъ утра, при чемъ лекторъ лицея Паюла произнесъ подобающую празднеству рѣчь. Затѣмъ былъ обѣдъ для обѣднхъ и въ 3 часа банкетъ въ общественномъ собраніи, на которомъ присутствовало до 100 человекъ приглашенныхъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Вообще праздникъ удался вполне и надолго сохранится въ памяти у всѣхъ присутствовавшихъ на немъ.

Эрцгерцогиня Стефанія и дочь ея, принцесса Елизавета. (Портр. па стр. 196).

Стефанія-Клотильда-Луиза-Герминія-Марія-Шарлотта, вдова недавно умершаго столь трагической смертью наследнаго принца Австрійскаго Рудольфа, родилась 21 мая 1864 года въ Лекевскомъ замкѣ, загородной резиденціи Бельгійской королевской семьи. Она вторая дочь короля Бельгійскаго Леопольда и его супруги Маріи-Генриетты, дочери умершаго эрцгерцога Иосифа, палатина Венгерскаго. Дѣтство принцессы Стефанія провела въ замкѣ Лекевъ, гдѣ молодая принцесса прилежно занималась науками подъ личнымъ наблюденіемъ своего Августѣйшаго родителя. Помолвленная за наследнаго принца Рудольфа Австрійскаго, она вышла за него замужъ весною 1881 года. У многихъ еще въ памяти тѣ торжества, которыми сопровождалось это бракосочетаніе въ Вѣнѣ. Но, по слухамъ, супружество это не было счастливымъ и въ послѣднее время кронпринцъ якобы хлопоталъ о разводѣ, но встрѣтилъ категорическій отказъ со стороны своего отца, императора Франца-Иосифа.

Отъ брака эрцгерцога Рудольфа и принцессы Стефанія родилась единственная дочь, эрцгерцогиня Елизавета, 21 августа 1883 года. Маленькая принцесса—любимица своего дѣда и всего австрійскаго народа. Покойный принцъ Рудольфъ также горячо любилъ свою дочь и по завѣщанію оставилъ ей все свое состояніе. Относительно вдовы его денежныя дѣла, по слухамъ, улажены, путемъ соглашенія императора Франца-Иосифа

съ Бельгійскимъ королемъ,—слѣдующимъ образомъ: эрцгерцогиня Стефанія будетъ пользоваться вѣредъ до выхода ея дочери замужъ, процентами съ 4-хъ милліоновъ гульденовъ, а по выходѣ дочери замужъ—процентами съ 2-хъ милліоновъ.

Послѣ смерти Рудольфа, многие полагали что кронпринцесса Стефанія уѣдетъ къ своимъ родителямъ въ Бельгію навсегда или на болѣе продолжительное время. Но слухи эти не оправдались и вдова принца Рудольфа останется въ Австріи. Впрочемъ, отсутствіе ея въ Вѣнѣ будетъ довольно продолжительнымъ, такъ какъ, по совѣту врачей, она, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, должна посѣтить одинъ изъ курортовъ.

Эрцгерцогъ Карль-Лудвигъ и старшій сынъ его, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. (Портр. па стр. 196).

Престолонаслѣдіе Австро-Венгерской монархіи установлено, какъ извѣстно, Прагматическою Санкціею 1713 года. На основаніи этого документа достигшая престола въ лицѣ Маріи-Терезіи женская линія Габсбургско-Лотарингскаго дома уступаетъ первенство мужской и наследуетъ престолъ лишь по пресѣченію всего мужскаго потомства. Престолонаслѣдіе подчинено порядку первородства такимъ образомъ, что непосредственно наследуетъ всегда старшая мужская отрасль первородной, т. е. старшей мужской линіи. Только въ томъ случаѣ если въ старшей линіи нѣтъ потомковъ мужскаго рода—престолонаслѣдіе переходитъ во вторую мужскую линію. Въ силу этого закона о престолонаслѣдіи, когда по отреченіи императора Фердинанда, младшій братъ его эрцгерцогъ Францъ-Карль въ свою очередь отказался отъ престола, послѣдній былъ занятъ старшимъ сыномъ Франца-Карла, нынѣшнимъ императоромъ Францемъ-Иосифомъ II. Такъ какъ единственныя истокомъ Франца-Иосифа, эрцгерцогъ Рудольфъ, не оставилъ мужскаго потомства, то права на престолъ переходятъ къ ближайшей—послѣ старшей—мужской линіи, т. е. къ эрцгерцогу Карлу-Лудвигу, брату императора.

Эрцгерцогъ Карль-Лудвигъ-Иосифъ-Марія, родившійся 18 (30) іюля 1833 года, генераль-отъ-кавалеріи, командуетъ 7-мъ уланскимъ полкомъ и состоитъ шефомъ русскаго Лубенскаго драгунскаго и прусскаго 8-го уланскаго. Эрцгерцогъ былъ три раза женатъ. Отъ перваго брака, съ дочерью короля Іоанна Саксонскаго, принцессой Маргаритой, у него не было дѣтей. Отъ втораго брака (1862) съ дочерью короля Фердинанда II Сицилійскаго, Маріей-Анунчатой, родилось трое сыновей: эрцгерцоги Францъ-Фердинандъ Австрійскій-Эсте, Оттонъ-Францъ-Иосифъ и Фердинандъ-Карль-Лудвигъ. Съ 11 (23) іюля 1873 г. эрцгерцогъ Карль-Лудвигъ вступилъ въ бракъ съ Маріей-Терезіей да-Имакулата, дочерью покойнаго инфанта Мигуэля Португальскаго. Отъ этого брака родились двѣ дочери.

Эрцгерцогъ Карль-Лудвигъ издавна отличался выдающимися заслугами на государственной службѣ. Въ 1853 году онъ управлялъ Галиціей, въ 1885 году назначенъ былъ наместникомъ Тироля. Во время Итальянской кампаніи 1859 г. онъ выказалъ неусыпную энергію въ организаціи народной обороны. Онъ также много содѣйствовалъ развитію народнаго хозяйства, заступая иногда мѣсто своего брата, императора. Такъ какъ онъ охотно поддерживалъ общепользныя предпріятія, Императорская академія наукъ избрала его почетнымъ членомъ.

Старшій сынъ его, Францъ-Фердинандъ родился 6 (18) декабря 1863 года, подобно всѣмъ остальнымъ сыновьямъ, получилъ превосходное воспитаніе и многостороннее образованіе, отдавая притомъ замѣтное предпочтеніе военному дѣлу. Недавно онъ произведенъ въ майоры содержащаго въ Прагѣ гарнизонъ пѣхотнаго полка. Умершій въ 1875 году герцогъ Францискъ V Моденскій назначилъ его наследникомъ крупнаго состоянія фамиліи Эсте, съ обязательствомъ принять это имя для сохраненія памяти о вымершей династіи. Въ случаѣ если эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ вступитъ на престолъ, имя и состояніе Эсте (по слухамъ, до 40 милліоновъ) перейдутъ по завѣщанію къ его брату, эрцгерцогу Оттону.

Замокъ Мейерлингъ и комната въ которой найдено тѣло эрцгерцога Рудольфа. (Рис. па стр. 197).

Имѣніе Мейерлингъ расположено въ двухъ миляхъ отъ Бадена и въ двѣнадцати отъ Вѣны. Годъ два тому назадъ покойный принцъ Рудольфъ, часто охотившійся въ его окрестностяхъ, купилъ здѣсь значительный участокъ земли, обилующій дичью, съ замкомъ (нѣкогда монастыремъ) и старой гостиницей, которую онъ вскорѣ замѣнилъ комфортабельнымъ охотничьимъ домикомъ. Окрестности чрезвычайно живописны, и Мейерлингъ скоро сталъ любимымъ пріютомъ принца и принцессы Стефанія, лично наблюдавшихъ за перестройкой обоихъ зданій, причѣмъ старый замокъ предназначался для гостей, а новый домикъ занимали хозяева. Зданія довольно тѣсно сгущены въ центрѣ роскошнаго парка. Домикъ принца выстроенъ во французскомъ стилѣ Возрожденія. Принцъ жилъ обыкновенно во второмъ этажѣ, а нѣкоторые изъ болѣе близкихъ друзей его занимали нижшій. При главномъ зданіи замка находится громадный дворъ, окруженный высокими стѣнами, образующими четырехугольникъ, украшенный нѣсколькими сади-

ками. Благодаря замкообразным постройкам, бывший монастырь представляет несколько мрачный вид, в противоположность веселым живописным окрестностям. Жилое помѣщеніе принца Рудольфа состояло изъ трехъ небольшихъ комнатъ, которыхъ единственнымъ украшеніемъ были охотничьи трофеи

хозяина, пѣсколько картинъ его друга и товарища по охотѣ и путешествіямъ, живописца фонъ-Паузингера, да привезенные изъ Босніи восточные ковры. Въ изображенной на нашемъ рисункѣ спальнѣ, служившей и рабочимъ кабинетомъ, найдено было тѣло несчастнаго принца.

Библиографія.

Василій Немировичъ-Данченко. *Очерки Испаніи*. 2 тома, Москва, ц. 3 р.

Послѣ знаменитой книги В. Боткина объ Испаніи, въ русской литературѣ не являлось ничего объ этой странѣ, что могло бы даже быть сравнваемо съ новыми двумя томиками талантливаго автора. Яркіи, картинныя описанія въ высшей степени интересной страны смѣняются здѣсь тонкими и остроумными характеристиками, рельефно изложенными правдами и вѣличавыми воспоминаніями далекаго прошлаго. Испанія въ очеркахъ Немировича-Данченко является по колоритности скорѣе картиной галерей. Вы какъ-будто сами видите то о чемъ говорить авторъ. Два тома этихъ читаются съ легкостью хорошаго написаннаго романа.

Сергій Боръ Раменскій. Повѣсть Евгени Туръ. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1888.

Новое произведеніе знаменитой писательницы, многіе годы посвящающей свое дарованіе на служеніе русскому юношеству, отличается обычными достоинствами. Молодые читатели, наряду съ занимательною фабулой, найдутъ много поучительнаго въ этой повѣсти, въ которой изображенъ постепенный ростъ и развитіе дѣтей въ двухъ семействахъ, формированіе ихъ характеровъ и первые шаги молодыхъ людей на трудномъ поприщѣ жизни. Паралельно сильнымъ характерамъ Сережи и Глаши Боръ-Раменскихъ и Соли Ракинной, въ повѣсти являются слабохарактерныя и испорченныя недостатками воспитанія натуры Вѣры Боръ-Раменской и Анатолія Ракиннаго. Взаимное вліяніе дѣтей другъ на друга, заботы и усилія ихъ родителей, интересныя жизненныя пережитія тѣхъ и другихъ— все это мастерски изложено съ замѣчательною простотою и полнымъ отсутствіемъ того что назывался сощипенностью.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 26 января, былъ данъ балъ въ Соборномъ Его Величества (Аничковомъ) Дворцѣ. Балъ происходилъ въ Танцевальной залѣ, освѣщенной электричествомъ и убранной тропическими растеніями.

Съ бала Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ великимъ герцогомъ Гессенскимъ Лудвигомъ IV и наслѣднымъ принцемъ Гессенскимъ Эрнстомъ отправился на охоту на станцію Волосово, по Балтійской желѣзной дорогѣ.

— 29 января, въ Концертной залѣ Зимнаго Дворца былъ данъ балъ, на которомъ присутствовало до 800 приглашенныхъ. Тысячи маленькихъ электрическихъ лампочекъ на люстрахъ, бра и канделябрахъ обливали яркимъ свѣтомъ Концертную залу и соединія съ нею Военную галерею, Николаевскую залу, Аванъ-залу и площадку Гюрданскаго подъѣзда, въ которыхъ были накрыты столы для ужина. Въ Концертной залѣ горѣло 1,080 электрическихъ лампочекъ; 600 изъ нихъ находились на 5 люстрахъ, остальные—на канделябрахъ и бра. Въ примыкающей къ Концертной залѣ части Военной галереи и Ротондѣ были устроены чайныя буфеты, съ шампанскимъ, прохладительными, фруктами и конфетами. Буфеты освѣщались электричествомъ. Окна буфета Военной галереи были задрапированы и уставлены горками, съ драгоценными блюдами, кубками и чарами. На буфетѣ стоялъ серебряный сервизъ съ изображеніями охотничьихъ сценъ. Чрезвычайно красивую картину представляли залы для ужина, особенно громадная бѣлая Николаевская зала, съ цѣлымъ лѣсомъ пальмъ, залитая электрическимъ свѣтомъ. Въ залѣ было 42 круглыхъ стола, накрытыхъ на 10 приборовъ каждый и освѣщенныхъ пальмами, латаніями и лаврами.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно внести въ Прав. Сенатъ для обнародованія составленный Кодификаціоннымъ Отдѣломъ и отпечатанный нынѣ въ государственной типографіи пятый томъ третьяго Полнаго Собранія Законовъ, заключающей въ себѣ узаконенія за 1885 годъ.

Дѣла церкви.

— Недавно, знаменитый русскій художникъ-маринистъ П. К. Айвазовскій принесъ въ даръ Феодосійскому православному собору образъ Св. Великаго Князя Александра Невскаго, написанный имъ въ память чудеснаго извѣщенія Ихъ Величества и Августѣйшей Ихъ Семьи отъ опасности при крушеніи Императорскаго поѣзда 17 октября минувшаго года. На образѣ Св. Александръ Невскій изо-

браженъ стоящимъ на скалѣ. Надъ нимъ—ангелъ, указывающей ему на часовню Иверской Божіей Матери, у входа въ которую стоятъ Государь Императоръ, Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ, а кругомъ толпится народъ. Съ другой стороны виденъ разбитый поѣздъ. Внизу—камень, на которомъ написано: „17 октября 1888 года“. На камнѣ лежитъ стягъ Александра Невскаго.

— Секретарь Православнаго Палестинскаго Общества полковникъ М. П. Степановъ, по приказанію Его Им. Выс. Августѣйшаго Предѣдателя Общества, Вел. Князя Сергія Александровича, препроводилъ старостѣ С.-Петербургскаго Казанскаго собора подполковнику графу Н. Ф. Гейдену часть камня отъ Гроба Господня для вложенія въ крестъ, который предполагается соорудить въ этомъ соборѣ. На означенное сооруженіе до сихъ поръ поступило отъ разныхъ лицъ около 250 руб.; исполненіе-же задуманнаго сооруженія обойдется въ 2,000 рублей.

Театръ и музыка.

— 25 января, въ Маріинскомъ театрѣ, при первомъ представленіи балета „Талисманъ“, сочиненія г. Тарновскаго и Петипа, изволили присутствовать Ея Императорское Величество Государыня Императрица и Члены Императорской Фамиліи. Это представленіе дано въ бенефисъ балерины г-жи Елены Корнальба, которой было поднесено нѣсколько корзинокъ цвѣтовъ. Балетмейстеру г. Петипа отъ балетной труппы серебряный сервизъ и звѣзда изъ цвѣтовъ; композитору музыки „Талисмана“ г. Дриго отъ оркестра, котораго онъ состоитъ дирижеромъ—серебряная чернильница и лавровый вѣнокъ. Либретто балета „Талисманъ“ принадлежитъ перу нашего извѣстнаго драматурга К. А. Тарновскаго, написавшаго множество пьесъ, съ успѣхомъ идущихъ на русской сценѣ.

Литература.

— 28 января, въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея поэтической и литературной дѣятельности А. А. Шеншина (А. Фета), въ Москвѣ, квартира юбиляра, убранная живыми цвѣтами, наполнилась лицами, желавшими принести маститому поэту свои поздравленія и пожеланія. На каждое привѣтствіе А. А. Шеншинъ отвѣчалъ простыми душевными словами благодарности, причемъ всѣмъ присутствовавшимъ раздавались печатныя экземпляры стихотворенія, написаннаго имъ ко дню своего юбилея. Въ этотъ день почтеннаго юбиляра ослѣдствовали Своимъ вниманіемъ Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини Александра Юсифовна и Елисавета Мавриковна,

приславшія ему поздравительныя телеграммы.

Общество Любителей Россійской Словесности, черезъ своего предѣдателя Н. С. Тихонова, поднесло юбиляру адресъ. Затѣмъ былъ прочитанъ адресъ отъ психологическаго общества, его предѣдателемъ Н. Гротомъ.

Петербургское литературное общество прислало адресъ, украшенный вѣнкеткой, выполненною художникомъ Н. Н. Каразиннымъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, А. А. Шеншину были еще присланы адреса отъ лица Цесаревича Николая, отъ общества распространенія полезныхъ книгъ и отъ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ то же время юбиляру были поднесены въ изящной папкѣ, „отъ искренняго почитателя его поэтическаго таланта“, М. Офросимова, два романа, написанные на слова А. А. Фета: „Звѣзда сіяла на востокъ“ и „Жду я, тревогой объять“; роскошный письменный приборъ отъ П. П. и Д. П. Боткиныхъ; множество живыхъ цвѣтовъ и вѣнковъ. Генераль-лейтенантъ И. Ф. Офросимовъ и г. Александровъ, Пальминъ и др. поднесли юбиляру свои привѣтственныя стихотворенія.

Въ день юбилея А. А. Шеншина было получено много поздравительныхъ телеграммъ.

29 января, въ честь А. Фета данъ былъ обѣдъ въ Эрмитажѣ, на который собралось болѣе 150 лицъ. Первый тостъ былъ провозглашенъ за Государя Императора, затѣмъ слѣдовали тосты за юбиляра, рѣчи и стихотворенія въ честь его.

Некрологъ.

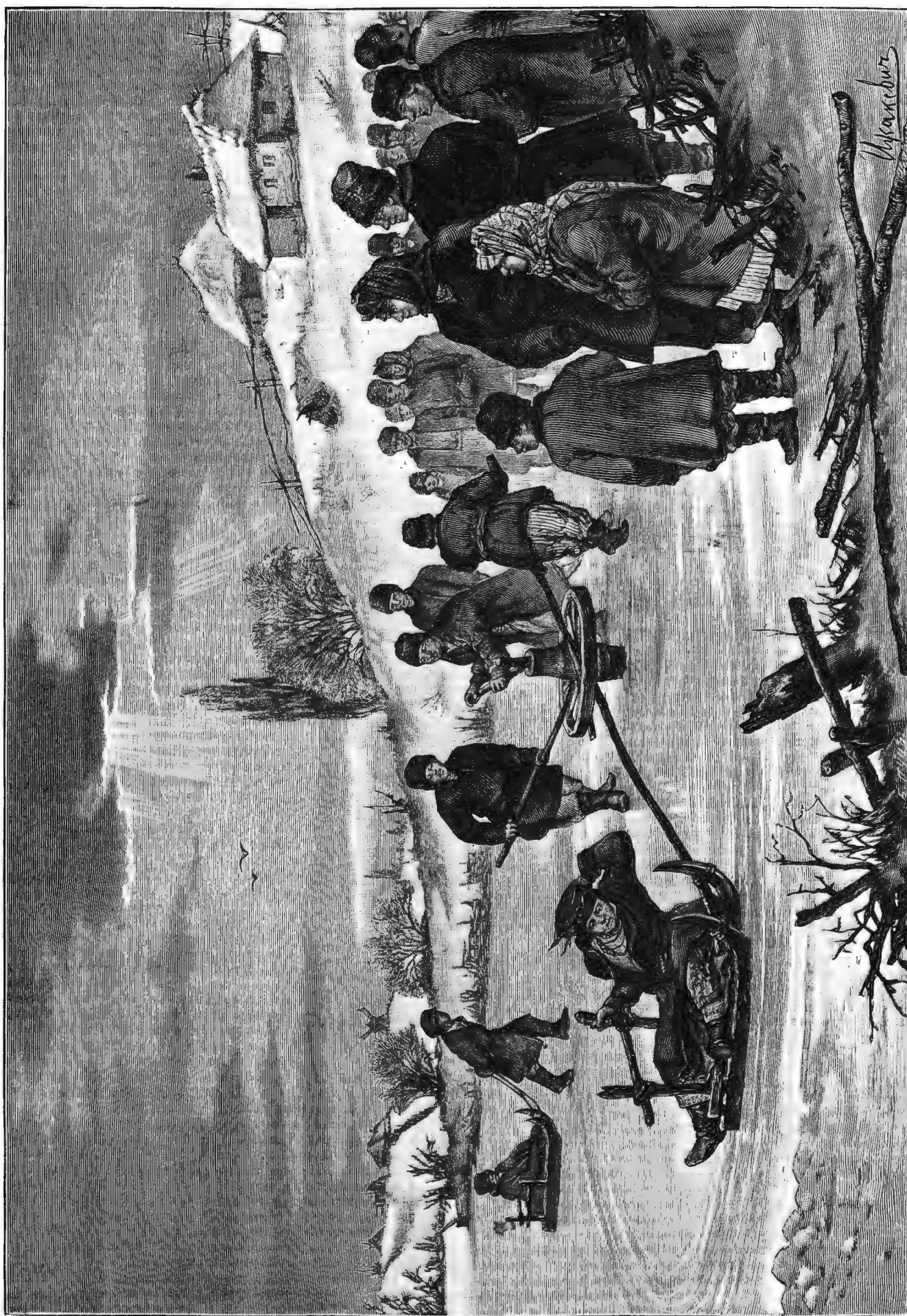
— 2 января, въ Москвѣ скончался протоіерей церкви Св. великомученика Георгія на Вспольѣ, о. Димитрій Васильевичъ Раузовскій. Покойный былъ извѣстенъ, какъ церковный проповѣдникъ, какъ законоучитель многихъ учебныхъ заведеній, но, главнымъ образомъ, какъ глубокой знатокъ православнаго церковнаго пѣнія, дѣлу изученія котораго онъ оказалъ огромныя услуги, въ качествѣ ученаго и писателя.

— 22 января скончался генераль-лейтенантъ Владиміръ Дмитріевичъ Коссинскій, составившій весьма полезное руководство для войскъ и войсковыхъ управленій: „Систематическій сборникъ приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ Главнаго штаба“.

— Въ Вяткѣ скончался, 28 января, каедральный протоіерей Кашменскій, основатель въ Вяткѣ противораскольничьей школы и братства Святителя Николая.

— 30 января, въ СПб. скончался управляющій Государственнымъ банкомъ т. сов. Алексѣй Васильевичъ Цимсень.

— 1 февраля, въ Кіевѣ, скончался заслуженный профессоръ университета Св. Владиміра, извѣстный полицко-экономъ, Ю. Д. Сидоренко.

На масляницѣ. Деревенскій катокъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Пугѣ.

Политическое обозрѣніе.

Внезапная кончина эрцгерцога Рудольфа прекратила было пестские беспорядки, направленные противъ проекта новаго военнаго закона. Но недовольные имъ, казалось, ожидали конца печальныхъ церемоній, и въ самый день погребенія бранныхъ останковъ крѣпости безпорядки возгорѣлись въ Буда-Пештѣ съ новою силою. Газеты разразились статьями противъ законопроекта и въ городѣ начались демонстраціи. Газеты *Pesti Naplo* и *Hirlap* заявляютъ, что правительству предстоитъ сдѣлать выборъ между соблюденіемъ конституціи и введеніемъ осаднаго положенія. Если — говорятъ эти газеты — правительство не сдѣлаетъ уступокъ по отношенію къ военному законопроекту, то оно будетъ поставлено въ необходимость прибѣгнуть къ осадному положенію. Уступки, о которыхъ упоминаютъ газеты, касаются главнымъ образомъ статей 14-й и 25-й военнаго закона: въ первой требуютъ установленія цифры контингента новобранцевъ на десять лѣтъ, а относительно 25-й статьи — разрѣшенія сдачи на венгерскомъ языкѣ экзамена для полученія диплома офицера резерва. Многие полагаютъ, что побѣдка Австрійскаго императора въ Пештѣ успокоитъ горячность оппозиціи. Правда, встрѣча Франца-Иосифа и его семьи была самою восторженною, по возбужденію среди населенія вовсе не исчезло. Еще въ то время, какъ Тисса ѣхалъ на вокзалъ для встрѣчи королевской четы, массы народа кричали „долгой его!“ На вокзалѣ Юкай спросилъ Тиссу въ юмористическомъ тонѣ: „Развѣ министры еще не вышли въ отставку?“ На обратномъ пути королевской фамилии съ вокзала, жители, при видѣ ѣхавшаго Тиссы, опять кричали „долгой его!“ Вечеромъ студенты устроили новую демонстрацію. Кандидатъ въ адвокаты Такачъ, противъ котораго прокуратура возбудила уже дѣло по обвиненію въ подстрекательствѣ народа, предводительствовалъ студентами, которыхъ полиція неоднократно разогнала палочными ударами. Возбужденіе не улеглось, когда стало извѣстнымъ, что на измѣненіе 14-й статьи военнаго законопроекта министр-президентъ согласился. Напротивъ, готовность правительства согласиться на первый пунктъ еще болѣе побуждаетъ органы оппозиціи настаивать на второмъ пунктѣ; газеты проникнуты недовольствомъ въ виду того, что 25-я статья законопроекта не будетъ измѣнена, а только пополнится постановленіемъ о томъ, что венгерскій языкъ допускается на экзаменахъ по теоретическимъ предметамъ. Венгерскій министръ обороны, Фейервари, заявилъ, что измѣнить текстъ означенной статьи нельзя, такъ какъ опредѣленіе характера инструкціи объ экзаменахъ есть право монарха, но что при выработкѣ редакціи этой инструкціи будетъ, во всякомъ случаѣ, принято въ соображеніе вышеупомянутое дополненіе къ 25-й статьѣ. Не смотря на эти уступки и поправки, оппозиція военному законопроекту даже въ правительственной партіи вовсе не прекратилась и проекту этому, по-прежнему, противится также и палата магнатовъ. Поэтому съ пестеріемъ ожидается предстоящее обсужденіе военнаго закона по статьямъ.

Не менѣе настойчиво и горячо ведется борьба оппозиціи съ правительственною партіею во Франціи. Вызванныя обстоя-

тельствами послѣдняго времени, въ палату было внесено на прошлой недѣлѣ два предложенія: о системѣ выборовъ по округамъ и о пересмотрѣ конституціи. По постановленію палаты первое изъ этихъ предложеній было разрѣшено въ понедѣльникъ 30 января. Въ этотъ день, въ засѣданіи палаты депутатовъ, Флоке заявилъ, что онъ былъ сторонникомъ системы выборовъ по департаментскимъ спискамъ, но отказался отъ своихъ предпочтеній въ виду настроенія и интересовъ страны, въ которой обнаруживается сильное движеніе въ пользу системы выборовъ по округамъ. „Къ тому же — присовокупилъ министр — приходится имѣть дѣло съ заговоромъ коализованныхъ партій и съ притязаніями, опирающимися на недоразумѣнія и измѣну. Необходимо разстроить избирательный заговоръ, а тѣмъ временемъ пусть сила закона разстраиваетъ противозаконный заговоръ“. Послѣ вотированія по статьямъ, законопроектъ былъ принятъ въ совокупности большинствомъ 267 голосовъ противъ 222. Велѣдъ за палаткою и сенатъ, послѣ непродолжительныхъ прений, принялъ большинствомъ 228 голосовъ противъ 52 законопроектъ о возстановленіи системы выборовъ по округамъ. Въ силу этого законопроекта частныхъ выборовъ не будетъ уже производиться впродъ до общихъ парламентскихъ выборовъ.

Проектъ пересмотра конституціи разсматривался въ четвергъ, 2 февраля, и по словамъ депеши корреспондента *Нового Времени* привелъ къ неожиданному результату. Послѣ рчи радикала Дувиль-Мальфё, говорившаго противъ пересмотра, такъ какъ палата не имѣетъ ни авторитета, ни потребнаго большинства, почему и необходимо де подождать новыхъ выборовъ, чтобы узнать въ какомъ направленіи страна желаетъ конституціонныхъ реформъ, — было приступлено вновь къ баллотировкѣ: правая и центръ, соединившись, образовали большинство въ 307 голосовъ противъ пересмотра. Флоке объявилъ объ отставкѣ всего министерства и вышелъ изъ залы. Это вызвало общее изумленіе и чрезвычайное волненіе въ палатѣ.

Настоящее время — время вымиранія конституцій. Поэтому со всѣхъ сторонъ пытаются гальванизировать трупъ новыми изобрѣтеніями. Новая конституція въ Сербіи, новая конституція во Франціи; наконецъ новая конституція появилась и на дальнемъ Востоцѣ. Изъ Токио телеграфируютъ отъ 30 января въ „Агентство Рейтера“: „Японскій императоръ провозгласилъ сегодня съ престола новую японскую конституцію. Провозглашеніе сопровождалось большими народными празднествами. Конституція составлена по образцу германской. Парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты господъ, часть членовъ которой выборные, а другая по назначенію императора и палаты общинъ изъ трехсотъ членовъ. Избирательнымъ правомъ пользуются всѣ граждане, достигшіе двадцатипятилѣтняго возраста и платящіе ежегодно двадцать пять долларовъ налога. Конституціею даруется также религіозная свобода, свобода слова и право сходакъ. Парламентъ облеченъ законодательною властью и контролемъ надъ финансовыми дѣлами въ установленныхъ конституціею предѣлахъ. Судьи несмѣнимы; они могутъ быть уволены лишь законодательнымъ порядкомъ“.

С М Ъ С Ъ .

Первое проявленіе творчества у Кольцова. Извѣстный поэтъ-просодъ самъ рассказывалъ при какихъ обстоятельствахъ онъ сталъ впервые сочинять стихи. „Я ночевалъ съ гуртомъ отца въ степи; ночь была темная, претемная и такая тишина, что слышался шелестъ травы; небо надо мной было тоже темное, высокое, съ яркими мигающими звѣздами. Мнѣ не спалось, я лежалъ и смотрѣлъ на небо. Вдругъ у меня стали въ головѣ слататься стихи; до этого у меня постоянно вертѣлись отрывочныя, безъ связи, рифмы, а тутъ приняла опредѣленную форму. Я вскопчилъ на ноги въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи; чтобы удостовѣриться, что это не сонъ, я прочелъ вслухъ свои стихи. Странное я испытывалъ

ощущеніе, прислушиваясь къ своимъ стихамъ“. Объ этомъ случаѣ Кольцовъ рассказывалъ въ кружкѣ И. И. Панаева, въ присутствіи его жены, пишущей подъ псевдонимомъ Н. Станицкаго, которая и передаетъ рассказъ въ своихъ воспоминаніяхъ, недавно напечатанныхъ. (в).

Кладбищенатели. Въ станицѣ Беслинеевской, на Кавказѣ, разнесся слухъ, что будто одна „сѣблаа“ партія, секретно занимающаяся раскопкой кургановъ, вырла золотого коня съ всадникомъ. Слухъ обошелъ всю станицу и обитатели ея, бросивъ полевныя и домашнія работы, принялись дружно уничтожать курганы. Говорятъ, найдено много цѣнныхъ вещей. Раскапываютъ курганы ночью при огнѣ, со

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ ПОКАЗАНА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ.

ПОДПИСКА СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Для иногородныхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится **3** руб. Къ 1-му мая 1889 года **2** руб. Къ 1-му іюля остальные **2** руб.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ со всѣми приложеніями.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просить адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6.

всѣми предосторожностями, и даже разговариваютъ шепотомъ; работы производятся съ 10 ч. ночи до 5 ч. утра. Выбросивъ скелетъ покойника изъ его мирной опочивальни и убѣдившись въ отсутствіи какой-либо добычи, гробокопатели обыкновенно стараются поскорѣе уйти съ мѣста преступленія. (в)

Какъ велика игра у насъ на тотализаторѣ, это можно ви-

дѣть по отчету Императорскаго Царскосельскаго Скаковаго Общества, появившагося на-дняхъ. За 1888 годъ общество получило прибыли по счету тотализатора въ количествѣ 10%, 82,921. Слѣдовательно оборотъ тотализатора въ течение одного сезона превышаетъ 800,000 рублей. Это—краснорѣчивая цифра, указывающая на огромное число любителей у насъ легкой наживы. (в)

Ребусъ. Задача № 13.

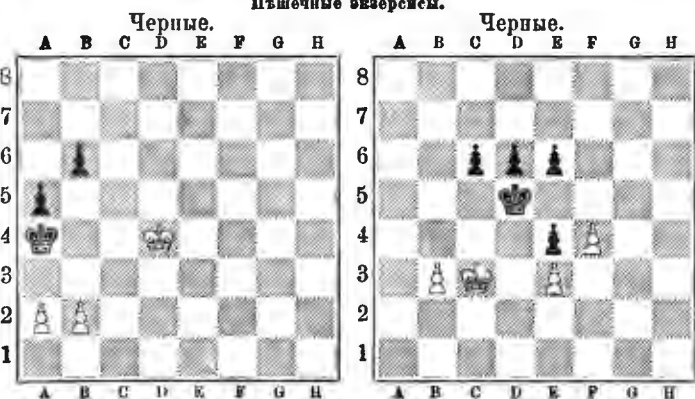

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній почтовый адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Шахматная задача № 14.

Шахматная задача № 15.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода. въ 4 хода.

Рѣшеніе ребуса № 2 (помѣщеннаго въ № 2).
„Съумѣй во время слово сказать и тоже во время смолчать“.

СОДЕРЖАНІЕ: Опасная игра. Повесть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе). — Картинки полковой жизни. В. Сило-вича. — Паденіе камней съ неба. Ю. И. Самашко. (Продолженіе) (съ 6 р.с.). — Широкая масляница. П. Полевого (съ 5 р.с.). — Къ рисункамъ: — Милый гость надвзлана (съ рис.). — Костры-грѣлки (съ рис.). — Финляндія. Городъ Тавастгусъ (съ рис.). — Эрцгерцогиня Стефанія и дочь ея, принцесса Елизавета (съ 2 портр.). — Эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ и старшій сынъ его, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ (съ 2 портр.). — Эмиль Мейерлингъ и компанъ, въ которой найдено тѣло эрцгерцога Рудольфа (съ 2 рис.). — Библиографія. — Разныя известія. — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Ребусъ и задачи. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ Редакторъ В. Якушкинъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. КАРАВИНА. Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунк. автора. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ требов. прос. обрац. въ Контору журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, д. 6).

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ коленкоров. переплетяхъ съ золотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПбургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Только что отпечатана и поступила въ продажу во всѣхъ главѣйшихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи **НОВАЯ КНИГА:**

„ЧТО ЧИТАТЬ НАРОДУ?“

Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, составленный ученицами Харьковской женской воскресной школы Х. Д. Алчевской.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Мт. № 3693 2—1

Въ этомъ томѣ разобрано 1478 книгъ во всѣхъ отдѣлахъ. Онъ содержитъ въ себѣ болѣе 1000 двухстолбцовыхъ страницъ убористой печати, 7 примѣрныхъ библиотечныхъ каталоговъ и 2 алфавит. указателя по заглавіямъ книгъ и по авторамъ. Цѣна 2 рубля.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1888 годъ,

закрывающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ И. А. ГОНЧАРОВА: „Слуги“, большой историч. романъ Д. В. АВЕРКІЕВА: „Вѣчу не быть“, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: „Братья Соперники“ и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повесть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА: „Бригадирская влучка“, больш. повѣсть Н. СТАНИЦКАГО: „Исторія одного таланта“, разсказъ Манс. БѢЛИНСКАГО: „Заповѣднѣйшій лѣсъ“, комедію В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“, повѣсть А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвы“, разсказъ Е. А. САЛАСА: „Онъ-же“, разсказъ ТХОРЖЕВСКАГО: „Рекогносцировка“ и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигіенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ бесплатныхъ приложений, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, „Сборника повѣстей и разсказовъ“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА: **„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“** (14²/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложениями:

Брошюрован. 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 р. Съ пересылкою . . . 7 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ

въ Гогенгеймѣ. D. № 2693 2—1
Лѣтній курсъ начинается во вторникъ, 2-го Апрѣля с. г. Програмами и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылать по желанію бесплатно **КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ** Гогенгеймъ въ Февралѣ мѣс. 1889 г. Vossler

ДЛЯ ВЕСЕЛЬЯ НА МАСЛЯНИЦЪ

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ

Металлическія ноты-песни разной величины. Стальные головки. Припособленіе для игры forte, piano и treffidando. Цѣна съ 10-ю песнями 35 р. Добавочная песня безъ различія размера по 70 коп. Пересылка за 45 фунт. Каталогъ песенъ—бесплатно. № 3693

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 38 и 42. Москва, Кузнецкій м. д. Торлянкаго.

КОНТОРЫ МЕХАНИЧ. ЗАВОДА БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, 10 Москва, Маслицкая, д. Виноградова.

предлагаютъ въ большомъ выборѣ: плуги, бороны, сѣлки, жни, косилки, моталоки, вѣлки, мельницы, маслобойки, насосы, пожарныя и садовыя трубы и пр., и между прочимъ новѣйшія плуги Товарищества Б. и У.

№ 3680 „КОЛОНИСТЪ“ 5-2 построенный весьма солидно и прочно и снабженный всѣми усовершенствованными плуговой техникой, марки GA по 8 р. 50 к., SA—10 руб. Улучшен. ручную сѣялку ЧАМПИОНЪ разбивающ. всѣми сѣменами равномерно и быстро, чѣмъ это возможно рукою. Ц. 12 р. Иллюстр. каталогъ по востребованію.

ЛЕВНИНГЪ и ГЛОЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ НОТЪ

ВЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНИЯХЪ ЮРГЕНСОНА

П. № 3615 (болѣе 14000 №) 5-5 вышедъ изъ печати и высылается бесплатно изъ музык. торговли П. ЮРГЕНСОНА Москва, Неглинный пр., 10.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, Покупаютъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхование вымышленныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3611 Также нужны ирныи съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ КОНЬКОВЪ

отъ 2 руб.—15 руб. за пару. 3371 Иллюстр. прейсъ-куранты бесплатно.

Ж. БЛОКЪ. СПБ., В. Морская, 21.

Новое, большое, роскошно иллюстрированное издание in folio

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ Ангельберта Зейбертца, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія Вѣдомости* (№ 346, 16 декабря 1888 г.), говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Предпріятіе г. Маркса выполненное теперь, является большою заслугою передъ ценителями изящныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу—мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не ошибаемся, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гёте мы еще не видали... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ политинажей, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта,—онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которую насъ не избаловали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много)—хоть вѣшая на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгую вкусъ того времени,—ни банальной позолоты, ничего, что рвало-бы глазъ... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...“

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р. Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Ители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Простятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ флакона,—пров. Кинуненъ. (54) № 2946

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Цѣна въ ящич. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умеренная, 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Пб.—гь, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ПОВѣСТИ И РАССКАЗЫ Ив. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колелкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ВЪЗВРАТКА НАУЧНОМУ ШТЕМПЕЛЮ

ИЗДАВАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧЕБНАГО ЗАВѢДЕНІЯ СЪВѢЩЕНІЯ ПОМЕТАЛА КАМЕРЪЕРСКАЯ ПЛАТОНОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ РЕЗЬБЕННЫЯ ШТАМПА СЪ ДЪЛАНІЕМЪ ПЕРЕНЕСЕННЫМЪ ПЕРИЛАЖИТОМЪ МОСКВА ЧИЛІШЕ МІЛЕЦЪ ПЕЧАТЕ

АГЕНТЫ приглашаются повсемѣстно. Иллюстрированныя альбомы высылаются за 21 к. марками. П. № 3699

CORSETS LEOTY adoptés

par le High-Life parisien.

8. Place de la Madeleine, Paris.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

для фортепiano въ 2 руки.

„Сумерки“, сюита соч. П. Броуна. 1. Сюзанна. 2. Ноктюрнъ „И ночь, и любовь, и луна“. 3. Интермеццо. Ц. 1 р.

4. Пѣсня безъ словъ. 5. Русская сказка. 6. Восточная сказка. 7. Воспоминанія. Ц. 1 р.

Этъ ликуэтъ, новая полька съ куплетами, соч. М. Зитова. Ц. 50 к. Очень мелодичная, ар. нетрудная и très dansant.

„Illusions d'amour, очень мелодичный салонный вальсъ, соч. М. Бекаръ. Ц. 1 р. Тоже для пѣнія съ рус. и фр. текстомъ. Ц. 1 р.

Любимые вальсы въ дешевыхъ изданіяхъ: Дунайскія волны, соч. І. Иванонича, въ лег. ар. Ц. 15 к.

„Привѣтъ“ (Ciao) соч. Г. Вальтеръ. Ц. 40 к.

Вальсъ мандолинистовъ (Circolo Italia) соч. П. Карлини. Ц. 40 к. Австрійскіе звуки, соч. К. Циреръ. Ц. 40 к. Бунетъ (Volksgartenstrasschen) соч. К. Циреръ. Ц. 40 к.

Большой выборъ нотъ въ дешевыхъ изданіяхъ. Дешевый абонементъ на чтеніе нотъ. Пересылка означ. нотъ и каталогъ бесплатно. Книжно-Музыкальный магазинъ Д. Федорова, СПБ. Садовая, д. № 10, противъ Гостиного двора. № 3691

„НОВОСТЬ“

за 5 марокъ (иногородныхъ) высылается заказнымъ новымъ практическимъ стѣнной

КАЛЕНДАРЬ

на 1889 г.

(размѣръ 6½ в. × 9 в.)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва. — С.-Петербургъ № 3608 (9)

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

№ 8

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX

1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣтъ 18 февраля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (¼ шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говьихъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Везъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

А. В. Дружининъ.

Имя Дружинина, из-
вѣстнаго русскаго жур-
налиста, талантливаго
переводчика, критика и
блестящаго фельетони-
ста, теперь полузабыто,
какъ будто это былъ
какой-нибудь зауряд-
ный писатель, не создав-
шій ничего выдающаго-
ся, дѣятельность кото-
раго прошла безслѣдно.
Двадцать пять лѣтъ ми-
нуло на-дняхъ со дня
его кончины, и за этотъ
промежутокъ времени
критика ни однимъ сло-
вомъ не обмолвилась о
немъ, почти никто не
вспомнилъ объ этомъ
выдающемся дѣятелѣ
и достойнѣйшемъ че-
ловѣкѣ, и мы до сихъ
поръ не имѣемъ его био-
графіи. Мы не станемъ
здѣсь касаться причинъ
такого, болѣе чѣмъ рав-
нодушнаго, отношенія къ
Дружинину и публики,
и критики; наша цѣль—
оживить въ памяти чи-
тателей личность писа-
теля съ крупнымъ даро-
ваніемъ, много и съ ве-
ликой пользою потру-
дившагося для русскои
литературы и оставив-
шаго въ ней несомнѣн-
но яркіи слѣды. Алек-
сандръ Васильевичъ

Александръ Васильевичъ Дружининъ (по поводу 25 й годовщины его смерти).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Дружининъ, происходя
изъ богатой семьи хоро-
шаго круга, получилъ
отличное, весьма солид-
ное образованіе, росъ
и развивался въ средѣ
просвѣщенной, которая
благоотворно вліяла на его
характеръ, обнаружи-
вавшій черты врожден-
наго благородства, дели-
катности, нравственнаго
изящества. Онъ родился
8 октября 1824 года, въ
Петербургѣ, воспитывал-
ся до шестнадцатилѣт-
наго возраста дома и въ
одномъ изъ лучшихъ
частныхъ пансіоновъ и
окончилъ образованіе
въ Пажескомъ корпусѣ.
Рано обнаружилъ онъ
недюжинныя способно-
сти, рано пристрастился
къ чтенію и проявилъ
склонность къ писатель-
ству; въ корпусѣ онъ
постоянно писалъ для
товарищей упражненія
на заданныя темы и со-
чинялъ довольно удач-
ные стихи, преимуще-
ственно сатирическіе,
въ которыхъ осмѣивалъ
недостатки и смѣшныя
стороны товарищей и
воспитателей, не смотря
на эти шутки всегда лю-
бившихъ его. Изъ кор-
пуса Дружининъ выну-
щенъ 2 августа 1843
года, съ производствомъ

въ прапорщики лейб-гвардіи Финляндскаго полка, гдѣ служили уже его два старшіе брата и гдѣ онъ подружился съ П. А. Федотовымъ, сдѣлавшимся потомъ знаменитостью, какъ художникъ-журнистъ, о которомъ онъ впоследствии напечаталъ весьма интересныя воспоминанія. Познанія Дружинина и его любовь къ чтенію не могли не обратить вниманія товарищей, питавшихъ къ нему расположеніе, и они единогласно избрали его бібліотекаремъ только что основанной тогда полковой бібліотеки, которою Дружининъ завѣдывалъ до самаго выхода своего изъ полка въ началѣ 1846 года. Въ февралѣ этого года онъ поступилъ въ канцелярію Военнаго министерства и, прослуживъ здѣсь ровно пять лѣтъ, вышелъ окончательно въ отставку, чтобы вполнѣ отдаться литературнымъ занятіямъ. Литературные дебюты Дружинина относятся, впрочемъ, къ началу его службы въ Военномъ министерствѣ. Когда ему было 23 года съ небольшимъ, появилась его первая повѣсть, „Поливка Саксъ“, взятая изъ жизни большаго свѣта и написанная изящнымъ легкимъ языкомъ на тему о паденіи женщины. „Поливка Саксъ“ была явленіемъ не зауряднымъ, затронула достаточно живой вопросъ и при томъ въ самой деликатной, граціозной формѣ; въ ней было столько художественной правды, что повѣсть произвела впечатлѣніе, жадно читалась публикой и вызвала лестный отзывъ Бѣлинскаго, похвалившаго и вторую повѣсть Дружинина „Разсказъ Алексѣя Дмитриевича“, появившуюся въ 1848 году. Послѣ этихъ двухъ повѣстей Дружининъ написалъ разсказъ „Фрейлейбъ Вильгельмица“ и романъ „Жюли“, а затѣмъ въ прекрасныхъ, остроумныхъ этюдахъ ознакомилъ русскихъ читателей съ англійскою литературою, обозрѣвъ почти весь новѣйшій романъ, начиная съ эпохи рыцарства и кончая школою Вальзака. Изъ статей такого рода особенно выдаются эти: „Жизнь и драматическія произведенія Рихарда Шеридана“, „Героргъ Краббъ и его произведенія“, „Джонсонъ и Босвелъ“, „Вальтеръ Скоттъ и его сверстники“. Превосходно владѣя англійскимъ языкомъ, будучи самъ поэтъ въ душѣ, знакомый съ поэтическою формою въ совершенствѣ, Дружининъ перевелъ стихами трагедію Шекспира „Король Ричардъ Третій“, „Корюланъ“, „Король Лиръ“ и „Жизнь и смерть короля Джона“. По близости къ подлиннику и по изяществу, это лучшіе и единствен-

ные переводы твореній Шекспира въ русской литературѣ. Дружининъ замѣчательнъ также и какъ фельетонистъ, неподдѣльно веселый, живой, остроумный, занимательный; его смѣло можно назвать королемъ фельетонистовъ. Его блестящіе „Сентиментальныя путешествія Ивана Чернокнижника по петербургскимъ дачамъ“ и „Замѣтки и увеселительныя очерки петербургскаго туриста“ производили въ свое время нѣкоторую сенсацию; ихъ можно съ наслажденіемъ читать и теперь, остановившись на замѣчательно остроумныхъ сравненіяхъ, неожиданныхъ выводахъ, свѣжихъ и оригинальныхъ мысляхъ и отъ души смѣясь безобиднымъ, тонкимъ, изящнымъ шуткамъ автора. Дружининъ отличался рѣдкою энергіей, страстною преданностью литературѣ, которую любилъ до самоабвенія. Онъ написалъ очень много, былъ редакторомъ „Бібліотеки для чтенія“ и однимъ изъ редакторовъ газеты „Вѣкъ“; въ первомъ журналѣ помѣщено множество критическихъ статей и рецензій его, посвященныхъ произведеніямъ Козлова, Веневитинова, Огарева, Ростоичиной, гр. Льва Толстаго, Фета, Майкова, Полонскаго, Гончарова, Писемскаго, Островскаго и проч. Дружининъ требовалъ естественности и простоты отъ литературы, ненавидѣлъ поверхностность французовъ и сухость нѣмцевъ; онъ открыто и честно боролся противъ отчаяннаго отрицанія въ литературѣ, противъ эфемерныхъ ея божковъ, созданныхъ шестидесятими годами. Горячій поклонникъ искусства, весь проникнутый служеніемъ идеѣ нравственнаго изящества, жившій и мыслявшій благородно, онъ отвергивался отъ примыхъ или косвенныхъ оскорбителей его чистыхъ идеаловъ и сурово, безпощадно относился къ литературнымъ новаторамъ, людямъ такъ-называемой улицы, внесшимъ въ литературу нашу разладъ и нелѣпныя понятія, вліяющія разлагающимъ образомъ. Въ частной жизни это былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ, рѣдкій товарищъ, свисходительный и замѣчательно добрый человекъ, благодаря гуманности и отзывчивости своей натуры, первый додумавшійся до мысли объ открытіи у насъ общества для пособія нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Онъ, а не кто другой, былъ истиннымъ основателемъ этого общества. Заслуги Дружинина какъ критика, историка литературы и замѣчательнаго стилиста будутъ еще достойно оцѣнены.

П. Б—овъ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Про должніе).

XVI.

Стойниціей, по складу ума, былъ „позитивистъ“ и въ заурядныхъ случаяхъ относился скептически къ моднымъ прогулкамъ изъ области трезвыхъ наукъ въ царство чудеснаго, приписывая ихъ просто блудливому раздраженію мысли. Но результаты новѣйшихъ изслѣдованій надъ осмѣянными и отверженными наукою прошлаго вѣка — явленіями *животнаго магнетизма* (переименованнаго потомъ изъ приличія въ *ипнотизмъ*) были ему извѣстны, и по своей очевидной связи съ судебною медициною, сильно затронували профессиональное его любопытство. „Надо-бы этимъ заняться,“ думалъ онъ: — „и справиться у когонибудь, прочитать кое-что. Объ этомъ вѣдь наконилась уже цѣлая бібліотека ученыхъ изслѣдованій...“ Но масса текущихъ обязанностей заставляла его каждый разъ откладывать это дѣло до той блаженной поры досуга послѣ трудовъ, которую обѣщаютъ себѣ всѣ занятые люди.

... Какъ вдругъ, это неожиданное открытіе по дѣлу и безъ того не позволившему ему часто уснуть спокойно!... Къ несчастію, вмѣсто того чтобы вывести его изъ потѣмокъ на свѣтъ, открытіе это только поставило его лицомъ къ лицу съ громадною по значенію и размѣру — психиатрическою загадкою!...

Долго послѣ ухода Сергѣя, Стойниціей сидѣлъ какъ пьяный. Виски у него пылали, въ мысляхъ царилъ невообразимый хаосъ... Досуга у него нѣтъ — весь нисыменпый столъ заваленъ спѣшной работой; но заниматься ею въ такомъ состояніи тоже вѣдь нѣтъ возможности.

Послѣ короткаго колебанія, онъ вскочилъ съ какой-то озлобленною рѣшимостью и уѣхалъ къ старому своему пріятелю, доктору Николаю Ивановичу Пушкилову, который служилъ ординаторомъ въ *** больницѣ, и котораго онъ засталъ послѣ дежурства, дома,

за самоваромъ. Это былъ крѣпкосложенный, но видимо утомленный своею тяжелою должностію, молодой человекъ его лѣтъ, въ изношенномъ сѣромъ пиджакѣ, въ очкахъ, съ дешевой сигарой въ зубахъ. Блѣдное, густо-обросшее волосами лицо его напоминало заглохшій садъ въ холодную, вѣтряную погоду; прищуренные глаза смотрѣли зорко, но въ результатѣ профессиональной привычки таить отъ больныхъ свои впечатлѣнія — имѣли какой-то сдержанно-выжидающій взоръ. Съ Стойниціемъ они встрѣчались лишь изрѣдка, въ окружномъ судѣ; а потому его появленіе вечеромъ нѣсколько удивило пріятеля.

— По дѣлу? спросилъ Пушкиловъ.

— Отчасти да, но болѣе какъ совѣтомъ... Скажите, у васъ тутъ вѣдь занимаются гипнотизмомъ?

— Практически — нѣтъ... Но чтѣ это съ вами?.. у васъ какой-то необычайно-серьезный видъ... Случилось что-нибудь?.. Да чего вы стоите, садитесь, — хотите чаю?

Они усѣлись и гость разсказалъ исторію Паши, не называя именъ.

— Вотъ факты, сказалъ онъ. — Имѣйте однако въ виду, что они легально не удостовѣрены. Мало того, ихъ связь не болѣе какъ моя догадка. Я получилъ эту исторію въ двухъ кускахъ и изъ разныхъ рукъ; начало ея идетъ до скандала на станціи, безъ малѣйшаго указанія на него; а конецъ, отъ этого случая и доселѣ — тоже безъ всякаго указанія на предшествующее. Изъ скандала возникъ, уже здѣсь, въ Петербургѣ, шантажъ, который, при неблагоприятномъ теченіи, можетъ окончиться въ окружномъ судѣ, и эта возможность очень меня озабочиваетъ, такъ какъ, хотя она и мало правдоподобна, но надо быть на нее готовымъ; а я не готовъ... Я могу, пожалуй, импровизировать хоть сейчасъ защиту; но у меня недостаетъ научнаго базиса, чтобы выдержать правильную атаку; чтѣ и заставило меня обратиться къ вамъ.

— Вы очень дурно выбрали.

— Отчего?

— И, лично, не видѣлъ гипноза, да если-бы и видѣлъ, то что я могу вамъ сказать?.. Вы говорите сами, что факты внушеній легально не удостовѣрены, а я вамъ скажу, что ихъ трудно удостовѣрить... Особенно здѣсь. Во Франціи, напримѣръ, защита или обвиненіе могутъ вытребовать экспертовъ лично производившихъ опыты, между которыми есть доктора съ европейской извѣстностью, 20 лѣтъ занимающіеся гипнозомъ,—людей въ рукахъ у которыхъ перебивали тысячи пациентовъ. А здѣсь кого вы найдете? Очень немногіе видѣли опыты, въ Salpêtrière, у Шарко, но видѣли слишкомъ мало, чтобы придти къ какому-нибудь заключенію. А ляются они въ судъ съ журналами или отчетами иностранныхъ ученыхъ обществъ и прочитаютъ изъ нихъ пять-шесть подходящихъ случаевъ, изъ которыхъ конечно судъ убѣдится, что этого рода вещи возможны... И только... Но мало-ли что возможно?.. Какое ручательство, напримѣръ, что побудительною причиною кражи дѣйствительно былъ „гипнозъ“, а не „клептоманія“?.. Положимъ клептоманію, въ данномъ случаѣ, тоже нельзя доказать; но довольно того, что она возможна, чтобы стать на ряду съ гипнозомъ и обратить его въ пустую, ничѣмъ не доказанную догадку... Гипнозъ дѣло темное—и наука доселѣ еще не пришла ни къ какому теоретическому его объясненію... Вотъ что-съ.

Стойничій выслушалъ эту рѣчь безъ возраженія.

— Да, сказалъ онъ,—это безспорно; только я къ вамъ не за этимъ пріѣхалъ. А вотъ что: позвольте узнать, что этотъ вашъ гипнозизмъ—не мистификація?

— Какъ вамъ сказать? отвѣчалъ Пушиловъ.—Вѣра—дѣло невольное, и сомнѣніе—тоже. Вѣрю—потому, что я не могу не вѣрить; но не увѣренъ такъ несомнѣнно, какъ напримѣръ, что вы у меня сидите, или что у насъ въ клиникѣ есть сумасшедшіе.

— Нѣтъ, это немножко встороню отъ предмета. Скажу яснѣе. Твердо-ли вы увѣрены, что этотъ вашъ „гипнозизмъ“ не такой-же вздоръ какъ напримѣръ *спиритизмъ* съ его матеріализаціею духовъ? Дѣло конечно не въ фактахъ, которые, въ непосредственной ихъ наготѣ, могутъ быть сколько угодно реальны, а въ логическомъ построеніи, которое они получаютъ у васъ въ головѣ; потому что безъ этого построенія, хотя намъ и кажется иногда противное, не обходится ни одна достовѣрность. Вѣрно или невѣрно, ясно или темно, а мы какъ-нибудь да связываемъ между собою вещи, если хотимъ ихъ понять. Въ этомъ-то смыслѣ я васъ и спрашиваю: какъ вы связываете между собою приказъ гипнозизера съ его роковымъ исполненіемъ у гипнотика?

Пушилова словно какъ будто-бы что укусило внутри, и онъ посмотрѣлъ на пріятеля съ нервнитою усмѣшкой.

— Весьма щекотливый вопросъ, голубчикъ! сказалъ онъ.—Ибо онъ заставляетъ меня признаваться въ постыдныхъ для современнаго человѣка вещахъ... Что дѣлать? Тамъ гдѣ научной конструкціи не хватаетъ, нашъ братъ поневолѣ обходится съ сказочными, усвоенными въ ребяческие года отъ старухъ бабъ и нянекъ. Бываетъ однако и хуже. Бываетъ, что между старыми, суевѣрными, и новыми просвѣщенными построениями завязывается войпа—и мы, въ интересахъ внутренняго единства, стараемся ихъ помирить. Тогда происходятъ постыдныя сдѣлки, въ итогѣ которыхъ порою совѣстно даже спросить у себя: чему мы вѣримъ... Такъ и теперь... Между нами сказать, этотъ ихъ гипнозизмъ противенъ мнѣ. Онъ мнѣ внушаетъ какой-то подлый страхъ за судьбу нашего яснаго, трезваго, положительнаго мировоззрѣнія. Словно невидимый врагъ подкапывается подъ самыя его основанія, со злостнымъ намѣреніемъ взорвать всю

постройку на воздухъ, и подъ давленіемъ этого страха въ голову тебѣ лѣзетъ самый невѣроятный вздоръ. Чудится, напримѣръ, что современныя естественныя науки стоятъ наканунѣ громаднаго, потрясающаго открытія,—такого открытія которому суждено перевернуть вверхъ дномъ всю нашу психологію, біологію, физиологію, и заставить физику допустить въ природѣ силы давно ею отвергнутыя... Что не пройдесть можетъ статья и двухъ поколѣній, какъ всѣ наши нынѣшнія, твердо установившіяся понятія будутъ сданы въ архивъ какъ памятникъ человѣческой слѣпоты и слабоумія, и ихъ не посмѣетъ долѣе отстаивать ни одинъ изъ тѣхъ, которые такъ гордятся теперь устойчивостью своихъ научныхъ завоеваній... Что можетъ быть самое дальнорозкіе между нами уже и теперь догадываются, что старыя ихъ пути оконченъ, и что они подошли въ упоръ къ той завѣшенной, грозной фигурѣ, съ которой никто еще до сихъ поръ не сорвалъ покрывала... Однако, я кажется еще разъ хватилъ мимо... О чемъ бишь вы спрашивали?.. Ахъ да: какъ вяжутся въ моемъ пониманіи приказъ гипнозизера съ его неминуемымъ исполненіемъ у гипнотика?.. А вотъ какъ. Въ гипнозѣ вса сумма психофизиологическихъ функций подавлена: воля и волевые импульсы съ опредѣляющими ихъ идеями—больше всего. Сознаніе спитъ. Чувствительность тоже потеряна, за однимъ, необъяснимымъ изыятіемъ. Гипнотикъ доступенъ лишь тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя онъ получаетъ отъ гипнозизера. За то, въ этомъ пунктѣ, какъ въ полуснѣ, воспримчивость его достигаетъ высокой степени. Малѣйшее представленіе пріобрѣтаетъ страшную яркость и какъ единственное овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Но оно совершенно пассивно; ни выбора, ни отказа, ни критики. Чужая идея сообщена субъекту, и какъ-бы она ни была глупа, чудовищна или фальшива—господствуетъ полноластно. Съ такой-то единственной, неограниченно-властвующей надъ нимъ идеей—субъектъ пробужденъ. Поле его психофизиологической дѣятельности вдругъ неизмѣримо расширено и все что спало въ немъ, парализованное, ожило, зашевелилось. Проснувшіяся пружины личной инициативы, сознаніе, воля, сопротивление внѣшнимъ влияніямъ снова приходятъ въ дѣйствіе; но среди этого стараго, пробужденнаго къ жизни лагеря, спрятавъ закрашившія въ него ночью врагъ: это-штемпель чужой идеи и чужой воли. Гипнотикъ не знаетъ откуда въ немъ этотъ зародышъ дѣятельнаго импульса, обыкновенно даже не сознаетъ его присутствія и значенія; тѣмъ не меньше онъ тутъ и существуетъ въ субъектѣ какъ паразитъ, питающійся на счетъ его организма, но чуждый ему, недоступный его сознанію, неподдающийся волѣ его, и что всего страшнѣе—не допускающій съ его стороны никакого сопротивленія... Остальное знакомо психологу изъ другаго ряда явленій. Гипнотикъ, принявшій внушеніе на извѣстный срокъ, самъ не давалъ себѣ отчета какъ, ведетъ аккуратный счетъ времени и никогда при этомъ не ошибается, какъ вдохновенный скрипачъ не ошибается въ темпѣ своей игры. Пришелъ моментъ—и извѣстная нота звучитъ, съ такой идеальною точностью, которая недоступна сознательному старанію... Вотъ вамъ конструкція гипнотическаго внушенія съ *пассивной* его стороны. Она сначала и до конца гадательна, но по крайней мѣрѣ въ ней нѣтъ ничего несомнѣнимаго съ нашимъ научнымъ воззрѣніемъ. Другое дѣло, если вы спросите: какъ-же теперь съ *активной*?.. Гипнозизеръ не представляетъ въ себѣ ничего аномальнаго. Ни одна изъ функций психофизиологическаго его аппарата не усилена насчетъ стальныхъ, и мы не находимъ съ его стороны никакого полюса сосредоточивающаго въ себѣ исключительно дѣятельный или волевой импульсъ въ высшемъ градусѣ своего напряженія. Одно уже то, что онъ большею частію производитъ *опыты*, свидѣ-

Императрица Фаустина во храмъ Юноны въ Пренестъ. Съ карт. А. Келлера, грав. Киссингъ.

тельствуетъ, что онъ нисколько не заинтересованъ въ томъ или другомъ результатѣ ихъ. Онъ говоритъ, обращаясь къ гипнотизеру: „вы должны тогда-то и тамъ-то, исполнить то-то,“ но внутренно онъ говоритъ себѣ совершенно другое. Онъ говоритъ: „посмотримъ; вотъ я приказываю, но я отнюдь не желаю чтобы приказаніе мое непременно было исполнено, а я просто желаю узнать, что изъ этого выйдетъ“,—только, болѣе ничего. Въ сущности стало-быть, онъ не думаетъ того, что онъ говоритъ, и не хочетъ того, что требуетъ, или по меньшей мѣрѣ, ему нѣтъ надобности дѣйствительно думать или хотѣть чтобы приказъ его былъ исполненъ;—довольно *сказать*. Гипнотизеръ стало-быть получаетъ *ложное впечатлѣніе*. Мало того, и самое впечатлѣніе это односторонне. Гипнотизеру нѣтъ надобности даже и явственно представлять себѣ исполненіе дѣла, которое онъ внушаетъ гипнотизеру. Онъ не рисуетъ ему никакой возбуждающей чувство картины. Онъ равнодушно, какъ телеграфистъ, нажимаетъ пуговку аппарата, и результатъ происходитъ уже безъ его участія, совершенно односторонне. Никакой передачи могущественнаго волевого импульса стало-быть нѣтъ, а есть только призракъ его; даже меньше чѣмъ призракъ—условный знакъ. Передается что-то безплотное, не реальное, скажемъ короче—идея. И вотъ гдѣ дѣйствительно уже невозможно построить какое-нибудь научное объясненіе фактовъ. Съ одной стороны, никакой инициативы: чисто-пассивное воспріятіе; съ другой—опять-таки ничего: какой-то намекъ на дѣло, безъ яснаго о немъ представленія, безъ воли и вѣры въ его осуществленіе; а между тѣмъ, въ результатѣ—дѣло, реальное, очевидное!.. Возьмемъ на примѣръ вашъ случай: я его не выдумывалъ. Съ одной стороны, гипнотизеръ безъ всякихъ идей; съ другой, въ головѣ у гипнотизера идея кражи безъ всякой практической цѣли, а такъ себѣ, въ шутку. Однако идея заброшена и съ фатальной необходимостью порождаетъ дѣло... Спрашивается: что-же это такое?.. Откуда? Зачѣмъ? Какое разумное объясненіе можетъ существовать для подобныхъ вещей?.. Отвѣта нѣтъ—и упрямый, бессмысленный, отвратительный фактъ стоитъ передъ тобою въ своей наготѣ, какъ дикій царѣкъ, требуя чтобы ты призналъ надъ собой его власть!.. Невольно приходятъ въ голову самыя суевѣрныя гипотезы. Какъ на примѣръ, что причина реальныхъ вещей, сама въ себѣ, не реальна.. Что это какая-то безтѣлесная и беспочвенная идея; мысль безъ субъекта и безъ объекта, сила безъ матерьяльныхъ условій ея проявленія; ну, однимъ словомъ, — *чуть*!.. Само по себѣ, какъ чуть, это еще ничего не значитъ, но что значительно и внушаетъ какой-то мистическій страхъ, это что изучая гипнозъ, мы приходимъ къ подобной бессмыслицѣ вовсе не фантастическимъ, а научнымъ путемъ. Приходимъ и видимъ передъ собою проклятый вопросъ: Если въ итогѣ научныхъ изслѣдованій выходитъ *чуть*, то можетъ статься и вся современная наша наука—*чуть*?.. Къ чорту значитъ ея! Ломай отъ крыши до основанія и строй новую!.. Ну, баста! Не стоить объ этомъ долѣе говорить!..

* *

Стойницкій слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, но когда тотъ кончилъ, не могъ подавить саркастическую усмѣшку.

— Весьма любопытно и поучительно, сказалъ онъ.

— Шутите? скромно спросилъ Пушиловъ.

— Нѣтъ, я серьезно вамъ благодаренъ за вашъ чистосердечный отвѣтъ. Это признаніе честнаго человека и уважающаго науку студента. Только вы не сердитесь если я вамъ замѣчу, что ваша наука, трактующая объ этомъ рода вещахъ, немножко смѣшна. Она напоминаетъ старую и серьезную, но у цраздника подгулявшую барыню.

Тотъ стукнулъ по-столу кулакомъ.

— Да, вѣдь я-же предупреждалъ васъ, что всѣ, подобнаго рода, гадательныя конструкции—въ сущности чепуха!.. Или вы мнѣ не вѣрите?... Думаете, что я васъ дурачу?... Такъ не угодно-ли вамъ печатные матеріалы? У насъ въ библиотекѣ цѣлая полка ученыхъ трактатовъ о гипнотизмѣ, переведенныхъ и изданныхъ въ Харьковѣ, Ковалевскою...

* *

„Украла-таки!“ думалъ Стойницкій, въ смущеніи, возвращаясь домой. — „Ну, какъ ни жалко бѣдняжку, а надо будетъ ей объяснить, что легально-правильная защита дѣла ея, при такихъ условіяхъ, невозможна.“

Были еще и другіе мотивы, или, вѣрнѣе сказать: было неясное чувство, которое побуждало его къ тому-же, но чувство это пока оставалось еще за порогомъ сознанія. Его пробудили намѣки Лагодина, которыми этотъ „полишинель“, съ лукавой усмѣшкой посылалъ „второе внушеніе“. Мысль, что у Паши есть уже тамъ, въ деревнѣ, кто-то, кто можетъ быть ей очень дорогъ, сводила съ ума Стойницкаго. Но онъ не зналъ что объ этомъ думать, а чувствовалъ только, что у него на сердцѣ кошки скребутъ.

XVII.

Послѣ своихъ объясненій съ Серѣжей, Паша едва дождалась воскресенія; ждалъ его съ нетерпѣніемъ и ея защитникъ. Въ полдень она явилась къ нему,— блѣдная и безмолвная, какъ вызванная изъ гроба тѣнь.

— Что съ вами? допрашивалъ онъ.—Опять какая-нибудь встрѣча?

— Нѣтъ... хуже... Серѣжа... Серѣжа узналъ отъ Марьи Кондратьевны!.. Хочетъ сказать дядѣ Ивану... и непременно скажетъ!.. Это уже рѣшено... Я его видѣла въ пятницу и едва упростила, чтобы онъ подождалъ... недѣлю... Но я и сама не знаю зачѣмъ я выпросила эту отсрочку... Такъ... очень хотѣлось увидѣться съ вами и поговорить... А что вамъ сказать—и сама не знаю...

Духъ у нея захватывало и она ежеминутно перерывала рѣчь.

— Я тоже узналъ кое-что и мнѣ тоже надо съ вами поговорить, сказалъ Стойницкій, смотря на нее съ состраданіемъ.—Прасковья Петровна! Сердце мое за васъ болитъ; но я не хочу и не въ правѣ вамъ лгать. Дѣло ваше теперь въ такомъ положеніи, что его невозможно долѣе скрыть, не навивъ себѣ еще худшей бѣды; а между тѣмъ вы не хотите этого понимать и прячетесь... Прячетесь даже и отъ меня!.. Вы скрыли отъ меня главное, и я только на-дняхъ узналъ, отъ того-же Серѣя, всю правду. Признайтесь-же мнѣ, наконецъ, чистосердечно—бумажникъ не былъ подкинутъ?... Вы вынули его изъ кармана у соннаго?..

Она затряслась и закрыла руками лицо.

— Признайтесь мнѣ смѣло, такъ какъ, во-первыхъ, я васъ ни въ чемъ не виню. Я знаю, что вы это сдѣлали не своею волею, а по чужому приказу, вынужденная къ тому жестокою, фатальною необходимостью. Это одно; а другое, что я вамъ хотѣлъ сказать, это—что вамъ и нужды нѣтъ прятаться отъ меня; потому что я васъ люблю,—такъ горячо, что если-бы даже вы сдѣлали что-нибудь въ этомъ родѣ безъ вѣшняго принужденія, а по болѣзненной склонности, я-бы не пересталъ уважать и любить васъ попрежнему... Потому что любовь моя къ вамъ горяча своимъ собственнымъ, не заимствованнымъ огнемъ... Ничто, никакое несчастіе, никакой позоръ не смогутъ ее охладить!.. Прасковья Петровна! Нѣтъ человекъ на свѣтѣ, который могъ-бы васъ такъ любить!

На мигъ она опустила руки и быстро взглянула на говорящаго широко-открытымъ, испуганнымъ взо-

ромъ... Жаркая краска смѣнила блѣдность. Но все это промелькнуло такъ быстро, что онъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ: дѣйствительность это была, или видѣніе созданное его воспаленною фантазіей?

— Вы спросите, можетъ быть, продолжалъ онъ въ пылу своего необузданнаго порыва:—какое право имѣю я такъ говорить?... А вотъ какое—я не могу васъ спасти если вы не вѣритесь мнѣ безусловно... Это необходимо, но я не въ правѣ былъ-бы этого требовать, если-бы я не открылъ передъ вами сердца—прямо, безъ всякой утайки... Не прячьтесь-же отъ меня, мой другъ. Расскажите мнѣ, какъ передъ Богомъ, всю правду.

Ладищева понемногу открыла лицо. Стыдъ и отчаяніе горѣли на немъ...

— Я не намѣрена дольше таить отъ васъ ничего, сказала она дрожащимъ голосомъ.—Но силъ моихъ нѣтъ рассказывать... такъ я устала за эти дни!... Да я и помню-то плохо, какъ все это было... Приказа вынуть у моего дорожнаго спутника что-нибудь изъ кармана — я не помнила; а такъ—было что-то неясное на умѣ, насчетъ времени, когда кто-то, въ дорогѣ уснетъ,—что озабочивало меня минутами какъ узелокъ, завязанный на платкѣ и свидѣтельствующій о чемъ-то, что надо сдѣлать... По цѣлымъ часамъ я совсѣмъ забывала объ этомъ, потомъ опять словно кто шепчетъ на ухо: не забудь!... Особенно это усилилось ночью, когда я открыла глаза... Въ вагонѣ было темно, и на меня напало вдругъ сильное безпокойство о чемъ-то, что слѣдуетъ тотчасъ-же вспомнить и сдѣлать... Но я не совсѣмъ проснулась и голова у меня, какъ въ чаду, была совершенно пуста:—только эта одна забота, какъ гвоздь... Чудится будто-бы надо найти что-то спрятанное,—или припомнить; но что такое—я и сама не знала... Помню, какъ въ забытьѣ, я осматривалась, не узнавая мѣста... Какія-то дѣти спали вокругъ и еще кто-то—прямо насупротивъ... Но руки должно быть помнили лучше чѣмъ голова, потому что онѣ сами собою искали чего-то... искали и скоро нашли... Но какъ только нашли, все тотчасъ спуталось въ головѣ, и я моментально уснула... Конечно, въ просонкахъ, я сдѣлала то, что мнѣ было велѣно сдѣлать; но это не болѣе какъ догадка, которая мнѣ пришла уже послѣ того, какъ меня обѣскакивали и уличили... Тогда только, въ ужасѣ, я спросила себя: ну, а что если я въ самомъ дѣлѣ украдала? И только когда я у себя спросила это, мнѣ стало смутно припоминаться то, что я вамъ сейчасъ рассказывала... Въ точности о внушеніи я узнала уже потомъ, отъ Серѣжи. Но онъ не могъ представить себѣ, и до сихъ поръ не воображаетъ, что, несмотря на его отсутствіе, я исполнила его надъ чужимъ... А между тѣмъ ему извѣстно отъ Марьи Кондратьевны кое-что о неурядности, которую я имѣла дорѣгой, съ проѣзжимъ,—о вексельѣ, и о моихъ посѣщеніяхъ въ Офицерскую...

— Нужды нѣтъ, перебилъ Стойницкій,—пусть будетъ извѣстно и пусть доноситъ. Онъ васъ избавитъ только отъ тяжелой необходимости самой идти къ дядюшкѣ и рассказать ему все... Поймите-же, наконецъ, что дальнѣйшая скрытность можетъ васъ привести на скамью окружнаго суда—и тогда не одинъ только дядюшка, весь Петербургъ узнаетъ эту исторію!... О ней будутъ подробныя бюллетени въ газетахъ, и сплетни, и пересуды, а въ заключеніе длинный стенографическій отчетъ, въ которомъ вы явитесь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и всѣ перипетіи публичной пытки,—малѣйшее слово, малѣйшій жестъ вашъ будутъ подробно описаны... Положимъ, формально, не вы будете подсудимой; но это только формально, и это только подрѣжетъ нервъ у вашей защиты...

Ладищева слушала его въ ужасѣ.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. повторяла она.—Я этого не хочу! не вынесу!... Я умру.

— Такъ положитесь-же на меня и будьте спокойны. Я васъ спасу... Но для этого руки у меня не должны быть связаны. Мнѣ нужно полное, неограниченное ваше довѣріе. Что я ни сдѣлалъ-бы, что-бы ни сказалъ, вы не будете вмѣшиваться и противорѣчить...

Она сидѣла растерянная. Долго онъ говорилъ, но, не встрѣчая болѣе возраженія, наконецъ замолчалъ. Ладищева тоже молчала, измученная... Мысли у обоихъ, фатальнымъ образомъ, обращались къ другому вопросу... Дѣвушка чувствовала уже давно, что онъ когда-нибудь неминуемо будетъ ей сдѣлать; но сердце ея, испуганное нежданною быстротой, съ которою это сбылось, захвачено было врасплохъ и прежде всего нуждалось въ отсрочкѣ... А онъ, между тѣмъ, кипѣлъ нетерпѣніемъ—и полная неизвѣстность, въ которой она оставляла его, казалась ему обидна... Дать ей уйти, не узнавъ отъ нея рѣшительно ничего!... Нѣтъ,—надо чтобы она освободила задачу, по крайней-мѣрѣ, хотя отъ одного неизвѣстнаго.

— Вамъ сдѣланы были еще и другія внушенія? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала Паша, въ смущеніи.

— Какія?

— Такъ, вздоръ... Не стоить рассказывать, потому что они ни малѣйшимъ образомъ не касаются моего приключенія.

— Другъ мой, забудьте хоть на минуту ваше дорожное приключеніе, и поймите, что дѣло касается лично меня... Мнѣ нужно знать смыслъ того, что случилось съ вами, въ силу втораго внушенія.

— Викторъ Михайловичъ, отвѣчала она съ укоромъ,—если Серѣжа, какъ я догадываюсь, выболталъ уже вамъ объ этомъ, то для чего вы хотите заставить меня еще краснѣть?... Прощайте! Я больше не въ состояніи ни о чемъ говорить.

И Паша встала, чтобы уйти; но онъ схватилъ ее за руки.

— Нѣтъ!... Ради Бога—нѣтъ!... Прасковья Петровна, милая, я не требую въ эту минуту отъ васъ никакихъ признаній... Одно только слово!... Одно! Скажите, что вы свободны...

— Да, отвѣчала она, отворачиваясь, чтобы не встрѣтить взгляда его,—насколько это возможно въ моемъ положеніи... Потому что нельзя-же назвать, въ самомъ-дѣлѣ, свободной несчастную, у которой петли на шеѣ. Не будьте жестоки, не спрашивайте у меня ничего больше; потому что я совершенно разбита... Прощайте!... Пустите!... Пустите меня!

И она ушла, оставивъ его съ обиднымъ сознаниемъ, что этотъ ребенокъ, даже и съ петлей на шеѣ, владеетъ собою въ извѣстномъ смыслѣ лучше его.

* * *

А между тѣмъ, этотъ владеющій собою ребенокъ ушелъ отъ него съ растерзаннымъ сердцемъ. Вопросъ, который онъ задалъ Пашѣ и на который она отвѣчала такъ сдержанно, въ сущности не былъ новъ; но ни разу еще онъ не стоялъ предъ нею такъ явственно выдѣленный изъ массы столпившихся на ея пути затрудненій, и не требовалъ такъ неотложно рѣшенія... Была-ли она, въ самомъ дѣлѣ, свободна? Не сдѣлала-ли она ранѣе выбора;—и если да, то должна-ли она держаться его во что бы ни стало, или ея несчастіе создало для нея совершенно новое положеніе, въ которомъ все что казалось ей до сихъ поръ рѣшено, пошло на-рефетъ, и какъ заложенная при совершенно другихъ обстоятельствахъ собственность, требуется переопѣвки?...

Никто отъ природы не былъ такъ мало расположенъ шутить привязанностями, какъ Паша;—но Паша

еще не знала разницы между реальною привязанностью и мечтательным увлечением. Въ дни ранней, зеленой молодости сердце не понимает, какъ близко и хорошо надо знать человѣка, чтобы рѣшить съ увѣренностію: дѣйствительно-ли мы любимъ его, или только любимъ и заняты имъ какъ увлекательною загадкой. Ошибка тѣмъ легче, что два эти чувства, впацалѣ, похожи между собой какъ двѣ капли воды. Очарованіе даже сильнѣе пока мы любимъ издали, и пужна дѣйствительно молодая, цѣльная вѣра, чтобы любить не давая себѣ хорошенько отчета — кого и за что... Съ какою горячею вѣрою, на примѣръ, Паша, всматриваясь въ далеко не идеальныя, но эпергическія черты лица Алексѣя Черенина, старалась прочесть въ нихъ таинственную печать воображаемаго героя — и какъ набожно толковала въ смыслѣ послѣдняго все что она слыхала объ этомъ сфинксѣ у Мезенскихъ!.. Былъ разумѣется и кое-какой недочетъ при сличеніи своего идеала съ живою дѣйствительностію; но въ основаніи ея вѣры твердо стоялъ всѣми признанный за Черенинымъ типъ истинно-русскаго человѣка и смѣлаго пионера на новомъ пути. Вдохновленная этой уѣздной легендой, она безъ труда истолковывала по ней кой-какія противорѣчія и по-полняла всѣ пробѣлы собственнымъ поэтическимъ вымысломъ, дававшимъ ей, какъ поэту, полное право считать своего героя чѣмъ-то роднымъ и близкимъ ей по душѣ... Но разница между реальною привязанностію и поэтическимъ увлечениемъ все-таки есть, и Паша впервые почувствовала ее стараясь дать себѣ нѣкоторый отчетъ въ загадочной перемѣнѣ, которую она начала замѣчать въ себѣ послѣ испытанныхъ ею съ пріѣзда тревогъ. Слово безжалостный, ранній морозъ упалъ на зеленые всходы ея надеждъ... Тогда только начались оглядки назадъ и вслѣдъ за ними — сомнѣнія. Первое, поразительное открытіе, заставившее ее усомниться въ силѣ своей привязанности къ Черенину и пошатнувшее ея вѣру въ него, была странная ея неуѣренность: какъ этотъ истинно-русскій и идеально-практическій человѣкъ отнесся-бы въ сердцѣ своемъ къ ея несчастію, если-бы у ней хватило духу признаться ему безъ утайки во всемъ. Одно уже то, что она боялась глубоко и невозвратно упасть въ глазахъ его, заставляло Пашу подозрѣвать, что въ высокой взаимной оцѣнкѣ ихъ кроется какая-нибудь незамѣченная дотолѣ ошибка. Откуда иначе этотъ необъяснимый страхъ быть непонятою?.. Развѣ они такъ далеки и такъ мало знаютъ другъ друга? Но не успѣла она задать себѣ этотъ вопросъ, какъ изъ него уже выросъ другой: откуда имъ было узнать другъ друга, когда ни съ его, ни съ ея стороны, за нѣсколько лѣтъ, не сдѣлано было ни шагу къ сближенію?.. Развѣ они повѣрили другъ другу когда-нибудь что ихъ радовало или огорчало, и исповѣдывались въ своихъ задушевныхъ вѣрованіяхъ, надеждахъ и опасеніяхъ?.. Нѣтъ!.. Какъ глубоко ни интересовало ее узнать, непосредственно отъ него, что-нибудь о подобныхъ вещахъ, она никогда, глазъ-на-глазъ съ Черенинымъ, не рѣшалась сказать ни слова съ этою цѣлью... Онъ тоже... А отчето?.. Она дордо-бы дала чтобы услышать отъ него хоть пару словъ о чѣмъ-нибудь близко его интересующемъ; но онъ никогда ихъ не проронилъ, вѣроятно воображая что интересное для него — покажется сухо и скучно молодой дѣвушкѣ, институткѣ; а сдѣлать самой вопросъ вѣтъ обыденной дребедени уѣзднаго разговора о томъ, что происходитъ въ городѣ или у ихъ сосѣдей, она не рѣшалась изъ страха чтобы онъ не приписалъ его кокетливому заигрыванью съ вещами въ сущности вовсе ее не интересующими... Напрасно она старалась припомнить что-нибудь; во истину между ними не было ничего подобнаго, и ни съ той,

ни съ другой стороны не сдѣлано было ни шагу къ сближенію. Просто и коротко: они не знали другъ друга и оставались все это долгое время, на зло вѣшной близости, почти совершенно чужими людьми. Онъ былъ гораздо ближе къ Аннѣ Григорьевнѣ и зналъ ее лучше... Она, какъ ни странно это сказать, въ дѣйствительности была гораздо ближе къ Серѣжѣ и тоже знала Серѣжу лучше... Правда, послѣ того какъ она, по чужому приказу, прощаясь, повисла какъ дура ему на шею и цѣловала его, Черенинъ, если Аннетъ не лжетъ, былъ тронутъ такимъ насильственно-вырваннымъ у нея признаніемъ; но развѣ это ихъ сблизило хоть на вершокъ?.. И развѣ возможно, изъ объясненій его съ Аннетъ, заключить, что теперь наконецъ они знаютъ другъ друга?.. Нѣтъ!.. Кто ни продѣлалъ-бы съ нимъ подобнаго рода дурачество, онъ навѣрное былъ-бы не менѣе тронутъ и заинтригованъ...

Такъ думала Паша; но изъ уклончиваго ея отвѣта Стойницкому слѣдуетъ заключить, что этотъ вопросъ, хотя уже и достаточно выясненный, не былъ еще у ней безповоротно рѣшенъ. Какъ пробужденной, ей жалко было разстаться съ очаровательнымъ сновидѣніемъ, и она все еще спрашивала себя порой: да полно, такъ-ли? дѣйствительно-ли все это было не болѣе какъ веселія, золотыя мечты ея, теперь уже отцвѣтающей молодости?.. Черенинъ во всякомъ случаѣ не мечта, и онъ пріѣдетъ. Тогда будетъ время это рѣшить; а пока ея какъ-то жалко еще его — и у ней не хватаетъ духу сознаться себѣ, что она свободна.

„Если однакоже такъ?“ думала дѣвушка, украдкой приподнимая завѣсу, и робко заглядывая на ту другую, дѣйствительную любовь, которая къ ней стучалась въ двери... Тутъ уже несомнѣнно другъ, который знаетъ и любить ее не какъ идеалъ, на который надо молиться, а какъ несчастную, которая не сегодня — завтра — можетъ быть вызвана въ судъ и уйти отсюда съ пятномъ на всю жизнь. Но эта возможность не испугала его, и вѣра его въ ея невинность, его уваженіе къ ней не пошатнулись даже когда онъ узналъ всю унижительную подкладку ея дорожнаго приключенія... Этотъ не ждалъ чтобы она сама пришла его обнимать и не требовалъ никакой апотеозы... Онъ первый пришелъ и сказалъ ей скромно: „Вы знаете кто я... Я адвокатъ и повѣренный госпожи Рогневичъ. Но хотя вы и очень недѣстнаго мнѣнія о моей профессіи, а все-таки, если вы мнѣ повѣрите, я вамъ не измѣню... И я покажу вамъ примѣръ какъ слѣдуетъ вѣрить.. Вотъ, я почти васъ не знаю еще, а между тѣмъ я твердо увѣренъ, что вы невинны...“ И онъ не только не измѣнилъ, не только былъ вѣрнымъ другомъ ея и защитникомъ въ самые тяжкіе дни ея жизни; — онъ отдалъ ей сердце свое даже не справившись: свободна-ли она сдѣлать то же... Мало того, когда она сказала ему, что у несчастной съ петлей на шеѣ не спрашиваютъ подобныхъ вещей, онъ понялъ и отпустилъ ее безъ дспроса, еще разъ давая собою примѣръ какъ надо любить и вѣрить!..

И Паша ушла отъ него ничего еще не рѣшивъ, но уже съ новою, бодрою вѣрою въ Провидѣніе... Путь ея темень и полонъ опасностей, но, благодареніе Богу, она на немъ болѣе не одна — и въ худшемъ случаѣ, не останется никогда одной... Чѣмъ бы ни кончилась эта пытка, въ которой злая сила играетъ съ нею, какъ кошка съ мышью, — ей стѣдуетъ только придти — она знаетъ куда — и сказать два слова... Тогда... Пашу бросило въ жаръ и мысли путались самымъ безвыходнымъ образомъ у нея въ головѣ, при малѣйшей попыткѣ представить себѣ, что съ нею будетъ тогда... Но во всякомъ случаѣ, это будетъ уже не сновидѣніе.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕТЫ! Съ карт. Прельса, грав. Киррие.

Безсонные ночи.

Повесть В. И. Немировича-Данченко.

I.

Александр Петрович вернулся домой в отличнейшем расположении духа. Еще бы! Этот процесс, грозивший затлуться еще дня на три, окончился сегодня, скорее чем думали. В своих предсудательских креслах уже он улыбался, рассчитывая, что успеет переодеться, сбросить мундир, надеть фрак и приехать в оперу к четвертому акту „Джоконды“, лучшему у Дюрант. Он помнит ее последнее восклицание: „Volesti il mio corpo, demonio maledetto, e il corpo ti do!“ *) Сь какою страшною силою она кинула его — в прошлом году, когда у Александра Петровича оказался свободный вечер и он побыхал с женою к итальянцам. Его вѣдь трудно разшевелить. Слава Богу! У него нервы здоровые — сколько он навиделся всяких раздражительных сцен — и ни разу еще его рука не дрожала подписывая приговор. Он — орудие закона. Он не может и не должен поддаваться личным впечатлениям. Прокурор шутя называет его „закостенѣвшим предсудателем“. А и он тогда — „закостенѣвший предсудатель“ — вздрогнул отъ этих нѣскольких словъ гениальной артистки. И сегодня может быть ему удастся — на минуту поддаться общечеловѣческой слабости и почувствовать что у него есть нервы. Это вѣдь такъ приятно, изрѣдка. Жена, разумеется, и не ждет его въ своей ложѣ. „Бѣдный, думаетъ она, — до поздней ночи задержать его этотъ глупый процесс!“ А онъ — вотъ тутъ и есть, совсѣмъ негаданный! Кутить уже такъ кутить. Послѣ оперы онъ повезетъ ее совсѣмъ „en garçon“ ужинать къ Контану и нарочно сидеть въ общей залѣ. У него жена хорошеющая, пускай смотрятъ и завидуютъ. Сегодня можно все это продать. Управляющій прислалъ изъ имѣнія больше чемъ ожидалъ Александръ Петровичъ. А это всегда является приятнымъ сюрпризомъ. Положимъ, все это мелочь. На доходъ сь имѣнія и ему одному въ мебелированной комнатѣ нельзя было бы существовать. Ну, а при предсудательскомъ жалованьи это все-таки плюсъ, хотя бы на одни удовольствія и на женныя тряпки. Да!.. Надо сказать правду — удачная недѣля. Онъ помнитъ словно въ туманѣ утомленное лицо прокурора, которому тоже не дешево досталась сегодняшняя побѣда. Не сознайся неожиданно подсудимый — присяжные признали бы его невиновнымъ. Да хорошо что малый попался неопытный. Не вытерпѣвъ томленія нѣсколькихъ дней (пробрали таки мы его, самодовольно улабається Александръ Петровичъ) и когда даже прокуроръ сталъ сомнѣваться въ его виновности — взялъ да ни съ того ни съ сего всталъ и сознался. И какое смѣшное лицо было у него въ эту минуту. Потное, смятенное, жидкая бородавка точно шмыгнула куда-то въ сторону, носъ вытянулся. А защитникъ!.. Бѣдный юноша до того растерялся, что не ожидал даже рѣчи прокурора, собралъ всѣ свои бумаги въ портфель и собрался уходить, если бы его не остановилъ онъ, предсудатель... Пятнадцать лѣтъ каторжной работы! Ничего. Завтра въ газетахъ вѣроятно будутъ говорить о блестящемъ и безприсрастномъ режюмѣ предсудателя. И присяжные тоже хороши! Такъ хороши, какъ этого не ожидалъ даже и прокуроръ. Ихъ такъ поразило неожиданное сознание подсудимаго, что они забыли дать ему снисхождение. „Да, виновенъ!“ — и вся недолга. „Иванъ Еремѣевъ или Еремѣевъ или Ивановъ?“ Онъ уже забылъ какъ звали подсудимаго. И не упоминай. Черезъ его руки прошли сотни такихъ Ивановыхъ и Еремѣевыхъ. Когда онъ изрѣдка думаетъ о нихъ — всѣ они сливаются въ какой-то общій фонъ, сѣрый и тусклый...

На улицѣ — зимняя лунная ночь, сухая, морозная, еще увеличивала это ощущение счастливо законченнаго дня. Дома стояли точно въ серебряномъ уборѣ, прозрачный воздухъ былъ недвижимъ — лицу можно было видѣть далеко-далеко, вплоть до самаго Невскаго. Извозчикъ тоже попался отличный — везъ такъ какъ рѣдко случается.

— Кого жена пригласила въ ложу? спросилъ онъ у горничной Нади, вышедшей ему навстрѣчу.

— Генеральшу Савельеву и панашу... А больше кажись никого. „Панашу“... Александръ Петровичъ было поморщился, но его тотчасъ освѣнила блистательная мысль. Тестъ его славился своею отчаянною скупостью. Вотъ бы хорошо подвести его. Взять съ собою ужинать и заставить заплатить за ужинъ. Будетъ надъ чемъ посмѣяться потомъ. И онъ заранѣе улыбался, крѣпко вытирая свое и безъ того отъ ледяной воды разгорѣвшееся лицо. На прищеску не приходилось тратить времени. Занятія и петербургская жизнь давно уже оголили его черепъ... Онъ раскрылъ наудачу какой-то флаконъ съ духами, брызнулъ на себя и торопливо завернувшись въ шубу вышелъ вонъ... Тотъ же извозчикъ что привезъ его изъ суда — ждалъ у подъезда.

Невскій весь былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ. На панели сновали толпы народа, окна верхняго этажа были ярко освѣщены. Слѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями саней, изъ-подъ копытъ лошади мелкіе комья его летѣли въ лица проходившихъ; поровнявшись съ пассажемъ, извозчикъ вдругъ круто повернулся на облучкѣ...

*) Ты хотѣлъ моего тѣла, проклятый демонъ, и я отдаю его тебѣ.

— Вы, господинъ, изъ судейскихъ будете?

Александръ Петровичъ засмѣялся.

— Да, а что тебѣ?..

— Такъ значить... Я признаюсь нарочно у суда стоялъ ждалъ... Авось де Богъ кого изъ судейскихъ пошлетъ мнѣ. Сынь у меня теперь который... Парень озорной малый, что говорить, а только и онъ тоже — староста — зачѣмъ вздумалъ ни съ того, ни съ сего за бороду его таскать, гдѣ это показано?.. Что ему будетъ талерича?

— Кому, старостѣ?

— Нѣтъ, сыну.

— Сыну? А что же твой сынь съѣдалъ?

— Да онъ ему только и далъ раза, вотъ въ это самое вмѣсто! показалъ извозчикъ ниже груди.

— Ну?

— Ну и больше ничего... А староста-то хилый тоже, хлипкій староста, возьми закрути да и помри.

— Убилъ онъ его значить?

— Надоть такъ полагать, что убилъ...

— Въ каторгу сошлютъ, пожалуй...

— А-ахъ... только и проговорилъ извозчикъ и понурился, и лошадь пошла тише...

— Лошадь-то его, вдругъ обернулся онъ. — Мнѣ бы въ мой года на печи лежать — а я вотъ, треплюсь... Потому, господинъ... Вотъ какъ дѣтей жалко!.. Семеро — мали-малы... Что галчата рты-то раскроютъ и ниш-шуть... „Дѣлушка — ѣсть хотимъ“... И даль-то всего раза, вотъ въ это самое вмѣсто.

— Семеро? Ты говоришь — семеро? разсѣянно переспросилъ Александръ Петровичъ, думая въ это самое время совсѣмъ о другомъ.

— Да... А на дѣтей ему, живо обернулся извозчикъ, — скидки не будетъ? На дѣтей значить, на семерыхъ младенцевъ...

— Нѣтъ, засмѣялся онъ. — На дѣтей скидки не дѣлаютъ...

— Я, господинъ, ихъ въ судъ приведу.

— Зачѣмъ?

— Такъ и приведу. Вотъ вамъ де, суди праведные, младенцы, которы... Истъ просить — ниш-шуть...

И извозчикъ очевидно, не умѣя передать свою мысль, только тяжело вздохнулъ и закрутилъ головою.

— Да, еще присяжные можетъ признаютъ что онъ въ запальчивости это.

— Ну а тогда?

— Сошлемъ его просто...

— Все-таки на поселокъ?

— Да...

— А дѣтямъ которы... Имъ-то какое рѣшеніе выйдеть?

— Дѣтямъ. До нихъ намъ никакого касательства нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? круто обернулся извозчикъ? — Что же имъ, дѣтямъ-то — помирать что-ли?.. Они въ чемъ провинились?

— Про нихъ въ законѣ не сказано...

Неизвѣстно къ чему бы привелъ разговоръ этотъ извозчика, уже собиравшагося возразить, но фонари ярко освѣщеннаго театра блеснули палъво и Александръ Петровичъ живо выскочилъ изъ саней и взбѣжалъ наверхъ.

Его ложа была въ первомъ ярусѣ. По коридору ходила масса народа. Вонъ голубое платье и лебяжья накидка его жены. Она идетъ въ ту сторону.

— Третій актъ окончился? на ходу спросилъ онъ унылаго капельдинера съ подвязанными зубами и такимъ носомъ точно онъ случайно слѣгъ откуда-то и съѣлъ куда ему вовсе садиться не слѣдовало.

II.

Не смотря на то, что голова Александра Петровича напоминала ламповый шаръ безъ абажура — жена очень его любила, и особенно ей нравилось показывать это при другихъ. Такъ и теперь, увидя его еще издали — она быстро подошла къ нему, взяла его подъ руку и съѣдала такое счастливое лицо, что проходившая мимо „безнадежная“ дѣвица въ томъ возрастѣ когда начинаютъ уже влюбляться въ теноровъ и монаховъ — даже пожелтѣла отъ злости.

— Вотъ не ожидала!.. Какой ты милый. Какъ тебѣ удалось отдѣлаться такъ рано?

— Да подсудимый, къ общему изумленію, сознался.

— Что-же вы его, закатали? съ нѣкоторымъ даже удовольствіемъ переспросилъ тестъ Александра Петровича.

— Да, на пятнадцать лѣтъ...

— Такъ ихъ и слѣдуетъ. Разбаловались мерзавцы... Я знаете еще шницуртены васталъ. Они у насъ тогда назывались зеленой улицей. Проведутъ бывало молодца раза три-четыре по такой улицѣ — ну и кончено. Никакихъ хлопотъ съ нимъ, только бывало священника позовутъ да могилу выроютъ.

— Ахъ, Саша, какъ сегодня хороша Дюрант!

— Она еще никогда такъ не иѣла.

— Да, вступилась генеральша Савельева. — Вы много потеряли съ вашими судами... Какъ она въ первомъ актѣ — этотъ речитативъ:

Amor—dono funesto
Retaggio di dolor,
Il mio destino e questo;
O morte, o amor! *)

И старая дѣва (увы—и М-ле Савельева, пользовавшаяся „превосходительством“ по батюшкѣ, была таковой) даже покраснѣла и чуть не выскочила изъ самой себя, желая показать какъ это дѣлала Дюранъ.

— Нельзя—служба!..

— Какая ваша служба! обидѣлся тесть,—вотъ въ наши времена была служба. Разъ въ Бобруйскѣ!..

Но увы ему не удалось докончить интереснаго разсказа. Въ коридорѣ послышался звонокъ, сквозь открытыя двери ложъ донесли первые звуки настраиваемыхъ скрипокъ и „публика“ хлынула по мѣстамъ.

— А я имѣю на васъ виды, Сергѣй Васильевичъ, обратился Александръ Петровичъ къ тестю.

— Какіе? Признаться знаете... Арендаторъ мой въ этомъ мѣстѣ оказался неисправенъ.

— Я не о деньгахъ. Не хотите-ли поужинать сегодня?

— Гдѣ?

— У Контана.

— Ну вотъ, съ неудовольствіемъ протянулъ тотъ,—что вамъ за охота къ этимъ разбойникамъ соваться. Поѣдемъ, ужь если вы угощаете, куда всегда ѣзжу я!..

— Ни за что! Вы знаете что всѣ архiereи и председатели судовъ обязательно страдаютъ катарромъ желудка, а у вашего „кормильца“ весь его домъ на прогорклomъ маслѣ выстроены.

— Какъ хотите!..

У жены Александра Петровича лицо было круглое, красивое и дуное. Она очень гордилась своими громадными сѣрыми глазами, но они были совсѣмъ бараньи. Не смотря на свои двадцать восемь лѣтъ, она любила казаться наивною и дѣвочкой. Она вышла замужъ за Александра Петровича, увидѣвъ его въ судѣ на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Онъ былъ очень величественъ и она тотчасъ-же рѣшила, что подъ руку съ нимъ она, такая „дѣвственна, чистая и юная“,—съ нимъ, такимъ „почтеннымъ, серьезнымъ и значительнымъ“, будетъ очень эффектна. Окончательно добило ее то что ее будутъ называть „ваше превосходительство“. Больше она ни о чемъ не заботилась. Когда ей мужъ „закатывалъ“ такъ—какъ сегодня—кого-нибудь на каторгу лѣтъ на пятнадцать, она влюблялась въ него самымъ страстнымъ образомъ. Онъ казался ей одицетвореніемъ какой-то грозной силы, самымъ всемогуществомъ, котораго всѣ должны трепетать. Всѣ кромѣ нея. Это всемогущество, эта сила—привадежали ей, и она могла сколько угодно виснуть у него на рукѣ, тарачить свои бараньи глаза и встряхивать челкой, неизбѣжно каждую ночь зависаемою въ напильотки.

— Какъ на пятнадцать лѣтъ? со счастливою улыбкою спросила она у него на ухо.

— Да... На пятнадцать!..

— Какой ты... душка! вырвалось у нея вдругъ.—Что-же онъ плакалъ?..

— Нѣтъ... некогда ему было... Впрочемъ кто-то зарыдалъ въ публикѣ—должно быть его жена!..

— Не плакалъ... разочаровалась она. Ей было-бы пріятнѣе еслибы громы ея супруга совсѣмъ уничтожили невѣдомаго ей субъекта.—Впрочемъ они безчувственные!..

— Ну не скажи... Что галчата рты-то раскроютъ и пиш-шать!..

— Что ты говоришь?

— Въ самомъ дѣлѣ съ чего это я... Откуда? Пиш-шать... Кто это пиш-шить? Ахъ да, я и забылъ. Извощикъ мнѣ попался такъ онъ разсказывалъ... Да вотъ поди-же... Пиш-шать!..

— Въ наше время и писать нельзя было! шевельпулъ съдими усами тесть.—Не полагалось. Въ наше время на кобылѣ ихнего брата драли!

— Ну, папа, что ты это всегда выдумашь.

— Тесть!.. обернулась генеральша Савельева.—Тесть!.. Начинается!..

Чудная венеціанская ночь... Откуда-то издали звучать струны... Ея прозрачная лазурь вся напоена свѣтомъ волшебнаго мѣсяца. Съ этого каменнаго двора на Джудеккѣ—виденъ большой каналъ, по которому безмолвно и стройно скользятъ черныя гондолы... Вдали словно зачарованный стоитъ въ лунномъ сіяніи палаццо Дожей и во всѣ свои темныя мрачныя окна смотреть и не насмотрится въ таинственную глубь молчаливой лагуны... Пиацетта!..

— Ахъ какъ хорошо, какъ хорошо!.. Вы знаете, обернулась генеральша къ Александру Петровичу.—Совсѣмъ рядомъ съ этимъ палаццо есть отель Даниелли. Я останавливалась тамъ—и каждый вечеръ, подъ моими окнами, одинъ итальянскій графъ давалъ серенаду... *Vieni, la barca e pronta!*.. Зачѣмъ я тамъ не осталась!.. Здѣсь такъ холодно!.. У насъ сердца людскія—такъ черствы!..

— А чортъ его возьми, этого извощика! опять вдругъ вырвалось у Александра Петровича и онъ самъ на себя разо-злся.—Вотъ навязался!.. Вѣдь нарочно, подлець, у суда ждалъ!..

— О чемъ это ты? удивилась его жена.

*) Любовь—роковой даръ, скорбное наслѣдіе. Такова моя судьба! О смерти, о любви!

— Такъ, пустяки. Завязло въ памяти слово—и не отбол-рившись отъ него!..

Бѣдная М-ле Савельева—дѣйствительно видѣла передъ собою венеціанскую ночь. Для нея это не было рваными кулисами, электрическимъ фонаремъ. Сама природа раскидывала передъ нею свои дивныя дали; мало-по-малу и Александръ Петровичъ поддавался этому. Онъ очень любилъ Италію и съ первыми-же звуками слышавшимися ему со сцены тоже ушелъ въ свои воспоминанія. Точно и не было суда, и нѣтъ его, и не долженъ онъ каждый день садиться въ свое кресло и изображать изъ себя Юпитера Олимпійскаго... Онъ опять счастливъ и молодъ, и чутко бьется его сердце когда онъ рисуетъ себѣ тѣ безвозвратно мелькнувшія ночи—на этомъ-же каналѣ, въ такихъ-же черныхъ медлительныхъ гондолахъ. А глубокая драма мало-по-малу развивалась на сценѣ, захватывая вниманіе всѣхъ. Даже въ баравьихъ глазахъ его жены, на ея красивомъ и банальномъ лицѣ, отразился какой-то просвѣтъ!.. Бѣдная Джоконда!.. Она соединила любимаго человѣка со своей соперницей!.. Они уѣхали!.. Они тамъ уже въ безопасности—она остается одна!.. Она знаетъ что ей остается!..

Suicidio, in questi fieri momenti
Tu sol mi restil!.. *)

Какъ странно должно быть умирать въ такую ночь, когда все кругомъ дышетъ счастьемъ и зоветъ къ жизни!.. Да, странно!.. Чье это рыданіе слышно?.. Не точно-ли такъ-же зарыдала сегодня та женщина въ „публикѣ“ когда ея мужа закатали онъ на пятнадцать лѣтъ?.. Нежданно зарыдала!.. Все надѣялась, надѣялась—а какъ онъ ослабѣлъ и сознался, она и!.. Опять эти дѣти, которыя точно галчата разинули рты и пищать!.. Что это со мною? думаетъ Александръ Петровичъ и невольно дотрогивается до головы!.. Она горяча. Лихорадочное состояніе долж-по-быть

— У насъ есть дома хининъ въ облаткахъ? спросилъ онъ у жены.

— Есть, Вавочка.

Александръ Петровичъ морщится. Онъ теритъ не можетъ этого имени, а оно напротивъ ужасно нравится его женѣ: „онъ для всѣхъ такой страшный и грозный, а для меня просто Вавочка“.

— А что!.. Развѣ ты болеешь? испуганно поднимаетъ она брови къ самой челкѣ.

— Нѣтъ, такъ!.. голова болитъ!.. На всякій случай приму.

— Головка болитъ у Вавочки! спавничала она.—Бѣдная головка!..

Александръ Петровичъ зажмурился отъ досады—и совершенно неожиданно мелькнуло передъ нимъ потное, смитенное и растерянное лицо нечаянно сознавагося подсудимаго!..

III.

Ужинъ у Контана удался какъ нельзя лучше. Всѣ были очень веселы. Александръ Петровичъ совсѣмъ оправился и весьма милостивилъ; къ довершенію его благополучія жена ни разу не назвала его Вавочкой. Генеральша Савельева разсказывала много объ итальянскомъ графѣ устраивавшемъ ей серенады въ Венеціи, причѣмъ благоразумно умолчала о крупномъ счетѣ за эти серенады, присланномъ ей передъ самымъ отъѣздомъ въ Россію. Даже тесть его разошелся и въ совершенно неподходящій моментъ выскочился изъ-за стола и вытянувшись показавъ, какъ въ ихъ времена маршировали тихимъ шагомъ въ три приема, „Ра-а-а-а, два-а-а—три!“ обрубавъ онъ и щелкалъ себя ладонью по ляжкѣ. Обойдя такимъ образомъ всю комнату, онъ сѣлъ и задумался.

— А вынѣсь, вдругъ разрѣшился онъ,—одна карамель пошла. Развѣ это солдаты? Это бульдегомъ, а не солдатысь.

Ужинъ окончился, какъ того именно и хотѣлъ Александръ Петровичъ. Когда подали счетъ, онъ заявилъ что забылъ свой бумажникъ дома и попросилъ Сергѣя Васильевича заплатить за него—до завтра. Сергѣй Васильевичъ поморщился, но заплатилъ.

— Дайте три рубля лакею на чай!

— А гривенника не довольно будетъ?

— Нѣтъ, засмѣялся Александръ Петровичъ,—дайте три рубля.

Старикъ еще больше поморщился, но самый большой скорпизъ его ожидалъ на крыльцѣ. Онъ уже снарядилъ себѣ вальку на Пески за сорокъ копѣекъ и собирался садиться, какъ Александръ Петровичъ удержалъ его.

— Постоите-ка, постоите, папа, вѣдь я вамъ ничего не долженъ?

— Какъ ничего. Двадцать девять и три лакею—тридцать два.

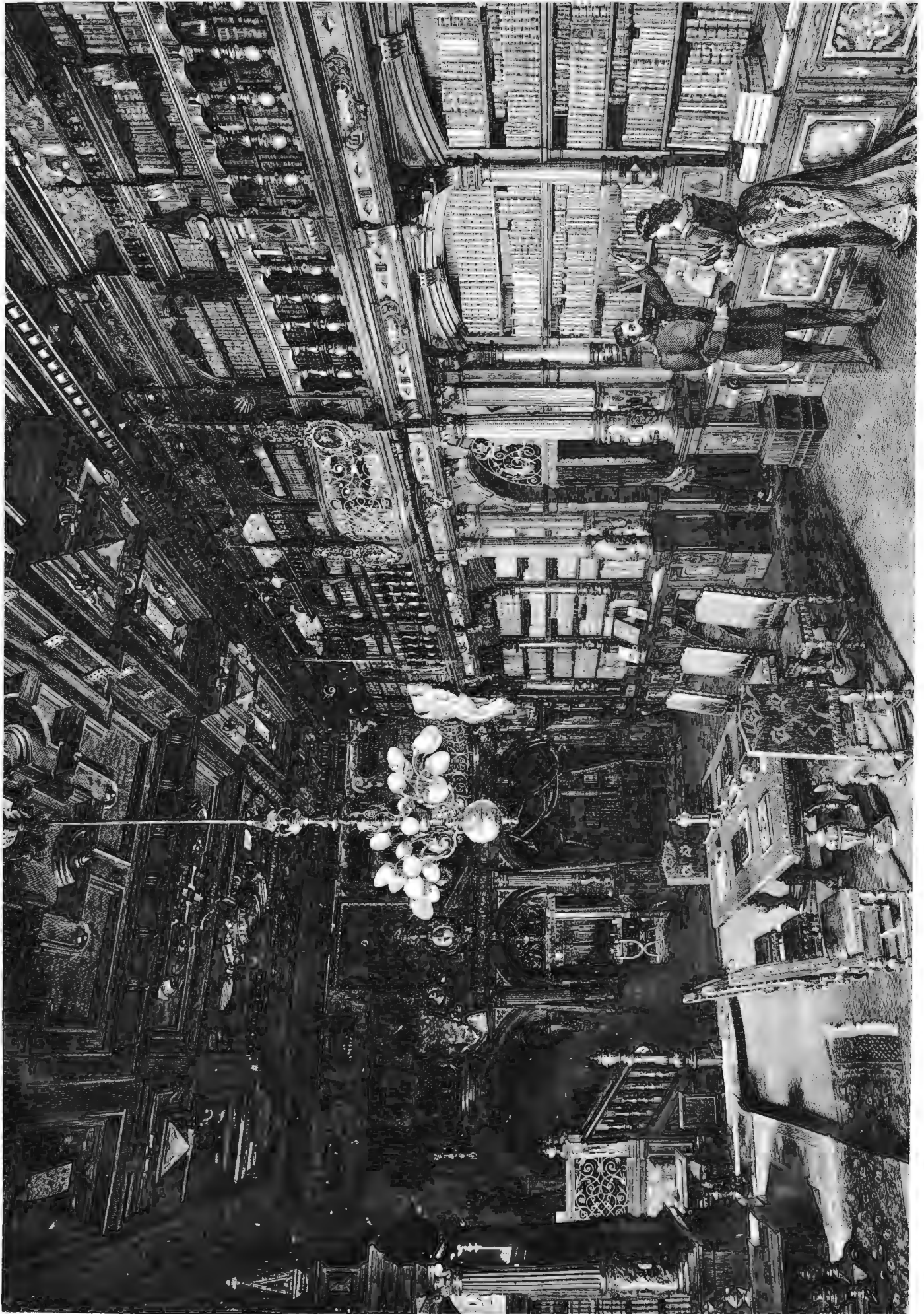
— А вы забыли что на прошлой недѣлѣ спорили съ Соней и проигрвали ей ужинъ?

— Да, вскипятился старикъ.—Проигралъ точно, но!.. Это разница. Я думалъ—у Палкина или въ Маломъ Ярославцѣ. Биштекъ тамъ или поросенка!.. И не шампанское!.. а лимонадъ. Лимонадъ для дамъ лучше. Или медъ. Есть такой Никитинскій медъ. Вкусный!

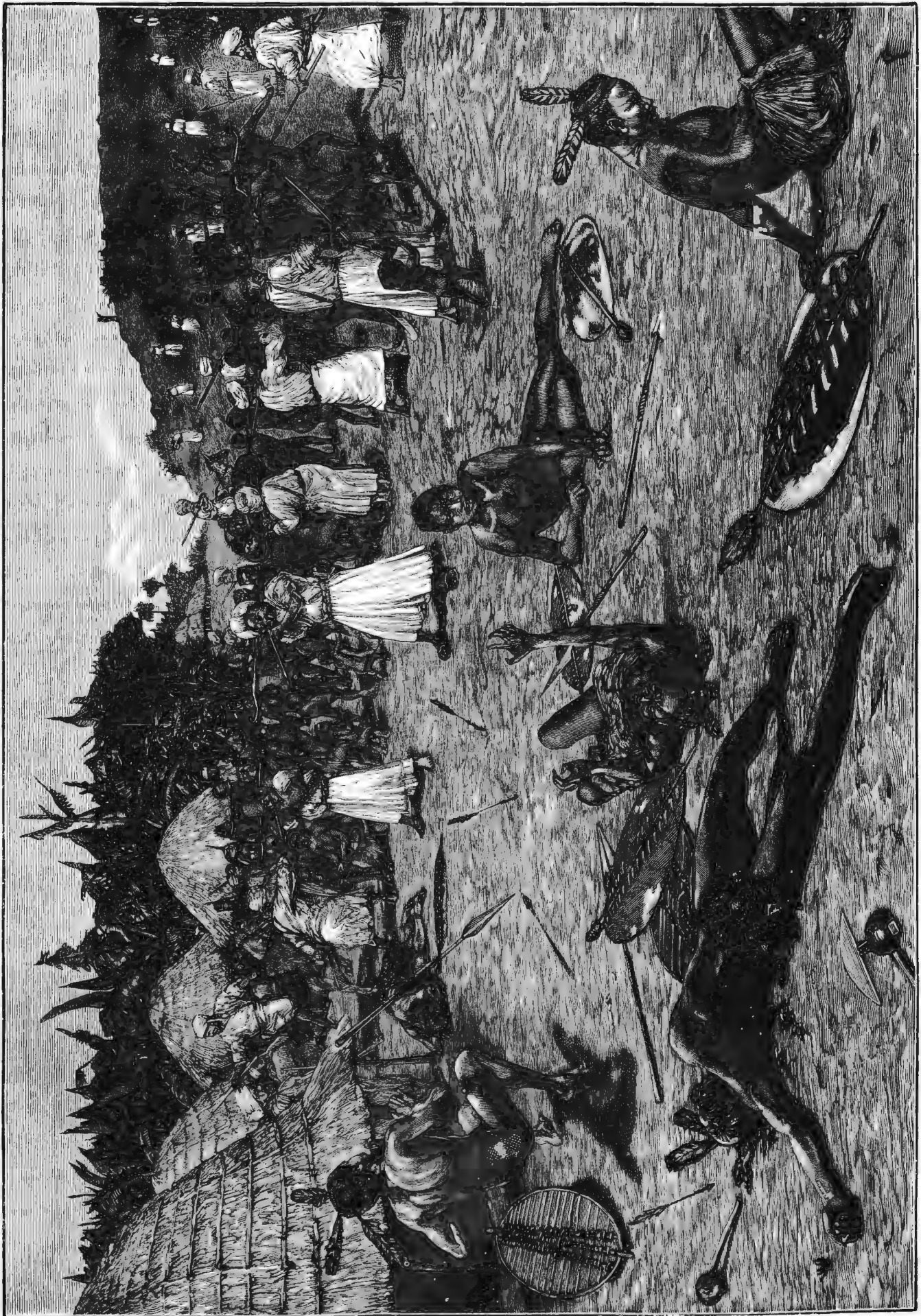
— Такъ мы квиты! смѣялся ему изъ окна кареты.—Вы ваме пари отдали!.. Мы въ рассчетѣ!

— Bonne-nuit, ра-а! хохотала Соня.—Спасибо, ра-а, за ужинъ.

*) Самоубійство, въ эти скорбныя минуты ты одно мнѣ осталось.

Библиотека короля и королевы Румынскихъ (Кармень Сильвы) въ королевскомъ дворцѣ. Съ фототр. грав. М. Михель.

Африканский вопросъ. Арабы захватывающіе въ рабство негровъ Центральной Африки. Грав. Флюгелъ.

— До свиданія, раа!.. Отличное шампанское... И какой со-
усъ изъ омаровъ, просто пальчики оближешь.

Сергѣй Васильевичъ такъ и остался съ разинутымъ ртомъ
передъ ванькой.

— Ты чего? накинусь онъ на извозчика, — чего торчишь?
что тебѣ мѣста мало, что-ли?

— Помилуйте... Вы же, господинъ, наняли въ четвертую ули-
цу Песковъ.

— Пшелъ!.. Пѣшкомъ пойду.

И запахнувшись въ шубу, старикъ двинулся къ себѣ.

Домой доѣхалъ Александръ Петровичъ въ совершенно ра-
душномъ настроеніи. Соня долго смѣялась откинувшись въ
уголъ кареты, потомъ шаловливо сорвала шляпу съ мужа и,
наклонивъ къ себѣ его голову, поцѣловала въ самую лысину.
Передъ самымъ домомъ, она вдругъ задумалась.

— Завтра о тебѣ опять будутъ говорить газеты.

— Должно быть! полудремя, уронилъ Александръ Петро-
вичъ.

Но онъ уже не слышалъ. Онъ проснулся, когда карета оста-
новилась у ихъ подъѣзда. Заспанное лицо Нади, отворившей
имъ дверь, было такъ смѣшно, что Соня фыркнула и Александръ
Петровичъ улыбнулся. Онъ уже не помнилъ потомъ какъ до-
брался до своего кабинета и легъ. Онъ заснулъ сразу, крѣп-
кимъ, здоровымъ сномъ въ мѣру утомленнаго человѣка, обла-
дающаго здоровыми нервами и сильнымъ организмомъ. Онъ
даже не слышалъ какъ со свѣчей въ рукахъ приходила Соня.
Та нарочно надѣла голубой капотъ отдѣланный такими же кру-
жевами. Онъ очень шель къ ей русой головкѣ и розовому ли-
чику. Она постояла-постояла надъ нимъ...

— Вавочка! шепотомъ позвала она.

Но Александръ Петровичъ спалъ, полураскрывъ ротъ.

Внезпно проникнувшись серьезностью своего положенія,
Соня перекрестила Вавочку и на цыпочкахъ вышла вонъ.

— Пожалуйста, утромъ, не будите его! обернулась она къ
Надѣ. — Онъ очень усталъ сегодня... На пятнадцать лѣтъ осу-
дилъ одного тамъ.

— Миѣ все единственно... хотя и на пятнадцать... невѣдомо
для самой себя молода что-то совѣмъ сившая Надя.

— То-то... это тоже надо понимать.

IV.

Часовъ до четырехъ утра Александръ Петровичъ спалъ крѣп-
кимъ сномъ, ни разу не просыпаясь.

Оставленная у него свѣча долго еще горѣла, потомъ мигнула
пѣсколко разъ, пламя вспыхнуло было и потянулось вверхъ,
но оборвалось и погасло... Длинная струйка дыму закружилась
подъ тѣвней еще свѣтильной и черная тьма охватила отовсю-
ду утомленнаго труженика... Обыкновенно онъ просыпался въ
восемь часовъ, и Надя приносила сюда къ нему кофе и порт-
фель съ дѣлами. Курьеръ изъ окружнаго суда являлся съ нимъ
аккуратно въ семь часовъ каждый день. Барыня вставала въ
полдень, иногда и позже, и Александръ Петровичъ уходилъ изъ
дому не видя ее вовсе. Надя съ вечера думала, что завтра ей
нечего вставать рано. Баринъ усталъ и вѣрно проспитъ дольше
обыкновеннаго. Но оказалось иначе.

Около четырехъ часовъ Александру Петровичу показалось
какъ-будто его кто-то толкнулъ въ бокъ. Онъ живо припод-
нялся и нѣсколько секундъ просидѣлъ на своемъ диванѣ, не
понимая что это значитъ. Кругомъ стояла зловѣщая тишина.
Ему дышалось трудно. Казалось, въ комнатахъ не хватало воз-
духу. Сердце щемило. Какая-то безпредметная тоска охваты-
вала его... Онъ попробовалъ было лечь опять, но теперь и одѣ-
ло, и спинка дивана, и постланный для него тюфякъ давили
его. Мягкая подушка будто клещами охватывала голову. Потъ
выступалъ у него на лбу, въ вискахъ стучало... Ему чудилось,
что только что здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ кромѣ него никого
не было, что-то случилось. Что—онъ не зналъ. Или что-то слу-
чилось, или кто-то здѣсь есть. Рядомъ въ залѣ зашипѣло... Это
часы... Разъ, два, три, четыре... Отголоски послѣдняго удара
еще дрожатъ въ ушахъ, скользятъ по стѣнамъ, точно ищутъ
выхода прежде чѣмъ умереть... Какія глуности, неужели опъ
поддается этому! Вѣрно немного больше выпилъ шампанскаго
за ужиномъ... А можетъ быть и омары... Говорятъ, омары тя-
желы на ночь. Онъ сбросилъ съ себя одѣяло и вытнулся...
Нѣтъ... Здѣсь положительно есть кто-то... и именно вонъ въ
томъ углу. Онъ не видитъ этого угла, но знаетъ гдѣ онъ. Свѣтъ
уличныхъ фонарей не проникаетъ сюда вовсе, потому что На-
дя на ночь плотно затянула окна тяжелыми гардинами. Имен-
но вонъ въ томъ углу... Что это?... точно простоналъ кто-то...
Точно Дюравъ, умирая на глазахъ у шюна Барнаба. Нѣтъ,
это не впечатлѣніе оперы. Это не стоить... Это тихо, тихо ры-
даетъ кто-то. Именно тихо рыдаетъ, очевидно боится разбудить
его... И какъ это прежде онъ не понялъ... Развѣ Соня встала?
Нѣтъ, о чемъ же ей плакать... Да не спитъ-ли онъ, не кош-
маръ-ли его мучить? Онъ нарочно кашлянулъ и звукъ его
кашля такъ странно прозвучалъ въ этой комнатѣ, что ему
стало холодно. Что-то будто шархнулось въ углу... Шевелится.
Рыданія не слышно... Опять... Опять плачетъ. Да это та самая
женщина, что въ судѣ зарыдала тогда. Она и есть... Фу, какая
глупость!.. Развѣ она могла проникнуть сквозь стѣны его квар-
тира? Неужели шалить воображеніе? Но какое же воображе-

ніе у него—у председателя. Еще долго, не склоняясь ни въ ту,
ни въ другую сторону, онъ спокойно резюмировалъ все совер-
шающееся передъ нимъ... Вѣдь онъ же „закостенѣлый“. Никогда
и ничего въ немъ не шевелилось такого. Откуда это могло
притти? Не понимаю... И тѣ тоже семеро „младенцевъ ко-
торые“ пиш-шатъ... Пиш-шатъ, почему не падать?... Вѣдь дуракъ,
дуракъ мужикъ—а поди-ко какъ образно выразился: точно гал-
чата рты раскрыли и ѣтъ просить. Голодны. Скверная штука
этотъ голодъ. Семеро дѣтей—брошенныхъ на произволъ судьбы.
А отецъ-работникъ сидитъ въ тюрьмѣ... Высшая справедли-
вость, зло должно быть наказано—понятное дѣло. Не объ чемъ
и говорить, но вотъ причеиъ сюда затесались эти „галчата...“
Зачѣмъ они рты раскрываютъ? И эта женщина въ судѣ... Ну
положимъ—пятнадцать лѣтъ каторжной работы. Онъ этого за-
служилъ; не могла-же она рассчитывать, что его за это по го-
ловкѣ поглядятъ, понятно... Чего-же она и плакала... Чего... И
теперь зачѣмъ—вонъ въ томъ углу... Неужели это у него такъ
въ ушахъ засѣло, что до сихъ поръ слышно...

Нѣтъ, это невозможно... Надо зажечь свѣчу...

Онъ собралъ всѣ силы, стяхнулъ съ себя какую-то страп-
ную охватившую его робость и чиркнулъ спичкой по коробкѣ.
Чиркнулъ—и пока голубой огонекъ разгорался и желтѣлъ, онъ
высоко поднялъ ее надъ головой... Сначала этотъ огонекъ бес-
словно боролся съ темнотою, то вспыхивая, то точно опять
смежалъ око... Наконецъ онъ покраснѣлъ, позолотѣлъ и длин-
нымъ языкомъ протянулся вверхъ... Тьма поползла отъ него
вверхъ, на секунду сгустилась въ углахъ и тогда-же свисавъ
стѣны ушла куда-то... Только впечатлѣніе какого-то движенія
осталось въ тепломъ воздухѣ. Точно что-то дыханіе еще про-
должало наполнять его...

Александръ Петровичъ зажегъ свѣчу,—новую свѣчу, стояв-
шую рядомъ съ догоравшей.

V.

Теперь онъ лежалъ совершенно спокойно.

Ему былъ виденъ весь его кабинетъ, суровый и строгій, какъ
и онъ самъ. Чернаго дерева столъ, такое же кресло. На столѣ
только дѣловыя бумаги, въ черномъ шкапу позади—судебные
уставы, кассационныя рѣшенія, сводъ законовъ и въ качествѣ
болѣе легкаго чтенія—разныя сочиненія по юриспруденціи,
Миттермайеръ, Беккариа, рѣчи Кони—„pêle-mêle“—родъ клад-
бища, куда хорилиась разъ навсегода прочитанная книга... На-
верху виденъ гипсовый профиль Гамбетты. Какъ этотъ страст-
ный французъ попалъ сюда? Кажется, въ день его именинъ.
Соня нѣсколько лѣтъ тому назадъ купила и привезла его. На-
шла кому дарить. Нельзя-же было обидѣть ее отказомъ—и Гам-
бетта, къ крайнему удивленію своему, умѣстился среди этого
храма судебного безпристрастія, безразличія и, если хотите, без-
сердечія... Да, теперь вспомнилъ Александръ Петровичъ. Это
еще пять лѣтъ тому назадъ—по поводу одного знаменитаго
процесса—маленькая газета какая-то упрекнула его въ безсер-
дечіи. Причѣмъ тутъ сердце? Ему нужно сердце для себя, для
своей жены, своихъ ближнихъ, своего дома. Тутъ опъ не мо-
жетъ укорить себя въ отсутствіи сердца, но на службѣ—слуга
покорный! Председатель—и сердце!.. Онъ—олицетвореніе стро-
гой справедливости. Онъ та рука, которая держитъ всѣхъ. На
право владетъ свои гири прокуроръ, налѣво—свой товаръ за-
щитникъ. Его дѣло, дѣло Александра Петровича наблюдать за
тѣмъ, чтобы стрѣлка наверху показывала вѣрно и чтобы...
Впрочемъ какія глупости ему лѣзутъ въ голову. Какъ еще дол-
го—завтра опять дѣло въ судѣ, надо хорошо выспаться, а то
весь день будешь измороженный... Онъ отодвинулъ свѣчу, обер-
нулся спиною къ ней, зажмурилъ глаза и плотно укрылся
одѣяломъ...

Какъ стучитъ маятникъ въ залѣ!.. Разъ-два... Разъ-два... Два
онъ отбиваетъ сильнѣе чѣмъ разъ. Порою кажется, что маят-
никъ размахиваетъ надъ самой его головою, такъ среди мол-
чанія ночи силенъ этотъ звукъ. Разъ-два... Разъ-два... Хотя
собственно молчанія нѣтъ... Вонъ гдѣ-то въ углу скребется
мышь. Скребеть и грызеть... Полъ кажется грызеть. А сна нѣтъ
какъ нѣтъ. Откуда-то слышно что-то дыханіе. Тяжелое, сильное.
Вѣрно Надя—она всегда такъ спитъ... И сквозь удары маятника
порою рождаются и умираютъ какіе-то загадочные звуки...
Странные... Всего вѣрнѣе, что они только и живутъ въ его
раздраженномъ слухѣ...

И зачѣмъ жены подсудимыхъ посѣщаютъ засѣданія... Соб-
ственно говоря, ихъ-бы не слѣдовало пускать вовсе. Эта сегодня
паприиръ такъ зарыдала... Интересно знать когда будетъ на-
значено дѣло этого извозчика съ семью дѣтьми и кто дол-
женъ предсѣдѣть? Въ самомъ дѣлѣ выйдетъ исторія, если
старикъ-отецъ явится со всеми этими галчатами-виунами въ
залу суда. Будутъ-ли они плакать или станутъ сидѣть спокойно
вытаращивъ глаза на обвиняемаго? Обвиняемому разумѣется всего
хуже. Неловко при дѣтияхъ... И ихъ слѣдовало не пускать... И
съ чего только сознался сегодня этотъ несчастный? Положимъ,
мы его какъ краснаго звѣря загнали въ уголъ—не выдержалъ
и размякъ. И вѣдь всѣ эти два дни смотрѣлъ весело, молод-
цомъ, даже румянецъ у него на лицѣ игралъ, а тутъ разомъ
вспотѣлъ, осунулся... Что на него нашло такое? Не будь это-
го—пожалуй-бы его оправдали и жена-бы не плакала... А зло
осталось-бы безнаказаннымъ? Да, разумѣется... Слѣдовало такъ—

оно и вышло как слѣдовало. Что-же намъ за дѣло — кто стоитъ за спиной подсудимаго! Мы судимъ фактъ и личность, а не тѣхъ кто съ нимъ такъ или иначе связанъ... А вѣдь судебнымъ приговоромъ все-таки не рѣшается вопросъ... Все-таки не рѣшается... Откуда-то показываются какіе-то хвостики — дернешь и вытаскиваешь совершенно неожиданно. То жена, то семеро галчатъ... Пипи-пипи, вѣтъ просятъ... Какъ-же высшей-то справедливости не войти въ это... А какъ войти? Какое дѣло судьбъ?.. Въ самомъ дѣлѣ?..

Пятнадцать лѣтъ каторги. Иванъ Еремѣевъ или Еремей (Ивановъ... И не вспомнишь, право. А передъ этимъ Лоскутникова на двадцать закатали, Дмитріева на пятнадцать, Сибѣлова на семь, Мяскова тоже на пятнадцать... Сколько всего это выйдетъ? Тридцать пять, пятьдесятъ, семь да пятнадцать—двадцать два—семьдесятъ два... Это все въ три мѣсяца. Въ три мѣсяца семьдесятъ два года каторжной работы... А сколько выйдетъ въ годъ?.. Чего добраго лѣтъ сто выйдетъ... А за семь лѣтъ, которыя онъ сидитъ въ предсѣдательскомъ креслѣ — неужели семьсотъ лѣтъ каторжной работы... Непожно-множко, какъ говорить вѣмецъ переводчикъ... И вѣдь всѣ эти дѣла къ нему направляются непременно. Это — въ отдѣленіе къ Александру Петровичу, онъ не сентименталецъ... Да, онъ разумѣется не сентименталецъ. Ему нельзя быть сентиментальнымъ. Онъ „представитель вселкой справедливости“. Кто первый сказалъ это? Кажется Преводъ; да онъ именно. Говорятъ, что и въ тюрьмѣ знаютъ. Какъ только дѣло къ нему назначено — такъ преступники разомъ теряютъ всякую надежду... Пронала головушка!

Да, ему нельзя быть сентиментальнымъ. Иначе не служилъ — и подавай въ отставку. А ему нельзя безъ жалованья. Гдѣ пять тысячъ найдешь?.. Интересно знать, какъ-бы Соня въ мебелированныхъ комнатахъ уместилась... Какъ-бы она ходила обѣдать въ кухмистерскую... Тридцать копѣекъ два блюда и пирожное... Да вотъ именно гдѣ сантименты нужны... Для своего гнѣзда, для Соши...

Разъ, два, три, четыре... Неужели пять? Такъ и есть... Это онъ дѣлалъ часть проворочался на своей постели. И опять весь въ поту, и душно, и дышать вѣтъмъ...

Онъ всталъ, босякомъ подошелъ къ окну и раздвинулъ гардины...

Тускло мигали фонари. Погода измѣнилась. Стоялъ туманъ... Вошъ по стекламъ змѣятся влажные слѣды, — неужели падаешь опять этотъ мокрый и разомъ тающій снѣгъ? Точно яркоглазый чудовищный паукъ проползла карета съ выпученными зажженными фонарями... Что-то теперь дѣлаетъ эта женщина, что плакала сегодня?.. Раньше завтрашняго дня она не увидитъ мужа... Воображаю какъ мучится. Воображаю! Да почему-же я раньше никогда не воображалъ этого? Чтѣ именно сегодня случилось со мною? Не отъ омара-жъ въ самомъ дѣлѣ... Поди лежить теперь даже безъ сна на своей кровати и реветъ... А дѣти-галчатъ? И этотъ старикъ-дѣдъ... Пріѣхалъ домой, поставилъ лошадей — и тоже не спитъ — ворочается?.. Нѣтъ, я такъ не засну... Одному — жутко.

Александръ Петровичъ вернулся къ дивану, взялъ свѣчу и пошелъ къ женьѣ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Императрица Фаустина во храмѣ Юноны (Пренесте). (Рис. на стр. 208 и 209).

Аннія-Галерія-Фаустина, дочь Аннія-Вера, супруга римскаго императора Антонина Пія (благочестиваго), умершая въ 141 году по Р. Х., тридцати шести лѣтъ, въ теченіи жизни вела себя довольно несоотвѣтственно своему высокому сану, вслѣдствіе чего и навлекла нареканія римскихъ исторіографовъ, обвинявшихъ ее въ лицемерной скрытности при полной разнузданности правды. Однажды, глядя на проходившихъ мимо нея гладиаторовъ, она до такой степени влюбилась въ одного изъ нихъ, что ни о чемъ другомъ не могла думать — и эта злополучная страсть стала грозить какъ физическому здоровью, такъ и умственнымъ способностямъ Фаустины. Когда, доведенная до отчаянія, императрица повѣдала своему супругу состояніе своей души, добродушный Антонинъ предложилъ ей посоветоваться съ питониссой (вдохновенной жрицей оракула) въ храмѣ Юноны (по другимъ, Фортуны) въ Пренесте. Этотъ послѣдній, городокъ въ Лациумѣ, былъ любимою лѣтнею резиденціей императоровъ и славился своимъ оракуломъ. Эту-то сцену и представляетъ историческая картина Келлера. Императрица со своею женскою святой ожидаетъ результатовъ совѣщанія съ оракуломъ, стоя въ предверіи святилища, куда доступъ женщинамъ возбранялся. Въ глубинѣ святилища, у подножія истукана богини, вилна въ бѣломъ одѣяніи питонисса, окруженная императоромъ и жрецами, внимающими ея прорицанія. Оракулъ объявилъ, что для излѣченія императрицы необходимо убить гладиатора и напоить Фаустину его кровью. По исполненіи этого предписанія, Фаустина волею-неволею исцѣлилась отъ своей болѣзненной причуды, а сынъ ея, Комодъ, какъ отмѣчаютъ исторіографы, былъ болѣе ловкимъ гладиаторомъ, чѣмъ достойнымъ правителемъ своего народа.

Картина эта — лучшее произведеніе Альберта Келлера.

Идетъ! (Рис. на стр. 213).

Дѣвъ тирольскія дѣвушки, въ праздничномъ нарядѣ, ожидающія любезнаго кавалера, который обѣщалъ сопровождать ихъ на ярмарку, гдѣ будутъ танцы и разныя сельскія забавы.

Библіотека короля и королевы Румынскихъ.

(Рис. на стр. 216).

„Противорѣчіе оживляетъ разговоръ; оттого при дворахъ бываетъ такъ скучно“; „глупость пробивается впередъ, чтобы быть на виду; умъ стоитъ позади, чтобы наблюдать“! Съ перваго раза можно подумать, что оба эти выраженія принадлежатъ челоуку, которому надобѣлъ образъ жизни высшаго круга, — высшаго слоя общества, и который избѣгаетъ его, чтобы, не стѣсняясь условными границами этикета и церемоній, развиваться и совершенствоваться на просторѣ. На самомъ дѣлѣ обѣ вышеприведенныя мысли почерпнуты изъ книги, содержащей цѣлый рядъ прекрасныхъ афоризмовъ и озаглавленной „Мысли королевы“ (Pensées d'une reine). Книга эта, дѣйствительно, вышла изъ-подъ пера настоящей королевы, — королевы Румынской Елизаветы, болѣе известной въ литературномъ мірѣ подъ псевдонимомъ Карменъ Сильва.

Карменъ Сильва, вѣнценосная поэтесса, давно обратила на себя вниманіе всего просвѣщеннаго міра своими талантистыми литературными произведеніями. Идеальное направленіе ея вдохновенія, глубина чувствъ, рѣдкое творчество и горячее

участіе ко всѣмъ вопросамъ времени навсегда обезсмертили-бы ея имя, еслибы оно принадлежало даже простой смертной.

Королева Румынская Елизавета родилась въ 1843 году въ Нейвидѣ; первые годы маленькой принцессы прошли весело и беззаботно; живой и любознательный ребенокъ любилъ болѣе всего въ это время слушать сказки или присутствовать при разговорахъ взрослыхъ. Въ 1850 году тяжело заболѣла горячо любимая мать маленькой принцессы, и это было первое горе, которое пришлось ей пережить; трудно себѣ представить какъ сильно грустилъ семилѣтній ребенокъ, лишенный возможности дѣльными дѣлами видѣться со своею больною матерью.

Сколько любви, заботы и состраданія выказало въ то время сердце маленькой принцессы! Можно было уже тогда предвидѣть, что эти христіанскія добродѣтели будутъ лучшимъ украшеніемъ будущей королевы Румынской. И дѣйствительно, какъ до своего замужества, такъ и позже, ставъ супругою князя, а впоследствии короля Румынскаго Карла, королева Елизавета неустанно проявляла и продолжаетъ проявлять эти высокія качества своего любвеобильнаго сердца, черпала изъ него, какъ изъ неиссякаемаго источника, помощь и утѣшеніе для бѣдныхъ и сирыхъ, старыхъ и дѣтей.

Такою-же горячею любовью къ ближнему и сочувствіемъ къ его бѣдѣ и несчастію, отличается большинство произведеній Карменъ Сильвы. Первые произведенія королевы-поэтессы появились за подписью Э. Веди въ „Magazin für die Literatur des Auslandes und der Gegenwart“, въ 1878 году, и тогда-же обратили на себя вниманіе критики. Наибольшій успѣхъ и похвалы встрѣтили ея прелестныя сказки, вышедшія въ 1883 году подъ заглавіемъ „Изъ царства Карменъ Сильвы“, и ея новѣйшій сборникъ рассказовъ.

Помѣщенный на стр. 216 рисунокъ изображаетъ бібліотеку-залъ, въ румынскомъ королевскомъ дворцѣ.

Африканскій вопросъ. (Рис. на стр. 217 и 221).

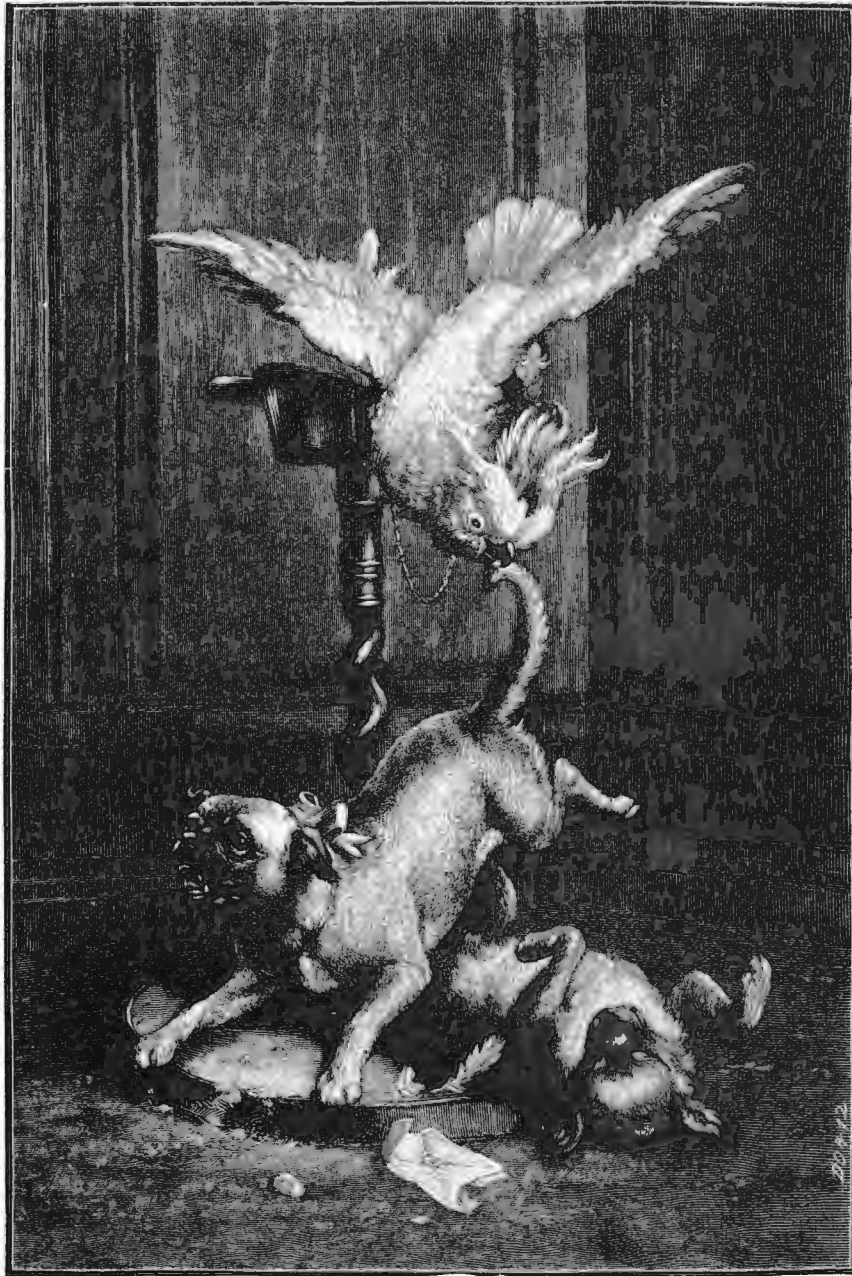
Колоніальная политика Германіи и Англіи на восточномъ берегу Африки, гдѣ обѣ эти державы имѣютъ подъ своимъ протекторатомъ обширныя земли, а первая — даже и собственность, въ настоящее время возбуждаетъ значительный интересъ, такъ какъ возникшія недоразумѣнія между Занзибаромъ и вѣмцами вытекаютъ уже изъ нѣсколько разъ затронутаго вопроса о торговлѣ невольниками. Не смотря на то, что лѣтъ десять тому назадъ Англіи, съ большимъ впрочемъ трудомъ, удалось таки заключить съ Занзибарскимъ султаномъ трактатъ объ уничтоженіи этого постыднаго торговаго, — важная дипломатическая побѣда, какою считала Англія заключеніе трактата, оказалась только кажущейся, такъ какъ все дѣло ограничилось лишь пониженіемъ цѣны на рабовъ, вслѣдствіе отъѣмны пошлыны, поступавшей въ пользу султана съ этой прібыльной отрасли торговли. Въ настоящее время она процвѣтаетъ едва ли не по-прежнему. Нѣсколько неумѣлое вмѣшательство въ эту торговлю европейцевъ, особенно вѣмцевъ, на усиливашійся приливъ которыхъ въ Занзибаръ арабы смотрятъ не особенно доброжелательно, и породило тѣ враждебныя вѣншики туземнаго населенія, которыя выразились въ кровавой распрѣ съ ними; а вслѣдствіе жестокаго наказанія, понесеннаго за это туземцами, враждебность ихъ приняла въ настоящее время такіе размѣры, что соединенный англо-германскій флотъ вынужденъ блокировать все восточно-африканское побережье, занимаемое Занзибаромъ. Занзибарскій султанъ, кромѣ острововъ: Занзибара, Пембы

и Мафи, владѣть длинной береговой полосой отъ устьевъ р. Тава до устьевъ р. Ровума (отъ 2° до 10¹/₂° южн. шир.), причѣмъ власть его ограничивается только берегомъ, не распространяясь болѣе или менѣе далеко внутрь страны. На этомъ берегу расположены нѣсколько городовъ, изъ которыхъ самый значительный и собственно заслуживающій этого названія безспорно Момбасъ; гораздо меньшее значеніе имѣютъ Ламу, Килоа, Пангани и Багамои. Населеніе побережья, какъ и города Занзибара, состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ элементовъ: преобладающаго по количеству—негровъ кафрской группы, зуахели, и меньшаго по числу, но главенствующаго—арабовъ, выходцевъ изъ Маската, которые теперь однако, отъ смѣшенія съ черной расой, начинаютъ терять свой семитическій типъ, и даже въ городахъ, какъ напр. въ Ламу и Момбасъ, охотнѣе говорить на языкѣ зуахели, чѣмъ на своемъ родномъ. Зуахели—плотный, замѣчательно-мускулистый народъ, съ коричневою блестящею кожей, приплюснутымъ носомъ и толстыми губами, представляющій типъ настоящего негра; они сравнительно гораздо живѣе, веселѣе и дѣятельнѣе своихъ не прибрежныхъ сосѣдей; въ городахъ многіе изъ нихъ даже торгуютъ; впрочемъ, эта торговля ограничивается въ большинствѣ случаевъ продажей бетеля, плодовъ или съѣстныхъ припасовъ. Ихъ женщины, обернутыя зачастую въ самыя пестрыя ткани, въ растянутыхъ мочкахъ ушей носятъ большіе, вершка въ 1¹/₂ въ диаметръ, деревянные кружки или свернутую спиралью бумажную ленту, а франтики выбрѣваютъ къ тому же на курчавой головѣ параллельныя полоски отъ лба къ затылку. Арабы—аристократія и преимущественно войско, хотя въ настоящей регулярной арміи, т. е. находящейся въ самомъ городѣ Занзибарѣ и имѣющей даже установленную форму, служатъ и индусы, и персы, а среди начальствующихъ—многіе изъ европейцевъ. Каждый арабъ непременно носить за поясомъ кривой, странной формы кинжалъ, а въ рукахъ или на плечѣ, надѣтомъ на плечо, прямой длинный мечъ или кривую саблю; это оружіе, право пошени котораго не распространяется на зуахели, служитъ въ некоторомъ родѣ мѣриломъ состоятельности своего хозяина по своей отдѣлкѣ, которая у богачей отличается роскошью. Кроме этихъ двухъ элементовъ населенія, нельзя не упомянуть еще и о третьемъ, незначительномъ по числу, но играющемъ громадную роль въ Занзибарѣ, именно объ индусахъ или бапанахъ. Вся торговля страны, какъ оптовая, такъ и мелочная, находится исключительно въ ихъ рукахъ. Значеніе этой торговли усилилось еще болѣе съ прорытіемъ Суэскаго перешейка и открытіемъ Британо-индійской компаніей правильнаго ежедневнаго сообщенія между Аденомъ, Ламу,

Момбасомъ, Занзибаромъ и португальскимъ владѣніемъ Мозамбикомъ.

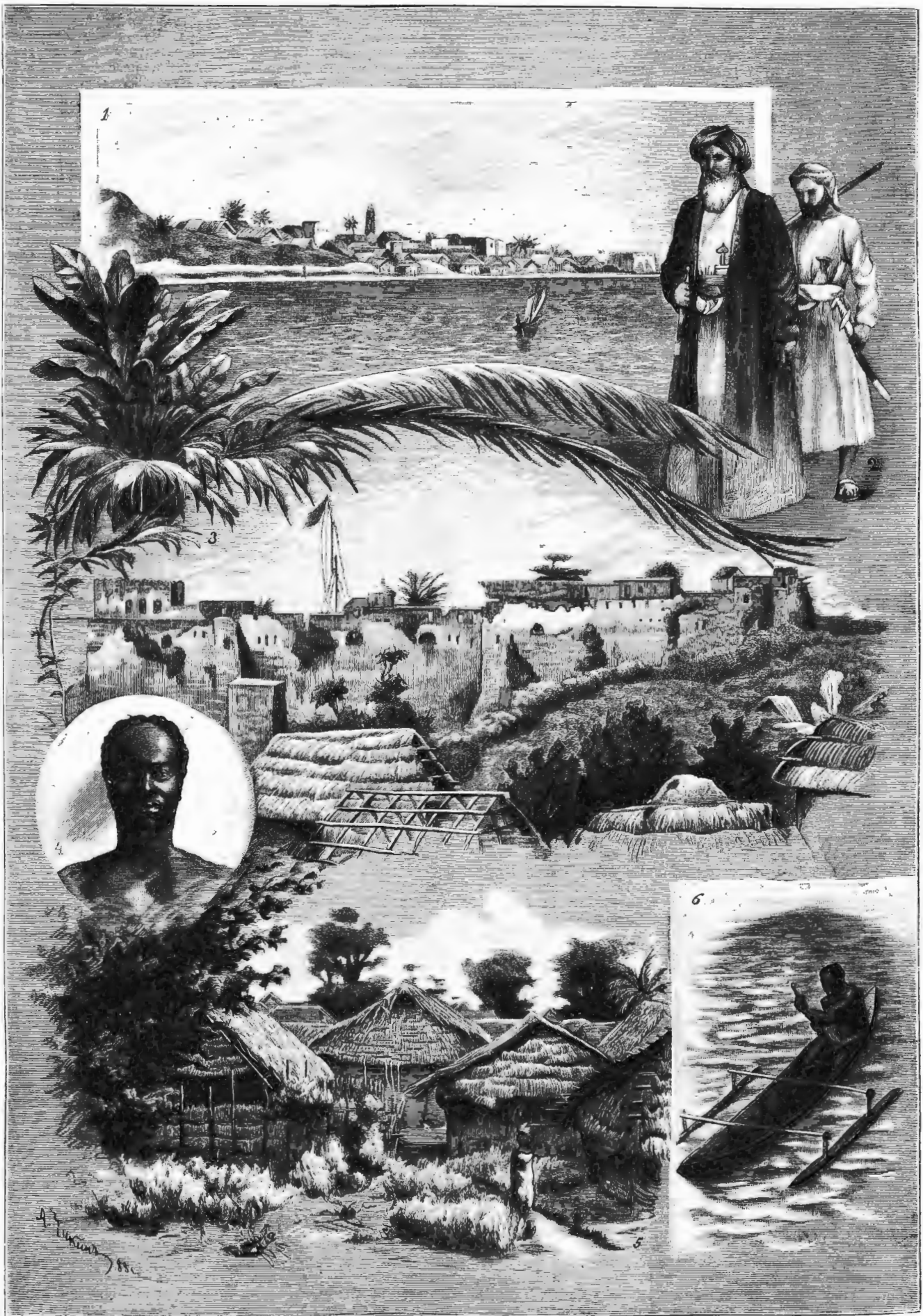
По выходѣ изъ Адена, послѣ десятидневнаго плаванія по безбрежному океану, во время котораго только однажды видна далекая земля—мысъ Гвардафуй, при поворотѣ за который во время муссоновъ приходится еще переносить четырехдневную ужасную качку, пароходъ прибываетъ, наконецъ, въ Ламу. Сперва на горизонтѣ виднѣется чуть замѣтная темная полоска, которая по мѣрѣ приближенія расширяется и проясняется, и скоро можно различить то несчастье, то поросшія густой аслепью холмы съ синѣющими вдали за ними лѣсами;

направо виднѣется крохотное каменное укрѣпленіе, не болѣе трехъ сажень длины, съ тремя довольно европейскаго вида пушками,—и пароходъ, вступивъ въ проливъ, отдѣляющій островъ Ламу отъ континента и сосѣднихъ съ нимъ острововъ, бросаетъ якорь при громѣ пушки передъ Шелалемъ, или иначе Шеляхомъ. Ламу, имѣющій около 5—6 тысячъ душъ, лежитъ по другую сторону острова тоже при проливѣ, въ часовомъ разстояніи отъ Шелали, который играетъ для него роль порта. Высадившись на берегъ при помощи самаго первобытнаго устройства лодки, управляемой мускулистыми зуахели, вы вступаете внутрь мѣстечка, въ цѣлый лабиринтъ улочекъ, наклоняя голову изъ опасенія задѣть за крыши хижины. Въ самомъ Шелалѣ имѣется тоже крѣпость, у стѣнъ которой можно замѣтить едипстенную ея безіоносно валяющуюся чугунную пушку; за то на стѣнѣ развѣвается красный флагъ Занзибара. Безъ проводника немислимо, конечно, выбраться изъ Шелали на дорогу въ Ламу—и потому, попавъ на перваго встрѣчнаго, вы шествуете за нимъ къ дорогѣ, сопровождаемые цѣлой толпой любопытныхъ и отвѣчая на сыплющуюся на васъ со всѣхъ сторонъ „амбо“ (здравствуй). Дорога въ Ламу проходитъ сперва мимо зарослей гигантскихъ молочайниковъ, а потомъ все время прекарасно кокосовою рощей. Путешественникъ, незнакомый еще съ тропической флорой Африки, съ восхищеніемъ смотритъ на эти чудныя пальмы, на громадные баобабы, возвышающіеся среди луговъ на противоположной сторонѣ пролива, и на роскошныя думъ-пальмы съ вѣрообразными листьями. Послѣ часоваго пути вы достигаете Ламу, ничѣмъ отъ Шелали не отличающійся городокъ, кромѣ того, что въ немъ есть одна прямая улица; Ламу имѣетъ для нѣмцевъ, которыхъ живетъ здѣсь около пяти душъ, большое значеніе, такъ какъ къ ю.-в. отъ острова лежатъ обширныя земли, принадлежащія обществу „Witugesellschaft“, занятая преимущественно кокосовыми плантаціями. Въ Момбасъ пароходъ по выходѣ изъ Ламу прибываетъ на другой день. Городъ этотъ расположенъ тоже на

Долгъ платежѣмъ прасень. Съ карт. К. Рейхерта, грав. Бонгъ.

плющіяся на васъ со всѣхъ сторонъ „амбо“ (здравствуй). Дорога въ Ламу проходитъ сперва мимо зарослей гигантскихъ молочайниковъ, а потомъ все время прекарасно кокосовою рощей. Путешественникъ, незнакомый еще съ тропической флорой Африки, съ восхищеніемъ смотритъ на эти чудныя пальмы, на громадные баобабы, возвышающіеся среди луговъ на противоположной сторонѣ пролива, и на роскошныя думъ-пальмы съ вѣрообразными листьями. Послѣ часоваго пути вы достигаете Ламу, ничѣмъ отъ Шелали не отличающійся городокъ, кромѣ того, что въ немъ есть одна прямая улица; Ламу имѣетъ для нѣмцевъ, которыхъ живетъ здѣсь около пяти душъ, большое значеніе, такъ какъ къ ю.-в. отъ острова лежатъ обширныя земли, принадлежащія обществу „Witugesellschaft“, занятая преимущественно кокосовыми плантаціями. Въ Момбасъ пароходъ по выходѣ изъ Ламу прибываетъ на другой день. Городъ этотъ расположенъ тоже на

Африканский вопрос. Виды и типы Занзибара. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Чикина, грав. Шюблерь.

1. Шелаль на остр. Ламу. 2. Занзибарские арабы. 3. Цитадель Момбаса. 4. Типъ племени зуахель. 5. Улица въ Момбасѣ. 6. Челнокъ зуахели.

островъ, стоящемъ при устьѣ сильно развѣтвляющагося маленькаго залива. Прежде всего показывается его красивая крѣпость съ обросшими зеленыю стѣнами и сонно глядящими изъ амбразуръ пушками. Въ Момбасѣ имѣется значительная таможня, много каменныхъ зданій, но болѣе или менѣе длинныхъ и широкихъ улицъ въ городѣ всего одна; прочее представляеть либо сбитыя въ кучу пальмовыя хижины, какъ въ Шелалѣ и Ламу, либо заросшія зеленыя лужайки. Здѣсь достаточно лавокъ, въ которыхъ торгуютъ, конечно, индусы, совершающіе довольно крупныя обороты; есть также одна лавка, въ которой торговцами являются двое португальцевъ, составляющихъ здѣсь вмѣстѣ съ двумя англійскими миссіонерами и агентомъ англо-индійской компаніи все общество европейцевъ. Жителей въ Момбасѣ около десяти тысячъ душъ.

Торговля живымъ товаромъ, несмотря на всѣ старанія цивилизованнаго міра, по настоящее время продолжается въ Африкѣ и ведется самымъ дерзкимъ и безчеловѣчнымъ образомъ. На страницѣ 217 изображена отталкивающая сцена захвата негровъ въ неволю африканскими рабо-торговцами Арабами. Подрававшись въ высокой травѣ или по пальмовымъ рощамъ къ заранѣ намѣченной деревушкѣ, они нападаютъ на нее внезапно и врасплохъ. Обыкновенно выбирается для того время, когда большинство мужскаго населенія находится на охотѣ или рыбной ловлѣ, въ деревнѣ остались женщины и подростки, подъ охраною нѣсколькихъ воиновъ, не могущихъ оказать отпоръ болѣе многочисленному неприятелю. Убивая всѣхъ сопротивляющихся, рабо-торговцы безчеловѣчно стоняютъ женщинъ и дѣтей какъ стадо животныхъ въ одну кучу, связываютъ имъ на синіе руки, накидываютъ на шею волообразныя вѣтки, свободные концы которыхъ замыкаются деревянною заноркой, и попарно выгоняютъ изъ деревни. Маленькія дѣти съ плачемъ бѣгутъ за своими матерями пока ихъ поженки не устанутъ, а затѣмъ привязываются ремнями на грудь матери. Такой караванъ поспѣшно удаляется отъ опустошенной имъ деревни, отбѣгая свой путь новыми истребленіями огнемъ и мечомъ. По свѣдѣніямъ лицъ хорошо знающихъ страну, почти на каждаго проданнаго раба—приходится умершихъ отъ лишений на пути и убитыхъ рабо-торговцами около 1000 человекъ.

Долгъ платежѣмъ красенъ. (Рис. на стр. 220).

Всѣ трое: и оба моиска, и какаду — любимцы хозяйки, всѣ ревнуютъ ее и другъ другу завидуютъ, а потому не прочь подчасъ и насолить сопернику. Особенно доставалось добродушно-глуповатому какаду: чуть онъ примется за свои фисташки, собираясь позавтракать, лукавый моисикъ подкарается — хватить его за хвостъ—и либо стинетъ попугалъ съ жердочки, либо вырветъ перышко. Наконецъ и попка взлезъ за умъ, сообразилъ что хвосты есть и у моисиковъ—и вотъ результатъ его сообразительности.

Баронесса Вечѣра. (Порт. на стр. 224).

Марія Вечѣра, которой приписываютъ рѣшающее вліяніе въ Мейерлингской катастрофѣ, была восемнадцати-лѣтняя дѣвушка замѣчательной красоты, небольшого роста, но удивительно хорошо сложенная и граціозная, съ черными какъ смоль волосами и голубыми глазами. Ея мать, Елена Балтацци, сестра разбогатѣвшаго въ Марсели греческаго купца Теодора Балтацци (пять графа и знаменитаго въ Австріи спортсмена), вышла замужъ за барона Вечѣра, принадлежавшаго къ весьма древнему венгерскому роду. Въ министерствѣ Гоанварта онъ занималъ важный политическій постъ, затѣмъ сошелъ со сцены и только при Таафе получилъ назначеніе въ Каиръ, гдѣ и умеръ года два тому назадъ. Елена Балтацци принесла ему болѣе трехъ милліоновъ приданаго. Другая сестра Елены Балтацци вышла сначала за графа Сейтъ-Жюльена, потомъ по разводѣ стала графиней Штоккау. Такимъ образомъ семейство Вечѣра принадлежало къ высшему вѣнскому обществу. Одинъ изъ братьевъ Маріи, шестнадцатилѣтній Ласло (Владиславъ) погибъ въ пожарѣ вѣнскаго Рингъ-театра; другой, Фрей (Францискъ), которому теперь также шестнадцать лѣтъ, готовится къ военной карьерѣ; старшая сестра, двадцатилѣтняя Анна, отличается серьезнымъ характеромъ, въ противоположность Маріи, которая поражала всѣхъ своею веселостью, кокетствомъ и фантастическими причудами.

Во *Франкфуртской Газетѣ* напечатаны слѣдующія данныя, которые могутъ считаться наиболее достоверными до ожидаемаго официального изложенія, если только оно когда-нибудь послѣдуетъ. Кронпринцъ Рудольфъ познакомился съ Маріей Вечѣра въ то время какъ ее начали „вывозить“ и, по собственнымъ (якобы) словамъ его, почувствовалъ къ ней „магнетическое влеченіе“. Недоброжелатели принца довели это до свѣдѣній императора, который сдѣлалъ сыну серьезный выговоръ, но принцъ утверждалъ что это не болѣе какъ „дружба двухъ сродственныхъ душъ“. Съ другой стороны, ближайшій другъ принца, эрцгерцогъ Іоаннъ, будто бы потворствовалъ склонности принца и даже убѣждалъ его дать ей волю. Это также было доведено до свѣдѣній императора, и эрцгерцогъ Іоаннъ внявъ въ немилость, причѣмъ у него даже отняли дивизию въ

Линцѣ. Все это происходило въ половинѣ 1889 года. Мѣры пріятыя противъ друга и упрекъ эрцгерцогини Стефаніи заставили принца Рудольфа, необыкновенно дорожившаго своею самостоятельностью, все болѣе удаляться отъ двора. Онъ все чаще посѣщалъ домъ баронессы Вечѣра. Чтобы положить этому конецъ, семейство Вечѣра рѣшило выдать Марію замужъ за одного парижакаго финансиста, который, не смотря на всѣмъ извѣстную склонность эрцгерцога Рудольфа, все-таки хотѣлъ на ней жениться. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи въ концѣ декабря, эрцгерцогъ пришелъ въ неопределенную ярость и заявлять будто бы что онъ скорѣе откажется отъ правъ престолонаслѣдія и будетъ жить частнымъ человекомъ за границей съ любимой женщиной. Встревоженный этимъ императоръ Францъ-Іосифъ созвалъ семейный совѣтъ, на которомъ поручено было эрцгерцогу Карлу-Лудвигу, весьма близкому другу кронпринца, уговорить племянника; далѣе рѣшили возложить надежды на время, а баронессу Вечѣра держать подъ строжайшимъ призоромъ въ родительскомъ домѣ, гдѣ между тѣмъ спѣшно шли своимъ чередомъ приготовленія къ свадьбѣ Маріи. Всего страннѣе было, что ни съ ея стороны, ни со стороны кронпринца не было возраженій противъ этой свадьбы.

Подошелъ конецъ января. 29 числа въ полдень Марія Вечѣра исчезла изъ дому, оставивъ записку что ѣдетъ „къ родителям“. Мать однако догадалась, бросилась къ министру двора графу Таафе, который въ свою очередь поѣхалъ къ эрцгерцогу Карлу-Лудвигу, а послѣдній не нашелъ ничего лучшаго какъ послать племяннику въ Мейерлингъ телеграмму съ приглашеніемъ на семейный обѣдъ. Телеграмма эта не наша кронпринца въ замкѣ, вышедшаго за часъ до ея прибытія, и пролежала на столѣ. Между тѣмъ проходили часы за часами, а принцъ не возвращался. Съ наступленіемъ ночи графъ Гойошъ собралъ всю прислугу замка и во главѣ ея съ факелами отправился осматривать дѣсь. Къ 8 часамъ утра, послѣ безплодныхъ поисковъ, лѣсничій Вернеръ, проголодавшись, хотѣлъ зайти въ свою сторожку за кускомъ хлѣба, но не найдя дверь закрытою, а въ щель увидѣвъ освѣщеніе, выломалъ дверь—и глазамъ его представилась страшная картина: на кровати лѣснаго лежалъ трупъ Маріи Вечѣра, а поперекъ кровати, на половину на полу, тѣло эрцгерцога Рудольфа. Вернеръ бросился въ замокъ, и къ развѣту въ сторожку прибыли графъ Гойошъ, камердинеръ Лошекъ и извожничъ Братфингъ. Графъ констатировалъ что кронпринцъ застрѣлился изъ ружья лѣснаго, продолговатою пулей, зацѣпивъ гашетку за выступающій угловой винтъ кровати и направивъ себѣ дуло въ голову. Этимъ и объясняется страшная рана на черепѣ. Баронесса Вечѣра отравилась стрихниномъ. Тѣло ея лежало на слоѣ еловыхъ вѣтвей; въ головахъ горѣли двѣ свѣчи. Пока тѣло принца переносили въ замокъ, графъ Гойошъ поспѣшилъ на железнодорожную станцію и тамъ, требуя особаго поѣзда, долженъ былъ сказать что съ принцемъ анолексическій ударъ. Отсюда и распространился этотъ первый слухъ, который подтвердили и официальные лица на первыхъ порахъ своей растерянности.

Гибель парохода „Диръ“. (Рис. на стр. 224).

Рѣдко случается встрѣчать въ лѣтописяхъ крушений явленіе подобнаго изобращенному на нашемъ рисункѣ: это фотографическій снимокъ морскаго парохода, буквально разрѣзаннаго пополамъ въ поперечномъ направленіи. Пароходъ „Диръ“ былъ приобрѣтенъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли въ 1881 г. у Волжско-Донскаго Общества; построенъ въ Швеціи на извѣстномъ заводѣ „Мотала“, имѣлъ сильныя окрѣпленія—2 машины и 2 винта. Командовалъ пароходомъ г. Нагорскій, успѣшно выдержавшій на немъ-же въ 1887 году сильнѣйшій штормъ. Въ послѣдній роковой рейсъ „Диръ“ вышелъ изъ Одессы, срочно-грузовымъ крымско-кавказскимъ рейсомъ въ субботу, 10 декабря передъ вечеромъ, имѣя полный грузъ около 35 тыс. пуд., значительную часть котораго составляла мануфактура и другіе громоздкіе товары. Уже при выходѣ его изъ Одессы, погода была не особенно благоприятна. Во вторникъ, когда „Диръ“ находился въ Севастополѣ, разыгрался штормъ и изъ Одессы была отправлена срочная телеграмма о задержаніи парохода; но по случаю гололедицы не застала его въ Севастополѣ; „Диръ“ вышелъ изъ Севастополя въ 5 час. пополудни и встрѣтилъ въ морѣ сильнѣйшій штормъ. Промучившись въ безплодной борьбѣ со стихіей до 10 час. и получивъ капитальныя поврежденія, пароходъ налетѣлъ, наконецъ, на берегъ между имѣніемъ генералъ-майора С. И. Мальцева—Симеизомъ и Алукой, и разбился о прибрежныя скалы. Людямъ съ погибшаго парохода удалось спастись почти невредимыми.

Р. Э. Траутфеттеръ. (Портр. на стр. 225).

На-дняхъ въ скромномъ домикѣ близъ Петербургскаго ботаническаго сада, мирно окончилъ свою трудовую и чрезвычайно полезную жизнь Рудольфъ Эрнстовичъ Траутфеттеръ, одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ ученыхъ, достаточно послужившій отечественной наукѣ, бывший профессоръ и директоръ ботаническаго сада въ Петербургѣ. Почти всю жизнь посвятилъ покойный изученію русской флоры, которой онъ былъ едва-ли не первымъ знаткомъ; онъ составилъ огромный, драгоценный гербарій преимущественно русскихъ растений, обработалъ исто-

рлю ботаники въ Россіи и географическое распредѣленіе отечественной растительности, сдѣлалъ многочисленныя дополненія къ русской флорѣ Ледебура, издалъ полнѣйшій перечень всѣхъ работъ по изслѣдованію этой флоры вплоть до послѣднихъ трудовъ. Въ Кіевѣ, на заброшенномъ, весьма неудобномъ мѣстѣ, представлявшемъ глубокой оврагъ, развелъ онъ превосходный университетскій ботаническій садъ съ замѣчательными оранжереями, а въ бытность свою директоромъ Горьгорецкаго земледѣльческаго института привелъ въ цвѣтущее состояніе все то, что касалось его специальности. Если нашъ столичный ботаническій садъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскіхъ учрежденій подобнаго рода, то этимъ онъ также обязанъ Траутфеттеру, который насадилъ въ немъ множество рѣдкихъ растений и, будучи отличнѣйшимъ практикомъ, сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы садъ вполне отвѣчалъ своему назначенію. Со всѣхъ концовъ Россіи присылали ему коллекціи, обращались къ нему за совѣтами относительно опредѣленія растений и на всякіе вопросы онъ отзывался съ полною готовностью истинно образованнаго человѣка. Во всей обширности изслѣдовалъ онъ флору отечества нашего—и однако имя Траутфеттера дорого не однимъ только русскимъ, но и всему образованному міру, который цѣнитъ многочисленные, напечатанные на латинскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, ботаническіе труды его, число которыхъ простирается до восьмидесяти. Именемъ Траутфеттера названы многія растения, открытыя въ Сибири и на Кавказѣ.

Дворянинъ Петербургской губерніи, сынъ старшаго учителя Митавской гимназіи, Рудольфъ Эрнстовичъ Траутфеттеръ родился въ Митавѣ, 8 февраля 1809 года. По окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, онъ продолжалъ высшее образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ занимался, главнымъ образомъ, ботаникою, подъ руководствомъ знаменитаго профессора естественныхъ наукъ Карла-Фридриха Ледебура, объѣхавшаго весь Алтай до китайской границы. Изъ университета Траутфеттеръ вышелъ въ 1831 году со степенію кандидата и съ золотою медалью за работу по предмету ботаники; черезъ два года получилъ мѣсто помощника директора Дерптскаго ботаническаго сада, а по защитѣ разсужденія „De Echinore genere“, удостоился права читать лекціи въ качествѣ приват-доцента и тогда-же уѣхалъ за границу, гдѣ получилъ степень доктора философіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ. Въ юнѣ 1835 года его сдѣлали младшимъ помощникомъ директора Петербургскаго ботаническаго сада, а черезъ три года назначили исправляющимъ должность ординарнаго профессора ботаники въ Кіевскомъ университетѣ и завѣдывающимъ Кременецкимъ ботаническимъ садомъ и гербаріемъ университета. Защитивъ дис-

сертацию „De Pentastemone genere“ и удостоенный степени доктора, въ 1839 году онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора, а съ 1841 года былъ избранъ деканомъ II отдѣленія философскаго факультета сперва на годъ, а затѣмъ еще на четыре. Безъ малаго двѣнадцать лѣтъ занималъ онъ также должность ректора университета Св. Владиміра и притомъ въ самое трудное время, съ 1847 по 1859 годъ, когда дѣйствовали уже исключительныя условія, „справедливо стѣсняясь себѣ имя добраго товарища и образцоваго ректора“. Онъ состоялъ также вице-президентомъ Высочайше учрежденной комиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебного округа, завѣдывалъ въ университетѣ кабинетами агрономическимъ, минералогическимъ и механической школы и преподавалъ въ Кіевскомъ дѣвичьемъ институтѣ. Прослуживъ условенныя двѣнадцать лѣтъ, Траутфеттеръ уволился отъ службы, оставивъ по себѣ добрую память въ университетѣ.

Съ мая 1860 года онъ снова опредѣлился на службу, получивъ мѣсто директора Горьгорецкаго земледѣльческаго института, которое занималъ до конца октября 1864 года, когда былъ перемѣщенъ на должность завѣдывающаго Петербургскимъ ботаническимъ садомъ, а по утвержденіи новаго устава сада назначенъ былъ его директоромъ. Въ этой должности пробылъ онъ слишкомъ десять лѣтъ, и вышелъ въ отставку вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, въ май 1875 года. Траутфеттеръ не былъ кабинетнымъ ученымъ—и растительность Россіи изучалъ преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ ея, которыя особенно его интересовали. Еще будучи на школьной скамьѣ, онъ совершилъ, на средства Дерптскаго университета, большую ботаническую экскурсію въ Лифляндскую губернію, а во время службы въ Кіевѣ не разъ предпринималъ таковыя же экскурсіи въ южный край; въ 1837 году онъ путешествовалъ по Крыму, а въ 1853 и 1856 годахъ объѣзжалъ губерніи Кіевскую, Подольскую, Херсонскую и Бессарабскую область. Еще студентомъ числился онъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Общества Испытателей Природы, а позднѣе, за свои почтенныя труды, былъ избранъ Академіей Наукъ въ члены-корреспонденты, въ почетныя члены Петербургскаго университета и въ дѣйствительныя члены Императорскаго Географическаго общества. Кромѣ того, онъ состоялъ членомъ другихъ обществъ и учрежденій и былъ удостоенъ разныхъ наградъ и орденовъ. Рудольфъ Эрнстовичъ скончался 12 января, на 80-мъ году жизни, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Чрезвычайное благодушіе покойнаго, — говоритъ профессоръ Бекетовъ, — его доброта, прелестный, ровный характеръ, любезное обращеніе и высокая образованность, соединенная съ живостью рѣчи, плѣняли каждого...
П. Быновъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 5 февраля въ Концертной залѣ Зимняго Дворца состоялся балъ, на который было приглашено до 800 особъ. Игралъ придворный балетный оркестръ. Для гостей въ части Помпеевской галереи былъ устроенъ буфетъ съ шампанскимъ, чаемъ, фруктами, конфетами и прохладительными. Въ первомъ часу ночи, послѣ мазурки, гости были приглашены къ ужину, накрытому въ Николаевской залѣ, Аванъ-залѣ и на площадкѣ Иорданскаго подъѣзда. Громадная, залитая тысячами электрическихъ огней, Николаевская зала была превращена въ роскошный зимній садъ, гдѣ среди группъ пальмъ и цвѣточныхъ газоновъ стояли 25 круглыхъ столовъ, убранныхъ также цвѣтами. Большая группа пальмъ была расположена противъ выхода изъ Концертной залы. Въ среднѣй залѣ было прекрасно убранъ портретъ Императора Николая I, противъ котораго, на возвышеніи, находился Императорскій столъ. У подножія портрета шла линия глянцевитовъ. Группы цвѣтущихъ азалій стояли по его сторонамъ. Передъ портретомъ былъ расположенъ фигурный газонъ, на зеленомъ фонѣ котораго были художественно выведены арабески изъ разноцвѣтныхъ глянцевитовъ, тюльпановъ, ландышей и другихъ цвѣтковъ.

— 4 февраля великій герцогъ Гессенскій съ наследнымъ принцемъ возвратились по Варшавской желѣзной дорогѣ съ охоты въ Петербургъ. Охота была удачная, убито нѣсколько медвѣдей, изъ которыхъ 4 привезли въ Петербургъ.

Военное и морское дѣло.

— Въ приказѣ по войскамъ Варшавскаго военнаго округа, отъ 27 января, объявлено о слѣдующемъ подвигѣ 5-го эскадрона 38-го драгунскаго Владимірскаго полка: 26 іюля

прошлаго года, въ посадѣ Орховкѣ, Сѣдлецкой губерніи, при подняшемся сильномъ вѣтрѣ, большая половина посада была объята пламенемъ. Значительная опасность отъ огня угрожала зданію орховскаго начальнаго училища. Но, благодаря энергическимъ дѣйствіямъ квартировавшаго въ посадѣ 5-го эскадрона 38-го драгунскаго Владимірскаго полка, удалось отстоять училище. Задыхаясь въ дыму и несмотря на страшную жару, отъ которой у многихъ на головѣ загорались волосы, драгуны являлись вездѣ, гдѣ только грозилъ опасность училищному дому, и такимъ образомъ училище было спасено.

— 30-го января, пароходъ „Калвилла“ изъ Евиаторіи, груженный солью и назначенный въ Ревель, потерпѣлъ крушеніе у Готланда.

— Изъ Аенінъ сообщаютъ, что балъ, данный 4 февраля командиромъ „Ринды“ ка самомъ суднѣ, былъ блестящимъ. Приглашены были король и королева Эллиновъ, Греческій наследный принцъ, принцесса Александра, члены русскаго посольства и нѣсколько греческихъ семействъ.

Промышленность.

— „Брянское общество“ приобрѣло отъ конторы вел. кн. Михаила Николаевича марганцовыя залежи а также арендовало земли съ марганцовыми рудами у сосѣднихъ владѣльцевъ. Настоящая потребность Александровскаго завода Брянскаго Общества въ марганцовой рудѣ—около 100,000 пуд. въ годъ.

— Довля рыбы въ Таганрогскомъ заливѣ въ теченіе минувшаго января была необыкновенно удачна. Рыбаки часто получали за одну „тоню“ на 2—3 тысячи руб. рыбы, а одинъ разъ было поймано рыбы почти на 8 тыс. руб. Рыба скончалась массою въ Таганрогскомъ заливѣ и держалась здѣсь уже больше 2 недѣль.

— Довля рыбы неводами подъ льдомъ на Финскомъ заливѣ идетъ настолько удачно, что такого значительнаго улова рыбаки не запомнятъ лѣтъ десять. На-дняхъ стала показываться стадами корюшка, которая въ началѣ марта уже входитъ и въ Неву.

Торговля.

— Въ 1888 году прибыло изъ-за границы къ Петербурго-Кронштадтскому порту 1.806 судовъ, менѣе противъ 1887 года на 195 судовъ. Такое сокращеніе объясняется болѣе короткимъ навигаціоннымъ временемъ, чѣмъ въ 1887 году. Отпускъ же русскіхъ товаровъ превысилъ ихъ отпускъ въ 1887 году на 5.463.331 рублей. Всего вывезено на сумму 65.224.860 руб., въ томъ числѣ хлѣбныхъ продуктовъ (пшеницы, ржи, овса, муки и крупы) болѣе чѣмъ на 39 милл. рублей.

— 6-го февраля въ Кіевѣ, открылась контрактная ярмарка. Прѣзжихъ купцовъ мало; въ торговлѣ нѣтъ оживленія.

Народное просвѣщеніе.

— 8 февраля, въ день семидесятой годовщины Имп. Сиб. университета, въ большой университетской залѣ состоялся торжественный актъ, на которомъ присутствовали Министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ И. Д. Деляновъ. По окончаніи чтенія отчета, профессоръ В. А. Лебедевъ прочелъ разсужденіе „О пользѣ и вредѣ бумажныхъ денегъ“. По окончаніи рѣчи профессора Лебедева, студентамъ, удостоеннымъ наградъ за представленные ими сочиненія, медали были раздаваемы графомъ И. Д. Деляновымъ.

— Проектируется учредить новыя духовно-учебныя заведенія: въ Екатеринбургѣ—Духовную семинарію и въ Ригѣ—епархіальное женское училище.

Пути сообщенія.

— Газета *Сѣтъ* сообщаетъ, что на лѣпнѣхъ

петербургских конно-железных дорог будут в непродолжительном времени произведены опыты движения вагонов при помощи электричества.

— В тифлискую школу садоводства прислан недавно заказ от управляющего Закаспийской железной дорогой генерал-лейтенанта Анненкова на различные съемы и растения, которые предполагается воздвигать на станциях и вообще по линии Закаспийской железной дороги.

Из губерний и областей.

— В Севастополе сделана первая проба электрического освещения, устроенного на вокзале и станционных путях; освещался весь конец южной бухты. Возможно будет производить нагрузку ночью.

— В ночь на 31 января, в городе Тифлисе свирепствовала сильная буря, продолжавшаяся до самого рассвета. Гурю попорчено немало заборов, крыш, оконъ, и проч.

— В Батуми 5 февраля ночью, совершены два дерзких кражи: разбита чугунная касса городской управы и обворованъ соборъ.

— Изъ Чарджуа сообщают, что по прибытии

Баронесса Марія Вечёра. Съ фотогр. Саати въ Буда-Пештѣ, грав. Шюблеръ.

въ Мазарь-и-Шерифъ, эмиръ Абдурахманъ-ханъ сталъ подвергать казнямъ приверженцевъ Исхакъ-хана. Одновременно были приняты эмиромъ мѣры, обнаружившія его нерасположеніе къ Россіи. Были прекращены торговля сношенія, усилены посты на границѣ и распространены слухи о предстоящей войнѣ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Карки и Бухары, эмиръ Абдурахманъ-ханъ сидитъ смиренно въ Мазарь-и-Шерифѣ, не показывается народу и никакихъ военныхъ приготовленій не дѣлаетъ. Ввозъ въ Карки земледѣльческихъ произведеній изъ Афганистана возобновился; равнымъ образомъ вывозъ нашихъ произведеній въ Афганистанъ не встрѣчаетъ препятствій.

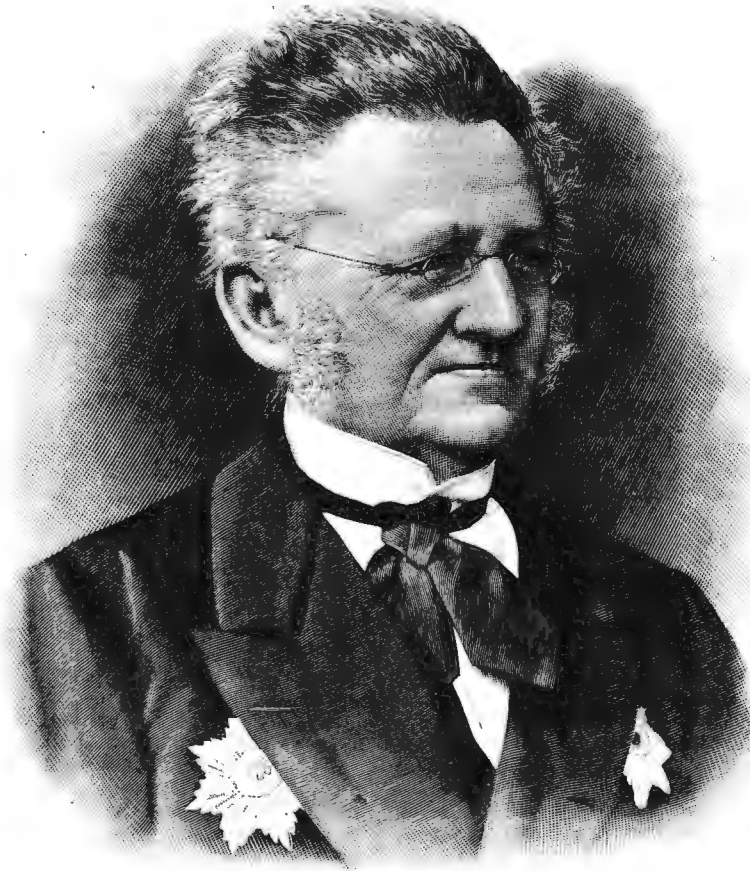
Политическое обозрѣніе.

Внезапное паденіе французскаго министерства было полною неожиданностью для палаты. По словамъ газетъ, въ началѣ зазѣданія 2 февраля баронъ Мако, президентъ правой, потребовалъ, чтобы пренія были отложены на недѣлю. Какъ самъ

Гибель парохода „Диръ“. Съ фотогр. Ренара, грав. Рашевскій.

ораторъ, такъ и друзья его требуютъ полного пересмотра конституціи и распущенія палаты. Предлагаемая недѣльная отсрочка предоставить правительству возможность внести проектъ распущенія. Флоке осаривалъ предложеніе Мако и заявилъ, что о распущеніи палаты правительство даже и не думаетъ. Затѣмъ предложеніе относительно отсрочки было, большинствомъ 375 голосовъ противъ 173, отвергнуто палатою. Вслѣдъ затѣмъ, сторонникъ Флоке, депутатъ Дюваль-Майльфе, ввѣсть, въ свою очередь, предложеніе объ отсрочкѣ, мотивируя его, однако, другими соображеніями. Ораторъ выставилъ на видъ, что съ того же дня начался избирательный періодъ. „Предоставимъ народу— говорилъ онъ — указать самому, въ какомъ смыслѣ долженъ быть произведенъ пересмотръ конституціи, не будемъ терять напрасно время на обсужденіе вовсе не разясненнаго вопроса, воздержимся отъ политики самолюбія и будемъ держаться политики здраваго смысла“. Здѣсь слѣдуетъ кстати замѣтить, что въ самый день паденія министерства Флоке, генераль Буланже издалъ манифестъ, обращенный къ выборщикамъ Сенскаго департамента и содержащій въ себѣ требованія, схожія съ предложеніемъ Дюваль-Майльфе. Въ манифестѣ, послѣ указанія на программу національной республиканской партіи, которая всегда была слѣдующею: „распущеніе безсильной палаты и пересмотръ конституціи 1875 г. учредительнымъ собраніемъ“, — между прочимъ говорится: „Неудержимымъ движеніемъ общественнаго мнѣнія министерство будетъ испровергнуто. Предложенный кабинетомъ проектъ пересмотра конституціи былъ просто комедію, ловушкою, устроенною противъ страны. Кабинетъ собиравался посягнуть на всѣ вольности. Послѣ вотированія закона о системѣ выборовъ, избирательный періодъ открытъ и слово предоставлено отнынѣ народу, который счумѣетъ доставить побѣду своей державной волѣ. Внося въ палатѣ предложеніе объ отсрочкѣ, Дюваль-Майльфе вовсе не хотѣлъ достигнута испроверженія министерства, но Флоке, напоминая, что онъ рѣшилъ поставить на очередь пересмотръ конституціи послѣ вотированія закона о восстановленіи системы выборовъ по округамъ, поставилъ вопросъ о довѣрїи кабинету—и когда предложено было приступить къ голосованію, то руководители оппозиціи, направляемые Кассаньякомъ, рѣшили воспользоваться этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, зная, что Флоке, послѣ сдѣланныхъ имъ ранѣе заявленій, уже не можетъ отсутствовать. Такъ и случилось. Отсрочка была вотирована 307

Рудольфъ Эрнстовичъ Траутфеттеръ († 12 января).
Съ фотогр. Лоренса, грав. Шюблеръ.

голосами противъ 218 и Флоке объявилъ, что министерство выходитъ въ отставку. Такой исходъ голосованія всѣхъ поразилъ, и президентъ Карно находился въ большомъ затрудненіи. Оппортунистскія и умѣренныя газеты заявляли, что голосованіе палаты создало *tabulam rasam* и даетъ президенту республики полную свободу составить кабинетъ по собственному выбору. Но на самомъ дѣлѣ это было легче сказать, чѣмъ привести въ исполненіе. Прошло болѣе недѣли, а во Франціи еще не было новаго министерства. Отовсюду сыпались совѣты создать „министерство примиренія“, „министерство выставки“, „министерство распущенія палаты“ и т. п. Послѣ долгихъ усилій, Карно, при помощи Тирара, удалось сформировать новый кабинетъ. Въ составъ новаго министерства вошли: Тираръ — президентъ совѣта министровъ и министръ торговли; Констанъ — министръ внутреннихъ дѣлъ; Рувиѣ — министръ финансовъ; Тевенеръ — министръ юстиціи; Фальеръ — министръ народнаго просвѣщенія; Фэ — министръ земледѣлія; Ивъ Гюйо — министръ общественныхъ работъ; Фрейси — военный министръ; Жоресъ — морской министръ. Назначеніе министра иностранныхъ дѣлъ состоится впоследствии. Характеръ кабинета выражается тѣмъ, что портфель министра торговли взять президентомъ совѣта. Въ сущности Тираръ является „министромъ выставки“ и устраненія неслыханныхъ трудностей. Составъ кабинета свидѣтельствуетъ о разбродѣ въ средѣ парламента, дѣятельность котораго теперь кончилась; программа же его заключается въ проведеніи бюджета, отсрочкѣ парламентскихъ засѣданій и успѣшномъ устройствѣ всемірной выставки.

Положеніе венгерскаго министерства или по крайней мѣрѣ министра-президента также очень шатко. Противъ него оппозиціонное движеніе не только въ палатѣ, но и внѣ стѣнъ ея, въ самомъ городѣ, и даже въ палатѣ господъ, что особенно опасно, такъ какъ въ Венгріи магнаты всегда имѣютъ громадное значеніе. Противъ него дѣйствуютъ и консервативы, и крайніе. Такимъ образомъ нынѣшній венгерскій кризисъ можетъ кончиться отставкою Коломана Тисы, и газеты называютъ его преемника, графа Юлія Андраши. Рѣшительною минутою считаютъ принятіе венгерскою палатою новаго военнаго закона, а пока происходятъ бурныя засѣданія въ палатѣ и грандіозныя манифестаціи въ городѣ. Такъ, между прочимъ, 5 февраля состоялась организованная оппозиціею манифестація при участіи громадной массы народа, но прошла въ образцовомъ порядкѣ. Въ процессіи участвовало около 70,000 чело-

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ ПОКАЗАНА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ.

ПОДПИСКА СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Для иногородныхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится 3 руб. Къ 1-му мая 1889 года 2 руб. Къ 1-му іюля остальные 2 руб.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ со всѣми приложеніями.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просить адресовать въ Главную Контору Редаціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6.

вѣкъ. Передъ помѣщеніями клубовъ умѣренной оппозиціи и независимой партіи произнесены были рѣчи направленныя противъ правительства. Внушительное по размѣрамъ шествіе двигалось по городу съ флагами во главѣ, причѣмъ изъ толпы раздавались крики „Эльенъ!“ въ честь короля и, рядомъ съ ними, возгласы „Долой Тису!“ Пройдя вдоль набережной Дунай и остановившись передъ королевскимъ дворцомъ, толпа разразилась несмолкаемыми криками „Эльенъ!“ въ честь короля; всѣ обнажили головы, а флагоносцы преклонили флаги; отъ всякихъ другихъ возгласовъ толпа воздерживалась. По окончаніи манифестаціи, длившейся два часа, народъ безъ затрудненій разошелся. Полиція все время относилась къ манифестаціи пассивно; порядокъ поддерживался депутатами и студентами.

СМѢСЬ.

Волтижеры. Во времена могущества и величія Мексиканской имперіи, граждане ея, при наступленіи большихъ праздниковъ, очень любили выказывать свою силу и ловкость. Одно изъ лучшихъ зрѣлищъ подобнаго рода представляли „волтижеры“, искусство коихъ затѣиваетъ самая отважная затѣя новѣйшихъ акробатовъ. Приготовленія къ празднику, на которомъ должны были появляться „волтижеры“, были довольно сложны. На большой, открытой городской площади воздвигалась высокая мачта; на верхушкѣ ея находился деревянный цилиндръ, обладающій значительною силою сопротивленія. На этомъ цилиндрѣ, на четырехъ веревкахъ, висѣла горизонтальная деревянная рама; кромѣ того, отъ цилиндра спускались, чрезъ перекладины рамы, четыре длинные каната, безчисленное множество разъ обвивавшіе мачту. На этихъ подмосткахъ исполнялось великолѣпное представленіе „летающихъ людей“. Праздникъ открывался шумной музыкой, приводившей зрителей въ возбужденное настроеніе духа. Привѣтствуемая громкими восклицаніями толпы, появлялись четыре большія птицы; вблизи онѣ оказывались масками, скрывающими красивыхъ молодыхъ атлетовъ. Они взбирались на мачту и, въ видѣ вступленія къ настоящему представленію, исполнили на поверхности цилиндра фантастическій танецъ. Затѣмъ быстро обвязывали вокругъ стана веревку, пронзительно вскрикивали и бросались съ рамы въ воздухъ. Вслѣдствіе тяжести тѣла, цилиндръ съ рамой начиналъ вращаться вокругъ своей оси, отчего веревка разматывалась съ мачты и юноши летали, описывая въ воздухѣ все большіе и большіе круги. Деревянная рама имѣла цѣлью воспрепятствовать столкновенію четырехъ волтижеровъ, а деревянный цилиндръ производилъ вращательное движеніе, необходимое для разматыванія канатовъ съ мачты. Задыхаясь отъ восторга, смотрѣли мексиканцы на полетъ молодыхъ людей и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ихъ движеніями, пока они не опускались близко къ землѣ. Тутъ уже сочувствіе и возбужденіе зрителей не знало границъ; съ громкими криками обступали они мачту и нѣкоторые особенно возбужденные юноши ловко взбирались на нее, чтобы спуститься на землю по канату волтижеровъ. Главною ихъ цѣлью было достигнуть земли одновременно съ летающими, и если имъ это удавалось, ихъ привѣтствовали безконечными радостными восклицаніями. Съ появленіемъ испанцевъ исчезло это великолѣпное празднество, такъ какъ „огненная вода“ до такой степени ослабила мексиканцевъ, что ежегодно повторялось нѣсколько несчаст-

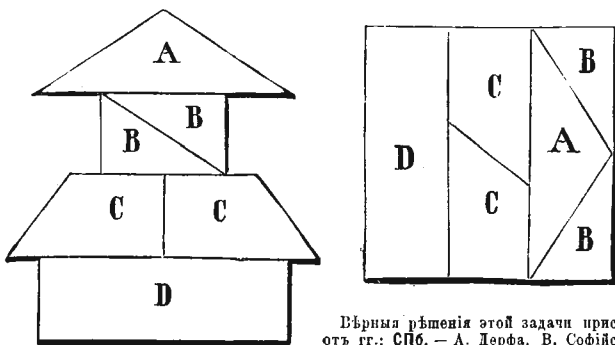
Непрочнымъ оказывается также положеніе министерства въ Сербіи. По телеграфнымъ извѣстіямъ, Христичъ рѣшительно заявилъ, что не хочетъ больше оставаться на своемъ посту и потому король Миланъ настаиваетъ передъ Ристичемъ, чтобы онъ принялъ на себя должность министра-президента. Желая сѣздить за границу, король хочетъ вѣрить управленію Ристичу, какъ человѣку честному и твердому. Если предполагаемая королемъ комбинація не удастся, то составленіе кабинета будетъ, вѣроятно, возложено на Млатовича, съ тѣмъ, чтобы министерство его оставалось во главѣ управленія до осени, причѣмъ радикаламъ придется обождать осеннихъ выборовъ, которые будутъ произведены на основаніи подготовляемаго теперь новаго избирательнаго закона.

ныхъ случаевъ, и наконецъ оказалось необходимымъ совершенно прекратить эту забаву. (с.)

Хитрость лисицы. Какимъ образомъ хитрая Патрикѣвна умѣетъ добыть себѣ вкусную курочку или жирнаго гуся и утку, пробираясь тайкомъ по пашнѣ или по высокой травѣ, хорошо извѣстно большинству сельскихъ хозяевъ; но не каждый знаетъ какъ она ухитряется, за неимѣніемъ лучшаго и когда глубокой снѣгу покрываетъ землю, доставать себѣ добычу съ воздуха. Прошлою суровою зимой отправились мы съ приятелемъ на охоту. Чтобы достигнуть широкой равнины, намъ пришлось забираться на возвышенность. Снѣгъ повсюду былъ по колено. Изъ лѣсной просѣки мы сначала замѣтили большую стаю вороновъ, которые съ крикомъ кружились въ воздухѣ надъ однимъ и тѣмъ-же мѣстомъ. Подойдя ближе, мы увидѣли какой-то темный комъ, лежащій на снѣгу. Мы не могли сначала разглядѣть, что это за предметъ, и приняли его за кучу навоза. Но вдругъ комокъ зашевелился и мы узнали въ немъ лисицу, которая, поднявшись на ноги, прошла нѣсколько шаговъ шатаясь, какъ бы издыхая. Нѣсколько разъ она продѣлывала то-же самое и наконецъ свалилась на бокъ, вытянувъ хвостъ и лапы, какъ бы совершенно мертвая. Стая вороновъ, очевидно столь же голодныхъ какъ и сама лиса, стала кружиться все ниже и ниже, а когда плутовка совсѣмъ перестала двигаться, одинъ изъ самыхъ голодныхъ и смѣлыхъ вороновъ подлетѣлъ къ ней сади и началъ клевать ей хвостъ. Мертвая лисица оставалась неподвижна. Ободренный этимъ, другой воронъ подлетѣлъ уже сзади къ головѣ и принялся клевать глаза. Не прошло мгновенія, какъ неосторожный былъ схваченъ лисицею, и въ то время какъ вся стая горько обманутыхъ вороновъ, съ крикомъ и карканьемъ, разлетѣлась въ стороны, лиса побѣжала къ ближайшей изгороди и съ большимъ комфортомъ принялась уписывать такъ хитро пойманную добычу. (с.)

Монеты времени Михаила Θεодоровича. Въ Москвѣ, при раскопкахъ на мѣстѣ сломки старшихъ верхнихъ торговыхъ рядовъ, найденъ глиняный черный высокій горшокъ, изъ котораго при ударѣ въ него посыпались монеты. Онѣ очень мелкія — серебряныя, копѣечнаго достоинства и вѣсятъ все вѣстѣ 6³/₄ ф. На одной сторонѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно ясно сохранились слова: „Царь и великій князь Михаилъ Θεодороничъ“, а на оборотѣ менѣе ясно можно видѣть изображеніе герба Москвы, Св. Георгія Побѣдоносца на конѣ. (б.)

Рѣшеніе геометрической задачи № 5 (помѣщен. въ № 3).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. Дерфа, В. Софійскаго, Н. Панкова, К. Мірославскаго, Пасекаго, А. А. Г. П. Заборовскаго, В. Соболева, Москва — В. Барсукова, В. Волосатова, Г. Григорьева, И. Бабкова, Пленцендорфа, Л. Эйсмонта, М. Степанова, А. Семенова, А. Нѣминова, Боголюбова, Л. Курилова, Д. Никонова, Шкробовыхъ, Б. Яковина — В. К. Терскаго, Борисоглѣбскъ — А. Тихомирова, А. Тумаловскаго, Буй — М. Никифорова, Безтроскъ — В. Карницкаго, Бабни — О. Протопоновой, Бахчисарай — М. Дрежди, Варшава — В. Ратко, Вильно — Е. Хвалынской, Визьма — И. Романенкова, Е. А. К., Гельсингфорсъ — Е. Баркова, Геническъ — И. Паршина, Диска — С. Левахъ, Динабургъ — М. Загеромъ, Дмитриевка — В. Консантинова, Елисаветградъ — А. Басистъ, Екатеринославъ — А. Авциникова, Ив. Вознесенскъ — Богова, Кишиневъ — Д. Мудрика, Кузнецовъ — Ф. Перова, Кременчугъ — В. Добровенскаго, Ковно — Кабекова, Кудрумула — Н. Яксъ, Вилинъ — Тимофеева, Кіевъ — Гр. Бакилова, К. Бѣлинскаго, А. Шульженко, Лисичанскъ — Ф. Сафонова, Лебеданъ — В. Чурилина, Минскъ — В. Ярколовичъ, Мценскъ — Гурмейстеръ, Н. Тагиль — А. Протовскаго, Неманъ — М. Голутина, Николаевъ — М. Малаховъ, Порховъ — М. Примакина, Подольскъ — Н. Зарѣцкаго, Рязанцево — М. Сивого, Рыльскъ — В. Ермолаева, Ровно — П. Федоровича, В. Редихъ, Синахъ — Изотова, Саратовъ — И. Сидорова, Терни — В. Красноволовскаго, Харьковъ — И. Штаммъ, Черниговъ — Е. Лазарева, Шацкъ — Филимоновича, Ярославль — Штепки.

Рѣшеніе шахматной задачи № 3 (помѣщенной въ № 3).

Бѣлые. Черные.
 1) Ф h 2 — h 4 1) Кр. а 3 : а 2
 2) Л f 5 — f 3 2) Куда угодно.
 3) Ф h 4 — а 4 ++
 или
 Л f 3 — а 3 ++
 1) 1) Кр. К. угодно.
 2) Ф h 4 — d 8 2) Куда угодно.
 3) Ф d 8 — а 5 ++
 или
 Ф d 8 — d 2 ++

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы

отъ гг.: СПб. — А. А. Носѣева, Е. Будаговай, Николаевъ — Б. Прилуцкѣрь, Оренбургъ — В. Казаццева, Таганрогъ — М. А. Алфераки, Царское Село — А. Петровой.

Рѣшеніе шашечной задачи № 4 (помѣщ. въ № 3).

Бѣлыя. Черныя.
 1) а 7 — е 3 | а 1 — d 4
 2) е 3 : f 6 | е 5 : g 7
 3) d 2 — h 6 | g 7 — f 6
 4) h 6 — g 5 | h 4 — g 3
 5) g 5 : d 8

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: А. В. Дружининъ (съ портр.) — Опасная игра. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе). — Безсонная ночь. Повѣсть В. И. Немировича-Данченко. — Къ рисункамъ: Императрица Фаустина во храмѣ Юноны (Пренесте) (съ рис.). — Идетъ! (съ рис.). — Библиотека короля и королевы Румынскихъ (съ рис.). — Африканскій вопросъ (съ 2 рис.). — Долгъ платежемъ красенъ (съ рис.). — Баронесса Вечѣра (съ портр.). — Гибель парохода „Дирь“ (съ рис.). — Р. Э. Трауфеттеръ (съ портр.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Печатать А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Nakład dziennika „SŁOWO“
PAN WOŁODYJOWSKI
 Powieść historyczna
 przez
Henryka Sienkiewicza
 Tomów 3 — rs. 5.
 De nabycia we wszystkich księgarniach.
 Osoby nadsyłające do Administracji „Słowa“ (Warszawa Mazowiecka 11) rubli pięć, kosztów przesyłki nie ponoszą.

ЗАЯВЛЕНИЕ
 выдвигается в заведение
РОБЕРТА ЭРНСТЪ, въ Берлинѣ,
 Potsdamerstrasse, 37. Проспектъ
 н. № 3651 безвозмездно. 18—1

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“
 для
НАРУЖНАГО
 употребленія
 разрѣшенный медицинскія
 совѣтомъ министерства внут-
 реннихъ дѣлъ.
 Главное депо: б. Ко-
 нюшенная. № 14
 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
 Продается:
 у П. Д. Лордугина въ Геор-
 гиевскѣ, у Л. Очниковскаго въ
 Ялтѣ, у Земле и Ко въ Одес-
 сѣ, у Вимута въ Николае-
 вѣ и во всѣхъ аптек. магаз.
 Цѣна 1 р. 20 коп. за
 стлянку.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ три раза быстрее пера. Проч-
 ной и простой конструкции. Кагал. безпл.
 Многочисленные отзывы отъ желѣзн.
 дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.
Ж. БЛОКЪ, Голицына, д.
 СПб., В. Морская, 21. Р. № 3373

ЕЛЕЦКИЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ
 съ 25 февраля по сентябрь 1889 г. отдается
 для концертовъ, спектаклей и разныхъ пред-
 ставленій съ полною обстановкою и декора-
 ціями: при театрѣ небольшой садъ. За усло-
 віями обращаться къ антрепренеру П. А. Со-
 колову-Жмсонъ. Адресъ для телеграммъ:
 Елецъ, Жамсонъ. № 3707

РЕМЕСЛЕННАЯ
ГАЗЕТА еженедѣльное
 изданіе. Мо-
 сква, Малая
 Дмитровка, д. Алексѣева.
 5-й годъ.
 Въ каждомъ №: сошты, рецен-
 зы и указанія, понятныя описанія
 новостей по всемъ ремесламъ и ма-
 крупнымъ техническимъ производ-
 ствамъ, со множествомъ рисунковъ
 и рабочихъ чертежей (въ тексты и
 на 100 особымъ листахъ) разныхъ но-
 выхъ изобрѣній, инструментовъ, стан-
 ковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ
 приспособленій для мастеровъ и хо-
 зяйства. Необходимое изданіе для ме-
 стника, ремесленника, кустара, сельска-
 го хозяина, любителя ремесла и для
 школы. № 3705
50 №№ въ годъ.
 Продолжается подписка
 на 1889 г.
 6 руб. въ годъ съ перес.
 и доставкой; 4 р. за 1/2 года.
 одобрена Учен. Ком.
РЕМ. ГАЗ. Мин. Нар. Просв.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ
 Н. Н. КАРАЗИНА.
 Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаете въ Контору журнала „Нива“,
 а также и ко всемъ известнымъ книгопродавцамъ.
 Только что отпечатана и поступила въ продажу во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ ма-
 газинахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи **ПОВАЯ КНИГА:**
„ЧТО ЧИТАТЬ НАРОДУ?“
 Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, составленный учи-
 тельницами Харьковской женской воскресной школы Х. Д. Алчевской.
ТОМЪ ВТОРОЙ. Мѣ. № 3690 2—2
 Въ этомъ томѣ разобрано 1476 книгъ по всемъ отдѣламъ. Онъ содержитъ въ себѣ
 болѣе 1900 двухстолбовыхъ страницъ убористой печати, 7 примѣрныхъ библиотечныхъ
 каталоговъ и 2 алфавит. указателя по заглавіямъ книгъ и по авторамъ. Цѣна 2 рубля.

А. РАЛЛЕ и Ко ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ **въ МОСКВѢ.**
 Пудра бархатная. Масло ренейное.
 Мыло лимонно-глицер. Личная помада.
 Духи Шери-бло-ссомъ. Духи Б-тъ Нактоль.
 Одеколонъ двойной. Цвѣточная парфюмерія.
 Духи Испанская кожа. Духи Казанликъ-мимоза.
 Элексиръ борно-тимоловый. Мыло цвѣточно-глицерин. № 3713
 Отцовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чинова.
 Розничныи магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.
 Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ
 требовать № 3574 12—6
Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
 по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный Парфюмеръ
 46. Jägerstrasse, Berlin.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.
 Новоизобрѣтенная нами глицериновая пуд-
 ра по своему составу содержитъ всѣ ка-
 чества для бѣлизны кожи.
 М. № 3454 4—4 **Брокеръ и Ко.**

въ высшей степени интересное изобрѣтеніе
ДУХИ въ ТВЕРДОМЪ ВИДѢ
КАРАНДАШЪ ДЕ ЛА НОБЛЕССЪ.
 (Crayon de la Noblesse).
 Духи эти, обращенные въ твердый видъ по новому способу, отличаются тѣмъ,
 что очень пріятны и совершенно сущности, что не было до сихъ поръ еще из-
 вѣстно. Можно имѣть духи всѣхъ сортовъ въ палочкахъ, вложенныхъ въ малень-
 кія металлическія гильзы, которыя весьма удобно носить при себѣ. Эти духи имѣ-
 ютъ то громадное преимущество, что передаютъ присутію имъ запахъ всѣмъ пред-
 метамъ, приходящимъ съ ними въ соприкосновеніе, не смачивая и не портя тако-
 выхъ. Достаточно слегка потереть подобнымъ карандашомъ для того, чтобы не-
 медленно надуться № 3679 3—3
 Кожу, бороду, носовой платокъ, кружева, перчатки, матеріи, искус-
 ственные цвѣты, бѣлье.
 Особенно пригодны эти духи для театровъ, кон-
 цертотъ, баловъ и проч.
 Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ
 и галантерейныхъ магазинахъ Россіи.
Цѣна 75 коп.
 Эд. ШОРОВСКІЙ и Комп. въ С.-Петербургѣ.

КУРСЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО СЧЕТОВОДСТВА
 читается въ фирмѣ Счетоводъ О. В. Езерскаго, С.-Петербургъ, Невскій пр.: № 66, Москва, Петровка, № 12, д. Матвѣевой.

АДРЕСА всѣхъ спе-
 ціальныхъ о-
 стей и странъ до-
 ставляетъ подъ
 гарантіей: Internat-
 ion. Adressen - Verl. - An-
 stalt (C. HERM. SERBE) Leip-
 zig (Германія) (основ. 1864). Ката-
 логъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 ад-
 ресовъ за 35 коп. почт. марками франко.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
СЪМЯНЪ
 городовныхъ, цвѣточныхъ и экономическихъ,
 фирмы № 3701
 „Новый Варшавскій Сладъ Сѣмянъ“
 въ Варшавѣ, Лешно ул., № 18,
 всѣмъ желающимъ высылаются бесплатно.

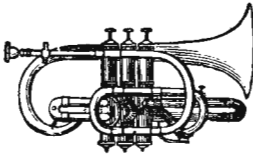
ВЫПЛИ ВЪ ПРОДАЖѢ:
 Усовершенствованный
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
 съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и при-
 способленіемъ для легкой и скорой на-
 стройки инструмента.
 Цѣна бѣло-лакированныхъ . . . 8
 „ темно-полкированныхъ . . . 8 50
 Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по „ 30
 Альбомъ III новый . . . 50
 За пересылку въ города прилагается за
 15 фунтовъ.
І. Ф. МЮЛЕРЪ
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Преисъ-куранты всѣмъ инструментамъ
 бесплатно.
 Заказы исполняются аккуратно и не-
 медленно. Ц. № 3386 (11)

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ,
 Покупаетъ всѣ % бумаги.
 Судитъ подлѣ всѣ % бумаги.
 Страхование выигрышныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города. № 3611
 Оплата купоновъ.
 Также нужны вѣрные съ постоян-
 нымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
 Предложенія адресовать по выше-
 означенному адресу.

№ 4711
ГЛИЦЕРИНОВАЯ
МЫЛА
 приобрѣли большую извѣстность своими
 превосходными качествами; большой про-
 центъ содержанія глицерина, легкое изми-
 ливаніе, большая экономія и отличный
 запахъ сильно отличаютъ ихъ отъ дру-
 гихъ глицериновыхъ мылъ.
ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЮТСЯ:
 № 4711 Розовое хрустальное мыло,
 № 4711 Ландышъ хрустальное мыло,
 № 4711 Резедовое хрустальное
 мыло,
 № 4711 О - де - колон. хрустальное
 мыло,
 № 4711 Монополь глицериновое
 мыло.
 Издѣлія № 4711 продаются во
 всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и
 парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.
 П. АВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
 Вс. Г. оловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОПЪ

по 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Школа Баганца для самоучения ч. I и II по 1 1/2 руб. за каждую.
Трубы, тромбоны, вальторны, альтгорны, теноргорны, баритоны, басы и пр.

ФЛЕЙТЫ

отъ 3 до 160 руб.
Школа Келера для самоучения ч. I и II по 1 1/2 руб. за каждую.
Кларнеты отъ 7 до 80 руб.
Школа Китцера для самоучения, ч. I и II по 3 руб. за каждую.
Гобой, флюгельгорны, флажолеты, чананы, мюзеты; барабаны, литавры, тарелки и пр.
Иллюстрир. преискусурать — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо № 3699
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Новое роскошно иллюстрированное издание А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Гёте „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневома) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзкомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

L.

50-й ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОДЪ „НУВЕЛЛИСТА“

Съ 1-го января 1889 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ 50-й г. своего существованія. „НУВЕЛЛИСТЪ“ даетъ богатую коллекцію пьесъ, танцевъ и романс. выдающихся композиторовъ, наймощнейшихъ специально для ЮБИЛЕЙНАГО ГОДА и въ продолженіе сезона Музыкально-Театральную газету.

ПРЕМІЯ.

Премія Юбилейнаго года будетъ состоять изъ большаго альбома авторграфовъ знаменит. музыкантовъ, набросковъ известнѣйшихъ художниковъ и портретовъ выдающихся музыкальныхъ деятелей.

Подписная цѣна въ годъ 5 руб. съ пересылкою 6 руб.
Подписка въ СІВ., при музык. магазинѣ М. БЕРНАРДА, Невскій пр., д. № 64, противъ Аничкина Дворца. № 3706

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОНЛЬ

со шнурк. въ замшевома кошельк. 9 р. 50 к. съ пересылкою. 10 „ „
„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, окоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли. № 3692 2—2
Вследствіе большаго успѣха нашихъ биноклей „Аргусъ“ и „Лилипутъ“ возникли дешевыя поддѣлки, но за то крайне плохія, а потому просимъ обратить вниманіе на нашу фирму и фабр. клеймо.

Е. КРАУСЪ и Н°.

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ, Aven. d. I. Républic. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Иллюстр. пр.-кур. оптич. и фотограф. прибор. высылаются бесплатно.

„НОВОСТЬ“

за 5 марокъ (иногородныхъ) высылаются заказнымъ новымъ прантическимъ стѣнной КАЛЕНДАРЬ на 1889 г. (размѣръ 6 1/2 в. X 9 в.) ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ Москва. — С.-Петербургъ № 3608 (10)

APERÇU DES PRIX NOUVEAUX.

Elixir Th. Evans	2 г.	—	к.
Poudre Th. Evans	2	15	—
Pâte dentifrice Gellé	—	60	—
Savons Pinaud.			
" opoponax.			
" violette de Parme	le morceau.	—	80
" Brisa de las pampas			
Vinaigre ixora et opoponax, d'une valeur de 1 50		—	95
Oolognes.	70	130	clisses.
Farina.	flacons	2	20
№ 4		4	—
Le réchaud et le fer à friser		—	65
L'extract opoponax de Pisse & Lubin de 10 onces	6	80	—
D° de 20 onces.	13	—	—
Des extraits Atkinson.	8 onces	3.	95
	16	7.	95
	4	2.	—
	2	1.	—
Poudre de riz Java		—	65
Elixir dentifrice D-r Pierre	1, 20, 2, 20	4	—
Veloutine Ch. Fay		1	15
Orème Oriza		2	—
Poudre de riz Simon		—	75
Savon Simon		—	75

BROSSERIE IVOIRE
de 12 et 15 R. la pièce, aujourd'hui 8. 50 et 9. 50
et bien d'autres articles bien diminués.
ROUME 16, Grande Morskaïa 16.

СЕЗОНЪ САРПИНОКЪ

Вновь выработана на 1889 г. огромная партія сарпинки новѣйшихъ рисунковъ, на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки, прочныхъ красокъ, цѣною отъ 13 до 22 коп. за аршинъ. Приемъ заказовъ во всякомъ количествѣ аршинъ и пересылка во все города Россіи производится за счетъ фирмы; для торговцевъ условія по соглашенію. Прейсъ-курантъ, въ которомъ до 280 разнообразныхъ образцовъ, высылается заказной бандеролью за 49 коп. почт. марк. Адресъ: Г. Саратовъ, Н. А. Андрееву.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на Головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просить непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (55) № 2946

КУЗНЕЦОВСКІЙ НЕФТЯНОЙ ГАЗЪ

одобренный Императорскою Военно-Медицинскою Академіею и Русскимъ Обществомъ охраненія народнаго здоровья, дающій свѣтъ значительно сильнѣе электрическаго, при сравнительно незначительныхъ затратахъ, не дѣйствующій вредно на зрѣніе и слухъ, въ противоположность электрическому свѣту (см. докладъ d'Arsonval во Французской медицинской академіи Medical Press and Circular о дѣйствіи электрическаго свѣта на глазныя и ушные нервы). Далѣе газъ этотъ не опасенъ въ пожарномъ отношеніи подобно электрическому свѣту и не причиняетъ рабочимъ на заводахъ, какъ при сильномъ электрическомъ свѣтѣ, повальной болѣзни, называемой на Западѣ Prostration électrique, т. е. Электрическая немощь. Болѣзнь эта первымъ дѣломъ портитъ кожу лица и всего тѣла, превращая ее въ дуплящуюся, мѣдно-краснаго цвѣта, затѣмъ происходитъ временное ослѣпленіе и проч.
Изъ того вѣднія, которое имѣетъ сильный электрическій свѣтъ на кожу и проч. въ теченіе нѣсколькихъ дней, можно заключить, что при слабомъ электрическомъ освѣщеніи должно произойти то же явленіе, но медленнѣе, превращая блѣдую нѣжную кожу въ смуглую и дуплящуюся и проч. (см. Scientific American). № 3799
Города, заводы, казенныя и общественныя зданія, желающіе завести (для освѣщенія или отопленія) Кузнецовскій нефтяной газъ, который вводится даже въ Англій и Америкѣ, не смотря на то, что тамъ электрическій свѣтъ дешевле здѣшняго, просить обращаться за свѣдѣніями по контору Ф. Сандерса. Длинный проспектъ, № 48

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная англійская карманная двухинговая швейная машина СЪ НОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.
Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она имеетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всемъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣхъ, ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Азіатскую Россію за 3 фунт.
Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. № 3708

ЛЕНИНГЕТЪ и ГЛОЗНИГЕТЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2408
ВТОРАЯ ЖЕНА, Ром. Маршанта. Пер. съ нѣм. II. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

XX г.
№ 9

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX
1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 25 февраля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВЪ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.

Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВЪ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Крымскій видъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Кравченко, грав. Флюгель.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

XVIII.

Ладищева вышла отъ своего защитника съ намѣреніемъ идти къ Аннетъ, которая звала ее къ себѣ на цѣлый день. Старательно избѣгая встрѣчь, она давно уже не ходила пѣшкомъ. Но она любила прогулку, да и ѣзда на извозникахъ была ей не по карману; а встрѣча на Невскомъ казалась ей крайне невѣроятною: для этого надо бы было чтобы „Онъ“ нарочно туда пришелъ. Къ тому-же, ей было извѣстно, что „Онъ“, по воскресеньямъ, какъ разъ въ эту пору, бываетъ въ кассѣ у Марѣы Никитишны. Все это впрочемъ было обдуманно у ней ранѣе, а теперь ей было не до „Него...“ Избѣгая толпы, она перешла отъ устья Конюшенной на другую сторону Невскаго, и повернувъ налево, къ собору, пошла, не замѣчая, что кто-то все время, зорко, за нею слѣдитъ. Кто-то ее провожалъ по Конюшенной, потомъ переправился тоже на темную сторону Невскаго и пошелъ за ней издали, не упуская ее ни на минуту изъ глазъ. Преслѣдованіе это сначала имѣло видъ простаго шпіонства. Ее поджидали, зная конечно заранѣе гдѣ она, и провожали, можетъ быть просто изъ любопытства, желая знать куда она дальше направитъ путь, а можетъ статься и съ умысломъ. Но Паша бѣжала такъ скоро, что соглядатай, уже проученный на этотъ счетъ, и имѣвшій, какъ оказалось потомъ, дѣйствительно умыселъ, скоро оставилъ свое намѣреніе выждать когда она повернетъ куда-нибудь, гдѣ менѣе людно. На площади, противъ Казанскаго, „Онъ“ догналъ и назвалъ ее по имени... Паша вздрогнула какъ молодая лошадка передъ которой ударилъ громъ, и на минуту остановилась какъ истуканъ.

— Куда такъ спѣшите, барышня? сказала Бурдюковъ, раскланиваясь.—Коники у васъ молодые, рѣзвые, и мой старой парѣ трудно за ними поспѣть.

Онъ говорилъ повидимому шутливо, но въ сѣрыхъ глазахъ и въ усмѣшкѣ его свѣтилось хищное торжество. Онъ былъ похожъ на стараго коршуна, выслѣдившаго и послѣ большихъ усилій настигнаго быстрю, молодую утку.

Одно мгновеніе она смотрѣла испуганная и блѣдная какъ стѣна; потомъ, не отвѣчая ни слова, кинулась прочь. Но это было предвидѣно и Порфирій Ивановичъ не потерялъ ни секунды. Онъ кинулся за нею въ догонку бѣгомъ, догналъ и схватилъ ее крѣпко за руку... Опять этотъ взглядъ добычи, которая видитъ передъ собой неминуемую смерть; но на этотъ разъ онъ былъ такъ озлобленъ, что даже и не моргнулъ.

— Нѣтъ, барышня, милая! шепнулъ онъ ей на ухо.— этотъ разъ уже не уйдете!.. И не пытайтесь... А станете вырваться, или кричать, хуже будетъ... Собьются народъ—я васъ обзову при всѣхъ воровкой, нагрянутъ городовые, дворники, и насъ обоихъ отведутъ въ участокъ, гдѣ я расскажу во всеуслышаніе о вашихъ проделкахъ. А если спросятъ: зачѣмъ я васъ остановилъ на улицѣ, прямо скажу, что вы распространяете обо мнѣ клевету; но что я не намѣренъ былъ васъ оскорблять, а желалъ только вѣжливо и почтительно объясниться. Сдѣлалъ-же это на улицѣ потому, что иначе къ вамъ доступу нѣтъ. Дома (и домъ назову) швейцаръ говить въ шею: „здѣсь молъ не велѣно принимать, ступайте въ правленіе“—(и правленіе назову). А изъ правленія отсылаютъ на домъ... И все это будетъ записано въ протоколъ... А? какъ вамъ кажется?.. Весело это будетъ?

Онъ говорилъ это на ходу, не выпуская ея руки, что, вмѣстѣ съ смертельною блѣдностью и испуганнымъ видомъ дѣвушки, заставляло прохожихъ оглядываться въ недоумѣніи.

— Видите какъ на насъ смотрятъ, барышня? про-

должалъ онъ тихо, но очень внушительно.—Послушайте моего совѣта: возьмите меня просто подъ руку и пойдете, или еще короче, пойдете въ Офицерскую.

Подумавъ, она исполнила этотъ совѣтъ, и они повернули въ Казанскую, представляя собой довольно странную пару... Никто не обращалъ на нихъ больше вниманія; но тѣмъ не менѣе Паша дрожала какъ листъ и колѣни ея подкашивались.

— Пойдете... Я не въ силахъ дольше идти, шепнула она своему завоевателю.

— Слушаю-съ, сію минуту.

Саней однако не было близко—и онъ, озираясь вокругъ, продолжалъ читать своей спутницѣ совершенно заслуженныя въ его глазахъ нравоученія.

— Вотъ то-то, матушка! говорилъ онъ отеческимъ тономъ.— Больно уже спѣсивы стали, съ тѣхъ поръ какъ обзавелись присяжнымъ защитникомъ!.. А что пользы?.. Вотъ и защитникъ вамъ не помогъ... Вотъ, взялъ васъ за ручку да и повелъ... Потому что, какъ благовоспитанная дѣвица, вы сами изволите разумѣть, что такъ, добрымъ согласіемъ, лучше. А мнѣ, понимаете, ничего кромѣ удовольствія, потому, что за важность еслибы кто изъ знакомыхъ и встрѣтилъ насъ вмѣстѣ?.. Не за волосы тещу; а благороднымъ манеромъ идемъ подъ ручку... Казанская тоже теперь не то что въ старыя времена — Большая Мѣщанская — чисто... Вонъ даже надъ каждымъ воротами и образокъ, дабы значить и въ мысль никому нечистое не пришло. А что касается удовольствія, то кто-же мнѣ его возбранить? Могу, если захочу, доставить его себѣ хоть каждый день, не взирая на то, что нынче вы больше ѣздите. Что-жъ?.. Развѣ можно ухватить отъ челоука который серьезно захочетъ остановить? Вы, напримеръ, изъ правленія и садитесь въ санки, а я за возжи. „Постой, молъ, любезный, и я тоже съ барышней...“ Онъ править къ Замятнину переулку; а я ему: „Нѣтъ, погоди, голубчикъ, намъ надо сперва въ Большую Подъяческую; а тамъ я тебя пожалуй и отпущу...“ Сегодня мы къ Марѣѣ Никитишнѣ, въ кассу, по если угодно, можно заѣхать потомъ и въ Подъяческую... Все будетъ зависѣть отъ вашего поведенія... Извозчикъ!.. Двоихъ — въ Офицерскую, пятнадцатый... Садитесь, сударыня.

Дорогою, Бурдюковъ, какъ заботливый кавалеръ, обнималъ одною рукой свою спутницу, и на ея увѣренія, что это лишнее, потому что она и такъ не упадетъ изъ саней, отвѣчалъ съ усмѣшкой:

— Нѣтъ, ужъ позвольте-съ; такимъ манеромъ, знаете, все-таки безопаснѣе...

* * *

По воскресеньямъ касса считалась закрытою; то-есть, входъ съ чистой лѣстницы запертъ былъ для салонницъ съ узлами, или закладчиковъ приносящихъ подъ мышкой заплащенное платице; по знающимъ лично хозляку, и вообще почему-нибудь заслуживающимъ изъятія, ни въ какую пору отказа не было.

— Барыня просятъ минуточку обождать въ гостиной, онъ тамъ въ кассѣ вѣшаютъ что-то, сказала имъ горничная. Но Бурдюковъ почему-то счелъ неудобно гостиную. Онъ проводилъ свою плѣнницу, черезъ жилыя комнаты, въ кладовую, заперъ дверь за собой на замокъ и ключъ положилъ въ карманъ.

— Минуточку посидите здѣсь, сказалъ онъ;—я только поговорю съ хозяйкой.

Паша осталась одна, догадываясь, что съ ней обоплились какъ съ живой добычей, которая можетъ пожа-

дуй и улизнуть. Комната была памятна ей. Здѣсь, въ октябрѣ, она подписала послѣдній вексель. Столъ и чернилица стояли на томъ-же мѣстѣ. Другая дверь, въ кассу, осталась только притворенною, и въ нее доносился голосъ Марѳы Никитишны, очевидно имѣвшей дѣло съ какой-то закладчицей, и очевидно послѣдняя скоро ушла, судя потому, что немедленно вслѣдъ за симъ голоса понизились. Не трудно было понять, что у Жухиной съ компаніономъ ея происходитъ какое-то объясненіе. Оно началось почти шепотомъ, и повидимому довольно спокойно, но черезъ минуту успѣло уже перейти въ горячій споръ, который вдругъ оборвался и Паша услышала явственно голосъ хозяйки:

— Какъ? здѣсь!.. Да чего-жъ она прячется отъ меня?

Дверь отворилась настежь и Марѳа Никитишна, съ раскраснѣвшимися, дрожащими какъ кисель щеками, выбѣжала изъ кассы. За ней, степенною поступью, Бурдюковъ, тоже красный и видимо раздраженный чѣмъ-то.

— Прасковья Петровна, милая! Ради Бога прости-те!.. И въ мысляхъ не было, что вы тутъ! говорила Жухина, обнимая Пашу.—Вы такъ давно не заглядывали, что я начинала уже бояться, не гнѣвааетесь-ли за что-нибудь... Но что-же мы тутъ, въ кладовой?.. Пойдемте въ гостиную...

И она взялась за дверную ручку.

— Что это значить? Кто заперъ двери на ключъ?

— Я заперъ, сказалъ Бурдюковъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ... надо было... потомъ расскажу... Да успокойтесь пожалуйста... Я не даромъ привезъ сюда барышню... Я желалъ чтобы вы, какъ посредница, убѣдили ее, что она напрасно считаетъ долгъ благодарности ея намъ уплаченнымъ, послѣ того какъ она...

Онъ очевидно начиналъ рѣчь, но Жухина грубо его оборвала.

— Гдѣ ключъ? сказала она съ досадою. — Подайте мнѣ ключъ.

Порфирій Ивановичъ отдалъ ключъ.

— И пожалуйста, если желаете говорить о дѣлѣ, въ гостиную. Я не позволю чтобы у меня оскорбляли моихъ гостей... Пожалуйста...

Она отворила и пропустила Пашу впередъ.

— Что это съ вами сегодня? спросила она Бурдюкова.—Вы словно дурману объѣлись.

— Ахъ, не мѣшайте пожалуйста, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ.—Пустили ее туда одну; а она, того и гляди, улизнетъ.

— Какъ улизнетъ? Зачѣмъ?

Но компаніонъ ея только махнулъ рукой.

— Не стоить съ вами и толковать, сказалъ онъ, — если вы ничего несмыслите... Пустите!..

И онъ убѣжалъ за Пашей... Марѳа Никитишна, разбѣшенная, вслѣдъ за нимъ.

— Дѣти! Уйдите! сказала она гимназистамъ, вертѣвшимся около Паши въ гостиной.

И Жухина усадила гостью, умышленно дѣлая видъ, что не придаетъ никакого значенія присутствію своего компаніона.

— Позвольте, Марѳа Никитишна, перебилъ Бурдюковъ, подсаживаясь.—Вѣжливость вѣжливостью, а дѣло дѣломъ. Выслушайте сперва, что я имѣю сказать Прасковья Петровна... Барышня очевидно воображаетъ, что, заплативъ по векселю, она въ правѣ на насъ наплевать; но я смѣю увѣрить ее, что она весьма ошибается... Важенъ не вексель, а долгъ благодарности, и всякая благовоспитанная дѣвица должна-бы кажется это сама понимать... Не правда-ли, Марѳа Никитишна?

Но у Марѳы Никитишны, въ жирной груди, закинула буря, которую она всѣми мѣрами силилась обуздать.

— Я не совсѣмъ понимаю къ чему вы клоните ва-

шу рѣчь, сказала она.—Вы кончили дѣло миромъ и получили за это деньги, какія сами назначили. Какого-же вамъ еще рожна? И за что вы хотите, чтобы Прасковья Петровна была такъ нескончаемо благодарна?

— Вотъ женщины! произнесъ Бурдюковъ, презрительно пожимая плечами.—Хоть колъ на головѣ теши!... а дальше носа не видятъ!... Ну, Марѳа Никитишна, если вы не хотите меня понимать, то вы лучше оставьте насъ на пять минутъ. Мы по нуждѣ столкнемся и безъ васъ.

— Нѣтъ, не оставлю; потому что на васъ нельзя положиться. Вы не умѣете благородно себя вести... Гдѣ это видано между порядочными людьми, чтобы гостей запирали въ кладовой, на ключъ?

— Эхъ, матушка! отвѣчалъ Бурдюковъ.—Не вамъ-бы мнѣ говорить—не мнѣ-бы васъ слушать... А кто, позвольте узнать, тамъ, въ Грузовѣ, обыскивалъ эту самую особу какъ простую воровку?... Да что тутъ? Не стоить съ вами и говорить!... И обращаясь къ Пашѣ:—Ну, нечего дѣлать, барышня;—если такъ, то поѣдемте уже лучше ко мнѣ, въ Подъяческую.

Но это въ конецъ возмутило Жухину.—Да что вы ее на рынкѣ что-ли купили, чтобы таскать за собой куда вамъ вздумается? сказала она разводя руками.—Прасковья Петровна здѣсь у меня, и останется или уйдетъ когда ей самой это будетъ угодно. А вы отправляйтесь себѣ въ Подъяческую. Я васъ не держу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Порфирій Ивановичъ, стукнувъ по столу кулакомъ;—я не уйду безъ нея.

— Ну, такъ она уйдетъ безъ васъ. Потому что ей не о чемъ съ вами тутъ толковать.

И обращаясь къ Ладищевой:—Прикажете вамъ послать за извозчикомъ?

Но Паша не въ силахъ была отвѣчать. Лихорадка ее трясла и посинѣвшія губы дрожали.

— Злодѣй вы! сказала хозяйка, смотря на нее съ состраданіемъ.—Гляньте-ка до чего довели!... Пойдемте, голубушка, я сама отвезу васъ домой. А съ нимъ ни за что не пущу; потому что я знаю его, подлеца! Того и гляди, дорогою, опять вамъ подкинеть свой мерзкій бумажникъ!

Ударъ былъ такъ неожиданъ, что у Порфирія Ивановича помутилось въ глазахъ, и онъ сидѣлъ, всею фигурой своей изображая знакъ безконечнаго удивленія.

Удерживать разъяренную женщину было опасно. Она надавала-бы ему плюхъ, или спустила-бы внизъ головою по лѣстницѣ...

Съ минуту онъ оставался въ какомъ-то оцѣпенѣніи. „Вотъ-те и на!“ думалъ онъ...

Тѣмъ временемъ дамы исчезли... Вошелъ гимназистъ.

— Гдѣ мама? спросилъ Бурдюковъ.

— Уѣхала съ барышней...

* * *

Десять минутъ спустя, Ладищева была дома; но Марѳа Никитишна довела ее до дверей и сдала на руки горничной, объяснивъ, что съ барышней, на извозикѣ сдѣлалось дурно... Паша благодарила ее и приглашала войти; но у Жухиной не хватило на это смѣлости. „Станутъ еще допрашивать“, думала она:— „а я не знаю, что и сказать.“

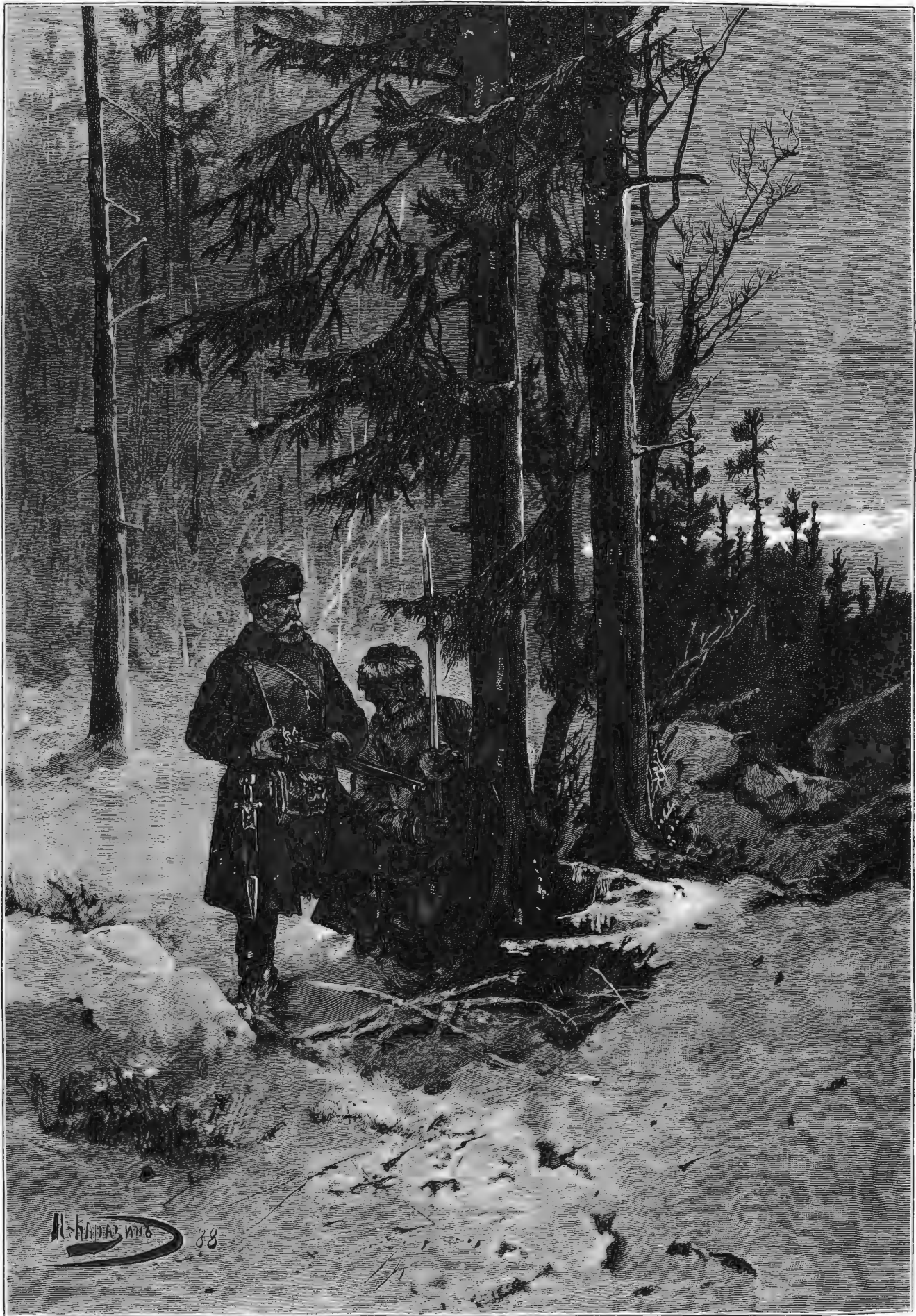
И она ушла.

XIX.

Опять Паша воротилась какъ выходецъ съ того свѣта: руки какъ ледъ, взоръ неподвиженъ, лицо какое-то каменное. Извѣстіе сообщенное горничною, когда сдѣлались уже за столъ, что съ барышней было дурно, и что она лежитъ, разстроило весь обѣдъ. Дамы вскочили и убѣжали, а Иванъ Ѳедоровичъ, обиженный,

Охота на медвѣдя. Гонякъ. Ориг рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Охота на медвѣдя. Ждутъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Флюгель.

что его, голодного, заставляют ждать, сидѣль съ Сережей, гнѣвно уставивъ глаза на пустые стулья и выражая неудовольствіе желчными замѣчаніями. Подобно многимъ высокочиннымъ отцамъ семейства, онъ считалъ за личное оскорбленіе всякаго рода тревогу въ домѣ, какъ доказательство, что о немъ никто не заботится, тогда какъ подобнаго рода вещи для него—ядь.

— Чортъ знаетъ что такое! ворчалъ онъ порывисто.—Вернешься и безъ того измученный, какъ собака; а тутъ тебѣ, вмѣсто отдыха, какъ нарочно, перевернуть всю желчь!... Съ чего это у нея опять?

— Не говорить, отвѣчалъ съ озабоченной миной племянникъ, который только что бѣгалъ узнать.

— Однако, это уже не первый разъ, и Г** тогда находилъ душевное потрясеніе; а пословица говоритъ: нѣтъ дыму безъ пламени. Неужто-же за четыре мѣсяца, не могли добиться откуда у этой дѣвчонки „душевные потрясенія?...“ Могли-бы избавить меня хоть отъ этого! Подумали-бы хоть разъ, что нельзя-же валить на одного человѣка все!

— У Паши, еще съ пріѣзда ея изъ деревни, есть вещи, которыя она прячетъ отъ всѣхъ, сказалъ Сережа, значительно; но замѣтивъ, что дядя, чуткій какъ анероидъ къ самымъ далекимъ признакамъ надвигающейся грозы, вытаращилъ испуганные глаза,—прибавилъ въ свое оправданіе, что онъ только на-дняхъ, да и то случайно, узналъ объ этомъ изъ третьихъ рукъ. И онъ посмотрѣлъ на дядю, какъ школьникъ на грознаго педагога, не зная удобенъ-ли этотъ моментъ, чтобы сообщить ему о своихъ открытіяхъ.

Ладищевъ, въ которомъ сидѣло два существа—молніеносный Юпитеръ и самый жалчайшій трусъ—въ эту минуту смотрѣлъ уже далеко не Юпитеромъ. Щеки его нервично вздрагивали и глаза тревожно бѣгали отъ Сергѣя къ дверямъ и обратно.

Тотъ началъ было вполголоса; но шумъ приближающихся шаговъ и шуршанье женскихъ платьевъ заставили его еще разъ посмотрѣть на дядю.

— Послѣ, мигнулъ тотъ значительно, и обращаясь къ вошедшимъ:—послѣ расскажете; супъ простылъ.

Обѣдъ прошелъ въ гробовомъ молчаніи, до того всѣ боялись испортить Юпитеру аппетитъ; и только вставая изъ-за стола, Клеопатра Васильевна подтвердила въ короткихъ словахъ, что съ Пашею совершенно то-же, что и тогда... Тошнить, и не можетъ стоять на ногахъ, такъ что ее убѣдили раздѣться и лечь въ постель.

— Надо сейчасъ послать... началъ было Ладищевъ, но его перебили извѣстіемъ, что за докторомъ уже послано.

Послѣ обѣда, Сергѣй, глазъ-на-глазъ съ дядею, сообщилъ ему коротко, что у Паши, дорогой, была неприятность съ проѣзжимъ, —какая именно неизвѣстно,—но что повидимому ее заставили выдать вексель, съ уплатами по которому были потомъ большія хлопоты.

— Ну-съ? произнесъ нетерпѣливо дядя, высказывая глазами неизречимыя муки страха и подозрѣнія; но Сергѣй не могъ ничего прибавить къ этимъ извѣстіямъ, кромѣ того, что вексель уплаченъ одною барыней, которая познакомилась съ Пашей случайно и приняла въ ней искреннее участіе.

— Какою барыней?

Молодой человѣкъ ждалъ бури, но, не надѣясь ея избѣжать, произнесъ съ виноватымъ видомъ:

— Рогневичъ.

Эффектъ превзошелъ его ожиданія. Дядя, которому имя было извѣстно, вскочилъ какъ человѣкъ неожиданно увидавшій передъ собою бѣшеную собаку и съ онѣмѣвшимъ отъ страха лицомъ смотрѣлъ на племянника.

— Ты... Ты... Да ты знаешь-ли что такое Рогневичъ?

— Марья Кондратьевна-то? отвѣчалъ Сергѣй, съ трудомъ подавляя игривую на губахъ усмѣшку. — Я съ нею отлично знакомъ и могу васъ увѣрить, дядюшка, что вы, какъ и многіе, составляете себѣ о ней ложное представленіе. Это милѣйшая женщина, собирающая у себя въ домѣ веселую, артистическую компанію, къ которой она и сама отчасти принадлежитъ какъ *ci-devant* — талантливая актриса... Правда, она ведетъ и денежные дѣла; но кто же изъ дамъ, имѣющихъ связи въ высшемъ финансовомъ мірѣ, нынче ихъ не ведетъ?.. Одинъ уже воздухъ, которымъ въ немъ дышутъ женщины, заразителенъ... Судите сами: не далѣе какъ на-дняхъ, я видѣлъ у ней Шалыгина, въ компаніи съ Козыревымъ и Ферейтелемъ, которые рѣзались въ винтъ по гривеннику point.

Все это было конечно громозвонъ, но онъ подѣйствовалъ. Стрѣлка живаго анероида, стоявшаго передъ нимъ во образѣ дяди Ивана, быстро пошла отъ „Бури“ на „Перемѣнную“... Ужасъ упалъ, и Ладищевъ смотрѣлъ теперь на племянника, какъ ученый слесарь, заинтригованный содержаніемъ ларчика, случайно попавшаго къ нему въ руки, разглядываетъ его замѣкъ.

— Съ чего же это она приняла такое участіе въ Пашѣ? сказалъ онъ, вдругъ прѣимая небрежный, почти презрительный тонъ.

— Не знаю; но ваше имя ей хорошо извѣстно, и она часто упоминала его при мнѣ съ видомъ глубокаго уваженія. Весьма возможно что это ей и внушило участіе къ Пашѣ, хотя, разумѣется, это не болѣе какъ мои догадки... Викторъ Михайловичъ знаетъ объ этомъ больше и лучше меня.

— Стойницікій? спросилъ совсѣмъ уже хладнокровно дядя.

— Да, онъ повѣренный Марьи Кондратьевны, и по ея порученію заплатилъ за Пашу. Только я отъ него не могъ ничего добиться... Секретничаетъ.

— Черезъ кого-жъ ты узналъ?

— Да отъ самой Рогневичъ. Она случайно проговорила что знаетъ одну изъ моихъ кузинъ, и вида какъ это меня интересуетъ, сказала глухо нѣсколько словъ о дѣлѣ.

„Не знаетъ болѣе ничего“, подумалъ Ладищевъ и тутъ же рѣшилъ что съ Сергѣемъ не стѣбитъ больше и говорить. Онъ промолчалъ, и закуривъ сигару, усѣлся. Лицо его было полно затаенныхъ думъ, но какъ криптограмма, не выдавало ни йоты изъ ихъ содержанія; да Сергѣй не могъ бы его раскусить, еслибъ оно и было переведено на понятныя ему письмена. Онъ посидѣлъ, помолчалъ, и догадываясь, что дѣло, насколько оно его касалось, конечно, ушелъ къ дамѣ, мысленно поздравляя себя что ему удалось такъ легко отдѣлаться отъ лежавшей на немъ щекотливой задачи.

Ладищевъ тоже поднялся и долго ходилъ, заложивъ руки за спину, съ видомъ орла, который, уставъ парить въ высотѣ, спустился на землю.

Это былъ типъ чиновной знати, начавшей игру свою „соника“. Сухой какъ палка, спѣсивый и раздражительный какъ индѣйскій пѣтухъ, съ какимъ-то выѣденнымъ до кости, землистаго цвѣта лицомъ и съ утрированною претензіей на барство—проглядывающей въ маперѣ, во взглядѣ, въ малѣйшемъ движеніи,—человѣкъ со свѣтлою головою на всякаго рода работу, но ослѣпленный маніей величія и неспособный ни на какое сердечное увлеченіе... Служебное поприще его было изъ самыхъ благополучныхъ; а на другомъ, побочномъ, онъ нажилъ, въ короткое время, крупное состояніе. Но въ семейной жизни его дѣло не обошлось такъ гладко. Стремленіе Клеопатры Васильевны играть въ

свѣтъ приличную ея положенію роль стѣило ему баснословныхъ денегъ и можетъ - быть еще большихъ хлопотъ. Старшій сынъ его, только что кончившій курсъ въ одной изъ высшихъ военныхъ школъ и подававшій большія надежды, — любимецъ товарищескаго кружка, Богъ знаетъ съ чего пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Меньшой, въ училищѣ ***, шелъ плохо и огорчалъ все семейство непроходимую тупостью. Дочь, вышедшая за свитскаго генерала, черезъ два года послѣ вѣнца овдовѣла. Одно къ одному, это сдѣлало стариковъ болѣзненно чуткими ко всему чтѣ хоть издали угрожало имъ новою бѣдой; и мѣсто домашняго доктора у нихъ не было синекурой.

Призванный къ Пашѣ, онъ повторилъ почти то же самое чтѣ и въ августѣ. Ничего зловѣщаго — дѣвушка въ корнѣ здоровая; но имѣла навѣрно какія-нибудь душевныя потрясенія. Они-то и составляютъ опасность, которую слѣдуетъ прежде всего устранить, такъ какъ иначе нельзя отвѣчать за послѣдствія... Покуда у ней не больше какъ легкое раздраженіе мозговыхъ оболочекъ, лучшее средство противъ котораго по возможности полный нравственный и тѣлесный покой: — никакого занятія напрягающаго вниманіе и никакихъ волнующихъ разговоровъ или извѣстій; а все остальное вздоръ, такъ какъ въ августѣ было гораздо хуже. Прощаясь, онъ обѣщалъ что если не произойдетъ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ усложненій, больная будетъ здорова черезъ три дня.

* * *

Поздно вечеромъ въ этотъ день, по особому приглашенію, посланному съ курьеромъ, явился Стойницкій и просидѣлъ за полночь.

Извѣстіе о внезапной болѣзни Паши, которымъ встрѣтилъ его Ладищевъ, такъ поразило его, что этотъ бойкій, самоувѣренный человѣкъ стоялъ передъ своимъ патрономъ какъ провинившійся школьникъ подѣ строгимъ взоромъ узнаваемаго о его проказахъ отца. Рѣчь шла какъ разъ о причинахъ загадочнаго недуга, который докторъ приписывалъ „душевному потрясенію“... Невольно рождалась догадка что съ Пашей, послѣ ухода ея отъ него, случилась какая-нибудь бѣда; но по тону, какимъ говорилъ патронъ, не трудно было понять что его личныя отношенія къ дѣвушкѣ неизвѣстны, и это прежде всего его успокоило. Скоро потомъ онъ смекнулъ, что Сережа былъ тутъ и судя по всему воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ сообщить кому слѣдуетъ, по секрету, свои открытія. Тогда наконецъ Стойницкому стало ясно зачѣмъ его вытребовали въ такую необычайную пору, и онъ рѣшилъ что долѣе медлить нельзя. Секретничать ему было не-зачѣмъ, успокоивать своего патрона еще того менѣе. Разъ услыхавъ что Сережа уже говорилъ о векселѣ и о Марьѣ Кондратьевнѣ, онъ охотно взялся дополнить эти отрывочныя извѣстія и рассказалъ Ладищеву безъ утайки несчастныя приключенія Паши; но истинную причину ихъ скрылъ, какъ оружіе, которое незачѣмъ было давать въ руки труса, способнаго обратитъ его противъ племянницы. Бумажникъ, по объясненію его, былъ несомнѣнно подкинутъ, чтѣ подтверждается и впечатлѣніемъ трехъ свидѣтелей обыска, въ томъ числѣ даже родственницею этого паука.

Ладищевъ выслушалъ его молча и сдержанно; только глаза выдавали тайну того чтѣ дѣлалось у него на душѣ. Глаза эти, широко открытыя, прыгали и ихъ взглядъ, останавливаясь на говорившемъ, былъ полонъ такого ужаса, какого Стойницкій даже не ожидалъ.

— Кто такой? спросилъ Иванъ Федоровичъ шепотомъ, когда все было сказано.

Тотъ назвалъ имя и сообщилъ ему точныя свѣдѣнія о мѣстѣ служенія и о негласномъ промыслѣ Бурдюкова, какъ содержателя кассы ссудъ на чужое имя.

— Да это разбой! невольно вырвалось у Ладищева. Губы его тряслись.

— Нѣтъ, ваше вѣ-во; въ судебной практикѣ мы называемъ это: „шантажъ“, хотя Уложеніе и не знаетъ еще этого термина.

— Однако, это грозитъ окончиться въ окружномъ судѣ!..

— Да, если не приняты будутъ другія мѣры. Но при широкомъ просторѣ средствъ, какими пользуется у насъ администрація, когда ей нужно пополнить пробѣлы свода законовъ, съ этимъ мерзавцемъ не трудно справиться. Довольно личнаго объясненія съ Г. А. ***, чтобы столочь его въ порошокъ.

Тревога другаго рода и возбужденное ею, скрытое раздраженіе промелькнули въ чертахъ Юпитера.

— Да; вамъ легко говорить! произнесъ онъ. — Я даже и ожидалъ что вы это скажете. Но вы знаете поговорку: *Чужую бѣду рукой разведу* и прочее?.. Я между прочимъ понять не могу какія соображенія побудили васъ скрыть отъ меня подобнаго рода свѣдѣнія, которыя кажется я имѣлъ бы право знать раньше чѣмъ кто-нибудь.

— Позвольте мнѣ въ такомъ случаѣ объяснить ихъ, сказалъ Стойницкій. — Причины на это были, и очень вѣскія. Свѣдѣнія были сообщены мнѣ отъ г-жи Рогневичъ въ такую пору, когда мы оба были увѣрены что съ уплатою векселя дѣло это замолкнетъ само собой; а позже, когда оказалось что это ошибка, рискованно было что-нибудь предпринять противъ главнаго дѣйствующаго лица, не убѣдясь, какъ я убѣдился только на-дняхъ, что онъ не будетъ имѣть за себя ни одного свидѣтеля. Это одно уже можетъ вамъ объяснить почему мы не смѣли тревожить семейство; но у меня есть и другое, не менѣе вѣское оправданіе: это воля самой Прасковьи Петровны. Я не могъ дѣйствовать безъ ея согласія, а она не давала его по тѣмъ же соображеніямъ, которыя и ее заставляли молчать. Это быть-можетъ преувеличенный, но тѣмъ не менѣе очень понятный страхъ ея, чтобы такія извѣстія, въ ваши года, и послѣ испытанныхъ уже вами тяжелыхъ ударовъ судьбы, не уложили васъ самого въ постель.

Рипость былъ такъ мѣтокъ въ психологическомъ отношеніи и такъ неожиданъ, что сразу обезоружилъ Ладищева. Юпитеръ былъ даже тронутъ при мысли что Паша его берегла, пренебрегая собственно опасностью. Онъ посмотрѣлъ на адвоката съ грустнымъ лицомъ и вздохнулъ.

— Ну, знаете, кто другой, а я у себя въ семействѣ не избалованъ на этотъ счетъ. За Пашу вонъ такъ боятся, что не пустили къ ней даже стараго друга ея по институту, Анну Григорьевну Мезенскую, изъ опасенія чтобы она не затѣяла какихъ-нибудь волнующихъ разговоровъ. А на меня привыкли валишь, не долго думая, все чтѣ хоть сколько-нибудь тревожитъ самихъ. Но я не жалуюсь... Чтѣ же дѣлать?.. Привычка, знаете, неумолимый тиранъ...

И онъ закурилъ, дрожащею рукою, свою, потухшую уже въ третій разъ, сигару.

Ихъ консультація впрочемъ была еще далеко не кончена, и Стойницкій не только это отлично зналъ, а даже нетерпѣливо ждалъ продолженія. И онъ не ошибся. Послѣ короткаго отдыха, Ладищевъ оставилъ на него снова какой-то робко высматривающій въ потемкахъ дорогу взоръ.

— Меня беспокоитъ, сказалъ онъ, — еще одна, и весьма щекотливая сторона вопроса. Съ чего тутъ вмѣшалась совсѣмъ посторонняя женщнна? Имя ея мнѣ давно извѣстно; но, признаюсь, все чтѣ я слышалъ о ней изъ разныхъ источниковъ, плохо рекомендуетъ ее какъ хранительницу семейныхъ тайнъ. Васъ не удивитъ поэтому, если я васъ спрошу: достаточно-ли вы знаете эту Рогневичъ?

(Продолженіе будетъ).

(Пѣсня — въ честь эмира Таджъ-уль-Фѣхра).

Переводъ Г. П. Данилевскаго.

акъ рѣзвѣй чолнѣ, съ побережья убѣгая,
Нырлетъ вдоль кристалловъ голубыхъ
И, веслами грудь моря обнимая,
Лебяжью шею клонитъ между нихъ, —

Такъ со скалы Арабъ коня свергаетъ
Въ просторъ степей, и вороной летунъ
Въ песокъ, съ глухимъ шуршаньемъ, утоааетъ,
Какъ въ брызгахъ водъ расплавленный чугуунъ...

Мой конь плыветъ въ сухихъ волнахъ; пучина
Песковъ шумитъ подъ взмахами дельфина...

Все быстрѣе, все быстрѣй,
Хрящъ кремнистый онъ взметааетъ;
Все сильнѣе, все сильнѣй,
И надъ пылью самъ взлетаетъ!

Мой конь, что хмара черная надъ нивой;
Звѣзда чела денницей блеститъ;
По вѣтру вѣетъ страусовой гривой
И молнія отъ бѣлыхъ ногъ летитъ!

Мчись, летунъ мой бѣлоногий,
Горы, дебри, прочь съ дороги!

* *

Напрасно пальма молодая
Сулитъ мнѣ тѣнь свою и плодъ;
Я мчусь, ея не замѣчая...
И въ глубь оазиса, подъ сводъ
Деревъ, она, смутясь, бѣжитъ
И гнѣвною листвою шумитъ.

* *

Съ границъ пустынь утесы дикимъ взоромъ
На бедуина пристально глядятъ
И, звукъ копытъ подхватывая хоромъ,
Такъ грозно мнѣ во слѣдъ гремятъ:

„О, безумецъ, что онъ скачетъ!
Тамъ отъ солнечныхъ лучей,
Какъ отъ жгучихъ стрѣлъ, не спрячетъ
Головы нигдѣ твоей
Куца пальмъ листвою зеленой,
Ни наметовъ бѣлыхъ лоно...“

Тамъ одинъ вокругъ намѣтъ —
Безпредѣльный небосводъ!

Только скалы тамъ ночуютъ,
Только звѣзды тамъ кочуютъ!..“

Напрасныя, напрасныя преграды!
Я мчусь, удвоивъ бѣгъ коня;
Гляжу, а гордыхъ скалъ громады —
Уже далеко отъ меня,

И другъ за другомъ, предо мной,
Бѣгутъ, — исчезъ ихъ длинный строй!..

* *

Угрозы ихъ услышалъ коршунъ; слѣпо
Плѣнить араба въ полѣ онъ рѣшилъ,
Взмахнулъ крыломъ и трижды мнѣ свирѣпо
Вѣнцомъ онъ чернымъ голову обвилъ.

„Чую“, каркалъ, „будутъ трупы,
Конь и всадникъ — оба глупы;
Всадникъ ищетъ здѣсь дороги,
Ищетъ корма бѣлоногий...
Всадникъ, — силъ пустая трата! —
Нѣтъ изъ тѣхъ краевъ возврата!
Тамъ лишь вѣтръ степной шагаетъ.
Слѣдъ свой тутъ же заметааетъ;
Не коню тѣхъ пашень клады:
Тамъ пасутся только гады;
Только трупы тамъ ночуютъ,
Только коршуны кочуютъ!“

Прокаркалъ, мнѣ когтями угрожая,
И трижды мы взглянули око въ око...
Кто-жъ струсилъ? коршунъ! онъ взвился высоко...
Когда-жъ я лукъ натягъ, отместить желая,
И, цѣлясь вверхъ, въ него я взоромъ впился,
Ужъ онъ висѣлъ верху, какъ сѣрый шарикъ,
Какъ воробей, какъ бабочка, комарикъ,
И наконецъ въ лазури растопился!

Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Скалы, коршунъ, прочь съ дороги!

* * *

Вотъ изъ-подъ солнца тучка зарева
Оторвалася, черезъ куполь синій
Меня на крыльяхъ бѣлыхъ догоняя;
Со мной, гонцомъ песчаной той пустыни,
Она сравнятся въ небѣ захотѣла—
И, надо мной повиснувъ, зашумѣла:

„О, шальной! куда онъ гонить?
Тамъ отъ жажды нѣтъ росинки;
Туча съ неба не уронитъ
На лицо твое дождинки!
Звонкій ключъ, въ поляхъ кремнистыхъ,
Не промолвитъ словъ серебристыхъ;
Лечь роса не успѣваетъ,
Вѣтеръ въ лѣтъ ее глотаетъ!“

Я не боюсь угрозъ! лети, гонецъ!
И стала тучка по небу метаться,
Челомъ усталымъ ниже преклоняться
И оперлася на скалы наконецъ...
Когда-жъ мой взоръ къ ней гордо обратился,—
Уже на цѣлый небосклонъ
Отъ ней впередъ я унесѣнъ!
И злобный умыселъ открылся:
Румянецъ гнѣвнаго чела
Ей жолчью зависть облила,
И наконецъ, какъ трупъ, черна,
Въ горахъ укрылася она...

Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Тучи, птицы, прочь съ дороги!

* * *

Смѣло съ краю и до краю
Я вокругъ солнца взоръ бросаю, —
Ни внизу, ни надъ землей
Больше нѣтъ гонца за мной!
Сонмъ стихій заснулъ, не дышитъ,
Онъ шаговъ людскихъ не слышитъ:

Спитъ природа вокругъ нѣмая,
Какъ звѣрковъ незлобныхъ стая,—
Чьи глаза, впервой отъ-вѣка,
Видятъ образъ человѣка!

* * *

Но, Боже!.. Я не первый здѣсь... Ограда
Песчаная сверкаетъ вокругъ отряда...
То странники-ль, злодѣевъ-ли засада?
Я къ нимъ—они стоятъ; зову—молчатъ бойцы...
То мертвецы!

То древній караванъ, забытый
И вѣтромъ изъ песковъ отрытый...
На костякахъ верблюдовъ и коней—
Скелеты высохшихъ людей;
Сквозь щели глазъ и голыхъ щекъ,
Сочится струйкою песокъ...
И слышу я со всѣхъ сторонъ
Твердитъ мнѣ ихъ злобщій стонъ:

„О, бедуинъ! въ какія страны
Летишь? глупецъ, тамъ ураганы!“...
Я несусь—я чуждъ тревоги;
Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Трупы, вихри, прочь съ дороги!

* * *

Пустынный ураганъ, вождь вихрей африканскихъ,
Властительно гулялъ среди песковъ гигантскихъ;

Завидѣлъ вдругъ меня, вдали, остолбенѣлъ
И, закружась юлой, зловѣще заревѣлъ:
„Что тамъ за жалкій вихрь, мой младшій братъ? кого-то
Я вижу, — мелокъ онъ и низкаго полѣта!
Какъ смѣетъ онъ топтать тотъ край, гдѣ я одинъ
Отъ вѣка властелинъ?“

Сказаль и ринулся за мной
Онъ, съ пирамиду высотой;
Но, устранить бойца не успѣвая,
Ногой отъ злости о-земь билъ,
Дыханьемъ огненнымъ палилъ;
Покой Аравіи смущая,
Какъ грифъ, меня котгами рвалъ,
Крылами прахъ степной взметаль...

Тискалъ въ горы, билъ въ долины,
Громоздилъ песку стремнины...
Я лечу, сражаюсь смѣло,
Я песчанистое тѣло—
Какъ безумный звѣрь—зубами
Четвертую, рву клоками...
И онъ въ рукахъ моихъ забился,
Столпомъ рванулся къ небесамъ,
Не вырвался и лопнулъ пополамъ,
Дождемъ песку съ высотъ пролился—
И, какъ твердыни длинный валъ,
У ногъ моихъ безжизненъ палъ!.

* * *

Я отдохнулъ! гляжу на звѣзды ночи,
И всѣ они, всѣ—золотыя очи
Склоняютъ на меня съ вершинъ...
На всей землѣ я былъ одинъ!
Какъ сладко грудью всею отдохнулъ!
Широко, полно такъ вздыхаетъ грудь,
И воздуха Аравіи всей мало,
Чтобы на вздохъ одинъ мнѣ стало!

* * *

Какъ сладко нынѣ смѣлый взоръ
Мнѣ устремлять вокругъ въ просторы!
И такъ далеко, такъ широко
Ночную мглу пронзаетъ око,
Что вижу далѣ я и шире,
Чѣмъ небосклонъ простѣра въ мѣрѣ...

* * *

Какъ сладко мнѣ объятъя распахнуть,
Ихъ съ лаской къ свѣту протянуть!
И мнится, небо я и землю
Съ востока къ западу объемлю...

Стрѣлю мысль, до грани звѣздной,
Все вверхъ и вверхъ летитъ надъ бездной...
И, какъ пчела въ глубь раны жало гонитъ
И сердце съ нимъ на вѣкъ хоронитъ,
Такъ душу въ высь я устремилъ
И въ небѣ съ мыслью схоронилъ!

8 ноября, 1888 г.

Безсонныя ночи.

Повѣсть В. И. Немировича-Данченко.

(Окончаніе).

VI.

Проходи по комнатамъ—онъ часто вдрагиваль... Не то лихорадка, не то въ самомъ дѣлѣ было холодно. И *нервы* (у него—первы!) шалили. Когда онъ входилъ въ однѣ двери, ему казалось, что въ другія бѣгутъ отъ его свѣчи какія-то тѣни. Бѣгутъ—останавливаются въ слѣдующей комнатѣ и опрометью выдвигаются прочь, скользя по стѣнамъ, цѣпляясь за окна, притаиваясь за занавѣсками, подъ столами и подъ диванами. Кругомъ была какая-то странная жизнь, какое-то непонятное движеніе... Онъ на минуту приостановился передъ женой спальней. Здѣсь дверей не было. Изъ-за опущенныхъ портьеръ слышалось ровное дыханіе Сони. Заслоняя огонь свѣчи ладонью—Александръ Петровичъ вошелъ сюда... Проходя мимо зеркальнаго шкафа, онъ расхвѣянно взглянулъ туда. „Какъ я осунулся!.. Блѣденъ словно мертвецъ... Нѣтъ, надо перестать ужинать!“

Соня снала крѣпко.

Онъ остановился надъ ней и слегка отодвинулъ отъ свѣчи ладонь. Свѣтъ теперь падалъ на нее. Она раскинулась—должно быть и ей было жарко...

— Для нея, мелькало у него въ головѣ,—для нея эти семьсотъ лѣтъ каторжной работы... Что-бы она дѣлала безъ нихъ?

Странно, ему вдругъ вздумалось всмотрѣться въ нее. До сихъ поръ ея личико казалось ему наивнымъ и изящнымъ. Онъ, сначала влюбленный, потомъ заработавшійся, никогда не замѣчалъ—его глупости. Въ большихъ глазахъ этой женщины, онъ видѣлъ не то что въ нихъ было, а то что развѣ павсегда въ порывѣ увлеченія онъ въ нихъ вообразилъ себѣ. Семь лѣтъ—за все время брака—онъ не выходилъ изъ фантастическаго круга созданной имъ когда-то иллюзіи. Ему рѣдко приходилось разговаривать съ женой. Цѣлый день на службѣ; когда являлся досугъ, праздникъ—надо было взяться за книгу, чтобы не совсѣмъ отстать отъ людей. Гдѣ-же ему было узнать ее? И теперь—вглядываясь въ ея лицо, онъ чувствовалъ какъ точно къ горлу подступало къ нему чувство какого-то умиленья. Въ самомъ дѣлѣ, чего онъ—законстѣннѣйшій предсѣдатель—развернувшись? Зло—должно быть

наказано. Въ этомъ его назначеніе, въ этомъ жизнь и средства его семьи... Самъ, одинъ, онъ могъ-бы еще обращать вниманіе на то, какъ рыдаютъ жены подсудимыхъ или „пипшнать извошчичи галчата“, могъ-бы уйти отъ этихъ рыданій и отъ этого писка, но съ нею... уйти съ нею, куда?.. Ему страстно захотѣлось сейчасъ, сію минуту—услышать ея голосъ. Ему казалось, что нѣсколько словъ, которыя она скажетъ, разомъ успокоитъ его волненіе. Онъ поставилъ свѣчу такъ, что огонь былъ прямо въ лицо ей. Она сначала поморщилась, зажмурилась—потомъ разомъ открыла глаза и съ недоумѣніемъ взглянула на него.

— Я разбудилъ тебя, Соня?

— Да... А я отличный сонъ видѣла... вкусный...

И она даже чмокнула.

— Какой это?

— Этотъ соусъ изъ омаровъ, что мы ѣли сегодня... Надо выучить Катерину готовить...

И она опять зажмурилась и заснула.

Только-то... соусъ изъ омаровъ—для его смиреннаго духа! Онъ сталъ вглядываться въ ея лицо. Чуть-ли не въ первый разъ за все это время онъ былъ недоволенъ ею и потому смотрѣлъ на нее трезво и видѣлъ въ ея лицѣ то что въ немъ было. Отъ желатаго огонька свѣчи тѣни на немъ ложились рѣзко, выпуклости казались рельефнѣе. Его поразило что-то—и онъ наклонился къ ней ближе. Неужели это она, его Соня? Не можетъ быть этого... Да, она... Какъ же прежде онъ не замѣчалъ?.. Красивое лицо, правда, но какое глупое, какое банальное, какое животное... Нѣтъ, это свѣтъ такъ падаетъ. Онъ переставилъ свѣчу на другое мѣсто—то же самое. Грубый, рѣзкій подбородокъ... Выпуклыя щеки, слишкомъ толстый мисистый носъ... И дѣйствительно животное выраженіе. Гдѣ-же этотъ отблескъ чего-то идеальнаго, гдѣ?.. Онъ съѣлъ на кровать и сталъ наблюдать ее. Красныя чувственыя губы. Верхняя слишкомъ толста... И какъ много всего!.. Неужели-же для этого именно тѣла семьсотъ лѣтъ каторжной работы... Семьсотъ лѣтъ... И больше тысячи—какой тысячи—двѣ-три тысячи подсудимыхъ... Цѣлое

море несчастных... Но да вѣдь съ нимъ, съ этимъ аломъ надо бороться... Кому?... Ему... А онъ самъ безупреченъ? Этотъ вопросъ первый разъ пришелъ ему въ голову.

Да, въ самомъ дѣлѣ—развѣ онъ безупреченъ?

Кажется, да!.. Только „кажется“ а на самомъ дѣлѣ—какъ... Безупреченъ только тотъ, кто каждую минуту можетъ сказать вслухъ о томъ, что онъ думаетъ. Но такихъ нѣтъ... Каждому есть чего стыдиться... Если въ настоящемъ нѣтъ—въ прошломъ было... И будетъ опять. Развѣ за нимъ ничего не числится его совѣсть?... А Сама?... Та дѣвушка, которую онъ зналъ еще студентомъ... Разлюбилъ, бросилъ и даже тайкомъ уѣхалъ. Что съ нею? Можетъ быть она попала тоже на скамью подсудимыхъ и такой-же какъ онъ, закостенѣлый предсѣдатель, преспокойно отправилъ ее—куда Макарь телятъ не гоняетъ. Его въ жаръ бросило. А тотъ вечеръ, когда голодный и плохо одѣтый онъ пробирался къ себѣ на Васильевскій Островъ съ упавшимъ сердцемъ, зная что хозяйка первымъ дѣломъ потребуетъ у него за квартиру?... И еще, и еще... Совѣсть вставала неутомимымъ свидѣтелемъ, выкапывая изъ давно забытыхъ былей такіе моменты—отъ которыхъ онъ желтѣлъ и опускался все больше и больше. Если теперь—съ прокурорскаго мѣста кто-нибудь встанетъ и расскажетъ это... Что отвѣтить закостенѣлый предсѣдатель?... „Я былъ тогда бѣденъ и голоденъ“—да вѣдь три четверти подсудимыхъ говорятъ то же... Какое-же право ты имѣешь судить?... Ты?..

И ради чего?..

Ради себя?.. Ради нея, Сони.

И онъ сталъ припоминать все, что сказала и сдѣлала Соня за эти семь лѣтъ. Шевельнулось-ли хоть разъ въ ней великодушное чувство, сказала-ли она хоть мелькомъ что-нибудь такое что подымаетъ душу въ человѣкѣ? Но что онъ самъ нашель въ ней?... Вѣдь это не та которую онъ зналъ, не та ради которой онъ самъ въ себѣ убилъ человѣка и сталъ „закостенѣлымъ предсѣдателемъ“. Не подмѣнилъ-же ее—въ самомъ дѣлѣ. Или онъ видѣлъ только созданную имъ самимъ иллюзію?

— Послушай, Соня...

И онъ взялъ ее за плечо.

— А!.. это ты опять?..

— Мнѣ сегодня ужасно тяжело.

— Почему это?

— Ты знаешь, меня тяготитъ служба... начинаешь тяготить, то-есть... Я думаю... мнѣ кажется, что за формальнымъ закономъ стоитъ что-то такое... Поймай, мнѣ трудно выразить это... пока... Завтра я скажу иначе...

Она приподнялась испуганно на локтѣ.

— То есть, чего-же ты, Вовочка, хочешь?

— Я подамъ въ отставку.

— Наканунѣ производствъ?... Ты съ-ума сошелъ... И наконецъ чѣмъ-же мы жить будемъ?

— Какъ-нибудь...

— Я какъ-нибудь не хочу... Я не привыкла какъ-нибудь... Выше содовой воды, это тебя освѣжить... Въ отставку... вѣдь придетъ-же такая мысль! И никого судить не будешь... Что-же ты будешь, значить, тогда?... Дядя мнѣ писалъ, что тебя скоро камергеромъ сдѣлаютъ... Мундиръ тогда весь расшитый золотомъ... Кромѣ того, мнѣ отецъ говорилъ: у твоего мужа служба ужасно благородная. Ему всѣ завидуютъ...

— Если-бы ты слышала какъ она плакала...

— Кто?

— Эта женщина, сегодняшняя подсудимаго жена...

— Такъ что-жь? Радоваться ей что-ли, если ты ея муженька закаталъ на пятнадцать лѣтъ... Они будутъ дѣлать мерзости, а ихъ по головкѣ гладить!.. Только этого еще не доставало. Нѣтъ, ты дѣйствительно боленъ сегодня...

— Правда... Я боленъ...

Онъ вздохнулъ и всталъ.

— Куда ты?..

— Я къ себѣ. Прощай.

— Ты что-же не поцѣлуешь меня...

Онъ посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ. Если-бы она понимала что-нибудь, она увидѣла бы что въ немъ боролись и жалость, и отвращеніе... Не останавливаясь, понуренный онъ пошелъ къ дверямъ... Скоро и слабая полоска свѣта отъ его свѣчи исчезла за гардинами... Соня вѣгнула, вытянулась съ наслажденіемъ, завернулась въ одѣяло, и не усилъ еще Александръ Петровичъ дойти до своего кабинета, какъ она уже спала, здоровымъ, животнымъ сномъ.

Онъ зажегъ другую свѣчу, и не одѣваясь сѣлъ къ столу.

— Я „какъ-нибудь не хочу“ повторялъ онъ.—„Я не привыкла какъ-нибудь“ И за все за это—семьсотъ лѣтъ каторжной работы. Дорого!.. Душа болитъ, а она объ расшитомъ мундирѣ...

И чѣмъ дальше, тѣмъ ему становилось все страшнѣе и страшнѣе...

Когда Надя утромъ внесла кофе и портфель въ его кабинетъ, Александръ Петровичъ спалъ neodѣтый, сидя за столомъ и опрокинувшись на него головою.

Она разбудила его. Онъ поднялъ на дѣвушку мутный взглядъ.

— Что тебѣ?

— Изъ Окружнаго. Курьеръ бумаги принесъ...

— Да... Положи сюда вотъ... Я не хочу кофе... Скажи курье-

ру чтобъ шелъ домой... Ахъ, какъ болитъ голова! Разбуди меня въ десять часовъ.

Онъ съ трудомъ перешелъ къ дивану и свалившись на него тотчасъ-же заснулъ.

Надя смотрѣла на него не трогаясь...

„И на что только польстилась барыня...“ подумала она, качая головою. „Экій сморчокъ. Старый, лысый... Да я-бы, горничная, не пошла за такого!.. Вотъ ужъ истинно: любовь зла—полюбишь и козла!“

VII.

„Что собственно случилось такое?“ съ недоумѣніемъ думалъ Александръ Петровичъ, подѣзжая къ окружному суду... „Ничего не случилось. Расшатался я вчера. Нервы шалили, чортъ знаетъ что такое въ голову дѣлало... Нѣтъ, надо выпросить отпущекъ и поѣхать за границу—въ Швейцарію, куда-нибудь къ голубымъ озерамъ и снѣговымъ вершинамъ...“

Холодъ морознаго дня—отрезвляющимъ образомъ дѣйствовалъ на него. Солнце свѣтило и не грѣло. Онъ догналъ арестантскій вагонъ, едва двинувшійся къ окружному суду. Крошечные солдатики шли вокругъ. Въ крошечное окно виднѣлись сѣрые лица, сѣрые шапки, сѣрые халаты. Извозчикъ поневолѣ поѣхалъ тише—впереди дорога была занята... Одинъ изъ арестантовъ должно быть узналъ Александра Петровича и, снявъ шапку, показалъ его другимъ. Къ рѣшеткѣ окна прильнули и остальные, рассматривая его съ жаднымъ любопытствомъ и страхомъ въ одно и то же время, точно въ выражении его глазъ стараясь прочитать свою судьбу. Александръ Петровичъ недовольно запахнулся шубой.

— Ну, поѣзжай скорѣе!.. крикнулъ онъ извознику. — Чего мямлишь!

Тотъ затормозился, нашель между ѣхавшими впереди каретами лазейку—и проскользнулъ въ нее. Арестантскій вагонъ съ блѣдными людьми въ сѣрыхъ халатахъ остался позади... Проѣхавъ и вспомнивъ что такое-же окошечко есть и впереди вагона—Александръ Петровичъ обернулся. Тѣ же арестанты перешли сюда и жадно смотрѣли ему въ слѣдъ...

— Пиш-шаты! мелькнуло у него въ памяти. — Неужели и у этихъ, что ѣдутъ, тоже дѣти пиш-шаты?..

Въ судѣ весь день Александръ Петровичъ былъ очень разсѣянъ. Къ счастью, дѣла попадались все неважныя. Двухъ закатали къ арестантскія роты, одного на „высидку“, какую-то бабу на поселеніе... Къ крайнему изумленію прокурора—предсѣдатель неизмѣнно обращался къ каждому подсудимому:

— Скажите, обвиняемый, у васъ дѣти есть?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

Александръ Петровичъ веселѣлъ и довольно спокойно подписывалъ приговоръ.

— Точно такъ-съ... Двое-съ...

— Маленькія?..

— Да-съ... Старшему пять лѣтъ.

Александръ Петровичъ хмурился и становился вдвое разсѣяннѣе. Разъ онъ даже, услышавъ о дѣтихъ, совершенно неожиданно, къ общему скандалу, спросилъ:

— Пиш-шаты?..

— Кто?

Предсѣдатель провелъ рукою по лбу, вынулъ стаканъ воды и обернулся къ прокурору:

— Вамъ было угодно спросить что-то?..

— Нѣтъ... растерялся прокуроръ, съ недоумѣніемъ смотрѣвший на предсѣдателя.—Ничего...

Во время отдыха онъ подошелъ къ Александру Петровичу.

— Что это, ваше превосходительство, вы все сегодня дѣтскими интересуетесь?..

— Такъ... у меня, знаете... Нѣтъ, нѣтъ да и заболитъ голова...

— А-а!.. А я такъ полагалъ, что вы арестантскаго младенца хотите на воспитаніе взять, сострилъ онъ.

— Эхъ, вы!.. А еще прокуроръ—и не догадались. Я думаю совѣтъ другое, смѣялся членъ суда.

— Что такое?..

— А то, что скоро Александръ Петровичъ позоветъ насъ на крестины...

Къ вечеру—вчерашняго арестанта, Ивана Еремѣева или Еремѣя Иванова, должны были доставить для выслушанія приговора въ окончательной формѣ. Александру Петровичу не хотѣлось видѣть его. Онъ попросилъ одного изъ членовъ замѣнить его...

— Да совѣтъ не надо, вмѣшался секретарь.

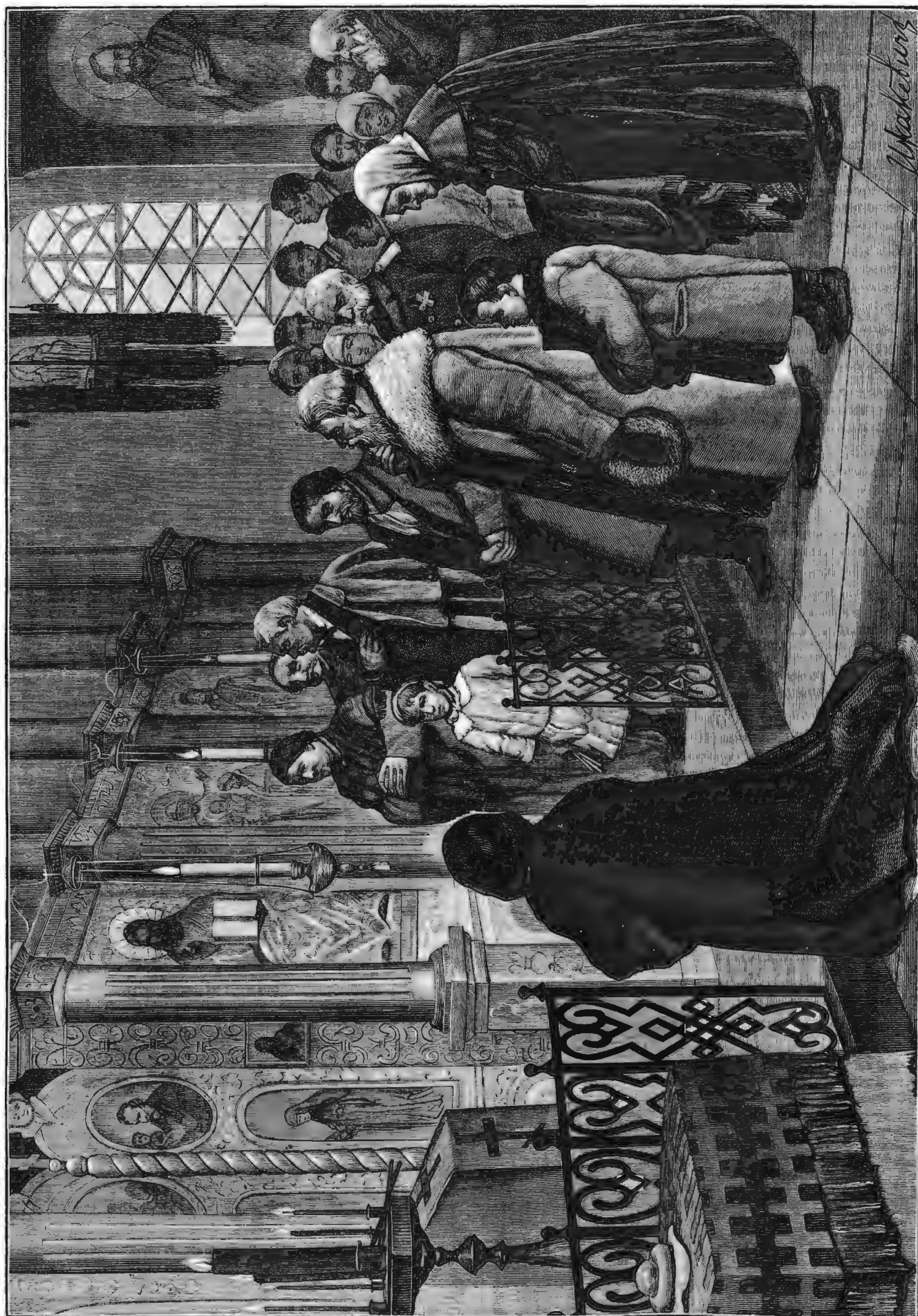
— Почему?

— Его не доставятъ... Мнѣ сейчасъ отъ смотрителя тюремнаго замка доставили бумагу на ваше имя. Я только что хотѣлъ доложить вамъ... Вотъ онъ что пишетъ: „Имѣю честь почительнѣе доложить вашему превосходительству, что сегодня ночью, осужденный вчера на 15 лѣтъ каторжной работы, арестантъ Еремѣй Ивановъ...“

— Такъ онъ Еремѣй Ивановъ значить...

— Да-съ... „Еремѣй Ивановъ повѣсился въ своей камерѣ, употребивъ для сего собственный свой полсъ, о чемъ составленный мною, вмѣстѣ съ начальникомъ караула, протоколъ представляю на ваше благоусмотрѣніе...“

Александръ Петровичъ вскопчилъ.

Говѣльщину. Ориг. рис. (собств. „Мивы“) Иманевича, грав. Флюгель.

Урокъ фехтованія. Съ карг. Пробста, грав. Пааръ.

— Слышали? обратился онъ къ прокурору, спокойно чистившему себѣ ногти.

— Да. Ивановъ повѣсился...

— Вѣдь это мы его... убили. А жена его? круто онъ обернулся къ секретарю.

— Какая жена?..

— У него жена была. Та, что вчера зарыдала на всю залу.

— О пей здѣсь ничего нѣтъ...

— Александръ Петровичъ, подошелъ къ нему одинъ изъ его товарищей,—поѣзжайте домой и позовите доктора, вы сегодня не хороши...

— Да, я поѣду, поѣду... разсѣянно заторопился онъ и взялся за шляпу. — Такъ о женѣ ничего не сказано?

— Ничего-съ.

— Ну, до свиданья, если ничего... Это, знаете, хорошо если ничего...

И быстро пожавъ всѣмъ руки, онъ по разсѣянности протянулъ руку и сторожу. Тотъ только вытянулся со страху и заворочалъ бѣлками.

— А знаете, оторвался отъ своихъ ногтей прокуроръ,—вашъ заострѣвшій предсѣдатель сегодня мнѣ не нравится.

— Да онъ плохъ что-то.

— Можетъ-быть вчера слишкомъ весело поужиналъ, ну сегодня голова и того, пошаливаетъ.

— Нѣтъ, тутъ хуже, знаете, тутъ пахнетъ тѣмъ что машина расклеилась совсѣмъ. Ему бы дѣйствительно подлѣчиться надо.

А Александръ Петровичъ какъ пріѣхалъ домой, сейчасъ же сообщилъ женѣ:

— Ты знаешь, Еремѣй Ивановъ повѣсился.

— Какой?

— Котораго мы вчера осудили.

— Чтѣ же ему за это будетъ? совсѣмъ уже глупо переспросила его жена.

Онъ взглянулъ на нее, потупился и не отвѣчал пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Она послѣдовала за нимъ.

— Чтѣ ты такъ разстроены? Развѣ тебѣ достанется за него?

— Ахъ, остань. Какое мнѣ дѣло...

— Такъ, я думала... А знаешь какой мнѣ сегодня милый сюрпризъ? Я думала что Эрнестина мнѣ еще послѣ-завтра платье принесетъ для примѣрки, а она его доставила сегодня утромъ. Сидитъ идеально. Талія у меня въ немъ вотъ какая. Если не испортятъ при шитьѣ—будетъ что-то удивительное. Представь, она придумала впереди какой вырѣзъ: въ видѣ сердца! Закалывается здѣсь—и острыми концами сюда... А назади лифъ вырѣзанъ узкимъ кускомъ—вотъ какъ. Я ужасно жалѣла что тебя не было. Тебѣ бы это понравилось.

Александръ Петровичъ слушалъ ее понурившись.

— Ты кончила? спросилъ онъ, не подымая головы.

— Какой-ты странный... Ну, кончила...

— Оставь меня одного... Я очень разстроены. Уйди пожалуйста. Я боленъ, у меня съ головой что-то...

— Сейчасъ... Да, кстати, я заѣзжала къ Гану и спрашивала про брошь, помнишь, которую ты мнѣ обѣщала. Онъ согласенъ—двѣсти теперь, и триста потомъ. Знаешь чтѣ, Вовочка, возьми ее завтра. Къ этому платью,—если вырѣзъ впереди заколотъ ею,—это будетъ великолепно. Ты только представь себѣ когда я надѣну свой бриллиантовый якорь...

— Вонъ! крикнулъ внезапно точно выросшій и побагровѣвшій Александръ Петровичъ.

— Вовочка, чтѣ ты? испугалась Соня.

— Вонъ, вонъ!.. указывалъ ей онъ на дверь. — Вонъ!..

И не ожидая чтобы она ушла, онъ упалъ на диванъ и разрыдался...

VIII.

Александръ Петровичъ нѣсколько дней не ходилъ на службу. Онъ былъ боленъ довольно серьезно. Докторъ нашелъ довольно сильное потрясеніе нервной системы.

— Да отчего это можетъ быть? добивались товарищи. — Онъ всегда былъ такой правильный... Мы его звали заострѣлымъ. На всѣ пуговицы застегнутымъ. Это былъ идеалъ предсѣдателя. Безпристрастный, не поддающийся личному впечатлѣнію.

— Да вотъ подите, господа! философствовалъ докторъ. — Съ человѣческимъ механизмомъ это случается. Какой-нибудь совсѣмъ пустой случай, для васъ прошедшій незамѣтно, а въ немъ онъ и вызвалъ все чтѣ годами расклеивалось...

Вздоровѣвъ, Александръ Петровичъ сталъ необыкновенно молчаливъ.

Онъ запирался въ кабинетъ, встрѣчаясь съ домашними и женою опускалъ голову и проходилъ мимо или притворялся спящимъ. Ему очевидно трудно было. Въ вопросы онъ вслушивался разсѣянно и не отвѣчалъ. Оставаясь одинъ въ кабинетѣ, онъ дѣльные часы ходилъ изъ угла въ уголъ, понурившись и заложивъ руки за спину. О чемъ онъ думалъ—онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета. Точно желтые листья подъ осеннимъ вѣтромъ, тысячи оторванныхъ мыслей, безъ связи, безъ порядка кружились въ его головѣ—ухода куда-то, возвращаясь назадъ, смѣнялись другими, такими же какъ и онѣ, оторванными и безсвязными... Иногда онъ начиналъ прислушиваться, вздрагивая бравъ свѣчу и обходя съ нею всѣ углы своего кабинета. Онъ пока-

звался съ нею въ дверяхъ на шурпанье платья его жены. Звуки шаговъ Нади заставляли его медленно отступать назадъ и запыраться... Доктору онъ отвѣчалъ коротко и односложно...

— Самое лучшее увезти его отсюда мѣсяца на два.

— Какъ, въ разгаръ сезона?.. У насъ абонирована ложа! протестовала Соня.

Наконецъ Александръ Петровичъ сталъ себя чувствовать нѣсколько лучше.

Онъ выходилъ къ обѣду и, хотя просиживалъ молча, но внимательно слушалъ все чтѣ говорилось кругомъ, нѣсколько разъ показавшись въ оперѣ, хотя не досиживалъ до конца. Когда молодой секретарь привезъ ему жалованье, Александръ Петровичъ расписался и задумался.

— Ну, чтѣ у васъ?..

— Насчетъ чего, ваше превосходительство...

— Все осуждаете?..

— Да, вотъ кончили процессъ одинъ. Два дня тянули.

— Ну?

— Сослали пятерыхъ въ Сибирь...

— Такъ, такъ... кивнулъ головою Александръ Петровичъ. — Такъ, такъ... Какъ и слѣдуетъ, все попрежнему, все попрежнему.

И онъ, забывъ уже о присутствіи секретаря, заходилъ по комнатамъ, бормоча что-то про себя.

— Такъ я не нуженъ вашему превосходительству? спустя нѣсколько минутъ поднялся молодой человѣкъ.

— Вы?.. точно онъ только сейчасъ его увидѣлъ. — Вы?.. Зачѣмъ бишь?.. Да, нѣтъ, не нужны... Не нужны.

И ни съ того, ни съ сего онъ взялъ его за руку, вывелъ изъ кабинета и самъ за нимъ заперъ дверь.

Онъ сталъ даже выходить гулять и, замѣчательное дѣло, насколько онъ былъ молчаливъ и несообщителенъ дома, настолько же онъ становился болтливымъ на улицѣ. Онъ вступалъ въ разговоры съ извозчиками, съ няньками въ саду, съ рабочими отдохавшими на набережной. Или даже не въ разговоръ, а въ вопросы. Онъ предлагалъ тысячи вопросовъ безъ всякой видимой связи между ними и, не дожидавшись часто отвѣта, забывалъ чтѣ спрашивалъ и переходилъ къ другимъ. Все это кончилось совершенно неожиданнымъ скандаломъ.

Смотритель тюрьмы разъ, позавтракавъ, собрался уже было съ *Шутомъ* въ рукахъ (онъ любилъ литературу) залечь на диванъ и въ „чарованъѣ сладкихъ вымысловъ“ забыть на минуту свои многосложныя обязанности, какъ вдругъ къ нему стремглавъ вбѣжалъ его помощникъ.

— Чтѣ такое?

— Предсѣдатель суда.

— Чего ему?

— Требуется показать ему арестантовъ.

— А чтобы его чортъ... Шатается тоже. Ему-то вѣдь никакого дѣла нѣтъ...

Смотритель застегнулся, надѣлъ саблю и выпшелъ.

Александръ Петровичъ встрѣтилъ его совсѣмъ по начальнически.

— У васъ воздухъ дурной въ коридорахъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, вчера былъ прокуроръ и ничего не нашелъ.

— Это я говорю вамъ! ткнулъ себя въ грудь Александръ Петровичъ и обидѣлся. — Слышите—я...

Потомъ вдругъ ему пришла въ голову какая-то мысль. Онъ взглянулъ пытливо на смотрителя и затоптался на мѣстѣ.

— Вы... того... у васъ дѣти есть?

— Трое, ваше превосходительство.

— Маленькія?

— Семи, четырехъ и двухъ лѣтъ.

— Это не хорошо-съ... Не хорошо-съ. Если васъ посадятъ, они какъ галчата ниш-тать будутъ. Да-съ... А у меня нѣтъ. У васъ есть? обернулся онъ къ помощнику.

— Я-съ не женатъ.

— Нѣтъ, значить... Это бываетъ... Не хорошо-съ, не хорошо-съ. Вы галчатъ видѣли?

Смотритель тянулся, моргалъ глазами, багровѣлъ, но ничего понять не могъ. Наконецъ онъ нащелся.

— Вашему превосходительству угодно арестантовъ видѣть?

— Да, да, вспомнилъ Александръ Петровичъ. — Именно... арестантовъ... Покажите-ка ихъ... Покажите. Я, знаете, давно собирался.

За его спиною смотритель вопросительно пожалъ плечами глядя на помощника; тотъ тоже отвѣтилъ ему недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Какихъ же вамъ именно?

— По порядку.

Но съ перваго же номера смотритель опѣшилъ.

— Ты кто? вошелъ Александръ Петровичъ къ невзрачному малому въ сѣромъ халатѣ.

— Мы?.. Мы мѣдники.

— За чтѣ?

— Какъ передъ Богомъ... невинно.

— Онъ обвиняется въ кражѣ со взломомъ, вмѣшался смотритель.

— Да... это хорошо... Ты женатъ?

— Женать.
 — И дѣтей имѣешь?
 — Двое.
 — Освободить!..
 Смотритель ушамъ не повѣрилъ и переспросилъ.
 — Освободить, повторилъ предсѣдатель.
 Прокуроръ только что собирался ѣхать изъ суда обѣдать домой—къ нему вѣжалъ помощникъ смотрителя тюрьмы для предварительнаго заключенія.
 — Что у васъ -- случилось что-нибудь? остановился тотъ, видя его взбудораженное лицо. — Бунтъ что-ли?
 — Никакъ нѣтъ, ваше... ваше... Предсѣдатель суда у насъ.
 — Ну и что же?
 — Всѣхъ освобождаютъ.
 — Какъ всѣхъ освобождаютъ?
 — Такъ. Спрашиваютъ: „женаты, дѣти есть?“ И потомъ сейчасъ „освободить“!
 — Вы пьяны, поручикъ?
 — Помилуйте... Меня полковникъ прислалъ къ вамъ, обидѣлся помощникъ. — Не угодно-ли вамъ самимъ...
 Александръ Петровичъ прошелъ уже два коридора, когда при выходѣ изъ одного номера, гдѣ онъ приказалъ освободить троихъ,—наткнулся на прокурора.
 — А, ваше превосходительство! весело заговорилъ этотъ.—Какъ я радъ васъ видѣть здоровымъ.. Вотъ это удовольствіе такъ удовольствіе!
 И онъ фамильярно взялъ его подъ руку.
 — Да, да, пахмурился предсѣдатель.—Да, это точно. Я здоровъ, совсѣмъ здоровъ теперь... Вотъ обхожу тюрьму...
 — Отлично... А я за вами...
 — За мной?..
 — Да... У насъ дѣла... Безъ васъ не можемъ рѣшить одного...
 Пожалуйста зайдите къ намъ въ судъ на одну минуту...
 — Я сейчасъ, только вотъ еще коридоръ.
 — Это вы завтра уснѣете, пойдемте, ваше превосходительство, пойдемте...
 И не выпуская его руки, прокуроръ силою увлекъ его изъ тюрьмы...
 Смотритель ничего не понимая шелъ къ себѣ—на диванъ дочитать *Шута*, какъ въ одну изъ арестантскихъ дверей изнутри постучали.

— Ты что?
 — Помилуйте, ваше высокоблагородіе, насъ предсѣдатель приказали освободить.
 — Освободить?.. Эй, караульный!.. Взять его каналью въ карцеръ!
 — За что же-съ?..
 — Я тебя мерзавца освобожу, заскрипѣлъ тотъ зубами,—я тебя освобожу въ темную. Еще кто хочетъ освободиться?.. Ну? У меня на всѣхъ карцеровъ хватить... Вери его!..
 Александра Петровича прокуроръ вмѣсто суда привезъ прямо домой и водворилъ въ его кабинетъ.
 — Что, Софья Сергѣевна дома? спросилъ онъ Надю.
 — Да, пожалуйте. Они у себя.
 — Я къ вамъ съ неприятнымъ извѣстіемъ.—И онъ рассказалъ ей все происшедшее...—Вы его не выпускайте пока онъ совсѣмъ не оправится.
 Софья Сергѣевна расплакалась.
 — Imaginez-vous, я такая молодая, я еще не жила совсѣмъ... Я жить хочу—и вдругъ... Онъ со мною не говоритъ ни слова. На-дняхъ даже вонъ выгналъ. Vous ne savez pas ce que je souffre!.. Это такой деспотъ, такой тиранъ!
 Увидя что съ этой стороны дѣлать нечего, прокуроръ еще разъ поцѣловалъ ей руку и уѣхалъ къ себѣ...
 Вечеромъ къ ней прѣхалъ отецъ.
 — Папа, ты знаешь мой мужъ съ-ума сошелъ.
 — Какъ съ-ума сошелъ?.. Это почему? Развѣ предсѣдатели съ-ума сходятъ... Это въ четвертомъ-то классѣ?
 — Его сегодня совсѣмъ больного привезъ прокуроръ...
 — Что-о!.. Вотъ она — нынѣшняя благородная служба... А впрочемъ хорошо, что я не отдалъ ему твоего приданого... Теперь бы свисталъ въ кулакъ да было бы поздно... Нѣтъ, въ наше время съ ума не сходили... Въ наше время — въ двадцать четыре часа... То-то я тогда еще замѣтилъ у Константа. Помилуй!—двадцать девять рублей да лакею три... Хотя, собственно говоря, ты ничего не теряешь... Вѣроятно тебѣ выхлопочать пенсію, и притомъ ты все-таки „ваше превосходительство“.
 — Ты знаешь, папа,—черный цвѣтъ мнѣ очень къ лицу...
 Она вдругъ сдѣлалась серьезна.
 — Съ завтрашняго дня, папа, я надѣваю трауръ... Надо быть на высотѣ своего положенія, раа!..

Англичане у себя дома.

Вильгельма ф. Бранда.

Та, та-та, та-тара-татахъ!—вотъ образчики разнообразнаго стука, иногда медленнаго и осторожнаго, иногда торопливаго и громкаго, которымъ въ Англіи принято возвѣщать о своемъ приходѣ.

„An englishman's house is his castle“, т. е. домъ англичанина—его крѣпость, гдѣ онъ царитъ нераздѣльно, свободный отъ дрязгъ и неприятностей съ хозяевами и управляющими. Какъ бы мала ни была семья, какъ ни ограничены средства, англичанинъ ни за что не рѣшится жить въ одномъ домѣ съ другою семьей. Поэтому для недостаточныхъ классовъ существуютъ въ Англіи особнячки самыхъ миниатюрныхъ размѣровъ.

Какъ у насъ входитъ въ каждую отдѣльную квартиру, такъ въ Англіи входитъ съ улицы въ домъ всегда занертъ; чтобы попасть въ него, надо постучаться или позвонить. Употребленіе звонковъ введено сравнительно недавно—и хотя въ настоящее время почти въ каждомъ домѣ имѣется два звонка съ надписью „Visitors“ (посѣтители) и „Servants“ (прислуга), но тѣмъ не менѣе каждая дверь снабжена еще желѣзнымъ молотомъ (Knocker), который посѣтители часто предпочитаютъ звонку, такъ какъ стукъ болѣе характеренъ и сразу даетъ знать хозяевамъ дома, какого рода посѣтитель желаетъ ихъ видѣть.

Простой кночекъ или стукъ въ дверь показываетъ, что пришелъ мясникъ, молочница, лакей или горничная, однимъ словомъ, что стукъ касается только прислуги.

Та-та—сигналъ употребляемый исключительно почтальономъ, показывающій, что онъ опустилъ письма или газеты въ ящикъ у дверей и идетъ дальше. Если же почтальонъ привезъ заказное письмо, или что-нибудь требующее личной передачи, онъ повторяетъ свое „та-та“ дважды.

Та-та, та-та—служить также извѣщеніемъ о принесенной телеграммѣ.

Стукъ посѣтителей, являющихся къ самимъ хозяевамъ, долженъ непременно выходить за предѣлы упомянутыхъ четырехъ ударовъ; и уже въ самой манерѣ стучать—скромно, рѣшительно, горячо или робко, едва слышно,—выражается перфѣко характеръ посѣтителя. Безпорядочный, не систематичный стукъ, какъ на примѣръ употребляемый иногда въ театрахъ при поднятій занавѣса, привелъ бы въ недоумѣніе обитателей англійскаго дома, такъ какъ они не знали бы что онъ означаетъ. Каждый приходившій, каково бы ни было его общественное положеніе, стучитъ по извѣстнымъ правиламъ, по извѣстному ритму.

Къ такому правильному, неизмѣнно повторяющемуся стуку англичане до такой степени привыкаютъ, что иногда, совер-

шенно безсознательно, по простой стукъ въ дверь замѣчаютъ:— „А, вотъ и мистрисъ Робинсонъ!“ или: „О небо! опять мистеръ Джонсъ!“ и велѣдъ затѣмъ слышится перфѣко: „Дженъ, насъ нѣтъ дома“

Подобно минне- и мастерзевгеру давно прошедшихъ временъ, каждый англичанинъ имѣетъ свою собственную, музыкальную строфу, которую онъ неизмѣнно повторяетъ при входѣ въ домъ.

Предположимъ для примѣра, что раздалась слѣдующая строфа: та-тара-та-тата-тамъ. На порогѣ показывается лакей Джемсъ въ узкихъ панталонахъ до коленъ и цвѣтныхъ чулкахъ, съ головой, покрытой пудрою, этимъ непреложнымъ признакомъ аристократическаго дома.

Еще недавно подобная затѣя оплачивалась высокимъ налогомъ: за cadaго лакея, имѣннаго право обсыпать голову мукой, господинаго его платилъ пять фунтовъ стерлинговъ въ годъ—весьма разумное постановленіе, отъ котораго, впрочемъ, сочли пужнымъ въ послѣднее время отказаться.

Въ болѣе скромныхъ домахъ дверь отворяетъ горничная, всегда мило и опрятно одѣтая, утромъ въ свѣтломъ ситцевомъ, а послѣ обѣда въ черномъ шерстяномъ платьѣ, чистомъ бѣломъ передничкѣ и чепчикѣ.

Если бы мы постучали не по положенію, напр. одинъ разъ, на стукъ нашъ по всей вѣроятности вышла бы кухарка. Кухня всегда помѣщается въ подвалѣ. Докторъ Ричардсонъ — извѣстный англійскій гигиенистъ — хотя и совѣтуетъ помѣщать кухню въ самомъ верхнемъ этажѣ, чтобы избавить обитателей дома отъ чада и кухоннаго запаха, но проектированныя имъ образцовыя жилища остаются пока только на бумагѣ. Очень часто въ кухню нѣтъ двери съ улицы, а лишь выдвигное оконко, въ которое кухарка принимаетъ провизію отъ мясника, молочницы и т. п. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы прислуга не имѣла возможности принимать посѣтителей. Въ самый контрактъ, при наймѣ прислуги, вносится обыкновенно условіе: гости не допускаются. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ кухарка—полная хозяйка своей кухни и распорядится тамъ вполне самостоятельно, тѣмъ болѣе, что госпожа ея почти никогда не заглядываетъ туда.

Однако пора намъ подняться изъ кухни наверхъ, гдѣ Джемсъ уже ждетъ насъ у входной двери.

Хозяйка несомнѣнно дома, такъ какъ мы явились въ ея пріемный день. Каждая англичанка, даже принадлежащая къ низшему среднему классу, имѣетъ свой назначенный день, въ который она принимаетъ посѣтителей. Подъ этимъ журъ-фик-

сомъ („at-home-day“) разумѣется не вечеръ, а предъ-обѣденное время, отъ 3 до 5-ти, въ крайнемъ случаѣ, до 6 часовъ. Для посѣщенія въ какое-либо другое время дня требуется особое приглашеніе. Такимъ образомъ англичанинъ никогда не рискуетъ придти къ своимъ знакомымъ не во время и застать хозяевъ дома врасплохъ.

Но мы опять уклонились въ сторону; последуемъ за Джемсомъ. При входѣ въ переднюю намъ прежде всего бросается въ глаза, рядомъ съ серебряной тарелочкой для писемъ, другая необходимая принадлежность всякаго порядочнаго англійскаго дома — гонгъ, т. е. полубарабанъ, полуколоколъ, по глухому звонку котораго члены семьи собираются къ столу.

Столовая всегда помѣщается въ rez-de-chaussée, уже по той простой причинѣ, что послѣдній ближе къ кухнѣ. Рядомъ со столовой находится обыкновенно небольшая комната, носящая громкое названіе библиотеки („the library“) вѣроятно вслѣдствіе того, что здѣсь хранятся дѣтскіе учебники и можетъ быть двѣ-три другихъ книги. Библиотека служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ классною и курительною комнатою. Не слѣдуетъ забывать, что англичанинъ не имѣетъ права курить во всѣхъ комнатахъ своей квартиры. Хотя въ нѣкоторыхъ домахъ мужчинамъ дозволяется выкурить въ столовой сигару, послѣ того какъ дамы удалятся въ гостиную, но это далеко не составляетъ общаго правила, а во многихъ домахъ курить вообще запрещено.

Но большую частію для куренія имѣется особая комната, которая часто служитъ и бильярдною. Англичане не довольствуются особою курительною комнатою (smoking room), они обыкновенно надѣваютъ еще курительную куртку (smoking jacket) и курительную шапку (smoking cap), въ особенности если собираются курить трубку. Куртка эта есть не что иное какъ удобная домашняя одежда—и мы конечно не станемъ утверждать, что англичане каждый разъ надѣваютъ куртку и шапку для того чтобъ покурить; но уже самое существованіе особой курительной одежды показываетъ, какимъ страшнымъ преступленіемъ считается у англичанъ куреніе въ домѣ.

Въ нижнемъ этажѣ только и имѣются обыкновенно двѣ названныя комнаты, всегда узкія и длинныя, даже въ лучшихъ частяхъ города, въ Бельгравинъ и Мейферѣ.

Мы поднимаемся за Джемсомъ въ слѣдующій этажъ, по усланной коврами лѣстницѣ. Въ Англии вездѣ ковры, начиная отъ дорогихъ брюссельскихъ и турецкихъ до простой клеенки. Лѣстницы, сѣни и цѣлыя комнаты затянуты коврами, даже въ домахъ низшихъ классовъ. Немудрено поэтому, что паркетные полы въ частныхъ домахъ почти неизвѣстны и даже

на вечерахъ танцуютъ по ковру, на который иногда натягиваютъ чехолъ изъ тика.

Весь первый этажъ, даже въ самыхъ богатыхъ англійскихъ домахъ, состоитъ изъ единственной комнаты—гостиной (drawing room), которая впрочемъ нѣрѣдко раздѣляется двухстворчатыми дверьми или драпировкой на двѣ половины, переднюю и заднюю гостиную. Въ эту комнату вся семья собирается послѣ обѣда; здѣсь-же принимаются посѣтителю, даются вечера, однимъ словомъ эта комната—лучшая въ домѣ—составляетъ ядро и центръ домашняго очага.

Въ очень большихъ домахъ есть кромѣ того нѣсколько парадныхъ комнатъ, но семьи съ годовымъ доходомъ въ тридцать тысячъ рублей и болѣе, довольствуются болѣею частью названными тремя комнатами: столовой (dining room), библиотекой (library) и гостиной (drawing room). Въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчается еще особый будуаръ и „nursery“, т. е. дѣтская, которая обыкновенно помѣщается въ самомъ верхнемъ этажѣ. Три первыя комнаты занимаютъ оба нижнихъ этажа и, смотря по величинѣ дома, являются то крохотными каморками, то колоссальными залами, но всегда расположенными по одному и тому же шаблону. Въ верхнихъ этажахъ, т. е. во второмъ и третьемъ, а иногда въ четвертомъ и пятомъ, располагаются кромѣ дѣтской и ванной—одна только спальня.

Войдя въ гостиную, мы находимъ тамъ хозяйку дома, ожидающую

гостей. Возлѣ нея помѣщается маленькій столикъ съ чайнымъ котелкомъ, изъ котораго она собственноручно наливаетъ своимъ знакомымъ излюбленный національный напитокъ—чай, подаваемый со всевозможными неченьями, въ томъ числѣ и жареными въ маслѣ muffins и crumpits.

Въ шесть часовъ приемъ обязательно оканчивается, такъ какъ пора одѣваться къ обѣду. Въ такъ-называемыхъ „большихъ домахъ“ немислюмъ явиться къ обѣду не въ полномъ „вечернемъ“ туалетѣ, т. е. дамы декольте, а мужчины во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, въ лакированныхъ башмакахъ и, болѣею частью, ярко-красныхъ чулкахъ. Это соблюдается не менѣе строго даже въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяева обѣдаютъ одни. Вечерній костюмъ (evening dress) точно также безусловно необходимо въ театрахъ и концертахъ, такъ что въ болѣе дорогихъ мѣста даже не пускаютъ иначе одѣтыми.

Какъ ни странно все это кажется на первый взглядъ, къ обычаямъ этимъ привыкаютъ безъ особаго труда. Въ сущности сюртукъ или фракъ не можетъ составить разницы для того кто привыкъ къ нимъ, а всѣ нападки на неудобства фрака имѣютъ очень мало основанія; лучшимъ доказательствомъ чему

Наслѣдная принцесса Вильгельмина Нидерландская. Съ фотогр. Камеке, грав. Тилли.

Изъ коллекции древностей русского серебрянаго дѣла П. М. Иванова. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Напагій финифтяной XVII в.
 Напагій овальная (сзади).
 Она же (спереди).
 Вѣнчикъ финифтяной XVI в.
 Образъ круглый или иржека отъ мантія,
 чеканной работы XV в.

Вѣнчекъ съ цатою XIII в.
 Вѣнчекъ пробитый, просѣчной работы XVI в.
 Вѣнчикъ финифтяной XVI в.

Корсуевскій крестъ напагійный XIII в.
 Образокъ рѣзаной кости, съ 9-ю праздниками.
 Варя съ изображеніемъ Св. Вѣры, XVII в.
 Рамка финифтяная съ иконы XVI в.
 Крестикъ тѣльничскій, корсуевичскій XIII в.

служить то, что онъ никакъ не можетъ выйти изъ употребленія. Онъ легокъ и удобенъ какъ куртка, и элегантенъ какъ сюртукъ. Низенькіе лайковые ботинки также легки и удобны, а красные шелковые чулки не составляютъ безусловной необходимости.

Все сказанное нами объ „evening dress“ можетъ быть отне-

Къ рисункамъ.

Крымскій видъ. (Рис. на стр. 229).

Рисунокъ Н. Кравченка живо передаетъ одинъ изъ прелестныхъ уголковъ Крыма. По каменистой дорогѣ со скрипомъ и визгомъ тянется неуклюжая арба, съ волами въ упряжкѣ, мимо татарскаго домика, выбѣленнаго известкой. Повернувъ за домомъ, дорога извивается къ далекимъ горамъ, обрывомъ спускающимся къ синимъ волнамъ Чернаго моря.

Охота на медвѣдя. (Рис. на стр. 232 и 233).

Зимнія облавы на медвѣдей начинаются, когда звѣрь уже облежался въ берлогѣ, такъ какъ медвѣдь, хотя и въ полудремотномъ состояніи спячки, слышитъ довольно чутко и нерѣдко оставляетъ берлогу раньше чѣмъ подойдутъ охотники. Берлога обыкновенно устраивается въ глухой лѣсной чащѣ, у корня унавашиа дерева („подъ корягой“), иногда подъ каменными плитами, или просто въ ямѣ на землѣ, причѣмъ звѣрь наваливаетъ сверху хворосту и моху. Прежде всего надо найти медвѣдя, т. е. его берлогу. Этимъ занимаются обыкновенно мѣстные крестьяне и затѣмъ сообщаютъ о находкѣ столичнымъ, городскимъ или помѣстнымъ охотникамъ и условливаются въ цѣнѣ, продаютъ медвѣдя. Покончивъ дѣло, компанія стрѣлковъ (человѣкъ до шести, а затѣмъ — чѣмъ больше, тѣмъ менѣе шансовъ на удачу) отправляется на мѣсто, и накануне облавы, такъ-называемый обкладчикъ провѣривъ берлогу, т. е. по слѣдамъ медвѣдя, нару его дыханія и др. признакамъ убѣждается въ томъ, что медвѣдь не ушелъ и лежитъ въ ней. Медвѣдь-самецъ лежитъ на берлогѣ всегда одинъ; медвѣдица — нерѣдко самъ-четверть: она, пѣстуна, да двое медвѣжатъ. Пѣстунами, т. е. подростками, оставляемыми для нянчанія маленькихъ медвѣжатъ, рѣдко бываютъ болѣе чѣмъ двухгодовалые.

Убѣдившись, что медвѣдь крѣпко лежитъ въ берлогѣ, охотники собираютъ загонщиковъ или *кричанъ*, человѣкъ тридцать (рѣдко бываетъ нужно больше), которые, производя шумъ, должны поднять медвѣдя и гнать его на стрѣлковъ. Опытные обкладчики всегда знаютъ болѣе или менѣе направленіе, по какому побѣжитъ вспугнутый медвѣдь, такъ какъ они въ совершенствѣ знакомы съ его привычками. Мѣста, по которымъ побѣжитъ медвѣдь, называются у охотниковъ *лазами*; лучшее мѣсто для стрѣлбы — небольшая лѣсная полянка, на которой медвѣдя видно со всѣхъ сторонъ. Утромъ, въ день облавы, вся ватага стрѣлковъ и загонщиковъ подлѣзжаетъ къ лѣсу, насколько позволяетъ мѣстность, и останавливаютъ лошадей приблизительно за версту отъ берлоги. Затѣмъ идутъ пѣшкомъ, тщательно соблюдая тишину. Цѣны загонщиковъ ставятся въ полувербстѣ отъ берлоги, охватывая ее полукругомъ. Стрѣлки становятся на назначенныя имъ мѣста, такъ-называемые *нумера*, которые опредѣляются или по жребію, или просто на лучшие лазы ставятся лучшіе стрѣлки. Ни разговаривать, ни курить — теперь уже нельзя. Когда всѣ заняли свои мѣста, по сигналу загонщики поднимаютъ крикъ и двигаются къ берлогѣ, производя шумъ трещетками, стукомъ топоромъ и холостыми выстрѣлами. Проснувшійся медвѣдь сначала нѣкоторое время прислушивается, но по мѣрѣ приближенія загонщиковъ не выдерживаетъ, вскакиваетъ съ берлоги и пускается на утекъ по линіи нумеровъ... Стрѣлки, между тѣмъ, стоя со введенными курками двустольныхъ нарізныхъ штуцеровъ крупнаго калибра, заряженныхъ коническими пулями, ждутъ его появленія... Ожиданіе это едва-ли можетъ назваться совершенно спокойнымъ, такъ какъ раненый не въ убойное мѣсто медвѣдь непременно ползаетъ на стрѣлка; но тѣмъ не менѣе — *puisque le vin est tiré, il faut le boire* или по-русски: взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ...

Эта-то критическая минута и изображена на двухъ прилагаемыхъ рисункахъ нашего талантливаго сотрудника. На одномъ изъ нихъ видна часть цѣпи загонщиковъ, приближающаяся къ берлогѣ. На другомъ очевидно бывалый въ передѣлахъ съ медвѣдемъ, оштрафанный стрѣлокъ, съ подручнымъ, вооруженнымъ рогатиной, на случай еслибы звѣрь вздумалъ ползти на стрѣлка, и держащимъ на-готовѣ заласный штуцеръ... Заключительная сцена съ ея описаніемъ будетъ помѣщена въ слѣд. № „Нивы“.

Говѣльщики. (Рис. на стр. 240).

Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змиѣ сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей,
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья;
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

А. Пушкинъ.

сено и ко всѣмъ остальнымъ условіямъ англійской домашней жизни. Если многое намъ кажется въ ней страннымъ, то вѣдь точно также англичанамъ многое должно казаться страннымъ у насъ, и нужно сознаться, что ни одна нація не держится такъ крѣпко какъ англичане своихъ освященныхъ временемъ традицій, которыя и составляютъ пресловутый англійскій „home“.

Урокъ фехтованія. (Рис. на стр. 241).

Искусство владѣть оружіемъ было извѣстно уже въ глубокой древности. Греки и римляне усердно занимались военнымъ фехтованіемъ. Кромѣ того гладиаторы, подъ руководствомъ особыхъ учителей, изучали всѣ тайны ловко владѣть оружіемъ во время публичныхъ игръ и зрѣлищъ. Въ средніе вѣка фехтованіе получило большое развитіе при Карлѣ V въ Испаніи, откуда перешло въ Италію. Обѣ эти страны долгое время доставляли лучшихъ учителей фехтованія. Впослѣдствіи имъ съ увлеченіемъ занимались во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ Европы. Владѣніе оружіемъ и умѣнье защитить свою честь составляло въ прежнее время существенную часть воспитанія дворянина, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если первый урокъ фехтованія былъ своего рода семейнымъ событіемъ, какъ это видно на нашемъ рисункѣ.

Наслѣдная принцесса Вильгельмина

Нидерландская. (Рис. на стр. 244).

Болѣзнь короля Нидерландскаго неволью обращаетъ вниманіе на его малолѣтнюю наслѣдницу. Рожденіе принцессы Вильгельмины — лѣтомъ 1880 года — было въ полномъ смыслѣ слова радостнымъ и счастливымъ событіемъ, лучемъ свѣта послѣ длиннаго ряда мрачныхъ дней. Въ теченіе многихъ лѣтъ неумолимая смерть похищала жертву за жертвой въ Оранскомъ домѣ. Съ послѣдовавшей въ 1877 году кончины королевы Софіи, удрученный горемъ король Вильгельмъ III одного за другимъ проводилъ въ Дельфтскую фамильную усыпальницу: своего дядю, принца Фридриха; любимаго брата, принца Генриха, бывшаго намѣстникомъ Луксенбургскимъ, и наконецъ обоихъ сыновей своихъ, принцевъ Вилгельма и Александра Оранскихъ. Одиноко стоялъ монархъ у гробницъ, въ которыхъ были схоронены его надежды. Народъ, раздѣлявшій его горе, тревожно заглядывалъ въ грядущее. Нидерландская королевская фамилія заключалась въ одномъ лицѣ короля. Въ случаѣ смерти его престолъ переходилъ къ потомству великой герцогини Саксенъ-Веймарской, единственной оставшейся въ живыхъ сестры Вильгельма III.

Заключенный въ 1879 году вторичный бракъ короля съ принцессой Вальдекъ-Пирмонтской, принесъ монарху семейное счастье, котораго ему недоставало. Но вначалѣ бракъ этотъ оставался бездѣтнымъ. Вопросъ о престолонаслѣдіи уже начиналъ волновать общественное мнѣніе, какъ вдругъ 19 (31) августа распространилась радостная вѣсть о рожденіи принцессы.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе восьми лѣтъ. Тихая семейная жизнь и всеобщая любовь народа — таковы были первыя впечатлѣнія принцессы отъ колыбели до отрочества, подъ влияніемъ которыхъ развивались первыя основы ея слагающагоса характера. Рослая и крѣпкая физически для своихъ лѣтъ, принцесса напоминаетъ округлостью лица свою мать, съ несомнѣнными характеристичными чертами отца. Печать нѣкоторой серьезности, подобно легкой тѣни, навлечена на это дѣтское личико болѣзью ея родителя и тѣмъ обстоятельствомъ, что мать принцессы день и ночь не отходитъ отъ больнаго.

Издѣлія древне-русскаго серебрянаго дѣла.

(Изъ коллекціи П. М. Иванова).

(Рис. на стр. 245).

Предлагаемая нами таблица рисунковъ представляетъ весьма изящные образцы золотыхъ и серебряныхъ издѣлій въ разныхъ родахъ и способахъ отдѣлки металла, процвѣтавшихъ у насъ въ древней Руси. Мастерство чеканки, гравировки, отливки и выдѣлки всякаго рода иконныхъ украшеній изъ серебра и золота, умѣнье украсить ихъ поливной эмалью и подкраскою или усадить „гнѣздами“ цвѣтныхъ камней и жемчуга — было доведено у насъ до высокой степени совершенства въ періодъ времени между XIV и XVII вѣками. Главнымъ украшеніемъ каждаго дома являлись тѣ иконы, кресты и складни, которые обязательно развѣшивались въ переднемъ углу каждой отдѣльной комнаы богатаго дома и наполняли собою отдѣльную *образную* или *крестовую* палату. Эти иконы, кресты и складни, смотря по состоянію домовладѣльца, украшались или сплошными серебряными и золотыми окладами, или только *вытичками* надъ главою святыхъ и *привѣсками* (цатами или убрисами) у нижней части ликовъ; иногда, кромѣ вытичковъ, икона украшалась по краю металлическимъ ободкомъ (окромочкой) изящной чеканной работы; иногда вся поверхность иконы покрывалась массивною ризою, расшитую шелками, серебромъ и золотомъ и густо усаженною жемчугомъ.

Предлагаемая нами таблица рисунковъ требуетъ нѣкотораго истолкованія. На немъ изображены: 1) 4 вѣнчика (два изъ нихъ съ цатами или убрсами); два простые, обыкновенной, крупной формы, и два украшенные зубчатыми коронами. Самый большой изъ вѣнчиковъ съ цатою (подвѣской) *басменнаго* дѣла, т. е. изъ тонкаго серебрянаго листа, молоткомъ выбитого по готовому выпуклому узору; подъ нимъ другой, составленный изъ прорѣзнаго узора съ тремя вставными камнями и эмалью. Подъ этимъ вѣнчикомъ помѣщается вѣнчикъ изъ разноцвѣтной финифти тончайшей работы. Рядомъ съ этимъ финифтянымъ вѣнчикомъ помѣщается и ободокъ небольшой иконы, тоже финифтяный. 2) Два наперсные крестика (панагійны) и тѣленикъ, оба корунскіе, изъѣченные изъ камня съ металлическимъ окладомъ и металлическими связями между доластей креста. 3) Двѣ панагій, изъ которыхъ по работѣ особенно замѣчательна помѣщенная на лѣвой сторонѣ рисунка—круглая. 4) Образокъ, въ которомъ среди ободка *сканной* (или *финифтяной*) работы, помѣщены изображенія девяти двенадцатыхъ праздниковъ, замѣчательно мелко рѣзаныя на кости. 5) Варма финифтяной работы, ободокъ съ жемчугомъ и камешками; на этомъ ободкѣ отчетливо видна *скань*, т. е. тончайшая проволока, узорами наложенная на гладкое металлическое поле.

Замѣтимъ кстати, что только въ очень недавнее время, лѣтъ 25--30 тому назадъ, наши золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера принялись подражать издѣліямъ древне-русскихъ мастеровъ, стали изучать образцы древне-русскаго металлическаго дѣла и знакомиться съ богатыми коллекціями, собранными государствомъ и частными любителями. Многія изъ подобныхъ коллекцій въ высшей степени замѣчательны. Не говоря уже о знаменитой коллекціи Карабанова, поступившей въ собственность Румянцевскаго музея, мы можемъ, для примѣра, указать на громадную и любопытнѣйшую коллекцію Г. Постникова, который недавно издалъ чрезвычайно изящный иллюстрированный каталогъ своего собранія. Это собраніе заключается въ себѣ болѣе 3000 различныхъ издѣлій нашего стариннаго чеканнаго, образнаго, сканнаго и басменнаго дѣла, а также и прекрасные образцы древней русской иконописи всѣхъ школъ и всѣхъ пошибовъ. Подобныя коллекціи уже сослужили добрую службу русскому искусству и дѣлаютъ честь нашимъ собирателямъ.

Коллекція г. Иванова выставлена въ Петербургѣ въ музей Общества Поощренія Художествъ.

Пугало. (Рис. на стр. 248).

Мы уже не разъ обращали вниманіе читателей на юморъ англійскихъ представителей живописи животныхъ. Вотъ еще образчикъ этого безподобнаго жанра. Шаловливая собака стащивъ утку гдѣ-то на чужомъ дворѣ, и осторожно пробираясь задворками въ незнакомомъ мѣстѣ, вдругъ наткнулась на пугало, которое и приняла со страху за живаго сторожа. „Увидитъ — или не увидитъ?“ вотъ въ чемъ вопросъ перваго рисунка. Пока она при-остановилась въ нерѣшительности, налетѣлъ порывъ вѣтра — и наклонившееся подъ нимъ пугало, точно бросилось впередъ на воровку. Разумѣется, та давай Богъ ноги, черезъ парникъ, черезъ заборъ, не разбирая уже дорогин...

Н. И. Козловъ. (Портр. на стр. 249).

Девятнадцатаго января текущаго года праздновался полуцѣнковой юбилей непрерывной государственной службы одного изъ видныхъ дѣятелей въ русскомъ медицинскомъ мѣрѣ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Николая Иларіоновича Козлова. Непрерывный членъ Медицинскаго совѣта, военно-медицинскаго ученаго и военно-госпитальнаго комитетовъ, бывшій профессоръ, членъ всевозможныхъ комиссій, учреждавшихся въ разное время для выработки болѣе или менѣе важныхъ мѣропріятій по вопросамъ медицинской администраціи, Николай Иларіоновичъ оказалъ родинѣ большія услуги, какъ врачъ своими учеными работами и еще болѣе какъ энергичный, талантливый администраторъ, занимавшій большую часть самые выдающіеся посты. Съ его именемъ связаны довольно важныя мѣры по военно-медицинской части, имъ предложенныя и проведенныя, каковыя, на примѣръ, увеличеніе содержанія и улучшеніе положенія военныхъ врачей; введеніе приказаній, съ цѣлью усовершенствованія въ ихъ спеціальности, къ Медико-хирургической академіи и университетамъ и послыки ихъ для той же цѣли въ заграничныя университеты на казенный счетъ; изданіе въ собственность военныхъ врачей лучшихъ руководствъ и пособій по медицинѣ на вычеты изъ штатнаго ихъ содержанія всего по одному проценту. Николай Иларіоновичъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ сначала по назначенію, а затѣмъ по избранію Военно-медицинскаго ученаго комитета съ 1859 года до послѣдняго времени, и подъ его руководствомъ выпущено до ста пятидесяти томовъ сочиненій, въ томъ числѣ болѣе ста переводныхъ и двадцать слѣшкомъ томовъ оригинальныхъ. Кромѣ того онъ редактировалъ *Военно-медицинскій журналъ* и началъ громадный трудъ — составленіе систематическаго каталога бібліотеки Медико-хирургической академіи, считающейся богатѣйшею въ свѣтѣ по количеству и разнообразію медицинскихъ сочиненій, въ ней заключающихся. Имъ же составленъ и систематическій указатель журнальной литературы по медицинѣ. При участіи его издано

начертаніе положенія клиники баронета Вилліе и производилась существенная часть работъ по уставу Медико-хирургической академіи, по уставу госпитальному и по положеніямъ о военно-медицинской части въ мирное и военное время. Николай Иларіоновичъ способствовалъ къ открытію женскихъ врачебныхъ курсовъ, учрежденныхъ по его мысли и дѣйствовавшихъ по уставу, имъ же выработанному, и ввелъ въ военные госпитали, а потомъ и въ лазареты сестеръ милосердія, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Въ Россіи долгое время высшія медицинскія учрежденія пользовались одними лишь университетскими клиниками, и Николаю Иларіоновичу принадлежитъ починъ въ дѣлѣ открытія первыхъ въ нашемъ отечествѣ госпитальныхъ клиникъ для пятаго курса, во время его профессорства въ Кіевѣ. Примѣру его послѣдовали и другіе города, — такимъ образомъ онъ способствовалъ поднятію уровня практическихъ знаній русскихъ молодыхъ врачей. Вообще, Николай Иларіоновичъ изъ всѣхъ силъ старался поставить у насъ военно-медицинскую часть на должную высоту. Что онъ успѣлъ въ этомъ, нагляднымъ доказательствомъ служитъ послѣдняя война, когда наше отечество впервые могло не прибѣгать къ помощи иностранцевъ-медиковъ, имѣя достаточный врачебный персоналъ, отлично подготовленный и заслужившій почетъ и славу. Изъ сочиненій Николая Иларіоновича наиболѣе извѣстны: его „Химическое изслѣдованіе крови и эксcrementовъ въ холерѣ“, „О главныхъ видахъ патологическихъ измѣненій“, „О развитіи идеи болѣзни“, „Съуженіе яремной дыры у людей умопомѣшанныхъ и самоубійцъ“, „Курсъ патологическаго тѣла“ и друг. Николай Иларіоновичъ отличается большимъ трудолюбіемъ; по цѣлымъ днямъ просиживаетъ онъ въ своемъ кабинетѣ и чуждается какихъ бы то ни было развлеченій. „Я такъ свыкъ съ работой, — говоритъ онъ — что считаю себя несчастнымъ, когда не работаю!“ Однако такое чрезмѣрное трудолюбіе едва не свело его преждевременно въ могилу.

Николай Иларіоновичъ происходитъ изъ купческаго званія и родился 30 октября 1814 года въ небольшомъ имѣніи своего отца, въ Самарской губерніи. Онъ старшій изъ сыновей и приходится братомъ извѣстному профессору Казанскаго университета и акушеру Александру Иларіоновичу Козлову. Первоначальное медицинское образованіе Николаю Иларіоновичу получилъ въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ учился съ 1829 по 1833 годъ и окончилъ курсъ со степенью лѣкаря 1-го отдѣленія и съ золотой медалью за разсужденіе „De venenis et veneficiis“. Дальнѣйшее образованіе продолжалъ онъ въ Дерптскомъ университетѣ, откуда выпущенъ въ 1837 году со степенью доктора медицины, по защитѣ диссертациі „De tumorigibus compositis“. Послѣ этого онъ отправился на свой счетъ за границу и слушалъ лекціи въ университетахъ Вѣнскомъ и Цюрихскомъ и въ Ecole de médecine въ Парижѣ. Въ Вѣнѣ онъ занимался у извѣстнаго ученаго Карла Рокитанскаго, профессора патологической анатоміи, и у Юсіфа Шкоды; въ Цюрихѣ — у Шенлейна, основателя современной клинической медицины, у Арнольда, Окена, Фридриха; въ Парижѣ — у Велью, Лаба (Labat), Андраля, Крювелье, Мальгена, Рофе, Буильо. Возвратясь, въ 1839 году, на родину, онъ былъ опредѣленъ на службу въ военно-медицинское вѣдомство, занимая должность врача особыхъ порученій при министрѣ гр. Чернышова. Вскорѣ послѣ этого онъ сталъ сотрудничать въ *Библіотекѣ для чтенія* Сенковского, помѣщая рецензіи на новыя книги по медицинѣ. Статьи эти обратили на себя вниманіе гр. Уварова, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, умѣявшаго цѣнить знанія, который и предложилъ молодому ученому врачу перейти на службу въ Кіевъ для сформированія медицинскаго факультета въ мѣстномъ университетѣ, что онъ и исполнилъ блистательно. Въ Кіевѣ онъ читалъ съ 1841 года патологическую анатомію и въ слѣдующемъ году былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ университета Св. Владиміра, въ которомъ съ 1845 по 1853 годъ преподавалъ также исторію медицины, а раиѣе исторію анатоміи, общую терапію и патологическую химію.

На вакаціонное время 1844 года онъ былъ командированъ за границу съ ученою цѣлью и занимался тамъ гистологіею подъ руководствомъ профессора Яна Пуркинѣ въ Бреславлѣ, извѣстнаго физиолога, и органической и аналитической химіею у Лемана въ Лейпцигѣ. Достойный ученикъ этихъ двухъ профессоровъ, а также Рокитанскаго и Шкоды, Николай Иларіоновичъ въ числѣ первыхъ ученыхъ ввелъ въ отечествѣ своею гистолого-химическій анализъ для опредѣленія сущности болѣзненныхъ процессовъ, который и примѣнялъ при чтеніяхъ своихъ въ клиническихъ отдѣленіяхъ военнаго госпиталя въ Кіевѣ. Въ этомъ же городѣ состоялъ онъ консультантомъ дѣвичьяго института и оставался на службѣ до 1853 года, когда, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Бибикова, перешелъ въ Петербургъ, занявъ должность вице-директора Медицинскаго департамента, впоследствии переименованнаго въ Главное военно-медицинское управленіе, и въ то же время былъ членомъ медицинскаго совѣта. Съ этой поры и начинается его настоящая дѣятельность медицинскаго администратора, давшая такіе прекрасные результаты. Съ 1862 г. онъ состоитъ членомъ Военно-медицинскаго ученаго

Пугало. А ось не увидить! По рис. J. L. N., грав. Шлиперъ.

Пугало. Ай, ай, ай! увидалъ! По рис. J. L. N., грав. Шлиперъ.

комитета, а съ 1869 по 1871 занималъ постъ начальника Медико-хирургической академіи, послѣ чего былъ назначенъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, оставался еще нѣсколько лѣтъ номинальнымъ начальникомъ академіи. Съ 1853 г. Н. И. Козловъ работалъ, въ качествѣ дѣятельнаго члена въ комитетахъ: по устройству центральныхъ домовъ для умалишенныхъ, по прививкѣ чумы рогатаго скота, по составленію военной фармакопеи, для окончательнаго устройства военно-медицинскаго управленія въ мирное время, въ холерномъ комитетѣ и другихъ. Трудился также и во всевозможныхъ комиссіяхъ: для составленія устава Максимилиановской лечебницы, по изслѣдованію пневматическаго оттопленія и вентиліаціи въ госпиталяхъ, для измѣненія устава медико-хирургической академіи и проч. Слабость здоровья, разстроенаго чрезмѣрными работами, вынудила его оставить постъ главнаго военно-медицинскаго

инспектора; онъ уволенъ въ 1881 году отъ исполненія обязанностей по названной должности съ оставленіемъ, однако, въ званіи непремѣннаго члена Военно-медицинскаго ученаго комитета, въ которомъ должность председателя исправлялъ по 16 юня 1883 года. Ученые труды и административная дѣятельность Н. И. Козлова по достоинству оцѣнены и въ Россіи, и за границей: онъ имѣетъ много наградъ, состоитъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ отечественныхъ и иностранныхъ, почетнымъ членомъ нашихъ университетовъ, петербургскаго фармацевтическаго общества, дерптскаго ветеринарнаго училища и кромѣ того удостоенъ многихъ почетныхъ адресовъ. Ему въ настоящее время 75 лѣтъ, но такой почтенный возрастъ не мѣшаетъ ему быть весьма дѣятельнымъ и немало не заставляющъ его заботиться о серьезномъ отдыхѣ, давшъ уже заслуженномъ званіемъ трудолюбивѣйшимъ человекомъ.

П. Быновъ.

Политическое обозрѣніе.

Читателямъ *Нивы* уже извѣстно о русской духовной миссіи въ Абиссинію. Миссія эта окончилась неожиданнымъ образомъ, не выполнивъ своего назначенія. 9 февраля телеграфъ извѣстилъ что крейсеръ „Seignelay“, на которомъ находился французскій адмиралъ Озъри (Ozry), бомбардировалъ Согалло, занятый миссіей Ашинова и отца Паисія, причѣмъ пять человекъ были убиты и пять ранены, остальные казаки обезоружены и отправлены въ Обокъ“.

Слухи эти подтвердились и на слѣдующій день появилось въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* правительственное сообщеніе, гдѣ между прочимъ сообщается, что „изъ французскаго поселенія Обокъ получено извѣстіе о столкновеніи, происшедшемъ между высадившимся недавно на берегу залива Таджура, подъ предводительствомъ называющаго себя „атаманомъ вольныхъ казаковъ“ Николаемъ Ашиновымъ, русскими подданными и французскими властями. Согласно съ поступившими въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣніями, это столкновение вызвано было своевольными поступками самого Ашинова. Неоднократныя поѣздки въ Африку были предприняемы Ашиновымъ безъ разрѣшенія и безъ всякаго участія Императорскаго правительства. Если о результатахъ перваго своего путешествія въ эти края (изъ Массауры въ Абиссинію) Ашиновъ сообщилъ представителямъ нашимъ въ Константинополѣ и Египтѣ нѣкоторыя данныя, каковыя оказались, однако, въ противорѣчіи со свѣдѣніями дошедшими впослѣдствіи изъ другаго источника, то о поѣздкахъ предпринятыхъ имъ въ Таджуру—Министерство Иностранныхъ Дѣлъ осведомлялось изъ появлявшихся какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ газетахъ частныхъ сообщеній. Русскіе граничные агенты могли доставить объ этомъ предметѣ лишь отрывочныя свѣдѣнія, доходившія къ нимъ болѣею частью стороною и за точность коихъ они отказывались ручаться“. „Такъ какъ“, продолжаетъ прав. сообщеніе, „согласно съ отзывомъ нашего дипломатическаго агента, Ашиновъ дозволилъ себѣ увѣрить французскаго консула въ Портъ-Саидѣ, что его предпріятіе одобрено будто бы Императорскимъ правительствомъ, то д. с. с. Коандеру было тогда же поручено заявить французскому дипломатическому агенту въ Каирѣ, что увѣренія Ашинова совершенно ложны и что его экспедиція предпринята на его собственный страхъ, безъ всякаго участія правительства. 24 января сего года была получена отъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ телеграмма, въ коей передавалось слѣдующее ему французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ сообщеніе по поводу предпріятія Ашинова.

Изъ этой телеграммы оказывалось, что, по прибытіи Ашинова въ Таджуру, мѣстные французскія власти потребовали отъ него,

на основаніи установленныхъ правилъ, выдачи всего излишняго оружія, по что, отказавшись выполнить это требованіе, Ашиновъ перешелъ изъ Таджуры въ Согалло, мѣстность, находящуюся, равнымъ образомъ, въ предѣлахъ французскаго протектората, занявъ старинное укрьпленіе, поднявъ въ немъ русскій коммерческій флагъ и объявилъ, что эта мѣстность приобрѣтена имъ на основаніи заключеннаго съ мѣстнымъ племеннымъ начальникомъ соглашенія. Пожелавъ узнать отъ д. с. с. Коцебу, интересуется ли наше правительство предпріятіемъ Ашинова, г. Гоблазъ присовокупилъ, что, въ случаѣ положительнаго отвѣта, французское правительство желало бы, чтобы съ нашей стороны было оказано содѣйствіе, съ нѣбью принудить Ашинова подчиниться предъявленному ему требованію, но что, въ противномъ случаѣ, французскія власти сочтутъ себя въ правѣ поступить по собственному благоусмотрѣнію. На этотъ запросъ нашему повѣренному въ дѣлахъ было поручено отвѣтить въ смыслѣ приведенныхъ выше и ранѣе преподаанныхъ дипломатическому агенту въ Каирѣ указаній“. „Телеграммою, отъ 2 февраля, д. с. с. Коцебу вновь довелъ до свѣдѣнія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, что Ашиновъ продолжаетъ уклоняться отъ выполненія требованій французскихъ властей; что, въ виду предстоящей необходимости прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ, правительство республѣки желало бы, чтобы предварительно съ нашей стороны было дано Ашинову приказаніе сдать излишнее оружіе и признать верховныя права Франціи, въ какомъ случаѣ ему будетъ разрѣшено остаться въ Согалло, и что, согласно съ дошедшими въ Парижъ свѣдѣніями, Ашиновъ ожидаетъ доставки изъ Одессы новаго запаса оружія. Какъ ни затруднительнымъ представлялось выполнение желанія французскаго правительства, въ виду отсутствія въ этихъ краяхъ представителей русской власти, тѣмъ не менѣе, нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ поручено было объявить г. Гоблазъ, что мы не замедлимъ изыскать средства передать Ашинову приказаніе въ желаемомъ французскимъ правительствомъ смыслѣ, но что, въ виду отдаленности Таджурскаго залива, доставка означеннаго приказанія по назначенію будетъ сопряжена съ нѣкоторымъ замедленіемъ. За отсутствіемъ примаго телеграфнаго сообщенія съ Таджурскимъ заливомъ, отъѣтъ нашъ былъ переданъ французскимъ правительствомъ въ Адентъ, откуда онъ долженъ былъ быть отправленъ съ пароходомъ въ Обокъ; но, какъ свидѣтельствуютъ только что получен-

Дѣйствит. тайный совѣтникъ Н. И. Козловъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея).

Съ фотогр. граф. Пуцъ.

ныя чрезъ пребывающее здѣсь французское посольство свидѣнія, вновь возникшія на мѣстѣ осложненія не дозволили обокскимъ властямъ откладывать долѣе принятіе понудительныхъ мѣръ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Апинову было предъявлено новое письменное требованіе и, за неполученіемъ отъ него отвѣта, былъ открытъ по Согалло огонь съ находившагося въ Таджурскомъ заливѣ французскаго военнаго судна. Этотъ огонь, длившійся лишь нѣсколько минутъ, былъ прекращенъ, какъ только однимъ изъ спутниковъ Апинова былъ поднятъ бѣлый флагъ, но при всемъ томъ, онъ не обошелся безъ жертвъ; изъ находившихся въ Согалло русскихъ пять человѣкъ было убито и пятеро другихъ ранено. Поднятый въ Согалло русской коммерческой флагъ былъ спущенъ, но такъ какъ на другой день Апиновымъ сдѣлана была новая попытка къ противодѣйствію распоряженіямъ французскихъ властей, то адмиралъ Ольри нашелся вынужденнымъ принять мѣры къ предупреденію дальнѣйшихъ своеобразныхъ поступковъ; объявивъ, что на французское судно будутъ принимаемы всѣ желающіе, онъ приказалъ перевезти на оное какъ задержанное въ Согалло оружіе, такъ и имущество русскихъ подданныхъ. Передавъ вышеизложенныя данныя, французское посольство сообщило Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, что обокскія власти не встрѣчаютъ препятствій къ разрѣшенію русскимъ подданнымъ свободно проживать на французской территоріи, подъ условіемъ точнаго выполненія ими предложенныхъ имъ условій, или же къ переезду въ Абиссинію тѣхъ изъ нихъ, которые того пожелаютъ. Въ то же время означенное посольство выразило готовность облегчить нашимъ соотечественникамъ переездъ до Суэза. Въ виду этого, предполагается командировать въ Суэзъ офицера русскаго флота, для приема и отправления въ Одессу всѣхъ русскихъ, кои будутъ доставлены.

„Принимая въ соображеніе вышеизложенныя данныя, Императорское Правительство полагаетъ, что не представляется основанія возлагать на французскія власти въ Обокѣ отвѣтственности за происшедшее въ Согалло кровопролитіе, и что отвѣтственность эта должна всецѣло пасть на Николая Апинова, рѣшившагося нарушить спокойствіе въ предѣлахъ территоріи, подвѣдомственной державѣ, находящейся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіею. Имѣющіяся и преданныя гласности свидѣнія свидѣтельствуютъ о томъ, что территорія Согалло еще въ 1882 году была уступлена начальникомъ племени Али-Али Франціи, которая и заняла эту мѣстность въ

1884 году, а въ виду этого, французское правительство имѣло полное право потребовать соблюденія Апиновымъ и его спутниками установленныхъ въ предѣлахъ французскаго протектората правилъ и, въ случаѣ ихъ ослушанія, принять противъ нихъ понудительныя мѣры. Происшедшія въ Согалло замѣшательства останутся безъ вліянія на существующія между Россіею и Франціею отношенія.“

Всѣ эти событія и распоряженія г. Гоблѣ происходили въ то время, когда покойное министерство Флоке находилось въ агоніи, и потому нѣтъ ничего удивительнаго что дѣйствія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ отличаются большою поспѣшностью, точно ожидалась скорая кончина кабинета. Большинство французскихъ газетъ отзывалось съ порицаніемъ о мѣрахъ, принятыхъ относительно Апинова, и находить, что слѣдовало бы съ нимъ поступить иначе, не прибѣгая къ кровопролитію, такъ какъ дѣло шло о людяхъ, принадлежащихъ къ дружественной націи. Печать возлагаетъ отвѣтственность за случившееся на адмирала Кранца и всѣ газеты высказываютъ по поводу этого прискорбнаго случая сочувствіе къ Россіи.

Новый кабинетъ съ Тираромъ во главѣ составленъ по необходимости не совсѣмъ удачно и французскія газеты относятся къ нему довольно холодно. *Journal des Débats* говоритъ, что кабинетъ поставилъ себѣ въ невозможность составить ясную и твердую политическую программу и вызоветъ развѣ самое незначительное довѣріе къ себѣ. Радикальныя газеты ставятъ новому министерству въ упрекъ, что оно взято изъ рядовъ меньшинства республиканской партіи. Булажистская газета *Presse* находить, что новый кабинетъ является вызовомъ страпъ; консервативныя же органы открыто высказываются въ враждебномъ министерству смыслѣ. Когда портфель министра иностранныхъ дѣлъ принялъ Спюллеръ, родомъ нѣмецъ изъ Бадена, занимавшій министерскій постъ при Гамбеттѣ, нападки не прекратились со стороны радикальныхъ и умѣренныхъ органовъ. Въ дипломатическихъ кругахъ полагаютъ, однако, что палата отнесется къ министерству благосклоннѣе, потому что въ составъ его все-таки вошли лица съ достоинствами, а также потому, что палатѣ извѣстно, что новый кризисъ завершился бы ея распушеніемъ.

Вообще, настоящее время—несчастное время для министерствъ. По извѣстіямъ изъ Бухареста, палата 101 голосомъ противъ 41 приняла предложеніе о преданіи министра Братіано суду.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 9 февраля, въ Зимнемъ Дворцѣ, въ помѣщеніи Императорскаго Эрмитажа, состоялся балъ, на который было приглашено болѣе 300 лицъ. Залы были залиты массою огней. На верхней площадкѣ лѣстницы, въ знаменитую малахитовую вазу была вставлена гигантская латанія, обсыпавшая своими вѣтвями входившихъ. Буфетъ для гостей, съ чаемъ, фруктами, конфетами, прохладительными и шампанскимъ, былъ устроенъ на парадной лѣстницѣ. Передъ ужиномъ была мазурка, въ которой принимала участіе Государыня Императрица.

— 10 февраля, Ея Императорское Величество Государыня Императрица съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и другими Членами Императорской Фамиліи изволили присутствовать на спектаклѣ въ Константиновскомъ Дворцѣ. Были разыграны двѣ пьесы: „Горячія письма“ и „До поры до времени“, при участіи Вел. Кн. Сергѣя и Павла Александровичей и Константина Константиновича, г-жъ В. И. Мятлевой, М. В. Мятлевой, кн. А. Н. Голицыной и Д. С. Арсеньева.

— 14 февраля, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица удостоили Своимъ посѣщеніемъ балъ, данный офицерами лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. На балу присутствовали Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другіе Члены Императорской Фамиліи.

Дѣла церкви.

— Присоединеніе волынскихъ чеховъ къ православію продолжается до послѣдняго времени. Въ с. Глинскѣ, стараніемъ мѣстнаго священника, о. Матѣя Тарнавскаго, почти при каждомъ богослуженіи происходитъ присоединеніе къ православію одного или нѣсколькихъ чеховъ. Даже неправославные чехи все болѣе и болѣе обнаруживаютъ симпатіи къ православію, такъ что крестятъ своихъ дѣтей по православному обряду.

Народное просвѣщеніе.

— Государь Императоръ, 12 февраля, Всемилостивѣе соизволилъ назначить Е. П. В. Вел. Кн. Константина Константиновича почетнымъ попечителемъ педагогическихъ курсовъ при с.-петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ.

— 9 февраля, Педагогическихъ музей военнопучебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ праздновалъ двадцатипятилѣтіе своей дѣятельности. По окончаніи молебствія, директоромъ музея, генералъ-майоромъ В. П. Коховскимъ, было открыто засѣданіе всѣхъ отдѣловъ музея.

Промышленность.

— 12 февраля, въ СПб., въ Михайловскомъ манежѣ произошло открытіе первой Всероссийской рыбопромышленной выставки, устроенной состоящимъ подъ покровительствомъ Е. П. В. Вел. Кн. Сергѣя Александровича Россійскимъ обществомъ рыболовства и рыбоводства. Въ 2 часа прибыли Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. При входѣ Ихъ Величествъ встрѣтилъ Августѣйшій Покровитель выставки съ предсѣдателемъ и членами комитета выставки. Дочь предсѣдателя общества рыболовства и рыбоводства, В. А. Грейгъ поднесла Ея Величеству букетъ цвѣтовъ. Хоръ музыки лейбъ-гвардіи стрѣльцоваго Императорской Фамиліи батальона заигралъ гимнъ: „Боже, Царя храни“. При обзорѣнн выставкѣ Ихъ Величествамъ нѣкоторые экспоненты имѣли счастье поднести свои произведенія и экспонаты. Ихъ Величества милостиво приняли жетоны въ память выставки. Мастеръ охотничьей обуви Дышко поднесъ Его Величеству особые охотничьи сапоги на оленьемъ мѣху — „пима“, а Государынѣ Императрицѣ — охотничьи ботинки изъ змѣиной шкуры. Ф. И. Базилевскій поднесъ Государю Императору на серебряномъ подносѣ серебряную же вазу, внутри которой, въ стеклянномъ сосудѣ, помѣщалась свѣжая зернистая

икра. На серебряной крышкѣ вазы рельефно выдѣлана стерлядь; на подносѣ — серебряная ложка, въ русскомъ стилѣ, и тарелочка въ видѣ раковины — изъ баккара. Петербургскій рыбороговецъ Семеновъ поднесъ Ихъ Величествамъ 6 замѣчательныхъ двинскихъ живыхъ стерлядей; М. В. Андреевскій — живыя жемчужныя раковины, которыя ловятся между прочимъ, въ Эстляндской губерніи; поднесенныя раковины будутъ пущены въ гатчинскіе проточные пруды; многіе экспоненты — рыба и рыбные продукты, г. Коцураки — коллекцію морскихъ губокъ. При входѣ Ихъ Величествъ въ буфетъ, рестораторъ Лопашевъ встрѣтилъ Его Величество хлѣбомъ-солью. Государь Императоръ, принявъ бокалъ шампанскаго и обратясь къ Августѣйшему покровителю русскаго Общества рыболовства и рыбоводства, выпилъ за пресуспѣшное рыбопромышленнаго дѣла въ Россіи.

— Въ гор. Баку, въ Черномъ городкѣ, строится двумя англичанами, пріѣхавшими въ прошломъ году изъ Лондона, значительныхъ размѣровъ мельница для обдирания шелухи съ чалтыка и для полировки рисоваго зерна.

Искусства изобразительныя.

— 12 февраля, И. И. Выс. Президентъ Императорской академіи художествъ Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ и Вел. Кн. Марія Павловна посѣтили костюмированный балъ, данный въ Дворянскомъ собраніи въ пользу недостаточныхъ учениковъ Императорской Академіи Художествъ. Ихъ Императорскія Высочества прибыли въ 11 часовъ вечера и были встрѣчены обоими ректорами академіи, конференцъ-секретаремъ, тайнымъ совѣтникомъ П. Ф. Исевинымъ, художниками-профессорами и распорядителями бала. Ихъ Императорскія Высочества сѣдѣли въ Царской ложѣ, откуда смотрѣли на танцы и процессію „Свадебное шествіе на Руси въ XVI столѣтіи“.

Алгебраическая задача № 16.

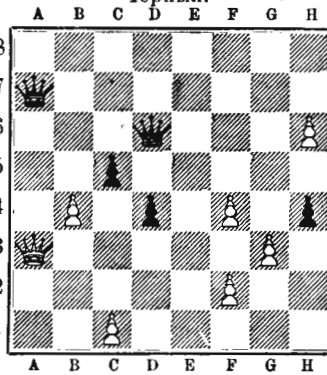
Одна русская поговорка состоит из 17 букв; если эти буквы замѣнить числами согласно алфавиту русской азбуки, то получимъ слѣдующія между ними соотношенія:

- 1) Квадратный корень изъ пятнадцатаго равенъ первому.
- 2) Квадратный корень изъ втораго равенъ двѣнадцатому.
- 3) Кубичный корень изъ разности четвертаго и третьяго равенъ тринадцатому числу.
- 4) Разность семнадцатаго и шестнадцатаго равна разности одиннадцатаго и восьмаго числа.
- 5) Кубичный корень изъ суммы семнадцатаго, пятаго и четырнадцатаго равенъ разности десятаго и одиннадцатаго числа.
- 6) Седьмое относится къ восьмому, какъ пятое къ третьему числу.
- 7) Среднее вдвое болѣе перваго числа.
- 8) Шестое вдвое менѣе шестнадцатаго числа.
- 9) Одиннадцатое относится къ двѣнадцатому, какъ четвертое къ первому числу.
- 10) Второе относится къ пятнадцатому, какъ произведение двѣнадцатаго на первое къ разности одиннадцатаго и девятаго числа.
- 11) Сумма втораго и перваго равна разности одиннадцатаго и двѣнадцатаго числа.
- 12) Разность пятаго и четвертаго равна разности седьмаго и одиннадцатаго числа.
- 13) Десятое равно суммѣ четвертаго, двѣнадцатаго и тринадцатаго числа.
- 14) Четырнадцатое равно суммѣ восьмаго и перваго.
- 15) Кубичный корень изъ суммы шестнадцатаго и тринадцатаго равенъ одной трети пятнадцатаго числа.
- 16) Сумма восьмаго и шестаго равна послѣднему.
- 17) Кубичный корень изъ разности семнадцатаго и десятаго равенъ разности четвертаго и шестаго числа.

Шашечная задача № 17.

В. Шопина.

Черныя.

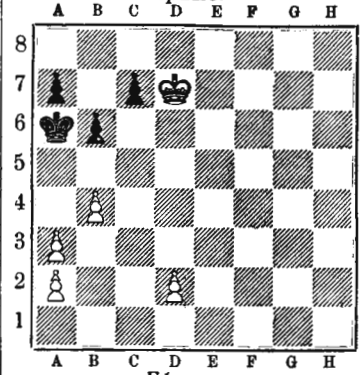
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

Шахматная задача № 18.

Пѣшечный взрѣзъ.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 8 ходовъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. многогородныхъ подписчиковъ, при переимѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыхъ марками на типографские расходы. Гг.-же городские подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Опасная игра. Повесть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе). — Фарисъ. Поэма Мицкевича. Переводъ Г. П. Данилевскаго (съ 3 вѣнкетками). — Безсонныя ночи. Повесть В. И. Немировича-Данченко. (Окончаніе). — Англичане у себя дома. Вильгельма ф. Бранда. — Къ рисункамъ: Крымскій видъ (съ рис.). — Охота на медвѣдя (съ 2 рис.). — Говѣльщики (съ рис.). — Уроень фехтованія (съ рис.). — Наслѣдная принцесса Вильгельмина Нидерландская (съ портр.). — Издѣлія древне-русскаго серебрянаго дѣла (съ рис.). — Пугалo (съ 2 рис.). — Н. И. Козловъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Задачи. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перекл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

КНИГИ прод., покуп., прии. на комиссію въ Казани книжн. магаз. (суд. 18 год.), Александра Ильича Овчинникова (бывш. учт. дрени. аз.). Бываютъ библиотѣки.

Изданіе А. Ф. Мариса въ СПБ. **НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ** РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИЛІВАНІЯ, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. И. СЕРГѢЕВА. Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и ра пообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ издѣн. литограф. оберткѣ 1 р. 25 н., а съ пересылкою 1 р. 60 н.

Требованія просить адресовать: въ СПБ., къ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

АДРЕСА всѣхъ спеціально-стей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen - Verl. - Anstalt (С. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 специальн. = 5,000,000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

КОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЮСИФА

Натуральная минеральная слабительная вода источника ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскыхъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается въездѣ. Для нормальнаго пріема достаточно одного виннаго стакана Ц. № 3722 6-1 Дирекція въ Будапештѣ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ РОССИИ СКЛАДЪ **НАСТОЯЩИХЪ АНГЛІЙСКИХЪ РУЖЕЙ** **В. В. ГРИНЕРА**

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 38.

Заводы въ Лондонѣ и Бирмингамѣ, издѣлія которыхъ премированы на большихъ международныхъ состязаніяхъ и на всѣхъ выставкахъ.

Отличительныя качества ружей этихъ: рѣзкость, кучность боя и прочность механизма. Цѣны фабричныя. Прейсъ-курантъ бесплатно. № 3724 3-1

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ

Предлагаетъ: сѣялки, жнейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и бороны. Цѣны самыя умеренныя. Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. № 3719 12-1

Проситъ требовать во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ известныя своими хорошими качествами **ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА** фабрики **РИЧАРДА ВИЛЬДТЪ** въ Варшавѣ.

НОВѢЙШІЙ ДАМСКІЙ УБОРЪ съ настоящими бразильскими золотистыми жемчугами. № 3723

Прелестная, изящная и дешевая **Парижская новостъ** въ пошербраной, оксидированной, или прочно позолоченной отдѣлкѣ, служащая какъ удобная вещь для подарковъ, сюрпризовъ и наполненія ящикъ въ предстоящихъ праздникахъ съ 1 паски. Браслеты съ 10, 3, 2 и 1 жук. 5.50, 2.50, 2 и 1.50 к. Брошки съ 4, 3 и 2 жук. 2.50, 2.00, и 1.50 к. Серьги (серебряныя) съ 1 жук. 1.25. Шпильки черепаховыя съ 3 и 2 жук. 2 р. и 1.50 к. Цѣлый уборъ (Браслетъ, Брошь, Серьги и Шпильки) 5/10 дешевле.

Эта, прямо изъ Парижа являющаяся новостъ принята дамами съ восхищеніемъ и заслуживаетъ общаго вниманія. Высылаю во всѣ города Россіи, за наличныя или съ наложеніемъ платежа.

Продавца значительная уступка. **ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ**, С.-Петербургъ, Садовая, 12.

CORSETS LEOTY adoptés par le High-Life parisien. 8. Place de la Madeleine, Paris.

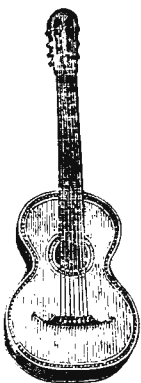
НАИЛУЧШІЕ ДУХИ **LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES**

достаточно известны: **ЛОЗЕ МАЙГЛОКСЧЕН**, **ЛОЗЕ СЫРІНГА**, **ЛОЗЕ ГОЛД ЛІЛІЕ**, **ЛОЗЕ ВАС ІННЕР ВОЛЛТ**, **ГУСТАВЪ ЛОЗЕ** № 3607 12-6. Привдворный Парфюмеръ 46, JÄGERSTRASSE, BERLIN. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. КАРАЗИНА. Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунк. автора. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 н.; въ роскошн. колѣнк. пер. 2 р. 75 н., съ перес. 3 р. 25 н. Съ требов. прос. обрац. въ Контору журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, д. 6).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхование выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3718 5-5 Также нужны вѣрныя съ настоянныя мѣстомъ жительства **АГЕНТЫ.** Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

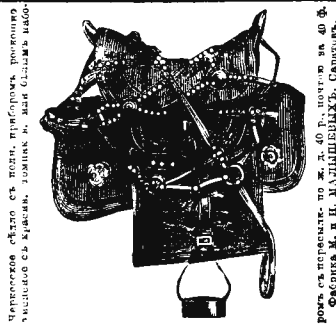
ГИТАРЫ

въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 руб. (отъ 8 руб. и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Соколова ч. I, II и III по 1 1/2 руб. за часть. № 3720

МАНДОЛИНЫ

въ 10, 20, 35, 50, 60, 75 и 100 руб. (отъ 20 руб. и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Келера 2 р. Иллюстрированный прейс-курантъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Горчацкаго.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ и/М. фабрикантъ велосипедовъ „ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ницуть агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 прен. марками. 12—1

РОЯЛИ И ПИАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструментъ торговлѣ **И. Ф. МЮЛЛЕРЪ**
Москва, Петровка, д. Волкова. Полный прейс-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (13) Ц. № 3077

НОВЫЙ АДРЕСЪ МОШНОЙ МАСТЕРСКОЙ ДВЮТНЕРЬ.
ВЪ МОСКВѢ ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА
ROBES & MANTEAUX
M. 3304
L. KUTTNER.

„НОВОСТЬ“
за 5 марокъ (иногородныхъ) высылается заказнымъ новымъ прантическій стѣнной **КАЛЕНДАРЬ** на 1889 г. (размѣръ 6 1/2 в. × 9 в.) **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**
Москва. — С.-Петербургъ № 3608 (11)

Новое роскошно иллюстрированное издание А. Ф. МАРКСА въ СПб.

Гёте „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберга Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ конаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзкомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

КРЫШКИ для переноса „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ЛЕНИНГЪСЪ и ГЛОЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗА 30 КОП.
почтовыми марками высылаются **ФОКУСНЫЯ КАРТЫ** съ объясненіями и прейс-курантъ. за 50 коп. 2—2 почтовыми марками высылаются

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ для экономныхъ курителей. Получите 70 и 1 р. Прекрасное средство отъ дѣлать охотниковъ до напироль фабрики „чужаго“. **МАСТЕРСКАЯ ИГРЪ А. МЕЛАМЕДА.**
СПБ., Обуховскій просп., д. № 7, кв. 63. Торговцамъ выгодная уступка.

Элексиръ, Порошокъ и Помада для зубов **ОТЦОВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ** Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда), Франція.
Находятся въ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и магазинахъ косметическихъ.

ДЛЯ ОКРАШИВАНІЯ СЪДИНЫ:

ПОМАДА, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по флакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Гороховая ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 3717

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

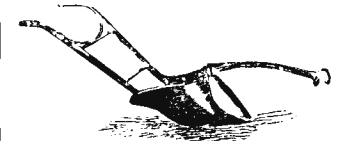
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (56) № 2946

POUDRE DE RIZ NOUVELLE
AU PARFUM ESSENCE MUGUET DES JARDINS
ce produit d'une inaltérable fraîcheur communique à la peau et au teint son don naturel qui est **FRAICHEUR VELOUTÉ**
ROUME 16 Grande Morskaia
PARFUMERIE DU GRAND MONDE Мт. № 3711

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Штывагина. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

КОНТОРЫ МЕХАНИЧ. ЗАВОДА

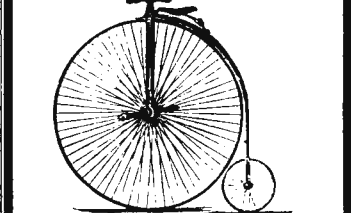
БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, 10. Москва, Мясницкал, д. Виноградова.

предлагаютъ въ большомъ выборѣ: плуги, бороны, сѣлки, жней, косилки, молотилки, вѣлки, мельницы, маслобойки, насосы, пожарныя и садовыя трубы и пр. и между прочимъ новѣйшій плугъ Товарищества Б. и У.

№ 3080 „КОЛОНИСТЪ“ 5—3 построенный весьма солидно и прочно и снабженъ весьма усовершенными плужной техникой, марки GA по 8 р. 50 к., SA—10 руб. Улучшенн. ручную сѣялку **ЧАМПИОНЪ** разбивающ. всѣмъ съема равномѣрнѣе и быстро, чѣмъ это возможно рукою. Ц. 12 р. Иллюстр. каталогъ по востребованію.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ-колесные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейс-куранты бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедныхъ и велосипедистахъ“. Москва, Кузнецкій м., д. Голыцина. СПБ., В. Морская, 21. Р. № 3395 (8)

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 10

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№: ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 4 марта 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 р., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (3/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . 7 р.
9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.
При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1889 г., съ 30 рисунками и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 27 рис. рукодѣльн. работъ.

В. С. Якоби.

Вѣроятно немногіе изъ читателей нашихъ знаютъ, кто такой былъ Якоби, не смотря на то, что онъ пользовался всемірною извѣстностью, какъ изобрѣтатель гальваноластики, получившей въ послѣдніи десяти-пятнадцать лѣтъ такое широкое примѣненіе. Вотъ почему, по поводу истекшаго недавно пятидесятилѣтія со времени изобрѣтенія этой технической отрасли, мы считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ жизнью и дѣятельностью нашего почтеннаго ученаго, оказавшаго несомнѣнныя услуги Россіи—своему второму отечеству Академикъ и профессоръ, Борисъ Семеновичъ Якоби родился въ Потсдамѣ, въ Пруссіи, 9 (21) сентября 1801 года, въ семьѣ мѣстнаго купца - банкира. Отецъ желалъ посвятить своего сына изученію архитектурнаго искусства, а потому по оковчаніи курса въ университетахъ Геттингенскомъ и Ленскомъ, Якоби былъ сперва архитекторомъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ его младшій братъ, Карль Яко-

Борисъ Семеновичъ Якоби (по поводу пятидесятой годовщины изобрѣтенія гальваноластики) Съ современн. портр. грав. Шюблеръ.

би, знаменитый математикъ, занималъ кафедру въ университетѣ. Но затѣмъ онъ перемѣнилъ свою профессію, перейдя къ изученію электричества, гальванизма и чистой и прикладной механики. Ученіемъ о гальванизмѣ и въ особенности практически приложеніями дѣйствій электрическаго тока онъ заинтересовался еще будучи студентомъ Геттингенскаго университета, и во время своего пребыванія въ Кенигсбергѣ дѣятельно трудился надъ примѣненіемъ электромагнетизма къ машинамъ. Результатомъ этихъ занятій было его первое научное сочиненіе „Sur l'application de l'électro-magnétisme au mouvement des machines“, явившееся въ Потсдамѣ въ 1835 г. На его работы въ этой области обратилъ вниманіе и знаменитый Александръ Гумбольдтъ, находившійся въ Кенигсбергѣ одновременно съ Якоби, и высказалъ ему большое одобреніе. Перейдя въ 1835 году, по приглашенію нашего академика Вэра, на кафедру гражданской ар-

хитектуры въ Дерптѣ, молодой ученый и здѣсь, рядомъ съ практическими архитектурными работами, усердно продолжалъ заниматься практическими изысканіями въ области физики, которыя вскорѣ стали извѣстны нашей Академіи Наукъ, куда Якоби представилъ свои труды по предмету электромагнетизма и гальванопластики. Академія избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, послѣ чего, по ходатайству тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова, онъ былъ вызванъ, въ 1837 году, въ Петербургъ. Черезъ два года онъ сдѣлался адъюнктомъ нашей академіи по кафедрѣ механики и теоріи машинъ, черезъ три года возведенъ въ званіе экстраординарнаго, а въ 1847 году—ординарнаго члена Академіи Наукъ. Съ этой поры начинается его усиленная дѣятельность въ сферѣ техническихъ производствъ, его изслѣдованія электромагнетизма, прославившія его имя. Якоби всегда съ гордостью указывалъ на первенство Россіи въ дѣлѣ многихъ примѣненій электромагнетизма и гальванизма и на то, что честь изобрѣтенія гальванопластики принадлежитъ единственно и всецѣло Россіи.

Въ своихъ изысканіяхъ по теоріи электромагнетизма, Якоби былъ сотрудникомъ и продолжителемъ работъ барона Шиллинга и первый устроилъ электромагнитную машину, которая, при 64 элементахъ Грове, имѣла около одной лошадиной силы и привела въ движеніе, противъ теченія, на Невѣ лодку съ 14 человѣками экипажа. Воспользовавшись этимъ и другими подобными опытами, онъ вывелъ теорію электромагнитныхъ машинъ, которую и опубликовалъ въ статьѣ, просто и общепонятно изложенной. Якоби былъ также первымъ строителемъ у насъ телеграфа съ подземными проводниками, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда, по повелѣнію императора Николая Павловича, лично интересовавшагося его работами, онъ провелъ телеграфную линію между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, устроивъ на ней нѣсколько новыхъ аппаратовъ, необыкновенно остроумныхъ по конструкціи и весьма легко приводимыхъ въ дѣйствіе. Во время Крымской войны Якоби тоже сослужилъ большую службу Россіи—изобрѣтеніемъ подводныхъ минъ, зажигаемыхъ посредствомъ электричества. Онъ появились у насъ гораздо ранѣе чѣмъ въ Европѣ и за океаномъ, гдѣ исполнѣ совнали всю важность ихъ при войнѣ оборонительной, и были устроены на Черномъ морѣ и

въ Финскомъ заливѣ для защиты Кронштадта. Изобрѣтателю этихъ гальваническихъ минъ дано было порученіе образоватъ команды военныхъ гальванеровъ, офицерамъ которыхъ онъ и читалъ лекціи по означенной спеціальности. Чисто практическія работы Якоби шли у него, большею частью, рука объ руку съ научными изслѣдованіями, помогавшими развитію чистой физики. Сюда относятся изобрѣтеніе имъ регуляторовъ электрическаго тока съ жидкими и твердыми проводниками; проволоचनाго и ртутнаго вольтаметровъ; изслѣдованія надъ сопротивленіемъ жидкихъ проводниковъ и поляризаціей, которыя натолкнули его на весьма важное въ практическомъ отношеніи изобрѣтеніе такъ-называемой контръ-батареи. При ея помощи онъ сдѣлалъ возможною передачу корреспонденціи при дурно соединенныхъ телеграфныхъ проводникахъ, не смотря на отклоненіе тока; позднѣе изобрѣтеніе это нашло широкое примѣненіе при устройствѣ трансатлантическаго телеграфа. Къ числу другихъ работъ его, имѣющихъ практическую важность, относятся: изысканіе новыхъ способовъ обработки платины для чеканки изъ нея монеты; устройство контрольнаго аппарата для измѣренія количества и крѣпости жидкостей, устройство алкоголометра и проч. Кроме того, Якоби много лѣтъ состоялъ членомъ Мануфактурнаго совѣта при Министерствѣ Финансовъ, а во время Всемирной Парижской выставки 1867 года, какъ делегатъ Россіи, участвовалъ въ международномъ комитетѣ для обсужденія средствъ къ введенію во всѣхъ странахъ однообразной системы мѣръ, вѣсовъ и монетъ. Онъ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, отечественныхъ и иностранныхъ, и дѣятельно участвовалъ въ трудахъ русскихъ техническихъ обществъ. Б. С. Якоби скончался пятнадцатъ лѣтъ тому назадъ, 27 февраля 1874 г. Физика въ области гальванизма—говоритъ академикъ Вильдъ—обязана Якоби рядомъ прекрасныхъ трудовъ, свидѣтельствующихъ столько же объ его ясномъ умѣ, правильномъ пониманіи явленій и способности къ обобщенію, сколько о богатомъ дарѣ изобрѣтательности, которымъ онъ обладалъ. Мы знаемъ, что Якоби, не разъ въ его жизни, случалось отклонять отъ себя искушеніе: посвящать его талантъ изобрѣтательности на пользу техники, въ видахъ получить результаты непосредственно и богато вознаграждающіе за трудъ. Но онъ остался вѣренъ наукѣ...

П. Быковъ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

— Вопросъ о достаточности, ваше вп-во, весьма растяжимъ, отвѣчалъ адвокатъ, пожавъ плечами, какъ человѣкъ, который не видитъ нужды брать на себя излишней отвѣтственности.—Я, какъ повѣренный Марьи Кондратьевны, знаю ее достаточно только въ томъ отношеніи что мнѣ неизвѣстно за ней ничего съ юридической стороны двусмысленнаго. Дѣлъ уголовныхъ за нею нѣтъ; а денежные она ведетъ, какъ и всѣ, кто не хочетъ показывать своихъ картъ. Это коммерческая игра, въ которой, не будучи шулеромъ, всякій естественно считаетъ себя въ правѣ пользоваться чужими ошибками. Своихъ азартныхъ затѣй у ней и въ заводѣ нѣтъ, а за слишкомъ ревностное участіе въ чужихъ она нерѣдко и платится. Вообще, слухи, которые о ней ходятъ въ городѣ, крайне преувеличены.

— То-то; смотрите, не промѣнять бы кукушку на ястреба.

— Боже избави! сказалъ Стойницкій смѣясь. — Это добрейшая женщина, которая рада всегда помочь, тамъ гдѣ помощь ея нужна, и безъ малѣйшей примѣси хищничества въ своей природѣ; женщина, которая, въ молодости, вела цыганскую жизнь, и до сихъ поръ, насколько ей позволяютъ ея заботы, предпочитаетъ общество своихъ старыхъ друзей, артистовъ, всякому... Сошлюсь на Сергѣя Ивановича, который ее отлично знаетъ...

— Ну, да, перебилъ Ладищевъ, — и я пожалуй сошлюсь на него. Онъ не могъ мнѣ, конечно, сказать ничего серьезнаго, потому что онъ мало заботится о серьезныхъ вещахъ; но изъ его разсказовъ ясно, что эта Рогневичъ близка не съ одними артистами. Ее посѣщаютъ крупнѣйшіе и азартнѣйшіе финансовые игроки.

— Что жъ за бѣда? отвѣчалъ Стойницкій. — Люди такого полета какъ напримѣръ Ферейтель, которымъ

нерѣдко нужны миллионныя суммы, вдругъ, и на самый короткій срокъ, всегда имѣютъ развѣдчиковъ и охотно имъ платятъ десятки тысячъ за ихъ услуги. Что за бѣда, говорю, если она и трется между такими людьми, зарабатывая отъ нихъ крохи? Всячески, тутъ не пахнетъ шантажемъ.

— О, нѣтъ, разумѣется!.. Но въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ это несчастіе съ Пашей, не лишнее, вы понимаете, знать съ кѣмъ имѣешь дѣло... Особенно если это женщина... Женщины иногда способны выболтать то, о чемъ, даже въ собственныхъ ихъ интересахъ, вѣрнѣе бы было молчать. Эта Рогневичъ, напримѣръ, хвастала такому шуру какъ Сергѣй, что она знаетъ племянницу и даже имѣла счастье заплатить за нее по векселю; и еще кое-что; между прочимъ, что вы служили посредникомъ при уплатѣ денегъ.

— Къ несчастію, да, согласился Стойницкій. — Въ ея оправданіе я позволю себѣ однако замѣтить что Марья Кондратьевна вѣроятно не сдѣлала бы такой неосторожности, еслибъ она не знала какъ близокъ Сергѣй Ивановичъ къ вамъ; и еще, что она всегда была противъ секретничанья Прасковьи Петровны со своимъ семействомъ. Но это единственный мнѣ извѣстный случай нескромности. А что она умѣетъ молчать когда это нужно, такъ вотъ доказательство. Никто до сихъ поръ и не догадывается что уже два года, какъ я состою у нея повѣреннымъ.

— Я бы желалъ однако видѣть ее, чтобы, знаете, самому судить, произнесъ небрежно Ладищевъ. — Кстати и эта уплата. Не ловко же ей швырнуть ея деньги назадъ, не сказавъ даже простаго спасибо.

Стойницкій отвѣчалъ спокойно, что ничего нѣтъ легче и что ей стоить только указать пріемный часъ.

„Клюеть!“ рѣшилъ онъ, разставшись со своимъ патрономъ.

Было уже около половины втораго; но онъ успѣлъ захватить еще къ Рогневичъ съ извѣстіемъ что Юпитеръ ждетъ ее послѣ-завтра, въ одиннадцать часовъ поутру; и былъ награжденъ отъ Марьи Кондратьевны разными знаками необузданной благодарности.

XX.

Дѣло обдѣлано было опытной и увѣренной рукой.

Марья Кондратьевна вышла на сцену съ такимъ эффектомъ, который навѣрное заслужилъ бы ей рукоплесканія даже и на столичномъ театрѣ—скромность, спокойствіе, непринужденный, а между тѣмъ глубоко почтительный тонъ. Недоставало только вечерняго освѣщенія и румянъ, на которыя она не рискнула днемъ, чтобы сбавить ей въ глазахъ его вп-ва по крайней мѣрѣ лѣтъ десять.

Выслушавъ очень внимательно все что Ладищевъ имѣлъ ей сказать и получивъ обратно уплаченные за Пашу 300 рублей, она свела разговоръ, шути и нечувствительными отгѣнками, сперва на поглощающія заботы лица удѣлившаго ей частицу столь драгоценнаго времени,—потомъ на банковыя дѣла, потомъ вообще на положеніе денежныхъ дѣлъ въ столицѣ, которое оказалось такъ хорошо ей извѣстно, что собесѣдникъ ея, сначала не обращавшій вниманія на эти подходы, считая ихъ безразличными, скоро нашель разговоръ интереснымъ, совсѣмъ независимо отъ того къ чему, по его догадкамъ, онъ долженъ былъ привести,—и былъ видимо озабоченъ стараніемъ не потерять изъ него ни малѣйшей подробности. Иныя вещи первостепенной важности, но изъ разряда тѣхъ, которыя можно узнать лишь за кулисами официальной сцены, гдѣ актеры между собой не церемонятся, были ему совсѣмъ неизвѣстны, и онъ останавливалъ говорившую просьбою повторить что-нибудь особенно характерное; другія, извѣстныя ему въ общихъ чертахъ и съ такой высоты, съ которой живая физиономія ихъ теряется, рассказаны были съ полнотою воплощенія, сообщавшей имъ новое и совсѣмъ неожиданное значеніе. Но Марья Кондратьевна говорила такъ скоро и перескакивала такъ быстро отъ одного къ другому, что многое, къ сожалѣнію слушателя, все-таки было потеряно, и онъ обѣщалъ себѣ, во всякомъ случаѣ, не забывать тропинки къ такому обильному справочному источнику... Какъ вдругъ она оборвала рассказъ о переговорахъ извѣстнаго синдиката берлинскихъ банкировъ съ однимъ изъ петербургскихъ банковъ и тронула себя за голову, словно припоминая что-то, въ жару разговора у ней ускользнувшее.

— Ахъ да, я и забыла предупредить васъ, что вашему банку на-дняхъ предстоитъ миллионный вопросъ.

— Не можетъ быть! произнесъ Ладищевъ, смотря на нее съ усмѣшкой, которой онъ напрасно старался придать небрежно-шутливый и недовѣрчивый смысл.— У насъ не имѣютъ еще на этотъ счетъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Еслибъ имѣли, объ этомъ не стоило бы и говорить, отвѣчала она, поднимая на собесѣдника совершенно спокойный взглядъ.

— Вы значитъ не шутите?

— Нѣтъ... Серьезно... Васъ собираются облегчить не меньше какъ на миллионъ.

— Ахъ, Боже мой! Кто?

Марья Кондратьевна улыбнулась что называется во весь ротъ.

— А вы не выдадите меня?

— Не обижайте меня, сударыня... То что мнѣ сказано здѣсь, какъ частному человѣку, хранится такъ свято, какъ политическій актъ въ государственномъ архивѣ.

Она молчала, словно припоминая что-то.

— Кто собирается занимать?

— Шалыгинъ.

Юпитеръ вытаращилъ глаза, очевидно захваченный совершенно врасплохъ.

— Но онъ уже долженъ двумъ банкамъ, кромѣ несчетныхъ долговъ его въ частныя руки.

— А, это вотъ видите-ли, меня не касается, отвѣчала актриса, смѣясь и играя глазами.

Тревожный взоръ и озабоченное лицо Ладищева свидѣтельствовали какую мудреную и неожиданную задачу она ему задала.

— Извините меня, сударыня, произнесъ онъ, пристально всматриваясь въ ея лицо, своей безпечною непроницаемостью напомилавшее ему въ эту минуту женскія черты сфинкса. — Но право мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы вы, которой такъ хорошо извѣстно все что дѣлается у насъ за кулисами финансоваго Олимпа, въ этомъ единственномъ случаѣ, были à court.

— Развѣ я вамъ сказала, что я à court?.. переспросила актриса съ своей широчайшей усмѣшкой. — Я вамъ сказала только, что меня мало интересуетъ какъ вы рѣшите этотъ вопросъ. Но положеніе дѣлъ Шалыгина мнѣ хорошо извѣстно. Милліоны его зарыты à fond perdu, въ трехъ предпріятіяхъ, очень солидныхъ быть-можетъ и щедрыхъ на обѣщанія, но въ настоящій моментъ оставляющихъ его самымъ предательскимъ образомъ на мели, такъ какъ чистый доходъ, которымъ онъ можетъ располагать, нѣсколько лѣтъ подрядъ идетъ на расширение и улучшение самаго дорогаго сердцу дѣтища его: Уральской горно-заводской компаніи. Правительство не отказываетъ ему въ поддержкѣ, какъ въ томъ свидѣтельствуется и новый выпускъ ихъ облигацій, который на-дняхъ ему разрѣшатъ; но все что онъ, даже съ потерей, успѣетъ реализовать изъ него въ короткій срокъ, едва покроетъ срочные взносы по личнымъ его займамъ; а между тѣмъ у него въ виду уплата по мартовскому купону, которая, при несчастіи, угрожаетъ ему неисчислимою потерей на курсѣ бумагъ, и т. д.

Она говорила долго, перечисляя долги и суммы процентныхъ по нимъ уплатъ, перечисляя съ техническими деталями улучшенія достигнутыя по горно-заводской части и жертвы на нихъ потраченныя, съ приблизительною оцѣнкой времени когда онѣ должны окупиться, и много чего еще, что затвержено было ею на память со словъ самого Шалыгина. Но мастерство, съ которымъ она играла роль безучастной рассказицы, было такъ велико, что на взглядъ человѣка не знающаго въ чемъ дѣло, Ладищевъ, плохо скрывавшій свое смущеніе, могъ показаться просителемъ, участь котораго виситъ на волоскѣ, а она, Рогневичъ, — вершильницею его судьбы.

— Въ итогѣ, сказала она окончивъ, — Шалыгину не хватаетъ къ 1-му марта круглою суммой — миллионъ, и онъ пріѣхалъ сюда съ хорошей надеждой его добыть, такъ какъ на это онъ разумѣется не пожалѣетъ жертвъ. Но успѣетъ-ли онъ или провалится — этого я не берусь предсказать...

И она опять размѣялась безпечнымъ смѣхомъ женщины, у которой совсѣмъ не то на умѣ.

— Онъ у меня обѣдалъ въ пятницу, заключила она, — и я, послѣ обѣда, ему гадала въ карты. Вышло: успѣхъ въ задуманномъ предпріятіи и неожиданное свиданіе; но при этомъ препятствіе, которое мы не могли себѣ объяснить, потому что двѣ дамы и между ними какой-то залутанный интересъ сбивали насъ съ толку... Вы не играете въ карты, ваше вп-во?

— Играю.

— Не осчастливьте-ли...

Она замолчала, дѣлая видъ что не смѣетъ выговорить своего желанія. Но, не взирая на то, ея приглашеніе было принято.

* * *

Охота на медвѣдя. Подъ огнемъ. Ориг рис. (собств „Нивы“) Н. Карзина, грав. М. Рашевскій.

Ладищевъ сталъ какъ-то вдругъ необычайно добръ и внимателенъ къ Пашѣ. Нѣсколько разъ приходилъ узнавать о ея здоровьѣ, на другой день, сидѣлъ у ней утромъ и вечеромъ, не касаясь ни словомъ ея приключеній—и только однажды, когда ихъ оставили на минуту вдвоемъ, шепнулъ ей чтобы она ни о чемъ не тревожилась, такъ какъ онъ видѣлся уже съ кѣмъ нужно и ему обѣщали что всѣ необходимыя мѣры приняты будутъ немедленно. Дѣвушка поняла и съ радостными слезами поцѣловала его руку... Во вторникъ она была уже на ногахъ, но по совѣту врача должна была высидѣть еще нѣсколько дней въ виду возможнаго рецидива. Съ этого времени къ ней допустили Анну Григорьевну, взявъ съ нея слово не заводить никакихъ волнующихъ разговоровъ; а такъ какъ это было не легкое дѣло, то друзья и убивали часы за игрой въ дурачки, напоминавшей имъ длинные зимніе вечера въ деревнѣ и мертвую тишину, прерываемую лишь тиканьемъ маятника, да изрѣдка лаемъ собакъ.

Но въ воскресенье, узнавъ что она наконецъ свободна отъ всякаго запрещенія, Паша не вытерпѣла—и не взирая на безотчетный страхъ, который въ ней возбуждало еще представленіе о возможности новыхъ встрѣчъ, укатила къ Стойницкому.

Онъ встрѣтилъ ее сіяющимъ взоромъ и объяснивъ коротко, что на-дняхъ надѣется наконецъ поздравить ее съ окончательною побѣдой, засыпалъ разспросами, на которые она отвѣчала другими, столь же нетерпѣливыми, такъ что ихъ консультація долге шла въ перебивку. Онъ рассказывалъ какъ онъ былъ встревоженъ извѣстіемъ о ея болѣзни, догадываясь что съ нею случилось что-нибудь очень серьезное, и какъ въ понедѣльникъ только, заѣхавъ къ Жухиной, узналъ отъ нея что догадка его была вѣрна. Но рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ имъ тотчасъ какъ только къ нему обратились за свѣдѣніями. И онъ рассказалъ ей въ сжатыхъ словахъ кое-что изъ своего объясненія съ дядей... Потомъ она рассказала ему подробно о встрѣчѣ своей съ Бурдюковымъ, на Невскомъ, и о развязкѣ ея у Марѣи Никитишны, заключивъ извѣстіемъ что дядя Иванъ уже успокоилъ ее насчетъ послѣдствій.

— Онъ былъ неожиданно милъ и добръ, продолжала Паша, — такъ добръ что у меня осталось даже на совѣсти то чтó я вамъ говорила о немъ... О! какъ я счастлива, Викторъ Михайловичъ... И этимъ счастлиемъ я обязана вамъ... Голубчикъ! я не умѣю вамъ и сказать, чтó я чувствую!..

Въ порывѣ сердечнаго увлеченія, она протянула руки... и вдругъ, припомнивъ чтѣмъ кончилась ихъ послѣдняя консультація, покраснѣла какъ школьница пойманная въ буфетѣ, за банкой варенья... Но уже поздно: въ одно мгновеніе руки ея были осыпаны страстными поцѣлуями... Паша уже не отнимала ихъ... Еслибы только это! Къ несчастію, она знала что этимъ дѣло не кончится и предчувствіе ея скоро сбылось... Опять она услышала пламенные признанія, хватавшія ее прямо за сердце, и голова у нея начинала кружиться. Вдругъ онъ рванулся къ ней съ отуманеннымъ взоромъ, и не давая ей ни минуты опомниться, обнялъ ее...

Неодолимый страхъ напалъ на дѣвушку, словно къ губамъ ея поднесли что-то до-бѣла раскаленное... Она вскрикнула, вырвалась и вскочила. Слезы сверкали у ней на глазахъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! шептала она. — Я не готова, не въ состояніи вамъ отвѣчать какъ вы желаете... И я васъ прошу... Голубчикъ, Викторъ Михайловичъ, умоляю васъ, не торопите меня! Дайте мнѣ отдохнуть и собраться съ мыслями, потому что, клянусь вамъ, я и сама не знаю еще чтó вамъ сказать...

Какъ ни естественно было все это со стороны такой

пуританки какъ Паша, но дѣвушка не могла не замѣтить, что это глубоко его оскорбило... Онъ не сказалъ ни слова, а только смотрѣлъ на нее съ укоромъ. Она расплакалась и, тоже не говоря ни слова, ушла.

Стойницкій противъ обыкновенія не пошелъ ее провожать, и только его экономка, скромная женщина лѣтъ сорока, догадываясь по тишинѣ, что гостя уходитъ одна, выбѣжала изъ своей комнаты въ прихожую, чтобы помочь ей одѣться.

Въ эту минуту произошло что-то странное. Оглядываясь на дверь, которую эта женщина за собой притворила, Паша замѣтила между нею и косякомъ, два глаза, жадно на нее уставленные. Нервы-ли ея были потрясены, или событія прошлаго воскресенья съ ихъ неожиданною развязкой припомнились ей, только эти уставленные въ нее украдкой глаза произвели на нее невыразимо тяжелое впечатлѣніе... Выходя на лѣстницу между тѣмъ былъ открытъ—и Паша готова была уйти, но уходя не вытерпѣла и оглянулась... Къ ея удивленію, дверь изъ прихожей въ комнату экономки теперь отворена была настежь, и на порогѣ ея она увидела другую женщину, жадно ее провожавшую глазами. Эта была молода, весьма недурна собой и хорошо одѣта; но Пашу особенно поразило странное выраженіе на ея лицѣ и въ глазахъ. Женское, острое любопытство сливалось въ немъ съ чувствомъ глубокой жалости и на всемъ лежала черная тѣнь, какъ-бы отъ прочно-усѣвшагося, давно уже равнодушнаго ко всему на свѣтѣ горя.

Видѣніе это только мелькнуло въ ея глазахъ; но Паша его не могла забыть. Оно уѣхало съ ней домой и преслѣдовало ее потомъ весь день, какъ что-то ниспосланное завистливою судьбой на смѣну старому кошмара. Напрасно спрашивала она себя: въ какой связи оно съ новымъ вопросомъ, стоящимъ теперь на очереди и неотложно требовавшимъ рѣшенія,—все было темно и таинственно...

* * *

А между тѣмъ не далѣе какъ на другой день утромъ случилось нѣчто освобождавшее ее навсегда отъ Бурдюкова.

Порфирій Ивановичъ сидѣлъ въ канцеляріи за какою-то работой, когда его потребовали къ его начальнику. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, тотъ поднялъ глаза и смотрѣлъ на него съ минуту хмурясь.

— Чтò это вы надѣлали? спросилъ онъ.—На васъ жалоба отъ высокопоставленнаго лица, и я имѣлъ, по этому случаю, крупную непріятность...

Порфирій Ивановичъ помертвѣлъ и затрясся.

— Скандаль на желѣзной дорогѣ! Преслѣдованіе дѣвицы, принадлежащей къ извѣстному, высокоуважаемому семейству!... Угрозы и вымогательства!... Наконецъ еще новый скандаль на улицѣ, среди бѣлаго дня!...

— Напраслина, в. п-во! заговорилъ Бурдюковъ слезливымъ голосомъ.—Невиненъ! Вотъ Богъ свидѣтель!... Невиненъ какъ агнецъ новорожденный?... Меня обокрали ночью, въ вагонѣ... да на меня-же теперь и жалуются!

— Молчать! крикнулъ начальникъ.—Какъ вы осмѣливаетесь подтверждать мнѣ въ глаза ту-же самую клевету, въ которой васъ прежде всего обвиняютъ? Неужли вы думаете, что я вамъ повѣрю,—я, до котораго уже не разъ доходили о васъ самыя скверныя слухи? Вы ростовщикъ и дерѣте съ заемщиковъ отъ 4-хъ до 7-ми процентовъ въ мѣсяцъ!... Кромѣ того, вы, служащій, содержите гласную кассу ссудъ на чужое имя. За это одно васъ стоило-бы выслать изъ Петербурга; да васъ и выплюютъ, если на васъ дойдетъ еще одна, хоть малѣйшая жалоба... Выплюютъ въ 24 часа, безъ всякаго разбирательства... А теперь, во всякомъ случаѣ, вы не можете долѣе оставаться

на службѣ, и я васъ предупреждаю, что если ваша отставка не будетъ у меня на столѣ черезъ 24 часа, то я уволю васъ безъ прошенія.

— Ваше превосходительство! ваше превосходительство! Взмидитесь, ваше превосходительство, не погубите! Больная жена и трое дѣтей! Всѣ пойдемъ по-міру!

Но грозное существо, смотрѣвшее на него съ высоты своего величія, какъ на крутящагося въ прахѣ червя, оставалось непоколебимо.

— Ваше превосходительство! Господомъ Богомъ васъ заклинаю, дайте хоть передохнуть! не выгоняйте немедленно! Дайте мнѣ хоть три дня, чтобъ испросить помилованіе.

Тотъ смотрѣлъ на него поверхъ очковъ съ чувствомъ гадливаго отвращенія.

— Ну, слушайте, Бурдюковъ. Я не беру на себя ничего,—ни единого слова за васъ, ни шагу... Дѣлайте сами какъ знаете. Просите или ищите людей; которые взяли-бы на себя ходатайство... но если въ теченіе этой недѣли мнѣ не прикажутъ прямо оставить васъ здѣсь, то все равно: бумага объ увольненіи васъ по прошенію будетъ лежать у меня на столѣ, и мнѣ останется только пустить ее въ ходъ... Ступайте; это послѣднее мое слово.

Порфирій Ивановичъ выскочилъ какъ ошпаренный котъ и въ ту-же минуту уѣхалъ на Офицерскую.

Жухина ахнула увидавъ его, до такой степени онъ былъ похожъ на острожника, за которымъ гонится по пятамъ преслѣдованіе.

— Чтѣ это? Чтѣ это? бормотала она растерянно и пятась.

— Матушка! Помогите! Бѣда! Нажаловались!... Уволень!... Матушка, Марѳа Никитишна, выручите!.. Самъ-бы ей въ ноги кинулся, да меня къ ней не пустятъ;—подумаютъ я и не-вѣсть зачѣмъ... Матушка! каюсь, кругомъ виноватъ передъ вами; но вотъ передъ Господомъ Богомъ, клятву даю—все заглажу... Рѣшительно все! Только выручите теперь... Поѣзжайте сію минуту къ этой вашей, орловской, и убѣдите ее, чтобы она надо мною сжалилась. Она шустрая и придумаетъ, если захочетъ, лучше насъ съ вами, чтѣ дѣлать. Скажите, что вся семья останется безъ куска насущнаго хлѣба; скажите, чтѣ сами знаете... А я и домой не вернусь, буду васъ ждать тутъ, въ кассѣ, какъ осужденный на смерть ждетъ помилованія. Не привезете хорошей вѣсти—только меня и видѣли, и погибель моя останется у васъ на душѣ.

Марѳа Никитишна, перепуганная, уѣхала и черезъ часъ вернулась съ отвѣтомъ, что попытается и если возможно помочь—поможетъ; но чтобы до вечера нотаріальная сдѣлка по кассѣ была у нея въ рукахъ, а завтра поутру, чтобы оба они явились къ ея повѣренному, и отъ него къ нотаріусу, для заключенія новой... И мировая сдѣлка съ Ладищевой—тоже чтобы была у нея. Иначе она и пальцемъ не шевельнетъ.

Несчастный схватился за волосы и зарыдалъ какъ наказанное дитя.

XXI.

Вечеромъ, небольшая, но избранная компанія четверыхъ играла у Марьи Кондратьевны въ винтъ, когда ей доложили, что барыня приходившая поутру—опять тутъ и желаетъ видѣть ее.

— Какъ это скучно! сказала хозяйка; и обращаясь къ играющимъ:—Извините мени, господа, если я васъ оставляю на четверть часа. Ко мнѣ пришли, совсѣмъ неожиданно, по дѣлу, которое я, при всемъ желаніи, не могу отложить... Викторъ Михайловичъ, мой другъ,—вы... мнѣ нужны...

И извиняясь, она увела Стойницкаго.

Оставленные глазъ-на-глазъ, два игрока переглянулись, и пользуясь случаемъ, принялись за другую,

гораздо болѣе крупную партію, вступительные ходы которой сдѣланы были уже ранѣе.

Они принадлежали къ двумъ разнымъ, но близко соприкасающимся мірамъ, и каждый по своему могли-бы служить типическими ихъ представителями. Одинъ, съ которымъ мы только-что познакомились, былъ образецъ бюрократической важности, сдержанности и непроницаемости, полный сознанія своего достоинства и щепетильнаго чувства приличія,—скользкій, уклончивый, дипломатъ и политикъ въ душѣ.—Другой—балагуръ и вивѣръ снаружи,—но страстный, настойчивый и задорный внутри—азартный игрокъ, привыкшій ставить на карту не только все свое достояніе, но и себя самого—былъ извѣстный во всей Россіи, Аркадій Филипповичъ Шалыгинъ.

Это былъ видный и бодрый, полный, широкоплечій старикъ, съ густою, всклокоченною шевелюрой и короткою, курчавою бородой, которая серебрила просѣдь. Румяныя, жирныя губы, крупный носъ и большіе, каріе, полные жизни глаза—выдавали натуру широкую, буйную, склонную къ всякаго рода разгулу.

Съ перваго взгляда на двухъ игроковъ, и даже не вслушиваясь въ ихъ разговоръ, не трудно было понять, что одинъ вель страстную и стремительную атаку; другой—обдуманно, ловко и осторожно—оборонялся. Всѣ преимущества были повидимому на сторонѣ послѣдняго, но если-бы кто заглянулъ имъ въ душу—то вѣроятно нѣсколько измѣнилъ-бы эту поверхностную оцѣнку. Ибо одинъ зналъ твердо чего ему нужно и не останавливался ни передъ чѣмъ лишь-бы достигнуть цѣли,—тогда какъ другой былъ трусъ и гораздо больше боялся, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ желалъ заманчиваго, но смутно-мелькаваго въ его глазахъ успѣха.

Игра была странно усложнена однимъ обстоятельствомъ. Третьяго партнера, на счетъ котораго она шла и который въ самомъ счастливомъ случаѣ мало выигрывалъ, а при несчастіи могъ быть въ крупномъ убыткѣ,—не только не было на лицо, но ему даже и въ голову не могло придти, что за него и на счетъ его происходитъ такая схватка.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорилъ Ладищевъ, вполголоса и взвѣсивая слова,—что всякій заемъ, если онъ не составляетъ простаго перемѣщенія изъ одного кармана въ другой,—въ принципѣ связанъ для кредитора съ болѣе или менѣе крупнымъ рискомъ. Рискъ этотъ и выражается въ преміи, то-есть въ разницѣ между дѣйствительнымъ и номинальнымъ размѣромъ ссуды, преміи такъ или иначе остающейся въ рукахъ заимодавца, сверхъ слѣдующаго ему процента на капиталъ. Но рискъ бываетъ разнаго рода. Есть чисто денежный, матеріальный рискъ, и есть нравственная отвѣтственность лица—или лицъ—стоящихъ въ главѣ кредитнаго общества,—какъ есть разниця между вольнымъ покупщикомъ бумаги на биржѣ и акціонеромъ кредитнаго общества, ввѣряющимъ свой капиталъ его совѣту. Первый имѣетъ возможность самъ оцѣнить свой рискъ, а послѣдній—нѣтъ; ибо послѣдній не знаетъ заранее на чтѣ именно его деньги будутъ употреблены и можетъ судить объ этомъ, изъ годоваго отчета, только какъ о совершившемся безъ его вѣдома и согласія—часто прискорбномъ фактѣ... Вы понимаете какаѣ это громадная разниця?

— Какъ нельзя лучше.

— Ну, я прибавлю только что въ данномъ случаѣ—нравственная отвѣтственность весьма велика... Такъ велика, что я не рѣшаюсь даже и оцѣнить ее. Представьте себѣ, на примѣръ, что черезъ шесть мѣсяцевъ вы внесете исправно проценты и мы пересрочимъ вамъ вексель... Прекрасно... А черезъ годъ (я вовсе не утверждаю что это случится, а говорю какъ о простой возможности), представьте себѣ что черезъ

годъ, вы снова въ такомъ-же критическомъ положеніи какъ и теперь—и вамъ понадобится опять миллионъ или болѣе... Чтѣ вы предпримете? и въ какомъ положеніи будутъ люди устроившіе вамъ дѣло?

— Эхъ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Шалыгинъ, тряхнувъ косматою головою, — я травленный волкъ и никакія случайности уже давно не захватывали меня врасплохъ... Понадобится такъ и найду... Сказать вамъ въ точности гдѣ и какъ—не могу, какъ не могу сказать вамъ хода, который сдѣлаю въ винтъ, не видѣвъ своей и чужой игры; но будьте увѣрены: самъ не дамъ въ обиду, да и другихъ до обиды не доущу. А что касается риска, то, какъ вы сами изволите говорить, рискъ покрывается преміей, которую я охотно готовъ заплатить, не спрашивая кому и за что: за нравственную отвѣтственность, или за матеріальный страхъ—это мнѣ все равно. Тотъ кто устраиваетъ заемъ, тотъ натурально—самъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ, такъ какъ премія въ полномъ его распоряженіи... Для меня важенъ только ея размѣръ.

— Да, это важный вопросъ, сказалъ Ладищевъ; и какъ-бы шаря у себя въ памяти:—Вы не помните сколько Турція заплатила за свой послѣдній заемъ?

— По гривеннику за рубль, отвѣчалъ Шалыгинъ, мысленно отсылая Турцію къ чорту.

— Едва-ли... Иравительства, извѣстныя всему свѣту своими благоустроенными финансами и пользующіяся непоколебимымъ кредитомъ—платить нерѣдко болѣе.

— Можетъ быть, отвѣчалъ пожимая плечами Шалыгинъ, — но извините если я васъ спрошу: какое намъ дѣло до Турціи?... Мы—русскіе люди. Неужто-же намъ справляться у Турка?... Сойдемся, дастъ Богъ, и безъ него въ цѣпѣ.

Ладищева страшно коробило отъ такого пренебреженія благопристойныхъ формъ. („Сойдемся въ цѣпѣ?... да за кого-же онъ, чортъ возьми, принимаетъ его?“). Но игра была слишкомъ заманчива, чтобы ее сбрасывать изъ-за этого.

— Примѣры исторіи все-таки поучительны, какъ точка опоры для соображенія, продолжалъ онъ, съ трудомъ скрывая глубокой страхъ, который внушалъ ему этотъ, какъ онъ называлъ его послѣ—баши-бузукъ. („Липнетъ еще что-нибудь,“ думалъ онъ, „послѣ чего останется только плюнуть и отойти!“).—Если мы видимъ, что даже могущественныя державы, при шаткомъ финансовомъ положеніи, довольствуются 80-ю процентами съ номинальной суммы..

Шалыгинъ молчалъ, сожалѣя должно-быть, что онъ не могущественная держава. „Уступитъ,“ думалъ онъ. Но его противникъ, не видя нужды терять преимуществъ своего оборонительнаго положенія, которое позволяло ждать, не дѣлалъ ни шагу ему на встрѣчу.

— Большая разница, говорилъ Шалыгинъ, — получить премію сразу въ руки, или ждать медленной ея реализаціи со временемъ—неизвѣстно когда.

Отвѣта однако не было... Кровь его начинала кипѣть.

— Будемъ говорить прямо, сказалъ онъ.—Мнѣ нуженъ миллионъ; а въ наличности у меня всего 100.000.. Если я ихъ отдамъ и получу за нихъ въ ссуду тотъ-же миллионъ, то у меня не хватитъ 10-й части. Вотъ вкратцѣ мое положеніе;—какъ-бы высоко я ни цѣнилъ историческіе примѣры, я не могу его измѣнить.

— Что-жь? Можно прибавить къ ссудѣ сколько потребуется, чтобы миллионъ остался у васъ во всякомъ случаѣ. Но надо знать въ точности сколько, чтобы не блуждать въ потемкахъ... Имѣйте въ виду, что нравственный рискъ лежитъ не на одномъ лицѣ.

Но тотъ въ свою очередь уперся... Дальнѣйшее объясненіе начинало дѣлаться щекотливымъ. Они сидѣли у ломбернаго стола, и Ладищевъ, взявъ въ руки мѣлокъ, написалъ на сукнѣ, какъ-бы въ разсѣянности 200.

— Ваше высокопревосходительство, пощадите! шепнулъ, взмахнувъ отчаянно головою, Шалыгинъ.—Вотъ Богъ свидѣтель, никакъ не могу.

Тотъ стеръ и написалъ: 150.

Отвѣта на это не было, но Шалыгинъ всталъ, какъ-бы отказываясь отъ дальнѣйшихъ переговоровъ, и отошелъ къ окну.

Въ такомъ положеніи ихъ застала хозяйка, вернувшаяся съ Стойницкимъ. Съ одного взгляда на лица ей стало ясно, что дѣло остановилось изъ-за какой-нибудь крупной разницы между спросомъ и предложеніемъ. Но долгій опытъ ее научилъ, что въ такихъ случаяхъ лучше всего оставить обѣ стороны успокоиться и на досугѣ сообразить; послѣ чего, обыкновенно, котораянибудь изъ двухъ сдавалась, или шла на уступки, и соглашеніе достигалось легко.

Со своей стороны и она не потеряла времени даромъ.

Вдвоемъ со Стойницкимъ они уговорили Жухину не требовать слишкомъ многого, въ виду того, что это могло-бы заставить ея компаніона, въ крайности, поступиться службой и стать открыто въ главѣ предпріятія. Набросанъ былъ наскоро черновой проектъ новой сдѣлки, уравнивающей права компаніоновъ, и на другой день утромъ назначена встрѣча въ кассѣ, съ участіемъ юрисъ-консульта въ качествѣ суперъ-арбитра.

— Ухъ, да какая-же выжига! сказала Рогневичъ, покончивъ съ Жухиной.

— А? Что?.. Я вамъ говорилъ!..

— Ну, все равно. Я ей заплатила свой долгъ за ея покойнаго мужа, и больше мнѣ до нея нѣтъ дѣла.

Картежная партія длилась до половины 11-го, послѣ чего наѣхали изъ концерта разныя птицы-пѣвчія и, на смѣну картъ, явилась музыка. Но переговоры по дѣлу Шалыгина больше не возобновлялись и были окончены только черезъ три дня, при посредствѣ Рогневичъ съ одной стороны и Стойницкаго (якобы въ качествѣ юрисъ-консульта банка)—съ другой. Соплились, между нами сказать, на томъ, что банкъ выдаетъ въ ссуду 1.200,000 рублей; но удержать изъ нихъ, залогомъ, проценты впередъ за 6 мѣсяцевъ; а Шалыгинъ заплатитъ Ладищеву скромную „премію“ въ 120,000 рублей и куртажъ—въ размѣрѣ 50,000—Марьѣ Кондратьевнѣ и Стойницкому вмѣстѣ. Посредникамъ—ихъ крохи достались однако не даромъ, такъ какъ съ его высокопревосходительствомъ было много хлопотъ. Онъ трусилъ и обижался, мямлил и маклачилъ до того, что не разъ дѣло казалось уже совсемъ разстроеннымъ, и Стойницкій, котораго оно затруднило больше другихъ, чуть не бросилъ его. Но Марья Кондратьевна, обладавшая большимъ запасомъ опытности и долготерпѣнія, поставила на своемъ и одержала-таки побѣду.

Замолвлено было, между прочимъ, нѣсколько словъ и за Порфирія Ивановича... Юпитеръ сначала и слышать о немъ не хотѣлъ; но когда ему рассказали, въ общихъ чертахъ, загадочные antecedentes дорожного приключенія и намекнули, что Бурдюковъ быть-можетъ не такъ виноватъ, какъ думаютъ, — струсилъ и общалъ подумать. Въ итогѣ Порфирій Ивановичъ былъ прощенъ и остался на службѣ, но его такъ пугнули, что онъ не могъ вспомнить потомъ безъ содроганія о своихъ продѣлкахъ съ „барышней“, и при одномъ ея имени измѣнялся въ лицѣ.

„То-то чай пляшетъ теперь, подлянка, со своимъ „дровокатомъ!“ думалъ онъ. „Радуется, что дешево обошлось! Да и взаправду дешево!.. Кабы моя воля, я бы ей показалъ! Всего только заперъ-бы съ Анной Егоровною вдвоемъ—такъ десять-бы векселей на себя дала, чтобы только двери ей отворилъ!..“

Изъ этого ясно уже его убѣжденіе, что Паша была простая воровка, и какъ такая заслуживала гораздо болѣе строгаго наказанія.

Но онъ весьма ошибался, воображая, что Паша пля-

Этюдъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Томашевича, грав. Пааръ.

сала отъ радости... Ей было не до того. На смѣну душившей ее такъ долго, грубой веревки, явились цѣпи, привязывавшія ее къ освободителю. Онъ былъ челоуѣкъ изъ чужаго ей міра, но онъ приобрѣлъ надъ нею неоспоримыя права и ждалъ отъ нея не денегъ, не дружбы и благодарности; нѣтъ, онъ прямо далъ ей понять, что онъ заслужилъ другую награду. Онъ требуетъ, чтобы она отдалась ему вся, на всю жизнь, и требованіе свое онъ предъявилъ одновременно съ доказательствомъ, что въ ея положеніи ей не осталось другаго исхода... Это пахивало уже профессіей; да и не это одно пугало Пашу. При всемъ своемъ увлеченіи, она хорошо понимала, что, ставъ женою его, она должна разорвать навсегда со своимъ прошлымъ.. Привольная сельская жизнь, которую она такъ любила, старуха - мать, покинутая въ преклонныхъ лѣтахъ, друзья съ которыми она такъ сжилась, золотыя мечты первой молодости—со всѣмъ ей пришлось бы разстаться!.. Пришлось-бы начать другую, новую жизнь, среди чуждой ей атмосферы, которая, какъ ни твердо вѣровала она въ своего избавителя, сама по себѣ была не мила и не внушала ей никакого довѣрія. Это была атмосфера шиканы и уголовщины, сдѣлокъ со своею совѣстью, преслѣдованія несчастныхъ запутавшихся въ сѣтяхъ формальнаго правосудія и оправданія явной неправоты.

Но больше всего пугало ее сознание, что голова у нея начинаетъ кружиться и что она не въ силахъ долѣе совладать съ собой. Бывали минуты когда ее вдругъ охватывало что-то слѣпое и буйное, чего никакіе страхи

не въ силахъ были уговорить, и тогда ее начинало тянуть къ нему. Тогда она спрашивала себя въ смущеніи: чего еще ждать?.. Если она такъ страстно любить его, то зачѣмъ дразнить себя сожалѣніями о томъ чего уже болѣе не вернешь?.. Если ея ребяческія мечты не сбылись, то не должна-ли она принять покорно то что ей посылаетъ судьба, и быть благодарною?... Ей стыдно и страшно и голова уже идетъ кругомъ при мысли о томъ что ждетъ ее если она однажды ступитъ на этотъ путь; но это быть-можетъ ребяческій страхъ, и всячески: что-же ей дѣлать если у ней нѣтъ выбора?... Какой-то вихорь охватывалъ дѣвушку, когда она приходила къ такимъ вопросамъ: разсудокъ и воля отказывались служить..

Опять на нее нападала тоска одиночества, а между тѣмъ, повидимому, она уже далеко не одна. Аннетъ была тутъ и Паша встрѣчала Стойницкаго почти каждый день, въ правленіи. Онъ казался ей огорченнымъ и горячо звалъ къ себѣ. Дѣвушка вспыхивала какъ порохъ, и опускала глаза, обѣщала придти;—но не шла. Что-то легло между ними, что положило конецъ старой ихъ искренности. Она боялась теперь его, и боялась себя,—себя еще болѣе чѣмъ его.

Все это становилось день-ото-дня мучительнѣе.. Разъ, поутру, въ уныніи, Паша сѣла писать, но напрасно искала словъ, подходящихъ хоть сколько-нибудь къ тому что дѣлалось у нея на сердцѣ.. Нѣсколько разъ она рвала написанное;—наконецъ бросила, уѣхала къ Аннѣ Григорьевнѣ и рассказала ей все.

(Продолженіе будетъ).

Загадка.

(Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ).

О. Чюминой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Княгиня Татьяна Васильевна Вольская.

Княжна Варвара Николаевна (Вавѣ)—дочь ея, 20-ти лѣтъ.

Петръ Петровичъ Гречищевъ—тамбовскій землевладѣлецъ, служить въ земствѣ, лѣтъ 35-ти.

Марья Павловна—жена его, подруга княжны по институту.

Князь Юрій Павловичъ Агаринъ—молодой, ученый археологъ.

Солнцевъ—предсѣдатель земской управы.

Павленковъ—земскій врачъ, толстякъ, лѣтъ 50-ти.

Баронесса фонъ-Штраль.

Зоя—дочь ея.

Гриша—мальчикъ лѣтъ 16-ти, служащій у Гречищевыхъ, сонный и неповоротливый.

Семенъ—лакей княгини.

Первое дѣйствіе происходитъ въ тамбовской усадьбѣ Гречищевыхъ, въ февралѣ; второе—въ Павловскѣ, въ половинѣ юля.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Сцена представляетъ гостиную въ усадьбѣ, меблированную довольно богато, но отчасти старомодно. Въ глубинѣ сцены—сходная дверь, направо отъ зрителя—дверь ведущая въ столовую, налево—во внутреннія комнаты. Между прочимъ мебелью—горка, уставленная стариннымъ серебромъ и фарфоромъ.)

Явленіе I.

Гречищевъ, Марья Павловна, Вавѣ и Гриша.

При поднятіи занавѣсы княжна Вавѣ сидитъ на диванѣ и вышиваетъ по кантѣ, Гречищевъ на креслѣ возлѣ нея. Марья Павловна достаетъ изъ горки фарфоръ и вытираетъ его полотенцемъ, затѣмъ передаетъ Гришѣ.

Марья Павловна (Гришѣ).

Ну вотъ неси... Да только не разбей...

Гриша.

Зачѣмъ разбить?..

Марья Павловна.

И соусомъ гостей

Смотри не обливай на этотъ разъ...

Гриша (обидясь).

Какъ можно!

Я всегда...

Марья Павловна (видя, что посуда колеблется у него въ рукахъ).

Держи!

Гриша.

Стараюсь... осторожно...

(Роняетъ нижнюю тарелку).

Марья Павловна.

Ну вотъ! Оставь... Потомъ. Хоть эти-то спеси

На мѣсто въ цѣлости; да повара спроси,

Не нужно ли чего.

(Гриша уходитъ въ столовую, затѣмъ возвращается, чтобы подобрать осколки, и снова уходитъ).

Марья Павловна.

Присѣсть хоть на минутку!

Измучилась... Повѣришь ли, Вавѣ, что просто у меня кружится голова. (Садится).

Вавѣ (улыбаясь).

Да ты стараешься, какъ видно, не на шутку?

Марья Павловна.

Еще бы! Вѣдь обѣдъ для земцевъ... дѣловой.

Гречищевъ.

Мы будемъ толковать объ интересахъ края.

Вавѣ (насмѣливо).

Сухія пренія шампанскимъ запивалъ?

Гречищевъ.

Позвольте-съ... Дѣло есть. Хотимъ идти войной на мѣстныхъ кулаковъ. Хлопочутъ по уѣзду пять школъ закрыть, такъ къ будущему съѣзду Готовлю имъ отпоръ, и вотъ собираю полкъ Соратниковъ.

Вавѣ.

Дай Богъ, чтобы вышелъ толкъ.

Марья Павловна (княжнѣ).

А знаешь, твоему внезапному пріѣзду мнѣ просто до сихъ поръ не вѣрится... Ну, да!

Чтобы ты—княжна Вавѣ, красавица, звѣзда

И баловень большаго свѣта—

Чтобы ты теперь, зимой пріѣхала сюда,

Въ такую глушь!.. Да какъ могла на это

Княгиня дать согласіе свое?

Вавѣ (съ веселымъ смѣхомъ).

Ахъ, бѣдная маман! мнѣ, право, жаль ее!

Хотя сама она отчасти виновата:

Далъ ей этотъ графъ! Съ восхода до заката

Я слышала одно: „Un si brillant parti,

Совсѣмъ еще не старъ, богатъ и на пути

Къ высокой должности! Да мнѣ-то что за дѣло!

Пусть выберутъ его зулусскимъ королемъ

Иль римскимъ папою—чтобы только я о немъ

Не слышала! И такъ мнѣ это надоѣло,

Что я въ концѣ-концовъ рѣшилась на побѣгъ
И вотъ свалилась къ вамъ, какъ на голову снѣгъ!
Гречищевъ.

Безъ разрѣшенія?

Вавà.

О, нѣтъ! Какъ это можно!
Я—дочь послушная! Узнавъ, что непреложно
Мое рѣшеніе—тапап, не безъ труда,
Но согласилась!

(Обращаясь къ Марьѣ Павловнѣ).

Ты знаешь: я всегда
Поставлю на своемъ... Особенное свойство!
А бѣдную тапап терзаетъ безпокойство:

Она тревожится, боясь,
Чтобъ нигилистомъ я какимъ не увлеклась
Въ глуши, хоть я клялась, что нынче радикаловъ
Мы знаемъ изъ однихъ лишь англійскихъ журналовъ
И что порода ихъ совсѣмъ перевелась...

Явленіе II.

Тѣ же и Гриша.

Гриша *(Марьѣ Павловнѣ)*.

Васъ поваръ требуетъ.

Марьѣ Павловнѣ *(разсмѣявшись)*.

А! Требуетъ? Сейчасъ.
(Къ княжнѣ). Pardon!

(Уходитъ съ Гришей).

Гречищевъ.

А знаете, Варвара Николаевна,
Ужъ я бы жениха напелъ по вкусу вамъ,
Да жаль, что по чужимъ онъ шляется краемъ...

Вавà.

И вы туда же?.. Вотъ забавно!

Гречищевъ.

Князь Юрій Павловичъ Агаринъ. Молодецъ
И умница и все... Хоть завтра подъ вѣнецъ!
Одно бѣда: онъ боленъ и упорно
Двумя недугами.

Вавà.

Благодарю покорно!
Вотъ выбрали! Не психопатъ-ли онъ?

Гречищевъ.

Нѣтъ.

Вавà.

Можетъ скорбію гражданской зараженъ?

Гречищевъ.

Не тѣ, княжна. Не угадали.

Вавà *(съ притворнымъ ужасомъ)*.

Ахъ, Боже мой! Стиховъ въ какомъ-нибудь журналѣ
Не помѣщаетъ ли вашъ злополучный другъ?

Гречищевъ.

Нѣтъ, миловалъ Господь. Увы, его недугъ—
Археологія и манія скитаній!
Объятый жаждою какихъ-то „изысканій“,
Онъ вѣчно странствуетъ, какъ новый Агасверъ.
Теперь изъ Индіи вернулся, напимѣрь...
Пожалуй и сюда заглянетъ по дорогѣ,
Тогда...

Вавà.

Ну что же мнѣ за прокъ въ археологіѣ?
Онъ вѣрно древностью какой-нибудь плѣненъ...

Явленіе III.

Тѣ же и Марьѣ Павловнѣ.

Марьѣ Павловнѣ *(вбѣгаетъ въ волненіи)*.

Вотъ новая бѣда! Но это просто вонь
Изъ рукъ совсѣмъ! И я... и голову теряю
И кажется съ досады захвораю...

(Бросается въ кресло).

Вавà.

Въ чемъ дѣло?

Гречищевъ.

Объясни, прошу тебя.

Марьѣ Павловнѣ.

Да въ томъ,

Что некому служить сегодня за столомъ!
Мнѣ Аннушка сейчасъ на кухнѣ объявила,
Что тамъ сестра за нею приходила:

Моль, тетка помирать совсѣмъ ужъ собралась...
А та кончается въ году двѣнадцать разъ—
И все жива!

Гречищевъ.

Ну что жъ?

Марьѣ Павловнѣ.

Конечно отпустила.

(Взглянувъ на часы).

Ахъ, Господи! Шестой ужъ часъ
И гости съѣдутся... Серьезно—
Что жъ дѣлать намъ? Искать другую—поздно!

Вавà.

Да, признаюся. Вотъ это такъ сюрпризъ!
Какъ отвратить его?

(Задумывается и вдругъ вскрикиваетъ).

Постой!.. Раввеселись!

Идея! Чудная, блестящая идея!
(Хлопаетъ въ ладоши).

Марьѣ Павловнѣ *(обрадованная)*.

Вавà! Голубушка!

Гречищевъ *(улыбаясь)*.

Держу пари—затѣи.

Вавà *(грозя ему пальцемъ)*.

Безъ дерзостей!

(Важно). Субретка найдена.

И, безъ сомнѣній, окажется она

Вполнѣ пригодною.

Марьѣ Павловнѣ.

Но кто же это, кто же?

Вавà.

Я!

Марьѣ Павловнѣ *(пораженная, всплеснувъ руками)*.

Ты?! Да ты никакъ рехнулась? О, Боже!

Вавà.

Меня не удивилъ неестественный возгласъ твой:
Вѣдь геній не одинъ—и нынче, и въ прошедшемъ—
Своими ближними быть признанъ сумасшедшимъ.
Таковъ законъ природы роковой...

Марьѣ Павловнѣ.

Но ты—княжна Вавà...

Вавà.

Звѣзда большаго свѣта,

Et caetera... Ужъ я слыхала это!

Марьѣ Павловнѣ.

Ты будешь за столомъ прислуживать гостямъ?

Вавà.

Не безпокойся. Все какъ слѣдуетъ подамъ,
И такъ на мальчика смотрѣть сурово буду,
Что онъ замретъ, не смѣя бить посуду...

Марьѣ Павловнѣ.

Вѣдь земцы-то совсѣмъ разинуть ротъ
При взглядѣ на тебя!

Вавà.

Тѣмъ лучше. Недочетъ

Случись какой-нибудь, къ несчастію, въ обѣдъ—
Они не разглядятъ. А къ мудрой ихъ бесѣдѣ
Я и прислушаюсь...

Марьѣ Павловнѣ *(съ отчаяніемъ, мужеу)*.

Скажи жъ ей, наконецъ,

Что этого нельзя!

Гречищевъ *(смѣясь)*.

Княжна такой боецъ—

Кто съ нею справится?

Вавà.

Отлично. Bravo, bravo!

(Марьѣ Павловнѣ).

Ну, не упрямься же... Вѣдь не отстану, право.
Я въ роли горничной произвела фуроръ
Прошедшею зимой у принца на спектаклѣ,
И я узнать хочу: у васъ въ Тамбовѣ такъ-ли
Любезна публика? Доставь-ка мнѣ „уборъ“—
Передникъ бѣлый и...

(Улышекъ звонко).

Марьѣ Павловнѣ *(переполошившись)*.

Пріѣхали! Прекрасно!

Вавà *(весело)*.

Звонокъ намъ подаетъ случайный режиссеръ!
Пора въ уборную!

(Бѣжитъ къ двери).

Марьѣ Павловнѣ *(бѣжитъ за ней)*.

Вавà, я не согласна!

Вавà, послушай же!

Вавà *(убѣгая)*.

Не слышу ничего!

(Марьѣ Павловнѣ смѣдуетъ за ней).

Явленіе IV.

Гречищевъ и князь Юрій.

Гречищевъ *(при видѣ входящаго Юрія)*.

Ба! Вотъ сюрпризъ! Кто

Я вижу предъ собой? Обнимемъся, дружище!

Кн. Юрій *(весело)*.

Не ждалъ?

Гречищевъ.

Да какъ сказать? Ты штуки и почище

Откалывалъ, и съ Нила береговъ,

Я помню, „по пути“ являлся къ намъ въ Тамбовѣ.

Кн. Юрій.

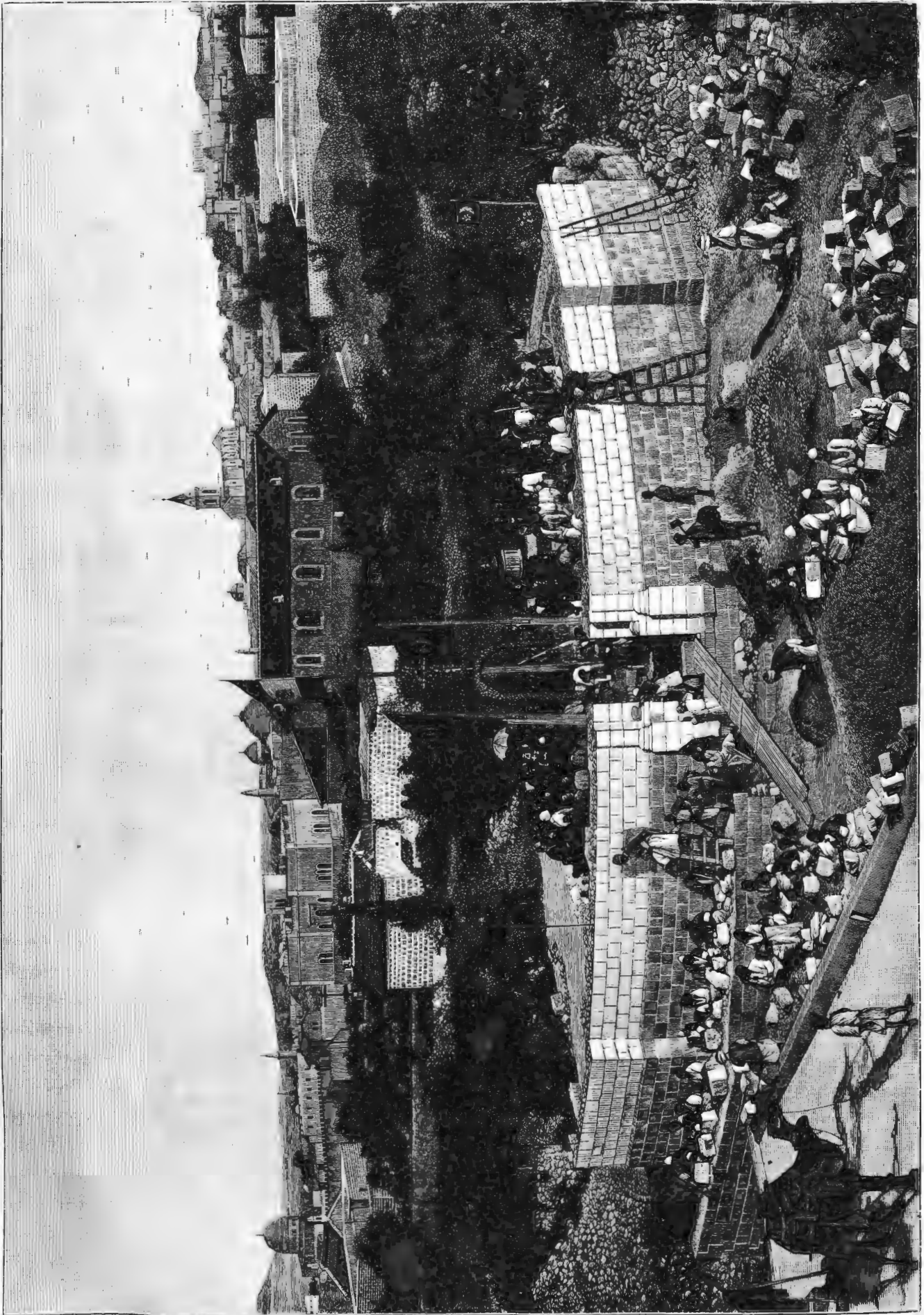
Что Марьѣ Павловнѣ? Здорова?

Гречищевъ.

Безъ сомнѣній.

Степной табунъ. Рис. С. Айдукевича, грав. Геданъ.

Построєніе Абиссинскаго храма въ Іерусалимѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Захлопоталась тамъ.

Кн. Юрій (*оглядываясь*).

Ахъ, да, приготовленья

Какія-то у васъ... Я кажется попалъ...

Гречищевъ.

На дѣловой обѣдъ.

Кн. Юрій (*умбалься*).

На земское кормленье?

Такъ ты попрежнему — ораторъ, либераль

И занять массою какихъ-то важныхъ плановъ?

Гречищевъ.

Какъ ты — раскопкою нетронутыхъ кургановъ.

Кн. Юрій (*сметется*).

Нашелся!

Гречищевъ.

Да, скажи, ты къ помочи шамановъ
Сибирскихъ прибѣгалъ?

Кн. Юрій.

Зачѣмъ?

Гречищевъ.

Чтобъ твой недугъ —

Археологію они, мой бѣдный другъ,

Уврачевать могли.

Кн. Юрій.

И твой недугъ едва ли

Сельскохозяйственный они-бъ уврачевали...

Гречищевъ.

Нашелъ сравненіе! Вѣдь тутъ вопросъ живой,

Всѣмъ нужный! А въ пыли копаться въковой...

Явленіе V.

Тѣ же и Марья Павловна.

Марья Павловна (*увидавъ князя*).

Ахъ! Юрій Павловичъ! Какими вы судьбами?

Кн. Юрій (*цѣлуетъ ея руку*).

Спѣшилъ, вернувшись, увидѣться съ друзьями.

Марья Павловна.

Надолго-ль къ намъ?

Кн. Юрій.

Къ несчастію, дня два

Могу пробить всего.

Марья Павловна (*въ сторону*).

Несносная Вавъ!

(*Громко*). Ну, это поглядимъ... Простите, я болтаю...

Гречищевъ.

И гостю предложить забыли даже чаю.

(*Кн. Юрію*) Иль лучше закусить, съ дороги-то?

Кн. Юрій.

Потомъ.

А чаю попрошу.

Гречищевъ (*Марья Павловнѣ*).

Маруся, съ коньячкомъ!

Марья Павловна.

Сейчасъ распоряжусь. (*Уходитъ*).

Гречищевъ.

Теперь въ свое имѣнье

Заѣхать думаешь?

Кн. Юрій.

Не знаю. Я давно

Въ Отрадномъ не бывалъ.

Гречищевъ.

А золотое дно

Имѣнье было бы при лучшемъ управленьи.

Да вотъ какъ женишься...

Кн. Юрій.

Кто это? Я женюсь?

Гречищевъ.

Конечно ужъ не я.

Кн. Юрій.

Да лучше утоплюсь!

Гречищевъ (*невозмутимо*).

Какъ женишься — тютю твои курганы!

Забудешь, братецъ мой, и про чужія страны!

Явленіе VI.

Тѣ же и Вавъ (*съ чайнымъ подносомъ*).

Вавъ (*идетъ къ кн. Юрію, который*

во весь глаза смотритъ на нее,

пораженный ея наружностью.

Гречищевъ, поспыиваясь про се-

бя, наблюдаетъ за нимъ. Нѣмая

сцена).

Вавъ (*кн. Юрію, который маши-*

нально беретъ стаканъ).

Чего прикажете? Вотъ ромъ, а вотъ коньякъ.

Кн. Юрій (*продолжая смотреть на*

нее, въ замѣшательствѣ).

Благодарю васъ... мнѣ... Я... я... я вынью такъ.

(*Едва не роняетъ стаканъ*).

Вавъ (*подавъ чай Гречищеву, уходитъ*).

Гречищевъ (*въ сторону*).

Ай да княжна! Совѣмъ археолога

Смутила кажется...

Кн. Юрій (*послѣ ея ухода, въ волненіи*).

Скажи мнѣ, ради Бога,

Кто эта дѣвушка?

Гречищевъ.

Какал?

Кн. Юрій.

Что сейчасъ

Намъ подавала чай? Клянусь, подобныхъ глазъ

Я и не видывалъ! Глаза такіе рѣдки...

Гречищевъ (*хохочетъ*).

Не правда ль, хороши тамбовскія субретки?

Кн. Юрій.

Субретки? Я скорѣй подумалъ бы — княжна!

Гречищевъ (*въ сторону*).

Ай, ай!

(*Громко*). Да, дѣвочка конечно недурна...

(*Слышенъ звонокъ, Вавъ бѣжитъ черезъ сцену въ переднюю*).

Явленіе VII.

Тѣ же и Павленковъ.

Гречищевъ (*идетъ къ нему на встрѣчу*).

Сергѣй Степановичъ! Ну, все ли слава Богу?

Что Анна Марковна?

Павленковъ.

Хлопочетъ понемногу.

Просила кланяться.

Гречищевъ (*указывая на князя*).

Мой другъ — археологъ

Князь Юрій Павловичъ Агаринъ.

Павленковъ (*рекомендуясь самъ*).

Павленковъ. Земскій врачъ. Да, очень популяренъ.

Вашъ новый трудъ. Читалъ-съ.

(*Жмутъ другъ другу руки*).

Гречищевъ (*Павленкову*).

А нашъ-то городокъ

Вновь отличается. Аршинники-то эти

Все шире, знай, раскидываютъ сѣти...

Ты слышалъ...

Павленковъ (*перебивая*).

Ахъ, оставь. Скажи-ка лучше намъ,

Гдѣ ты нашелъ красавицу такую?

Прелестнѣйшій субъектъ...

(*Цѣлуетъ кончики пальцевъ*).

(*Звонокъ. Вавъ опять бѣжитъ въ переднюю*).

Гречищевъ.

Красавицу? Какую?

Павленковъ.

Да горничную! А!

(*Увидя входящаго Солнцева*).

Иванъ Лукьяновичъ самъ?

Явленіе VIII.

Тѣ же и Солнцевъ.

Солнцевъ (*здороваясь съ хозяиномъ и*

съ Павленковымъ).

Не опоздалъ?

Гречищевъ.

Нѣтъ, нѣтъ.

Солнцевъ.

А тамъ валять гурьбою —

Пять трошекъ и возокъ!

(*Отводитъ Гречищева въ сторону*).

Ну, поздравляю, братъ!

Гречищевъ (*съ живостью*).

А? Что? Рѣшеніе на сѣздѣ утвердятъ?

Солнцевъ (*махнувъ рукой*).

Ты о рѣшеньи все... А я совѣмъ другою

Статьею поглощенъ. Глазенки-то горять!

Вотъ такъ и искрятся...

Гречищевъ.

Да это у кого же?

Солнцевъ.

У горничной.

Гречищевъ (*отмахиваясь*).

Ну васъ! Твердятъ одно и то же!

Вы не знакомы, господа?

Иванъ Лукьяновичъ, управы председатель.

(*Рекомендуя*). Князь Юрій Павловичъ Агаринъ, мой пріятель.

Солнцевъ (*очень любезно*).

Вы — авторъ „Древностей“?

Кн. Юрій (*увидавъ Вавъ, идущую изъ*

столовой, слѣдитъ за ней

глазами, разсѣянно).

Я, кажется... да, да.

Солнцевъ (*отводитъ хозяина*).

Онъ не того?

(*Киваетъ головой на кн. Юрія, дотрогиваясь пальцемъ до сво-*

Гречищевъ.
А что?
Солнцевъ.
Глаза совсѣмъ шальные,
Гречищевъ (смѣясь).

Нѣтъ, раньше не было.
(Ко восьмъ гостямъ).

Въ столовую пока
Прошу васъ—заморить немного червячка...
А тамъ, гляди, подѣбдутъ остальные.
(Всѣ идутъ въ столовую, сцена остается нѣкоторое время
пустою).

Явленіе IX.

Марья Павловна, потомъ Вавѣ.
Марья Павловна (выглядывая изъ двери).
Ушли въ столовую, должно быть. Никого.
Вавѣ (выходя изъ столовой).

А представленіе-то наше каково?
Я даже не ждала подобнаго уснѣха!
Марья Павловна.
Оставь, пожалуйста. Мнѣ право не до смѣха.
Что дѣлать намъ? Князь Юрій на два дня
Пріѣхалъ.

Вавѣ.
Ну, такъ что жъ? Я скроюсь за кулисы,
Какъ дѣлаютъ и прочія актрисы.
Марья Павловна.

На это я и злуюсь.

Вавѣ.
Напрасно. Оцѣни
Мои достоинства какъ горничной — въ меня
Влюбился умникъ твой.

Марья Павловна.

А ты?
Вавѣ (со смѣхомъ).

Еще не знаю.
Я земцевъ кажется пока предпочитаю!
(Вдругъ одѣвшись серьезно).

Нѣтъ, шутки въ сторону. Приятно знать, что онъ, —
Ты понимаешь-ли?—въ меня саму влюбленъ,
Увлеченъ бѣдною служанкой,
А не княжной Вавѣ — завидною приманкой
Для свѣтскихъ жевиховъ...

Явленіе X.

Тѣ же и Гриша (съ большимъ блюдомъ пирожковъ).
Гриша.

Нести къ столу ихъ, что-ль?

Марья Павловна.

Не опрокинь дорожку...

Вавѣ.

Позволь!

Ужъ лучше я сама.
(Беретъ у него блюдо, смываетъ сильный звонокъ).

А ты бѣги живѣе

Въ переднюю! Звонять.

Марья Павловна.

Съ тобою мнѣ бѣда!

Вавѣ.

Ну, ну не хмурься же... гляди повеселѣе.
(Распахиваетъ дверь въ столовую)

Давайте занавѣсь! Мой выходъ, господа!
(Торжественно удаляется, неся блюдо. Марья Павловна всплескиваетъ руками. Въ передней раздаются звонокъ за звономъ).

Конецъ 1-го дѣйствія.

(Оконч. въ слѣд. №).

Канарейка и уходъ за нею.

Очеркъ Л. Гашерта.

Болѣе трехсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ канарейка была вывезена за предѣлы своей родины и приобрѣла права всемірнаго гражданства. Перенесенная въ Европу, канарейка, благодаря искусственному подбору, значительно измѣнила свой первоначальный видъ и приняла золотисто-желтую окраску, вмѣсто зеленоватой, какую и до сихъ поръ сохранили ея дикіе родичи на Канарскихъ островахъ. Живущая въ дикомъ состояніи, канарейка нѣсколько меньше прирученной, но стройнѣе ея; клювъ и ноги дикой канарейки коричневато-тѣлеснаго цвѣта, глаза—темно-каріе, головка, затылокъ, спинка и хвостъ покрыты зеленовато-желтыми перьями, окаймленными болѣе или менѣе широкими свѣтло-пепельными полосками; шея—пепельно-сѣрая, плечи—ярко-зеленыя, съ темными полосками; брюшко—бѣловатое во всю его длину.

Птицу дикой канарейки составляютъ разнаго рода сѣмена, а также зелень — капуста, салатъ и т. п.; наибольшимъ лакомствомъ служатъ для нея зрѣлые плоды фигового дерева. Дикая канарейка уже въ мартѣ мѣсяцѣ начинаетъ вить гнѣздо, искусно сплетая его изъ тонкой травы и растительныхъ волоконъ, и располагая его среди густой листвы молодыхъ деревьевъ. Положивъ до шести яичекъ—свѣтло-зеленыхъ, съ коричневыми крапинками,—самка начинаетъ высиживать птенцовъ, между тѣмъ какъ самецъ развлекаетъ ее своимъ пѣніемъ. Есть мнѣніе, не имѣющее впрочемъ никакого фактическаго основанія, что дикая канарейка поетъ не лучше нашего воробья, чирикание котораго, какъ хорошо извѣстно, не отличается особенной мелодичностью. Напротивъ того, слышавшіе какъ поютъ дикія канарейки, утверждаютъ что пѣніе ихъ тождественно съ пѣніемъ домашнихъ канареекъ, но отличается особою звучностью и красотой.

Съ половины XVI столѣтія канарейка начинаетъ появляться въ Европѣ, въ качествѣ комнатной птицы. Въ началѣ же XVII столѣтія ее начали специально разводить въ Германіи и въ особенности въ Тиролѣ; отсюда канарейка проникла и въ Россію.

Первоначальная пестрая окраска канарейки—зеленая, коричневая, желтая и бѣлая—значительно измѣнилась подъ вліяніемъ климата, пищи, недостатка движенія и воздуха, а также вслѣдствіе искусственнаго подбора. Въ настоящее время существуютъ канарейки всевозможныхъ оттѣнковъ и сочетаній цвѣтовъ. Любитель, желающій разводить птицъ для собственнаго удовольствія, при выборѣ ихъ можетъ, конечно, руководиться личнымъ вкусомъ, но долготѣнній опытъ выработалъ нижеслѣдующія основныя положенія.

Канарейки съ черно-сѣрой или коричневато-сѣрой спинкой, съ желто-зеленымъ брюшкомъ и темно-карими глазами менѣе всего отдалились отъ своихъ дикихъ предковъ; канарейки этой окраски считаются самыми обыкновенными, но зато болѣе сильными и выносливыми. По выносливости, къ нимъ ближе всего подходятъ совершенно зеленыя или съ зелеными пятнами; но эта послѣдняя порода несомна своимъ громкимъ, трескучимъ пѣніемъ. Коричневато-желтыя и золотистыя гораздо сла-

бѣе предыдущихъ разновидностей и менѣе ихъ плодовиты; блѣдно-желтыя же, съ красными глазами, считаются самыми слабыми. Красно-коричневатыя наиболѣе рѣдки и весьма цѣнятся за свою выносливость. Канарейки, отличающіяся стройнымъ корпусомъ и высокими ножками, съ бѣловато-желтымъ тѣльцемъ и солового цвѣта головой, хвостомъ и крылышками, считаются наиболѣе красивыми. Рядомъ съ ними, по красотѣ, можно поставить только золотисто-желтыхъ, съ темною головкой, хвостомъ и крыльями. Самка весьма мало отличается отъ самца, хотя знатоки утверждаютъ, что окраска перьевъ у самца всегда нѣсколько ярче, голова крупнѣе, тѣлце стройнѣе и ноги выше.

Нѣкоторые любители занимаются скрещиваніемъ канареекъ съ другими породами пѣвчихъ птицъ, напр. чижикомъ, щегломъ, коноплянкой и т. п. Происходящее отсюда потомство получаетъ весьма красивое опереніе, но не можетъ похвастаться хорошимъ голосомъ, и мало пригодно для дальнѣйшаго размноженія. Если желательно имѣть превосходнымъ пѣніемъ, слѣдуетъ придерживаться чистой, несмѣшанной породы, но только выбирать самца и самку хорошо поющихъ видовъ. Заставлять молодыхъ канареекъ учиться пѣть у соловьевъ, жаворонковъ, ябликовъ и т. п. — бесполезно, такъ какъ пѣніе это неестественно, а потому скоро забывается.

Важнымъ условіемъ для благоденствія птицы является, конечно, ея кормъ. Чѣмъ пища проще и безыскусственнѣе, чѣмъ болѣе приближается она къ той, какую питаются дикія канарейки, — тѣмъ лучше. Вслѣдствіе неподходящаго корма, птицы или околѣваютъ, или жируютъ и становятся неспособными къ пѣнію и размноженію. Наилучшимъ кормомъ остается рѣнное сѣмя, съ примѣсью канареечнаго. Можно къ сѣмени прибавлять размоченныя крошки сухой булки или какую-нибудь зелень, напр. салатъ, капусту, ручейковый крессъ, и т. д. Не слѣдуетъ только класть зелени (да и вообще корму) больше, чѣмъ можетъ съѣсть канарейка въ одинъ день.

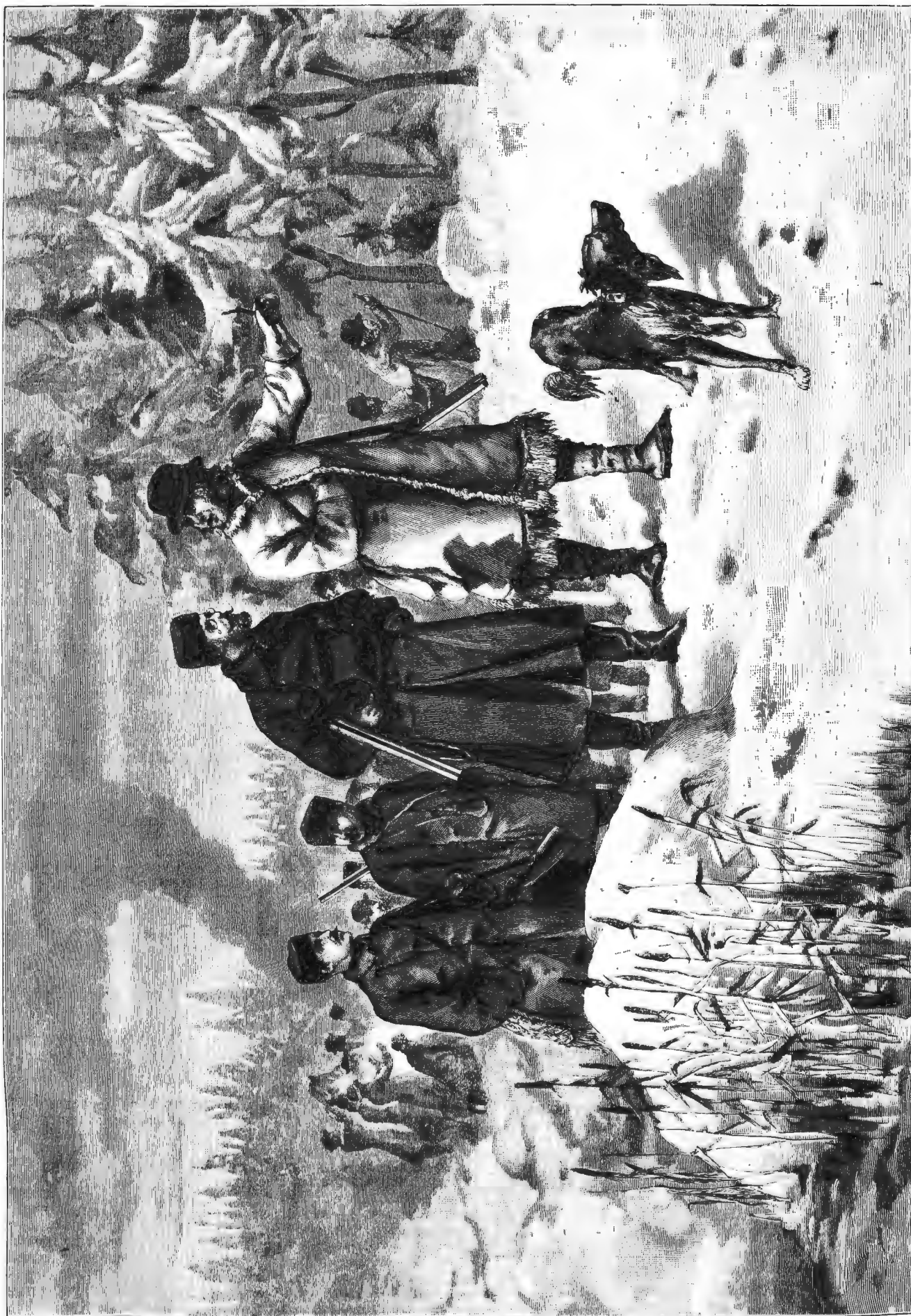
Для питья и купанья слѣдуетъ ставить ежедневно чистую, свѣжую воду, опуская въ нее во время линія итички ржавый гвоздь. По крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю надо чистить кѣтку и посыпать ея дно свѣжимъ пескомъ. Въ садкѣ же, передъ тѣмъ какъ самка начнетъ класть яйца, слѣдуетъ въ песокъ примѣшивать толченой яичной скорлупы, раковинъ или цемента. Въ періодъ выкармливанія молодыхъ птенцовъ не слѣдуетъ вовсе класть зелени и, кромѣ сухаго сѣмени, надо еще ставить чашечку съ размоченнымъ.

Канарейка, безъ вреда для своего здоровья, можетъ выносить температуру 0° и ниже; однако благоразумнѣе держать ее въ обыкновенной комнатной температурѣ (12°—15°) и отъ слишкомъ сильнаго солнца прикрывать кѣтку какимъ-нибудь покрываломъ. Слѣдуетъ остерегаться сквознаго вѣтра чтобы не простудить итичку.

Желая устроить „садокъ“, надо выбрать самцовъ и самокъ, не слишкомъ зажирѣвшихъ. Самокъ полезно выдержать сначала въ одной общей кѣткѣ, дабы онѣ привыкли другъ къ

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ксенія Александровна. Съ фот. Левицкаго, грав. Пааръ.

Наслѣдный принцъ Шведскій на медвѣжьей охотѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бролинга, грав. Шюберъ.

другу и впоследствии в садкѣ жили между собой в мирѣ, не разоряли чужихъ гнѣздъ и не уничтожали яицъ.

Чтобы по возможности сократить то время, когда самецъ не поетъ,—слѣдуетъ его выпускать къ самкамъ только тогда, когда онѣ станутъ носить въ свои гнѣзда разнаго рода мягкіе и волокнистые предметы: нитки, сѣно, шерсть и пр. До свесенія перваго яйца проходить, обыкновенно, отъ шести до восьми дней; въ каждый слѣдующій день, почти въ одинъ и тотъ же часъ, кладется новое яйцо, причемъ общее число ихъ простирается отъ 2 до 6.

Канарейки весьма плодовиты, и случается, что самка начинаетъ заботиться о новомъ гнѣздѣ въ то время, когда прежніе птенцы ея еще не оперились. Поэтому въ садкѣ на каждую самку слѣдуетъ имѣть по два гнѣзда. Гнѣзда полезно посыпать на днѣ тонкимъ слоемъ древесной золы, для предохраненія отъ клещей. Когда птенцы начинаютъ щебетать, уже довольно легко отличить ихъ полъ: самки чирикаютъ коротко и слабо, самцы же болѣе энергично и протяжно. Это время самое удобное для отдачи ихъ въ ученіе къ старымъ пѣвцамъ.

Канарейку легко приучить вылетать на воздухъ и вновь возвращаться въ клетку или садокъ. Но этимъ не слѣдуетъ увлекаться, такъ какъ рѣзко бросающіяся въ глаза птицы могутъ понасть въ когти какого-нибудь хищника, или же прикинуть къ другимъ мелкимъ птишкамъ, скорѣе всего къ коноплянкамъ, и больше не вернуться назадъ.

Канарейка очень умна. Она не только узнаетъ своего хозяина и до нѣкоторой степени повинуется ему, но способна

даже исполнять кое-какіе фокусы. При правильномъ и тщательномъ уходѣ, птичка можетъ прожить до 20 лѣтъ и болѣе. Необходимое условіе ея процвѣтанія — простая, натуральная пища, чистый воздухъ, отсутствіе сквознаго вѣтра, солнечный свѣтъ и возможно большая свобода. Если птичка захвораетъ, то не слѣдуетъ черезчуръ много мудрить съ ея леченіемъ, а употреблять только самыя простыя средства. При чистотѣ, которая характеризуется сыпью на головѣ и вокругъ глазъ, достаточно лишь строже соблюдать вышеуказанныя общія условія, чтобы птичка выздоровѣла. Во время высиживания птенцовъ, канарейка-самка подвергается иногда особенной болѣзни, выражающейся обильнымъ потомъ, особенно на брюшкѣ. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обмывать брюшко соленой водой, черезъ нѣсколько минутъ споласкивая чистой, и просушивать вымытую птичку на солнцѣ, во избѣжаніе простуды. Операцию эту продѣлывать надо не больше двухъ разъ въ день. Черезъ нѣсколько дней птичка здорова. Чрезмѣрное отростаніе когтей и клюва устраняется острыми ножницами. Надо только остерегаться слишкомъ коротко обрѣзывать когти, чтобы птица не потеряла много крови и не захромала. Если послѣ линія самецъ лишается голоса и перестаетъ пѣть, ему даютъ легкую пищу, какъ молодымъ птенцамъ, прибавляя немного сѣмянъ салата. Благодаря красотѣ и пріятному, мелодичному пѣнію, канарейка сдѣлалась довольно выгоднымъ предметомъ торговли, особенно въ Германіи; въ настоящее время она распространилась почти повсемѣстно и можетъ считаться однимъ изъ домашнихъ друзей человѣка. (С.)

Къ рисункамъ.

Охота на медвѣдя. (Рис. на стр. 256 и 257).

Большой рисунокъ Н. Н. Каразина изображаетъ заключительную сцену той лѣсной эпопеи, начало которой было помѣщено въ прошломъ № „Нивы“. Большинство людей не бывавшихъ на медвѣжьей облавѣ, представляютъ ее себѣ такъ, что поднятый медвѣдь неохотно вылезаетъ изъ берлоги, завидя охотниковъ громко реветъ, поднимается на заднія лапы и лѣзетъ на кого-нибудь изъ стрѣлковъ или прямо на рогатину. Ничего подобнаго обыкновенно не бываетъ. Медвѣдь выскакиваетъ быстро, какъ снарядъ изъ пушки, въ цѣломъ облакѣ снѣговыхъ комьевъ и морозной пыли, и стремглавъ мчится по нумерамъ, едва мелькая въ снѣгу и кустикахъ, такъ что только привычный и хороший стрѣлокъ можетъ вѣрно взять его на прицѣлъ. Въ случаѣ промаховъ медвѣдь уходитъ безъ оглядки такъ же быстро какъ появился. Только раненый онъ останавливается и затѣмъ кидается на стрѣлка, далеко не всегда поднимаясь на заднія лапы. Большею частью онъ несется вскачь, повуривъ голову, и сшибая охотника съ ногъ толчкомъ, подминаетъ его подъ себя. Поднятая же на заднія лапы обыкновенно заставляютъ собаки, простые дворняжки, прирученныя хватать его за шкуру. Другое дѣло медвѣдица съ медвѣжатами—та непременно ползаетъ на стрѣлка, защищая дѣтей. Этотъ случай и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Маленькіе медвѣжата, выскочивъ изъ берлоги за матерью, обыкновенно тотчасъ лѣзутъ на деревья и сидятъ тамъ притаившись, до тѣхъ поръ пока ихъ не перестрѣляютъ одного за другимъ или не возьмутъ живьемъ. Пѣтунь же всегда бѣжитъ за медвѣдицей. На рисункѣ онъ уже кувырнулся подъ мѣткимъ выстрѣломъ одного изъ охотниковъ. Другой стрѣлокъ, ближе къ лѣвой сторонѣ рисунка, или промахнулся по медвѣдицѣ или слегка ранилъ ее, и потому, бросивъ штуцеръ, хватаетъ запасный изъ рукъ подручнаго, чтобы встрѣтить ее новую пулей, или послать зарядъ въ догонку.

Этюдъ. (Рис. на стр. 261).

Какъ у французской маркизы временъ Людовика XVI, падаютъ роскошные свѣтлые волосы цѣлымъ каскадомъ „колецъ и виѣсокъ“ на бѣлую шею красавицы, задумчиво смотрящей своими темными глазами. Этюдъ нашего русскаго художника, г. Томашевича, смѣло можетъ быть поставленъ на ряду съ другими типами красавицъ, часто изображаемыхъ лучшими заграничными рисовальщиками.

Ловля лошадей въ степи. (Рис. на стр. 264).

На многія версты мирно и ровно тинутся степи въ Галиціи, Угорской Руси и Южной Россіи; иногда подолгу глазъ не встрѣчаетъ ни дерева, ни кусточка, на которомъ онъ могъ бы отдохнуть отъ утомительнаго однообразія окружающаго степной шири. Только изрѣдка попадается какаля-нибудь постройка или табуны полудикихъ коней оживляютъ картину. На нашемъ рисункѣ изображено, какъ ловкій съ малолѣтства наѣздникъ отвлечь заранѣе намѣченную лошадь отъ табуна и, набросивъ ей на шею арканъ, старается удержать непокорное животное, — чтобы затѣмъ, отвезти его домой, вывѣдить для домашняго обихода или на продажу.

Построеніе новаго Абиссинскаго храма въ Іерусалимѣ. (Рис. на стр. 265).

Газетныя извѣстія о русской миссіи, отираившейся на Рож-

дествѣ въ Абиссинію, сообщали, что начальникъ ея, о. Паисій, въ Суэцѣ встрѣтился съ Абиссинскимъ абунуо или духовнымъ лицомъ, отправлявшимся по порученію негуса Іоанна въ Іерусалимъ для освѣщенія новаго Абиссинскаго храма въ градѣ Давида. Построеніе этого храма и изображено на нашемъ рисункѣ.

Абиссинцы — давнишніе гости Іерусалима; ихъ небольшой и бѣдный храмъ, окруженный кельями нѣсколькихъ абиссинскихъ монаховъ, примыкаетъ къ величайшей святыни христіанскаго міра, храму Воскресенія, и находится рядомъ съ русскимъ мѣстомъ, на которомъ Православнымъ Палестинскимъ обществомъ, на средства его Августѣйшаго предѣдателя, производится раскопки и сооружается величественное зданіе; не блещетъ позолотою и дорогими украшениями храмъ выходцевъ Габеша, но онъ богатъ усердіемъ кучки монаховъ, отстаивающихъ при всей своей бѣдности уголокъ святой земли на мѣстѣ Іерусалима и нѣсколько святынь, принадлежащихъ издревле абиссинцамъ. Порою небольшіе подарки негусовъ Абиссиніи поддерживаютъ скудное существованіе бѣдной монашеской братіи, но въ общемъ кучка эіопскихъ иноковъ и Абиссинскій монастырь — самая бѣдная христіанская община въ Іерусалимѣ, почти не имѣющая другихъ прихожанъ кромѣ рѣдкихъ паломниковъ, приходящихъ изъ далекаго Габеша.

Правда, религиозное ученіе абиссинцевъ нѣсколько разнится отъ исповѣданія коптовъ Египта, но все-таки догматика обоихъ вѣроученій настолько сходна, что коптскій патріархъ Александріи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и духовный глава Абиссинской церкви. „Абиссинскіе монофизиты, слѣдующіе ученію Евтихія, отличаются отъ православныхъ и католиковъ тѣмъ, что признаютъ въ Іисусѣ Христѣ одно только естество, а Духа Святаго исходящимъ отъ одного только Бога Отца. Впрочемъ, Христосъ, хотя сдѣлавшійся человекомъ, тѣмъ не менѣе остался Богомъ для абиссинцевъ, благодаря приписываемому Ему „двойному“ или „тройному“ рождеству. Въ общемъ все-таки абиссинцы считаютъ сами себя гораздо ближе къ греческой, чѣмъ къ другимъ христіанскимъ церквамъ — и вотъ причина, почему далекая Эіопія такъ любовно смотритъ на великую Россію, ставшую преемницею Византіи и покровительницею истинной вѣры, какъ на свою единственную могучую сестру. По этой причинѣ Абиссинія всегда пыталась поддерживать связи съ Россіею и еще недавно присылала своихъ пословъ на торжество 900-лѣтія крещенія Россіи.

Новый абиссинскій храмъ, возводимый въ Іерусалимѣ на щедрія пожертвованія негуса Іоанна, построенъ не въ самыхъ стѣнахъ Града Давида, а въ такъ-называемомъ „новомъ Іерусалимѣ“, т. е. кварталѣ европейцевъ. На нашемъ рисункѣ надѣво вверхъ видѣются стѣны Іерусалима; въ самомъ углу высится черный куполъ Омаровой мечети, стоящей на мѣстѣ храма Соломона; посерединѣ рисунка у флага мачты виденъ плоскій куполъ храма Воскресенія, еще правѣ видны различныя европейскія постройки, новая арабская церковь, русскія зданія и церковь св. Троицы, стоящая на мѣстѣ, откуда нѣкогда грозилъ Титъ бунтующему городу Іерусалиму. Мѣсто новаго абиссинскаго храма выбрано очень удачно; на нашемъ рисункѣ видна черновая работа кладки стѣнъ новаго храма; внутри воздвигнутыхъ стѣнъ уже собралась кучка абиссинскихъ монаховъ со своимъ абунуо и группой европейскіхъ гостей, присутствующихъ на молебствіи по случаю закладки храма.

Въ настоящее время постройка подвинулась довольно да-

леко, и по всей вѣроятности, въ скоромъ времени европейскій кварталъ Иерусалима украсится храмомъ, въ которомъ соберутся всѣ сыны малой числомъ эіопской церкви.

Наслѣдный принцъ Шведскій на медвѣжьей охотѣ.

(Рис. на стр. 269).

Въ pendant къ изображенной бойкою кистью Н. Н. Каравина, русской облавѣ на медвѣдей, прилагаемъ рисунокъ нашего сотрудника, памятнаго столичному обществу долгимъ своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ и блестящими иллюстраціями петербургской жизни, г. Бролинга, который теперь, поселясь въ Швецію, прислалъ намъ эту охоту на крайнемъ Сѣверѣ Европы. Наслѣдный принцъ Шведскій—стрѣлокъ первой руки; онъ никогда не даетъ промаха и становится на номеръ всегда одинъ, что на медвѣжьей охотѣ крайне опасно. Рисунокъ г. Бролинга изображаетъ принца на пути къ берлогу, запросто бесѣдующимъ съ крестьяниномъ-проводникомъ.

Н. Н. Фигнеръ и Медея Мей (Фигнеръ) въ роляхъ Отелло и Дездемоны. (Портр. на стр. 272).

Въ прошломъ году, прилагалъ портреты всѣхъ выдающихся пѣвцовъ русской оперы въ Петербургѣ, въ томъ числѣ Н. Н. Фигнера и г-жи Медеи Мей (по мужѣ Фигнеръ), мы сопроводили ихъ подробными биографическими свѣдѣніями. Съ тѣхъ поръ успѣхъ артистической четы въ Петербургѣ и Москвѣ упрочилъ ей славу въ обѣихъ столицахъ. Артистъ всѣми фибрами души, Фигнеръ неподражаемъ во фразировкѣ и передаетъ самыхъ тонкихъ оттѣнковъ чувства. Онъ глубоко вдумывается въ каждую роль и создаетъ ее во всѣхъ отношеніяхъ—вокальномъ, драматическомъ и пластическомъ, являясь то типичнымъ гугенотомъ Вареоломеевской ночи, то русскимъ помѣщикомъ двадцатыхъ годовъ, то древне-египетскимъ полководцемъ, то наконецъ ревнивымъ венеціанскимъ мавромъ. Последняя роль, Отелло, лучшая въ репертуарѣ Фигнера, обратила на него при исполненіи въ Миланѣ вниманіе самого Верди (автора оперы), сказавшаго при этомъ, что по одной этой роли можно признать Фигнера высокоталантливымъ артистомъ. Что касается г-жи Медеи Мей, для которой съ замужествомъ Россія стала какъ бы вдвойнѣ новымъ отечествомъ, то эта первоклассная пѣвица чрезвычайно серьезно относится къ русскому искусству, изучая нашъ языкъ со всѣмъ тщаніемъ и дѣлая въ этомъ направленіи поразительные успѣхи. Еще въ прошломъ году она пѣла силовъ по итальянски „Отелло“, гдѣ она исполнила роль Дездемоны, была первою оперою, въ которой она пѣла по-русски; затѣмъ Петербургъ слышалъ ее въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (Татьяна), а въ будущемъ году всѣ ея партіи будутъ исполняться на русскомъ языкѣ. Поклонникамъ этой артистической четы, поднимающей уровень русской оперы въ Петербургѣ, конечно пріятно будетъ узнать, что участіе ея въ спектакляхъ будущаго года уже обезпечено возобновленнымъ контрактомъ.

К. Ю. Давыдовъ. (Портр. на стр. 273).

Русскій музыкальный міръ понесъ на дняхъ весьма чувствительную потерю. 13 февраля скончался въ Москвѣ отъ грудной жабы Карлъ Юльевичъ Давыдовъ, бывший директоръ С.-Петербургской консерваторіи, превосходный виолончелистъ-виртуозъ, восхищавшій публику своими концертами и прославившій свое имя не только въ Россіи, но и за границей. Давыдовъ былъ артистъ первоклассный, доведшій свое искусство до высокой степени совершенства и почти не имѣвшій соперниковъ. Своей дѣятельностью въ консерваторіи онъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ музыкальнаго дѣла и заслужилъ общую признательность. Въ короткое время своего управленія онъ быстро преобразовалъ оркестровый классъ консерваторіи, поднялъ его значеніе, обратилъ вниманіе на методическую послѣдовательность разучиванія оркестровыхъ сочиненій, на ансамбль, на ровность и чистоту исполненія. Привлекая все болѣе и болѣе учащихъ въ этотъ классъ, Давыдовъ устроилъ цѣлый рядъ воскресныхъ симфоническихъ концертовъ, исполнившихъ учениками въ пользу бѣднѣйшихъ ихъ товарищей. Подъ его руководствомъ получили музыкальное образованіе такіе выдающіеся виолончелисты, какъ Вержбиловичъ, Воробьевъ,

Морозовъ, Рончинскій и другіе. Консерваторія обязана Давыдову чрезвычайно полезными и симпатичными мѣрами: устройствомъ пріюта для бѣднѣйшихъ ученицъ, допущеніемъ къ занятію во всѣхъ классахъ консерваторіи бесплатныхъ учениковъ, составлявшихъ едва-ли не четверть всего состава. При немъ же была основана „вспомогательная касса музыкальныхъ художниковъ“, быстро развившаяся въ его предсѣдательствѣ; онъ умѣлъ привлечь не мало крупныхъ пожертвованій въ пользу недостаточныхъ учащихся, и уже въ первый годъ существованія „кассы“, она располагала капиталомъ въ 27 тысячъ рублей.

Вообще дѣятельность Давыдова въ области отечественнаго музыкальнаго искусства была необыкновенно плодотворна и разнообразна. Онъ оказалъ несомнѣнныя услуги виолончели своими превосходными сочиненіями, обнаруживающими большое композиторское дарованіе. Изъ другихъ музыкальныхъ произведеній Давыдова особенно замѣчательны: фантазія для оркестра „Дары Терека“, оркестровая сюита, фортепианный квинтетъ, два квартета для струнныхъ инструментовъ и нѣсколько романсовъ — „Оставь меня“, „Шелохнулась занавѣска“, „И ночь, и любовь, и луна“, „Сосна“, „Отчего вдругъ запѣлъ соловей“, „Разбиты всѣ привязанности“, „Былъ старый король“ и проч. Онъ написалъ болѣе 40 романсовъ и болѣе 50 мелкихъ пьесъ. Большая часть изъ нихъ отличаются изяществомъ стили, мелодичностью, граціей, гармонической красотой и особенной оригинальностью нѣкоторыхъ музыкальныхъ оборотовъ. Богато одаренный отъ природы, тонкій знатокъ исторіи музыки, глубоко образованный специалистъ своего дѣла и настоящій художникъ, Давыдовъ, по справедливому замѣчанію одного критика, принадлежитъ къ тѣмъ композиторамъ-прогрессистамъ, которые не отрицаютъ эстетическаго значенія каждой школы, безъ различія направленій, и отдавались природнымъ влеченіямъ своего таланта, при этомъ совершенно чужды какой-бы то ни было исключительности и односторонности условныхъ тенденцій.

Родной братъ извѣстнаго математика А. Ю. Давыдова, нынѣ тоже покойнаго, сынъ медика, Карлъ Юльевичъ родился въ Гольдингѣ, въ Курляндіи, 15 (27) марта 1838 года и вскорѣ переехалъ съ родными въ Москву. Здѣсь вмѣстѣ съ предметами общаго образованія онъ сталъ учиться игрѣ на виолончели еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, подъ руководствомъ Шмидта. Въ 1854 г. онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета и кончилъ курсъ кандидатомъ въ 1858 г. По выходѣ изъ университета, чувствуя непреодолимую страсть къ музыкѣ, онъ оставилъ мысль посвятить себя научной дѣятельности и всецѣло отдался искусству. Изучивъ теорію музыки подъ руководствомъ Моритца Гаупмана, въ Лейпцигѣ, Давыдовъ дебютировалъ какъ виолончелистъ въ знаменитомъ Гевандгаузѣ съ большимъ успѣхомъ и въ слѣдующемъ году (1859) былъ приглашенъ преподавателемъ въ Лейпцигскую консерваторію, гдѣ оставался два года, занимая мѣсто перваго виолончелиста въ лейпцигскомъ оркестрѣ. Послѣ чертнаго путешествія по Германіи, доставившаго ему достаточную извѣстность, Давыдовъ въ 1861 г. былъ приглашенъ солистомъ петербургскаго театральнаго оркестра, и получилъ званіе солиста Императорскаго Двора, а на слѣдующій годъ сталъ преподавать въ открывшейся тогда Петербургской консерваторіи исторію музыки. По смерти К. Шмидта, онъ занялъ мѣсто профессора на виолончели въ консерваторіи, директоромъ которой былъ избранъ въ 1876 году и занималъ это мѣсто до января 1887 года. Съ 1874 по 1876 годъ Давыдовъ дирижировалъ концертами Филармоническаго общества. Каждое артистическое путешествіе знаменитаго виолончелиста и по Россіи, и за границей сопровождалось цѣлымъ рядомъ овацій и триумфовъ. Еще не такъ давно, мѣсяца три назадъ, петербургская публика устроила грандіозную овацію Давыдову, давшему концертъ въ залѣ Дворянскаго собранія. Это былъ его послѣдній концертъ въ нашей столицѣ. К. Ю. Давыдовъ съ большой торжественностью погребенъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Введенскихъ горъ. По отзывамъ лицъ близко знавшихъ его, онъ былъ человѣкъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, имѣлъ доброе сердце и отличался большою гуманностью.

П. Б.—овъ.

Политическое обозрѣніе.

Король Миланъ окончилъ свое царствованіе; онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, высказанное имъ еще давно, вскорѣ послѣ печальной войны Сербіи съ Болгаріей, и отрѣкся отъ престола въ пользу своего сына. Уже нѣсколько дней носились слухи, что король Миланъ намѣренъ надолго отлучиться за-границу и пожить въ Италіи, частью по случаю испытываемаго имъ нервнаго разстройства, частью въ виду того, что и наслѣдникъ Сербскаго престола, со времени разлуки съ матерью, находится въ угнетенномъ состояніи духа. На время поѣздки король предполагалъ вѣрить управленію Ристичу, къ которому онъ питаетъ полное довѣріе и которому хотѣлъ дать обширныя полномочія. Затѣмъ начали поговаривать, что король рѣшился совсѣмъ отказаться отъ управленія

государствомъ и постоянно проживать за-границею съ тѣмъ, чтобы всецѣло посвятить себя дѣлу воспитанія наслѣднаго принца, регентство же поручить тому-же Ристичу. Возвратившійся въ это время изъ Вѣны, австрійскій посолъ Генгельмюллеръ рѣшительно отсовѣтывалъ королю отреченіе отъ престола и настаивалъ на томъ, чтобы онъ поѣхалъ на югъ для подкрѣпленія своего здоровья и затѣмъ только принялъ бы окончательное рѣшеніе. Но Миланъ должно-быть понялъ наконецъ всю привлекательность дружбы съ Австріей, благодаря которой онъ потерялъ всѣ симпатіи даже въ своей родной странѣ, и пригласивъ въ среду, 22 февраля, въ 11 час. утра, членовъ дипломатическаго корпуса и министра иностранныхъ дѣлъ Митовича, въ ихъ присутствіи отрѣкся отъ престола въ

Н. Н. Фигнеръ въ роли Отелло. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Медея Мей (Фигнеръ) въ роли Дездемоны. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

пользу своего сына, который тотчас же и был провозглашен королемъ подъ именемъ Александра I. Регентами назначены: Ристичъ и генералы Протичъ и Белимарковичъ.

Эти событія произвели въ Вѣнѣ сильное впечатлѣніе. До послѣдней минуты тамъ падѣли, что король Миланъ откажется отъ мысли объ отреченіи. Во вліятельныхъ кружкахъ Милана строго осуждаютъ. О причинахъ его отреченія говорятъ, что онъ заключался въ слѣдующемъ: наслѣдникъ престола, принцъ Александръ, сильно тоскуетъ по своей матери; король же, послѣ совершенныхъ имъ недавно насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ королевѣ Наталіи, не могъ допустить, чтобы сынъ его имѣлъ какіи бы то ни было сношенія съ нею. Теперь, когда Миланъ изъ короля обратился въ частнаго человѣка, свиданія юнаго короля Александра съ матерью сдѣлаются невозможными. Говорятъ также, что Миланъ предпочитаетъ беззаботную частную жизнь труднымъ обязанностямъ короля, и по слухамъ, отправится вскорѣ инкогнито за-границу, подъ именемъ графа Такова. По частнымъ сообщеніямъ изъ Бѣлграда, отреченіе Милана отъ престола произвело на сербскій народъ глубокое впечатлѣніе. Провозглашеніе королемъ принца Александра встрѣчено народомъ съ восторгомъ.

Бѣлградскія событія, конечно, встрѣчены въ Австро-Венгріи безъ особеннаго удовольствія. Нѣкоторые изъ органовъ вѣнской печати придаютъ отреченію короля Милана отъ престола громадное значеніе и находятъ, что всѣхъ послѣдствій этого факта нельзя даже предусмотрѣть, причемъ вдаются въ пессимистическія соображенія. Пештская правительственная печать призываетъ венгровъ къ единодушію, заявляя, что „Венгрія окружена политическими минами“. Въ Буда-Пештѣ не могутъ не сознаться, что въ Сербіи пришелъ конецъ австрофильской политикѣ и отнынѣ въ Сербіи будетъ господствовать въ народѣ благоприятное Россіи настроеніе. Замѣчено, что похвалы берлинскихъ офиціозовъ Ристичу совпадаютъ съ комплиментами тѣхъ же офиціозовъ по адресу Россіи.

Ашиновская исторія продолжаетъ быть злобою дня за-границей. Итальянскія газеты, повидно, очень довольны бомбардированіемъ Согалло. Офиціозная *Italie* говоритъ, что нельзя не выразить французскому правительству признательность за „этотъ знакъ симпатіи и дружбы“. Совсѣмъ иначе отзывается объ этомъ инцидентѣ французская печать. Большинство газетъ, особенно консервативныхъ и буланжистскихъ, порицаетъ мѣры, принятыя относительно Ашинова, и находить, что слѣдовало бы поступить съ нимъ иначе, не прибѣгая къ кровопролитію, такъ какъ дѣло шло о людяхъ, принадлежащихъ къ дружественной націи. *Temps*, осуждая дѣло подъ Согалло, говоритъ, что слѣдовало бы еще повременить, и

глубоко сожалѣть, что пролита была кровь. Вообще печать возлагаетъ ответственность за случившееся на Флоке и адмирала Круанца, и всѣ газеты высказываютъ по поводу этого приговорнаго случая сочувствіе къ Россіи.

Но выраженіе симпатій къ Россіи не ограничилось однимъ ихъ выраженіемъ на столбахъ газетъ. Лига патриотовъ опубликовала, отъ имени 240,000 своихъ членовъ, заявленіе, въ которомъ выражаетъ негодованіе по поводу принятой парламентскимъ правительствомъ мѣры и, протестуя противъ нея, посылаетъ великой дружественной націи выраженіе искреннаго соболезнованія, сожалѣнія и братской преданности, причемъ заявляетъ объ открытіи подписки въ пользу семействъ убитыхъ въ Согалло и о пожертвованіи съ своей стороны тысячи франковъ.

Дѣло пошло еще дальше и въ палатѣ депутатовъ Гюббаръ обратился къ правительству съ вопросомъ объ инцидентѣ въ Согалло. Выразивъ мнѣніе, что событіе это отнюдь не нарушитъ дружбы между Франціей и Россіей, Гюббаръ все-таки полагаетъ, что правительство должно представить объясненія, такъ какъ характеръ факта можетъ быть извращенъ и пролитіе крови эксплоатируемо. Министръ иностранныхъ дѣлъ Спюллеръ объяснилъ факты въ томъ видѣ, какъ они были изложены въ сообщеніи „Агентства Гаваса“, при чемъ заявилъ, что считаетъ инцидентъ достойнымъ сожалѣнія и прискорбнымъ. Вотъ почему министръ, подобно всякому французскому патриоту, не можетъ не выразить съ высоты трибуны чувства симпатіи къ дружественной Франціи націи. Затѣмъ депутатъ Делафоссъ, превративъ вопросъ въ запросъ, заявилъ, что право было на сторонѣ Франціи, но что не всегда должно пользоваться своимъ правомъ до крайнихъ предѣловъ. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, Гоблэ представилъ объясненія сходныя съ объясненіемъ Спюллера, послѣ чего палата единогласно вотировала мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, выражающій, что она присоединяется къ высказаннымъ правительствомъ дружескимъ чувствамъ по отношенію къ Россіи.

Рѣзкое порицаніе правительственныхъ распоряженій со стороны лиги патриотовъ, дѣятельной пособницы и распространительницы буланжизма, не прошло для нея даромъ, и правительство рѣшило начать судебное преслѣдованіе противъ нея; для чего полицейскій комиссаръ въ сопровожденіи двадцати агентовъ, занявъ бюро лиги патриотовъ, помѣщающагося на Place de la Bourse, объявилъ лигу закрытою, послѣ чего былъ произведенъ домашній обыскъ въ присутствіи Деруеда и Лагерра, которые, въ качествѣ лицъ, подписавшихся подъ обращеніемъ къ подпискѣ въ пользу Ашинова, обвиняются въ непріязненныхъ дѣяніяхъ, подвергающихъ государство опасности объявленія войны (?).

Карль Юліевичъ Давыдовъ († 13 февраля). Съ фотогр. Шанпро, грав. Шюблеръ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 16 февраля, въ Концертной залѣ Зимняго Дворца состоялся балъ, на который было приглашено около 900 лицъ. Въ правомъ углу залы, противъ входа въ Малахитовую гостиную, возвышалась убранныя тропическими растеніями эстрада, на которой игралъ бальный оркестръ. Въ Ротондѣ и части военной галлерей, примыкающей къ залу, были устроены чайныя буфеты съ шампанскимъ, прохладительными, конфетами и

фруктами; въ Арабской комнатѣ были приготовлены столы для картъ. Ужинъ былъ поданъ, въ первомъ часу ночи, въ Николаевской залѣ, Аванъ-залѣ и на площадкѣ Иорданскаго подъезда. Великолѣпная Николаевская зала, освѣщенная сотнями электрическихъ огней, была превращена въ роскошный зимній садъ; въ ней протянулись дѣлныя аллеи лавровыхъ деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ помѣщались круглые столы.

— 17 февраля состоялся у оберъ-камер-

гера Э. Д. Нарышкина балъ, на которомъ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другіи Особы Императорской Фамиліи, а также принцесса Алиса Гессенская и княжны Черногорскія Анастасія и Милпа. Ея Величество и другія Августѣйшія Особы принимали участіе въ танцахъ.

— Бальный сезонъ при Дворѣ закончился на масляницѣ, 19 февраля, дневнымъ заго-

родным баломъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ, залы коего были художественно убраны цвѣтами. До 600 электрическихъ лампъ, какъ только стало темнѣть, залили всѣ комнаты своимъ яркимъ свѣтомъ. Полукруглая зала, въ которой начались танцы, превратилась въ настоящій тропическій садъ. Стѣны залы какъ бы скрывались за группами разнообразныхъ пальмъ и широколиственныхъ латаній; клумбы живыхъ цвѣтовъ наполняли воздухъ ароматомъ.

Дѣла церкви.

— 4 февраля, въ СПб., въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александр-Невской лавры происходила хиротонія бывшего ректора орловской духовной семинаріи архимандрита Александра въ санъ епископа Муромскаго, викарія Владимирской епархіи.

— 15 февраля, въ городѣ Брезинахъ, Петроковской губерніи, совершено освященіе православной церкви во имя святителя Тихона Задонскаго, сооруженной, на средства начальника Брезинскаго уѣзда г. Томилина, въ особомъ просторномъ помѣщеніи, оставшемся послѣ упраздненнаго католическаго монастыря ордена реформатовъ. Церковь устроена въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ отъ опасности при крушеніи Императорскаго поѣзда 17 октября минувшаго года.

— Съ весны текущаго года, при кievской Успенской церкви начнется постройка часовни, сооружаемой въ память 900-лѣтія крещенія Руси, на суммы, пожертвованныя кievскимъ мѣщанскимъ обществомъ.

Морское дѣло.

— Сооруженіе батумскаго порта, вслѣдствіе усиленной ассигновки на него средствъ, предполагается закончить въ нынѣшнемъ году. Всѣ работы по землечерпанію уже окончены; наружная облицовка (стѣны) мола также выведена окончательно. Остается только закон-

чить бетонныя работы по сооруженію значительной внутренней части мола.

— Коммисія, учрежденная при военномъ министерствѣ по вопросу объ освѣщеніи всѣхъ судовъ флота электричествомъ, выработала проектъ, согласно которому всѣ вновь строящіеся суда должны быть непремѣнно освѣщены электричествомъ; на судахъ же, находящихся уже въ плаваніи, электрическое освѣщеніе должно быть введено не позже 1890 г.

Искусства изобразительна.

— 23 февраля, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посетили имѣющуюся на-дняхъ открыться въ СПб. 9-ю акварельную выставку общества русскихъ художниковъ-акварелистовъ, помѣщающуюся въ залахъ Общества поощренія художниковъ, на Большой Морской. Вся выставка заключается въ себѣ 220 картинъ. Августѣйшіи Особы приобрѣли слѣдующія акварели: Государь Императоръ — „Водосвѣтіе на Невѣ въ день 900-лѣтія крещенія Руси“, А. Н. Бенуа, „Встрѣчу Германскаго императора въ Кронштадтѣ“, А. К. Бегрова; Государыня Императрица — „Послѣ грозы“ А. Н. Бенуа, „Этюдъ съ натуры въ Боржомѣ“, профессора Л. О. Премацци, „Видъ биржи въ С.-Петербурѣ“ и „Суусъ броненоснаго корабля „Чесма“ въ Севастополѣ“, А. К. Бегрова; Великій Князь Владиміръ Александровичъ приобрѣлъ: „Видъ Дворцовой набережной въ С.-Петербурѣ“, А. К. Бегрова и „Оскорбленную одалиску“, В. А. Боброва; Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская приобрѣла акварель А. Н. Бенуа „На камняхъ“.

— Въ Москвѣ предполагается учредить общество архитекторовъ, по примѣру существующаго въ Петербургѣ.

Театръ и музыка.

— 15 февраля, у графа А. Д. Шереметева состоялся домашній спектакль, который удо-

стоили своимъ присутствіемъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и др. Особы Императорской Фамиліи. Была представлена трагедія графа А. К. Толстаго „Смерть Іоанна Грознаго.“ Сцена помѣщалась въ большой двусвѣтной залѣ дома графа А. Д. Шереметева, которой она занимала болѣе половины: въ остальной части залы размѣстились приглашенные зрители, въ числѣ болѣе ста человекъ. Постановка трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“, по своей сложности почти недоступна для частной сцены, въ настоящемъ спектаклѣ воплѣдъ удовлетворяла всѣмъ требованіямъ: костюмы, какъ мужскіе, такъ и женскіе, декораціи, оружіе, утварь — все до мелочей соответствовало изображаемому времени. Пьеса была стиграна съ большимъ оживленіемъ и вполне согласно. Исполнителями главныхъ ролей явились: въ роли Іоанна Грознаго — кн. С. М. Волконскій, Бориса Годунова — графъ А. Д. Шереметевъ, и Гарабуры — И. В. Вельшевъ.

— 17 февраля, въ Имп. театрахъ Александринскомъ и Маріинскомъ были даны дневные безлатные спектакли для воспитанниковъ и воспитанницъ Спб. учебныхъ заведеній.

Литература и наука.

— Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, согласно заключенію совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ „Русское Дѣло“ третье предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора дворянина Сергѣя Шаралова, съ приостановленіемъ изданія на шесть мѣсяцевъ.

— 12 февраля, въ Спб. университетѣ происходила защита диссертациі подъ заглавіемъ „Наблюденія надъ фауной Вѣлаго моря“, представленной приватъ-доцентомъ университета по кафедрѣ зоологіи В. М. Шимкевичемъ для полученія степени доктора зоологіи.

СМѢСЬ.

Накъ великъ придворный штатъ? Въ настоящее время при Высочайшемъ дворѣ числится: оберъ-камергеровъ—2, оберъ-гофмейстеръ—1, оберъ-гофмаршалъ—1, исправляющій должность гофмейстера—1, гофмейстеровъ—32, шталмейстеровъ—18, егермейстеровъ—3, оберъ-церемоніймейстеровъ—2, оберъ-форшнейдеръ—1, въ должности гофмейстера—11, гофмаршалъ—1, въ должности шталмейстеровъ—23, въ должности егермейстеровъ—11, церемоніймейстеровъ—13, въ должности церемоніймейстеровъ—9, въ званіи камергера—172, въ званіи камеръ-юнкера—286, лейбъ-медиковъ—3, почетныхъ лейбъ-медиковъ—10, лейбъ-хирурговъ—2, почетныхъ лейбъ-хирурговъ—3, лейбъ-акушеровъ—3, лейбъ-окулистовъ—2, лейбъ-недиръ—1, лейбъ-отиръ—1, почетныхъ гофъ-медиковъ—4, почетный дантистъ—1. При Ея Величествѣ состоятъ: гофмейстерина—1, статсъ-дамъ—9, камеръ-фрейлинъ—1, фрейлинъ—198. (в.)

Поклонники дьявола. Въ Карской области обитаетъ любопытная секта, или, лучше сказать, племя *іезидовъ*, переселившихся изъ Турціи. Вотъ какъ описывается ее В. В. Крестовскій въ одномъ изъ послѣднихъ очерковъ своихъ „По закавказской границѣ“. Іезиды поселились у насъ съ 1882 г. Они ведутъ осѣдлую жизнь, занимаются преимущественно земледѣліемъ, весьма трудолюбивы, и не обнаруживаютъ склонности къ преступленіямъ и проступкамъ. Религіозный культъ ихъ мало изслѣдованъ. Сосѣди іезидовъ утверждаютъ, что они поклоняются злему духу. Это страшное вѣрованіе одни объясняютъ тѣмъ, что іезиды, поклоняясь злему духу, причиняющему въ жизни такъ много бѣдствій, надѣются умиловить его этимъ и находятъ излѣпимымъ поклоняться Богу, и безъ того безгранично милосердному. Другіе же утверждаютъ, будто по понятіямъ іезидовъ, Богъ настолько милосердъ, что въ день Страшнаго Суда проститъ даже дьявола и откроетъ ему ворота вождѣннаго рая, куда вмѣстѣ съ нимъ войдутъ и поклоняющіеся ему. Іезиды думаютъ, что дьяволъ есть одна изъ служебныхъ силъ божества, которая безъ воли Всемогущаго Творца не существовала бы ни одного мгновенія. (в.)

Могила И. С. Аксакова представляетъ собою массивный памятникъ изъ коричневаго мрамора и находится у алтарной части Успенскаго собора, съ лѣвой стороны. Это большая глыба, неправильной формы, изъ неотесаннаго камня, и на ней четырехконечный крестъ изъ мрамора того-же цвѣта, но отполированный. Внижней части его помѣщенъ образъ „явленія Божіей Матери преподобному Сергію“, въ серебряной визолоченной ризѣ. Онъ обрамленъ искусственнымъ вѣнкомъ изъ цвѣтущей камелии, который сдѣланъ изъ желѣза, какъ и прочіе вѣнки, покрывающіе памятникъ съ разныхъ сторонъ, числомъ болѣе десяти. На камнѣ славянскимъ

шрифтомъ высѣчены съ трехъ сторонъ надписи. На лицевой сторонѣ: „Ей гряди Господи Іисусе!“— „Нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“. Тутъ-же, ниже: „Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, родился 26 сентября 1823 года, скончался 27 января 1886 года“. На лѣвой сторонѣ: „Аминь, аминь глаголю вамъ, аще зерно пшеничное падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ; аще же умретъ, много плодъ сотворитъ“. И наконецъ на оборотной сторонѣ: „Больше сего любви никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“. Ниже: „Блаженни алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣи насытятся. Блаженни чисти сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ“. (в.)

Древнѣйшій языкъ въ Швейцаріи. Романскій языкъ на которомъ говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Граубиндена, по всей вѣроятности, изъ всѣхъ европейскіхъ языковъ наименѣе употребителенъ; а между тѣмъ онъ, при своемъ благозвучіи, извѣстномъ каждому туристу, замѣчательно тѣмъ, что языковѣды считаютъ его остаткомъ древне-этрускаго языка, занесеннаго сюда въ древнія времена бѣглецами. Граубинденцы хлопочутъ теперь въ своемъ „Societad rhaetorum anscha“ о томъ, чтобы для этой лингвистической рѣдкости была установлена общая ореографія, въ которой до сихъ поръ ощущался недостатокъ. Совѣту учителей подлежащихъ приходовъ поручено разработать проектъ и привести его въ исполненіе. До сихъ поръ названное Societad издаетъ ежегодно лѣтописи или Annalae на помянутомъ языкѣ. Издающаяся на томъ же языкѣ политическая газета *Il Sursilvan* предлагаетъ основать еженедѣльный журналъ, который долженъ быть посвященъ разработкѣ и усовершенствованію этого достойнаго уваженія древняго языка. (с.)

Почтовое дѣло въ Марокко находится въ настоящее время почти въ томъ же положеніи, какъ въ 785 году, когда Мулей-Дрисъ-Ебнъ-Абдаллахъ основалъ въ странѣ первое султанство, завоевавъ Фецъ и обративъ обитателей въ исламъ. Почтовая служба несетъ тощими, голодными, полу-голыми арабскими гонцами, которые, за ничтожную плату, исполняютъ необыкновенно добросовѣстно и быстро свое дѣло. Кусокъ проснаго пирога и нѣсколько финиковъ составляютъ единственную ихъ пищу. Ночью они дѣлаютъ привалъ и отдыхаютъ нѣсколько часовъ; а чтобы проснуться во время, прикрѣпляютъ къ одной ногѣ веревку, конецъ которой зажигаютъ передъ тѣмъ какъ заснуть. Гонцамъ приходится проходить дѣса, кишачіе дикими звѣрами, карабкаться на горы, на которыя не можетъ взобраться ни одинъ мулъ, переплывать рѣки, которыя не рискнетъ переплыть и лошади. Все путешествіе они совершаютъ рысью, подъ палящимъ солнцемъ, не встрѣчая цѣлыми днями ни одного дерева, не видя ни капли воды. Мулъ можетъ пройти разстояніе отъ Таггера до Фецы въ 5 дней. Гонецъ проходитъ его въ 3 1/2 дня.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 6 (помѣщ. въ № 4).

- 1) a; a + b = f - c; a = 8 = 3
- 2) b; n + o = m; b = 1 = A
- 3) c; f = 2g; c = 17 = П
- 4) d; c = q + z; d = 1 = A
- 5) e; l = k - g; e = 19 = С
- 6) f; x = 3o; f = 28 = Б
- 7) g; h - k = V y; g = 14 = М
- 8) h; e + z = $\frac{2(g+q)}{3}$; h = 31 = Б
- 9) k; c + n = h + 1; k = 26 = Ш
- 10) l; d = z; l = 12 = К
- 11) m; m - l = p - a; m = 21 = У
- 12) n; e - c = f - k; n = 15 = Н
- 13) o; c + a = y; o = 6 = Е
- 14) p; l : g = o : 7; p = 17 = П
- 15) q; p : c = z; q = 16 = О
- 16) x; d + e = 2(f - x); x = 18 = Р
- 17) y; h - a = 23; y = 25 = Ч
- 18) z; a + z = e - $\frac{2n}{3}$; z = 1 = А

„Запасъ мѣшкы — не порча“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—В. Н. Панкова, В. Микрулева, Ф. А. Боронина, А. А. Поспѣева, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Бѣгородъ—Ф. З. Мазуръ, Витебскъ—С. Пичето, Дисна—Ф. Силайо, Ефремовъ—М. Рыжикова, Екаторинодаръ—А. Заславскаго, Медвѣдово—М. Лейцингеръ, Харьковъ—Ю. Сворцова.

Рѣшеніе ребуса № 8 (помѣщеннаго въ № 5).

„Срубивъ голову по волосамъ не плачуть“.

Рѣшенія задачи № 7 (помѣщенной въ № 4).

10	6	7	-9
-8	13	2	1
1	8	17	13
-5	-9	-4	6
11	12	4	-2
4	-8	14	-5

4	15
4	
15	
12	
29	

Г	о
г	
о	
л	
ь	

„Гоголь“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—В. Н. Панкова, А. А. Поспѣева, Ф. Михель, П. Александрова, Ф. Боронина, Москва—В. И. Комарова, В. А. Кравцова, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Бобруйскъ—Е. Мольской, Набалукова—Егорова, Кременчугъ—С. Д. Добровенского, Лебедянь—В. И. Чурилина, Маслово—Осипова, Мѣдиново—И. И. Суханова, Нѣжинъ—П. Сидоренко, Раменское—Н. Константинова, Харьковъ—А. П. Панкова, Царское Село—А. Кузьмина, Чер-

ниговъ—Е. Лазарева, Шацкъ—А. Филимоновича.

СОДЕРЖАНІЕ: Б. С. Якоби (съ портр.).—Опасная игра. Повесть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе).—Загадка. Комедія, въ стихахъ, О. Чюминой.—Канарейка и уходъ за нею. Очеркъ Л. Гашерта.—Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ксенія Александровна (портретъ).—Къ рисункамъ: Охота на медвѣдя (съ рис.). Этуадъ (съ рис.).—Ловля лошадей въ степи (съ рис.).—Построение новаго Абиссинскаго храма въ Иерусалимѣ (съ рис.).—Наслѣдныи принцъ Шведскій на медвѣжьей охотѣ (съ рис.).—Н. Н. Фигнеръ и Медяя Мей (Фигнеръ) въ роляхъ Отелло и Дездемоны (съ 2 портр.).—К. Ю. Давыдовъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя новѣстія.—Смѣсь.—Рѣшенія задачъ.—Объявленія.—При семьѣ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1889 г., съ 30 рис. и отд. листъ съ 30 чертеж. вырочень въ натуральн. величину и 27 рис. рукодѣльн. работъ.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ РОССИИ СКЛАДЪ НАСТОЯЩИХЪ АНГЛІЙСКИХЪ РУЖЕЙ В. В. ГРИНЕРА

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 38. Заводы въ Лондонѣ и Бирмингамѣ, издѣлія которыхъ премірованы на большихъ международныхъ состязаніяхъ и на всѣхъ выставкахъ. Отличительныя качества ружей этихъ: рѣзкость, кучность боя и прочность механизма. Цѣны фабричныя. Прейсъ-курантъ безплатно. № 3724 3 2

ЭЛЕКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
для зубовъ
ОТЦОВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда), Франція.
Находятся въ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и магазинахъ косметическихъ. (2)

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Суды подъ всѣ % бумаги.
Страхование выморщныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3716 5-5
Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ВСЕГДА ГРОМАННЫЙ ВЫБОРЪ
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также приемъ заказовъ; пѣны самыя умѣренныя.
„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“
уголь Тверской и Долгоруковскаго переулкa, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.
ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1888 годъ,
закрывающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ М. А. ГОНЧАРОВА: „Слуги“, большой историч. романъ Д. В. АВЕРКІЕВА: „Вѣчу не быть“, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: „Братья Соперники“ и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСНАГО: „Повесть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА: „Бригадирская вучка“, большую повѣсть Н. СТАНИЦНАГО: „Исторія одного таланта“, разсказъ Макс. БѢЛИНСНАГО: „Заповѣдныи лѣсъ“, комедію В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“, повѣсть А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвы“, разсказъ Е. А. САЛАСА: „Онъ-же“, разсказъ ТХОРЖЕВСНАГО: „Рекогносцировка“ и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологій, гигиенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологій, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безплатныхъ приложений, состоящихъ изъ картинъ, печатал. акварельными красками, „Сборника повѣстей и разсказовъ“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА: „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“ (14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).
ЦѢНА ЭТОМУ ВОЛШЬМОМУ ТОМУ, со всѣми безплатными преміями и приложениями:
Брошурованъ 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ персылкою 6 р. Съ персылкою . 7 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПб., Невскій пр., № 6.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.
Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:
ЗУБНЫЕ ЭЛЕКСИРЫ И ПОРОШКИ
приготовленные съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.
Зубная Глицериновая паста по 75 к.
Порошокъ Коралль и съ хиною по 75 к.
САЛИЦИЛОВАЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1. Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 82.
2. Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 86.
3. Уголь Вознесенскаго просп. и Казанской ул., д. Шредера, № 18-54. (Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1. На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точности фирмы:
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Рѣ. № 3732 ЛАБОРАТОРІЯ. 1-1

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ САДОВОДСТВО „ГОРОДЪ ГЕНТЬ“
Москва, Петровскій паркъ. Ц. № 3733
Прейсъ-курантъ цвѣточныхъ сѣмянъ и растений, съ прилож. описанія разн. сорт. розъ и ихъ культурн., доступна каждому, высылаются за 7 коп. марку.
Спеціальная культура розъ.

Новое, большое, роскошно иллюстрированное издание in folio

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ Энгельберта Зейбертца, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

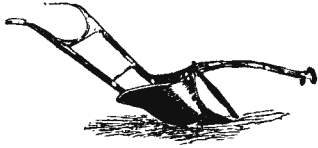
Издание А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появление въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся пресю о весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія Видомости* (№ 346, 16 декабря 1888 г.), говоря о книгѣ слѣдующе: „Предпріятіе г. Маркса выполненное теперь, является большою заслугой передъ читателями изданныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу—мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не ошибемся, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гете мы еще не видали... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ полигравюръ, находящихся въ текствѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта,—онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдѣленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которую насъ не забываютъ русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много)—хоть вѣшай на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгое вкусъ того времени,—ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глаза... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...“

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р. Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

КРЫШКИ для переплета „ШИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

КОНТОРЫ МЕХАНИЧ. ЗАВОДА БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, 10. Москва, Мясницкая, д. Виноградова.

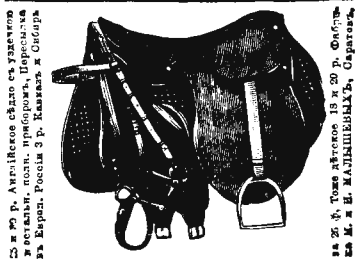

предлагаютъ въ большомъ выборѣ: плуги, бороны, сѣялки, жнеи, косилки, молотилки, вѣлки, мельницы, маслобойки, насосы, пожарныя и садовыя трубы и пр., и между прочимъ новѣйшій плугъ Товарищества Б. и У.

№ 3680 „КОЛОНИСТЪ“ 5-4 построенный весьма солидно и прочно и снабженъ всѣми удобеніями плужной техники, марки GA по 8 р. 50 к., SA—10 руб. Улучшен. ручную сѣялку ЧАМПИОНЪ разбивающ. всѣми сѣмена равномернѣе и быстрѣе, чѣмъ это возможно рукою. Ц. 12 р. Иллюстр. каталогъ по востребованію.

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЬ: УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.
Цѣна бѣло-лакированныхъ . . . 8
темно-полированныхъ . . . 8 50
Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по . . . 30
Альбомъ III новый . . . 50
За пересылку въ города предлагается за 15 копеекъ.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ бесплатно.
Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3388 (12)

ЗАКЛАНІЕ
выдѣливается въ заведеніи **РОБЕРТА ЭРНСТЪ**, въ Берлинѣ, Potsdamerstrasse, 37. Проспектъ Р. № 3651 безвозмездно. 18-2

А. РАЛЛЕ и К^о ПРИВОЗНЫЕ ПОСТАВЩИКИ въ МОСКВѢ.

Пудра бархатная.	Вода туалетная.
Мыло ланолиновое.	Мыло оперное.
Мыло „виды Москвы“.	Одеколонъ квадрюплъ.
Духи „Персидская сирень“.	Духи Б-тъ Амами.
Мыло лимонно-глицериновое.	Цвѣточный одеколонъ.
Элексиръ борно-тимоловый.	Порошокъ борно-тимоловый.

№ 3729
Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чицова.
Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LONSE.
Въ виду часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать
Eau de Lys de LONSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Привозный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ, и у всѣхъ дроггистовъ Россіи.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.
Простятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (57) № 2946

АДРЕСА
всѣхъ спеціальныхъ и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 специаль. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.
самаго высшаго качества можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами.

новѣйшій ДАМСКІЙ УБОРЪ
изъ настоящихъ бразильскихъ золотистыхъ жуповъ, въ прелестныхъ оправкахъ.

Парижская НОВОСТЬ!
для подарковъ и наполненія ящикъ къ предстоящимъ праздникамъ Св. Насхи. Браслеты съ 10, 3, 2 и 1 жук. 5,50, 2,50, 2 и 1,50 к. Брошки съ 4, 3 и 2 жук. 2,50, 2,00, и 1,50 к. Серьги (серебряныя) съ 1 жук. 1,25. Шпильки чернаховыя съ 3и 2 жук. 2 р. и 1,50 к. „позолоченныя съ 1 жук. 1 р. Цѣлый уборъ (Браслетъ, Брошь, Серьги и Шпилька) 5%о дешевле.
Эта, прямо изъ Парижа привозимая новость принята дамами съ восхищеніемъ и заслуживаетъ общаго вниманія. № 3731
Всякая во всѣ города Россіи, за наличныя или съ платеженіемъ платяжа.
Продавцамъ значительная уступка.
ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ,
С.-Петербургъ, Садовая, 12.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
ПОЛНЫМЪ АППАРАТЪ отъ 10, 15, 20, 30 р.
К.И.ФРЕЛАНДЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСК. ПРОСП. № 30/16.

Съ этимъ аппаратомъ вселкі, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливыя фотографическія портреты. При покупкѣ предлагается новый преиъсъ-курантъ. Самоуничтож. фотографіи съ преиъсъ-курантомъ 50 коп.
ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не грустка). Требуется иллюстрированное каталогъ *gratuit et franco*.
10г. Заксъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. № 3734
Берлинъ, Риттерштрассе, 88.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-куранты бесплатно, также брошюра виконта Бэрра: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голыцина. СПб., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (9)

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 11

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX
1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.).
Выданъ 11 марта 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печнов- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Вездѣ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложениями.

Любопытство. Съ картины К. Бергена, граф. Кезебергъ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

XXII.

Слѣпой отъ природы, которому вдругъ судьба или искусство врачей подарили зрѣніе, конечно не скоро-бы разобрался въ хаосѣ новыхъ, совсѣмъ незнакомыхъ ему впечатлѣній. Нѣчто подобное произошло и съ Анной Григорьевной. Она слушала, дико вытаращивъ глаза и словно не вѣря своимъ ушамъ... Какимъ образомъ вся эта страшная и загадочная исторія могла отъ нея укрыться до такой степени, что она даже не подозрѣвала изъ ней ничего?... Что Паша о ней молчала—это еще понятно; но какимъ образомъ Лагодина утерпѣла?... И вдругъ, она вспомнила что ей не случилось еще, съ прїѣзда, видѣть Серѣжу наединѣ. Онъ былъ у нея на праздникахъ, но не засталъ, и они встрѣчались только у Паши.

Исповѣдь была кончена, но не все въ ней рассказано было ясно и обстоятельно. Часть прямо касавшаяся Стойницкаго, напимѣрь, была коротка и полна недомолвокъ, а между тѣмъ опа-то больше всего и пугала Анну Григорьевну.

— Дивлюсь я тебѣ! сказала опа не безъ укора.— Какъ только тебя хватило таить это все на душѣ!... Я ни за что-бы не вытерпѣла.

— Да, это такъ кажется—за-глаза, отвѣчала Паша.— Есть вещи которыя утаила-бы и отъ себя, если-бы могла...

И помолчавъ:— Чего только я ни дѣлала надъ собой чтобы увѣрить себя что это такъ... фантазія!

— Ну, это еще не удивительно, продолжала Мезенская.— Кто можетъ похвастать что онъ совершенно чистосердеченъ съ собой? А вотъ что меня удивляетъ: какъ ты, которую я считала всегда за образецъ разсудительности, могла полюбить человѣка, котораго ты совсѣмъ не знаешь?

— Ахъ, Аня! не такъ-то легко ихъ узнать! Пословица говоритъ, что для этого надо съѣсть съ человѣкомъ пудъ соли. Но тотъ у кого хватило-бы хладнокровія ждать такъ долго, тотъ—думается мнѣ—никогда-бы не полюбилъ... Мы любимъ, если такъ можно выразиться, въ кредитъ... Развѣ я знала Черепина?... Нѣтъ; я сочинила себѣ романы, въ которыхъ онъ былъ героемъ.

— Положимъ, сказала на это Мезенская.—Но ты по крайности знала что у него нѣтъ романовъ съ какими-нибудь неизвѣстными тебѣ героинями. А можешь-ли ты сказать то же самое о другомъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Паша, — не хочу хвастать — не знаю.

— Увѣрепа-ли ты по крайней-мѣрѣ, что онъ не способенъ тебя обмануть, какъ можетъ быть обманулъ уже не одну?... Они вѣдь считаютъ это за пустяки.

Паша расплакалась.—Я ему вѣрю, шептала она,— какъ онъ вѣритъ мнѣ. Я не могу не вѣрить ему послѣ того какъ онъ первый мнѣ подалъ примѣръ.

— Такъ почему-же ты не рѣшаешься прямо ему признаться, что ты его любишь?

— Такъ... И сама не знаю... Боюсь, какъ ребенокъ боится войти въ темную комнату...

— Я тоже боюсь за тебя, сказала Мезенская.—Если-бы я не боялась, я-бы не стала напрасно тебя смущать. Считала-бы даже это нечестнымъ... Мнѣ жалко Черепина, но я отвѣчаю тебѣ, что даже и онъ не сказалъ-бы ни слова противъ, если-бы онъ зналъ что ты обдуманно предпочитаю другаго, и что судьба твоя съ нимъ обезпечена... А я и подавно...

И помолчавъ:—Я-бы желала увидѣть его.

— Ты можешь увидѣть его у насъ въ субботу...

Прїѣзжай Аня;—я дамъ ему знать чтобы онъ непременно былъ... Я очень хочу чтобы вы познакомились.

* *

Аппетъ дала клятву молчать, но не въ силахъ была сдержать ее... Дня черезъ два, прїѣхалъ братъ ея, Павелъ Григорьевичъ, и при свиданіи съ нею признался что его начинаютъ сильно тревожить послѣдствія этой шалости, которую они вмѣстѣ предѣлали надъ Ладницевою.

— Что такъ?

— Такъ... Это покуда не болѣе какъ мои догадки; но я имѣю къ нимъ очень серьезныя основанія... Былъ сегодня у Лагодина... Онъ говоритъ, что съ Пашей, дорогою, безъ него, въ вагонѣ, была отвратительная исторія... Я, говоритъ, только на-дняхъ узналъ, что ее обвиняли и уличали въ кражѣ...

Анна Григорьевна вздрогнула и приближая испуганное лицо, уставила на него какой-то ищущій взоръ.

— Ты стало быть знаешь? выскочило у ней слово изъ кузова, на ухабѣ, что-нибудь плохо уложенное.

— Навѣрное меньше чѣмъ ты, такъ какъ онъ и самъ не знаетъ почти ничего.

— Я... начала опа, и загнулась, зная по опыту что брата Павла не проведешь.—Я очень боюсь за Пашу, но, къ сожалѣнію, я дала ей слово молчать...

— Плохая услуга для дѣвки—прятать что платье на ней горитъ!... И помолчавъ.—Дурачество это съ ней лежитъ у меня на совѣсти, послѣ того какъ я узнала что она, по моей винѣ, попала въ бѣду... Если-бы я знала это равнѣ, я не оставилъ-бы ее здѣсь одну, безъ помощи... Дѣло однако кочепю, если Сергѣй не вретъ.

— Нѣтъ, Паша, оно не кочепю, и грозитъ окончиться очень скверно для Паши, а можетъ быть и еще для кого-нибудь... Ты здѣсь одинъ?

— Нѣтъ, съ Черепинымъ... Онъ прїѣхалъ чтобы сдѣлать ей предложеніе.

Тревога Анны Григорьевны вдругъ дошла до того предѣла, дальше котораго никакія клятвы не въ силахъ уже зажать человѣку ротъ.

— Паша, я очень боюсь что онъ опоздаетъ...

— Ахъ, къ чорту загадки! перебилъ онъ терпѣніе.—Если ты знаешь гдѣ у нея горитъ, то говори.

— А ты не выдашь меня?

— Безъ надобности не выдамъ.

— У ней уже есть другой.

— Не можетъ быть!

— Вѣрно... Ну, печего дѣлать;—слушай.

И Анна Григорьевна, заглушая укоры совѣсти мысленнымъ оправданіемъ что она это дѣлаетъ въ интересахъ друга,—выдала ему тайну Паши.

Братъ слушалъ хмурясь... Это былъ полный мужчина, немногимъ выше средняго роста, но атлетическаго тѣлосложенія. Густые, изжелта-русые бакены и короткая борода придавали фигурѣ его что-то львиное; но въ тонкихъ губахъ и глубокомъ взорѣ свѣтилась сила другаго рода: спокойная и владѣющая собой.

— Стойницкій, ты говоришь? спросилъ онъ.

— Да, Викторъ Михайловичъ. Онъ юрисконсультъ банка гдѣ Паша служитъ бухгалтеромъ... Что ты такъ смотришь?... Ты знаешь о немъ что-нибудь?

— Нѣтъ... Слышалъ;—по не умѣю тебѣ сказать что именно. При мнѣ называли его по поводу одного курьезнаго дѣла, здѣсь, въ окружномъ... но я не обратилъ вниманія.

— Онъ кромѣ того ведетъ дѣла этой самой Роггевичъ, что заплатила за Пашу по векселю...

— П о Рогневичъ слыхалъ... Какая-то отставная актриса, которая бросила сцену и нажилась аферами... Жаль Пашу если она попадетъ въ руки жуликовъ, а выходитъ какъ будто похоже на то... Ты не видала его?

— Стойнидкаго?... Нѣтъ еще,—но увижу на-дняхъ.

Павель Григорьевичъ задумался.

— Надо-бы разузнать, сказалъ онъ. Но я беру это на себя; а ты постарайся уговорить Алёшу, чтобъ онъ не терллъ надежды, и главное, не откладывалъ... Онъ будетъ сегодня вечеромъ у тебя.

* * *

Черенинъ замѣтилъ что онъ неравнодушенъ къ Пашѣ только тогда какъ весь уѣздъ уже зналъ о случившемся съ нимъ „пассажѣ.“ Онъ не имѣлъ до сихъ поръ романовъ, и глупое положеніе, въ которомъ онъ очутился, злило его. Но тѣмъ не менѣе онъ сталъ думать о дѣвушкѣ и чѣмъ долѣе думалъ, тѣмъ болѣе сожалѣлъ что до сихъ поръ обращалъ на нее такъ мало вниманія. Не вдругъ-же, думалъ онъ:—у нея это вспыхнуло; а было навѣрное что-нибудь уже давно. Но если такъ, то это конечно первая, дѣвственная ея привязанность. Чѣмъ онъ ее заслужилъ—это пустой вопросъ. Онъ былъ не поэтъ и отъ природы не склоненъ къ мечтательнымъ увлеченіямъ; но онъ зналъ достаточно Пашу чтобы понять какое прочное счастье ея привязанность обѣщаетъ тому кто съумѣлъ-бы ее оцѣнить и ею воспользоваться. Не жалость-ли пройти мимо, оставивъ этотъ весенній цвѣтъ сердца отцвѣсть и увянуть, тогда какъ онъ могъ-бы составить счастье и украшеніе его до сихъ поръ одинокой жизни?... Онъ—человѣкъ свободный и сердце его не занято... Средства достаточныя... Ничто не мѣшаетъ ему воспользоваться находкой и сдѣлать изъ Пашинъ вѣрную, преданную, счастливую жену.

Но тутъ замѣшалась Анна Григорьевна. Она нашла этотъ маленький, тлѣющій уголекъ и принялась усердно его раздувать — работа которая удалась ей лучше чѣмъ даже она могла надѣяться. Черенинъ былъ радъ и не радъ. Съ одной стороны, онъ мало зналъ Пашу и радъ былъ найти кого-нибудь, кто освѣтилъ-бы ему дорогу. Съ другой—это связывало его и онъ боялся чтобъ Анна Григорьевна, ослабленная слишкомъ горячимъ усердіемъ, не сбила-бы ихъ обоихъ съ толку... Такъ и случилось отъ асти съ ея комментаріями о затрудненіяхъ, которые будто-бы не позволяютъ Ладницевой *ничего обшцать*. Чтѣ такое она писала, чтобы получить подобный отвѣтъ,—Черенинъ не зналъ, но онъ чувствовалъ что выходитъ неловко и глупо.

Дѣйствительно, чтѣ могла обшцать ему Паша, когда онъ ее ни о чемъ не просилъ и ничего ей не предлагалъ?... Конечно, передавалъ его слова съ поисненіями,—припугали къ нимъ чего-нибудь своего... И онъ тогда-же рѣшилъ впредь обойтись по возможности безъ посредниковъ; но не желалъ обидѣть Анну Григорьевну, не сказалъ ей о томъ ничего и тѣмъ, въ свою очередь, сбилъ ее съ толку.

Теперь это выяснилось, но вмѣстѣ выяснилось, увы! и то что онъ опоздалъ.

Черенинъ сидѣлъ какъ въ воду опущенный. Ему было жалко дѣвушку, безъ малѣйшей вины запутанную въ такія продѣлки, и жалко своихъ надеждъ; „но надо-же быть справедливымъ, думалъ онъ,—и не приписывать легкомыслію, или измѣнѣ, того чтѣ было не болѣе какъ естественнымъ результатомъ ея положенія.“ Она не скрывала отъ насъ что она въ „мучительныхъ затрудненіяхъ.“ Чтѣ-жъ удивительнаго, если,—покуда мы тамъ сидѣли спокойно, оставивъ ее тутъ одну и безъ помощи,—она нашла человѣка, который взялся за дѣло ея горячо,—и полюбила его?

Нѣчто подобное онъ сказалъ и Мезенской, когда она

убѣждала его „не терять надежды и не откладывать.“

— Это немисливо, отвѣчалъ онъ въ уныніи.—Подумайте только: какой мѣдный лобъ надо имѣть чтобы, пропустивъ четыре мѣсяца, пріѣхать къ ней и сказать: „теперь, когда все это конечно, и предлагаю вамъ руку!“

— Но если она погубить себя этимъ выборомъ? говорила Мезенская, почти въ отчаяніи.

— Не вижу съ чего вы это взяли, Анна Григорьевна, отвѣчалъ онъ спокойно.—Чтѣ вы о немъ знаете кромѣ того, что онъ адвокатъ? Но развѣ это пятно? Въ корпорации адвокатовъ есть люди съ безукоризненною репутацией и пользующіея всеобщимъ, заслуженнымъ уваженіемъ. Чтѣ-же васъ заставляетъ думать что онъ принадлежитъ къ подопкамъ своей профессіи?

— Оставьте профессію, возразила Анна Григорьевна горячо,—и сознайтесь уже лучше прямо что вы не любите Пашу. Если-бы любили, вы-бы не уступили ее такъ равнодушно,—другому. Вы говорите „поздно“—даже не срались: дѣйствительно-ли это такъ,—какъ человѣкъ, который радъ случаю отвязаться. А я у васъ спрашиваю: почему вы знаете? Послѣ того чтѣ у васъ было съ нею передъ отѣздомъ ея сюда, вы не видѣлись, не обмѣнялись съ нею ни словомъ. Почему она знаетъ что вы не ставите ей въ вину ея несчастія?... Вы говорите сами что нѣтъ ничего удивительнаго если она, потерявъ надежду на васъ, остановила выборъ свой на другомъ. И почему вы думаете что если-бы вы себѣ дали трудъ разувѣрить ее, она не вернулась-бы къ первой своей привязанности и не сочла-бы этого за большое счастье?

Но все краснорѣчіе ея пропадало даромъ.

— Да, говорилъ Черенинъ,—если-бы я имѣлъ какую-нибудь заручку что все это не фантазіи... Но я не вижу рѣшительно ничего кромѣ ревностнаго желанія вашего сохранить ее, если можно такъ выразиться, въ нашей семьѣ.

Пробившись съ нимъ часа два, Анна Григорьевна наконецъ потеряла терпѣнье.

— Нѣтъ, Паша права, сказала она.—Вы ее вовсе не знаете и не любите ни на-грошъ!

Станнымъ образомъ, этотъ укоръ изъ первыхъ рукъ подѣйствовалъ на него сильнѣе всего чтѣ онъ слышалъ лично отъ Мезенской... Онъ замолчалъ и ушелъ отъ нея озабоченный.

* * *

На другой день, онъ былъ у Пашинъ. Дѣвушка, ничего не зная о его пріѣздѣ, выбѣжала къ нему въ смущеніи, ожидая, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Богъ знаетъ чего... Но ничего особеннаго, въ минуту ихъ первой встрѣчи, не было сказано и они, пожавъ другъ другу руку, усѣлись въ пустой гостиной... Сердце у Пашинъ стучало такъ, что она съ трудомъ выговаривала слова. Черенинъ былъ пораженъ перемѣной, которую онъ въ ней нашелъ. Вмѣсто безпечной, розовой институтки, почти ребѣнка, какимъ она уѣхала осенью въ Петербургъ, передъ нимъ была блѣдная и дрожащая отъ волненія молодая женщина съ явственными слѣдами страданія на лицѣ.

Съ трудомъ скрывая свое впечатлѣніе, онъ признался ей прямо что онъ не можетъ еще придти въ себя послѣ того чтѣ онъ слышалъ вчера отъ Алены Григорьевны.—Изъ вагихъ писемъ, сказалъ онъ,—пельзы было и представить себѣ ничего подобнаго.

— Да, Алексѣй Васильевичъ, отвѣчала Паша,—не думала я, уѣзжая, во чтѣ обойдется мнѣ эта игра. Но издали трудно судить о томъ чтѣ я здѣсь въ дѣйствительности пережила... Я только снаружи похожа на прежняго человѣка, а если-бы я могла открыть свою душу, никто изъ старыхъ друзей не узналъ-бы меня... Какъ въ полѣ, послѣ потравы, мѣста не ос-

Оливеръ Кромвель у слѣпаго Мильтона. Рис. Мерте, грав. Кирзэ.

Отъ нечего дѣлать. Съ карт. Вастага, грав. Вонгъ

тается цѣлаго:—все выѣдено и перемято!... Бываютъ минуты когда я едва сама себя узнаю...

Она заморгала и двѣ слезы покатались у ней по щекамъ.

Черенинъ слушалъ ее дивясь. Тотъ голоса—смысль рѣчей—все было новое и все какъ-то странно хватало за сердце... Они замолчали и посмотрѣли другъ другу въ глаза. Легкая краска зардѣлась у ней на щекахъ.

— Сказать-ли вамъ правду, заговорилъ Черенинъ вдругъ оживляясь.—Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы „потрава,“ какъ вы ее называете, была такъ велика и непоправима... Рѣдкая твердость, съ которой вы вынесли здѣсь, одна, такія тяжелыя испытанія, ручается что живая сила не сломана. Бросьте вы только это гнилое болото, которое вамъ не сродни, и возвращайтесь къ намъ. Я вамъ отвѣчаю что къ Троицѣ все выпрямится и развѣтветъ лучше прежняго.

— Нѣтъ, отвѣчала Паша вздохнувъ.—Я, что называется, съ корнемъ вырвана... А то что вы говорите о твердости—сильно преувеличено. Если-бы у меня ея было больше, я-бы не стала прятаться, а рассказала бы храбро о томъ что со мною случилось, всѣмъ кому слѣдовало объ этомъ знать;—и дѣло тогда не затнулось-бы на пять мѣсяцевъ. Но я не хочу вамъ хвастать, я такъ перетрусилась и упала духомъ что если-бы Богъ не сжалился надо-мною, я не могу и подумать теперь безъ ужаса, до чего я могла-бы дойти... Другому—я можетъ быть не призналась-бы въ этомъ; но вамъ... Послѣ всего что было, я не хочу чтобы вы могли меня упрекнуть въ неискренности... Да, Алексѣй Васильевичъ, дѣло могло окончиться иначе;—но объ этомъ поздно теперь жалѣть.

Черенинъ смотрѣлъ на нее нерѣшительно. Ея прямота вызывала его на такую же искренность; по то что ему хотѣлось сказать, было такъ непривычно, что онъ напрасно искалъ подходящаго выраженія; все выходило какъ-то ходульно, словно въ какой-нибудь мелодрамѣ переведенной съ французскаго языка.

— Прасковья Петровна, началъ онъ съ разстановкой, часто прерывая и поправляя себя,—я бы желалъ быть съ вами также чистосердечнымъ, но то что мнѣ хочется вамъ сказать... трудно сказывается... Повѣрьте мнѣ все-таки, что если я васъ зову отсюда, въ деревню, то это не фразы, вышнныя чувствомъ холоднаго сожалѣнія... Я всею душою желаю того что я говорю и счелъ бы за счастье если бы мнѣ удалось... осуществить на дѣлѣ мое желаніе... Но... моей воли для этого недостаточно; а что касается вашей, то я скажу вамъ прямо: я очень боюсь, что я опоздалъ.

На этотъ разъ Паша зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ; по не сказала ни слова.

Онъ замолчалъ, и сталъ говорить о деревнѣ. Это какъ-будто прободило ее. Она оживилась и принялась спрашивать его съ любопытствомъ о разныхъ вещахъ изъ круга его сельской дѣятельности. Но личный вопросъ былъ оборванъ—и они больше къ нему не возвращались.

Когда онъ ушелъ, Паша кинулась въ свою комнату, на постель, и зарывавъ, уткнулась лицомъ въ подушки... Вѣдняя не ожидала того что она сегодня услышала... Правда-ли что онъ опоздалъ?.. Она и сама не знала... Сердце ея было разорвано на-двое—и та часть, которая принадлежала прошлому, вдругъ напомнила о себѣ, горячо отстаивая свои права.

XXIII.

Пути, которыми мы приходимъ къ важнѣйшимъ событіямъ нашей жизни, часто необъяснимы. Намъ кажется иногда что сама судьба влечетъ насъ къ какой-нибудь очевидной, радостной или печальной развязкѣ, тогда какъ на дѣлѣ, невидимое теченіе относитъ насъ прямо въ противоположную сторону... Нѣчто подобное было и съ Пашей.

— Не макируйте въ субботу, сказала она Стойницкому, встрѣтивъ его въ правленіи.—Мнѣ нужно васъ познакомить съ Мезенской и я хочу чтобы вы завоевали ее.

Онъ обѣщавъ и дѣйствительно постарался...

Успѣхъ былъ такой, что Анна Григорьевна воротилась домой очарованная, а Паша надулась и на прощанье не подала ему даже руки. Она находила что это ужъ слишкомъ: онъ велъ себя съ Анею такъ, какъ будто бы кромѣ нея никого и на свѣтѣ не существовало!.. Аня пожалуй подумаетъ что она и въ самомъ дѣлѣ завоевала его!

Но Аннетъ, по природѣ своей, не способна была на бурныя увлеченія. Проспавшись послѣ своей побѣды, она почувствовала что чадъ въ ея головѣ прошелъ и стала догадываться въ чемъ дѣло.

„Пересолилъ!“ рѣшила она съ усмѣшкой.— „Надо однако признаться, онъ въ самомъ дѣлѣ способенъ свести съ ума молодую дѣвушку, не видавшую ничего кромѣ такихъ моржей какъ нашъ милый Алеша!.. Молодъ, уменъ какъ чортъ и полонъ огня!.. Но актеръ!.. О! это такой актеръ, что хоть кого способенъ сбить съ толку!..“

Анна Григорьевна исключала конечно себя, по она отъ души пожалѣла о бѣдной Пашѣ.

— Не мудрено, говорила она себѣ,—если такой человекъ вскружилъ ей голову.

А Паша, даже проспавшись, все еще не могла простить Стойницкому его неумѣреннаго усердія и ей приходили на умъ ревнивыя мысли.

„Аннетъ конечно очень мила: а Викторъ Михайловичъ впечатлительнъ... Что если онъ не на шутку былъ увлеченъ?“

Въ головѣ у нея бродило и что-то неудержимо толкало ее идти туда, въ Конюшенную, узнать... Что именно ей хотѣлось узнать, и почему цельзя было этого отложить до другаго дня, она не давала себѣ отчета. Паша была въ томъ настроеніи духа, когда самыя умныя женщины дѣлаютъ глупости.

И она сдѣлала глупость, пошла, не спрашивая себя ни на минуту къ чему это поведетъ, не безпокоясь даже что онъ подумаетъ о ея посѣщеніи, послѣ того на чемъ они разошлись послѣдній разъ что она была у него въ Конюшенной.

Случилось однако нѣчто чего она вовсе не ожидала... Она не застала дома Стойницкаго... Только тогда ей пришло на умъ что теперь, когда ея дѣло конечно, никакого повода къ тайнымъ свиданіямъ болѣе нѣтъ. Онъ стало-быть и не ждалъ ее? Но если не ждалъ, то зачѣмъ же было такъ горячо и настойчиво звать ее?

Взглядъ на часы убѣдилъ ее, что она этотъ разъ пріѣхала нѣсколько позже обыкновеннаго, и это ее навело на мысль, что онъ могъ уѣхать на четверть часа, какъ онъ и самъ предупреждалъ ее что ему иногда приходится.

— Вамъ неизвѣстно когда онъ вернется? спросила она у экономки.

— Не знаю, сударыня; они не сказали мнѣ ничего.

— Я подожду немного... Можно?

— Ахъ, Боже мой! сдѣлайте милость!.. Позвольте мнѣ вашу шубку... Да лучше пожалуйте къ нимъ въ кабинетъ; тамъ васъ никто не обезюкоитъ.

Паша вошла и сѣла... Виски у нея пылали; на сердцѣ кишло... Еслибъ ловець засталъ добычу свою въ такомъ безпомощномъ состояніи, побѣда досталась бы ему вѣроятно легко... Но время шло... Пять... десять минутъ... полчаса... Напрасное ожиданіе начало ее охлаждать. Идея, сводившая ее со вчерашняго дня съ ума, ослабла, и Паша, освобожденная отъ ея давленія, понемногу пришла къ естественному вопросу: — Что дѣлать?.. Но не успѣла она подумать объ этомъ,

какъ что-то другое проснулось и громко заговорило у ней въ душѣ... Это былъ страхъ, преслѣдовавшій ее неотступно всѣ эти дни... Что она дѣлаетъ?.. Ждетъ его страстныхъ признаній и ласкъ, послѣ которыхъ она можетъ быть и не въ силахъ будетъ уже уйти... Готова-ли она къ этому, или она, какъ муха, летитъ на огонь?.. Вѣдь не дразнить же его она пришла!

Паша вскочила въ ужасъ и выбѣжала въ прихожую такъ проворно что Аграфена Ивановна едва поспѣла навстрѣчу, чтобы ее одѣть... Вѣгомъ внизъ по лѣстницѣ, словно за нею гналась вся семья Бурдюковыхъ, съ Анной Егоровною, съ дѣтьми и собаками!..

— Вотъ встрѣчу!.. Вотъ встрѣчу! твердила она себѣ...

Однако она никого не встрѣтила и вернулась благополучно домой, ужасно довольная что ея безумство сошло ей съ рукъ безнаказанно.

Но что сказала бы Паша, еслибъ она могла угадать гдѣ въ эту минуту былъ Викторъ Михайловичъ?..

Стойницкій, вмѣсто того чтобы развѣзжать по дѣламъ, сидѣлъ съ визитомъ у Анны Григорьевны.

* * *

Зачѣмъ онъ пріѣхалъ?—это въ вульгарномъ смыслѣ не трудно понять. Онъ не былъ ни на волосъ очарованъ Мезенскою, хотя, говоря языкомъ знатоковъ, это была пикантная молодая блондинка; но наканунъ ему такъ легко удалось затронуть ревнивую струнку въ Пашѣ, что мысль покончить этимъ путемъ съ ея нерѣшимостью завлекла его нѣсколько дальше цѣли. Было однако же кромѣ того и еще что-то лишнее, въ чемъ онъ самъ себѣ не давалъ отчета. Какъ опытный человѣкъ, онъ не могъ не замѣтить что онъ произвелъ на Анну Григорьевну впечатлѣніе. Жадность завоевателя, увлеченнаго на минуту, въ сторону отъ намѣченнаго пути, преслѣдованіемъ совѣтъ ненужной ему добычи, или шаловливое любопытство школьника залѣзающаго въ чужой огородъ безъ всякой опредѣленной цѣли,—что-то толкало Стойницкаго посмотреть какъ будетъ принятъ такой неожиданный знакъ вниманія.

Домъ въ Пушкинской улицѣ былъ ему знакомъ и онъ безъ труда отыскалъ въ немъ Мезенскую... Анна Григорьевна отворила ему сама, и узнавъ его, надо признаться, вспыхнула.

— Господи! вырвалось у нея въ простотѣ души, — вотъ ужъ никакъ бы не угадала!

Однако она была польщена. „Пришелъ толковать о своихъ сердечныхъ дѣлахъ“, рѣшила она, и по началу казалось дѣйствительно такъ. Его оживленная, бойкая рѣчь началась съ Ладищевой и безпрестанно къ ней возвращалась. Но онъ-ли игралъ съ любопытствомъ уфадной барышни, или она не умѣла вызвать его на откровенность, все что онъ говорилъ касалось въ дѣйствительности скорѣе ея чѣмъ Паша. Онъ говорилъ о недостаткѣ свѣжаго женскаго элемента въ столичномъ обществѣ и о томъ какъ сильно оно нуждается, для своего обновленія, въ притокѣ пейстоценныхъ силъ, жалуюсь что ихъ здѣсь не умѣютъ цѣнить. Вмѣсто того чтобы привлечь или по меньшей мѣрѣ заботливо удержать и окружить всевозможнымъ вниманіемъ то, что сюда залетаетъ случайно, здѣсь смотреть на дорогихъ гостей какъ на простую, чернорабочую силу... Сдѣлать изъ такой дѣвушки, наримѣръ, какъ Прасковья Петровна—бухгалтера!.. Не все-ли это равно,—извините за грубость сравненія,—что возить дрова на чистокровномъ арабскомъ конѣ, или мостить каррарскимъ мраморомъ какую-нибудь Сѣвную?

— Мы сильно надѣмся увезти съ собой Пашу, сказала съ коварной усмѣшкой Аннетъ.

— Это была-бы истинная потеря для всѣхъ, кто не можетъ за „вами“ послѣдовать, отвѣчалъ онъ уклончиво.

— Но что-же дѣлать, если, какъ вы сознаетесь сами, се не умѣли здѣсь оцѣнить?

— Надѣюсь, сказалъ онъ,—что вы допускаете исключенія... И опасаясь впутаться въ какую-нибудь новую западню, онъ поспѣшилъ прибавить шуты, что врядъ-ли друзья Прасковьи Петровны позволятъ ее увезти безъ какого-нибудь соотвѣтственнаго залога, который ручался-бы имъ за ея возвращеніе, или по крайности хоть утѣшилъ-бы ихъ, въ ихъ потерѣ.—Если она уѣдетъ, сказалъ онъ смѣясь,—то ужъ извините, мы арестуемъ здѣсь васъ.

— И засадите меня на ея мѣсто, въ банкъ? Ну вѣтъ, покорно благодарю!.. Я ненавижу вашъ Петербургъ!.. Это какал-то фабрика, не знающая ни днемъ, ни ночью, покоя... Громъ, суета, толкотня!.. Не считая такихъ любезностей, какія здѣсь испытала Паша... Случай, вы скажете?.. Да, пожалуй; но какъ хотите, а уже одна возможность подобныхъ вещей достаточна чтобы бѣжать отсюда домой, безъ оглядки...

По этому поводу сказано было нѣсколько словъ о дѣлѣ, въ которомъ онъ принималъ участіе, и Анна Григорьевна услышала нѣсколько интересныхъ подробностей... Онъ скромно не признавалъ за собой никакой заслуги и увѣрилъ серьезно Анну Григорьевну, что если-бъ она была тутъ, въ его помощи не оказалось-бы ни малѣйшей нужды. Всѣ бѣдствія, молъ, произошли отъ того, что кому-то было вынудить у нея признаніе... Прасковья Петровна, молъ, не похожа на васъ; она чрезвычайно робка и скрытна.

— Вы, значить, считаете меня очень храброю? спросила съ усмѣшкой Аннетъ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ,—но что-то мнѣ говоритъ, что на ея мѣстѣ вы-бы не потеряли голову.

— То-есть, иначе сказать, обошлась-бы безъ вашей помощи?

— Вы заставляете меня, нехоти, вамъ признаться, что я считалъ-бы за счастье всякій случай ее оказать.

— Покорно благодарю!.. Какъ ни лестно имѣть такого защитника, но я предпочла-бы все-таки не нуждаться въ защитѣ.

— Замѣтите: вы второй разъ обижаете меня въ благодарственномъ наклоненіи, сказалъ съ топкой усмѣшкою адвокат.—Ваше покорно благодарю, въ переводѣ на простонародный языкъ, значитъ по-просту: *убирайся къ черту!*

Мезенская расхохоталась.

— Ну вѣтъ, я не имѣла намѣренія отсылать васъ такъ далеко... Напротивъ...

Кокетство, съ которымъ она ему кинула это послѣднее слово, было достойно оцѣнено и послужило темою новыхъ атакъ. Однако ему не удалось добиться, что значитъ *напротивъ*... Она проболтала съ часъ, по пи-чего особеннаго по адресу Паша не было сказано.

Какъ разъ передъ самымъ уходомъ его, явился Павелъ Григорьевичъ и сестра познакомила ихъ.

* * *

— Зачѣмъ пріѣзжалъ? спросилъ братъ.

— Не разберу, отвѣчала Анна Григорьевна.—Вчера, у Ладищевыхъ рассыпался сахаромъ, не то въ угоду Пашѣ, не то чтобы заставить ее ревновать; въ чемъ кажется и уснѣлъ... А сегодня съ визитомъ... Сначала я думала, что желаетъ съ ней посчитаться черезъ меня; а теперь не знаю ужъ что и думать.

— Смотри! сказалъ братъ, грозилъ ей пальцемъ.—Такие шустрые игроки напрасныхъ ходовъ не дѣлаютъ.. Ты можетъ-быть думаешь что онъ такъ, даромъ, возился съ Пашей?.. Какъ-бы не такъ! Получилъ за свой трудъ бездѣлицу: двадцать пять тысячъ.

— Какъ двадцать пять тысячъ!.. Съ кого?

— Не знаю... Да онъ и самъ, я думаю, хорошенко не знаетъ. То-есть онъ знаетъ, что деньги онъ полу-

чилъ отъ Шалыгина,—а Шалыгинъ долженъ ихъ получить изъ общества внутренняго кредита, стараніями предсѣдателя совѣта, Ивана Ѳедоровича Ладищева. Но кому придется ихъ окончательно заплатить: Шалыгину или акціонерамъ банка, объ этомъ бабушка на-двое говоритъ... Не понимаешь?.. Ну, слушай, я объясню... И онъ разсказалъ ей извѣстную уже намъ продѣлку, прибавивъ, что онъ, не далѣе какъ вчера, узналъ это по секрету отъ одного изъ друзей Шалыгина.

Анна Григорьевна слушала какъ во снѣ.

— Курьезво! сказала она.—Только при чемъ-же тутъ Паша?

— Ахъ, Анна, какъ ты глупа! Да неужли-же ты думаешь что эта Рогневичъ, съ своимъ повѣреннымъ, такъ—изъ-за ея красивыхъ глазокъ—старались?.. Племянница тутъ служила только крючкомъ, чтобъ дядя у нихъ не сорвался, покада они не обрабаютъ дѣло Шалыгина... А что у этого молодца была съ Пашею, кромѣ того, своя особенная игра въ „кѣры“, такъ это уже чисто вина Алѣши. Не даромъ-же говорятъ: „не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ...“ Чего онъ жеманился? Пріѣхалъ-бы слѣдомъ за ней, съ предложениемъ, такъ не о чемъ было-бы долѣе и хлопотать... Тогда какъ теперь—я серьезно боюсь за нее. Разъ дѣло дошло до ревности, оно очень далеко зашло, и трудно предвидѣть чѣмъ это у нихъ разыграется.

Онъ говорилъ еще, когда робкій, чуть слышный стукъ изъ коридора въ наружную дверь, вѣроятно условный знакъ,—заставилъ Анну Григорьевну вздрогнуть.

— Это она! шепнула она вскочивъ и прислушиваясь.—Знаешь что, Паша, оставь ты насъ лучше вдвоемъ. Ты только стѣснишь ее.

— Ладно, отвѣчалъ братъ вставая и взявшись за шляпу.—Только ты сдѣлай чтобы она сегодня обѣдала у тебя; а я послѣ обѣда зайду. Мнѣ надо тоже съ нею поговорить, такъ какъ откладывать этого долѣе нельзя.

* * *

Встрѣча въ прихожей имѣла какой-то траурно-церемонный видъ. Паша пожала протянутую ей руку молча; онъ извинился, что не былъ еще у нея и не можетъ остаться. Всѣмъ было какъ-то не по себѣ и всѣ были рады, когда онъ ушелъ.

— Угадай: кто у меня тутъ былъ передъ тобой? сказала Аннетъ, обнявъ и усаживая Ладищеву.

— Череницъ?

— Нѣтъ, Викторъ Михайловичъ... Сказать тебѣ правду—онъ мнѣ не нравится.

Все это удивило и огорчило Пашу.

— Съ какихъ поръ? спросила она.—Вчера мнѣ казалось наоборотъ, что ты отъ него въ восторгѣ.

Мезенская слегка покраснѣла.

— Да, съ первой встрѣчи онъ подкупилъ меня... И падо отдать ему честь: онъ ловокъ, уменъ, привлекателенъ... Но это актеръ...

Она ожидала горячаго возраженія; но, къ удивленію ея, Паша молчала съ какимъ-то убитымъ видомъ. Тогда Аннѣ Григорьевнѣ стало жалко ея и она просила прощенія за свой рѣзкій отзывъ.

— Вопросъ такъ серіезенъ, что я сочла-бы за низость лгать, говорила она;—я впрочемъ не выдаю своихъ впечатлѣній за истину... Я не знаю его... Но послѣ вчерашняго и отъ него ожидала искренности и не слышала почти ничего кромѣ шутокъ... Невольно думается, что если-бы онъ любилъ тебя, онъ-бы нашель сказать мнѣ что-нибудь болѣе теплое... А это было-бы очень не лишнимъ, послѣ того что я слышала о его участіи въ твоёмъ дѣлѣ.

Испуганный взглядъ, которымъ Паша ей отвѣчала, сбилъ Анну Григорьевну съ толку.

— Тебѣ вѣдь извѣстно сколько онъ получилъ за хлопоты? вырвалось у нея, необдуманно.

Несчастная дѣвушка поблѣднѣла какъ полотно.

— Это ложь! сказала она глухимъ, но рѣшительнымъ голосомъ.—Низкая ложь!.. Услуги его были вполнѣ безкорыстны.

— Не спорю... А все-таки онъ получилъ съ Шалыгина очень солидный кушъ...

— Съ какого Шалыгина?

— Да развѣ-же ты не знаешь?.. Не знаешь что у него съ мадамъ Рогневичъ было другое дѣло, изъ-за котораго они главнымъ образомъ и хлопотали... Шалыгинъ—банкрутъ или близко къ тому... Ему былъ нуженъ миллионный заемъ, чтобы отсрочить крушеніе, и онъ его получилъ изъ вашего банка, благодаря стараніямъ этой барыни и ея повѣреннаго, которые обонили (она не нашла болѣе мягкаго выраженія)—болжно сказать кого, но я не хочу ничего отъ тебя скрывать... Заемъ былъ устроенъ черезъ твоего дядю.

Всѣ старыя опасенія Паша, покинутая какъ низость послѣ того какъ она увѣровала въ своего избавителя, подтверждались, но уже поздно. Для ослѣпленной дѣвушки не было очевидности достаточно яркой чтобы открыть ей глаза.

— Молчи! Ради Бога молчи!.. Ты оскорбляешь меня! твердила она хватая Анну Григорьевну за руки, за плеча.—Все это подлая клевета, которую про него распускаютъ его враги!.. Ихъ цѣлая шайка, и я имѣла уже одинъ образчикъ ихъ злобы... Смотри: вотъ что я получила, не далѣе какъ сейчасъ, передъ уходомъ къ тебѣ... Она развернула измятое и закапанное слезами письмо.—На, полюбуйся.

Аннетъ прочла:

„Милостивая Государыня!

„Я не имѣю чести васъ знать; но я васъ видѣла „мелькомъ, и мнѣ васъ ужасно жалъ. Женою-ли его „вы надѣетесь быть, или такъ просто, другомъ, если „вы любите его не шуя. это почти все равно, такъ „какъ онъ никому не можетъ дать счастья. Онъ любитъ страстно, но любитъ какъ дѣти любятъ игрушку, „покуда не надоѣсть и не пригнется новая... Такой „игрушкой служила ему и я... Онъ бросилъ меня че- „резъ годъ — и не одну, и я, къ стыду своему, существую крохами, которыя онъ изъ жалости мнѣ даритъ. Можетъ быть въ вашихъ глазахъ это очень „низко; но я, какъ мать, не имѣю выбора... Вѣрьте „или не вѣрьте мнѣ—это ваше дѣло, а я исполняю „только свой долгъ, и я дорого заплатила за право „васъ остеречь.

„Несчастная, у которой нѣтъ имени.

„Не выдавайте меня, если вы не хотите, въ награду за „сестринскую услугу, меня погубить“.

Письмо это выпало изъ кармана шубки, когда ее вытряхивали, и подано было Пашѣ нашедшею его горничною. Оно было писано очевидно наскоро и адресовано коротко: *Ея Превосходительству, Госпожѣ Ладищевой*... Не трудно было понять, что его подкинули покуда она ждала въ кабинетѣ Стойницкаго, и что она его принесла съ собою домой. Не удивительно даже, что Паша угадывала отчасти и автора; но что весьма удивило Анну Григорьевну, это что Паша ему не повѣрила.

— То, что письмо подметное, говорила она,—пустяки. Есть подлыя письма которыхъ авторы и не думаютъ прятаться. Но долгъ платою красенъ. Когда меня считали воровкою и еда не плевали въ лицо, онъ не требовалъ отъ меня никакихъ доказательствъ моей невинности, а повѣрилъ мнѣ просто взглянувъ мнѣ въ глаза. Теперь моя очередь вѣрить, и кто-бы его ни обвинялъ, какую низость я ни услышала-бы о немъ... Я не вѣрю! Не вѣрю! Не вѣрю!

— Однако ты плакала надъ письмомъ, сказала Анна Григорьевна.—Не отпирайся, смотри: вотъ свидѣтели... Да на тебѣ и до сихъ поръ лица еще нѣтъ... Смотри,

„Фаустъ“, Гёте. Явленіе духа земли. Съ гравюры на мѣди изд. А. Ф. Маркса. Автогипія А. Шулера.

Пашута! Испортить жизнь очень не трудно; но по-
правлять такіа ошибки во всякомъ случаѣ нелегко...
Куда ты? Ты такъ разстроена, что не въ силахъ да-
же и притворяться спокойной... Дома тебя замучатъ

разспросами... Оставайся обѣдать со мной... А чтобъ
тебя не ждали, пошли имъ съ посыльнымъ нѣсколько
словъ.

(Продолженіе будетъ).

Загадка.

(Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ)

О. Чюминой.
(Окончаніе).

ДѢЙСТВІЕ II.

Сцена представляетъ изычно убранную гостиную на дачѣ
княгини въ Павловскѣ. Большое окно-балконъ, изъ котораго ви-
денъ паркъ. Множество цвѣтовъ и дорожныхъ bibelots. Входная
дверь въ глубинѣ, другая — нальво.

Явленіе I.

Князь Юрій и Семень.

Кн. Юрій (въ изычномъ лѣтнемъ ко-
стюмѣ, со шляпой въ руку,
входитъ въ гостиную).

Семень.

Пожалуйте въ гостиную. Съ катанья
И ихъ снѣтства пожалуютъ сейчасъ
Домой.

Кн. Юрій.

Я подожду.

(Семень уходитъ).

Да, думалъ-ли хоть разъ,
Воображалъ-ли я, чтобъ вдругъ со мной стряслась
Подобная бѣда? Съ полудня на гулянье
Явлюся, гдѣ три часа, какъ всѣ,
Верчусь кругомъ, какъ бѣлка въ колесѣ,
Любуясь на дамъ сидящихъ у эстрады
И мечущихъ въ оркестръ восторженные взгляды...
А скачки? А балы? Весь этотъ шумъ и гамъ?
А ловля жениховъ? Бедламъ! Совсѣмъ Бедламъ!
И это я... я, бросивъ всѣ привычки
Любимыя, дѣла — я, съ розою въ петличкѣ,
Tiré à quatre épingles, дежурю по часамъ
Въ гостиныхъ, провожаю дамъ
Безропотно въ концерты Вицентини
И соглашаюсь съ мнѣніемъ княгини,
Что всѣмъ несчастіямъ земли родной
Лишь курсы женскіе виной...
Да, время съ пользою я провожу большою!
А тутъ, какъ-будто бы въ пасмѣшку надо мною,
(вынимаетъ изъ кармана газету)

(Читаетъ):

„Нашъ молодой, талантливый ученый
И путешественникъ неутомимый — князь
Агаринъ, только что съ Востока возвратясь,
Живеетъ въ окрестностяхъ, всецѣло поглощенный
Своимъ объемистымъ трудомъ,
Что безъ сомнѣнія является плодомъ
Его блистательныхъ научныхъ изысканій.“
А? Какъ вамъ нравится? Вотъ онъ „миліонъ терзаній!“
Вѣдь это съ умысломъ! Ей Богу! Поглощенъ!..

(Хлопаетъ по газетѣ).

Писалъ бы: какъ дуракъ влюбленъ
И въ Павловскѣ сидитъ, томимъ ужаснымъ зноемъ
И музыкой всечасно безпокоимъ...
(Проахаживается большими шагами).

Ну, пусть влюбился бы! Куда бы ужъ ни шло!
Влюбляются и всѣ... Да я вѣдь какъ па зло
Не по людски влюбился-то: въ двухъ разомъ!
Есть отъ чего совсѣмъ утратить разумъ...
(Задумывается).

Въ концѣ концовъ — ихъ можетъ и не двѣ?..
Да... то есть двѣ одной и той же
Окажутся?.. Или вѣтъ...
(Спохватывается).

Но что же

За чушь я говорю? Какой-то въ головѣ
Ужаснѣйшій сумбуръ, что впрочемъ и понятно!
(Садится)

Шесть мѣсяцевъ назадъ въ деревнѣ встрѣтилъ я
Служанку, и, кланусь, прелестнѣе ея
Не видѣлъ женщины! Но какъ-то непонятно
Она исчезла вдругъ, свела меня съ ума...
Уѣхалъ я... И что-жь? На петербургскомъ балѣ
Встрѣчаю вдругъ ее! Она, она сама!
Я обомлѣлъ... Служанка въ бальномъ заплѣ!

Пронзести могу едва:
„Кто это?“ — „Кто? Княжна Вавѣ!
Видать, что ты вернулся изъ пустыни!“
(Со вздохомъ).

И вотъ съ тѣхъ поръ, представленный княгинѣ,
Влюбясь безъ памяти въ княжну —
Я слѣдовать за ней готовъ хоть на луну,
Не только что сюда...
(Вскакивается).

Но долѣе ожидаешь
И неизвѣстности не вынесу я, нѣтъ!
Сегодня не уйду отсюда безъ признанья.
Отвѣтъ, отвѣтъ! Рѣшительный отвѣтъ!
(Въ волненіи ходитъ по комнатѣ).

Явленіе II.

Кн. Юрій, Княгиня, Вавѣ.

Княгиня (протягивая ему руку).

А, Юрій Павловичъ. Вы долго ожидали?

Кн. Юрій.

Минуты двѣ, не болѣе.

Вавѣ.

Не два-ли
Часа скорбей? Но вы и не видали
Полега времени.

(Матери, лукаво).

Вѣдь онъ

Своимъ трудомъ научнымъ поглощенъ,
Какъ это слышно по газетамъ.

Кн. Юрій (смутясь).

Какъ? Вы прочли?

Вавѣ.

Прочла. И, признаюсь въ этомъ,
Способностью такой была поражена.
Гуляя цѣлый день — вы можете безъ сна
И ночи проводить? И все... науки ради?

Кн. Юрій.

Я можетъ быть мечтаю о наградѣ

Вавѣ.

Медаль дадутъ?

Княгиня (съ мягкимъ укоромъ).

Vava! Vous êtes incorrigible.

Вавѣ (цѣлуя ее на лету).

Не даромъ же меня зовутъ: enfant terrible.

Княгиня (лѣтливо обмахиваясь вѣ-
ромъ).

Сегодня мнѣ и такъ невыносимо жарко,
А тутъ М-ме фонъ-Штраль намъ встрѣтилась у парка.
Она болтать готова цѣлый день
Et je crois qu'elle m'a donné de la migraine...
Вавѣ, гдѣ мой флаконъ?

Вавѣ.

Сейчасъ, мамѣ.
(Приноситъ со столика флаконъ).

Княгиня (къ кн. Юрію).

Простите,

Я отдохнуть пойду на нѣсколько минутъ
И не прощаюся. Nous nous verrons sans doute?

(Уходитъ).

Вавѣ (садится на диванчикъ, къ
Юрію на кресло возлѣ нея).

Вы отчего же не были, скажите,
Вчера у насъ?

Кн. Юрій.

Я съ мужествомъ, княжна,

Сбирался все.

Вавѣ.

Готовясь къ сочиненью

О древностяхъ?

Кн. Юрій.

Готовясь быть мишенью

Для вашихъ стрѣлъ.

Вавѣ.

Къ несчастью, ни одна
Не попадаетъ въ цѣль — отражена
Непроницаемой броней археолога.
Нѣтъ, нѣтъ, ищите лучшаго предлога..

Кн. Юрій (съ жаромъ).

Къ чему предлогъ? Позвольте только мнѣ...
(Увидѣвъ входящаго Семена).

Ну вотъ!

Явление III.

Тѣ же и Сементъ (съ букетомъ).

Сементъ (подходитъ къ Вавѣ).

Ея сѣятельству княжнѣ
Отъ ротмистра, барона фонъ-Вестфаленъ.

Кн. Юрій (нахмурясь, въ сторону).

Однако вѣмецъ-то становится нахаленъ!

(Сементъ уходитъ).

Вавѣ (любая букетъ).

Не правда-ли, прелестные цвѣты?

Кн. Юрій (сухо).

Да, очень.

Вавѣ.

Хороши прозрачные листы

Азалий...

(Какъ будто только теперь замѣтивъ его досаду).

Боже мой! Но чтѣ же это съ вами?

(Подноситъ букетъ къ самому его носу).

Поцелуйте. Вотъ ландыши чудесные, въ росѣ...

Ужель цвѣтотъ не любите вы сами?

Кн. Юрій.

Нѣтъ, я люблю цвѣты.

Вавѣ.

Но кажется не всѣ?

Ахъ, Юрій Павловичъ, я, право,
Такого какъ у васъ избѣчиваго нрава
И не встрѣчала... Вотъ, лишь мигъ тому назадъ,
Вы были веселы... и вдругъ — подобный взглядъ!...
Вы просто дѣлаетесь грубы...

Но можетъ-быть у васъ вдругъ разболѣлись зубы?
Я не могу-ль помочь?

Кн. Юрій.

Да, можете, княжна,

Лили выбросивъ букетъ вотъ этотъ изъ окна.

Вавѣ.

Какъ? Выбросить цвѣты? Вотъ странное желанье!
Зачѣмъ?

Кн. Юрій (тылко).

Затѣмъ, что васъ любя до обожающа,

До сумасшествия, я... я не выношу,
Чтобъ вы и отъ другихъ букеты принимали.
Я держимъ вамъ кажусь?.. Но если бы вы знали!..
(Хочетъ взять у нея букетъ).

Позвольте мнѣ, я васъ прошу,
По усмотрѣнью распорядиться ими?..

Вавѣ.

Ужь лучше я сама. Подайте мнѣ сейчасъ

Вотъ эту вазочку...

(Кн. Юрій неохотно повинуется).

Mille grâces..

(Ставитъ букетъ въ вазочку, вынулъ изъ него одну розу).

Такъ будетъ хорошо. За это я своими
Руками приколотъ готова вамъ цвѣтокъ.

Кн. Юрій.

Увольте.

Вавѣ.

Ни за что, monsieur l'archéologue!

Сидите смиренно... такъ. Вотъ видите, какъ славно?
Вамъ бѣлое къ лицу.

(Прикалываетъ розу).

Кн. Юрій (собираясь съ духомъ).

Барвара Николавна,

Мнѣ какъ-то ранѣе спросить васъ не пришлось —
Въ минувшимъ февралѣ вы не были въ Тамбовѣ?

Вавѣ (притворяясь изумленною).

Въ Тамбовѣ? я? Чтѣ за вопросъ!

Кн. Юрій.

Я такъ и зналъ, что вы на первомъ словѣ
Мнѣ это скажете. Но тамъ, одинъ лишь разъ,
Я встрѣтилъ женщину, похожую на васъ
Такъ поразительно...

Вавѣ (прерывая его).

Но кто жъ она такая?

Кн. Юрій.

Не знаю. И узнать не могъ я, не взирал
На всѣ усилія...

Вавѣ.

Вы говорили съ ней?

Кн. Юрій (слегка смѣшавшись).

Да, кажется... отвѣтилъ что-то ей.

Вавѣ.

Отвѣтили? Такъ значитъ эта дама
Спросила васъ... о чемъ? Ну, говорите прямо.

Кн. Юрій.

Она сказала...

(Останавливается).

Вавѣ (нетерпѣливо).

Чтѣ?

Кн. Юрій (въ сторону).

Попалъ же я въ просакъ! (вслухъ).
Опа спросила...

Вавѣ.

Ну!

Кн. Юрій (съ рѣшимостью отчаянія).

Вотъ ромъ, а вотъ коньякъ,

Чего прикажете?

Вавѣ (съ притворнымъ ужасомъ).

Такъ это... Боже! Это —

Была служанка? да? Я жду отъ васъ отвѣта.

Кн. Юрій (уныло).

Служанка.

Вавѣ (дѣлая видъ, что сердится).

И меня найти рѣшились вы

Похожей на нее? Однако! Каковы

Сравненія у васъ!

(Отходитъ къ окну чтобы скрыть улыбку).

Кн. Юрій (умоляющимъ тономъ).

Барвара Николавна!

Вавѣ.

Такая выходка нисколько не забавна.

Кн. Юрій.

Вы сердитесь? Простите мнѣ, Вавѣ...

Вавѣ (быстро оборачиваясь).

Вавѣ?! Съ которыхъ поръ да я вамъ права

Такъ называть меня? Вѣдь я... я не субретка!

Кн. Юрій (стоитъ опустивъ голову).

Вавѣ (смѣлаясь).

Послушайте, не можетъ быть,

Чтобъ на нее могла я походить?

Такое сходство слишкомъ рѣдко!

Вѣдь вы ошиблись, да?

Кн. Юрій (твердо).

Рискуи возбудить

Вашъ гнѣвъ, княжна, я повторю снова —

Вы знаете, что глать я не привыкъ —

Что эта дѣвушка—вашъ вылитый двойникъ.

Вавѣ (въ сторону).

Да я его разцѣловать готова!

Вѣдь изъ моихъ поклонниковъ любой

Отрекся-бъ отъ меня, безъдуи съ другой.

(Подходитъ къ нему).

Я не сержуся, князь. Я...

(Хочетъ сказать что-то, но сдерживается).

Я довольна вами.

(Протягиваетъ ему руку).

Кн. Юрій (съ жаромъ).

Княжна...

Вавѣ.

Такъ будемъ-же попрежнему друзьями.

Кн. Юрій (покрывая ея руки поцѣлуями).

Нѣтъ, не друзьями, нѣтъ! О болѣшемъ я молю.

Вы знаете, Вавѣ, какъ страстно я люблю...

(За сценой слышны голоса баронессы и Семена).

Опять помѣха! Вотъ...

Голосъ баронессы.

Довлаживать не надо.

Голосъ Семена.

Позвольте-съ.

Явление IV.

Тѣ же. Баронесса. Зоя.

Баронесса (въ дверяхъ, Семену).

Я всегда къ княгинѣ безъ доклада.

Вавѣ (идетъ къ ней на встрѣчу съ
холодною любезностью).

Bonjour, madame.

Баронесса.

Ma chère princesse Vava!

Ахъ, князь! И вы?

(Съ изліяніемъ жметъ ему руку).

Я очень, очень рада.

(Оглядывается).

А гдѣ-же...

Вавѣ (усаживая изъ).

У татапа болѣла голова,

Она пошла прилечь.

Баронесса.

Ее не беспокоя,

Мы посидимъ у васъ...

(Къ кн. Юрію).

Ахъ, князь, сегодня Зоя

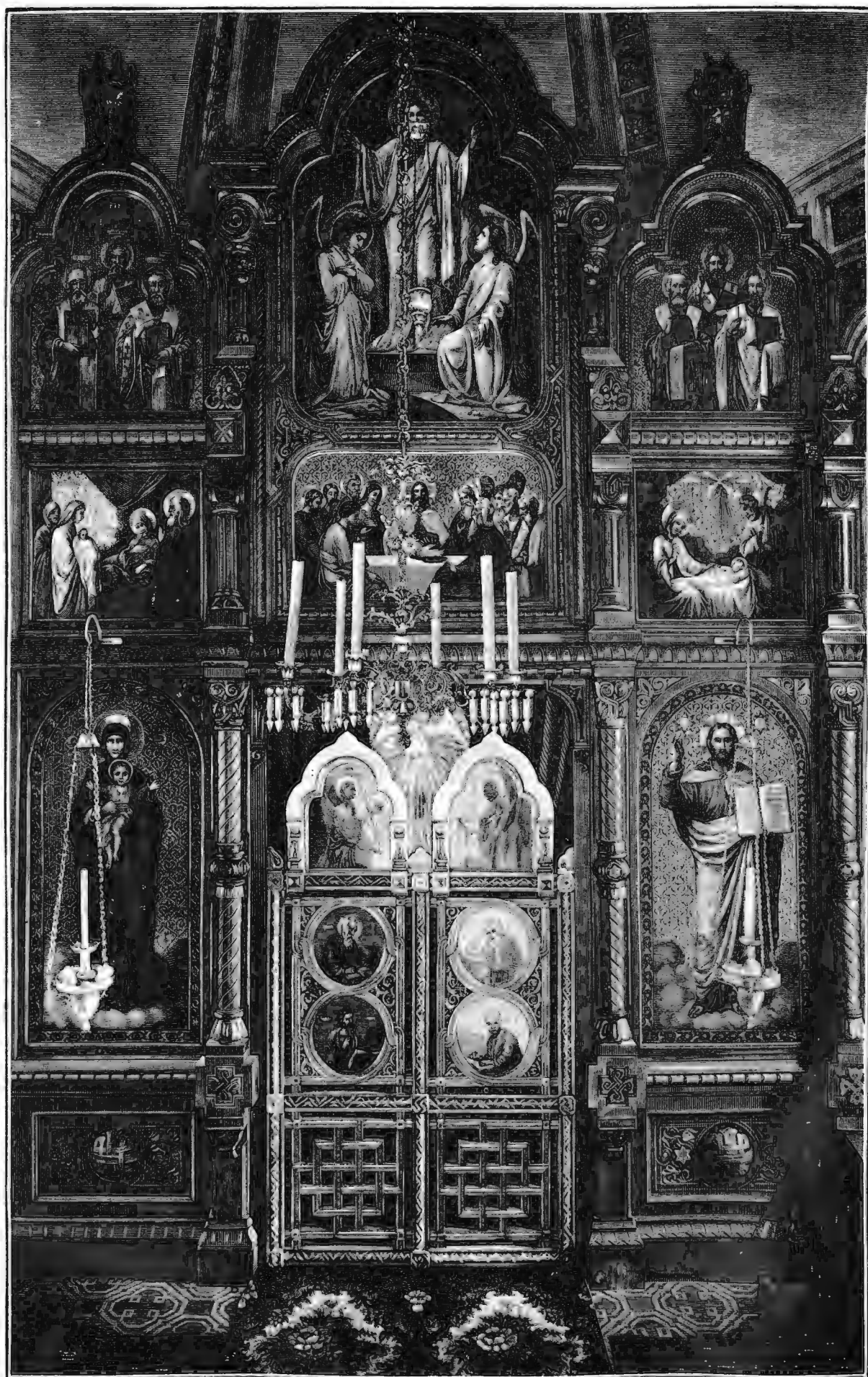
Все васъ ждала. Прелестнѣйшій дуэтъ

Прислали ей и два романа...

Le pot m'échappe... Гундъ, Сенъ-Санса...

Зоя (робко).

Бизѣ, татапа.

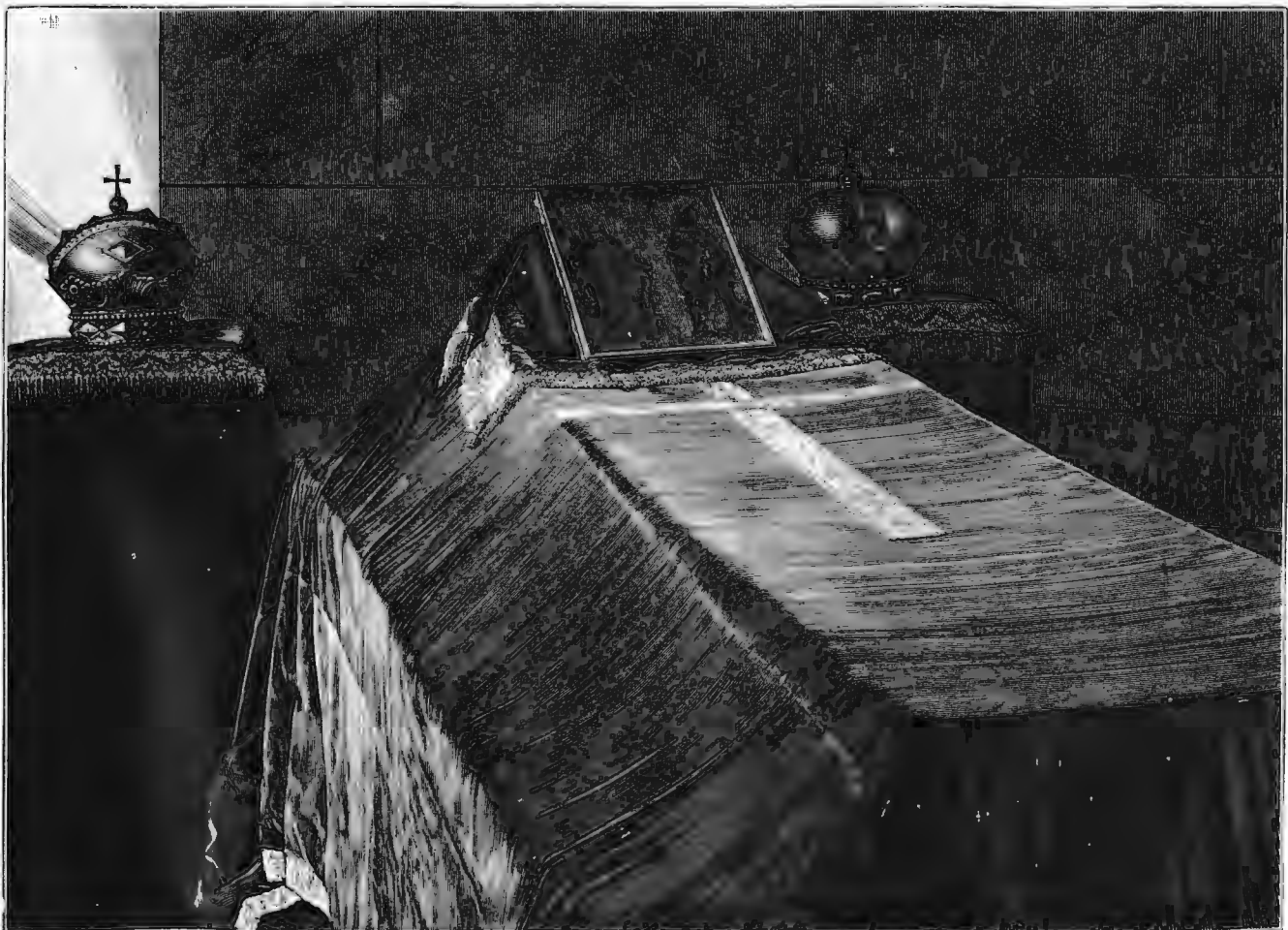

Иромскій православный храмъ (въ Венгріи), усыпальница Вел. Кн. Александры Павловны. Часть иконостаса.
Съ фотогр. грав. Флюгель.

Кромскій православный храмъ (въ Венгріи). Внѣшній видъ храма.
Съ фотогр. грав. Ольшевскій.

Баронесса.
Ахъ, да! Вы не слышали, вѣтъ?
Кн. Юрій (*сухо*).
И не знатокъ въ дѣлахъ.
Баронесса (*сладко улыбаясь*).
C'est trop de modestie... Читали мы въ газетахъ
Сегодня только что—Zoë прочла сама,
Она, вы знаете, отъ чтенія безъ ума—
Статью о васъ. Не правда-ль?
Зоя.
Да, мамъ.
Кн. Юрій.
Весьма польщенъ.
Баронесса.
Zoë такъ любить всѣ науки,
Поэзію!.. Она зимой еще отъ скуки
Писала кое-что. Конечно, отдавать
Произведенія пера ея въ печать
Мы и не думаемъ. Теперь въ такомъ упадкѣ
Литература... да. Но у Zoë задатки
Громадныя. Да вотъ... Zoë, съ тобою сокетъ
О птичкѣ?
Зоя.
Да, мамъ.
Кн. Юрій (*испугавшись*).
Нѣтъ, ради Бога, вѣтъ!
(*Спохватясь*).
Тутъ нужно, знаете, другое настроенье...
Намъ Зоя Карловна свое произведеніе
Прочтеть, надѣюсь, потомъ...
Баронесса.
Прекрасно. Напримѣръ, хоть завтра вечеркомъ...
Вы завернете къ намъ?
Кн. Юрій,
Не знаю, постараюсь...
Навѣрное не общаюсь...
Баронесса.
Нѣтъ, вѣтъ, мы будемъ ждать.
(*Разговариваютъ вполголоса*).
Вавъ (*Зоя, съ участіемъ*).
У васъ усталый видъ.
Вы вѣрно по утру сегодня не гуляли?
Зоя (*уныло*).
Я три часа играла на рояли.

Кромскій православный храмъ (въ Венгріи). Гробница Великой Княгини Александры Павловны. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Въ подобную жару!
Вавà.
Зоя (*вздохнувъ*).
 Мамаша такъ велить.
Вавà.
 А вы не слушаетесь.
Зоя (*изумленно*).
 Вы шутите?
Вавà. Серьезно.
Баронесса (*взявнувъ на часы*).
 Однако скоро шесть. Ахъ, Боже мой, какъ поздно!
 Au revoir, princesse.
 (*Прощается*).
 Княгиня—мой поклонъ.
 (*Кн. Юрiю*).
 До завтра, князь?
 (*Вавà провожаетъ ихъ до двери, но потомъ возвращается назадъ и, бросившись въ кресло, начинаетъ смѣяться*).
Кн. Юрiй.
 Вамъ—смѣхъ, а я взбѣсп!
Вавà.
 Неблагодарный! Вамъ—сонеты и дуэты...
Кн. Юрiй (*съ отчаянiемъ*).
 Прибавьте: маленьки и эти вотъ букеты...
Вавà.
 Какъ вы злонамятны!
Кн. Юрiй.
 Я васъ молю, Вавà...
 Вы видите собой владѣю я едва—
 Скажите: да! Избавьте отъ мученiй,
 Отъ неизвѣстности, сомнѣнiй...
 (*Хочетъ взять ея руки*).
Вавà.
 А горничная?!
Кн. Юрiй.
 Ахъ! Сознайтесь-же, княжна,
 Не мучьте долѣе, сознайтесь, что она
 И вы—одно лицо!
Вавà.
 Съ чего вы это взяли?
Кн. Юрiй.
 Я въ этомъ убѣжденъ.
Вавà.
 Но доказать едва-ли
 Могли-бы...
Кн. Юрiй.
 Докажу. Я нынче-же готовъ
 За доказательствомъ отправиться въ Тамбовъ!
 Хотите?
 (*Увидѣвъ входящую княгиню, въ сторону*).
 Въ третiй разъ сегодня помѣшали!

Явленiе V.

Тѣ же и княгиня.

Кн. Юрiй (*подвигая княгиню кресло*).

Вамъ лучше?

Княгиня (*сидясь*).

Да, мерси.

Вавà (*цѣлуя ея*).

Ну, что твоя мигрень?

Княгиня.

Прошла, но выходить мнѣ что-то было лѣнь.
 Притомъ М-те фонъ-Штраль своею болтовнею...

Кн. Юрiй.

Несносно, сорочей трескотнею...

Княгиня (*съ легкимъ удивленiемъ*).

Ахъ, Юрiй Павловичъ!

Кн. Юрiй.

Простите. Сорвался.

Вавà.

Едва отъ чтенiя спастись намъ удалось.

Княгиня (*спохватясь*).
 Ахъ, Боже мой! Чуть-чуть не позабыла снова...
 (*Внимаетъ телеграмму*).
 Тебѣ извѣстiе прiятное. Смотри!

Вавà.

Ахъ! телеграмма!

Княгиня (*улыбаясь*).

Да.

Вавà (*съ любопытствомъ*).

Откуда?

Княгиня (*отдавая ей депешу*).

Отъ Марiи

Гречищевой. Она къ намъ ѣдетъ изъ Тамбова.

Кн. Юрiй (*вскрикнувъ*).

Какъ? Марья Павловна! Вы... вы знакомы съ ней?

Княгиня.

Конечно. Вѣдь она была съ Вавà моей
 Дружна по Смольному.

Кн. Юрiй (*клянившись съ живостью*).

Барвара Николаевна

Къ нимъ ѣдила гостить?

Вавà (*дѣлая ему знаки глазами*).

Молчите!

Княгиня.

Да, недавно.

Зимою, въ февралѣ...

Кн. Юрiй.

Такъ значить...

Вавà (*ему, тихо*).

Вы опять?

(*Обращаясь къ матери, громко*).

Князь Юрiй Павловичъ мнѣ сдѣлалъ предложенiе,
 Матап. Онъ такъ смущенъ...

Кн. Юрiй (*подходитъ къ княгини*).

И жду отъ васъ рѣшенiя,

Княгиня.

Княгиня (*нѣсколько растерявшись*).

Боже мой! Я васъ люблю, какъ мать,
 Я счастлива была бѣ... Но дочь моя свободна
 Располагать собой.

Вавà (*лукаво опустивъ глаза*).

О, какъ матап угодно!

Я у нея примѣрнѣйшая дочь.

Княгиня.

По ты сама?

Вавà (*съ рѣзановкой*).

Пожалуй... Я не прочь.

(*Протягиваетъ руку кн. Юрiю, который горячо цѣлуетъ ея*).

Княгиня.

Отъ всей души даю свое благословенiе.

(*Обнимаетъ обоимъ*).

Вавà (*кн. Юрiю весело*).

Что жъ, послѣ свадьбы мы — хозяйничать въ имѣнье?
 Согласны?

Кн. Юрiй (*цѣлуя ея руки*).

О, на все!

(*Съ увлеченiемъ*).

Сугубая хвала

И земству русскому, и дѣловымъ бесѣдамъ!

Вавà (*смѣясь*).

Но если вы тогда ушли изъ-за стола

Голоднымъ — то не я виной тому была...

Вѣдь я заботилась усердно за обѣдомъ

О васъ...

Кн. Юрiй.

И обнесли, я помню, пирогомъ...

Княгиня (*глядитъ въ недоумѣнiи то*

на одного, то на другаго).

Но объясните мнѣ...

Вавà (*со смѣхомъ обнимая и цѣ-*

луя ея).

Потомъ, мамъ, потомъ!

Занавѣсъ.

Къ рисункамъ.

Любопытство. (Рис. на стр. 277).

Съ легкой руки Менцеля, Кнауса, Деффрегера, Вотге и другихъ мастеровъ, жанръ все болѣе входитъ въ моду и ни въ одной изъ отраслей живописи не встрѣчается столько превосходныхъ произведенiй, какъ въ немъ. Къ этому направлению примкнулъ и К. фонъ-Бергенъ. Его прелестная картинка весьма живо и правдиво передаетъ, какъ крошечная дѣвочка, вставъ съ постели и не успѣвъ еще одѣться, ваобразалась на стулъ, и побуждаемая любопытствомъ, свойственнымъ дочерямъ Евы всѣхъ возрастовъ, старается заглянуть въ большую корзину на столѣ.

Оливеръ Кромвелъ и Мильтонъ. (Рис. на стр. 280).

Рядомъ съ Оливеромъ Кромвелемъ, человекомъ дѣла, мы видимъ въ великой политической и религиозной борьбѣ XVII столѣтiя въ Англiи человека мысли, Джона Мильтона, который, какъ поэтъ, возвелъ идеалы своего времени въ принципы. „Онъ сопровождалъ“, говоритъ Каррьеръ, „своими могучими прозаическими творенiями историческую распрю и когда, по видимому, казалось, что дѣло пуританизма погибло, онъ воздвигъ ему въ своихъ безсмертныхъ стихахъ памятникъ, который тверже металла. Рѣдко духъ и существо всемирно-исторической эпохи выражалось такъ рѣзко и съ такимъ поражающимъ благородствомъ, какъ въ Кромвелѣ и Мильтонѣ“. Нынѣ не мо-

жесть быть никакого сомнѣнія, что Кромвель былъ однимъ изъ создателей величія Англіи и выдающимся государственнымъ челоѣкомъ. Если многое и кажется намъ непривлекательнымъ въ предводителѣ пуританъ, то, благодаря собраннымъ и обнаруженнымъ Карлейлемъ письмамъ и рѣчамъ Кромвеля, онъ ясно представляется намъ не хитрымъ министромъ, какимъ его изображали нѣкоторые историки,—но глубоко вѣрующимъ челоѣкомъ, который даже въ заблужденіяхъ и преступленіяхъ своихъ руководился одною любовью къ родинѣ и желаніемъ сдѣлать для нея только добро. Онъ видѣлъ въ цѣломъ рядѣ событій, начиная съ побѣды своей у Марстонъ-Мура въ 1644 году до смерти Карла I въ 1649 г. и до своего позднѣйшаго избранія въ лорды-протекторы страны въ 1653 году—только волю Всевышняго. Джонъ Мильтонъ, родившійся въ Лондонѣ въ 1608 году, сближается съ Кромвелемъ послѣ 1649 года, когда онъ былъ назначенъ тайнымъ писцомъ государственнаго совѣта. Когда впоследствии Мильтонъ, ослѣпшій въ 1652 году, не могъ болѣе продолжать своей публичной дѣятельности, его не забывалъ Кромвель и иногда посѣщалъ слѣпца поэта. Одно изъ такихъ посѣщеній Кромвелемъ безсмертнаго творца „Потеряннаго рая“ изображаетъ нашъ рисунокъ.

Отъ нечего дѣлать. (Рис. на стр. 281).

Прелестная картинка Ваггера понятна безъ всякихъ поясненій. Молодая женщина въ полудремотной тиши роскошнаго будуара передается сладкому fat-iente, забавляясь двумя аугорскими кошечками, граціозно-игривыми какъ сама ихъ хозяиня. У ногъ ея голова кошки гораздо болѣе страшной, но надо надѣяться, не имѣющей ни малѣйшаго, хотя бы самаго отдаленнаго качества сходства съ хозяйкой этого чарующаго пріюта,—такъ какъ женщина-тигрица безконечно ужаснѣе своего прототипа.

Литературный альбомъ. „Фаустъ“ Гёте, въ переводѣ А. Фета. (Рис. на стр. 285).

„Фаустъ“, послѣ ни съ чѣмъ челоѣческимъ не сравнимаго Божественнаго откровенія, есть высшее откровеніе тайнъ безсмертнаго челоѣческаго духа. „Фаустъ“ только начинается тѣмъ, на чемъ кончаютъ самые даровитые изъ обыкновенныхъ людей. Цѣль жизни—всестороннее развитіе нашихъ душевныхъ силъ въ духѣ истины, добра и красоты, что и составляетъ, если не самое блаженство, то его преддверіе; могущественнымъ средствомъ развитія является познаніе (наука) вообще и самопознаніе въ особенности. Величайшій изъ мудрецовъ древности, учась всю жизнь, только подъ конецъ ея пришелъ къ убѣжденію, что челоѣку не дано точнаго знанія—ни сущности вещей, ни первоначальныхъ причинъ, ни конечныхъ цѣлей, т. е. другими словами, какъ сказалъ Сократъ умирая: „Я только то знаю, что ничего не знаю“. Съ этого изреченія и начинается Фаустъ (актъ I, сцена I), преждевременно состарѣвшійся надъ книгами. Интереснѣе Сократа (по крайней мѣрѣ по замыслу) онъ уже тѣмъ, что первый унесъ этотъ проблескъ высшей мудрости въ могилу, а „Фаустъ“ съ нею пройдетъ передъ нами во всевозможныхъ перипетіяхъ многолѣтняго и многосложнаго своего поприща, буквально обнимающаго все земное.

Въ нашихъ объявленіяхъ о новомъ роскошномъ иллюстрированномъ изданіи „Фауста“ Гёте, единственномъ въ Россіи *полномъ* (обѣ части трагедіи), въ переводѣ А. Фета (изд. А. Ф. Маркса), мы обстоятельно указали значеніе какъ великаго произведенія величайшаго изъ германскихъ поэтовъ, такъ и перевода, принадлежащаго перу первостепеннаго русскаго поэта. Выбѣтъ съ тѣмъ мы разошлись въ ограниченномъ (вслѣдствіе дороговизны эстамповъ) числѣ экземпляровъ образцы гравюръ на мѣди, которыми украшено наше изданіе (въ числѣ 25-ти). Желая дать читателямъ *Нивы* понятіе объ этихъ высокохудожественныхъ эстампахъ хотя приблизительное—такъ какъ автотипія не въ состояніи передать всей изысканности оттѣнковъ гравюръ на мѣди,—мы прилагаемъ нынѣ автотипный снимокъ одного изъ этихъ эстамповъ. При этомъ пользуемся случаемъ познакомить читателей съ самымъ переводомъ нашего несравненнаго лирика.

Фаустъ, разочарованный въ наукахъ, передается магінъ съ тѣмъ чтобы войти въ непосредственное общеніе съ міромъ духовъ и отъ нихъ получить познаніе природы и челоѣка; но пораженный безконечнымъ величьемъ вселенной, чувствуетъ свое безсиліе объять ее во всей совокупности, а потому не рѣшается вызвать ея духа и обращается къ духу земли, котораго считаетъ роднѣе себя. Онъ беретъ книгу заклинаній и таинственно произноситъ знакъ духа. Всныхиваетъ красное пламя и въ немъ появляется духъ земли.

Духъ.

Кто звалъ меня?

Фаустъ (отворачиваясь).
Ужасныя черты!

Духъ.

Ты влекъ меня въ сильнѣйшей мѣрѣ,
И долго лънулъ къ моей ты сферѣ—
И вотъ...

Фаустъ.

Ахъ, нестерпимъ мнѣ ты!

Духъ.

Ты звалъ, алкалъ подѣ страстный лепетъ,
Услышать мой голосъ и ликъ видѣть мой;
Я тронулся твоей мольбой.
Вотъ я!—Какой позорный трепегъ,
О полубогъ, тебя обилья?
Гдѣ грудь, въ которой мѣ ты цѣлый создавалъ,
Носилъ, вмѣшалъ, гордился мечтой любовной
Возвыситься до насъ, до высоты духовной?
О гдѣ ты, Фаустъ, чей зовъ ко мнѣ звучалъ,
Котораго ко мнѣ порывъ всеильный мчалъ?
Ты-ль здѣсь, объять моимъ дыханьемъ,
Вдругъ сталъ трепещущимъ созданьемъ,
Подобемъ слабого черви?

Фаустъ.

Ликъ огненный, смущусь-ли я душою?
И точно Фаустъ, и равенъ я съ тобою.

Духъ.

Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія,
Бродящая сила,
Кружусь на просторѣ,
Рожденъе, могила,
И вѣчное море,
За смѣной другалъ,
И жизнь огневалъ,
Основу у времени шумно сную,
Живой я покровъ божества создаю.

Фаустъ.

Носищійся надъ бездною мировой,
Духъ-дѣятель, какъ родственъ я съ тобою!

Духъ.

Съ тѣмъ равенъ бываешь,
Кого постигаешь;
Не ты со мной!

(Исчезаетъ).

Фаустъ (содрогаясь).

И не съ тобою?
Такъ съ кѣмъ же?
И, образъ божества—
И даже не съ тобою?

Рѣшеніе этого вопроса въ самомъ широкомъ смыслѣ и составляетъ задачу всей дальнѣйшей жизни Фауста, которая проходитъ предъ нами въ двухъ частяхъ трагедіи.

Православный храмъ въ Иромѣ (Угоем), въ Венгріи. (Рис. на стр. 288 и 289).

На страницахъ *Нивы* въ 1882 г. были сообщены въ романѣ *Волтерянецъ* нѣкоторыя подробности о судьбѣ старшей дочери императора Павла I, великой княгини Александрѣ Павловнѣ, и премія для читателей *Нивы* этого года, подъ заглавіемъ *Король Книжекъ*, изображала первый визитъ императрицы Екатерины II королю Шведскаго Густава IV Вазы, искавшаго руки ея внучки. Какъ извѣстно, этотъ бракъ не состоялся по разномыслию въ религиозныхъ вопросахъ, и великая княжна, спустя немного, вышла замужъ за палатина (наслѣдника короны) Венгерскаго Иосифа. Этотъ бракъ вызвалъ великую радость среди православныхъ подданныхъ Австріи, много терпѣвшихъ отъ преслѣдованій католицизма и массами переселявшихся въ предѣлы Россіи, чтобы спасти отъ гнета уни свое православіе. Они надѣялись, что русская православная княгиня возьметъ ихъ подъ свое высокое покровительство и защититъ отъ преслѣдованій; но надежды ихъ не исполнились. Не долга и не красна была жизнь великой княгини въ венгерской землѣ,—она прожила тамъ только около полтора года. По рассказамъ духовника покойной княгини, императрица Марія-Терезія съ первыхъ же дней возненавидѣла ее всею силою своего фанатическаго ума. При Вѣнскомъ дворѣ опасались, чтобы, благодаря русскому вліянію, Венгрія не достигла полной самостоятельности, а слабый характеромъ палатинъ Иосифъ не сумѣлъ отстоять ни правъ своихъ, ни свободы и спокойствія своей супруги, неожиданная и почти внезапная смерть которой поразила всѣхъ. Къ сожалѣнію, послѣдовавшая скорѣй кончина императора Павла I помѣшала должному изысканію причинъ преждевременной кончины великой княгини. Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ недолгимъ, но тяжкимъ положеніемъ этой царственной страдальницы отсылаемъ къ мемуарамъ протоіерея Самборскаго, напечатаннымъ въ *Русской Старинѣ*, а также къ монографіи г. Карновича, помѣщенной на страницахъ *Древней и Новой Россіи* за 1879 годъ, № 4.

Спустя годъ послѣ смерти вел. кн. Александры Павловны, въ 1802 году, 6 марта, въ небольшой деревушкѣ Ügöm, со швабскимъ населеніемъ, находящейся въ 10 верстахъ отъ Буда-Пешты и принадлежащей палатину Иосифу, былъ построенъ православный храмъ, предвзначенный быть мѣстомъ вѣчнаго покоя великой княгини. Въ нижнемъ отдѣленіи храма устроенъ склепъ, гдѣ и поставленъ гробъ съ ея бранными оставками.

Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александровичъ. Съ фотогр. Левцакого, грав. Цааръ.

Памятник Н. М. Пржевальскому на берегу Иссык-Куля.
Высочайше утверждённый проект А. А. Вильдеринга, грав. Шюблеръ.

Почему этот надгробный храм построен в незначительной деревушкѣ, а не въ Буда-Пештѣ, какъ того требовали достоинство православной церкви и честь русскаго имени, остается неразъясненнымъ. Но не будетъ погрѣшительно замѣтить, что и въ этоѣ обстоятельстве игралъ не малую роль тотъ же фанатическій католицизмъ, не могшій помириться съ тѣмъ, что Русская великая княгиня до смерти осталась твердою въ своемъ православіи, которое не только тогда, но и теперь еще во мнимо-свободной землѣ венгерской не „въ авантажѣ обрѣтается“...

Въ 1883 году исполнилось столѣтіе со дня рожденія покойной великой княгини. Въ теченіе восьмидесятилѣтняго періода времени внутреннее украшеніе и церковная утварь Иромскаго храма пришли въ крайнюю ветхость. Поэтому въ честь и память юбилейнаго дня были подарены для этого храма отъ щедротъ Царскихъ прекрасныя иконостасы работы академика В. В. Васильева, а также и другіе предметы церковной утвари. И теперь иромскій храмъ отличается тѣмъ благолѣпіемъ и красотой, какія всегда присущи характеру и назначенію православнаго храма. При храмѣ находится: одинъ настоятель и два псаломщика. Не смотря на отдаленность положенія и трудность сообщеній, храмъ усердно посѣщается особенно православными сербами изъ окрестныхъ деревень, преимущественно во дни годовичныхъ поминовеній и другихъ церковныхъ торжествъ. Эти посѣщенія—трогательное свидѣтельство признательной памяти православнаго населенія къ незабвенной Усоишней, которая, и въ короткій періодъ времени, своимъ привѣтливымъ, ласково-участливымъ вниманіемъ оставила неизгладимые слѣды въ добрыхъ сердцахъ этого населенія. Помянутый протоіерей Самборскій, бывшій духовникомъ Вел. Кн. Александры Павловны, такъ заканчиваетъ свои мемуары: „въ первые вѣка христіанства храмы создались надъ гробами мучениковъ... Православный храмъ въ Иромѣ построенъ надъ гробомъ *праведницы* и служитъ ей и нынѣ достойнымъ памятникомъ...“ Прилагаемые снимки изображаютъ: внѣшній видъ храма съ сѣверо-западной стороны, видъ части иконостаса и мѣсто вѣчнаго покоя великой княгини, гробъ покрытый бархатною пеленой.

Памятникъ Н. М. Пржевальскому на берегу Иссыйъ-Куля. (Рис. на стр. 293).

Слѣдствіе предсмертнаго желанія покойнаго Николая Михайловича Пржевальскаго быть похороненнымъ на берегу озера Иссыйъ-Куля, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ исполненіи завѣщанія знаменитаго путешественника. Его тѣло предано землѣ въ 12 верстахъ отъ Каракола, на живописномъ высокомъ берегу озера, причѣмъ окрестное населеніе возбудило вопросъ объ обращеніи этого мѣста въ роскошный садъ.

Согласно Высочайшей волѣ, на могилѣ Н. М. Пржевальскаго будетъ воздвигнутъ памятникъ, проектъ котораго, по сообщенію *Русск. Инвал.*, 1 января удостоился весьма лестнаго отзыва Государя Императора и Высочайшаго утвержденія.

Рисунокъ исполненъ товарищемъ и другомъ покойнаго А. А. Бильдерлингъ. Памятникъ изображаетъ красивую скалу, вышиною въ 4 сажени (сложенную изъ большихъ глыбъ мѣстнаго камня), на которую опустился большой бронзовый орелъ—эмблема ума, силы, безстрашія; онъ держитъ въ своихъ когтяхъ карту Азіи (изображенную на бронзовомъ листѣ)—поприще ученой дѣятельности Н. М. Пржевальскаго, а въ клювѣ—оливковую вѣтку—символъ его мирныхъ научныхъ завоеваній. На лицевой сторонѣ скалы, паверху, прикрѣпленъ бронзовый крестъ, а подъ нимъ надпись: „Николай Михайловичъ Пржевальскій, родился 31 марта 1839 года, скончался 20 октября 1888 года“. Внизу, въ скалѣ высѣчена изъясная, витая лѣстница, надъ верхнею ступеню которой, въ ростъ человѣка, помѣщена бронзовая медаль (въ увеличенномъ видѣ) съ изображеніемъ покойнаго, выгнута въ 1887 г. въ честь его Императорскою Академіею Наукъ. Надъ медалью сдѣлана надпись (помѣщенная на оборотной сторонѣ медали): „Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи“.

Л. Н. Майковъ. (Портр. на стр. 296).

Родъ Майковыхъ занимаетъ весьма почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія и русскаго искусства. Кто изъ людей мало-мальски образованныхъ не знаетъ замѣчательнаго живописца Н. А. Майкова, или сына его, нашего знаменитаго поэта? Къ этой же высоко-даровитой семьѣ, которая въ правѣ гордиться своими заслугами на пользу родины, принадлежатъ и Леонидъ Николаевичъ Майковъ, внѣшній помощникъ директора Императорской Публичной бібліотеки, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ и редакторъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Слишкомъ тридцать лѣтъ трудится онъ на учено-литературномъ поприщѣ и своими замѣчательными изслѣдованіями по исторіи русскаго искусства получалъ достаточную извѣстность. Образованная публика съ живымъ интересомъ еще недавно прочла его обширное изслѣдованіе, посвященное подробному обзору жизни и дѣятельности поэта Батюшкова. До появленія труда Л. Н. Майкова у насъ имѣли довольно смутное понятіе объ этомъ поэтѣ, такъ сказать, предтечѣ

Пушкина. Леонидъ Николаевичъ впервые выяснилъ русскою публикѣ все значеніе Батюшкова, и трудъ его по превосходной разработкѣ изслѣдованія о жизни и сочиненіяхъ поэта и по изданію полнаго собранія произведеній Батюшкова—справедливо можно назвать монументальнымъ. Леонидъ Николаевичъ—большой знатокъ отечественной литературы и одинъ изъ самыхъ внимательныхъ нашихъ бібліографовъ, обладающій удивительной памятью. Въ отношеніи бібліографическихъ познаній и памяти съ нимъ могъ бы соперничать развѣ покойный бібліографъ М. Н. Лонгиновъ, который въ сравненіи съ Л. Н. Майковымъ все-же не болѣе какъ диллетантъ. Замѣчательно усердный изслѣдователь исторіи литературы, человекъ съ обширнымъ образованіемъ, Л. Н. Майковъ жуеждъ въ своихъ работахъ малѣйшей односторонности, и никогда не задается какими-либо предвзятыми мыслями, преслѣдуя строго научныя цѣли и не имѣя ничего общаго съ тѣми учеными, которые служатъ, или лучше сказать, подслуживаются извѣстной тенденціи. Онъ всегда становится на научно-объективную точку зрѣнія, при своихъ изслѣдованіяхъ, и кромѣ того обладаетъ драгоценнымъ качествомъ—умѣнемъ чрезвычайно удачно группировать разнородные матеріалы, выдвинуть все наиболѣе характерное, важное, уясняющее суть предмета. Подобно остальнымъ членамъ семьи Майковыхъ, Леонидъ Николаевичъ искренно любитъ русскую литературу и началъ печататься въ журналахъ еще будучи девятнадцатилѣтнимъ юношей, подъ псевдонимомъ *Л. Н. Каймова*. Этимъ псевдонимомъ подписана его статья „Преподобный Θεодосій Печерскій“, помѣщенная въ журналѣ его брата (Владимира Николаевича), *Подольскій* 1858 года. Въ томъ же году помѣстилъ онъ статью въ *Библіограф. Запискахъ* по поводу изданныхъ Анненковымъ сочиненій Пушкина. Еще ранѣе помѣстилъ онъ въ первомъ выпускѣ *Сборника изд. студентами Петерб. университета* замѣтки по русской литературѣ и статейку „Бытописатели Германіи“. Затѣмъ явилась его магистерская диссертация „О былинахъ Владимірова цикла“ и цѣлый рядъ статей, критическихъ этюдовъ и рецензій въ *Отечественныхъ Запискахъ* (редакціи покойнаго Дудышкина), *Журналѣ Мин. Нар. Просв.*, *Русск. Архивѣ*, *Дружней и Новой Россіи*, *Зарѣ*, *Русской Старинѣ*, *Статистич. Временникѣ*, *Записк. Геогр. Общества*, *каковы, наиримѣръ*, „Симеонъ Полоцкій“, „Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго“, „О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова“, „Театральная публика во времена Сумарокова“, „Къ исторіи русскихъ сѣвѣрій“, „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“, „Русская повѣсть Петровскаго времени“, „Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи“, „Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи“, „Великорусскія заклинанія“ и проч.

Младшій (четвертый) сынъ Николая Аполлоновича Майкова и Евгении Петровны, рожденной Гусятниковой, Леонидъ Николаевичъ родился въ Петербургѣ, 28 марта 1839 года. Десяти лѣтъ онъ былъ отданъ въ пансіонъ графа П. Ю. Сюзора, извѣстнаго впоследствии своими публичными лекціями въ Петербургѣ, по исторіи французской литературы; изъ пансіона, въ 1852 г. поступилъ во 2-ю гимназію, а въ 1856 году принятъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ въ 1860 году. Черезъ три года Леонидъ Николаевичъ записалъ диссертацию „О былинахъ Владимірова цикла“ на стѣни магистра русской словесности и въ томъ же 1863 году служилъ при Министерствѣ Финансовъ. Съ февраля 1864 г. онъ перешелъ на службу въ Центральн. статистич. комитетъ Минист. Внутр. Дѣлъ и былъ избранъ въ члены Географическаго общества, а въ 1873 году въ предсѣдателя Общества по отдѣленію этнографіи. Съ 1868 г. Л. Н. Майковъ трудился въ качествѣ помощника редактора *Журн. Мин. Нар. Просв.*, а черезъ пятнадцать лѣтъ утвержденъ въ званіи редактора. За годъ передъ этимъ, т. е. въ 1882 г., онъ былъ определенъ помощникомъ директора Имп. Публ. бібліотеки. Его въ высшей стѣни плодотворные труды, совмѣстно съ директоромъ А. Ф. Бычковымъ, на пользу этого учрежденія, будутъ конечно оценены историкомъ нашего книгохранилища. Съ самаго дня открытія Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ, Л. Н. Майковъ состоитъ почетнымъ его членомъ и въ первый годъ (1878) назначенъ былъ профессоромъ института. Неумимый изслѣдователь родной литературы, Леонидъ Николаевичъ въ настоящее время работаетъ надъ изданіемъ сочиненій своего брата Валеріана Николаевича, даровитаго критика.

П. Быковъ.

Анжело Нейманъ. (Портр. на стр. 296).

Какъ извѣстно, въ настоящее время въ СПБ. въ Маринскомъ театрѣ идутъ представленія Вагнеровской тетралогіи: *Кольцо Нибелунговъ*.

Стоящій во главѣ предпріятія подъ названіемъ „Вагнеровскій театръ“—антрепренеръ, Анжело Нейманъ, родился въ Вѣнѣ, въ 1838 году, и тамъ получилъ первоначальное воспитаніе. Обладая прекраснымъ голосомъ (баритономъ) и большимъ музыкальнымъ чутьемъ, онъ рѣшилъ сдѣлать артистическую карьеру, сталъ разрабатывать свое пѣніе и дебютировалъ на сценѣ императорскаго опернаго театра въ Краковѣ. Оттуда былъ

приглашенъ въ оперную труппу Пресбурга, потомъ Данцига и наконецъ Вѣны, гдѣ прослужилъ въ составѣ большой Императорской оперы пятнадцать лѣтъ. Сдѣлавшись любимцемъ вѣнской публики во множествѣ ролей (Донъ-Жуанъ, Луна—въ „Трубадурѣ“, герцогъ—въ „Лукреціи Борджіа“, графъ—въ „Свадьбѣ Фигаро“ и проч.), Анжело Нейманъ неоднократно за это время съ успѣхомъ гастролировалъ въ другихъ городахъ Германіи: въ Берлинѣ, Штутгартѣ, Кассель. Въ 1866 году, однако, вслѣдствіе болѣзни, онъ утратилъ красоту голоса, долженъ былъ отказаться отъ карьеры пѣвца и вышелъ въ отставку съ пенсіей. Съ этихъ поръ любовь свою къ музыкѣ и театру онъ примѣнилъ къ театральной антрепризѣ. Первоначально Нейманъ взялъ на себя веденіе опернаго театра въ Лейпцигѣ; сразу поднялъ тамъ это дѣло, съ особеннымъ успѣхомъ поставивъ на сцену оперы „Лоэнгринъ“, „Донъ-Жуанъ“, „Армида“ и друг. Какъ разъ въ это время Вагнеръ поставилъ въ Байрейтѣ свою тетралогію оперы „Кольцо Нибелунговъ“. Въ 1867 году Нейманъ посетилъ эти спектакли и былъ восхищенъ ими. Въ то время еще большинство публики держалось мнѣнія, что такая серьезная вещь, какъ „Кольцо Нибелунговъ“, требуетъ особыхъ музыкально-развитыхъ слушателей и въ обычныхъ оперныхъ спектакляхъ дѣлаться не будетъ. Нейманъ былъ въ числѣ немногихъ не раздѣлявшихъ такого возрѣнія; въ немъ зародилась мысль перенести эти оперы въ Лейпцигъ. Онъ познакомился съ Вагнеромъ и пріобрѣлъ у него право исполненія ихъ въ своемъ театрѣ. Все это однако протянулось десятковъ лѣтъ, и только въ 1878 году Нейманъ могъ осуществить свою мысль. Знаменитый маэстро Вагнеръ повидимому самъ былъ не совсемъ увѣренъ въ этой попыткѣ; онъ не поѣхалъ въ Лейпцигъ, а послалъ туда близкихъ людей, музыканта Зейдла и своего Байрейтскаго капельмейстера Рихтера; но вскорѣ былъ угѣшенъ телеграммой отъ нихъ, гласившей: „противъ всякаго ожиданія, блестяще“. Въ самомъ дѣлѣ успѣхъ оперы былъ громадный; ихъ давали болѣе пятидесяти разъ при возвышенныхъ цѣнахъ съ постоянно расшумленнымъ театромъ, даже потребовались особые экстренные поѣзда, привозившіе публику изъ Берлина, Дрездена, Магдебурга, Веймара. Успѣхъ этотъ побудилъ Неймана повторить это предпріятіе въ Берлинѣ, что онъ и осуществилъ въ 1881 году. Въ этихъ представленіяхъ Вагнеръ принималъ уже большее участіе; онъ самъ пріѣхалъ въ Берлинъ съ женой и дѣтьми и былъ личнымъ свидѣтелемъ прекраснаго приема оперы публикою и всею Германскою императорскою фамиліей. Оперы были исполнены на частномъ „Викторіи“ театрѣ. Такимъ образомъ Нейманъ завоевалъ полное довѣріе Вагнера и получилъ отъ него нѣсколько самыхъ лучшихъ и признательныхъ писемъ. Желая расширить свое предпріятіе, Нейманъ задумалъ съ полною постановкой оперы „Кольцо Нибелунговъ“—обѣхать по возможности большіе города. Началъ онъ съ Лондона и за симъ, послѣ небольшого промежутка времени, давалъ представленія почти во всѣхъ значительныхъ городахъ Германіи, Бельгіи и Нидерландовъ. Прекрасный составъ пѣвцовъ и хорошая декоративная обстановка (требовавшая на перевозъ нѣсколькихъ спеціальныхъ вагоновъ) много способствовали большому успѣху представленій. Вагнеръ, въ благодарность антрепренеру, пожелалъ чтобы его передвижной театръ носилъ названіе „Вагнеровскаго театра“. Подъ этимъ названіемъ Нейманъ и до сихъ поръ продолжаетъ свое предпріятіе. Въ 1883 году „Вагнеровскій театр“ сдѣлалъ поѣздку въ Италію и давалъ представленія въ Венеціи, Флоренціи, Римѣ, Туринѣ, Миланѣ, Триестѣ, откуда перѣѣхалъ въ Пештъ и Грацъ. Здѣсь, въ Италіи, энтузіазмъ, съ которымъ были встрѣчены оперы Вагнера, превзошелъ даже успѣхъ въ Германіи.

Закончавъ свои обѣзды съ „Вагнеровскимъ театромъ“, ради которыхъ пришлось оставить Лейпцигскую антрепризу, Нейманъ пожелалъ опять основаться гдѣ-нибудь на одномъ мѣстѣ. Взявъ сперва антрепризу Бременскаго театра, онъ скоро почувствовалъ, что она слишкомъ узка для его дѣятельности, и принялъ предложеніе города Праги вести тамъ оперный и драматическій нѣмецкій театръ. Въ Прагѣ Нейманъ засталъ театръ въ полномъ упадкѣ и подаять его было тѣмъ труднѣе, что большинство публики города чехи, очень ревниво относящіяся къ своему національному чешскому театру, — и потому мало посѣщающіе нѣмецкій. Тѣмъ не менѣе Нейману удалось въ четыре года заслужить настолько довѣрія, что субсидія театру изъ суммъ Чешскаго королевства, прежде не превышавшая 8,000 гульденовъ, теперь увеличена до 30,000 гульденовъ. Сюда, въ драматическую труппу Праги, Нейманъ пригласилъ и знакомую намъ нѣмецкую актрису, любимицу петербургской публики, Буску, на которой потомъ и женился. Среди заботъ о Пражскомъ театрѣ Нейманъ не оставлялъ мысли проаган-

дировать Вагнеровскія оперы и въ другихъ мѣстахъ. Открытая имъ подписка въ Петербургѣ и Москвѣ дала такіе хорошіе результаты, что онъ могъ явиться съ „Вагнеровскимъ театромъ“ и къ намъ. Мы при этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что декорации, привезенныя въ Петербургъ, въ большихъ поѣздахъ по Европѣ не эксплуатировались; эти декорации были писаны подъ личнымъ наблюденіемъ самого Вагнера, ими пользовались только на представленіяхъ въ Байрейтѣ, послѣ чего Нейманъ купилъ ихъ у Вагнера за 52,000 марокъ, возилъ только въ Лондонъ и теперь привезъ въ Петербургъ. Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, еслибы мы не прибавили, что своею артистическою дѣятельностью Нейманъ много способствовалъ развитію не только пѣвцовъ и актеровъ, но и капельмейстеровъ. Подъ его вліяніемъ воспитались нѣсколько известныхъ въ настоящее время нѣмецкихъ капельмейстеровъ, каковы Зухеръ (капельмейстеръ Берлинской императорской оперы), Никиншъ (нынѣ въ Лейпцигѣ), Зейдель (въ Америкѣ), Мала (въ Пештѣ) и Мукъ, пріѣхавшій теперь въ Петербургъ капельмейстеръ „Вагнеровскаго театра“.

Посохъ поднесенный архимандриту Хорену Степану. (Рис. на стр. 297).

Недавно прихожане с.-петербургскихъ армянскихъ церквей послали при адресѣ въ Θεодосію своему архимандриту Хорену Степану, бывшему годъ тому назадъ настоятелемъ Спб. армянскихъ церквей, цѣнный подарокъ — серебряный посохъ, изящной работы, въ армянскомъ стилѣ, исполненный въ известной мастерской серебряныхъ вещей Э. Кортмана.

Архимандритъ Хоренъ Степанъ, портретъ котораго съ биографіею помѣщенъ въ № 8 *Нивы* 1888 года, былъ вызванъ изъ Спб. и назначенъ настоятелемъ монастыря Св. Креста въ Θεодосіи въ ноябрѣ 1887 года. Несмотря на краткость пребыванія, и здѣсь (какъ о томъ сообщили армянскія газеты: *Норъ-даръ* и *Мшахъ*), какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ отцу Хорену приходилось проявлять свою дѣятельность, онъ, своими энергическими проповѣдями, своимъ живымъ увлекательнымъ словомъ о добрѣ и правдѣ привлекалъ массу прихожанъ въ церкви; организовалъ церковный хоръ, составилъ попечительство для бѣдныхъ, попечительство изъ почетныхъ прихожанъ для приходской школы; собранными пожертвованіями исправилъ церкви и въ томъ числѣ возстановилъ почти изъ развалинъ древній армянскій храмъ, привелъ въ порядокъ церковное хозяйство и своимъ энергическимъ словомъ достигъ того, что въ нѣсколько дней было собрано нѣсколько тысячъ руб. для исправленія дорогъ къ загороднымъ монастырямъ.

Рисунокъ посоха, въ армянскомъ стилѣ, по образцу посоховъ находящихся въ коллекціи Эчмиадзинскаго монастыря, составилъ армянинъ, ученикъ училища барона Штиглица, К. Иоаннисяни, а работа исполнена въ Петербургѣ у Кортмана.

Гигантскій глобусъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 года. (Рис. на стр. 297).

Въ числѣ рѣдкостей и диковинокъ предстоящей всемирной выставки въ Парижѣ одно изъ выдающихся мѣстъ займетъ воспроизведеніе земнаго шара въ размѣрахъ до сихъ поръ небывалыхъ. Съ этою цѣлью направо отъ колоссальной башни Эйфеля, если смотрѣть со стороны Сены, возводится особая постройка изъ желѣза съ круглымъ куполомъ. Въ этомъ зданіи и будетъ помѣщенъ гигантскій глобусъ въ 131,2 футовъ въ обхватѣ и около 41,6 футовъ въ поперечникѣ. Считалъ, что земля по окружности равняется 4.000,000 метровъ (метръ = 0,32808 саж.), выставленный глобусъ составитъ одну миллионную часть нашей планеты. Каждый километръ, т. е. почти верста (0,327 версты) будетъ равняться на глобусѣ одному миллиметру. Этотъ глобусъ наглядно дастъ понятіе о громадности и въ то же время о незначительности по размѣрамъ всего окружающаго по отношенію къ землѣ, и отъ этого же контраста можетъ получиться представленіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ земнаго шара. Благодаря значительному объему выставяемаго глобуса, на немъ многія детали могутъ быть обозначены довольно точно и притомъ впервые въ настоящемъ ихъ размѣрѣ по отношенію ко всей планетѣ. Такъ напр. Парижъ займетъ пространство почти въ цѣлый сантиметръ, и громадное изображеніе земли, изображенной желѣзными дорогами, рѣками и каналами, будетъ очень поучительнымъ. Вслѣдствіе особаго пароваго механизма глобусъ будетъ вращаться вокругъ своей оси и наглядно представлять суточное положеніе земли. Витнообразная галлерея дастъ возможность обозрѣвать и любоваться замѣчательнымъ произведеніемъ отъ одного полюса до другаго.

Политическое обозрѣніе.

Газеты за истекшую недѣлю переполнены подробностями пержитаго Сербіей кризиса и тѣхъ впечатлѣній, какія онъ произвелъ въ разныхъ странахъ Европы. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе манифестъ ех-короля Милана. Въ немъ, упоминая о давнишнемъ уже своемъ намѣреніи отречься отъ престола, Миланъ говоритъ, что онъ въ теченіи сво-

его бурнаго и тревожнаго правленія истощилъ свои силы, сначала борясь за независимость страны, затѣмъ трудясь надъ внутренними реформами, завершившимися новою конституціею. Нынѣ для Сербіи открылась новая эра, требующая свѣжихъ силъ, коихъ ему не достаетъ. Онъ не въ состояніи больше заниматься государственными дѣлами. Далѣе король

убѣждаетъ строго соблюдать конституцію, воздастъ честь и славу народу за достигнутые успѣхи, всю-же отвѣтственность предъ исторіей за неудачи онъ возлагаетъ на себя, объявляя себя первымъ вѣрноподданнымъ сына. Король проситъ народъ окружить Александра тою-же любовью и преданностью, каковыми онъ самъ пользовался, будучи малолѣтнимъ.

По отреченіи Миланъ первый присягнулъ сыну. Также и королева Наталиа, приславъ поздравленія новому королю, присягнула ему.

Черезъ два дня послѣ манифеста Милана, регенты также обнародовали манифестъ, въ которомъ заявляютъ, что они, стоя отнынѣ внѣ партій, будутъ управлять страной согласно предписаніямъ и духу новой конституціи. Заботясь о сохраненіи прежнихъ дружественныхъ отношеній Сербіи ко всѣмъ державамъ, регенты постараются расширить и пополнить ихъ. Главною заботой регентства будетъ поднятіе производительныхъ силъ страны и народнаго благосостоянія. Въ заключеніе манифеста сказано:

„Упрочивъ свое благосостояніе, Сербія явится элементомъ мира и порядка среди государствъ Балканскаго полуострова“. вмѣстѣ съ тѣмъ объявленъ составъ новаго министерства, образованнаго изъ членовъ прежняго радикальнаго кабинета, за исключеніемъ Таушановича и военнаго министра полковника Джурича. Во главѣ его стоитъ Груичъ, получившій портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Составъ какъ регентства, такъ и министерства ясно говорятъ о перемѣнѣ направленія въ сербской политикѣ въ пользу Россіи. Если мы видимъ сорегентомъ Ристича—отъявленнаго австрофила Протича, игравшаго столь видную и незавидную роль въ бракоразводномъ дѣлѣ короля Милана, то это должно быть объяснено только желаніемъ Ристича успокоить встревоженную Вѣну. Что касается главы радикальной партіи и министерства Груича, то стодать только припомнить, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ и оставилъ въ немъ наилучшія воспоминанія по себѣ. Регентъ Беллимарковичъ и министръ Таушановичъ также сочувствуютъ Россіи.

Италія, какъ бы не желая отстать отъ другихъ государствъ, также пережила министерскій кризисъ. Во главѣ новаго кабинета теперь стоитъ... все тотъ же Криспи, и самый кризисъ разрѣшился назначеніемъ новыхъ министровъ финансовъ и казначейства. Министромъ финансовъ назначенъ Сейсмичъ - Дода, министромъ казначейства—Джулигги и министромъ общественныхъ работъ—Финали. Во главѣ прочихъ вѣдомствъ остаются прежніе министры.

Леонидъ Николаевичъ Майковъ. Съ фот. Борщевскаго, грав. Нейманъ.

кочетаніемъ врядъ-ли онъ поправилъ свои финансы, такъ какъ въ *Correspondance de l'Est* телеграфируютъ изъ Софіи: „Принцъ Баттенбергскій обратился къ болгарскимъ правителямъ съ письменнымъ требованіемъ уплатить ему милліонъ, который болгарская казна должна ему за имѣнія. Правители выплатили принцу 500,000 франковъ, а остальную часть вы платятъ вскорѣ. Финансовое положеніе самой Болгаріи совсѣмъ безнадежно, вслѣдствіе того что князь Висмаркъ запретилъ биржевую игру болгарскими бумагами, на томъ основаніи, что Германия не признаетъ нынѣшняго режима въ Болгаріи. Вслѣдствіе этого Германскій и Дрезденскій банки отклонили просьбу о выпускѣ билетовъ Болгарскаго національнаго банка на сумму 7 милліоновъ золотомъ“...

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 27 февраля, въ 1 часть дня, бухарское посольство представлялось Его Величеству Государю Императору въ Аничковскомъ Дворцѣ, причемъ поднесло дары отъ Бухарскаго Эмира Сеидъ-Абдуль-Агагъ-Богадуръ-Хана и подвело 9 лошадей, въ богатой золоченой и серебряной сбруѣ, съ султанами, украшенными драгоценными камнями. Посольство для представленія Его Величеству проѣхало раньше въ придворныхъ экипажахъ. Въ первой каретѣ, запряженной четверкою дугомъ, сидѣлъ глава посольства Джанъ-Мирза-Бій-Перваначи, Шахри-слабскій бекъ, въ роскошномъ парчевомъ халатѣ. Въ остальныхъ каретахъ ѣхали Мирза-Насрулла-Токсоба-Бій, Мулла-Азадъ-Мирахуръ, офице-

Анжело Нейманъ, директоръ „Вагнероваго театра“. Грав. Авгереръ.

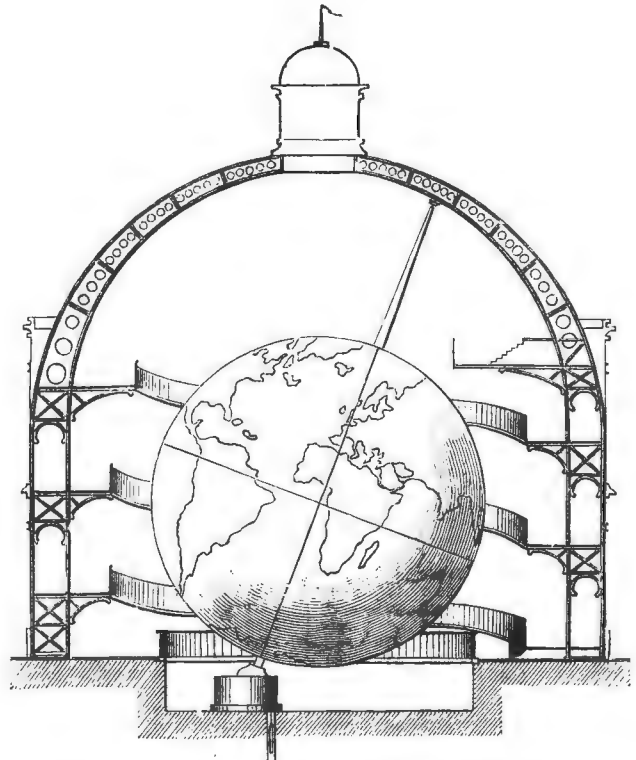
ры посольства Фазиль-Джань-Карауль-Беги и Мирза-Али-Карауль-Беги и секретарь посольства Ибрагимъ Джебаги.

Первымъ былъ принятъ Государемъ Императоромъ посолъ Джань-Мирза-Бий-Перваначи. Войдя въ кабинетъ, милостиво встрѣченный посланецъ передалъ Государю Императору въ нарчевомъ расшитомъ золотомъ конвертѣ собственноручное письмо Эмира. Подавая письмо, посланецъ передалъ Государю

сѣзда былъ избранъ товарищъ министра Государственныхъ Имуществъ, т. с. В. И. Вешняковъ, вице-президентами — д. с. с. Ѳ. И. Базилевскій и О. А. Гриммъ, а секретаремъ — Н. А. Варпаховскій.

Серебряный посохъ, поднесенный архимандриту Хорену Степану прихожанами СПб. армянской церкви. Съ фот. грав. Ольшевскій.

Парижская Всемирная выставка 1889 г. Земной глобусъ двадцати самень въ окружности. Грав. Флюгель.

Императору чрезъ переводчика Султана Асфандярова возложенное на него порученіе, сказавъ:

„Бухарскій Эмиръ повергаетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества какъ свои личныя чувства безпредѣльной преданности, такъ и чувства всего бухарскаго народа... Въ знакъ полной своей преданности къ Вашему Императорскому Величеству, Бухарскій Эмиръ имѣетъ счастье поднести бриллиантовые знаки бухарскаго ордена, учрежденнаго его покойнымъ отцемъ Сеидъ-Музафаръ-Вогадуръ-Ханомъ“.

Государь Императоръ, принявъ орденъ, поручилъ посланцу передать Эмиру Свое Монаршее расположеніе.

Подарки были разложены на трехъ большихъ столахъ въ Танцовальной залѣ Дворца. Государю Императору были поднесены: персусултанъ, усыпанный бриллиантами, изумрудами, рубинами, сафирами и прочими драгоценными камнями; сабля въ золотыхъ ножнахъ, съ золотою перевязью и поясомъ, также усыпанными драгоценными камнями; двѣ чеканной работы серебряныя вазы, украшенныя бирюзой и драгоценными камнями; чаша чеканная, серебряная, художественной работы, съ бирюзой; 10 сабель въ ножнахъ, усыпанныхъ бирюзой; шитые золотомъ и серебромъ бархатные халаты ручной работы; шелковыя матеріи, бархаты, дорогой работы бухарскіе ковры, 500 каракулей и проч.

Ея Императорскому Величеству было поднесено: ожерелье, діадема и серьги („баркачъ“) изъ чуднаго жемчуга и всевозможныхъ драгоценныхъ камней: сафировъ, изумрудовъ, рубиновъ, бриллиантовъ и проч.; подносъ съ чайникомъ и чашкою въ азіатскомъ вкусѣ, серебряные съ золотыми, замѣчательной работы бордюрами; чернильница въ русскомъ стилѣ изъ золота; большой серебряный павлинь, усыпанный бирюзой, съ перьями изъ бриллиантовъ и другихъ драгоценныхъ камней и проч.

Государю Наслѣднику Цесаревичу были поднесены: сабля въ золотыхъ ножнахъ; три серебряныя вазы съ крышками, вокругъ которыхъ золотыя подвѣски, усыпанныя драгоценными камнями и проч.

Промышленность и сельское хозяйство.

— 26 февраля, въ помѣщеніи Сиб. городской думы послѣдовало открытіе сѣзда русскихъ рыбопромышленниковъ. Президентомъ

— 26 февраля, въ Москвѣ, въ зданіи эзерциргауза, открылась очередная выставка птицеводства, ежегодно устраиваемая состоящимъ подъ Августѣйшимъ Ея Величества Государыни Императрицы покровительствомъ московскимъ Обществомъ любителей птицеводства. Въ числѣ домашнихъ птицъ выставлены прирученные журавли, вальдшнепы и фазаны.

Искусства изобразительныя.

— 24 февраля, Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Князей Георгія Александровича и Владиміра Александровича, осылали въ помѣщеніи XVII передвижную выставку „Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ“, причемъ Ихъ Величествами приобретены картины: И. Рѣпина — „Святитель Николай избавляетъ отъ смертной казни трехъ гражданъ, невинно осужденныхъ происками правителя города Муръ-Ликійскихъ“; В. Маковского: „Проповѣдь въ сельской церкви“, „Сборщикъ на церковь“, „Мальчикъ рыболовъ“; г. Архипова — „На Волгѣ“ и А. П. Боголюбова — „Петергофъ“. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ приобретена картина А. Киселева — „Венеція“. Картина Рѣпина привлекла особое вниманіе Государя Императора. По милостивому замѣчанію Его Величества, она послужитъ выкладомъ въ галерею русской школы.

Е. И. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ, уѣзжая съ выставки, изволилъ выразить, что онъ смотритъ на членовъ Товарищества, только какъ на представителей русскаго искусства, и всегда сочувствовалъ ихъ дѣлу.

Общее число картинъ на выставкѣ, размѣщенныхъ въ двухъ этажахъ дома г-жи Боткиной (по Сергіевской улицѣ), доходитъ до двухсотъ.

— Картина профессора Г. И. Семирадскаго „Фрина на праздникѣ Посейдона въ Элевзисѣ“ приобретена Его Величествомъ Государемъ Императоромъ.

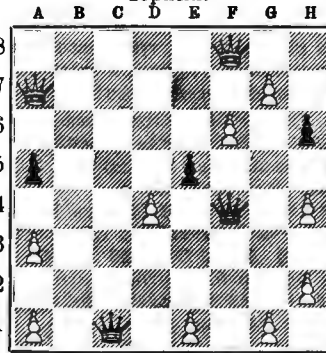
— 25 февраля, открылась въ Москвѣ выставка картинъ художника Сахарова, изображающей моментъ крушенія Императорскаго поѣзда 17 октября минувшаго года.

Неврологъ.

— Въ ночь на 30 января сего года скончался въ Афинахъ митрополитъ Аѳинскій Прокопій, предсѣдатель Священнаго Синода эллинской церкви, управлявшій митрополіею съ 1874 года.

Шашечная задача № 19.

Ф. Платонова.
Черныя.

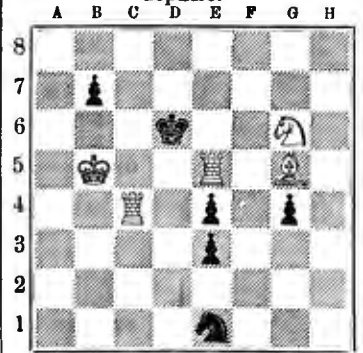

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку.

Шахматная задача № 20.

С. Гольдъ.
Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

СОДЕРЖАНІЕ: Опасная игра, Повесть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе). — Загадка. Комедія, въ стихахъ, О. Чюминой. (Окончаніе). — Къ рисункамъ: Любопытство (съ рис.). — Оливьеръ Кромвель и Мильтонъ (съ рис.). — Отъ нечего дѣлать (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Фаустъ“ Гёте, въ переводѣ А. Фета (съ рис.). — Православный храмъ въ Иромѣ (Ugroom), въ Венгріи (съ 3 рис.). — Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ (портретъ). — Памятникъ Н. М. Пржевальскому на берегу Иссык-Куля (съ рис.). — Л. Н. Майновъ (съ портр.). — Анжело Нейманъ (съ портр.). — Посохъ, поднесенный архимандриту Хорену Степану (съ рис.). — Гигантскій глобусъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 года (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Задачи. — Тиражъ выигрешей въ Государственномъ Банкѣ. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ

2-й заемъ 1866 года.

46-й тиражъ 1-го марта 1889 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.						
67	35	500	2255	22	1000	5068	7	1000	8073	15	500	10097	1	1000	12176	22	500	14836	47	500	17881	39	500
68	24	500	2842	21	500	5107	7	500	8116	50	500	10181	20	500	12271	20	500	14861	46	500	17966	36	500
79	41	500	2391	31	1000	5263	46	500	8352	35	500	10216	49	500	12300	46	500	14881	35	500	18001	35	1000
114	20	500	2503	50	10000	5507	42	500	8401	25	500	10231	16	500	12314	41	5000	14946	44	500	18056	10	500
235	9	500	2638	9	500	5551	43	8000	8451	8	500	10275	37	500	12589	27	500	15228	40	1000	18086	5	500
250	41	500	2866	49	500	5625	20	500	8480	1	500	10286	46	500	12584	35	500	15255	25	500	18102	28	1000
541	15	500	2723	19	500	5791	38	500	8531	41	500	10322	9	500	12748	21	500	15272	15	500	18192	22	500
675	37	500	2888	27	500	5855	2	500	8582	30	500	10344	11	500	12775	37	500	15300	1	500	18287	36	75000
718	41	5000	2928	10	1000	5866	46	500	8628	14	500	10366	10	500	12872	44	500	15383	1	1000	18242	18	500
722	24	500	3030	26	500	5896	37	500	8648	48	500	10475	40	500	12874	32	500	15405	17	500	18372	49	500
767	4	500	3033	38	500	5942	35	1000	8659	84	500	10531	4	500	12925	34	500	15472	34	500	18418	29	500
784	7	500	3041	8	500	6144	25	500	8666	28	500	10675	24	500	12937	18	5000	15490	24	500	18467	3	500
846	29	500	3116	21	8000	6315	12	500	8708	25	1000	10675	46	500	13102	9	500	15497	43	500	18514	29	500
940	87	500	3137	44	500	6347	4	500	8819	38	500	10767	35	500	13114	9	500	15662	19	500	18770	4	500
949	17	500	3149	12	500	6351	48	500	8823	16	5000	10771	49	500	13285	14	500	15724	25	10000	18847	28	500
973	19	500	3205	23	500	6485	10	500	8848	29	500	10819	18	500	13288	31	500	15990	39	1000	18875	1	1000
1040	40	500	3221	7	500	6550	9	500	8888	30	5000	10830	37	500	13576	10	500	16123	44	500	18978	24	5000
1072	18	500	3222	20	500	6553	11	40000	8913	19	500	10857	35	500	13638	12	500	16158	35	500	19042	41	500
1216	43	500	3305	34	500	6556	28	500	8915	48	500	11007	38	500	13645	48	500	16179	22	500	19059	12	500
1362	33	500	3335	33	500	6595	42	500	8935	24	500	11084	47	500	13680	34	500	16186	29	8000	19134	27	500
1394	43	500	3492	33	500	6719	42	500	8947	11	500	11281	9	500	13699	20	500	16350	43	1000	19173	18	500
1501	3	500	3561	16	8000	6764	10	500	9101	30	500	11281	28	500	13786	37	500	16760	43	500	19207	21	1000
1508	44	500	3641	22	500	6881	38	500	9181	22	500	11234	9	500	13806	49	500	16879	26	500	19214	46	500
1570	33	5000	3721	17	500	6895	11	500	9191	23	500	11237	43	500	13809	50	500	17015	40	500	19252	33	500
1581	24	1000	3820	34	500	6976	13	500	9252	2	500	11343	24	25000	13897	6	500	17036	25	500	19378	28	500
1583	48	500	3937	14	1000	6995	20	500	9301	23	500	11386	50	500	14099	23	500	17182	17	500	19375	13	500
1624	26	500	3947	38	500	7004	22	500	9423	26	500	11507	30	500	14105	36	500	17215	35	500	19397	12	500
1809	40	500	4205	2	500	7122	12	500	9476	6	500	11586	7	500	14129	22	500	17225	20	500	19549	20	500
1812	40	500	4225	33	500	7153	5	500	9594	35	500	11591	41	500	14163	48	500	17407	8	500	19549	30	500
1883	30	500	4344	34	500	7399	9	500	9675	49	500	11605	41	500	14201	22	500	17502	27	500	19585	41	500
1867	40	500	4359	36	500	7519	12	500	9771	27	500	11619	33	500	14248	2	500	17534	50	500	19598	31	500
1923	34	500	4469	47	500	7571	24	500	9807	49	500	11625	31	500	14350	20	500	17552	32	500	19641	48	500
1927	15	500	4553	16	500	7632	45	500	9838	46	500	11748	50	500	14438	41	500	17634	24	500	19700	26	1000
1946	25	500	4589	48	500	7685	20	500	9913	47	1000	11930	34	10000	14453	41	500	17682	29	500	19955	16	500
2083	5	500	4663	2	500	7703	20	500	9935	5	500	11999	50	500	14453	47	500	17686	15	500	19974	37	500
2129	23	500	4767	8	500	7744	47	500	10004	47	500	12033	13	500	14546	37	8000	17845	33	500	19977	17	200,000
2157	34	500	4853	42	500	7859	7	500	10051	31	500	12085	4	500	14702	17	5000	17861	23	500	19989	88	500
2202	49	500	4884	41	1000	8039	30	500	10052	19	500												

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

121, 702, 884, 1450, 1623, 1688, 1822, 1999, 2076, 2103, 2257, 2258, 2359, 2571, 2799, 3238, 3329, 3393, 3593, 4043, 4391, 4434, 4839, 5033, 5058, 5249, 5509, 5817, 5947, 6670, 6754, 6782, 7408, 7557, 7785, 7894, 8175, 8465, 8579, 8818, 8905, 8936, 8974, 9154, 9240, 9340, 9366, 9989, 9982, 10107, 10124, 10550, 10765, 10805, 10863, 10891, 11202, 11842, 12423, 13247, 13328, 13525, 13637, 14173, 14302, 14405, 14571, 14707, 14860, 15015, 15441, 15581, 15796, 16295, 16957, 17249, 17259, 17363, 17452, 18434, 18664, 18787, 19170, 19229, 19266, 19540, 19860, 19864.

на Пасху

НОВОСТЬ

ФИГУРЫ ИЗЪ КРАСНАГО, ЗЕЛЕНАГО И ЖЕЛТАГО ТУАЛЕТНАГО МЫЛА.

Ребенокъ запеленатый, слонъ, медвѣдь, собака, кошка, птица по 15 к.
Мальчикъ, дѣвочка, барашекъ, курица у корзины съ яицами, курица сядящая въ корзину, пѣтухъ, цыпленокъ по 20 к.

ЯИЦА изъ разноцвѣтнаго туалетнаго мыла по 5, 10, 15 коп.
ЯИЦА изъ розоваго туалетнаго мыла съ букетомъ по 20 коп.
ЯИЦА изъ прозрачно-глицериноваго мыла по 10, 15, 25 и 60 коп.

ЯИЦА съ духами и мыломъ отъ 1 руб.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ деревянныхъ, бронзовыхъ и стеклянныхъ яицъ съ скорпизмами и безъ оныхъ по 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45, 50, 55, 60, 65, 70, 75, 80, 85, 90 коп. и отъ 1 руб. до 10 рублей.

ЯИЦА ФАРФОРОВЫЯ отъ 15 коп. до 5 рублей.
ЯИЦА ФАРФОРОВЫЯ съ флакономъ отъ 1 руб. до 10 руб.
ИЗЯЩНЫЯ КОРОБКИ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ убранныя парфюмерными принадлежностями по 1 руб., 2 руб., 3 руб.
ИЗЯЩНЫЯ ДЕРЕВЯННЫЯ ЯЩИКИ убранныя парфюмерными принадлежностями отъ 4 руб. 25 коп. до 150 руб.

Духи французскіе и англійскіе, Помада, Фиксатуръ, Помада венгерская, Бриллиантъ, Масло для волосъ, Воды для волосъ, Мыла туалетныя, Мыло и кремъ для бритья, О-де-колонъ, Туалетныя воды, Туалетный уксусъ, Молоко, воды и кремы для смягченія и бѣлизны кожи, Рисовая пудра, Румяна и Бѣлила, Зубные элексиры, порошки, паста и пломба, Порошки душистые и подушки, Вещества для куренія и т. д.

Всѣ туалетныя принадлежности. Подробный прейсъ-курантъ высылается безвозмездно по первому требованію.

А. М. РУЗАНОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

40. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, 40.

Покорно прошу удостоить меня своими требованіями заблаговременно, чтобы получить товары безъ задержки и въ свое время.

R. № 3752

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всё % бумаги.
Суды подъ всё % бумаги.
Страхование вингирнскихъ займовъ.
Переводы на всё города.
Онлата купоновъ. № 3716
Также нужны вѣрныя съ постоян-
нымъ мѣстомъ жительства
А ГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выте-
очивающему адресу.

АДРЕСА

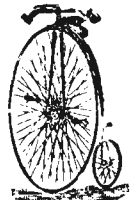
всѣхъ спе-
ціальн о-
стей и
странъ до-
ставляетъ подъ
гарантией: Interpa-
tion. Adresson - Veri. - An-
stalt (C. HERM. SERBE) Leip-
zig (Германія) (основ. 1864). Ката-
логъ около 950 специальн. = 5.000.000 ад-
ресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

КОРЬЯКА ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ИОСИФА

Натуральная минеральная сла-
бительная вода источника
ФРАНЦА ИОСИФА
въ Будапештѣ,
по отзывамъ меди-
цинскихъ авторите-
товъ, она дѣй-
ствуетъ легко, акку-
ратно и безъ вся-
кихъ вредныхъ по-
слѣдствій.
Рекомендуется
какъ слабительная
вода, не содержащая
въ своемъ составѣ
вредныхъ здоровью веществъ.
Продается вездѣ.
Для нормальнаго пріема достаточно од-
ного винаго стакана. Ц. № 3722 6-2
Дирекція въ Будапештѣ.
НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни.
дс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М.
фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЬ“.
Всякаго рода двухъ - и
трехъ - колесные велоси-
педы для взрослыхъ и
дѣтей. Составныя части
и принадлежности. Ищутъ
агентовъ. Ил.лю стр. ро-
ваннй каталогъ за 10
пфен. марками. 12-2

ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ. Ежемѣсяч-
ный. Цѣна за годъ, съ дост. и перес., 8 р. Подробнѣе свѣдѣнія выслаются за
2 семи-коп. марки. Адр. Петербургъ, Пантелеймоновская, 2. № 3741

Простѣе требовать во
всѣхъ аптекарскихъ и
парфюмерныхъ магази-
нахъ известныя своимъ
хорошими качествами
**ГЛИЦЕРИНОВЫЯ
МЫЛА**
фабрики
**РИЧАРДА
ВИЛЬДТЪ**
въ Варшавѣ.

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ и на Афонъ,
для Православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать
за проѣздъ:

I. До Яффы и обратно:

	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и II кл. на парох.		III классъ.
	Съ про- дов. на парох-дѣ.	Безъ про- до-воль- ствн.	Съ про- дов. на парох-дѣ.	Безъ про- до-воль- ствн.	Съ про- дов. на парох-дѣ.	Безъ про- до-воль- ствн.	
Отъ СПбурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	Руб. 188	Руб. 126	Руб. 62 50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу	305	230	215	160	172	115	46 50
Отъ Кіева чрезъ Одессу	250	170	175	120	158	101	33 —
Отъ Воронежа тр. Таганрога	270	180	200	130	188	118	38 —
Отъ Воронежа тр. Ореля, Кі- евъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47 —

II. До Афона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ 45 р.
Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ 32 р.
Отъ Одессы въ III классѣ 22 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:

Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея В. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Мазанскій пер., 7.
Въ Троице-Сергіевской лаврѣ: у о. Агапіта, въ Новой гостиницѣ.
Въ Москвѣ: у священника о. Р. Р. Срѣтскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.
Въ Кіевѣ: у пресвященнаго Іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Загосерхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. іеромонаха Авансія, въ Лаврской гостиницѣ.
Въ Воронежѣ: у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.
Въ Перми— у Архидіа Александра Ивановича Малышева.
Въ Назани: у В. П. Заусайлова, въ своемъ домѣ. № 3738 3-1
Въ Одессѣ: у М. Н. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.
Для желающихъ получить билетъ 3-го класса, только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли“, по предъавленію заграничнаго паспорта, выдаетъ билетъ, до Яффы и обратно, отъ Одессы или Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Ватума за 38 руб.

Вышла въ свѣтъ и разослана подписчикамъ седьмая книжка
ЖУРНАЛА СЧЕТОВОДЪ В. В. ЕЗЕРСКАГО.
Счетоводство. Финансы. Контроль. Коммерч. науки. Обзоръ отчет. Судебно-счетоводн. экспертиза. Счетоводная жизнь. Сценны и рассказы изъ вел. Справочный отдѣлъ.
Рекламы. Объясненія.
Подписная цѣна за 33 книги въ годъ 6 р., полгода 3 р.
Подписка продолжается: новымъ подписчикамъ высылаются всѣ книжки, начиная съ первой.
Адресоваться въ редакцію журнала СЧЕТОВОДЪ В. В. Езерскаго. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 66. № 3742

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.

Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всё ка-
чества для бѣлизны кожи.
М. № 3739 3-1 **Брокеръ и Ко.**

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES
достаточно известны:
ЛОЗЕ МАЙГЛОКСЧЕН
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12-7
Придворный Парфюмеръ
46, JAGERSTRASSE, BERLIN.
Можно получить по всѣмъ парфюмернымъ магазинамъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Въ конторѣ издателя-книгопродавца **А. Д. СТУПИНА,**
Москва, Никольская улица,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ, кратко изложенныя по руководству Четинхъ Мисей А. П. Бахметова съ прибалженіемъ объясненій главнѣйшихъ праздниковъ Православной церкви и съ изображеніями святыхъ (около 300 рисунковъ). Отпечатано на лучшей бумагѣ, большаго формата, болѣе 1500 стр. М. 1886 г. Цѣна за весь годъ 5 руб., въ наклей съ коленк. кор. 6 руб. съ пер., въ коленк. перепл. въ 4-хъ книгахъ 8 руб. съ перес.
ТО ЖЕ ИЗДАНІЕ (безъ рисунковъ), малаго формата, на обыкновенной бумагѣ. (Ще-
пачано съ 5-го изданія, одобреннаго Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.). 12 книжекъ 11-е изд. М. 1888 г. Цѣна 1 р. 80 к., съ пер. 2 руб., въ перепл. въ 3-хъ книгъ 3 руб., въ коленк. пер. 4 руб. съ перес.
Эта книга напечатана съ той цѣлью, чтобы дать всякому христіанину богоугодное чтеніе въ праздничные дни. Читатель увидитъ въ ней высокіе примѣры вѣры, любви къ Богу и ближнимъ, терпѣнія среди скорбей и полной покорности воли Божіей.

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ УЧЕНІЕ И ЧУДЕСА ИСУСА ХРИСТА. Бесѣды священника съ прихожанами. Состав. протоіерей Н. Тихвинскій. Изд. 2-е, въ 2-хъ част. М. 88 г. Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 к., въ корешк. перепл. съ пересылкой 2 р., въ перепл. коленк. съ перес. 2 р. 50 к.
Книга эта представляетъ собою просто изложенную, въ формѣ назидательныхъ бесѣдъ, евангельскую исторію со времени явленія Иисуса Христа міру до преданія Его Иудею, и можетъ служить какъ пособіемъ для проповѣдниковъ, такъ и прекраснымъ матеріаломъ для религіозно-нравственнаго чтенія въ семьѣ и школѣ.

СОБРАНІЕ СЛОВЪ былаго инспектора и профессора Ярославской духовн. семинаріи, В. Орлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ пер.

Разсказы для дѣтей о земной жизни Иисуса Христа и о подвигахъ и чудесахъ Св. Апостоловъ. Сост. А. Н. Вахметова. 9-е изданіе, одобр. Уч. Ком. при Свят. Синодѣ и Мин. Нар. Пр. Изд. 15-е, съ 15 картинками. М. 86 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к., въ издѣл. ланкѣ 75 к.

ДВУНАДЕСЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ И ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО.
Картинки съ молитвами и объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ А. Н. Бахметова. Картинки рисованы Маковскимъ и отпечатаны въ два тона больш. формата (одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для начальныхъ училищъ). Удобны для развѣшанія въ школахъ. М. 87 г. Ц. 1 р. 25 к., съ почт. пер. 1 р. 75 к., съ краш. карт. на картонѣ 2 р. 50 к. съ пер.

Премудрость и благодать Божія въ судьбѣхъ міра и человека. (О конечныхъ причинахъ). 3-е дополн. изд. М. 85 г. Ц. 3 р.

Житія святыхъ, составл. по руковод. Четинхъ-Мисей Назольскихъ. 12 книгъ съ прибал. отдѣльной 13 книги пролога. М. 1884 г. Ц. 10 р., въ коленк. перепл. въ 3 книгахъ 13 р. съ перес.

Правило къ причащенію Св. Хр. Таинъ. Церк. печ. Ц. въ перепл. 2 р. съ перес.

АКАЕНСТВО: Превъ Троицѣ, Господу Иисусу Христу, Хр. Страстямъ, Гробу и Воскресенію Госпн. Благодаренію Пр. Богородицы, Успенію, Покрову, Уголю мѣлцаи. Всѣхъ скорбѣщихъ радости, Казанской Б. М., Боголюбской, Владимірской, Троицкой, Федоровской, Тихвинской, Неомалин. Куниинъ „Достойно есть“, Скорослушницѣ; Св. Арханг. Михаилу, Св. Ангелу Хранителю, Іоанну Крестителю, Ілліи прор., Іоанну Богослову, Свѣтил. Николаю, Преп. Сергію, Антонію и Феодосію, Св. Дмитрію Ростов., Митрофану, Тихону Задонск., Великомуч. Георгію, Пантелеймону, Муч. Екзатаріи и Варварѣ, Кн. Владиміру. Цѣна за каждый въ коленкор. перепл. по 50 к., съ перес. по 60 к. Выпущенныя 10 акаенствъ и болѣе за перес. не платятъ.

АНАВИСТЫ: Пверской Б. М., Св. Алексію чел. Бож., слав. печ., больш. форм. Ц. по 1 р. съ пер. Служба съ акаенствомъ Св. Николаю Чудотв., церк. печ. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

КАЛЕНДАРЬ КРЕСТНЫЙ на 1889 г. Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп.

ПОЛНЫЙ ГОДИЧНЫЙ КРУГЪ СЛОВЪ И ПОУЧЕНІЙ священника І. Долнскаго. 1888 г. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес.

Жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы. Сост. А. Глинка, изд. 9-е. М. 18-6 г. Цѣна 85 к., въ издѣл. ланкѣ 75 к. Написанная живымъ и понятнымъ языкомъ исторія жизни Богородицы со дня рожденія Ея до самаго Успенія, дѣлаетъ эту книгу интересной и назидательной.

Библейскіе разсказы. Сост. К. Л. Яро-славская. Съ 28 карт. М. 1887 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к. Составленная въ видѣ отдѣльныхъ живописаній замѣчательныхъ библейскихъ лицъ, эта книга представляетъ для народа интересное чтеніе по священной исторіи Ветхаго Завета.

Краткая исторія христіанской церкви. Сост. прот. Богдановъ. 9-е изданіе, печат. съ 8-го, одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для употреб. въ гимназіяхъ и прочимъ въ качествѣ руководства. М. 1888 г. Ц. 50 к.

Сводъ узананій и замѣтокъ по вопро-самъ пастырской практики. 3-е исправленое изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес.

Поминанія на хорошей бумагѣ, съ 2-ми картинками, въ издѣл. коленкоромъ перепл. Ц. 30 и 50 к., въ сафьяномъ и бархатномъ по 1 р. съ пересылкою.

XX г.

№ 12

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

г. XX

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣтъ 18 марта 1889 г. и ЛИСТА „ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕКЪ“ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
страни.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер- 5 р.
бургъ || Безъдостав. въ Москвѣ чр. конт. объявл. 6 р.
И. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.
Съ доставкою въ Петер- 6 р. 50 к. || Съ пересылкой въ Москву и другіе го- 7 р.
бургъ рода Россіи
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говъкъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Сборъ гончихъ послѣ охоты. Съ картъ Вѣрушъ-Ковальскаго, грав. Кирмае.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Окончаніе).

XXIV.

Послѣ обѣда вернулся Павелъ Григорьевичъ и, видя что гостя собираются улизнуть, началъ ее горячо упрашивать чтобы она не обижала его.

— Я глубоко виноватъ передъ вами, говорилъ онъ,—но я надѣюсь, что вы простите меня по христіански. Клянусь вамъ, я сдѣлаю все возможное чтобы загладить свою вину.

Онъ говорилъ такъ серьезно, что Паша, не смѣя признаться въ чувствѣ, которое побуждало ее бѣжать, сдалась.

— Ну, сказалъ онъ, усаживаясь,—вы безъ меня, конечно успѣли нагосориться вдоволь о важныхъ вещахъ. А я, тѣмъ временемъ, видѣлъ нашихъ... Настасья Ивановна здѣсь съ Рождества, а Заборскій съ женою пріѣхалъ вчера... Слушайте, я вамъ привезъ цѣлый ворохъ самыхъ свѣжихъ извѣстій.

Мезенскій былъ хорошей разскащикъ, и скоро успѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ собесѣдницъ... Дѣвицы ожили; Паша, сама не зная какъ, даже повеселѣла.

Отъ мелкихъ уѣздныхъ новостей Павелъ Григорьевичъ перешелъ къ столицѣ, жалуясь что, на зло наружной близости, общество тутъ, какъ песокъ, ничѣмъ между собою не связано. Тутъ, даже въ своей семьѣ молъ, рѣдко интересуются другъ другомъ такъ горячо, какъ напримѣръ мы трое, въ эту минуту, интересуемся дѣлами и обстоятельствами нашихъ уѣздныхъ друзей... Не правда-ли?.. И онъ обратился къ Пашѣ.

— Да, отвѣчала она,—вообще говоря, это довольно вѣрно.

— Возьмемъ, напримѣръ, хоть нашъ, небольшой уѣздный кружокъ, продолжалъ онъ. — Сознайтесь, что онъ вамъ ближе чѣмъ здѣсь, въ Петербургѣ, семейство вашего дяди.

Она опять согласилась, и прижимаясь къ Аннѣ Григорьевнѣ, заглянула съ любовью въ ея глаза.

— Да, было время когда я и сама такъ думала, сказала Аннетъ, вздохнувъ;—но обстоятельства сильно перемѣнились. Теперь она по наружности только наша; а на душѣ у нея—измѣна.

Ладищева вздрогнула, больно уколота, но не сказала на это ни слова. Посматривая украдкой на Мезенскаго, она замѣчала уже не разъ его неподвижно уставленный на нее, вопросительный взоръ. При томъ направленіи которое принялъ вдругъ разговоръ, ничто не могло быть естественнѣе подобнаго рода нѣмого вопроса съ его стороны; а между тѣмъ ей становилось страшно и что-то внутри ея возмущалось противъ такого знака его вниманія, какъ противъ нравственнаго насильства.

— Бѣги! шептала ей внятно ея предчувствія.—Бѣги куда еще не поздно!

Но Паша не только чувствовала всѣмъ существомъ своимъ, что она не въ силахъ исполнить такого совѣта, а даже какъ будто-бы и сама не желала уже уйти. Взглядъ Мезенскаго приковывалъ ее къ мѣсту и какъ волшебный напѣвъ убаюкивалъ ропотъ ея возмущенной воли.

— Нѣтъ, этому не бывать! отвѣчалъ онъ повидимому сестрѣ, но твердый взоръ и властная рѣчь его были обращены къ Ладищевой. — Не бывать!.. Мы никому не уступимъ Прасковью Петровну, да и она сама, что бы она ни затѣвала раньше, теперь, когда у нея открылись глаза, не захочетъ намъ измѣнить... Нѣтъ, не захочетъ!.. Покуда она была въ кабалѣ у петербургскихъ мазуриковъ, она, натурально, должна была высоко цѣнить участіе и услуги своихъ защитниковъ. Мало того, не зная ихъ истинныхъ побужденій, она

могла вѣрить въ ихъ безкорыстіе. Но теперь, когда ей извѣстна награда, которую они получили, она не можетъ долѣе ошибаться въ оцѣнкѣ этихъ людей. Это не безкорыстно преданные друзья, а маклера, воспользовавшіеся ея безпомощнымъ положеніемъ и ея неопытностью, чтобы обдѣлать собственныя свои дѣла. Прасковья Петровна должна наконецъ понять, что она служила для нихъ почти такой-же добычей, какъ и для этого паука, изъ сѣтей котораго они ее выпутали. Разница только въ томъ, что онъ получилъ всего нѣсколько сотъ рублей, тогда какъ они получили за ихъ услуги десятки тысячъ. Сбыточное-ли это дѣло, чтобы въ здоровомъ умѣ, и твердой памяти, она промѣняла на эту нечисть такого достойнаго человѣка, какъ Алексѣй Черенинъ?

Онъ говорилъ увѣреннымъ тономъ голоса, и покуда онъ говорилъ, Паша сидѣла, какъ околдованная. Но только что онъ умолкъ и перевелъ глаза на сестру какъ все что терзало ее съ утра проснулось.

— Я не могу этого слышать! сказала она вскочивъ.— Это низкая клевета!

— Прасковья Петровна, произнесъ Мезенскій, обернувшись и снова смотря ей въ глаза.—Не гнѣвайтесь; садьте.

Яркое выраженіе гнѣва у ней на лицѣ погасло и уступило мѣсто какому-то дѣтскому изумленію. Она вздохнула и, съ видомъ глубокаго утомленія, сѣла.

Аннетъ смотрѣла на брата, не зная что онъ намѣренъ дальше сказать; но, къ удивленію ея, Павелъ молчалъ, не сводя съ Ладищевой глазъ. Тогда она оглянулась на Пашу и ахнула.

— Спи! прошептала она.

Дѣйствительно, та закрыла глаза и все ея тѣло вытянулось, а голова, какъ деревянная, опустилась на спинку софы.

— Паля, это безсовѣстно! шептала Анна Григорьевна въ ужасѣ.—Паля, голубчикъ, вспомни какъ ты мнѣ клялся, что этого больше никогда не будетъ!

— Оставь, перебилъ онъ нетерпѣливо.—Неужто еще не поняла, что съ нею нечего больше дѣлать?

Онъ наклонился надъ спящею и сталъ тихо съ ней говорить.

Что-то похожее на мучительную, внутреннюю борьбу стало замѣтно въ чертахъ у Паши. Она тяжело дышала, хваталась за горло, за грудь, и шептала невнятные рѣчи; но мало-по-малу это прошло, словно зубная боль отъ заговора, и въ номерѣ стало тихо, какъ въ комнатѣ гдѣ скончался больной...

Когда онъ ее разбудилъ, она озиралась какимъ-то испуганно-удивленнымъ взоромъ, явно не помня рѣшительно ничего. Аннетъ обнимала и цѣловала ее; но Павлу Мезенскому, котораго совѣсть мучила, эта сцена не нравилась, и онъ, коротко простившись, ушелъ.

* *

Друзья просидѣли до поздняго вечера, но ни слова о жгучемъ вопросѣ, который ихъ занималъ весь день, болѣе не было сказано. Паша какъ будто забыла о немъ и казалась спокойна, почти весела. Всѣ мысли ея были поглощены деревней, и темою разговоровъ служили уѣздныя новости, сообщенныя Павломъ Григорьевичемъ. Въ тонѣ рѣчей и во взглядѣ однако не трудно было замѣтить какое-то скрытое возбужденіе, которое заставляло Анну Григорьевну тщательно избѣгать всего, что могло-бы напоминать Ладищевой только что сдѣланное надъ ней физическое и нравственное насильство. Но страхъ ея былъ напрасенъ. Касаясь иныхъ вещей, Паша сама останавливалась и на лицѣ у нея появлялось недоумѣніе человѣка чувствующаго, что въ соче-

таніи его мыслей чего-то недостаетъ. Для Анны Григорьевны, которая не могла себѣ объяснить ея состоянія и которую совѣсть мучила еще больше чѣмъ брата, все это было такъ тяжело, что она невольно перекрестилась, когда Ладищева наконецъ ушла.

* * *

Паша вернулась домой какъ пьяная, чувствуя, что она не въ силахъ остановить вниманіе ни на чемъ, но нисколько не сокрушаясь о томъ. Это была та безпечность парализованнаго сознанія, которую русскій народъ такъ картинно передаетъ пословицей: *Пьяному по колыно море...* Словно тяжелый недугъ покинулъ ее и вмѣстѣ съ здоровьемъ къ ней воротился старый ея, безмятежный, дѣтскій покой души. Отъ всѣхъ пережитыхъ волненій осталось лишь чувство глубокой усталости... Машинально раздѣвшись, она легла и проспала, какъ убитая, до утра. Это былъ первый подобный сонъ ея за пять мѣсяцевъ.

Проснувшись въ девять часовъ и лёжа еще въ постели, она припомнила всѣ событія прошлаго дня; но смыслъ, который они имѣли для ней вчера, казался непостижимъ, и Паша припоминала его теперь какъ выздоравливающій припоминаетъ горячечный бредъ. Она, напримѣръ отлично помнила все что она узнала вчера про Стойницкаго; вспомнила и письмо, найденное горничною въ карманѣ ея пуховой шубки; только теперь ни то, ни другое не возбуждало въ ней болѣе никакихъ сомнѣній. Открытія подтверждали тѣ самыя опасенія, которыя ей всегда внушала темная дѣловая связь Стойницкаго съ Марьей Кондратьевной, а письмо не болѣе какъ объясняло тяжелое впечатлѣніе встрѣчи ея у него съ незнакомою молодою женщиной. Только упорная вѣра ея въ своего избавителя, которая до сихъ поръ заставляла молчать всѣ эти тайные голоса, теперь была сломана и ничто не мѣшало ей долѣе убѣдиться въ своей ошибкѣ.

Но какъ и когда совершился такой переломъ, она не могла себѣ объяснить, и этотъ пробѣлъ сознанія у нея остался... Мало-ли ихъ бываетъ въ исторіи нашихъ душевныхъ кризисовъ, и мало-ли какъ мы ихъ объясняемъ себѣ... Паша приписывала его крайнему утомленію.

XXV.

Оставивъ Пашу съ сестрою въ Пушкинской, Павелъ Григорьевичъ, квартировавшій съ Черенинымъ, воротился къ себѣ и засталъ его дома.

— Ну, сказалъ онъ, — я къ тебѣ съ хорошимъ извѣстіемъ... Намъ съ Аннетъ наконецъ удалось воротить тебѣ сердце твоей красавицы.

Черенинъ, писавшій какія-то дѣловыя письма, бросилъ перо и вскопчилъ весь взъерошенный.

— Какъ такъ? сказалъ онъ въ глубокомъ недоумѣніи. — Развѣ вы сдѣлали за меня предложеніе?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ смѣясь, — но ты можешь идти къ ней завтра и сдѣлать его, безъ малѣйшей опасности получить отказъ...

— Да я уже получилъ его.

— Врешь?

— Ей Богу!.. Я ей признался съ какими надеждами я пріѣхалъ сюда; но она мнѣ ни слова на это не отвѣчала... Тогда я поставилъ вопросъ иначе. „Боюсь“, молъ, „что я опоздалъ...“ Она покраснѣла, и все-таки не сказала ни слова... Ясно, что у нея уже есть другой.

— Навѣрное есть, сказалъ Мезенскій. — Но если ты изъ-за этого отъ нея отступишься, то ты будешь въ большихъ дуракахъ. Не жди чтобы она опять повисла тебѣ на шею; этого рода вещи не повторяются; а иди и скажи ей безъ околичностей, что ты ее просишь быть твоею женою... Если ты это сдѣлаешь не теряя времени, то я отвѣчаю тебѣ за успѣхъ. Если-же нѣтъ, то ты потеряешь ее, а она потеряетъ вдвое. Ей надо не-

медленно вонъ отсюда, — иначе она тутъ запутается и пропадетъ.

Черенинъ слушалъ его въ нерѣшимости. Мысль, что онъ опоздалъ, засѣла гвоздемъ въ его головѣ.

— Ну, чего морщишься? Точно тебѣ предлагаютъ не красную дѣвушку, а тресковый жиръ... Иди къ ней, и — повторяю тебѣ — ничего не бойся. Скажи ей храбро, что ты ее любишь и прочее; а если она застыдится и не отвѣтитъ сразу, то обними покрѣпче и разцѣлуй такъ чтобы въ ушахъ у нея звенѣло... Это избавитъ тебя отъ излишнихъ расходовъ на краснорѣчіе; а ее убѣдитъ, что ты не мямля, — и дѣло у васъ будетъ въ шляпѣ.

* * *

Совѣты Павла Григорьевича были исполнены, хотя и не такъ рѣшительно какъ они звучали въ его устахъ; но тѣмъ не менѣе съ полнымъ успѣхомъ.

Быль понедѣльникъ и Паша собиралась идти на службу, когда лакей доложилъ ей, что господинъ Черенинъ желаетъ видѣть ее.

Испуганная и блѣдная, съ сильнымъ предчувствіемъ что рѣшительная минута въ жизни ея настала, но безъ малѣйшаго колебанія, дѣвушка вышла къ нему въ гостиную.

Черенинъ, со своей медвѣжьей граціей, въ роли любовника — былъ нелѣпъ; но тронутая его смущеніемъ и сама переконфуженная до-нельзя его обрывающимися на полусловъ признаніями, Паша не находила его смѣшнымъ... Краснѣя и путаясь въ неудачныхъ попыткахъ помочь ему, она наконецъ не знала что болѣе сказать, и горя отъ стыда устала на него какой-то растерянный, умоляющій о пощадѣ взоръ... Это прибавило ему храбрости, онъ придвинулся, наклонился, коснулся одною рукою ея руки, а другою потихоньку обнял ее и притянулъ къ себѣ. „Обидится и прогонитъ“, шептала ему на ухо страхъ; но ничего похожего не замѣтно было съ ея стороны; только она дрожала и отворачивала лицо.

— Позвольте отдать должокъ, шепнулъ онъ, чувствуя самъ что это выходитъ ужасно глупо.

Минута была критическая — и на Черенина наконецъ нашла, что называется, храбрость отчаянія. Не зная что болѣе дѣлать, онъ сгрѣбъ ее какъ медвѣдь въ обѣ лапы и крѣпко поцѣловалъ. Тогда, какъ предсказывалъ Мезенскій, трудные подвиги краснорѣчія оказались лишними и онъ получилъ наконецъ отъ Паши безмолвный, но тѣмъ не менѣе ясный отвѣтъ.

Дѣло окончилось тѣмъ, что она не пошла въ правленіе. Вмѣсто того Черенинъ увезъ ее въ Пушкинскую, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій, и тамъ, при громкихъ возгласахъ торжества, отпразднована была помолвка.

Къ обѣду Паша вернулась домой съ раскраснѣвшими щеками и отуманенной головой отъ двухъ бокаловъ шампанскаго, которые Павелъ Григорьевичъ съ сестрой заставили ее выпить до дна. Но этого не замѣтили, и только Серѣжа къ ней приставалъ съ вопросами: отчего у нея такъ блестятъ глаза. Послѣ обѣда она позвала къ себѣ кузину и по секрету призналась ей, что она невѣста. Та вспыхнула, пораженная этимъ извѣстіемъ до того, что не спросила даже и имени жениха.

— Странно, что вы изъ этого дѣлаете секретъ! произнесла она, не постигая когда и гдѣ могло быть сдѣлано предложеніе; такъ какъ Стойницкій не былъ у нихъ вчера, а Паша проговорила еще за столомъ, что не была сегодня въ правленіи. — Съ его стороны это даже неизвинительно... Если онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе, то чего-же онъ прячется?

— Онъ и не думаетъ прятаться, отвѣчала съ лукавой усмѣшкою Паша, которая не могла отказать себѣ въ удовольствіи подшутить надъ кузиной. — Но онъ куда еще не знакомъ тутъ ни съ кѣмъ.

Панно проф. К. Е. Маковского, писанныя для бар. Девиза. Богиня водъ.

Съ фотографіи (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Миръ“) грав. Флюгель.
Библиотека "Руниверс"

Псковскіе стражники на Ливонской границѣ въ XV вѣкѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Карзина, грав. Пудъ-

— Онъ? перебила Софья Ивановна, сбитаая совершенно съ толку.— Ахъ, Господи! да ты за кого выходишь?

— За нашего, боронецкаго... Алексѣя Черенина. Ты никогда не видала еще Алексѣя Васильевича, но матушка знаетъ его коротко, и будетъ навѣрно рада... Онъ былъ у меня тутъ сегодня утромъ...

Тогда только Софья Ивановна спохватилась, что Паша не даромъ не назвала ей имени, и покраснѣла какъ ракъ... Но радость сдѣланнаго открытія осилила въ ней досаду.

— Что-жъ ты не представила его никому? спросила она съ просіявшимъ лицомъ.

— Хотѣлось предупредить... Но я это сдѣлаю завтра.

— Ну, поздравляю тебя, мой другъ! Отъ всей души поздравляю!

Онъ горячо обнялись и о промахѣ Софьи Ивановны не было рѣчи.

* * *

Весь этотъ вечеръ Паша писала письма. Ихъ было два: одно въ деревню, къ матери, а другое къ Стойницкому... Послѣднее стоило ей большаго труда и даже упрековъ совѣсти; но ничего похожаго на раскаяніе въ своемъ поступкѣ къ нимъ не примѣшивалось; а такъ, просто ей было ужасно жалко его. Что-то настойчиво ей твердило, что какъ-бы она ни ошпилилась въ своемъ избавителѣ вообще, а все-же, лично, она не можетъ его упрекнуть ни въ чемъ; да если-бы и могла, то все-же она въ долгу передъ нимъ, за пламенные его признанія, и не въ правѣ долѣе оставлять его въ заблужденіи. Но дѣло это было не легкое, какъ оказалось уже изъ того, что, принимаясь писать, Паша горько расплакалась... Ошибка—ошибкой, а все-же она любила его. Мало того, судьба ихъ романа висѣла на волоскѣ и простая случайность могла рѣшить ее въ пользу Стойницкаго. Заставъ она его дома вчера и какъ знать ушла-ли бы она отъ него еще свободно?.. Конечно, она была ослѣплена, и можетъ-быть, современемъ, заплатила-бы дорого за свое ослѣпленіе... Но въ двадцать лѣтъ сердце не знаетъ подобныхъ соображеній—и вотъ, когда ей пришлось сказать ему, что онъ долженъ ее забыть, потому что она дала слово другому, дѣвушка вдругъ стало жалко его, такъ жалко, что даже наперекоръ ея твердой рѣшимости не писать ни слова лишняго, чувство это не разъ прорывалось наружу и ей приходилось потомъ, перечитывая, съ глубокою болью въ душѣ, рвать на куски написанное.

Такъ-ли онъ виноватъ какъ это кажется? спрашивала она себя не разъ, въ слезахъ. Ну можетъ быть измѣнилъ кому-нибудь; но все же вѣдь измѣнилъ не ей... И получилъ за свои услуги вознагражденіе; но эти услуги были не ей оказаны; а съ нея развѣ онъ требовалъ что-нибудь?.. Дѣлалъ съ ней какія-нибудь условія?.. Нѣтъ, участіе его къ ней было искреннее, и если онъ ждалъ отъ нея въ награду чего-нибудь, то развѣ только ея любви.

И заливаясь слезами, она начинала другое письмо.

Послѣ несчетныхъ помарокъ и переписокъ, заставившихъ ее просидѣть за полночь, Паша остановилась на слѣдующемъ:

„Съ стѣсненнымъ сердцемъ“, писала она:—„должна васъ увѣдомить, Викторъ Михайловичъ, что я не въ правѣ принять тѣхъ чувствъ, въ которыхъ вы мнѣ признавались. Вы можетъ-быть спросите: отчего я не сказала вамъ этого ранѣе? Но не спѣшите меня обвинять, а выслушайте сперва, спокойно, мое оправданіе. Въ то время, когда вы говорили о вашей любви, я не могла вамъ дать никакого отвѣта, главнымъ образомъ потому, что сердце мое и мысли были подавлены тяжкимъ несчастіемъ. Но я не скрывала отъ васъ что къ тому существовали еще и другія причины. До моего приѣзда сюда (какъ вамъ ста-

ло это извѣстно помимо меня), я имѣла привязанность, о которой, въ послѣднее время, я и сама не знала что думать. Былъ человекъ, который любилъ меня, но не зналъ ничего о несчастномъ моемъ положеніи; а я, опасаясь быть, хотя и совѣмъ незаслуженно, опозоренной, думала что онъ будетъ имѣть, въ такомъ случаѣ, полное право считать наши прежнія отношенія порванными. Случилось однако иначе. На-дняхъ онъ пріѣхалъ сюда и, узнавъ всю истину, не задумываясь сдѣлалъ мнѣ предложеніе... Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я приняла его съ яснымъ сознаніемъ, что я это дѣлаю по свободному выбору и никогда не раскаюсь въ своемъ поступкѣ... Простите меня, если сбитаая съ толку, въ тяжелые дни моей жизни, я неумышленно сдѣлала или сказала что-нибудь, что могло васъ ввести въ заблужденіе, и по-вѣрьте что я навсегда остаюсь глубоко благодарная вамъ за ваше участіе и дружески преданная

„Прасковья Ладищева“.

Читая и перечитывая, заплаканными глазами, это безжалостно сжатое и столь холодно-разсудительное письмо, она наконецъ не нашла въ немъ болѣе ничего, что она умѣла или желала бы сказать иначе, и на другой день, рано поутру, перекрестясь, отослала его въ Конюшенную съ посыльнымъ.

XXVI.

Стойницкій только что допилъ чай и сидѣлъ за какимъ-то сенатскимъ опредѣленіемъ, когда ему подали небольшой конвертъ, надписанный хорошо знакомой рукой. Онъ изорвалъ его, заглянулъ, и слегка измѣнился въ лицѣ.

— „Съ стѣсненнымъ сердцемъ“... „тѣхъ чувствъ, въ которыхъ вы мнѣ признавались“... Что это? Объясненіе и упреки?.. Нѣтъ, это гораздо серьезнѣе... Онъ воротился къ началу и прочиталъ внимательно до конца.— Отказы! мелькнуло въ его головѣ.. Письмо изложено было убійственно ясно; но именно эта сжатая ясность и врѣзалась въ сердце его съ размаха, какъ ножъ.

Стойницкій сидѣлъ надъ письмомъ совершенно разстроенный, бессознательно отводя рукою отъ глазъ упавшія на лобъ пряди волосъ, и помутившіяся взоръ его, бѣгая по строкамъ, искалъ въ нихъ чего-то, чего онъ долженъ былъ знать что въ нихъ нѣтъ, потому что онъ помнилъ уже прочитанное—отъ перваго слова и до послѣдняго, наизусть. Практической смыслъ дѣльца говорилъ ему ясно что его дѣло проиграно, но въ сердцѣ происходила отчаянная борьба.. Вся старая его самоувѣренность въ эту минуту его покинула—и онъ вдругъ почувствовалъ что у него вырываютъ изъ рукъ что-то безцѣнное, безъ чего онъ не можетъ жить.

Ударъ былъ жестокъ и сознаніе возвращалось медленно. Бросивъ письмо и схватясь руками за голову, онъ теръ себѣ лобъ. Подъ сводомъ его становилось тѣсно и горячо, какъ въ комнатѣ, въ которую ворвалась безпорядочная толпа. Сбитыя съ толку мысли метались въ разные стороны и надо было собрать ихъ вокругъ чего-нибудь одного что дало бы имъ просторъ и свѣтъ, а это не скоро ему удалось... Такимъ средоточіемъ сталъ наконецъ любопытный вопросъ: Откуда это пришло? Но отвѣтъ скрывался въ такихъ потемкахъ, что даже и самый опытный прокуроръ, изъ тѣхъ, которымъ ввѣряютъ особенно важныя слѣдственные дѣла, на первыхъ порахъ былъ бы поставленъ въ тупикъ... Конечно, онъ сдѣлалъ ошибку, уѣхавъ изъ дому, самъ не зная зачѣмъ, въ такую минуту когда онъ долженъ былъ ожидать ея посѣщенія; но Стойницкій зналъ слишкомъ тонко женское сердце, чтобъ приписать свою неудачу такой ничтожной причинѣ. Паша его ревновала въ субботу вечеромъ и конечно пришла къ нему объясняться въ урочный часъ.

Въ порядкѣ вещей стало быть, побѣда была за нимъ обезпечена... Чтò же могло случиться въ такой короткй срокъ чтобы вырвать ее у него изъ рукъ?

Первое чтò пришло ему въ голову, это что слухи о сдѣлкѣ, въ которой онъ принималъ такое дѣятельное участіе, проноханы были кѣмъ-нибудь изъ его враговъ и пуцены въ ходъ умышленно чтобы его очернить... Догадка казалась очень правдоподобною; однако, припоминая письмо, Стойницкй задумался... Прежде всего оно не заключало въ себѣ и тѣни какого-нибудь обвиненія. Какое же основаніе думать, что дѣвушка, вѣрившая въ него какъ рыная католичка въ Пашу, такъ, вдругъ, измѣнила о немъ свое доброе мнѣніе и немедленно вслѣдствіе этого отдала свою руку и сердце другому?.. Подумавъ, онъ бросилъ это предположеніе, какъ нелѣпное; но схема его догадки, которая состояла въ томъ что такъ или иначе противъ него употреблены были шулерскія продѣлки, осталась, и даже нисколько не потеряла въ его глазахъ своего вѣроятія... Пусть онъ проигралъ; но онъ не броситъ игры, не выяснивъ въ точности: какія именно карты были въ рукахъ у его противниковъ—и если крапленныя, то тогда держись!.. Профессиональный задоръ проснулся въ груди у Стойницкаго и вмѣстѣ съ нимъ какая-то тѣнь надежды, если не прямо на выигрышъ, то по крайней мѣрѣ хотъ на реваншъ...

Съ четверть часа онъ бѣгалъ по комнатѣ, красный, съ налитыми кровью глазами, — бѣгалъ обдумывая какой-то неясный планъ; потомъ одѣлся и укатилъ къ Сергѣю Лагодину; а отъ Сергѣя — къ Мезенской.

Тутъ и тамъ, его приняли очень любезно и надѣли множествомъ любопытныхъ свѣдѣній... Такъ, на примѣръ, онъ узналъ, что Паша вчера не была въ правленіи и едва-ли будетъ туда ходить каждый день, такъ какъ она оставляетъ мѣсто... Чтò у Ладищевыхъ, въ этотъ день, помолвка... Чтò женихъ ея — Черенинъ, тотъ самый, который выигралъ интересный призъ въ лоттерей „внушеній“... Чтò въ воскресенье она, изъ Конюшенной, воротилась домой и скоро потомъ уѣхала къ Мезенской, гдѣ они чуть не встрѣтились... Чтò въ этотъ день она не обѣдала дома, а просидѣла все остальное время у Анны Григорьевны, но не видѣла тамъ никого кромѣ ея и брата... Чтò предложеніе сдѣлано было вчера поутру; послѣ чего она съ женихомъ уѣхала въ Пушкинскую и оттуда вернулась домой, къ обѣду, одна, а вечеромъ все семейство знало уже что она невѣста.

Все это сбузило поле его догадокъ, указывая, съ почти несомнѣнною достовѣрностью, мѣсто и время когда вопросъ рѣшенъ былъ въ пользу его противника, если только этотъ послѣдній игралъ не одинъ, и не вырвалъ у ней согласія, въ понедѣльникъ поутру, съ бою. Но сколько онъ зналъ Ладищеву, этого рода кругой поворотъ былъ совсѣмъ не въ ея характерѣ, сдержанномъ, робкомъ и нерѣшительномъ... Все, такимъ образомъ, говорило въ пользу предположенія, что противъ него была коалиція, главную роль въ которой играли Мезенскіе, и что именно въ воскресенье, въ Пушкинской, сдѣлано было все возможное чтобы вырвать Ладищеву у него изъ рукъ,—съ какимъ усѣхомъ, уже извѣстно. Догадка эта имѣла однако въ свою пользу только вѣшнюю очевидность, а внутренно оставалась въ его глазахъ пустою страницею, которую онъ свободенъ былъ наполнять какими угодно предположеніями, не имѣя данныхъ чтобы остановиться ни на одномъ. Страхъ или подкупъ, правда или клевета, вызовъ изъ гроба остывшей привязанности или насильство надъ волей и темная власть безсознательнаго для ней внушенія,—что-нибудь пуцено было въ ходъ; но чтò?—онъ не зналъ; и одинъ, безъ чьей-нибудь помощи, не имѣлъ ни малѣйшей надежды узнать... Тогда онъ рѣшилъ обратиться къ

единственному источнику, который еще оставался ему доступенъ и, не смотря на всю дерзость такой затѣи, узнать, если возможно, что-нибудь отъ самой Ладищевой... Рискъ былъ великъ и имѣлъ весьма неприятную, некрасивую сторону. Паша могла знать слишкомъ много—и въ такомъ случаѣ онъ потерялъ бы въ ея глазахъ послѣднее уваженіе, вынудивъ ее бросить ему въ лицо такія вещи, которыхъ она изъ состраданія не коснулась въ своемъ письмѣ... Или она могла не знать ничего, и испуганная его инсинуаціями, потребовать у него доказательствъ. Но доказать свои подозрѣнія онъ не могъ; а между тѣмъ они остались бы у нея какъ капля яда въ крови и, насколько онъ зналъ, могли бы испортить ей жизнь.

Стойницкй былъ отъ природы не злой человѣкъ, и еслибы могъ спокойно взвѣсить послѣдствія, вѣроятно оставилъ бы Пашу въ покоѣ. Но онъ не знакомъ былъ съ той дисциплиною воли, которую называютъ *принципъ*, и мысль что у него предательски отнимаютъ заслуженную любовь—сводила его съ ума.

Нѣсколько дней онъ ѣздилъ въ правленіе и наконецъ засталъ тамъ Пашу. Она сидѣла съ кѣмъ-то изъ бухгалтеріи, очевидно сдавая дѣла. Стойницкй къ ней подошелъ, и извиняясь въ помѣхѣ, спросилъ ее, словно какъ бы мимоходомъ, скоро-ли она кончитъ.

Она нерѣшительно посмотрѣла сперва на часы, потомъ на сидѣвшаго съ нею бухгалтера. Любопытство узнать какъ принято было ея письмо—осиливало въ ней осторожность.

— Да мы уже кончили, услужливо отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Остались мелочи, о которыхъ не стоить и говорить...

И онъ всталъ, собирая бумаги.

— Во всякомъ случаѣ я не прощаюсь съ вами, сказала Паша. — Я еще буду здѣсь раза два...

И она ушла, въ волненіи, за Стойницкимъ.

— Въ порядкѣ вещей я васъ долженъ поздравить, говорилъ онъ, едва владѣя собой. — Поэтому кончимъ лучше формальности, чтобы онѣ не мѣшали потомъ. Это быть-можетъ послѣдній случай сказать вамъ свободно нѣсколько словъ, и я надѣюсь что вы не отнимете его у меня... Ну дайте мнѣ вашу руку; желаю вамъ всякаго благополучія.

Они ушли по старому, вмѣстѣ, и онъ проводилъ ее до бульвара.

* * *

— Конечно вы не нуждаетесь въ набожной лжи, говорилъ онъ дорòгой. — А потому я буду съ вами чистосердеченъ... Ваше письмо убило меня... а между тѣмъ оно для меня загадка... Такой внезапный ударъ—и ни малѣйшаго представленія: чѣмъ я его заслужилъ!.. Не дальше какъ въ воскресенье, утромъ, вы были еще у меня по старому, съ полнымъ довѣріемъ; смѣю надѣяться—не затѣмъ чтобы сказать мнѣ, какъ вы сказали, сутки спустя, съ такимъ убійственнымъ равнодушіемъ: „Прощайте, все между нами кончено“... Чтò же могло случиться въ такой короткй срокъ, чтобы заставить васъ,—не выдавшись, не предупредивъ меня ни малѣйшимъ намекомъ, что сердце ваше ко мнѣ пережилось,—отнять у меня самую дорогія мои надежды?

Она молчала, потушивъ глаза, но на лицѣ ея появились жалость и недоумѣніе, словно она себѣ задавала тотъ же вопросъ.

— Если не ошибаюсь, продолжалъ онъ съ возрастающею дерзостью, — вы въ эту минуту и сами себѣ не даете отчета: какіе мотивы вами руководили?

— Нѣтъ, отвѣчала она. — Мнѣ просто сдѣлано было предложеніе, котораго я не предвидѣла...

— И вы его приняли не задумываясь ни на минуту, не давъ себѣ даже труда подумать во чтò это обойдется мнѣ, который къ вамъ привязался почти съ пер-

вой встрѣчи, котораго сердце было для васъ все время открыто, который ждалъ терпѣливо, покорно, долго, чтобъ вы, освобожденная, дали ему свободный отвѣтъ?.. Сознайтесь что это трудно понять. Скажите: неужли же я не заслуживалъ, чтобы вы, ничего не предвидѣвшая и стало быть ни на что не готовая, отсрочили хоть на день, хоть до вечера, ваше рѣшеніе, зная, какъ вы должны были знать, что это смертный мой приговоръ?

Слезы катились у ней по щекамъ, но она молчала.

— Опять-таки мнѣ сдается, какъ-будто бы этого рода вопросы не приходили вамъ даже и въ голову. А мнѣ они не давали глазъ сомкнуть всѣ эти дни!.. Сжальтесь же надо мною, и вспомните, объясните: что съ вами случилось немедленно послѣ того какъ вы ушли отъ меня въ воскресенье?.. Что-нибудь было сказано вамъ, или сдѣлано съ вами, что вычеркнуло меня изъ вашей памяти и уронило въ вашихъ глазахъ до ничтожества, а васъ связало и отдало какъ невольницу человѣку, который сидѣлъ у себя спокойно все время что вы тутъ бились какъ рыба объ ледъ... Вспомните, вѣдь онъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, что называется, пальцемъ не шевельнулъ, хотя онъ могъ бы и долженъ былъ знать о вашемъ несчастіи, еслибы онъ заслуживалъ то довѣріе, которое вы ему подарили, отнявъ его, неизвѣстно за что, у меня!..

Паша молчала въ глубокомъ смущеніи. Нѣчто подобное приходило ей и самой на умъ, въ ту пору когда, заливаясь слезами, она писала свое письмо. Но какъ далеко и блѣдно казалось тогда все что звучало теперь у него въ устахъ съ неотразимою, подавляющею логикой страсти!

— За что? повторялъ онъ съ горькимъ укоромъ. — За что?.. Если я въ чемъ-нибудь виноватъ передъ вами, то я, надѣюсь, заслуживалъ по крайней мѣрѣ чтобы вы меня не лишали права, принадлежащаго даже ворамъ и убійцамъ,—права узнать въ чемъ ихъ обвиняютъ и быть выслушану въ свое оправданіе. Если же нѣтъ, то какія чары опутали вашу волю и усыпили сознание до такой степени, что вы не можете даже опредѣлить минуты когда вы заперли отъ меня ваше сердце?.. Вспомните, я васъ умоляю, что съ вами произошло въ воскресенье, вскорѣ послѣ того какъ вы пріѣхали къ Аннѣ Григорьевнѣ, или позже, передъ обѣдомъ, или послѣ обѣда, вечеромъ.

Паша молчала, вся поглощенная своими усилиями пополнить тотъ пробѣлъ сознания, съ которымъ она воротилась домой въ воскресенье вечеромъ. Тогда онъ былъ окруженъ непрогляднымъ мракомъ... Теперь у ней въ памяти вдругъ мелькнуло что-то, что раньше, рассказывая свои приключенія, она сравнила съ завязаннымъ узелкомъ, и узелокъ этотъ говорилъ что она должна была что-то сдѣлать. И Паша вспомнила, что подобнаго рода темное чувство долга лежало у ней на душѣ не первый разъ. Невольно припомнился ей поцѣлуй, который она — противъ воли — должна была дать на прощанье Черенину и свой стыдъ передъ свидѣтелями; и ссора ея съ Аннетъ по этому поводу, и далѣе... эта роковая ночь въ вагонѣ... Еще одинъ шагъ въ этой нити воспоминаній—и она остановилась съ ужасомъ передъ чѣмъ-то новымъ, что съ нею случилось на-дняхъ, какъ разъ въ это самое воскресенье, о которомъ спутникъ ея такъ упорно твердилъ. Ей вдругъ представилось какъ она сидитъ у Аннетъ и какъ на нее уставленъ пристальный взоръ, подъ гнетомъ котораго она начинаетъ терять сознание... Припоминая это, Паша остановилась и пошатнулась... Въ глазахъ у нея начинало темнѣть и голова ослабла.

— Что съ вами? услышала она вдругъ, надъ самымъ ухомъ, тревожный голосъ, и озираясь, замѣтила что она почти лежитъ, перегнувшись назадъ, на рукѣ у Стойницкаго.

— Вы чуть не упали, сказалъ онъ.

— Оставьте меня! отвѣчала она умоляющимъ голосомъ, и понемногу оправаясь, пошла.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣшительно, — не оставлю, куда не выскажу вамъ всего что у меня на душѣ... Прасковья Петровна, отвѣтъ, о которомъ я васъ умолялъ, мнѣ больше не нуженъ, потому что онъ былъ, сейчасъ, написанъ ясно у васъ на лицѣ. Вы вспомнили именно то, что я васъ просилъ припомнить, и это такъ потрясло васъ, что вы едва не упали безъ чувствъ... Не знаю, ясно-ли вамъ теперь, самой, что съ вами сдѣлали въ воскресенье; но для меня это болѣе не секретъ. Надъ вашей вѣрой въ меня и надъ вашимъ сердечнымъ ко мнѣ расположеніемъ—продѣлано было грубое, возмутительное насильство. Только на этотъ разъ его сдѣлалъ уже не новичекъ, случайно игравшій съ темною силой, а человѣкъ который знаетъ свою власть надъ вами и съ яснымъ сознаниемъ употребилъ ее въ дѣло, для достиженія подлой цѣли. Какой интересъ имѣлъ Павелъ Мезенскій вырвать васъ отъ меня и отдать своему пріятелю, какъ живую добычу, это вамъ лучше знать; но въ томъ что онъ сдѣлалъ это — я не имѣю долге никакого сомнѣнія.

Дерзость его рѣчей не могла идти далѣе, не приобрѣтая характера личнаго оскорбленія, но всѣ старанія его вызвать ее на откровенное объясненіе пропали даромъ. Паша молчала, а между тѣмъ они были уже у входа на Конно-Гвардейскій бульваръ.

Стойницкій остановился.

— Если вы думаете, что я напрасно трачу слова, сказалъ онъ съ укоромъ, — то мнѣ васъ незачѣмъ далѣе провожать.

— Викторъ Михайловичъ, не вините меня, отвѣчала она съ убитымъ видомъ. — Я не такъ отупѣла чтобъ васъ не понять; но есть вещи, которыя свыше силъ... Я не могу сказать вамъ правды, а лгать не хочу... Оставьте меня, и простите!.. Не поминайте лихомъ!

Онъ посмотрѣлъ на нее, въ отчаянны, и поклонившись ей низко, ушелъ.

XXVII.

Это происходило въ пятницу. Забывъ домой, Стойницкій нашелъ у себя на столѣ исписанную карандашью визитную карточку Лагодина. Сергѣй Ивановичъ писалъ что въ субботу вечеромъ у Ладищевыхъ будетъ „вся провинція“, и что его убѣдительно просить не пропускать этотъ день, такъ какъ за ужиномъ Паша будетъ поздравлена официально и черезъ нѣсколько дней уѣдетъ. Въ субботу утромъ, однако, Софья Ивановна уведомила его, что кузина опять больна и что по этому случаю вечеръ у нихъ отмененъ. Встрѣженный и съ укорами совѣсти на душѣ, онъ поѣхалъ туда, но его не приняли; а на другой день, утромъ, къ нему явился Мезенскій съ порученіемъ отъ сестры узнать что такое случилось у него съ Пашей въ пятницу.

Онъ отвѣчалъ что встрѣтилъ ее въ правленіи и проводилъ домой.

— А вамъ извѣстно, сказалъ его гость, — что послѣ того она слегла?

— Да, мнѣ писала объ этомъ ея кузина. Вчера однако я забвжалъ, слышалъ что ей гораздо лучше.

Но Мезенскій почему-то смотрѣлъ на него весьма серьезно—и на его тревожный вопросъ что это значить, признался ему что Анна Григорьевна воротилась вчера съ дурными извѣстіями. Большая дѣйствительно на ногахъ, но сестра застала ее до того разстроеною, что съ нею почти нельзя было говорить ни о чемъ.

— Сестра добила только что она видѣлась съ вами—и это ее заставляетъ думать что вы могли бы ей объяснить что-нибудь.

— Нѣтъ, оборвалъ тотъ сухо, — я, къ сожалѣнію, ничего не могу объяснить.

Молодая дѣвушка первыхъ вѣковъ христіанства. Съ карт голландск. художн. де-Шрейвера, грав. Флѣре.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза враждебно, но Мезенскій очевидно лучше владѣлъ собой.

— Васъ затрудняетъ что-нибудь? спросилъ онъ.

— Да, затрудняетъ... Многое.

— Ну, я попробую вамъ помочь. Мнѣ кажется, вы не даете себѣ отчета въ томъ какъ близка сестра съ госпожей Ладищевой и какъ хорошо ей извѣстны сердечныя отношенія ваши къ ея пріятельницѣ.

— Я васъ просилъ бы оставить въ покоѣ мои сердечныя отношенія, перебилъ нетерпѣливо юристъ.

— Сдѣлаю это насколько могу. Но я вынужденъ прежде всего поставить ясно вопросъ, который привелъ меня къ вамъ, а потому почтительнѣйше прошу у васъ извиненія если я вынужденъ буду сказать что-нибудь несприятное. Намъ хорошо извѣстны услуги, которыя вы оказали Прасковѣ Петровнѣ, и близость, въ которую онѣ васъ поставили къ ней. Нѣтъ ничего удивительнаго если она породила надежды...

(Стойницкій сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ, но въ взглядѣ и въ тонѣ голоса его гостя было что-то, предупреждавшее что онъ не позволитъ зажать себѣ ротъ).

— ...Надежды, которыя стали скоро источникомъ самыхъ плачевныхъ недоумѣнй... Будемъ говорить прямо: вы обвиняете въ своей неудачѣ друзей Прасковьи Петровны?

— Можетъ быть; но позвольте узнать, откуда вы это взяли?

— Изъ первыхъ рукъ-съ... Отъ самой Прасковьи Петровны.

Онъ очевидно лгалъ, но Стойницкій, не видя возможности его уличить, предпочелъ воспользоваться его примѣромъ.

— Странно! сказалъ онъ, пожавъ плечами. — Въ отвѣтъ на это я вынужденъ вамъ признаться, что если я и виню въ своей неудачѣ кого-нибудь кромѣ себя, то я это дѣлаю только на основаніи фактовъ, которые я узналъ отъ нея самой.

— Весьма любопытно! произнесъ Павелъ Григорьевичъ. — Но я имѣю причины думать, что она скрыла отъ васъ, изъ деликатности, все что могло бы напрасно васъ огорчить... Какъ напримѣръ, что ей извѣстна во всей подробности сдѣлка дяди ея съ Шалыгинымъ, и извѣстно существованіе вовсе мнѣ незнакомой, но вѣроятно знакомой вамъ, госпожи Ободовой.

Ударъ былъ такъ неожиданъ, что пораженный имъ молодой человѣкъ не пытался даже и скрыть своего смущенія. Онъ покраснѣлъ до ушей и разставивъ руки смотрѣлъ отуманеннымъ взоромъ на атлетическую фигуру гостя... Но онъ не видѣлъ ея. Передъ нимъ была Паша: смущенная и безмолвная.

„Такъ вотъ какую правду она утаила въ своемъ письмѣ и не рѣшилась открыть ему при свиданіи!“

Минуту спустя однако же онъ пришелъ въ себя и немедленно отвѣчалъ на ударъ ударомъ.

— Не спрашиваю откуда вы это взяли, сказалъ онъ, — такъ какъ предвижу что вы соплетесь опять на нее... Но позвольте мнѣ этотъ разъ вамъ не повѣрить. Прасковья Петровна могла бы сказать подобный вздоръ обо мнѣ только въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ подтасованъ ей кѣмъ-нибудь въ безсознательномъ состояніи. Хотя подобная подтасовка возможна, какъ въ томъ свидѣтельствуется ея несчастный дорожный случай. Мало-ли что возможно сказать и сдѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, чего иначе и въ голову не придетъ. Другой не повѣрилъ бы какъ далеко это можетъ идти; но мнѣ, по обязанности ея защитника, довелось заглянуть въ эту темную область, и я теперь убѣжденъ что нѣтъ никакого предѣла насильству надъ волею человѣка, который однажды вовлеченъ въ эту область... Такъ убѣжденъ, что мнѣ приходитъ охота спросить господина Черенина: твердо-ли онъ увѣренъ что пред-

ложеніе его принято не по приказу какого нибудь услужливаго доброжелателя?

Онъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ; но его гость даже и не моргнулъ.

— Послушайте моего совѣта, сказалъ послѣдній: — не дѣлайте этого... Это, во-первыхъ, несправедливо. Привязанность Паши Ладищевой къ своему жениху давняя и подобнаго рода вещи не могутъ быть „подтасованы“, такъ какъ нельзя же внушать человѣку чувства „заднимъ числомъ“... А во-вторыхъ, Черенинъ, хотя и добрякъ, но страшно вспыльчивъ, и трудно предвидѣть какъ принята будетъ съ его стороны подобнаго рода шутка... Характеры, знаете, очень различны: одинъ, какъ порохъ, всыхиваетъ отъ всякой бездѣлицы, тогда какъ другаго трудно вывести изъ себя... Я, напримѣръ, какъ вы могли убѣдиться, принадлежу къ послѣднимъ, хотя, конечно, на все есть мѣра. Однако, я заболтался... Прощайте и извините за беспокойство. Что прикажете передать сестрѣ?

— Все что способно ее успокоить.

* *

— Ну что? спрашивала Мезенская у брата, когда онъ вернулся къ ней изъ Конюшенной.

— А то что надо ее увозить отсюда какъ можно скорѣе, если не хочешь чтобъ онъ ее свелъ съ-ума... Онъ вывѣдалъ у нея—или догадывается... Это изъ тѣхъ людей, поступки которыхъ трудно предугадать... Онъ очень способенъ устроить подвохъ, но также способенъ и на отчаянный шагъ, послѣ котораго останется только хватить его въ морду... Кто знаетъ гдѣ они могутъ видѣться и что онъ ей можетъ еще написать... Поговори съ ней: не согласится-ли она сократить церемоніи и уѣхать на-дняхъ.

— Ахъ, Паля! Да развѣ съ ней можно теперь о чемъ-нибудь говорить? Я только и слышала отъ ней давеча, что ее кругомъ обошли и что она никому на свѣтѣ больше не вѣритъ...

Но опасенія ихъ оказались напрасны... Начать съ того, что когда Ладищевой предложили уѣхать скорѣй, она отвѣчала:—Когда хотите... По мнѣ хоть сейчасъ.

Съ своей стороны и Стойницкій, послѣ того какъ его задоръ остылъ и онъ въ состояніи былъ спокойно взвѣсить сдѣланныя ему открытія, понялъ, что главная его карта—недавно еще непоколебимая вѣра Паши въ его чистоту—убита, а все остальное вздоръ, который, въ самомъ счастливомъ случаѣ, только напрасно затянеть игру... Лгать, отрицая нѣ-чисто факты, — опасно, ибо какъ знать откуда у ней эти свѣдѣнія и какъ далеко они простираются. А убѣждать эту строгую пуританку въ томъ, что ея идеальныя требованія не приложимы къ самымъ насущнымъ задачамъ практической жизни, Стойницкій не чувствовалъ никакой охоты... Къ чему?... Разъ цитадель взята неприятелемъ, стоитъ-ли еще защищать наружные верки?

Два дня онъ провелъ въ глубокомъ упадкѣ духа,—занятый все это время по-горло дѣломъ, котораго накопилось пропасть. Три консултанціи были пропущены, списанныя дѣловыя бумаги отложены; письма лежали десятками на его столѣ не распечатанныя...

Два дня промелькнули такъ что онъ не успѣлъ и опомниться... Но во вторникъ вечеромъ, воротясь домой — измученный нравственно и физически, Стойницкій невольно сталъ пережевывать свое горе,—какъ вдругъ оно поднялось, и все что входило въ его составъ, заговорило съ новою силой. Потребность вѣры и уваженія со стороны любимой женщины, идеи сословной чести, высокое мнѣніе о себѣ какъ объ общественномъ дѣятелѣ—все было оскорблено въ немъ, но больше всего болѣла его отверженная любовь... Боль доводила этого нервнаго человѣка до изступленія; а впереди предстояла безсонная ночь. „Нѣтъ!“ наконецъ сказалъ онъ себѣ. „Я не могу разстаться съ нею, какъ

я разстался въ пятницу!... Такъ или иначе, а я долженъ узнать что у ней на душѣ, и чего-бы это ни стоило ей или мнѣ, я заставлю ее говорить!“

Онъ сѣлъ писать... Стойницкій писалъ далеко не такъ складно какъ говорилъ, но всегда прямо на-бѣло и почти безъ помарокъ.

„Только третьяго дня,“ писалъ онъ, — „я наконецъ узналъ то что вы прятали отъ меня такъ старательно, дорогая Прасковья Петровна, — узналъ и былъ глубоко оскорбленъ!... Такъ вотъ что заставило васъ удовольствоваться сухимъ письмомъ и такъ упорно молчать при свиданіи?... А я-то, дуракъ!... Я, какъ ребенокъ, вѣрилъ что я всегда найду въ васъ не только защитницу моей чести по убѣжденію, но и горячаго друга, готоваго братски со мной раздѣлить всю горечь несправедливаго обвиненія!... Весьма недолго время, когда вы были—если позволите мнѣ напомнить—въ подобномъ-же положеніи, совершенно одна и подъ ударами возмутительной клеветы... Вспомните, кто, не задумываясь, взялъ вашу сторону и прежде всего былъ съ вами вполне, безусловно чистосердеченъ?... Молчалъ-ли я, когда нужно было открыть вамъ глаза на истинный смыслъ и опасности вашего положенія?... Пряталъ-ли я отъ васъ хоть что-нибудь изъ своихъ впечатлѣній?... Не указывалъ-ли, напротивъ, прямо, и не настаивалъ-ли горячо на всемъ что могло хоть сколько-нибудь служить для вашего оправданія?... Вспомните мою твердую вѣру въ вашу невинность и всѣ наши совѣщанія, все что предпринято и исполнено было чтобы выручить васъ изъ бѣды,—и скажите: могъ-ли я ожидать чтобы когда-нибудь, въ черный день, когда я въ свою очередь протяну къ вамъ руки за помощью и совѣтомъ, вы отъ меня отвернулись?... Кого изъ моихъ друзей должна была прежде всего оскорбить распространенная обо мнѣ клевета и отъ кого я въ правѣ былъ раньше всѣхъ узнать что доброе имя мое и честь замараны?... И кто, вмѣсто того чтобы дать мнѣ средства къ защитѣ и оправданію, оттолкнулъ меня отъ себя, какъ прокаженнаго?... А за что?... Отвѣтъ вашъ, когда я просилъ у васъ объясненія, былъ весьма похожъ на намѣкъ, что вамъ, къ сожалѣнію, не позволено говорить мнѣ правду, такъ что вамъ оставалось бы только лгать, чего вы, разумѣется, не желаете.“

„Прасковья Петровна, и я не желаю вамъ лгать. Скажу вамъ поэтому безъ утайки: то что мнѣ остается сказать... Мнѣ думается, что я напрасно старался освободить васъ отъ Б***, такъ какъ зависимость ваша отъ этого паука была пустяки сравнительно съ нравственнымъ рабствомъ, въ которое вы попали раньше, еще до пріѣзда вашего въ Петербургъ... Была другая воля, игравшая уже однажды вашимъ спокойствіемъ, честью и доброю славой, а теперь залившая снова надъ вами свои права. Пришелъ человекъ, которому не понравились ваши претензіи свободно располагать собой; — и онъ сказалъ себѣ: „Это вздоръ!... Она пойдетъ куда я ее поведу, и будетъ дѣлать, желать, говорить только то, что я ей позволю. Она нашла друга, спасшаго ее отъ бѣды, въ которую я ее впуталъ шутя,—и вѣрить ему, сердечно къ нему расположена, готова быть можетъ свято заъ съ нимъ свою судьбу... Опять-таки вздоръ! Мнѣ стобитъ только шепнуть ей два слова, чтобы она прогнала его отъ себя безъ всякаго объясненія, и отдалась покорно другому, котораго я нарочно привезъ сюда для нея...“ И прочее.

Это письмо отправлено было въ среду, въ 10 часовъ утра, съ посыльнымъ; а въ половинѣ 12-го Стойницкій его получилъ обратно съ короткой запиской отъ Софьи Ивановны.

„Паша“ — писала она — „уѣхала сегодня въ 9 часовъ, съ своимъ женихомъ и съ Мезенскими. Очень

„жалѣла что не успѣла съ вами проститься вчера, и просила вамъ передать свой поклонъ... Анна Григорьевна еще третьяго дня взялась увѣдомить васъ о времени ихъ отъѣзда, и передать вамъ что мы васъ ждемъ во вторникъ вечеромъ; но у меня ужъ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, — исполнила-ли она добросовѣстно свое обѣщаніе.“

Стойницкій былъ пораженъ до того что руки его, съ запиской, тряслись, но, дочитавъ и подумавъ, рѣшилъ что оно пожалуй и лучше... Чего еще съ ней прощаться послѣ того прощанья, которое у нихъ было въ пятницу?...

Легко можетъ быть что и Анна Григорьевна думала что-нибудь въ томъ-же родѣ.

Онъ зачеркнулъ на своемъ пакетѣ городской адресъ Пашы и написалъ внизу, крупными буквами: *Въ Воронежъ.*

Отвѣтъ пришелъ черезъ двѣ недѣли.

„Письмо ваше,“ отвѣчала Паша, — „хотя, признаюсь, я и горько заплакала прочитавъ его,—не скажало однако мнѣ въ сущности ничего о чемъ я сама сто разъ не думала, и въ чемъ я жестоко себя не упрекала... Но вы ошибаетесь, Викторъ Михайловичъ, если вы думаете, что ваша привязанность и ваше участіе позабыты. Если-бы я сто лѣтъ прожила и выжила наконецъ совершенно изъ памяти, мнѣ кажется я ихъ все-таки не могла бы забыть. И вы напрасно думаете, что я осуждаю васъ за что-нибудь. Лично у меня съ вами нѣтъ и не было ничего, въ чемъ я могла-бы, даже съ натяжкой, васъ обвинять; а помимо того мнѣ мало извѣстно—и я никогда не позволила-бы себѣ осуждать васъ по слухамъ за что-нибудь, чего я не понимаю. Но въ чемъ вы больше всего заблуждаетесь, это въ обидномъ вашемъ предположеніи будто меня принудили вамъ измѣнить!... Нѣтъ, Викторъ Михайловичъ, другъ мой, были минуты, когда я готова была дѣйствительно измѣнить, но не вамъ, а другому, котораго я любила съ дѣтства; но если-бы я, въ своемъ ослѣпленіи, сдѣлала это, я испортила-бы себѣ и ему всю жизнь. Судите-же сами, въ правѣ-ли я сожалѣть что мои друзья не допустили меня до этого. Вотъ правда, которую мнѣ хотѣлось сказать вамъ въ тотъ день, когда мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ, и Богъ свидѣтель, ничья рука не зажимала мнѣ рта. Это сдѣлало стыдъ и долгъ... Теперь, когда все это кончено, я не вижу дольше причины молчать объ ошибкѣ сердца, которая можетъ все объяснить, и если не все, то кое-что оправдать. Она принадлежитъ уже прошлому и я чистосердечно прошу у васъ въ ней прощенія.“

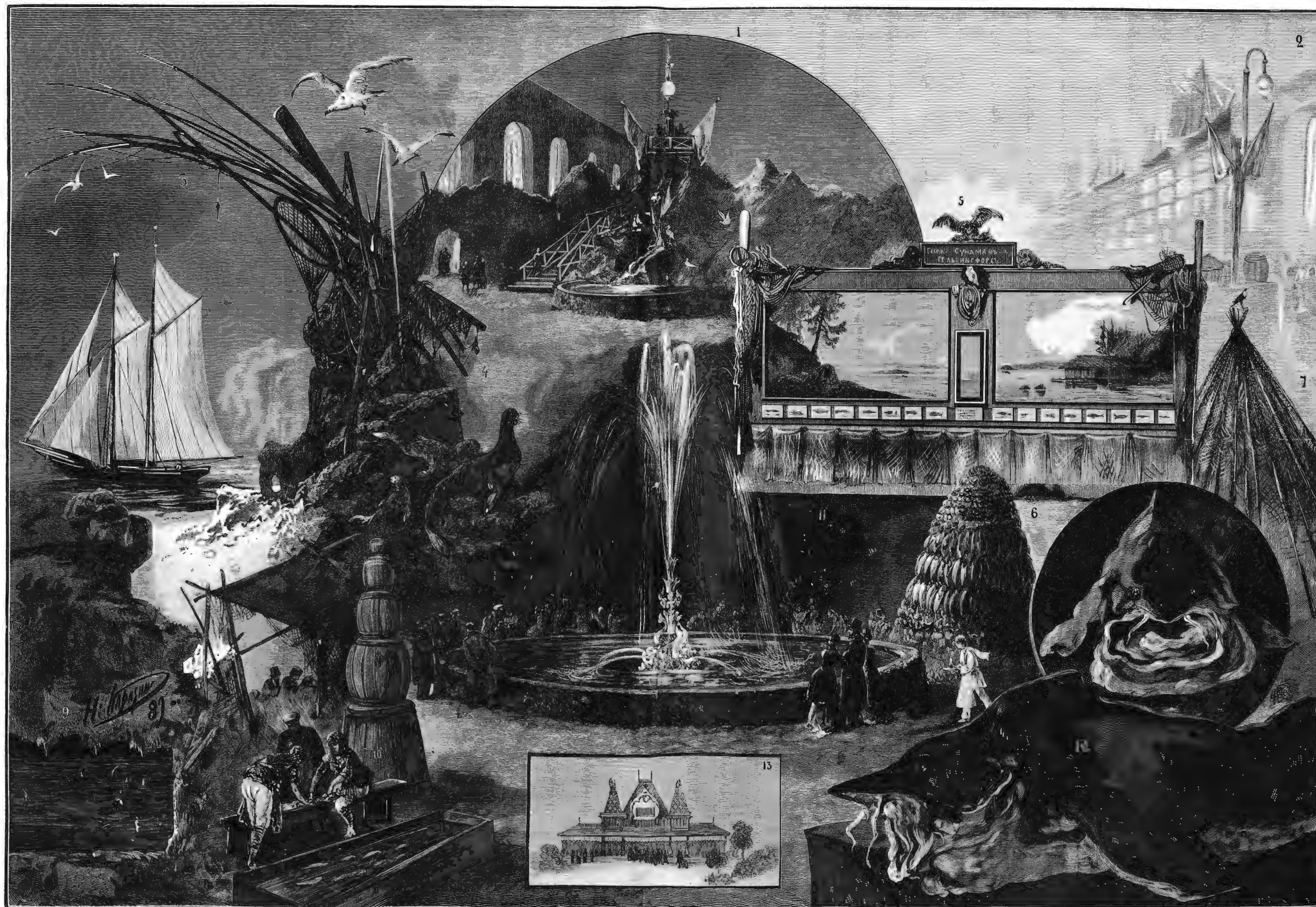
* * *

На этомъ окончилась ихъ переписка, а съ нею и всѣ послѣдствія той игры, которая обошла такъ дорого Пашѣ. Осталось только одно—это ея замужество. Но Паша, страннымъ образомъ, никогда не приписывала счастливой развязки своего маленькаго романа „внушеніямъ,“ — и мы тѣмъ охотнѣе уступаемъ ея авторитету, что въ нашемъ уѣздѣ на этотъ счетъ были разныя мнѣнія. Многие, напримѣръ, и до сихъ поръ не вѣрятъ въ *Легенду о трехъ внушеніяхъ*, объявляя все дѣло ловко замаскированной интригой Мезенскихъ... Но большинство, всегда падкое до чудеснаго, не на ихъ сторонѣ, и гипнотизмъ послѣ этого былъ у насъ въ сильномъ ходу. Былъ даже случай, попавшій—какъ увѣряютъ—въ руки судебного вѣдомства; но его замяли.

За симъ остается одинъ вопросъ, который невольно приходитъ на умъ, если подумать серьезно объ этой странной исторіи. Дѣйствительно-ли все хорошо, что кончилось хорошо?

...Къ несчастію, мы не знаемъ, что Паша объ этомъ думала.

конецъ.

Всероссійская рыбопромышленная выставка въ СПб. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Рашевскій.

3. Рыболовная шхуна „Невада“ въ Ледовитомъ океанѣ.

4. Группа чучель китовъ съ Командорскихъ острововъ.

1. Входъ въ ресторанъ Лопашова.

5. Атласъ изображеній финляндскихъ рыбъ. Г. Сундмана.

2. Боковая стѣна съ моделями судовъ.

9. Стерляди въ акваріумѣ.

8. Вочени для соленой рыбы.

11. Круглый бассейнъ съ фонтаномъ и плавающей рыбой.

6. Пирамида сложенной рыбы.

7. Шатеръ Вазилевскаго.

10. Астраханскія работницы (рыбалка и солищница) за чистой рыбы.

13. Видный видъ выставки.

12. Моржевая бѣлуга въ павильонѣ Вазилевскаго.

Падение камней съ неба

въ Оханскомъ уѣздѣ, Пермской губ., 18 (30) августа 1887 г.

Ю. И. Симашио.

(Окончаніе).

Благодаря живому участию гг. Жакова, Миропольскаго, Стемишевскаго, Шолонова, Е. Янишевскаго и Н. Янишевскаго и Кротова, я получилъ до 1,200 обломковъ отъ таборскаго метеорита—вѣсомъ отъ 13¹/₂ фунтовъ до 2—3 граммовъ каждый, которые и уяснили мнѣ естественное дѣленіе большихъ метеоритовъ на меньшіе и ставятъ нѣсколько новыхъ въ метеоритикѣ положеній. Одинъ изъ такихъ сплавовъ, какіе описываетъ г. Миропольскій, изображенъ на фиг. А въ настоящую величину (фиг. 16); фиг. А' представляетъ тотъ-же кусокъ сбоку по излому; b и b' есть спекшаяся корообразная пузыристая масса, выдѣренная въ сѣрую (c) часть метеорита (хондритъ); во всю величину куска эта пузыристая масса въ видѣ шлака, получаемаго при выплавлении чугуна, облекаетъ пластинку чистаго бѣлаго металлическаго желѣза—обозначеннаго здѣсь буквою a; желѣзная пластинка, толщиною отъ 1 до 2 миллиметровъ, имѣетъ края сплавленные, округленные, съ склонностію иногда къ кристаллизаціи, какъ показано на фиг. B и C, буквами a; особенно на фиг. B, гдѣ вынесенъ въ сторону какъ бы пирамидальный кубъ (кристаллъ увеличенъ въ 4 раза). Такія желѣзныя сплавленныя пластины, достигающія иногда 2 квадратныя дюймовыя величину, въ 1—2 мм. толщиною, попадаются иногда лежащими, безъ темносѣраго шлака по сторонамъ, а окруженныя сѣрою массою метеорита (хондритомъ).

Это показываетъ, что метеоритъ былъ, по крайней мѣрѣ мѣстами, нагрѣтъ внутри камня до весьма высокой степени, необходимой для плавки желѣза—фактъ новый въ метеоритикѣ, принимающей вообще, что метеоритъ, пролетая атмосферу, нагрѣвается только съ поверхности, сохраняя внутри низкую температуру космическаго пространства. Третье условіе, въ которомъ встрѣчается сплавленное желѣзо, изображено на фиг. D, гдѣ a есть металлическое желѣзо пластиною и мелкими застывшими каплями; но здѣсь оно заключено не въ шлакообразной пузырчатой кипѣвшей массѣ, какъ въ первомъ случаѣ, но непосредственно въ сѣрой хондритовой массѣ метеорита, а покрытое тонкимъ, гладкимъ, иногда блестящимъ но не стекловатымъ слоемъ, напоминающимъ только цвѣтомъ кору метеорита.

Очевидно, въ первомъ случаѣ было кипѣніе съ выдѣленіемъ газовъ при доступѣ воздуха; въ послѣднемъ кипѣніи не было, а шлаковались только тѣ части метеорита, которыя служили какъ-бы флюсомъ при выплавкѣ, а во второмъ случаѣ, только слились въ одно частицы желѣза близко расположенныя одна къ другой, что въ настоящемъ метеоритѣ особенно не рѣдко, даже особенно замѣчательно (см. далѣе).

Каждое изъ этихъ условій силава представляетъ высокой научный интересъ, но въ настоящей статьѣ я остановлюсь только на первомъ, какъ имѣющемъ большое вліяніе на общую форму метеорита. Поверхности метеоритовъ вообще покрыты черною корою и представляетъ болѣе или менѣе ровная плоскости безъ глубокихъ впадинъ или бороздъ, съ округленными углами, тупыми, острыми, вѣрѣдко прямыми, такъ что общая форма представляетъ родъ неуровненныхъ многогранниковъ съ округленными ребрами. Эти плоскости я называю космическими; онѣ присущи были метеориту въ небесномъ пространствѣ, или если обнаружались только послѣ вступленія въ земную атмосферу, то образовались по направленіямъ и плоскостямъ существовавшимъ въ метеоритѣ съ момента его образованія, а въ атмосферѣ камень только раздѣлился по этимъ плоскостямъ. Такіе метеориты имѣютъ вообще форму булыжниковъ, и искать здѣсь геометрической формы—тоже самое что искать геометрическія формы въ этихъ послѣднихъ; углы изломовъ гранитовъ округлены сопротивленіемъ среды, а метеоритовъ—воздуха, въ которомъ двигался метеоритъ.

Кромѣ описанныхъ гладкихъ, болѣе или менѣе ровныхъ космическихъ плоскостей, вѣрѣдко поверхность метеоритовъ представляется покрытою бороздами (sillon, raie) болѣе или менѣе глубокими, нѣсколько паралельными, изогнутыми, съ ребрами вообще округленными. Эти поверхности похожи на ту форму какую оставляютъ пальцы и ладоны на густомъ тѣстѣ и потому издавна известны подъ именемъ Fingerabdrucke. Они образуются всегда въ земной атмосферѣ, и потому я называю ихъ теллурическими плоскостями; происхождение ихъ объясняютъ различно. Добрѣ объясняетъ ихъ какъ плоскости разрыва метеорита, вслѣдствіе расширенія его газовъ отъ высокаго нагрѣванія ихъ въ земной атмосферѣ; Гейдингеръ и Мэнне приписываютъ ихъ дѣйствію сопротивленія воздуха на поверхность вращающагося на оси метеорита—для наглядности я выражусь такъ: воздухъ какъ-бы ввинчивается въ массу метеорита, во время его вращательнаго полета, или правильнѣе: метеоритъ какъ-бы навинчивается на воздухъ.

Понятно, что впадины на поверхности метеорита—сравниваются въ этомъ случаѣ съ нарѣзками винта, болѣе или менѣе крутыми. Большая или меньшая крутизна и глубина этихъ

впадинъ зависитъ отъ величины камня, а еще болѣе отъ плотности и болѣе или меньшей связи между его частицами. Таборскій метеоритъ, сколько могу судить по имѣющимся у меня образцамъ, покрытъ и космическими, и теллурическими плоскостями (фиг. 17). На изображенномъ здѣсь кускѣ моей коллекціи (13¹/₂ фунт.) въ ¹/₄ натуральной величины, видны обѣ эти плоскости: λ λ есть часть космической плоскости; она покрыта ровною, гладкою корою, на которой существуютъ только мелкія трещинки, образовавшіяся вслѣдствіе сжатія коры при охлажденіи ея; здѣсь она образовалась только метаморфизмомъ поверхности; σ , σ , σ —ск теллурическія плоскости, бороздчатыя, представляющія большія впадины, достигающія глубины болѣе чѣмъ дюймъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставлены буквы. Кора этихъ мѣстъ не гладкая, а струйчатая, и струи расположены паралельно краямъ изгибовъ впечатлѣній; мѣстами, въ центрѣ углубленій, эти струи почти кругообразны, очевидно онѣ были въ жидкомъ, плавленномъ, стекловидномъ состояніи. Доказательствомъ, что кора была въ текучемъ состояніи, служатъ не только струйки и ихъ расположеніе, явственно показывающее, что онѣ сливались, но и различная толщина коры. На приложенномъ рисункѣ, представляющемъ въ натуральную величину часть эземилара, обязательно доставленнаго мнѣ г. Е. Янишевскимъ (фиг. 18), виденъ—a—центр изъ котораго текла стекловидная жидкая кора во всѣ стороны, представляя теперь ребристыя возвышенія b, постоянно сливающимися и утолщающимися; толщина коры у a не болѣе 0,5 мм., у c въ 3 миллиметра. Эта кора легко отскакиваетъ отъ массы сѣраго хондрита (с. х.), который она покрываетъ.

Помянутыя выше борозды и струи описаны подробно на многихъ метеоритахъ. Борозды (Fingerabdruck) съ такимъ-же острымъ выдающимся нависшимъ надъ впадиною ребромъ (фиг. 17, P), какъ на таборскомъ метеоритѣ, прекрасно изучены и описаны Гейдингеромъ на метеоритѣ Gross-Divina, выпавшемъ 24 іюля 1837 года въ Венгріи, который хранится въ Национальномъ музеѣ Пешта, гдѣ я его изучалъ. Эти струи иногда переходятъ съ одной плоскости метеорита на другую и, разсматриваемыя въ болѣе слившихся струйкахъ, представляютъ нѣкоторое сходство съ письменами—такія-то письмена и были разбираемы по волѣ Іоанна Грознаго.

Новый типъ коры метеоритовъ представляетъ описанная выше, спекшаяся, пузыристая кора, выполившая трещины по описанію г. Миропольскаго, рисунокъ которой на фиг. 16. Такія образованія на метеоритахъ возможны только при двухъ условіяхъ: 1) при опредѣленномъ составѣ метеорита, когда каменныя части плавятся, какъ полешчатоваго, авитовыя части, при обиліи желѣза (въ таборскомъ до 25% всей массы) и при томъ только при извѣстномъ расположеніи послѣдняго. Въ таборскомъ метеоритѣ (также какъ въ Оханскомъ и во всѣхъ другихъ паденія 18 (30) августа 1887 г.), никелевое желѣзо, кромѣ мелкыхъ зеренъ, разбѣянныхъ во всей массѣ, находится мѣстами въ особаго рода обильныхъ скопленіяхъ, неизвѣстныхъ мнѣ до сихъ поръ въ другихъ метеоритахъ. Среди образцовъ имѣющихся у меня, въ сѣрой хондритовой массѣ находятся цѣлые слои или гнѣзда, въ которыхъ желѣзо преобладаетъ надъ хондритами, такъ что метеоритъ изъ этой части имѣетъ удѣльный вѣсъ 5,218 вмѣсто 3,292, какой имѣетъ господствующая часть камня. Среди моихъ образцовъ этой желѣзной массы одинъ имѣетъ длину и ширину въ 4 сантиметра, при толщинѣ въ 3—5 миллим. Тройлитъ (сѣрнистое желѣзо) встрѣчается въ этой части желѣза въ обиліи. 2) Иногда подобныя скопленія желѣза прилегаютъ къ такъ-называемымъ плоскостямъ сдвига (скользянія, Rutschfläche), составляющимъ второе условіе образованія спекающейся коры, по которой первоначальный метеоритъ распадается на меньшіе, пролетая толщю атмосферы.

Такія желѣзныя плоскости проникаютъ многіе метеориты, въ томъ числѣ и пермскіе, по весьма различнымъ направленіямъ, выступая наружу въ видѣ темныхъ тонкихъ прожилковъ, служащихъ лучшими, чѣмъ остальныя части камня, проводниками теплоты, иногда полусплавляются, приобрѣтаютъ сначала ржавый, потомъ черный цвѣтъ, отшлаковываются и въ изломѣ или на полированной поверхности камня представляютъ темныя или черныя жилы (Adern — отсюда дѣленіе нѣкоторыхъ группъ метеоритовъ на adernfrei и geaderte, введенное въ систему Брезиню). Если по плоскостямъ сдвига встрѣчается много желѣза, то оно сливается, представляя металлическую пластину, подобную тѣмъ, какія наблюдаютъ въ пермскомъ метеоритѣ—отсюда объясненія естественнаго дѣленія метеоритовъ на части безъ т. наз. Explosion. Впрочемъ, пермскій метеоритъ представляетъ образцы и другого способа отдѣленія частей метеорита отъ цѣлаго и не по плоскости сдвига. Дѣйствительно, еще 15 сент. 1887 г., въ засѣданіи Минерал. О-ва, я обратилъ вниманіе на необходимость тщательнаго изученія коры этого метеорита, которая

мѣстами представляетъ возвышенія величиною съ горошину и больше, держащіяся тонкою шейкою на плоской корѣ метеорита и представляющія какъ бы застывшую каплю коры. Впослѣдствіи я получилъ нѣсколько такихъ каплеобразныхъ, величиною съ горошину, и другой формы образцовъ, которые ясно указываютъ, что это не есть плавленная сплывшаяся въ каплю кора — а мелкіе метеориты не успѣвшіе отдѣлиться отъ дѣлаго, удержавшіеся на поверхности только вслѣдствіе того, что метеоритъ погасъ и упавъ на землю, остылъ ранѣе окончанія процесса отторженія частицъ. На приложенныхъ здѣсь (фиг. 19) рисункахъ представлены образцы моей коллекціи: 1 въ профилѣ, 1' въ планѣ эллиптической какъ бы наростъ, на фиг. 3, и 3' чечевицевидный съ обѣихъ сторонъ покрытый корою, въ планѣ и профилѣ, и 4 — каплевидный образования. На всѣхъ этихъ фиг. также какъ и на 2 и 2'—а представляетъ металлическій блѣлый сплавъ, b—черную кору и c—сѣрый хондритъ или метеоритную массу. Особенно поучительна фиг. 2, представляющая наростъ сверху, съ вишней стороны метеорита, и 2'—этотъ же наростъ снизу; — на послѣдней фигурѣ 2 видно, какъ сплавленные части коры b потекли подъ этотъ выступъ, сплавивъ близлежащія частицы желѣза, и захватили нѣсколько шарообразныхъ хондритовъ, полуметаморфозировали ихъ, ослабили связь этой полусферической части метеорита съ цѣлымъ цѣстолкомъ, что оставшаяся неизмѣненной частью съ сѣраго хондрита не могла противустоять сопротивленію воздуха при полетѣ метеорита—и этотъ малый въ 4 гр. метеоритъ упалъ на землю отдѣлившись отъ дѣлаго, въ столь близкомъ разстояніи отъ земли, что не успѣла вовсе образоваться вторичная кора, хотя бы самымъ тонкимъ слоемъ. Вотъ новый, не наблюдаемый до сихъ поръ путь отдѣленія частей метеоритовъ, или дробленія метеоритовъ на части — безъ взрывовъ, независимо отъ расширения газовъ (которые могутъ однако содѣйствовать этому отдѣленію), единственно только вслѣдствіе расположенія наиболѣе теплопроводныхъ и легкоплавкихъ частей близко къ накаленной поверхности. Пермскій метеоритъ есть классической и во многихъ другихъ отношеніяхъ, особенно по его внутреннему строенію, не смотря на то, что съ перваго взгляда онъ принадлежитъ къ обыкновеннѣйшему между метеоритами типу.

На мѣсто его въ петрографической системѣ я указалъ еще 15 сентября 1887 года, въ записаніи Минер. О-ва, гдѣ я опредѣлилъ, что онъ принадлежитъ къ группѣ монтежеитовъ (по системѣ Добра-Манье) или шариковыхъ хондритовъ (по системѣ Розе - Чермакъ - Брезина); точнѣе, онъ принадлежитъ къ группѣ жилковатыхъ (geaderte). Это мѣсто указываетъ на минералогическій составъ его вообще. Излагая въ другомъ мѣстѣ химическое и петрографическое описаніе нашего метеорита, я останавливаюсь здѣсь только на нѣкоторыхъ особенностяхъ, дающихъ ему классическое значеніе.

1) Отдѣльно, внутри сѣраго хондрита, вложены кристаллы желѣза, съ плоскостями неровными, отъ соприкосновенія съ хондритомъ, которые, по обязательному сдѣланному по моей просьбѣ опредѣленію Н. И. Кокшаровымъ, насколько можно сказать по имѣющимся образцамъ, принадлежатъ правильной системѣ, съ плоскостями куба (с), октаэдра (о), ромбич. додекаэдра (д) (фиг. 20 и 21), пирамид. куба (х) и трапецоэдра (т). Величина кристалловъ 2—4 мм., уд. вѣсъ: 5,82 до 5,09. Хим. составъ тотъ же какъ и у описанныхъ выше сплавовъ: нерастворимо 3,972%, растворимо желѣза 79,123%, никкеля 11,378, фосф. 0,736, сѣры 4,438% и слѣды кобальта.

Ни кристаллы, ни подобный составъ желѣза въ метеоритахъ до сихъ поръ неизвѣстны. Анализъ сдѣланъ въ хим. лабораторіи д-ра Пеля господиномъ Френкелемъ.

2) Разматривая фиг. 17, видно, что вся масса метеорита, находящаяся подъ корою, представляетъ на одномъ и томъ же образцѣ, въ 13 1/2 фун., нѣсколько различныхъ частей, которыя для наглядности я различаю по цвѣту (фиг. 17). Эти различія цвѣта и состава не зависятъ отъ волнаго или безводнаго окисленія желѣза, а отъ составныхъ частей, что выражается и разницею ихъ уд. вѣса: 3,265; 3,298; 3,537; 3,783; 5,261.

3) Черная, неправильная, вложенная комьями части, рѣзко отдѣляющіяся отъ окружающей сѣрой хондритовой массы, слоистыя, подобныя слюдястымъ сланцамъ, съ тонкими плоскими чешуйками желѣза, со слоистой отдѣльностью, выкальвывающіяся въ осколки почти кубическіе.

4) Метаморфозированный, черный, безъ видимыхъ хондръ, кусокъ покрытый корою, размѣровъ 5×10×15 миллим., напоминающій метеоритъ старопольскій.

Прежде чѣмъ разстаться съ настоящимъ метеоритомъ, обратимъ еще разъ вниманіе на рисунокъ (фиг. 17). Сверху до низу рисунка и потомъ параллельно нижнему краю его, черныя полосы представляютъ трещины; онѣ проникаютъ довольно далеко внутрь камня; трещины сверху внизъ идутъ въ глубину на 4—5 мм., при ширинѣ 5—10 мм.; трещины въ боку метеорита, идущія въ его изломѣ, расположены параллельно поверхности покрытой корою и одна другой, въ 1 мм.; узкія указываютъ какъ бы на нѣкоторую слоистость, возможную только при участіи воды, во время образованія камня, на что до сихъ поръ для метеоритовъ не указывается. Эти трещины на поверхностяхъ камня, со всѣхъ сторонъ покрытыхъ корою, образовались, по моему мнѣнію, не вслѣдствіе удара о земную поверхность, каковое мнѣ-

ніе высказывается многими, а вслѣдствіе охлажденія камня и сжатія его поверхности, сильно нагрѣтой на довольно большую глубину внутрь камня. Внутренность камня, остававшаяся холодною во время полета, осталась безъ трещинъ и потому камень не распался на мелкія части, а отъ удара о землю разбился только на нѣсколько крупныхъ кусковъ, особенно гдѣ сплавленные плоскости сдвига ослабили связь; нижняя же сторона, выдержавшая всю силу удара, разбилась на тысячи кусковъ.

Точно та же причина—охлажденіе—и трещинъ параллельныхъ корѣ, и параллелизмъ трещинъ легко объясняется постепенностью и равномерностью охлажденія одновременно на одинаковую глубину параллельно поверхности соприкасающейся съ воздухомъ. Какъ ни понятно это явленіе само по себѣ, тѣмъ не менѣе оно составляетъ особенность таборскихъ камней. Если и извѣстны измѣненія метеоритовъ послѣ ихъ паденія, то они не многочисленны и совершенно иного рода. Затвердѣніе и уплотненіе камней вскорѣ послѣ ихъ паденія, подобно тому, какое замѣчено въ нашемъ камнѣ по словамъ корреспондентовъ, было описано Віо въ метеоритѣ Эглы (20 апр. 1803 г.) и Биго-де-Морогомъ въ камнѣ Уэстонъ (14 дек. 1807 г.), по тамъ выдѣленіе газовъ съ сильнымъ запахомъ сѣры уплотняло камни и дѣлало ихъ менѣе рассыпчатыми, болѣе плотными. Здѣсь явленіе идетъ далѣе: затвердѣвъ, таборскій камень, сохраняемый въ кабинетахъ, при обыкновенной комнатной температурѣ 13—15° Реом., усыхаетъ; на нѣкоторыхъ образцахъ, какъ у меня, такъ и въ музеѣ Горнаго Института, особенно въ голубоватыхъ мелко-зернистыхъ частяхъ, въ немъ образуются новыя по разнымъ направленіямъ трещины (шириною иногда до 1—1 1/2 мм.). Причина этого есть безспорно постепенное выдѣленіе газовъ, которые метеоритъ принесъ съ собою на землю изъ той атмосферы, въ которой онъ образовался. Понятно, что знать составъ выдѣляющихся газовъ весьма интересно, именно въ смыслѣ опредѣленія среды образованія метеоритовъ. Таборскій метеоритъ очевидно принесъ съ собою этой атмосферы болѣе, чѣмъ всѣ другіе извѣстные до сихъ поръ — и потому результаты химическихъ изслѣдованій ихъ, предпринятыхъ по моей просьбѣ, будутъ особенно интересны. Здѣсь замѣтимъ только что газъ, выдѣляемый порошокомъ Гоместиды (12 февраля 1875 г.) нагрѣтымъ до температуры высшаго краснаго каленія, далъ водорода 87 1/2, углекислоты 5 1/2 и азота почти 70%, а спектръ газа оказался чрезвычайно сходнымъ, частью даже тождественнымъ, со спектромъ нѣкоторыхъ кометъ — этотъ-то послѣдній фактъ и приводится, между прочимъ, въ пользу того мнѣнія, что метеориты суть частицы кометъ. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, этимъ я и позволяю себѣ заключить ознакомленіе читателя съ паденіемъ Пермскаго метеорита, отсылая желающихъ ознакомиться съ химическими и петрографическими изслѣдованіями къ сочиненію „*Материалы къ русской метеоритикѣ*“, мною изготовляемому къ печати, въ которое войдутъ многія подробности, опущенныя здѣсь по недостатку мѣста.

Надѣюсь, что читатель согласится, что метеоритика представляетъ много интереснаго, что эти *небесные камни* говорятъ очень понятно уму нѣсколько любознательному, и потому желательна, чтобы эта вполнѣ пренебрегаемая въ Россіи наука обратила на себя болѣе вниманія ученыхъ, чѣмъ обращала до сихъ поръ. На это она имѣетъ тѣмъ болѣе правъ, что въ Россіи, можно сказать, было положено основаніе ея. Классическое Палласово желѣзо (1749 г.), хранящееся до сихъ поръ въ музеѣ Академіи Наукъ, подало поводъ физику Хладни напечатать въ Россіи же, въ Ригѣ, въ 1794 году, его знаменитое сочиненіе о небесномъ происхожденіи Палласова желѣза и сходныхъ съ нимъ тѣлъ—отсюда и пошла наука о метеоритахъ—*Метеоритика*.

Въ началѣ статьи мы видѣли, какое впечатлѣніе на людей произвело паденіе камней за 500, за 300 лѣтъ до насъ. Измѣнились ли народныя воззрѣнія на это явленіе въ теченіе вѣковъ, видно изъ корреспонденцій, свидѣтельствующихъ, что оно произвело вообще на народъ удручающее впечатлѣніе; не многіе сельчане признали больдъ за полетъ нечистой силы и удивлялись только, что она появилась днемъ—здѣсь смѣшано явленіе падающихъ звѣздъ съ болидами; въ большинствѣ-же явленіе пробудило благоговѣйныя, религіозныя чувства, о которыхъ таборскій священникъ, отецъ Евфимій Калачниковъ, мнѣ пишетъ: „Въ приходѣ моемъ есть старцы дожившіе до 97—100 лѣтъ; однако не замолчать подобнаго явленія, а многіе изъ нихъ даже не слышали вовсе о паденіи камней съ небесныхъ высотъ, и такимъ образомъ паденіе метеорита 18 августа на жителей нашей вѣси произвело болѣе чѣмъ удручающее впечатлѣніе, а на нѣкоторыхъ даже наиболѣешую панику; относятъ все это къ Божьему велѣнію за грѣхи. Впрочемъ, подобное впечатлѣніе произведено болѣе или менѣе на лицъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, на лицъ же молодаго поколѣнія не такое: они болѣе равнодушно смотрятъ на разныя явленія природы, какъ-то громъ, молнію, бури и т. п., будучи ознакомлены, хотя и поверхностно, съ подобными явленіями въ школахъ... Особенно суевѣрнаго ничего нѣтъ, нѣтъ рѣчи и о нечистой силѣ; легенды тоже никакихъ не существуютъ. Надобно при этомъ сказать и то еще, что всѣ мои прихожане исповѣдуютъ православіе, раскольниковъ нѣтъ между ними и не было“.

Г. Янишевскій, бывшій въ Оханскѣ въ первую недѣлю по паденіи камня, писалъ: „Къ Оханскому исправнику, у котораго хранится камень, безпрестанно приходятъ таборскіе крестьяне, съ просьбою взглянуть на камень, и молятся на него.“ Крестьяне провожавшіе г. Янишевскаго въ Таборахъ въ ямѣ, изъ которой былъ вынутъ аэролитъ, подходили къ ней, благоговѣнно снимая шапки и крестясь. Они высказывали крайнее недовольство тѣмъ, что отъ нихъ увезли „небесную милость“—какъ они говорили.

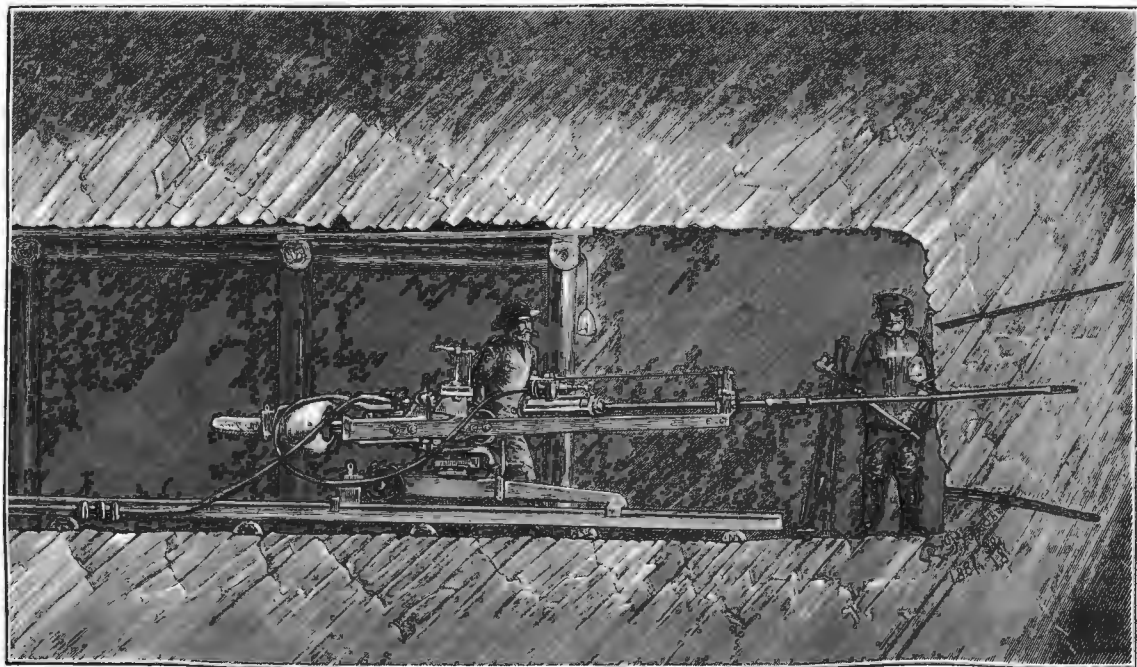
Мнѣ писали также, что въ Оханскѣ жители высказывали желаніе построить часовню на мѣстѣ паденія камня. Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ г. Миропольскій пишетъ 18 іюля 1888 г.: „Новыхъ находокъ камней теперь не является и нѣтъ о нихъ никакихъ слуховъ въ уѣздѣ... Въ настоящее время трудно добиться чего-нибудь вполнѣ достовернаго о находкахъ, между прочимъ, вотъ почему. По странности нѣкоторыхъ народныхъ повѣрій и по распространенности суевѣрныхъ понятій въ народѣ, вмѣстѣ съ интересомъ къ выпавшимъ метеоритамъ людей науки, большой интересъ они возбудили и въ средѣ народа, принявшаго ихъ за нѣчто небесное, не отъ міра сего. По слухамъ, найденные въ прошлое лѣто камни циркулируютъ въ народѣ какъ цѣлебное и симпатическое средство. Осколки метеорита истираютъ

Самуилъ Карловичъ Грейгъ (по поводу 100-й годовщины смерти).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Въ заключеніе я позволяю себѣ просить каждого изъ читателей, имѣющаго или знающаго у кого имѣются какіе-либо метеориты и образцы самороднаго желѣза, или достовѣрные свѣдѣнія о паденіи или находкѣ тѣхъ или другихъ, уведомить меня о томъ, дабы я личными сношеніями могъ пробрести

управы г. Жакову и секретарю Ал. Ив. Миропольскому за добрыя пожеланія и въ будущемъ, я считаю обязанностію принести искреннюю душевную признательность какъ имъ обоимъ за всѣ доставленныя мнѣ ими свѣдѣнія и матеріалы, такъ равно и гг. Блинову, Ив. Вологдину, П. А. Вологдину (редактору *Перм. Вѣд.*), Меньшикову, Кротову, Осипу Калачникову, Панаеву, Н. С. Стемпневскому, Селиванову, Серебрякову (вмѣстѣ умершему), Свигову, свящ. Меркурьеву, свящ. Черепанову, Шолопову, Э. Янишевскому, Н. Янишевскому, старшинѣ Спѣшк. волости Окулову, председателю Саранульской земской управы за весьма радужное содѣйствіе при собираніи матерьяловъ и разъясненій моихъ запросовъ, относившихся къ паденію метеоритовъ 18 августа,—я вмѣстѣ съ тѣмъ, не считая явленіе 18 августа вполнѣ исчерпаннымъ, прошу далѣе доставлять мнѣ какъ свѣдѣнія, такъ и матеріалы по этому вопросу. Безъ ихъ содѣйствія многия подробности и свѣдѣнія забылись бы и были бы потеряны для науки, какъ забыто многое, и даже самые камни затеряны, къ стыду нашего ученаго сословія.

Бурильная машина въ Новороссійскомъ тоннелѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

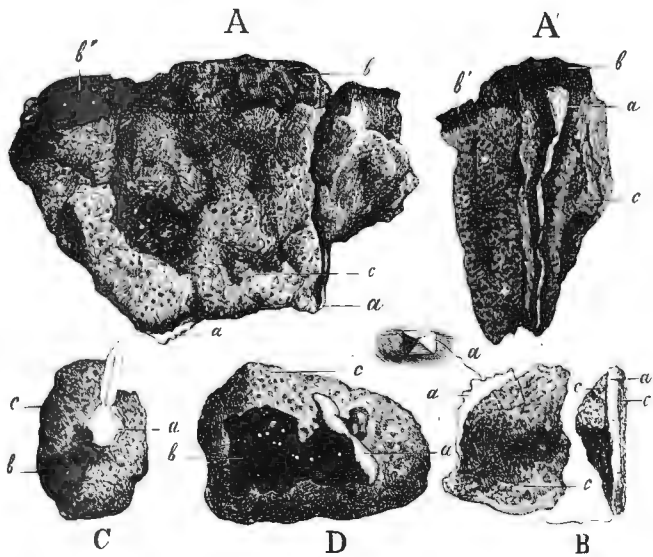
въ порошокъ и съ водою принимаютъ внутрь отъ внутреннихъ болѣзней съ неопредѣленнымъ характеромъ, какъ ревматизмовъ, общихъ немогавій и проч. При этомъ промышленныя знахари безъ сомнѣнія превращаютъ въ порошки для лѣченія и не одни метеорные камни, придумывая отъ себя случаи находенія ихъ.“

Принося искреннюю признательность председателю Оханской

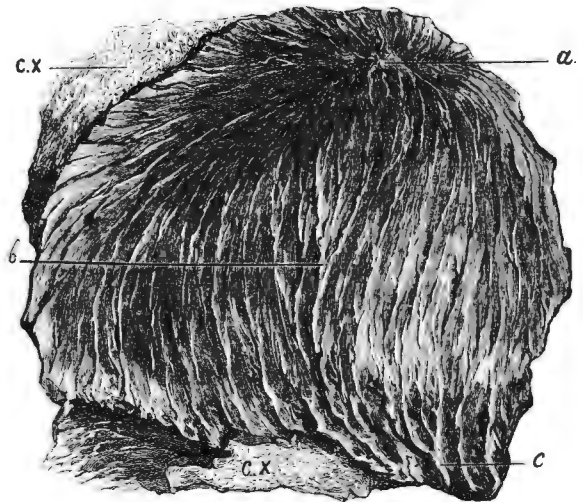
или для моей коллекціи навсегда, или только на время, для описанія, самые образцы русскихъ метеоритовъ, могущіе обогатить мои матеріалы и передать событіе въ истинномъ видѣ, безъ тѣхъ увеличеній и прикрасъ, которыя нарастаютъ и искажаются временемъ.

СПБ., Васильевскій Остр., 13 янвля, д. 2.

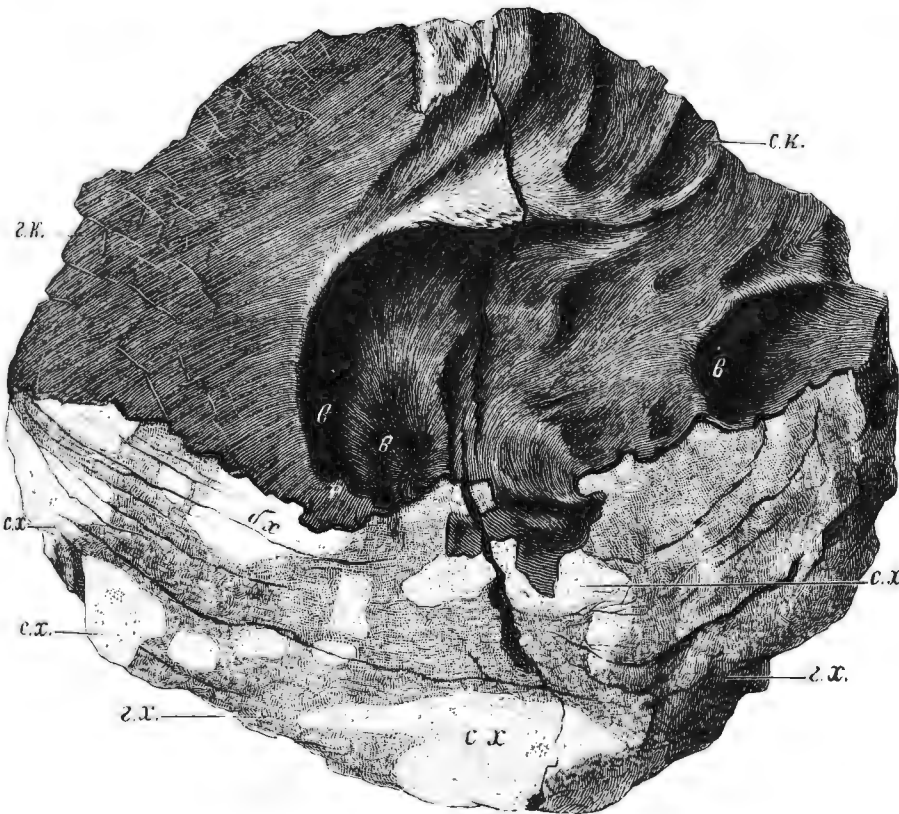
Юл. Симашко.

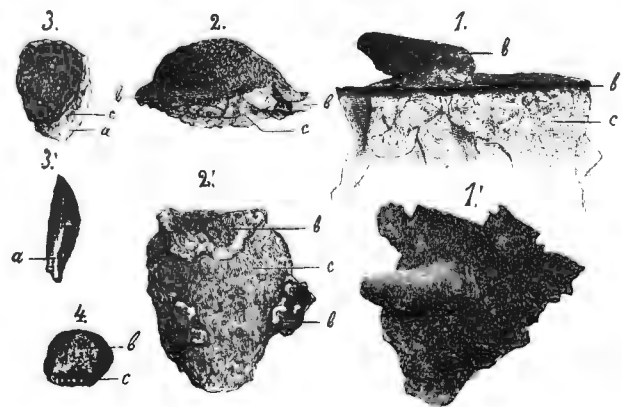
Фиг. 16. Сплавы коры. *a*—сплавъ металл. желѣза; *b*—шлаковидная пузыристая кора; *c*—сѣрая масса камня—хондритъ.

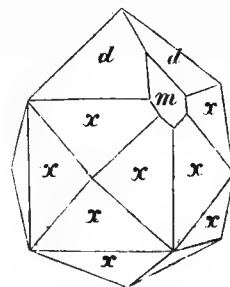
Фиг. 18. Струйчатая поверхность, наст. велич. *a*—центр; *b*—струи сливающіяся; *c x*—сѣрый хондритъ.

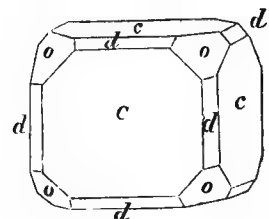
Фиг. 17. Кусокъ въ 13 1/2 ф. таборскаго камня, въ 1/4 наст. велич. Кора: *г.к.*—гладкая, *с.к.*—струйчатая, *в, в, в*—впечатлѣнія струйчатая до 1 дюйма глубиною, *Р*—выдающаеся, нависшее ребро,—Хондритъ: *б.х.*—бѣлый, *с.х.*—сѣрый, *г.х.*—голубой.

Фиг. 19. Отторженіе. 1, 2, 3 и 3' въ профилѣ; 1'—въ планѣ; 2'—снизу, *a*—метал. выплавъ, *b*—кора, *c*—хондритъ.

Фиг. 20.

Фиг. 21.

Къ рисункамъ. Сборъ гончихъ послѣ охоты. (Рис. на стр. 301).

Когда гончія выгнали послѣдняго звѣря изъ лѣсу на борзыхъ или на стрѣлковъ и охота кончена, надо созвать какъ главную стаю гончихъ, такъ и отбившихся по другимъ слѣдамъ или отсталыхъ. Для этого доѣзжачій трубитъ въ свой рогъ, котораго звуки хорошо извѣстны собакамъ, и онѣ со всѣхъ сторонъ кидаются на призывъ его. Эта любовь всей псарни къ доѣзжачему достигается тѣмъ, что онѣ никогда лично не наказываютъ провинившихся собакъ, поручая это выжлитникамъ. Г. Вѣрунгъ-Ковальскій, превосходно передающій охотничьи сцены, фигуры лошадей, собакъ, охотниковъ и окружающую природу, на прилагаемомъ рисункѣ изобразилъ такой моментъ отзыва гончихъ.

Богиня водъ. (Рис. на стр. 304).

Открытие выставки картинъ-панно профессора К. Маковского, предназначенныхъ для украшенія одного изъ салоновъ роскошнаго дома барона Дривиза, — ожидалось въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ. Про нихъ много говорили. Быть можетъ, эти толки, восторженные и преувеличенные, и были причиною того, что открывшаяся выставка не произвела должнаго впечатлѣнія; къ ней отнеслись довольно холодно, сдержанно и даже строго. Въ картинахъ находили недостатки, часто забывалъ объ ихъ назначеніи. Нѣкоторые ставили художнику въ упрекъ излишнюю красочность и пестроту панно, другіе были недовольны свѣтлымъ, блѣсоватымъ колоритомъ нѣкоторыхъ картинъ, осуждали легкость, небрежность рисунка и т. д. Однако всѣ эти „недостатки“, если ихъ можно такъ назвать, исчезаютъ, если принять во вниманіе, что картины должны послужить панно въ роскошной залѣ богатой квартиры. При болѣе спокойномъ колоритѣ и отсутствіи пестроты въ нѣкоторыхъ изъ ра-

богъ профессора, онѣ только потерялись бы среди блестящей обстановки салона. Точно также ихъ свѣтлые тоны придадутъ имъ яркость, когда они будутъ поставлены на своемъ мѣстѣ. Легкій, немного небрежный рисунокъ отнюдь не будетъ замѣненъ въ салонѣ, въ которомъ болѣе тщательная вырисовка придавала-бы картинамъ вымученность, сухость. Помимо этихъ quasi-недостатковъ, картины обладаютъ многими достоинствами. Интересныя по содержанию, онѣ написаны съ тою виртуозностью, кака я давно уже присуща всѣмъ работамъ даровитого художника. Утративъ всю прелесть красокъ въ однотонной гравюрѣ, панно тѣмъ не менѣе остаются привлекательными по вѣжному, легкому и мягкому рисунку, въ чемъ читатели могутъ убѣдиться на помѣщаемой нами (на стр. 304) копіи съ одной изъ картинъ профессора, названной имъ „Богинею водъ“; она изображаетъ нимфу Галатею, дочь Перей, или какое-нибудь другое морское божество изъ древне-греческой мифологіи.

Псковскіе стражники на Ливонской границѣ въ XV вѣкѣ. (Рис. на стр. 305).

Въ первой половинѣ XV вѣка мелкія пограничныя ссоры псковичей съ Ливонскимъ орденомъ не прекращались. Такъ въ 1417 году нѣмцы убили на русской землѣ шесть опочанъ-бортниковъ (медопромыслениковъ), другіе подошли къ самому городу Опочкѣ, посѣлки и пожгли все во время мира. Псковичи за это побѣдили въ двухъ насадахъ (большия лодки), схватили 7 человекъ чуди и повѣсили ихъ у Выбутска. Въ 1436 году псковичи захватили гостей (кунцовъ) нѣмецкихъ съ товарами, 24 человекъ, и посадили ихъ въ тюрьму за то, что нѣмцы во время мира стали захватывать псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. Въ 1443 году псковичи ѣздили подъ Новый городъ нѣмецкій, истребили все жито и повѣсили 7 чухонъ и т. д. и т. д. Такія условия вызывали необходимость постоянной порубежной (пограничной) стражи. На рисункѣ Н. Н. Каразина изображены типичныя фигуры такихъ стражниковъ на малорослыхъ лошадакахъ, до сихъ поръ еще сохранившихся въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и на Литвѣ.

Молодая дѣвушка первыхъ вѣковъ христіанства.

(Рис. на стр. 309).

...Въ циркѣ разъ, среди
Несчастныхъ, обреченныхъ казни,
Одна стояла—на груди
Сложивши руки, безъ боязни,
Смотри на звѣря, и кругомъ
Па настъ, на кесаря—безъ гнѣва,
И чудо красотою дѣва...
Къ кому-то вдругъ вверху поднявъ
Глаза и точно повстрѣчавъ
Кого-то тамъ, рукой взмахнула,
И улыбнулась, и взглянула
Такъ, какъ бы къ матери могла
Взглянуть невѣста...

„Два міра“, А. Н. Майкова.

Всероссійская рыбопромышленная выставка въ Спб. (Рис. на стр. 312 и 313).

Россія, владѣя двумя океанами и пятью морями, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ по отношенію къ рыбопромышленности и сопряженнымъ съ нею промысламъ морскихъ звѣрей. Во всей Имперіи ежегодно вылавливается до 40 милл. пудовъ разной рыбы на 40 милл. руб. Попробуемъ въ самомъ сжатомъ очеркѣ набросать картину русскаго рыболовства.

Начнемъ съ Сѣвера. Бѣлое море составляетъ для своихъ прибрежныхъ жителей важный, а иногда и единственный источникъ существованія. Въ Бѣломъ морѣ ловятся: сельди, треска, навага, сайда, камбала, рева, зубатка, семга, кумжа, корюшка, изъ которыхъ первостепенное значеніе въ экономическомъ отношеніи имѣютъ сельдь и семга. Главный сельдяной ловъ производится въ Сорочкой губѣ, Онежскаго залива, самой богатой рыбою во всемъ морѣ съ начала ноября до Крещенья, затѣмъ въ Покровской губѣ, у Кандалакскаго залива и Соловецкаго острова. Ловъ семги производится во многихъ мѣстахъ, потому что она поднимается по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Бѣлое море и Сѣверный океанъ. Изъ морскихъ звѣрей въ области Бѣлаго моря, бѣлуга (семейства дельфиновыхъ) встрѣчается во всѣ времена года, но въ наибольшемъ количествѣ—съ конца мая; сало ея считается лучшимъ изъ всѣхъ сортовъ жира морскихъ звѣрей, а кожа идетъ на подошвы. На всемъ Терскомъ берегу, на Зимнемъ и въ Мезенскомъ заливѣ, производится промыселъ тюленей, называемыхъ тамъ лысунами, которые ценятся въ началѣ февраля въ Двинскомъ заливѣ и потомъ уходятъ къ сѣверу, приближаясь къ берегамъ. Осенью по тѣмъ же берегамъ жители занимаются стрѣльбою пернъ (другой видъ тюленей) съ лодокъ. По всему Мурманскому берегу Сѣвернаго океана производится ловъ трески поморами Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ Архангельской губерніи; но такъ какъ для промысла необходимы суда, снасти и различныя заведенія для хранения рыбы и проч., то промыселъ этотъ производится лишь

богатѣйшими изъ поморовъ, которые собираютъ ежегодно артели (покруты) по 4 рабочихъ въ каждой. Для временнаго приставина постоянныя становища (жилая избы и амбары для соления рыбы), до которыхъ покруты идутъ обыкновенно иѣшкомъ въ началѣ марта. Для ловли трески употребляются невода (ярусы) длиною отъ двухъ до трехъ тысячъ саженей. На ловъ выѣзжаютъ ночью, удаляясь отъ берега верстъ на 10, на 20 и даже на 30. Солятъ треску только съ начала мая, а до того лишь сушатъ, развѣшивая распластанную на жердяхъ, а потомъ складывая въ кучи. Средній годичный уловъ доходитъ до 250,000 пудовъ и болѣе. Выѣстѣ съ трескою ловится палтусъ, рыба изъ породы камбала, весьма жирная, вѣсомъ отъ пуда до трехъ, цыпунъ, сайда, камбала, морскіе налимы и проч., не составляющіе особаго промысла. Въ Ледовитомъ океанѣ, такъ же какъ и въ Бѣломъ морѣ, добываются тюлени (перны, морскіе зайцы и теяки), которыхъ бьютъ на одиночныхъ промыслахъ изъ винтовокъ, отчего и промыселъ называется *стрѣльбою*. Изъ перны, вѣсящей до трехъ пудовъ, вытанпливается сало и продается кожа. Моржей бьютъ только у береговъ Новой Земли—или съ карбасовъ, или на льдинахъ, кутилами (жельзное остріе на палкѣ) и спицами.

Въ Балтійскомъ морѣ преобладаютъ прѣсноводныя рыбы, только въ западной его водоемѣ встрѣчаются еще морскія формы, какъ напр. акулы, скаты и др., случайно заплывающія изъ Нѣмецкаго моря. Рыболовство менѣе значительно чѣмъ на Каспійскомъ и даже Азовскомъ моряхъ. Здѣсь попадаются сельди, навага, лосось, камбала, осетры, минюги, угри и др. Кильки, родъ мелкихъ сельдей, во множествѣ ловится у береговъ Ингрии и Эстляндіи. Ловомъ тюленей занимаются у Аландскихъ острововъ.

На Черномъ морѣ рыбныя лови незначительны вслѣдствіе большой глубины и недостатка мелей и банокъ, однако есть рыбные промыслы при входѣ въ Керченскій заливъ и при устьяхъ большихъ рѣкъ. На сѣверномъ берегу самое обширное рыболовство въ Днѣпровско-Бугскомъ лиманѣ, гдѣ ловится красная рыба: осетръ, стерлядь, бѣлуга, севрюга и разныя породы бѣлой; изъ мелкихъ сортовъ замѣчательны: рыбецъ, тарань, чернуха, бѣлзна, чехонь, клонецъ, синецъ и др. Лучшій ловъ отъ Покрова до апрѣля. Послѣ Успенія ловится особенно сельдь, уловъ коей въ Днѣпровскомъ лиманѣ простирается отъ пяти до десяти милл. штукъ и болѣе въ годъ. Въ Днѣстровскомъ лиманѣ ловится, кромѣ вышеупомянутыхъ породъ: кефаль (кромѣ самой рыбы чрезвычайно цѣнится кефаль икра, которая на мѣстѣ продается по 2 р. за фунтъ, т. е. дороже осетровой), камбала, тюлька (мелкая сельдь), скумбрія (макрель или балмутъ) и крупныя раки. Замѣчательна также Балаклавская бухта, въ которой ловъ производится круглый годъ. Одной кефали по берегамъ Крымъ въ хорошій годъ вылавливается до 4 милл. штукъ.

На Азовскомъ морѣ рыболовство чрезвычайно развито. Оно составляетъ важнѣйшій промыселъ жителей Азовскаго прибрежья и занимаетъ въ теченіе года до 13,000 человекъ. Особенно богаты рыбою юго-восточный берегъ, Керченскій проливъ и устья Дона. Самый обильный ловъ тотчасъ послѣ таянія снѣга и разноса льда—*весенняя добыча*; до половины мая въ лѣтніе мѣсяцы т. наз. *меженный ловъ* вычтенъ; посредственъ осенній или *присоль*; значительна также *зимняя добыча* съ подледнымъ ловомъ. Ловъ производится неводами, крючковыми и сѣтями—особенными *ватагами* или артелями подъ начальствомъ *атамана*, работающими на т. наз. *заводахъ*. Важнѣйшія породы рыбы: всѣ красной и большая часть черноморскихъ.

Но самые значительные промысла сосредоточены на Каспійскомъ морѣ, въ бассейнѣ коего ежегодно вылавливается 25 милл. пудовъ рыбы, т. е. болѣе половины общаго улова въ Россіи. Рыболовствомъ на Каспійскомъ морѣ и вообще въ Астраханскомъ край занимались еще татары до присоединенія этого края къ Россіи, затѣмъ духовенство и наконецъ казна. Нынѣ звѣрныя и рыбныя промыслы признаются закономъ свободными въ водахъ морскихъ и на всѣхъ озерахъ въ частномъ владѣніи не состоящихъ. Относительно Каспійскаго моря есть особыя правила. Въ настоящее время рыбные промыслы распределены по всему почти протяженію сѣвернаго и западнаго береговъ Каспійскаго моря и описаніе ихъ и способъ лови потребовало бы цѣлаго тома. Богатѣйшія лови на Каспійскомъ морѣ находятся на Волжскихъ устьяхъ; за ними слѣдуютъ Уральскія, составляющія исключительную собственность казаковъ Уральскаго войска, и Ставропольскія; далѣе Эмбинскіе и Астраханскіе вольные промыслы въ открытомъ морѣ; въ южной части моря самые богатые промысла—Сальянскіе. На одно уральское рыболовство употребляется въ годъ болѣе ста морскихъ судовъ, около 500 морскихъ лодокъ, и 3,000 бударъ при 100,000 неводовъ и сѣтей и 20,000 багровъ. Уральское рыболовство дѣлится на 6 періодовъ: *осенне-курхайское* или жаркое (отъ лѣтнихъ жаровъ красной рыбы); *осенняя плавня* (плаваніе на бударахъ); *багренное*, по прикрытіи рѣки льдомъ; *ахатное* (отъ сѣтей ахатныхъ съ большими полями) сѣтями подо льдомъ; *весеннее курхайское* и *весенняя плавня* и севрюжій ловъ.

Въ началѣ 1876 года торговый домъ братьевъ Ванюшиныхъ приступилъ къ устройству рыболовныхъ промысловъ на Аральскомъ морѣ и Аму Дарѣ и построилъ 2 ватаги для соления.

Кромѣ морскаго рыболовства по всей Россіи распростра-нены озерныя и рѣчныя (особенно на Волгѣ) ловли во всемъ ихъ безконечномъ разнообразіи. Кромѣ самой рыбы во всѣхъ видахъ, т. е. свѣжей, вяленой, копченой, сушеной, соленой, маринованной и т. д., главнѣйшій рыбный товаръ составляютъ: рыбій жиръ, рыбій клей, вязига, икра свѣжая и соленая. Производство этихъ родовъ товара требуетъ оиыт-таки особыхъ заведеній, которыя даютъ работу десяткамъ тысячъ рукъ.

Конечно, полнаго и систематическаго представленія громадной области русскаго рыболовства не могла дать впервые устроенная въ Россіи рыбопромышленная выставка. Но какъ первый опытъ, Петербургская выставка, помѣщаяшаяся въ обширномъ зданіи Михайловскаго манежа (на рис. № 13), не смотря на характеръ случайности и неполноты экспонатовъ, все же весьма интересна. Обстановка ея очень живописна и оригинальна, павильоны и витрины изящны. Тотчасъ при входѣ вниманіе обозрѣвателей привлекается мало относящимися къ рыбопромышленности, скорѣе декоративными экспонатами Общества спасанія на водахъ, Морскаго музея, СПб. Хвѣт-Клуба (на рис. № 2). Въ среднемъ проходѣ замѣчательна выставка Общества насѣдвателей Амурскаго края съ произведеніями Камчатки, Амурской области, остр. Сахалина и Японіи. Далѣе, интересны представители казацкихъ рыбныхъ ловель съ прекрасными моделями, рыболовными снарядами, сѣтями, образцами рыбъ, икры и т. п. Здѣсь же расположены экспонаты перваго Мурманскаго китобойнаго общества: модель парохода вооруженнаго пушкой, которая стрѣляетъ въ кита гарпуномъ (острогой), образцы китоваго уса, жира и гуано изъ китоваго мяса. Первое мѣсто по интересу принадлежитъ въ этомъ же отдѣлѣ шатра г. Базилевскаго (№ 7) и въ особомъ холодномъ отдѣленіи на дворѣ павильону съ мороженой рыбой. На Астраханскихъ сиперорскихъ промыслахъ Ф. И. Базилевскаго, занимающихъ водное пространство въ 200,000 десятинъ, вылавливается около 70 милл. штукъ разной рыбы, на которую употребляется около 500,000 пудовъ одной соли. У шатра устроенъ такъ-называемый *прилотокъ*, навѣсъ, покрытый тростникомъ, и здѣсь работаютъ нарочно прѣхавшія изъ Астрахани двѣ рѣзальки и солильница, въ характерныхъ, полумужскихъ костюмахъ (№ 10). Справа отъ входа особенно выдается выставка Мурманскаго общества „Рыбакъ“, которое въ другомъ мѣстѣ манежа поставило изображенную на нашемъ рисункѣ декорацию Ледовитаго моря, съ чучелами бѣлыхъ медвѣдей на льдинахъ и большою моделью построенной въ Америкѣ рыболовной шхуны „Невада“ (№ 3). Далѣе превосходный акваріумъ Семенова, съ множествомъ живыхъ рыбъ. Чрезвычайно интересны экспонаты Никольскаго рыбопроизводнаго завода, основ. въ 1860 году В. П. Враскинскимъ, принадлежащаго министерству Государств. Имуществъ и дѣйствующаго подъ руководствомъ проф. Гримма. У самаго входа на выставку устроена великолѣпная декорация сѣверной природы—скалы, покрытыя мохомъ и чучелами морскихъ птицъ, а въ скалахъ 8 акваріумовъ съ обитателями сѣверныхъ водъ (№ 9).

На срединѣ манежа помѣщается обширный круглый бассейнъ (15 аршинъ въ поперечникѣ) съ высокобьющимъ фонтаномъ и плавающей рыбой (№ 11).

Рядомъ съ коллекціей изъ Приамурскаго края выставлена группа чучелъ котика съ Командорскихъ острововъ, экспонированная торговымъ домомъ Гутчинсонъ, Коль и Коми, держащимъ на откупѣ этотъ промыселъ (№ 4).

Въ скалѣ входной декорации навѣсо сдѣлавъ проходъ въ такъ-называемый *запоръ*, одно изъ приспособленій, которымъ ловятъ рыбу. У декорации со шхуной „Невада“ расположенъ *морозникъ* Гейнemann, представляющій небольшой домикъ, раздѣленный перегородкой на ледникъ и на отдѣленіе для замораживанія рыбы.

Тутъ конецъ выставки и во всю ширину манежа тянется декорация южной природы съ пальмами и обитателями Юга. Посрединѣ ея лѣстница, ведущая на среднюю самую возвышенную часть декорации, на мостикъ, перекинутый черезъ каскадъ (№ 1). Съ мостика открывается общій видъ на всю выставку и ведутъ особые сходы въ буфетъ Лонашова, расположенный по другую сторону декорации. На правой стѣнѣ отъ ресторана, если стоять лицомъ ко входу въ него, интересней выставленныя Г. Сундманомъ водиноя пейзажъ съ наклеенными на водѣ изображеніями рыбъ Финляндіи въ краскахъ (№ 5). Все остальное пространство манежа наполнено множествомъ витринъ и постаментовъ съ принадлежностями рыболовства, рыбными консервами, акваріумами, чучелами морскихъ рыбъ и животныхъ, греческими губками и т. п. Въ особомъ холодномъ павильонѣ Базилевскаго поражаютъ своими размѣрами громадныя бѣлуги и всѣ сорта мороженой рыбы (№ 12).

С. К. Грейгъ. (Порт. на стр. 316).

Ровно сто лѣтъ тому назадъ скончался одинъ изъ видныхъ людей екатерининскаго времени, адмиралъ Самуилъ Карловичъ Грейгъ, храбрый и искусный морякъ, прославившій свое имя побѣдами, герой Чесменской битвы и авторъ проекта о завладѣніи Дарданеллами. По свидѣтельству современниковъ, адмирала Грейга, послѣ его побѣды при Гохландѣ, считали „спа-

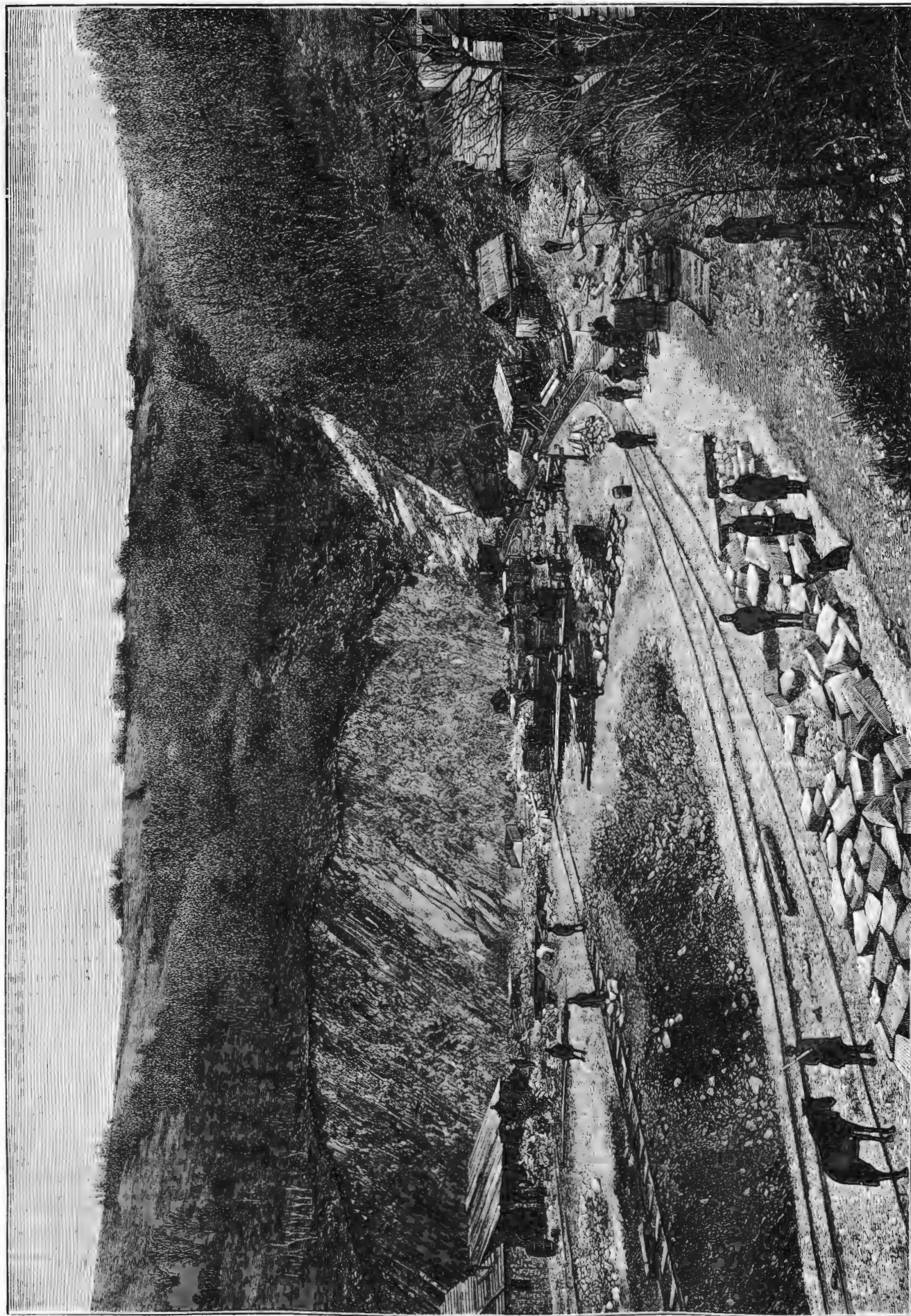
сителемъ столицы и Лифляндіи“, а самая смерть его была слѣдствіемъ истощенія силъ отъ непрерывныхъ трудовъ и энергической дѣятельности по службѣ. Существенныя услуги своему второму отечеству адмиралъ Грейгъ оказалъ не только на боевомъ поприщѣ, но и на поприщѣ мирномъ: человекъ просвѣщенный, обладавшій большимъ запасомъ свѣдѣній какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи морскаго дѣла, онъ сдѣлалъ много весьма важныхъ улучшеній и измѣненій въ вооруженіи судовъ, которыми началъ впервые у насъ командовать. Дѣятельный, образованный, даровитый и неустрашимый, адмиралъ Грейгъ умѣлъ снискать уваженіе даже враговъ своихъ. При всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, онъ могъ бы быть не чуждъ излишней гордости и имѣть высокое мнѣніе о своей особѣ, но онъ, напротивъ, отличался замѣчательною скромностью.

Самуилъ Карловичъ Грейгъ, шотландецъ по происхожденію, родился 30 ноября (11 декабря) 1736 года, въ мѣстечкѣ Инверкейтвингъ, въ Файфширѣ, неподалеку отъ Единбурга. Его предки были моряки. Службу въ родномъ флотѣ онъ началъ еще отрокомъ и, произведенный въ лейтенанты, принималъ участіе въ морской битвѣ у Белль-Иля, въ 1759 году, подъ командою адмирала Гаука, битвѣ столь славной для англичанъ. Въ русскій флотъ онъ былъ принятъ съ чиномъ капитана 1-го ранга въ 1764 г., въ іюнь, и тѣмъ же лѣтомъ отправился, въ качествѣ волонтера, въ походъ на кораблѣ „Дантрій Ростовскій“. Въ 1765 его сдѣлали командиромъ фрегата „Св. Сергія“ и корабли „Трехъ Іерарховъ“, которые имъ же были вооружены по новому способу. Произведенный въ чинъ бригадира, черезъ четыре года, Самуилъ Карловичъ, при первомъ отправленіи русскаго флота въ Средиземное море, подъ начальствомъ адмирала Спиридова, командовалъ 66-пушечнымъ кораблемъ „Трехъ Іерарховъ“. На его кораблѣ, 14 апрѣля 1770 года, главнокомандующій морскими и сухопутными силами Россіи въ Архипелагѣ, извѣстный графъ Орловъ (Чесменскій) впервые подыялъ, пожалованный ему кейзеръ-флагъ. Во время этой экспедиціи Грейгъ отличался во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но болѣе всего прославился онъ 26 іюня 1770 года, когда съжегъ неприятельскій флотъ въ Чесменской бухтѣ, куда его отрядили съ четырьмя кораблями, двумя фрегатами и четырьмя бридерами. За геройское дѣло при Чесмѣ Самуилъ Карловичъ получилъ чинъ контръ-адмирала и орденъ Св. Георгія. Онъ также помогалъ гр. Орлову спастись тонувшаго неприятеля на Анатолійскихъ берегахъ, а въ 1771 году былъ отправленъ въ Метелинскій каналъ для снятія плановъ съ крѣпости, мѣстнаго адмиралтейства и разныхъ укрѣпленій и выполнилъ возложенное на него порученіе блестящимъ образомъ. На слѣдующій годъ Самуилъ Карловичъ прибылъ въ каналъ отдѣляющій островъ Хиосъ отъ азіатскаго берега, гдѣ турки усиливали свои гарнизоны, высадили десантный отрядъ близъ крѣпости Чесмы, а самъ атаковалъ ее съ моря, прогнавъ неприятеля изъ предмѣстья, овладѣвъ двумя складочными мѣстами съ припасами и военными снарядами и зажегъ предмѣстье; послѣ этого онъ отправился съ эскадрой своей въ Дарданельскій проливъ наблюдать за дѣйствіями неприятеля. По заключеніи Кучукъ-Кайнарджикаго мира, Грейгъ получилъ орденъ Св. Анны первой степени и, въ началѣ мая 1775 года, наконецъ, возвратился съ своей эскадрой въ Кронштадтъ; при этомъ онъ исходатайствовалъ позволеніе прибыть въ Москву, гдѣ въ то время находилась императрица. Екатерина пожаловала его вице-адмираломъ и въ августѣ того-же года назначила главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Въ 1776 году Самуилъ Карловичъ состоялъ начальникомъ Балтійскаго флота и имѣлъ свой флагъ на кораблѣ „Ростиславъ“. Въ 1788 году Швеція начала противъ Россіи непріязненные дѣйствія; 6 іюля адмиралъ Грейгъ замѣтилъ неприятельскій флотъ на западной сторонѣ острова Гохланда и, устремивъ на генералъ-адмиральскій корабль, послѣ жестокаго сраженія, дивнагося съ двухъ часовъ пополудни до 10 часовъ вечера, овладѣвъ неприятельскимъ судномъ „Прицъ-Густавъ“. Шведы, отступивъ, оставили нашему флоту мѣсто сраженія. Однако, по причинѣ штля и наступившей темноты, и русскіе потеряли одинъ корабль, который былъ окруженъ четырьмя неприятельскими и уведены ими. Желая загладить эту неудачу, адмиралъ Грейгъ 25 іюля направился со своей эскадрой къ Свеаборгу и на слѣдующій день взялъ одинъ изъ стоявшихъ на рейдѣ шведскихъ кораблей — „Густавъ-Адольфъ“, а остальные суда вскорѣ заперъ въ Свеаборгъ. Однако ему не пришлось дожидаться результатовъ этой побѣды—15 октября 1788 года онъ скончался на своемъ адмиральскомъ кораблѣ „Ростиславъ“, послѣ тяжелой болѣзни. Тѣло Грейга погребено въ ревельской лютеранской киркѣ, въ Вышгородѣ. Императрица Екатерина искренно оплакала кончину достойнаго адмирала и воздвигла ему великолѣпную гробницу изъ бѣлаго мрамора.

П. Б.—овъ.

Постройка тоннеля на Новороссійской вѣтви Владикавказской ж. д. (Рис. на стр. 316 и 320).

Съ тѣхъ поръ какъ для проведенія тоннелей были изобрѣтены бурильныя машины, впервые примѣненные въ 1861 году инженеромъ Сомейлье при постройкѣ тоннеля черезъ Монъ-Сенись, и когда прежде употреблявшійся порошекъ для раздроб-

Новороссійская вѣтвь Владикавказской жел. дор. Входная выемка съ южной стороны Большаго тоннеля.
Съ фототр. Заборскаго, грав. Раппевскій.

ленія взрывами горныхъ породъ былъ замѣненъ динамитомъ, изобрѣтеннымъ Альфредомъ Нобелемъ въ 1867 году, взгляды на постройку тоннелей существенно измѣнились. Прежде проведение длинныхъ тоннелей представляло такія техническія трудности, что успѣхъ такихъ работъ представлялся лишь гадательнымъ; нынѣ проведение самыхъ длинныхъ тоннелей, при какой-бы то ни было твердости породы, составляетъ лишь вопросъ денегъ и времени, поддающійся притомъ довольно точному расчету.

Въ Россіи нѣтъ большихъ тоннелей, самый длинный въ настоящее время—Новороссійскій (651 саж.). Но въ настоящее время уже строится почти вдвое длиннѣе (1.858 саж.) Сурамскій тоннель (на Кавказѣ) и не подлежитъ сомнѣнію, что развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ потребуетъ въ скоромъ времени постройки еще болѣе длинныхъ тоннелей.

Въ виду сего описываемая нами постройка Новороссійскаго тоннеля представляетъ тотъ интересъ, что къ ней приобщены впервые въ Россіи всѣ тѣ усовершенствованные приспособленія и приемы, которые были выработаны въ послѣднее время при постройкѣ длиннѣйшихъ тоннелей Западной Европы.

Оконченная въ прошломъ году и открытая для движенія 25 іюня вѣтвь Владикавказской ж. дороги къ Новороссійскому порту, пересекая сѣверо-западную оконечность Кавказскаго горнаго хребта, потребовала при постройкѣ прорытія двухъ тоннелей, длиною въ 182 и 651 саж., изъ коихъ послѣдній находится въ 15 верстахъ отъ г. Новороссійска.

При сооруженіи этого тоннеля строителямъ пришлось рѣшить рядъ нелегкихъ практическихъ задачъ изъ области инженернаго искусства и преодолѣть не малыя техническія затрудненія.

Тоннель, представляя въ планѣ прямую въ среднѣй линію съ загибающимися въ противоположныя стороны концами, пролегаетъ, наклонно съ сѣвера на югъ, въ твердыхъ известковыхъ породахъ сѣраго известняка и мергеля, расположенныхъ пластами. Послѣдовательный ходъ работъ велся въ такомъ порядкѣ: сначала, по оси тоннеля, пробивалась нижняя штольня такихъ размѣровъ (1,2 саж. высоты и 1,5 саж. ширины), чтобы по продолженнымъ въ ней рельсамъ могли свободно двигаться вагончики для вывоза выломаннаго грунта и подвозки матеріаловъ для обдѣлки тоннеля; изъ нижней штольни, въ разстояніи отъ 15 до 30 саж. одна отъ другой, пробивались вертикальныя шахты, идущія въ видѣ колодцевъ вверхъ, до проектированной высоты свода тоннеля; а отсюда, изъ каждой шахты прокладывались съ обѣ стороны отдѣльныя штольни, которыя, встрѣчались съ такими-же штольнями сосѣднихъ шахтъ, образовывали одну общую „верхнюю штольню“. Разработка остальной части тоннеля между верхней и нижней штольнями производилась отдѣльными кольцами въ 3—4 саж. ширины, причемъ сначала разрабатывалось подводное пространство, а затѣмъ нижняя часть—отъ пяти свода до подошвы. Оконченное кольцо немедленно обдѣлывалось каменною кладкой.

При такомъ планѣ работъ, чѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе прокладывается нижняя штольня, тѣмъ большее количество

можно заложить шахтъ, вообще тѣмъ шире является возможность приложить къ дѣлу рабочую силу и развернуть фронтъ работъ.

Въ такомъ видѣ сооруженіе тоннеля начато въ ноябрѣ 1885 года—съ пробивки, одновременно съ обоеихъ концовъ, нижней штольни. Работы велись непрерывно днемъ и ночью, и сначала, до установки бурильныхъ машинъ, часть штольни была пробита ручнымъ способомъ, при которомъ подвигались впередъ не болѣе 0,50—0,80 саж. въ сутки; лишь съ установкою бурильныхъ машинъ Dubois-François, приводимыхъ въ движеніе сжатымъ воздухомъ, дѣло пошло успѣшнѣе, давалъ возможность проходить отъ 1,50 до 2 саж. въ сутки. Для дробленія взрывами горныхъ породъ употреблялся динамитъ, закладываемый въ буровыя скважины, общее количество котораго при постройкѣ Новороссійскаго тоннеля достигло 1,600 пуд., изъ коихъ 425 пуд. пошло на пробивку нижней штольни.

Особенныя затрудненія приходилось испытывать разработывавшимъ тоннель съ сѣвернаго конца. Такъ какъ тоннель—очень было сказано выше—имѣетъ общій наклонъ къ югу, т. е. по направленію работъ съ сѣверной стороны, то при пробитіи нижней штольни здѣсь пришлось вести упорную борьбу съ обильнымъ притокомъ грунтовой воды.

Другое серьезное и болѣе неожиданное препятствіе, встрѣтившееся въ этой-же части тоннеля при пробивкѣ штольни, явилось въ видѣ воспламеняющихся нефтяныхъ газовъ, начавшихъ обильно выделяться въ разстояніи 200 саж. отъ входа. Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, работы оныи были прекращены и стали продолжаться не ранѣе того, какъ найдено было средство обезвредить газы; съ этою цѣлію была устроена сильная вентиляция, уничтожившая обильнымъ притокомъ воздуха ихъ воспламеняемость.

Не смотря на всѣ эти препятствія, вызывавшія приостановку работъ (въ суммѣ до 5 мѣс. 19 дней), пробивка нижней штольни была окончена черезъ 15 мѣсяцевъ (съ ноября 1885 г.) и 11 февраля 1887 г. работники, шедшіе съ двухъ противоположныхъ концовъ, встрѣтились, уничтоживъ между собою послѣднюю каменную преграду.

Всѣ работы по сооруженію тоннеля, законченныя въ май 1888 г., продолжались около 2½ лѣтъ (съ ноября 1885 г.).

Тоннель построенъ на два пути, но такъ какъ въ настоящее время линія проведена лишь въ одинъ путь, то, во избѣжаніе непроизводительной затраты капитала, въ той части тоннеля, которая приходится подъ второй путь, осталось невынутымъ до 600 саж. грунта.

Въ виду особеннаго свойства мергеля, растрескивающегося на воздухъ и потому получившаго мѣстное названіе „трескуна“, весь тоннель обдѣланъ каменною кладкой, защищающей поверхность составляющихъ его горныхъ породъ отъ разрушительнаго дѣйствія атмосферы.

Стоимость сооруженія тоннеля вмѣстѣ съ порталами и со включеніемъ сюда суммы, оставленной въ запасъ на разработку тоннеля подъ второй путь, составила 1.170,000 руб., что составляетъ за погонную сажень 1,800 руб.

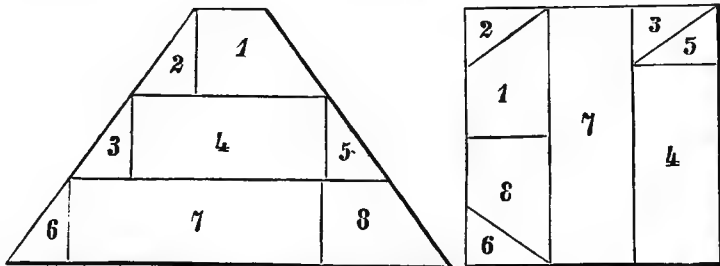
Политическое обозрѣніе.

Правительственный кризисъ въ Сербіи протекъ съ большимъ спокойствіемъ. На имя новаго короля Александра получается изъ всей страны масса заявленій вѣрнооподданническихъ чувствъ. Населеніе единодушно выражаетъ надежду, что подъ управленіемъ новаго короля, при помощи патриотовъ, ставшихъ во главѣ правительства, Сербія вступитъ на истинно-національный путь какъ во внутренней, такъ и во вѣншей политикѣ. 5 марта въ честь короля Александра отслужены во всей странѣ благодарственные молебны. На богослуженіи въ бѣградскомъ кафедральномъ соборѣ присутствовали король съ отцомъ, регенты, министры, дипломатическій корпусъ, государственные сановники. Митрополитъ привѣтствовалъ короля съ кафедрой торжественною рѣчью. Встрѣча отъ народа была восторженная. Городъ убранъ флагами. Послѣ полудня Миланъ принималъ корпусъ офицеровъ въ прощальной аудіенціи, причемъ супруги офицеровъ поднесли эскъ-королю роскошный вѣнокъ. Вечеромъ зажжена была иллюминація и устроено факельное шествіе. Передъ королевскимъ дворцомъ, куда, вслѣдъ за факельнымъ шествіемъ, масса стеклось населеніе, происходили оваціи въ честь юнаго короля. Бывшій король Миланъ, испросивъ предварительное разрѣшеніе сына и регентовъ, обратился къ бѣградскому населенію съ рѣчью, въ которой благодарилъ ихъ, какъ отецъ, за любовь и преданность королю Александру—ихъ и его государю. Городской голова вручилъ королю Александру вѣрнооподданническій адресъ отъ столицы, начертанный на пергаментѣ. Въ ночь послѣ этихъ событий эскъ-король Миланъ отправился въ Вѣну. На пути онъ останавливался въ Буда-Пештѣ, гдѣ былъ принятъ въ аудіенціи Австрійскимъ императоромъ. Изъ Вѣны Миланъ вернется черезъ нѣскольکو дней снова въ Бѣградъ, для окончанія своихъ частныхъ дѣлъ, и затѣмъ надолго уѣдетъ изъ Сербіи. Время вторичнаго отъѣзда

эскъ-короля ставить въ зависимость отъ побѣдки Алимія Васильевича въ Ялту къ королевѣ Наталіи. Будущее положеніе королевѣ Наталіи заинтересовываетъ многихъ. Извѣстіе о томъ, будто бывшій король Миланъ заключилъ съ регентами письменное условіе о недозволеніи королевѣ Наталіи возвратиться въ Сербію, невѣрно. Приѣздъ въ Сербію королевѣ не возбраняется, но Миланъ, основываясь на 72-й статьѣ сербской конституціи, представляющей ему исключительное право руководить воспитаніемъ сына, не допускаетъ, чтобы королева жила во дворцѣ при сынѣ. Регенты, желая смягчить это рѣшеніе Милана, убѣдили его посылать, по временамъ, сына на свиданія съ королевою-матерью. Мѣсто этихъ свиданій должно быть гдѣ-нибудь въ Сербіи, потому что Васильевичу поручено передать королевѣ Наталіи конію съ бѣградскаго распоряженія о допущеніи ея въ предѣлы королевства. Сама королева отвѣтствовала на совершившимся событіямъ съ христіанскою покорностью и будто бы высказалась, по словамъ *Neue Freie Presse*, такъ: „Миланъ причинилъ много несчастій и себѣ, и мнѣ. Я прощаю его и молю Бога, чтобы Онъ простилъ ему“.

Въ противоположность Сербіи, во Франціи все совершается съ шумомъ и гамомъ. Правительственное преслѣдованіе лиги патриотовъ сопровождается скандалами даже въ стѣнахъ палаты депутатовъ. Оффиціозы продолжаютъ поддерживать необходимость судебного преслѣдованія, но многіе высказываются противъ него—и даже *Paix*, органъ Елисейскаго дворца, осуждаетъ преслѣдованія какъ крупную ошибку. Газета эта, равно какъ и *Soleil*, говорятъ, что если лигеры будутъ оправданы, правительство потерпитъ неудачу; если же они будутъ приговорены, то ихъ будутъ считать политическими жертвами, такъ какъ французская публика преслѣдованій не любитъ. Притѣсненія принесутъ пользу только буланжизму.

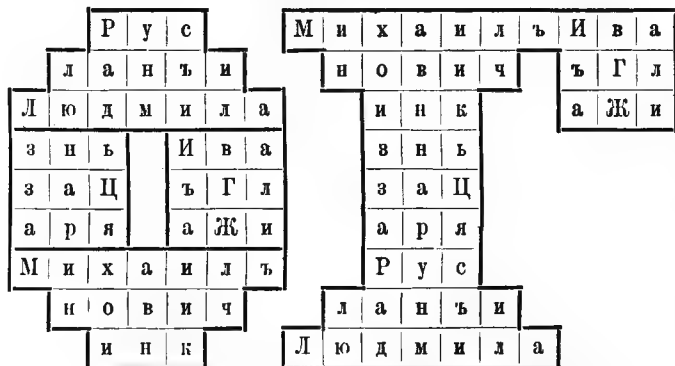
Рѣшеніе геометрической задачи № 10 (помѣщен. въ № 6).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Боронина, Розопъ, Самохваловой, Яремкевича, Янушкевича, Гласкова, Клыкова, Михель, Кратирахъ, Мосина—Двинянинова, Эйтинговъ, Александровскіе—Кащина, Богородскіе—Перова, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Буй—Никифорова, Бѣлая церковь—Аллера, Вильно—Братина, Варшава—Дорманъ, Динабургъ—Загера, Екатеринбургъ—Голдбергъ, Пыльевича, Киевъ—Шульженко, Козловъ—Тамбовской, Климиъ—Тиффиева, Кременчугъ—Добровенскаго, Добровицкаго, Коломна—Бережнова, Каменецъ-Подольскій—Чепѣги, Лебедянь—Чурилина, Малмыжъ—Касаткина, Минскъ—Ярмоловича, Мальковичи—Северукъ, Мѣманъ—Голутвина, Новогоріевскіе—Рюмина, Нарва—Яксь, Порховъ—Примакина, Павловскіе, Вор. г.—Протопоповой, Подольскіе—Зарѣцкаго, Пенза—Токаревой, Базаровой, Орлова, Рыпинъ—Цехана, Ермолаева, Разанцево—Санкова, Судога—Голубева, Старополь—Будыгина, Холмъ—К. А. К., Харьковъ—Штаммъ, Черниговъ—Лазарева, Карницкаго, Чудово—Андріанова, Шацки—Филимоновича, Софія—Кутинчева.

Рѣшеніе задачи бунвъ № 9 (помѣщенной въ № 6).

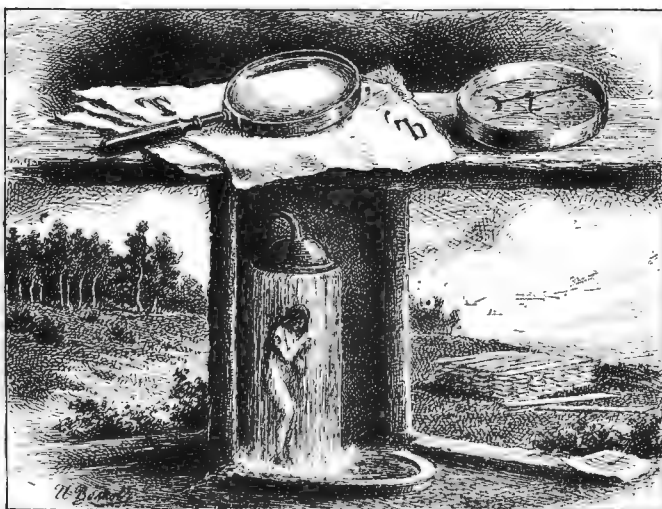
- 1) Вражья сила. 2) Цюрихъ. 3) Лимонъ. 4) Глава. 5) Лиза. 6) Низина. 7) Дни. 8) Ликъ и 9) Чума.

Михаилъ Ивановичъ Глинна. Жизнь за Царя. Русланъ и Людмила.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—М. Г. Косовецъ, М. М. Ицигсонъ, Ф. А. Боронина, А. А. Поспѣева, М. Мирманова, Москва—С. К. П. И. Ирошаникова, О. А. Гадль, Е. Скорпцовой, Бѣлгородъ—Ф. З. Мазуръ, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Варшава—В. Рышко, Владиванавъ—В. Преображенскаго, Гроайцы—А. Н. Чернявской, Николаевъ—С. Беклешевой, Порѣчье—В. Жилкина, Севастополь—Э. А., Царское Село—Петрова, Шацки—А. Тюменева, Ярославль—К. Н. Соколова, Юрьевецъ—А. А. Павловскаго.

Ребусъ. Задача № 21.

Геометрическая задача № 22.

Прямою линіею раздѣлить данную фигуру на двѣ части, изъ которыхъ требуется составить правильный пятиугольникъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.—же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Опасная игра. Повесть Н. Д. Акшарумова. (Окончаніе). — Паденіе камней съ неба. Ю. И. Симашко. (Окончаніе) (съ 6 рис.). — Къ рисункамъ: Сборъ гонимыхъ послѣ охоты (съ рис.). — Богиня воды (съ рис.). — Псковскіе стражники на Ливонской границѣ въ XV вѣкѣ (съ рис.). — Молодая дѣвушка первыхъ вѣтвѣ христіанства (съ рис.). — Всероссийская рыбопромышленная выставка въ СПб. (съ рис.). — С. Н. Грейтъ (съ портр.). — Постройка тоннеля на Новороссійской вѣтви Владимчанской ж. д. (съ 2 рис.). — Политическое озбрѣніе. — Задачи и рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4

(Экстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода специальная по 90 коп. Туалетный уксусъ по 60 коп. Уксусъ Виолетъ де-Паризъ по 75 коп.

ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

по 80 к. и 1 р. 60 к.

Искора Бреони | Женей Клубъ. | Виолетъ де-Паризъ. | Буне Императрисъ | Надура. | Бѣлая Роза. | Шампана | Ополонансъ.

ЛѢСНАЯ ВОДА ДЛЯ КУРЕНІЯ ПО 50 К.

приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Духи самаго высшаго качества по 1 руб.

Вѣдый Гелиотропъ.—Ландышъ.—Лила благов.—Эссъ Буке.—Эссъ Виолетъ.

НЕЗАМѢНЯЕМЫЙ БУКЕТЪ по 2 р.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 22. Рт. 3757
- 2) Невскій проспектъ, у Анчикова моста, № 68.
- 3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

НАВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни Вс. Соловьева. 11, 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ

Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращатся въ Контору журнала „Нива“, а также и въ всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцахъ.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жироанда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ РОССИИ СКЛАДЪ НАСТОЯЩИХЪ АНГЛІЙСКИХЪ РУЖЕЙ В. В. ГРИНЕРА

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 38.

Заводы въ Лондонѣ и Бирмингамѣ, издѣлія которыхъ премированы на большихъ международныхъ состязаніяхъ и на всѣхъ выставкахъ.

Отличительныя качества ружей этихъ: рѣзкость, кучность боя и прочность механизма. Цѣны фабричныя. Прейсъ-курантъ бесплатно. № 3724 3 3

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
 СПбурга, Невскій пр., № 52
 прот. Им. Публ. Библиотеки.
 Оптовая и розничн. продажа.
 Специалист хронометровъ.

Рекомендую золот. глухія мужскіе часы
 полухронометръ въ 120 р., которые не усту-
 пають въ вѣрности хода хронометра въ 350 р.

Ручательство на два года.

Пересылка на счетъ магазина. Полный из-
 люстрированный прейсъ-курантъ высылается
 по востребованію безплатно. № 3763

2-2 **НОВЫЙШЕ** Ц. № 3671

ДУХИ:
 № 4711
НАРЦИССЪ
 въ 3 р., 2 р. и 1 р. 50 к. за флаконъ.
 № 4711
ЛАНДЫШЪ
 зелен.-золотой армь въ 3 р., 2 р. 40 к.,
 1 р. 65 к. и 1 р. за флаконъ
 № 4711
VIOLETTES DE PARME
 въ 2 р. 40 к., 1 р. 60 к. и 1 р. 25 коп.
 за флаконъ. — При покупкѣ обращайте
 внимание на
 № 4711
 (фабричная марка утвержд. правитель-
 ствомъ), которая находится на каждомъ
 армьѣ, какъ отличительный знакъ.

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!
 Коллекція, избранная заведеніемъ изъ
 самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремо-
 тантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ,
 съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт.
 за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. Минскъ, губер-
 нское садовое заведеніе Н. Н. Голиневича.
 Наставленіе къ уходу и каталоги высла-
 ются по полученіи семкопечной марки.

ЗАКАНИЕ
 выдвигается въ заведеніи
РОБЕРТА ЭРНСТЪ, въ Берлинѣ,
 Potsdamerstrasse, 37. Проспектъ
 В. № 3651 безвозмездно. 18-3

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
 Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка).
 Требуется иллюстрированные каталоги *gratis*
 и *franco*.
 Иог. Захсъ и Ко.
 Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ
 Германіи. В. № 3734
 Берлинъ. Риттерштрассе. 88.

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЬ:
Усовершенствованныя
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
 съ 7-ю педалями, 24-ми струнами и при-
 соблещеніемъ для легкой и скорой на-
 стройки инструмента.
 Цѣна блѣд.-лакированныхъ . . . 8
 и темно-полированныхъ . . . 8 50
 Ноты въ ямъ: Альбомъ I и II по . . . 80
 Альбомъ III новый . . . 50
 За пересылку въ города предлагается за
 15 футовъ.
И. Ф. МЮЛДЕРЪ
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ
 безплатно.
 Заказъ исполняется аккуратно и не-
 медленно. Ц. № 3386 (13)

КНЯЖЕНА ОСТРОЖСКАЯ
 Вс. С. Соловьева.
 Историч. повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис.
 художника И. С. Панова. Изданіе III. Цѣна
 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ вѣлн. пе-
 ренл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Открыта подписка на историческую картину известнаго художника Н. Н. Каразина

КРУШЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ПОѢЗДА
17 октября 1888 года.

Моментъ, изображенный на картинѣ, являетъ собой Царскую семью, въ
 полной ея священной-благотворительной дѣятельности.

Картина печатается въ 22 краски въ графич. заведеніи Э. Маркуса и подъ наблюденіемъ Н. Н. Каразина. Подписка при-
 нимается въ С.-Петербургѣ у издателя Н. А. Разживина въ его магазинѣ бумагъ: Невскій пр., № 66, противъ Анничкина
 двorca, и въ Москвѣ, въ торг. домѣ Юрь и Мериллизъ, на Петровкѣ, по 3 р. за экземпляръ безъ пересылки; иногородные
 за пересылку прилагаютъ 1 руб. Казенныя учрежденія (черезъ казначеевъ), полковныя канцеляріи, волостныя управленія,
 казенныя учебныя заведенія, Вѣдомства Императрицы Маріи и всѣ части гимназій, а равно и народныя школы чрезъ
 своихъ начальниковъ, пользуются уступкою 20% съ рубля, въ Петербургѣ, у издателя. Въ отдѣльной продажѣ — цѣна кар-
 тины 6 руб. безъ пересылки. Желая доставить недорого гг. покупателямъ и рамы для картины, я заказалъ въ известной
 американской фабрикѣ Ч. Гофманъ 10.00 шт. разныхъ рамъ золочен. и черныхъ съ роскошн. рѣзьбой. Цѣна рамамъ для
 иногородныхъ въ С.-Петербургѣ 15 р. 50, 11 р. 50, 5 р. 50, 4 р. 50, 3 р. 50 и 2 р. 50. Означенныя цѣны рамъ съ на-
 клеюю картины на полотно и прирѣзанной къ подрамку. За укупорку и лишкѣ просить прилагать 1 р. 50 к. Отправка
 же почтою или чрезъ транспортную контору, какъ будетъ заложено заказчикомъ, посылается наложеннымъ платежемъ за
 счетъ покупателя. Выписывающіе раму за пересылку картины не платятъ, такъ какъ она будетъ вставлена уже въ раму.
 Городскихъ подписчиковъ проситъ заблаговременно заказать рамы, образцы которыхъ выставлены въ магазинѣ издателя,
 Н. А. Разживина, Невскій пр., № 66, противъ Анничкина двorca. (Скидка 20% дѣлается только съ картинъ).

Изданіе картины разрѣшено г. министромъ Императорскаго Двора. № 3762

ВРАЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для дѣтей обоюго пола, нервныхъ, неуправляющихъ и съ недостатками въ душевн. разв.
 Курсы реальныхъ училищъ и земледѣл. Мин. Гос. Им. Практически сельск. хоз.,
 садоводство и ремесла. Языки и музыка. Духонѣмныя и занкающ. обучаются правильно
 говорить. С.Пб. Полуостровъ, Александровская ул., д. 15.
 № 3759
 Врачъ-учредитель Ив. Малаевскій

А. РАДЛЕ и Ко ПРЯМЫЕ ПОСТАВКИ **ВЪ МОСКВѢ.**

Мыло лаполиновое. Пудра вѣлут.-цвѣт.
 Вода туалетная (особ.). Мыло гераній-роза.
 Одеколонъ тройной. Мыло лимонно-глицер.
 Укусъ цвѣточный. Духи московскіе.
 Вода сосновая. Мыло для мытья головы.
 Кольдъ-кремъ violette. Мыла санитарныя.
 Ц. № 3764

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
 Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

Идется
 въ содѣл. каждой бутылки аналитическое розскае выдѣленіе нечистотъ.
 Штурма въ прилѣтъ обмолоченныя орты и цѣны съ посылк.

ШТУРМА УКУСЪ
 НАТУРАЛЬНЫМЪ
 ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
 ВЪ СЪВѢРЪ-ЕВРОПЕЙСКИХЪ
 ЧИСТАГО ВКУСА И ЗАПАХА.

Вырабатываю
 только натураль-
 ный укусъ окалиевый
 (при помощи атмосфернаго воздуха) въ
 чистотѣ, Солода и Высокороднаго тмл.

Складъ: Невск.-
 98/1, по Надеж-
 двск., мар. 26.

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,
 заботившаяся удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ и на Аеонъ,
 для Православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать
 за проѣздъ:
 I. До Яффы и обратно:

	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и Пкл. на парох.		III классъ.	
	Съ про- дов. на пароходѣ.	Безъ про- дов. на пароходѣ.	Съ про- дов. на пароходѣ.	Безъ про- дов. на пароходѣ.	Съ про- дов. на пароходѣ.	Безъ про- дов. на пароходѣ.	Съ про- дов. на пароходѣ.	Безъ про- дов. на пароходѣ.
Отъ СПбурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	Руб. —	Руб. —	Руб. —	Руб. —	Руб. 183	Руб. 126	Руб. 62	Коп. 50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу	305	230	215	160	172	115	46	50
Отъ Кіева чрезъ Одессу	250	170	175	120	158	101	33	—
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38	—
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47	—

II. До Афона и обратно:
 Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . . 45 р.
 Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ 32 р.
 Отъ Одессы въ III классѣ 22 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:
 Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея В. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежнй пер., 7.
 Въ Тронце-Сергіевской лаврѣ: у о. Агапита, въ Новой гостиницѣ.
 Въ Москвѣ: у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.
 Въ Невѣ: у преосвященнаго Іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. Іерономахъ Аванасія, въ Лаврской гостиницѣ.
 Въ Воронежѣ: у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.
 Въ Перми—у Аркадія Александровича Малахова.
 Въ Казани: у В. И. Заусайлова, въ своемъ домѣ. № 3738 3-2
 Въ Одессѣ: у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.
 Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.
 Для желающихъ получить билетъ 3-го класса, только на проѣздъ моремъ, «Русское Общество Пароходства и Торговли», по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, до Яффы и обратно, отъ Одессы или Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

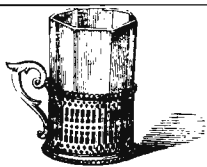
LENNINGEY и GOSNIGY
 имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
 ютъ черную краску, которую печатается
 иллюстрированный журналъ «Нива» № 2406

CORSETS
 LEOTY
 adoptés
 par le
 High-Life pa-
 risien.
 8. Place de la
 Madeleine, Paris.

МОЛЬДАКОТЪ
 Усовершенствованная английская карма-
 ная двухшпунтовая швейная машина СЪ КО-
 ЛЕСОМЪ и автоматически выдвасаю-
 щимся челнокомъ.
 Самое полезное изобрѣтеніе нашего сто-
 лѣтія. «Мольдакотъ» съ колесомъ не усту-
 паетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она
 шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ са-
 мый тонкій, такъ и самый толстый матеріи,
 равно какъ и кожу. «Мольдакотъ» съ коле-
 сомъ доступна всемъ массамъ, самая
 удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холо-
 стымъ и военнымъ, легка для дѣтей, при-
 годна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ частъ на-
 учиться свободно на ней шить посредствомъ
 прилагаемаго къ ней руководства. Въсѣмъ
 она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ
 полиров. орѣ, щикъ 11 р. 20 к., пересылка
 на 75 к. Въ Азіатскую Россію за 3 фунт.
 Главныя склады въ Москвѣ, въ исче-
 бумажномъ магазинѣ «Полиграфъ», Мас-
 ницкая, д. Ермаковыхъ. № 3708

Имѣю честь увѣдомить С.-Петербургскіе
 клубки, что во всѣхъ магазинахъ **ЧЕРЕН-
 НИКОВА** получаютъ въ Пасхѣ

ТАМБОВСКІЕ
ОКОРОКА
 при отовленіи Василія Степановича Митро-
 усова въ Тамбовѣ. № 3737

ФАБРИКА МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., домъ № 36.
Рекомендуетъ огромный выборъ новѣй-
шихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей,
подражающихъ серебру. Гг. иногороднымъ
высылаются иллюстрированные каталоги, по
требованію, бесплатно. № 3753 3-1

ЧОКРАКСКОЕ

граде-лечебное заведеніе въ Крыму, при озерѣ
Чокракъ. За 4 марки 7 коп. высылаются бро-
шюра. Адресовать заказнымъ Д-ру Добро-
вольскому. № 3755 4-1

ШОКОЛАДЪ
ТОВАРИЩЕСТВО
А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЪ
ВЪ МОСКВѢ.
С. № 3758
3-1

продается
во всѣхъ городахъ
РОССІИ

Г. БАРАНОВЪ и К^о.

Москва, уголъ Петровки и Столешни-
кова пер., д. Рожнова.
Рекомендуемъ дешевую столовую и чай-
ную посуду (сервизы), а также желѣзную
эмалированную кухонную и столовую. Ме-
таллическія кровати съ пружинными матра-
цами и перинами на гривѣ отъ 17 р. Му-
сорные и цинковые умывальники, ванны,
кюветы, купальные души, буквою и садо-
вую мебель по фабричнымъ цѣнамъ и во-
обще принадлежностей домашняго хозяйства.
Отправка во всѣ города Россіи и на всѣ
станціи желѣзныхъ дорогъ. № 3751 3-1

ВЕЛОСИПЕДЫ АНГЛІЙСКІЕ

2-хъ и 3-хъ-колесные
по умѣреннымъ цѣ-
намъ. Больше 50 штукъ
разныхъ конструкций
на складѣ. Высылаются
прейсъ-курантъ. От-
дѣльные части и при-
надлежности. Г. ЖЕМ-
ЛИЧНО, въ Москвѣ,
Старый Газетный пер., д. Толмачевой.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ

2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи
Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-куранты бесплатно, также бро-
шюра виконта Барри: „О велосипедахъ и
велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (11)

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ
Большой изящный салонный
органъ, на которомъ можно испол-
нить посредствомъ карто-
нныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя
увертюры, большія понурри, са-
лонныя пьесы, русскія пѣсни и
всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ
играетъ отчетливо, чрезвычай-
но полнымъ и приятнымъ то-
номъ, имѣетъ двойные голоса и
приспособленъ для игры forte и
piano. Этотъ инструментъ реко-
мендуется отлично для семей-
ныхъ баловъ, вечеринокъ, для
клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пье-
сами 80 руб. Добавочныя пьесы
по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и до-
роже. Къ инструменту прилага-
ются 10 пьесъ по 1 р. 20 к.
Пересылка за 85 фунт. Списокъ
пьесъ для Оркестра-Манопана,
а также новѣйшій иллюстриро-
ванный прейсъ-курантъ всѣмъ
инструментамъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. — Москва, Кузнецкій м., домъ Торлецкаго.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ЮЛІЙ ФЛОРАНЪ

(основап. въ 1849 г.)
18, Большая Морская, 18.
ДЛЯ ОТКРЫТІЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА
послѣднія модели Парижа и Лондона
ВЕРХНЯГО ДАМСКАГО ПЛАТЯ
Жанетъ, Визитъ, Пальто, Ротондъ, Ватерпруфъ.
Громадный выборъ Шляпъ и Головныхъ уборовъ
НОВѢЙШИХЪ ФАСОНОВЪ. Р. № 3756

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ

Предлагаетъ: сѣялки, жейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умѣренныя.
Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. № 3719 12-2

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ
требовать
Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ, и во всѣхъ аптекахъ Россіи.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ въ Гогенгеймѣ. D. № 3698 2-2

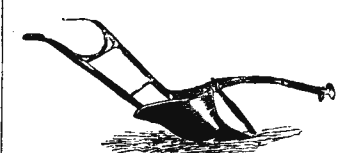
Лѣтній курсъ начинается во вторникъ, 2-го Апрѣля с. г. Программы и списки
лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію бесплатно
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ въ Мартѣ мѣс. 1889 г. Vossler.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
держащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптеки или Космет. магазинъ, но не менѣе
двухъ флаконовъ.
Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона, — пров. Кинуненъ. (58) № 2946

КОНТОРЫ МЕХАНИЧ. ЗАВОДА

БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, 10.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.
предлагаютъ въ большомъ выборѣ: плуги, бо-
роны, сѣялки, жейки, косилки, молотилки, вѣ-
ялки, мельницы, маслобойки, насосы, пожар-
ныя и садовыя трубы и пр., и между прочимъ
новѣйшій плугъ Товарищества Б. и У.
№ 3680 „КОЛОНИСТЪ“ 5-5
построенный весьма солидно и прочно и
снабженъ всѣми улучшеніями лаужной тех-
ники, марки GA по 8 р. 50 к., SA — 10 руб.
Улучшен. ручную сѣялку ЧАМПИОНЪ и
различающ. всякія сѣялки равноудруче и
быстрые, чѣмъ это возможно рукою. Ц. 12 р.
Иллюстр. каталогъ по востребованію.

ВАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

въ инваров. опра-
въ 5 и 6 р. 50 к., пе-
ресылка за 2 фунт.
Больш. чувствит.
хорошо вывѣрены.
въ полир. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р.
Тоже съ термом. отъ 13 до 22 р.
Карманн. баром. и для измѣр. высоту отъ
12 до 50 руб. № 3745 2-2

Е. КРАУСЪ и К^о.

Фабрика оптическихъ инструментовъ
Парижъ, Aven. d. l. Républic. 4.
ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ. Мойка, № 40.
Иллюстр. прейсъ-кур. высылаются бесплатно.

СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКІХЪ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
ПОЛНОМЪ
АППАРАТЪ
отъ
10. 15. 20 рр.
К. И. ФРЕЛАНДЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСК. ПРОСП.
№ 30/16.

Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти,
могутъ безъ посторонней помощи и знанія
дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фото-
графическіе портреты. Новый прейсъ-кур-
антъ бесплатно. Самоучитель фотографіи
съ прейсъ-курантомъ 50 коп.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Судитъ подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе вымырныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3716
Также нужны вѣрныя съ настоя-
щимъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-
означенному адресу.

ПИТОМНИКЪ РОХЕЛЯ

въ С.-Петербургѣ, уголъ Лабораторн.
шоссе и Полустровск. просп.
высылаютъ бесплатно иллюстр. катало-
гъ плодовыхъ и дендративныхъ де-
ревьевъ, ягодныхъ кустарниковъ, кра-
тегуса для изгородей, розъ, много-
лѣтнихъ раст. и пр., съ краткимъ
объясненіемъ ихъ культуры.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

г. XX

№ 13

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдать 25 марта 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарейль (1/2 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.,
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

Безъдост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для многородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

На гору. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И Кравченко, грав. Ольшевскій.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ М. В. Крестовской.

I.

Еслибъ у Федора Густавовича и Юліи Андреевны Таненбаумъ спросить зачѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ они поженились—обоимъ имъ было-бы крайне трудно отвѣтить на этотъ вопросъ теперь. Въ сущности они вовсе не подходили другъ къ другу и, зная это, даже и не старались обманывать себя или одинъ другаго насчетъ своихъ отношеній. Начать съ того, что Федоръ Густавовичъ былъ нѣмецъ, и нѣмецъ чистокровный—не только по фамилии, но и по вѣроисповѣданію, по складу привычекъ и характера, по воспитанію, по убѣжденіямъ и даже по физиономіи. Онъ былъ патриотъ и по влеченію, и по принципу, и очень любилъ свою Германію, хотя родился и воспитался въ Россіи. Юлія Андреевна была русская, и если не отличалась особенною любовью къ отечеству и ко всему русскому, чувствуя себя въ этомъ отношеніи болѣе космополиткой, то и нѣмцевъ терпѣть не могла, и даже относилась со скептическимъ предубѣжденіемъ ко всей „нѣмечинѣ“.

Одно это уже служило источникомъ многихъ пререканій и несогласій между супругами. Они прожили другъ съ другомъ почти 20 лѣтъ, но это не сблизило ихъ и ни одного изъ нихъ не заставило болѣе симпатизировать націи другаго, напротивъ—долгое сожителство скорѣй еще обострило ихъ отношенія. Всѣ тѣ свойства жены, которыя Федору Густавовичу особенно въ ней не нравились, онъ приписывалъ какъ-бы исключительно ея русскому происхожденію и воспитанію, и когда между супругами происходили ссоры, Федоръ Густавовичъ всегда старался кольнуть этимъ Юлію Андреевну, говоря съ особенною ѣдкостью:

— О, на это только русскіе способны!

Чѣмъ всегда выводилъ ее изъ себя, задѣвая ея самолюбіе и внезапно приливавшій къ ней въ эти мгновенія патриотизмъ.

Федоръ Густавовичъ находилъ Юлію Андреевну женщиной черствою, пустою и расточительною.

Юлія Андреевна находила Федора Густавовича пошлымъ, глупымъ, скупымъ и, главное, ужасно вульгарнымъ. Все въ немъ, начиная съ его привычекъ, манеръ, выраженій, нѣмецкаго выговора и кончая его большими неуклюжими ногами и толстымъ, тупымъ, чисто нѣмецкимъ носомъ на полномъ красномъ лицѣ съ маленькими рыжими баками—шокировало и возмущало ее, и она говорила про него: „Ахъ, нѣмецъ!“ тономъ такого глубокаго презрѣнія, какъ будто всѣ самые оскорбительные эпитеты заключались въ одномъ этомъ словѣ.

Но двадцать лѣтъ тому назадъ они какъ-то больше подходили одинъ къ другому.

Федоръ Густавовичъ былъ тогда еще молодымъ человекомъ, нѣсколько сентиментальнымъ и влюбчивымъ; Юлія Андреевна была очень хорошенькая, бойкая дѣвушка, чрезвычайно желавшая выйти замужъ. Федоръ Густавовичъ служилъ въ одной частной конторѣ, былъ на прекрасномъ счету у директоровъ и получалъ 2,000 руб. жалованья въ годъ. За Юліей Андреевной давали 20,000, которыхъ не было у Федора Густавовича и которыя казались ему, по его скромному тогдашнему положенію, совсѣмъ не дурною придачей къ хорошенькому личику нареченной. Они давали ему возможность пустить ихъ въ оборотъ и начать какое-нибудь „свое“ дѣло. Къ тому-же, крестный отецъ Юліи Андреевны былъ однимъ изъ главныхъ акціонеровъ той компаніи, гдѣ служилъ Федоръ Густавовичъ. Это тоже что-нибудь да значило. Они объяснились и поженились очень просто, какъ женятся тысячи людей, безъ особенно пламенной любви съ его стороны, но и безъ отвращенія съ ея стороны.

Это прошлое отошло уже очень далеко—и Юлія Андреевна, совсѣмъ не любившая вспоминать о немъ, почти не вѣрила теперь, чтобы могло быть такое время, когда она, Юлія Андреевна Таненбаумъ, могла бы находить Федора Густавовича подходящимъ для себя мужемъ. Теперь этотъ бракъ казался ей несчастною случайностью, глупою поспѣшностью; она сердилась и на себя, за то что приняла его предложеніе, и на него, за то что онъ смѣлъ жениться на ней. Если-бы не приличія и не огромное богатство Федора Густавовича, которое онъ нажилъ начавъ съ ея мизерныхъ двадцати тысячъ, она-бы давно уже разошлась съ нимъ. Послѣднее обстоятельство все-же нѣсколько примиряло ее съ нимъ.

Въ сущности они оба слегка побаивались другъ друга: Федоръ Густавовичъ—потому, что въ случаѣ полного разрыва она могла ему сильно напортить во многихъ домахъ, а также и потому, что вообще боялся домашнихъ сценъ, крика и шума неизбежныхъ при семейныхъ ссорахъ, въ которыхъ женщина всегда сильна; Юлія-же Андреевна—потому, что въ случаѣ серьезной ссоры, Федоръ Густавовичъ могъ прекратить ей выдачу ежемѣсячной суммы на булавки, которую даже она находила довольно крупною, и отказаться отъ уплаты по безконечнымъ счетамъ разныхъ ея портнихъ, модистокъ, магазиновъ и проч. Но ни тотъ, ни другая не желали сознаться въ этомъ даже себѣ, и каждый изъ нихъ усвоилъ себѣ по отношенію другаго особый тонъ: она—легкой насмѣшки, онъ—добродушнаго презрѣнія и полнаго хладнокровія.

Впрочемъ, былъ одинъ общій пунктъ въ ихъ жизни, на которомъ они не только сходились во взглядахъ и желаніяхъ, но и отдавали полную справедливость другъ другу. Они оба дружно работали и стремились къ одной и той-же цѣли—разбогатѣть и, поднявъ значеніе своего дома и фамилии Таненбаумъ, выйти въ люди. Они охотно и умно помогали въ этомъ одинъ другому. Юлія Андреевна даже сознавалась, что въ этомъ отношеніи Федоръ Густавовичъ—мужъ очень удобный и подходящий, хотя бы ужъ по одному тому, что раздѣлялъ ея желанія и цѣли и не жалѣлъ денегъ для достиженія ихъ.

Федоръ Густавовичъ, въ свою очередь, понималъ, что жена во многомъ помогла ему и, такъ сказать, подала ему ключъ отъ многихъ дверей, безъ которыхъ его величіе было-бы не только неполнымъ, но и лишеннымъ вліятельныхъ протекцій и связей, причемъ его финансовыя предпріятія удавались-бы пожалуй далеко не такъ блестяще. Вообще Юлія Андреевна умѣла придать всему его дому какой-то особенный траіп, къ которому онъ чувствовалъ большую слабость. А потому Федоръ Густавовичъ не только мирился со всѣми недостатками своей жены, но въ душѣ даже отчасти гордился ею, какъ блестящею и элегантною представительницею его дома и фирмы. Еслибы кто-нибудь заставилъ Юлію Андреевну откровенно сознаться въ ея самомъ горячемъ желаніи—она отвѣтила-бы: „нравиться и блистать!“ Это было даже болѣе чѣмъ простое желаніе: это было ея девизомъ, цѣлю и главною сущію жизни. Первое, благодаря ея красивой наружности, всегда ей болѣе или менѣе удавалось, но второе стало возможнымъ лишь въ послѣдніе годы, когда Федору Густавовичу вдругъ повезло въ разныхъ его финансовыхъ оборотахъ и операціяхъ, и онъ началъ быстро богатѣть.

Съ этого времени, тамъ гдѣ не хватало однихъ денегъ Федора Густавовича—дополняли тактъ и энергія Юліи Андреевны; гдѣ мало было одного ея такту и энергіи—помогали деньги Федора Густавовича, которыя онъ въ

такихъ случаяхъ не скупился выбрасывать, со щедростью разбогатѣвшаго выскочки, желающаго пустить пыль въ глаза свѣту, куда его не пускали такъ долго и гдѣ на него до сихъ поръ глядѣли все еще со снисходительнымъ презрѣніемъ. Съ каждымъ годомъ, вечера даваемые Таненбаумами становились все многлюднѣе, оживленнѣе и такъ сказать значительнѣе. Съ каждымъ годомъ на нихъ улучшались и общество, и ужины. Приемныя залы и гостинныя все роскошнѣе украшались дорогими картинами, рѣдкими коврами, вазами и растеніями, смѣнявшимися постепенно прежнюю вульгарную, кричавшую позолоту и рыночную мебель. Вокругъ Таненбаумовъ группировался теперь даже собственный кружокъ денежной аристократіи, въ которомъ уже нерѣдко попадались лестные и пріятные для хозяйскаго уха титулы: *madame la baronne*, *madame la comtesse* и т. п.

Словомъ, Юлія Андреевна наконецъ вращалась въ избранномъ обществѣ, была представительницей богатаго дома, имѣла великолѣпныхъ лошадей и брилліанты, выписывала платья изъ Парижа, за ней ухаживали разные тузы и многія „аристократки“ очень любезно улыбались ей изъ своихъ ложъ и закидывали къ ней время отъ времени свои изящныя визитныя карточки, украшенныя графскою короной. Ея вечера и туалеты не разъ описывались въ газетахъ, и входя порой въ свою абонированную ложу бель-этажа итальянской оперы, въ роскошномъ туалетѣ, который уже самъ по себѣ дѣлалъ изъ нея почти красавицу, и чувствуя какъ при ея появленіи на нее обращались завистливые взгляды женщинъ и восхищенные мужчинъ—Юлія Андреевна не могла удержаться отъ ликующей улыбки удовлетвореннаго тщеславія. Наконецъ-то она добралась до вершины той горы, которая когда-то казалась ей недосягаемой! Она чувствовала себя счастливою, торжествующею и возвышающею надъ всей этой жалкой толпой, которая сидитъ въ театрѣ въ заднихъ рядахъ кресель и таскается на извозчикахъ. Съ эластичныхъ подушекъ своей коляски на резиновыхъ шинахъ она кидала гордый взглядъ и презрительную улыбку на всю эту ничтожную *улицу*. Когда-то и она бѣгала пѣшкомъ въ грязныхъ резиновыхъ калошахъ и дешевой шубѣ, пробиралась въ уличной толпѣ и останавливаясь предъ освѣщенными витринами разныхъ магазиновъ, прельщавшихъ ее своими пестрыми товарами,—смотрѣла и на нихъ и на несущіеся мимо экипажи съ безсильной завистью и страстнымъ желаніемъ. Тогда она была просто Юлинка Ивина, дочка не крупнаго чиновника, скопившаго ей маленькое приданое только благодаря своей чрезмѣрной скупости, изъ-за которой и жена, и дочь его принуждены были жить почти по-нищенски. Тогда она обрадовалась какъ счастью даже этому ужасному для нея теперь Федору Густавовичу, первому кто сдѣлалъ ей предложеніе. Но теперь время это отошло уже такъ далеко, что объ немъ забыли не только другіе, но и сама Юлія Андреевна. Теперь, если на ея блестящее положеніе и падала нѣсколько сомнительная тѣнь, то виной этому былъ самъ ея мужъ, походившій болѣе на лавочника чѣмъ на аристократа. Какъ ни билась надъ нимъ долгіе годы Юлія Андреевна—такъ и не могла отшлифовать его хотя-бы настолько, чтобы не краснѣть за него предъ обществомъ. Ее-же время и общество такъ выработали, что, когда она входила въ гостиную, стройная и изящная, или садилась въ свою карету подсаживаемая ливрейнымъ лакеемъ, ее безусловно можно было принять за кровную аристократку съ прекраснымъ, благороднымъ лицомъ и безукоризненными манерами. Лѣта Юліи Андреевны подошли теперь какъ разъ къ тому возрасту, когда въ свѣтѣ объ нихъ начинаютъ любезно умалчивать и забывать, если женщина сама по себѣ еще красива и интересна. А Юлія Андреевна безспорно была и красива, и очень интересна,

не смотря на то, что ей шель уже 38-й годъ. На видъ ей можно было дать скорѣй десятью годами меньше, чѣмъ двумя больше. Въ свѣтѣ она была извѣстна болѣе подъ именемъ *Julie Таненбаумъ*, и это имя, хорошенькое и граціозное, очень шло къ ея молодежавой фигурѣ и уже само по себѣ какъ-бы молодило ее. Одѣвалась она всегда прелестно и мастерски умѣла пользоваться всѣми данными имѣвшимися у нея въ распоряженіи. А такъ какъ въ томъ обществѣ, которое она называла „свѣтомъ“, Таненбаумы начали появляться довольно поздно и не успѣли еще слишкомъ примелькаться въ немъ,—то, не зная навѣрное ея лѣтъ, всѣ давали ей гораздо меньше чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Говорили, что ей нѣтъ даже тридцати. Юлія Андреевна, зная это, конечно предпочитала оставлять всѣхъ на этотъ счетъ въ пріятномъ недоразумѣніи.

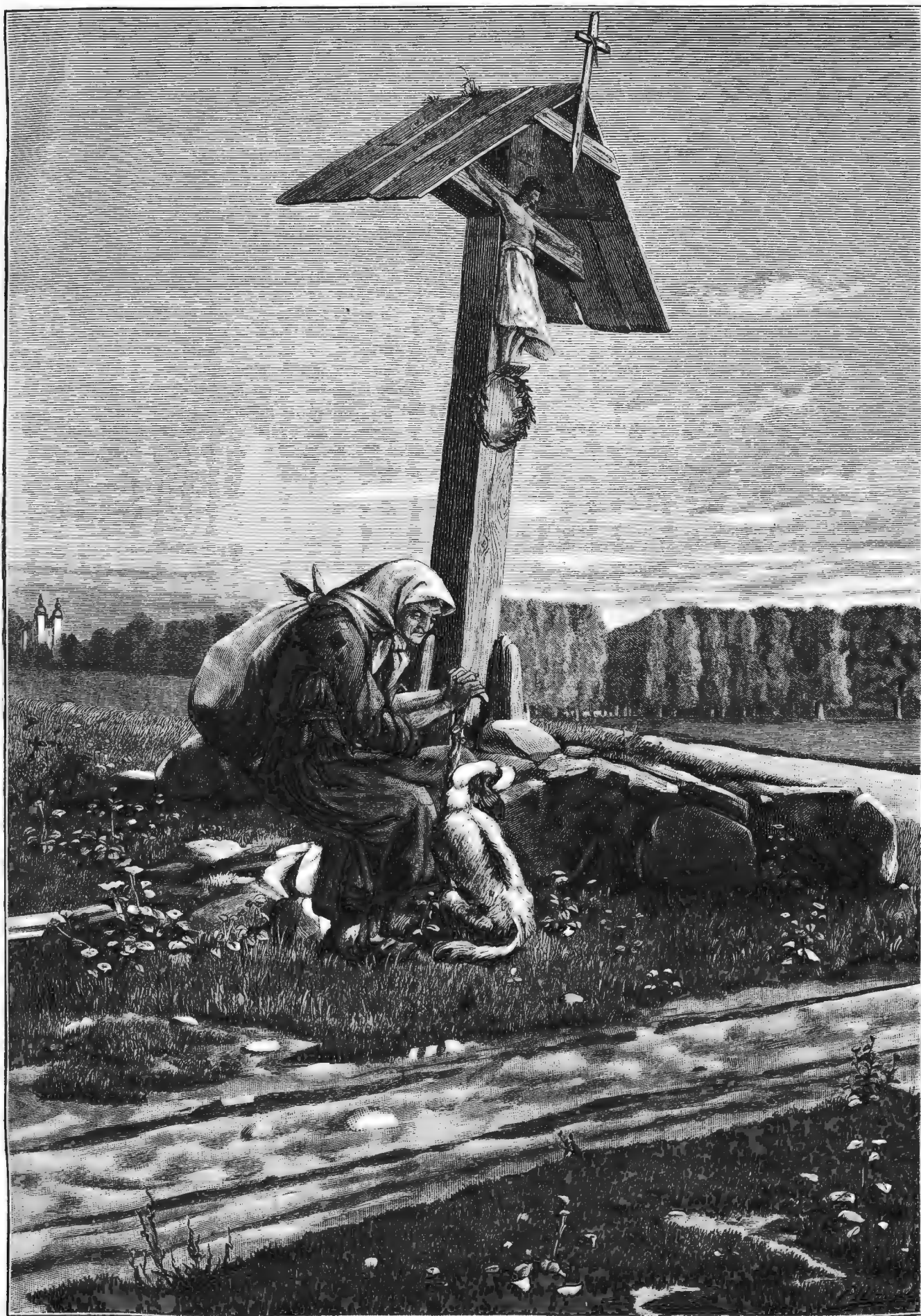
Но въ послѣднее время маленькій подлогъ этотъ сталъ все больше и больше беспокоить ее. Еще никогда, за всю жизнь свою, Юлія Андреевна не имѣла столько успѣха и поклонниковъ какъ теперь, а она любила и ухаживанія, и успѣхъ, и свою красоту, и лишиться всего этого, почему-бы то ни было, ей очень не хотѣлось. Имѣть взрослую дочь—для такой женщины—фактъ не всегда пріятный. А для Юліи Андреевны онъ былъ тѣмъ непріятнѣе, что объ немъ почти никто не зналъ. Она не спѣшила его рассказывать, откладывая эту необходимость до рѣшительной минуты, и это удавалось ей тѣмъ болѣе, что дѣвочка воспитывалась въ московскомъ институтѣ, а праздники и каникулы проводила большей частью въ Москвѣ-же, у своей тетки, родной сестры Федора Густавовича. Прошлою весной Софія окончила курсъ и уѣхала на лѣто къ теткѣ въ деревню, но было рѣшено, что осенью она вернется въ родительскій домъ и останется жить уже въ Петербургѣ, такъ какъ *Tante Luise*,—которую, сказать къ слову, Юлія Андреевна терпѣть не могла, какъ и вообще всю родню мужа,—находила, что молодой дѣвушкѣ настала теперь пора выѣзжать въ свѣтъ, чего *Tante Luise* не могла доставить ей, на свои очень ограниченныя средства, въ такихъ размѣрахъ какъ могли это дѣлать Таненбаумы. Юлія Андреевна не протестовала, конечно, находя подобный протестъ неловкимъ, неприличнымъ и даже бесполезнымъ для себя, тѣмъ болѣе что Федоръ Густавовичъ давно уже желалъ взять дочь къ себѣ и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ пытался перевести ее въ одинъ изъ петербургскихъ институтовъ; но тогда противъ этого возстали и *Tante Luise*, очень любившая племянницу, которая замѣняла ей умершую дочь, и сама Юлія Андреевна, не видѣвшая въ томъ никакой необходимости. Теперь-же необходимость явилась. Взрослой дочери супруговъ Таненбаумъ не подобало жить въ чужомъ домѣ, когда у нея имѣлся собственный, и волей-неволей Юліи Андреевнѣ приходилось покориться, взять дочь къ себѣ и вывезти ее, тогда какъ въ душѣ Юлія Андреевна именно этого-то и не хотѣла.

И вотъ все очарованіе ея молодости и красоты разомъ исчезнетъ, какъ только подлѣ нея увидятъ восемнадцатилѣтнюю дочь! Женщина у которой такая большаа дочь—не считается уже молодою; эта дочь только вредитъ выгодному впечатлѣнію производимому ея матерью, являясь какъ-бы неоспоримою, документальною уликой истинныхъ лѣтъ, и невольно отрицаетъ кажущуюся молодость и красоту ея. Юлія Андреевна прекрасно это сознавала и заранѣе уже мучилась, предчувствуя, какъ всѣ ея милыя пріятельницы, въ душѣ всегда ей завидовавшія и злившіяся за отбитыхъ поклонниковъ, первыя закричатъ, что она, Юлія Андреевна Таненбаумъ, страшно молодится, что ея дочери уже 20 лѣтъ, а ей самой по крайней мѣрѣ 40, если не больше еще,—и будутъ злобно подсмѣиваться за ея спиной, сосредоточивая на ней весь ядъ своего злобнаго остроумія, когда увидятъ ея пораженіе и разочарованіе всѣхъ

Рускіе типы. Крестьянка Новгородской губерні, Старорусскаго уѣзда.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Томашевича, грав. Шюблеръ.

На Литвѣ. Подъ сѣнію креста. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шюблеръ.

ей поклонниковъ. А говоря съ ней—будутъ обращаться къ ней съ тою милою, любезною колкостью, которая одна уже будетъ дѣлать ее смѣшной и старой. Смѣшной и старой! въ самый разгаръ ея жизни! Когда она такъ хочетъ жить, наслаждаться, блистать, хочетъ чувствовать себя молодою, красивою и сильною! И въ этотъ моментъ ей приходится уступить дорогу другой, а себѣ сказать: „довольно съ тебя, ты ужь пожила!“ И жизнь станетъ такой пустою, безцвѣтною, безсодержательною... Она предчувствовала заранѣе, что не будетъ въ состояніи обходиться безъ этого угара жизни, съ еиміамомъ лести, комплиментовъ и поклоненія! Добиться всего этого съ такимъ трудомъ—и уступить все дѣвчонкѣ! Теперь Юлія Андреевна сердилась на себя, зачѣмъ она такъ тщательно скрывала всегда существованіе своей старшей дочери. Для многихъ ея появленіе будетъ полнымъ сюрпризомъ, и тѣмъ комичнѣе будетъ скандалъ. Чтò значить вывозить? Это значить таскать дѣвушку всюду за собой: и на вечера, и въ театръ, и на прогулку; то есть все равно что наклеить себѣ на лобъ свое метрическое свидѣтельство! Даже и то было-бы лучше, по крайней мѣрѣ тогда-бы знали всѣ, что ей 38 лѣтъ, а теперь прокричатъ, что ей и всѣ 45! И уже ничто не предотвратитъ этого злополучнаго событія, за Софи уже уѣхала Miss Morrison и сегодня утромъ онѣ пріѣдутъ въ Петербургъ съ почтовымъ поѣздомъ.

И Юлія Андреевна, какъ опытный, но страстный полководецъ, горѣла нетерпѣніемъ дать скорѣе рѣшительное сраженіе своей дочери. Если ужь ничто не можетъ предотвратить ея появленія, то пусть оно совершится скорѣй, пускай всѣ увидятъ ее! Она познакомитъ съ дочерью свѣтъ—но не исподволь, не постепенно, а разомъ. Она не хочетъ каждый день выслушивать отъ разныхъ новыхъ лицъ одни и тѣ же удивленные вопросы съ насмѣшливыми взглядами и улыбками. Нѣтъ, она воспользуется предлогомъ возвращенія Софи, дастъ балъ, первый еще у нихъ въ этомъ сезонѣ, и покажетъ всѣмъ сразу свою большую дочь. И Юлія Андреевна тщательно готовилась къ этому событію, которое могло многое перемѣнить въ ея жизни.

Она заранѣе обдумывала какъ будетъ держать себя и относительно дочери, и относительно пріятельницъ, и относительно поклонниковъ. Обдумывала свой туалетъ. Туалетъ который былъ бы изысканъ, но простъ и строгъ, и который еще сильнѣе выказалъ бы ея красоту. Пожалуй она покажетъ свѣту, что готова назвать себя старухой и уступить мѣсто дочери; но всѣ его представители, которыхъ въ этотъ день она постарается особенно ослѣпить своею красотой, остроуміемъ и интересностью, должны будутъ сами разубѣдить ее въ этихъ неосновательныхъ предположеніяхъ, и отдавъ дань ея красотоѣ въ этотъ день болѣе чѣмъ когда бы то ни было, доказать ей самой всю силу ея молодости и красоты.

Да, она будетъ бороться, но такъ тонко и умно, что борьбы этой никто не замѣтитъ—увидятъ только ея побѣду. До сихъ поръ эта сѣренькая Софи, которая точно вся пропиталась нѣмецкими взглядами своихъ милѣйшихъ родственниковъ, была очень тиха и скромна, но теперь она конечно покажетъ себя. Между нею и дочерью никогда не было нѣжности—и конечно она, Юлія Андреевна, не такъ глупа чтобы ожидать отъ нея какой-нибудь любви; напротивъ, нужно быть всегда на-сторожѣ и приготовиться ко всякаго рода пріятнымъ сюрпризамъ.

— Я увѣрена, что она нарочно будетъ вездѣ мнѣ вредить! сказала Юлія Андреевна и сердито дернула сонетку. Былъ десятый часъ утра, она давно уже проснулась, но все еще лежала въ постели, занятая своими непріятными размышленіями и чувствуя что встанетъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

— Я увѣрена, увѣрена, повторяла она, какъ бы нарочно раздражая самое себя, но вдругъ какое-то чув-

ство неловкости и смущенія шевельнулось въ глубинѣ ея души.

Все-таки же дочь... Ну такъ что же? Развѣ можно взять и вложить въ себя насильно то чувство, котораго нѣтъ? И развѣ она виновата что это чувство не вложено ей самой природой? Вѣдь вотъ-же Нэдъ не вызываетъ въ ней этой недоброжелательности и антипатіи, а вѣдь та будетъ куда опаснѣе Софи, и опасность эта не за горами: еще года три-четыре—и съ Нэдъ ужь не справишься... Но та хоть хорошенькая, интересная, она и теперь, не смотря на свои годы, уже умѣетъ нравиться мужчинамъ; той и мѣсто уступить какъ-то не такъ жаль и оскорбительно. А эта!.. „Нѣмка, совсѣмъ нѣмка“, твердила она съ тою глубокою антипатіей къ нѣмцамъ и ко всему нѣмецкому, которая овладѣвала Юліей Андреевной особенно сильно въ минуты раздраженія и ссоры ея съ мужемъ. И эта „нѣмечина“ въ родной дочери еще больше возстановляла Юлію Андреевну противъ Софи.

Она опять нетерпѣливо дернула сонетку и сердито накинулась на вошедшую горничную:

— Ну что же вы пропали! Я два часа васъ звоню!

Горничная неохотно отвѣтила что-то въ свое оправданіе, но Юлія Андреевна не слушала ее:

— Я еще съ вечера велѣла вамъ разбудить себя въ девять часовъ, а теперь уже одиннадцать скоро!

— Теперь только девять.

— Ахъ, не разсуждайте пожалуйста. Вы должны только слушать и исполнять мои приказанія, а не умничать по своему.

Лицо горничной сердито вспыхнуло.

— Вы приказали разбудить васъ въ девять часовъ, а теперь всего пять минутъ десятаго. Если вы, сударыня, находите что я не исполняю вашихъ приказаній и дурно вамъ служу—вы можете дать мнѣ расчетъ, сказала она рѣзко и съ тою заносчивою нотой въ голосъ, которая ясно показывала, что она умѣетъ служить прекрасно и нужна барынѣ по многимъ причинамъ, а потому барыня должна быть съ ней любезна и вѣжлива, иначе она сама съумѣетъ постоять за себя.

Это была высокая, худая дѣвушка, съ желтымъ некрасивымъ лицомъ, умными глазами и тонкимъ, хитрымъ ртомъ. На видъ ей казалось лѣтъ тридцать, тридцать пять, и она держала себя съ самоувѣренною, спокойною манерой, которая нерѣдко пріобрѣтается горничными, привыкшими служить въ богатыхъ домахъ, у важныхъ, но имѣющихъ маленькіе грѣшки барынь.

Юлія Андреевна терпѣть не могла своей сухопарой горничной—и хотя по нѣкоторымъ причинамъ очень дорожила ею, но тѣмъ не менѣе охотно отдѣлалась бы отъ нея, еслибы это не было уже слишкомъ поздно теперь. Сегодня она была такъ раздражена, что чувствовала невольную потребность выместить хоть на комъ-нибудь это раздраженіе. Но выместить его на Аннѣ было всегда для нея довольно опасно, и выместивъ его, Юлія Андреевна сразу вдругъ вспомнила про эту непріятную опасность и слегка даже испугалась. Каждая такая вспышка стоила ей потомъ платья или денегъ. А Юлія Андреевна, въ которой, не смотря на богатство и расточительность, еще оставались слѣды мелкой, мѣщанской скупости, перешедшей къ ней отъ отца, совсѣмъ не любила этихъ частыхъ подарковъ.

Нѣтъ, сегодня ужь это день какой-то незадачный ей выдался! Теперь эту противную Анну опять придется задабривать своимъ платьемъ! И какъ на грѣхъ она всѣ старья уже раздарила, придется жертвовать пожалуй еще новымъ! И мысленно Юлія Андреевна старалась припомнить, которое изъ нихъ хуже всѣхъ. Сколько разъ она давала себѣ слово быть сдержаннѣе и осторожнѣе съ этою ханжой и какъ нарочно послѣднее время раздражается все чаще и чаще!

Накинувъ изящный утренній халатъ, Юлія Андреевна сѣла передъ зеркаломъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. И барыня, и горничная дулись другъ на друга. Расчесывая волосы Юліи Андреевны, Анна сегодня совсѣмъ не стѣснялась и не жалѣя дергала ихъ, какъ бы вымещая этой болью на своей барынь и ея оскорбленіе, и свое неудовольствіе.

Юлія Андреевнѣ хотѣлось вырвать гребенку изъ рукъ горничной, за ту дерзость, съ которой та спокойно и безцеремонно рвала ея волосы, но предчувствуя что изъ-за этого выйдетъ пожалуй слишкомъ большая исторія, сдерживалась насколько возможно; подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ мелкихъ неприятностей и сѣраго, унылаго утра петербургской мокрой осени, Юлія Андреевнѣ весь міръ, и всѣ люди, и даже самая жизнь, всегда такъ баловавшая ея, казались теперь противными и несносными, и она готова была заплакать отъ клокотавшаго въ ней раздраженія и какой-то тоски... Причесавшись, Юлія Андреевна вѣлѣла звать къ себѣ Нэдъ съ M-elle Mignard.

II.

Не смотря на то что Нэдъ водили еще въ короткихъ платьяхъ, чесали à l'enfant и держали совсѣмъ на положеніи „bébé“ — она сознавала себя очень хорошенькою дѣвочкой и на ея лицѣ всегда сквозила кокетливая плутоватость, показывавшая что она все понимаетъ и отлично знаетъ себѣ цѣну, а если и подчиняется довольно охотно короткому платью и прическѣ à l'enfant, то только потому что у нея прелестные волосы и хорошенькія ножки, которыми она очень любила пококетничать. Это была граціозная, живая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, съ тѣмъ золотисто-бѣлокурымъ цвѣтомъ волосъ, который часто попадаетъ у нѣмцевъ и который она унаслѣдовала отъ отца вмѣстѣ съ его голубыми глазами; но черты, ростъ и манеры она взяла у матери, и они красили ея, придавая ей то врожденное изящество, которымъ отличалась Юлія Андреевна. Нэдъ сознавала, что она уже умѣетъ нравиться мужчинамъ, и чувствовала что если она въ наиболѣе интересныхъ изъ нихъ видитъ будущихъ героевъ своихъ романовъ, то и они, въ свою очередь, уже предчувствуютъ въ ней прелестную женщину, которая развернется и покажетъ свои силы въ недалекомъ будущемъ. Какъ бы заранѣе уже заискивая въ ней, золотая молодежь и разные почтенные старцы, наполнившіе всегда гостиной ея матери, уже начинали слегка ухаживать за ней, говорить ей комплименты и привозить нарядныя бонбоньерки.

Нэдъ страстно мечтала скорѣй вырости, сдѣлаться „совсѣмъ“ взрослою дѣвушкой, начать выѣзды, имѣть поклонниковъ и наконецъ выйти замужъ, послѣ чего только и начиналась, по ея понятіямъ, уже совсѣмъ настоящая жизнь, потому что пока она будетъ состоять при „татап“, ея свобода и независимость все еще будутъ въ очень сильномъ подчиненіи и ей невозможно будетъ развернуться вполне.

Засыпая порой подъ звуки вальса и говора, доносившихся къ ней изъ зала, она мечтала о томъ времени когда наконецъ будетъ дѣйствовать и сама. Она мысленно примѣрляла къ себѣ роскошныя туалеты и видѣла себя то въ блестящихъ балныхъ залахъ, окруженною влюбленными въ нее безъ ума поклонниками, то въ прелестномъ, таинственномъ будуарѣ, обливаемомъ слабымъ свѣтомъ восточнаго фонаря и пропитанномъ ароматами живыхъ цвѣтовъ и благоуханіемъ раскрытыхъ флаконовъ съ духами. Воображала, какъ самый красивый, богатый и интересный молодой человекъ, за которымъ всѣ будутъ гоняться и котораго она отобьетъ у какой-нибудь первой красавицы, вмѣстѣ съ правами на первенство красоты, шепчетъ ей въ этомъ очаровательномъ будуарѣ страстное признаніе въ любви, а

она, прелестная и сводящая его съ ума своимъ кокетствомъ, смѣется и мучаетъ его...

Нэдъ впрочемъ уже была немножко влюблена, избравъ себѣ такъ-сказать перваго героя; это былъ Бахмановъ, считавшійся однимъ изъ самыхъ интересныхъ львовъ ихъ кружка и ухаживавшій за ея матерью.

Нэдъ скептически смотрѣла на нѣжную любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, не чувствуя ея не только въ себѣ, но почти не признавая и въ другихъ. Если же ей случалось замѣчать нѣчто подобное въ комъ-нибудь изъ своихъ сверстницъ, то это только смѣшило и удивляло ее. Она не понимала почему она должна обожать свою татап, когда эта татап вѣчно только „мудритъ“ надъ нею. Отца она не то чтобы любила, но предпочитала матери. Онъ ее больше баловалъ, дарилъ ей деньги и подарки, и она охотно ласкалась къ нему, зная что отъ него всегда легче добиться чего хочется, нежели отъ матери. Нэдъ признавала любовь только по отношенію мужчинъ къ женщинамъ и женщинъ къ мужчинамъ. Но и тутъ ей казалось гораздо болѣе естественнымъ и приличнымъ чтобы мужчины влюблялись въ женщинъ и сходили по нимъ съ ума, мучались, терзались и при случаѣ пожалуй даже стрѣлялись; если же что-нибудь подобное дѣлали женщины — то это казалось ей уже смѣшно, глупо и даже неприлично. Женщина должна приказывать, мужчина — повиняться; женщина должна увлекать, мужчина — влюбляться. Чѣмъ больше у женщины жертвъ, тѣмъ больше для нея чести, тѣмъ она значить красивѣе, умнѣе и интереснѣе. Нэдъ мечтала, что со временемъ изъ-за нея непременно должны застрѣлиться нѣсколько человекъ. Это придаетъ женщинѣ какую-то особенную пикантность. Такъ обыкновенно было въ тѣхъ французскихъ романахъ, которые она прочитывала тайкомъ въ своей комнатѣ и въ которыхъ восхвалялись разныя жестокія красавицы, чрезвычайно правившіяся Нэдъ. Нэдъ помнила какъ, годъ тому назадъ, изъ-за одной подруги ея матери застрѣлился какой-то господинъ и какъ потомъ всѣ мужчины бѣгали и ухаживали за этой Лоло, какъ-будто впервые только понявъ ея очарованіе. Нэдъ видѣла нѣсколько разъ эту курносенькую брюнетку и хотя находила что въ ней нѣтъ ничего особеннаго, но тѣмъ не менѣе завидовала ей и восхищалась ея умѣніемъ кружить мужчинамъ головы. Въ глазахъ Нэдъ она была героиней, и Нэдъ старалась подражать ей, изучая ея манеру, разговоры, взгляды и позы.

Свѣтскія сплетни изъ гостиной Юліи Андреевны долетали и до дѣтской Нэдъ, гдѣ съ чрезвычайнымъ интересомъ и любопытствомъ обсуждались ею вмѣстѣ съ ея воспитательницей M-elle Mignard, съ которой Нэдъ была очень дружна.

M-elle Mignard поступила въ домъ Таненбаумовъ года полтора назадъ, когда Нэдъ только что стала развертываться, прозрѣвать и думать не объ однихъ пирогахъ и куклахъ. M-elle Mignard незадолго предъ тѣмъ пріѣхала изъ Парижа, гдѣ служила продавщицей въ перчаточномъ магазинѣ и гдѣ ей наговорили что въ Россіи женщина, да еще парижанка, можетъ нажать золотыя горы. Къ сожалѣнію для M-elle Mignard, она пріѣхала нѣсколько поздно для спекуляціи своею завядшею красотой, которую впрочемъ и въ молодости не особенно отличалась.

Горько разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, M-elle Mignard наконецъ опубликовала въ газетахъ, что пріѣхавшая изъ Парижа французка желаетъ поступить гувернанткой или воспитательницей къ дѣтямъ аристократическаго дома. Послѣ чего и была взята Юліей Андреевной для маленькой Нэдъ.

M-elle Mignard обладала чрезвычайно веселымъ нравомъ, при уживчивомъ характерѣ и нѣкоторой до-

лѣ невинной хитрости. Маленькая, живая, со вздернутымъ носомъ и бойкими, бѣгающими глазками, смуглая брюнетка, она любила одѣваться пестро и украшать себя яркими лентами, поддѣльными золотомъ и брилліантами.

Она скоро поняла, что у Таненбаумовъ можетъ устроиться прекрасно и съ такимъ комфортомъ, какого никогда ужь конечно не видала у себя въ Парижѣ, въ своей мансардѣ и перчаточномъ магазинѣ—нужно только всѣмъ понравиться и со всѣми ужиться. И составивъ планъ, M-elle Mignard повела свою атаку.

Юлія Андреевна находила ее очень симпатичною и полезною, видя что при ней Нэдъ сдѣлала замѣчательные успѣхи во французскомъ языкѣ и произношеніи. Къ тому-же, была и другая причина. Съ M-elle Mignard Ѳеодоръ Густавовичъ не смущалъ жену своимъ ухаживаніемъ, тогда какъ прежней гувернанткѣ она принуждена была отказать именно вслѣдствіе этого недоразумѣнія. Не то чтобы она ревновала—въ сущности ей было рѣшительно все равно чѣмъ развлекается ея „благовѣрный“, но она не желала допускать ничего подобнаго у себя въ домѣ.

M-elle Mignard умѣла всегда занять гостей, если въ томъ случалась надобность, и развлечь Юлію Андреевну, когда та скучала.

Ѳеодоръ Густавовичъ, со своей стороны, нисколько не ухаживая за M-elle Mignard и называя ее даже безобразной, тѣмъ не менѣе очень благоволилъ къ ней и любилъ поболтать съ нею за обѣдомъ, находя ее забавной и остроумной. Но главное, M-elle Mignard почти сразу съумѣла поладить со своей непокорною воспитанницей, которая раньше приводила въ отчаяніе всѣхъ своихъ воспитательницъ. M-elle Mignard сразу пошла ей въ тонъ и нашла ея слабыя струны. Она восторгалась остроуміемъ Нэдъ, говоря ей на ушко, что Нэдъ будетъ гораздо красивѣе и интереснѣе своей маман, красота которой est un peu trop russe; впрочемъ почти то же самое M-elle Mignard говорила и мамашѣ, увѣряя ее, что, не смотря на красоту ея дѣтей, имъ далеко до красоты матери, которая почти совершенство Нэдъ быстро сошлась съ ней и дѣлилась съ нею всѣми мечтами и желаніями.

Будучи сама женщиной некрасивою, но влѣбчивою, съ присущей французамъ восторженностью и добрымъ

сердцемъ, M-elle Mignard, потерявшая надежды на осуществленіе своихъ желаній, отъ души сочувствовала мечтамъ своей хорошенькой ученицы, предсказывала ей въ будущемъ огромные успѣхи и, увлекаемая вмѣстѣ съ нею, заранѣе преподавала маленькіе уроки женскаго кокетства.

Онѣ спали въ одной комнатѣ и были дружны какъ однолѣтки. Иногда, уже лежа въ постели, M-elle Mignard съ восторгомъ переносилась мысленно въ свое прошлое, протекшее въ миломъ Парижѣ, и рассказывала Нэдъ разные забавные случаи, пикантные приключенія и любовныя исторіи изъ своей жизни и жизни разныхъ своихъ парижскихъ приятельницъ, а иногда давала Нэдъ, тайкомъ отъ маман, а главное отъ этой bigote de Morrison, взявъ съ нею предварительно честное слово о полномъ молчаніи, кое-какіе французскіе романы, большею частью бульварной литературы, которую M-elle Mignard предпочитала всякой другой и которая имъ обѣимъ еще больше раздражала воображеніе кровавыми тайнами, баснословными богатствами и невѣроятными похождениями разныхъ героевъ и героинь.

M-elle Mignard усердно старалась позабавить и развить еще больше свою попятливую ученицу, добродушно и почти безсознательно развращая ея умъ и душу Нэдъ-же, въ свою очередь, такъ привязалась къ своей снисходительной и веселой наставницѣ, что клялась ей никогда не разставаться съ нею, и обѣщала, выйдя даже замужъ, взять ее къ себѣ въ компаньонки и поѣхать вмѣстѣ въ Парижъ.

Въ домѣ Таненбаумовъ у M-elle Mignard былъ только одинъ серьезный врагъ—это сухая, высокобѣрная и строгая англичанка, Miss Morrison, которая не выносила вертлявой французженки. Впрочемъ, англичанку почти никто въ домѣ не любилъ, начиная отъ Нэдъ, которая ее терпѣть не могла, и кончая даже добродушнымъ Ѳеодоромъ Густавовичемъ, который почему-то ее слегка боивался. Но англичанка жила въ домѣ уже шесть лѣтъ и поступила къ Таненбаумамъ прямо изъ дома свѣтлѣйшей княгини ***, у которой воспитала дочь вышедшую уже замужъ, а потому Юлія Андреевна держала ее, наперекоръ собственному желанію, находя что она придаетъ ихъ дому особенный, строго-аристократическій тонъ.

(Продолженіе будетъ).

Божье дитя.

А. В. Стерна.

I.

— Да что вы, матушка, успокойтесь, о чемъ же такъ убиваться-то! говорила пожилая толстая акушерка, Марья Васильевна, молодой матери, которой поднесла завернутого въ пеленки, новорожденнаго сына—не плачьте голубушка, въдъ это можетъ повредить вамъ.

— Ахъ жалко, Марья Васильевна говорила молодая женщина безпомощно мечась по подушкѣ—ахъ жалко жалко мнѣ его!

Она вскидывала свои поразительно темные глаза—глаза погубившіе ее—на Марью Васильевну съ такимъ отчаяніемъ, что та не могла равнодушно вынести этого взгляда и украдкой вытирала слезы.

— Чего жалко-то! Ну, мы погодимъ отвозить его, погодимъ—тамъ видно будетъ. Не плачьте, не плачьте, матушка, говорила добрая женщина тѣмъ тономъ, которымъ нянюшки успокаиваютъ больныхъ дѣтей; она, все еще держа младенца на рукахъ, присѣла на краешекъ постели.

— Нѣтъ-ли у васъ здѣсь родныхъ или знакомыхъ? можетъ кто, на первое время, и поможетъ вамъ... Нѣтъ-ли у васъ кого, моя прекрасная? Черкните словечко, а я пошлю.

— Есть у меня подруга одна... замужемъ, богатая... Были друзьями въ институтѣ.

— Напишите ей, моя хорошая, я съ дворникомъ пошлю... авось, Богъ милостивъ, она сжалится надъ вами.

На другое утро къ квартирѣ Марьи Васильевны подкатила коляска на гутаперчевыхъ шинахъ; изъ нея съ помощью лакея вышла молодая элегантная дама.

— Здѣсь акушерка Фихверъ?

— Здѣсь, здѣсь, сударыня, пожалуйста.

— У васъ Елена Яковлевна Занобина?

— Пожалуйте, пожалуйста.

— Ахъ, право, говорила элегантная дама Марья Васильевна, шурша по крашеному полу своимъ шелковымъ платьемъ,—ахъ, какъ это неприятно! я едва выпросилась у мужа, не хотѣлъ пускаться; но нельзя же не навѣстить эту несчастную—были подругами.

— Что же дѣлать, сударыня, не всякому на свѣтѣ счастье написано проговорила Фихверъ не безъ сарказма, какъ бы обидѣвшись за Елену,—а тутъ (она указала жестомъ на соседнюю комнату)—невѣдомое мнѣ, но великое, страшное горе... Сударыня; если можете облегчить—облегчите. А ребеночекъ славный, продолжала она уже совѣсьмъ другимъ, веселымъ тономъ,—на рѣдкость ребеночекъ, извольте посмотреть. Повремените немного, я предупрежу Елену Яковлевну, обрадую ее.

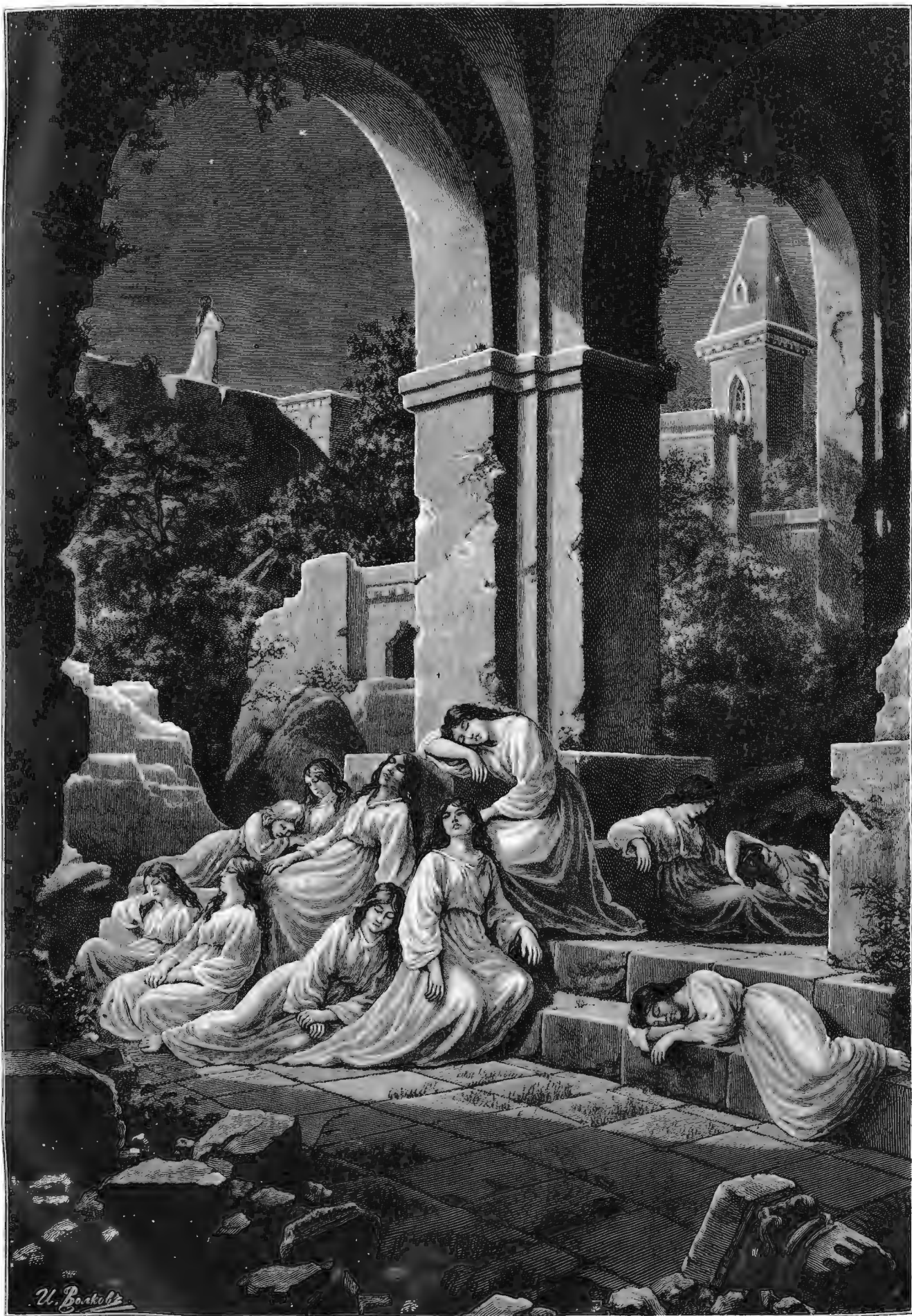
Когда Анна Павловна Тербинина, жена крупнаго финансваго дѣльца, бывшая подруга Лѣли Занобиной, вошла въ маленькую полутемную комнату, въ которой пахло уксусомъ, деревяннымъ масломъ и мятой, ее встрѣтилъ взглядъ огромныхъ жалобныхъ глазъ.

— Ахъ, Елена, воскликнула Тербинина,—какъ это ужасно, какъ ужасно! Думала-ли я, что когда-либо встрѣчусь такимъ образомъ съ тобою!

Занобина и по красотѣ, и по ученю превосходила въ институтѣ Анну Павловну, которая всегда немного завидовала ей, и чувствовать теперь свое нравственное превосходство передъ нею было не безъ пріятности.

— Не укоряй, простонала Елена,—тяжело... охъ, какъ тяжело и безъ того!

— Какъ дошла ты до этого?

Литературный альбомъ. „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, Жуковскаго.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Несчастная ничего не отвѣчала, только подняла на подругу свои удивительные глаза.

— Что же не протянешь мнѣ руки, вымолила она помолчавъ, — или боишься?

Анна Павловна осторожно протянула руку; Елена схватила ее и покрыла страстными поцѣлуями.

— О, Господи, благодарю Тебя! шептала она, — хоть одинъ человекъ сжалился надо мною, о Господи!

— Ну вотъ опять слезы! Ахъ, матушки мои, тоска какая съ вами; за другой княгиней столько не ухаживаешь! проговорила Марья Васильевна въ сердцахъ, что и сама не можетъ совладать съ расхоловшими нервами; даже Анну Павловну, что называется, пробрало: въ ея небольшихъ, голубыхъ глазахъ показались слезы.

— Ты видѣла того... ребеночка-то моего? говорила Елена прерывающимся голосомъ, — ахъ, жалко! ничѣмъ не виноватъ онъ, жалко мнѣ его, Аня... Если умру, продолжала она съ страстной мольбою, — не оставь ты его... не допусти... возьми ты его къ себѣ. Общай, что возьмешь!

— Да что это, право, здоровая совсѣмъ умирать собралась! Развѣ такія здоровенныя умираютъ? Перекреститесь, матушка! говорила Марья Васильевна.

Но Елена, не обращая на нее вниманія, все такъ же молила Анну Павловну:

— Общай, что возьмешь, не покинешь его, не оставишь бедошнымъ.

— Ахъ, Боже мой! зачѣмъ тебѣ нужно это общаніе? Ты совсѣмъ здорова, вотъ и М-ше Фихнеръ говорить... Я конечно всегда готова сколько могу... сколько позволить мужъ, я всегда рада помочь тебѣ...

— Общай, что возьмешь.

— Если тебя это можетъ успокоить, пожалуй, общаю, хотя...

— Марья Васильевна, вы слышали? Общала она, общала! О, Господи, благодарю Тебя!

Выходи, Анна Павловна спросила акушерку:

— Она совсѣмъ здорова, неправда-ли? Нѣтъ никакой опасности, вы ручаетесь?

— Насколько могу, за родильницу ручаюсь, она совершенно здорова.

— А то это мое легкомысленное общаніе... положимъ, вы нужденное; но вы понимаете, очень было бы неприятно...

— Будьте покойны, сударыня, будьте покойны, — никакой опасности.

Однако въ ту же ночь Марья Васильевна была разбужена страшными стонами молодой родильницы; не подозрѣвая что съ нею и не зная какъ помочь, акушерка кинулась за докторомъ; но когда она привезла его, всякая помощь была уже бесполезна — Елена умерла. Еще съ вечера она отравилась. Она сама доктору указала на стаканъ.

— Простите, были послѣднія слова произнесенныя ею, — такъ ему будетъ лучше.

На почтомъ столикѣ, подъ стаканомъ недопитой, ядовитой жидкости, была найдена записка на имя Анны Павловны.

„Сдержи свое общаніе“, гласила она, „дай приютъ моему сыну, дай ему домъ, котораго я никогда не знала и котораго не могу ему дать, я — нищая, опозоренная.“

II.

— Что же мнѣ дѣлать теперь? говорила Анна Павловна, прочтя письмо врученное ей Марьей Васильевной.

— Что знаете, матушка. Разодолжила меня ваша подруга, нечего сказать, такую штуку выкинула! Никогда еще въ домѣ моемъ не бывало этого... Что съ младенцемъ-то прикажете дѣлать?

— Право, не знаю...

— Что же вѣдь, сударыня, если правду говорить, онъ ничѣмъ не виноватъ, не отвѣтчикъ онъ за грѣхи родителей, Боже онъ дитя. Вы общались беречь его, при мнѣ общались; грѣхъ вамъ будетъ...

— Но это такъ все скоро, неожиданно: не могу же я...

— Смерть-то не ждетъ. Что дѣлать — ни у кого не спросилась несчастная, сама распорядилась, такъ думала лучше устроить свое дѣтище. Не отвергайте, матушка, Боже онъ дитя, грѣхъ вамъ будетъ...

— Помилуйте, что же это такое! Это какое-то насиліе. Мужъ никогда не согласится.

Но мужъ согласился, съ тѣмъ только, чтобы ребенка, до поры до времени, держала у себя акушерка.

И „Боже дитя“, маленький Костя, не вѣдая вовсе обстановки своего появленія на свѣтъ, водворился настоящимъ господиномъ въ маленькой квартиркѣ Марьи Васильевны. Онъ кричалъ и требовалъ, когда ему было что надо, не хуже любого принца крови — и такъ же, какъ принцъ, благосклонно улыбался когда былъ доволенъ; онъ не чувствовалъ, что появленіемъ своимъ на свѣтъ убилъ мать; трепещущій радостью и здоровьемъ, вступалъ онъ въ жизнь.

Это былъ очаровательный мальчикъ, блѣдный, розовый, съ огромными черными глазами, живыми и яркими; онъ ни на минуту не могъ посидѣть смирно, ему постоянно надо было прыгать, скакать, смѣяться. Марью Васильевну онъ не могъ

видѣть безъ того, чтобы разнообразными тѣлодвиженіями не выразить ей своего восторга; когда она протягивала ему руки, онъ такъ и кидался къ ней, радостно визжа.

— Ахъ ты, Боже дитя, что мнѣ съ тобою дѣлать? говорила Марья Васильевна, — такъ въ душу и лѣзешь, поневолѣ полюбишь тебя!

И она дѣйствительно привязалась къ нему; два слишкомъ года держала она его, хотя онъ становился ей въ тягость. Тербинины не только не увеличивали пособія на содержаніе подросткаго мальчика, а и то, что они выдавали, надо было всякій разъ брать съ бою, такъ сказать, вѣдять за нимъ, просить, хлопотать. Между тѣмъ за живымъ мальчикомъ необходимо былъ присмотръ да присмотръ. Марья Васильевна, по своей профессіи, часто оставляла домъ, а кухаркѣ было не усмотрѣть за шаловливымъ ребенкомъ. Всякій день случалась исторія: то онъ на лбу рогъ себѣ наставитъ, то щеку подобьетъ, то чашку кознетъ, счетъ нужной разорветъ; все-то ему надо знать, до всего ему дѣло, всюду онъ суетъ свой носикъ, всюду лѣзетъ, не видя опасности.

— Ахъ ужъ это мнѣ, Боже дитя! восклицаетъ Марья Васильевна, — и что мнѣ только съ тобою дѣлать?

Послѣ долгихъ размышленій, сѣтованій и даже горькихъ слезъ, Марья Васильевна въ одинъ прекрасный день рѣшилась на крутое средство — что дѣлать, бѣдность дурной совѣтчицѣ. Она одѣла Костю въ его лучшую красную рубашку, завязала въ узелокъ его бѣлье и платье, велѣла кухаркѣ привести извозчика и, тивувъ узелъ въ ноги, а мальчика посадивъ около себя, поѣхала на Малуку Дмитровку къ Тербининимъ.

— Мы въ гости, бабушка? спрашивалъ мальчикъ.

— Въ гости, мой милый, въ гости.

III.

Цѣлый рядъ блестящихъ экипажей стоялъ у подъѣзда великолѣпнаго дома Тербининыхъ, когда подъѣхала къ нему Марья Васильевна на своемъ дребезжащемъ извозчикѣ.

— Куда лѣзете! не принимаютъ, выговорилъ швейцаръ, смѣривъ г-жу Фихнеръ величественнымъ взглядомъ и заграждая ей путь.

— Меня пустятъ, батюшка, не беспокоитесь.

Марья Васильевна не испугалась величественнаго швейцара и преспокойно раскутывала мальчика.

— Говорятъ вамъ нельзя, у господъ гости, фриштикъ парадный сегодня.

Марья Васильевна не слушала.

— Вы обождите малость, сударыня, убѣждалъ ее болѣе мягко откуда-то появившійся лаке имѣвшій уже не разъ столкновенія съ Марьей Васильевной и знавшій непреклонность ея воли.

— Обождите вотъ хоть тутъ, онъ указалъ на какую-то дверь, — мы безпремѣнно доложимъ; онѣ примутъ васъ, только обождите малость.

И онъ тоже заграждалъ ей путь на лѣстницу.

— Туда нельзя-съ, никакъ невозможно.

Но Марья Васильевна, держа малютку за руку, торжественно и рѣшительно входила по устланной ковромъ лѣстницѣ. Лакей переглянулся съ презрительно улыбающимся швейцаромъ и, пожавъ плечами, пошелъ за нею, все время уговаривая, но не смѣя употребить насиліе, и чувствуя, что слова его пропадаютъ даромъ.

Все такъ же рѣшительно и торжественно, пройдя цѣлымъ рядомъ нарядныхъ комнатъ, вошла Марья Васильевна и въ ту большую гостиную гдѣ собралось многолюдное общество. Она остановилась на порогѣ, нисколько не смущаясь, обвела глазами все это блестящее общество и, высмотрѣвъ хозяйку, прямо направилась къ ней.

— Вотъ вамъ, матушка, Богомъ данное дитя, — довольно я съ нимъ повозилась, теперь и вамъ пора.

И она за плечи пододвинула упировагося и дико смотрѣвшаго на окружающихъ своими дивными глазами ребенка.

Сначала все стихло въ великолѣпной гостиной, такъ поразила всѣхъ эта неожиданная сцена; многие въ недоумѣніи переглядывались, потомъ послышались сдержанныя восклицанія: „Какая прелесть! Вотъ чудный ребенокъ!“ А черезъ десять минутъ все объяснилось, сама хозяйка рассказала исторію Кости; исторія вышла трогательная, въ ней конечно главную роль играла сама Анна Павловна.

— Нельзя было не взять, говорила она со слезинками въ углу глазъ, — мать умерла, и какъ ужасно! Бросила своего ребенка на произволъ судьбы, не подумавъ о немъ. А отецъ? гдѣ искать его? Боже дитя, повторила она прозвище Марьи Васильевны, которое очень ей нравилось, — и мы съ мужемъ рѣшили взять его. М-ше Фихнеръ только временно держала его у себя, теперь онъ нашъ.

Марья Васильевна, еслибъ и выбирала день, не могла бы выбрать лучше, — сама она, невзрачная, толстая, старая, въ помятомъ платьѣ, и маленький Костя стали героями праздника. Тербинины, ни минуты не колеблясь, рѣшили, что Костя достаточно подросъ, что пора взять его на свое попеченіе. Всѣ гости, одни передъ другими, ласкали красиваго ребенка; его исторія переходила изъ устъ въ уста.

— Появивъ, Божье дитя, говорили нѣкоторые, — эти глаза напоминаютъ ангела на картинѣ Рафаэля.

Но Костя, всегда смѣлый и привѣтливый, теперь смотрѣлъ недоувѣрчиво на всѣхъ этихъ ласкающихъ его нарядныхъ людей; онъ какъ будто чувалъ что-то враждебное ему въ этой великолѣпной гостиной и жался къ своей бабушкѣ, которой только слишкомъ сильное возбужденіе мѣшало плакать.

Много хитрости надо было употребить чтобы отвлечь вниманіе ребенка отъ бабушки и отравить ее такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ. Марья Васильевна удалилась, издали обнявъ своего питомца крестнымъ знаменіемъ. Какъ ни коротка была жизнь бѣднаго Кости, но вотъ уже второй разъ въ этой кратковременной жизни любимое существо покидало его...

Когда Костя, отвлеченный на одно мгновение отъ бабушки сластями и игрушками, вдругъ замѣтилъ, что ея нѣтъ на томъ мѣстѣ гдѣ онъ ее оставилъ, что онъ одинъ между этими нарядными, раздушонными, чужими ему людьми, онъ съ возгласомъ отчаянія, достойнымъ взрослому, сталъ кидаться изъ стороны въ сторону, ища свою бабушку. Она часто оставляла его дома одного, — но то было дома, тамъ онъ зналъ навѣрное, что она вернется, и никогда не плакалъ; а тутъ чтѣ ни говорили ему, какъ ни утѣшали, какъ ни старались увѣрить, что она сейчасъ придетъ, онъ никого не хотѣлъ слушать, ничему не вѣрилъ; онъ кидался, какъ дикій звѣрокъ, отыскивая ее, и наконецъ убѣдившись, что поиски его напрасны, бросился на полъ. Сидя на коврѣ и покачиваясь изъ стороны въ сторону, всплескивая рученками, онъ уныло причиталъ, между тѣмъ какъ обильныя слезы катились изъ глазъ:

— Бабуся, бабуся, домой хочу! Бабуся, взовми меня домой! Этотъ крохотный человѣчекъ, покачивающійся изъ стороны въ сторону отъ сердечной боли, многимъ казался забавнымъ; другіе утирали слезы, глядя на него; съ одной молодой женщиной, недавно потерявшей маленькаго сына и болѣе чуткой къ горю дѣтей, сбѣлалась истерика.

IV.

И вотъ Божье дитя поселилось на новомъ мѣстѣ. Первое время Костя звалъ бабушку и просился домой, потомъ онъ привыкъ, привязался къ новымъ людямъ, полюбилъ свою новую постельку.

— Это мой новый домъ? всякій разъ спрашивалъ онъ горничную, укладывавшую его спать.

— Да, милый, это новый домъ, успокоительно говорила та, думая про себя: „и гдѣ твой домъ, сиротина!“

Точно мать, рождая его, передала ему свою несбытующую мечту о домѣ: домъ въ его дѣтскомъ воображеніи представлялся ему чѣмъ-то хорошимъ, теплымъ, мягкимъ, гдѣ хорошо укрыться и отдохнуть.

— Ты моя тетя? вопрошалъ онъ Анну Павловну, очень ласкавшую его первое время, — должно-быть тети — я тебя люблю.

Она ужъ и не рада была, что обласкала его: онъ такъ и бѣгалъ за нею, привязчивое созданіе, такъ и вшивался рученками въ ея богатое платье; онъ требовалъ постояннаго вниманія, приставалъ съ разспросами, надѣдалъ своими шалостями. Но на первыхъ порахъ Анна Павловна все терпѣла; одѣвала Костю какъ куколку, всюду возила съ собою; она находила прелестнымъ контрастъ своихъ бѣлокурыхъ волосъ и свѣтло-голубыхъ глазъ съ темной головкой питомца.

„Эта добрая, великодушная Анна Павловна“, слышала она шепотъ вокругъ себя, — такъ обласкать чужаго ребенка, такъ полюбить его!“

И этотъ шепотъ былъ ей пріятенъ, подчасъ онъ до слезъ умилялъ ее.

Да, въ самомъ дѣлѣ, какая она добрая!

Но скоро все измѣнилось. Костя рѣшительно не хотѣлъ понимать, что онъ сирота, обладательствомъ Анной Павловной; онъ не чувствовалъ къ ней никакой благодарности, смотрѣлъ на ея домъ какъ на свой собственный, бѣгалъ, шумѣлъ, шалилъ. Жизненные силы связывались въ немъ шумно и порывисто. Сколько перебилъ онъ и переломалъ дорогихъ вещей, сколько перепортилъ платья себѣ и другимъ, — онъ рѣшительно становился невыносимъ. Черезъ годъ, полтора, Анна Павловна отъ всей души желала удалить его. Въ это время у нея ужъ былъ собственный ребенокъ, и назойливое, шумливое „Божье дитя“ становилось ровно ни къ чему.

— Конечно, я всегда рада помочь, говорила Анна Павловна, — но не въ ущербъ же собственнымъ дѣтямъ! Этотъ Костя такой шаловливый и, главное, вы знаете, *ses instincts*. Яблоко отъ яблонки не далеко падаетъ. О, какъ это вѣрно! У меня подростаетъ свой сынъ, надо и объ немъ подумать, — этотъ Богъ знаетъ чему можетъ научить его. Нѣтъ, какъ ни горько, а удалить его надо!

Но какъ? куда спихнуть ребенка по четвертому году? Анна Павловна однако придумала. Гдѣ-то въ провинціи, въ захолустьномъ городкѣ, проживала старушка, такъ-себѣ изъ простыхъ, родственница-свойственница Тербиной — кто ее знаетъ, — но которой она, съ тѣхъ поръ какъ вышла замужъ за богатаго, считала долгомъ помогать, посылалъ отъ времени до времени небольшія суммы денегъ. Вотъ прекрасный случай улучшить положеніе Аграфены Петровны: можно удвоить, утроить выси-

лаемая суммы, только бы взяла она Костю. Анна Павловна выписала старуху въ столицу.

Такъ и такъ, говорить, — не желаете-ли принять на свое попеченіе младенца за такое-то вознагражденіе?

— Ахъ, благодѣтельница! — Аграфена Петровна бросилась къ Аннѣ Павловнѣ и приложила къ плечу. — Чего у меня и согласія-то спрашивать, дура я что-ли чтобы отказаться отъ своего счастья!

И участь Кости была рѣшена.

Когда мальчика собрали въ дорогу и онъ увидѣлъ въ чемъ дѣло, — что надо уѣзжать съ этой сухою старухой, ястребинный взглядъ которой его пугалъ, — что надо оставить домъ, который онъ уже считалъ своимъ, — что надо опять уходить отъ всего того къ чему ужъ онъ привыкъ, онъ пришелъ въ какое-то неистовство, онъ уцѣпился рученками за кровать: „Не хочу, не хочу!“ кричалъ онъ и весь въ поту бился въ рукахъ взрослыхъ; а когда разжали ему руки, онъ зубами ухватился за занавѣсъ.

„Ну, чертеночекъ!“ думала про себя Аграфена Петровна.

V.

Аграфена Петровна была старуха сухая, скарденная, себелюбивая; дѣтей она не любила и брала къ себѣ Костю единственно какъ источникъ дохода. Своимъ знакомымъ въ захолустьѣ она говорила:

— Докука, ужъ такая-то докука, — и сказать нельзя! А не взять невозможно — сирота, Божье дитя.

Долго не могъ привыкнуть Костя къ своему новому дому и новой бабушкѣ. Эта послѣдняя держала его строго; она не то что била его, а только клала свою тяжеловѣсную, костлявую руку ему на плеча и чуть-чуть трясла его, но онъ какъ огня боялся этой встряски.

Но и тутъ, въ непріютномъ домѣ Аграфены Петровны, Костя освоился. Онъ, правда, сталъ тише, точно сосредоточеннѣе, но и тутъ въ углу за печкой у него былъ свой домъ, туда таскалъ онъ чурочки, палочки, кружочки какіе-то; что-то строилъ тамъ. Аграфены Петровны онъ боялся, но потребности приласкаться къ кому-нибудь, прижаться — была такъ велика, что и къ ней онъ ластился, такъ что не разъ на день она кричала:

— А да ну тебя, отстань пожалуйста!

Время шло и Костя приобрѣлъ себѣ наконецъ друга, въ лицѣ жильца Аграфены Петровны — Ивана Николаевича Иванова. Домъ, въ которомъ жила Аграфена Петровна, былъ ея собственный, — кровныхъ 300 рублей дала она за эту лачугу. Въ одной половинѣ жила она сама; другую, крохотную комнату съ такою же кухней, отдавала внаймы. И вотъ ужъ цѣлые года жилъ въ этой половинѣ мелкій чиновникъ Ивановъ. Сначала онъ жилъ тутъ со старухой-матерью, потомъ мать умерла и онъ остался жить одинъ.

Иванъ Николаевичъ Ивановъ былъ человѣкъ не молодой, тихій, смиренный, молчаливый; водки онъ не пилъ, съ товарищами знакомства не водилъ, чтѣ Аграфена Петровна ставила ему въ особенную заслугу. Потребности его были очень скромны: онъ не франтилъ, ѣлъ мало, прислуги не держалъ, рѣдко-рѣдко попроситъ работницу Аграфены Петровны полъ у себя вымыть или окно, а то все самъ: самъ самоваръ вычиститъ, дровъ наколетъ, воды принесетъ, рубахи себѣ заштопаетъ, иной разъ самъ заплату на сапоги положить — все любилъ самъ дѣлать, никому не одолжался, Иванъ Николаевичъ. Къ своимъ служебнымъ обязанностямъ онъ относился крайне добросовѣстно: въ половинѣ 9-го утра въ всякій день могли уже видѣть его длинную фигуру выходящую изъ воротъ. Приходилъ онъ въ присутствіе первымъ, выходялъ послѣднимъ. Начальство было имъ очень довольное, не было чиновника аккуратнѣе, исполнительнѣе Иванова; работы послужилъ поручатся всегда ему, но повышеіи по службѣ онъ не получалъ; онъ, впрочемъ, не ропталъ на это, онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ философъ, безъ малѣйшаго честолюбія. Младшіе товарищи перегоняли его по службѣ — и это ни мало не огорчало его; онъ привыкъ къ своей должности, относился къ ней съ любовью и покинуть ее было бы ему грустно. Молоденькимъ канцеляристамъ онъ охотно позволялъ трунить надъ собою...

— Иванъ Николаевичъ, говорили ему, — Мордовъ-то сѣлъ вамъ на голову, — еще одинъ! И какъ это вы только терпите!

Ивановъ добродушно улыбался.

— Точно, сѣлъ-съ, говорилъ онъ, — вѣдь ему-то это надо: женатъ, дѣтишки, ноги, ѣсть просить, а мнѣ зачѣмъ же-съ? я не пролазъ какой-нибудь.

— Однако, неужели это вамъ не обидно?

— Обижаться? На это-то обижаться? удивлялся Иванъ Николаевичъ. — Господь съ вами! Нѣтъ, мнѣ и тутъ хорошо.

И однако этотъ смиренный человѣкъ, не нуждавшійся въ повышеніяхъ, добродушно переносившій насмѣшки товарищей, довольствовавшійся такою скромною долей, былъ гордецомъ — онъ гордился своей неподкупною честностью.

— Много за мною грѣховъ водится, говорилъ онъ, — но чужаго не бралъ, хотя и Богъ былъ черствый хлѣбъ ѣлъ, водой запивалъ, а чужаго — ни-ни!

Онъ бдительно охранялъ эту свою честь. Деньги, казалось, внушали ему отвращеніе; если доводилось какому-нибудь

Лѣсничій у домашняго очага. Съ картины Лудвига Кнауса, грав. Брендамуръ.

просителю, не знаящему его чужацества, совать ему въ руку благодарность, онъ вскакивалъ въ ужасъ, весь багровый, закидывая руки за спину и поднимая голову выкрикивалъ: „я не беру-съ!“ Онъ, тихій и незлобивый, готовъ былъ убить чело-вѣка, если тотъ осмѣливался сомнѣваться въ его честности.

Разъ его непосредственный начальникъ, милостиво шутя съ чудачкомъ, спросилъ его:

— Что же, Иванъ Николаевичъ, неужто вы и 300 рублей благодарности не взяли бы?

— Изводите шутить, Петръ Петровичъ.

— Ну, а 500?

Въ глазахъ Иванова начинало зеленѣть, онъ чувствовалъ какъ злость подступала ему къ горлу, однако сдержанно отвѣ-тилъ:

— И 500 не взялъ бы.

— Ну, а 1000, поди, взяли бы? Какъ тысячи не взяли!

Ивановъ вскочилъ и бросился къ начальнику:

— Не смѣйте этого говорить, Петръ Петровичъ, не смѣйте.

И онъ задыхаясь наступалъ на него.

Но никто-то не хвалилъ Иванова за его безкорыстіе; напро-тивъ, онъ не разъ слышалъ какъ говорили про него:

— Этотъ дуракъ Ивановъ все еще ломается, не беретъ, уди-вить своей честностью хочетъ.

Только однажды онъ былъ неожиданно вознагражденъ—и онъ постоянно помнилъ этотъ упойтельный день.

Было это вскорѣ послѣ губернаторской ревизіи въ г. N. Одинъ знакомый Иванова, пріѣхавъ изъ губернскаго города, передалъ ему слухъ, ходившій тамъ изъ устъ въ уста, будто молодой губернаторъ, возвратившись съ ревизіи, сказалъ: „Во всемъ N одинъ только честный чело-вѣкъ и есть: титулярный совѣтникъ Иванъ Николаевичъ Ивановъ“. Такъ будто бы и на-звалъ его по имени, отчеству и фамилии.

Ивановъ выпрямился, глаза его блеснули радостью; приди домой, онъ открылъ календарь, отыскалъ число того дня, по-мѣтилъ его крестикомъ и написалъ своимъ четкимъ почеркомъ: „Счастливейшій день моей жизни“.

Въ раннюю пору своей юности Иванъ Николаевичъ лелѣлъ двѣ мечты: поступленіе въ университетъ и женитбу по любви. Обѣ не осуществились: первая по бѣдности — надо было зара-ботывать хлѣбъ для старухи-матери, а не учиться; вторая— тоже по бѣдности, да отчасти, вѣроятно, по невзрачности Ивана Николаевича и его застѣчивости. Какъ вещественное доказательство этой второй неудавшейся мечты, Иванъ Нико-лаевичъ хранилъ какой-то обрывокъ розовой ленты; первая красовалась въ видѣ трехъ полокъ книги, пріобрѣтеніе кото-рыхъ въ былое время стоило не малыхъ лишений и многихъ горькихъ укоровъ матери. Но изъ-за книги онъ готовъ былъ вынести и не это. И теперь еще охочъ былъ почитать хоро-шую книгу Иванъ Николаевичъ, и теперь еще онъ читалъ съ жадностью и юношескимъ увлеченіемъ. „Такъ, такъ, хорошо, братъ!“ поощрялъ онъ иногда автора вслухъ, удивляя своимъ возгласомъ Аграфену Петровну, которая недоумѣвала съ кѣмъ бы могъ разговаривать жилецъ.

И такъ Иванъ Николаевичъ жилъ тихо, смирно, незамѣтно, давно переставъ мечтать и ждать чего-то отъ жизни; но онъ жилъ, этотъ мелкій чиновникъ, въ самодовольномъ сознаніи, что онъ свято исполняетъ свой долгъ, никому не завидуетъ и ничего отъ другихъ ему не надо.

VI.

Разъ, когда въ третьемъ часу Ивановъ возвращался домой съ портфелемъ подъ мышкой, онъ во дворѣ наткнулся на Костю чего-то искавшего въ травѣ.

— Ахъ, какой славный щеночекъ! сказалъ онъ шутливо и нагнулся приласкать хорошенькаго ребенка.

Кости поднялъ глаза и, встрѣтившись съ маленькими, ласко-выми глазками Ивана Николаевича, обрадовался возможности поиграть, сейчасъ же вошелъ въ роль щенка и съ визгомъ и лаемъ сталъ тереться около ногъ Иванова.

— Ахъ, собачка! ахъ, собачка славная! говорилъ тотъ, ласко-во трепля мальчика по головкѣ, — хочешь, я тебѣ гостинца дамъ?

— Хо-чу, отвѣчалъ Костя собачьимъ якобы тономъ, все еще оставаясь въ роли.

— Ну, иди за мною, Жучка, иди, собачка маленькая.

Мальчикъ на четверенькахъ побѣжалъ за нимъ.

— Вотъ я тебѣ! Вотъ я тебѣ по землѣ-то валаться! кричала изъ окна Аграфена Петровна; но Кости ничего уже не чув-ствовалъ и только спѣшилъ за облаквашимъ его чело-вѣкомъ.

Съ тѣхъ поръ мальчикъ педергливо ждалъ всякій день воз-вращенія своего друга и бѣжалъ за нимъ.

— Опять мой Жучекъ, говорилъ ласково Ивановъ, — опять ко мнѣ?

Чаще всего, въ то время какъ Иванъ Николаевичъ писалъ или читалъ, Костя одинъ игралъ въ уголкѣ съ чурочками и до-щечками, которыхъ натакалъ и въ квартиру своего друга. Онъ попрыгивалъ у Аграфены Петровны не шумѣть, этотъ рѣз-вый чело-вѣчекъ, и тутъ былъ совершенно тихъ; только чувствуя въ дяденькѣ снисходительнаго старшаго, онъ безпрестанно обращался къ нему, не мало не боясь надѣсть.

— Каланчу-то какую я выстроилъ, дяденька! восклицалъ онъ, — посмотри-ка.

— Строй, строй, мой милый, посмотрю ужю.

— Нѣтъ, ты теперь посмотри, потому долго ей не выстоять.

— Я отсюда вижу.

— Нѣтъ, ты встань, — такъ тебѣ не видать.

Когда ему особенно наскучивало играть одному и хотѣлось обратить на себя особенное вниманіе Ивана Николаевича, онъ опять, какъ при первой встрѣчѣ, изображалъ собою щенка, лѣвъ подъ столъ и повизгивая ластился къ ногамъ сво-его друга.

Иванъ Николаевичъ не могъ равнодушно выносить этой ласки ребенка, что-то захватывало ему сердце.

— Ахъ, ты мой милый пѣсикъ, ахъ, мальчикъ ты мой милый! И онъ, какъ женщина, ласкалъ дитя.

Аграфена Петровна снисходительно смотрѣла на отлучки мальчика къ жильцу: такъ ей было гораздо удобнѣе.

Особенно въ зимніе вечера любилъ Кости забираться спо-заранку къ Ивану Николаевичу; тотъ вечеромъ, по возвраще-ніи со службы, топилъ печь, и мальчикъ, усѣвшись на полу, прижавшись къ ногамъ Ивана Николаевича и слѣдя за игрою пламени въ печи, любилъ послушать хорошую сказку.

— И хорошо же у тебя, дяденька, говорилъ онъ поднимал на него свои живые черные глаза, — такъ хорошо, точно до-о-ма!

Скоро горенка Ивана Николаевича превратилась для Кости въ настоящій домъ. Мальчику шелъ 6-й годъ, когда Аграфена Петровна сильно захворала, и сама, призвавъ къ себѣ Ива-нова, просила его до поры до времени пріютить у себя си-роту.

— Моченьки моей нѣтъ, говорила она, — кричить, шумить, спокую отъ него нѣту; у тебя-то все, будто, лучше—за стѣною.

Мальчикъ былъ въ восторгѣ отъ своего переселенія; не-смотря на всю свою привязчивость, онъ не могъ полюбить Аграфену Петровну и съ истинной радостью помогая работ-ницѣ перетаскивать къ жильцу свой жиденькій матрацикъ.

— Вотъ тутъ домъ мой будетъ, говорилъ онъ, — охъ, дядень-ка, хорошо у тебя!

— Что хорошаго, дружокъ, вотъ и кровать тебѣ некуда по-ставить, на полу будешь спать.

— Я, дяденька, люблю на полу, ей Богу, люблю. Хорошо у насъ съ тобою, дяденька, ахъ, хорошо!

Хотя былая рѣзвость не вернулась всецѣло мальчику, но онъ положительно расцвѣлъ въ этой атмосферѣ тепла и ласки, всѣмъ своимъ маленькимъ, любвеобильнымъ сердечкомъ пре-дался онъ своему другу.

— Погляжу я на тебя, дяденька, какой ты хорошенькій, говорилъ онъ, умильно смотря на длинное, рыбватое, съ боль-шими торчащими ушами лицо Ивана Николаевича.

Славные дни проживали они въ тѣсной горенкѣ, въ дальней слободѣ маленькаго городка; это были самые лучшіе дни дол-гой и скучной жизни Ивана Николаевича и полной преврат-ностей жизни Кости. Они такъ любили другъ друга, такъ тепло имъ было вмѣстѣ! Какъ сладко засыпалъ Кости на своемъ тоненькомъ матрацикѣ на полу, какіе славные сны онъ видѣлъ и какъ хорошо было просыпаться, чувствуя любящую, тере-бившую его руку.

— Вставай, вставай, шалунишка! говорилъ Иванъ Нико-лаевичъ.

А Костя, ежась и улыбаясь въ полуснѣ, ловилъ его жилистую руку.

Оба, переживая счастливые дни, мало думали о старухѣ уми-равшей за стѣною; однако ея смерть имѣла рѣшающее влия-ніе на судьбу обоихъ.

VII.

Въ концѣ января Аграфена Петровна умерла. Ивановъ чув-ствовалъ, что ему надо было дать знать Тербининымъ о смер-ти старухи, но страхъ, что у него сейчасъ же потребуютъ мальчика, остановилъ его.

— Развѣ я обязанъ знать ихъ адресъ? говорилъ онъ себѣ въ оправданіе.—Развѣ я обязанъ знать, что они покровители Кости? Мнѣ его Аграфена Петровна передала и ничего болѣе я знать не обязанъ.

— Благодарителямъ-то мальчика отписали вы, Иванъ Николае-вичъ? спрашивалъ приходскій батюшка.

— А почему я знаю кто его благодарители?

— Какъ-же, какъ-же, сударь, надо-бы отписать.

Долго трусилъ Иванъ Николаевичъ, все ждалъ что возьмутъ у него Костю, но съ перваго января, какъ было прислано обыч-ное трехъ-мѣсячное пособіе на имя Аграфены Петровны — все ушедшее на ея похороны — отъ Тербининыхъ не было ни слуху, ни духу. Недѣли черезъ три послѣ смерти старухи прі-ѣзжалъ какой-то мѣщанинъ, внушительный племянникъ Аграфены Петровны, заявилъ свои права на наслѣдство и, вступивъ во владѣніе домомъ, большую половину отдалъ внайма какому-то портному „изъ Вильны“, а меньшую оставилъ за Ивановымъ, увеличивъ однако плату. Все шло по старому, но на сердцѣ Ивана Николаевича скребли что-называется кошки.

Приходилъ уже къ концу третій мѣсяцъ со смерти старухи, Ивановъ уже немного поуспокоился; онъ рѣшилъ въ своемъ

умѣ, что во всякомъ случаѣ Тербинины не погонятся за Костей, что если они и заявятъ свою претензію на него, онъ, Ивановъ, предложить замѣнить собою Аграфену Петровну, онъ даже безъ всякой субсидіи рѣшилъ взять Костю на свое попеченіе. „Много-ли ему нужно!—Сыты будемъ, пробьемся какъ-нибудь“. И на этой мысли онъ отдохнулъ. Какъ вдругъ на его имя изъ конторы Тербининныхъ пришло письмо, въ нѣкоторомъ родѣ грозное, укорявшее его за то что онъ сокрылъ смерть старухи въ видахъ присвоенія денегъ, присылаемыхъ на содержаніе сироты. Въ концѣ письма присовокуплялось: „По полученіи сего, вы, милостивый государь, потрудитесь немедленно доставить мальчика въ контору Тербининныхъ по нижеслѣдующему адресу“ и т. д.

Иванъ Николаевичъ обезумѣлъ прочтя это письмо: его, гордившагося безкорыстіемъ и неподкупной честностью, укоряли ни болѣе, ни менѣе какъ въ присвоеніи сиротскихъ денегъ, его учили въ кражѣ! Давно не плакалъ Иванъ Николаевичъ, но тутъ онъ зарыдалъ: и не о Костѣ плакалъ онъ,—оскорбленіе, узвѣденная гордость заставляли его проливать злобныя слезы. Ничего, рѣшительно ничего не требовалъ онъ ни отъ жизни, ни отъ людей; единственно, что хранилъ, что берегъ онъ какъ святыню—это свое честное имя, и вотъ оно поругано, въ него бросили комкомъ грязи; онъ почти физически чувствовалъ ударъ этого комка,—лицо его горѣло...

О какую страшную, невыносимую рану навесли ему эти люди! Нѣтъ, онъ не можетъ вытерпѣть этой боли, они должны узнать что онъ честный человѣкъ, хотя и бѣднякъ, что онъ дорожитъ своей честью!... Пусть берутъ у него мальчика — не надо ему его... Любовь, ласка—неужная роскошь для бѣдняка!... И онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, почти грубо, отвѣчалъ, что всѣ эти мѣсяцы содержалъ ребенка на свой собственный, нищенскій счетъ, что доставить его въ контору Тербининныхъ не можетъ за неимѣніемъ средствъ на путешествіе и времени, но проситъ немедленно прислать кого-либо за ребенкомъ, „такъ какъ не намѣренъ пользоваться чужимъ достояніемъ.“ Онъ подчеркивалъ послѣднюю фразу и зло хохоталъ перечитывая ее.

Черезъ нѣсколько дней, которые онъ провелъ въ страшномъ волненіи—разъ онъ манкировалъ даже на службу—Иванъ Николаевичъ получилъ опять конвертъ изъ Тербининской конторы; въ письмѣ кратко изъявлялось требованіе чтобы онъ, собравъ имущество ребенка, доставилъ бы его такого-то числа на поѣздъ № такой-то и передалъ-бы его кондуктору Павлу Тихонову.

—Имущество! восклицалъ про себя Иванъ Николаевичъ прощически улыбаясь,—имущество!—три рубаники, перешитыя изъ моихъ старыхъ. Благодарители, покровители тоже называются!—И онъ въ своемъ оскорбленіи, негодованіи и злобѣ, не чувствовалъ, что самъ дѣлается предателемъ, выдаетъ ребенка людямъ, которымъ не вѣрить. Онъ собиралъ пожитки мальчика, тискалъ ихъ въ какой-то мѣшокъ и злобно бормоталъ что-то.

— Дяденька, а дяденька! куда-же это мы собираемся? спрашивалъ Костя, доверчиво глядя на своего дяденьку.

— А вотъ увидишь, малый, мрачно отвѣчалъ тотъ.—Въ вору, въ вору произвели! вѣтъ, братцы, никогда еще чужаго не бралъ; изъ-за этого, можетъ быть, счастья не зналъ, а не бралъ,—продолжалъ онъ бормотать.—Такъ-то лучше, брать Ивановъ, оставь вѣжливость, не про тебя онъ писаны, вежи-ка малаго на вокзалъ.—Онъ думалъ закалатъ себя этими словами.

Идя отъ дома до вокзала Костя чувствовалъ нѣкоторую тревогу, но все время болталъ.

— Свистить, говорилъ онъ,—слышишь свистить, дяденька! Не ровень часъ не поспѣемъ.

— Поспѣешь, угрюмо отвѣчалъ тотъ.

— Мы это въ монастырь, дяденька, какъ тогда? Помнишь тогда мы ѣздили?... Зачѣмъ мѣшокъ-то ты тащишь, развѣ мы тамъ ночевать будемъ?... Дяденька, а дяденька, чего-же ты все молчишь?

Онъ хватался рученками за полы сюртука и, забывая впередь, своими огромными глазами заглядывалъ въ лицо дяденьки; тотъ отвергивался.

— Оставь, не мѣшай идти, говорилъ онъ сердито.

Поѣздъ уже стоялъ, когда они пришли на платформу.

— Гдѣ тутъ кондукторъ Павелъ Тихоновъ?

— Тихонова спрашиваютъ, куда запропастился?

— Я самый Тихоновъ и есть. Вы на счетъ мальчика? Войдите въ вагонъ, подождите минутку, а я сейчасъ...

Иванъ Николаевичъ вошелъ въ вагонъ третьяго класса, положилъ мѣшокъ возлѣ какой-то старушки, посадилъ на него

ребенка, крѣпко поцѣловалъ его въ голову и, не говоря ни слова, сталъ около него; мальчикъ тревожно озирался.

— Дяденька, что-же ты не сядишься?

— Сяду еще, сяду. Поберегите ребенка-то, матушка, сказалъ онъ старухѣ.

— Сейчасъ свистокъ, господинъ, извольте выходить, сказалъ входя Тихоновъ.

Иванъ Николаевичъ послѣднимъ вышелъ уже изъ трогавшагося поѣзда.

— Дяденька!!!...

Только когда онъ услышалъ этотъ раздираемый вопль, Иванъ Николаевичъ, забывъ свою собственную обиду, повялъ, что предѣлъ своего маленькаго „жучка“, и, схватясь за голову, побѣжалъ за поѣздомъ. Онъ видѣлъ еще въ окно какъ отчаянно барахтался бѣдный мальчикъ въ сильныхъ рукахъ кондуктора.

— Къ дяденькѣ! кричалъ онъ,—домой, домой, къ дяденькѣ! Иванъ Николаевичъ тоже что-то отчаянно кричалъ и махалъ руками, и бѣжалъ за поѣздомъ; но тотъ, на всѣхъ парахъ, уносилъ отъ него мелькнувшее на мгновеніе счастье.

— Господинъ, такъ нельзя, куда-же это вы по рельсамъ-то! остановилъ его жандармъ.

VIII.

Когда на другой день еще не совсѣмъ очнувшася отъ своего горя Костю представили Аннѣ Павловнѣ, онъ вдругъ просіялъ, онъ узналъ ее и кинулся къ ней; но она не поцѣловала его, а только снисходительно улыбнулась, потрепавъ его по щекамъ; „bien enlaidi“, сказала она дамѣ стоявшей тутъ-же. Онъ узналъ тоже и домъ и въ восторгѣ всплеснулъ рученками.

— Мой домъ, воскликнулъ онъ,—теперь-бы только дяденьку сюда!

Но не долго оставался онъ въ этомъ домѣ, который считалъ за свой. Въ тотъ-же день его свезли въ пріютъ для сирыхъ дѣтей, только что основанный на средства Тербининныхъ, въ которомъ былъ заведенъ необыкновенный порядокъ.

Когда Костя увидѣлъ этотъ однообразный рядъ комнатъ, съ однообразными кроватями, шкафами, столами; когда увидѣлъ толпу совсѣмъ одинаковыхъ дѣтей шедшихъ по-парно; когда изъ трехъ женщинъ, въ одинаковыхъ платьяхъ, каждая сказала ему одно и то же: „Надо быть умницей, миленькій!“—„Миленькій, надо быть умницей!“—„Умницей надо быть, миленькій!“—онъ пришелъ въ какое-то неистовство. Все это такъ мало соотвѣтствовало тому представленію о домѣ, которое онъ себѣ составилъ, все это было такъ холодно, такъ непріятно. „Домой,“ кричалъ онъ, „къ дяденькѣ, домой! Отпустите! что я вамъ сдѣлалъ, отпустите меня, ради Бога!“—И онъ кидался отъ одной къ другой изъ одинаковыхъ женщинъ съ отчаянною мольбой отпустить его. Его уговаривали, стращали, но онъ ничего не слушалъ, никого не боялся.

— Домой, къ дяденькѣ! между двухъ рыданій восклицалъ онъ. Начальница говорила: „Ничего, привыкнетъ, какого еще ему тамъ дома нужно!“

Недѣли двѣ прожилъ Костя въ этомъ образцовомъ учрежденіи, и послѣ первыхъ дней неистоваго отчаянія, какъ-бы смирился, пересталъ плакать, затыхъ. Онъ подчинился всѣмъ правиламъ дисциплины, шелъ куда приказывали, игралъ, когда надо было играть, ѣлъ когда надо было ѣсть; но это былъ не прежній Костя, это былъ другой ребенокъ, залупанный, ушедшій въ себя, затаившій свое горе.

Начальница восклицала:

— Что я говорила — привыкъ вѣдь!

Но привыкнуть однако вполнѣ Костя не успѣлъ, онъ вдругъ свалился, заболѣлъ... И въ безсознательномъ состояніи онъ все говорилъ о домѣ, спѣшилъ куда-то, боялся опоздать, торопился къ дому, котораго у него никогда не было... На 9-й день мальчика не стало. Ни Марья Васильевна, пожалѣвшая когда-то бѣдное Божье дитя, ни Иванъ Николаевичъ не узнали о его кончинѣ—кто-же знаетъ когда умираютъ пріютскія дѣти,—но Анну Павловну, какъ покровительницу и попечительницу пріюта, извѣстили о его смерти. „И хорошо сдѣлалъ,“ сказала она, помахавъ рукою надъ грудью.

Однако честь-честью—на похороны послала свою главную горничную въ каретѣ.

— Нельзя-же, говорила эта дама сидѣвшей съ нею рядомъ помощницѣ, восхищавшейся добродѣтелью Анны Павловны,—нельзя-же не почтить,—все-же, какъ хотите, Божье дитя.

И въ присутствіи этихъ двухъ почтенныхъ особъ маленькій гробикъ съ останками Кости былъ опущенъ въ могилу.

Мечта твоя осуществилась, бѣдное Божье дитя: наконецъ ты нашелъ свой настоящій домъ!...

Александровскій утесъ.

(Рис. на стр. 340).

Въ глухихъ горахъ далекаго Урала, на самомъ гребнѣ, отдѣляющемъ Европу отъ Азіи, высоко стоитъ величественный памятникъ. Не красна его отдѣлка. Человѣкъ не трудился надъ нимъ. Его воздвигла сама природа. Но за то человѣкъ знаетъ и помнитъ его, и кого ни спросите на Уралѣ, каждый знаетъ, гдѣ стоитъ „Утесъ Александра“, хотя не каждый сумѣетъ пробраться къ нему черезъ нагроможденныя природой скалы, тем-

няя разсѣлипы и цѣлые костры буреломы у самаго подножія горы. Народъ отлично знаетъ этотъ утесъ; въ немъ живетъ, да навѣрно и не умретъ никогда память о Томѣ, Кто далъ этому утесу свое имя. Живы и теперь эти старики, на глазахъ у которыхъ прославился одинокій утесъ угрюмаго Урала. Вотъ что рассказываютъ они о томъ далекомъ времени.

„Давно это было. Полсотни лѣтъ ужъ, поди, утекло... Послалъ

къ намъ Царь своего сына. „Поди, говорить, посмотри страну свою: надъ нею царствовать ты будешь!“ И поѣхалъ молодой наследникъ обзиратьъ свое царство. Ыдетъ день, ѫдетъ другой, скачетъ недѣлю, другую скачетъ, мѣсяцъ прошелъ, — а нѣтъ конца тому царству. Приѣхалъ онъ въ наши горы. „Конецъ?“ спрашиваетъ. — „Половины, — говорятъ, — не проѣхали!“ — „А что же тамъ?“ — „А тамъ Сибирь — золотое дно!“ И поднялся онъ тутъ на высокую гору, да и съ нея только краешекъ своего царства увидѣлъ. Но позналъ онъ тутъ силу свою: по правую руку у него было желѣзо, по лѣвую — золото, а въ лицо ему глядитъ милосердное красное солнышко. Отъ желѣза взялъ онъ силушки, богатства отъ золота, а милосердіемъ наградило его солнышко, что сильнѣе булата желѣзнаго и ярче золота драгоцѣннаго... Давно покинулъ сынъ царскій наши горы, а камень и посейчасъ въ народѣ Александровскимъ зовется“.

Такъ рассказываетъ народъ о пребываніи почившаго императора въ горахъ Южнаго Урала. Это было въ 1837 году, когда покойный государь, еще будучи наследникомъ престола, предпринялъ далекую поѣздку по европейской Россіи и Сибири. Поѣздка эта была принята „для пополненія книжнаго ученія“ девятнадцатилѣтняго наследника престола. Впрочемъ, Жуковский, сопровождавшій его во все время путешествія, придавалъ этому путешествію въ сколько иное значеніе. Вотъ что, напр., писалъ онъ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ съ дороги, изъ Твери, 6 мая, т. е. при самомъ началѣ путешествія.

... „Наше путешествіе меня особенно радуетъ: результатъ его можетъ быть весьма важнымъ и на цѣлую жизнь. Я не жду отъ него большой жатвы положительныхъ практическихъ свѣдѣній о состояніи Россіи: для этого мы слишкомъ скоро ѣдемъ...“

... „Мы соберемъ, конечно, много фактовъ отдѣльныхъ, и это будетъ имѣть свою пользу; но главная польза вся нравственная, та именно, которую только теперь можно приобрести Великому Князю: польза глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія.“ *)

Въ другомъ письмѣ къ императрицѣ изъ Ярославля отъ 10 мая Жуковский писалъ слѣдующее:

... „Наше путешествіе можно сравнить со чтеніемъ книги, въ которой теперь Великій Князь прочтетъ одно только оглавленіе, дабы получить общее понятіе о ея содержаніи. Послѣ начнетъ онъ читать каждую главу особенно. Эта книга — Россія; но книга одушевленная, которая сама будетъ узнавать своего читателя. И это-то *узнаніе* есть главная цѣль теперешняго путешествія.“ **)

Но, кажется, вѣрнѣе всего опредѣляетъ значеніе своего путешествія самъ покойный императоръ въ слѣдующихъ строкахъ своего письма: „Я своими глазами и вблизи, — говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, — познакомился съ нашей матушкой Россіей и научился еще болѣе любить ее и уважать. Да, намъ точно можно гордиться, что мы принадлежимъ Россіи и называемъ ее своимъ отечествомъ.“ (Шумахеръ. О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II).

Какъ-бы то ни было, но покойный императоръ еще юношей побывалъ на Уралѣ. Въ бытность свою въ Златоустѣ въ іюнѣ 1837 года онъ всходилъ на такъ-называемую Уральскую сопку, которая съ тѣхъ поръ и стала называться Александровскою. Этимъ же именемъ сталъ называться и утесъ на гребнѣ сопки, откуда государь любовался чудною панорамой окружающихъ горъ. Сопка эта видна изъ города въ восточномъ направленіи; отъ Златоуста до нея считается 10 верстъ. Высота ея 2941 фут. надъ уровнемъ моря. Рассказываютъ, что во время подъема на эту гору свита далеко отстала отъ великаго князя и онъ одинъ забрался на гребень, оставивъ съ собою даже проводниковъ.

Прошло больше полстолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ Уральскую сопку и начерталъ свое имя на ея утесѣ. Но едва-ли съ тѣхъ поръ измѣнился въ чемъ-нибудь этотъ утесъ. Слишкомъ ужъ проченъ этотъ памятникъ и не скоро онъ поддастся разрушительной силѣ времени. Во время моихъ лѣтнихъ экскурсій по Уралу мнѣ удалось побывать и на утесѣ императора Александра и даже увезти о немъ память въ видѣ нѣсколькихъ фотографій. Насколько мнѣ извѣстно, это — первая фотографія Александровскаго утеса и его окрестностей. По крайней-мѣрѣ такъ увѣрили меня въ Златоустѣ люди, имѣющие основаніе интересоваться фотографическимъ снимкомъ этого историческаго памятника.

Чтобы попасть на Александровскую сопку надо ѣхать изъ Златоуста по Екатеринбургскому тракту.

„Какъ доѣдете до 154-го телеграфнаго столба, напутствовали меня въ Златоустъ, — такъ и будетъ своротъ налѣво, на лѣсную дорожку. Она васъ и выведетъ къ самой сопкѣ!“

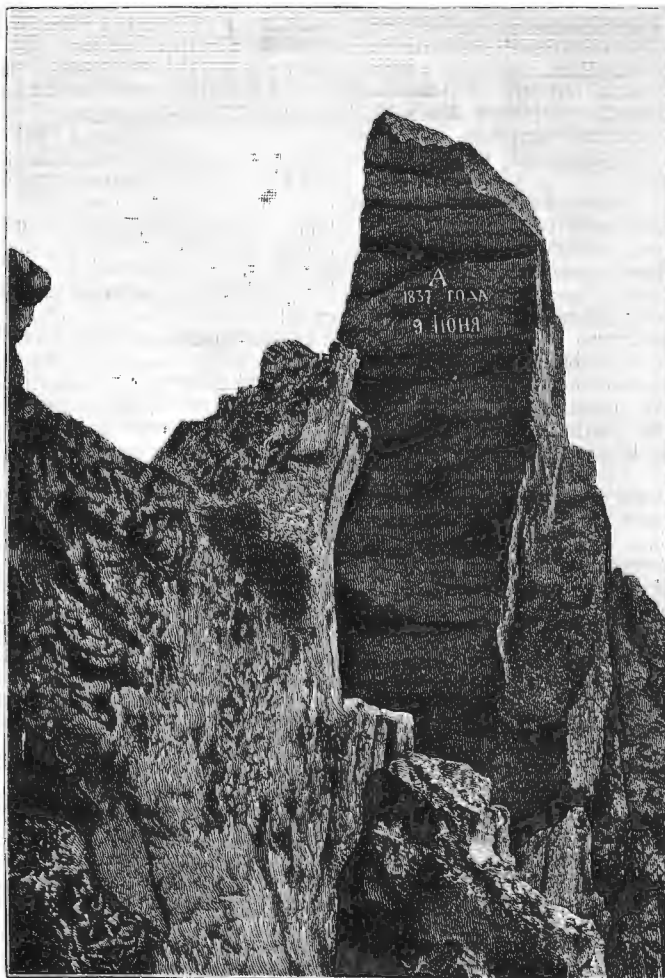
Дорога отъ Златоуста все время идетъ въ гору. Сначала перевалили Тесеминскую гору и затѣмъ стали круто подниматься на собственно Уральскій гребень. Хребетъ здѣсь, какъ извѣстно, раздѣляется на три отдѣльныхъ кряжа: центральный, собственно Уральскій, составляющій границу между Европой и Азіей; затѣмъ, восточный, извѣстный подъ именемъ Ильменскихъ горъ, и западный — Уренгайскія горы. На этотъ-то центральный кряжъ и поднимался теперь я со своими проводниками, оставивъ за собою Уренгу. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становился подъемъ, какъ вслѣдствіе крутизны, такъ и благодаря значительнымъ водомоинамъ, отъ которыхъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности уберечь почтовый трактъ: какъ ни утрамбовывай, сильные ручьи, бѣгущіе съ горъ послѣ дождей, сверлятъ почву какъ-бы гигантскими буравами. Съ обѣихъ сторонъ тянется густой сосновый боръ, такъ что ѣдемъ какъ-бы по широкой аллеѣ. Вотъ въ девятая верста, и конецъ подъема: мы уже на самомъ гребнѣ. Два полосатые столба съ желтыми государственными гербами указываютъ границу между двумя материками.

Еще шагъ — и мы въ Азіи. Отъ столбовъ въ обѣ стороны по лѣсу идутъ широкія просѣки, скрывавшія въ ложбинѣхъ и снова выбѣгая на далекомъ отрогѣ. Дорога пошла подъ-гору. Но вотъ и 154-й телеграфный столбъ, а около него и чуть замѣтная лѣсная дорожка. Сворачиваемъ на нее и выѣзжаемъ въ густой лѣсъ сосенъ и елей. Дорожка очень глухая; номинутно приходится отстранять широкія вѣтви елей, нависнувшихъ надъ тропой. Говорить, что дорожка эта оживаетъ только съ половины іюля, когда начнутся покосы по лѣснымъ полянамъ. Мы держимъ путь къ балагану, который, по словамъ проводниковъ, долженъ быть у самаго подножія сопки. Проѣхали съ полверсты. Пора-бы и балагану быть, а его все нѣтъ, какъ нѣтъ. Дорожка раздѣлилась. Котороку ѣхать?

- Надо быть, правую! рѣшаетъ одинъ изъ проводниковъ.
- Почему-же правую?
- Да лѣвой, будто, въ прошломъ году не было!
- Какъ не было? Была! вѣтшивается второй проводникъ.
- Все-жь-таки держись правой, — вѣрнѣе будетъ!

На томъ и порѣшили. Снова раздѣлилась дорожка, мы снова взяли правѣй, и выѣхали какъ разъ къ балагану.

Тутъ только открылась и Александровская сопка. До сихъ поръ изъ-за лѣса ея совсѣмъ не было видно. Широкий конусомъ поднималась она на сѣверо-востокъ; бока поросли густымъ ельникомъ, который чѣмъ выше, тѣмъ становится мельче и уродливѣе; вершины совсѣмъ обнажены и ярко блестятъ на солнцѣ.

Александровскій утесъ въ горахъ Урала (на границѣ Европы съ Азіей). Съ fotogr. Горбунова, грав. Рашевскій.

*) Сочин. Жуковскаго. Изданіе 1885 г., т. VI, стр. 298.

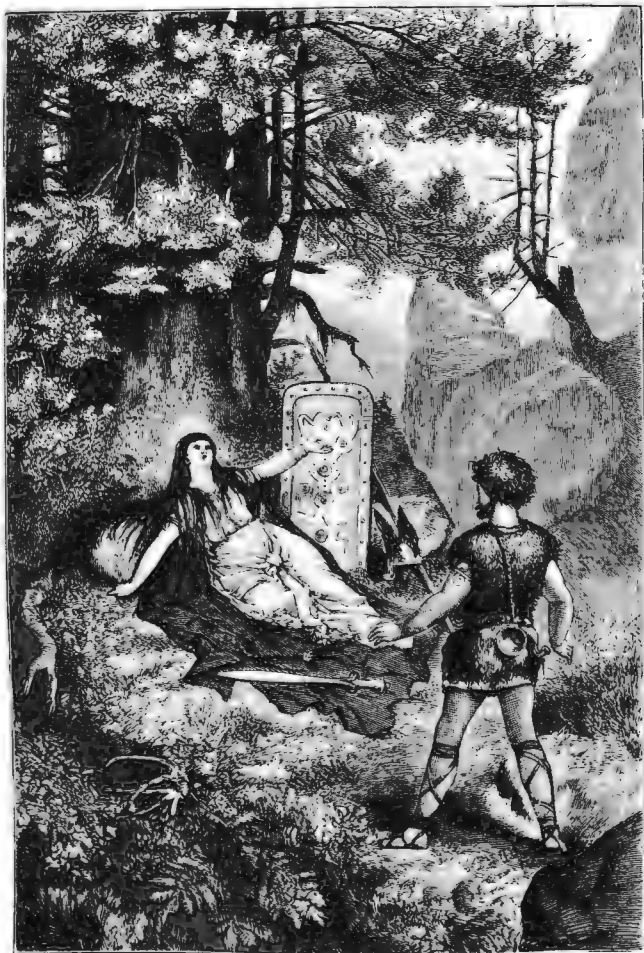
**) Idem, стр. 299.

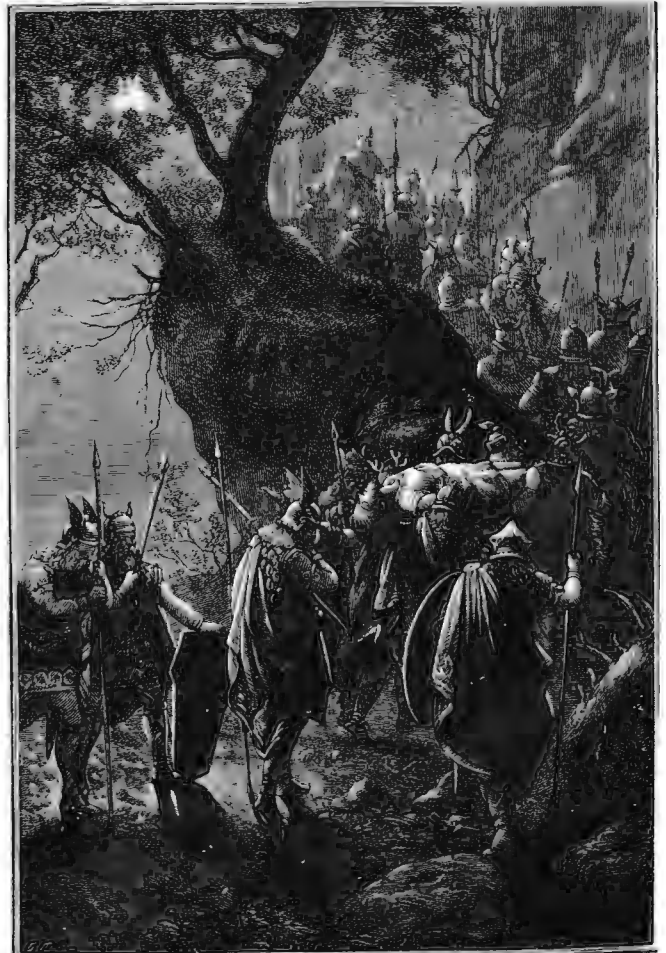
„Кольцо Нибелунга“, трилогія Вагнера. Прологъ. „Золото Рейна“. Дочери Рейна и Альберихъ. По рис. Экваль, грав. Флюгель.

„Кольцо Нибелунга“, трилогія Вагнера. Первый день. „Валирия“. Бой Гундинга съ Зигмундомъ. По рис. Экваль, грав. Шюблеръ.

„Кольцо Нибелунга“, трилогія Вагнера. Второй день. „Зигфридъ“. Пробужденіе Брюнгильды. По рис. Экваль, грав. Шюблеръ.

„Кольцо Нибелунга“, трилогія Вагнера. Третій день. „Гибель боговъ“. По рис. Экваль, грав. Пуцъ.

Оставив лошадей у балагана и отдохнув съ полчаса, мы начинаемъ подъемъ на сопку. Какъ ни угрюмъ ея видъ, но изо всѣхъ сопокъ Южнаго Урала, на который мнѣ приходилось взбираться, это положительно самая милостивая. Трона обозначается довольно ясно, хотя и не вездѣ: всего чаще она терется въ каменныхъ розсыпяхъ, гдѣ твердый кварцъ не оставляетъ на себѣ никакихъ слѣдовъ для непривычнаго глаза, но проводники и тамъ усматриваютъ имъ однимъ понятные слѣды. Масса бурелома поминутно преграждаетъ дорогу и заставляетъ дѣлать обходы. Одна сосна, обхвата въ полтора, улеглась какъ разъ поперекъ трону. Она ужъ давно обветшала, прогнила, и лежитъ здѣсь вѣроятно не одинъ десятокъ лѣтъ. Здѣсь не дѣлаютъ обхода (слишкомъ былъ-бы великъ онъ) и перелѣзаютъ черезъ нее. Кора въ этомъ мѣстѣ сильно обита погами; здѣсь только и можно удостовѣриться, что трона дѣйствительно торная и что ей не даютъ заростать. Надо только удивляться, въ чемъ находятъ пищу здѣсь эти лѣсные великаны. Куда ни посмотришь, вездѣ только и виденъ голый камень, едва прикрытый старою опавшею хвоей. А между тѣмъ, изъ трещинъ скалъ лѣзутъ высокія ели и сосны, растутъ густые кусты душистой малины, на потребу случайному бродягѣ-охотнику и постоянному обитателю этихъ мѣстъ лакомкѣ-медвѣдю. Трона идетъ по каменной розсыпи и круто поворачиваетъ лѣво; впереди между деревъ начали уже мелькать утесы самаго гребня. Мы входимъ въ мелкій ельникъ и идемъ между двухъ громадныхъ скалъ, совсѣмъ нависшихъ надъ едва замѣтною тропинкой. Дальше десяти шаговъ ничего не видно: все скрыто каменными глыбами и частымъ ельникомъ. Утомленіе чувствуется сильнѣе, потому что не знаешь, скоро-ли, наконецъ, выйдешь на свѣтъ Божій... А выходи ближе, чѣмъ можно было предполагать. Совершенно неожиданно, но крайней-мѣрѣ для меня, мы очутились на ровномъ каменномъ уступѣ, за которымъ тянулся и самый гребень. Три утеса или *камня*, какъ ихъ здѣсь называютъ, рѣзко выдѣлились надъ всѣмъ гребнемъ. Всѣ они изъ бѣлаго кварца и ярко блестятъ на солнцѣ. Самый меньшій изъ нихъ, лѣвый и есть „утесъ Александра“. Добраться къ нему не легко: надо карабкаться по голому камню какъ разъ надъ глубокой разсѣлиной. Но добраться надо: видъ, который открывается съ этого утеса, вполне вознаграждаетъ

за трудность подъема. Прямо на югъ развертывается чудная панорама горъ; направо, т.-е. на западъ, видны безчисленныя сопки и гребни Уренгайскихъ горъ; Златоустъ, это желѣзное царство Южнаго Урала, виденъ весь, какъ на ладони; заводскій прудъ блеститъ какъ зеркало подъ яркими лучами солнца; налѣво на востокъ виденъ Міасъ, это золотое царство, а за нимъ рядъ озеръ и ровная гладь степей. Когда я взглянулъ на эту чудную панораму, мнѣ стало вполне понятно, почему народное преданіе дало покойному императору въ правую руку желѣзо, а въ лѣвую — золото: такъ было дѣйствительно, когда стоялъ онъ на своемъ уральскомъ утесѣ. Съ южной и восточной сторонъ утеса идетъ глубокой обрывъ; съ этихъ сторонъ добраться къ нему еще труднѣе, чѣмъ съ западной: приходится идти около гребня, какъ по карнизу, но съ южной стороны онъ особенно красивъ; съ этой-же стороны сдѣлана и надпись, какъ говорятъ, самимъ покойнымъ императоромъ:

А
1837 года
9 іюня

Вислѣдствіи эти буквы были высѣчены и позолочены. Но я уже не видѣлъ позолоты: буквы просто были выкрашены сурькомъ. На фотографии эта надпись покойнаго императора видна довольно отчетливо.

Небольшой выступъ, примыкающій къ „утесу Александра“ съ лѣвой стороны, носить на себѣ другую надпись:

Н
27 іюня
1866 года

Эта надпись сдѣлана Николаемъ Максимиліановичемъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ во время его путешествія по Уралу въ 1866 году.

Съ западной стороны утеса есть много надписей, сдѣланныхъ карандашемъ; но безпощадные дожди постоянно смываютъ ихъ, очищая, такимъ образомъ, мѣсто для именъ новыхъ туристовъ. Только надписи съ буквами А и Н остаются неприкосновенными.

Таковъ нерукотворный памятникъ покойнаго императора въ горахъ Урала на самой границѣ Европы съ Азіей.
Н. Горбуновъ.

Къ рисункамъ.

На гору. (Рис. на стр. 325).

Полдень. Горячій воздухъ прозраченъ, какъ стекло. Дальнія горы, съ вѣчными снѣгами на своемъ гребнѣ, отчетливо вырисовываются на горизонтѣ. Въ гору медленно подымается повозка. Сухопарая, но жилистая лошадка, какъ бы опупывая копытами почву, не торюясь, но увѣренно шагаетъ по извилистой дорогѣ, вдоль которой на разнѣренномъ разстояніи поставлены небольшіе камни съ указаніемъ пройденнаго пути.

Старорусская крестьянка (Новгородской губ.).

(Рис. на стр. 328).

Въ № 3 *Нивы* за текущій годъ мы помѣтили изображеніе старорусской горожанки въ праздничномъ уборѣ; прилагаемъ въ рѣдѣ къ этому рисунку изображеніе повседневнаго будничнаго наряда мѣстныхъ крестьянокъ, который отличается лишь отсутствіемъ жемчужнаго головнаго убора, замѣняемаго простымъ повойникомъ, да тѣмъ что сарафанъ въ такихъ случаяхъ надѣвается не штофный, а будничный, кумачный и т. п. Обращаемъ вниманіе читателей на чрезвычайно типично переданное художникомъ выраженіе лица и бойкій осмысленный взглядъ молодой женщины, въ которомъ свѣтится спокойный, находчивый и слегка насмѣшливый умъ, свойственный всему великорусскому племени вообще и новгородцамъ въ особенности.

На Литвѣ. Подъ сѣнію креста. (Рис. на стр. 329).

Въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Ковенской, не говоря уже о привислинскихъ, вѣрѣдко попадаются, особенно на перекресткахъ дорогъ, ветхіе католическіе кресты съ изваяніями распятаго Спасителя, подобные изображенному на рисункѣ г. Штейна. Это любимое мѣсто отдыха усталыхъ пѣшеходовъ, пробирающихся на богомолье или по дѣламъ изъ селенія въ селеніе.

„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“. (Рис. на стр. 333).

Рисунокъ И. Волкова заимствованъ изъ старинной повѣсти Жуковскаго „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, состоящей изъ двухъ балладъ „Громобой“ и „Вадимъ“. Громобой, продавъ свою душу Асмодею, по истеченіи срока получаетъ отъ него отсрочку на 12 лѣтъ за души своихъ двѣнадцати дочерей, но затѣмъ раскаивается и проводитъ остатокъ жизни въ молитвѣ. По смерти его, ради искупленія, Небо погружаетъ его дочерей въ непробудный сонъ, пока не придетъ искупитель, а искупителемъ явится тотъ,

Кто ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красною,

Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забыту ихъ обитель.

Этимъ искупителемъ былъ Вадимъ, по рожденіямъ котораго и посвящена вторая часть или баллада повѣсти Жуковскаго. Нашъ рисунокъ относится къ слѣдующимъ строкамъ баллады:

Въ нѣдрѣхъ непреступныхъ снѣгъ
Молчаніе могилы;
Окрестъ ихъ, мглой покровенъ,
Сдѣбеть лѣсъ унылый:
Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листьяхъ,
Не слышно водъ журчанья,
Ни благовоній въ цвѣтахъ,
Ни въ травкѣхъ нѣтъ дыханья.
И дѣвы спятъ—ихъ сонъ глубокъ;
И жребій искупленья,
Безвѣстенъ, близокъ иль далекъ;
И нѣтъ имъ пробужденья.
По въ часъ, когда поля заснутъ,
И мглой земля одѣта
(Между торжественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣта),
Одна изъ спящихъ возстаетъ —
И странникъ одинокой,
Свой срочный начинаетъ ходъ
Кругомъ снѣны высокою;
И смотреть вдалѣ, и ждеть съ тоской:
„Приди, приди спаситель!“
Но даль покрыта черной мглой...
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!
Когда-жь исполнится луна,
Чреда приходитъ снѣны;
Въ урочный часъ пробуждена,
Одна идетъ на снѣны,
Другая къ ней со снѣны идетъ,
Встрѣчается, и руку,
Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
На долгую разлуку;
Потомъ къ почіющимъ сестрамъ,
Задумчива, отходитъ,
А та печальна по снѣнамъ
Одна до снѣны бродить...

Лѣсничій у домашняго очага. (Рис. на стр. 336 и 337).

Имя Лудвига Кнауса хорошо извѣстно. Его высокохудожественныя картины давно уже доставили ему заслуженную славу. Недаромъ онъ избранъ членомъ академіи въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Амстердамѣ, Антверпенѣ и Христианіи. До чего ните-

ресно, правдиво и привлекательно может быть переданъ самый незатѣйливый сюжетъ его кистью, можно видѣть изъ помѣщенной въ настоящемъ номерѣ гравюры съ его картины „Лѣсничій у домашняго очага“, изображающей нѣмецкаго лѣсничяго, сладко отдыхающаго послѣ обхода по своему участку.

„По примѣру боговъ“, картина Генриха Семирадскаго. (Рис. на стр. 344).

Въ тѣнистомъ сумракѣ густаго древне-римскаго сада, на берегу пруда заросшаго кувшинками, у подножія мраморной группы Амура и Психеи, расположилась другая, живая чета; молодой патрицій, очевидно только что прибывшій на свиданіе въ своей лодочкѣ, украшенной фигурами лебеди и голубей, птицъ посвященныхъ богинѣ любви, застагаетъ свою возлюбленную на условленномъ мѣстѣ за любимымъ занятіемъ, плетениемъ цвѣточной гирлянды. Примѣръ боговъ заразителенъ — особенно въ томительный полдень, когда знойный воздухъ насыщенъ нѣжными ароматами цвѣтговъ, а молодая кровь клокочетъ лавой и зажигаетъ сердца... И вотъ гирлянда выскользнула изъ рукъ молодой дѣвушки — и сходство съ богами произошло полное.

Александръ I, король Сербскій, и регентъ Ристичъ. (Портр. на стр. 345).

Въ самый разгаръ сербско-турецкой войны, когда въ сербской столицѣ оставались старики, женщины, дѣти, да пострадавшіе на войнѣ, а остальное население билось съ врагами отчины, 2 (14) августа 1876 года пушечные выстрѣлы съ бѣградской цитадели возвестили о появленіи на свѣтъ въ канакѣ наслѣдника Шумадійскаго короны. Принцу дали имя Александра, и вскорѣ въ бѣградскомъ канакѣ съ большимъ торжествомъ совершенно надъ нимъ обрядъ крещенія, причемъ воспріимникомъ Александра отъ купели былъ въ Божѣ почившій императоръ Александръ Николаевичъ. Любовь Милана къ сыну, по общимъ отзывамъ, была безгранична; не менѣе сильно любила его и мать. Ребенокъ росъ здоровымъ и бодрымъ подъ непосредственнымъ надзоромъ королевы Наталіи, женщины умной и высокообразованной, причемъ воспитаніе его было сперва поручено г-жѣ Пелеенгръ, швейцарской уроженкѣ, научившей принца говорить по-французски и по-английски, затѣмъ мѣсто ея заступилъ нынѣшній гувернеръ короля Александра, докторъ Докичъ. Онъ прошелъ съ принцемъ курсъ первыхъ классовъ гимназій, наблюдалъ за преподаваніемъ всѣхъ предметовъ и особенно языковъ: русскаго, англійскаго, нѣмецкаго и итальянскаго. По свидѣтельству газеты *Neue Freie Presse*,

Миланъ нерѣдко присутствовалъ при классныхъ занятіяхъ сына и порою задавалъ ему какой-нибудь вопросъ по латинской грамматикѣ, хотя самъ Миланъ съ латынью почти совсѣмъ незнакомъ. У принца не было недостатка и въ преподавателяхъ музыки, рисованія, верховой ѣзды, фехтованія и проч., и когда онъ съ матерью былъ въ Висбаденѣ, въ 1888 году, жители ежедневно видѣли юнаго Обреновича въ сербскомъ мундирѣ, катающимся верхомъ въ сопровожденіи своего адъютанта, полковника Любомира Баяловича. По возвращеніи изъ Висбадена, Александръ сдѣлался чрезвычайно любознательнымъ и проявилъ склонность къ наукамъ. Онъ полюбилъ исторію, географію и въ особенности естественную исторію. Раньше же онъ обнаруживалъ нѣкоторую лѣность, такъ что королева-мать зачастую дѣлала ему выговоры. Когда въ 1886 году мать взяла его съ собою въ Крымъ, гдѣ имъ обоимъ былъ оказанъ весьма радушный приемъ Государемъ Императоромъ, юный Александръ былъ внѣ себя отъ восторга, что съ нимъ Докичъ не поѣхалъ и не будетъ „мучить“ принца во время путешествія. Однажды, за обѣдомъ, принцъ задумался и пресерьезно спросилъ мать: у всѣхъ-ли дѣтей имѣются Докичи. Мать отвѣтила утвердительно, и принцъ, съ глубокимъ вздохомъ замѣтилъ: „Нечего дѣлать, я долженъ буду подчиниться этому“. 22 февраля (6 марта) король Миланъ отрекся отъ короны въ пользу сына, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Александра I. Юному королю только въ августѣ текущаго года исполнится 13 лѣтъ, слѣдовательно ему остается еще пять лѣтъ слишкомъ до совершеннолѣтія. Видѣнья короля Александра отзываются о немъ, какъ объ очень симпатичномъ отроукѣ, производящемъ прекрасное впечатлѣніе. Онъ довольно большаго роста, похожъ и на мать, и на отца; у него прелестные, выразительные, добрые глаза, гибкій станъ и хороши манеры. Характеръ у него живой, но вмѣстѣ съ тѣмъ чистосердечный. Король страстно любитъ свою мать и сильно тосковалъ о ней, когда ихъ насильственно разлучили. Сообщая своей Августѣйшей родительницѣ о восторженіи своемъ на престолѣ, король Александръ адресовалъ это телеграфное сообщеніе такъ: „Ея Величеству королевѣ Наталіи“. Въ послѣднее время до восторженія на престолѣ, юный король сталъ обнаруживать большой интересъ къ военному дѣлу, былъ въ восторгѣ когда его назначили поручикомъ 7-го пѣхотнаго полка его имени и выпросилъ у отца разрѣшеніе ходить въ теченіе нѣсколькихъ дней въ офицерскомъ мундирѣ и посылать рапорты полковому командиру. Прилагая портретъ юнаго короля, присоединяемъ и послѣдній портретъ одного изъ членовъ учрежденнаго надъ нимъ регентства, ювана Ристича, котораго біографія была въ свое время помѣщена въ „Нивѣ“.

„Кольцо Нибелунга“, трилогія Рихарда Вагнера.

(Рис. на стр. 341).

Какъ извѣстно уже читателямъ „Нивы“, въ Петербургѣ на сценѣ Маріинскаго театра идутъ представленія трилогіи (или считая съ прологомъ — тетралогіи) Вагнера „Кольцо Нибелунга“, по окончаніи четырехъ абонементовъ (цикловъ), предполагается дать ее и въ Москвѣ. Поэтому считаемъ своевременнымъ познакомить читателей съ этимъ гениальнымъ произведеніемъ, насколько позволяетъ размѣры нашего журнала, т. е. въ самыхъ общихъ чертахъ.

При этомъ мы находимъ совершенно излишнимъ распространяться о томъ новомъ родѣ музыки, основателемъ котораго считается Вагнеръ, — о такъ-называемой „музыкальной драмѣ“, тѣмъ болѣе, что объ этомъ написаны цѣлыя томы какъ самимъ Вагнеромъ, такъ и его противниками. Музыкальная драма отличается отъ оперы тѣмъ, что въ ней текстъ не есть подчиненное музыкѣ и само по себѣ ничтожное либретто, а совершенно самостоятельное поэтическое произведеніе, которому музыка должна служить такимъ-же дополненіемъ, какъ напримѣръ служить краски къ рисунку, для достиженія художественнаго цѣлаго — картины. Мы взяли это несовсѣмъ точное сравненіе лишь въ виду того, что Вагнеръ въ своихъ произведеніяхъ придаетъ главное значеніе именно драмѣ, которалъ такимъ образомъ скорѣе могла-бы обойтись безъ музыки, нежели наоборотъ; подобно тому какъ рисунокъ можетъ быть совершенно законченнымъ и безъ красокъ. Идеаломъ-же музыкальной драмы было-бы полное гармоничное сліяніе двухъ элементовъ — музыки и драматической поэзіи. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о самой возможности сліянія двухъ искусствъ, которое какъ-то невольно приводитъ на память безобразное сліяніе живописи и скульптуры въ раскрашенныхъ статуяхъ, — мы отмѣтимъ лишь то, что Вагнеръ въ своей трилогіи не только не достигаетъ такого полнаго сліянія, но, добиваясь его во что бы то ни стало, весьма часто нарушаетъ основные законы изящнаго и нерѣдко грѣшитъ возмутительнымъ отсутствіемъ чувства мѣры, составляющаго отличительный признакъ истинно художественныхъ созданій; тѣмъ не менѣе, избѣгая эпитета „художественный“, мы настаиваемъ на томъ, что трилогія „Кольцо Нибелунга“ произведеніе гениальное — типическая попытка, которая быть-можетъ болѣе и не удастся въ такой мѣрѣ никому изъ многочисленныхъ послѣдова-

телей Вагнера, какъ не удавалась имъ до сихъ поръ, доходя до комизма въ потугахъ такъ-называемой „могучей кучки“.

Чтобы покончить съ музыкальною стороною „Кольца Нибелунговъ“, которалъ менѣе всего поддается краткому очерку, отмѣтимъ, что при всемъ богатствѣ звуковъ, для изображенія коихъ Вагнеромъ введены были въ оркестръ даже дополнительные, до него небывалые инструменты, при всей роскоши изобрѣтенія звуковыхъ комбинацій, благодаря коей музыка его можетъ быть названа звуковою „полихроміей“ (многоцвѣтностью), напрасно стали-бы мы искать въ трилогіи того послѣдовательнаго развитія музыкальной мысли, того драматическаго хода самой музыки, которые такъ ослзательно выступаютъ въ образцовыхъ операхъ, напр., чтобы недалеко ходить, въ „Лиззи за Царя“ Глинки. Здѣсь въ первой сценѣ вы слышите лишь чисто-русскіе звуки, сначала въ ихъ такъ-сказать будничномъ, повседневномъ теченіи, потомъ къ концу акта въ приподнятомъ радостною вѣстью объ избраніи цари, ликующемъ напряженіи; во второй сценѣ — чисто-польскіе звуки и опять въ той-же градации сначала безпечнаго, свойственнаго польскому племени, легкомысленнаго разгула мазурки и краковяка, потомъ хвастливыхъ и заносчивыхъ угрозъ хора по поводу той-же вѣсти; въ третьей сценѣ русскіе и польскіе звуки сталкиваются между собою въ избѣ Сусанина (русскіе крестьяне и польскій отрядъ), борясь между собой съ равной силой; въ четвертой и пятой сценахъ русскіе звуки постепенно забираютъ силу насчетъ польскихъ, преодолеваютъ, давятъ и заглушаютъ ихъ; въ шестой и седьмой — ни одного польскаго звука и побѣдное ликование русскихъ. Еслибъ не было вовсе либретто и дѣйствующія лица пѣли безъ словъ и безъ костюмовъ — драма была-бы вамъ совершенно и въ той-же мѣрѣ понятна, какъ со словами и обстановкой, потому что она вся въ музыкѣ — а либретто и обстановка какъ-бы прибавлены ради толпы, которалъ соскучилась-бы въ области однихъ звуковъ. Въ трилогіи Вагнера литературной стороной драмы дано преобладающее или по меньшей мѣрѣ равноправное значеніе относительно музыкальной — и вотъ здѣсь-то подтвердилась та эстетическая истина, что нельзя безнаказанно сглаживать границы между разнородными искусствами. Каждому искусству свойственны свои формы, свои спо-

По примѣру боговъ. Съ карт. (собств. Государи Императора) Г. Семирадскаго, грав. Шюблеръ.

собы выражены; будучи сопоставлены, разнородныя формы лишь изрѣдка могут идти рядомъ въ полномъ согласіи; болѣею же частью или отстоятъ одна отъ другой, или опережаютъ другъ друга. Напр., изображая скоропреходящее душевное настроеніе, произведенное въ человѣкѣ какимъ-либо событіемъ, музыка можетъ прямо очертить его нѣсколькими тактами мелодіи грустной или веселой; поэзія должна дать предварительно цѣлый разсказъ объ этомъ событіи, для того чтобы оттѣнки настроенія стали ясны,—и слѣдовательно необходимо растянуть сопровождающую музыку въ ущербъ ея красивой милолетности. Обратный примѣръ: быстрый переходъ изъ одного душевнаго настроенія въ другое, положимъ изъ веселаго въ грустное, при внезапномъ событіи, въ поэзіи можетъ быть выраженъ помощью двухъ-трехъ словъ или даже одного междометія; въ музыкѣ при этомъ потребуются цѣлый рядъ модуляцій для перехода

ракетъ, внутренняя сущность народа, какъ въ его первобытной религіи и мѣтахъ до-историческихъ быльи (сага). Одна изъ такихъ религій или вѣрѣе ееогоній, а именно обшая древне-скандинавскому Сѣверу и языческой Германіи, одинъ изъ цикловъ древне-сѣверной саги, а именно сказаній скандинавской *Эдды* съ вытекшею изъ нея германскою *пѣснью о Нибелунгахъ*, и положены Вагнеромъ въ основу его трилогіи. Съ изумительною — для музыканта по преимуществу — эрудиціей воспользовался онъ всеми вариантами отрывочныхъ сказаній *древней и позднѣйшей Эдды*, норвежской *саги о Дитрихѣ* и *пѣсни о Нибелунгахъ*, переработалъ этотъ полу-сырой матеріалъ въ горнилы творчества и объединилъ его въ своемъ „Кольцѣ Цибелунга“.

Для полного уразумѣнія этой драмы необходимо предварительно припомнить основныя черты германской мѣологии.

Іованъ Ристичъ, одинъ изъ членовъ регентства въ Сербіи.
Съ фот. грав. В. Шуцъ.

Александръ I, король Сербіи.
Съ фотогр. Лешнера въ Вѣлградѣ, грав. В. Шуцъ.

изъ одного тона въ другой и слѣдовательно придется растягивать литературный текстъ въ ущербъ его энергической сжатости. Мы беремъ самые грубые примѣры ради ясности, но такихъ случаевъ столкнени безконечное множество — и такимъ образомъ поэзія и музыка будутъ постоянно тормозить другъ друга, если одной изъ нихъ не будетъ дано второстепеннаго, подчиненаго, чисто служебнаго значенія. Какъ же справляется Вагнеръ съ этимъ внутреннимъ противорѣчіемъ?

Выручаетъ его именно исключительный талантъ, т. е. гениальность. Дѣло въ томъ что — по замыслу по крайней мѣрѣ — Вагнеръ въ равной мѣрѣ и поэтъ, и музыкантъ, а благодари его виртуозности въ обоихъ сферахъ, онъ въ извѣстной степени можетъ пренебрегать по мѣрѣ надобности такими законами, нарушеніе которыхъ со стороны менѣе даровитаго автора повлекло бы за собой полное фіаско произведенія. Въ часто въ теченіе трилогіи возмущены этими „вольностями“, или до наивности грубыми неловкостями, но невольно прощаете ихъ въ виду грандіозности цѣлаго.

Чтобы покончить разъ навсегда съ этими недостатками, укажемъ весьма частыя, утомительныя длинноты въ музыкѣ ради текста, но временамъ долгое отсутствіе дѣйствія въ драмѣ ради полнѣйшихъ разсказовъ, иногда до комизма доходящую грубость вышнихъ явленій и характеристикъ въ погонѣ за фальшивою реальностью (напр. мѣлическое существо, нибелунгъ Альберихъ, *чихаетъ* карабкаясь на листыя подводныя скалы рейнскаго дна).

Въ чемъ же заключается выкупающее все эти недостатки величіе цѣлаго?

Во-первыхъ въ томъ что по замыслу трилогіи эта относится къ тому высшему роду драмы, которая, въ противоположность мѣщанской драмѣ или драмѣ страстей, можетъ быть названа драмой человѣческаго духа, подобно *Фаусту* Гёте или *Манфреду* Байрона, слѣдовательно возвышается до міроваго значенія; а во-вторыхъ, что она исчерпываетъ все проявленіе древне-германскаго духа и быта, легшихъ въ основу развитія нѣмецкой національности.

Ни въ чемъ такъ осязательно не проявляется народный ха-

По древне-германской космогоніи, вселенная была населена существами четырехъ родовъ: 1) богами, сынами свѣта, представителями благодѣтельныхъ силъ природы, но не вѣчными и не всемогущими, а подчиненными времени и высшимъ законамъ, управляющимъ вселенною; 2) карликами, сынами ночи (нибелунгами), обитателями тьмы, Нибельгейма (страны тумана), представителями медленной, кропотливой работы изжительныхъ силъ природы въ нѣдрахъ земли; 3) великанами, олицетворявшими враждебныя, буйныя, стихійныя силы природы, и наконецъ 4) людьми. Но еще до появленія человѣка началась между богами, карликами и великанами борьба за первенство власти. Эта борьба, долженствовавшая окончиться гибелью боговъ, т. е. паденіемъ языческаго міра, и составляетъ содержаніе тетралогіи Вагнера.

Въ первой части, составляющей прологъ или капюль, подъ заглавіемъ „*Золото Рейна*“, люди вовсе не появляются на сценѣ. Переноси зрителя въ среду фантастическихъ существъ, Вагнеръ притовалетъ его къ воспріятію впечатлѣній сверхъестественнаго особымъ пріемомъ. Передъ сомкнутымъ занавѣсомъ (онъ не поднимается, какъ обыкновенно, вверхъ, а раздвигается съ середины сцены въ обѣ стороны, направо и налево, какъ въ средневѣковыхъ театрахъ) при звукахъ трубы, служащей повѣсткой о началѣ, въ зрительной залѣ приглушается люстра и воцаряется полумракъ, въ которомъ раздаются на первыхъ порахъ тихіе, трудно уловимые звуки оркестра. Раздвигается занавѣсъ — и передъ зрителемъ во всю сцену сначала непроницаемая, потомъ слегка просвѣчивающая посреднѣ и какъ бы волнующаяся тьма. Звуки въ оркестрѣ становятся все опредѣленнѣе, изображая перекаты волнъ, декорачія мало-по-малу проясняется и вы видите во всю сцену дею Рейна загроможденное причудливыми подводными утесами и затопленное до самаго верхняго занавѣса прозрачными движущимися синими волнами, въ ряби которыхъ причудливо преломляется свѣтъ. Въ нихъ рѣзвятся, плавал, ширяя, гоняясь одна за другой, три дочери Рейна, *Волгинда*, *Велмунда* и *Флосгилда*, которыя сторожатъ *спящее* на среднемъ утесѣ золото. Въ разсказѣ одной изъ подводныхъ пещеръ мрачнаго Нибельгейма пользуется

неуклюжий, косматый, грязный карлик, нибелунг Альберих; он любитесь водными красавицами и не прочь добиться их благосклонности. Но он только дразнит его и потыпаются над ним, доводя до бешенства. Внезапно средней утес и окружающая его вода освещаются ярким блеском — это *проснулось* золото, лежащее на вершинѣ утеса громадным самородком, и вместе съ тѣмъ по всей водѣ разливаются свѣтъ утренней зари. Пораженный Альберих спрашивает у русалокъ, что это такое. Русалки рассказываютъ ему что это золото Рейна — кому удастся сдѣлать изъ него кольцо, тотъ получить власть надо всѣмъ міромъ; но завладѣть этимъ золотомъ можетъ только тотъ, кто откажется отъ любви. Возбешенный своею неудачей у русалокъ, Альберих разомъ рѣшается — проклинаетъ любовь, бросается на утесъ и, схвативъ золото, съ хохотомъ исчезаетъ въ пѣдрахъ Нибельгейма. На всей сценѣ мгновенно воцаряется мракъ, въ которомъ раздается жалобный плачь русалокъ, утратившихъ свое золото и вместе съ нимъ свѣтъ.

Сцена мало-по-малу совершенно затопляется темными волнами, которые превращаются въ черныя тучи, и когда послѣднія разсѣиваются, происходитъ такъ-называемая *чистая перемѣна*: на заднемъ планѣ видна гористая заоблачная мѣстность, царство свѣта и жилище боговъ, сначала еще въ ночномъ освѣщеніи. По мѣрѣ того какъ разсвѣтаетъ, на одной изъ горныхъ вершинъ обрисовывается мощная каменная твердыня крѣпости; между этой твердыней и авансценой глубокая долина, въ которой извирами течетъ Рейнъ. Справа на авансценѣ въ скалѣ зияетъ темная пещера, входъ въ Нибельгеймъ — подземное царство мрака и нибелунговъ. Неподалеку, на цвѣтущемъ пригорьѣ снуютъ сыны свѣта, стоящіе во главѣ германскаго Олимпа, миро-державный богъ войны Вотанъ и супруга его Фригга. Проснувшись, Фригга пугается при видѣ крѣпости и будитъ Вотана, но тотъ со своей стороны только любитесь великолѣпною твердыней, которая даетъ ему возможность расширить свою власть и устоять въ борьбѣ съ враждебными ему исполинами и карлами. Онъ заключилъ съ двумя изъ враговъ своихъ, братьями-великанами *Фазолтомъ* и *Фафнеромъ* договоръ, по которому они обзались выстроить ему эту крѣпость въ одну ночь, причѣмъ и онъ поклялся имъ священными рунами (таинственными письменами) начертанными на его коньѣ, въ награду за работу, отдать сестру Фригги, *Фрейю*, богиню юности, въ замужество влюбленному въ нее *Фазолту*. Вотъ эта-то цѣна и пугаетъ Фриггу: дѣло въ томъ что одна Фрейя умѣетъ возвращать въ своемъ саду золотыя яблоки, ежедневное вкушеніе которыхъ даетъ богамъ вѣчную юность и силу. Но Вотанъ спокоенъ: онъ положился на коварнаго *Логе* (богъ огня, воплощеніе зла и отрицанія), который обѣщалъ выручить его изъ бѣды и необходимости отдать Фрейю. Отмѣтимъ тутъ же, что въ этомъ и лежитъ глубоко-философская, психологическая завязка всѣхъ дѣйствій дальнѣйшей драмы. Источникъ всѣхъ золъ и преступленій — неправда; достаточно совершить малѣйшую неправду — и послѣдствія ея неисчислимы, если во время не испунить ее: она будетъ влечь за собою все болѣе несправедливости и преступленія, пока виновный не запутается въ нихъ окончательно и уже не станетъ самой возможности испунения. Ослабленный властолюбіемъ, Вотанъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи изобрѣтательнаго духа лжи и зла, Логе, для того чтобы какъ-нибудь обойти свой договоръ съ великанами, прямо нарушить святость коего даже онъ, сильный богъ, не можетъ — чисто-германская черта. Надѣясь на помощь Логе, Вотанъ успокоиваетъ Фриггу тѣмъ что онъ никогда не думалъ серьезно отдать Фрейю. Между тѣмъ эта послѣдняя прибѣгаетъ на сцену съ мольбою о защитѣ отъ Фазолта, который явился за обѣщанною наградою. Въ оркестрѣ раздаются тяжкіе и грозные аккорды, изображающіе шаги исполиновъ: чувствуется что идетъ какая-то грозная, неуправляемая, чудовищная стихійная сила. На сцену выступаютъ, грузно и неуклюже нагая, громадные братья-силачи, съ растрепанными космами волосъ и бородъ, едва прикрытые медвѣжьими шкурами, оба вооруженные цѣлыми деревьями вмѣсто палицъ. Вотанъ проситъ ихъ назначить другую плату за постройку, отказываясь выдать Фрейю. Фазольтъ совершенно ошеломленъ этимъ невѣроятнымъ для него исходомъ, но затѣмъ мгновенно свирѣпѣетъ отъ бешенаго негодованія. „Сынъ свѣта“, говоритъ онъ Вотану, „берегись нарушить святость договора: это совѣтъ глупаго исполина тебѣ, мудрецу.“ Великаны хватаютъ Фрейю и хотятъ увести ее силой. На крикъ ея о помощи, слышатъ братья богини, *Доннеръ* (богъ грома), вооруженный своимъ страшнымъ молотомъ, и *Фро* или *Фрейръ* (богъ солнца, дождя и плодородія) со своимъ мечемъ. Великаны бросаются на нихъ, замашицались палицами, Доннеръ грозитъ имъ своимъ тяжкимъ молотомъ; но Вотанъ протягиваетъ между спорящими свое конь и устраняетъ столкновение. Приходить долго жданный *Логе* и заявляетъ что онъ обошелъ весь свѣтъ, тщетно отыскивая такое сокровище, которое могло бы замѣнить доблестному мужу счастье даруемое прекрасною женщиной — на свѣтѣ нѣтъ ничего выше любви; во всемъ мірѣ нашлось только одно живое существо — нибелунгъ Альберихъ, который отказался отъ любви чтобы пріобрѣсть золото Рейна. Братья-исполины, считающіе нибелунговъ злѣйшими врагами, чрезвычайно заинтересованы разсказомъ и спрашиваютъ что же такого важнаго въ золотѣ,

если его такою цѣною рѣшился пріобрѣсть нибелунгъ. Узнавъ что скванное изъ него кольцо даетъ власть надо всѣмъ міромъ, великаны пугаются такой власти въ рукахъ своего злѣйшаго врага. Со своей стороны, боги тоже не прочь завладѣть этимъ кольцомъ, тѣмъ болѣе что, по мнѣнію Логе, теперь ужъ имъ нечего для этого отказываться отъ любви, достаточно отнять кольцо у Альбериха, наказавъ ограбившаго дочерей Рейна такъ-же грабежемъ. Золото прельщаетъ и богини, узнавшихъ отъ Логе, что изъ него можно дѣлать драгоцѣнныя украшенія, а что касается несправедливости по отношенію къ дочерямъ Рейна, то эти русалки всегда были ненавистны Фриггѣ, какъ соблазнительницы, утопившія въ Рейнѣ не одного доблестнаго мужа. Пока Вотанъ колеблется предъ этою новою несправедливостью, Фафнеръ уговариваетъ своего брата, и наконецъ исполины объявляютъ, что они готовы отказаться отъ Фрейи, если имъ будетъ дано золото нибелунга, которое Вотану легко добыть, перехитривъ Альбериха, что никогда не удавалось имъ самимъ; они даютъ Вотану срокъ до вечера, и въ залогъ уводятъ съ собою Фрейю.

Съ уходомъ богини юности, царство свѣта блекнетъ въ туманѣ, лица боговъ блѣднѣютъ и старѣютъ, силы ихъ истощаются, Фригга горько упрекаетъ Вотана въ легкомысліи — и онъ внезапно рѣшается презрѣть жалобы дочерей Рейна и добыть сокровища нибелунга. Вместе съ Логе спускается онъ въ пропасть Нибельгейма, откуда тотчасъ поднимаются сѣрые пары, застилающіе всю сцену и мало-по-малу переходящіе въ темную тучу, изъ которой снизу начинаютъ выдвигаться скалистые подземныя пѣдра Нибельгейма, такъ что кажется, будто вся сцена проваливается ниже и ниже. Скалистыя жилища, ущелья и узкія шахты рудниковъ съ блестящими жилами металловъ, въ разныхъ мѣстахъ озаряются краснымъ пламенемъ. Альберихъ, подучившій своего брата, искуснаго кузнеца *Миме*, сковать изъ Рейнскаго золота кольцо и волшебный шлемъ (обще-арійская шапка-невидимка), позволяющій его владѣльцу превращаться во что угодно и дѣлаться невидимымъ, — отнимаетъ ихъ у брата силой, обращается въ туманный столбъ и невидимо мучитъ своего брата и всѣхъ нибелунговъ, которые поднимаютъ страшный вой, принуждаемые кольцомъ Альбериха къ каторжной обработкѣ рудъ: вся сцена оглашается звономъ metalloвъ. Спустившіеся въ пропасть Вотанъ и Логе узнаютъ отъ Миме продѣлку Альбериха съ кольцомъ и шапкой-невидимкой, и хитрый Логе мгновенно создаетъ планъ дѣйствія. Когда вернувшійся Альберихъ грозитъ богамъ могуществомъ золота, которое покоритъ ему весь міръ и самихъ боговъ, Логе подзадориваетъ его, сомнѣваясь въ волшебномъ свойствѣ шапки-невидимки и отказываясь вѣрить, пока собственными глазами не убѣдится въ возможности превращаться. Альберихъ тотчасъ надѣваетъ шлемъ и превращается въ громаднаго змѣя, который грозитъ поглотить боговъ своей пастью. „Теперь вѣрнись?“ хвастливо спрашиваетъ онъ, являясь снова въ своемъ обычномъ видѣ. „Да, это хорошо“, отвѣчаетъ Логе, „но всего умнѣе, во избѣжаніе грозящей опасности, обратиться въ мелкое, незамѣтное существо, которое можетъ спрятаться въ любой расщелинѣ... Можешь-ли ты превратиться, напримѣръ, въ жабу?“ „Ба! ничего нѣтъ легче“. Но какъ только Альберихъ превратился въ жабу, Вотанъ настукаетъ на него ногой, а Логе срываетъ съ головы его шапку-невидимку, затѣмъ боги связываютъ карлу по рукамъ и по ногамъ, и тащатъ его изъ Нибельгейма въ сѣрыхъ паряхъ, которые снова застилаютъ сцену и затѣмъ разсѣиваются, открывая снова горную мѣстность второй сцены, попрежнему все еще закутанную легкимъ туманомъ.

Вотанъ и Логе выводятъ связаннаго Альбериха изъ мрачной расщелины Нибельгейма и въ видѣ выкупа за его голову и освобожденіе, требуютъ всѣхъ его сокровищъ. Альберихъ, зная, что своимъ кольцомъ онъ добудетъ ихъ сколько угодно, вызываетъ его волшебною силой Нибелунговъ, которые приносятъ изъ Нибельгейма выкованныя сокровища, сваливаютъ ихъ въ кучу и затѣмъ снова исчезаютъ въ пропасти. Но Логе присоединяетъ къ сокровищу и шапку-невидимку, а Вотанъ требуетъ и кольцо, которое видитъ у Альбериха на пальцѣ, обвиняя карлу въ томъ, что незаконно владѣетъ кольцомъ, похитивъ его у дочерей Рейна. Доведенный до отчаянія, Альберихъ совершенно основательно упрекаетъ Вотана въ позорномъ коварствѣ и алчности: если онъ, Альберихъ, совершилъ преступленіе, то совершилъ его надъ собою и на свой счетъ, отказавшись отъ любви, какъ заповѣдано въ священныя рунахъ рейнскаго золота; „тогда какъ ты, вѣчный богъ“, прибавляетъ нибелунгъ, — „даромъ отнявъ у меня кольцо, совершивъ преступленіе надо всѣмъ, что было, есть и будетъ“. Не обращая вниманія на предостереженіе, Вотанъ отнимаетъ у него кольцо, и освобожденный наконецъ Альберихъ произноситъ страшное и неотвратимое проклятіе надъ кольцомъ: отнынѣ оно никому изъ своихъ владѣльцевъ не принесетъ счастья, а лишь одно злополучіе; кто не обладаетъ кольцомъ, того будетъ грызть зависть, а кто завладѣетъ имъ — обреченъ горю и смерти. Съ этими словами онъ исчезаетъ въ пропасти Нибельгейма.

На сценѣ начинается быстро свѣтлѣть и туманъ разсѣивается. Это возвратилась Фрейя съ исполинами. Съ другой стороны являются Фригга, Доннеръ и Фро. Жадные великаны требуютъ такую громадную кучу золота, чтобы она совершенно за-

крыла Фрейю отъ глазъ влюбленнаго въ нее Фазольта, который до послѣдней минуты надеется, что золота не хватитъ и Фрейя все-таки достанется ему. Они втыкаютъ свои пальцы въ землю по сторонамъ стоящей богини, отмиρίζаютъ на лицахъ ея ростъ и начинаютъ засыпать промежутокъ сокровищами, оскорбляя боговъ этимъ унижительнымъ условіемъ, безошадно ломая и сминая художественно выкованныя чашы, кубки, щиты и другія издѣлія. Все золото ушло въ кучу, а волосы Фрейи еще видны Фазольту, и онъ грубо требуетъ шанку-невидимку. Вотанъ, едва сдерживая отвращеніе и негодованіе, приказываетъ Логе отдать и шлемъ. Скрылись и волосы Фрейи, но Фазольтъ находитъ еще крошечный промежутокъ между сложенными золотомъ, въ который ему виденъ глазъ богини. Лучный Фафнеръ требуетъ чтобы и этотъ промежутокъ былъ заткнутъ — заткнутъ кольцомъ, которое онъ видитъ на пальцѣ у Вотана. Логе говорить великанамъ что кольцо это принадлежитъ дочерямъ Рейна, которымъ Вотанъ и возвратитъ его. Но Вотанъ ни за что не хочетъ разстаться съ могущественнымъ кольцомъ ни для дочерей Рейна, ни даже ради освобожденія Фрейи.

Тогда разверзается земля и, во внезапно наступившемъ мрачѣ, изъ нѣдръ ея, освѣщенная синимъ пламенемъ, возникаетъ по полюсь величественная Эрда, вѣщан (вала) богиня земли, когорой извѣстны судьбы всего существующаго и самихъ боговъ, подчиненныхъ наравнѣ со всей вселенною непреложнымъ законамъ природы и времени; три дочери ея, Норны, вьютъ золотую нить мировыхъ судебъ, а самой ей извѣстно прошлое, настоящее и будущее. Печальнымъ и торжественнымъ голосомъ предупреждаетъ она Вотана, чтобы онъ отказался отъ проклятаго кольца, которое принесетъ ему неотвратимую гибель. Вотанъ хочетъ броситься въ пропасть за исчезающей Эрдой, чтобы узнать все грядущее, но боги его удерживаютъ; послѣ страшной борьбы съ собою, онъ бросаетъ кольцо великанамъ и зоветъ Фрейю въ сонмъ боговъ, которые встрѣчаютъ ее съ ликующимъ восторгомъ.

Между тѣмъ у великановъ, забирающихъ золото въ мѣшокъ, уже разгорѣлась ссора, сначала по поводу дѣлежя, а потомъ по внушенію Логе — за кольцо. Фазольтъ, сбѣженный жаднымъ Фафнеромъ, едва успѣлъ отнять у него кольцо и завладѣть имъ, какъ проклятіе нибелунга уже подѣйствовало — Фазольтъ падаетъ мертвымъ подъ ударомъ страшной дубины отъ руки роднаго брата. Пока Фафнеръ забираетъ золото и удаляется, боги въ ужасѣ. Вотанъ понялъ что зло внесено имъ самимъ въ міръ и что цѣной этого зла онъ заплатилъ за постройку своего жилища-твердыни. Но Доннеръ вступаетъ на прибрежный утесъ, окутывается облаками, ударяетъ молотомъ по утесу, сверкаетъ молнія съ громовымъ раскатомъ и когда облака расходятся, отъ ногъ Доннера черезъ Рейнъ къ крѣпости перекинулась ослѣпительная радуга — это восторженный Доннеромъ мостъ къ *Валгаллѣ*, какъ называется Вотанъ свой дворецъ-твердыню. Боги, въ ослѣпительныхъ лучахъ славы, начинаютъ торжественное шествіе по этому мосту, а изъ глубины Рейна до нихъ доносится тихое ибнѣе русалокъ, которыя жалобно молятъ о возвращеніи имъ золота. Боги громко смѣются и переходятъ мостъ при закрывающемся занавѣсѣ.

Мы рассказали первую часть тетралогіи (или прологъ трилогіи) съ вѣкоторою подробностью для того, чтобы дать читателю полное понятіе, какъ о роскоши постановки „Кольца Нибелунговъ“, такъ и о глубинѣ его философски-поэтического значенія.

Далѣе, за недостаткомъ мѣста, мы укажемъ лишь вкратцѣ содержаніе остальныхъ трехъ частей, предоставляя читателямъ познакомиться съ этимъ произведеніемъ или по нѣмецкому оригиналу, или по русскимъ передачамъ его (полныхъ переводовъ пока не существуетъ).

Во второй части (которая у Вагнера называется *первымъ днемъ* трилогіи), носящей названіе „Валкирія“, на сценѣ уже являются люди — первобытные германцы. Но надо помнить, что главнымъ лицомъ трилогіи остается все-же Вотанъ, до самой послѣдней части, въ которой онъ хотя и не появляется, но такъ-сказать напоминаетъ о себѣ на каждомъ шагѣ. Стремясь къ расширенію своей власти, которая, какъ мы видѣли, ограничена, подчинена высшимъ законамъ, мучимый предсказаніемъ всевѣдущей Эрды и сознаніемъ того зла, которое онъ самъ внесъ въ міръ своей неправдой (кольцомъ нибелунга), Вотанъ спускается въ подземное жилище самой Эрды, соблазняетъ вѣчную валу и узнаетъ отъ нея, что богамъ грозитъ опасность, такъ какъ имъ не осилитъ нибелунговъ и не уничтожитъ дѣйствіемъ проклятія, если кольцо не будетъ возвращено законному владѣльцу — Рейну. Самъ Вотанъ не можетъ этого сдѣлать — онъ связалъ себя договоромъ съ Фафнеромъ, заплативъ ему кольцомъ за свободу Фрейи; но Эрда возбуждаетъ ему что искупленіе возможно, если одинъ изъ потомковъ Вотана, безъ его божественной помощи, полагаясь единственно на свое мужество, овладѣетъ кольцомъ и возвратитъ его Рейну. Вотанъ, подобно греческому Зевесу, часто измѣняетъ своей супругѣ, у него есть потомство и на землѣ, и въ области боговъ. Отъ самой Эрды у него дочь — Брюнгильда, окруженная помощницами, такими же какъ она воинственными дѣвами (валкиріями), которыя обзаваны, для защиты Валгаллы отъ враждебныхъ нибелунговъ и великановъ, набирать богу дружину изъ павшихъ въ битвѣ героевъ. За исключеніемъ самой Брюнгильды, валкирія — или дочери аль-

фовъ (духовъ), или заживо взятыя въ Валгаллу килжескія дощери; у Вагнера онѣ сестры Брюнгильды. Въ ихъ рукахъ жребіи побѣды или пораженія; кому изъ людей на яву явится валкирія съ конемъ, тотъ долженъ пасть въ бою и идти къ Вотану. На землѣ же, скитаясь въ человѣческомъ образѣ Вельзе (волка), Вотанъ сталъ родоначальникомъ Вельзунговъ, приживъ сына Зигмунда и дочь Зиглинду. На этого-то сына и рассчитываетъ Вотанъ; но озабоченный успѣхомъ его подвига, опять кривитъ душой, подготавливая сыну успѣхъ, хотя не прямою, а косвенною помощью. Дѣло въ томъ, что Зигмундъ росъ съ своимъ таинственнымъ отцомъ въ лѣсу, въ полномъ отчужденіи отъ людей, которые называли ихъ за дикость волками и вѣчески преслѣдовали; однажды въ отсутствіе мужичицъ, домъ ихъ былъ сожженъ, мать Зигмунда убита, а сестра (Зиглинда) похищена, воспитана въ плѣну и впоследствии насильно выдана замужъ за немилго ея Гундинга. Въ день ея свадьбы, пришелъ старикъ-странникъ (самъ Вотанъ, всегда являющійся на землѣ скитальцемъ), сталъ подъ громаднымъ ясенемъ (стволъ котораго, по древне-германскому обычаю, поддерживалъ средину потолка залы, проходилъ сквозъ крышу дома) и воткнувъ въ дерево свой мечъ по самую рукоятъ, сказалъ Зиглиндѣ, что мечъ будетъ принадлежать тому, кто вырветъ его изъ дерева. Сюда-то въ залу Гундинга, много лѣтъ спусти, и заходитъ Зигмундъ, давно потерявшій отца (который, воспитавъ героя, исчезъ безслѣдно), безоружный, преслѣдуемый врагами, и въ изнеможеніи бросается на-земь у очага. Зиглинда сначала пугается чужаго человѣка, потомъ подкрѣпляетъ его силы, угощая его медомъ, напитокомъ общимъ у древне-германскихъ и славянскихъ народовъ. Братъ и сестра съ перваго взгляда влюбляются другъ въ друга. Вернувшійся домой Гундингъ, изъ бѣсѣды за ужиномъ, узнаетъ въ Зигмундѣ смертельнаго врага своего племени, но соблюдая святость гостепримства, шадитъ его жизнь до утра, предлагая ему ночлегъ, а завтра — бой. Оставленный на ночь въ залѣ, Зигмундъ вспоминаетъ обѣщаніе своего отца, что въ минуту горькой нужды онъ получитъ спасительный мечъ. Зиглинда, между тѣмъ, возвращается: она услышала мужа обычнымъ у германцевъ „глоткомъ на сонъ грядущій“ (Schlaftrunk) и пришла указать Зигмунду таинственный мечъ. Зигмундъ въ восторгѣ вырываетъ мечъ изъ дерева. Теперь, и по глазамъ, и изъ всѣхъ разсказовъ, братъ и сестра узнали другъ друга, но уже поздно... Они не могутъ преодолѣть голоса страсти, вспыхнувшей ранѣе... Эта глубоко-трагическая сцена, написанная Вагнеромъ съ величайшимъ мастерствомъ, составляетъ истинное торжество его поэтического дарованія: зритель скорбитъ о безвѣрно злополучной четвѣ, но она не отталкиваетъ и не возмущаетъ его. Чувствуется, что вина не ихъ: преступленіе вызвано хитрыми изворотами кривды самого Вотана.

Во второй сценѣ, посреди дикихъ горныхъ утесовъ и пещеръ, Вотанъ отдаетъ Брюнгильдѣ приказаніе, чтобы въ бою Гундинга съ Зигмундомъ, она наклонила жребій боя въ пользу Зигмунда. Является разгнѣванная Фрикка, въ колесницѣ везомой двумя овнами; какъ богиня защитница святости брака и чистоты кровныхъ узъ, она вдвойнѣ оскорблена неслыханнымъ преступленіемъ Зигмунда, обвиняетъ Вотана въ вопіющей неправдѣ и даже въ легкомысленномъ нарушеніи завѣтовъ Эрды, такъ какъ Зигмундъ полагается не на свое мужество, а на мечъ Вотана; Фрикка требуетъ восстановленія своей чести, т. е. смерти преступника. Уничтоженный Вотанъ, послѣ мучительной борьбы съ самимъ собою, вынужденъ дать клятву, что онъ пожертвуетъ сыномъ. Онъ призываетъ Брюнгильду и приказываетъ ей измѣнить жребій боя въ пользу Гундинга. Брюнгильда видитъ неказанную душевную муку Вотана, который несетъ страшную казнь за свою неправду; она глубоко скорбитъ объ отцѣ, но повинется ему. Когда бѣжавшая изъ дома Гундинга вмѣстѣ съ Зигмундомъ, истомленная ходьбой Зиглинда засыпаетъ, Брюнгильда выводитъ изъ пещеры своего коня и является Зигмунду съ приговоромъ: онъ долженъ пасть въ бою и его ожидаютъ радости Валгаллы. Зигмундъ спокойно отвѣчаетъ, что для него нѣтъ радостей безъ Зиглинды и что онъ предпочитаетъ быть въ Геллѣ (германскій рай) но съ нею, а если ему суждено умереть, то предварительно онъ заколетъ Зиглинду, чтобы не разставаться съ ней. Изумленная валкирія глубоко потрясена доселѣ незнакомою ей силой *человѣческой* любви; она чувствуетъ состраданіе къ несчастнымъ и знала, что сердце Вотана все-таки на сторонѣ его сына, рѣшается нарушить его приказъ и дать побѣду Зигмунду. Пока Зиглинда спитъ, на вершинѣ утеса сходятся Гундингъ и Зигмундъ; Брюнгильда покрываетъ Зигмунда своимъ щитомъ и направляетъ его мечъ; но за Гундингомъ возстаетъ грозный Вотанъ и собственнымъ копьемъ раздробляетъ мечъ Зигмунда. Гундингъ убиваетъ противника при отчаянномъ воплѣ проснувшейся Зиглинды, которую подхватываетъ Брюнгильда и мчитъ на своемъ конѣ, чтобы спасти и укрыть ее отъ Вотана. Грозный богъ въ нѣмомъ горѣ смотритъ на тѣло сына, потомъ съ величественнымъ жестомъ говоритъ Гундингу: „иди и скажи Фриккѣ, что честь ея восстановлена — Вотанъ сдержалъ клятву. Иди!“ Гундингъ падаетъ мертвымъ.

Брюнгильда, чтобы спасти потомство Вельзунговъ, примчала Зиглинду къ зановѣдному лѣсу, гдѣ та можетъ найти убежище, а сама остается въ горахъ, на сборномъ пунктѣ гал-

кирий, которая всё уже здѣсь и крайне изумлена тѣмъ что Брюнгильда вывезла изъ битвы не героя, а женщину. Она проситъ сестеръ укрыть ее отъ отца, который уже мчится по слѣдамъ ея въ бурѣ и громѣ. Она самовольно и легкомысленно нарушила велѣніе высшей мудрости и должна быть безпримѣрно наказана. Съ трепетомъ приближается она къ умолимому богу и выслушиваетъ грозный приговоръ: ее навсегда извергаютъ изъ сонма небожительницъ-валкирий и отнынѣ она станетъ обыкновенною женщиной за то, что имѣла слабость впять моленію смертныхъ и голосу любви; на этомъ утесѣ она будетъ погружена въ сонъ (общеарійская легенда о красавицѣ силней въ лѣсу, о заколдованной царевнѣ и проч.), до тѣхъ поръ пока ее пробудитъ смертный и возьметъ себѣ въ жены. Слѣдуетъ трогательная сцена прощанія валкирии съ сестрами, которыя удаляются по мановенію Вотана. Оставшись наединѣ съ отцемъ, Брюнгильда сначала

умоляетъ его помадить ее, по затѣмъ въ ней пробуждается гордость и она требуетъ только, если приговоръ неотвратимъ, чтобы утесъ ея былъ окруженъ огненнымъ стѣной, дабы она досталась не низкому человѣку, а герою, который не побоятся пламени. Тронутый Вотанъ обѣщаетъ ей, что сквозь божественно пламя пройдетъ лишь тотъ кто незнакомъ со страхомъ, усиливаетъ Брюнгильду пропальнымъ поцѣлуемъ и укладываетъ ее на утесъ въ ея полномъ вооруженіи, крылатомъ шлемѣ и панцирѣ, покрывая ея громаднымъ блестящимъ щитомъ, такъ что сияющая дѣва ничѣмъ не отличается отъ воина. Затѣмъ онъ взываетъ къ Логе, повелѣвая ему принять свой стихійный видъ огня, и ударяетъ копьемъ въ утесъ, вокругъ котораго всѣ сцена мало-по-малу начинается пылать и окружаетъ его кольцомъ огненной стѣны. Этимъ оканчивается вторая часть, составляющая лишь начало бѣдствій Вотана.

(Оконч. въ слѣд. №).

Библиографія.

Н. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Томъ I, СПб. 1889.

Это первый томъ обширнаго и единственнаго въ Россіи труда, посвященнаго авторомъ полному изложенію исторіи освобожденія крестьянъ, поскольку она отразилась въ засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій для составленія Положеній о крестьянахъ. Н. П. Семеновъ, по порученію перваго предсѣдателя комиссій, генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцева, велъ дневникъ засѣданій, внося въ него не только документальную сторону дѣла, но и самыя рѣчи и пренія членовъ, которыя записывались съ точностью стенографа. Такимъ образомъ, читая книгу Н. П. Семенова, мы какъ-бы присутствуемъ на самыхъ засѣданіяхъ, происходившихъ 30 лѣтъ тому назадъ, и видимъ предъ собою живыми „людей крестьянской реформы,“ болшинство коихъ теперь уже сошло въ могилу. Книга эта, помимо своего

чисто-литературнаго интереса, останется въ теченіе вѣковъ наиболѣе цѣннымъ справочнымъ матеріаломъ для грядущихъ историографовъ крестьянской реформы въ Россіи.

Кубанское казачье войско 1696—1888 г. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ, изданный подъ редакціей Е. Д. Фелицына. Воронежъ, 1888.

Изданіе это, украшенное портретами Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ Государя Наслѣдника Цесаревича и наказныхъ атамановъ съ 1830 года, множествомъ видовъ, памятниковъ, изображеній казакаго быта со временъ Съчи Запорожской, знаменъ и т. п., заключаетъ въ себѣ полную исторію казачества вообще и кубанскаго войска въ особенности. Книга читается съ величайшимъ интересомъ, благодаря обилію матеріала историческаго, этнографическаго, бытоваго, біографическаго и легкости языка, которымъ она написана.

Политическое обозрѣніе.

Мирная и спокойная политика Россіи, позволяющая употребить всѣ силы на дѣло внутренняго преуспѣванія, оказывается не безплодною, что болѣе и болѣе замѣчается западною Европою. Рѣдко случается слышать похвалы или просто оцѣнку по достоинству одного государства дѣятелями другой страны, но за послѣднее время два явленія по отношенію къ Россіи обращаютъ на себя вниманіе. Какъ ни незначительно одно изъ нихъ, оно не должно быть обойдено молчаніемъ, такъ какъ случилось въ странѣ весьма скупой на подобныя отношенія ко всему, что не касается прямо ея. Мы говоримъ объ оцінкахъ, сдѣланныхъ русскому военному агенту въ Англіи, генералъ-майору Бутурлину, на праздникѣ вестминстерскихъ стрѣльцовъ королевы. На этомъ праздникѣ, послѣ раздачи призовъ за стрѣльбу, командиръ батальона, полковникъ Говардъ-Винцентъ, консервативъ, очень извѣстный своими крайними убѣжденіями, говоря о гостяхъ, обратилъ особенное вниманіе на присутствіе русскаго военнаго агента; послѣ нѣсколькихъ личныхъ любезностей, онъ привѣтствовалъ его, какъ представителя русской арміи, не только сильнѣйшей по численности, но и первенствующей по геройству и самоотверженію. Надежда, выраженная Винцентомъ, что хорошія отношенія, установившіяся между Россіею и Англіею въ Азіи, упрочатся и распространятся и на другіе вопросы, была встрѣчена шумными рукоплесканіями. Но Россія всегда была сильна и гордилась своимъ войскомъ. Приведенный выше фактъ только служитъ доказательствомъ, что такое мнѣніе о нашей арміи существуетъ и за предѣлами нашего отечества.

Болѣе знаменательнымъ является признаніе нашими сосѣдями финансоваго роста Россіи и постояннаго упорядоченія экономическихъ средствъ, которыя были еще недавно ея болѣе мѣстомъ. Конверсія 5% консолидированныхъ облигацій руссійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 4% облигаціи руссійскаго консолидированнаго займа 1-й серіи, имѣющая цѣлью обратитъ часть государственный долгъ въ 4%, совершается самымъ благоприятнымъ образомъ. По этому поводу въ *Вѣстникъ Министрства Финансовъ*, *Новомъ Времени* и др. газетахъ появились сообщенія о благоприятныхъ результатахъ русскаго финансоваго управленія. *Сверло-Германская Всесоюзная Газета*, отмѣчая эти сообщенія, говоритъ: „Если эти цифры, съ одной стороны, явно свидѣтельствуютъ о сильномъ экономическомъ подъемѣ Россіи, вслѣдствіе благоприятныхъ урожаевъ послѣднихъ лѣтъ, то, съ другой стороны, результаты этихъ можно было достигнуть путемъ мирной и умѣренной политики, которая будетъ оказывать преобладающее вліяніе и въ другихъ областяхъ и, какъ можно надѣяться, послужитъ надежнымъ дальнѣйшимъ ручательствомъ относительно своего благотворнаго дѣйствія на народное благосостояніе“. Въ *Börsen Courier* по тому-же случаю напечатано: „Результаты русскаго финансоваго управленія въ высшей степени важны для сужденія о русскаихъ финансахъ и опубликованіе ихъ въ такую минуту, когда появилось объявленіе о конверсіонномъ займѣ, представляется

чрезвычайно благоприятнымъ для осуществленія операціи, конечно и безъ того весьма счастливою. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что русскою конверсіею снова дается германскому капиталу случай сократить, при выгодныхъ условіяхъ, обладаніе русскими цѣнностями, которое прежде имѣло такіе обширные размѣры“.

Послѣдовавшее затѣмъ опубликованіе предварительныхъ касовыхъ свѣдѣній о русскаихъ государственныхъ доходахъ и расходахъ въ 1888 г. усугубило заграничній благоприятное впечатлѣніе, произведенное конверсіею. Изъ Берлина телеграфируютъ, что фактъ значительнаго превышенія доходовъ противъ росписи, а въ особенности то, что расходы не вышли изъ рамокъ бюджета, производятъ вообще отличное впечатлѣніе, какъ доказательство прогрессивнаго упорядоченія русскаихъ финансовъ, равно какъ отраднѣйшаго развитія финансовыхъ средствъ Россіи.

Своего всесторонняго развитія и силы Россія достигла самостоятельно и одиноко, безъ союзниковъ, въ которыхъ постоянно нуждается даже Германія. Послѣднія перемѣны въ министерствѣ Криспи и нѣкоторыя измѣненія въ итальянской политикѣ, а также событія въ Венгріи, заставляющія другую союзницу Германіи всецѣло отдаться внутренней политикѣ, повидимому вынуждаютъ Германію искать новыхъ союзниковъ—въ лицѣ Англіи.

Впрочемъ, эти предположенія отрицаются англійскою пресою. *Times* прямо говоритъ, что извѣстіе *Boersenszeitung* относительно поѣздки графа Герберта Бисмарка въ Лондонъ не имѣетъ основанія. Поѣздка эта связи съ политическою миссіею не имѣетъ. А *Morning Post* заявляетъ въ инспирированной статьѣ, что Англія не имѣетъ ни малѣйшаго повода отказаться отъ своего, основаннаго на доброжелательной независимости, образа дѣйствій по отношенію къ средневропейскому союзу и превратить существовавшее до сихъ поръ вполне достаточное сердечное согласіе въ болѣе тѣсный союзъ.

Борьба и вражда оппозиціи и правительственной партіи достигли въ Буда-Пештѣ крайнихъ предѣловъ. Начавшая было утихать, она снова разгорѣлась съ необычайною силою. Поводомъ къ тому послужилъ кровавый инцидентъ въ Венгерскомъ сеймѣ. По словамъ газетъ, 7 марта засѣданіе было очень бурное. Причиной тому были преимущественно ожесточенныя нападки депутата Этьеша на Коломана Тису. Членъ правительственной партіи Гегедунъ, выходя изъ залы засѣданія, громко сказалъ одному изъ членовъ оппозиціи, что „теперь слѣдуетъ имъ устроить факельное шествіе въ честь Этьеша!“ Находившійся въ то время въ коридорѣ залаты студентъ Коломанъ Саморжилъ, услышавъ эти слова, подошелъ къ Гегедуну и сказалъ: „И Тисѣ мы устроимъ факельное шествіе, но съ салными свѣчами. Долой Тису!“ Тутъ депутатъ Иванка, семидесятилѣтній старикъ, замѣтилъ студенту: „Здѣсь не ваше мѣсто!“ Саморжилъ отвѣтилъ: „Мнѣ до васъ нѣтъ дѣла, гнусный мамелюкъ!“ Услышавъ это, депутатъ Рогончи ударилъ студента въ лицо, но въ тотъ же моментъ получилъ отъ студента звонкую пощечину.

Рогонци, видъ себя отъ гнѣва, вынулъ изъ кармана револьверъ, выстрѣлилъ въ Саморжила и ранилъ его въ бедро. Хотя рана и оказалась не опасною, но въ коридорахъ палаты поднялись страшный шумъ и смятеніе. Члены оппозиціи кричали членамъ большинства: „Какъ, вы являетесь въ палату съ револьверами?“ Рогонци, прижатый къ стѣнѣ, кричалъ: „Я достунилъ такъ по праву самозащиты“. На улицахъ возбужденіе достигло колоссальныхъ размѣровъ. Раздались крики: „Народъ бьетъ!“ Нѣкоторое время опасались, чтобы разсвирѣпѣвшіе народъ и студенты не взяли штурмомъ зданіе парламента. Весь день и

всю ночь это зданіе охранялось многочисленнымъ войскомъ. Трудно представить себѣ тѣ буйства, которыя позволяла себѣ разнузданная уличная толпа въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ того. Большая часть депутатовъ являлась въ палату въ каретахъ, чтобы избѣгнуть одни вызововъ, другіе овацій. Министровъ толпа встрѣчала ругательствами, а Тису камнями, ревомъ, свистками и криками: „Долой Тису!“ Въ городъ възваны войска и произведено не мало арестовъ. Для возстановленія спокойствія, говорить, Тиса подаетъ прошеніе объ отставкѣ.

С М Ъ С Ъ .

Открытіе художественно-литографическаго заведенія для печатанія олеографіи и анварелей большаго размѣра. 16 марта, въ три часа пополуночи, освѣщенъ отцемъ Иоанномъ, протоіереемъ Кронштадтскаго собора, новый художественно-литографическій институтъ при собственной типографіи журнала „Нива“. Въ особомъ помѣщеніи, занимающемъ весь нижній этажъ отдѣльнаго флигеля, не считая нѣсколькихъ обыкновенныхъ литографическихъ пресовъ, установлены на прочныхъ каменныхъ фундаментахъ пять колоссальныхъ, до сихъ поръ въ Россіи небывалаго размѣра, скоропечатныхъ литографическихъ машинъ для печатанія большихъ премій „Нивы“, которыя до сихъ поръ печатались нами за границей. Въмѣстѣ съ этими машинами выписанъ нами, необходимый для этого новаго въ Россіи производства, персоналъ мастеровъ, печатниковъ и литографовъ, завившихъ свою опытность въ наиболее выдающихся заграничныхъ заведеніяхъ этого рода. Главная премія „Нивы“ на 1889 годъ печатается уже на всѣхъ пяти машинахъ и работа будетъ продолжаться безостановочно въ теченіе весны и лѣта. Своевременно мы предложимъ читателямъ изображеніе всего хода работъ на этихъ колоссальныхъ машинахъ, которое, смѣемъ надѣяться, будетъ не менѣе интересно, чѣмъ помѣщенное нами въ позапрошломъ году описаніе нашей, единственной въ Россіи, ротационной типографской машины. Сосредоточивъ нивѣ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли техническихъ и художественныхъ производствъ, сопряженныхъ съ изданіемъ нашего журнала, мы избавились отъ тягостной зависимости относительно заграничныхъ заведеній печатавшихъ наши преміи, и имѣемъ теперь полную возможность спокойно посвятить наши силы развитію нашего дѣла къ выгодѣ нашихъ подписчиковъ.

Редакціею журнала „Нива“ приобретено право на воспроизведеніе въ гравюрѣ нѣженомованныхъ картинъ, находящихся въ настоящее время на Академической и XVII передвижной выставкахъ; по мѣрѣ изготовленія гравюръ, будутъ помѣщены на страницахъ „Нивы“: (Академическая выставка) „Майскій вечеръ“, карт. акад. С. В. Бакаловича. „Передъ преторіей“, его же. „Альмъ“, карт. акад. В. А. Боброва. „Дреспрившикъ“ (группа изъ мрам.) Э. Брага. „Русская дѣвушка“, карт. проф. К. В. Венига. „Воскресеніе въ деревнѣ“, карт. проф. Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго. „Запугался въ счетахъ“, карт. С. А. Дукловича. „Маленькая шведка“, карт. художн. К. Н. Зимина. „Затравили“, карт. акад. А. Д. Кившенко. „На дѣвичникѣ“, карт. акад. А. П. Корзухина. „Матрость гвардейскаго экипажа“, карт. Д. А. Бенкендорфа. „Недоразумѣніе“, карт. Н. Д. Лосева. „Глуховать“, карт. акад. И. А. Целевина. „Крестыянская дѣвочка“, его же. „Крестыян-

скій мальчикъ“, его же. „Яблобочка“, карт. худ. Х. П. Платонова. „Въ горахъ“ (изъ жизни Курдюковъ), карт. Н. С. Самокиша. „Торговецъ“, карт. худ. К. П. Степанова. „Сѣдина въ бороду—бѣсъ въ ребро“, его же. „У венеціанскаго мастера“, его же. „Въ паркѣ“, карт. акад. Ю. П. Феддера. „Долина рѣки Сестры“, его же. „Вилленскіе мученики“, карт. акад. И. П. Тругнева. (XVII передвижная выставка) „Проповѣдь въ сельской церкви“, карт. акад. В. Е. Маковского. „По начальству“, его же. „Все въ прошломъ“, карт. В. М. Максимова. „Разсчетъ по наслѣдству“, карт. Н. В. Неврева. „Скитъ“, карт. Е. Е. Волкова. „Сироты“, карт. М. И. Клодта. „Письмо съ родины“, карт. Л. О. Пастернакъ.

Нравы старой Москвы. Любопытно, какъ при набожномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ ночное время караулили въ Кремлѣ сторожа. „Когда наступалъ девятый часъ вечера, или, по тогдашнему, восьмой часъ ночи — говоритъ знатокъ старины М. И. Пыльевъ — тогда начинается стрѣлечка стража переключается. Ворота Кремля затворялись зимою въ 8 часовъ вечера и отпирались всегда послѣ заутрени. Близъ собора Успенскаго часовой стражъ начиналъ первый, протяжно и громко, на-распѣвъ, возглашать: „Пресвятая Богородица, спаси насъ!“, за нимъ второй возглашаетъ: „Святые московскіе чудотворцы, молитѣ Бога о насъ!“, потомъ третій: „Святый Николай Чудотворецъ, моли Бога о насъ!“, четвертый: „Все святые, молитѣ Бога о насъ!“, пятый: „Славень городъ Москва“, шестой: „Славень городъ Кіевъ“, седьмой: „Славень городъ Суздаль“ и такъ поименуютъ: Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ и проч. Первый снова восклицаетъ: „Пресвятая Богородица, спаси насъ!“ Послѣ того, какъ этотъ стражъ, такъ и другіе, чтобы не спать и не дремать, до благовѣста къ заутрени поютъ вполголоса разные духовныя молитвы. (б.)

Стоимость нѣкоторыхъ дорогихъ зданій. Интересно сравнить расходы на постройку нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ великолѣпныхъ зданій. Новая парижская ратуша (Hôtel de Ville) стоила 32 милліона марокъ (около 16 милліоновъ руб.); вѣнская ратуша 26 милліоновъ; новое парижское зданіе почтамта 25 милліоновъ; лондонское зданіе суда обошлось въ 18 милліоновъ; новое вѣнское зданіе суда — въ 16 милліоновъ; брусельское — въ 32 милліона; вѣнская опера стоила 12 милліоновъ, между тѣмъ какъ издержки на новую парижскую оперу достигли 32 милліоновъ; зданіе британскаго министерства иностранныхъ дѣлъ поглотило 14 милліоновъ; расходы на новое нѣмецкое зданіе рейхстага въ Берлинѣ опредѣлены въ 30 милліоновъ. Зданіе англійскаго парламента въ Лондонѣ превосходитъ, однако, всѣ вышеупомянутыя постройки: оно стоило болѣе 40 милліоновъ марокъ. (с.)

Рѣшеніе шахматной задачи

№ 11 (помѣщенной въ № 6).

- Бѣлые.** Черные.
1. С. е8 — h5 Гр. с4 — d3
 2. К. g1 — e5+ С. d6 — e5
 2. С. h5 — e2+
- 1)
1. С. d6 — e5
 2. С. h5 — f7+ Кр. с4 — d3
 3. К. g1 — e5+
- 2)
1. e3 — e2
 2. К. g4 — f2 Куда угодно.
 3. С. h5 — f7+

отъ гг.: СПБ. — Е. Будагова, Москва — И. Верхоулинскаго, Ф. Кокушкина, Бендеры — Мизоганскаго, Богатое — О. Благова, Запозоль — Г. Р. Гинцбергъ, Нивѣ — А. Н. Шульженко, Николаевъ — В. П. Прылукеръ, Царское Село — Н. Петрова.

Рѣшеніе шашечной задачи

№ 12 (помѣщ. въ № 6).

- Бѣлыя.** Черныя.
- с5 — f2 а3 — с5
 - а7 — d4 если h8 — f6
 - то d4 — h8 если же d3 — с7
 - то c1 — h6 с7 — b6
 - h6 — f8

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: А. А. Писневъ въ СПБ. и О. З. Мазуръ въ Бѣгородѣ.

Задача бунвъ (ходъ коня) № 23.

Найти 12 словъ, буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ цифръ, но притомъ такъ, чтобы можно было посредствомъ *хода коня* прочесть русскую пословицу.

- 1) Богиня 1. 2. 3.
- 2) Римскій императоръ 4. 5.
6. 7. 8. 9. 10.
- 3) Народное собраніе 11. 12.
13. 14.
- 4) Пѣвчая птица 15. 16. 17.
18. 19. 20. 21. 22.
- 5) Периодъ человѣческой жизни 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29.
- 6) Народъ, живущій по р. Оби 30. 31. 32. 33. 34. 35.
- 7) Притокъ Оки 36. 37. 38.
- 8) Наказаніе у древнихъ 39. 40. 41. 42.
- 9) Вулканъ 43. 44. 45. 46. 47.
- 10) Часть лица и рѣка 48. 49. 50. 51.
- 11) Игра и коммерческое учрежденіе 52. 53. 54. 55. 56.
- 12) Земледѣльческое орудіе 57. 58. 59. 60.

	14	31	38	47	4	51
32	23	8	18	57	24	10
49	1	41	3	9	15	22
16	35	21	5	27	36	60
44	29	53	46	52	56	34
45	33	55	11	2	58	20
28	12	30	40	42	48	13
	6	43	25	37	19	59

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

СОДЕРЖАНІЕ: Торжество Юли Андреевны. Романъ М. В. Крестовской. — Божья дитя. А. В. Стернь. — Александровскій утѣсъ (съ рис.). — Къ рисункамъ: На гору (съ рис.). — Старорусская крестьянка (Новгородской губ.) (съ рис.). — На Литвѣ. Подъ сѣною креста (съ рис.). — Дѣвнѣдцать спящихъ дѣвъ (съ рис.). — Лѣсничій у домашняго очага (съ рис.). — По примѣру боговъ, картина Генриха Семирадскаго (съ рис.). — Александръ I, король Сербскій, и регентъ Ристичъ (съ 2 портр.). — „Нильцо Нибелунга“, трилогія Рихарда Вагнера (съ 4 рис.). — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задача и рѣшенія задачъ. — Заявленіе. — Объявленія.

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССИЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО в Туль

Предлагает: сѣлки, жейки, косыки, вѣлки, плуги разныхъ системъ и борон.
Цѣны самыя умѣренныя.
Прейсъ-курранты высылаются безплатно. № 3719 12—3

ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА Ф. ПАРИЗЕКЪ

Большой выборъ шляпъ, для мужчинъ и мальчиковъ, новѣйшихъ фасоновъ, всѣхъ цвѣтовъ. Заказы исполняются немедленно. Р. № 3773

Большая Морская, 13, уг. Кирпичнаго переулка.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.

Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всѣ качества для бѣлизны кожи.

М. № 3739 3—2

Брокеръ и К^о.

АНТИХРИСТЪ

И

ПРИЗНАКИ ЕГО ПРИШЕСТВІЯ.

По ученію священнаго писанія и святыхъ отцевъ церкви, изложеніе П. М. Бородина. Москва, 1889 г. Цѣна 70 коп., съ пересылкой 1 руб. сер.

Ученіе священнаго писанія и отцевъ церкви объ антихристѣ должно быть хорошо известно всякому благочестивому христіанину. Каждому необходимо имѣть понятие о томъ, кто такой будетъ антихристъ, въ чемъ будутъ заключаться его дѣйствія, направленные противъ церкви Христовой, какіе признаки его пришествія. „Поелку надлежитъ и намъ знать признаки кончины, говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій, и поелку ожидаемъ Христа, то чтобы не умереть намъ въ обольщеніи и чтобы не ввелъ насъ въ заблужденіе лживый антихристъ, и намъ нужно внимать сказанному; не самъ одинъ помни ихъ, но и всякому сообщай щедро. Имѣешь ли (чадо по плоти, наставъ сею, и если родишь кого оглашеніемъ, предостереги и сею, чтобы ложнаго не призналъ за истинное.“ № 3771

Содерж. книги: Введеніе. Гл. I. Антихристъ, какъ опредѣленное лицо. Гл. II. Признаки, предшествующіе пришествію антихриста. Гл. III. Рожденіе антихриста. IV. Има антихриста. V. Воспитаніе антихриста. VI. Антихристъ придетъ къ иудеямъ, которые примутъ его за Мессію. VII. Антихристъ будетъ отвергать Божество Христа и Его ученіе, а себя выдавать за Бога. VIII. Лжепророки антихриста. IX. Лестъ антихриста. X. Чудеса антихриста. XI. Гоненія антихриста. XII. Царство антихриста нужно понимать не только въ духовномъ, но и въ чувственномъ смыслѣ. XIII. Церковь Христова пребудетъ и во времена антихриста. XIV. Цѣль пришествія антихриста. XV. Пришествіе Иліи и Еноха. XVI. Физическій бѣдствія предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ. XVII. Продолжительность царствованія антихриста и XVII. Глель антихриста. Съ требованіями на книги просимъ обращаться въ книжный магазинъ **МОРОЗОВА**, на Никольской ул., въ церковномъ домѣ церкви Владимірской Божіей Матери, въ Москвѣ.

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ

LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно извѣстны:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—8

Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИНТЕРЕСНОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ

ДУХИ ВЪ ТВЕРДОМЪ ВИДѢ

КАРАНДАШЪ ДЕ ЛА НОБЛЕССЪ.

(Crayon de la Noblesse).

Духи эти, обращенные въ твердый видъ по новому способу, отличаются тѣмъ, что очень приятны и совершенно ступены, что не было до сихъ поръ еще извѣстно. Можно имѣть духи всѣхъ сортовъ въ палочкахъ, вложенныхъ въ маленькія металлическія гильзы, которыя весьма удобно носить при себѣ. Эти духи имѣютъ то громадное преимущество, что передаютъ присутіи имъ запахъ всѣмъ предметамъ, приходящимъ съ ними въ соприкосновеніе, не смачивая и не портя таковыхъ. Достаточно слегка потереть подобнымъ карандашомъ для того, чтобы немедленно надуть

Кону, бороду, носовую платокъ, кружева, перчатки, матеріи, искусственные цвѣты, бѣлье.

Особенно пригодны эти духи для театровъ, концертовъ, баловъ и пр. Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галантерейныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна 75 коп.

Эд. ШОРОВСКІЙ и Комп. въ С.-Петербургѣ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ

Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Илья“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Интители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (39) № 2946

КУРСЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СЧЕТОВОДСТВА

будетъ читаться въ Фирмѣ Счетоводъ Ф. В. Ваерскаго. Желающіе благоволятъ записаться заблаговременно. Невскій пр., № 66. № 3770

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА

прозрачныя и непрозрачныя.

Большой выборъ деревянныхъ, хрустальныхъ и бронзовыхъ яиць для подарковъ.

БЕЗВРЕДНАЯ

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Рт. 3766 2—1
- 2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 68.
- 3) Уголь Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковъхъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ЮЛІЙ ФЛОРАНЪ

основан. въ 1849 году.

18, Большая Морская, 18.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ МУЖСКАГО и ДАМСКАГО ВЪЛБЯ.

ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ ДЛЯ НЕВѢСТЪ И НОВОРОЖДЕННЫХЪ.

ДЛЯ ОТКРЫТІЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА

послѣднія новости бѣлья и принадлежностей туалета.

Бѣлье дамское шелковое и батистовое цвѣтное.

Костюмы для дачъ, Пенюары и Матинэ.

Громадный выборъ чулокъ шелковыхъ и филь-декошь цвѣтныхъ и полосатыхъ продольно.

НОСКИ И ЧУЛКИ ДѢТСКІЕ.

Большой выборъ галстуковъ новѣйшихъ рисунковъ Regates, Noeuds Marins и др.

Платки всякіе, цвѣтные и бѣлые. Рт. № 3765

ПОДАРКИ КЪ СВ. ПАСХЪ!

Вымпяганіе по дързву, художественн. апаратъ съ принадлежностями 12 р. ♦ Тисненіе по ножи, съ инструментами и образами 6 руб. и 10 руб. с. ♦ Живопись на фарфортъ, стѣнѣ, фаянсѣ и майоликѣ 12 руб. ♦ Гелиомииниатура, или искусство раскрашванія красками портретовъ, картинъ, астаміовъ и проч. 6 руб. ♦ Литохромія, или искусство обращать гравюры и литографіи въ изящныя масляныя картины 7 руб. ♦ Гелиомииниатура и литохромія вмѣстѣ 11 руб. ♦ Автофотографъ, посредствомъ коего всякій, даже ребенокъ, можетъ переносить портреты, карточки, гравюры и пр. 4 р. ♦ Томе съ приложен. 4 р. 50 к. ♦ Галванопластика, или искусство золоченія, серебрѣнія, бронзировапія, никелировапія и т. д. въ 4 р., 8 р. и 10 р. ♦ Опыты съ электричествомъ, полный приборъ, 2 р. 50 к. ♦ Работы изъ струнень и берес. 1 р. 50 к. ♦ Живопись брызгами 2 р. ♦ Пантографъ, приборъ для увеличенія и уменьшенія картинъ, плановъ, рисунковъ и проч. 1 р. 50 к. ♦ Каллиграфъ, кониъ всякій можетъ научиться красиво писать 1 р. ♦ Механографъ для увеличенія и уменьшенія картинъ 1 р. 50 к. ♦ Живопись-самоучка, съ красками и проч. 2 р. ♦ Дитя-архитекторъ 2 р. ♦ Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ 3 р. 50 к. ♦ Живописное лото, для науч. язык. русск., франц. и нѣмец. 1 р. 50 к. ♦ Волшебные фонари съ наставленіемъ самому раскрашивать картины, цѣна 1 р. 50 к., 2 р. 50 к., 3 р., 4 р., 5 р. до 50 р. ♦ Намеры-оскуры для рисованія съ натурою 2 р. 50 к. ♦ Намеры - обскуры, большія, складныя 6 р. ♦ Станокъ деревянн. для выпилки по дереву и металламъ (работать руку и ногою) съ приложеніемъ 3 р. 50 к. ♦ Такой же желъанный 6 р. ♦ Шахматы съ доскою 2 р., 3 р. и дороже. ♦ Шаши 1 р. ♦ Столовая элентич. лампа, не играюща, для освѣщенія комнаты. Ц. 15 р. ♦ Элентрическая лампа автоматъ (ночины) 5 руб. ♦ Ящичъ со стол. и перешетн. инструментами 10 р. ♦ Приборъ для дѣланія рамъ изъ багета, съ инстр. 6 р.

Фотографическій аппаратъ, не игрушка, для сниманія съ натуръ визитныхъ, кабинетныхъ портретовъ, видовъ и проч., съ пробн. снимк. и подробн. руководств. (пересылка за 15 ф.). 10 р. Всѣ вышеозначенныя приборы съ руководствами.

Новый каталогъ за двѣ 7 коп. маркн. Выписывающіе съ Навказа и Азіатской Россіи прибавляютъ 20%. Заказы исполняются немедленно. Складъ новыхъ изобрѣтеній, С.-Петербургъ, Невскій просп., 4, рядомъ съ Главнымъ Штабомъ. (Фирма существуетъ съ 1872 года). Мт. № 3778

НОВОСТЬ!
Только 15 руб.
Настоящая, элентрическая, столовая лампа для освѣщенія комнаты (не смѣшивать съ электрическимъ огнивомъ для закуриванія). Очень удобннй, переносимый аппаратъ. Перес. за 20 фунт. С.-Петербургъ, 4, Невскій просп.
СКЛАДЪ Мт. № 3779
НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.
Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за почтовую марку въ 7 коп.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Получаютъ всѣ % бумаги.
Ссудн подъ всѣ % бумаги.
Страхование выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. №3716
Также нужны върше съ настояннмихъ мѣстомъ итадства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышесозначанному адресу.

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ и на Аевонъ, для Православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать за провѣздъ:

I. До Яффы и обратно:

	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и Пкл. на парох.		III классъ.
	Съ про- дов. на парохо- дѣ.	Безъ про- дов. воль- ствія.	Съ про- дов. на парохо- дѣ.	Безъ про- дов. воль- ствія.	Съ про- дов. на парохо- дѣ.	Безъ про- дов. воль- ствія.	Безъ про- дов. воль- ствія.
Отъ СПбурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	Руб. —	Руб. —	Руб. —	Руб. —	Руб. 183	Руб. 126	Руб. Коп. 62 50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу	305	230	215	160	172	115	46 50
Отъ Кіева чрезъ Одессу	250	170	175	120	158	101	33 —
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38 —
Отъ Воронежа чр. Орель, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47 —

II. До Авоиа и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ 45 р.
Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ 32 р.
Отъ Одессы въ III классѣ 22 р.

Паломническія книжки для провѣзда продаются:

Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея В. Л. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежннй пер., 7.
Въ Троице-Сергіевской лаврѣ: у о. Агапіта, въ Новой гостиницѣ.
Въ Москвѣ: у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.
Въ Кіевѣ: у преосвященнаго Геронима, Епископа Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. іеромонаха Аванасія, въ Лаврской гостиницѣ.
Въ Воронежѣ: у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.
Въ Перми—у Аркадія Александровича Малдѣева.
Въ Назани: у В. И. Засуайлова, въ своемъ домѣ. № 3738 3—3
Въ Одессѣ: у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; кушнныя оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса, только на переѣздъ моремъ, Русское Общество Пароходства и Торговли, по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, до Яффы и обратно, отъ Одессы или Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.

во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-внсмутуовая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 8, rue de la Paix Paris.

Простая требовать во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ извѣстныя своимъ хорошимъ качествомъ
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА
фабрики
РИЧАРДА ВИЛЬДТЪ
въ Варшавѣ.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛІКЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Une des Curiosités de PARIS
GRANDS MAGASINS DU Printemps
NOUVEAUTÉS
Demander
Le Catalogue général illustré renfermant 591 gravures (modèles inédits) pour la SAISON d'Été, dont l'envoi est fait gratis et franco contre demande affranchie adressée à
MM. JULES JALUZOT & Co PARIS
Sont également envoyés franco. les échantillons de tous les tissus composant les IMMENSES assortiments du **PRINTEMPS**, mais bien spécifier les genres et prix.
Expéditions dans tous les Pays du Monde.
Le Catalogue indique les conditions d'envoi.
Interprètes dans toutes les Langues à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М.
фабрикантъ велосипедовъ „ОРЕЛЬ“.
Всякаго рода двухъ- и трехъ- колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя чисти и принадлежности. Ницуть агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12—3

за 30 коп.
почтовыми марками высылаются
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ
съ объясненіями и преѣзъ-куртант.
за 50 коп.
почтовыми марками высылаются
ВОЛШЕБНЫЯ ПОРТСІТАРЪ
для экономныхъ курителей. Получше 70 и, и 1 р. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папирозъ фабрики „чужаго“.
МАСТЕРСКАЯ ИГРЪ И ФОКУСОВЪ
А. МЕЛАМЕДА.
СПБ., Обуховскій пр., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ: ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.
Условія подписки съ пересылкой: на годъ (съ января) 4 руб., на 9 мѣс. (съ января и апрѣля) 3 руб., на 6 мѣс. (съ января, апрѣля и іюля) 2 руб., на 3 мѣс. (съ января, апрѣля, іюля и октября) 1 руб. За границу на годъ—6 руб.
Объявленія по 10 коп. за строку пегата (35 буквъ).
Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Преображенская, 4.
Редакторъ И. В. Свирицевъ.
Издатель А. А. Грессе.
№ 3768

ГАРМОНИИ
по вновь удешевленным ценам

Одноядная въ 244,
412, 542, 6, 8, 9, 10,
12, 16 и 24 р.
Двухрядная въ 12,
14, 18, 20, 22, 25, 30
и 35 руб.
Трехрядная въ 30,
55, 65 и 80 р.
Самоучитель Со-
колова по 1 руб.
Ноты его же по 75
к. и 1 р. за тетрадь.

Иллюстрир. преис-курантъ безплатно.
Юли Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо № 3780
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 38 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

**ФАБРИКА
МЕЛЬХИРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
А. КАЧЪ**

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., домъ № 36.
Рекомендуютъ огромный выборъ новей-
шихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей,
подражающихъ серебру. Гр. иногороднымъ
высылаются иллюстрированные каталоги, по
требованію, безплатно. № 3753 3-2

ВЫСТАВКА

**СТАРИННЫХЪ КАРТИНЪ
ВЕЛИКИХЪ МАСТЕРОВЪ**

Леонардо-да Винчи, Рембранта,

**РАФАЭЛЯ
САНЦО,**

Джулио-Романо Буше, Грезъ и др.

Открыта съ 10 ч. утра до 7 ч. веч. Плат-
а за входъ въ палатку по 1 р., остальные
дни по 30 к. Каталоги по 15 к. Горьховая
ул., д. 50, у Семеновск. моста. № 3772

РОЯЛИ И ПИАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умереннымъ цѣ-
намъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ
Г. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.
Полный преис-курантъ всѣмъ инструмен-
тамъ безплатно. (14) Ц. № 3077

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣт-
скаго платья, а также приемъ за-
казовъ; цѣны самыя умеренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“

уголь Тверской и Долгоруков-
скаго переулка, домъ Шаблаки-
на въ Москвѣ. Иллюстрирован-
ный преис-курантъ высылается
безплатно. № 3769 3-1

**СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ**

полный
аппаратъ
отъ
10, 15, 20 рс.

К. И. ФРЕЛАНДЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НЕВСК. ПРОСП.
№ 30/16.

Съ этимъ аппаратомъ вслѣдъ, даже дѣти,
могутъ безъ посторонней помощи и знания
дѣла, снимать хорошіе и отчетливыя фото-
графическіе портреты. Новый преис-ку-
рантъ безплатно. Самоучитель фотографіи
съ преис-курантомъ 50 коп. № 3770

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ!

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

**ГѢТЕ
„ФАУСТЪ“**

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстам-
пами гравированными на мѣди и 132-мя гра-
вюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адриа-
номъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдаю-
щеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія
Вѣдомости* (№ 346, 16 декабря 1888 г.), говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Предиритіе
г. Маркса выполненное теперь, является большою заслугою передъ дѣятелями
нашихъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу—мы не
знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не описывемъ, сказавъ, что такого изданія без-
смертной поэмы Гете мы еще не видали... Разбираемое нами изданіе украшено
массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый
художникъ выполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ
и во множествѣ политинажей, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только
вѣрно воспринялъ идеи великаго поэта,—онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствитель-
ность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ начекалъ все это съ роскошью,
которою насъ не избаловали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ
много)—хотъ вѣшалъ на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выде-
ржанъ въ строгомъ вкусѣ того времени,—ни банальной позолоты, ничего, что рѣ-
зало-бы глазъ... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...“

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ зо-
лотыми обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просить обращаться въ Глав-
ную Контору журнала „Нива“, Невскій просп.,
№ 6, въ С.-Петербургѣ.

ОТЪ КАЗАНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО УЧИЛИЩА

Въ 1889 году исполнится 25 лѣтъ со времени основанія Казан-
скаго Земледѣльческаго Училища. Предположено составить очеркъ
развитія и дѣятельности училища за истекшій періодъ. Поэтому Казан-
ское Земледѣльческое Училище покорнѣе проситъ своихъ быв-
шихъ учениковъ, всѣхъ девятнадцати выпусковъ, сообщить въ непро-
должительномъ времени свѣдѣнія о своемъ мѣстоожительствѣ, родѣ заня-
тій и получаемомъ содержаніи, адреса ихъ (въ формѣ простыхъ
писемъ): Директору Казанскаго Земледѣльческаго Училища. Всѣмъ
доставившимъ о себѣ свѣдѣнія, Училище сочтетъ приятнымъ долгомъ
выслать экземпляръ очерка. № 3777

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ!

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора,
гравированнымъ на стали, и фансимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣд-
ними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно
просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Ко-
митета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено:
книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендо-
вать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ сред-
нихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ,
въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній,
оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ
журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес.
6 р. 75 к.; въ роскошныхъ кожаныхъ переплеткахъ съ зо-
лотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.;
въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПЕургъ, въ кон-
тору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

НОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ
перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ЖИВИТЕСЬ И ГИЗНИТЕСЬ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ють черную праску, которою печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА
ОБЪЯВЛЕНІЙ**

А. ПЕТРИКЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 8.
Приемъ объявленій для всѣхъ здѣш-
нихъ, провинціальн., и загранич-
ныхъ газетъ и журналовъ по цѣ-
намъ редакцій. Р. № 3771

Г. БАРАНОВЪ и К^о.

Москва, уголъ Петровки и Столешни-
кова пер., д. Рожнова.

Рекомендуемъ дешевую столовую и чай-
ную посуду (сервизы), а также желѣзную
эмалированную кухонную и столовую. Ме-
таллическія кровати съ пружинными матра-
цами и перинами на грѣбъ отъ 17 р. Мра-
морные и цинковые умывальники, ванны,
кюветы, кунальные души, буквою и садо-
вую мебель по фабричнымъ цѣнамъ и во-
обще принадлежности домашняго хозяйства.
Отправка во всѣ города Россіи и на всѣ
станціи желѣзныхъ дорогъ. № 3751 3-2

**ПОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА
ФРАНЦА ЮСИФА**

Натуральная минеральная сла-
бительная вода источника
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

въ Будапештѣ,
по отзывамъ меди-
цинскихъ авторите-
товъ, она дѣй-
ствуетъ легко, ану-
ратно и безъ вся-
кихъ вредныхъ по-
слѣдствій.
Рекомендуется
какъ слабительная
вода, не содержащая
въ своемъ составѣ
вредныхъ здоровью веществъ.
Продается вездѣ.
Для нормальнаго приема достаточно од-
ного виннаго стакана. Ц. № 3722 6-3
Дивенца въ Будапештѣ.

ПРИГOTOVITELЬНЫЙ

П. № 3782 ПАНСИОНЪ 3-1

**И. М. ХАЙНОВСКАГО
ВЪ МОСКВѢ**

Волконна, домъ князя Голицына.
Ученики готовятся къ поступленію
въ среднія учебныя заведенія и въ
полки вольноопредѣляющимся по
второму разряду; слабоуспѣвающіе
въ какомъ либо предметѣ отдѣльно
занимаются повтореніемъ недоста-
точно усвоеннаго; занятія продол-
жаются все лѣто въ деревнѣ, гдѣ,
при наблюденіи врача, усиленное
вниманіе обращено на укрѣпленіе
здоровья учащихся. Приемъ учени-
ковъ въ теченіе цѣлаго года.

**„РУССКІЙ КЛУБЪ“ И
ПРЕМЬЕРЪ**

2-хъ-колесные велосипеды
специально для русскихъ дорогъ

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи
Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Преис-курантъ безплатно, также бро-
шюра виконта Барри: „О велосипедѣхъ и
велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3839. (12)

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 14

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 1 апрѣля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.</p>	<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:</p>		<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.</p>
	<p>Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.</p>	<p>Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.</p>	
	<p>Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.</p>	<p>Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 7 р.</p>	
<p>За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.</p>			
<p>БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.</p>			

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1889 г., съ 28 рис. и отд. листъ съ 34 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 21 рисункомъ рукодѣльныхъ работъ.

Древняя церковная утварь Ганзаарскаго монастыря (Шушинскаго уѣзда, Елисаветпольской губ.). Съ фот. Ройнова, грав. Шюблеръ.

Торжество Юлии Андреевны.

Романъ М. В. Крестовской.

(Продолженіе).

III.

Входя вмѣстѣ съ M-elle Mignard въ комнату Юліи Андреевны, Нэдъ окинула ее смѣющимися, плутоватыми глазами и разомъ поняла не только то что мать не въ духѣ, но и причину, по которой она не въ духѣ, и быстрымъ, почти неувидимымъ взглядомъ перекинулась съ M-elle Mignard. Глаза ея вспыхнули и губы дрогнули отъ внутренняго смѣха, но она скромно опустила голову и почтительно поцѣловала мать въ падушенную пудроу щеку.

— Eh bien! сказала M-elle Mignard, сочувственно взглядываясь въ лицо Юліи Андреевны и съ соболѣзнованіемъ покачивая головой. — Comme vous êtes pâle, madame! auriez-vous passé une mauvaise nuit? ¹⁾

Юлія Андреевна тревожно взглянула въ зеркало и замѣтила что кожа на лицѣ ея кажется сегодня какою-то дряблою и желтою.

„Ну вотъ,“ подумала она съ неудовольствіемъ, „этого только недоставало!“

— Я совсѣмъ не спала отъ головной боли, сказала она сердито.

— Ah, madame, il faut vous soigner. Vous êtes si fait-blottel ²⁾

Юлія Андреевна пользовалась прекраснымъ здоровьемъ, но очень любила чтобы ее находили слабою и болѣзненною. Сегодня-же ей это совсѣмъ не нравилось, сегодня она должна была имѣть видъ здоровый и свѣжій, чтобы казаться моложе и красивѣе. Она ничего не отвѣтила M-elle Mignard, хотя обыкновенно любила жаловаться ей на свои мнимыя болѣзни, болѣе чѣмъ кому-нибудь другому, потому что M-elle Mignard лучше всѣхъ умѣла сочувствовать и соболѣзновать.

— Покажись, Нэдъ, сказала Юлія Андреевна, — какъ ты одѣта.

Нэдъ была одѣта въ бѣлое платьице изъ англійскихъ прошивокъ съ широкимъ голубымъ кушакомъ; на ея стройныхъ ногахъ были туго натянуты голубые-же шелковые чулки. Юлія Андреевна придерживалась того мнѣнія, что дѣтей слѣдуетъ водить всегда въ бѣломъ: это такъ идетъ къ ихъ возрасту. Она поправила дочери бантъ и нѣсколько прядокъ волосъ и отпустила ее, сказавъ что ей еще надо одѣваться.

Едва выйдя изъ комнаты Юліи Андреевны, Нэдъ обняла M-elle Mignard и смѣясь шепнула ей на ухо:

— Elle rage! ³⁾

M-elle Mignard испуганно кивнула на дверь.

— Prenez garde, elle va entendre.

Нэдъ осторожно скользнула впередъ и съ шаловливою граціей пробѣжала по столовой, коридору и классной въ свою комнату.

Тутъ она бросилась на стулъ и разсмѣялась громко, уже не боясь что ее услышитъ тамап.

— Elle rage terriblement! ⁴⁾ повторила она съ такимъ восторгомъ, точно это приносило ей личное удовольствіе.

M-elle Mignard тоже улыбулась. Предвкушаемое ею интересное соперничество между матерью и дочерью и ее чрезвычайно занимало.

Нэдъ сидѣла на стулѣ и какъ маленькая болтала отъ удовольствія красивыми ногами, смотря на гуверпантку блестящимъ, смѣющимся взглядомъ.

— Софи все-таки молоденькая! сказала она.

Но M-elle Mignard сомнительно покачала головой.

¹⁾ Ахъ, какъ вы блѣды, вы вѣрно дурно провели ночь?

²⁾ Вы должны беречься, очень беречься, вы такая слабенькая!

³⁾ Она злится.

⁴⁾ Она ужасно злится!

— C'est égal, elle n'est guère jolie!

Нэдъ задумчиво смотрѣла на нее.

— Нѣтъ, знаете, она только не умѣетъ, въ сущности она даже хорошенькая, и лицо, и фигура ничего, но... elle n'a pas du chien.

— C'est que, ma chère, c'est-là le principal! воскликнула M-elle Mignard съ увлеченіемъ. — La beauté n'est guère de rigueur pour une femme, il est bien plus important qu'elle soit pourvue de ce que, nous autres Français, nous appelons „du chien“. Elle aura toujours du succès, dans ce cas-là! Les parisiennes sont les femmes les plus séduisantes de l'univers, — voilà qui est reconnu une fois pour toutes! воскликнула съ торжествомъ, гордясь за всѣхъ своихъ соотечественницъ, M-elle Mignard, — et pourtant, elles sont loin d'être toutes jolies. Mais elles savent admirablement rehausser par du chic leur figure, quelle qu'elle soit ¹⁾.

Нэдъ съ удовольствіемъ слушала, зная что и она сама похожа на французенку, не смотря на то что отецъ ея нѣмецъ, а мать русская. M-elle Mignard не разъ говорила ей, что у нея типъ чистокровной парижанки (parisienne pur sang).

— А какое платье тамап ей приготовила, вы видѣли? Ахъ, поглядите, оно лежитъ на постели Софи, въ ея комнатѣ. Ярко-розовое! Платье прелестное, игрушка, но вотъ увидите что оно ни за что къ Софи не пойдетъ! Розовое идетъ только къ самому хорошему цвѣту лица.

И Нэдъ съ горделивымъ самоудовольствомъ мстнула взгляды на себя въ зеркало.

— Savez-vous! вскрикнула она вдругъ, — тамап l'a fait exprès! j'en suis sûre!

И она снова громко и плутовски расхохоталась.

M-elle Mignard добродушно хлопнула ее.

— Taisez vous, enfant terrible!

— Vrai! j'en suis sûre. Но знаете, заговорила Нэдъ вдругъ печально, — тамап меня къ десяти часамъ навѣрно спать прогонитъ и я ничего не увижу! Господи, да когда я ужъ наконецъ вырасту!

— Ne soyez pas si pressée. Votre mère est d'avis que votre robe courte lui va bien mieux à elle qu' une robe à queue ne vous irait à vous ²⁾.

— Mais c'est insupportable! Она пожалуй будетъ водить меня коротышкой пока ей не минетъ пятидесяти лѣтъ! Я пойду лучше къ папа и попрошу его, чтобы онъ выхлопоталъ мнѣ разрѣшеніе остаться сегодня на вечерѣ до двѣнадцати часовъ. Одно скверно, что эта противная Морисониха пріѣдетъ! Опять начнетъ свои наученія!

— Ah! Cette vieille bigotel ³⁾ отвѣтила съ чувствомъ M-elle Mignard, которой одно воспоминаніе объ непріятной соперницѣ всегда портило хорошее расположеніе духа.

IV.

Нэдъ побѣжала къ отцу. Фѣдоръ Густавовичъ сидѣлъ въ халатѣ у письменнаго стола въ своемъ кабинетѣ и, проглядывая утреннія газеты, пилъ кофе изъ огром-

¹⁾ Женщинѣ совсѣмъ не красота нужна! это второстепенное; важно, чтобы она обладала тѣмъ, что мы французы зовемъ „du chien“. Тогда она всегда будетъ имѣть успѣхъ! Парижанки самыя обольстительныя женщины въ мірѣ! Это признано цѣлымъ свѣтомъ! А между ними далеко не всѣ хороши; но онѣ умѣютъ съ шикомъ носить свою фizioномію, какова бы она тамъ ни была!

²⁾ Не очень торопитесь, душа моя! Ваша тамап находитъ, что короткое платье на васъ идетъ къ ней гораздо больше, чѣмъ къ вамъ пойдетъ шлейфъ!

³⁾ О, старая ханжа!

пой чашки, со сливками и сухарями, какъ онъ любилъ пить его по утрамъ.

Нэдъ подбѣжала къ нему сзади, легкими неслышными шагами, и закрывъ ему быстро одной рукой глаза, другою выхватила у него газету и засмѣялась, громко цѣлуя его въ ухо съ манерой шаловливаго, избалованнаго ребенка, которому все позволено.

— Aha! bist Du's, Wildfang!

Федоръ Густавовичъ, снявъ очки, посадилъ дочь къ себѣ на колѣни и съ удовольствіемъ поцѣловалъ ее въ свѣженное, розовое личико, кожа котораго пахла тѣмъ особеннымъ запахомъ, напоминающимъ струю свѣжаго воздуха, который бываетъ только у дѣтей да у очень молоденькихъ дѣвушекъ.

Нэдъ смѣясь цѣловала отца въ щеки, глаза и подбородокъ, ластясь къ нему, какъ хитрый граціозный котенокъ.

— O! o! o! засмѣялся добродушно Федоръ Густавовичъ, — ну вижу, вижу въ чемъ дѣло! знаю, плутовка, что-то такое нужно! nun gut, was willst Du?

Нэдъ пригнула къ себѣ его голову за одно ухо и, плутовски улыбаясь одними глазами, шептала ему на ухо. Она шептала по-нѣмецки, зная слабую струнку Федора Густавовича, т. е. зная что это сейчасъ растрогаетъ его, онъ придетъ въ умиленіе и охотнѣй исполнитъ все требуемое. Но въ сущности она, какъ и мати, недолюбливала и нѣмцевъ, и ихъ языкъ.

— O! засмѣялся снова Федоръ Густавовичъ, выслушавъ просьбу дочери, — ну это не будетъ-ли слишкомъ? Я слыхалъ что маленькія дѣти ложатся спать въ девять часовъ.

Нэдъ опять пригнула къ себѣ его голову и, вся вздрагивая отъ смѣха и прижимаясь къ нему, зашептала:

— Ты слышалъ неправду! И потомъ, что я за „маленькое дитя“! Это только папаша говоритъ что я маленькая! воскликнула она обидчиво и не безъ умысла упоминая имя матери; она знала что Федору Густавовичу достаточно сказать будто такъ говоритъ или думаетъ Юлія Андреевна, для того чтобы онъ тотчасъ же возмѣлъ какъ разъ обратное мнѣніе.

— Ну, папочка, ну милый, пожалуйста устрой! А если папаша не позволитъ, ты скажи что „ты“ позволишь, что ты такъ хочешь! Развѣ ты не можешь приказать своей дочери что хочешь? Отчего же папаша можетъ распоряжаться мной какъ хочетъ, а ты не можешь! Развѣ ты меньше ея? Ты, папочка, вотъ что сдѣлай: когда мы будемъ обѣдать, я буду сидѣть тихо и молчать какъ-будто ничего не знаю, а ты возьми и скажи вдругъ M-elle Mignard: „M-elle Mignard, потрудитесь одѣть Нэдъ послѣ обѣда въ вечернее платье, и останьтесь съ ней сегодня на балу до 12 часовъ!“ Тогда папаша разсердится и скажетъ: „Къ чему это? что еще за новости!“ А ты скажи: „Я такъ желаю!“ А папаша тебѣ скажетъ: „Она еще слишкомъ мала для баловъ! ей нужно учиться, а не танцевать!“ А ты скажи: „Сегодня балъ не серьезный, сегодня будетъ все больше молодежь и я нахожу, что Нэдъ вполне прилично присутствовать на первомъ выходѣ своей сестры! И такъ, M-elle Mignard, потрудитесь же исполнить мое распоряженіе!“ Тогда папаша ужъ печего будетъ больше дѣлать и она должна будетъ, хочеть-не-хочеть, позволить намъ. Ты выйдешь побѣдителемъ, а я немощко повеселюсь. Ну, папочка, ну, милый, пожалуйста, сдѣлай удовольствіе твоей маленькой дочкѣ!

И Нэдъ ластилась къ отцу, тормоша и ероша ему волосы и бакенбарды и кокетливо заглядывая ему въ глаза.

Федоръ Густавовичъ улыбаясь глядѣлъ на нее съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ находилъ, что Нэдъ очепъ похожа на него; ея красота и умъ умиляли

его и льстили его самолюбію, какъ косвенные намеки на его собственные достоинства.

— Ахъ, плутовка! воскликнулъ онъ съ восхищеніемъ, — ахъ, маленькій дипломатъ въ юбкѣ!

И онъ съ любовью легонько щелкнулъ Нэдъ по носу, своимъ большимъ краснымъ пальцемъ.

Но въ эту минуту отворилась дверь и вошла Юлія Андреевна. Она сердито окинула глазами неожиданную „нѣжную сцену между папашей и дочкой“. И папаша и дочка оба нѣсколько смугились въ первую минуту — Нэдъ быстро и тревожно соскользнула съ колѣнъ отца.

— Къ чему ты тутъ? недовольно спросила ее Юлія Андреевна. — Иди въ свою комнату и занимайся! Развѣ у тебя нѣтъ сегодня уроковъ?

— Нѣтъ, есть.

— Такъ что же ты бѣгаешь? Чей сегодня день?

— Сегодня придетъ Курилицъ читать исторію.

— Такъ иди же!

— Да онъ еще только послѣ завтрака придетъ, сказала Нэдъ, уже оправившись отъ своего перваго страха, который Юлія Андреевна умѣла внушать почти всѣмъ въ домѣ, и пачиная уже слегка, приличнымъ образомъ поддразнивать мать, что всегда доставляло ей большое удовольствіе.

— Ну, все равно, ты должна сидѣть и готовиться къ его уроку, а не бѣгать, какъ мальчишка, по всему дому! сказала Юлія Андреевна уже сердясь.

— Но я, папаша, еще вчера ему все приготовила, съ самымъ покорнымъ видомъ отвѣчала Нэдъ.

Юлія Андреевна чувствовала что дочь нарочно „бѣситъ“ ее и, замолчавъ на мгновеніе, окинула Нэдъ такимъ строгимъ и повелительнымъ взглядомъ, что та невольно опять струхнула.

— Не разсуждай, сказала надменно Юлія Андреевна, — и уходи когда тебѣ приказываютъ.

Нэдъ насмѣшливо трихнула головкой и выскользнула изъ кабинета.

— Вотъ и попалась, сказала она себѣ, — ну да ничего! вѣдь она не знаетъ зачѣмъ я приходила, а папаша я теперь все-таки ужъ непременно попаду! попаду! попаду!

И въ прискокочку, распѣвая въ тактъ бѣга слово „попаду!“, она бѣжала въ свою комнату, смѣясь заранѣе той мысли какъ она сейчасъ расскажетъ обо всемъ происшедшемъ M-elle Mignard и представитъ ей въ лицахъ какъ она „умасливала“ отца, и какъ онъ „растаялъ“, и какъ вошла „грозная“ папаша и величественно приказала ей удалиться, и какъ папа струхнулъ и сталъ поспѣшно читать свою „Herolds-Zeitung“, и какъ вечеромъ интересно будетъ слѣдить за папашой и этою кислою Софи, и какъ все это вообще весело, забавно и интересно.

V.

— Надѣюсь, обратилась къ мужу Юлія Андреевна тономъ не допускающимъ возраженія, — вы будете сегодня завтракать дома.

Федоръ Густавовичъ поморщился. Въ сущности Федоръ Густавовичъ былъ хорошій семьянинъ, по его семья сложилась такъ, что онъ пересталъ быть хорошимъ семьяниномъ, хотя въ глубинѣ души скучалъ и стремился къ этой семьѣ, которой такъ ему не доставало, не смотря на то что онъ имѣлъ ее. Его семейные инстинкты не удовлетворялись тѣми семейными началами, которыя царили въ его домѣ, и постепенно онъ дошелъ до того, что ему нравилось бывать вездѣ, только не у себя дома. Федоръ Густавовичъ считалъ своимъ долгомъ пріѣзжать къ обѣду обязательно домой; это былъ почти единственный часъ за весь день, который онъ проводилъ и считалъ нужнымъ, а отчасти даже пріятнымъ для себя, проводить въ семьѣ.

Шествіе на ослати въ Вербное Воскресенье въ Москвѣ (XVII вѣкъ). Ор. рис. (собств. „Нивы“) Ф. Бухгольца, грав. Шюблеръ.

По завтраки онъ не считалъ для себя обязательными. Онъ вставалъ рано, пилъ кофе въ своемъ кабинетѣ, а завтракать любилъ въ Hôtel de France. Сегодня впрочемъ былъ случай исключительный, и онъ еще съ вечера рѣшился завтракать дома, ради прїѣзда Софи; по вопросу и тонъ вопроса Юліи Андреевны разсердили его, и онъ сразу почувствовалъ что не будетъ завтракать дома, хотя бы уже только потому что Юліи Андреевнѣ желательно этого требовать.

Поморщась, онъ принялъ обычный равнодушный видъ, котораго, какъ онъ зналъ, Юлія Андреевна окончательно въ немъ не выносила.

— А почему же? спросилъ онъ ее, флегматично выпуская изо рта крупныя кольца дыма.

Юлія Андреевна нетерпѣливо передернула плечами.

— Потому что сегодня, кажется, ваша дочь прїѣзжаетъ!

— О, я знаю, aber was doch? спросилъ онъ, дѣлалъ парочно ничего не понимающее лицо.

Юлія Андреевна зло разсмѣялась.

— О, нѣжный папаша! воскликнула она, — васъ это кажется нисколько не интересуеетъ?

Федоръ Густавовичъ слегка взволновался, но старался сохранить свой спокойный видъ.

— Ну, ну, кто тамъ... нѣжный папаша или нѣжная мамаша, про то не будемъ лучше разговаривать, чтобы сдѣлать вамъ любезность.

Юлія Андреевна вспыхнула и глаза ея сердито за сверкали. Она хотѣла разсердиться и даже обрадовалась что нашла человѣка на которомъ ей можно было наконецъ сорвать свое раздраженіе, но потомъ вдругъ передумала и рѣшила что не стоитъ волноваться изъ-за этого „тюлея“. Къ вечеру ей нужно сохранить свѣжій видъ, а Юлія Андреевна страдала печенью, которая всегда, послѣ припадковъ раздраженія, желтила ей кожу и придавала истомленный видъ.

— Ну, это ужъ не ваше дѣло, сказала она, стараясь по возможности быть спокойнѣе, — ваше дѣло завтракать сегодня дома.

— А почему это мое дѣло? Я самъ знаю мои дѣла и не люблю чтобы въ нихъ мѣшались кого я не просилъ. Я не буду сегодня завтракать дома, заключилъ онъ рѣшительно.

Юлія Андреевна смѣрила его взглядомъ такого глубокаго презрѣнія, которое оскорбляло и возмущало Федора Густавовича больше всякихъ словъ, и не сказавъ ничего вышла изъ кабинета.

Федоръ Густавовичъ остался въ чрезвычайно неприятномъ расположеніи духа. Онъ сердился и на Юлію Андреевну, и на самого себя. Въ сущности теперь ему еще больше хотѣлось бы остаться дома, но онъ не могъ уступить женѣ и долженъ былъ отказаться отъ этого желанія только потому, что и она желала и требовала того же.

Хотя онъ не былъ особенно горячимъ и заботливымъ отцомъ, но по своему очень любилъ своихъ дочерей.

VI.

Юлія Андреевна обошла, осматривая, всѣ комнаты, что она дѣлала каждое утро и особенно внимательно въ прїемные дни. Затѣмъ прошла прямо къ себѣ въ комнату. Было уже 10 минутъ 12-го. Черезъ четверть часа прїѣдетъ Софи съ Miss Morrison—и сердце Юліи Андреевны при этой мысли сжималось какъ-то тревожно и неприятно.

Она сидѣла, тоскливо прислушиваясь къ стукамъ экипажей по мостовой, и думала о томъ что сейчасъ подъѣдетъ карета Софи и что она, Юлія Андреевна, должна будетъ принять ее не только любезно, какъ принимала многихъ другихъ своихъ соперницъ которыхъ ненавидѣла въ душѣ, но и съ особенною лаской, какъ любящая мать дорогую дочь, и ни на

одну секунду не дать замѣтить этой дочери, что она видитъ въ ней только опасную конкурентку, прїѣхавшую отнять ея право на молодость, красоту, и то что она понимала подъ словомъ „счастье“.

Особенныхъ „нѣжностей“ отъ нея впрочемъ никто вѣроятно не ожидаетъ,—она всегда была нѣсколько холодна со своими „дѣвочками“ и къ этому давно уже всѣ привыкли, никого это не удивляетъ и никому не кажется неестественнымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ дому подъѣхала карета.

Юлія Андреевна быстро встала и подошла къ окну, смотря съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, какъ выбѣжавшій лакей и швейцаръ суетливо и почтительно высаживали изъ кареты Софи и принимали безконечныя свертки и пакеты отъ Miss Morrison.

Нѣсколько времени тому назадъ, старая баронесса Бредонъ, выдавшая дочь замужъ за англичанина, встрѣчала ее на станціи послѣ полугодовой разлуки. Юлія Андреевна, встрѣчавшая одну знакомую, тоже была на дебаркадерѣ и ее поразили выраженіе лица старухи въ ту минуту когда подходилъ поѣздъ,—выраженіе мучительнаго, страстнаго ожиданія, нетерпѣнія и страха,—и тотъ крикъ радости, счастья и любви, съ которымъ она кинулась на встрѣчу выходящей дочери и застыла на ея груди въ какомъ-то глубокомъ наслажденіи. Ей вспомнилось какъ тѣло старухи потрясалось отъ глухихъ рыданій и какъ она, забывъ свою обычную сдержанность и холодность, забывъ что на нее со всѣхъ сторонъ смотрятъ чужіе любопытные глаза—ловила, плача и смѣясь, руки дочери и прижимая ихъ къ своимъ губамъ, бессознательно твердила: „дѣточка, моя дѣточка“.

Юлія Андреевна стояла тогда подлѣ нея и радость старухи и удивляла, и трогала ее даже—и теперь ей невольно пришло въ голову, что быть-можетъ и она должна была ощущать въ своей груди что-то другое, болѣе теплое и нѣжное... Ей стало какъ будто совѣстно и неловко за то недоброе чувство, съ которымъ она встрѣчала дочь, и глухой упрекъ самой себѣ поднялся въ глубинѣ ея души.

Но воспоминаніе о томъ, съ чѣмъ будетъ сопряженъ для нея этотъ непрошенный прїѣздъ дочери, снова раздражило ее, и она быстро отошла отъ окна, сердито хмурия свои темныя, красивыя брови.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались голоса и шаги.

Юлія Андреевна сдѣлала любезное лицо и съ ласковою, немного смущенною улыбкой пошла навстрѣчу къ входящимъ.

— Bonjour, mon enfant! сказала она цѣлуя дочь, и почувствовавъ на своей надушенной рукѣ крѣпкій поцѣлуй, снова вдругъ вспомнила баронессину дѣточку, слегка покраснѣвъ наклонилась и еще разъ поцѣловала дочь въ щеку.

— Доброе утро, Miss Morrison, вы вѣрно утомились въ дорогѣ...

— О, да, ночь въ вагонѣ всегда утомительна.

Юлія Андреевна съ привѣтливымъ соболѣзнованіемъ улыбнулась Miss Morrison.

Она всегда была изысканно вѣжлива съ англичанкой, отчасти потому, что легка побавлялась ея, но главнымъ образомъ потому, что желала быть въ ея глазахъ кровною аристократкой и отличаться безукоризненными манерами.

— Въ такомъ случаѣ, мы васъ не будемъ сегодня больше беспокоить; идите въ свою комнату и отдохните, а Софи я сначала сведу къ Федору Густавовичу, потомъ дамъ M-elle Mignard.

Miss Morrison удалилась, наклонивъ въ знакъ благодарности голову, надменнымъ поклономъ, а Юлія Андреевна, обнявъ дочь за талію, направилась съ пей на половину мужа.

Дорогой, она спрашивала ее, хорошо-ли ей было ѣхать, не чувствуетъ-ли она сильной усталости или головной боли, и болтая съ ней о разныхъ мелочахъ, на которыхъ всегда вертится разговоръ въ первые минуты послѣ дороги, незамѣтно разсматривала дочь. Въ послѣдній разъ онѣ видѣлись прошлымъ лѣтомъ, когда проѣздомъ изъ Крыма Юлія Андреевна нарочно останавливалась на нѣсколько дней у Tante Luise для того, чтобы повидаться съ Софи. Тогда Софи имѣла видъ еще полудѣвочки и не смотря на то, что ей было 17 лѣтъ, казалась не старше пятнадцати. Но за этотъ годъ она сильно подросла, выровнилась и въ своемъ длинномъ платьѣ и высокой дорожной шляпѣ казалась совсѣмъ уже взрослою дѣвушкой. Она была худощава и невысока ростомъ, что молодило ее; но назвать ее хорошенькою было нельзя, не смотря на прекрасные голубые глаза и правильныя черты. Въ лицѣ ея недоставало яркихъ красокъ и оживленія, а лежавшее на немъ выраженіе—не то задумчивости или застѣнчивости, не то апатичности, портило его, придавая ему какую-то бездѣятельность. Она вся имѣла какой-то блѣдный, сѣренькій видъ, и даже прекрасныя, густыя, блондурные волосы, красивые быть-можетъ у другой—не красили ее.

Юлія Андреевна внимательнымъ взглядомъ опытной женщины разсматривала ее искоса.

„Сѣренькая! voilà le mot“, подумала она и чуть-чуть улыбнулась.

— А Tante Luise здорова? спросила она вслухъ.

— Да, maman, merci, она просила вамъ кланяться.

— Благодарю, мнѣ надо будетъ еще написать ей, и поблагодарить за всѣ хлопоты и заботы о тебѣ.

Софи ничего не отвѣтила, но по лицу ея пробѣжала грустная тѣнь и она еще ниже опустила глаза.

Когда Ѳедоръ Густавовичъ увидѣлъ входящую жену и дочь, онъ быстро отодвинулъ свое кресло отъ стола и грузно всталъ навстрѣчу дочери, радостно протягивая ей руки. Глаза Софи вдругъ ласково вспыхнули и освѣтились счастливою, дѣтскою улыбкой, отъ которой разомъ заиграло и загорѣлось все ея блѣдное личико. Она бросилась къ отцу и нѣжно прижалась къ его груди.

— Guten Morgen, mein Kindchen! guten Morgen, mein Schätzchen! очень радъ тебя видать, очень рад!

И онъ ласково трепалъ дочь по плечу своею огромною, красною, волосатою рукой, неловко цѣлуя ее въ голову и нѣсколько смущенно поглядывая въ сторону жены, которая своимъ присутствіемъ стѣсняла почему-то его пѣнный порывъ.

Юлія Андреевна молча, холоднымъ, насмѣшливымъ взглядомъ, наблюдала эту „трогательную сцену свиданія.“ Она видѣла какъ радостно вспыхнула Софи, увидѣвъ отца, и какъ самъ Ѳедоръ Густавовичъ бросился къ ней навстрѣчу, и чувство отчужденности отъ нихъ обоимъ сильнѣе поднялось въ ней.

„Да, они больше подходятъ другъ къ другу“, думала она съ какой-то странною горечью на душѣ, „и въ ней эта отвратительная нѣмецкая натура!“

— Ну, какъ же ты доѣхала? спрашивалъ Ѳедоръ Густавовичъ, ласково усаживая дочь подлѣ себя. Онъ замѣчалъ, что жена недовольна и имъ, и дочерью, и былъ этимъ въ душѣ очень обиженъ не за себя—къ этому онъ отпосился вполне равнодушно—но за „свою“ дочь. Въ эту минуту ему казалось, что Софи именно только его дочь, и падчерица Юлія Андреевны, которая съ ней холодна и нелюбезна, и на зло женѣ онъ старался быть съ Софи не только вдвое ласковѣе, но даже началъ говорить съ ней по нѣмецки, съ особеннымъ вниманіемъ и нѣжностью сталъ спрашивать ее объ Tante Luise и объ другихъ своихъ московскихъ родственникахъ, чего Юлія Андреевна, считая всѣхъ его родственниковъ за какихъ-то нѣмецкихъ сапожниковъ,

терпѣть не могла. Но Софи, очевидно любившая ихъ, съ большимъ удовольствіемъ отвѣчала отцу на всѣ вопросы чистѣйшимъ нѣмецкимъ языкомъ.

— Здорова-ли Tante Luise? что Францъ, выдержалъ-ли экзамены? а дядя Шмидтъ спялъ, кажется магазинъ?

Юлія Андреевна презрительно усмѣхнулась.

„Tante Luise, Францъ, дядя Шмидтъ... для меня всѣ эти господа совершенно чужіе люди, а для нихъ—свои, кровные, родные... Она вся пропиталась этимъ нѣмецкимъ духомъ, ничего моего... Нѣтъ, нѣтъ, она мнѣ чужая, совсѣмъ чужая“... И ей казалось страннымъ и непонятнымъ, что эта сѣренькая нѣмочка—ея родная дочь. Глядя на нихъ, естественнѣе предположить, что она дочь Ѳедора Густавовича отъ перваго брака съ какой-нибудь нѣмкой...

„Не къ чему было отдавать ее воспитывать этой старой дурѣ Луизѣ... Я всегда была противъ, но благовѣрный непремѣнно этого желалъ... вотъ теперь и вышло Богъ знаетъ что... Впрочемъ, она уже съ дѣтства выскazyвала всѣ эти нѣмецкія добродѣтели—это ужъ врожденное, папенькино! И какъ могла я выйти за него! Какъ могла! А теперь и эта, чего добраго, успѣла уже пожалуй влюбиться въ какого-нибудь нѣмецкаго кузена и быть можетъ въ довершеніе всѣхъ прелестей, въ приятной перспективѣ предстоитъ еще цѣлая любовская исторія въ нѣмецкомъ духѣ съ какимъ-нибудь Негг-Шмидтомъ, башмачникомъ съ Кузнецкаго моста!“

И Юлія Андреевна вдругъ сердито заговорила:

— Однако вы успѣете поговорить объ этомъ и послѣ, а теперь дали-бы ей лучше раздѣться, она еще и шляпы не сняла!

— Ну что такое, возразилъ Ѳедоръ Густавовичъ, — это не бѣда, будетъ еще успѣвать...

Но Юлія Андреевна рѣзко оборвала супруга.

— Уже первый часъ—сегодня завтракать будемъ раньше, а ей нужно еще переодѣться. Пойдемъ, Софи.

Софи застѣнчиво встала, смущенно взглянула на мать и на отца, видимо не зная котораго изъ нихъ ей слушаться и должна-ли она идти за матерью, или остаться съ отцомъ. Съ отцомъ ей было какъ-то проще и лучше, и она предпочла-бы остаться съ нимъ, но въ глазахъ матери чувствовалось такое холодное приказаніе, что она невольно встала и, взглянувъ на отца виноватыми глазами, какъ-бы извиняясь, что не исполняетъ его желанія, поцѣловала его еще разъ и пошла за матерью.

Теперь Юлія Андреевна шла впереди по длинному ряду залъ и гостиныхъ, отдѣлявшихъ ея половину отъ половины мужа. Она уже не держала дочь за талию и даже не оглядывалась на нее; если раньше въ душѣ ея и было какое-то теплое чувство къ Софи, то теперь, за короткое время свиданія ея съ отцомъ, чувство это совсѣмъ исчезло и она не могла принудить себя даже къ простой любви дочерию.

— Voici, M-elle Mignard, encore une élève pour vous, громко проговорила она входя въ дѣтскую, гдѣ Нэдъ, сидя на столѣ, говорила что-то, смѣясь и болтая ногами, M-elle Mignard. При входѣ матери, она поспѣшно соскочила со стола и, испуганно взглянувъ на нее, перевела сейчасъ-же любопытные глаза на вошедшую сестру.

— Ah! charmée, charmée! воскликнула радостно M-elle Mignard и любезно протянувъ къ Софи обѣ руки, горячо поцѣловала ее въ щеку.

— Мы уже были знакомы съ M-elle Софи, заговорила она по-французски, — а теперь мы съ ней, надѣюсь, подружимся еще больше! O M-elle Софи, j'adore toute votre famille et je benis le Ciel pour m'avoir envoyée ici !)

M-elle Mignard слегка прослезилась и крѣпко по-

) О, M-elle Софи, я обожаю всю вашу семью и благословляю Небо пославшее меня сюда!

цѣловала еще разъ Софи, которая съ замѣшательствомъ глядѣла на страстную поклонницу своей семьи и не знала что сказать ей въ отвѣтъ. Но M-elle Mignard и не ожидала отвѣта, она очень любила маленькія трогательныя сцены и краснорѣчивыя рѣчи и всегда пользовалась удобнымъ случаемъ сказать ихъ.

— Votre mère est un ange, продолжала она растроганнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ. — Comme vous devez être heureuse d'avoir une mère pareille et d'être revenue chez vous où l'on vous attendait si impatientement! ¹⁾

Плутоватыя глаза Нэдъ запрыгали отъ удовольствія и сдерживаемаго смѣха. Она злала „какъ ждали всѣ Софи въ родномъ домѣ“ и ей ужасно хотѣлось разсмѣяться, но встрѣтивъ на себѣ строгій взглядъ матери, который на этотъ разъ совсѣмъ почему-то не правилось излишнее краснорѣчіе M-elle Mignard, быстро опустила глаза и подойдя въ очередь поцѣловала сестру.

— Eh bien, M-elle, сухо прервала Юлія Андреевна, — поторопитесь къ завтраку. Софи нужно еще переодѣться, займитесь ея туалетомъ, а мнѣ нужно еще пойти къ себѣ.

И она ушла, оставивъ Софи, которую смущали и краснорѣчіе гувернантки, и холодность матери, и насмѣшливо улыбавшееся личико сестры.

M-elle Mignard и Нэдъ тотчасъ обступили ее и съ любопытствомъ, свойственнымъ какъ французенкамъ, такъ и дѣвочкамъ-подросткамъ, закидали ее всевозможными вопросами и объ Москвѣ, и объ дорогѣ, и объ разныхъ знакомыхъ.

VII.

Во второмъ часу подали завтракъ и всѣ собрались въ столовую нѣсколько не въ духѣ. Юлія Андреевна была разстроена съ утра, ожиданіемъ дочери; у Miss Morrison начиналась съ дороги мигрень, а Софи была смущена и взволнована непривычною для нея обстановкой. Она видимо стѣснялась предо всѣми этими новыми лицами, которыя хотя и назывались ея семьей, но въ сущности были ей еще совсѣмъ чужды. Даже Ѳедоръ Густавовичъ, обыкновенно благодушный и болтливый, былъ сильно не въ духѣ. Онъ не завтракалъ, какъ и обѣщаль Юліи Андреевнѣ, но теперь ему еще больше хотѣлось остаться дома и онъ сердился на жену, изъ-за которой долженъ былъ отказаться отъ этого удовольствія только для того, чтобы сдѣлать неудовольствіе ей.

Когда уже всѣ сидѣли за столомъ, онъ вошелъ, въ цилиндрѣ на головѣ и натягивая перчатки, только на минуту чтобы проститься, прямо подошелъ къ Софи и нѣжно поцѣловалъ ее, а потомъ взявъ въ свою большую руку мордочку Нэдъ и крѣпко сжалъ ее, прижимая ей носъ къ подбородку, что онъ продѣлывалъ съ ней всегда, каждый день, съ какимъ-то особеннымъ удовольствиемъ и апетитомъ.

— Развѣ вы, папа, не будете съ нами завтракать? спросила его Софи, своимъ робкимъ голосомъ.

Ѳедоръ Густавовичъ нахмурился и сердито поглядѣлъ на жену.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, у меня есть неотлагаемое дѣло...

Онъ стоялъ посреди комнаты, въ цилиндрѣ сдвинутомъ слегка на затылокъ, и широко разставивъ ноги, сердито натягивалъ на руки модныя рыжія перчатки.

Юлія Андреевна съ неудовольствіемъ глядѣла на него и все въ немъ было ей противно: и этотъ лоснящійся цилиндръ, и толстый красный затылокъ, заросшій подстриженными, слегка въюющимися рыжими волосами, и голосъ, и короткіе, мѣщанскіе пальцы съ

¹⁾ Ваша мать, это ангелъ! Какъ должны вы быть счастливы, имѣя подобную мать и возвратившись въ родной домъ, гдѣ всѣ ждали васъ съ такимъ горячимъ нетерпѣніемъ!

кольцами, на которые съ трудомъ лѣзли узкія франтовскія перчатки, и его пошлые, какъ ей казалось, глаза, и клѣтчатыя брюки...

„Господи, какъ могла я выйти за него замужъ“... думала она въ сотый разъ съ ожесточеніемъ и отвращеніемъ, и ей хотѣлось кричать ему, чтобы онъ скорѣй уходилъ съ ея глазъ и не раздражалъ бы ее своимъ присутствіемъ, но сдерживалась не желая дѣлать сцену при Софи, которая отчасти все-таки стѣсняла ее какъ новый человекъ, не посвященный еще во всѣ семейныя тайны и отношенія. Она холодно кивнула ему на прощанье и съ брезгливымъ жестомъ скорѣй отвела отъ него руку.

Когда Ѳедоръ Густавовичъ уѣхалъ, разговоръ за завтракомъ все не клеился, хотя Юлія Андреевна, любившая всегда имѣть видъ свѣтской женщины, привыкшей не выказывать никакихъ своихъ чувствъ, любезно разспрашивала Софи и Miss Morrison объ Москвѣ и о впечатлѣніи вынесенномъ ими изъ нея. Но и Софи, и Miss Morrison были неразговорчивы и плохо поддерживали разговоръ. Нѣсколько разъ за столомъ воцарилось неловкое, неприятное молчаніе, во время котораго присутствовавшіе какъ бы сильнѣе еще чувствовали холодную отчужденность другъ отъ друга и не знали что сказать. Нэдъ исподтишка подталкивала подъ столомъ M-elle Mignard кончикомъ ноги и быстро шептала ей, наклоня лицо надъ тарелкой:

— Она не изъ разговорчивыхъ.

M-elle Mignard старалась оживить общество; она съ большимъ интересомъ разспрашивала о Москвѣ, которую считала почему-то главнымъ мѣстожителемъ всѣхъ русскихъ миллионеровъ и купцовъ.

— Правда-ли что тамъ живутъ одни купцы и всѣ дома обращены въ лавки?

Miss Morrison брезгливо сжимала губы.

Она ничего объ этомъ не знаетъ, она нашла Москву грязною и некрасивою. Во все время ея пребыванія тамъ была ужасная погода, у нея былъ флюсъ и она не выходила.

Тогда M-elle Mignard обратилась къ Софи.

Monsieur Anatole разсказывалъ ей, что подъ великимъ колоколомъ царя Ивана строятъ къ выставкѣ новый пассажъ. Видѣла-ли она эту постройку, должно быть она должна представлять собой грандіозное и необычайное зрѣлище.

Всѣ разсмѣялись, даже застѣнчивая Софи.

— Это невозможно, сказала Софи улыбаясь и слегка краснѣя (она всегда немного краснѣла когда говорила),—въ немъ не помѣстится и одна лавка!

Comment donc! возможно-ли? Но monsieur Anatole разсказывалъ ей что Царь-колоколъ выше и больше шестиэтажныхъ домовъ! а во время нашествія великой французской арміи (эти слова M-elle Mignard проговорила торжественнымъ голосомъ) въ немъ были скрыты два института со всѣми воспитанницами, учителями и классными дамами.

Всѣ снова разсмѣялись кромѣ Miss Morrison, которая только высокомерно поморщилась. Она давно считала M-elle Mignard дурой и ожидала отъ нея всякихъ глупостей.

— Monsieur Anatole шутилъ съ вами, сказала насмѣшливо Юлія Андреевна,—не надо быть такой легковѣрной! добавила она такимъ тономъ, въ которомъ чувствовалось, что она этой фразой намекала на что-то еще другое.

— Vraiment? Ah, le blagueur! восклицала съ добродушнымъ негодованіемъ M-elle Mignard,—онъ всегда разсказываетъ мнѣ о Россіи разные чудеса, но я больше не стану ему вѣрить.

M-elle Mignard своимъ наивнымъ легковѣріемъ развеселила немножко скучавшее общество. Юлія Андре-

XVII передвижная выставка. Скитъ.

Съ карт. акад. Е. Е. Волнова (право гравир. приобр. „Нивой“), съ фот. грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

евна стала надъ ней слегка подтрунивать, она знала о слабости M-elle Mignard къ Анатолю Бахманову и любила, будучи въ духѣ, подразнить ее на этотъ счетъ. M-elle Mignard была теперь соперница уже настолько не опасная, что ей смѣло можно было разрѣшить маленькое ухаживание за интереснымъ молодымъ человѣкомъ, котормъ и сама хозяйка дома очень интересовалась.

Въ концѣ завтрака, когда уже подали кофе, лакей доложилъ о прїѣздѣ самого Бахманова, и Юлія Андреевна, слегка покраснѣвъ, велѣла просить его прямо въ столовую. Бахмановъ бывалъ у Таненбаумовъ такъ часто, что его считали своимъ человѣкомъ и не стѣснялись съ нимъ.

При входѣ его у Юліи Андреевны, и у Нэдъ, и у M-elle Mignard оживились лица.

Нэдъ перестала толкать M-elle Mignard ногами подъ столomъ и приняла свѣтскій видъ взрослой и кокетливой дѣвушки.

— Vous voilà, blagueur! встрѣтила его M-elle Mignard, укорительно грозя ему пальцемъ. — Maintenant je sais que vous n'êtes qu'un blagueur!

Бахмановъ, сдѣлавъ общій поклонъ, подошелъ къ хозяйкѣ и полудѣливо, полупочтительно поцѣловалъ ея протянутую руку.

— Blagueur! повторилъ онъ равнодушно, — pourquoi donc?

— Et les bêtises que vous m'avez débité sur Москва et sur Царь-Колоколь?

— Pas un brin de bêtise.

— Allons donc!

— Садитесь Бахмановъ! прервала ее Юлія Андреевна, слегка наморщившись и указывая на пустое мѣсто Федора Густавовича подлѣ себя.

— Впрочемъ, вспомнила съ маленькимъ, чуть замѣтнымъ замѣпательствомъ, — вѣдь вы еще не знакомы съ моею Софи—позволите васъ познать?

Бахмановъ издала почтительно поклонился смутившейся Софи. Юлія Андреевна глядѣла на него тревожными глазами, стараясь прочесть по его лицу какое впечатлѣніе произвелъ на него видъ ея взрослой дочери. Но лицо Бахманова осталось такъ же спокойно, съ присущимъ ему выраженіемъ какой-то равнодушной ко всему апатіи.

— Хотите кофе? спросила его Юлія Андреевна.

Отъ кофе Бахмановъ отказался и только налилъ себѣ въ длинненькую узкую рюмку ликеру.

— За что на меня напали? спросилъ онъ у нея съ лѣнливой усмѣшкой.

— За то, что вы все дурачите бѣдную M-elle Mignard и рассказываете ей разныя небылицы, а она вѣритъ и повторяетъ.

— Это ужъ не моя вина, зачѣмъ она вѣритъ...

— C'est bon! воскликнула снова M-elle Mignard—à la guerre comme à la guerre—mais je me vengerai! allez!

Она всегда немножко пикировалась съ Бахмановымъ, но въ сущности ей очень нравилось, когда онъ, поддразнивая ее и подтрунивая надъ ней, вступалъ съ ней въ какіе-нибудь споры—это былъ для нея предлогъ поболтать съ нимъ.

(Продолженіе будетъ.)

Военные рассказы

Андрея Львовича.

I.

Штабсъ-капитанъ.

Идетъ вторая стрѣлковая рота. Вечерѣтъ. Солдаты приморились. Походъ не шутка. Идутъ, грустить. Кому что въ голову лѣзетъ: одному домашнее, другому... да и третьему и четвертому—все не веселыя думы. А чѣмъ грустнѣе солдатъ думаетъ, тѣмъ тяжелѣе идти ему.

Впереди роты идетъ высокаго роста стройный блондинъ съ добрымъ, открытымъ лицомъ—это ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Николай Романовичъ Ховенъ. По сторонамъ идутъ младшіе офицеры, тихо разговариваютъ.

— Что-же это мы такъ тихо? обернулся командиръ къ фронту и улыбнулся.—Стрѣлки, что-же вы? А пѣсню?..

— Да загрузили, ваше благородіе, кто-то отвѣтилъ.

— Эхъ, загрузили! Самому мнѣ грустно, да не грущу. Пѣсню! Ну! Селифонтовъ, ну-ка! шутливо потянулъ онъ за рукавъ молодого запѣвалу.

Какъ тутъ устоять? такъ сердечно смотреть ротный... „Ахъ ты милый ты командиръ!“ заговорило у него въ душѣ.

— Братцы, пѣсню! ротный зоветъ!

И пошла пѣсня.

Откуда и свистуны взялись, и прибаутчики, и плясуны, и скоморохи. Идетъ вторая стрѣлковая рота—гудомъ-гудить, куда и грусть дѣвалась.

— Ахъ вы, милые мои! идетъ среди пѣсенниковъ Николай Романовичъ съ офицерами, да хохочетъ надъ скоморохами, да подпѣваетъ слегка. Самъ-то Николай Романовичъ не пѣлъ, зато голосисты были у него офицеры: бывало, какъ подтянутъ солдатамъ, сразу слышать, что силы подбавилось. И сердито-же въ этотъ вечеръ пѣли стрѣлки. Всѣ животыки надорвали офицеры, слушая ихъ прибаутки.

— Ну, стрѣлки, придемъ на дневку, я вамъ балъ устрою, сказалъ Николай Романовичъ.

Шли это мы еще по Молдавіи. Идемъ, бывало, идемъ походомъ, да и остановимся дня на два—на три.

Такъ и теперь насъ остановили на три дня.

Накупилъ Николай Романовичъ молдавскаго вина (а оно въ Молдавіи дешевле нашей водки), нанялъ скрипачей, собралъ пѣсенниковъ, да на всю деревню, какъ ахнетъ пѣсню у себя на большомъ зеленомъ дворѣ. Загудѣла деревня. Засуетились молдаваненки, струсили было сначала, да потомъ глянувши во дворъ, успокоились.

Черезъ полчаса полонъ дворъ набрался деревенскихъ дѣвокъ, солдатъ—и пошелъ плясъ, да какой плясъ! Я думаю, ни одинъ солдатъ на свадьбѣ такъ не плясалъ у себя въ деревнѣ. Просто дымъ коромысломъ, что называется.

— Ну, гляди, чтобы пьяныхъ не было, обратился Николай Романовичъ къ стрѣлкамъ,—смотри, подзатыльниками накормлю. Солдаты смѣялись; они знали, что ротный не бьетъ никогда, и говорить только такъ, для острастки.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, мы, если что, такъ упрячемъ, ты и кончика носа его пьянаго никто не увидитъ.

Попировали, поплясали, повеселились, отдохнули, пошли дальше въ походъ.

Весело идутъ стрѣлки, легко имъ съ Николаемъ Романовичемъ. И что-бы вы думали? За весь походъ ни одного больнаго.

„Стыдно отстать, грѣшно отстать отъ такого командира“, думаетъ всякій солдатъ.

— Эхъ, сраму ты не боишься, безсовѣстный, вонъ гляди, ротный весь походъ впереди пѣхомъ, а тебѣ и Богъ велѣлъ! укоряетъ одинъ другаго,—стыдно, братъ, валяться по лазаретнымъ линейкамъ.

А Николай Романовичъ дѣйствительно никогда не сѣдился на лошадь (верховыя лошади были разрѣшены въ походѣ), никогда не отставалъ отъ роты. Идетъ впереди со своими офицерами отъ бивуака до бивуака, какъ всталъ такъ и легъ съ солдатиками. Не великъ примѣръ, да велики послѣдствія.

— Чтѣ, братъ, заморился? ну, давай, я за тебя ружье попенсу, скажетъ Николай Романовичъ.

— Да Боже сохрани, ваше благородіе! и стрѣлокъ идетъ, изъ силъ выбивается, чтобы не отстать отъ другихъ.

И дружба-же была въ этой ротѣ: ни жалобъ, ни драки, ни воровства. Жили какъ одинъ человѣкъ.

— Ну-ка, братцы, навались! обратился командиръ къ стрѣлкамъ.—Надобно раньше турокъ завязать мостъ въ рѣкѣ!

И приступили стрѣлки. Командиръ полка, адъютанты ѣхали почти рысью, но стрѣлки не отставали.

Намъ дѣйствительно надобно было тогда посиѣшить. Спорныя позиціи на рѣкѣ Янтрѣ могли быть заняты турками и намъ пришлось-бы ихъ брать съ боя. Но стрѣлки почти бѣгомъ заняли Янтру, переправились черезъ мостъ, рассыпали дѣнь, а тутъ подоспѣли резервы, — и Янтра осталась за нами безъ боя.

— Спасибо, братцы! спасибо, стрѣлки! благодарилъ командиръ полка, но стрѣлки еле переводили духъ. Только задоръ да ротная дружба могли воодушевить людей на такой тяжелый переходъ. Подъ страшной жарой, по каменистой дорогѣ стрѣлки пробѣжали безъ передышки версты 8—9.

Зато-же послѣ, секретно отъ начальства, Николай Романовичъ и отблагодарилъ своихъ стрѣлковъ: цѣлыхъ два перехода ихъ вещи велели сзати на буйволахъ; стрѣлки-то и въ ранахъ какъ будто, да ранцы пусты... т. е. не пусты: въ ранцахъ у стрѣлковъ былъ табакъ.

Надо вамъ сказать, что походомъ по Румыніи мы почти не курили. Скверный тамъ табакъ, да и страшно дорогъ. До Янтры мы шли мало заселенными мѣстами и солдату негдѣ было разжиться табачкомъ. Скучали бѣдняки-солдатики.

Трубка въ походѣ великое дѣло. Доходило до того, что искрошиться, бывало, солдатъ старую свою накуренную трубку, да въ другой новой и курить. Конечно, одинъ только запахъ, да горечь табачная, а все-же дымить, все будто курить солдатъ. Изморились, страшно изморились безъ табаку солдаты. И вдругъ полны ранцы табачкомъ!

А случилось это вотъ какъ. Переправились стрѣлки черезъ рѣку Янтру, вошли въ село Бѣлое, перешли улицу, взобрались на гору и разсыпали цѣны. На концѣ улицы сидятъ старикъ-турокъ, продаетъ табакъ. Лавочка не лавочка, такъ въ родѣ хатки. И какъ разъ сзади стрѣлковой цѣны.

— Что продаешь? спросилъ Николай Романовичъ.

— Тутунъ.

— Сколько за всю лавку? шутя спросилъ командиръ.

— Двѣ желтички, по болгарски отвѣтилъ турокъ.

Всѣ удивились.

— Ну, на! снова пошутилъ Николай Романовичъ и вынулъ два полуминерала.

Турокъ до того обрадовался, что поцѣловалъ даже край одежды у командира.

Къ вечеру стрѣлковую цѣну спустили съ горы.

— Стрѣлки, разбирай табакъ! крикнулъ Николай Романовичъ, и лавочникъ мигомъ не стало. Старикъ-турокъ оказался въ высшей степени любезнымъ: въ придачу къ своему табаку, онъ вынесъ солдатамъ десятка два трубокъ и выражалъ полный восторгъ, когда солдаты, покуривая и похлопывая его по плечу, похваливали его табачокъ.

Турокъ, очевидно, былъ очень доволенъ своею продажей, ну, а для стрѣлковъ это было цѣлымъ праздникомъ. Табакъ оказался хорошимъ, натуральнымъ турецкимъ табакомъ.

Послѣ долгого голодухи онъ даже и офицерамъ казался такимъ ароматичнымъ и вкуснымъ, какъ ни одинъ изъ самыхъ дорогихъ табачковъ.

— Ну, табачокъ! похваливали солдатики.

— Что, дома куришь такой?

— У папа разъ нюхнувъ, какъ по улицѣ шелъ, сострилъ хохликъ.

— Да, братъ, а все командиръ! Когда-то мы ему отблагодаримъ за все?

Стрѣлки дѣйствительно могли такъ говорить. Уже не первый годъ командовалъ Николай Романовичъ ротой, но никто никогда не былъ битъ, никогда не было ни одного штрафоваго и никто не былъ отданъ подъ судъ. Случайно-ли такъ вышло, или солдаты изъ любви къ командиру тинулись, но фактъ налицо.

— Да, да, чѣмъ-то мы ему заплатимъ? говорили солдаты въ своемъ кругу.

А Николай Романовичъ и не думалъ никогда о солдатской расплатѣ. Любилъ онъ своихъ стрѣлковъ просто, безъ затѣй, безъ расчета и даже нравиться имъ не хотѣлъ. Какъ-то такъ само собою случилось, что каждый шагъ Николая Романовича правился и товарищамъ-офицерамъ, и солдатамъ.

— Экій симпатичный человекъ этотъ Коля! говаривали офицеры.

— Экій милый командиръ! говаривали солдаты, — съ такимъ командиромъ и умирать не надо!..

— Ваше благородіе, сюда пожалуйте!

— Ваше благородіе, сюда! кричатъ солдаты во время небольшой перестрѣлки подъ селеніемъ Кады-Кіюй.

Стрѣлки лежатъ въ пахоти и почти каждый вырылъ себѣ ложементъ.

— Сюда, сюда, ваше благородіе, тутъ глубже! заботятся они о ротномъ командирѣ, чтобы онъ не стоялъ открыто подъ выстрѣлами.

— Нѣтъ, братцы, я постою, не ложится Николай Романовичъ.

— Ваше благородіе, да какъ-же мы безъ васъ? почти плачутъ стрѣлки.—На грѣхъ мастера вѣтъ, шальная пуля, борони Боже, какъ-бы...

Дзынь! звякнула пуля по саблѣ Николая Романовича.

— Да извольте-же ложиться, ваше благородіе! кликнулъ чей-то молящій и вмѣстѣ настойчивый голосъ.

— Молчать! крикнулъ на него командиръ. — Огонь чаще! командовалъ онъ.

— Самъ за собой примѣчай! обратился онъ снова по направлению къ настойчивому солдату.

Всю перестрѣлку Николай Романовичъ простоялъ на виду у турокъ. Канальскіе турки замѣтили; такъ и виденъ былъ прицѣльный огонь по командиру, такъ и шлепали пули по пахоти около ногъ Николая Романовича, да нельзя ему было лечь. Дѣло въ томъ, что рота была вѣскольکو отдѣлена и за цѣнью надобно было зорко слѣдить. Еслибы Николай Романовичъ легъ, черкесы легко могли-бы сбѣгать обходъ.

„Ишь ты, такъ и не легъ“, думали солдаты. — „Да еще и прикрикнулъ на нашего брата... Ну, молодчина, право молод-

чина; съ такимъ командиромъ не страшно въ огнѣ, знаешь, что распорядиться съумѣешь.“

Наступилъ день 24 августа 1877 года. Раннимъ утромъ началась орудійная пальба. Часовъ въ семь выдвинули нашъ полкъ.

— Ну, братцы, наконецъ насталъ день, когда мы покажемъ себя! обратился Николай Романовичъ къ стрѣлкамъ.— Смотри же, дружно бери, не отставай другъ отъ друга, гляди всѣ на меня, да слушай внимательно командъ, а я васъ не оставлю!

— Не оставимъ и мы тебя! закричала сотня голосовъ.

— Съ Богомъ! кончилъ Николай Романовичъ, и пошли въ цѣны.

Вторая стрѣлковая рота приняла на себя самый страшный огонь.

— Эхъ, не робѣй, братцы, вонъ командиръ глядитъ!

— Держись крѣпко! перекликались солдаты въ цѣны.

— Держись, держись! звенѣлъ пріятный, переливчатый какъ звонокъ, голосъ Николая Романовича.

И рота держалась подъ страшнымъ напоромъ непріятеля. Почти всѣ вокругъ отступили, а вторая стрѣлковая рота не уступала своего мѣста.

— Ну, задрались стрѣлки! глядя на нихъ, говорили другія роты.

— Львы! молодцы! держись! подлетѣлъ баталіонный командиръ.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе! грянула рота, какъ на смотру, среди ружейнаго треска.

На роту наскочили черкесы.

— Пальба взводами! зазвенѣлъ голосъ Николая Романовича.

— Пли!

— Пли!

— Пли! раздалась команды, и ошалѣлые черкесы, какъ сталъ воробьевъ, разлетѣлись въ разныя стороны.

— Не давай мѣста! не давай! звенѣлъ Николай Романовичъ. — Держись! до послѣдней капли крови держись! другія роты снова подойдутъ къ намъ... держись братъ...

Но послѣднія слова еле вымолвилъ онъ. Давно ужъ, почти въ началѣ боя, пуля разбила Николаю Романовичу плечо и отъ ушиба крови онъ не могъ уже громко кричать. Николай Романовичъ страшно ослабѣлъ.

— Ване благородіе, сходить-бы на перевязку вамъ, умолялъ, рядомъ стоящій въ прикрытіи, солдатъ.

Но Николай Романовичъ сильно ослабъ и почти не слышалъ этихъ словъ.

Его подхватили подъ руки и почти въ обморокъ довели до перевязочнаго пункта.

— Да у васъ опасная рана, сказалъ докторъ, осмотрѣвъ плечо и руку.

— Ничего, слабымъ голосомъ отвѣтилъ Николай Романовичъ, — какъ-бы скорѣй перевязку... До раны-ли тутъ, когда пятидесяти человекъ изъ роты не досчитываюсь. Перевязывайте скорѣй рану: мнѣ нужно туда.

— Куда? спросилъ озабоченно докторъ.

— Туда, къ нимъ, въ бой, торопливо отвѣтилъ Николай Романовичъ.

Докторъ широко раскрылъ глаза.

Поддерживаемый тѣми-же двумя стрѣлками, что привели его на перевязку, Николай Романовичъ снова отиравился къ своимъ стрѣлкамъ.

— Скорѣй, братцы, скорѣй! умолялъ онъ своихъ проводниковъ. — Скорѣй, братцы, глядите, вѣдь наши-то отступили... Ахъ, сердечные, перебили-то васъ сколько! сквозь слезы смотрѣлъ Николай Романовичъ по направленію къ ротѣ и нетерпѣливо понукалъ провожатыхъ.

— Командиръ, командиръ идетъ! раздалось радостно по цѣны.

— Братцы, я здѣсь, съ вами, братцы, не робѣй! Умремъ, такъ ужъ вмѣстѣ, вмѣстѣ умремъ... Есть-ли патронъ... ахъ!

И Николай Романовичъ схватился за животъ. Двѣ пули пронизали ему нижнюю часть живота.

Помертвѣлъ Николай Романовичъ, помертвѣла и рота...

Долго съ грустью оглядывались солдаты по тому направленію, куда повесли командира, да дѣлать было нечего...

Круто тогда досталось стрѣлкамъ: ровно половину перебили ихъ сердечныхъ.

— Гдѣ-же командиръ? бросились они послѣ боя.

Но раненыхъ увезли и командиръ даже не успѣлъ попрощаться съ ними...

Продержавшись день на позиціи, къ ночи мы отступили въ сел. Еренжикъ. Утромъ стрѣлки проходили селеніе, остановились на привалѣ.

— Надъ чѣмъ тамъ 2-я рота возится? кто-то спросилъ.

— Да остальныхъ раненыхъ забираютъ—не было подвода.

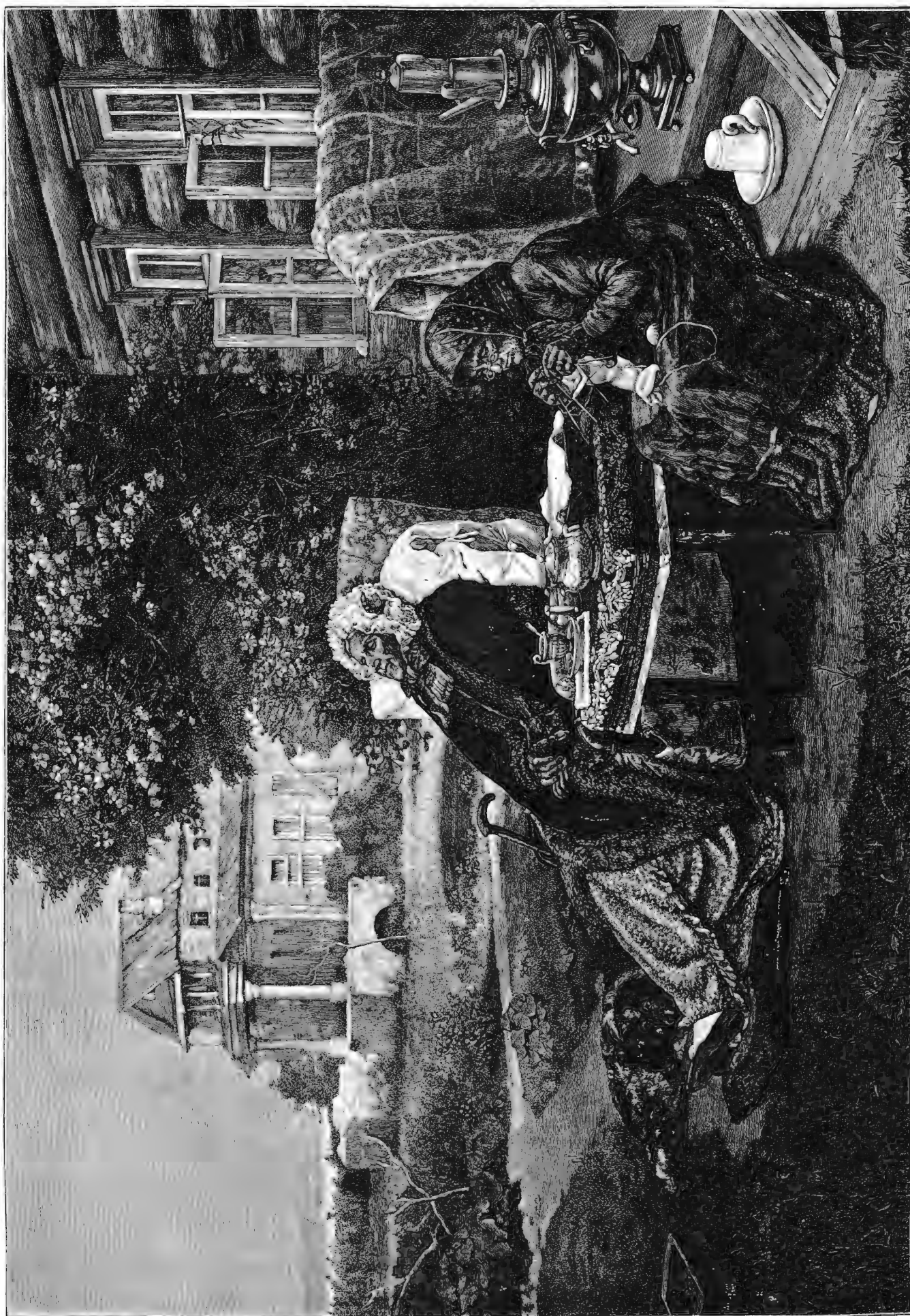
— Какихъ раненыхъ?

— Да многихъ; тамъ и вашъ командиръ.

— Командиръ! и какъ одинъ человекъ, стрѣлки бросились туда.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ 1889 года. Петръ I посѣщаетъ г-жу де-Ментенонъ въ 1717 г.
 Писанная по заказу Государя Императора, картина Горскаго, грав. Барановскій.

XVII передвижная выставка. Все в прошломъ.

Съ картины В. М. Максимова (право воспроизведенія въ гравюру приобретено „Нивой“), съ фот. грав. Флюгель.

— Гдѣ? гдѣ командиръ?

Въ грязной, нустой турецкой избѣ, на полу, дѣйствительно, лежалъ мертвенно-блѣдный Николай Романовичъ, а въ головахъ стоялъ понурый денщикъ его и, сдерживая себя, чтобы не быть замѣченнымъ баринкомъ, горько потихоньку рыдалъ, отвернувшись, и мозолистымъ кулакомъ утиралъ укладкой непривычныя слезы на загорѣломъ лицѣ.

— Что же это? Забыли что-ли забрать?

— Забыли.

— А далеко-ли остальные раненые пробѣжали?

— Да не далеко.

Въ это время полкъ двинулся дальше.

— Братцы! давай двери! клади шинеля, укладывай командира!

И на дверяхъ понесли стрѣлки своего командира, какъ свитую. Рота потребовала, чтобы несли его въ срединѣ фронта. Каждому хотѣлось послѣдній разъ налюбоваться дорогимъ лицомъ, и доброе солдатское сердце неволью болѣзненно екало при взглядѣ на блѣдное, страдальческое лицо Николая Романовича. Рота шла вокругъ командира и плакала.

— Тише, тише, заботливо приговаривали изъ фронта,—да ты, Семененко, подыми свой бокъ, неровно идешь...

И какъ плышка ребенка, такъ рота заботливо донесла своего командира до передвижнаго лазарета.

Тамъ уже были приготовлены линейки для дальнѣйшаго отправления.

Стали прощаться. Пришли офицеры. Стояла вся рота.

— Прощайте, братцы, тихо обратился Николай Романовичъ къ ротѣ, — прощайте, не доживу я увидѣться съ вами еще... не поминайте лихою...

Какъ дѣти заплакали солдаты.

„Сердечный ты нашъ, не будетъ ужъ намъ такого командира“, думали они, понуривъ головы расходясь по бивуачнымъ палаткамъ, и тяжелый солдатскій выдохъ долго слышался еще по ротѣ.

Черезъ четыре дня, 28 августа, услышали мы о смерти Николая Романовича. Бѣдный страшно мучился отъ ранъ передъ смертью.

При кончинѣ его было нѣсколько полковыхъ товарищей офицеровъ.

Приподнялся страдалецъ, взялъ своихъ офицеровъ за руки, крѣпко пожалъ на прощанье, подумалъ и тихо сказалъ:

— Любите, господа, солдатъ, любите ихъ больше. Право, не грѣшно. Легче жить, когда любишь; легче умирать, когда любишь.

Съ этими словами онъ умеръ.

Надъ рѣкой Янтрой, въ сѣверной Болгарии, у моста въ селе-ние Бѣлое стоитъ мраморный памятникъ. Онъ поставленъ на могилѣ Николая Романовича Ховена.

II.

Искренній разсказъ прапорщика.

Я былъ страшный трусъ въ бою: боялся огня, какъ чертъ ладана. И чего только со мною не дѣлалось: и поджили тряслись, и тряслась нижняя губа, и холодѣлъ я, и въ жаръ меня бросало, и бѣгалъ-то я, какъ угорѣлый по цѣни... Но какое кому дѣло до того, что дѣлалось въ душѣ прапорщика? Я былъ на своемъ мѣстѣ, а отъ прапорщика чего еще и требовать. Скверная, пресъверная, господа, вещь: быть въ бою. Восемнадцатилѣтнему прапорщику такъ жить хотѣлось, ну, такъ хотѣлось... Надо быть прапорщикомъ, чтобы знать какъ хочется жить прапорщикамъ — до глупости.

И такому-то мнѣ, жизнерадостному юношѣ, пришлось побывать подъ самымъ носомъ у смерти, у этой отвратительной, подлой смерти.

— А по, сердюга, свиней бы пастъ, чѣмъ быть въ бою? спросилъ у меня шутникъ малороссъ-товарищъ, когда жиганула первая пуля.

Стыдно было сознаться, а ей Богу, господа, пастъ-бы съ удовольствіемъ, да не то что свиней (ффюить! ффюить! свиснула пуля около уха)—въ котору бы ушелъ, лишь-бы не слышать этого отвратительнаго визга.

Свистъ пули слышался то справа, то слѣва.

„Ну, вотъ, вотъ... въ лобъ. Господи, хоть-бы не въ лобъ! хоть-бы не сразу убили...“

Удивительно! передъ боемъ я всѣхъ увѣрилъ, что лучше быть паваломъ убитымъ, чѣмъ тяжело раненымъ, а теперь...

— Аай, ай, ай! завопилъ раненый.

Вынеси, Господи, вынеси изъ этого ада!

— Ваше, благородіе, перебѣжка!

„Да какое тутъ благородіе, когда никакого благородства въ душѣ нѣтъ ни на грошъ у меня“, подумалъ я.

— Ваше благородіе...

„А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ?“ мелькнуло тотчасъ въ головѣ.

— Перебѣжка, ребята! прерывисто крикнулъ было я.

Люди лежали въ канавѣ и стрѣляли; моихъ словъ очевидно не слышали.

— Черти, дьяволы васъ задери! крикнулъ молодцеватый унтеръ,—черти! офицеръ командуетъ, а они и въ усь не дуютъ! „А что какъ замѣтили, что я струсилъ?“ подумалъ я и мнѣ стиснуло виски отъ стыда.

— Впередъ, братцы, впередъ! повторилъ я людямъ.

Замѣшательство...

Я чувствовалъ приближеніе какого-то критическаго момента. Я чувствовалъ, отчетливо чувствовалъ, что только за мной побѣгутъ люди впередъ, за мной и больше ни за кѣмъ — я офицеръ. Но какъ-же тутъ быть?. Первому выскочить изъ ложе-мента. Боже, но надъ головой что дѣлается!..

Нѣтъ, въ ложементѣ покойнѣе... А надо, надо, необходимо надо. Подлецы хохлики-солдаты какъ нарочно участи палебу, чтобы замаскировать свое нежеланіе вытѣзть изъ ложемента. Положеніе убійственное. „Что-же это?“ думаю, „солдаты не слушаютъ?“

Крикнулъ еще разъ „впередъ!“ А если... Нѣтъ, надобно вытѣзть первому изъ ложемента. „Господи, Господи, какъ-бы это сдѣлать, какъ-бы это продѣлать такъ, чтобы и самому было незамѣтно? Перекатиться-бы бокомъ что-ли черезъ этотъ зем-ляной валъ?“ Стало стыдно отъ этой мысли. „Ну, такъ какъ-же?.. что-же?“

Мысли нутаются, въ головѣ сумбуръ, холодный потъ... Страш-ная, томительная пауза. Я чувствую, что солдаты косятся на меня... Съежился я (въ головѣ ровно ничего), сжался, уперся руками и ногами въ землю... „Н-ну!!! Впередъ братцы!“ и какъ мячъ выскочилъ изъ ложемента, побѣжалъ куда-то. Куда я побѣжалъ, право и самъ не знаю — должно быть впередъ. „Вне-редъ! впередъ!“ кричалъ я мало сознавая и самого себя, и окру-жающую обстановку. „Впередъ!“ И казалось, этимъ „впередъ“ я спасалъ себѣ жизнь. Но жизнь уже была во второмъ планѣ. Я чувствовалъ себя обстрѣленнымъ зайцемъ. Такъ бываетъ съ человѣкомъ, который боится воды: толкнули его головой внизъ — ух! и сразу другой человѣкъ.

„Я ничего себѣ офицеръ!“ взглянулъ я на самого себя нѣ-сколько опомнившись; всѣ солдаты при мнѣ, перебѣжку сдѣ-лалъ, да и не такъ страшно какъ будто-бы...

Долго-ли, коротко-ли продолжалась перестрѣлка, сказать вамъ не умѣю. Помню только, что бѣгалъ я по цѣни бокомъ (меньшая цѣль, видите-ли, такъ думалъ я) и все крестился.

И чего-бы кажется прапорщику креститься, сказать въ Бога не вѣрилъ, а крестился. Но... но вѣдь прапорщики во-обще въ Бога не вѣрятъ, на то они и прапорщики...

И такъ, повторяю, мнѣ стало какъ будто не такъ страшно. „Э! да я пожалуй и храбръ? (Ффить! фить! завизжало вблизи нѣсколько пулъ). Нѣтъ, ей Богу, не храбръ... Нѣтъ, храбръ. храбръ!“ задорно ерзало снова что-то въ душѣ у меня. „Храбръ!“

Шу-шу-шу! зашипѣла граната. Я такъ и присѣлъ.

— Что струсилъ? загремѣлъ бравый унтеръ на солдатика, поклонившагося гранатѣ.

„Экая мерзость!“ подумалъ я, „ну чорта съ два tenerъ—кивну я этой гранатѣ головой, какже!“

— Впередъ! впередъ! раздалось гдѣ-то слѣва.

— Огонь чаще! довольно сердито крикнулъ я.

— Ваше благородіе, животъ болить, струсилъ солдатикъ, же-лая ретироваться назадъ.

— Ахъ ты каналья! напустился я на него совершенно храбро.

— Ура! послышалось слѣва.

— Ура! послышалось справа.

— Ура! ура! крикнулъ я во всю грудь и ужъ чувствуя себя настоящимъ героемъ, выхватилъ саблю и, какъ ангелъ смерти, понесся впередъ. Солдаты не отставали. — Ура! братцы, не отставай! бей!!!

Что-то восторженное охватило меня: чадъ боя, чадъ крови, чадъ огня... Наслажденіе... очаровательное состояніе души!..

— Побѣда, братцы! наша взяла!

Мы вбѣжали въ деревню, бросились по узкой улицѣ. Съ поднятой саблей, съ пылающимъ лицомъ, съ бьющимся удалю сердцемъ, я самъ себѣ казался героемъ. „Герой! Я ге-рой!! Я!!!“

Изъ-за угла, на перекресткѣ двухъ улицъ, шагахъ въ трид-цати показался осанистый сѣдой турокъ, остановился и по-койно сталъ наводить на меня свою винтовку. Я сталъ какъ вкопанный. Солдаты тоже. Турокъ цѣлится...

Въ меня, въ меня... чертѣтъ дуло, вижу что въ меня... офи-церъ... хочетъ офицера убить... вотъ, вотъ... вотъ... По синій потянуло холодомъ... Машинально опустилъ я свою поднятую геройски саблю... Дзынь! звякнула пуля по штыку сзади стояв-шаго солдата. „Стрѣль... стрѣль...“ Дзынь! вторично завизгнуло по моимъ сабельнымъ ножнамъ.— „Стрѣлай!“ еле вырвалось у меня, и пуля двадцать почти залпомъ отвѣтила турку на двѣ его пули. Но турка ужъ не было.

Господа, да какъ-же мнѣ стыдно стало послѣ этого!.. и те-перь я краснѣю. Остальную часть боя ужъ я не геройствовалъ. Все время лишь хотѣлъ доказать себѣ, что не трусъ. Кажется подъ конецъ кое-какъ привирился съ собой.

Великій учитель стыдъ въ бою, господа, величайшій учитель!

Маръ-Сааба.

(Замѣтки стараго паломника). (Рис. на стр. 373).

Отъ Иерусалима къ Мертвому морю двѣ дороги. Одна спускается отъ Геосиманскихъ (Овчихъ) воротъ къ Иосафатовой долинь, минуя католическую ограду священнаго сада, обгибаетъ справа Елеопъ, оставляетъ съ другой стороны гору Соблазна, тинется по дикимъ возвышенностямъ до Виваніи, отсюда крутою лѣстницею спускается къ источнику „Солнечному“ или „Апостоловъ“. Далѣе, на протяженіи двухъ десятковъ верствъ она ведетъ путника сперва по цвѣтущей долинь то по сю, то по ту сторону русла высохшей рѣки, потомъ по страшнымъ косогорамъ, крутизнамъ, вдоль обрывовъ и ушелій до самой восточной окраины Иудейскаго горнаго хребта. Тамъ внезапно открывается во всей красѣ полуденная картина Иорданской долины. Слѣва Сорокадневная гора искусеній; у подножія ея — Елисеевскій источникъ, гдѣ въ первые годы нашей эры стояло великолѣнное жилище Ирода Великаго, великаго злодѣяніями, тамъ и ковчигаго свои дни велѣдъ за звѣрскимъ убійствомъ роднаго брата... Ближе — жалкое селеніе Ригга, будто бы стоящее на развалинахъ библейскаго Иерихона. Поперекъ долины вдали тинется отъ сѣвера къ югу прихотливыми извилами лѣва густой изумрудной зелени, скрывающей быстро несущіяся волны священной рѣки. За нею довершаетъ картину безконечный хребетъ мрачнаго Моавитскаго горнаго кряжа, а справа блестятъ какимъ-то зловѣщимъ оловяннымъ блескомъ море, неприглядное, поистинѣ, мертвое.

Не выбирайте другаго пути. Онъ еще утомительнѣе, длиннѣе, опаснѣе. Совѣтъ — особенно тѣмъ, кто подверженъ головокруженію. Лѣзуть сюда только англичане ради эксцентричности. По это единственный путь къ монастырю Маръ-Сааба. Часть пути до этой обители, около 15 верствъ, еще проходима для осторожнаго пѣшехода. Далѣе — страсти!

Обогнувъ южную стѣну Св. Града по глубокому Гипномскому ущелью, извѣстному подъ именемъ „Геенны“, оставивъ въ правой сторонѣ возвышенности „Села Скудельнича“ и мѣсто, гдѣ стояла лѣтняя резиденція Кайафы, а слѣва Силоамскую деревню, я съ моимъ юнымъ спутникомъ, въ сопровожденіи каваса, достигъ на южной оконечности Иосафатовой долины, развалинъ колодца Нееміи, по-арабски Биръ-Айюбъ (библейскій Рогель), а вѣскольکو далѣе источникъ, въ которомъ вода показывается однажды въ годъ. Феллахи Силоамской деревни слѣбнать тогда ея пользоваться для орошенія тутъ же расположенныхъ огородовъ, — замѣчательно, дающихъ разнаго рода овопци по шести разъ въ годъ. Отсюда на протяженіи трехъ-четырехъ верствъ дорога идетъ по правому берегу круто повернувшаго на востокъ Кедрнскаго потока. Затѣмъ, точно съ доуды отъ капризныхъ изгибовъ его, она переваливается на другой берегъ, лѣзетъ на гору, спускается, лѣзетъ на другую, на третью, на такія кручи, что въ глазахъ зеленѣетъ. Стараешься не смотрѣть на зияющую подъ ногами пропасть. Утрачивается способность мышленія, сосредоточенно высматриваешь многоли осталось до нлощадки, гдѣ можно будетъ свободнѣе вздохнуть? Обливаешь холоднымъ потомъ и съ трепетомъ слѣдишь за каждымъ шагомъ ослика.

Но всему, какъ и такимъ мучительнымъ минутамъ, бываетъ конецъ. Крутизны остались у насъ позади. Вотъ спускъ опять къ тому же потоку, вѣчно рвущемуся все впередъ и впередъ. Его истокъ — западный берегъ Мертваго моря. Вотъ убогое кладбище кочующаго племени Абдихъ съ могилою чтимаго магометанами шейха Мессіефа. Она обложена верблужьими косями, битымъ черепкомъ, клочками старыхъ палатокъ, ломомъ, плуговъ, разныхъ орудій и кучками извести. Это — жертвоприношеніе. Далѣе, послѣ десяти минутъ пути — цистерна Биръ-эль-Хемшъ (солнечный колодезь); во всякое время года воды въ ней вдоволь. Большая часть водоема подъ огромнымъ природнымъ сводомъ скалы. Но, путникъ, иди скорѣе мимо, какъ бы жажда ни мучила! Въ водѣ масса пиявицъ. Отсюда полчаса пути опять въ гору, но по старательно обдѣланному подъему, къ единственному въ своемъ родѣ монастырю Св. Саввы Освященнаго, по мѣстному варѣчю Маръ-Сааба, къ цѣли нашей многотрудной экскурсіи.

Представьте себѣ — дикое, глубочайшее ущелье между отвѣсными, почти параллельно идущими каменными стѣнами самыхъ мрачныхъ очертаній. Въ страшной глубинѣ червѣтъ русло потока. Кой-гдѣ внизу прыгаютъ шелковистыя козы; онѣ кажутся мухами. Вотъ-вотъ поодень, а тамъ мракъ. Извѣстный Дре вѣроятно видѣлъ эту мѣстность, когда иллюстрировалъ вступленіе Данте съ Виргиліемъ въ „Адъ“. Видъ при лунномъ свѣтѣ здѣсь долженъ наводить ужаса на запоздаващаго путника. Произнесите внятно: „Маръ Сааба!“ и эхо вѣскольکو разъ, исподовѣ замирая, отвѣтитъ: „Маръ-Сааба!“ и „Ха, ха!“ точно каміе-нибудъ гении мѣста разразятся хохотомъ. Въ немъ слышится какой-то сарказмъ. Здѣсь и тамъ, и вездѣ на неприступныхъ высотахъ черными пятнами выглядываютъ пещеры. Скольکو ихъ! Все это — нѣкогда жилища анахоретовъ. Версты четыре по правой сторонѣ ущелья тинется вверхъ чуть не утрамбованное шоссе съ паралетами, ступенями на болѣе крутыхъ поворотахъ. Это — дѣло рукъ монаховъ монастыря. Еще

подъемъ — и передъ вами... что такое? Вы знали куда вела васъ дорога, но вы все-таки остановитесь въ недоумѣніи. Что такое? Каменные клѣти, рѣшетки, лѣстницы вверхъ, внизъ, башни, купола съ крестами, стѣны, контрфорсы, крыши... и все это приковано къ отвѣсной скалѣ. Это жилище нѣсколькихъ десятковъ людей добровольнаго отреченія отъ міра. Тутъ домогильное царство смерти...

Минуемъ четырехстѣнную башню, выстроенную Византійскою императрицею Евдокіею, обгибаемъ высокую стѣну, и мы у тяжелой желѣзной калитки. Прежде чѣмъ она отворится, спуститъ вамъ съ высоты ограды корзину. Слѣбните вложить туда письменное разрѣшеніе впуска отъ патріарха Иерусалимскаго. Впрочемъ, эта предосторожность только для иновѣрцевъ. Если привратникъ завидитъ съ вами каваса русскаго консула, калитка заскрипитъ немедленно. Вы не успеете хорошо разглядѣть стоящую за оградой обители „башню для женщинъ“. Этому полу вѣтъ доступа въ монастырь по уставу, какъ па Св. Аѳонѣ. Рассказываютъ, что одна дочь Евы (само собою: англичанка), передѣлая въ мужское платье, успѣла удовлетворить любопытство, съдѣлавшее ея особу.

Пространство (нельзя назвать его площадью), занимаемое обителью на почти отвѣсной скалѣ, приблизительно величиною 350—400 кв. саж. Это безконечная цѣль каменныхъ спусковъ и подъемовъ по всевозможнымъ направленіямъ между всякаго рода зданіями и обиталищами. Тутъ келья выдолблена въ скалѣ и закрыта деревянной рѣшеткой; тамъ другая виситъ, какъ клѣтка на гвоздѣ у торговца перчатками. Самому искусному архитектору не понять, какъ все это пристраивалось, связывалось, гнѣздилося, подвѣшивалось, какъ люди здѣсь ютились. Мы вступили сперва на крошечный дворикъ, чисто выложенный мраморомъ. Посреди часовня съ бѣлымъ куполомъ: мѣсто успокоенія основателя обители, Св. Саввы. Впрочемъ мощи его въ Венеціи, какъ говорятъ. Внутри стѣны, своды сплошь покрыты изображеніями святыхъ. Позади ея ходъ въ церковь Св. Николая Чудотворца. Это обширная глубокая пещера высѣченная въ скалѣ — одинъ изъ древнихъ христіанскихъ храмовъ. Въ немъ особое углубленіе,halbво большое отверстіе. Тамъ за проволочною рѣшеткой груди людскихъ череповъ, по замѣчательно малыхъ размѣровъ, точно дѣтскихъ. Напротивъ, въ силонной скалѣ — ниша величиною въ 6—7 кубическихъ вершковъ, въ ней черепъ. По словамъ монаха, онъ найдеть тутъ когда высѣкали пещеру. Какимъ образомъ могъ онъ, обособленный отъ прочихъ частей скелета, очутиться въ нишѣ такой величины, хоть бы самую природою образованной? То оставлено было, разумѣется, безъ разъясненія. Въ началѣ XVII ст. монастырь былъ разрушенъ Хозроемъ. Ужасный прогромъ сохраненъ тутъ для потомства фантастическимъ воображеніемъ изографа. На картинѣ изображены полчища конницы съ окровавленными ятаганами. Они скачутъ съ монастырскихъ стѣнъ прямо на колѣнопреклоненныхъ монаховъ въ митрахъ и священномъ облаченіи, безнадежно ожидающихъ мученической смерти. У иныхъ головы уже свалились съ плечъ, предупредивъ удары мечей. Баталистъ не затруднился изобразить скачку всадниковъ по такой наклонной плоскости, на которой и стоять невозможно.

Изъ этой церкви насъ повели по узкому дугообразному коридору съ келиями по сторонамъ. Все высѣчено въ массивъ скалы. Въ концѣ коридора пещера, гдѣ жилъ и скончался Св. Іоаннъ Дамаскинъ. Въ ней небольшая церковь съ древнимъ иконостасомъ. Въ уровень съ поломъ полукруглое отверстіе около аршина въ диаметрѣ, огражденное чугунными перекладинами. Оно ведетъ во вторую, нижнюю пещеру, гдѣ Дамаскинъ проводилъ ночи въ молитвѣ.

Къ востоку опять разными ходами, лѣстницами и галереями насъ ввели въ главный монастырскій храмъ, построенный въ среднихъ вѣкахъ. Южная и сѣверная стѣны сложены самимъ основателемъ обители. Живопись недавно обновлена и, очевидно, русскимъ художникомъ. Намъ вынесли изъ алтаря объемистый ларецъ изъ чеканеннаго серебра съ тремя черепами мощей Св. Ксенофонта и двухъ его сыновей, Аркадія и Іоанна, и частіею мощей Св. Дамаскина. Изъ храма выходъ на небольшую площадку, совсѣмъ повисшую надъ бездною. Подъ нею, далеко-далеко показываютъ святой источникъ, вырытый Св. Саввою. По словамъ преданія, въ странѣ три года не было дождя. Святой, послѣ продолжительной молитвы, увидалъ внизу дякую козу, рывшую копытомъ землю. То было для него указаніемъ свыше. Едва коснулся онъ земли заступомъ, какъ показался обильный источникъ свѣжей воды, почитаемой съ тѣхъ поръ священнойю.

Нѣскольکو лѣвъ, намъ показали пальму, посаженную руками Св. Саввы. Древность ея не подлежитъ сомнѣнію, но чѣмъ она живетъ — необъяснимо. Корни въ скалѣ и почвы никакой. Сажени двѣ выше ея основанія — помѣщеніе съ каменными корытами, гдѣ иноки моютъ бѣлье. Вода изъ корытъ спускается къ корню. Вода — исключительное ея питаніе.

И опять безконечными переходами, лѣстницами вверхъ и

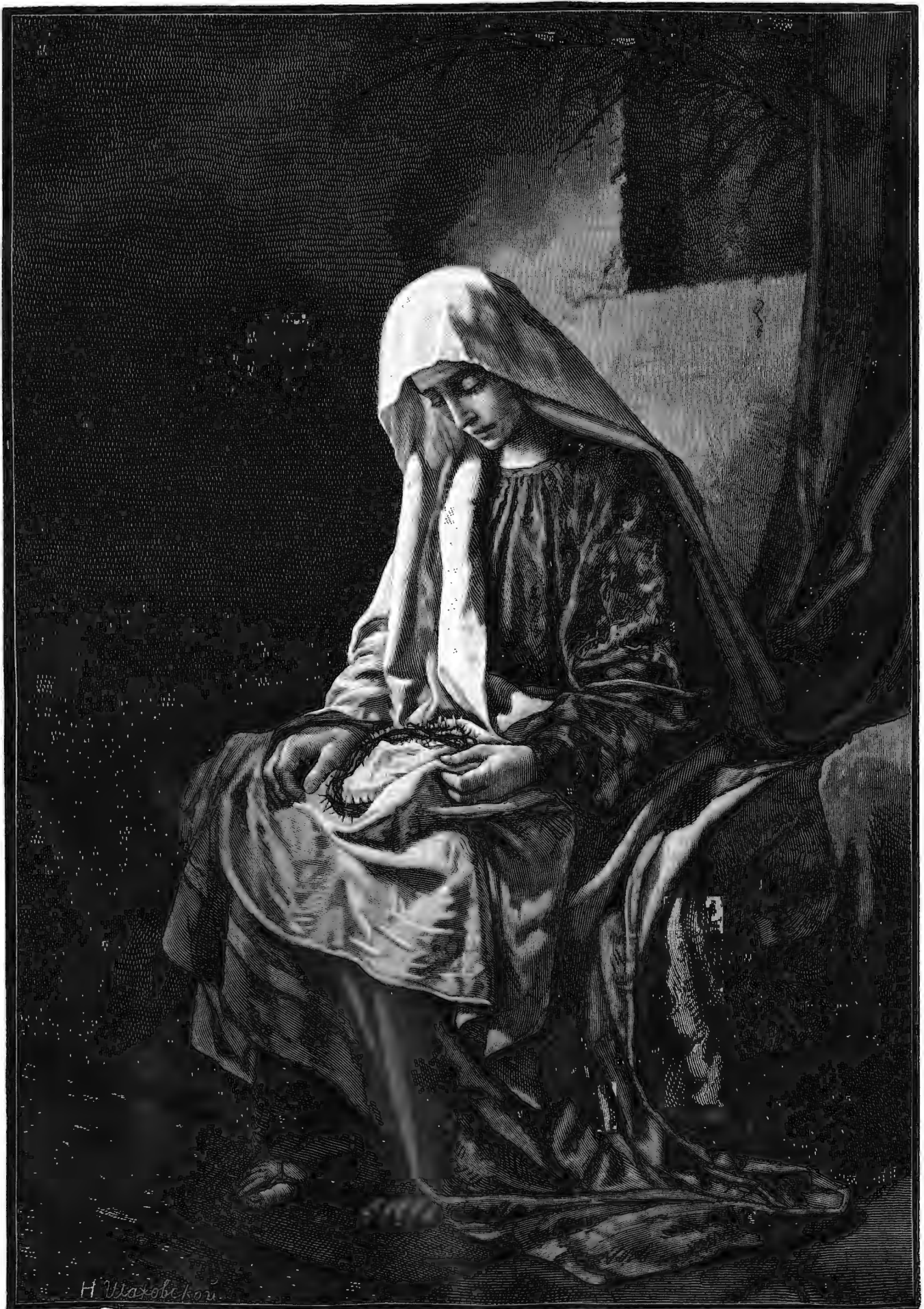

Марія Магдалина. Съ картины Ч. Барилли, грав. Т. Капустинъ (оригиналъ принадлежитъ А. Бегрову, въ СПб.).

внизъ, мы продолжали обзоръ. Вотъ огородикъ, земля тутъ нанесена на плечахъ монаховъ, въ грядкахъ что-то посажено, зеленѣетъ. Два фиговья дерева кое-какъ тутъ-же прозябаютъ. Направо висится отвѣсная стѣна, налево, внизъ—опять пропасть. На невысокой оградѣ чаша съ черствыми остатками хлѣба, — это коритъ, бросаемый шакалакъ; стаи разной породы птицъ получаютъ здѣсь монастырскую милостыню, даже изъ рукъ самихъ монаховъ. Двѣ лѣстницы изъ огорода ведутъ во „Львиную пещеру“, гдѣ до основанія монастыря жилъ Св. Савва Освященный. Узкимъ темнымъ коридоромъ мы проникли въ небольшой скитъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій. Налево помѣщеніе, гдѣ Святой молился, направо другое, съ отверстіемъ въ родѣ оконца, совсемъ темное. По словамъ преданія, святой подвижникъ, вернувшись однажды въ пещеру, засталъ тамъ

льва. Послѣ долгой молитвы Св. Савва заснулъ. Левъ его взялъ за плечо и вынесъ. Проснувшись, Св. Савва возвратился и снова послѣ молитвы заснулъ. Левъ опять его вынесъ. Наконецъ, Святой гнѣвно сказалъ леву: „Развѣ здѣсь мало мѣста для двоихъ?“ и указалъ ему отверстіе. Съ того часу левъ не покидалъ своего логовища.

Не впервые навѣстилъ я этотъ пріютъ молитвы, не имѣющій ничего себѣ подобнаго, кромѣ, можетъ быть, Синайскихъ монастырей, но и посейчасъ я не въ состояніи себѣ уяснить, хотя нѣсколько, планъ всѣхъ построекъ, пристроекъ, проходовъ, помѣщеній, лѣстницъ. Гдѣ та келья, какъ пройти въ эту, гдѣ монастырская трапезная, гдѣ пріемная, гдѣ патриаршее помѣщеніе? Освоиться съ такимъ височимъ лабиринтомъ не легкое дѣло.

Скорбящая Божія Матерь. Съ картины Н. Шаховскаго, грав. Шюблеръ.

Теперь ананоретовъ тутъ до 60 человекъ, въ томъ числѣ четверо русскихъ. Часть ихъ отправлена „на послушаніе“ въ Каиръ, Синай, на Афонъ и др. мѣста Востока. Въ концѣ XVI ст. ихъ было до 4,000. Въ окрестныхъ пещерахъ спасались десятки тысячъ, и все они были подъ началомъ мѣстнаго игумена. Трудно познать душу человека, но данъ глубокаго уваженія къ братьямъ обители Св. Саввы невольно вызываютъ ихъ паружный видъ, взаимное обращеніе, спокойная рѣчь и ясный взглядъ—это зеркало душевнаго состоянія. „Люди эти—прото-типны благочестивой жизни“ говоритъ каждый, кто безпристрастно взглянетъ на нихъ. Кажется, все они погружены въ мрачную мысль о смерти, и такъ сроднились съ нею, что земная жизнь не имѣетъ даже и въ сердцѣ ихъ значенія.

Въ 10 часовъ (по турецки въ 4) раздался призывъ къ утренней трапезѣ. Намъ готовили особю, но мы просились за общую трапезу. Послѣ молитвы, человекъ тридцать въ совершенномъ молчаніи разсѣлись за четыремъ мраморными столами. Передъ каждымъ стола тарелка съ кускомъ разваренной трески, роздали по четвертой булкѣ сѣраго хлѣба. Ни одинъ монахъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на двухъ постороннихъ, не-

жданно очутившихся среди ихъ. Благодарственная молитва продолжалась долѣе чѣмъ самая трапеза. Послѣ молитвы началась раздача, какъ намъ объяснили, „дара Богородицы“. Всякій бралъ по крошкѣ св. хлѣба, окуренаго предварительно ладаномъ, запивать глоткомъ сладкаго вина изъ большой позолоченной чаши, и въ невозмутимомъ молчаніи удалялся въ келію. Вечеромъ трапеза въ тотъ день заключалась въ горсти маслицъ и хлѣба. Ни одного монаха мы не встрѣтили, осматривая въ теченіе нѣсколькихъ часовъ достопримѣчательности. Въ свободное отъ службы время старцы сидятъ безвыходно въ кельяхъ, занимаются разными рукодѣльями, портняжествомъ, шитьемъ обуви, вырѣзываніемъ крестиковъ и дожекъ изъ дерева, плетениемъ шелковыхъ и шерстяныхъ чепковъ и т. д.

Передъ часовнею Св. Саввы намъ указали на тяжелую плиту въ помостѣ съ двумя желѣзными кольцами. Одинъ изъ братій кончилъ жизнь. Въ скалѣ отверзается общая могила. Тѣло опускается до половины, снимается саванъ, и прахъ того, что называлось человекомъ, скрывается подъ плитою при возгласѣ: „Вѣчна тебѣ память!“

С. П.

„Кольцо Нибелунга“, трилогія Рихарда Вагнера.

(Продолженіе).

Подобно тому какъ „Валкирія“ въ первомъ дѣйствіи знакомила зрителя съ домашнимъ бытомъ древняго германца, первое дѣйствіе „Зигфрида“ (третьей части тетралогіи) переноситъ насъ въ первобытную кузницу, гдѣ выковывалось оружіе: копыя, мечи, брони, щиты и шлемы. Это скалистая пещера съ естественнымъ выходомъ въ заповѣдный лѣсъ, съ пагромомъ изъ огромныхъ камней горномъ и громадными мѣхами изъ дѣльныхъ шкуръ, съ желѣзною наковальней на дубовомъ пнѣ. Здѣсь живетъ искусный кузнецъ-оружейникъ, ограбленный Альберихомъ братъ его, безобразный и слабосильный нибелунгъ Миме. Онъ не отказался отъ надежды вернуть себѣ скованнаго имъ кольцо нибелунга и шапку-невидимку; онъ знаетъ что эти сокровища вмѣстѣ съ прочимъ золотомъ достались великану Фафнеру, который обернулся громаднымъ змѣемъ (обще-арійскій драконъ, змѣя-горынычъ), залегъ на своемъ кладѣ въ заповѣдномъ лѣсу и спитъ въ счастливомъ обладаніи. Но Миме хитрѣе глупаго великана: онъ воспиталъ юношу-богатыря Зигфрида, такого богатыря, какого еще не видывали мѣръ; надо только сковать ему мечъ, чтобы онъ убилъ змѣя-Фафнера, а сокровищами его завладѣетъ хитрый Миме, потому что богатырь слишкомъ простодушенъ для этого. Бѣда только въ томъ что юноша ломаетъ самые крѣпкіе мечи какъ хворостъ; но вотъ наконецъ Миме удалось сковать мечъ, который долженъ выдержать испытаніе (обще-арійская легенда о выборѣ меча-кладенца).

Пока Миме старательно дорабатываетъ мечъ, изъ лѣсу приходитъ Зигфридъ, таща съ собой медвѣдя, котораго онъ поборолъ и связалъ лыковымъ канатомъ. Богатырь пугаетъ ненавистнаго ему Миме, направивъ на него медвѣдя и потѣшаясь его страхомъ. Миме отдѣлывается только тѣмъ что показываетъ Зигфриду новый мечъ. Юноша выгоняетъ медвѣдя и пробуетъ оружіе, но при первомъ ударѣ по наковальнѣ мечъ разлетается вдребезги. Миме начинаетъ горько жаловаться на буйство непокорнаго сына, укоряетъ его въ неблагодарности, напоминаетъ ему какъ онъ лелѣялъ его въ дѣтствѣ. Но Зигфриду это всего ненавистнѣе; онъ не вѣритъ чтобы Миме могъ быть его отцомъ: юноша глядѣлся въ лѣсные ручьи и знаетъ что онъ не похожъ на безобразнаго карлика. „Если ты мой отецъ“, говоритъ онъ, „то гдѣ же моя мать?“ — „Вѣрь мнѣ“, отвѣчаетъ Миме, „я тебѣ и отецъ, и мать“. Но выросшій въ лѣсу юноша знаетъ что у всѣхъ птичекъ, которыя еще не оперились въ гнѣздѣ, всегда двое родителей. „Ты лжешь!“ восклицаетъ онъ въ ярости, хватая своего пѣстуна за горло, и смертельно оробѣвшій карла сознается ему что настоящій отецъ его убитъ, а мать, которую звали Зиглиндой, умерла въ родахъ въ этомъ самомъ заповѣдномъ лѣсу, оставивъ сыну въ наслѣдство лишь обломки отцовскаго меча, и вотъ онъ, Миме, воспиталъ ребенка, вскормилъ его, владеялъ... „Такъ вотъ что“, перебиваетъ Зигфридъ надобѣдливаго карлика, „почини мнѣ этотъ мечъ до моего возвращенія—и я сегодня же уйду на вольную волю въ даль, чтобы не видать тебя никогда; иначе плохо тебѣ будетъ“. Съ этими словами онъ опять уходитъ въ лѣсъ, оставляя Миме въ полномъ отчаяніи: карликъ знаетъ что не его молоту сварить обломки божественной стали.

Въ пещеру входитъ Вотанъ съ коньемъ, въ плащѣ и шляпѣ странника, въ своихъ скитаніяхъ по землѣ зашедшій сюда посмотрѣть какъ идетъ дѣло неотвратимыхъ судебъ, и просить у Миме гостеприимнаго мѣста у очага. Карла грубо отказываетъ. Тогда Вотанъ, заявляя, что его опытность можетъ быть полезна всякому, бѣется объ закладъ, ставя свою голову противъ отдыха у очага, что Миме не предложитъ ему трехъ такихъ вопросовъ, на которые-бы онъ, Вотанъ, не отвѣтилъ (обще-арійскія загадки). Лукаво хитрый, но глупый карликъ, вмѣсто того чтобы съ выгодой для себя воспользоваться мудростью обошедшаго свѣтъ странника, задаетъ ему праздные вопросы. Раз-

ршивъ ихъ и пользуясь правомъ выигравшаго, Вотанъ въ свою очередь ставитъ голову карлика въ закладъ на три свои вопроса, изъ коихъ первые два: что это за родъ къ которому Вотанъ повидимому наиболѣе неблаговольтъ, но питаетъ пѣзвѣйшую любовь? Какимъ мечемъ надо вооружить Зигфрида чтобы онъ убилъ Фафнера?—Миме разрѣшаетъ правильно, назвавъ Вельзунговъ и Нотунгъ (такъ названъ былъ мечъ Зигмунда имъ самимъ, какъ полученный въ минуты горькой нужды—Noth). Но третій вопросъ: кто скуетъ Нотунгъ изъ его обломковъ?—ставить нибелунга въ туникъ. „Не знаешь ты своей ближайшей пользы, трижды предлагая мнѣ суетные вопросы; теперь твоя хитроумная голова принадлежитъ мнѣ“, говоритъ ему Вотанъ со смѣхомъ удаляясь въ лѣсъ, — „слушай-же, презрѣнный карликъ: Нотунгъ скуетъ только тотъ кто никогда не знаетъ страха. Береги-же свою мудрую голову—я дамъ ее, срубить тому кто не знаетъ страха“.

Пораженный Миме, при видѣ возвратившагося Зигфрида, съ ужасомъ вспоминаетъ, что училъ его всей своей мудрости и не научилъ только страху. Опять поднимается на хитрости карла и говоритъ Зигфриду: „какъ-же ты хочешь идти на вольную волю въ мѣръ, вѣдь ты страха не знаешь, а безъ этого знанія тебѣ никакаго меча не поможетъ“. — „А что это такое—страхъ?“ переспрашиваетъ Зигфридъ. Миме говоритъ ему, что страху научаются въ гнѣздѣ змѣя-Фафнера, который лежитъ въ Пещерѣ Зависти на краю Заповѣднаго лѣса. Довѣрчивый Зигфридъ требуетъ чтобы карликъ сегодня-же свелъ его къ этой пещерѣ, и самъ принимается за пощипку отцовскаго меча. Миме съ ужасомъ видитъ, что работа идетъ успѣшно и что ему не сносить головы. Пока Зигфридъ куетъ и шлифуетъ силавенный имъ и заново отлитый въ форму Нотунгъ, карликъ варитъ ядъ, которымъ собирается угостить богатыря послѣ того какъ тотъ убьетъ змѣя, и заранѣе радуется своей удачѣ и обладанію кольцомъ, которымъ смиритъ даже своего брата, Альбериха. Между тѣмъ Зигфридъ сковалъ мечъ и пробуи ударить имъ по наковальнѣ—изъ нея молніями вылетаютъ искры и она раскалывается на-двое вмѣстѣ съ дубовой подставкой. Миме отъ страха падаетъ на полъ.

Во второмъ дѣйствіи, глухою ночью, въ часѣ заповѣднаго лѣса, почва коего съ половины пространства сцены поднимается плоскою возвышенностью, въ потьмахъ ничего еще нельзя разсмотрѣть, встрѣчаются Альберихъ и Вотанъ. Первый тотчасъ узнаетъ бога и начинаетъ укорять его въ новыхъ воровскихъ замыслахъ; но Вотанъ спокойно отвѣчаетъ, что онъ пришелъ посмотрѣть, а не дѣйствовать. Мрачный нибелунгъ подсмѣивается надъ этимъ спокойствіемъ и не вѣритъ сыну свѣта: „Ты знаешь что мое проклятіе неизбежно принесетъ смерть Фафнеру“, говоритъ Альберихъ, „ты озабоченъ тѣмъ, кому достанется его наслѣдство; вѣдь попадаи кольцо въ мои руки, я иначе распоряджусь имъ чѣмъ глупый великанъ: я сожгу неприступныя твердыни Валгаллы огнемъ Геллы и самъ стану правителемъ міра“. Вотанъ отвѣчаетъ что намѣреніе мрачнаго нибелунга ему извѣстно, но не беспокоитъ его: кольцо достанется тому кто его завоюетъ; этого юношу-герои приведетъ Миме и разкажетъ ему о кольцѣ; „помогай этому любимому мной юношѣ я не стану: онъ самъ себѣ господинъ“, говоритъ Вотанъ: „хочешь бѣдшаго? Вонъ тамъ спитъ Фафнеръ; если ты предостережешь его отъ смерти, онъ охотно отдастъ тебѣ кольцо; хочешь, я разбужу его?“ Альберихъ изумленъ этимъ непонятнымъ ему, загадочнымъ поведеніемъ Вотана. Они будятъ Фафнера, но глупый исполинъ-чудище даже не трудится выдѣлать и вприсонкахъ, изъ непрогляднаго мрака, только подаетъ страшный нечеловѣчскій голосъ: зачѣмъ его потревожили? онъ не боится героя и проглотить его, онъ будетъ спать и владѣть сокровищами, пусть его оставятъ въ покоѣ. „Попытка не удалась!“ говоритъ Вотанъ съ громкимъ смѣхомъ Альбериху.

риху: „но не называй меня больше плутомъ; знай что каждый на свой образецъ“. И онъ исчезаетъ въ бурномъ вихрѣ. Альберихъ прячется въ расщелину скалы чтобы сторожить брата.

Начинаетъ свѣтать и понемногу разгорается утренняя заря. Надъ серединой лѣсной возвышенности виденъ верхній сводъ входа въ пещеру Фафнера, расположенную по ту сторону террасы. Являются Миме и Зигфридъ со своимъ мечемъ на перевязи. Затѣмъ карликъ удаляется, желая про себя чтобы Зигфридъ и чудовище оба погибли въ бою.

Оставшись одинъ, Зигфридъ, увѣренный теперь что Миме не отецъ его, впервые наслаждается утреннею зарею въ лѣсу, пѣніемъ птичекъ, неумѣло подражаетъ одной изъ нихъ на дудочкѣ изъ сръзаннаго тростника и наконецъ, соскучившись, трубить въ свой серебряный рогъ. На звуки его изъ пещеры выползаетъ чудовище-Фафнеръ, въ видѣ громаднаго ящеро-подобнаго зеленоватого-огненнаго змѣя на четырехъ лапахъ, съ жаломъ на хвостѣ; изъ глазъ и ноздрей его бьетъ красное пламя съ дымомъ; онъ открываетъ громадную пасть и хочетъ поглотить Зигфрида. Но богатырь смѣется и, уклонившись, поражаетъ его прямо въ сердце. При этомъ, залачкавъ руку кровью дракона, которая жжетъ какъ огонь, онъ невольно подноситъ ее ко рту—и вдругъ получаетъ даръ понимать языкъ птички, со-вѣтующей ему завладѣть изъ сокровищъ Фафнера лишь кольцо и шапкой-невидимкой, что онъ немедленно и дѣлаетъ. Затѣмъ, замѣчая что онъ получилъ даръ узнавать и самыя сокровенныя мысли другихъ существъ, онъ видитъ насквозь и замыселъ Миме, и когда тотъ подаетъ ему отравленный напитокъ, Зигфридъ однимъ ударомъ меча убиваетъ его, при зло-радномъ хохотѣ Альбериха. Оставшись одинъ на свѣтѣ, Зигфридъ скорбитъ о своемъ сиротствѣ, но та же птичка утѣшаетъ его, рассказавъ ему что въ лѣсу на утесѣ, окруженномъ иламенной стѣной, спитъ красавица и достанется въ жены не знающему страха герою, который ее разбудитъ. Зигфридъ отправляется добывать ее.

Въ первой сценѣ третьяго дѣйствія объясняется загадочное поведение Вотана. Въ дикой, гористой мѣстности, у подножій крутаго утеса, ночью, въ бурѣ и громѣ, при блескѣ молніи, вызываетъ онъ вѣщую Эрду, но она уже не въ состояніи ничего сказать о судьбѣ боговъ и отсылаетъ его къ Брюнгильдѣ, а узнавъ о карѣ постигшей ея дочь, заявляетъ что всевѣднью ея, Эрды, насталъ конецъ, ибо затѣявшій все это дѣло (т. е. Вотанъ) прогнѣвался на совершеніе дѣла, охраняющій право и клятвы—противится праву и властвуетъ путемъ клятвеннаго преступленія. Тогда Вотанъ, подъ покровомъ величайшей тайны, на-ухо сообщаетъ ей, что онъ уже не боится гибели боговъ съ тѣхъ поръ какъ самъ жаждетъ ея, не выносивъ своихъ страданій. Но такъ велики его преступленія, такъ разрослось зло внесенное имъ въ міръ, что онъ и погибнуть не можетъ до тѣхъ поръ, пока міровое зло не будетъ искуплено чистыми существами. Для

этого подвига у него (Вотана) есть наслѣдникъ, прелестнѣйшій Вельзунгъ, чуждый зависти и страха Зигфридъ, который разбудитъ Брюнгильду, а та, вѣщая дѣва, совершитъ дѣло искупленія. Имъ, вѣчно-юнымъ, съ восторгомъ уступаетъ богъ свое мѣсто. „Поэтому“, говоритъ Вотанъ валѣ, „засни, и во снѣ сердца твоей конецъ, ты, праматерь страха, первобытная забота!“ Эрда исчезаетъ подъ землей, а Вотанъ ждетъ Зигфрида, дабы собственнымъ опытомъ убѣдиться что этотъ свободный, полагающійся лишь на себя герой сильнѣе его, бога. Когда является приведенный сюда птичкою Зигфридъ, Вотанъ заступаетъ ему дорогу, называя себя стражемъ утеса спящей дѣвы: кто разбудитъ ее, тотъ навѣки отниметъ власть у него, стража. Зигфридъ обнажаетъ мечъ, но Вотанъ преграждаетъ ему путь своимъ копьемъ и говоритъ, что этотъ мечъ однажды уже былъ сломенъ его копьемъ. „А, такъ это ты—врагъ моего отца!“ восклицаетъ Зигфридъ, бросающійся на него. Они сражаются и копье Вотана, сдѣланное имъ нѣкогда изъ гибкой вѣтви міроваго ясеня, при страшномъ громовомъ ударѣ разлетается вдребезги. „Иди своей дорогой, я не въ силахъ тебя удержать“, восклицаетъ удивившійся Вотанъ, исчезая.

Весь задній планъ горъ пылаетъ моремъ пламени, Зигфридъ трубить въ свой рогъ и отважно бросается въ огонь, который мало-по-малу окружаетъ всю сцену, закрывая ее до рамы. За облаками багроваго дыма слышенъ рогъ Зигфрида, то ближе, то дальше. Когда багровая облака дыма разсѣиваются, предъ Зигфридомъ на утесѣ лежитъ спящая Брюнгильда въ той самой обстановкѣ, какъ мы оставили ее въ третьемъ актѣ „Валкири“. Принявъ ее за воина, Зигфридъ снимаетъ съ нея шлемъ, шлемъ и латы, но, очарованный ея красотой и догадавшись, что это никогда доселѣ невиданное имъ существо—женщина, впервые ощущаетъ робость, которой ничто доселѣ не могло научить его. Страстный поцѣлуй Зигфрида пробуждаетъ Брюнгильду. Эта превосходная сцена совершенно непередаваема въ краткомъ очеркѣ; здѣсь каждое слово имѣетъ глубокое, мистическое значеніе. Брюнгильда, благословивъ свое возвращеніе къ жизни и узнавъ что избавителя ея зовутъ Зигфридомъ, въ восторгѣ рассказываетъ, что угадавъ сокровенныя помыслы Вотана, она уже мечтала о Зигфридѣ когда его еще не было на свѣтѣ, снасла его мать, преступила вѣрнѣе Вотана, подвергла себя карѣ и страдала—все за свою мечту, свою будущую любовь. Этой любви теперь, какъ ни претить валкирии потери ея божественной природы, Брюнгильда приноситъ въ жертву свою гордость и прощается навѣки съ Валгаллой и богами: „разсыпья въ прахъ гордая твердыня, гибни вѣчно племя, рвите Норны свою нить судьбы со священными рунами, наступай преставленіе боговъ и мракъ ничтожества,—миѣ свѣтитъ звѣзда Зигфрида, онъ мой навѣки, одинъ замѣнитъ мнѣ все: съ нимъ всеозаряющая любовь и безпечальная смерть“. Съ этими словами она бросается въ объятія ликующаго Зигфрида.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Древняя церковная утварь Гандзасарскаго монастыря. (Рис. на стр. 353).

Гандзасарскій монастырь или Аг-ванкъ, на сѣверъ отъ города Шуши и недалеко отъ рѣки Хаченчалъ, расположенъ въ гористой, неприступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно живописной мѣстности. Онъ основанъ въ честь Іоанна Крестителя, построенъ въ началѣ XIII вѣка и замѣчателенъ въ архитектурномъ отношеніи. Здѣсь находилась нѣкоторое время резиденція агванскихъ католиковъ, первымъ изъ которыхъ былъ Григорисъ. Въ Агванію христіанское ученіе было внесено ученикомъ апостола Фаддея, Елисеємъ, или по-армянски Егисе, который былъ убитъ неподалеку отъ Гандзасарскаго монастыря,—въ монастырѣ Амараскомъ. Послѣ него проповѣдывалъ Святой Месропъ. Въ половинѣ VI вѣка христіанское ученіе было настолько распространено въ Агваніи, что здѣсь имѣлось нѣсколько епископскихъ кафедръ, подъ управленіемъ католика. Агванская церковь была самостоятельнымъ до VII вѣка, когда, по случаю принятія Нерсесомъ гадманскимъ ученія Халкидонскаго собора, была созванъ въ Бардѣ (въ Агваніи) соборъ, на которомъ рѣшено, чтобы агванскій католикосъ, до того самостоятельный, посвящался армянскимъ. И не смотря на подчиненіе, агванскіе католики сохраняли, какъ въ своемъ служеніи, такъ и въ своей обстановкѣ, свои особенности. Отъ временъ ихъ резиденціи въ Гандзасарскомъ монастырѣ и осталась древняя церковная утварь изображенная на нашемъ рисункѣ. Рукописное на пергаментѣ Евангеліе, съ замѣчательно художественными рисунками, кресты, лавангіи, напрестольныя Евангелія, осыпанныя драгоценными камнями, омофоры, набедренники, изображеніе 12 апостоловъ—вышитые золотомъ по венеціанскому бархату, всѣ эти предметы носить на себѣ печать оригинальности и старины; но въ особенности обращаютъ на себя вниманіе среди нихъ четыре подсвѣчника, металлическіе, украшенные самоцвѣтными камнями, и изображающіе собою руки сложеныя въ видѣ двухъ перстнаго креста, составляющаго принадлежность агванской, а затѣмъ и армянской церкви,—чего такъ не любятъ наши старообряд-

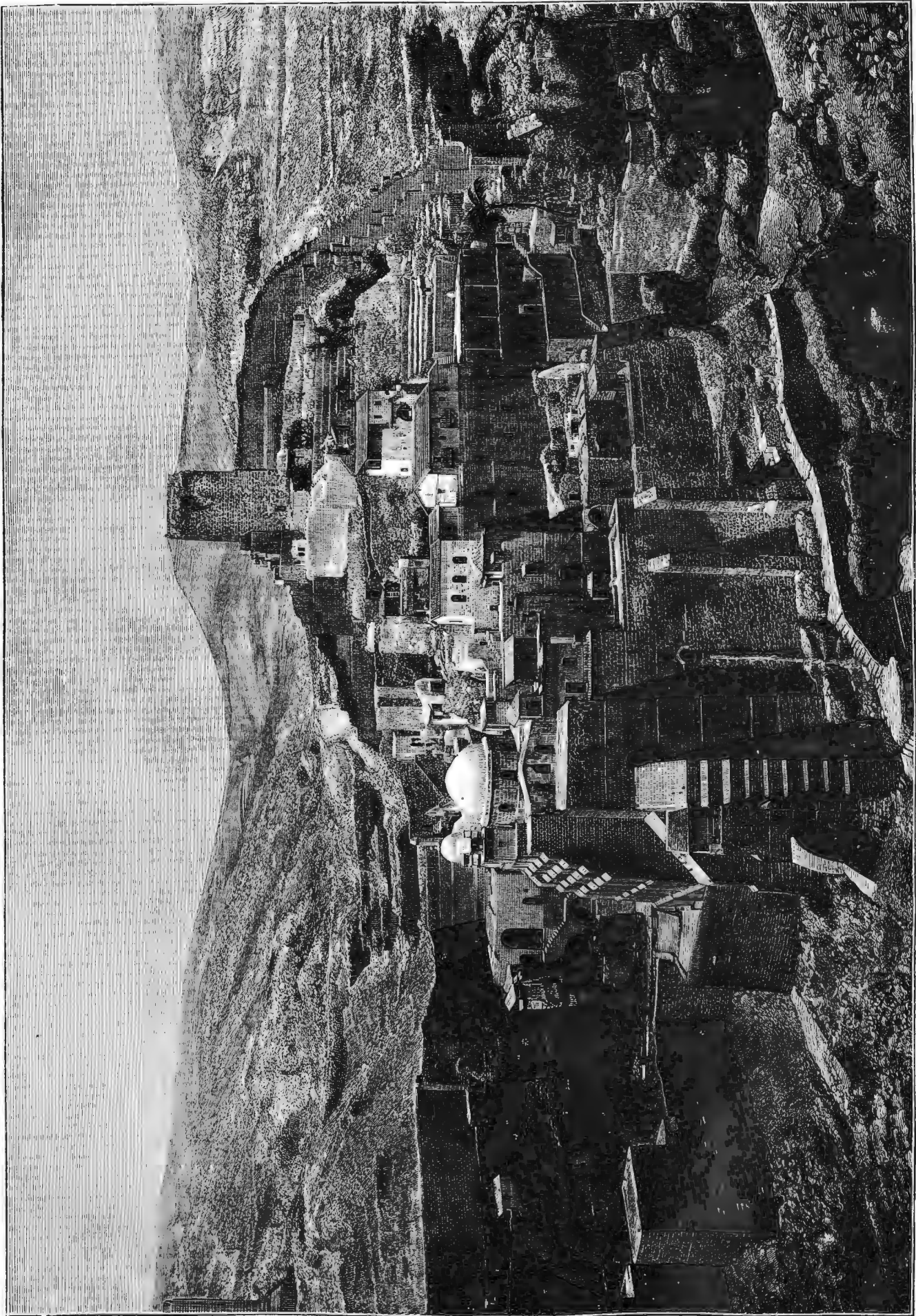
цы, когда на то указываютъ имъ при обличеніи ихъ въ неправославіи.

Шествіе на осли. (Рис. на стр. 356 и 357).

Въ воспоминаніе торжественнаго вступленія Спасителя въ Иерусалимъ, съ давняго времени у многихъ христіанскихъ народовъ существовалъ обрядъ шествія на осли. Русскіе заимствовали его у грековъ въ XVI вѣкѣ и съ особеннымъ великолѣпнѣмъ совершали въ слѣдующемъ столѣтіи на Москвѣ. Сначала шествіе ограничивалось Кремлемъ, вокругъ соборовъ, но впоследствии процессія выходила и за предѣлы кремлевскихъ стѣнъ, чрезъ Спасскія ворота къ Покровскому собору, гдѣ былъ придѣлъ Входа въ Иерусалимъ. Шествіе открывалось государевыми младшими чинами: сперва дьяками, затѣмъ дворянами, стряпчими и стольниками, по три въ рядъ, съ вербами въ рукахъ; за ними везли нарядную вербу на особо устроенномъ возкѣ, обитомъ краснымъ сукномъ и ярко раскрашенномъ красками. Вербу везли шесть богато убранныхъ лошадей. Подъ вербой стояли мальчики въ бѣлой одеждѣ и пѣли стихиры. За вербою шествовало многочисленное духовенство, потомъ шли ближніе люди, душные дьяки и окольничьи съ вайями; за ними шествовалъ государь, поддерживаемый ближними людьми, и вель осли за конецъ повода. Осля избраннымъ конь, покрытый бѣлой суконной капурой или поповой, къ которой были придѣланы громадныя уши. Средину повода за царемъ держалъ избранный бояринъ, а подъ уздцы осли вели дьяки: государевъ и патриаршій, и патриаршій конюшій старецъ. Впереди государи несли царскій жезлъ, вербу, государеву свѣчу и царское полотенецъ. На конѣ бокомъ ѣхалъ патриархъ съ крестомъ и Евангеліемъ. Обрядъ этотъ удержался до самой отбѣны патриаршества.

Снитъ. (Рис. на стр. 361).

Ефимъ Ефимовичъ Волковъ, вмѣстѣ съ А. А. Киселевымъ, постоянно украшаютъ выставки „передвижниковъ“ выдающимися произведеніями своей кисти. Посѣтители передвижныхъ выставокъ за послѣдніе годы, конечно, не забыли неболь-

Монастырь Маръ-Сааба, въ окрестностяхъ Іерусалима. Съ фот. Фюралло, грав. Рашевскій.

шую „Осень“ Волкова, съ блѣдно-голубымъ небомъ, сѣренькой рѣчкой на заднемъ планѣ и ярко-блестящими стволами березъ на переднемъ...

Эту прелестную „Осень“ напоминаетъ намъ и помѣщаемый нами здѣсь пейзажъ Волкова („Скитъ“). Небольшая, убогая обитель, пообветшавшая, почернѣвшая отъ времени и покосившаяся на бокъ, пріютилась на небольшой прогалинѣ, въ лѣсной глуши нашего Сѣвера. Дѣто минуло, и осень стала щедро окрашивать лѣсокъ около „Скита“ своими яркими, богатыми красками. Ничто не шелохнется; деревья стоятъ неподвижно, вырѣзаясь верхушками на поблѣднѣвшемъ осеннемъ небѣ. Мягко и кротко свѣтитъ осеннее, уже не грѣющее солнце. Тишина кругомъ невозмутимая—въ этой лѣсной глуши такъ же тихо и спокойно, какъ въ долинѣ старого отшельника, который идетъ съ ведромъ зачерпнуть водицы въ прозрачномъ какъ слеза ключѣ, который словно застылъ въ берегахъ.

Петръ I посѣщаетъ г-жу Ментенонъ въ 1717 году.

(Рис. на стр. 364).

Во время своего заграничнаго путешествія въ 1717 году, Петръ Великій прибылъ въ Парижъ 26 апрѣля и пробылъ тамъ до 9 іюня. Первые дни онъ не выходилъ изъ дому, несмотря на горячее желаніе поскорѣе познакомиться со всеми достопримѣчательностями знаменитаго города, и ожидалъ визита малолѣтняго французскаго короля Людовика XV. 30 апрѣля состоялось это свиданіе двухъ вѣщеносцевъ и въ тотъ же день Петръ началъ осматривать столицу Франціи. Онъ побывалъ не только повсюду въ самомъ городѣ, но осмотрѣлъ и многія изъ его окрестностей и между прочимъ посѣтилъ Сень-Сиръ.

Въ этомъ мѣстечкѣ, отстоящемъ отъ Парижа къ востоку верстъ на 20, въ 1680 году, Людовикъ XIV, по просьбѣ своей морганатической супруги, госпожи Ментенонъ, основалъ подъ именемъ Института Св. Людовика, духовное учебное заведеніе для 250 бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1692 году воспитаніе въ Сень-Сирѣ было поручено монахинямъ Августинскаго ордена.

Прибывъ въ Сень-Сиръ, русскій царь обошелъ все классы, заставилъ объяснить себѣ все упражненія пансіонерокъ и затѣмъ посѣтилъ лежавшую на одрѣ болѣзнь госпожу Ментенонъ, доживавшую тамъ свою послѣдніе годы и тамъ и умершую въ 1719 году. Сцена посѣщенія Петромъ Великимъ когда-то столь вліятельной супруги великаго французскаго короля и послужила темою для класснаго художника 1 степени К. Н. Горскаго, написанной по заказу Государи Императора и составляющей собственность Его Императорскаго Величества.

Все въ прошломъ. Карт. В. М. Максимова.

(Рис. на стр. 365).

Какихъ-нибудь лѣтъ тридцать назадъ, т. е. на памяти многихъ милліоновъ изъ нынѣ живущихъ людей, Россія представляла совершенно иной строй общественной и частной жизни. Во главѣ этого строя на всѣхъ высшихъ и среднихъ ступеняхъ государственной службы и общественной дѣятельности стояло вѣками привывшее править землей, просвѣщенное дворянство, на знамени котораго искони было написано: „Богъ, царь, родина, семья и совѣсть“. На этомъ передовомъ сословіи лежала единственная тѣнь, не имъ самимъ нажитая, а путемъ исторической необходимости навязанная ему и переходившая по наследству—крѣпостное право; и отъ этой тѣневой стороны своего быта, по первому слову Царя-Освободителя, дворянство добровольно отказалось, принесъ неисчислимыя жертвы, не имѣвшія себѣ даже отдаленнаго подобія на Западѣ Европы. За то во всемъ остальномъ прочный и духовно-благородный строй дво-

рянскаго быта служилъ примѣромъ всемъ остальнымъ сословіямъ: во всѣхъ общественныхъ слояхъ все безчестное, гнусное, низкое, невѣжественное, площадное—обозначалось однимъ и тѣмъ-же словомъ: неблагородно, т. е. не по дворянски; слово это было понятно всемъ сословіямъ и употреблялось всеми, до крѣпостныхъ включительно.

На картинѣ В. М. Максимова, передъ нами двѣ представительницы благаго строя съ цѣлою поэмою въ окружающей обстановкѣ: старая барыня съ ея приближенной служанкой изъ бывшихъ крѣпостныхъ, о преданности коихъ своимъ господамъ молодое поколѣніе въ Россіи уже не имѣетъ никакого живаго понятія и судить объ этихъ отношеніяхъ по извращающимъ ихъ литературнымъ фальсификаціямъ новѣйшаго времени. На заднемъ планѣ картины видны полуразвалины стараго барскаго дома съ заколоченными окнами и покривившимися колоннами террасы, выходящей въ заущенный садъ. Тамъ прошло безначальное дѣтство, кинучая юность и житейская борьба зрѣлыхъ лѣтъ старушки, дремлющей въ старомодныхъ креслахъ; тамъ точно также выросли и воспитались ея дѣти и внуки. Тамъ не стало возможности жить въ настоящее время—и обѣ старушки переселились въ маленькій деревнянскій флигелекъ съ крошечнымъ крылечкомъ, на приступкахъ котораго и прикурнула вѣрная наперсница барыни. Но душой онѣ обѣ—тамъ, въ старыхъ хоромахъ, гдѣ прошла лучшая пора ихъ жизни; гдѣ умѣли широко веселиться въ радостные дни семейныхъ торжествъ, сѣзжаясь со всей губерніи и гости по недѣлѣ со всеми своими слугами и лошадьми,—но гдѣ умѣли и скорбѣть о родинѣ въ години испытаній и для ея спасенія или блага жертвовать всемъ, начиная отъ собственной жизни до родовыхъ гнѣздъ; гдѣ просвѣщеннымъ умомъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго цѣнили все блага жизни, науки, искусство, но выше всѣхъ этихъ благъ ставилась родовая семейная честь и спокойствіе чистой совѣсти, ради которыхъ не останавливались ни передъ какой жертвой: ни передъ монастыремъ, ни даже передъ душевной каторгой на всю жизнь съ немилымъ мужемъ. Теперь старушки одиноко доживаютъ свой вѣкъ. Что имъ до нынѣшней мѣщанской тѣсноты, въ которой самыя понятія *честь* и *совѣсть* считаются условными, въ которой огромное большинство готово за грошъ продать все святое ради кумира личной выгоды, и притомъ обрабаемой на служеніе самымъ низменнымъ вождѣнціямъ,—гдѣ то и дѣло начаются во всевозможной грязи, а потомъ задыхаются въ ней, стрѣляются, топятся, травятся... Нѣтъ, нѣтъ, для нихъ—все въ прошломъ.

Марія Магдалина. (Рис. на стр. 368).

На Годгоѣ, во все время страданій и крестной смерти Спасителя міра, находились три Маріи: Богоматерь, Марія мать Иакова и Марія Магдалина, т. е. Марія изъ города Магдалы у Генисаретскаго озера, въ Галилеѣ. Послѣднюю изъ нихъ художники и ваятели часто изображаютъ у подножія Креста. Такою ее изобразилъ и художникъ И. Барилли на своей картинѣ, гравюра съ которой помѣщена въ настоящемъ номерѣ.

Скорбящая Божія Матерь. Картина Н. Шаховскаго. (Рис. на стр. 369).

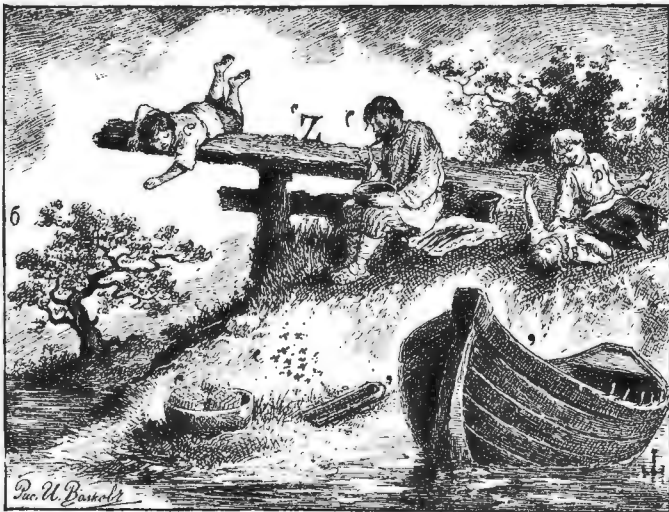
Картина Н. Шаховскаго, въ противоположность западноевропейскимъ вычурнымъ изображеніямъ Мадонны и *Matris dolorosae*, отличается простотой, свойственной православію вообще, и даже нѣкоторой вѣтшею сухостью Византийскаго школы. За то какою глубиною внутренней скорби запечатлѣвъ пречистый ликъ Богоматери, созерцающей все что осталось ей на землѣ отъ Ея Божественнаго Сына—Его терновый вѣнецъ!

Политическое обозрѣніе.

Французское министерство ведетъ борьбу съ буланжизмомъ не на живомъ, а на мертвомъ. Предавъ суду главарей Лиги Патриотовъ, Поля Деруледа, сенатора Наке, депутата Лагерра и другихъ, оно всѣчески старается добраться и до браваго генерала. По крайней мѣрѣ эту цѣлю объясняютъ настойчивое послѣднее обсужденіе и разрѣшеніе вопроса объ обращеніи сената въ верховный судъ въ случаяхъ особой важности, преимущественно въ случаяхъ заговоровъ, направленныхъ противъ безопасности государства. 17 марта сенатъ принялъ проектъ своего превращенія въ судъ—большинствомъ 207 голосовъ противъ 60, и на другой день въ засѣданіи палаты депутатовъ Лабюссьеръ прочелъ докладъ о проектѣ сената, по которому виновные въ преступлѣхъ противъ должностныхъ лицъ или въ оскорбленіяхъ путемъ печати, подвергаются суду исправительной полиціи, причемъ потребовалъ, чтобы обсужденіе законопроекта признано было безотложнымъ. Правая и буланжисты протестовали. Кассаньякъ, оспаривая безотложность, упрекалъ республиканцевъ въ томъ, что они заимствуютъ у прежнихъ режимовъ ихъ орудія для того, чтобы изъ страха предъ гласностью заглушить голосъ печати. Палата, большинствомъ 266 голосовъ противъ 259, вотировала безотложность. Газеты поэтому продолжали высказывать мнѣніе, что воз-

бужденіе судебного преслѣдованія противъ Буланже неминуемо. Самъ Буланже, бесѣдуя съ однимъ журналистомъ, отказывался вѣрить, чтобы противъ него могли возбудить судебное преслѣдованіе: онъ де никогда не выходилъ изъ рамокъ легальности и не можетъ предполагать, чтобы правительство рѣшилось выйти изъ нихъ. 19 марта всѣ утреннія газеты подтвердили, что министры рѣшили ввести въ палату требованіе о преданіи Буланже суду сената, но въ послѣднюю минуту генеральнѣйшій прокуроръ Бушъ отказался подписать рекозиторію за неимѣніемъ достаточныхъ доказательствъ и прислалъ прошеніе объ отставкѣ. Это разсердило Сигизмунда Лакруа, увѣдомившаго Рувье, что сдѣлаетъ запросъ правительству, если оно къ вторнику не приметъ крайнихъ мѣръ. Констансъ, Рувье и Гюйо стояли за эти мѣры; Фрейсинъ, Фаллиеръ и другіе министры высказывались противъ. Прошеніе Бушъ было принято министерствомъ и на его мѣсто назначенъ генеральнѣйшій прокуроръ генеральнѣйшій адвокатъ Кенуа-де-Боренаръ. Между тѣмъ генераль Буланже, не дожидаясь послѣдствія исключительныхъ мѣръ противъ него, удалился въ Бельгію и тамъ напечаталъ манифестъ къ своимъ избирателямъ, объясняющій его поведеніе. Есть извѣстіе, что его не потерпятъ и въ Бельгіи, если онъ будетъ тамъ продолжать свою агитацію.

Ребусъ. Задача № 24.

Рѣшеніе ребуса № 13 (помѣщеннаго въ № 7).

„Что у кого болитъ—тотъ о томъ и говоритъ“.

Рѣшеніе шахматныхъ задачъ №№ 14 и 15 (помѣщ. въ № 7).

- № 14. Бѣлые. Черные. 3) f 4 - f 5 e 5 - c 4
 1) Кр. d 4 - c 4 b 6 - b 5 + 4) b 3 - c 4 + +
 2) Кр. c 4 - c 3 b 5 - b 4 +
 3) Кр. c 3 - c 4 b 4 - b 3 1)
 4) a 2 : b 3 + +
- № 15. Бѣлые. Черные. 1) e 6 - e 5
 1) Кр. c 3 - b 4 c 6 - c 5 + 2) f 4 - f 5 c 6 - c 5 +
 2) Кр. b 4 - b 5 e 6 - e 5 3) Кр. b 4 - b 5 c 5 - c 4
 4) b 3 : c 4 + +

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы отъ г.г.: СПБ. — Вака, А. Одиной К. Соболева, Н. Люхина, А. А. Поспѣева, Б. Гувеніусть, Е. Будаговой, Каплена В. Усова, Ш. Кучера, А. Филипова, Москва — Ф. Кокушкина, А. Эйбоумъ, В. Шмидтъ, Архангельскъ — А. Мелешковича, Богатое — А. Алфеева, Елатыма — А. Саласкина, Жмеринна — В. Шнейдера, Златополь — Х. Эйвинъ, Кременчугъ — М. Лромберга, М. Барской, Колышки — М. Дьямищя, Керчь — Г. Шуляцкаго, На- луга — А. Готвальдъ, Николаевъ — Фолькертъ Н. Новгородъ — Н. Веренкина, Орен- бургъ — В. Казанцева, Палангенъ — О. Брикъ, Рыбинъ — Ермолова, Смѣла — Д. Готлибейнъ, Сѣдлецъ — В. Владимірова, Симферополь — В. Казарина, Тифлисъ — И. Павловой-Подкопаевой, Чернасы — В. Тополинскаго, Царское Село — Н. Петрова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. ино- родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе рас- ходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ пред- ставлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Торжество Юліи Андр. евны. Романъ М. В. Крестовской. (Про- долженіе). — Военные разсказы Андрея Львовича. — Маръ-Сааба (съ рис.). — „Нольо Нибелунга“, трилогія Рихарда Вагнера. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Древняя церковная утварь Гандзасарскаго монастыря (съ рис.). — Шестые на ослати (съ рис.). — Скитъ (съ рис.). — Петръ I посѣщаетъ г-жу Ментенонъ въ 1717 г. (съ рис.). — Все въ прошломъ. Март. В. М. Максимова (съ рис.). — Марія Магдалина (съ рис.). — Спорящая Божія Матерь. Март. Н. Шаховскаго (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Ребусъ и рѣшенія задачъ. — Завлеченіе. — Объявленія. — При семь № прилагается „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1889 г., съ 28 рис. и отдѣльный листъ съ 34 чертж. выкроекъ въ натуральн. величину и 21 рис. рукодѣльных работъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. под- писчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озабо- титься своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчи- ки, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прила- гать печатный адресъ отъ бандероля.

ФИСГАРМОНИЯ

Прекрасный инструментъ для духовной и свѣтской музыки. Американскія фисгармоніи, незамѣнно пріятные, благородные звуки которыхъ очаровываютъ каждый слушателя, издѣлка которыхъ украшаетъ каждую залу, стоятъ только 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 руб.

(Америк. фисгармонія въ 300 р.)

Французскія фисгармоніи: 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.

Играть на фисгармоніи можно легко вы- учиться; кто немного играетъ на фортепиа- но, тому игра на фисгармоніи не состав- ляетъ никакого труда. Школы и ноты для фисгармоніи въ большомъ выборѣ.

ЮЛІИ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина. Иллюстрированный прейсъ-курантъ и ка- талогъ нотамъ для фисгармоніи — бесплатно.

ЗАЯВЛЕНІЕ

выдѣляется въ заведеніи РОБЕРТА ЭРНСТЪ, въ Берлинѣ, Potsdamerstrasse, 37. Проспектъ В. № 3651 безвозмездно. 18—4

Имѣю честь увѣдомить С.-Петербургскую публику, что во всѣхъ магазинахъ ЧЕРЕПЕ- НИКОВА получены въ Пасхѣ

ТАМБОВСКІЕ ОКОРОКА

приготовленія Василія Степановича Мокро- усова въ Тамбовѣ. № 3737

БР. ЛИНДЕМАНЪ

складъ стальной изд., Москва, Мясницкая, № 6, реком. Гг. люб. и учл. слѣд. **НОВЫЯ КНИГИ СОВЕТЪ**, изд. Упрощ. способъ дер. мозаики и инкрустации. Выжитаніе, цѣна 2 руб. съ перес. **Практ. курсъ токаря**. цск. но дер., цѣна 1 р. 50 к., состав. М. Нетынса. Продаются въ душ. кн. маг. Вилнса. отъ БР. ЛИНДЕМАНЪ за перес. не плат. 2—1

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

Коллекція, избранная заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. **Минскъ**, губернс- кое садовое заведеніе Н. Н. Голинвича. Наставленіе къ уходу и каталоги высыла- ются по полученіи семикопѣчной марки.

Іодисто-разсолныя воды BAD-HALL въ Верхней Австріи.

Самое сильное содержаніе іодистаго разсола въ Европѣ. Для леченія при золотухѣ и болѣзняхъ половыхъ органовъ и противъ ихъ послѣдствій. Превосходное устрой- ство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д. Путь черезъ Лицъ на Дунай. Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября. Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаютъ Дирекція водъ въ BAD-HALL. Р. № 3747 4—1

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. оловьева. Вышли 2 серіи новѣйшихъ итальянск. рисун. для вышл. Цѣна каждой отдѣльно въ 3-хъ ч. Ш. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ 1 р. съ перес. Отг. и розн. пр. у Бр. ЛИН- колени, перешл. 2 руб. 75 коп., съ перес. **ДЕМАНЪ**, складъ стальной изд. Москва, Мяс- ницкая, № 6. Ц. № 3787 2—1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ЮЛІИ ФЛОРАНЪ

(основан. въ 1849 г.) 18, Большая Морская, 18.

Для открытія весенняго сезона послѣднія модели Парижа и Лондона

ВЕРХНЯГО ДАМСКАГО ПЛАТЯ

Жанетъ, Визитъ, Пальто, Ротондъ, Ватерпруфъ. Громадный выборъ Шляпъ и Головныхъ уборовъ **НОВѢЙШИХЪ ФАСОНОВЪ.** Р. № 3784

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со- держащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину- нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла- кона,—пров. Кинуненъ. (60) № 2946

ВЪ МОСКВѢ у П. ЮРГЕНСОНА:

СОСКРЕСНЫЯ СЛУЖБЫ осьми гласовъ для 4-хъ-голоснаго смѣшаннаго хора, для класснаго и домашняго употребленія. Переложеніе С. Зайцева. Томъ I. Партитура 1 р. 50 к. Томъ II. Праздничныя службы (Сентябрь по Январю) 1 р. 50 к. Томъ III. Праздничныя службы (Январь по Сентябрь) 1 р. 50 к. Томъ IV. Великопостныя службы 1 р. 50 к. Томъ V. Пѣснопѣіе въ Святую и Великую недѣлю Пасхи 1 р. Томъ VI. Литургія, причастные стихи и другія службы 1 р.

Переложенія эти удобны также для игры на фисгармоніи, или фортепиано и съ пѣніемъ 1-го голоса. Переложенія эти изданы въ партитурѣ въ такомъ видѣ, что при пѣніи могутъ служить и для отдѣльныхъ голосовъ, давъ возможность въ то же время слѣдить за голосоведеніемъ другихъ партій.

П. № 3793

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА

прозрачныя и непрозрачныя.

Большой выборъ деревянныхъ, хрустальныхъ и бронзовыхъ ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

БЕЗВРЕДНАЯ КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Т. 3768 2-2
- 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
- 3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптоваа продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ.

Большая хромо-фото-литографія, точная копія съ знаменитой картины художника А. А. Иванова, съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Публичномъ Румянцевскомъ Музеумѣ. Огромныхъ размѣровъ, художественно-исполненная картина:

„ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ“.

Цѣна: на бумагѣ 1 р. 50 к., на холстѣ 2 р. 50 к. За пересылку и упаковку на скалкѣ 50 к. При покупкѣ 10 и болѣе экз.—20%о уступки. Выписывать: Москва, магазинъ церковныхъ утварей Сытова и С-ья, Мясницкая, соб. домъ, а также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ, картинныхъ магазинахъ. Ц. № 3788 2-1

А. РАДЛЕ и К^о ПРЯДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ВЪ МОСКВѢ.

Мыло лимонно-глин.	Вода туалетн. (особ.)
Цвѣточный одеколонъ.	Помада семейная.
Мыло цвѣточно-глицер.	Духи Персидск. сирень.
Одеколонъ квадрюль.	Мыло оперное.
Пудра бархатная.	Духи Б-тъ Амавъ.
Эликсиръ борни-тимоловый.	Мыло „виды Москвѣ“.

П. № 3789

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать

Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Прядворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА. ПРОПИСИ НОТОПИСАНІЯ.

Составилъ К. А.

Цѣна 40 коп. П. № 3794
Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка).
Требовать иллюстрированныя каталоги *gratis et franco*.
Iog. Зансъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. В. № 3734
Берлинъ, Риттерштрассе 88.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHALES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Faix Paris.

Ц. № 3767 (2).

ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИНТЕРЕСНОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ ДУХИ ВЪ ТВЕРДОМЪ ВИДѢ КАРАНДАШЪ ДЕ ЛА НОБЛЕССЪ. (Crayon de la Noblesse).

Духи эти, обращенные въ твердый видъ по новому способу, отличаются тѣмъ, что очень пріятны и совершенно сгущены, что не было до сихъ поръ еще извѣстно. Можно имѣть духи всѣхъ сортовъ въ палочкахъ, вложенныхъ въ маленькія металлическія гильзы, которыя весьма удобно носить при себѣ. Эти духи имѣютъ то громадное преимущество, что передаютъ присутію имъ запахъ всѣмъ предметамъ, приходящимъ съ ними въ соприкосновеніе, не смачивая и не портя таковыя. Достаточно слегка потереть подобныя карандашамъ для того, чтобы немедленно надушить

№ 3783 2-2

Нозу, бороду, носовой платокъ, кружева, перчатки, матеріи, искусственные цвѣты, бѣлье.

Особенно пригодны эти духи для театровъ, концертныхъ, баловъ и пр. Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галантерейныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна 75 коп.

Эд. ШОРОВСКІЙ и Комп. въ С.-Петербургѣ.

ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА Ф. ПАРИЗЕКЪ

Большая Морская, 13, уг. пичаго переулка.

Большой выборъ шляпъ, для мужчинъ и мальчиковъ, новѣйшихъ фасоновъ, всѣхъ цвѣтовъ. Заказы исполняются немедленно. Р. № 3773

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛИКЪ (Жиронда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

МОСКОВСКІЙ МАГАЗ. „БРАТЯ ПОПОВЫ“

предлагаетъ **ЧАЙ** собственной выписки изъ **КИТАЯ**, хранящагося въ Сухопутной таможнѣ, оптомъ и въ розницу, въ собственныхъ магазинахъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, № 18, у Полицейскаго моста; 2) Литейный просп., № 26, д. кн. Мурузи; 3) Вас. Остр., Кадетская линія, № 7, д. Лингена; 4) у Кашина моста, д. Петровыхъ; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій мостъ, д. Салъ-Галли; 2) Срѣтенка, д. Юрасова.

При продажѣ развѣшаннаго чая просить обращать вниманіе на этикетку, чтобы не смѣшивать этой фирмы съ однофамильцами, участвовавшими въ чайныхъ процессахъ.

Пересылка чая по Европейской Россіи принимается магазинами торговаго дома на свой счетъ.

Р. № 3791

ЛЮБИМЫЙ и МОЗГОВЫЙ
имеют честь сообщить, что они доставляют черную краску, которую печатается иллюстрированный журнал „Нива“. № 2405

Une des Curiosités de PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

Le Catalogue général illustré renfermant 591 gravures (modèles inédits) pour la SAISON d'Été, dont l'envoi est fait *gratis et franco* contre demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Co
PARIS

Sont également envoyés franco. les échantillons de tous les tissus composant les IMMENSES assortiments du **PRINTEMPS**, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde.

Le Catalogue indique les conditions d'envoi.

Interprètes dans toutes les Langues à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ

П. № 3782 ПАНСИОНЪ 3-1

И. М. ХАЙНОВСКАГО

ВЪ МОСКВѢ

Волхонка, домъ князя Голицына.

Ученики готовятся къ поступленію въ среднія учебныя заведенія слабоусваивающіе въ какомъ либо предметѣ отдѣльно занимаются повтореніемъ недостаточно усвоеннаго; занятія продолжаются все дѣло въ деревнѣ, гдѣ, при наблюденіи врача, усиленное вниманіе обращено на укрѣпленіе здоровья учащихся. Приемъ учениковъ въ теченіе цѣлаго года.

ШОКОЛАДЪ
СОСТАВЛЯЮЩЕЕ
А. И. АВРИНСОВА СЫНОВИЯ
ВЪ МОСКВѢ.
C. № 3758
продается во всѣхъ городахъ **РОССІИ**

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ!

Только 10 руб.
Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, кониъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и проч., въ визиръ и кабинетъ, величину, съ пробой, снимками и руководствомъ. Пересылка за 15 фунт. С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ. М. № 3798

CORSETS
LEOTY
adoptés par le High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine, Paris.

ЧОКРАКСКОЕ
грязе-лечебное заведеніе въ Крыму, при озерѣ Чокракъ. За 4 марки 7 коп. высылаются брошюра. Адресовать заказнымъ Д-ру Добровольскому. № 3755 4-2

МАТТОНИ
ГИСНЮБЛЕРЪ
Чистый щелочной источникъ
ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ и ЗДОРОВЫЙ
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
можно водѣ влечуть.
6000000 (миллионъ) бутылкаговывозъ.
Р. № 3792 2-1

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
СПбургъ, Невскій пр., № 52
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Специалистъ хронометровъ.
Рекомендую золот. глухіе дамскіе часы, заводъ безъ ключа, изысканн. фасонъ, въ 45 р.
Ручательство на два года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3790

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхуваніе вышранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Онлата купоновъ. № 3718
Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

НОВЫЙ АДРЕСЪ
МОДНОЙ МАСТЕРСКОЙ
Л. НЮТТЕРЪ.
ВЪ МОСКВѢ
ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ФУЛЬДА.
ROBESPIERRE MANTEAUX
M. 3804

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
съ различнымъ запахомъ:
Зеленый, желтый левкой, жасминъ, гелотропъ, ландышъ, опопонансъ, роза, рейнская роза, рейнская фиалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая, превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые цвѣты для носовыхъ платковъ.
Цѣна за флаконъ, содержащій 1/4 фунта 1 р. 25 коп.
Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Ц. № 3682 2-2

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)
произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.
LA POUDE SIMON И МЫЛО à la CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же запахъ.
J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.
Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16-11

ФАБРИКА МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ А. КАЧЪ
въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., домъ № 86.
Рекомендую огромный выборъ новыхъ фасоновъ, всевозможныхъ вещей, подражающихъ серебру. Г. винограднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 3753 3-3

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

ПОЛНЫЙ АППАРАТЪ ОТЪ 15,20 Р.С.
К.И. ФРЕЛАНДЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НЕВСК. ПРОСП. № 30/16.

Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливыя фотографическіе портреты. Новый прейсъ-курантъ безплатно. Самоучитель фотографіи съ прейсъ-курантомъ 50 коп. № 3776

ШТУРМА УКУСЪ
НАТУРАЛЬНЫЙ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА БЕЗЪ СЕРЬЕЗНЫХЪ ЧИСТАГО ВКУСА И ЗАПАХА.

Складъ: Невск. 96/1, по Надеждинск., маг. 26.
Прейсъ-курантъ **ГРАТИС** и **FRANCO**.
Вырѣзывать только натуральныя укусы: окисляемъ (при помощи атмосфернаго воздуха) въ **Опирта, Солода и Вышграднаго типа**.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также приемъ заказовъ; дѣны самыя умѣренныя.
„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“
уголь Тверской и Долгоруковскаго переулковъ, домъ Шабанкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3769 3-2

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ И ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Варри „0 велосипедовъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына. С.ПБ., В. Морская, 21. Р. № 3395 (13)

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСЪКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ принятымъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроено такъ, что когда рыба хватается наживку, то крючекъ механически задвигается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. П. Ф. Нара тавель, Невскій пр., Миллюинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ. № 3785
Прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается заказной бандеролью 9 к.

ПЕЧАТНАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстро пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и многихъ частныхъ учрежденіяхъ.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ 15 ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выдаѣт 8 апрѣля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку непарейль (2/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к. — Загран.: для Франціи у
 Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
 тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
 тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
 конт. объявл. Н. Н. Печков-
 ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
 и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особые приложенія при
 „НИВѢ“ объявленія отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

При этомъ № прилагаются: Портреты Августѣйшаго Семейства Государя Императора.

Берега Лысогора. Съ карт. Горюновича, грав. Рашевскій.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ М. В. Крестовской.

(Продолженіе).

Бахманову на видъ казалось лѣтъ двадцать семь или двадцать восемь; лицо его, съ коротко остриженными волосами и маленькой бородкой à la Henri quatre, было красиво и умно, но лежавшее на немъ выраженіе надменной насмѣшки и скучающей апатіи портило его, придавая ему что-то непріятное и отталкивающее.

Бахмановъ имѣлъ репутацію злаго и остроумнаго человѣка, въ душѣ очень дорожилъ ею и всегда старался поддерживать ее. Въ обществѣ его слегка побивались, потому что благодаря этой репутаціи онъ позволялъ себѣ говорить злыя дерзости, на которыя большею частью ему почему-то не рисковали отвѣчать тѣмъ-же. Средства его были нѣсколько туманны и вѣроятно не велики, но жилъ онъ хорошо, какъ живетъ большинство такъ-называемой jeunesse dorée. Говорили что у него есть какія-то имѣнія, но говорили также, что никакихъ имѣній у него нѣтъ, а если и были, то онъ давно уже успѣлъ ихъ проиграть и спустить. Воспитанъ онъ былъ хорошо, держалъ себя прекрасно; въ театрѣ бывалъ въ первомъ ряду; одѣвался отлично, имѣлъ собственныхъ лошадей, хорошую родню и знакомство, и вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, считался однимъ изъ самыхъ интересныхъ представителей молодежи своего кружка.

Послѣднее время онъ сталъ бывать у Таненбаумовъ такъ часто, что въ обществѣ уже начали ходить очень опредѣленные слухи объ его ухаживаніи за Юліей Андреевной. Бахмановъ всегда ухаживалъ за кѣмъ-нибудь, къ этому давно привыкли; но тѣмъ не менѣе ухаживаніе его очень цѣнилось самими женщинами, какъ всегда цѣнится ими ухаживаніе человѣка завѣдомо умнаго или чѣмъ-нибудь замѣчательнаго. И теперь оно положительно льстило честолюбію Юліи Андреевны, которая не только не скрывала этого flirt'a, но, напротивъ, отчасти бравировала имъ и выставляла его на видъ желая вызвать въ своихъ пріятельницахъ весьма естественную зависть, которую она всегда любила возбуждать въ нихъ.

Бахмановъ ухаживалъ всегда за самыми изящными, красивыми и модными, это всѣ знали и такимъ образомъ его ухаживаніе само по себѣ придавало женщинамъ извѣстный интересъ, а потому именно теперь Юлія Андреевна желала болѣе чѣмъ когда-нибудь сохранить его во что бы то ни стало и сознавала съ непріятнымъ ощущеніемъ стыда и страха, что именно теперь-то это и будетъ пожалуй очень трудно. Бахмановъ вовсе не казался постоянствомъ и изъ-за одной боязни показаться смѣшнымъ, продолжала состоять „при старой женщинѣ“, могъ поспѣшить удалиться, подать первый примѣръ всѣмъ остальнымъ поклонникамъ и впервые разбить всѣ иллюзіи ея молодости и красоты, а разбитыя такимъ злымъ языкомъ какъ его, онѣ превратятся въ жалкіе осколки, и склеить ихъ какъ-нибудь снова будетъ уже невозможно.

И Юлія Андреевна тревожно и пытливо всматривалась въ него, стараясь предугадать какое впечатлѣніе сдѣлала на него Софи и что онъ теперь думаетъ. Появленіе Софи было для Бахманова почти такимъ-же сюрпризомъ какъ и для всѣхъ прочихъ. Юлія Андреевна только недѣлю назадъ, уже отправивъ Miss Morrison за дочерью, рассказала ему незначительнымъ тономъ, осторожно предупреждая его, что скоро пріѣдетъ ихъ старшая дочь, о существованіи которой онъ слышалъ до тѣхъ поръ очень рѣдко и только то, что она воспитывается въ институтѣ въ Москвѣ, а теперь поселится у нихъ навсегда.

— Развѣ вы хотите перевести въ одинъ изъ Петер-

бургскихъ институтовъ или она будетъ доканчивать воспитаніе дома? спросилъ онъ ее.

Юлія Андреевна слегка замялась.

— Въ сущности она почти окончила курсъ, отвѣчала она неопредѣленно,—но конечно ей необходимо будетъ дополнить образованіе еще дома, добавила она поспѣшно.

— А! Бахмановъ усмѣхнулся и какъ-то загадочно покачалъ головой.—Такъ значить M-elle Софи совсѣмъ ужъ взрослая барышня? А я почему-то все воображалъ, что она годомъ или двумя только старше Нэдъ.

Юлія Андреевна покраснѣла и нахмурилась. Въ тонѣ своего поклонника она почувствовала уже ту насмѣшливую нотку, которой такъ боялась.

— Ну, чтожъ, сказалъ Бахмановъ какъ будто равнодушнымъ тономъ,—вы вѣроятно начнете вывозить ее теперь?

— Да, начну вывозить, коротко и сухо отвѣчала Юлія Андреевна, избѣгая встрѣчаться съ нимъ глазами.

Съ этихъ поръ въ теченіе всей недѣли насмѣшливая нотка часто проскальзывала въ голосѣ Бахманова, когда онъ говорилъ съ Юліей Андреевной и особенно когда справлялся, скоро-ли она ждетъ M-elle Софи. А справлялся онъ часто и это раздражало Юлію Андреевну. Каждый разъ какъ она подслушивала насмѣшку своимъ чуткимъ ухомъ опытной женщины въ самомъ простомъ повидимому вопросѣ, она гнѣвно вспыхивала и думала:

„Погоди... мы еще увидимъ... чья возьметъ!“

И вотъ наконецъ этотъ день насталъ, Софи сидѣла предъ Бахмановымъ, который, судя по его равнодушному виду, мало интересовался ею и даже нисколько не удивился.

Онъ болталъ почти исключительно съ Нэдъ и M-elle Mignard, поддразнивая ихъ обѣихъ по своему обыкновенію, но въ самомъ тонѣ этихъ шутокъ, злыхъ и ѣдкихъ, Юлія Андреевна сознавала, что онѣ относятся больше къ ней чѣмъ къ M-elle Mignard и что онъ подъ благовиднымъ предлогомъ ядовито прохаживался все время на ея счетъ. Она снова стала раздраженно волноваться и поспѣшила, вставъ изъ-за стола, прекратить непріятную бесѣду. Всѣ поднялись вмѣстѣ съ ней.

— Возьмите вашъ ликеръ, Бахмановъ, сказала она какъ будто совсѣмъ спокойно,—и пойдемте пить кофей въ маленькую гостиную.

Но говоря это, она подумала, что отправить Софи въ дѣтскую какъ маленькую Нэдъ—неловко, что нужно пригласить въ гостиную также и ее. Но это будетъ такая скука! Лучше пригласить всѣхъ, рѣшила она, потому что подъ какимъ-нибудь предлогомъ можно удалиться...

Когда Софи подошла благодарить ее, Юлія Андреевна съ улыбкой обняла ее за талію и сказала:

— Посиди немножко у меня, мы съ тобой почти не видѣлись еще...

Глаза Софи мягко вспыхнули и она радостно улыбнулась.

— Miss Morrison, M-elle Mignard, не хотите-ли допить кофей у меня?..

Miss Morrison поблагодарила, но чувствуя себя утомленною послѣ дороги, отказалась и попросила позволенія удалиться въ свою комнату, а M-elle Mignard была очень рада.

Онѣ съ Нэдъ предпочитали гостиную—дѣтской. Нэдъ приняла приглашеніе и на свой счетъ, хотя знала, что оно къ ней не относилось, и безцеремонно отправилась въ гостиную матери вслѣдъ за остальнымъ обществомъ.

Гостиная была прелестная, вся мягкая, застланная коврами и точно пропитанная тонкимъ ароматомъ розъ и гіацинтовъ.

Общество размѣстилось на отдѣльныхъ диванчикахъ и пуфахъ предъ маленькими изящными столиками, но всѣ невольно почувствовали себя здѣсь какъ-то еще болѣе натянутыми чѣмъ въ столовой.

Разговоръ совсѣмъ не клеился; даже Бахмановъ пересталъ поддразнивать Нэдъ и ея гувернантку, и лѣнливо, со скужающимъ выраженіемъ на лицѣ, цѣдилъ свой ликеръ.

Юлія Андреевна посидѣла нѣсколько минутъ, сердясь и волнуясь въ душѣ и на Бахманова, и на всѣхъ присутствовавшихъ, и даже на себя, наконецъ не выдержала и встала, извиняясь что ей нужно еще распорядиться кое-чѣмъ для сегодняшняго бала.

Когда она ушла, M-elle Mignard почувствовала себя свободнѣй и весело заболтала, а Нэдъ граціозно раскинулась на низенькомъ креслѣ и кокетливо вытянула свои ножки.

Оставаясь втроемъ съ M-elle Mignard и Нэдъ, Бахмановъ всегда оживлялся. Француженка смѣшила его своимъ бульварнымъ остроуміемъ и своей любовью къ нему, которая забавляла его, а Нэдъ правила ему какъ хорошенькая и неравнодушная къ нему дѣвочка-подростокъ, за которой онъ уже зналъ напередъ, что непременно будетъ сильно ухаживать какъ только она вырастетъ.

Пока онъ былъ для нея и героемъ, и другомъ, съ которымъ она и кокетничала, и откровенничала съ наивною, но задорною болтливостью испорченнаго ребенка.

Втроемъ имъ всегда было очень весело: они понимали другъ друга; но теперь присутствіе Софи стѣсняло ихъ, съ ней нужно было разговаривать и нельзя было говорить „всего“, какъ имъ это нравилось и какъ они къ тому уже привыкли.

Бахмановъ нѣсколько разъ обращался къ Софи съ разными вопросами, стараясь съ любезностью свѣтскаго челоуѣка, наперекоръ собственному желанію, занять разговоромъ скучную для него дѣвушку, которую онъ, со свойственнымъ ему уже обычаемъ въ этомъ отношеніи, сразу оцѣнилъ, и понялъ что для него она никогда не будетъ интересна. Но Софи стѣснялась и на всѣ вопросы отвѣчала какъ-то сконфуженно и односложно. Ей хотѣлось-бы уйти къ себѣ въ комнату, но она не рѣшалась и сидѣла съ застѣнчивымъ видомъ молоденькой провинціалки.

Нэдъ, насмѣшливо улыбаясь, бросала на Бахманова выразительные взгляды и только пересмѣивалась съ M-elle Mignard. Но къ общему удовольствію явилась вдругъ Маша, горничная „барышень“, и попросила Софью Ѳедоровну къ Miss Morrison, которой нужно было выпнуть свои вещи изъ чемодана Софи. Софи, обрадовавшись удобному предлогу, послѣшно встала, и когда она вышла, всѣ съ облегченіемъ вздохнули.

— Voilà une personne comme il y en a peu! возмутилась M-elle Mignard.—Il faut lui arracher les paroles! ¹⁾

Бахмановъ засмѣялся.

— Elle n'est pas mal! сказалъ онъ, поддразнивая M-elle Mignard и Нэдъ, и видя что онѣ обѣ удивились, прибавилъ смѣясь нарочно, чтобы посердить ихъ: — Vraiment, elle est très piquante! ²⁾

— Oh! Elle est tout ce que vous voulez, mais pas ça! воскликнула съ негодованіемъ M-elle Mignard.—Vous n'entendez rien aux femmes, mon cher! j'avais jusqu'à présent meilleure opinion de votre goût sur cette matière. Je vous croyais beaucoup plus exigeant! ³⁾

Бахмановъ весело смѣялся.

¹⁾ — Невозможная особа! Это цѣлый трудъ вытянуть изъ нея одно слово!

²⁾ — Она недурна! Право, очень пикантна!

³⁾ — Все, что вы хотите, только не это! Да въ такомъ случаѣ вы, мой милый, ничего въ женщинахъ не понимаете! я была лучшаго мнѣнія до сихъ поръ объ вашемъ вкусѣ; я думала что вы болѣе требовательны!

По его мнѣнію, Софи была прелестна и онъ собирался за ней даже ухаживать; къ тому-же, у нея очень правильныя черты, что въ современныхъ женщинахъ встрѣчается очень рѣдко,—она гораздо красивѣе Нэдъ.

— Ah, mon Dieu! воскликнула M-elle Mignard почти съ ужасомъ и ударила Бахманова по рукѣ забытымъ Юліей Андреевной вѣеромъ. Но Нэдъ ничего не сказала и только презрительно усмѣхнулась.

— Mais il devient tout-à-fait insupportable! кричала M-elle Mignard, дѣлая видъ, что ужасно сердится на Бахманова.—Hier il s'est sans cesse moqué de moi à-propos de cette cloche du Tzar Ivan, aujourd'hui il me taquine à-propos de cette banale beauté allemande! Peut-on la comparer à Ned? Rien que la beauté de Ned ne soit pas précisément ce qu'on appelle une beauté classique, vous verrez qu'elle aura beaucoup plus de succès que d'autres beautés reconnues. Et comme si une Allemande pouvait être piquante ou avoir du cachet! ¹⁾

Но Бахмановъ очень любилъ дразнить M-elle Mignard, ему нравилось выводить ее изъ себя, и онъ началъ утверждать, что самъ даже встрѣчалъ нѣмокъ, которыя своимъ изиществомъ далеко превосходили французенокъ.

— Oh! и M-elle Mignard вскочила уже съ неподдѣльнымъ негодованіемъ.—Oh! c'est par trop fort! Une Allemande dépasser une Française en matière d'élégance! Où avez vous vu ça? Mais si vous disiez cela en public, toutes les nations riraient à vos dépens! Oui, toutes les nations, parce que la suprématie des Françaises à ce sujet est chose reconnue depuis des siècles! ²⁾

Бахмановъ заливался хохотомъ.

— Нѣтъ, говорилъ онъ смѣясь,—это въ васъ просто говорить излишній патриотизмъ и политическая вражда! За то что нѣмцы разбили васъ въ 70 году! Вотъ вы и не хотите сознаться, что нѣмки чрезвычайно интересны!

— Eh bien, monsieur! горячо воскликнула M-elle Mignard, блестя разгорѣвшимися глазами, и голосъ ея вдругъ зазвучалъ страстно и торжественно.—Admettons que ce soit de l'animosité politique, je ne le nie pas! Je suis Française, une Française pur sang, et comme telle je hais toute la nation allemande! Oui, en 1870 ma pauvre mère est morte de souffrance et de misère; mon cousin est tombé mort dans les rangs de la brave armée française, en défendant sa malheureuse patrie; moi-même j'ai mangé du cheval, j'ai souffert de la faim avec tout Paris et en ces temps affreux les soldats allemands ont vaincu nos braves guerriers! C'est vrai, hélas!.. Mais jamais, au grand jamais, les Allemandes ne vaincront les Françaises! ³⁾

— Браво, bravo M-elle Mignard! привѣтствую васъ и какъ славную патриотку, и какъ краснорѣчиваго оратора! Я вамъ даже подблую ручку за вашъ патриотизмъ! Право, его надо цѣнить въ женщинахъ, тѣмъ болѣе что въ нашихъ русскихъ дамахъ онъ или совсѣмъ

¹⁾ — Нѣтъ, онъ становится невыносимымъ! Вчера дурачили меня съ этимъ глупымъ колоколомъ Царя Ивана, сегодня дразнить этой банальной нѣмецкой красотой! Можно-ли сравнивать ее съ Нэдъ! Ничего не значить, что красота Нэдъ неправильна, вотъ увидите, что она будетъ имѣть успѣхъ больше настоящихъ красавицъ! И потомъ, можетъ-ли нѣмка быть когда-нибудь изящною или пикантною?

²⁾ — О! это уже слишкомъ! чтобъ нѣмка была-бы изящною французенки? Да гдѣ вы это видѣли? Да если вы скажете это публично—надъ вами захохочутъ всѣ націи! да, всѣ націи, потому что это признано нѣмками!

³⁾ — Ну чтожъ! Пусть это будетъ политическая вражда, я не отрекаюсь, я француженка, чистокровная, настоящая француженка, и я ненавижу какъ націю—всѣхъ нѣмцевъ! Моя бѣдная мать умерла отъ горя и нужды въ 70 году, мой кузень палъ мертвымъ въ рядахъ славной французской арміи, защищая свою несчастную родину, я сама питалась кониной и голодала вмѣстѣ со всѣми Парижемъ, и въ это ужасное время, нѣмецкіе солдаты побѣдили нашихъ славныхъ воиновъ, это правда... Но никогда и ни въ какое время не побѣдитъ нѣмкамъ французенокъ!

Иисусъ Христосъ въ домѣ Маріи и Марѳы. Картина проф. Г. Семирадскаго, грав. Бошгъ.

отсутствуетъ, или отзывается лежалыми леденцами! Браво, M-elle Mignard, ну давайте ручку!

И Бахмановъ взялъ ея руку и крѣпко поцѣловаль, что M-elle Mignard тронуло и удивило, такъ какъ на подобныя любезности онъ былъ скупъ не только съ ней, у которой еще никогда не цѣловаль руки, но даже и съ прелестной Юліей Андреевнѣй.

— Ну а теперь, продолжалъ Бахмановъ смѣясь, — вы поссоритесь съ Нэдъ, такъ какъ въ лицѣ нѣмцевъ задѣли и ее: она тоже нѣмка!

— Я совсѣмъ не нѣмка! воскликнула Нэдъ съ удовольствіемъ, — я русская!

— Къ сожалѣнію, нѣтъ; вы нѣмка. Между настоящими русскими фамиліями нѣтъ такихъ, которыя-бы оканчивались на „баумъ“, а вы маленькая Fräulein Tannenbaum!

— Неправда! Я русская! повторила Нэдъ, сердито краснѣя, и лицо ея вдругъ приняло такое выраженіе, какое является у маленькихъ дѣтей, когда они собираются заплакать.

— Ah méchant, encore! il faut toujours qu'il taquine quelqu'un! Ne le croyez pas, chère enfant! Ned est russe par naissance, mais comme caractère et comme éducation, c'est une vraie parisienne! ¹⁾

— Ну вотъ, засмѣялся Бахмановъ, — это-то и доказываетъ значить лучше всего, что и нѣмка можетъ...

Но M-elle Mignard сердито замахала на него руками, крича что она больше не хочетъ ни слушать, ни говорить съ нимъ; но въ сущности она вспылила — и теперь гнѣвъ ея уже прошель, сердиться долго она вообще не могла, а на Бахманова и въ особенности.

— Ну, хорошо, хорошо, сказалъ Бахмановъ, со смѣхомъ успокоивая ее, — не буду больше затрогивать политическихъ вопросовъ. — И помолчавъ немного онъ прибавилъ: — А Нэдъ все-таки даже хорошенькою никогда не будетъ! волосы у нея рыжіе, ротъ большой, носъ неправильный...

И говоря это, онъ окидываль всю ея изящную, граціозную фигурку, любующимся взглядомъ тонкаго знатока женской красоты.

На это Нэдъ не разсердилась, она только слегка соскочила на него изподлѣбя красивые блестящіе глаза и плутовато усмѣхнулась.

Въ томъ что она не нѣмка — она не была вполне увѣрена, фамилія и отецъ смущали ее какъ доказательства нѣмецкаго происхожденія, котораго она всегда немножко стыдилась, а съ тѣхъ поръ какъ M-elle Mignard сдѣлалась ея наставницей, Нэдъ окончательно стала возмущаться имъ; поэтому названіе нѣмки ее всегда очень сердило, тѣмъ болѣе когда это говорилъ Бахмановъ. Но въ своей красотѣ она была вполне увѣрена и потому всѣ его насмѣшки на этотъ счетъ переносила весьма спокойно, понимая что онъ только такъ „нарочно“ дразнить ее, а что въ сущности она очень ему нравится; если же и принимала иногда обиженный видъ, то только изъ кокетства, такъ какъ знала что это идетъ къ ней.

— M-elle Mignard! послышался голосъ Юліи Андреевны изъ внутреннихъ комнатъ, — venez ici, je vous en prie!

M-elle Mignard поспѣшно поднялась и проходя мимо Бахманова, еще разъ ударила его по плечу вѣромъ.

— Donnez lui une bonne correction, Ned ²⁾! сказала она шепотомъ уже въ дверяхъ и погрозила ему пальцемъ.

— Не желаю! отвѣтила Нэдъ презрительно обиженнымъ тономъ.

Но Бахмановъ самъ поймалъ ея руку и притянулъ къ себѣ то кресло, на которомъ она сидѣла.

¹⁾ — Ахъ злой, ему всегда надо кого-нибудь дразнить. Не вѣрте ему, мое дитя. Нэдъ русская по рожденію, а по натурѣ и характеру — она настоящая парижанка!

²⁾ — Оттрепайте его за меня, Нэдъ, хорошенько.

— Ого, какъ мы разсердились! сказалъ онъ смѣясь. — Ну, Богъ съ вами, Нэдъ, не стану больше дразнить, давайте вашу ручку и помиримтесь!..

Но Нэдъ не давала своей руки.

— Пустите меня, сказала она, дѣлая видъ что сердится и хочетъ вырваться отъ него.

— Не злитесь, Нэдъ, а то я пожалуюсь вашей мамѣ и она васъ поставитъ въ уголъ!

— О! и Нэдъ уже съ негодованіемъ вырвала свою руку и вскочила съ кресла, — я никого не боюсь, сказала она съ гордымъ презрѣніемъ, — я ужь слишкомъ выросла для угловъ!

— Нѣтъ, ничего, еще можно! а если мама одна не справится съ вами — я ей помогу!

Нэдъ громко засмѣялась.

— Ну, васъ-то я и совсѣмъ ужь не боюсь!

— Напрасно... я теперь для васъ опаснѣе многихъ...

— Почему?

Нэдъ съ удивленіемъ, не то искреннимъ, не то приторнымъ, вскинула на него свои смѣющіеся глаза.

Бахмановъ ничего не отвѣтилъ ей и только снова поймалъ ея тонкую, но еще красноватую какъ у большинства подростковъ руку, ласково погладилъ ее, смотря съ загадочной улыбкой въ ея глаза, всегда слегка смущавшіе бьющею изъ нихъ жизнью и задоромъ.

Нэдъ чувствовала, что онъ любитъ ея.

— Ну, скажите, спросила она уже ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ, — развѣ правда что Софи вамъ такъ понравилась?

— Правда.

— Нѣтъ, не правда! я знаю кто вамъ нравится...

— Кто?

Нэдъ хотѣлось сказать „я“, но она передумала и сказала:

— Мама!

„Умница будетъ“, подумалъ съ удовольствіемъ Бахмановъ.

— Нѣтъ, не мама, отвѣтилъ онъ улыбаясь.

— А кто?

— Когда вы выростете, тогда я вамъ такъ и быть скажу кто мнѣ нравится!

— Такъ долго? это слишкомъ долго!

— А вамъ сколько лѣтъ?

— Ахъ, ужасно мало! сказала Нэдъ вздыхая и даже конфузясь слегка отъ того что ей еще такъ мало лѣтъ. — Пятнадцатый годъ!

— То есть, значить 14 лѣтъ! засмѣялся Бахмановъ. — Да, это дѣйствительно немного. Ждать придется долго. Ну что жъ, потерпите годочка три-четыре!

— Ахъ, мама идетъ! Ну прощайте, я убѣгу!

— Зачѣмъ же вамъ убѣгать, посидите лучше съ нами.

— Да мама все равно прогонитъ, ужь я лучше сама уйду. Сейчасъ ко мнѣ придетъ Курилинъ читать эту глупую исторію! А знаете, я сегодня также на балу буду! сказала она съ наивнымъ еще торжествомъ. — Вы будете?

— Буду.

— Только мама навѣрно не позволитъ мнѣ танцовать!

И она разочарованно вздохнула.

— А вы развѣ умѣете танцовать?

Но увидѣвъ какимъ негодованіемъ и обидой вспыхнуло личико Нэдъ, Бахмановъ невольно засмѣялся.

— Вѣрю, вѣрю... сказалъ онъ поспѣшно, — вы прелестно танцуете!

— Ну то-то же!

И она съ примирительной улыбкой взглянула на него и о чемъ-то подумавъ вдругъ прибавила:

— Вотъ вы теперь не хотите со мной танцовать, а я когда вырасту — съ вами не буду!

— Неправда, будете.

— Нѣтъ, не буду! прощайте, прощайте!

Она поспѣшно протянула ему еще разъ руку и онъ крѣпко сжалъ ее, жалѣя въ душѣ что она не выросла еще настолько чтобы ей можно было бы цѣловать эти руки какъ взрослой, и въ то же время уже выросла настолько, что нельзя поцѣловать ее просто, какъ ребенка, прямо въ -хорошенькое, дразнящее его личико...

Надъ выскользнула у него изъ рукъ и убѣжала, но въ дверяхъ комнаты она вдругъ опять обернулась и, чему-то плутовски засмѣявшись, кивнула ему головой.

„Бѣдовая будетъ“... думалъ Бахмановъ смотря ей вслѣдъ, — „и лучше матери: въ той слишкомъ много злости, это всегда портитъ женщину...“

VIII.

— Ну вотъ, наконецъ-то я отдѣлалась! сказала Юлія Андреевна входя, — сегодня ужасно много было хлопотъ, но теперь кажется уже всѣмъ распорядилась и все приготовлено.

Она утомленно опустила на кресло.

— У васъ дѣйствительно очень утомленный видъ, сказалъ Бахмановъ, всматриваясь въ нее какимъ-то страннымъ, пристальнымъ взглядомъ.

— Право?

Юлія Андреевна тревожно взглянула на себя въ вѣсѣвшее насупротивъ зеркало. На ней былъ роскошный пунцовый плюшевый капотъ, убранный желтоватыми мягкими кружевами, который всегда чрезвычайно шелъ къ ней; но сегодня ей казалось, что онъ только усиливаетъ отгѣняя еще больше желтизну ея кожи на лицѣ. Она слегка понурилась и молча глядѣла куда-то въ даль усталыми и угрюмыми глазами.

— Ну, а какъ же вамъ понравилась моя Софи? спросила она вдругъ съ любезною улыбкой, переламывая себя.

— Ваша Софи? Бахмановъ слегка прищурился и насмѣшливо улыбнулся одними уголками губъ, — ничего... она очень мила...

— Въ самомъ дѣлѣ? ну я очень рада, теперь я могу быть спокойна, значить она понравится, вы требовательнѣе другихъ въ этомъ отношеніи, добавила она съ легкою ироніей.

Онъ насмѣшливо поклонился ей.

— Но она имѣетъ видъ вполнѣ взрослой дѣвицы; судя по вашимъ словамъ я ожидалъ увидѣть почти дѣвочку...

Юлія Андреевна чуть-чуть покраснѣла и отвернулась отъ этихъ прищуренныхъ, неприятныхъ для нея въ эту минуту глазъ, насмѣшливо пытавшихъ ее.

— Ей всего семнадцать лѣтъ, но она немного старообразна! сказала она, досадуя въ душѣ на эту старообразность дочери; въ груди ея начинало закипать раздраженіе, но она сдерживала себя, стараясь притворяться что не понимаетъ его злыхъ намековъ.

— Неужели? да, она кажется старше, ей можно дать около двадцати, но все-таки она очень мила, хотя, къ сожалѣнію, не изъ тѣхъ женщинъ, которыя долго держатся — есть женщины которыя и въ сорокъ лѣтъ кажутся еще молодыми, но она къ тридцати годамъ состарится настолько что ей будетъ казаться сорокъ лѣтъ.

Онъ говорилъ небрежно, какъ-будто безъ всякой цѣли и задлей мысли и только исключительно разбирая красоту Софи. Но въ глазахъ Юліи Андреевны сверкали сердитые, надменные огоньки. Она понимала что Бахмановъ смѣется надъ ней въ глаза и мститъ ей за то что она до сихъ поръ такъ ловко обманывала его насчетъ ея лѣтъ; но онъ дѣлалъ это такимъ образомъ, что она, если не желала дѣлаться еще болѣе смѣшной, не могла ни придаться, ни отвѣтить ему ничего,

и должна была, прикидываясь ничего непонимающею, любезно продолжать съ нимъ разговоръ въ томъ же тонѣ и поневолѣ позволять ему издѣваться надъ собой.

„Ну хорошо,“ сказала она себѣ, поднимая на него сердитые глаза, блиставшіе злыми огоньками, — „rira bien qui rira le dernier! Ты еще раскрасеешься!“ думала она, не спуская съ него пристальнаго вызывающаго взгляда, — „ты надѣешься теперь, кинувъ мнѣ въ глаза послѣднія насмѣшки, благородно ретироваться! но ты ошибаешься! ты еще раскрасеешься и вернешься! да, раскрасеешься!“

И въ глазахъ у нихъ свѣтилась обоюдная злоба и насмѣшка.

— Однако, я дѣйствительно очень утомлена сегодня, холодно сказала Юлія Андреевна, поднимаясь съ кресла, — я думаю немного отдохнуть; вы извините, надѣюсь...

— Ахъ, пожалуйста!

Бахмановъ поспѣшно всталъ и съ какою-то особенною почтительностью, тою почтительностью съ которою онъ имѣлъ обыкновеніе раскланиваться со знатными, но пожилыми дамами — раскланялся и съ Юліей Андреевной. Она закусила губы и протянула ему холодную руку. Но вдругъ ей пришло въ голову, что онъ пожалуй не пріѣдетъ вечеромъ и не увидитъ ея торжества — и она прибавила болѣе любезнымъ тономъ:

— Сегодня вѣроятно увидимся...

— Вѣроятно, отвѣчалъ онъ небрежно, какъ бы нехотя, — я званъ сегодня еще къ Неругаевымъ, но постараюсь заѣхать и къ вамъ...

— Пожалуйста, сухо пригласила она и тутъ же подумала:

„Нѣтъ, это вздоръ, ты конечно пріѣдешь, потому что тебѣ захочется посмѣяться надо мною и посмотрѣть на мое пораженіе.“

И холодно пожавъ другъ другу на прощанье руки, они растались, недовольные другъ другомъ и предчувствуя близкое начало конца. Бахмановъ не поцѣловалъ даже ея руки, какъ дѣлалъ это всегда; когда онъ выходилъ, она остановилась среди комнаты, и смотря ему вслѣдъ недобрыми, потемнѣвшими глазами, шептала про себя:

— Ну, хорошо... мы еще посмотримъ... погоди...

IX.

Постель Софи поставили въ комнатѣ Miss Morrison; это была просторная, высокая комната, уставленная только самой необходимою мебелью. Надъ съ M-elle Mignard спали чрезъ комнату, и обѣ спальни соединялись общею гостиною, въ которой впрочемъ сидѣли довольно рѣдко.

„Дѣтскую гостиную“, какъ величали ее въ домѣ, отдѣляли предъ пріѣздомъ Софи всю заново, устали свѣтлою кретеновою мебелью съ букетами блѣдныхъ розъ по голубому полю, которая вмѣстѣ съ нарядными тюлевыми занавѣсками придавала комнатѣ уютный и веселый видъ. У каждой изъ сестеръ былъ въ ней „свой уголокъ“ съ собственнымъ, небольшимъ, но изящнымъ письменнымъ столикомъ, надъ которымъ висѣли въ темныхъ рамахъ большіе поясные портреты Федора Густавовича и Юліи Андреевны. Съ потолока спускался голубой фонарикъ и въ жардиньеркахъ стояли цвѣты. Теперь Надъ, гордясь что у нея собственная гостиная, съ особеннымъ удовольствіемъ принимала въ ней своихъ молоденькихъ гостей и разыгрывала предъ ними свѣтскую даму имѣющую свой „salon“. Но въ обыкновенное время она предпочитала находиться въ своей комнатѣ, гдѣ она все-таки была подалеже отъ Miss Morrison и гдѣ онѣ съ M-elle Mignard чувствовали себя гораздо свободнѣе и пріятнѣе.

Спальни были просты и удобны, но каждая изъ нихъ носила отпечатокъ характера своихъ хозяекъ.

Въ спальнѣ Miss Morrison, которая любила чистый воздухъ и порядокъ, было всегда немного холодно отъ часто растворяемыхъ форточекъ. Мебель была разставлена чинно и аккуратно, и все, начиная отъ заграничной постели съ тонкимъ англійскимъ матрасомъ и до самаго пола блестящаго воскомъ, было такъ чисто, что и Нэдъ, и M-elle Mignard входили туда всегда съ какимъ-то неприятнымъ и боязливымъ чувствомъ. Никакихъ лишнихъ вещей въ комнатѣ не было, отчасти съ гигиенической цѣлью, чтобъ не загоразживать свободного пространства и тѣмъ не портить воздуха, отчасти же и потому что никакихъ бездѣлушекъ и украшеній Miss Morrison не терпѣла. У окна стояло глубокое темнаго сафьяна кресло съ прямою и жесткою спинкой, въ которомъ почти всегда сидѣла Miss Morrison, днемъ занятая безконечнымъ вязаньемъ чулковъ, одѣялъ и шарфовъ, а по утрамъ и вечерамъ читая Библию въ старинномъ темномъ кожаномъ переплетѣ, которая досталась Miss Morrison еще отъ прабабушекъ и которую она берегла съ какимъ-то холоднымъ благоговѣниемъ.

Софи, новая питомица ея, которая съ нынѣшняго дня отдавалась главнымъ образомъ подъ ея опеку и должна была раздѣлится съ ней и спальню, повидимому сочувствовала ей въ стремленіяхъ къ чистотѣ и порядку.

Miss Morrison сидѣла выпрямившись на своемъ креслѣ и, стуча длинными спицами вязанья, изрѣдка кидала на нее поверхъ большихъ очковъ внимательные взгляды; видя какъ аккуратно складывала и развѣтывала Софи свои вещи, англичанка все больше успокоивалась.

Сначала, узнавъ что Софи будетъ спать у нея, она очень встревожилась, боясь, что та своимъ присутствіемъ въ ея комнатѣ станетъ производить такой же беспорядокъ, какой бывало производила Нэдъ, когда до поступленія M-elle Mignard спала съ Miss Morrison, которая въ концѣ-концовъ категорически объявила Юлію Андреевнѣ, что или она будетъ вынуждена покинуть ихъ домъ, или пусть Нэдъ переведутъ изъ ея комнаты.

Тогда Нэдъ, къ полному восторгу какъ своему, такъ и англичанки, была переведена къ M-elle Mignard, которая была взята къ нимъ въ домъ въ то самое время.

Спальня Нэдъ и M-elle Mignard являла полный контрастъ спальнѣ Miss Morrison. Въ ней всегда былъ беспорядокъ; платья и тетради валялись на креслахъ и на столахъ вмѣстѣ съ туфлями и коробками конфетъ. Горничная поминутно ходила и убирала, но едва она успѣвала убрать, какъ все снова оказывалось почему-то разбросаннымъ. За то подлѣ окна стоялъ пышный тюлевый, на розовомъ чехлѣ, туалетъ, подобно этажеркамъ и комоду сплошь заставленный массою всякихъ бездѣлушекъ въ видѣ бонбоньерокъ, флаконовъ и т. п., къ которымъ у M-elle Mignard была положительно какая-то страсть. Надо сказать правду, что главный беспорядокъ въ комнатѣ производила все-таки Нэдъ, но и M-elle Mignard относилась къ нему довольно равнодушно. Если Miss Morrison щеголяла чистымъ и свѣжимъ воздухомъ, то M-elle Mignard и Нэдъ не могли имъ похвастаться; у нихъ всегда пахло духами, колбасой, сыромъ, апельсинами и тому подобной провизіей, хранившейся на ящикахъ комода M-elle Mignard.

И Нэдъ, и M-elle Mignard, считавшая себя почему-то

южанкой и приходившая въ ужасъ отъ русскихъ морозовъ, обѣ любили тепло и по цѣлымъ днямъ топили свой каминъ, чѣмъ всегда раздражали Miss Morrison и принуждали ее поневолѣ сидѣть съ затворенными наглухо дверями, изъ боязни, чтобы и къ ней въ комнату не ворвался этотъ „ужасный жаръ“.

И M-elle Mignard, и Нэдъ очень любили свою комнату, гдѣ были изолированы почти отъ всякаго неприятнаго пристрастия и могли дѣлать все что хотѣли. Но особенно уютною она казалась имъ иногда по вечерамъ, когда онѣ устраивали въ ней маленькіе ужины. Дождавшись того времени, когда Miss Morrison запираетъ свою дверь, а Юлія Андреевна уѣзжала куда-нибудь въ театръ или на вечеръ, онѣ посылали горничную Машу въ лавку за яйцами, колбасой, сардинками и финиками, и когда она возвращалась, осторожно неся подъ передникомъ разные фунтики и пакеты, онѣ запирали на задвижку свою дверь и всѣ втроемъ начинали готовить импровизованный ужинъ. Варили яйца, пекли въ горячей золѣ камина каштаны, поджаривали на огнѣ черный хлѣбъ съ масломъ и съ наслажденіемъ ѣли грошевую колбасу, купленную Машей въ сосѣдней мелочной лавкѣ, заѣдая все это апельсинами и леденцами и запивая лимонадомъ. Маша была ихъ сообщницей и, раздѣляя ихъ лакомства, сторожила у дверей, пока онѣ кушали.

M-elle Mignard эти ужины напоминали то чудное время, когда она, служа еще перчаточной продавщицей въ своемъ милomъ Парижѣ, возвращалась бывало по вечерамъ къ себѣ въ мансарду и принималась собственноручно готовить себѣ обѣдъ; а Нэдъ предпочитала ихъ самымъ изысканнымъ и тонкимъ блюдамъ дорогаго Таненбаумовскаго повара. Они восхищали ее своей таинственностью, необычнымъ меню и тѣмъ безотчетнымъ, тревожнымъ страхомъ, которымъ охватывало всю ее и который ей именно и нравился. Она старалась не шумѣть ножами, говорила шепотомъ, прислушиваясь къ каждому шороху за дверями, и вздрагивала, испуганно смѣясь каждый разъ, какъ въ каминѣ съ трескомъ разрывались каштаны или хлопала пробка отъ лимонада. Если-бы Юлія Андреевна узнала про эти ужины, имъ всѣмъ троимъ пришлось бы очень плохо; но до сихъ поръ онѣ еще ни разу не попались. Юлія Андреевна рѣдко входила къ нимъ, предпочитая приглашать ихъ къ себѣ, а Miss Morrison, съ тѣхъ поръ какъ Нэдъ поступила въ вѣдѣніе M-elle Mignard, относилась и къ ней, и къ M-elle Mignard съ холоднымъ и гордымъ презрѣніемъ, считая своей обязанностью преподавать Нэдъ только уроки англійскаго языка и ни до чего остальнаго не желая касаться.

M-elle Mignard почти совсѣмъ не говорила по русски. Маша ни слова не понимала по французски, но Нэдъ служила имъ переводчицей, и всѣ втроемъ онѣ весело смѣялись и болтали другъ съ другомъ. Маша и Нэдъ учили M-elle Mignard русскимъ словамъ, а M-elle Mignard Машу французскимъ, но обѣ ученицы такъ коверкали всѣ слова, что Нэдъ умирала отъ смѣха.

Послѣ подобнаго ужина Маша собирала грязныя тарелки, ножи, остатки закусокъ и съ торжественною таинственностью уносила ихъ опять подъ передникомъ на кухню, а M-elle Mignard и Нэдъ раздѣвались, брали какіе-нибудь французскіе романы и, улегшись въ постель, принимались за чтеніе.

(Продолженіе будетъ).

„Христосъ Воскресе!“

Разсказъ П. Полевого.

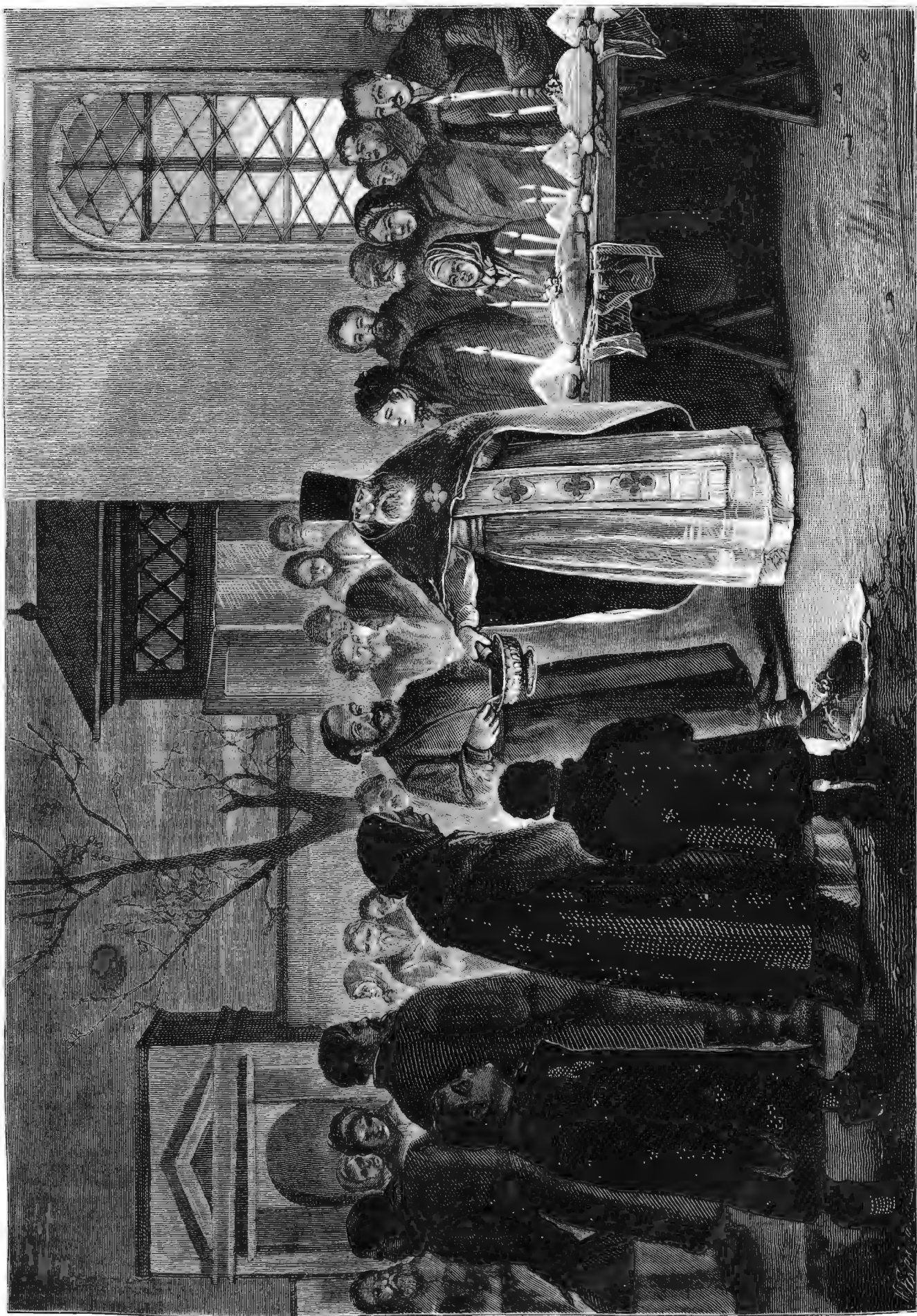
I.

Лучи яркаго апрѣльскаго солнца весело играли на зеркалахъ и бронзѣ маленькой и уютной гостиной Егора Ивановича Подольскаго, извѣстнаго петербургскаго адвоката и члена всякихъ акціонерныхъ обществъ, товариществъ и компаній—когда двое дѣтвъ его, Женья и Соня, подырались на цыпочкахъ къ двери изъ гостиной въ кабинетъ и остановились передъ нею

въ смущеніи, словно пугаясь заранѣе того, что собирались предпринять.

— Ты постучи первая, а я потомъ, говорилъ шестилѣтній мальчуганъ Женья, остриженный въ скобку, но русски, румяный и пучеглазый.

И онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ теревилъ кисть тяжелой портгери.

Свѣтлое Христово Воскресеніе. Освященіе пасхи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижачевича, грав. Барановскій.

— Нѣтъ! Ты стучи первый—ты мальчикъ! Дядя Петя мальчиковъ больше любитъ, чѣмъ дѣвочекъ,—отвѣчала Женѣ скороговоркой восьмилѣтняя Соня, бойкая и прехорошенькая шалунья, съ распущенными по плечамъ, чудесными, густыми бѣлокурыми волосами.

— Да ты его знаешь, а я его совсѣмъ не знаю! Какъ-же я буду стучать къ незнакомому дядѣ?

— Какой ты глупый! Онъ — дядя; значитъ — папинъ братъ. Какъ-же онъ можетъ быть незнакомый? Онъ только давно не былъ въ Петербургѣ...

— Да я его никогда не видалъ. Какой онъ? Черный или какъ лапа?

— Онъ очень добрый, очень веселый—я его чуть-чуть помню... И говорить, какихъ игрушекъ намъ привезъ! Изъ Парижа! Стучи скорѣе!

Извѣстие о привезенныхъ игрушкахъ поколебало Женю. Онъ легонько стукнулъ въ дверь кулачкомъ. Соня какъ будто только этого и ожидала, и застучала въ дверь очень неперпѣливо.

— Дядя Петя! Вставай! Пора! Наши всѣ за чаемъ! звонко прокричала она.

— Сейчасъ, сейчасъ, дѣтки! Одѣваюсь! отвѣчалъ изъ-за двери пріятный мужской голосъ.

Какъ разъ въ это время въ гостиную вошла бонна и очень строго обратилась къ дѣтямъ:

— Это еще что за выдумки? Зачѣмъ вы дяденьку беспокоите? Извольте уйти отсюда...

— Полина Ивановна! Голубушка! залепетала Соня. — Позвольте минуточку...

— Уходите, уходите! И кто васъ сюда пустил? Вы никогда сюда не ходите!.. И вдругъ въ дверь стучать!

— Да это не я, Полина Ивановна! Это Женя первый постучалъ! Право онъ... А я только потомъ...

Но неумолимая бонна уже брала дѣтокъ за руки, собиравшая ихъ увести, когда дверь въ кабинетъ отворилась и на порогѣ показался самъ дядя Петя, in propria persona, — человекъ средняго роста, сухого и крѣпкого сложенія, съ пріятными и умными чертами лица и сильною просѣдью въ темнорусыхъ волосахъ и бородѣ.

— Постоите, постоите, Полина Ивановна! заговорилъ онъ, обращаясь къ боннѣ,—дайте мнѣ на нихъ посмотреть, дайте полюбоваться! Видъ я же ихъ года четыре не видалъ—съ тѣхъ поръ какъ за-границу уѣхалъ... Здравствуйте, дѣтки! Здравствуйте! Норе-ла! Полѣзайте на колѣни, цѣлуйте дядю! Требуите подарковъ!

— Подарки-то ужъ лучше бы до Свѣтлаго праздника оставити рѣшилась было замѣтить бонна.

— Нѣтъ, дядя, лучше теперь... шепнула Соня, которая уже обвила шею дяди своими рученками, между тѣмъ какъ Женя сидѣлъ у дяди на колѣняхъ, и не смѣя ласкаться къ нему, поглядывавъ на него съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Ну, если теперь, такъ теперь—вотъ только пойдемъ со всѣми поздороваемся; а тамъ—вамъ и ключи въ руки, берите сами изъ сундука.

И Петръ Ивановичъ Подольскій отправился въ столовую, неся Женю на плечѣ и ведя Соню за руку.

Въ столовой, весьма изящно и уютно обставленной, Петра Ивановича уже ожидали. Егоръ Ивановичъ, человекъ лѣтъ сорока, толстый, румяный и плѣшивый, въ очкахъ и съ небольшою подстриженной бородкой, въ мягкомъ шелковомъ халатѣ съ плюшевой подкладкой и отворотами, сидѣлъ развалившись въ креслѣ и безпрестанно оглядывался на дверь гостини изъ-за своей газеты. Его супруга, очень миловидная брюнетка, лѣтъ подъ тридцать, стройная и граціозная, разливала ароматный кофе по фарфоровымъ чашкамъ, и вполголоса спрашивала мужа о привычкахъ и вкусахъ его брата, котораго она собиралась принять и угостить на славу, какъ дорогаго гостя.

— А вотъ и онъ самъ на лицо! Пусть самъ тебѣ расскажетъ—что онъ любитъ! смѣясь сказалъ Егоръ Ивановичъ, указывая женѣ на Петра Ивановича, входившаго въ столовую съ дѣтми.

— Чтѣ я люблю? Я все люблю... Я человекъ покладливый—туристъ по натурѣ и по вкусамъ! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, опускаясь на стулъ около стола.

— Ну, а вотъ Амелие все хлопочетъ, чтобы тебя какимъ-то необыкновеннымъ кофеемъ угостить!.. По парижской методѣ, молъ, варень—въ какомъ-то черномъ глиняномъ кофейникѣ... Ха, ха, ха!

— Ахъ, перестань! замѣтила жена съ улыбкой.—Ни о чемъ я не хлопотала... Мы всегда такъ кофе варимъ.

— Спасибо, Амелие, за хлопоты... только я, признаюсь, охотнѣе бы выпилъ чаю. Я такъ давно его не пилъ. А кофе, варенный по всѣмъ методамъ, мнѣ ужасно надоѣлъ...

И онъ протянулъ руку за стаканомъ чая. Но какъ разъ въ это время ему попалось на глаза лицо Соня, которая упорно смотрѣла въ лицо дяди и, видимо, чего-то страстно ожидала, не смѣя выразить словами своего желанія.

— Ахъ я, колпакъ! Я и забылъ, что обѣщалъ тебѣ дать ключи отъ сундука, Сонюшка! Вотъ тебѣ опи—бери, захватывай съ

собою и братишку, и Полину Ивановну. Ступайте, отпирайте—и вынимайте. Тамъ—съ боку, въ отдѣленіи, положено...

Дѣтямъ не нужно было повторять; забравъ ключи дядинаго сундука, они уцѣпились рученками за бонну, и почти бѣгомъ потащили ее въ кабинетъ.

— Какой былъ, такимъ и остался! съ улыбкою замѣтилъ Егоръ Ивановичъ, обращаясь къ женѣ и указывая на брата.— Отличный бы изъ него вышелъ семьянинъ; il a de l'étoffe... Женѣ-бы туфли подавалъ, съ дѣтками-бы нянчился... Право, Amélie, его бы женить надо! Женить его...

Amélie только улыбнулась лукаво и замѣтила мужу:

— Не дурило бы тебѣ отъ Петра Ивановича кое-что переписать! Вотъ посмотри-ка онъ какой: съ утра чистенькій, во всемъ нарядѣ... А у тебя до завтрака халатъ да халатъ. Вѣрите-ли, Петръ Ивановичъ, всѣхъ, даже дамъ—въ халатѣ принимаютъ. Фи, какая гадость! И отучить не могу!

— Ахъ, матушка! Да развѣ ты не знаешь, что для настоящаго адвоката только и есть два наряда—халатъ да фракъ. Изъ фрака въ халатъ; изъ халата — во фракъ... И пошелъ: гг. судьи! гг. присяжные засѣдатели! А что ты о дамахъ говоришь—объ этихъ, что по утрамъ ко мнѣ ходятъ—такъ вѣдь это не дамы, а мои кліенты, юридическія дамы! Это совсѣмъ иное дѣло... Она прибѣгаетъ высказаться, душу свою облегчить, по бракоразводному или по инымъ дѣламъ—такъ ты только прими ее, да выслушай не прерывал. А о костюмѣ ей и заботы нѣтъ!

— Безцеремонные російскіе порядки! съ улыбкою замѣтилъ Петръ Ивановичъ. — А, впрочемъ, долженъ я тебѣ сказать, что я по этимъ російскимъ порядкамъ немного даже соскучился... Въ послѣднее время за границей мнѣ ихъ не доставало: — надоѣла ужъ очень эта чопорность, эта опредѣленность и точность во всемъ. Все какъ по часовому механизму... разсчитано, размѣрено...

— То-то, братъ! И точно, видно:

Когда постранствуешь, воротиться домой —

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

— Да, да! Именно „дымъ“ и всякая всячина! Все — до мелочей! Все то, среди чего мы растемъ и развиваемся съ дѣтства, что мы привыкаемъ около себя видѣть — все! Я, признаюсь, даже такъ нарочно и подогналъ — прѣхать въ Петербургъ въ началѣ Страстной недѣли, чтобы съ вами, въ нашей русской семьѣ, провести Страстную и Святую; а тамъ ужъ думать о самостоятельномъ устройствѣ жизни. А я такъ давно не былъ въ русской церкви — не слышалъ этой дивной величественной службы нашей, этого пѣнія... Я все это такъ люблю! А заутреня подъ Свѣтлый праздникъ... Эти христосовавья... эти радостныя лица! А наше рѣзговѣнье — сытое, широкое, съ обильными блюдами и яствами, съ обильнымъ угощеніемъ... Всѣ эти куличи да пасхи... Вѣдь, знаешь-ли, это такъ вѣдается въ насъ съ дѣтства, что вотъ теперь, когда я прожилъ слишкомъ четыре года за границей, и ничего этого не испыталъ, эти впечатлѣнія у меня не изгладились — я ихъ жажду, я ихъ хочу, я ихъ желаю вновь испытать!..

— Фу, батюшки! Да ты тамъ поэтомъ сталъ — ты ужъ стиховъ не пишешь-ли? смѣясь замѣтилъ Егоръ Ивановичъ. — Ты о куличахъ и пасхахъ съ такимъ паеосомъ говоришь, что у меня слюнки текутъ и на Страстной, да еще въ началѣ... Ты меня, пожалуй, въ грѣхъ введешь? Ну, слышала, Amélie? Смотри же, отличись передъ братцемъ... И такое заготовь ему рѣзговѣнье...

Порывистый вздохъ перервалъ рѣчь Егора Ивановича.

— Дама вчерашняя желаютъ васъ по дѣлу видѣть, доложилъ вошедшій лакей.

— Ахъ, Господи! Да ты сказалъ бы, что я не принимаю, не одѣтъ — въ халатѣ! съ притворною досадою отозвался Егоръ Ивановичъ.

— Я говорилъ-съ. Да онѣ говорятъ, ничего-молъ. Очень-молъ нужно переговорить!

— Вотъ онѣ — юридическія-то дамы! Отъ нихъ и на Страстной покоя нѣтъ! Ну, что же — проси!

П.

Петръ Ивановичъ говорилъ совершенно искренно, что соскучился по Россіи послѣ долгаго пребыванія за границей. И онъ, дѣйствительно, во время долгаго пути изъ Парижа въ Петербургъ, съ особеннымъ удовольствіемъ мечталъ о русской веснѣ, о русской Пасхѣ, о томъ какъ онъ пріятно проведетъ недѣльки двѣ въ тепломъ углу, въ семьѣ брата, прежде чѣмъ начнетъ заботиться объ устройствѣ своей одинокой, скучной жизни. Въ тотъ день, когда онъ выѣзжалъ изъ Парижа, на солнцѣ было 22° по Реомюру, цвѣточный рынокъ около Маделены былъ въ полномъ разгарѣ; деревья въ садахъ и на бульварахъ были покрыты роскошною, свѣжею зеленью; толпы разодѣтаго народа осаждали конторы омнибусовъ, слѣпна выѣхавъ за городъ и подышать свѣжимъ воздухомъ... А онъ спѣшилъ на Сѣверную желѣзную дорогу, стремился неудержимо къ „Сѣверу милому“ — и мечталъ о русской глуши, о таломъ снѣгѣ подъ откосами холмовъ, о вѣнскихъ бурлящихъ ручьяхъ по глубокимъ оврагамъ, о невозможныхъ русскихъ проселкахъ, о широкихъ, могучихъ разливахъ русскихъ рѣкъ и о жаворонкахъ,

заливающихся серебристыми трелями въ яркомъ воздухѣ надъ мокрыми еще полями. Мечталъ онъ и о многомъ другомъ, связанномъ съ отдаленными воспоминаніями о веснѣ и о молодости — но быстро спохватываясь, и сдерживаясь невольные порывы своего воображенія, благоразумно вспоминалъ о томъ, что ему уже стукнулъ сорокъ пятый годъ и сѣдина обильно серебрить его волосы на головѣ и въ бородѣ...

И вотъ онъ прѣехалъ наконецъ и помѣстился у брата, радушно встрѣченный всей его семьей — и не успѣлъ еще наговориться съ Егоромъ Ивановичемъ и съ женой его о впечатлѣніяхъ своего долгаго пребыванія за границей, о своихъ литературныхъ трудахъ и объ архивныхъ работахъ, не успѣлъ еще налюбоваться на своихъ племянниковъ, какъ случилось съ нимъ нѣчто весьма странное и никакъ не ожидаемое...

— Петръ Ивановичъ! говорила ему Amélie, прощаясь съ нимъ вечеромъ, въ день прѣзда, — вы, можетъ быть, привыкли читать на сонъ грядущій? Такъ вотъ не хотите-ли газетъ сегодняшнихъ? Тутъ ихъ цѣлая куча.

— Нѣтъ! Развѣ другое что-нибудь... А отъ газетъ увольте... Я еще не достаточно привыкъ къ Россіи, чтобы спокойно читать наши газеты. Онѣ меня волнуютъ и бѣсятъ... Вотъ развѣ недѣльки черезъ двѣ... Спокойной ночи!

И онъ ушелъ не взявъ съ собою газетъ, и оставилъ ихъ на столѣ въ гостиной. А на другой день, когда дѣтки Егора Ивановича пошарили въ дядиномъ сундукѣ и вытащили себѣ оттуда разныя парижскія игрушки и бездѣлушки, они вдругъ такъ сошлись съ Петромъ Ивановичемъ, что ужь его ни на шагъ отъ себя не отпустили. Жена все вертелась около его ногъ, и засыпала его вопросами; а Соня занимала его разговорами, не выпуская изъ рукъ своей парижской куклы.

— Вотъ видишь, дядя, ты мнѣ какую умную куклу привезъ! Она умѣетъ говорить и „nana“, и „мама“, и „oui“, и „non“... Только вотъ читать не умѣетъ — да и ее читать выучу! Я хорошо умѣю читать. Хочешь я тебѣ покажу, какъ я читаю?..

— Нѣтъ! Теперь мнѣ некогда. Я въ церковь собираюсь. Къ службѣ опоздаю, пожалуй.

— Не опоздаешь, не опоздаешь, дядя! Слушай — я скоро тебѣ прочитаю...

И она, не обращая вниманія на доводъ дяди, вскочила къ нему на колѣни, схватила со стола первую попавшуюся газету и въ отдѣлѣ провинціальныхъ извѣстій стала очень бойко и громко читать какую-то корреспонденцію изъ города П**.

Петръ Ивановичъ, который сначала поддадался желанію дѣвочки съ полудулыбой, едва только вслушался въ первыя строки корреспонденціи, вдругъ измѣнился въ лицѣ, откинулся на спинку кресла, прослушалъ еще нѣсколько строкъ — и не могъ болѣе выдержать.

— Довольно, довольно, дружокъ мой! проговорилъ онъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ; спустилъ Соню съ колѣнъ, быстро схватилъ газету со стола, ушелъ въ кабинетъ, и заперся тамъ на ключъ.

Озадаченная Соня переглянулась съ братомъ и побѣжала къ мамѣ рассказывать, что дядя на нее за что-то разсердился. Часа два спустя, завтракъ былъ поданъ въ столовой и какія то очень вкусныя, чисто-русскія блюда, придуманныя супругою Егора Ивановича, уже стояли на столѣ, аппетитно прикрыты серебряными колпаками. Самъ Егоръ Ивановичъ, отдѣлавшійся отъ пріема кліентовъ, уже подвязалъ подъ борю бѣлоснѣжную салфетку, и налилъ двѣ рюмки листовки, настоящей домашней листовки, поджидалъ брата, который все еще не выходилъ изъ кабинета.

— Да зови-же его, обратился Егоръ Ивановичъ къ лакею. — Вѣдь все простынетъ — да и адмиральскій часъ пройдетъ!

Лакей побѣжалъ и вернулся нѣсколько озадаченный.

— Петръ Ивановичъ заперлись, и васъ самихъ просить къ нимъ пожаловать...

Тревога вдругъ изобразилась на всѣхъ лицахъ.

— Что-же это съ нимъ? Вѣрно боленъ? Не понимаю... пробормоталъ Егоръ Ивановичъ.

— За докторомъ не послать-ли? спросила съ безпокойствомъ Amélie. — А то не по телефону-ли изъ суда вызвать?

Егоръ Ивановичъ, ничего не отвѣчая, пожалъ плечами, очень неохотно снялъ съ шеи салфетку и пошелъ къ дверямъ кабинета, неслышно ступая по коврамъ своими бухарскими сафьянными сапогами.

Онъ нашелъ брата въ кабинетѣ за очень странною работою. Петръ Ивановичъ поспѣшно укладывалъ въ маленькій дорожный чемоданъ бѣлье и платки.

— Что ты! что ты! Съ ума сошелъ? почти съ ужасомъ воскликнулъ Егоръ Ивановичъ.

— Полно говорить пустяки! Запри двери на ключъ и выслушай меня. Въ двѣ минуты все тебѣ скажу.

Егоръ Ивановичъ опустился на стулъ и взглянулъ въ лицо брата. Оно было неузнаваемо — блѣдно, взволнованно, глаза блестя лихорадочнымъ блескомъ... Голосъ дрожалъ, когда онъ заговорилъ:

— Я... я долженъ ѣхать! Я... ѣду. Не спрашивай меня — черезъ недѣлю все узнаешь. Дѣло такое... важное... Не скрою... моя судьба отъ него зависитъ, и я здѣсь оставляю тебѣ, на

всякій случай, всѣ мои распоряженія... и письма, которые разошлешь по адресамъ, если я не вернусь...

Петръ Ивановичъ указалъ на письма, положенныя на столѣ. — Въ большомъ пакетѣ, продолжалъ онъ, — мое духовное завѣщаніе, которое, я надѣюсь, ты исполнишь съ буквальной точностью. Оно написано еще передъ отъѣздомъ за-границу... Ну, прощай!

И онъ подошелъ къ брату, застегивая на всѣ пуговицы дорожный, просторный пиджакъ и бережно укладывая въ боковой карманъ изящный дорожный револьверъ.

Егоръ Ивановичъ поднялся со своего кресла, совсѣмъ оторопѣлый... Въ его адвокатской практикѣ не бывало такого страннаго случая!.. Онъ хотѣлъ удержать брата, остановить. Но тотъ крѣпко обнялъ его, поцѣловалъ — и рѣшительно скинувъ пледъ на руку, взялся за чемоданчикъ.

— Pierre! Что съ вами? куда это вы? съ безпокойствомъ спросила Петра Ивановича Amélie, загораживая ему дорогу въ дверяхъ кабинета.

— Сестрица! Спасибо за участіе — но я не могу терять ни минуты времени... Боюсь опоздать на почтовый побѣздъ Николаевской дороги... Прощайте! Егоръ вамъ все расскажетъ...

И онъ поспѣшно, на ходу поцѣловалъ у нея руку — и уѣхалъ, оставивъ обоихъ супруговъ въ величайшемъ недоумѣніи.

— Да что-же это такое? Вѣдь это ужасно! сказала наконецъ Amélie, обращаясь къ мужу. — Объяснишь-ли ты мнѣ эту загадку?

— Какъ объяснить, когда я самъ ничего не знаю? Вѣдь тутъ не судъ: тамъ иногда совершь, и басню придумаешь на пользу кліенту — а тутъ? Тутъ и самъ ничего не понимаю! Зайчики у него въ мозгу бѣгаютъ — больше ничего!

— Да что-же онъ тебѣ сказалъ?

— Ну, сказалъ: долженъ ѣхать, моя судьба рѣшается! Очень, молъ, важно... Черезъ недѣлю узнаешь... А если не вернусь — вотъ завѣщаніе мое и письма!..

— Мнѣ прибѣжала сказать, что дядя разсердился на нее: она ему стала газету читать, а онъ у нея вдругъ газету вырвалъ, убѣжалъ въ кабинетъ и заперся на ключъ...

— Что за сумбуръ? Гдѣ-же эта газета?

— Вотъ, на столѣ и лежитъ...

Егоръ Ивановичъ схватилъ газету, быстро оглядѣлъ ее и съ досадою бросилъ на столъ: корреспонденція изъ города П*** была тщательно вырѣзана. Загадка оставалась загадкой, но крайней мѣрѣ до того времени, когда добудутъ цѣльный экземпляръ этого нумера газеты...

III.

Вѣра Николаевна Чернова, вдова виднаго земскаго дѣятеля и крупнаго землевладѣльца П —ской губерніи, въ концѣ Веди-каго поста, проводивъ изъ П*** своего старшаго сына, драгунскаго офицера, и свою дочь, недавно выданную замужъ, почувствовала себя вдругъ ужасно одинокою. Едва дождавшись полудня по смерти мужа, отслуживъ по немъ заупокойную обѣдню и наслушавшись досыта всякихъ хвалебныхъ рѣчей о его незабвенныхъ заслугахъ, о его достоинствахъ и гражданскихъ доблестяхъ — она всѣхъ сердечно поблагодарила, взявъ съ дѣлала прощальные визиты и ото всѣхъ поспѣшила удалиться въ свою „Отраду“, — небольшое, лично ей принадлежавшее имѣніе, въ ста верстахъ отъ П***.

„Теперь наступаетъ весенняя ростенель“, думала Вѣра Николаевна, „дорога не сегодня-завтра рухнетъ... Никому, конечно, и въ голову не придетъ ко мнѣ нагнать въ деревню, пока не просохнетъ нашъ проселокъ. И вотъ я въ „Отраду“ чудесно проведу Страстную и Святую — тихо, какъ я люблю... Безъ людей... надоѣли они мнѣ со своимъ участіемъ и соблаговоланіемъ! А еще надъ нѣмцами сѣются, что у тѣхъ траурными конфетами на похоронахъ угощаютъ, а потомъ Condoligen въ домъ покойника ѣздить.“

Собралась — и уѣхала; и постѣ двухдневнаго довольно непріятнаго пути, добралась наконецъ до своей благодатной глуши... Въ одну сторону сто верстъ до губернскаго города, въ другую — 70 верстъ до уѣзднаго города К**, нѣтъ ни одного сосѣда ближе, какъ на десять верстъ... Даже приходъ — и тотъ въ 8 верстахъ отъ усадьбы. А усадьба — прелесть! Чудный, старинный садъ спускается къ рѣчкѣ густыми, тѣнистыми, нѣсколько запущенными аллеями; весь домъ кругомъ заложъ непролазною чашею сиреневыхъ кустовъ, которые такъ и лѣзутъ въ окна и въ промежутки между столбами балкона, выходящаго въ садъ. Подлѣвъ отъ балкона, изъ-за повалившася рѣшетчатаго забора, виденъ уголокъ фруктоваго сада, съ задрѣкочными грушевыми и яблонными деревьями; поправѣ, па особой, тщательно огороженной лужайкѣ — пасѣка, съ стоячими и лежачими колодами, которые только что вынесли на солнце изъ темнаго амшеника, гдѣ зимовали пчелы. Тишина и благодать — истинная *Отрада*?

Вѣра Николаевна, на первыхъ порахъ, нарадоваться не могла этой благодати и тишинѣ. За послѣдніе полгода, послѣ смерти мужа, ей такъ надоѣли люди, хлопоты, дѣла, отношенія, что ей давно хотѣлось подальше уйти отъ всего этого. И вотъ наконецъ настала минута этого благодатнаго отдыха... Она — одна, свободна, и все время вполнѣ ей принадлежить. Что хочеть

Весенняя выставка Импер. Академіи Художествъ. Поясной портретъ старушки.
Съ карт. Э. Г. Дукшта-Душинской (право воспроизведенія въ гравюрь приобретено „Нивой“), грав. Барановскій.

Весенняя выставка Импер. Академіи Художествъ. Жидовочка.

Карт. Х. П. Платонова (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

то и дѣлаетъ, никого не спрашиваясь, ни о комъ не заботясь... Дѣти пристроены и уже стоятъ на своихъ ногахъ; у нихъ хорошо, обеспеченное состояніе; у нея—тоже свои средства, достаточныя для ея незатѣливыхъ потребностей...

„Поотдохну немного,—мечтала Вѣра Николаевна,—а тамъ и примусь за что-нибудь... Придумаю, какъ лучше устроить жизнь свою! Вѣдь въ 36 лѣтъ жизнь женщины ужъ прожита—ее такъ немудрено устроить!“

Но она почему-то все же задумывалась на этомъ пунктѣ своихъ мечтаній, и, видимо, старалась не заглядывать въ будущее и не думать о прошедшемъ.

Первою заботою Вѣры Николаевны, по пріѣздѣ въ усадьбу, были, конечно, разныя необходимыя хозяйственные распоряженія, которыя и заняли у ней почти сплошь дня три—даже болѣе. Затѣмъ начались заботы и хлопоты о наступающемъ праздникѣ: надо было подумать объ угощеніи народа и духовенства, которое ужъ конечно не преминетъ посѣтить пріѣхавшую въ помѣстье помѣщицу, и посѣтить, какъ водится, со всеми чадами и домочадцами. Когда всѣ эти хлопоты окончились и приняты были всѣ надлежащія мѣры по домашнему хозяйству, началось мытье и чистка во всѣхъ комнатахъ, началось сметанье пыли со шкаповъ, выворачиванье и вытряхиванье ящиковъ въ комодахъ, омовеніе иконъ, и прочая комнатная суматоха, отъ которой Вѣра Николаевна сѣгнула уйти въ садъ и на балконъ, съ какою-нибудь ручною работою или съ книжкой.

И вотъ, какъ разъ въ Великій Четвергъ, сидѣла она на балконѣ и разсѣянно перелистывала одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ Мопассана, вывезенный изъ города, когда явилась къ ней на балконъ старая ея ключница, Меланья Семеновна, и спрашивала ее недовольнымъ тономъ:

— А что-же, сударыня, все чистить, все обметать приказали, а тотъ пузатенькій шкафикъ, что у васъ въ спальнѣ стоитъ—не велѣли трогать... Вѣдь ужъ сколько лѣтъ его не оттирали! Чай, тамъ пыли на палецъ накопилось... Все къ Свѣтлomu-то празднику...

— Оставь, Меланья Семеновна... я потомъ сама его открою и почищу... и ныль сотру...

Меланья Семеновна удалилась. Но вмѣстѣ съ нею и спокойствіе вдругъ покинуло Вѣру Николаевну. Она отложила книгу въ сторону, потомъ поднялась со ступеньки и стала ходить взадъ и впередъ по балкону.

„Пузатенькій шкафикъ“, думала она. „Вотъ ужъ пять лѣтъ какъ я къ нему не прикасалась!.. И зачѣмъ она мнѣ о немъ напоминаетъ? Тамъ, на средней полкѣ, *вотъ его тисма*... Собранныя, сложены по годамъ, по числамъ!.. И вотъ ужъ пять лѣтъ, какъ я ему не писала ни строки... какъ онъ мнѣ далъ слово не писать *для моего спокойствія*... Тамъ все, что мнѣ о немъ напоминаетъ—что я старалась забыть, удалить отъ себя... И даже нарочно завезла сюда, зная, что мужъ не любитъ моей *Отрады* и не поѣдетъ сюда... И зачѣмъ ей нужно было мнѣ напоминать объ этомъ несчастномъ шкафикѣ!“

И она ходила взадъ и впередъ по балкону—она волновалась давно-забытымъ волненіемъ, она старалась пересилить себя—и не могла совладать съ собою.

Вся тонкая наутина хитросплетеній и уловокъ, которыми Вѣра Николаевна старалась сама себя успокоить и утѣшить, отгоняя отъ себя всякіе помислы о *немъ* и о своемъ прошломъ,—все это порвалось и разлетѣлось прахомъ отъ одного напоминанія объ этомъ злоечастномъ дѣдовскомъ пузатомъ шкафикѣ красного дерева. Ей припомнилось все... И долгая, долгая исторія ихъ любви—чистая, прекрасная, горячая, полная самоотверженія и страданій. И твердый, мужественный нравственный обликъ любимого человѣка, который—она это знала—жилъ только ею, никого и никогда не любилъ, кромѣ ея, только ей хотѣлъ посвятить всю жизнь свою... И она сравнивала его невольно со своимъ скучнымъ мужемъ, несносно-мелочнымъ, вѣчно занятымъ провинціальными дрязгами и земскими сплетнями, вѣчно-готового повторять одаѣ и тѣ же давно опозлившія либеральныя теоріи. Съ чувствомъ особеннаго отвращенія она вспоминала о любви этого мужа, которому никогда не отвѣчала на его чувства, такія-же мелкія, такія-же непривлекательныя, какъ онъ самъ...

И потомъ ей вдругъ вспоминалась сцена послѣдняго прощанья съ *нимъ*—вспоминалась до мельчайшихъ подробностей. Она сидѣла на полу и жгла въ каминѣ письма, которыя онъ ей вернулъ передъ отъѣздомъ за-границу; а онъ стоялъ въ сторонѣ, опершись на столъ, и молча смотрѣлъ въ огонь. Когда послѣдняя струйка пламени пробѣжала синюю змѣйкой по послѣднему листочку письма, онъ подошелъ къ ней, медленно протянулъ ей руку и сказалъ:

— Ну, вы теперь должны быть довольны... Вы все у меня отняли!

Ей показалось, что слезы блестя на него на рѣсницахъ.

— Прощайте, посиѣннѣя она сказала, чувствуя, что не владеетъ собою, что готова броситься ему на шею.

— Прощайте; теперь не скоро обо мнѣ услышите. Я сдержу свое слово, и писать вамъ не буду.

Онъ пожалъ ей руку и вышелъ изъ комнаты; а на другой день уѣхалъ за-границу—и какъ въ воду канулъ.

И вдругъ, по какой-то особенной женской логикѣ, эта нить воспоминаній прерывалась и Вѣра Николаевна переходила къ совершенно инымъ мыслямъ:

„Онъ сдержалъ слово... А можетъ быть, это и къ лучшему... Можетъ быть, онъ, тамъ, гдѣ-нибудь, встрѣтилъ кого-нибудь... Вѣдь это такъ естественно! Вѣдь не можетъ же онъ любить меня и теперь... Можетъ быть, даже онъ и радуется теперь своей свободѣ и съ улыбкой вспоминаетъ о своемъ упрямствѣ... Конечно, вѣдь это было съ его стороны не болѣе какъ упрямство... Столько лѣтъ и такъ горячо любить меня, такъ нѣжно—безъ взаимности!“

И она долго, долго ходила быстрыми шагами взадъ и впередъ по балкону, и все думала о немъ, и все старалась успокоить, умиротворить разболѣвшееся сердце, и все говорила себѣ:

— Если даже и такъ... Что-же? Я все ему простила... Я все извиняю ему... Дай ему Богъ много, много счастья... Но я не напишу ему! Зачѣмъ?—*ma place est prise!* Пускай онъ будетъ счастливъ...

И она опустила на скамью балкона и закрыла лицо руками... Тишина и благодать *Отрады*, и чудная весенняя природа, и ароматный запахъ расцвѣтающихъ кустовъ сирени, и серебристыя трели жаворонковъ въ небѣ—все это разомъ потеряло всю свою прелесть передъ тѣми воспоминаніями, которымъ предалась такъ неожиданно Вѣра Николаевна.

IV.

Насталъ Свѣтлый праздникъ. Вѣра Николаевна встала довольно поздно, потому что измучилась отъ побѣдки въ церковь, гдѣ непременно хотѣла отстоять заутреню. На душѣ у ней было ужасно темно и грустно, и пусто. Ей даже не хотѣлось переимѣнить траурнаго платья; но Меланья Семеновна рѣшительно этому воспротивилась и сказала барынѣ, что „хоть ея и вдовне дѣло, а все же это не обычай. Въ Свѣтлый праздникъ и понѣ свѣтлыя ризы надѣваетъ“. И положительно спрятала черное платье, а на мѣсто его положила свѣтлое, простенькое, кашемировое, съ какой-то бархатной обшивочкой. Дѣлать нечего, пришлось повиноваться.

Одѣлась Вѣра Николаевна, вышла въ столовую, къ людямъ, собравшимся разговѣться, приняла поздравленія, похристосовалась—и посиѣннѣя уйти къ себѣ въ спальню. Она боялась, что не выдержитъ—и расплачется.

Особенно, когда къ ней кто-нибудь подходилъ и говорилъ ей: „Христосъ воскрес!“—у нея вдругъ такъ жутко становилось на сердцѣ, что она почти не могла владѣть собою.

Въ спальнѣ она посиѣннѣя подошла къ завитому, пузатому шкафику изъ красного дерева, открыла его дверцу и вынула оттуда тщательно перевязанную пачку старыхъ, милыхъ писемъ... Вотъ *его* почеркъ, вотъ *его* милый девизъ, вотъ условная подпись; вотъ подаренная ей на память, засушенная роза изъ Геосиманскаго сада...

— О, Боже мой! неужели все это можно забыть! шепчетъ Вѣра Николаевна, цѣлуя дорогія строки.—Неужели я и у него слова расходится съ дѣлами... Неужели я не увижу его больше, и одна, одна буду доживать мою бѣдную жизнь?... Нѣтъ, онъ вѣрно ничего не знаетъ; онъ вѣрно ничего не слышалъ обо мнѣ... А можетъ быть и ожесточился, сѣтуя на меня,—можетъ быть и не хочетъ слышать...

Въ это время дверь спальни скрипнула и Меланья Семеновна вошла въ комнату.

— Сударыня! Мужикъ со штафетой пришелъ; вотъ и почту принесли... Говоритъ, что ѣхалъ въ одноколѣ отъ станціи, да бросилъ лошадь на селѣ: послѣднія восемь верстъ пѣшкомъ шелъ, въ водѣ по коѣнѣ.

Вѣра Николаевна взяла письмо и газеты изъ рукъ ключницы, и съ недоумѣніемъ остановилась на депешѣ, сильно помятой и подмоченной. Въ ней стояло только: „Сейчасъ узнавъ, выѣзжаю не медля. Буду на-дняхъ. Вашъ...“

Подпись невозможно было разобрать; но депеша была изъ Петербурга и отправлена дней пять тому назадъ.

Видя, что барыня все вертитъ телеграмму въ рукахъ, Меланья Семеновна рѣшилась ей напомнить о посланномъ...

— Расписать-ли извольте въ молученіи; да мужика-то не прикажете-ли угостить чѣмъ... Онъ еще, говоритъ, не разговлялся...

— Ну, да, да! Угостите его, покормите хорошенько. Да вотъ, передай ему...

Она сунула въ руку ключницы какую-то мелочь. Потомъ опять перечла депешу, опять попыталась разобрать подпись—и задумалась.

„Не можетъ быть, чтобы это отъ *него*.. Онъ въ Парижѣ, — мнѣ еще недавно о немъ отсюда писали... Кто же это собирается наградить меня своимъ посѣщеніемъ?“

Но какъ бы то ни было, депеша произвела на Вѣру Николаевну своего рода впечатлѣніе—отвлекла ее отъ грустныхъ думъ и даже къ воспоминанію о прошломъ заставила отпестнѣть спокойнѣе и мягче.

Такъ прошло еще часа два. Время подходило къ обѣду. А день былъ чудный, теплый, яркій; обильный теплый дождикъ

оросил накануне землю, и апрельское солнце так припарило влажную рыхлую почву, что всё её жизненные силы как-бы просились наружу, как-бы вздымались къ небу въ тысячѣ ароматовъ и благоуханій. Вѣра Николаевна открыла окно, выходившее изъ спальни на дорогу, и задумчиво стала смотрѣть въ даль, на извилистую ленту грязнаго проселка, ярко блиставшаго на солнцѣ.

— Сударыня, извольте-ка посмотрѣть! раздался сзади ея голосъ Меланьи Семеновны; — у васъ глаза-то повострѣе моихъ... Никакъ это попь нашъ въ одноколѣ съ косогора спускается? Не съ дьячкомъ-ли? Коли они, такъ надо бы имъ въ гостиную угощеніе особое приготовить.

Вѣра Николаевна стала пристально вглядываться, и ей дѣйствительно показалось, что въ одноколѣ ѣдетъ попь съ дьячкомъ. Она отправила Меланью Семеновну готовить угощеніе въ гостиную, а сама поспѣшно собрала письма и заперла ихъ въ завѣтный шкафикъ.

— Сударыня! докладывала черезъ нѣсколько минутъ Меланья Семеновна. — Мы съ вами не доглядѣли... Это не попь, а кажись становой къ вамъ ѣдетъ... Бородка съ просѣдью — какъ у становаго. Вонъ сейчасъ на дворъ въѣзжаютъ... Только ужъ грязь-то на нихъ — и Боже мой!

— Ну, что же? Проси въ гостиную, когда къ крыльцу подѣдутъ, сказала Вѣра Николаевна, усаживаясь въ кресло и оправляя складки платья. — Въ деревнѣ и становой — тоже гости, подумала она съ улыбкой.

Вотъ кто-то точно подѣхалъ къ крыльцу, взбѣжалъ на ступеньки, спросилъ что-то у прислуги — спѣшно, мимоходомъ... И тотчасъ послѣ того Вѣра Николаевна уже услышала чьи-то мужские шаги въ сосѣдней комнатѣ.

— Позвольте, я имъ доложу-сь, говорила Меланья Семеновна. — онѣ вотъ тутъ, въ гостиную.

Но прѣвзій не ждалъ доклада, а шель прямо, на проломъ — и вдругъ явился въ дверяхъ гостиную...

Вѣра Николаевна взглянула на него не безъ смущенія — и замерла на мѣстѣ... Передъ нею стоялъ Петръ Ивановичъ Подольскій. Онъ немного похуздѣлъ за послѣднія пять лѣтъ разлуки съ нею; на головѣ и въ бородѣ его сильно поприбавилось сѣдины; но глаза были все тѣ же: умные, добрые, смѣлые и ласковые... Только теперь эти глаза были полны тревоги, волненія и страха, страха невыразимаго. Онъ стоялъ на порогѣ, не смѣя войти въ гостиную; онъ смотрѣлъ на Вѣру Николаевну — и боялся заговорить, видимо боялся услышать звукъ собственнаго голоса...

Тайны гильотины.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ французскому морскому врачу, состоявшему при Тонкинской экспедиціи, пришлось присутствовать при казни одного изъ предводителей „Черныхъ флаговъ“, поповаго въ руки французовъ. Чтобы усилить впечатлѣніе казни на туземцевъ, она была произведена по обычаямъ той страны черезъ обезглавленіе, а не посредствомъ разстрѣльи. Приговоренный къ смерти, которому даже не связали рукъ, сталъ на колѣни, на усыпанной пескомъ площадкѣ, и склонилъ немного голову въ ожиданіи смертельнаго удара. Сѣкира палача блеснула, тѣло тяжело упало впередъ, а голова отлетѣла на нѣсколько футовъ въ сторону и, по странной случайности, стала стоймя, вѣзавшись шеей въ песокъ, которому было усыпано мѣсто казни.

Врачъ стоялъ какъ разъ напротивъ и лицо отрубленной головы было обернуто къ нему. Къ ужасу своему, онъ замѣтилъ, что голова открываетъ глаза и смотритъ на него съ такимъ выраженіемъ во взглядѣ, какъ будто сознание еще не покинуло ее. Похолодѣвъ отъ ужаса, докторъ въ первую минуту подумалъ, что ошибается. Онъ сдѣлалъ шагъ вправо. Если сознание и жизнь еще оставались въ головѣ, глаза ея должны также обратиться вправо; въ противномъ случаѣ, не смотря на передвиженіе врача, направленіе взгляда должно остаться прежнее. Глаза головы явственно и рѣшительно обратились вправо!

Докторъ сдѣлалъ шагъ влѣво; глаза послѣдовали за нимъ. Сомнѣнія больше не оставалось. Сознание и вниманіе еще не покинули голову казненнаго, слѣдовательно она жила. Докторъ повторилъ свои передвиженія два или три раза и результаты получались тотъ-же. Наконецъ, приблизительно черезъ три минуты, взглядъ сдѣлался неподвижнымъ и глаза закрылись на-вѣки.

* * *

Обнародованный докторомъ отчетъ о вышележенномъ не преминулъ привлечь на себя вниманіе физиологовъ и вызвать новыя изслѣдованія въ этой временно забытой области. Еще во времена террора первой революціи, когда ежедневно совершались безчисленные казни посредствомъ гильотинированія, утверждали не разъ, что отрубленные и собранныя въ корзины головы не умирали мгновенно. Многимъ изъ очевидцевъ казалось, что головы шевелятъ губами, какъ бы желая что-то сказать, поводить глазами, скрежещутъ зубами, морщатъ лобъ; одни улыбаются, у другихъ мускулы лица болѣзненно подергиваются.

И она смотрѣла на него, и не понимала, что съ нею дѣлается... Она не могла подняться съ мѣста: ноги у нея подкашивались; она не могла произнести ни одного слова. Хотѣла вскрикнуть отъ радости — и тоже не могла...

Онъ повилъ ея душевное настроеніе, собрался съ силами, и, радостно улыбаясь, сказалъ:

— Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ! едва слышно проговорила Вѣра Николаевна, и поднялась ему навстрѣчу...

И точно камень у нихъ обоихъ съ сердца свалился...

Черезъ нѣсколько минутъ, оправившись отъ перваго волненія, она уже сидѣла съ нимъ рядомъ на диванѣ, и они оба, почти не слушая другъ друга, не отдавая себѣ отчета въ словахъ, говорили, говорили безъ конца, безпрестанно путая *ты* и *он*, безпрестанно переходя отъ настоящаго къ воспоминаніямъ о прошломъ, отъ важнаго къ мелочамъ, отъ рассказовъ и сообщеній о тяжкихъ годахъ разлуки, къ смѣху и шуткамъ, невиннымъ и милымъ, какъ смѣхъ ребенка. Есть основаніе думать, что они такъ проговорили-бы и до вечера, забывъ обо всемъ на свѣтѣ; но Меланья Семеновна явилась имъ напомянуть о дѣйствительности:

— Сударыня, да вы бы дорогаго-то гостя хоть обѣдомъ покормили? Вѣдь, чай, они съ дороги-то проголодались? Вонъ ужъ и супъ несутъ на столъ.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Хороша я хозяйка! Объ обѣдѣ забыла!

И Вѣра Николаевна поспѣшно поднялась съ дивана.

— Погоди, Вѣра! горячо сказалъ Петръ Ивановичъ, и взялъ ее за руку: — обѣдъ не уйдетъ... Мы о главномъ позабыли! Я позабылъ спросить тебя...

— О чемъ-же? нетерпѣливо переспросила Вѣра Николаевна, стараясь высвободить свою руку.

— Отвѣчай мнѣ прямо и безъ отговорокъ, и помни, что моя судьба въ твоихъ рукахъ... Выйдешь-ли ты теперь за меня замужъ?

— Ну, конечно! сказала Вѣра, съ радостнымъ удивленіемъ впередъ взоръ въ его лицо, просіявшее счастьемъ.

Черезъ два дня послѣ описаннаго нами свиданія, загадка вполне разъяснилась для Егора Ивановича и Амелие слѣдующею законическою депешкою:

„Христосъ воскресъ! Сожги мои письма и завѣщаніе. Желю на Вѣрѣ Николаевнѣ Черновой. Вашъ Петръ.“

Съ теченіемъ времени подобные рассказы были забыты и на нихъ стали смотрѣть, какъ на легенды, или продуктъ сильно возбужденнаго воображенія. Тѣмъ не менѣе физиологи продолжали опыты надъ животными, съ цѣлью опредѣлить, сколько времени послѣ обезглавленія сохраняется чувствительность головы и тѣла. Они нашли, что этотъ промежутокъ времени доходить до 20 минутъ. Надъ людьми подобныя опыты конечно не могло быть произведено. Но, въ виду огромнаго интереса, возбужденнаго отчетомъ французскаго доктора при тонкинской экспедиціи, въ научныхъ кружкахъ былъ поднятъ вопросъ о разрѣшеніи подвергать соотвѣтственнымъ опытамъ головы и тѣла гильотинированныхъ преступниковъ.

Съ 1884 года во Франціи были произведены опыты надъ четырьмя казненными лицами, съ вышеуказанной цѣлью. Опыты эти были предприняты физиологомъ Лабордомъ, при содѣйствіи ассистентовъ, надъ головами казненныхъ убійцъ: Кампи, Гаммаю, Гертевана и Ганьи, и дали слѣдующіе результаты:

Опыты не могли быть начаты ранѣе семи минутъ послѣ совершенія казни. По существующимъ во Франціи правиламъ, раньше этого срока головы и тѣла казненныхъ не могли быть переданы въ распоряженіе „науки“.

Чтобы выиграть время, опыты надъ первымъ изъ казненныхъ были начаты въ закрытой покойницкой повозкѣ, въ которой перевозятъ тѣла казненныхъ, превращенной на этотъ случай въ лабораторію со всеми необходимыми аппаратами.

Прежде всего были осторожно приподняты вѣки глазъ. Открывшіяся арчакъ оказался умѣренно расширеннымъ, но когда къ нему поднесли зажженную свѣчу, онъ сталъ сильно сокращаться, т. е. произошло то-же явленіе, которое замѣчается при тѣхъ-же условіяхъ на живыхъ людяхъ. Слѣдовательно, не подлежатъ сомнѣнію, что чувствительность глаза сохраняется нѣкоторое время послѣ обезглавленія, но, какъ оказалось изъ дальнѣйшихъ опытовъ, она прекращается ранѣе чувствительности другихъ частей лица.

* * *

Съ цѣлью опредѣлить чувствительность этихъ другихъ частей при помощи гальваническаго тока, въ головѣ, поставленной на слой гутты, были просверлены съ лѣвой стороны лба два отверстія, доходившія до такъ-называемыхъ „психомоторныхъ центровъ“ мозга, управляющихъ нашими движеніями, и въ эти отверстія введены тонкія металлическія иглы, соединенныя съ

гальванической батареей. Затѣмъ былъ пропущенъ токъ и соответственная часть мозга электрически возбуждена.

При первомъ пропускании гальваническаго тока, сравнительно слабого, совершенно явственно поднялось вѣко праваго глаза (возбуждалась лѣвая половина мозга); когда-же иглы были введены нѣсколько глубже, то не только мускулы вѣкъ, но и губы, и челюсти также приняли въ движеніе.

Размыкая и снова смыкая токъ, получали движеніе нижней челюсти внизъ и вверхъ, какъ при жеваніи.

Явленія эти продолжались отъ пяти до шести минутъ, потомъ стали ослабѣвать и наконецъ совсѣмъ прекратились. Все затихло; наступила несомнѣнная смерть...

* * *

Такимъ образомъ было установлено, что мозгъ сохранялъ чувствительность и могли быть вызываемы сокращенія лицевыхъ мускуловъ, отъ двадцати пяти до тридцати минутъ послѣ казни; но на этомъ не остановились. Вышеизложенные опыты производились надъ головою Камни. Надъ головами трехъ поздне казенныхъ изслѣдованія получили болѣе широкое развитіе; а именно: черезъ шейныя артеріи въ головы вводилась свѣжая, теплая кровь. Съ этою цѣлью были открыты жилы собаки и кровь введена въ лѣвую шейную артерію человѣческой головы, послѣ чего было приступлено къ тѣмъ же опытамъ.

Когда свѣжая кровь начала вливаться въ голову, обнаружилось тотчасъ-же весьма любопытное явленіе: смертельная блѣдность лица исчезла, нѣжный румянецъ покрылъ щеки и снова появились признаки жизни. Вѣки открылись, изъ вѣкъ потекла черная кровь, вытѣсняемая свѣжею, красною кровью; къ холодѣвшему лицу вернулась теплота и рука явственно ощущала повышеніе температуры.

Къ переливанію крови можно было приступить лишь черезъ двадцать минутъ послѣ казни, такъ какъ приготовленія заняли слишкомъ много времени и только послѣ этого промежутка мозгъ могъ быть вышеупомянутымъ способомъ возбуждаемъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ лицевые мускулы правой стороны пришли тотчасъ-же въ самое оживленное движеніе, въ томъ числѣ и мускулъ, поднимающій лѣвую челюсть. Голова начала сильно щелкать зубами. Явленіе это замѣчалось еще черезъ сорокъ минутъ послѣ казни и только черезъ пятьдесятъ минутъ чувствительность прекратилась.

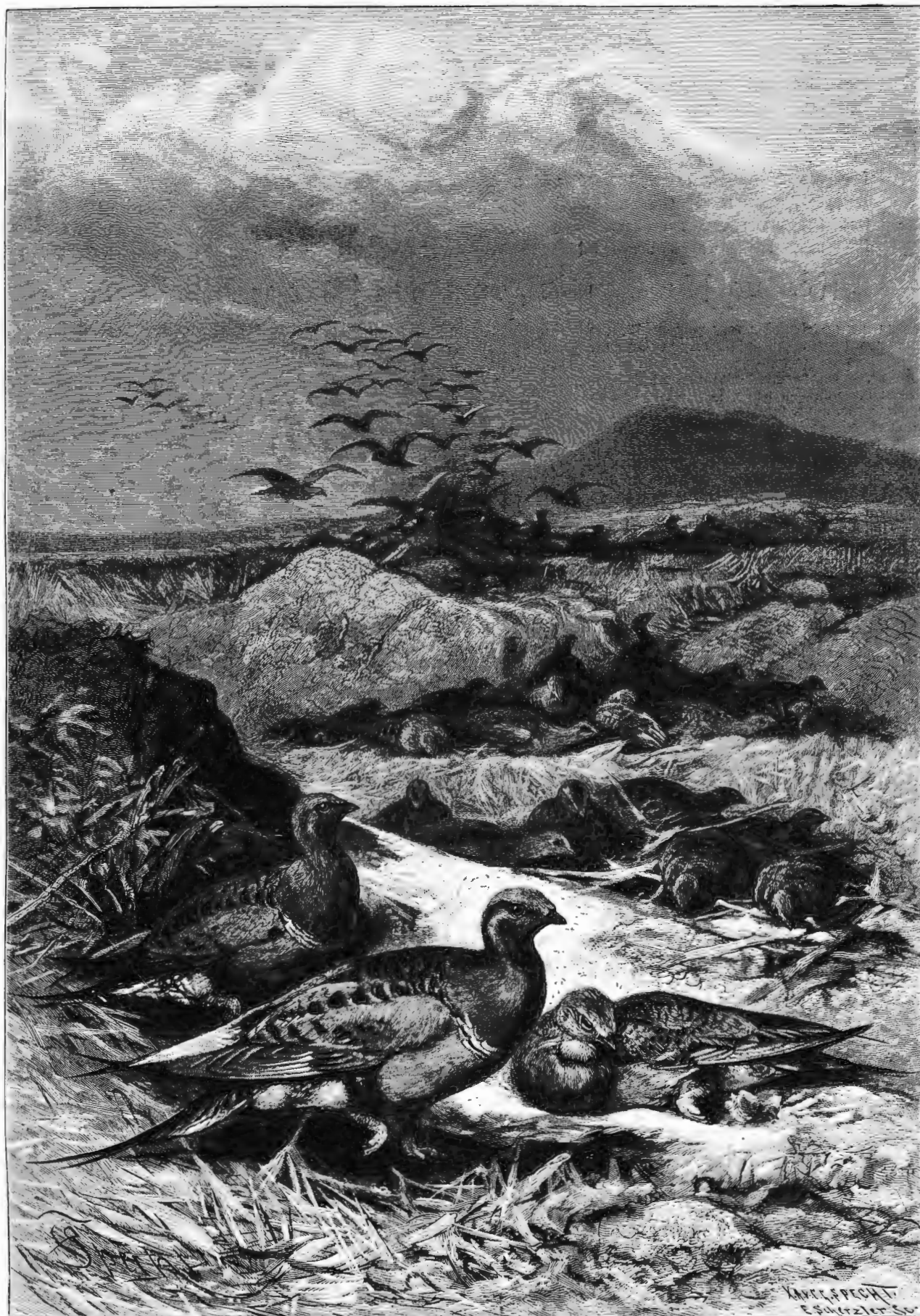
Соответственнымъ возбужденіемъ мозга, удалось также привести языкъ въ такое движеніе, что онъ высовывался изо рта и снова втягивался.

Точно также игла, воткнутая въ сердце черезъ сорокъ минутъ послѣ казни, производила еще отчетливое и правильное его бѣшеніе, и именно отъ 50 до 51 удара въ минуту; слѣдовательно и сердце еще не было мертво

* * *

Весенняя выставка Импер. Акад. Худож. Амуръ и Психей. Бронзовая группа проф. Н. Лаврентова. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Степная куры (*Syrrhaptes paradoxus s. Pallasii*), Рис. и грав. Шлехтгь.

Изъ сравнительныхъ наблюдений надъ четырьмя казнями можно повидимому вывести заключение, что чувствительность сохраняется дольше у тѣхъ, которые спокойно и съ самообладаніемъ ждутъ смертнаго удара. Одинъ изъ четырехъ, убійца Гёртеванъ иступленно противился приготовле-

ніямъ къ казни. Помощникамъ палача только послѣ упорной борьбы удалось привязать приговореннаго къ доскѣ, которая вдвигается подъ топоръ гилкотныи. Борьба произвела известное утомленіе верховъ и потому чувствительность мозга прекратилась у Гёртевана раньше.

Христосъ Воскресе!

Стихотвореніе А. Ф. Ведотова.

„Христосъ Воскресе!“ возгласилъ
Надъ гробомъ ангелъ легкокрылый,
И муносицъ взоръ унылый
Святимъ восторгомъ озарилъ.

Воскресе Христосъ, свѣтъ Божьей правды
Воскресе, Онъ живъ, Онъ побѣдилъ!
Онъ Словомъ землю покорилъ,
И — палъ навѣки духъ неправды!

Воскресе Христосъ! Пускай кипитъ
Корысть, обманъ и оаобленье,
Огнѣнъ въ мірѣ — убѣжденье:
Воскресе Христосъ, Онъ побѣдитъ!

Онъ побѣдитъ, Онъ побѣждаетъ,
Онъ распахнулъ врата небесъ!
И міръ въ восторгѣ возглашаетъ:
„Воскресе, воистину воскресъ!“

„Кольцо Нибелунга“, трилогія Рихарда Вагнера.

(Окончаніе).

Переходя къ послѣдней части тетралогіи, отмѣтимъ что ни въ одной изъ предшешшихъ не выступаютъ съ такой аркою выпуклостью черты древне-германскихъ правовъ, какъ въ „Гибели боговъ“. Здѣсь боги, по крайней мѣрѣ главные, вовсе не появляются на сценѣ—и все дѣйствіе сосредоточено на семейномъ и общественномъ бытѣ древнихъ германцевъ. Мы видимъ здѣсь древнѣйшіе общегерманскіе обычаи побратимства, скрѣпленія союза кровью, клятвы на оружьи, пріобрѣтенія невѣсты подвигомъ, всенародныхъ брачныхъ торжествъ и проч.

„Гибель боговъ“ начинается прологомъ въ той же мѣстности вокругъ утеса валкирій, которую мы видѣли въ концѣ двухъ предшешшихъ частей. Глубокою ночью къ раскидистой ели спускаются три норны, дочери Эрды. Онѣ вьютъ золотую нить мировыхъ судебъ, которую до сихъ поръ обматывали мировой ясенъ. Нѣкогда, — поясняетъ одна изъ норнъ, — на могучемъ стволѣ этого ясеня зеленѣлъ цѣлый лѣсъ сучьевъ и вѣтвей; въ прохладной тѣни ихъ у корня вытекалъ источникъ, напештывавшій мудрость своимъ журчаньемъ. Дерзновенный богъ пришелъ однажды наняться изъ источника и навѣки полатился за это однимъ глазомъ (Вотанъ—одноглазый), но за то сломилъ одинъ сузь мирового ясеня и сдѣлалъ изъ него ратовище своего копья; съ тѣхъ поръ въ теченіе времени надомъ этотъ источникъ дерево, листья опали съ него, источникъ мудрости оскудѣлъ и самый смыслъ вѣщаго знѣнія норнъ сталъ неясенъ, но все же онѣ продолжали обматывать нить вокругъ ясеня до самаго послѣдняго времени, когда имъ пришлось довольствоваться елюю. И вотъ почему, продолжаетъ вторая норна, — на ратовищѣ копья Вотанъ вырвалъ священныя руны договора, по которому становился владыкою міра; но смѣлый герой, сразившійся съ богомъ, сокрушилъ это копье, а съ нимъ и силу договора. Тогда Вотанъ приказалъ героямъ Валгаллы срубить мировой ясенъ, рухнуло древо и окончательно изсякъ источникъ мудрости—что же теперь будетъ? Теперь, продолжаетъ третья норна, — Вотанъ со всемъ сонмомъ боговъ и героевъ Валгаллы, сидитъ въ своей залѣ, окруженной громаднымъ костромъ—это сваленные обломки мирового ясеня. Вспыхнетъ костеръ—и копье вѣчныхъ богамъ и Валгаллѣ. Какъ-же это произойдетъ? Вотанъ смирилъ Логе (огонь) своимъ волшебнымъ копьемъ и за попытку освободиться отъ завѣта священныхъ рунъ, за коварные навѣты, заставилъ его стеречь утесъ Брюнгильды; но нѣкогда Вотанъ броситъ острые обломки своего копья въ грудь Логе и вспыхнетъ губительный пожаръ, отъ котораго воспламенится и костеръ Валгаллы. Пытаясь разрѣшить вопросъ: когда же это будетъ, норны вспоминаютъ о проклятій Альбериха, но тутъ нить мировыхъ судебъ обрывается у нихъ въ рукахъ, и онѣ исчезаютъ навсегда, нисходя къ своей матери (землѣ).

Свѣтаетъ. Изъ пещеры выходитъ Зигфридъ во всеоружьи Брюнгильды: крылатомъ шлемѣ валкирій, панцирѣ, со щитомъ, копьемъ, съ Нотунгомъ и серебрянымъ рогомъ на перевязи. Брюнгильда подводитъ своего коня, который проснулся вмѣстѣ съ нею; но теперь она уже не валкирія и потому можетъ безопасно предстать смертному со своимъ подаркомъ. Отпущая героя на новые подвиги, она передала ему всю свою мудрость и только проситъ его помнить о дѣвѣ найденной имъ за пламенной стѣной, о своей клятвѣ въ вѣрности и любви. Зигфридъ въ залогъ своей вѣрности отдаетъ ей кольцо нибелунга, трофей своего перваго подвига. Брюнгильда, передавъ свою вѣщую мудрость Зигфриду и затѣмъ ставшая обыкновенной женщиной, утратила даръ вѣдѣнія судебъ и самую память о нихъ, а потому безобязанно принимаетъ алополучное кольцо, и въ обмѣнъ даритъ Зигфриду своего коня, который хотя и потерялъ способность носиться по воздуху, но остался безстрашнымъ. Общавъ скоро возвратиться, Зигфридъ удаляется съ конемъ, а Брюнгильда попрежнему остается за пламенной стѣной.

Недаромъ порвалась нить мировыхъ судебъ въ рукахъ у норнъ

при воспоминаніи о проклятій Альбериха. Если Вотанъ создалъ себя искупителя въ лицѣ внука, надъ которымъ безсильно проклятіе Альбериха, такъ какъ Зигфридъ пріобрѣлъ кольцо личнымъ мужествомъ, завоевавъ его у сраженнаго чудовища, — то и Альберихъ принялъ свои мѣры: у него также есть наследникъ, который долженъ вернуть нибелунгамъ ихъ достояніе. Одною изъ областей надъ Рейномъ владѣетъ представитель рода Гибихунговъ, Гунтеръ, сынъ Гибиха и Гримхильды. Этой Гримхильдѣ однажды во снѣ явился Альберихъ (людямъ всѣ альбы, духи мрака, являются ночнымъ кошмаромъ, душающимъ домовымъ славянъ), отказавшійся отъ высшаго блага любви, но какъ воплощенная зависть, не чуждый вслескскихъ вождельній и насилій, — и вотъ у Гримхильды рождается другой сынъ — демоническое смѣшеніе зла и геройства, ума и коварства, вѣчно мрачный Гагенъ, считающій себя законнымъ владѣльцемъ кольца нибелунговъ.

Первое дѣйствіе происходитъ въ домѣ Гибихунговъ надъ Рейномъ, который протекаетъ подъ самой террасой открытой на нее залы. Гунтеръ и его сестра, красавица Гутруна, держатъ совѣтъ съ Гагеномъ, какъ бы еще возеличить славу Гибихунговъ. Гагенъ отвѣчаетъ что слава ихъ рода еще не упрочена, такъ какъ Гунтеръ не женатъ, а Гутруна не замужемъ; а между тѣмъ есть одна достойная Гунтера невѣста, прекраснѣйшая изъ женщинъ во всемъ свѣтѣ, Брюнгильда; и есть достойный Гутруны женихъ, величайшій изъ героевъ, Зигфридъ, убившій чудовищнаго змѣя-Фафнера и завладѣвшій его сокровищами, что дѣлаетъ его владыкой нибелунговъ и можетъ покорить ему весь міръ; но Брюнгильда живетъ на утесѣ окруженномъ огненною стѣной, сквозь которую пройти можетъ одинъ только Зигфридъ—и онъ сдѣлаетъ это для Гунтера и добудетъ ему Брюнгильду, если Зигфрида очаруетъ Гутруна. „О, злой насмѣшникъ, Гагенъ!“ восклицаетъ взволнованная Гутруна, „мнѣ ли очаровать всемірнаго героя, за котораго конечно давно спорятъ первая красавица!“ Гагенъ напоминаетъ Гутрунѣ о пріготовленномъ имъ и переданномъ ей волшебномъ напитокѣ, который мгновенно заставляетъ забыть любимую женщину (общегерманское забытое зелье); стоитъ угостить имъ Зигфрида—и онъ забудетъ всѣхъ женщинъ, которыхъ когда-либо видѣлъ. Самъ же Зигфридъ, въ своихъ страстныхъ по свѣту, конечно не преминетъ посѣтить славный домъ Гибихунговъ.

И вотъ, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, на Рейнѣ раздается звукъ рога, въ ладѣ плыветъ молодой герой съ своимъ конемъ, быстро выгребая противъ течения. Признавъ по этой необычайной силѣ Зигфрида и окликнувъ его, Гагенъ приглашаетъ его причалить, привѣтствуя его по имени. Гутруна, долго любовавшаяся имъ, — удаляется въ крайнемъ смущеніи, а Зигфридъ выводитъ на берегъ своего коня, котораго принимаетъ Гагенъ. „Кто изъ васъ сынъ Гибиха?“ спрашиваетъ Зигфридъ: „я слышалъ хвалы ему по всему Рейну и явился предложить ему бой или дружбу“. Гунтеръ выбираетъ послѣднее и, вѣрный древнегерманскому обычаю, привѣтствуя гостя, проситъ его считать отнынѣ своими весь домъ со всемъ имуществомъ, всю страну со всеми подданными, и самого Гунтера своимъ слугою. — „Мнѣ нечѣмъ отплатить тебѣ въ обмѣнъ, кромѣ моего меча“, отвѣчаетъ Зигфридъ: „прими его вмѣстѣ со мною въ залогъ союза“. — „Однако“, прерываетъ Гагенъ: „молва называетъ тебя владѣльцемъ сокровищъ нибелунга... Развѣ ты ничего себѣ не ваялъ изъ нихъ?“ „Вотъ этотъ уборъ“, отвѣчаетъ Зигфридъ, показывая всающую у него на поясѣ шанку-невидимку, „и то не знаю, на что онъ годенъ“. Гагенъ рассказываетъ ему о свойствахъ волшебнаго шема, выкованнаго нибелунгомъ. „А еще что добылъ?“ спрашиваетъ онъ. „Еще кольцо, которое хранитъ великая жена“. — „Брюнгильда“, догадывается про-себя Гагенъ. — „Ничего мнѣ не надо въ обмѣнъ“, заявляетъ Гунтеръ, „я твой слуга бесплатно“. Гагенъ же, узнавъ все что ему было нужно и не терпя вре-

мени, вызывает Гутрупу, которая подносить Зигфриду обычное угощение—полный рогъ меда, но съ волшебной приправой заблудящего зелья. Свято храня завѣтъ Брюнгильды чаще вспоминать о ней, Зигфридъ мысленно назначаетъ первый глотокъ за ея здоровье, но едва онъ опорожнилъ рогъ—зелье подѣйствовало. Страстно смотря оцъ на Гутрупу, стыдиво потупляющую взоры, говорить о своей любви и предлагаетъ ей брачный союзъ. Гутрупа, безнадежнымъ жестомъ выражая, что она недостойна такой чести, удаляется взволнованная. Узнавъ что и Гунтеръ не женатъ лишь потому, что не въ силахъ добыть свою невѣсту, Зигфридъ предлагаетъ свое содѣйствіе и спрашивается гдѣ она. Съ удивленіемъ, какъ будто усиливаясь припомнить что-то, повторяетъ онъ про себя отвѣтныя слова Гунтера: „высоко, на заоблачныхъ утесахъ, окруженная огненною стѣной“, но самое имя Брюнгильды уже ничего не говоритъ его омраченной памяти. Онъ отважно заявляетъ Гунтеру что не боится огня и добудетъ ему Брюнгильду, надѣвъ шапку-невидимку и принявъ его образъ „Клянись же“, говоритъ Гунтеръ. Гагенъ наполняетъ рогъ виномъ, Зигфридъ и Гунтеръ обнажаютъ мечи, порывають себѣ лѣвыя руки и держатъ ихъ надъ рогомъ, роняя въ него нѣсколько капель крови. Если одинъ изъ побратимовъ нарушитъ союзъ измѣнивъ другу, пусть его кровь, текущая нынѣ по каплѣ, хлынетъ потоками въ испуленіе вины. Оба отпиваютъ по глотку и Гагенъ раскѣпаетъ рогъ своимъ мечемъ. „А ты не кляси?“ спрашиваетъ Зигфридъ у Гагена. „Моя кровь испортила бы вамъ напитокъ“, мрачно отвѣчаетъ тотъ: „не законно и не благородно течетъ она въ моихъ жилахъ какъ у васъ и не краситъ моихъ щекъ румянцемъ—потому только и устранился отъ пылкаго союза“. Вечерѣтъ. Побратимы входятъ въ лодку и отправляются добывать Брюнгильду; вышедшая проводитъ ихъ, Гутрупа съ восторгомъ узнаетъ что отнынѣ Зигфридъ принадлежитъ ей. Гагенъ со питомъ и коньемъ садится у порога залы сторожить домъ, утѣшая себя тѣмъ, что оба героя, какъ ни знаютъ ихъ происхожденіе, въ сущности служатъ сыну Нибелунга: „Зигфридъ привезетъ на Рейнъ собственную невѣсту Гунтеру, мнѣ же—кольцо“.

Между тѣмъ къ Брюнгильдѣ на крылатомъ конѣ прилетаетъ одна изъ ея сестеръ-валкирій, Вальтраута. Образованная Брюнгильда спѣшитъ ей на встрѣчу, но та снѣжно и растерянно сообщаетъ ей извѣстную намъ вѣсть о предстоящей гибели богинь—спаси ихъ отъ проклятія Альбериха можно только возвративъ злополучное кольцо дочерямъ Рейна, и вотъ она, Вальтраута, тайно умчавшись изъ Валгаллы, явилась умолять сестру чтобы она это сдѣлала ради спасенія богинь. Но Брюнгильдѣ, земной женщиной, все это чуждо и совершенно непонятно: бессмысленными сказками кажутся ей рѣчи дикой валкирій. Что ей нужно? Чтобы Брюнгильда отдала какимъ-то дочерямъ Рейна кольцо—залогъ любви Зигфрида? „Не сошла ли ты съ ума?“ спрашиваетъ Брюнгильда, „ступай и скажи богамъ: отъ любви я не откажусь и никогда имъ не отнять моей любви—хотя бы сама Валгалла разсыпалась въ прахъ!“ Валкирій въ отчаяніи удаляется.

Смеркается; вдали за пламенной стѣной звучитъ рогъ Зигфрида, Брюнгильда радостно бросается ему на встрѣчу, но видя его предъ собой въ образѣ Гунтера, не узнаетъ его и въ ужасѣ недоумѣваетъ, какимъ образомъ могъ пройти сквозь огненную стѣну кто-нибудь кромѣ Зигфрида. Когда онъ подлѣканнымъ голосомъ заявляетъ что она должна добровольно покортиться ему, такъ-какъ его не устрашилъ огонь и что его зовутъ Гунтеромъ Гибхунгомъ,—она грозитъ ему кольцомъ Зигфрида, которое должно защитить ее отъ позора и придать ей силу стали. Они дважды борятся, Брюнгильда побѣждена и Зигфридъ отнимаетъ у ней кольцо. Тогда, совершенно обезсиленная, она покоряется своей судьбѣ и по требованію Зигфрида идетъ въ свою пещеру. „Теперь Нотунгъ“, говоритъ Зигфридъ, обнажая мечъ и слѣдуя за нею, „будь свидѣтелемъ что я цѣломудренно добылъ ее для друга, будь преградой между мною и ею“.

Со втораго дѣйствія развитіе драмы идетъ такъ быстро и такъ связано, что пересказывая ея содержаніе слѣдовало бы выписывать почти дословно. Поэтому ограничимся только самымъ краткимъ очеркомъ.

Въ гористой мѣстности на берегу Рейна, съ жертвенниками разнымъ богамъ по утесамъ, передъ домомъ Гунтера, Гагену заснувшему на стражѣ у порога, во снѣ явился Альберихъ и завѣщаетъ сыну добыть во что бы то ни стало кольцо Нибелунга у Зигфрида. Съ восходомъ солнца возвращается Зигфридъ, будитъ Гагена и рассказываетъ ему и вышедшей на встрѣчу Гутрупѣ, какъ онъ въ утреннемъ туманѣ вывелъ Брюнгильду за огненную стѣну и ставъ невидимымъ передалъ ее Гунтеру, а самъ съ помощью той же шапки-невидимки мгновенно перенесся сюда; Гунтеръ и Брюнгильда слѣдуютъ за нимъ, уже видятъ ихъ парусъ на Рейнѣ. Гагенъ связываетъ дружинниковъ Гунтера и велитъ имъ готовиться къ встрѣчѣ своего владыки и къ брачному торжеству, принося въ жертву воловъ на алтарь Вотана, кабана—Фрею, козла—Допнеру, овецъ—Фриккѣ, рога полныя медомъ и вина всѣмъ богамъ, чтобы они благословили этотъ бракъ. Горы покрываются вооруженнымъ народомъ, который стучитъ оружиемъ о щиты, привѣтствуя причаливающихъ въ лодкѣ Гунтера и подавленную горемъ Брюнгильду. Зигфридъ съ Гутрупой вы-

ходитъ имъ навстрѣчу. Гунтеръ привѣтствуетъ ихъ, говоря, что радуется видя двѣ счастливыя четы: Брюнгильду съ нимъ и Гутрупу съ Зигфридомъ. При этихъ словахъ Брюнгильда впервые поднимаетъ взоры, видитъ Зигфрида и такъ поражена, что сначала не можетъ сказать ни слова, потомъ отказывается вѣрить тому что слышитъ, и шатаясь готова упасть въ обморокъ. Зигфридъ хочетъ поддержать ее, но она при этомъ замѣчаетъ на рукѣ его кольцо, которое отнял у ней (какъ она думаетъ) Гунтеръ. „Теперь слушайте внимательно, что она скажетъ“, говоритъ Гагенъ дружинникамъ Гунтера. „Какъ могъ ты получить это кольцо отъ Гунтера?“ спрашиваетъ она у Зигфрида. Тотъ, само собой разумеется, можетъ сказать лишь то, что кольцо досталось ему не отъ Гунтера. „Куда дѣвалъ ты кольцо которое отнял у меня?“ обращается Брюнгильда къ Гунтеру. Тотъ молчитъ въ крайнемъ смущеніи. Брюнгильда приходитъ въ неистовый гнѣвъ, догадавшись что кольцо отнято у нея самимъ Зигфридомъ, который измѣнилъ ей ради Гутрупы. „Обманъ, позорный обманъ, безпримѣрная измѣна! Знайте-же всѣ: не Гунтера я жена, вотъ мой первый супругъ!“ восклицаетъ она, обращаясь къ народу и указывая на Зигфрида.

Народъ изумленъ, Гунтеръ уничтоженъ своимъ стыдомъ, не зная что Брюнгильда говоритъ о давно прошедшемъ днѣ перваго прибытія къ ней Зигфрида и думая что дѣло идетъ о событіяхъ вчерашняго. Гагенъ искусно пользуется общимъ недоумѣніемъ и разжигаетъ страсти, предлагая Зигфриду въ оправданіе себя принести клятву на оружьи. Народъ становится въ кругъ, Гагенъ протягиваетъ Зигфриду свое копье, Зигфридъ кладетъ на остріе два пальца и произноситъ клятву, говоря въ заключеніе: „да поразитъ меня на смерть это копье, если та женщина сказала правду и я измѣнилъ своему побратиму“. Брюнгильда съ негодованіемъ входитъ въ кругъ, въ свою очередь кладетъ два пальца на лезвее и дословно повторяя начало клятвы Зигфрида, подтверждаетъ свое обвиненіе, заключаетъ благословеніемъ копью, которое должно поразить Зигфрида, ибо онъ нарушилъ всѣ свои клятвы, а теперь совершилъ клятвopеступленіе. Всѣ снова поражены. Зигфридъ старается усюкнуть всѣхъ, заявляя, что Брюнгильда просто не можетъ простить ему обмана, благодаря которому достался Гунтеру; но сердце женщины отходчиво и восторженности она конечно поблагодаритъ его, Зигфрида, за то, что онъ добылъ ее въ жены герою. Затѣмъ обнимаетъ Гутрупу и, приглашая всѣхъ на брачный пиръ, уводитъ ее въ залу. Подданные Гунтера слѣдуютъ за нимъ, посмѣиваясь надъ своимъ владыкой.

Оставшись втроемъ, съ Брюнгильдой и Гунтеромъ, Гагенъ предлагаетъ отомстить Зигфриду своимъ копьемъ за клятвopеступленіе. Брюнгильда, спорая жаждой мести, открываетъ Гагену, что передавая Зигфриду свою вѣнчую мудрость и слѣлавъ тѣло его неуязвимымъ, она сочла излишнимъ обезопасить такимъ образомъ и спину его, ибо Зигфридъ никогда не обращаетъ тыла предъ врагомъ—суда-то, между плечъ Зигфрида и долженъ Гагенъ нанести ударъ. Гунтеръ колеблется дать свое согласіе, такъ какъ онъ клялся своею кровью въ вѣрности побратиму. Но Гагенъ говоритъ ему что Зигфридъ первый нарушилъ клятву, и отводя Гунтера въ сторону, шепчетъ ему, что со смертью Зигфрида, Гунтеру достанется кольцо Нибелунга, которое сдѣлаетъ Гибхунга владыкой міра. Тяжко страдающей и все-же скорбящей о Зигфридѣ Гунтеръ вынужденъ уступить—приговоръ Зигфриду скрѣпленъ и будетъ исполненъ завтра на охотѣ. Изъ залы показывается брачное шествіе: Зигфридъ въ дубовомъ вѣнкѣ, Гутрупа въ цвѣтахъ на головѣ, со всеми провожатыми. Гунтеръ хватаетъ руку Брюнгильды и присоединяется къ шествію при падающемъ занавѣсѣ.

Въ первой сценѣ третьяго и послѣдняго акта, Зигфридъ, опередивъ товарищей на охотѣ, приходитъ въ лѣсъ на берегу Рейна, и видитъ ожидающихъ его въ водѣ дочерей Рейна, которыя молятъ его возвратитъ имъ кольцо. Зигфридъ сначала отшучивается, потомъ, задѣтый упрекомъ въ скуности, готовъ уже поступиться кольцомъ, какъ вдругъ русалки начинаютъ грозить ему, предсказывая, что онъ сегодня-же погибнетъ если не отдастъ имъ кольца. Угрозы гордость Зигфрида не выносятъ и онъ опять надѣваетъ кольцо на палецъ, а русалки, подтверждая ему, что кольцо сегодня-же унаследуетъ послѣ него гордая женщина, унываютъ спѣша къ Брюнгильдѣ.

Раздаются звуки роговъ, Гунтеръ и Гагенъ съ толпой охотниковъ присоединяются къ Зигфриду, сваливаютъ свою добычу и начинаютъ попойку. Гагенъ наводитъ Зигфрида на разговоръ о его подвигахъ, и какъ только тотъ описалъ свое торжество надъ Фафнеромъ, незамѣтно подмѣшиваетъ ему въ напитокъ зелья восстанавливающаго память. Зигфридъ, продолжая разговоръ, мгновенно вспоминаетъ о Брюнгильдѣ и описываетъ какъ онъ прошелъ сквозь пламя и какъ она стала его женой. Теперь всѣмъ и самому Гунтеру становится ясно, что вчера онъ глалъ и совершилъ клятвopеступленіе, а потому долженъ умереть. Изъ куста вылетаютъ два воропа, вѣщія птицы Вотана, посланные имъ за вѣстими о Зигфридѣ, и начинаютъ кружить надъ головою героя. „Понимаешь ты о чемъ они каркаютъ?“ насмѣшливо спрашиваетъ Гагенъ, намекая на Зигфридова разумнѣе языка птицъ, и когда Зигфридъ встаетъ гланда на вороновъ, коварный смѣхъ

нибелунга поражает его въ спину своимъ копьемъ. Зигфридъ обѣими руками поднимаетъ свой щитъ надъ головой Гагена, чтобы раздробить ее, но силы его слабѣютъ, щитъ вываливается у него изъ рукъ и самъ Зигфридъ въ громъ доспѣховъ рухаетъ на щитъ. „Гагенъ! Что ты сдѣлалъ?“ раздается отчаянный вопль Гунтера, который не успѣлъ остановить мстительной руки. „Отмстилъ клятвенное преступленіе“, спокойно говоритъ Гагенъ и медленными шагами удаляется въглубь лѣса. Зигфридъ посылаетъ Брюнгильдѣ послѣднее прощаніе и умираетъ. Дружинники поднимаютъ его тѣло на щитѣ и несутъ его трубя въ рога похоронный маршъ, одно изъ величайшихъ музыкальныхъ произведеній Вагнера.

И такъ Вотанъ опять обманулся въ своихъ расчетахъ — проклетіе Альбериха не миновало и Зигфрида. Не минуешь оно и прочихъ искателей злополучнаго кольца. Въ залу Гибхунговъ надъ Рейномъ, при мрачномъ свѣтѣ факеловъ, приносятъ тѣло Зигфрида и кладутъ на помянутомъ месте покоя. Гутруна падаетъ безъ чувствъ на трупъ, затѣмъ начинаетъ укорять брата въ смерти ея мужа. Тотъ указываетъ на Гагена. Гагенъ гордо выступаетъ впередъ, требуя кольца съ руки Зигфрида, и на отказъ Гунтера, считающаго теперь кольцо своею собственностью, обнажаетъ мечъ, говоря что сынъ Альбериха сумѣетъ добыть наслѣдство своего отца. Начинается бой между братьями, тутъ же надъ тѣломъ Зигфрида, и Гунтеръ падаетъ пораженный на смерть. Гагенъ беретъ руку Зигфрида чтобы сорвать кольцо, но рука мертвеца поднимается и грозитъ похитителю. Гагенъ отступаетъ при общемъ ужасѣ.

Медленно и торжественно выходитъ Брюнгильда, вернувшаяся съ Рейнскаго берега, куда была вызвана русалками, и вступающая теперь въ права жены и мстительницы за того, кому всѣ измѣнили, кого всѣ предали. „Молчи, несчастная“, говоритъ она упрекающей ея Гутрунѣ, „ты никогда не была его женой, мнѣ принадлежали вѣчныя клятвы Зигфрида прежде чѣмъ онъ впервые увидѣлъ тебя.“ Доведенная до отчаянія, Гутруна проклинаетъ Гагена и разоблачаетъ тайну заблудшаго зелья, которымъ онъ заставилъ Зигфрида забыть Брюнгильду; затѣмъ склоняется на трупъ Гунтера и остается такъ до конца дѣйствія. По властному приказу Брюнгильды, молодые дружинники воздвигаютъ на берегу Рейна громадный костеръ, женщины украшаютъ его покровомъ, травами и цвѣтами. Брюнгильда остается у тѣла Зигфрида. „Дрче солнца сіялъ онъ мнѣ“, восклицаетъ она, созерцая черты дорогаго супруга, „чище всѣхъ васъ былъ онъ, доблестнѣе всѣхъ смертныхъ соблюлъ онъ вѣрность побратиму, никто не умѣлъ такъ свято хранить договоры,

такъ сильно любить — и однако никто такъ не обманывалъ своей супруги. Но знаете-ли вы кто этому виною? О, ты хрипѣтель клятвъ, ты высшій изъ боговъ, созерцай теперь свою предвѣчную вину!.. все, все понимаю теперь, чую и вороховъ твоихъ здѣсь, шлю тебѣ ихъ съ долго желанною вѣстью — уснокойся.“ Затѣмъ она снимаетъ кольцо съ руки Зигфрида, какъ свое наслѣдство, заявляя рѣшеніе возвратитъ его дочерямъ Рейна, на костръ, огонь котораго пожретъ ее вмѣстѣ съ супругомъ и очиститъ кольцо отъ проклетія. Тѣло Зигфрида кладутъ на костеръ, Брюнгильда вырываетъ факель у одного изъ дружинниковъ и бросаетъ его въ сложенные деревья, которыя быстро охватываются пламенемъ. Съ берега поднимаются два ворона и скоро исчезаютъ вдали. „Летите и возвѣстите конецъ богамъ“, восклицаетъ Брюнгильда: „я бросила факель пожара въ гордую твердыню Валгалы. А вы, цвѣтущее племя остающееся въ живыхъ“, обращается она къ толпѣ, „примите мой послѣдній завѣтъ: если сонмъ боговъ исчезнетъ какъ дымъ и я оставлю вамъ мѣръ безъ правителя, за то завѣщаю вамъ сокровище моей вѣщей мудрости; знайте, что все здѣсь тѣнно и ничтожно: богатство, золото, роскошь, дома, дворы и земли, самая власть и обманчивая сила темныхъ договоровъ; — единственное благо въ радости и въ горѣ — это любовь.“ Двое отроковъ подводятъ Брюнгильдѣ ея коня, она быстро разнуздываетъ его, садится на коня и съ восторженнымъ привѣтомъ Зигфриду, бросается въ костеръ, сочетаясь ему навѣки. Возникаетъ

громное пламя, народъ въ ужасѣ тѣснится къ авансценѣ, но огонь внезапно стихаетъ, волны Рейна сильно прибываютъ, затопляя берегъ и самый костеръ до порога вали. На волнахъ приплываютъ дочери Рейна за кольцомъ нибелунга. Гагенъ, все время съ возрастающимъ безуміемъ слѣдившій за Брюнгильдой, при этомъ срываетъ съ себя шлемъ, бросаетъ щитъ и копье, и съ безумнымъ крикомъ: „не тронь кольца!“ кидается въ волны. Воглинда и Вельгунда охватываютъ его за шею и тащатъ въ бездну, а Флосгильда ликуя возноситъ кольцо надъ водою. На небѣ разгорается сначала слабо, но потомъ все сильнѣе, по всей сценѣ, громадное зарево — это горитъ Валгалла.

Толпа въ безмолвномъ ужасѣ созерцаетъ гибель боговъ. Но выходя изъ этого состоянія уже указавъ: въ послѣднемъ завѣтѣ Брюнгильды — въ этомъ торжествѣ непреходящей, вѣчной любви, составляющей предѣльную грань между отходящимъ языческимъ міромъ и возникающимъ христіанскимъ — и заключается основная, глубоко поэтическая и философская идея четырехдневной драмы, мастерски развитая въ безконечно-многообразныхъ перипетіяхъ тетралогіи.

Къ рисункамъ.

Берега Лысогора. (Рис. на стр. 377).

Небольшой пейзажъ В. Я. Гороневича, увѣнчанный первою преміей Общества Поощренія Художествъ, изображаетъ

одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ южной Россіи. Въ густой тѣни деревьевъ пріютились хатки и церковь небольшого села надъ обрывомъ къ водѣ, окруженной оголенными вершинами холмовъ, тиничныхъ для многихъ мѣстностей

Кабинет Якоби на Гальванопластической выставкѣ въ СПб. (въ память 50-лѣтія изобрѣтенія гальванопластики).
Съ фотогр. грав. Барановскій.

Присяга Милана, бывшаго короля Сербскаго, своему сыну. По рис. М. I., грав. Пуцъ.

нашего отечества, такъ и называемыхъ въ народѣ *мысли* горами.

Иисусъ Христосъ у Маріи и Марѳы.

(Рис. на стр. 380 и 381).

Шествуя въ послѣдній разъ въ Иерусалимъ, Иисусъ Христосъ, какъ свидѣлствуетъ Евангелистъ Лука, на пути зашелъ въ одно селеніе. Въ немъ жила женщина по имени Марѳа, принявшая Спасителя въ свой домъ. У Марѳы была сестра Марія. За все время пребыванія Иисуса въ ихъ домъ, она сидѣла у ногъ Спасителя и слушала Его слово. Марѳа, заботясь больше объ угощеніи, подошла къ Христу и сказала: „Господи! или Тебѣ нѣтъ нужды, что сестра оставила одну меня служить? Скажи ей, чтобы помогла мнѣ“. На это Иисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: „Марѳа, Марѳа! ты заботишься о многомъ, а одно только нужно. Марія избрала благую часть, которая не отнимется у ней“.

Это описаніе посѣщенія Христомъ Спасителемъ двухъ благочестивыхъ сестеръ и составляетъ содержаніе картины хорошо извѣстнаго нашимъ читателямъ художника, Генриха Семирадскаго. На картинѣ изображенъ Иисусъ Христосъ, сидящій въ тѣни оливковаго дерева, и у ногъ его внимательно слушающая Марія. Вдали Марѳа хлопочетъ по хозяйству. Прекрасная картина молодого профессора была выставлена въ 1886 году на юбилейной выставкѣ въ Берлинѣ и заслужила самыя лестныя отзывы.

Свѣтлое Христово Воскресеніе. Освященіе пасхи.

(Рис. на стр. 385).

Свѣтлая недѣля и для дѣтей самый свѣтлый праздникъ: съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ они розговѣнья послѣ долгаго поста, какъ интересуются приготовленіями кулича и пасхи, а главное крашенныхъ яицъ, которыми будутъ и христосоваться, и биться, и забавляться, катая по лубочку... Вотъ нѣсколько маленкихъ счастливицевъ, понавшихъ къ самой заутренѣ и ранней обѣднѣ въ Свѣтлый день и дождавшихся освященія пасхи. Молодой художникъ прекрасно передалъ выраженіе дѣтскихъ лицъ, оживляющихъ всю предстоящую толпу.

Поясной портретъ старушки. (Рис. на стр. 388).

Имя талантливой художницы Эмилиі Дукиты-Дукшинской хорошо извѣстно въ Варшавѣ, гдѣ она пользуется заслуженною славою прекрасной портретистки. Уроженка Петербурга, она въ 1858 г. переселилась въ Варшаву, гдѣ и начала учиться живописи подъ руководствомъ сперва Каневского, а затѣмъ Лессера. Свое артистическое образованіе г-жа Дукшинская окончила уже за границей: въ Римѣ, Флоренціи, Дрезденѣ и Мюнхенѣ. Въ послѣднемъ городѣ она занималась у профессора Фридриха Боденмиллера. По возвращеніи въ Варшаву ея написанъ цѣлый рядъ прекрасныхъ портретовъ, за которые она и избрана въ почетныя члены Варшавскаго общества поощренія художествъ. Помѣщенная на стр. 388 гравюра съ картинѣ, находящейся на текущей весенней выставкѣ въ Академіи Художествъ, даетъ наглядное понятіе о талантѣ г-жи Дукшинской.

Жидовочка. (Рис. на стр. 389).

Классный художникъ 1-й степеніи, Х. П. Платоновъ выставилъ настоящей весной въ залахъ Академіи Художествъ только одну картинку „Жидовочка“. Въ ней, какъ и въ другихъ картинахъ даровитаго живописца, ярко выступаетъ его особенное умѣнье живо и привлекательно передавать молодыя лица. Живя въ Малороссіи, онъ широко пользуется окружающими его типичными фигурами дѣтей и женщинъ, перенося ихъ своею кистью, какъ живыми, на полотно.

Амуръ и Психея. (Рис. на стр. 392).

Мраморная группа „Амуръ и Психея“ работы профессора Н. А. Лаврецкаго, находилась въ видѣ слѣпка, въ 1887 году, на годичной выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ; теперь она исполнена изъ бронзы съ мраморнымъ подъ нее пьедесталомъ и снова выставлена въ залахъ Академіи. Припомнимъ поэтическое сказаніе о Психеѣ изъ грекоримскихъ мифовъ. Это была царевна рѣдкой красоты, возбудившая пламенную любовь Амура. По опредѣленію оракула, она должна была сдѣлаться добычей какого-то неизвѣстнаго чудовища. Когда родители отвели ее на назначенное мѣсто за городъ и оставили тамъ одну, Зефиръ перенесъ ее въ великолѣпный дворецъ, гдѣ и являлся къ ней Амуръ всегда въ темнотѣ и съ уговоромъ, чтобы она не старалась его увидѣть. Пришедшія посѣтить Психею, сестры ея научили Психею зажечь лампаду въ то время, когда Амуръ заснетъ. Влюбленная царевна послѣдовала совѣту, но при этомъ капнула горячимъ масломъ на плечо Амура, который, пробудясь и раздраженный ея любопытствомъ, улетѣлъ отъ нея въ гнѣвъ. Венера, негодуя на то, что Психея покорила ея сына, Амура, подвергаетъ царевну величайшимъ испытаніямъ и страданіямъ. Психея мужественно переноситъ ихъ, и тѣмъ вознаграждаетъ себя любовь Амура, который, выпросивъ ей у Зевса безсмертіе, возноситъ ее на Олимпъ, гдѣ и празднуется ихъ бра-

косочетаніе. Этотъ мифъ представляетъ аллегорію отношеній человеческой души (Психе) къ могуществу любви (Эрота или Амура).

Профессоръ Лаврецкій избралъ для своей группы именно тотъ моментъ, когда Амуръ, возвратившійся къ Психеѣ, увлекаетъ ее на Олимпъ. Они уже отдѣлились отъ земли и касаются ея лишь концомъ покрывала, что производитъ иллюзію совершенно летящихъ въ воздухѣ фигуръ. Безсилая покорность и вѣсть упоеніе во всей прелестной фигурѣ Психеи и сильный порывъ фигуры Амура мастерски схвачены художникомъ.

Степная куры (Syrrhaptus paradoxus s. Pallasii).

(Рис. на стр. 393).

Въ прошломъ году мы дали изображеніе тибетской степной курицы или бульдурука, новаго вида, вывезеннаго покойнымъ Пржевальскимъ изъ послѣдняго его путешествія. Говоря о ней, мы коснулись и гораздо болѣе распространеннаго вида обыкновенной степной курицы, извѣстной у русскихъ подъ названіемъ саджи или пустынного. Эта птица открыта въ послѣднюю треть прошлаго столѣтія Палласомъ, отъ имени котораго и получила свое латинское названіе. Саджи водятся громадными стадами въ степяхъ всей средней Азіи, отъ Каспійскаго моря до Джунгаріи, заѣзжая тамъ куропатокъ. Съ начала же 60-хъ годовъ вышшняго столѣтія онѣ все чаще и все болѣе стали залетать въ Европу, гдѣ доселѣ не акклиматизовались бытъ-можетъ лишь потому, что ихъ слишкомъ усердно истребляли. Проводъ Брама въ Германіи противъ этой болѣи остался гласомъ вопиющаго въ пустыни. Благодаря этому до самыхъ послѣднихъ лѣтъ степныя куры не появлялись въ западной Европѣ, и только въ прошломъ году снова показались значительными стадами. За то въ юго-восточной Европѣ онѣ распространились и стали осѣлыми по Уралу, низовьямъ Волги и даже на Дуру.

Вильгельмъ III, король Нидерландскій.

(Порт. на стр. 396).

Въ Европѣ стало однимъ королемъ менѣе. 22 марта (3 апрѣля), согласно докладу государственнаго совѣта, генеральныя штаты признали необходимымъ учредить регентство въ виду болѣзни короля Вильгельма III, которая ставитъ его въ невозможность управлять страной. Въ ожиданіи назначенія регента, конституція облекаетъ королевскою властью государственный совѣтъ. Со своей стороны, королева, какъ извѣщаютъ изъ Гаги отъ 23 марта, не затруднитъ принять на себя обязанность регентши, съ условіемъ, чтобы государственный совѣтъ продолжалъ заниматься дѣлами регентства до праздника Пасхи и покончить съ текущими, ожидающими съ 7 (19) февраля королевской санкціи.

Александръ-Павель-Фридрихъ-Лудвигъ-Вильгельмъ III, король Нидерландскій и великій герцогъ Луксенбургскій, старшій сынъ Вильгельма II, родился 7 (19) февраля 1817 года, и вступилъ на престолъ 5 (17) марта 1849 года при крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда вѣлѣдствіе измѣненной конституціи—потребовались преобразования въ экономическомъ строѣ и политическомъ порядкѣ управленія. Онъ старался успокоить волненіе умовъ личными уступками, а именно уменьшеніемъ назначеннаго ему въ дивизиѣ содержанія, и осенью 1849 года призвалъ министерство Торбека. Съ тѣхъ поръ реформы государственнаго управленія, содѣйствіе матеріальному благосостоянію страны, сдѣлали правленіе Вильгельма III однимъ изъ достопримѣчательнѣйшихъ въ исторіи Нидерландовъ. Разложеніемъ Германскаго Союза въ 1866 году Вильгельмъ воспользовался для того, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ герцогство Лимбургъ, а великое герцогство Луксенбургъ, по трактату 27 апрѣля (11 мая) 1867 года, объявить нейтральнымъ подъ верховною властію Нассау-Оранскаго дома. Первымъ бракомъ (6 іюня 1839 г.) король Вильгельмъ III былъ женатъ на дочери короля Вильгельма Виртембергскаго, Софіи († 1877); старшій сынъ отъ этого брака, наследный принцъ Вильгельмъ Оранскій родился въ 1840 году и умеръ въ 1879 въ Парижѣ; младшій Александръ родился въ 1851 г. и умеръ въ 1884. Во второмъ бракѣ король состоитъ съ 1879 года съ дочерью князя Георга Валдекскаго и Пирмонтскаго, Эммою (р. 1858). Отъ этого брака въ 1880 году родился наследная принцесса Вильгельмина, портретъ которой былъ уже своевременно помѣщенъ въ „Нивѣ“ вышшняго года.

Такъ какъ женская линія не наследуетъ въ великомъ герцогствѣ Луксенбургскомъ, то законнымъ наследникомъ престола тамъ является герцогъ Нассаускій.

Кабинетъ Б. С. Якоби на юбилейной выставкѣ гальванопластики. (Рис. на стр. 397).

Центральнымъ пунктомъ открывшейся 12 марта въ СПб. Гальванопластической выставки былъ кабинетъ самого изобрѣтателя гальванопластики, изображенный на нашемъ рисункѣ. Пріемо противъ зрителя два *библиотечные шкафа* (изъ числа нѣсколькихъ, бывшихъ у Б. С. Якоби, библиотечныхъ полковъ) съ картонками, въ которыхъ хранятся его бумаги отдѣловъ: на лѣвыхъ полкахъ — *по разнымъ предметамъ*; по вопросу о повсе-

мѣстномъ введеніи метрической системы единицъ мѣры, вѣса, монеты; по вѣдомству финансовъ (монетное дѣло, алькоголометрия и контрольные снаряды для измѣренія жидкости) и сборникъ заключеній его по Мануфактурному совѣту; на правыхъ полкахъ — бумаги по военному вѣдомству; по дѣламъ Академіи Наукъ; по теоретическимъ изслѣдованіямъ и практическимъ примѣненіямъ законовъ и дѣйствій гальванизма и электромагнетизма (между прочимъ и нѣкоторыя бумаги касательно электромагнитной лодки); по дерптской профессурѣ и тамошней архитектурской дѣятельности В. С. Якоби; по работамъ его въ Потсдамѣ-Кенигсбергѣ, въ качествѣ гражданскаго инженера-строителя (Baueingénieur и Baumeister). Тутъ же нѣсколько томовъ бумагъ по примѣненію гальванизма къ военнымъ цѣлямъ (минная оборона), съ рисунками; черновые рабочіе журналы съ отмѣтками, рисунки той поляризаціонной батареи, которая представляетъ послѣдній трудъ В. С. Якоби, порученный имъ передъ смертью вниманію нашей Академіи Наукъ и проч.

Посерединѣ, у верхнихъ полокъ, образчикъ щита изъ камей (оригиналъ былъ работы Линдена), воспроизведенный, кажется, осажденіемъ желѣза, съ головою Медузы въ центрѣ.

Наверху библиотечныхъ шкафовъ разныя гальванопластическіе бюсты и статуэтки, въ томъ числѣ позолоченный бюстъ Прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, работы Газенбергера, о которомъ упоминается въ мемуарахъ Академіи Наукъ и письмахъ Ал. Гумбольдта. Надъ всѣми этими предметами — гальванопластическіе медалионы съ портретами императора Николая I, П. А. Кокубеля (предсѣдателя Императорскаго Русскаго Техническаго Общества); В. С. Якоби (никелированный). Вверху большой портретъ маленькими красками его императорскаго высочества герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго въ мундирѣ бывшаго корпуса Горныхъ Инженеровъ.

По бокамъ библиотечныхъ шкафовъ, въ уровень съ линіею ихъ, находятся: съ лѣвой стороны — поясной портретъ В. С. Якоби въ золотой рамѣ, писанный масляными красками въ 40-хъ годахъ; подъ этимъ портретомъ — шкафъ для архива бумагъ, на которомъ стоятъ гальванопластическіе бюсты великаго князя Михаила Павловича, а по бокамъ его концы статуэтки: императрицы Александры Теодоровны (работы мастера завода герцога Лейхтенбергскаго — Гуртера, 1842 г.) и Наполеона I (работы самого герцога, тоже 1842 г.). Далѣе, влѣво, слѣдуютъ два стола съ документами (Personalia): здѣсь метрическое свидѣтельство Якоби, его аттестатъ зрѣлости (между прочимъ, за подписью Гегеля) для поступления въ университетъ; листки его студенческаго альбома 1820—23 гг., роговая студенческая чернильница, дипломы Парижской выставки 1867 и проч.

Съ правой стороны — по линіи библиотечныхъ шкафовъ, идетъ столъ съ разными предметами лабораторіи Якоби. Тутъ же по стѣнѣ развѣшаны рисунки нѣкоторыхъ его аппаратовъ и помѣщенъ фотографическій снимокъ (работы Орлова) съ надгробнаго памятника, увѣщаннаго гальванопластическимъ бюстомъ Якоби.

Среднее пространство „кабинета Якоби“, передъ библиотечными шкафами, образуютъ примыкающіе къ нимъ, подъ прямымъ угломъ, два письменные его стола съ принадлежностями; съ лѣвой стороны — столъ 40-хъ годовъ, съ правой — начала 60-хъ. Передъ послѣднимъ столомъ — рабочее кресло Якоби. Къ первому столу (краснаго дерева) приставленъ стеклянный шкафчикъ съ гальванопластическимъ сервизомъ работы Кристофля и друг. Наверху шкафчика золоченые подсвѣчники (розаны) и гальванопластическая статуэтка кунюдона, поддерживающаго раковину на головѣ (работы герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, 1842 г.); съ боку у шкафчика — круглый столъ для визитныхъ карточекъ и т. п. съ гальванопластическою доскою изъ снимковъ съ камей (работы Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ), съ другой стороны — гипсовый бюстъ (работы Баринова) Якоби — снимокъ съ гальванопластическаго бюста, сдѣланнаго Oudry по модели скульптора Maillet.

На большомъ письменномъ столѣ правой стороны, расположены письменныя принадлежности бывшія у Якоби, портретъ императора Александра II, портреты семьи Якоби, его друзей и сотрудниковъ, каталогъ библиотеки, реестры бумагъ и переписки, рисунокъ построенаго имъ въ Дерптѣ моста, этажерка съ картонками, заключающими въ себѣ: письма выдающихся Русскихъ и иностранныхъ ученыхъ; бумаги, касающіяся разныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, выставокъ, счетовъ, prospectus'ы и т. п. Между портретами и медалями имѣются портреты: Гальвани, Вольта, Фарадея (въ молодости), Берцелиуса, Шиллинга фонъ-Канштадтъ, Э. Х. Ленца, В. Я. Струве, Ф. Ф. Шуберта (перваго примѣнителя гальванопластики къ картографіи Главнаго Штаба), Ф. Ф. Винберга (управляющаго Экспедиціею заготовленія Государственныхъ бумагъ), Е. И. Клейна (извѣстнаго осажденіемъ желѣза), К. А. Шильдера (перваго русскаго военнаго гальванера), А. Н. Вансовича (перваго сотрудника Якоби въ дѣлѣ минной обороны), Кристофля, Ван-Кемпена и проч. Тутъ же портретъ единственнаго, находящагося еще въ живыхъ, работника лабораторіи Якоби И. Г. Фролова (нынѣ мастера Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ); медали — Гумбольдта, Уваровская, Вѣра и др.

Особое украшеніе стола составляютъ, изъ документовъ, два тома бумагъ по части гальванопластики, съ письмами Гумбольдта, Фарадея, Эрштедта, Берцелиуса и прочими важными для исторіи гальванопластики документами за время съ 1838 по 1873 гг., и печатная денеша изобрѣтенаго Якоби электрографическаго телеграфнаго аппарата, найденная въ бумагахъ Якоби, свидѣтельствующая объ этомъ своевременно не обнаруженномъ (по причинамъ отъ Якоби независѣвшимъ) изобрѣтеніи нашего ученаго.

Въ промежуткѣ между письменными столами бюстъ императора Николая I, большой фотографическій портретъ В. С. Якоби (работы Орлова, снимокъ съ фотографическаго портрета Якоби, снятаго съ натуры С. Л. Левицкимъ) и Севрская ваза, подаренная Якоби, — въ правленіе Тьера, французскимъ правительствомъ, — какъ делегату Россіи въ международной комиссіи по введенію метрической системы (ваза эта нынѣ принесена на слѣдниками Якоби въ даръ Императорскому Русскому Техническому Обществу для его музея).

Таковъ, въ краткихъ чертахъ, инвентарь рабочаго „кабинета“ Якоби на выставкѣ. Здѣсь онъ могъ быть представленъ на выставкѣ, конечно, лишь въ миниатюрномъ видѣ. Нѣкоторые предметы коллекціи Якоби помѣщены особо, по сосѣдству съ означеннымъ кабинетомъ. Но нѣтъ, къ сожалѣнію, на выставкѣ перваго его электромагнитнаго двигателя, нѣтъ первыхъ его телеграфныхъ снарядовъ, которые собраны трудами Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ и хранятся въ его музеѣ; нѣтъ на лицо его химической лабораторіи (часть которой въ Экспедиціи) и обширнаго физическаго кабинета. Поэтому мы въ правѣ сказать, что обстановка „кабинета изобрѣтателя гальванопластики В. С. Якоби“ даетъ лишь приближительное понятіе о его занятіяхъ и размѣрахъ его плодотворной дѣятельности, подробное и обстоятельное изображеніе которой, по сохранившимся письменнымъ и печатнымъ материаламъ и вещественымъ документамъ, еще ждетъ своего спеціальнаго біографа.

Присяга Милана, бывшаго короля Сербскаго, своему сыну. (Рис. на стр. 397).

Отреченіе Милана отъ престола Сербіи въ пользу своего сына и присяга послѣднему, какъ извѣстно, состоялись почти неожиданно 23 февраля (7 марта). Въ бѣлградскомъ соборѣ совершилось обычное богослуженіе по случаю годовщины объявленія Сербіи королевствомъ. Король остался во дворцѣ, гдѣ между тѣмъ собрались въ большой залѣ главные сановники, вожаки политическихъ фракцій, дипломаты и множество офицеровъ, явившіеся поздравить короля съ седьмою годовщиною вступленія его на престолъ. Король, въ генеральскомъ мундирѣ, занялъ мѣсто у стола, сдѣлавъ знакъ сыну стать по правую руку, и вынулъ изъ кармана бумагу; это былъ актъ отреченія отъ престола, изложенный весьма кратко, провозглашающій наследнаго принца королемъ, подъ именемъ Александра I, и назначающій регентство. Тотчасъ по прочтеніи документа, трое регентовъ окружили обоихъ королей.

Среди всеобщаго смущенія, Миланъ обратился къ сыну съ рѣчью, въ которой увѣщаль его вѣрно и самоотверженно служить своему народу и остерегался льстивыхъ лицемѣровъ. Рѣчь свою Миланъ закончилъ возгласомъ: *Живи краљ Александри!* и склонивъ колѣно предъ сыномъ, принесъ ему вѣрно-подданническую присягу.

Престарѣлый Θεодосій, именующій себя митрополитомъ сербскимъ, благословилъ отца и сына. Гражданскіе и военные сановники, въ свою очередь, принесли присягу Александру I, и къ часу пополудни церемоніалъ былъ оконченъ.

Г. П. Галаганъ. (Портр. на стр. 400).

Недавно скончался въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, селѣ Сокиринцахъ, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, членъ Государственнаго Совѣта, тайный совѣтникъ Григорій Павловичъ Галаганъ. Покойный достаточно потрудился на поприщѣ общественной дѣятельности. Владѣя обширными и богатѣйшими помѣстьями въ Малороссіи, Григорій Павловичъ игралъ выдающую роль въ мѣстномъ обществѣ и пользовался большимъ авторитетомъ какъ человѣкъ всесторонне-образованный и весьма начитанный, словомъ, какъ человѣкъ „идеи“. Его прекрасное знаніе сельскаго хозяйства, близкое знакомство съ положеніемъ и нуждами края, въ которомъ проходила его дѣятельность, невольно выдвигали его впередъ. Всякій разъ, когда правительство, при разработкѣ какого-либо важнаго вопроса, касавшагося народныхъ нуждъ, благоустройства, государственнаго хозяйства, нуждалось въ мнѣніяхъ специалистовъ, способныхъ, свѣдущихъ людей, Г. П. Галаганъ былъ неминуемо призываемъ, въ числѣ самыхъ компетентныхъ лицъ, къ обсужденію проекта той или другой реформы.

Родоначальникомъ фамиліи Галагановъ былъ запорожець Игнацій Галаганъ, казакъ Чигиринскаго уѣзда (т. е. полка) изъ села Омельниковъ, имя котораго встрѣчается впервые въ исторіи Малороссіи въ 1707 году, когда онъ былъ назначенъ на подмогу арміи Шереметьева, предводителя запорожцевъ. Григорій Павловичъ Галаганъ родился въ Полтавской губерніи,

въ 1819 году, въ дворянской семьѣ. Получивъ домашнее воспитаніе, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1840 году. По выходѣ изъ университета, Григорій Павловичъ предпринялъ побѣдку за границу и путешествовалъ два года. Возвратясь въ отечество, онъ поселился въ одномъ изъ имѣній своихъ Полтавской губерніи, въ с. Сокиринцахъ, гдѣ занялся усердно сельскимъ хозяйствомъ. Служебно-общественная дѣятельность его началась въ 1845 году, когда онъ занялъ мѣсто въ Черниговской палатѣ государственныхъ имуществъ. Черезъ два года дворянство Борзенскаго уѣзда, Черниговской губерніи, избрало его своимъ предводителемъ. Постъ этотъ онъ занималъ до 1850 года, когда принялъ на себя должность попечителя въ Черниговской гимназии и совѣстнаго судьи, оставаясь въ нихъ до 1854 г. Когда крестьянская реформа стала назрѣвать и по губерніямъ уже учреждались комитеты по крестьянскимъ дѣламъ, Галаганъ назначенъ былъ членомъ одного изъ такихъ комитетовъ—Черниговскаго, и занималъ эту должность въ 1858—1859 годахъ. Успѣшная работа его въ комитетѣ открыла ему двери редакціонной комисіи при Главномъ комитетѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, гдѣ онъ, въ качествѣ члена-эксперта, занимался съ марта 1859 по ноябрь 1860 года. Но вотъ великая реформа совершилась и Г. П. Галаганъ, съ 1861 года по 1863 годъ, состоялъ членомъ отъ правительства въ Черниговскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Съ осени 1863 года онъ получилъ новое назначеніе—состоять вице-предсѣдателемъ временной комисіи по вопросу объ обязательномъ выкупѣ и поземельномъ устройствѣ крестьянъ Юго-западнаго края, образованной при кievскомъ генераль-губернаторѣ. Когда вопросъ по кре-

стьянскому дѣлу въ Юго-западномъ краѣ былъ окончательно рѣшенъ и комисія, въ 1865 году, закрыла свои дѣйствія, Галаганъ перенесъ свою дѣятельность въ Полтавскую губернію. Здѣсь и въ Черниговской губерніи, въ наступленіемъ другой реформы—введенія земскихъ учреждений, Галаганъ состоялъ губернскимъ гласнымъ, а съ 1869 года—предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей въ Прилукскомъ уѣздѣ и предводителемъ дворянства того же уѣзда. Въ 1871 году, въ память своего умершаго единственнаго сына, котораго онъ вѣжно любилъ, Галаганъ основалъ въ Кіевѣ коллегію Павла Галагана—заведеніе, состоящее изъ четырехъ высшихъ классовъ классической гимназіи, въ которомъ, по желанію учредителя, должны воспитываться дѣти того возраста, въ какомъ умеръ его сынъ. Коллегія подчинена непосредственно вѣдѣнію университета Св. Владимира и обезпечена въ своемъ существованіи средствами, пожертвованными Галаганомъ, который состоялъ и почетнымъ попечителемъ ея. Съ 1884 г. Галаганъ былъ избранъ также почетнымъ попечителемъ Прилукской прогимназіи и ремесленнаго училища, учрежденнаго полтавскимъ земствомъ въ усадьбѣ Дегтярка, Прилукскаго уѣзда, пожертвованной для училища Галаганомъ. Произведенный въ 1887 г. въ тайные совѣтники, Галаганъ черезъ четыре года былъ приглашенъ экспертомъ для разработки вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, а затѣмъ и въ качествѣ одного изъ свѣдущихъ земскихъ людей въ совѣщаніе по вопросамъ нитевому и переселенческому, причѣмъ при обсужденіи послѣднѣго онъ

Григорій Павловичъ Галаганъ. Съ фот. грав. Флюгель.

былъ избранъ предсѣдателемъ. 1 января 1882 года Галаганъ получилъ высшее назначеніе—состоять членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ. Онъ скончался 25 сентября 1888 г., оставивъ по себѣ добрую память. П. Б.

Политическое обозрѣніе.

Противники генерала Буланже рѣшили во что бы то ни стало покончить съ нимъ. Опасность попасть къ нимъ въ руки и сознаніе, что сила на ихъ сторонѣ, заставили генерала поспѣшно удалиться въ Бельгію, не смотря на то, что онъ нѣсколько дней тому назадъ не вѣрилъ въ возможность преданія его суду, считая себя ни въ чемъ неповиннымъ, о чемъ и поспѣшилъ заявить въ бесѣдѣ съ однимъ журналистомъ. Но у недруговъ его оказались въ распоряженіи компрометирующія генерала бумаги, о чемъ его увѣдомилъ удалившійся отъ дѣлъ генеральный прокуроръ Буше, и Буланже удалился въ Брюссель. На другой день въ газетахъ появилось воззваніе генерала къ французамъ, помѣченное изъ этого города 21 марта. Въ немъ, протестуя противъ обвинительнаго акта и юрисдикціи сената, „составленнаго изъ людей ослѣвленныхъ личными страстями, безумною злобой и сознаніемъ своей непопулярности“, Буланже заканчиваетъ заявленіемъ, что онъ, „безостановочно работая въ пользу освобожденія своихъ согражданъ, останется въ Бельгіи, въ странѣ свободы, ждать, пока общіе выборы уста-

новать, наконецъ, во Франціи честную и свободную республику, въ которой можно будетъ жить.“ Отъѣздъ генерала Буланже обсуждается французскими газетами весьма разнорѣчиво. Оппортунисты и радикалы считаютъ буланжизмъ похороненнымъ, но заявляютъ, что правительство все-таки не должно прекращать преслѣдованія. Въ буланжистскихъ газетахъ напечатано сообщеніе буланжистскаго комитета, констатирующее, что Буланже уѣхалъ по настояніямъ комитета, такъ какъ парламентаристы, рѣшившіеся на все лишь бы только сохранить за собою власть, собрались лишить его свободы и жизни. *Journal des Débats* говоритъ, что коль скоро безумные поступки и глупости, которые погубили бы всякаго другаго, возвысили Буланже—нельзя выводить изъ обнаружившейся слабости его характера заключенія о гибели или уменьшеніи его престижа. *Figaro* говоритъ, что одни только событія докажутъ, кто правъ—тѣ-ли которые одобряютъ, или тѣ которые осуждаютъ отъѣздъ Буланже. Въ тотъ же день новый генеральный прокуроръ Бореперъ вступилъ въ должность, а 23 марта въ засѣданіи палаты Меліиѣ

При этомъ № 15 „НИВЫ“ прилагается для Гг. подписчиковъ ТРЕТЬЕ бесплатное приложеніе, большая гравюра:

ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ,
отпечатанная на лучшей веленовой бумагѣ.

Настоящій № для отдѣльной продани отпускается безъ приложенія этой гравюры, которая продается отдѣльно по 1 р. за энз., а съ перес. несфальцованная и нанатан. на сналну 1 р. 25 н.

прочелъ реквизицію генеральнаго прокурора, требующаго возбужденія судебного преслѣдованія противъ Буланже, виновнаго въ заговорѣ и покушеніи противъ республики. Правая и буланжисты громко прерывали чтеніе реквизиціи и заявляли, что не кому другому, а министру юстиціи слѣдовало бы читать собственное произведеніе. Нѣкоторые были призваны къ порядку и Мелинъ продолжалъ читать при непрекращавшемся шумѣ. Доръ заявилъ, что всѣ буланжистскіе депутаты солидарны съ Буланже и всѣ они вмѣстѣ съ всенароднымъ голосованіемъ участвуютъ въ заговорѣ противъ парламентаризма, вслѣдствіе чего и требуютъ, чтобы ихъ преслѣдовали одновременно съ Буланже. Арень потребовалъ безотлагательнаго созыва бюро для назначенія комиссіи. Предложеніе это было принято, и засѣданіе было прервано до 6 ч., когда Собатъ прочелъ докладъ комиссіи, предлагающей возбудить преслѣдованіе противъ Буланже. Депутатъ Андриѣ говоритъ, что въ реквизиціи никакихъ доказательствъ не приводится, и высказываетъ мнѣніе, что палата, вотируя преслѣдованіе, совершаетъ покушеніе на всенародное голосованіе. На это министр-президентъ Тираръ возражаетъ: „Мы хотимъ преслѣдовать челоѣка, который собирается испровергнуть республику; мы обязаны защищать учрежденія противъ мятежныхъ маневровъ и убѣждены, что народъ одобритъ нашъ образъ дѣйствій“. Послѣ оживленныхъ инцидентовъ, палата вотировала предложеніе о преслѣдованіи Буланже большинствомъ 355 голосовъ противъ 208.

Результатъ этого засѣданія палаты, по словамъ газетъ, произвелъ крайнее сильное впечатлѣніе. Буланже, въ отвѣтъ на судебное преслѣдованіе обращенное противъ него, обратился къ выборщикамъ съ особымъ манифестомъ, гдѣ между прочимъ говоритъ: „Вы прочли реквизицію, представленную съ цѣлью оправдать вичѣмъ не оправдываемое требованіе о преслѣдованіи, къ которому сбитый съ толку парламентъ присоединился, вотируя преслѣдованіе передъ случайнымъ судилищемъ, состоящимъ изъ моихъ политическнхъ враговъ. Вашъ ясный здравый смыслъ осудитъ эти гнусныя клеветы. Въ реквизиціи упрекаютъ меня исключительно въ поступкахъ моей жизни, предшествовавшихъ моему пребыванію въ министерствѣ. Если мои дѣйствія были преступны, то сообщниками моими были политическіе дѣятели, призавшіе меня въ министерство.“ Буланже напоминаетъ, что какъ воинъ, онъ посвятилъ свою жизнь служенію странѣ, теперь онъ исполненъ законнаго честолюбія. Вырвать республику изъ недостойныхъ рукъ. Онъ жаждетъ честной республики, основанной на правильномъ примѣненіи всенароднаго голосованія. Никакія насмѣя и клеветы не заставляютъ его уклониться отъ намѣченной цѣли и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ выборы подтвердятъ предшествовавшее миллионное голосованіе и обезпечатъ освобожденіе страны. Между тѣмъ правительство съ необычайною поспѣшностью продол-

жаетъ осуществлять свой планъ покончить съ Буланже, для чего 27 марта въ сенатѣ былъ прочтаны декретъ объ образованіи изъ сената верховнаго суда для сужденія Буланже и другихъ лицъ.

Пока этотъ верховный судъ собирается производить расправу — судъ исправительной полиціи постановилъ 25 марта рѣшеніе по дѣлу лиги патриотовъ. Уже по первому засѣданію въ публикѣ осталось впечатлѣніе что этотъ процессъ кончится постыдно для преслѣдователей лиги. И дѣйствительно, всѣ подсудимые признаны невиновными по обвиненію въ принадлежности къ тайному сообществу, но приговорены каждый къ 100 фр. штрафа за участіе въ неразрѣшенномъ правительствомъ обществѣ, а также къ судебнымъ издержкамъ. Приговоръ былъ приветствованъ кликами: „да здравствуетъ лига! да здравствуетъ Буланже! да здравствуетъ Дерульдъ!“

Лѣтъ 10 тому назадъ у Германіи вовсе не было колоній, затѣмъ вдругъ появились у нея колонизаторскія наклонности, причинившія уже не мало неприяностей метрополіи. Но все бывшее не можетъ сравниться съ тѣмъ несчастіемъ, которое постигло германскій флотъ у острововъ Самоа. 18 марта получено изъ Аукланда слѣдующее извѣстіе: „Вслѣдствіе свирѣпствовавшего 16 и 17 марта у острововъ Самоа урагана погибли суда „Eber“ и „Adler“. Изъ команды „Eber“ утонуло 78, а изъ команды „Adler“ 20 челоѣкъ. Судно „Olga“ село на мель и команда его находится въ безопасности. Три американскія военныхъ судна и всѣ находившіяся въ портѣ Самоа торговыя суда также затонули. Американцевъ погибло 30 челоѣкъ. Одно англійское судно потерѣло аварию и идетъ въ Сидней.“ Потери для германскаго флота весьма значительныя, если принять въ соображеніе, что крейсеръ „Адлеръ“ былъ вооруженъ четырьмя орудіями; машины его были въ 650 лошадиныхъ силъ; корветъ „Ольга“ вооруженъ двѣнадцатыми орудіями; машина у него въ 2,100 лошадиныхъ силъ, а экипажъ состоялъ изъ 267 челоѣкъ; наконецъ, канонерка „Эберъ“ была вооружена тремя орудіями, при машинѣ въ 700 лошадиныхъ силъ. Извѣстіе о гибели судовъ у острововъ Самоа произвело въ Германіи на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Не говоря уже о тяжкой потерѣ людей и дорогихъ судовъ, возникаетъ серьезное опасеніе за мѣстныхъ германскихъ поселенцевъ, положеніе которыхъ — и безъ того уже небезопасное — крайне ухудшилось вслѣдствіе того, что теперь они совсѣмъ лишились всякой морской охраны отъ ожесточенныхъ противъ нихъ туземцевъ.

Въ опубликованномъ императорскомъ кабинетномъ приказѣ, касающемся катастрофы у острововъ Самоа, выражается глубочайшее сожалѣніе о гибели людей, лишившихся жизни при вѣрномъ исполненіи долга въ отношеніи императора и империи. Императоръ надѣется, что катастрофа не поколеблетъ во флотѣ вѣру въ его дальнѣйшее развитіе.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 25 марта, послѣ парада въ манежѣ лейб-гвардіи коннаго полка, чрезвычайное бухарское посольство было принято Государемъ Императоромъ въ прощальной аудіенціи. Главный посланецъ, Джанъ-Мираза-Бій-Перваначи, въ своей прощальной рѣчи, выразилъ Его Величеству глубочайшую благодарность какъ отъ себя лично, такъ и отъ имени всего посольства, за пожалованіе имъ російскіе ордена. Государь Императоръ, отпуская посольство, поручилъ ему выразить Бухарскому Эмиру привѣтствіе Его Величества и пожелалъ посольству добраго пути.

Въ 2 часа 45 мин. пополудни, Государь Императоръ осматривалъ во Дворцѣ подарки, посылаемые отъ Имени Его Величества Бухарскому Эмиру Сейдъ-Агадъ-Багадуръ-Хану, а также вещи, назначенныя въ раздачу членамъ бухарскаго посольства. Въ числѣ подарковъ, вообще чрезвычайно богатыхъ и разнообразныхъ, находятся слѣдующія вещи, предназначенныя Бухарскому Эмиру: соболья шуба, крытая малиновымъ бархатомъ, шитымъ золотомъ, съ опушками изъ сѣдаго камчатскаго бобра, и др. одежды, роскошный по-

золоченный чайный сервизъ, ружье магазинной системы Кольта, съ золотой прикладѣ инкрустаціею, вызолоченный револьверъ системы „Мервинъ“, съ украшеніями изъ драгоценныхъ камней, столовые, оксидированной бронзы, часы въ видѣ локомотива и др. вещи.

Правительственные распоряженія.

— Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ доводитъ до свѣдѣнія гг. кавалеровъ ордена Св. Георгія 4 степени за отличіе, что подробное объявленіе Капитула съ именнымъ спискомъ тѣхъ изъ нихъ, кои въ настоящее время вошли въ комплектъ на полученіе пенсій по названному ордену, напечатано въ № 32 газеты *Правительственный Вѣстникъ* и № 29 газеты *Русскій Инвалидъ*.

Промышленность.

— Изъ отчета департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 годъ видно что въ теченіе 1887 года въ Россіи дѣйствовали 1,365 пивоваренныхъ и 559 медоваренныхъ заводовъ, причеиъ изъ числа послѣднихъ было 225 спеціально-медоваренныхъ и 334 находились при пивоваренныхъ заводахъ.

Изъ губерній и областей.

— Недавно умершій въ Тамбовѣ потомственный почетный гражданинъ М. С. Ашурковъ завѣщалъ городу болѣе 3000 десятинъ земли въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, съ условіемъ, чтобы городская дума доходы съ этой земли распредѣляла на дѣла благотворительности.

— Проѣзжіе изъ Мешхеда персіане рассказываютъ о необычайной оваціи, оказанной со стороны народа и персидскихъ властей русскому генеральному консулу Власову при его вѣздѣ въ Мешхедъ.

— Прямое безпересадочное движеніе курьерскихъ поѣздовъ между Москвой и Севастополемъ предполагается ввести съ 1 апрѣля.

Некрологъ.

— 20 марта, скончался членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, генералъ-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи Дмитрій Васильевичъ Пугачъ.

— 29 марта, скончался министръ Путей Сообщенія, почетный членъ Николаевской инженерной академіи, военный инженеръ, генералъ-лейтенантъ Германъ Егоровичъ Паукеръ.

Библиографія.

Исторія социальныхъ системъ. Д. Щеглова. т. II. Критическое обзорнѣе социальныхъ ученій Фурье, Кабе, Л. Влана, Лямене, П. Леру, Бюше, Отта, Ог. Конта и Литтре. СПб. 1889.

Сочиненіе г. Щеглова составляетъ весьма благовременное явленіе въ нашей литературѣ. Своимъ подробнымъ и безошибочнымъ анализомъ авторъ совершенно подрываетъ авторитетъ пресловутыхъ социальныхъ теорій, которыя такъ увлекали и увлекаютъ наше юношество, и даже не одно юношество. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ очевидностью, не допускаю-

щею никакого сомнѣнія, показываетъ, что теоріи эти уже потеряли всякій кредитъ въ странахъ опередившихъ насъ въ образованіи, не только въ средѣ образованныхъ классовъ, но даже между рабочими. Какъ извѣстно, теоріи Фурье, равно какъ теоріи Оуэна, Кабе и Люи Влана были подвергнуты неоднократнымъ практическимъ испытаніямъ еще въ пятидесятыхъ годахъ и оказались совершенно несостоятельными. Наши проповѣдники социальныхъ утопій такимъ образомъ являются какими-то послѣдними могиканами въ области мысли,

для которых умственной пищею служат отбросы западной Европы.

Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. По поручению Министра Императорскаго Двора, составил В. Кривенко. Второе издание. СПб. 1889 г.

Новое издание этого почтеннаго труда свидетельствует о необходимости этой почти единственной въ Россіи полной справочной книги по всемъ вопросамъ касающимся того или другаго правительственнаго учрежденія, начиная отъ Государственнаго Совѣта, Совѣта и Комитета Министровъ, Правительствующаго Сената и другихъ высшихъ правительственныхъ учреждений и кончая мѣстными учреждениями въ губерніяхъ, уѣздахъ и городахъ. Кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній о государственныхъ учрежденияхъ, въ сборникѣ приведены свѣдѣнія о различныхъ учрежденияхъ общественныхъ, ученыхъ и благотворительныхъ.

Задача буквъ (ходъ короля) № 25.

Найти слѣдующія 11 словъ:

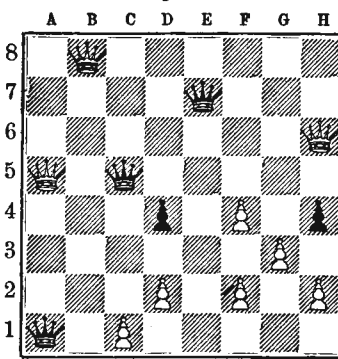
- 1) Названіе кушанья 45.
2) Лицо ухаживающее за дѣтьми 37. 13. 43. 3. 1.
3) Шея 46. 6. 32.
4) Ветхозавѣтный патриархъ 21. 29. 16.
5) Время года 40. 14. 35. 8.
6) Звѣроловный спарядъ 7. 30. 19. 18. 27. 12. 25.
7) Животное изъ отряда двуконныхъ 9. 17. 36. 2. 20. 22. 42.
8) Рѣка и титулъ 10. 39. 34.
9) Названіе кушанья 23. 26. 24. 41.
10) Барка, употребляемая для наведенія мостовъ 5. 33. 31. 28. 4. 15. 11.
11) Нота 28. 44.

Grid for word search puzzle with numbers 1-47 in a crossword pattern.

Буквы найденныхъ словъ разбѣстятъ по квадратамъ на мѣстахъ соответствующихъ цифръ, но такъ, чтобы можно было прочесть, посредствомъ хода короля, отрывокъ изъ известнаго произведенія А. С. Пушкина.

Шашечная задача № 26.

Черныя.

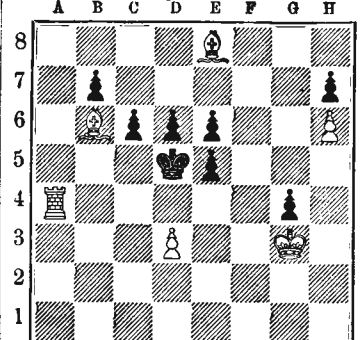

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и 2 простыхъ черныхъ.

Шахматная задача № 27.

Г. Готталь. Черныя.

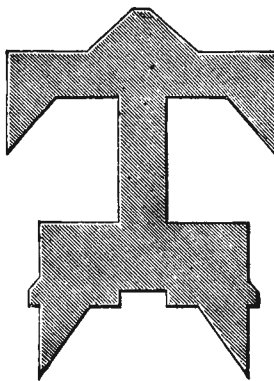

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Геометрическая задача № 28.

Данную фигуру раздѣлить прямыми линиями на семнадцать частей такъ, чтобы изъ нихъ составилъ трапецію.

Арифметическая задача № 29.

Найти число, дѣлящееся на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 съ тѣмъ, чтобы остатокъ былъ единицею меньше дѣлителя.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Торжество Юліи Андреевны. Романъ М. В. Крестовской. (Продолженіе). — „Христосъ Воскресе!“ Разсказъ П. Полевого. — Тайны гильотины. — Христосъ Воскресе! Стих. А. Ф. Федотова. — „Кольцо Нибелунга“, трилогія Рихарда Вагнера. (Окончаніе). — Къ рисункамъ: Берега Лысогора (съ рис.). — Исусъ Христосъ въ Маріи и Марѣ (съ рис.). — Свѣтлое Христово Воскресеніе. Освященіе пасхи (съ рис.). — Поисной портретъ старушки (съ рис.). — Жидовочка (съ рис.). — Амуръ и Психея (съ рис.). — Стенная куры (Syrrharpes paradoxus v. Fallasi) (съ рис.). — Вильгельмъ III, король Нидерландскій (съ портр.). — Кабинетъ Б. С. Яноби, на юбилейной выставкѣ гальваноластики (съ рис.). — Присяга Милана, бывшаго короля Сербскаго, своему сыну (съ рис.). — Г. П. Галаганъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Библиографія. — Задачи. — Заявленіе. — Объявленія. — При этомъ № прилагается: Портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшимъ Семействомъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Advertisement for 'Новый большой альбомъ' (New big album) by A. F. Marx, containing 25 pages of illustrations.

Advertisement for 'Умственные эпидеміи' (Mental epidemics) book by P. Remyer, translated by E. Zaury, published by the Central Russian Society in Tula.

Advertisement for 'Удочки' (Sticks) featuring illustrations of a person and a dog, with text about quality and price.

Advertisement for 'Отъ Казанскаго земледѣльческаго училища' (From the Kazan Agricultural School) regarding a 25th anniversary commemorative publication.

Advertisement for 'Яйца изъ мыла' (Soap bars) with text about various colors and prices, including 'A. CIV и К°'.

ЗАКРАШЕНИЕ

ЕГО ПРИЧИНЫ и ЛЬЧЕНИЕ.
Руководство къ совершенн. и скоренію для самостоят. употребл., на русск. язвѣ.
Изданіе РОБЕРТА ЭРНСТЪ,
лѣчебн. заведенія отъ зангана.
Берлинъ, К. № 3801
Potsdammer-Str., 37.
Проспектъ Безоземно. (1)

Поступила въ продажу **НОВАЯ КНИГА** (изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА):
СЧАСТЬЕ и ТРУДЪ Профессора П. МАНТЕГАЦЦА.
Переводъ со 2-го итальянскаго изданія д-ра Лейнберга. Содержаніе: Трудъ—мировой законъ. Физика труда. Трудъ—здоровье. Нравственное значеніе труда. Радости и поэзія труда. Гордость и слава, основанныя на трудѣ. Трудъ и богатство. Методы труда. Настойчивость въ трудѣ. О характерѣ. Доброта. Героизмъ, достоинство, мужество, благородство характера. Нищія и паразиты. 203 стр. Цѣна 75 коп. М. № 3813

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Вс. С. Соловьева.
Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI в. Томъ этотъ украшенъ 20 рис. художника И. С. Панова. Изд. III. СПб. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 коп., съ перес. 3 р. 25 к.

CORSETS
19
LEOTY
adoptés
par le
High-Life pa-
risien.
8. Place de la
Madeleine, Paris.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахер-
скихъ въ Франціи и заграничій.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-
висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.

Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всё качества для бѣлизны кожи.

М. № 3739 3—3

Брокеръ и К^о.

СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
ПОЛНЫЙ
АППАРАТЪ
ОТЪ
10. 15. 20. Р. С.
К. И. ФРЕЛАНДЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ.
НЕВСК. ПРОСП.
№ 30/16.

Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фотографическіе портреты. Новый прейсъ-курантъ безплатно. Самоучитель фотографіи съ прейсъ-курантомъ 50 коп. № 3801 2—1

**Высочайше утвержденное
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО**

ЗАСТРАХОВ. ОТЪ НЕСЧАСТН. СЛУЧАЕВЪ

ПОМОЩЬ

Невскій пр., № 11.

I. За ежегодную премию въ 50 р. Общество принимаетъ на страхъ чиновника, купца, крестьянина повѣреннаго и т. п. лицъ, 88-хъ лѣтъ, съ условіемъ выдачи при несчастномъ происшествіи

- а) въ случаѣ смерти страхователя — наследникамъ его капитала въ 5000 рублей;
- б) въ случаѣ пожизненной неспособности страхователя къ труду (инвалидности) — самому пострадавшему пожизненной ежегодной ренты въ 1200 рублей;
- в) въ случаѣ временной лишь неспособности къ труду — ежедневнаго вознагражденія въ 6 рублей.

II. За ежегодную премию въ 100 рублей застрахованное лицо, того-же возраста, приобретаетъ не только право на получение вышеозначенныхъ вознагражденій, но кромѣ того, Общество обезпечиваетъ его полнымъ возвратомъ всѣхъ внесенныхъ премій, въ случаѣ преждевременной смерти страхователя — его наследникамъ, въ противномъ же случаѣ ему самому, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.

Въ виду введеннаго, по Уставу Общества, участія страхователей въ дивидендѣ, въ обоихъ случаяхъ премія, начиная съ 3-го года страхованія, понижается.

Подробныя поясненія и справки во всякое время выдаются всѣми представителями и агентами (во всѣхъ губернскихъ, уѣздныхъ и многихъ другихъ городахъ Имперіи), а также и Правленіемъ Общества (Невскій пр., № 11). № 3214 6—6

**Une des Curiosités
de PARIS**

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

le Catalogue général illustré renfermant 591 gravures (modèles inédits) pour la SAISON d'Été, dont l'envoi est fait gratis et franco contre demande affranchie adressée à

M. JULES JALUZOT & Co
PARIS

Sont également envoyés franco. les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du **PRINTEMPS**, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde.

Le Catalogue indique les conditions d'envoi.

Interprètes dans toutes les Langues à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазиновъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (61) № 2946

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также пріемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.
„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“
уголь Тверской и Долгоруковскаго переулковъ, домъ Шабаликина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3769 3—3

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)
произведе-
ніе прекрас-
наго запаха,
не порти-
щееся.
**LA POUDRE
SIMON
и МЫЛО
à la
CRÈME-SIMON**
имѣютъ тотъ же за-
пахъ.
J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.
Въ розницу прод. у парикмахеровъ, пар-
фюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16—12

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О Вновь вышедшихъ книгахъ:

СМѢЯТЬСЯ ДО СЛЕЗЪ.

- 1) Не хочу учиться, хочу жениться. Похождения живописца. Юмор. романъ, картинны въ лицахъ Мазилкина, Тришкина, Пачкунова, Бакулаша - Бей, Баталлина, книжка Ватистова и Маша.
- 2) Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. (Похождения идеалиста). Юморист. романъ Л. Пальмина, съ 104 рис. извѣсти. Буша. Ц. 1 руб.
- 3) Похождения холостяка. Юморист. иллюстрир. ром. Л. П., съ 156 рис. Буша. Ц. 1 р.
- 4) Супружескія тайны. Юмор. иллюстр. романъ Л. П., съ 100 рис. Буша. Шалости и проказы. Цѣна 1 рубль.
- 5) Натянука, или любовныя похождения дѣвушки. Шалости и проказы. Юморист. иллюстр. романъ, съ рис. Буша. Ц. 1 р.
- 6) Плутовна Надя. Юморист. иллюстр. романъ съ 168 рис. Буша. Цѣна 1 р.
- 7) Кукареку. (Жемчужины русской беллетристики изъ веселыхъ и занимательныхъ разсказовъ, анекдотовъ, повѣстей и стихотвореній). 224 стр. Ц. 1 р.

Рисунки извѣсти. художника Буша до того смѣшны, что невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ.
Продаются въ книжныхъ магазинахъ Петербурга: у Попова, Карбасникова, Суворина, Вольфа, на Невскомъ у Панафидава; въ Москвѣ: складъ и продажа, Бронная, домъ Румянцова, у Нондевъ; выписывалъ изъ склада за пересылку не платятъ. Ц. № 3809

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маршанта. Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 8-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВЕЛОСИПЕДЫ АНГЛИЙСКІЕ
 П. № 3800 ЗАВОДА 2-1
„PILOT CYCLE COMPANY“

запасныя части и принадлежності къ нимъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Ищу представителей въ разныхъ городахъ Россіи. Высылаются прейсъ-курантъ. Г. ЖЕМЛИЧНО, въ Москвѣ, Старый Газетный пер., д. Толмачева.

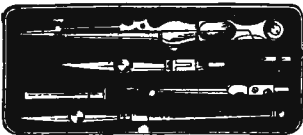
МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная английская карманная двухниточная швейная машина СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна въсѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Въсѣмъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣхъ, ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунта. Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. № 3806

ГОТОВАЛЬНИ

разн. наборовъ, приваривающ. къ вемедленному употребленію.

Изъ желтой мѣди . . . отъ 2 до 15 р.
 „массивн. никелина . . . 4 „ 30 р.
 и отдѣльн циркуля, рейсфедера, угольники, линейки, рейсионы и пр.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Фабр. въ Парижѣ, Avenue de la Républ., 4.
 Дено для Россіи:
 въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается бесплатно. Р. № 3803 2-1

за 30 коп.

почтовыми марками высылаются
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ
 съ объясненіями и прейсъ-курантъ.

за 50 коп.

почтовыми марками высылаются
ВОЛШЕБНЫЯ ПОРТСИГАРЪ
 для экономныхъ курителей. Получите 70 к. и 1 р. Прекрасное средство отгадывать охотниковъ до палирсовъ фабрики „вужаго“.

МАСТЕРСКАЯ ИГРЪ И ФОКУСОВЪ
А. МЕЛАМЕДА.
 СПБ., Обуховскій пр., д. № 7, кв. 63.
 Торговцамъ выгодная уступка.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ

2-хъ-колесные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-курантъ бесплатно, также брошюра виконта Берри: „0 велосипедовъ и велосипедистахъ“.
 Москва, Бузнецкій м., д. Голицына.
 СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (14)

ПРОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЁТЕ
„ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ **Энгельберта Зейбертца**, исполненными знаменитыми граверами: **Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.**
 Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія Видомости* (№ 346), говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Предпріятіе г. Маркса исполненное теперь, является большою заслугою передъ цѣлителями изящныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу — мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не обидимся, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гёте мы еще не видѣли... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блестящею, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ политинажей, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта, — онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ намечталъ все это съ роскошью, которую насъ не избаловали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много) — хоть вѣшай на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгомъ вкусѣ того времени, — ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глазъ... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...“

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., перес. за 35 фунтовъ по разстоянію.
 Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

Скрипки отъ 2 1/2 до 800 руб.
 Смычки къ нимъ отъ 50 к. до 60 р.
 Виолончели отъ 20 до 800 р.
 Гитары въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 р. и дорожкѣ.
 (Гитары отъ 8 р. и дорожкѣ, имѣютъ механизмъ для настраиванія).
 Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно. № 3808

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. — Москва, Бузнецкій м., домъ Захарьина.

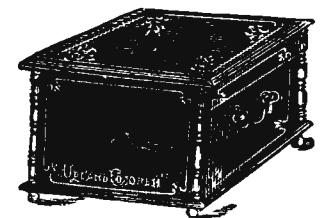
Поступила въ продажу **НОВАЯ КНИГА** (изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА):
ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ
 Н. ФЛАММАРИОНА. Мт. № 3814
 Съ 100 рис. Перев. съ 4-го франц. изданія В. Чернасова. Цѣна 1 р. 25 к. Продается во всѣхъ книжн. маг. Главн. складъ въ вѣнн. маг. Луковникова (Спб. Лешуговъ пер., д. 2).

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES
 достаточно известны:
ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12-9
 Придворный Парфюмеръ
 46, JAGERSTRASSE, BERLIN.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ и ПОМАДА для ЗУБОВЪ
 ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
 Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
 Находятся во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ
 П. № 3782 ПАНСИОНЪ 3-3
И. М. ХАЙНОВСКАГО
 ВЪ МОСКВѢ

Волконна, домъ князя Голицына.
 Ученики готовятся къ поступленію въ среднія учебныя заведенія слабовоспитывающіе въ какомъ либо предметѣ отдѣльно занимаются повтореніемъ недостаточно усвоеннаго;занятія продолжаются все лѣто въ деревнѣ, гдѣ, при наблюденіи врача, усиленное вниманіе обращено на укрѣпленіе здоровья учащихся. Приемъ учениковъ въ теченіе цѣлаго года.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ МУЗЫКИ!
 вновь изобрѣтенный Органъ-Соловей съ механическими нотами, которыя не подвергаются никакой порчѣ (что часто случается съ картонными). Большой выборъ пьесъ; национально-русскія, малороссійскія, вѣтъ танцы и духовныя пьесы; въ скоромъ времени выйдутъ болгарскія и молдавскія пьесы. Очень простой въ красивой отдѣлкѣ съ золоченой рѣзбой.
 Цѣна Органу-Соловей съ 10 нотами 50 р. Ноты отдѣльно 75 коп.
 Каталогъ нотъ и описаніе высылается бесплатно.
 Рекоменд. фабрика музыкальн. инструмент. Д. А. АЛЕКСАНДРОВА
 Дено музык. инстр., Невскій пр., № 63, въ С.-Петербургѣ. Мт. № 3797

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“
 для НАРУЖНАГО употребленія

разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.
 Главное депо: б. Коношенная, № 14
 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
 Продается: въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ маг. колоніальн. товаровъ Зула и во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
 Цѣна 1 р. 20 коп. за стянляну.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М.
 фабрикантъ велосипедовъ „ОРЕЛЪ“.
 Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежності. Интуъ агентовъ. Иллюстр. вѣнн. каталогъ за 10 пфен. марками. 12-4

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ.
 Покупаетъ всѣ % бумаги.
 Студы подъ всѣ % бумаги.
 Страхуваніе вингрншнихъ займовъ.
 Переводы на всѣ города.
 Оплата купоновъ. № 3718
 Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
 Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 16

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 15 апрѣля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 ГОДА.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р. } Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к. } Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. 6 р. } Съ пересылкою въ Москву 7 р. } За границу. 9 р.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ М. В. Крестовской.
(Продолженіе).

Х.

До обѣда время въ домѣ Та-
ненбаумовъ на этотъ разъ тину-
лось долго и скучно. Юлія Ан-
дреевна, подѣ предлогомъ уста-
лости, никого не принимала и
сидѣла запершись у себя въ ком-
натѣ. У Нэдъ были уроки—и
M-elle Mignard не знала какъ
убить время.

Отъ скуки она подошла даже
къ порогу комнаты Miss Morri-
son и глядѣла какъ Софи раз-
бирала свои вещи. Она не же-
лала входить совсѣмъ въ ком-
нату Miss Morrison, съ которой
по обыкновенію была въ дурныхъ
отношеніяхъ; но сидѣть одной
ей было не въ моготу и она
предпочитала, стоя на нейтраль-
ной почвѣ, болтать съ Софи и
разсматривать ея вещи.

Софи стояла на колѣняхъ предъ
нижнимъ ящикомъ комода, въ ко-
торый аккуратно укладывала вы-
нимаемое изъ чемодана бѣлье.

Miss Morrison, съ холоднымъ,
надменнымъ выраженіемъ на ли-
цѣ, молча вязала стуча спицами,
и вполне игнорируя присутствіе
M-elle Mignard на порогѣ своей
комнаты, не вмѣшивалась въ ея
разговоръ ни однимъ словомъ.

— Вы вѣрно сами вязали эти
кокетки на рубашкахъ? съ лю-
безной улыбкой спрашивала M-elle
Mignard, протягивая руку къ од-

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Крестьянская дѣвочка.
Карт. академика И. Пелевина, грав. Шюблеръ.

ной изъ рубашекъ, сквозь кружева которой была продернута розовая ленточка.

— Montrez moi, s'il vous plait! Ah, que c'est joli! ¹⁾ Какой хорошенькій узоръ! Кто училъ васъ вязать эти кокетки?

— C'est ma tante Louise, отвѣчала Софи, слегка приподнимая голову съ присущею ей застѣнчивою манерой.

— О! всѣ нѣмки прекрасныя рукодѣльницы!

Софи слегка оживилась и лицо ея покрылось легкою розовою краской.

— О, Tante Luise очень искусная рукодѣльница! Она превосходно вяжетъ, шьетъ и вышиваетъ. Въ своей гостиной она вышила всю мебель и на всѣ окна связала занавѣсы!

Въ глазахъ Софи затеплилось что-то нѣжное и она ласково разглаживала руками кружева на кофтахъ, которыя ей подарила старуха, какъ будто мысленно предназначала свое ласковое прикосновеніе не только этимъ кружевамъ, но и той, которая вязала ихъ.

— А вотъ ея портреты! сказала она, вынимая изъ чемодана фотографическую карточку, въ рѣзной орѣховой рамкѣ, и съ нѣжною гордостью взглядывая на милое ей, добродушное, полное лицо Tante Luise, ласково улыбающееся изъ своей рамки.

— Voyons! montrez moi! она еще не стара! у нея очень пріятное лицо! любезно сказала M-elle Mignard, разглядывая портретъ.

— О, да! воскликнула радостно Софи. — Она чрезвычайно симпатична! Всѣ, всѣ кто ее знаетъ, любятъ ее, и потомъ, она такая добрая, она очень... любила меня... прибавила она съ легкимъ, грустнымъ вздохомъ, и на лицо ея набѣжала печальная, задумчивая тѣнь.

— Очень, очень видная женщина! продолжала любезно M-elle Mignard, и уже хотѣла отдать Софи карточку, но въ эту минуту Нэдъ, у которой только что кончился урокъ, вошла въ комнату, въ классномъ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ, и увидавъ стоящую въ дверяхъ M-elle Mignard, тоже подошла къ ней. Замѣтивъ портретъ, она взяла его изъ ея рукъ и нѣсколько секундъ, молча, съ блуждающею на кончикахъ губъ усмѣшкой, разглядывала его.

— Это Tante Luise? просто спросила она.

Софи молча кивнула головой и протянула за портретомъ руку; Нэдъ, не сказавъ ни слова и только еще разъ взглянувъ на него, отдала его ей. Ей хотѣлось разсмѣяться и подшутить надъ этой толстой нѣмецкой тетушкой съ такимъ смѣшнымъ лицомъ и въ такой невозможной наколѣ, но она сдержалась и только глаза ея насмѣшливо вспыхнули.

Она переступила порогъ комнаты и съ критической улыбкой начала разбирать и разсматривать вещи сестры, обмѣниваясь насмѣшливыми взглядами съ M-elle Mignard.

— Не трогайте безъ спроса чужихъ вещей! сказала строго Miss Morrison, сердито взглядывая на нее изъ-подъ очковъ.

Нэдъ молча оставила ихъ; она знала по опыту, что противорѣчить англичанкѣ бесполезно. Софи испуганно взглянула и на Miss Morrison, и на Нэдъ.

— О, ничего, сказала она сконфуженно, — если хочешь, смотри...

Нэдъ насмѣшливо поблагодарила.

— Благодарю, тутъ нѣтъ ничего интереснаго...

— Habillez vous, mon enfant, il est temps! поспѣшно заговорила M-elle Mignard, и взявъ Нэдъ за талію, тихонько вытолкнула ее изъ комнаты.

— Ужасно трогательно! засмѣялась Нэдъ тихо въ сосѣдней комнатѣ, но все же настолько громко, чтобы Софи могла слышать ея слова, — вязанья кружева на рубашкахъ и портретъ der lieben Tante Luise надъ

кроватью! Ah, comme c'est touchant! Что касается до меня, то я предпочитаю вязанымъ кружевамъ настоящія и портретамъ тет...

— Chut!.. taisez-vous donc, enfant terrible! испуганно замахала на нее руками M-elle Mignard, которая, исключая Miss Morrison, никому не любила говорить колкостей.— Ne dites pas des bêtises! Habillez vous bien vite!

И втолкнувъ Нэдъ въ спальню, она заперла за ней дверь.

Miss Morrison искоса взглядывала на Софи, которая съ грустнымъ лицомъ молча запирала комодъ.

— Черствый ребенокъ! проговорила Miss Morrison, сердито глядя вслѣдъ Нэдъ, и о чемъ-то укорительно покачала головой.

XI.

Предъ самымъ обѣдомъ Юлія Андреевна пришла на „половину дочекъ“ и спросила, отдыхала-ли Софи и какъ она себя чувствуетъ, заглянула въ обѣ спальни и нашла, что Софи устроила все очень мило, похвалила вышитыя ею туфли для Федора Густавовича и подушку на диванъ для себя и поболтавъ еще немного съ M-elle Mignard, взяла подъ руки „своихъ дѣвочекъ“ и прошла вмѣстѣ съ ними въ столовую.

Вообще она была очень ласкова и любезна, съ той особенной обворожительной привѣтливостью, которая всегда являлась къ ея услугамъ по желанію.

Въ столовой уже дожидался Федоръ Густавовичъ, бесѣдовавшій съ двумя гостями, обѣдавшими у него, — какимъ-то чистенькимъ розовымъ старичкомъ и высокимъ военнымъ, съ длинными бакенбардами и желчнымъ лицомъ.

У Таненбаумовъ всегда обѣдалъ кто-нибудь изъ знакомыхъ; часто это были лица въ сущности очень мало знакомыя и попадавшія случайно, не являвшіяся потомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и даже годамъ.

— А вотъ и мои дѣвчурки! воскликнулъ громко Федоръ Густавовичъ, увидя жену входящую съ дочерьми.

— Позвольте познакомить васъ съ моей старшей дочерью!

Софи, краснѣя, застѣнчиво поклонилась; она повидимому не ожидала встрѣтить за обѣдомъ постороннихъ, и эти чужія, неожиданныя лица еще больше смутили ее.

— Прошу покорно! пригласилъ Федоръ Густавовичъ, и шумно отодвинувъ свой стулъ, грузно опустился на него.

Юлія Андреевна велѣла поставить приборъ Софи рядомъ съ собой — это была особенная любезность, которую она оказывала только самымъ почетнымъ и симпатичнымъ гостямъ.

Блюда съ дымившимися кушаньями разносили два лакея, которые своими важными физиономіями, казалось, тоже нѣсколько смущали Софи; она робѣла и брала микроскопическія порціи.

На противоположномъ концѣ стола, гдѣ сидѣли мужчины, шелъ громкій разговоръ о какихъ-то акціяхъ и тарифахъ. Желчный офицеръ спорилъ о чемъ-то съ Федоромъ Густавовичемъ, который по-русски нѣсколько затруднялся развивать свои идеи и мнѣнія вполне ясно, а потому поминутно переходилъ на нѣмецкій языкъ, на которомъ его доказательства казались ему убѣдительнѣе и краснорѣчивѣе.

Но желчнаго барина повидимому нѣмецкій языкъ раздражалъ еще больше и онъ озлобленно опровергалъ всѣ доводы Федора Густавовича.

Софи съ тревогой поглядывала въ ихъ сторону, не понимая, какъ можно спорить такъ рѣзко съ хозяиномъ дома, и даже боясь, какъ-бы отецъ не поссорился съ этимъ сердитымъ офицеромъ.

Дамы не принимали въ споръ, нисколько не интересовавшемъ ихъ, никакого участія и сидѣли съ равнодушными лицами.

¹⁾ Покажите пожалуйста, ахъ это очень мило!

Юлія Андреевна, видя что Софи все молчитъ, старалась съ любезностью свѣтской хозяйки занять и развлечь ее.

— Въ которомъ часу обѣдала ты у Tante Luise? спросила она ее.

— Въ два часа!

— A deux heures! Vraiment? Mon Dieu!.. ¹⁾ Si tôt? воскликнула съ удивленнымъ видомъ M-elle Mignard, прислушивавшаяся къ ихъ разговору,—à deux heures! mais c'est impossible! Я бы не была въ состояніи проглотить въ это время ложку супу.

— Ужасно рано! сказала и Юлія Андреевна, насмѣшливо покачивая головой.

Софи удивилась: она въ свою очередь не понимала, что находятъ они въ этомъ такого необыкновеннаго. Многія ея знакомыя обѣдали еще раньше.

— Вѣдь Tante Luise вставала очень рано. Она въ восемь часовъ уже пила кофе.

Но M-elle Mignard начала удивляться еще больше.

— Comment donc? Какъ? пила кофе въ восемь часовъ, значитъ она вставала часовъ въ шесть! Невозможно, кто встаетъ такъ рано?

— Отчего-же? спросила Софи, которой удивленіе M-elle Mignard было немного неприятно. — Отчего-же невозможно? Дядя Шмидтъ вставалъ еще раньше — въ 5 часовъ.

M-elle Mignard всплеснула руками и хотѣла усиленно поразиться, но Юлія Андреевна, не любившая никакихъ разговоровъ объ родственникахъ мужа и допускавшая исключеніе для одной Tante Luise, на которую глядѣла какъ на необходимое зло, нахмурилась, и быстро перевела разговоръ на другую тему.

M-elle Mignard, поймавъ недовольный взглядъ хозяйки, поняла, что лучше больше не удивляться.

— Отчего ты такъ мало взяла этого соуса? обратилась Юлія Андреевна къ дочери, — это очень вкусно.

— Онъ очень жжетъ ротъ, я вѣрно еще не привыкла, прибавила она съ извиняющейся улыбкой, — у Tante Luise были всегда очень простыя кушанья.

— Да, мнѣ случалось обѣдать у нея, она хорошая хозяйка, замѣтила снисходительно Юлія Андреевна, но Ѳедоръ Густавовичъ вдругъ вмѣшался въ ихъ разговоръ.

— О, Tante Luise великолѣпная повариха! воскликнулъ онъ громко чрезъ весь столъ, невольно привлекая на себя всеобщее вниманіе.— Она будетъ подавать вамъ самый простой вещь, но умѣетъ такъ приготовить ее, что вы будете облизать себѣ всѣ пальчики.

Онъ поднесъ къ губамъ свои сложенные всѣ вмѣстѣ пальцы и со вкусомъ, точно что-то смакуя, чмокнулъ ихъ.

Юлія Андреевна брезгливо поморщилась.

— Я надѣюсь, Sofichen, продолжалъ онъ, — что она научила тебя своему мастерству.

— О, да! отвѣчала Софи съ наивнымъ удовольствіемъ.— Tante Luise не разъ брала меня даже на рынокъ, нарочно, чтобы я практиковалась.

— А, ну это превосходно! Но была-ли ты повятливая ученица? Я думаю, что вертушку Нэдъ сама Tante Luise ничему-бы не научила? А? Нэдъ, was sagst Du?

Нэдъ презрительно улыбнулась.

— Я не знаю, сказала Софи съ застѣвливой улыбкой и чуть замѣтной гордостью, — вѣроятно я была понятлива, Tante Luise иногда совсѣмъ не выходила въ кухню, а поручала весь обѣдъ моей отвѣтственности.

— Ну, и что-жь, доставалось тебѣ потомъ на орѣхи?

— Иногда... но большею частью я особенно старалась и Tante Luise оставалась мной довольна... и хвалила меня... Я очень люблю стирать... прибавила она и тотчасъ-же сконфузилась, чувствуя инстинктивно, что она не должна-бы была признаваться здѣсь въ этомъ.

¹⁾ — Въ два часа! Возможно ли? Боже мой!

Нэдъ едва удерживалась отъ смѣха и подталкивала, по своему обыкновению, M-elle Mignard, бросая на нее насмѣшливые взгляды.

Глаза Юліи Андреевны становились все темнѣе и она все больше раздражалась.

— А, ну, вотъ и превосходно! воскликнулъ съ удовольствіемъ Ѳедоръ Густавовичъ.—Значитъ, бы будемъ надѣваться на тебя завтра eine weisse Schürze, ¹⁾ и ты сама будешь готовить, по рецептамъ Tante Luise, Sandkuchen. Ахъ, какъ она дѣлала это кушанье! Я до сихъ поръ не могу забывать. А если хочешь, то возьми меня въ помощники. Я буду брать бѣлый колпакъ у Никиты, передникъ, и приду помогать тебѣ дѣлать Sandkuchen.

И онъ громко засмѣялся своимъ добродушнымъ хохотомъ, отъ котораго колыхалось все его огромное тѣло.

Розовенькій старичокъ одобрительно засмѣялся, а Нэдъ, которой живо представилось, какъ отецъ, въ бѣломъ колпакѣ и передникѣ, а Софи, съ засученными какъ у судомоекъ рукавами, возятся у плиты съ мѣдными кострюлями, залилась веселымъ хохотомъ.

— Ну, это будетъ совершенно излишне! сухо замѣтила Юлія Андреевна, кидая вмѣстѣ съ Miss Morrison строгій взглядъ на Нэдъ.— Она можетъ дать свои рецепты повару и онъ приготовитъ все это и безъ ея вмѣшательства.

— Но, нѣтъ! воскликнулъ Ѳедоръ Густавовичъ, — поваръ совсѣмъ не то! У нихъ это будетъ выходить все очень тонко и прекрасно, но совсѣмъ не такъ вкусно, какъ будетъ умѣть готовить eine Frau. Кухней, по моему, должна распоряжаться женщина.

Юлія Андреевна насмѣшливо повела глазами и замолчала, не желая при постороннихъ входить въ безплезные и неумѣстные споры.

— Да, ваша правда, согласился розовый старичокъ, сочувственно кивая головой, — ваша правда, теперь-то вѣдь такія хозяйки, какъ въ старину водились—давно ужъ вывелись. Я помню, моя матушка своимъ хозяйствомъ на всю губернію славилась. Молоденькія дамы къ ней учиться пріѣзжали-сь. Да-сь! Потому что прежде между дамами въ этомъ дѣлѣ соревнованіе было, гордость, а теперь все это пропало. Покойница матушка такіе пироги дѣлала, что къ намъ бывало по воскресеньямъ верстъ за 30 пріѣзжали, чтобы только покушать ихъ. А теперь гдѣ въ это найдете? Нѣтъ-сь, Юлія Андреевна, любовь къ хозяйству въ дѣвушкѣ, большое-сь достоинство! Очень большое!

— А знаете, прервалъ его, обращаясь къ Ѳедору Густавовичу, желчный офицеръ, котораго хозяйственные вопросы очевидно не интересовали, — Боровинъ говорятъ будетъ назначенъ на мѣсто Попова.

— Но! Ѳедоръ Густавовичъ очень удивился, — скажите на милость! но вѣрно-ли то? про него никто ничего не разговаривалъ и вдругъ! я слышала, будетъ назначаться Аксель.

— Нѣтъ, это вѣрно, мнѣ говорилъ Дементьевъ. Богъ знаетъ что у насъ дѣлается!

— Да! ну это будетъ бывать для многихъ неприятный сюрпризъ! засмѣялся Ѳедоръ Густавовичъ, и разговоръ опять перешелъ на назначенія, акціи и тарифы.

Нэдъ все съ большимъ безпокойствомъ поглядывала на отца; подавали уже пирожное, а онъ еще и не думалъ исполнить ее просьбу о балѣ. Она кидала на него выразительные взгляды, но Ѳедоръ Густавовичъ увлекся назначеніемъ Боровина и спорилъ, не замѣчалъ ея взглядовъ и не обращая никакого на нее вниманія.

„Нѣтъ, онъ забудетъ!“ думала она съ отчаяніемъ и придумывала какъ бы обратить на себя его вниманіе. Она кашляла, смѣялась и говорила громче чѣмъ это допускалось Юліей Андреевной, но Ѳедоръ Густавовичъ все-таки не замѣчалъ ее.

¹⁾ Бѣлый фаргукъ.

Панно проф. К. Е. Маковскаго, писанныя для бар Девиза. Поэзія
Съ фотогр (право воспроизведенія въ гравюрѣхъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“) грав. Шюблеръ.
Библиотека "Руниверс"

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Торговецъ. Картина н. п. Степанова, грав Шлипперъ

Нэдъ чуть не плакала, она боялась что такъ и не попадетъ на балъ.

„Ну, такъ я пролью вино,“ придумала она, „на меня всё накинется и онъ вспомнитъ; вотъ онъ всегда такъ! обѣщаетъ, а самъ и забудетъ, несносный!“

И протянувъ руку къ своему стакану, она какъ-будто нечаянно задѣла и опрокинула стаканъ своей со-сѣдки, Miss Morrison.

Нэдъ вскрикнула, Miss Morrison испуганно отодвинулась отъ залитой скатерти и Юлія Андреевна бросила на Нэдъ сердитый взглядъ.

— Вѣчно шалости! сказала она строго.

— Пролить красное вино на скатерть—это верхъ неприличія и невоспитанности, замѣтила Miss Morrison съ глубокимъ презрѣніемъ.

Лакей поспѣшно бросился перемѣнять залитый приборъ и положилъ чистую салфетку на мокрую скатерть. Такимъ образомъ за столомъ произошелъ легкій переполохъ и Федоръ Густавовичъ невольно обернулся въ сторону Нэдъ.

— Ай, ай, ай! закачалъ онъ укорительно головой, увидѣвъ на скатерти красное пятно. — Это не скоро будетъ выходить!

Нэдъ не отводила отъ его лица какъ будто виноватыхъ глазъ, стараясь всѣми мысленными силами заставить его подъ этимъ взглядомъ вспомнить свое обѣщаніе. Федоръ Густавовичъ, увидавъ виноватые глаза дочери съ мольбой смотрѣвшіе на него, подумалъ что она испугалась и ему стало ея жаль.

— Ну ничего... ничего! сказалъ онъ добродушно. — Не бѣда! и ласково кивнувъ ей еще разъ головой, снова обратился къ желчному офицеру и продолжалъ съ нимъ начатый разговоръ.

А Нэдъ, потерявшей наконецъ всякую надежду заставить отца припомнить, стало вдругъ такъ досадно на него и такъ ужасно жалко что она не попадетъ теперь уже на балъ, что она не вытерѣла и вдругъ заплакала совсѣмъ еще по-дѣтски, крупными-крупными слезами, поспѣшно вытирая ихъ платкомъ свернутымъ въ комочекъ.

M-elle Mignard, знавшая какъ рѣдко плачетъ ея ученица, поразилась на этотъ разъ уже вполне искренно.

— Qu'avez vous, mon enfant? спросила она съ удивленіемъ.

— Это что за новости? тихимъ, но строгимъ голосомъ спросила Юлія Андреевна.—Перестань сейчасъ же! какъ тебѣ не стыдно!

Софи съ удивленіемъ и жалостью смотрѣла на сестру, думая что она плачетъ о томъ что получила выговоръ за пролитое вино.

Но Нэдъ расплакалась уже совсѣмъ по дѣтски, всхлипывая и прижимая свой платокъ къ глазамъ, быстро наполнявшимся слезами, и не могла теперь остановиться.

— Ты вѣрно хочешь чтобы я выслала тебя изъ-за стола? спросила опять Юлія Андреевна очень сдержанно, но съ сердитыми нотками въ голосѣ.

Федоръ Густавовичъ, услышавъ всхлипываніе, обернулся и очень удивился увидѣвъ плачущую Нэдъ.

— Nedchen! was hast Du, mein Kind? Pfui, Schandel! Ну что такой! съ кѣмъ бѣды не случилось, зачѣмъ для этого плакать!

— Выйди! коротко приказала Юлія Андреевна, показывая M-elle Mignard взглядомъ чтобъ она увела свою провинившуюся воспитанницу.

Нэдъ поднялась и, закрывая лицо платкомъ, сердито отодвинула свой стулъ и вышла. M-elle Mignard поспѣшно и съ недоумѣніемъ, не понимая что вдругъ случилось съ ея ученицей, которая всегда держала себя вполне взрослою дѣвицей, пошла за ней.

— Съ дѣтьми всегда недоразумѣнія! обратилась къ гостямъ Юлія Андреевна съ любезною улыбкой, какъ бы слегка извиняясь передъ ними за свою капризную дочь.

— Помилуйте! воскликнулъ не то радостно, не то озлобленно желчный господинъ,—у меня у самого ихъ пятеро! знакомъ съ этими исторіями!

— Боже мой, я думаю, они васъ часто беспокоятъ!

— Да, случается-таки, задаютъ концерты!

— Но что такое случилось? недоумѣвалъ Федоръ Густавовичъ,—она такъ рѣдко плачетъ!

— Вотъ-съ! не обращаясь собственно ни къ кому, заговорилъ опять розовый старичокъ укорительно и съ сожалѣніемъ улыбаясь.—Вотъ-съ нынче пятеро дѣтей—и ужъ считается много!—родители жалуются, и не знаютъ какъ съ ними управиться. А какъ же въ наше-то время было? У нашей матушки насъ одиннадцать человѣкъ было? у тетюшки Марьи Петровны, сестрицы ея,—четыренадцать! Да и то не жаловалась, и въ домѣ все было чинно и спокойно. Въ старину въ этомъ видѣли милость Божію и радовались. А нынче, помилуйте, рѣдко-рѣдко въ которой семьѣ встрѣтишь больше двухъ, трехъ, много четырехъ дѣтей! Или вотъ еще у насъ помѣщица одна была, Анна Герасимовна Куличева, прекрасная, здоровая такая дама была, такъ у той восемнадцать человѣкъ-съ было. Да-съ, восемнадцать человѣкъ! Да и то рѣдкостью не считалось, случалось и по двадцати имѣли. Бывало, въ какомъ-нибудь помѣщичьемъ барскомъ домѣ какъ сядутъ за столъ, такъ весь столъ персонъ на двадцать, на двадцать пять накрытый и займутъ. И все своя семья! Или бывало въ праздникъ, въ именины, или вотъ въ Рождество съѣдется вся родня въ одинъ домъ, большею частью конечно къ старшему въ родѣ, такъ повѣрители—до ста человѣкъ доходило! И все свои: дочери замужнія, сыновья женатые, внуки, даже правнукамъ случалось быть. Такъ даже умилишься просто! А все отчего? жизнь правильнѣе была, здоровье крѣпче было. Нынче, помилуйте, молодой человѣкъ лѣтъ въ двадцать, двадцать пять, въ самый можно сказать разцвѣтъ свой—и ужъ болѣетъ, анемія тамъ разная; а въ наше время ничего этого не знали. Я вотъ, моего дѣда прекрасно помню, такъ, лѣтъ уже семидесяти слишкомъ—красавецъ мужчина былъ—волосы всѣ цѣлы, зубы крѣпкіе, лицо румяное, свѣжее! просто, красавецъ! Самъ тройкой правиль, да вѣдь какъ! Только крикнетъ бывало на лошадей,—голосъ зычный, звонкій имѣлъ— „Ну, голубчики, не посрамите старую голову, выносите соколики!“ Такъ бывало и молодымъ-то за нимъ не угнаться. Именно какъ сказалъ Лермонтовъ:

Да, были люди въ наше время —
Не то что нынѣшнее племя,
Богатыри — не вы!

Но Юлія Андреевна, знавшая скучную привычку благодушнаго старичка распространяться на три часа о прежнихъ славныхъ временахъ—поспѣшно отодвинула стулъ и встала давая знакъ объ окончаніи обѣда.

Всѣ подходили уже благодарить ее, какъ вдругъ Федоръ Густавовичъ ударилъ себя по лбу.

— Ахъ! вскрикнулъ онъ, внезапно вспоминая наконецъ о просьбѣ Нэдъ,—я и забылъ! совсѣмъ забылъ! M-elle Mignard! а! да ея нѣтъ. Вотъ что, душенька, обратился онъ къ женѣ особенно ласковымъ голосомъ,—Нэдъ просилась сегодня на балъ, пожалуйста сдѣлай милость, пускай ее!

Юлія Андреевна слегка удивилась.

— Когда же она просилась?

Федоръ Густавовичъ, припомнивъ вдругъ всѣ подробности утренняго посѣщенія Нэдъ и ея просьбу не выдавать ея матери, нѣсколько смутился, понявъ что онъ ее выдаетъ. Но было уже поздно и онъ не умѣлъ ни выгородить Нэдъ, ни поправить свою ошибку.

— Сегодня утромъ; только пожалуйста сдѣлай мнѣ удовольствіе, пускай ее!

— А! сегодня утромъ! сказала Юлія Андреевна и нахмурилась. „Это“, подумала она про себя, „когда

я застала ее въ кабинетѣ, гм!.. не спросясь меня“...

— Она должна была проситься у меня, а не у васъ, сухо замѣтила она мужу,—но за то что она такъ скверно вела себя за обѣдомъ, она не будетъ пущена на балъ.

— Aber, mein Gott, это я всему виноватъ, пожалуйте...

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста!—Юлія Андреевна нетерпѣливо отвернулась отъ мужа,—вы знаете что я разъ навсегда просила васъ не вмѣшиваться въ эти мелочи. Я сказала: нѣтъ, значитъ: нѣтъ,—просить бесполезно.

— Böses Weib! ¹⁾ проворчалъ Ѳедоръ Густавовичъ и сердито отошелъ отъ жены. Онъ сердился и на нее за ея характеръ, и на себя за то что не умѣлъ повести дѣла ловко, какъ совѣтовала Нэдъ, и жалѣлъ Нэдъ, отъ которой онъ зналъ что ему еще порядкомъ достанется послѣ.

Онъ увелъ мужчинъ къ себѣ въ кабинетъ, куда имъ подали превосходныя сигары, черный кофе и разные ликеры и гдѣ они могли на свободѣ, не стѣсняясь уже дамскимъ обществомъ, продолжать интересные для нихъ политическіе и экономическіе споры, а Юлія Андреевна ласково обратилась къ Софи:

— Пойдемъ ко мнѣ посидѣть; мы съ тобой совсѣмъ еще ничего не говорили.

И обнявъ дочь, прошла съ ней анфиладою комнаты въ свой прелестный японскій будуаръ, стѣны и мебель котораго, низкая и мягкая, какъ бы располагавшая къ нѣгѣ, были обиты желтымъ китайскимъ шелкомъ. Всѣ стѣны и углы были заставлены изящными японскими ширмами, шкапчиками и этажерками, убранными дорогимъ китайскимъ фарфоромъ въ видѣ вазъ, куколъ и тарелокъ. Подъ потолкомъ тихо покачивался японскій фонарь, обливавшій комнату пріятнымъ желтовато-розовымъ свѣтомъ, а изъ большихъ вазъ возвышались пальмы и простирали въ воздухѣ свои огромные вѣтеробразныя листья раскидистыя латаніи. Весь воздухъ и всѣ вѣнцы казались пропитанными ароматомъ фіалокъ и гіацинтовъ сливавшимся съ тонкимъ запахомъ духовъ, изъ раскрытыхъ флаконовъ...

Юлія Андреевна очень любила этотъ уголокъ и гордилась имъ какъ воплощеніемъ своего изящнаго, артистическаго вкуса. Большею частью она именно здѣсь принимала Бахманова и другихъ болѣе или менѣе интересовавшихъ ее поклонниковъ, находя что въ этомъ прелестномъ уголкѣ и сама она кажется еще изящнѣе и красивѣе.

— Ну вотъ и присядь тутъ! сказала она, указывая дочери на маленькую козетку, возлѣ которой распростерлась на полу тигровая шкура съ раскрытою пастью. Сама она сѣла напротивъ Софи на низкую козетку и молчала нѣсколько мгновений, придумывая о чемъ бы ей начать говорить съ дочерью. Она чувствовала что, не смотря на всѣ старанія, все что она говорила съ дочерью выходило все-таки холодно и официально, тѣмъ болѣе для перваго дня свиданія послѣ долгой разлуки. Если бы Софи была просто знакомая или родственница пріѣхавшая погостить къ нимъ, она конечно умѣла бы занять и развлечь ее, но Софи была ея родная дочь и однимъ своимъ присутствіемъ напоминала ей что сегодня же вечеромъ судьба ея, Юліи Андреевны, можетъ сильно измѣниться къ худшему. Мысль эта продолжала мучить ее, не смотря на предчувствіе и какъ бы увѣренность въ своемъ успѣхѣ и побѣдѣ, и невольно отталкивала ее отъ этой дочери, которая быть-можетъ сегодня же вечеромъ, однимъ своимъ появленіемъ, состаритъ ее въ глазахъ общества на добрыя десять лѣтъ. Но не смотря на эти тяжелыя и мучительныя для нея мысли, она все-таки желала быть съ дочерью любезнѣе и прискивала въ умѣ разныя привѣтливныя фразы.

¹⁾ Злючка!

— Нравится тебѣ эта комната? ласково спросила она у Софи, которая съ удивленіемъ и восторгомъ оглядывала весь будуаръ.

— О да, очень, но я совсѣмъ не помню ея почему-то.

— Она всего три года какъ отдѣлана; это моя любимая комната, тутъ все сдѣлано по моимъ указаніямъ и рисункамъ.

— Я думаю, тутъ очень пріятно иногда посидѣть... но жить мнѣ кажется пріятнѣе въ болѣе простыхъ комнатахъ.

— Какъ на чей вкусъ, сухо замѣтила Юлія Андреевна, удивляясь въ душѣ этому мѣщанству въ своей родной дочери.

— Можетъ-быть я ошибаюсь, смущенно прибавила Софи, чувствуя что мать какъ будто осталась недовольна ея замѣчаніемъ,— у Tante Luise комнаты были очень простыя, съ самой обыкновенной мебелью.

„Ахъ, эта несносная Tante Luise“, съ тоской думала Юлія Андреевна, „сколько мѣщанскихъ привычекъ она привила ей...“

— Какіе прелестныя цвѣты! сказала съ восхищеніемъ Софи подходи къ жардиньеркамъ, наполненнымъ розами, гіацинтами и фіалками, ароматомъ которыхъ пропитанъ былъ весь воздухъ.—Вы сами выводите ихъ?

— Конечно нѣтъ — за ними смотритъ садовникъ.

— Я очень люблю цвѣты — мы съ Tante Luise всегда сами ухаживали за ними. Она научила меня выводить луковицы и камеліи, къ Святой у насъ всегда всѣ окна были уже заставлены тюльпанами и гіацинтами. Это такъ пріятно самимъ выводить ихъ...

— Да, конечно, это пріятно... отвѣчала Юлія Андреевна еще холоднѣе, все больше раздражаясь на дочь за то, что та каждый разговоръ сводила на свою обожаемую Tante Luise.

Софи взглянула на мать виноватыми глазами, догадываясь что чѣмъ-то она сердитъ ее и невольно сознавая, что относится это именно къ Tante Luise. Ей было это больно и тяжело — и она не понимала какъ можно не любить добрую, милую Tante Luise, которая ей, Софи, казалась лучше и умнѣе всѣхъ людей въ мірѣ.

Еще въ года своего дѣтства, во время рѣдкихъ пріѣздовъ Юліи Андреевны въ Москву, Софи начала понимать что ея мать и Tante Luise не долюбиваютъ другъ друга. Tante Luise никогда не сказала ей про мать ни одного дурнаго слова, но въ выраженіи ея глазъ и голоса, когда она говорила о Юліи Андреевнѣ, невольно чувствовалась какая-то неприязнь и холодность; Софи удивлялась и грустила объ этомъ, не понимая какъ могутъ онѣ не любить другъ друга, потому что если Tante Luise она находила добрѣе и лучше всѣхъ людей, то и мать, въ свою очередь, казалась ей великолѣпнѣе и прекраснѣе всѣхъ женщинъ. Красота матери внушала ей какой-то благоговѣйный восторгъ и удивленіе; ея величественная фигура, прекрасное, гордое лицо и роскошныя платья и восхищали, и смущали Софи одновременно, порождая въ ней какую-то невольную робость, которую она не въ силахъ была побѣдить въ себѣ даже и впоследствии, когда уже совсѣмъ выросла. Мать казалась ей какимъ-то дивнымъ, но недоступнымъ божествомъ, которое она обожала въ глубинѣ души, мысленно всегда стремясь къ нему, но въ присутствіи котораго безотчетно пугалась чего-то и робѣла.

Отецъ былъ ей ближе и понятнѣе. Онъ напоминалъ ей чѣмъ-то дядю Шмидта, котораго она очень любила; съ нимъ она чувствовала себя гораздо легче и проще чѣмъ съ матерью, и всегда ужасно радовалась когда онъ пріѣзжалъ въ Москву. Но совсѣмъ хорошо ей было только въ маленькихъ, уютныхъ комнатахъ своей Tante Luise, гдѣ полъ и бѣлые чехлы на мебели блестяли голландскою чистотой, а на окнахъ, заставленныхъ цвѣтами, распѣвали въ

клѣткахъ желтенькія канарейки, наполняя всю комнату веселымъ щебетаньемъ и трелями. Чѣмъ больше выростала она, тѣмъ все ближе дѣлалась ей Tante Luise съ ея маленькой квартиркой и тѣмъ дальше становился домъ отца и матери. Если бы ей позволили выбирать, она бы всю жизнь предпочла оставаться съ Tante Luise, но отецъ потребовалъ ея возвращенія и ей не приходило въ голову что она можетъ послушаться его, тоскливо, со щемящею болью въ сердцѣ, оторвавшись отъ всего съ чѣмъ такъ сжилась, она покорно поѣхала за Miss Morrison въ Петербургъ, въ богатый домъ отца, заранѣе, заочно уже пугавшій ее непривычною для нея обстановкой и въ которомъ она инстинктивно предчувствовала себя лишнею и чужою. Оедоръ Густавовичъ, знавшій любовь ея къ теткѣ, понималъ, хотя не вполне ясно, что первое время разлуки съ ней — будетъ для дѣвушки тяжело, и заранѣе утѣшалъ ее въ письмѣхъ обѣщаніемъ баловъ и нарядовъ; но балы эти только пугали Софи, которая съ неувѣренностью и робостью застѣнчивой натуры думала о томъ какъ она вѣроятно будетъ казаться тамъ глупа и смѣшна. Въ душѣ ей было грустно и тяжело, однако она не только не роптала, но еще находила себя благодарною и дурною дочерью и всѣми силами старалась не выказать своей грусти отцу или матери, чтобы не оскорбить ихъ, такихъ добрыхъ и готовыхъ дѣлать ей разные удовольствія.

И вотъ она сидѣла наконецъ въ этомъ домѣ напротивъ матери, и онѣ обѣ не знали о чемъ говорить другъ съ другомъ — обѣимъ было неловко и тяжело.

Софи боялась уже говорить о своей Tante Luise и о чемъ-нибудь касавшемся ея, чтобы не сердить мать; но именно теперь, когда она была такъ далеко отъ тетки, ей хотѣлось вспоминать и говорить объ ней. И Софи думала о томъ что дѣлаетъ старушка теперь. Теперь восьмой часъ. Tante Luise завѣсила чистыми полотенцами клѣтки съ птицами, чтобы огонь отъ лампъ не будилъ ихъ, и сидитъ въ столовой въ ожиданіи самовара, который подастъ ей сейчасъ старая Лотхенъ, живущая у Tante уже пятнадцать лѣтъ. Она тоже вѣрно думаетъ и скучаетъ о своей милой Sofichen... И сердце Софи тоскливо ныло, ей хотѣлось бы заплакать, но она сдерживалась и разглядывала богатые плюшевые альбомы съ портретами разныхъ дамъ и генераловъ, имена которыхъ Юлія Андреевна, слегка покачивавшаяся напротивъ нея на качалкѣ, издали называла ей. Наконецъ всѣ альбомы были пересмотрѣны и тема для разговора опять оборвалась. Онѣ снова замолчали тѣмъ тяжелымъ натянутымъ молчаніемъ, въ которомъ какъ бы чувствуется скрытая неприязнь.

— Быть-можетъ, мой другъ, ты хочешь отдохнуть немного? ласково спросила Юлія Андреевна, — у тебя очень усталый видъ — еще только половина восьмого, тебѣ не къ чему начинать одѣваться раньше половины девятаго, въ Петербургѣ на вечера съѣзжаются очень поздно — цѣлый часъ еще въ твоемъ распоряженіи. Поди, мой другъ, прилягь.

Софи встала, безсознательно радуясь что можетъ уйти, а Юлія Андреевна со вздохомъ облегченія, ласково поцѣловала ее и улыбнулась ей на прощанье.

Нѣмое благоговѣніе предъ матерью осталось въ Софи до сихъ поръ — малѣйшая ласка матери трогала ее и заставляла радостно краснѣть; по ласки эти были рѣдки и неискренни — дочь невольно чувствовала эту неискренность и огорчалась ею.

Войдя въ свою гостиную, Софи услышала чьи-то рыданія и испуганно остановилась. Это плакала Нэдъ, которая все еще не могла никакъ примириться съ мыслью что не попадетъ сегодня на балъ.

M-elle Mignard сидѣла въ гостиной и сердито визала

какой-то голубой шарфъ. За работу M-elle Mignard принималась только въ минуты сильнѣйшаго раздраженія.

— О чемъ она плачетъ? участливо спросила Софи по-французски.

— Оставьте ее, это невыносимое дитя, она разсердилась даже меня. Пусть ее кричитъ и бьетъ ногами по своей кровати! точно кто виноватъ что monsieur такой безпамятный, а madame такъ деспотична!

Софи стало жаль сестру.

— Могу я пройти къ ней? спросила она.

— О, конечно, если хотите чтобы она васъ укусила.

— Ну, быть-можетъ она и не укуситъ меня! сказала Софи съ улыбкой, и растворивъ запертую наглухо дверь спальни, подошла къ Нэдъ.

Нэдъ лежала ничкомъ на кровати и, уткнувъ голову въ подушки, громко рыдала, ударяя ногами по кровати.

— Нэдъ, что съ тобой? спросила Софи, наклоняясь надъ ней, — зачѣмъ ты такъ плачешь, быть можетъ татап еще позволитъ тебѣ...

— Ахъ, отстань! сердито вскрикнула Нэдъ.

Софи въ раздумьи стояла надъ ней, удивляясь, какъ можно такъ сильно сердиться.

— Хочешь я попрошу у татап?.. спросила она нерѣшительно.

— Да отстань же отъ меня! взвизгнула съ отчаяніемъ Нэдъ, — убирайся пожалуйста!.. точно тебя кто послушается!

И она еще громче зарыдала.

Софи испуганно отступила отъ нея и вышла изъ комнаты, съ недоумѣніемъ пожимая плечами.

— Вѣдь я говорила вамъ! воскликнула съ торжествомъ M-elle Mignard.

Софи подошла къ дверямъ своей спальни, тоже наглухо запертымъ, и постучалась, думая что Miss Morrison заперлась нарочно чтобы къ ней не входили.

— Войдите! послышалось оттуда.

Софи осторожно пріотворила дверь.

— Только притворите дверь, сказала Miss Morrison, вкладывая себѣ въ уши огромные куски ваты. — Чтобы не оглохнуть отъ этого крика, пояснила она съ холоднымъ презрѣніемъ, види что Софи удивленно смотритъ на нее.

— Я хотѣла бы прилечь, сказала Софи, запирая дверь.

Miss Morrison неодобрительно покачала головой.

— Не слѣдуетъ ложиться на постель днемъ, это неприлично; вотъ очень удобное кресло, отдохните въ немъ, сказала она, вставая со своего желтаго сафьяноваго кресла.

— О нѣтъ, Miss Morrison, пожалуйста не безпокойтесь, я могу сѣсть на стулъ! смутилась Софи, увидѣвъ что Miss Morrison уступаетъ ей свое кресло.

Но Miss Morrison съ холодною настойчивостью заставила ее сѣсть.

— Вамъ надо отдохнуть, сказала она тономъ не допускаямъ возраженія, — иначе вы будете очень утомлены къ балу... „котораго вовсе не слѣдовало назначать сегодня“, прибавила она про себя.

Софи нехотя опустилась на ея мѣсто, она чувствовала себя утомленною, разбитою, но спать все-таки не могла, — и сидѣла, вяло прислушиваясь къ постепенно затихающимъ крикамъ Нэдъ, долетавшимъ сюда. Прямо передъ ней висѣло новое легкое розовое платье, которое черезъ часъ она должна была надѣть, чтобы показаться сотнѣ чужихъ глазъ. Мысль эта мучила и пугала ее. Весь нынѣшній день и все въ ихъ домѣ казалось ей теперь такимъ страннымъ и непонятнымъ; она удивлялась какъ можно жить такою скучною, какъ ей казалось, утомительною и неприятною жизнью, и думала, какъ было бы хорошо если бы все это оказалось только сномъ — она бы проснулась и снова увидала бы себя въ милыхъ комнаткахъ Tante

Тонкинна въ городскомъ костюмѣ. Съ фотогр. рис. Прлишниковъ, грав. Барбанъ.

Luise. Но она знала что этого не случится и что не скоро, а быть-может и никогда уже не очутится она снова въ тѣхъ милыхъ комнаткахъ и пожалуй многіе долгіе и скучные годы должна она будетъ прожить тутъ, въ этомъ парадномъ, но холодномъ домѣ, среди

этихъ людей, называвшихся ея родными, а въ сущности совсѣмъ чужихъ для нея... И она отвернулась къ окну, чтобы Miss Morrison, читавшая Библию, не замѣтила ея слезъ, которыя крупными каплями медленно скатывались у нея по щекамъ.

(Продолженіе будетъ).

Мятель.

Сцены князя Д. Н. Цертелева.

Дѣйствующія лица:

Тамурафъ -- царь Ирана.

Атиа -- индійская принцесса, поздравле жена Тамурафа.

Шидаспъ -- дестуръ, верховный жрецъ, совѣтникъ Тамурафа.

Ариманъ.

(См. пояснительное примѣчаніе въ концѣ).

Сцена I.

Дворецъ Тамурафа. Въ окна виднѣются вершины горъ, покрытыя снѣгомъ и освѣщенный заходящимъ солнцемъ. У стѣны алтарь съ заготовленными связками священнаго дерева. Входитъ Тамурафъ, бросаетъ оружіе и останавливается въ раздумьи.

Тамурафъ.

И ждать не въ силахъ дольше, не могу,
Мнѣ опостыло все -- ины и брани,
Нѣтъ безъ нея ни радости, ни свѣта.
Пусть въ жилахъ кровь у ней течетъ другая;
Не знаю племени ея, ни рода,
Но обмануть не могутъ эти очи --
Не даромъ въ нихъ все небо отразилось.

(Онъ поднимаетъ копье и ударяетъ имъ о полъ; входитъ тѣлохранитель).

Позвать ко мнѣ Шидаспа!

(Тѣлохранитель уходитъ).

Быть не можетъ,

Чтобъ свѣтлыми казались дѣти мрака.

Шидаспъ (входя).

Ты звалъ меня, великій государь?

Тамурафъ.

Привѣтъ тебѣ, отецъ мой; но садись --

Мнѣ надо говорить съ тобою много.

Шидаспъ.

Да, государь, тревогъ еще не мало.
Пусть Ариманъ, могучимъ заклинаньемъ
Тобою связанный, теперь безсиленъ
И служить лишь конемъ тебѣ покорнымъ,
Но глубоко онъ зла посылалъ сѣмя:
Какъ ни руби -- все новые побѣги.

Тамурафъ.

Нѣтъ, не о томъ хотѣлъ я говорить.
Пусть крѣпко зло вездѣ пустило корни
И сѣмена его растутъ повсюду;
Но велика въ твореньи сила свѣта
И въ глубь земли лучи роняетъ Митра,
И тамъ гдѣ тѣма царитъ, онъ жизнь рождаетъ.

Безсильно зло: оно, бросая тѣни,
Лишь краски новыя даетъ творенью.

Но слушай: лѣто цѣлое промчалось
Съ тѣхъ поръ какъ я обычный свой полетъ
На югъ направилъ. Подо мной сверкала
Вездѣ снѣговъ серебряная риза;
Мелькнули быстро горныя вершины,
Лѣса и степи дальней Ассиріи,
И мнѣ тепломъ повѣяло на встрѣчу...

Но въ небѣ вдругъ вершины снѣговыя
Блеснули вновь, и каменной стѣною
Воздушный путь опять загородили.

Я поводъ опустилъ -- и вотъ мгновенно
Взвился къ далекимъ звѣздамъ Ариманъ
И вдругъ остановясь повисъ недвижно...

У ногъ моихъ сверкали воды Инда
И Гангъ вился серебряною нитью,
И я сиускаться сталъ, сначала тихо,

Потомъ скорѣй, скорѣй, легѣлъ стрѣлю;

Такъ съ ледяной горы порою сани
Скользятъ сначала медленно и ровно,
Но съ каждымъ мигомъ этотъ бѣгъ быстрѣе,
И вѣтеръ бьетъ въ лицо и рветъ одежду,
Захватываетъ духъ и сердце бьется...

Передо мной уже сверкало море,
Когда мой конь опять повесся тише
И медленно проплывши надъ лѣсами,
Земли коснулся въ чуждомъ, дивномъ край.

Все было тихо. Мраморный дворецъ
Стоялъ обвить цвѣтовъ душистой сѣтью;
То жемчугомъ, то серебромъ играя,
Вокругъ его звеня фонтаны били;

Какъ въ храмѣ тысячи колоннъ высокихъ,
Въ недвижимомъ воздухѣ стояли пальмы;

Купался лотосъ въ озерѣ зеркальномъ

И розы пышныя благоухали...

Волшебный край!..

(Задумывается).

Что скажешь ты, Шидаспъ?

Шидаспъ.

Не знаю, государь, быть-можетъ все

Что видѣлъ ты въ далекомъ этомъ край, --

Все то что въ сумракѣ тебя плѣняло --

Лишь призракъ лживый и при свѣтѣ днѣ

Исчезнетъ и туманомъ распылится.

Тамурафъ.

Ты правъ, при свѣтѣ днѣ волшебный край --

Ее при свѣтѣ днѣ мнѣ видѣть надо.

Шидаспъ.

Зачѣмъ? Коль все что видѣлъ ты -- лишь тѣни,

Въ лучахъ зари ихъ не увидишь снова;

А если тамъ и вправду край богатый,

И груды золота и серебра,

И жемчуговъ, и драгоценныхъ камней, --

Сокровища такія намъ нужны-ли?

Къ чему тебѣ тѣ новыя богатства?

Подумай лишь: какой цѣной купить

Придется ихъ! какія горы, степи

Пройти должно измученное войско!

Какой войной!..

Тамурафъ.

Меня не понялъ ты:

Кто о походахъ говорить, о крови?

Но слушай дальше: долго тамъ стоялъ я,

Невнятные лова сквозъ вѣтви звуки:

То какъ ручей они едва журчали,

То разрослись и текли волной;

Когда-же я къ дворцу подкрался ближе,

Я предъ собою красавицу увидѣлъ.

Въ ея рукахъ звенѣла слабо арфа

И дивныя слова уста шептали.

Я красоты такой нигдѣ не видѣлъ:

Ни въ храмахъ у служителей Ваала,

Ни у дѣтей Аравіи пустынной,

Ни тамъ, на берегахъ зеленыхъ Нила,

Ни во дворцахъ роскошныхъ Ассиріи...

Такая прелесть, свѣтъ такой во взорѣ!

Но описать нельзя словами солнца...

И безъ нея не буду знать покоя.

Шидаспъ.

Но, государь, подумай!..

Тамурафъ.

Все обдумалъ.

Шидаспъ.

Ужели тотъ кто правды былъ опорой,

Кто побѣдилъ исконнаго врага,

Кто въ вихрѣ говорилъ съ самимъ Ормуздомъ,

Вдругъ станетъ жертвой призрака и тѣни,

Забудетъ разомъ и законъ, и вѣру,

И за минуту лживаго блаженства

Оставитъ все, и власть свою и царство,

И осквернитъ преступною любовью

Владыкъ Ирана царственное ложе.

Тамурафъ.

Нѣтъ, не вложнищу себѣ возмю --

Она войдетъ ко мнѣ моей женою.

Шидаспъ.

Женой! Опомнись, государь, подумай!..

Тамурафъ.

Довольно, не тебѣ понять то чувство,

Которое мнѣ душу охватило.

Живой огонь въ груди твоей погасъ

И ты на цѣлый міръ глядишь безстрастно...

Но я рѣшилъ, мнѣ не нужны совѣты;

Молись, чтобъ могъ въ любви я наконецъ

За всѣ труды мои найти награду.

Шидаспъ.

Да, государь, молиться буду я,

Чтобы тебѣ открылся свѣтъ небесный

И призраки разсѣялъ лживой ночи.

(Уходитъ).

(Тамурафъ приближается къ жертвеннику, бросаетъ на него священныя вѣтви и произноситъ заклинанье. Поднимаетъ)

ея густой дымъ и слышится гулъ; дымъ разсыивается и въ-
день Ариманъ).

Ариманъ.

Ты звалъ меня?

Тамурафъ.

Ты долженъ мнѣ помочь.

Ариманъ.

Помочь! Безумецъ, ты со мной боролся
И побѣдилъ, когда передо мною
Во прахъ ложасть трепещетъ все живое...
Но берегись—ужь не далеко время...
Дрожи и жди не помощи, а мести.

Тамурафъ.

Я власть твою надъ этимъ міромъ знаю,
Но ты еще безсиленъ надо мною;
Лучи Ормузда—вотъ моя опора.

Ариманъ.

Ормузда потоплю я тьмы волною
И погану огни его на небѣ.

Тамурафъ.

Довольно; то что будетъ съ этимъ міромъ
То въ безднѣ времени еще таится;
Но ты, пока ты связанъ заклинаемъ,
Мой конь, и долженъ мнѣ повиноваться.
Владыка царства ужаса и мрака,
Ты половину губишь міроздавья,
Но если ты мнѣ помогать не хочешь
Я этимъ пламенемъ тебя заставлю...

(Огонь разгорается, Ариманъ исчезаетъ за клубами дыма).

Ариманъ.

Приказывай.

Тамурафъ.

Неси меня къ волнамъ далекимъ Ганга,
Неси туда, гдѣ все такъ полно ей!

(Сцена застилается туманомъ при послѣднихъ словахъ Тамурафа, ударъ грома и затѣмъ глухіе раскаты, сквозь которые слышится топотъ быстро уносимого коня. Мало-по-малу туманъ расходится. Луна въ ночи; пальмовая роща; на берегу рѣчки въ отдаленіи дворецъ съ освѣщенными окнами. На первомъ планѣ скала. Тамурафъ медленно поднимается на нее).

Тамурафъ.

Когда владыку свѣта я не смѣю
Молить о томъ, что душу наполняетъ,
А помогать не хочетъ Ариманъ,
Свое блаженство самъ возьму я съ боя.

(Беретъ арфу и поетъ).

Она услышала... идетъ... здѣсь близко.
(Между деревъ мелькаетъ бѣлая одежда и Атма входитъ медленно, какъ бы во снѣ).

Атма.

Гдѣ я? въ лѣсу одна! Нѣтъ, это сонъ...
Передо мною небо открывалось
И духи свѣтлые манили выше
Призывомъ чуднымъ счастья неземнаго.

(Вдругъ застучал Тамурафа, въ испугъ).

Кто здѣсь? Кто ты?

Тамурафъ.

Красавица, не бойся!

Тебя привлекъ я пѣсней волшебной,
Но предъ тобой мои безсильны чары
И такотъ быстро какъ тумана волны
Въ лучахъ горячихъ утренняго солнца.

Атма.

Твоя одежда странная, оружие,
Твой взглядъ, меня пугаетъ все. Кто ты?

Тамурафъ.

Кто я? Къ чему тебѣ мое названье,
Ты ни страны, ни имени не знаешь
Того, кого на вѣки ты плѣнила.
Но только захоти, всѣ царства міра
Я принесу какъ даръ къ твоимъ ногамъ,
Тебя царицей сдѣлаю вселенной.
Границы нѣтъ моей волшебной силѣ,
И для любви моей предѣловъ нѣтъ.

Атма.

Твоей любви не вѣрю я, ты страшень,
Ты волшебствомъ привлекъ меня коварно,
Теперь моей погибели ты хочешь...
За что? тебя я не видала прежде...
Пусти меня, расторгни злыя чары!

Тамурафъ.

Не силою волшебныхъ заклинаній
Я удержать тебя хочу: иди—
Свободна ты какъ этотъ вѣтеръ вѣжливый.
Но какъ гроза, промчавшись, за собою
Цвѣтущій лѣсъ оставитъ буреломомъ,
Такъ ты, пронесшись надъ моей душою,
Оставишь въ ней лишь мертвую мушкетю.
Прощай, теперь иди.

(Она стоитъ въ нерешимости; молчаніе).

Атма.

Мнѣ жаль тебя,
Но если правда, что меня ты любишь,
Скажи: гдѣ видѣлъ ты меня? когда?
Какъ могъ меня не зная полюбить?

Тамурафъ.

Тебя лишь разъ красавица я видѣлъ;
Но если разъ слѣпой увидитъ солнце,
Его лучей до смерти не забудетъ,
И всѣ сокровища, всѣ блага міра
Отдастъ, чтобы этотъ свѣтъ увидѣть снова.

Атма.

Но если ты любилъ меня, зачѣмъ
Ты во дворецъ къ намъ не явился прямо?
Зачѣмъ меня ты вызвалъ заклинаемъ,
Въ непроходимый лѣсъ, въ глухія горы?
Зачѣмъ...

Тамурафъ.

Далекаго, чужаго края
Обычаи, законы—все вамъ чуждо,
И даже рѣчь была бы непонятна.

Атма.

Ты говоришь какъ я и лишь одежде
Твоя въ тебѣ являетъ чужеземца.

Тамурафъ.

Я знаю многое—и тайна рѣчи
Открыта мнѣ; но не рѣчами сердце
Склоняется, не рѣчь волнуетъ душу—
Души живой живительная искра
Одна зажечь огонь волшебный можетъ:
Довольно ей улыбки, взора, вдоха.
Вотъ рѣчь любви, понятная повсюду;
Ее понять ужели ты не можешь?

Атма *(задумчиво)*.

Мнѣ голосъ твой знакомъ, его когда-то
Слышала я давно, и эти рѣчи,
И этотъ взглядъ, какъ будто бы во снѣ,
Я вспоминаю вновь и вновь теряю.
Да, вспомнила! все это уже было,
Я видѣла на этомъ самомъ мѣстѣ...
Но что вдали тамъ? Снѣгъ и кровь! Мнѣ страшно
Опять...

Тамурафъ.

Не бойся, мы съ тобой впервые
Здѣсь говорили; но вѣрь мнѣ, если только
Захочешь ты, останемся навѣки
Отнынѣ же съ тобою неразлучны,
И если-бъ тысячи поднялись дивовъ
И сами боги злобно ополчились
На насъ, тебя я защититъ сумѣлъ бы!

Атма.

Опять сквозь тьму минувшую столѣтій
Я узнаю тебя! Ужели снова
Свой оборотъ и смерти и рожденья
Свершить временемъ успѣю колесо
И вновь...

Тамурафъ.

Дитя мое, забудь что было.

Мы всѣ окутаны покровомъ Маи,
Азуры, смертные и даже боги
Его напрасно слятся поднять;
Когда же тотъ покровъ порою рвется,
Мы сквозь него глядимъ смущеннымъ взоромъ.
Но тамъ за нимъ не яркій свѣтъ мы видимъ,
А только бездну мрака и забвенья;
Вѣковъ промчавшихся забытый сонъ
И вереницу будущихъ столѣтій
Лишь безграничное объемлетъ время.
Мы въ немъ рождаемся, живемъ и гибнемъ,
И боремся, и любимъ только мигъ,
Но этотъ мигъ одинъ для насъ есть вѣчность.
Когда въ душѣ любви сіяетъ свѣтъ—
Прошедшаго и будущаго нѣтъ.
Но ты опять дрожишь, прощай, не бойся,
Свободна ты.

(Надвигаются тучи).

Атма.

Постой, теперь я вѣрю.
Туманъ разсыивъ, я твоею буду.
Возьми меня; бѣжимъ, бѣжимъ отсюда,
Летимъ черезъ эти пропасти и горы,
Сквозь лѣсъ и степь, и сумракъ этой ночи.
Чѣмъ гуще будетъ мракъ ея враждебный,
Тѣмъ ярче будетъ въ насъ любви свѣтильничекъ...
Бѣжимъ пока за нами нѣтъ погони.

Тамурафъ.

Не бойся, другъ, помчимся мы съ тобою,
Ни птица насъ, ни вѣтеръ не догонятъ.
Ко мнѣ скорѣй, ко мнѣ, мой конь послушный!
(Ударяетъ когтемъ о скалу, брызжутъ искры, гулъ подъ зем-

ХVII передвижная выставка. Проповѣдь въ сельской церкви. Карг. академнка В. Е. Маловскаго (право воспропаведенія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Барановскій.

Sub hasta (подъ копьями). Продажа военно-плѣнныхъ съ публичнаго торга у древнихъ римлянъ. Съ карт. Котте, грав. Крегъ.

лю. На скалу наблаютъ облака и скрываютъ Тамурафа и Атму. Раскаты грома и топотъ удаляющагося коня).

Сцена II.

Дворецъ Тамурафа. Ночь. Покой слабо освѣщенъ свѣтильниками, на дворѣ мятель. Входитъ Атма, окруженная служанками).

Атма.

Идите всѣ; я буду ждать одна.
(Служанки уходятъ; она подходитъ къ окну).

Какъ воеетъ вѣтеръ, точно звѣрь голодный!
Какая ночь! И мѣсяца не видно,
Все мутно, сѣро, снѣжная завѣса
Едва пропуститъ блѣдный лучъ и снова
Одѣнетъ все густою пеленой.
А онъ все носится въ холодномъ вихрѣ,
Преслѣдуя вездѣ враждебныхъ дивовъ;
Не вѣрить онъ, что смертнымъ не дано
Разсѣять въ мирѣ силу зла и мрака;
А если бы земнымъ удѣломъ могъ онъ
Доволенъ быть, сокровища любви
Нашли бы оба мы въ себѣ самихъ,
Блаженства высшаго не знаютъ боги!

(Поддерживаетъ огонь очага).

Какъ холодно! угрюмая страна,
Гдѣ черныхъ тучъ живительныя слезы
На землю падаютъ холоднымъ снѣгомъ.
Въ отчизнѣ-жъ дышетъ вѣтеръ благовонный,
Тамъ небо ясное въ звѣздахъ сияетъ
Огнями тысячи очей небесныхъ;
Порой промчится въ черныхъ тучахъ Индра,
Громами оглашая поднебесье,
И снова небо синее заблещетъ,
И вновь земля вздохнетъ благоухая.
А во дворцѣ немолчный плескъ фонтановъ,
Звонъ арфъ, цвѣтовъ, куреній ароматъ,
Сверкаетъ золото, горятъ алмазы
И межъ колоннъ ковры, парчи и ткани
Едва колеблетъ вѣтеръ благовонный.

(Беретъ съ алтаря нѣсколько вѣтвей и бросаетъ ихъ въ огонь, на стѣнѣ появляется тѣнь Аримана. Атма въ испугѣ падаетъ на колѣни и хватается за алтарь; надъ алтаремъ густое облако дыма; когда онъ разсѣивается, видна фигура Аримана).

Ариманъ.

Не бойся, Атма, не врага ты видишь,
Не погубить тебя я прихожу;
Нѣтъ, приношу я помощь, утѣшенье.
Тебя не всѣ еще забыли боги
И не послѣдній я между богами.
Мнѣ жаль тебя въ твоей тюрьмѣ холодной,
Ты для того-ли край родной остави
И красоту и молодость сгубила
Въ горахъ безплодныхъ мрачнаго Ирана!

Атма.

Но я люблю.

Ариманъ.

А онъ тебя любилъ-ли,
Когда изъ нѣги, роскоши и блеска
Въ дворецъ угрюмый хитростью привлечь,
Когда тебя одну онъ оставляетъ
Безпомощною здѣсь въ тоскѣ и горѣ?

Атма.

И дни и ночи онъ въ борьбѣ проводить
Съ враждебной, безпощадной силой мрака;
Служитель вѣрный и пророкъ Ормузда —
Не можетъ онъ покинуть поле брани,
Куда влечетъ его святое дѣло.

Ариманъ.

Какъ знаешь ты куда, какія мысли
Его влекутъ? Съ тобой онъ не дѣлился
Ни дулами своими, ни трудами.
Да, онъ любилъ тебя, въ порывѣ страсти
Онъ опрокинулъ разомъ всѣ преграды,
Но гдѣ преграды нѣтъ — тамъ нѣтъ желанья
И въ тишинѣ костеръ скорѣ гаснетъ.
Измѣнивъ духъ людской, какъ вѣтеръ вѣетъ
Неуловимо мчась подъ облаками.

Атма.

Онъ разлюбилъ меня! Нѣтъ, нѣтъ, неправда!
Я каждый день въ глазахъ его читаю
Все ту же страсть, и развѣ я другая
И не меня увлекъ онъ въ бурномъ вихрѣ?

Ариманъ.

Смотри.

(Передъ ней появляется зеркало; она въ изумленіи отступаетъ, но потомъ подходитъ къ нему).

Атма.

Какъ? это я? какъ я блѣдна!

Глаза глядятъ уже не такъ какъ прежде
И прежней жизни нѣтъ въ моей улыбкѣ.

(Хочетъ улыбнуться).

А этотъ мѣхъ и темныя одежды...
Противно мнѣ и ихъ прикосновенье.
Зачѣмъ здѣсь нѣтъ ни золота, ни шелка?

Ариманъ.

Утѣшься, тканей драгоценныхъ груды
Я принесу тебѣ, но Тамурафа
Не привлечешь опять однимъ нарядомъ.
Нѣтъ, ты должна проникнуть въ сердце глубже,
Должна угадывать желанья, мысли,
Все знать, чего онъ ждетъ, чего боится,
Чего...

Атма.

Не знаетъ страха Тамурафъ.

Ариманъ.

Героя нѣтъ и не было отъ вѣка,
Къ кому бы въ сердце не проникнулъ тайно
Порою страхъ — все чтó живетъ и дышетъ.
Все движется надеждою и страхомъ.
Но отъ тебя скрываетъ Тамурафъ
Завѣтныя мечты и опасенья.

(Звукъ трубъ).

Вотъ онъ идетъ, прощай.

(Ариманъ исчезаетъ; входитъ Тамурафъ, засыпанный снѣгомъ).

Атма бросается къ нему на вѣтвичу).

Тамурафъ (обнимая ее).

Какъ ты блѣдна, дрожишь ты, чтó съ тобою?

Атма.

Мнѣ снился страшный сонъ, мой повелитель.

Тамурафъ.

Какой, дитя?

Атма.

Чтó ты меня не любишь.

Тамурафъ.

Я не люблю тебя! Но ты одна
Звѣздой отрадной свѣтишь въ бурномъ небѣ,
Одна въ мои тревоги и заботы
Порою радости бросаешь лучъ.
Мнѣ жизнь тяжелымъ бременемъ была бы,
Когда-бъ не ты.

Атма.

Но ты не вѣришь мнѣ,
Не хочешь ты со мною подѣлиться
Заботами своими и трудами.

Тамурафъ.

Зачѣмъ, дитя мое, кровавой брани
Передъ тобой развертывать картины!
Зачѣмъ коварства и страданій тѣнью
Напрасно омрачать твой свѣтлый миръ!

Атма.

Я не дитя, нѣтъ, я жена твоя
И я хочу, должна дѣлится съ тобою
Не радости однѣ, а трудъ и горе.

Тамурафъ.

Нѣтъ, милая, нѣтъ горя у меня
Когда я этотъ взоръ волшебный вижу,
И всѣ труды мои, и всѣ заботы
Въ лучахъ его какъ дымъ мгновенно таютъ.

Атма.

Нѣтъ, ты не вѣришь мнѣ. Сказать не хочешь —
Зачѣмъ, куда полетъ свой направляешь,
Когда ты разлучаешься со мной,
Чтобъ на конѣ своемъ волшебномъ мчаться
Подъ сумрачнымъ покровомъ зимней ночи.

(Плещетъ).

Тамурафъ.

Какъ? Плачешь ты? такъ сиранивай чтó хочешь,
Я не могу смотрѣть на эти слезы
И выносить давно не въ силахъ мысли
Что я увлекъ тебя въ страну чужую
И счастья тебя лишилъ быть-можетъ.

Атма.

Нѣтъ безъ тебя ни счастья, ни жизни,
Но я хотѣла бы съ тобою быть,
Слѣдить вездѣ хотъ мыслями и сердцемъ,
Все знать, чего ты ждешь, желаешь, любишь,
Чтó ненавидишь и чего боишься.

Тамурафъ.

Красавица моя, кого люблю,
Сказать не трудно и не долго будетъ:
Тебя, тебя одну, нѣтъ въ цѣломъ мирѣ
Другой улыбки и другаго взора,
Передъ которымъ сердце бы забилось;
И ненавижу только то чтó можетъ
Слезамъ эти очи затуманить.

Атма.

Когда бы ты меня одну любилъ,
Не разлучался бы со мной такъ часто.

Тамурафъ.

Пойми меня, тобой, тобой одною
 Душа полна, но не одни мы въ мірѣ;
 Нѣтъ, крѣпко связаны вселенной звенья,
 Одно лишь двинь — всѣ двинутся другія;
 Да, все здѣсь—каждый лучъ, и звукъ, и слово
 Незримо въ безконечность проникаетъ.
 Всѣмъ творенья крѣпко держитъ время,
 Поднявъ на нихъ всѣ силы дня и ночи,
 Но въ вѣчности склониться ихъ заставить
 Песчинка можетъ. Мы же въ этой жизни,
 Въ борьбѣ со зломъ всѣ силы напрягаемъ,
 Борцы минутные за царство свѣта,
 Участники послѣдняго суда.

Атма.

А если такъ, могу-ли безучастной
 Остаться я среди борьбы всемірной, —
 Я помогать должна, дѣлать съ тобою
 Опасности и подвиги и трудъ.

Тамурафъ.

И помогаешь: ты вездѣ со мною —
 Мысль о тебѣ удваиваетъ силы,
 Но намъ дано различное оружье:
 Мнѣ острый мечъ и сила заклинаній,
 Тебѣ сіянье красоты небесной
 И кроткая, чарующая ласка.
 Подъ вихремъ сбѣгаемъ въ сумракъ мятеля,
 Среди проклятіи, воплей и смятенія
 Не мѣсто юности и красотѣ,
 Тамъ каждый мигъ тревоги и смущенія
 Неотвратимую влечетъ погибель.

Атма.

Ужель конца не будетъ этимъ битвамъ,
 И никогда не будемъ знать покоя?

Тамурафъ.

Нѣтъ, милая, одинъ послѣдній подвигъ
 И кончено задуманное дѣло —
 Сегодня срокъ, мой конь волшебный долженъ
 Послѣдній разъ летѣть на бой смертельный;
 Лишь онъ крылатого догонитъ змѣя,
 Лишь онъ его растопчетъ новевольтъ,
 И въ бездну темную навѣтъ низринетъ...

Атма.

Меня одну опять оставишь ты
 Здѣсь за тебя дрожать, томиться, плакать...
 Ужель ты пожалѣть меня не можешь,
 Иль никогда не знаешь что значить страхъ?

Тамурафъ.

Нѣтъ, милая, не знаешь — одно я знаю
 Что самый страхъ и есть уже погибель.

Атма.

Какъ никогда? Ни въ битвахъ безошадныхъ,
 Ни въ этихъ бѣшеныхъ ночныхъ полетахъ?

Тамурафъ.

Нѣтъ, въ битвахъ некогда уже бояться...
 Но помню разъ...

(Задумывается. На стѣнѣ появляется тѣнь Аримана, она не замѣчается).

Нѣтъ, это не былъ страхъ...

На сѣверъ я полетъ тогда направилъ
 Черезъ вершины снѣжныя Эльбурса,
 Въ далекія, невѣдомыя страны.
 Ясна была серебряная ночь,
 Въ лучахъ луны недвижно спали горы
 И только тамъ, на грани льда и снѣга,
 Клубясь ползли и поднимались тучи.
 Ихъ холодомъ сырмъ и зыбкой тѣнью
 Я вдругъ охваченъ былъ, но выше, выше
 Я поднимался въ сумракъ густою...
 Уже за мною снѣжная вершина
 Была, когда раздвинулся туманъ
 И вдругъ я бездну темную увидѣлъ...
 Не знаю что мелькало подо мною:
 И ребра скалъ, и сосны вѣковья
 Чудовищемъ неслыханнымъ казались
 И внизъ къ себѣ влекли неудержимо...
 И я закрылъ глаза — мой конь рванулся
 Изъ-подъ меня, но стиснулъ я мгновенно
 Его бока и поводъ затянулъ, —
 И мы помчались внизъ легко и плавно...
 То не былъ страхъ, но съ той поры не разъ
 Во снѣ Эльбурса вижу я вершины
 И подо мной зіяющую бездну.

(Задумывается, потомъ оборачивается и замѣчаетъ тѣнь Аримана, которая мгновенно исчезаетъ).

Тамурафъ (вставая).

Какъ? это онъ? явился самъ безъ зова?
 Онъ мнѣ грозить... Но мы еще поспоримъ!

Атма.

Что, что съ тобою? Ты опять уходишь?
 Останься... только до утра.

Тамурафъ.

Нельзя.

Атма.

Нельзя! Нельзя, такъ ты меня не любишь.
(Онъ молча цѣлуетъ ее и уходитъ).

Не долженъ онъ идти теперь, не можетъ, —
 Зловѣщее предчувствіе мнѣ шепчетъ...

(Бросается за нимъ, но Ариманъ появляется передъ нею въ дверяхъ).

Безумная! Ты вздохами, слезами

Его напрасно здѣсь хотѣла удерживать.

(Атма закрываетъ лицо руками и плачетъ).

Нѣтъ, красоты и молодости сила
 Не въ жалобахъ, не въ столахъ и молитвахъ —
 Въ ней жизни ключъ, побѣдное веселье...

(Надѣваетъ на нее мантию и діадему).

Не бойся только, встрѣть его какъ прежде
 И страсть опять въ немъ вспыхнетъ съ новой силой.

И скоро васъ на вѣки обвѣнчаю.

Мятея стихаетъ. Тихая музыка.

Сцена III.

Глухая мѣстность; сосновый лѣсъ; скала, на вершинѣ алтарь съ горящимъ огнемъ, вокругъ него дестуры въ бѣлыхъ одеждахъ; въ отдаленіи на другомъ возвышеніи Шидаспъ стоитъ задумавшись. Ночь и мятея. Входитъ Атма.

Шидаспъ (идя къ ней на вѣтвицу).

Зачѣмъ, царица, ты сюда приходишь
 Одна въ такую ночь, чего здѣсь ищешь?

(Атма, не отвѣчая, останавливается на возвышеніи).

Куда ты смотришь такъ, сквозь мракъ и вьюгу?

Атма.

Смотри, подъ этой тучей видишь змѣя,
 А тамъ надъ лѣсомъ вотъ и онъ несется,
 Крылатый конь мелькаетъ надъ горами,
 Едва касаясь ихъ вершинъ копытомъ.

Шидаспъ.

Ни лѣса я, ни горъ кругомъ не вижу,
 Сокрыто все подъ снѣжною завѣсой;
 Приди въ себя и во дворецъ вернись.

Атма.

Нѣтъ, я должна остаться, я должна
 Увидѣть все! зачѣмъ, зачѣмъ ушелъ онъ?

Шидаспъ.

Царица, здѣсь ты дольше ждать не можешь.
 Идемъ отсюда.

Атма.

Нѣтъ! Оставь меня!

Въ послѣдній разъ хочу я видѣть мужа!
 Я знаю все, мнѣ все теперь открыто...

Смотри, земля коснулся онъ и тамъ

Остановился на вершинѣ; видишь?

Коня онъ поворачиваетъ круто,

Но тотъ уперся, на дыбы взвился,

Опять летитъ уже подъ темной тучей...

Шидаспъ.

Повѣрь мнѣ, дочь моя, когда твой духъ
 Не страшный сонъ туманитъ и волнуется,
 А видишь ты, что отъ другихъ сокрыто...
 И предъ тобою тотъ кого ты любишь —
 Не мучь себя, его не мучь напрасно,
 Быть-можетъ онъ сквозь мракъ насъ тоже видитъ, —
 Смутить его твоя тревога можетъ,
 Ему нужны все мужество, вся сила.
 Не въ первый разъ онъ по небу несется,
 И то грозу, то вьюгу поднимаютъ
 Размахи крыль тяжелыхъ Аримана.

Атма.

Какъ, Ариманъ—тотъ конь его волшебный?

Шидаспъ.

Да, Ариманъ, но за царя не бойся:
 Пока онъ самъ не знаетъ въ сердцѣ страха,
 Пока вокругъ священнаго огня
 Молитвы жаркія несутся къ небу,
 Его не одолѣетъ сила мрака.

Атма.

Онъ повернулъ—скуда теперь летитъ онъ...

Одинъ изъ **Дестуровъ (Шидаспу).**

Огонь едва мы можемъ защитить,

Мятея его заноситъ, рветъ и гаситъ.

(На горизонтѣ вспыхиваетъ зарница и надъ горами видна черная тѣнь Тамурафа на крылатомъ конѣ).

Зарницы въ снѣжномъ вихрѣ. Вѣтеръ злится.

Атма.

Не можетъ справиться онъ съ Ариманомъ,

На сѣверъ мчится все быстрѣй, быстрѣе,

То вверхъ бросается, то рвется внизъ...

Вот, вот уже зловѣщая вершина...

Онъ пошатнулся! Боже!... *(Вскрикиваетъ, и падаетъ
мертвою. Метель разбрасываетъ огонь жертвенника).*

*(На сценѣ мракъ, лишь изредка прерываемый зарницами, въ
небѣ при свѣтѣ ихъ проносится Ариманъ безъ всадника).*

Шидасъ.

Всѣ къ алтарю! Отъ вихря заслоните,
Послѣднимъ искрамъ угасать не дайте.

*(Дестуры окружаютъ алтарь и раздуваютъ пепелъ).
Свершилось; нѣтъ великаго владыки!*

Свободенъ Ариманъ. Опять на волѣ

Бушуетъ онъ... Несчастная царица!

(Подходя къ тѣлу Атмы и наклоняясь надъ нимъ).

Нѣтъ и ея! Носильщиковъ позвать.

Тамъ на скалѣ ей приготовимъ ложе,

Пусть въ лучахъ востока ожидаетъ

Послѣдняго суда и пробужденья.

*(Пока онъ говоритъ, огонь на алтарѣ разгорается, небо про-
ясняется, и на горизонтѣ видна яркая полоса зари. Дес-
туры опускаются на колѣни. Солнце восходитъ.*

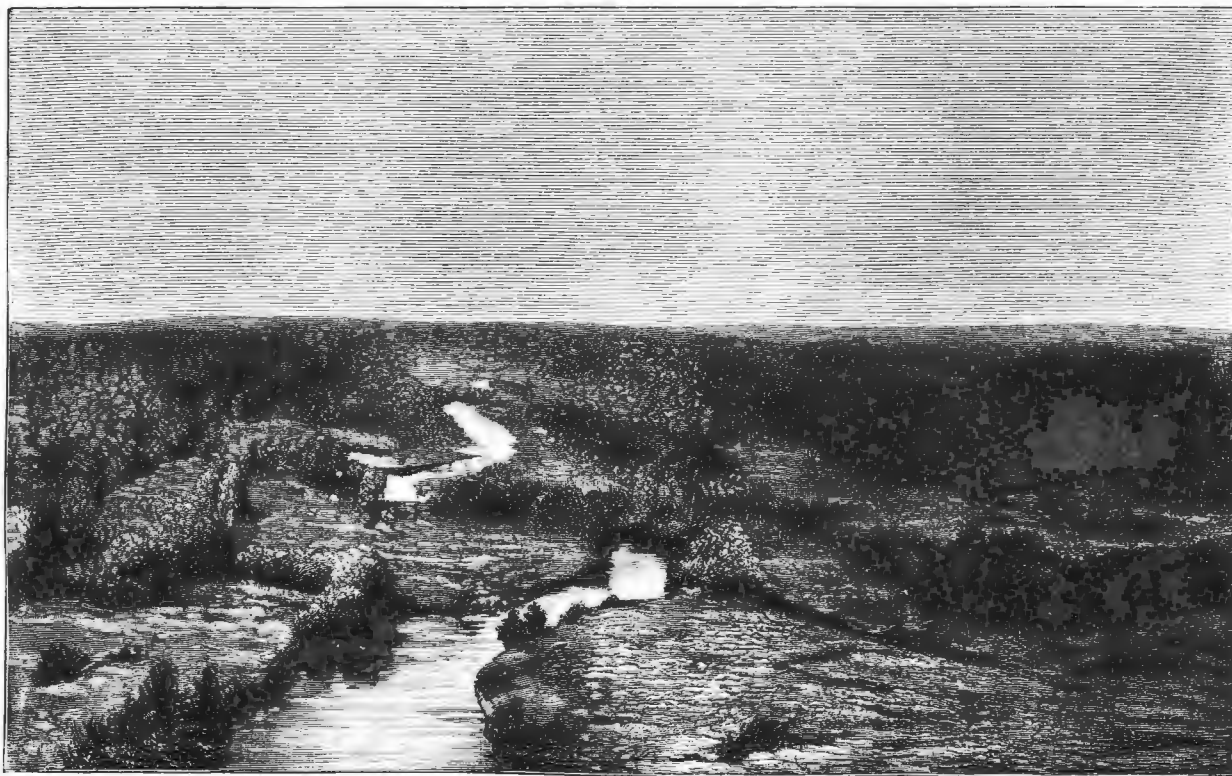
*Занавѣсъ. *)*

О приспособленіи формъ и окраски животныхъ къ окружающей ихъ средѣ,

Профессора К. Э. Линдемана.

Кому случилось увидеть въ лѣсу змѣю, притаившуюся между обломками древесныхъ вѣтвей, лежащихъ на землѣ, тому неизменно приходила мысль объ удивительномъ сходствѣ въ формѣ, положеніи и окраскѣ ея тѣла и этихъ вѣтвей или палочекъ. Точно сознательно надѣла на себя змѣя такую маску, которая помогаетъ ей укрыться между окружающими ее пред-

мы ни обратились, изучая сущность отношеній животныхъ въ окружающей ихъ обычной обстановкѣ, мы всюду видимъ такую ясно выраженную въ нихъ приспособленность къ послѣдней. Всѣ животныя нѣкоторой области находятся въ постоянной борьбѣ между собою. Въ этой борьбѣ какъ нападающему, такъ и жертвѣ его, одинаково выгодно обладать вѣш-

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Долина рѣки Сестры (Финскій видъ). Кар. акад. Ю. И. Феддера, грав. Рашевскій.

метами, составляющими обычную обстановку среды, ею обитаемой.

Въ лѣсахъ средней Европы часто можно видѣть слизняковъ (Arion), черное или рыжеватое тѣло которыхъ достигаетъ вершка три въ длину. Нужно удивляться тому, какъ многочисленны бываютъ иногда эти животныя, совершенно беззащитныя, представляющія лакомую пищу для многихъ обитателей лѣса. Но стоить понаблюдать за манерами такого слизняка, чтобы получить объясненіе такой загадки. Заслышавъ приближеніе опасности, слизнякъ свертывается спиралью и становится неподвижнымъ, причемъ принимаетъ такое сходство съ изверженіями мелкихъ млекопитающихъ, что даже человекъ легко ошибается, принимая его за таковыя. Слово сознательно выработали себѣ эти слизняки такой вѣшной видъ и такія привычки, съ помощью которыхъ они, унижаясь до вѣшного сходства съ предметами наиболее презрѣнными, обезпечиваютъ себѣ возможность существованія среди цѣлаго общества враговъ, бороться съ которыми они рѣшительно не могутъ.

По двумъ приведеннымъ здѣсь примѣрамъ мы сразу ознакомимся съ сущностью интересующаго насъ вопроса о приспособленіи животныхъ. На двухъ крайнихъ случаяхъ мы видимъ, какимъ образомъ подобныя маски являются одинаково полезными, какъ для могущественнаго хищника, такъ и для слабого и беззащитнаго моллюска. Такіе факты имѣли бы значеніе простыхъ лишь курьезовъ, еслибъ они были единичными. Они приобретаютъ значеніе крайне важнаго біологическаго закона, когда мы убѣждаемся въ томъ, что они далеко не единичны, а напротивъ, представляются явленіемъ чрезвычайно обыкновеннымъ, весьма распространеннымъ. Куда бы

шимъ видомъ, позволяющимъ укрыться болѣе или менѣе совершенно между предметами обычной обстановки. Поэтому идеалъ каждой животной формы состоитъ въ томъ, чтобы возможно со-

*) По древне-иранской (персидской) религіи Зороастра, творцомъ и правителемъ міра является Ормуздъ, божество свѣта, правды и добра; ему противустоятъ Ариманъ, духъ зла, лжи и мрака. Оба они, „близнецы“, одинаково реальны, сотворившіе одинъ добро, другой—зло, находятся въ вѣчной борьбѣ между собою.

Ученіе Зороастра, отрывки котораго дошли до насъ въ Зендъ-Авестѣ, является единственно болѣе или менѣе строго выдержанною дуалистическою системою. Всѣ существа, начиная отъ свѣтилъ и кончая мелкими животными, дѣлятся на творенья Ормузда и Аримана, ведущія непрерывную борьбу между собою, борьбу должеющую только въ теченіе вѣковъ окончиться торжествомъ добра. Система эта представляетъ контрастъ съ индійскими вѣроученіями, которыя склонны видѣть во всей вселенной проявленіе одной сущности, являющейся въ безчисленныхъ образахъ только благодаря покрову Маи — живой видимости явленій.

Въ Зендъ-Авестѣ всего три или четыре раза встрѣчается имя Тамурафа, одного изъ первыхъ царей древняго Ирана; но изъ немногихъ касающихся его текстовъ видно, что ему приписываются необычайныя магическія знанія и сила; посредствомъ своихъ заклинаній онъ превратилъ Аримана въ крылатаго коня, который долженъ былъ послушно носить его въ теченіе тридцати лѣтъ; по истеченіи этого срока Ариману удалось избавиться отъ своего всадника, только благодаря тому, что отъ жены Тамурафа онъ узналъ, что полетъ надъ вершиною Эльбурса—единственный подвигъ внушающій Тамурафу нѣкоторый страхъ. (Ред.)

Четверка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) баронессы О. Таубе, грав. Флюгель.

вершено выработать себѣ такую приспособленность, приобрести такую шапку-невидимку, которая даѣа бы возможность спрятаться, притаяться. На нѣсколькихъ отдѣльныхъ примѣрахъ я ознакомлю здѣсь съ тѣмъ, въ какомъ видѣ природа удовлетворяла это стремленіе животныхъ къ приобретению способности укрываться.

Многочисленные примѣры мы видимъ между млекопитающими. Левъ, стерегущій добычу, притаявшись между скалами пустыни, окрашенъ въ цвѣтъ этихъ скалъ. Тигръ, крадущійся въ заросляхъ Бенгаліи, разрсосанъ вертикально поставленными черными полосами, совершенно сходными съ тѣми полосами тѣни, какія бросаютъ стебли этихъ зарослей. Ягуаръ, подстерегающій свою жертву прижавшись къ толстому суку дерева, испещренъ группами округленныхъ темныхъ пятенъ, совершенно сходныхъ съ тѣнями, бросаемыми листьями покрывающаго его кунула деревъ евъ.

Подобно тому какъ всѣ эти хищники надѣваются соответствующую мѣстности маску, которая должна скрыть ихъ отъ глазъ беззаботной или глупой жертвы и этимъ облегчить имъ охоту, — такъ же точно и тѣ животныя, которыя будто нарочно назначены природою служить такими жертвами, приобретаютъ свойства, позволяющія имъ легче укрываться отъ взоровъ ихъ враговъ. Я напому нашего обыкновеннаго зайца-бѣлика. Лѣтомъ снимаетъ онъ краски съ поверхности земли и древесныхъ стволовъ и, окрашивая ими свое тѣло, гармонируетъ съ окраскою своей обстановки; къ зимѣ же, когда выпадающій снѣгъ совершенно мѣняетъ весь колоритъ обитательной имъ мѣстности, онъ принимаетъ другую окраску, оспари-

вал тогда близину у поверхности снѣга. Зайцы живущіе въ мѣстностяхъ гдѣ снѣгъ (по крайней мѣрѣ мѣстами) не сходитъ круглый годъ, именно на Альпахъ и въ полярныхъ странахъ, бывають одинаково бѣлыми какъ зимою, такъ и лѣтомъ, какъ бы нарочно для того чтобы объяснить намъ смыслъ той періодической перемѣны въ окраскѣ тѣла, какую испытываютъ ихъ среднеевропейскіе родственники. Такая періодически совершающаяся перемѣна въ окраскѣ тѣла, въ зависимости отъ соответствующей перемѣны въ окраскѣ всей окружающей мѣстности, наблюдается еще у нѣсколькихъ другихъ животныхъ, какъ млекопитающихъ, такъ и птицъ. Такъ горностай и ласка лѣтомъ имѣють шкуру бурую, укрывающую ихъ на поверхности земли и на вѣтвяхъ деревьевъ во время ночной охоты ихъ; зимою же они становятся бѣлыми какъ снѣгъ, что не мѣшаетъ тогда уснѣшности ихъ охоты. Точно также бѣлый тетеревъ и бѣлая куропатка сѣверной Россіи лѣтомъ бывають покрыты рыжими и буроватыми перьями, а на зиму становятся почти совсѣмъ бѣлыми.

Тогда какъ всѣ эти животныя измѣняютъ свою окраску періодически, въ опредѣленное время года, сообразно характеру окраски мѣстностей въ эти различные сезоны, — другія животныя имѣють способность нѣсколько измѣнить свой цвѣтъ въ неопредѣленное напередъ время, въ зависимости отъ нѣкоторыхъ случайныхъ явленій. Такъ въ Сахарѣ живетъ ящерица (*Uromastix acanthinurus*), которая ночью и въ облачные дни бываетъ сѣрою съ разсыпавшимися черноватыми пятнами, а въ ясные дни — несчапаго цвѣта, съ мелкими черными пятнами, похожими на камешки лежашіе на поверхности песка.

(Продолженіе будетъ).

Петербургъ — Владивостокъ.

Всероссійская великая восточная желѣзная дорога.

Несомнѣнно что нашему вѣку исторія дастъ имя — желѣзно-дорожнаго. Почти одно и то же поколѣніе видѣло начальный попытку продолженія рельсовыхъ путей и оно же дожило до совершенной паутины ихъ, напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ на пространныхъ не превосходящемъ $\frac{1}{3}$ нашей Сибири — уложено болѣе 220,000 верстъ. Англія и Западная Европа заткали этой паутиной тоже весьма значительно.

Изъ великихъ государствъ осталась позади одна Россія, руководившая долгое время въ своей финансовой жизни фритредерами-либералами, которые въ ихъ космополитическихъ идеяхъ отрицали мощь нашу, не вѣрили въ самихъ себя, отвергались себя, по общему нигилистическому шаблону.

Самоотрицаніе ихъ — или финансовый нигилизмъ — старалось каждаго убѣждать въ томъ что мы бѣдны, что намъ надобно занимать деньги за границей, для уплаты нашихъ болѣе раннихъ долговъ, т. е. затягивать самимъ надъ собою петлю безпрѣдѣльной задолженности.

Но все это, благодареніе Богу, окончилось и принадлежитъ уже исторіи.

Установившіеся нынѣ, твердые взгляды на громадное внутреннее могущество земли Русской — блистательно опрокинули всѣ теоріи финансисстовъ вышеназванной партіи — и изоднявь-день поднимая быстрыми шагами наше благосостояніе и нашъ кредитъ, открываютъ намъ свѣтлое матеріальное будущее.

Мы видимъ что вмѣсто девальваций, къ удивленію финансовыхъ нигилистовъ — на нашу бумажку, на нашъ кредитный серебряный рубль, мы можемъ купить рубль металлическій серебряный, приплативъ только девять копѣекъ, и несомнѣнно что въ самомъ скоромъ времени и эта незначительная разность исчезнетъ. Наши займы стоящіе у насъ 98% — иностранными биржами цѣнятся по 103%.

И такъ кредитъ нашъ быстро поднимается на высоту соответствующую великому и богатому государству. При восстановленномъ же кредитѣ — въ нашъ желѣзнодорожный вѣкъ — заботиться наперестать уищенное, заботиться объ усиленномъ развитіи *полезныхъ* желѣзныхъ дорогъ, дѣло весьма естественное. Однако прежде чѣмъ подробнѣе говорить о предметѣ насъ теперь занимающемъ, о великомъ пути чрезъ всю Восточную Россію (наименованіе Сибирь я опускаю, такъ какъ оно выражаетъ лишь идею преступной стороны прошлаго и настоящаго русской жизни), надобно хоть отчасти указать наши матеріальные ресурсы, дабы всякій читатель видѣлъ, что осуществленіе этого колоссальнаго какъ по величинѣ, такъ и по своей пользѣ, сооруженія — въ денежномъ отношеніи достижимо нынѣ же, безотлагательно, а не въ далекомъ будущемъ. Сооруженіе это дастъ прибыль на непосредственно затраченный на него капиталъ. При этомъ наиболѣе выгоднымъ представляется соединить по ближайшему разстоянію Оренбургъ сначала съ бассейною Амура въ наиболѣе южномъ пунктѣ нашей Аргуни, у Абагайтудъ, и затѣмъ уже этотъ послѣдній съ Владивостокомъ.

Все разстояніе составитъ до Аргуни 4500 верстъ, а оттуда до Владивостока 1300, слѣдовательно, считая по 40,000 руб. версту дороги, нужно для перваго участка 180 милл. руб.

Если этотъ капиталъ дастъ чистаго дохода, считая по 5%, всего 9 милліоновъ, то онъ будетъ номѣщенъ производительно.

Весь денежный вопросъ сводится къ тому, что правительство рискуетъ всего этою суммою въ 9 милліоновъ рублей ежегоднаго расхода или только нѣкоторую ея частію.

Практика, напримѣръ, Николаевской дороги, указываетъ, что ея валовой доходъ составляетъ 16% строительнаго капитала; предположить такія же условія и для Великой восточной желѣзной дороги — было бы слишкомъ тяжело, но если дорога эта получить 6500 р. на версту, то она приравняетъ себя къ нашей первоклассной дорогѣ.

Примѣняя меньшіе эксплуатационные результаты дорогъ уже построенныхъ, слѣдуетъ считать доходы за перевозку грузовъ и пассажировъ въ 3000 р. на версту; затѣмъ если оцѣнить перевозку чая въ 1000 р., не принимая во вниманіе никакого другаго торговаго движенія, хотя оно должно быть весьма значительнымъ, и не полагая никакого увеличенія перевозки чая (на самолетъ же дѣлѣ оно легко можетъ удвоиться), мы уже обезпечены отъ убытковъ.

Для компетентныхъ лицъ несомнѣнно, что эксплуатация дороги, магистральной и транспортной, будетъ даже прямо весьма выгодною.

Слѣдовательно употребленіе капитала въ 180 милліоновъ будетъ прямо производительно, косвенныя же выгоды будутъ огромны.

Перевозка войскъ, переселенцевъ, ссыльныхъ, почты, дастъ большія сбереженія въ бюджетахъ разныхъ вѣдомствъ.

Поземельные, акцизные, торговые, промысловые и таможенные доходы не могутъ не увеличиться значительно.

Удешевленіе горныхъ и другихъ промысловъ увеличитъ добычу золота и другихъ минераловъ. Обмѣнъ сырыхъ произведеній Восточной Сибири, Областей Средней Азии, Монголіи и Манчжуріи, создастъ большую торговлю и соответственное движеніе по дорогѣ.

Возвращаясь опять къ денежному вопросу, такъ какъ онъ самый существенный, что недавно подтвердилось и притомъ официально.

Въ газетѣ *Восточное Обозрѣніе* сообщено что на обѣдѣ въ честь инженеровъ желѣзнодорожной комисіи, бывшемъ въ г. Читѣ, была получена отъ приамурскаго генералъ-губернатора слѣдующая телеграмма: „Государь Императоръ повелѣлъ передать гражданамъ Читы, что Онъ изволитъ радоваться вмѣстѣ съ ними о соединеніи желѣзной дорогой Забайкалья съ центромъ Россіи и сожалеетъ что путь этотъ не можетъ быть осуществленъ такъ скоро, какъ бы Онъ того желалъ“. И такъ мы видимъ, насколько важенъ этотъ путь и какъ наискорѣйшая его постройка составляетъ желаніе Самого нашего возлюбленнаго Монарха, сердцу котораго ближе всего существенныя интересы Его государства.

Весь вопросъ вѣроятно въ деньгахъ — не встрѣчай въ этомъ затрудненій финансовое вѣдомство и дѣло можетъ быть теперь было бы уже во второй половинѣ своего осуществленія, такъ что все прощедшее замедленіе въ осуществленіи этого пути, громадной государственной пользы, задержано до сихъ поръ было, вѣроятно, по неизбѣжности этимъ вѣдомствомъ. Несомнѣнно, что оно конечно усиленно изыскиваетъ таковыя средства и конечно ихъ найдетъ въ самомъ недалекомъ будущемъ, потому что, какъ видно, ихъ не особенно много и нужно. Въ общемъ

сумма 180 миллионов, а так как постройка вряд ли может быть исполнена скорее пяти лет, то всего по 36 миллионов рублей в год, сумма при бюджете в 875 милл. незначительная.

По бюджету определено платежей по займам в металлической валюте на будущий год 124 миллиона рублей, требующийся же для постройки капитал составляет от этой суммы 28%. Наш же курс, кажется, поднялся на 20% и продолжает подниматься, так что одна эта статья составит экономии в бюджете около 25 милл. как бы свободных для употребления на постройку. Но Государственный Банк имет в своем портфеле, уже с давних пор, капитал далеко превосходящий искомый, лежащий у него непроизводительно, без употребления.

Мы говорим о 266 миллионах процентных бумаг ему принадлежащих. Курс на наши бумаги за границей доходил до 3% выше *at par*. Кажется, продавать их можно не безыгодно, особенно годовую потребность для постройки железной дороги, в сравнительно небольшой сумме—36 миллионов.

У Банка же лежит в кассах 134 миллиона и за границей 47 миллионов; Государственное Казначейство, сверх того, имет золота на 37 миллионов.

Так что денег у нас много и они как бы не находят себе оборота, находясь в таких колоссальных и малопроизводительных наличностях; казалось бы поэтому, что задержка в осуществлении этого пути могла бы быть в чем-нибудь другим, но не в деньгах.

Министерство Путей Сообщения ежегодно имет в своем бюджете на сооружение железных дорог и портов 34 миллиона, и если этот путь будет признан важнейшим, то большая часть необходимых для него ежегодных ассигнова-

ний может быть получена даже и из этой статьи.

Продажа земель вдоль линии, по американскому способу—не только даст, хотя и не сразу, вещь необходимый капитал, но и превзойдет его во много раз—на этом громадном протяжении.

Таким образом, не заслуживают, конечно, никакого доверия слухи о необходимости будто бы особого специального займа, для чего как бы выжидается благоприятный момент. Заем поведет только к платежам банкирам миллионов за комиссию, тогда как перечисленные ресурсы указывают ясно его ненужность.

Если задержки и происходят, то по другим причинам, и весьма может быть из-за выбора направления, так как по вопросу: которое из них представляется наиболее полезным, до сих пор не было произведено, к общему удивлению, даже самого поверхностного осмотра или рекогносцировки.

Изложив перед читателем денежную сторону вопроса, можно теперь перейти и к самому пути.

Вопрос о проведении рельса на дальний Восток уже имет свою историю, но и тут наши космополиты—патриоты без отечества—проектировали много множество направлений, забывая и о Пекине (особенно), и о Калькутте, и совершенно не примѣтили или не удостоили своим вниманием наш Владивосток и с ним Уссурийский Край до Томска.

Собственно же под Сибирской дорогой принято было понимать—переходы рельсом Уральского хребта, для доведения его до бассейна сибирских рек.

Об этом спорили и толковали чуть ли не семнадцать лет и закончили выходом к Тюмени.

Н. К.

(Оконч. в слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Крестьянская дѣвочка. (Рис. на стр. 405).

Быть русскаго крестьянства служить тою средою, из которой большею частью черпает содержание академикъ живописи И. А. Пеленицъ для своихъ картинъ. Безхитростны и просты по замыслу его произведения, но какъ близки и понятны они каждому русскому! Какъ живо, напимѣрь, стоитъ передъ нами крестьянская дѣвочка на его картинѣ, находящейся въ настоящее время на весенней выставкѣ въ Академии Художествъ. Понабравъ хворосту, вышла она изъ темной чащи лѣса, остановилась на опушкѣ, вся залитая солнечнымъ свѣтомъ, и, прищуря глазки, кажется, высматриваетъ дорогу, по которой ей ближе всего добраться до дому.

Поэзія. (Рис. на стр. 408).

Третье панно, работы профессора К. Е. Маковского, предназначено украсить роскошное помѣщеніе въ домѣ г. фонъ-Дервиза, изображаетъ Поэзію. Молодая, красивая дѣвушка сидитъ, вся отдавшись мечтамъ, посреди роскошной растительности и, какъ будто, хочетъ уловить ту пѣсню, которую напѣваетъ ей одинъ изъ окружающихъ амуровъ.

Торговецъ. (Рис. на стр. 409).

Картина К. П. Степанова „Торговецъ“ должна занять первое мѣсто среди работъ молодого художника на текущей выставкѣ Имп. Акад. Худ. Не только замѣчательная по тонкой вышкѣ мелочей, составляющей отличительное свойство таланта г. Степанова, она полна свѣта, воздуха, простора и движенія. Въ ней живо и картинно переданы: красивая фигура молодой женщины, съ любопытствомъ разсматривающей диковинки продавца, и самъ торговецъ восточными товарами, съ лукавою улыбкой раскладывающей свой товаръ, и наконецъ другія фигуры—все онѣ полны жизненной правды и привлекательности.

Тонкинъ. (Рис. на стр. 413).

Тонкинъ, область въ сѣверо-восточной части Индокитая, принадлежитъ съ 1885 года французамъ, которые еще въ 1870 году обратили вниманіе на эту богатую аннамитскую провинцію. Орошаемая во всю длину судоходною Красною рѣкою или китайскимъ Гонгъ-Кiangомъ, плодородная страна составляла до 1802 независимое государство, послѣ чего она подпала подъ аннамитское владычество. Лѣтъ 19 тому назадъ нѣкто Дюпон, торговецъ оружіемъ, поселившійся въ Ха-поѣ, указалъ кохинхинскому губернатору на торгово-политическое значеніе Красной рѣки, открывающей доступъ во внутренній Китай. Въ 1873 году въ Тонкинъ была послана небольшая экспедиція подъ начальствомъ морскаго лейтенанта Гарнье и съ того времени, можно сказать, и по-днесъ французы съ оружіемъ въ рукахъ продолжаютъ отстаивать свое господство въ странѣ.

Жители Тонкина, числомъ до 15 миллионовъ, принадлежатъ къ индо-китайцамъ и въ своей первоначальной чистотѣ типа встрѣчаются только въ горахъ, гдѣ они живутъ довольно независимо. Одежда ихъ схожа съ китайскою, какъ это видно на нашей гравюрѣ, изображающей тонкинку въ праздничномъ парадѣ.

Проповѣдь въ сельской церкви. (Рис. на стр. 416).

Превосходные жанры В. Е. Маковского всегда исполнены жизненной правды и разнообразія типовъ; и неудивительно что на всѣхъ выставкахъ картины его собираютъ предъ собою наибольшую тѣсную толпу. Такими же достоинствами отличается и послѣднее произведение нашего академика на XVII передвижной выставкѣ. Передъ нами сельская церковь, наполненная обычными слушателями проповѣди, съ перваго взгляда легко раздѣльными на мѣстную „интеллигенцію“ и „народъ“. Впечатлѣнія проповѣди безконечно разнообразны, смотри по возрасту, полу, общественному положенію и проч.

Sub hasta (подъ копыями). (Рис. на стр. 417).

У древнихъ римлянъ было въ обычаѣ продавать военную добычу, а слѣдовательно и военнопленныхъ, съ публичнаго торга. Мѣсто аукціона обозначалось воткнутыми въ землю копыями (*hasta*), подъ которыми (*sub hasta*) должны были проходить продаваемые въ рабство. За столомъ помѣщался оценщикъ, который стучалъ своей палочкой, какъ стучатъ на нынешнихъ аукціонахъ молоткомъ. Насупротивъ его разсаживались покупатели. Ликторъ со своимъ пучкомъ розогъ и воткнутой въ него сѣкирой (крайняя фигура справа на рисункѣ), замѣнялъ полицейскихъ для порядка. Военнопленные обоюдо пола, связанные группами, проходили подъ копыями, въ сопровожденіи военного козволъ. Обыкновенно это были германцы или галлы. Рядомъ съ оценщикомъ помѣщался законовѣдъ, готовый совершить актъ продажи.

Долина рѣки Сестры. (Рис. на стр. 420).

По границѣ Петербургской губерніи и Финляндіи протекаетъ къ юго-западу небольшая рѣка Сестра, верстъ 40 длиною, по болотистой мѣстности. Не отличаясь значительною глубиною, она течетъ довольно быстро между довольно крутыми берегами, поросшими кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ, какъ это живо передано на прекрасной картинѣ академика Ю. И. Федерса, выставленной въ залахъ Академіи Художествъ.

Четверка. (Рис. на стр. 421).

Рисунки перомъ г-жи Таубе всегда отличаются удивительною вѣрностью природѣ, что весьма трудною соблсти въ этомъ родѣ живописи. Нужно владѣть искусствомъ въ совершенствѣ, чтобы въ сухой манерѣ этихъ рисунковъ дать почувствовать воздушную перспективу и не слѣзнить фигуръ... Прилагаемый рисунокъ изображаетъ четверку, запряженную на выносъ (*four in hands*) въ весьма трудномъ ракурсѣ.

Запрудное судно на Дунаѣ. (Рис. на стр. 424 и 425).

Цѣлыя столѣтія Дунай, раздѣленный на нѣсколько рукавовъ, несчетное число разъ опустошалъ мѣстности вокругъ Вѣны во время наводненій и ледохода и тормозилъ подъемъ столицы въ промышленномъ отношеніи, пока съ императорскаго созволенія не появился въ 1868 году проектъ регулированія рѣки Дуная. О громадности предпріятія можно судить по тому, что въ своей главной части проектъ былъ осуществленъ только въ 1875 г. и сооруженіе обошлось свыше 25 миллионовъ рублей. Глав-

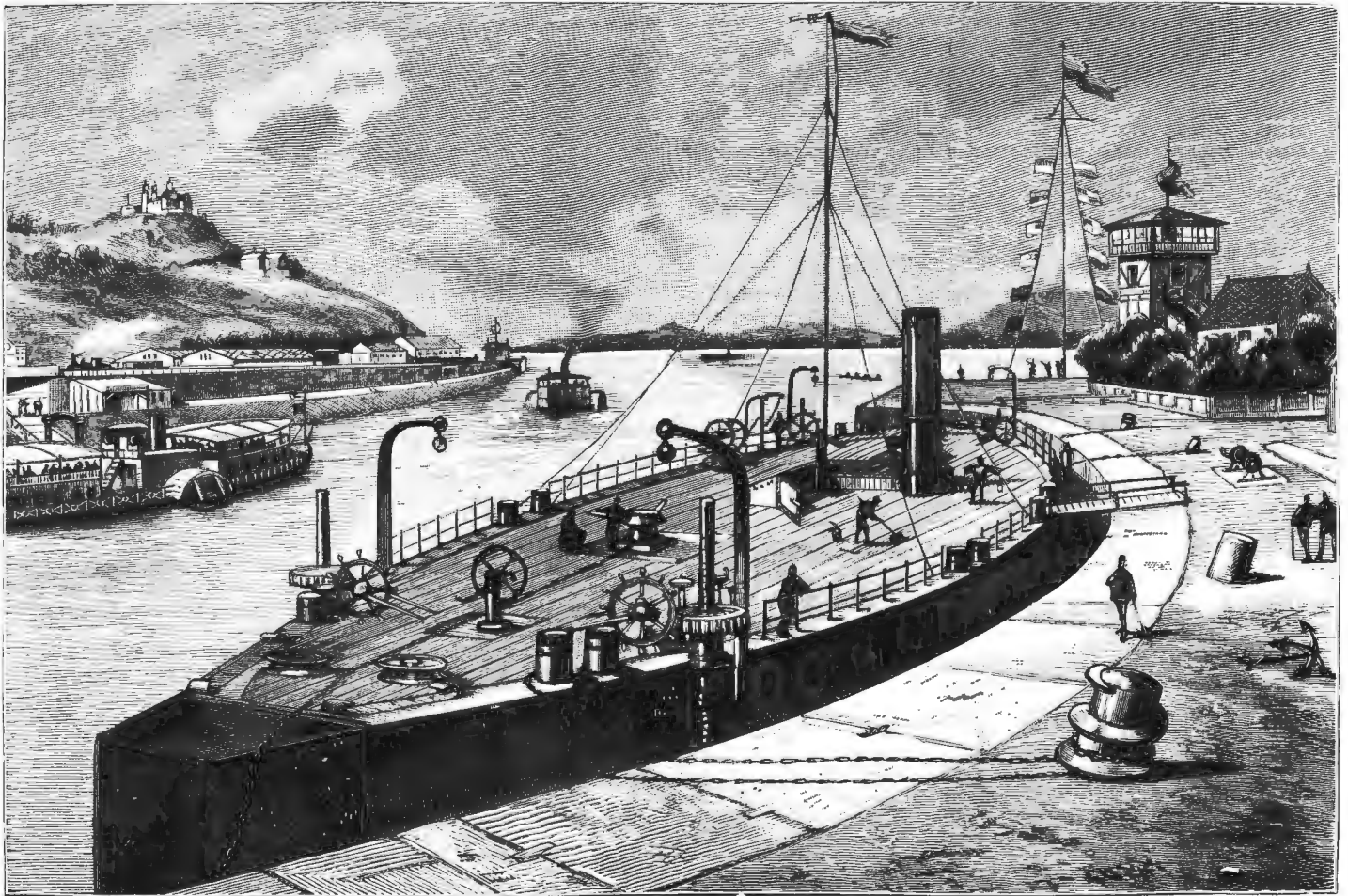
ною задачею проекта было сосредоточение всей воды въ одномъ ложѣ, за исключеніемъ вѣнскаго-дунайскаго канала. Протекающей по восточной части города каналъ отдѣляется отъ Дунай у подножія Леонольдовой горы близъ Нусдорфа. При самомъ входѣ въ каналъ обращаетъ на себя вниманіе остроумное приспособленіе для загораживанія доступа излишней воды и льда въ него, не препятствуя необходимому теченію воды изъ рѣки въ каналъ. Приспособленіе это состоитъ изъ двухъ солидныхъ шлюзовыхъ стѣнъ по обѣ стороны дунайскаго канала и запруднаго судна, изображеннаго на нашихъ рисункахъ отведеннымъ въ гавань, когда въ немъ не встрѣчается надобности, и стоящимъ поперекъ канала между шлюзовыми стѣнами и загораживающимъ доступъ льда въ каналъ изъ рѣки. Это судно выстроено по

плану фонъ-Энгерта и стоило около 750,000 рублей. Оно все состоитъ изъ кованаго желѣза и вѣситъ 22,326 пудовъ. Длина судна свыше 22 сажень, вышина около 8 аршинъ и по срединѣ ширина доходитъ до 13,3 аршинъ. Желѣзные листы составляютъ корпусъ судна толщиною 2,5 дюйма. Внутри кромѣ машиннаго отдѣленія помѣщаются каюты для машиниста и шкипера. При ледоходѣ это громадное судно, которое можетъ по мѣрѣ необходимости опускаться или всплывать, благодаря особымъ приспособленіямъ, не только задерживаетъ у входа въ каналъ всю массу льда, но также и размельчаетъ его особыми ледорѣзами, числомъ отъ 30 до 50, такъ что въ каналъ попадаетъ самое незначительное число льдинъ, притомъ небольшого размѣра.

Политическое обозрѣніе.

Болѣзненное состояніе Голландскаго короля Вильгельма настолько ухудшилось за послѣднее время, что учрежденіе регентства сдѣлалось неизбежнымъ, о чемъ уже заявлено мини-

сטרствомъ Катарджи новый кабинетъ состоитъ преимущественно изъ либеральныхъ консерваторовъ и устами своего президента, на запросъ относительно политики новаго кабинета,

Запрудное судно на Дунаѣ. 1) Въ гавани. Рис. Рейхср, грав. Крѣнеръ.

стерствомъ въ парламентъ. Для той-же цѣли министры вновь обратились къ королеви Эммѣ съ просьбою быть регентшею, отъ чего она до послѣдняго времени постоянно отказывалась. На этотъ разъ королева согласилась на просьбу. Въ связи съ учрежденіемъ регентства въ Голландіи, образовалось регентство и въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ. Такъ какъ по конституціи герцогства на престолѣ въ немъ не могутъ быть женщины, то послѣ смерти короля Вильгельма на Люксембургскій престолъ долженъ вступить его ближайшій родственникъ по боковой линіи, герцогъ Нассаускій Адольфъ, который и избранъ нынѣ люксембургскимъ регентомъ. Герцогъ Адольфъ принесъ присягу въ качествѣ регента передъ палатою 30 марта на французскомъ языкѣ и обѣщавъ сохранить учрежденіе страны и упрочить ея автономію и независимость, а на другой день на банкетѣ регентъ, провозгласивъ тость за процвѣтаніе края, прибавилъ: „Мы хотимъ оставаться тѣмъ что мы есть“.

Разрѣшившейся въ Румыніи министерскій кризисъ открылъ для германской и австрійской дипломатіи новое поле для одержанія побѣдъ, такъ какъ съ переменою министерствъ надо думать произойдетъ также и перемена относительно политики. Составленный по порученію короля подъ пред-

завилъ что нейтралитетъ сдѣлался лозунгомъ настоящаго правительства. На это бывший министръ Карль замѣтилъ, что слово „нейтралитетъ“ не имѣетъ никакого смысла въ военное время, причемъ потребовалъ борьбы съ панславистскою пропагандою. На другой день, 31 марта, министръ иностранныхъ дѣлъ Лаговари подтвердилъ въ палатѣ сдѣланное наканунѣ заявленіе относительно рѣшенія соблюдать нейтралитетъ. Вслѣдъ затѣмъ Катарджи, возражая на рѣчь Карля, повторилъ, что будетъ держаться традиціонной политики Румыніи, заключающейся въ соблюденіи безусловнаго нейтралитета, а не нейтралитета по системѣ Карля, которая могла бы привести къ территориальной утратѣ. Если наступитъ моментъ, когда соблюденіе нейтралитета представится невозможнымъ, то правительство обратится къ странѣ, чтобы узнать ея волю. Въ Вѣнѣ, газеты, обсуждая заявленіе, сдѣланное румынскимъ министерствомъ, не соглашались съ нимъ и находятъ, что рано или поздно Катарджи и Лаговари вынуждены будутъ или рѣшиться слѣдовать иностранной политикѣ предшествующихъ кабинетовъ Братіано и Розетти, или выйти въ отставку. Напротивъ, во Франціи *Temps* говоритъ, что, призывая къ власти Катарджи, румынскій король кончилъ тѣмъ, съ чего долженъ былъ начать. Король Карль слишкомъ держался личной политики, слишкомъ

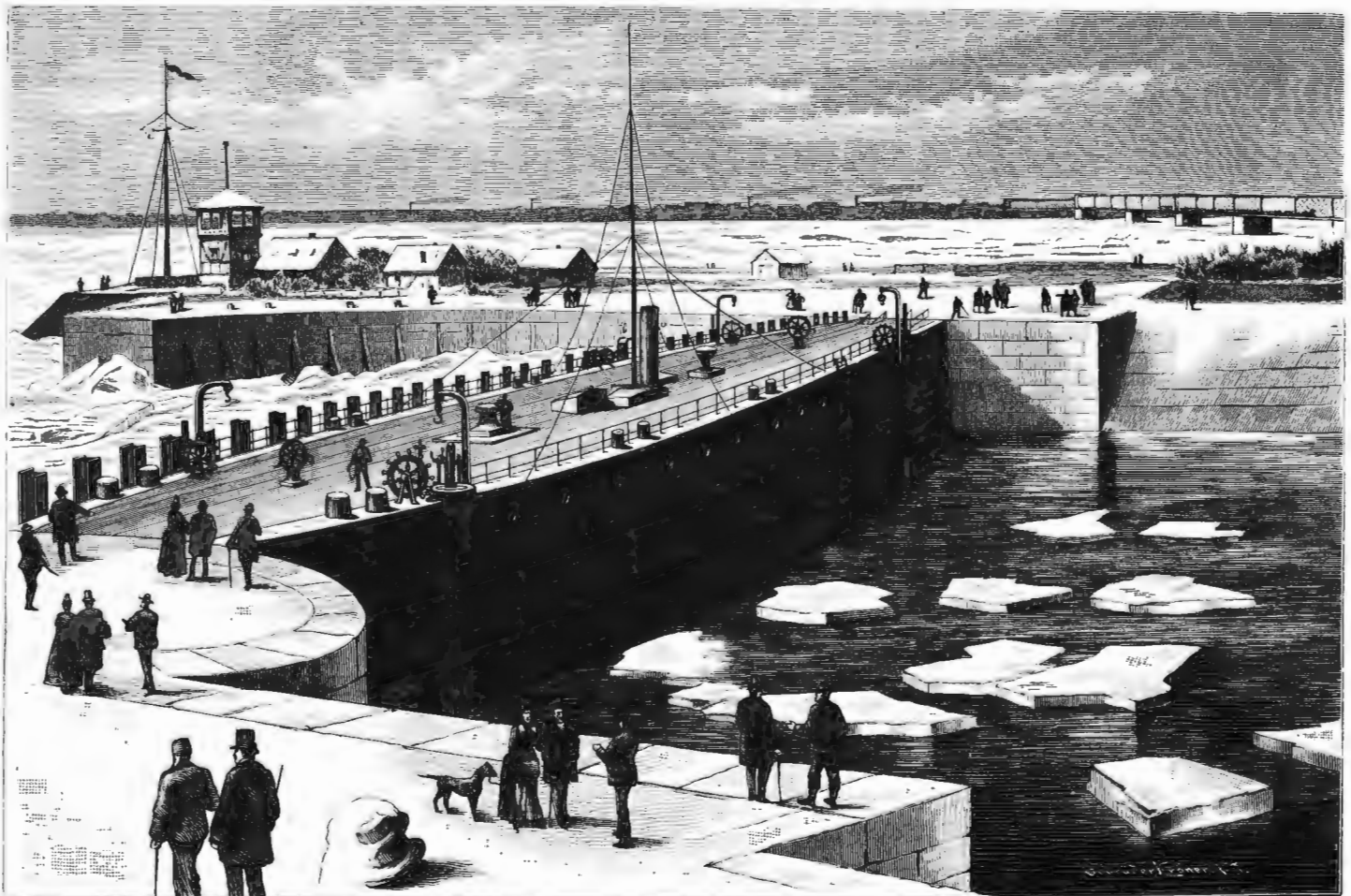
помнил, что онъ Гогенцоллернъ и упустилъ изъ виду, что Румынія — страна нейтральная по преимуществу, находящаяся подъ высшимъ протекторатомъ всей Европы и не долженствующая участвовать въ международныхъ конфликтахъ. *Temps* поздравляетъ Румынію съ тѣмъ, что она, ни съ кѣмъ не ссорясь, завоевала обратно свою независимость и нейтралитетъ, что перестала быть на Дунай чѣмъ-то въ родѣ часоваго для тройственнаго союза и фигурировать въ числѣ вооруженныхъ силъ этой мнимой лиги мира.

Во Франціи всѣ заняты судебнымъ преслѣдованіемъ генерала Буланже верховнымъ судомъ, въ который нынѣ превратился сенатъ. 31 марта, въ засѣданіи сената, другими словами — въ верховномъ судѣ, правая потребовала сообщенія дѣла, выставляя на видъ, что если въ дѣлѣ не заключается мотивовъ къ обвиненію въ покушеніи, то верховный судъ долженъ признать себя некомпетентнымъ. Оппортунисты возражали, что верховный судъ не имѣетъ права задерживать хода правосудія. Послѣ бурныхъ преній сенатъ, большинствомъ 209 голосовъ противъ 56, отвергнувъ предложеніе правой, направленное къ заявленію, что въ настоящее время не имѣется основаній начи-

ствовать надъ проявленіями всенароднаго голосованія, а также въ виду того, что преслѣдованіе было вызвано делегацией сената и что обращеніе доносчиковъ въ судей является дѣломъ неслыханнымъ, — союзъ правыхъ заявляетъ, что онъ не признаетъ подобной исключительной юрисдикціи, угрожающей свободному выраженію народной воли, и протестуетъ противъ такой пародіи правосудія.

Но несмотря на отказъ отъ участія въ засѣданіяхъ сенаторовъ Рено, Кердреля и Монтеки-Фезанзакъ, не смотря на заявленіе о некомпетентности сената, внесенное 55 сенаторами правой, верховный судъ, собравшись на совѣщаніе, поручилъ девяти избраннымъ по утра сенаторамъ приступить къ слѣдствію и отклонилъ требованіе Кердреля, чтобы пренія были стенографированы для передачи въ сенатскій архивъ съ цѣлью установленія доли ответственности каждаго. Судебному преслѣдованію будутъ подвергнуты Дильонъ, Рошфоръ и другіе. Какъ слышно, процессъ продолжится два мѣсяца.

Абиссинія продолжаетъ привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе. Только что телеграфъ принесъ печальную вѣсть о смерти негуса Юанпа, какъ у Италіи сейчасъ-же глаза и зубы разго-

Запрудное судно на Дунаѣ. 2) При ледоходѣ. Рис. Рейхель, грав. Крѣнеръ.

нать слѣдствія, такъ какъ представленные до сихъ поръ документы оказываются недостаточными. Затѣмъ сенатъ, большинствомъ 210 голосовъ противъ 55, рѣшилъ, что должно приступить къ слѣдствію, послѣ чего собрался вновь на публичное засѣданіе и Лероше прочелъ постановленіе предписывающее начать это слѣдствіе.

Правая, не остановившись на такихъ возраженіяхъ, подала протестъ — и въ этомъ протестѣ противъ учрежденія верховнаго суда, единогласно вотированномъ союзомъ правыхъ палаты депутатовъ, между прочимъ, говоритъ: „Принимая въ соображеніе, что верховный судъ собрался при обстоятельствахъ, свидѣтельствующихъ о твердомъ намѣреніи насиліемъ восторже-

рѣлись на безначальную страну. Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе о занятіи Асмара и Керена, и послышки двухъ полковъ въ Африку. Хотя вскорѣ потомъ этотъ пылъ и поостылъ вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій и, якобы, нерасположенія общественнаго мнѣнія къ дальнѣйшимъ колоніальнымъ приключеніямъ, но, въ случаѣ междоусобной войны, — что очень возможно, такъ какъ Менеликъ, Дебейъ и Мангаша выступаютъ претендентами на престолъ негуса, — Италія не ограничится одними пожертваніями Менелику всякихъ благополучій. По крайней мѣрѣ офиціозная *Presse* совѣтуетъ Италіи извлечь возможно большія выгоды изъ настоящихъ осложненій въ Абиссиніи, но при этомъ дѣйствовать не слѣдуетъ.

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— Государь Императоръ, 5 ноября 1888 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ отпустить изъ собственныхъ Его Величества суммъ 30,000 рублей на перестройку Симоно-Анниинской церкви въ городѣ Митавѣ.

— 2 апрѣля, происходило торжественное освященіе церкви во имя Святыхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ, вновь сооруженной въ с.-петербургскомъ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ.

— Въ Сиб. духовной академіи приметъ

монашескій санъ недавно вступившій въ число студентовъ академіи полтавскій помѣщикъ М. С. Угречичъ-Требинскій, принесшій въ даръ академіи капиталъ и помѣстье въ Полтавской губерніи, цѣнностью около 20,000 р.

— Въ Кіево-Печерскую лавру ежегодно

прибываютъ съ разныхъ концовъ Россіи толпы богомольцевъ, которые встрѣчаютъ и просо- дить въ монастырѣ первые дни праздниковъ Св. Насхи. Въ настоящее время, въ лавру сошло уже до 5000 богомольцевъ.

Правительственныя распоряженія.

— Министръ Государственныхъ Имуществъ считаетъ необходимымъ сдѣлать общезвѣстными слѣдующія соображенія, принятыя Государственнымъ Совѣтомъ при разсмотрѣніи проекта положенія о сбереженіи лѣсовъ, по вопросу о силѣ договоровъ, совершенныхъ до изданія положенія: „Нишакій актъ, состоявшійся между частными лицами, не можетъ создать права не исполнить дѣйствующій законъ. Но въ то же самое время, каждый договоръ, когда бы и какъ бы порядкомъ онъ ни былъ совершенъ, устанавливаетъ такія отношенія между участвующими въ немъ сторонами, которыя сохраняютъ свою силу во всемъ томъ, что не противно закону, при дѣйствіи котораго договоръ будетъ исполняться. Несоотвѣтствие того или другаго или нѣсколькихъ условий договора существующимъ въ данное время узаконеніямъ еще не влечетъ за собою недѣйствительности всего договора, если въ немъ содержатся еще и другія условия, не представляющія такого противорѣчія“.

— Высочайше повелѣно дѣйствіе правилъ о введеніи поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ распространить на Ферганскую область.

Военное и морское дѣло.

— Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ сдѣлано распоряженіе объ отводѣ Херсонско-Бессарабскимъ управленіемъ государственнымъ имуществами около 6.000 дес. казенной земли для отставныхъ солдатъ, изъ уроженцевъ Херсонской и Бессарабской губерній, поступившихъ въ военную службу до Х ревизіи. Ветеранамъ другихъ губерній предложено обращаться съ просьбами о надѣлѣ землею къ управляющимъ государственнымъ имуществами въ Самарской, Астраханской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ.

— 31 марта, въ гор. Варшавѣ было совершено торжественное погребеніе перенесеннаго изъ города Кракова останковъ полковника русской службы Сергѣя Панина, убитаго въ 1768 году при осадѣ этого города.

— Въ нынѣшній наборъ изъ новобранцевъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ посту-

пиль одинъ уроженецъ Радомской губ., ров- но въ сажень ростомъ.

— Для усиленія миноноснаго флота, Морское вѣдомство рѣшило построить 4 большихъ миноносца, размѣрами въ 80 тоннъ и 130 футъ, въ Балтикѣ, и 2 миноноски, въ 130 тоннъ и 150 футъ, въ Черномъ морѣ.

— Въ Одессѣ Тилигульскій лиманъ соединился съ моремъ. Образовался размывъ въ 78 сажень. Требуется громадная насыпь. Это облегчитъ прорытіе Тилигульского канала, задуманнаго бельгійскими акціонерами.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Харьковѣ организуется товарищество первой харьковской бойни и солилнни для приготовления продуктовъ свиноводства къ иностранному экспорту. Капиталъ 100,000 руб., пан по 100 руб.

— Въ Курскомъ уѣздѣ свирѣствуетъ болѣзнь на овцахъ, называющаяся „дистоматозъ“, отъ которой пало уже въ незначительный промежутокъ времени до 5.000 головъ. Приняты энергичныя мѣры.

Торговля.

— Асхабадскій рынокъ за мартъ: Привозъ изъ Баку на 122,800 руб., изъ внутреннихъ губерній на 96,550 руб., изъ Хивы и Бухары на 40,000 руб.; вывозъ въ Персію на 75,250 руб., въ Хиву и Бухару на 40,000 руб.

— На станціи Тедженъ заявлено о перевозкѣ по Закаспійской дорогѣ 65,000 пудовъ индійскаго зеленого чая, направляемаго изъ Индіи черезъ Афганистанъ, Герать и Мешехъ.

Искусства изобразительныя.

— Открытіе памятника Пушкину, сооруженнаго на средства гражданъ Одессы на Приморскомъ бульварѣ, состоится 16 апрѣля, въ 12 час. дня.

— 19 марта, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ существуетъ магазинъ картинъ и эстамповъ поставщика Двора Его Императорскаго Величества А. Фельтена.

— Извѣстный московскій фабрикантъ косметическихъ товаровъ, г. Брокеръ, будучи страстнымъ любителемъ старинной живописи, составилъ себѣ большую коллекцію картинъ разныхъ школъ, болѣе чѣмъ въ 1,800 номеровъ. Онъ намѣренъ всю эту галерею въ непродолжительное время выставить для петербургской публики.

Театръ и музыка.

— 1 апрѣля исполнилось 40 лѣтъ худо-

жественной дѣятельности проф. по классу декоративной живописи въ академіи художествъ и декоратора Имп. театровъ М. А. Шишкова.

— Въ послѣднемъ засѣданіи Театрально-литературнаго комитета одобрена къ представленію пьеса въ стихахъ, „Угасшая искра“, молодой писательницы О. Н. Чюминой (Михайловой).

— Артистка Е. Н. Горева внесла въ Московскій университетъ 2,000 рублей, предоставляя эти деньги на двѣ преміи за лучшія пьесы: историческую драму и современную комедію.

Литература и наука.

— 29 марта, въ 11 часовъ вечера, въ помѣщеніи выставки гальваноластники, устроенной Имп. рус. технич. обществомъ, передъ закрытіемъ выставки секретарь общества общилъ собравшимся о Монаршей милости вдовѣ академика Якоби, въ воспоминаніе заслугъ покойнаго ея мужа, по ходатайству Общества, выраженной пожалованіемъ ей 13 марта пособия въ 1,500 руб., которое будетъ выдаваемо в теченіе пяти лѣтъ изъ остатковъ арендной суммы, и выразить благодарность обществу вдовѣ усопшаго академика Якоби и его сыну Н. Б. Якоби—за ихъ содѣйствіе въ устройствѣ юбилейной гальваноластической выставки.

— Возвратившійся недавно изъ путешествія по Сибири французскій путешественникъ Жозефъ Мартенъ издалъ въ Парижѣ брошюру о посѣщенной имъ странѣ, подъ заглавіемъ: „La Sibirie orientale et les monts Stanovoi“.

Пути сообщенія.

— Между желѣзными дорогами Юго-Западными, Полѣскими, Курско-Кіевской, Курско-Азовской, Либаво-Роменской, Харьковско-Николаевской, Лозово Севастопольской и всѣми желѣзнодорожными линиями привислинскихъ губ. состоялось соглашеніе для облегченія перевозокъ грузовъ изъ-за границы и Варшавы къ южнымъ русскимъ портамъ и обратно съ юга Россіи за границу черезъ Варшаву. Этотъ новый союзъ получилъ названіе: „Черноморско-азовско-варшавскій союзъ“.

— Гражданскій инженеръ Щапинскій вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи построить на собственныи счетъ желѣзную дорогу отъ Шадринска до ст. Островской (Уральской жел. дороги). Протяженіе дороги определено изысканіями въ 116 верстъ.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 16 (помѣщ. въ № 9).

- 1) a; $\sqrt{p} = a$ a = 3 = В
- 2) b; $\sqrt{b} = m$ b = 9 = И
- 3) c; $\sqrt{d - c} = n$ c = 14 = Н
- 4) d; $r - q = l - h$ d = 15 = О
- 5) e; $\sqrt{r + e + o} = k - 1$ e = 20 = У
- 6) f; g : h = e : c f = 13 = М
- 7) g; i = 2a g = 20 = У
- 8) h; 2f = q h = 14 = Н
- 9) i; l : m = d : a i = 6 = Е
- 10) k; b : p = ma : (l - i) k = 19 = Т
- 11) l; b + a = l - m l = 15 = О
- 12) m; e - d = g - 1 m = 3 = В
- 13) n; k = d + m + a n = 1 = А
- 14) o; o = h + a o = 17 = Р
- 15) p; $\sqrt{q + n} = \frac{p}{3}$ p = 9 = И
- 16) q; h + f = r q = 26 = Щ
- 17) r; $\sqrt{r} - k = d - f$ r = 27 = Ъ

„Вино уму не товарищъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Посибѣса, В. Микрулева, И. Карповъ, А. Оранскаго, Н. Аристова, Ф. А. Борошина, Н. В. Панкова, Москва — Н. Федюшина, Буй — М. Никифорова, Брестъ-Литовскъ — Арсеньева, Бѣлгородъ — О. З. Мазуръ, Б. Коровино — В. К. Терскаго, Гроецъ — В. Драго, Дяна — О. Салайло, Екатеринодаръ — А. Заславскаго, Новно — А. Е. Варгелсева, Каменна — С. А. Барышева, Лебедянь — В. И. Чурилина, Медвѣдово — М. Лейшигеръ, Одесса — Рейжевскаго, М. М. Рукавичникова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 17 (помѣщенной въ № 9).

Бѣлыя.		Черныя.	
1) a 3 — b 2	2) b 2 : e 5 : c 7	1) c 5 : a 3	2) a 7 : g 1
3) c 7 — a 5	4) a 5 : e 1	3) h 4 : f 2	4) g 1 — h 2 (a)
5) e 1 : g 3	6) g 3 — f 2	5) h 2 — g 1	6) g 1 : e 3 : g 5
7) h 6 — f 4	8) c 1 : a 3 и бѣлыя выигрываютъ.	7) a 3 — b 2	
- (a)
4)	5) e 1 : a 3	6) e 1 : g 3	7) g 3 : f 2	8) c 1 : a 3
4) a 3 — b 2	5) g 1 — h 2	6) h 2 — g 1	7) g 1 : e 3 : g 5	8) a 3 — b 4 + +

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Посибѣса, И. В. Панкова, С. Т. Грибова, Вака, Москва — В. Панина, О. С. Платонова, А. А. Посибѣса, Можужина, Н. Верхоустинскаго, Н. П.

Рѣшеніе шахматной задачи № 18 (помѣщенной въ № 9).

Бѣлые.		Черныя.	
1) Кр. d 7 — e 6	2) a 3 — a 4	1) b 6 — b 5	2) b 5 — a 4
3) b 4 — b 5 +	4) a 2 — a 3	3) Кр. a 6 — a 5	4) a 7 — a 6
5) b 5 — b 6	6) d 2 — d 3	5) c 7 — b 6	6) b 6 — b 5
7) Кр. c 6 — c 5	8) a 3 — b 4 + +	7) b 5 — b 4	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — В. Быковскаго, Б. П. Шокова, С. Т. Грибова, Вака, Москва — В. Панина, О. С. Платонова, А. А. Посибѣса, Можужина, Н. Верхоустинскаго, Н. П. Елисаветградъ — И. Олискаго.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Торжество Юліи Андреевны. Романъ М. В. Крестовской. (Продолженіе). — Митель. Сцены князя д. Н. Цертелова — О приспособленіи формъ и окраски животныхъ къ окружающей ихъ средѣ. Профессора К. Э. Линдемана. — Петербургъ-Владивостокъ. Всероссійская великая восточная желѣзная дорога. — Къ рисункамъ: Крестьянская дѣвочка (съ рис.). — Поззія (съ рис.). — Торговецъ (съ рис.). — Тонинна (съ рис.). — Проповѣдь въ сельской церкви (съ рис.). — Sub hasta (подъ копытами) (съ рис.). — Долная рѣка Сестры (съ рис.). — Четверга (съ рис.). — Запрудоу судю на Дунаѣ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Рѣшенія задачъ. — Заявленіе. — Объявленія.

СТИХОТВОРЕНИЯ № 3826
И. ЯСНИНСКАГО.
 Второе издание (дополненное).
 Въ книжных магазинах
НОВАГО ВРЕМЕНИ.
 Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕВНИНГЪСЪ и ГРОЗИНГЪСЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ "Нива", № 2405.
 Вышли 2 серіи новѣйшихъ итальянскихъ рисун. для выпил. Цѣна каждой отдѣльно 1 р. съ перес. Отг. и розн. пр. у Бр. ЛИНДЕМАНЪ, складъ стальной. изд., Москва, Мясницкая, № 6. Ц. № 3787 2-2

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
 ОТЦЕВЪ БЕПЕДИКТИЩЕВЪ
 Аббатства СУЛМЪКЪ (Жиронда) Франція.
 Находится по всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
 Специальная рисово-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЧАСЫ ЧЕРНЫЕ СТАЛЬНЫЕ
 отъ 12 р. до 30 р.
 Никел. отъ 6 р. до 15 р.
 Серебр. отъ 12 р. до 50 р.
 Золот. отъ 25 р. до 350 р.
 Главное депо часовъ
ЭДУАРДА ВУРКАРДА.
 СПб., Гороховая ул. у Красн. моста, № 17.
 Отдѣл.: Вознесенск. пр. у Синего м., № 68/3.
 Прейс-курантъ высылаю бесплатно.

АРГЕРЪ СПИННЕРЪ.
 Апаратъ для ловли рыбы на жвца; живецъ надвѣвается на иглу и прикрѣпляется металлическими планниками; съ боковъ подхватывается крошечными. Цѣна 1 руб. 50 коп., на пересылку отъ 1 до 3 прибавляется 50 к., кромѣ Азиатской Россіи и Сибиря.
 Прейс-курантъ рыболов. принадл. высылается за 7 к. марку. № 3831
 П. Ф. Каратаевъ, Невскій пр., Милотинъ рядъ, № 18.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ!
Только 10 р.
 Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, комъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч. въ кабинетную величину, съ пробн. снимкомъ и руководствомъ. Пересылка за 15 фунтовъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ, С.-Петербургъ. М. № 3832

С. ПЕТЕРЪ БУНА ПЕШТЬ БЕРЛИНЪ
„ЕКСИКАТОРЪ“
 1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ
 ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА
 ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР.
 БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ
ААР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ
 Романъ изъ жизни Туркестанскаго края
Н. Н. Каразина.
 Изд. 2-е, дополни. 8-ю новыми оригинальн. рисунками автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ колѣнк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 коп.

ЗАКАНИЕ
 ЕГО ПРИЧИНЫ и ЛѢЧЕНЕ.
 Руководство къ совершенн. излеченію для самостоят. употребл., на русск. языкѣ.
 Изданіе **РОБЕРТА ЭРНСТА.**
 лѣчебн. заведенія отъ занкавіа.
 Берлинъ, К. № 3811
 Potsdamer-Str., 37.
 Проспектъ безвозмездно. (2)

ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ
 лучшихъ кожаныхъ ремней и принадлежностей къ нимъ; лучшихъ графитныхъ горшочковъ для плавки металловъ (выдерживаетъ до 40 туровъ). Графитныя краски, подставки, мѣшалки и проч. (принимается всякаго рода заказы). Графитъ муной и въ кускахъ для всѣхъ цѣлей; графитная смазка для деревянныхъ или желѣзныхъ зубчатыхъ колесъ; фанери, сидѣнія для стульевъ, кресель, дивановъ, вагоновъ желѣзныхъ и конно-желѣзныхъ дорогъ (принимаются всякаго рода заказы). Лучшія сафьян и пресованн. (съ рисунками) кожи.
 Прейс-курантъ бесплатно.

А. РАДЛЕ и К^о **ПРАВОВЫЕ ПОСТАВКИ** **ВЪ МОСКВѢ.**
 Одеколонъ семейный. Пудра жирнал.
 Духи гяцинтъ. Мыло Ориза-лакте.
 Духи русск. писателей. Вода Флоридъ для лица.
 Мыло русск. писателей. Кольдъ-кремъ-Виолетъ.
 Духи съ видами Москвы. Мыло цвѣточно-глицер.
 Мыло съ видами Москвы. Элексиръ борно-тимоловый.
 П. № 3821 6-1
 Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
 Розничн. магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

БР. ЛИНДЕМАНЪ
 складъ стальной. изд., Москва, Мясницкая, № 6, реком. Гг. люб. и учк. слѣд. **НОВЫЙ КНИГИ** *соста. изд.: Узорн. способы дер. мозаики и микрогравіи. Выжиганіе, цѣна 2 руб. съ перес. Пункт. курсъ токари, иск. по дер., цѣна 1 р. 50 к., состав. М. Нетьанса. Продаются въ лучш. кн. маг. Выпис. отъ БР. ЛИНДЕМАНЪ за перес. не плат. 2-2*

ЕВГЕНІЙ БОТМАНЪ и К^о.
 С.-Петербургъ, Садовая ул., № 12.

ПИТОМНИКЪ РОХЕЛЯ № 3824
 въ С.-Петербургѣ, уголь Лабораторн. шоссе и Полжестровск. просп.
 высылаетъ бесплатно иллюстр. каталогъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ, ягодныхъ кустарниковъ, крагуса для изгородей, розъ, многолѣтнихъ раст. и пр., съ краткимъ объясненіемъ ихъ культуры.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
 ПОЛННЫЙ АПАРАТЪ отъ 10, 15, 20 р. р. р.
К.И. ФРЕЛАНДЪ
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 НЕВСК. ПРОСП. № 30/16.

МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
 чистый
 целочисленный источникъ
 освѣжительный и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
 можно везде возлучить.
 (600000 (шмиллон) бутыл. годовой вывозъ.)
 Р. № 3792 2-2

Съ этимъ аппаратомъ всѣмъ, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фотографическіе портреты. Новый преис-курантъ бесплатно. Самоучитель фотографіи съ преис-курантомъ 50 коп. № 3801 2-2

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
у книгопродавца А. М. ЗЕМСКАГО
 въ Москвѣ, въ домѣ Синодальной типографіи, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ,
 только что вышла и поступила въ продажу весьма важная, замѣчательная новая книга въ обличіе атласа и въ опроверженіе доктринъ невѣрія. Окончательное доказательство о вѣчномъ безсмертіи человѣка или

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ,
 Покупаютъ всѣ % бумаги.
 Ссуды подъ всѣ % бумагъ.
 Страхование выигранныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города.
 Оплата купоновъ. № 3718
 Также нужны вѣрныя съ истинными мѣстамъ жительства
АГЕНТЫ.
 Предложить адресовать по вышеозначенному адресу.

ЧОКРАКСКОЕ
 грязно-лечебное заведеніе въ Крыму, при озерѣ Чокракъ. За 4 марки 7 коп. высылаются брошюра. Адресовать заказнымъ Д-ру Добро-во въ Омь. № 3755 4-3

CRÈME-SIMON
 (КРЕМЪ-СИМОНЪ)
 произведеніе прекраснаго запаха, не портящеся.
LA POUVRE SIMON
 И МЫЛО à la **CRÈME-SIMON**
 имѣютъ тотъ же запахъ.
J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.
 Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 18-18

ВѢКОВЫЯ ТАЙНЫ
 О ТОМЪ,
БУДЕМЪ ЛИ МЫ ЖИТЬ ВЪ ЗА-ГРОБНОМЪ МІРѢ
ПОСЛѢ НАШЕЙ КОНЧИНЫ?
 Эти спорные вопросы о дѣйствительной и вѣчно-безсмертной жизни
ЧЕЛОВѢКА за ГРОБОМЪ,
 разрѣшенные по неопровержимымъ доказательствамъ на основаніи Св. Писанія и ученій Св. Отцевъ, съ указаніемъ на мнѣнія и древнихъ мудрецовъ. Объясненіе о составѣ души, что она испытываетъ, слышитъ и видитъ вокругъ себя въ тотъ страшный моментъ, когда она исходитъ изъ тѣла, и куда и въ какія мѣста переселится.
 "Въ домѣ Отца Моего обителей много". (Іоан., гл. 14, 2).
 "Человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ". (Евр. гл. 9, ст. 27).
 Книга составлена по историческимъ Богословскимъ сочиненіямъ и по научнымъ трактатамъ древнихъ и новыхъ философовъ трудами **Алекса. Земскаго.** Москва, 1889. Цѣна съ пересылкой 2 руб., въ роскошномъ переплетѣ 3 руб. № 3-25
ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шмидтатена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ГАРМОНИИ

по вновь удешевленным ценам.

Однорядная в 2 1/2, 4 1/2, 5 1/2, 6, 8, 9, 10, 12, 16 и 24 р.
 Двурядная в 12, 14, 18, 20, 22, 25, 30 и 35 руб.
 Трехрядная в 30, 55, 65 и 80 р.
 Самоучитель Соколова по 1 руб.
 Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.

Иллюстрир. преис-курантъ бесплатно.
Юлий Генрих ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное депо № 3817
 музыкальных инструментов и нот.
 С.-Петербург, В. Морская, № 36 и 42.
 Москва, Кузнецкий мост, д. Торлецкаго.

1-ый томъ полного собранія сочиненій для ФОРТЕПИАНО

П. ЧАЙКОВСКАГО.

Новое, пересмотренное авторомъ издание.
 Содержание: оп. 1. Scherzo à la russe. Impromptu. op. 2. Ruines d'un château. Scherzo. Romance sans paroles. op. 4. Valse. op. 5. Romance. op. 7. Valse. Scherzo. op. 8. Capriccio. op. 9. Reverie. Polka-Mazurka. op. 10. Nocturne. Humoresque. Цѣна 2 руб.

Москва у П. Юргенсона.
 П. № 3822 С.-Петербургъ у Г. Юргенсона.

ВЕЛОСИПЕДЫ АНГЛІЙСКІЕ

завода „Pilot Cycle Company“, запасная часть и принадлежность къ нимъ по удѣвленнымъ цѣнамъ. Ищу представителей въ разныхъ городахъ Россіи. Высылаются преисъ курантъ.

Г. ЖЕМЛИЧКО въ Москвѣ,

Старый Газетный пер., д. Толмачева.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ:

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не включая).
 Требуется иллюстрированные каталоги *giltis et franco.*
 Гог. Зансъ и Ко.
 Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи.
 Берлинъ, Риттерштрассе, 88.

ШОКОЛАДЪ
А. И. АВРИУСОВА СЫНОВЪ
 въ Москвѣ.
 продается во всѣхъ городахъ
 Россіи.

Безопасные 2-хъ-кол. велосипеды

СВИФТЪ И ВИППЕТЪ

специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
 Преисъ-курантъ бесплатно, также брошюра виконта Берри: „О велосипедѣ и велосипедистахъ“.
 Москва, Кузнецкій м., д. Голциныхъ.
 Спб., В. Морская, 21. Р. № 3829 (1)

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Измайловскій проспектъ, 21,

МАГАЗИНЫ:

Невскій проспектъ, 32, д. Католической церкви, и 66 у Аничкина моста,
 Вознесенскій проспектъ, 18—54, д. Шредера.

О-де-колонъ отъ 30 к. до 1 р.
 Туалетныя воды отъ 75 коп. до 3 руб. 75 коп.
 Туалетныя воды цвѣточныя отъ 80 коп. до 3 р. 20 к.
 Духи Незамѣняемый букетъ 2 руб.
 Духи разные отъ 15 к. до 2 р. 50 к.

Мыла отъ 10 к. до 1 р.
 Пудры отъ 10 к. до 1 р. 25 к.
 Зубныя элексиры отъ 75 к. до 1 р.
 Воды и молоко для кожи отъ 75 к. до 2 руб. 25 коп.
 Кремъ и пать для кожи отъ 25 коп. до 1 рубля.
 Р. № 3801 3-1

—* Въ очень хорошихъ переплетъ. *—

Brockhaus'
Conversations-Lexikon.
 Mit Abbildungen und Karten.
 16 Bände und 1 Supplementband

Имеется въ продажѣ въ Придворномъ книжномъ магазинѣ Г. Шмигдорфа (Р. Гагнершмидта), Невскій пр. № 4, С.-Петербургъ.

ОПТИКЪ и МЕХАНИКЪ
 ФИРМА СУЩЕС. СЪ 1848 Г.

ОЧЕНЬ ВАЖНО для употребляющихъ ОЧКИ
СЕНСАЦІОННОЕ ПАРИЖСКОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ.
 Счи и Пенсэ въ оправѣ изъ настоящаго бѣлаго легкаго алюминія. Оправа эта, кромъ назанной отдѣлки, имѣетъ блескъ настоящаго серебра, никогда не измѣняетъ своей блястищей бѣлизны и особенно рекомендуется лицамъ, безпрестанно употребляющимъ очки. **Легкость** эта отличается многими хорошими качествами, состоящими въ чрезвычайной: легкости оправы, не производящей на носъ никакого давленія, весьма приятной въ употребленіи, не раздражающей и не вызывающей мозолей на носу и за ушами, которая притомъ не ржавѣетъ, не допускаетъ ломкости и не чернѣетъ какъ всякія другія оправы, и главнымъ образомъ снабжена настоящимъ парижскимъ *Periscopique* стеклами изъ финнгласса шлифовано согласно научнымъ вычисленіямъ, укрѣпляющими и улучшающими зрѣніе. Цѣна съ пересылкою во всю Россійскую имперію 4 руб.
 Примѣчаніе. При заказѣхъ слѣдуетъ обозначать, какія именно требуются стекла, т. е. для близоруката или для дальноруката; на какомъ разстояніи заказчикъ ясно различаетъ предметы, употребляли-ли имъ уже ранѣе очки, сколько лѣтъ? или какой №?
 Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ и механикъ, г. Варшава, ул. Новый Свѣтъ, № 33—2.
 Высылаются также наложеннымъ платежемъ.
 Подробный преисъ-курантъ высылается по желанію бесплатно.
 Заказы исполняются безотлагательно и добросовѣстно. № 3819

ДЛЯ УХОДА ЗА НОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.
 Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать
 Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
 по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный Парфюмеръ
 46. Jägerstrasse, Berlin.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и въ всѣхъ дрюгистовъ Россіи.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ.
 Большая хромо-фото-литографія, точная копія съ знаменитой картины художника А. А. Иванова, съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Публичномъ Румянцевскомъ Музеумѣ. Огромныхъ размѣровъ, художественно-исполненная картина:
„ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ“.
 Цѣна: на бумагѣ 1 р. 50 к., на холстѣ 2 р. 50 к. За пересылку и упаковку на скалкѣ 50 к. При покупкѣ 10 и болѣе экз.— 20% уступки. Выписывать: Москва, магазинъ церковныхъ утварей Сытова и С-ья, Мясницкая, соб. домъ, а также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ, картинныхъ магазинахъ. Ц. № 3788 2—2

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИНИЦІАЛЪ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Преисъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи:

ГОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

ДАЛМАТСКІЙ
 ПОРОШОКЪ. Владелецъ плантацій продаетъ черезъ Агента своего № 3818
А. И. де-Спиллеръ
 ВЪ ОДЕССѢ. 3-1
 За пудъ: 36 руб., 28 руб. и 23 руб.

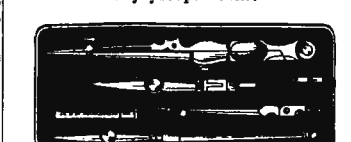
№ 4711
ГЛИЦЕРИНОВАЯ
МЫЛА

приобрѣли большую извѣстность своими превосходными качествами; большой процентъ содержанія глицерина, легкое взмѣниваніе, большая экономія и отличный запахъ сильно отличаютъ ихъ отъ другихъ глицериновыхъ мылъ.

ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЮТСЯ:
 № 4711 Розовое хрустальное мыло,
 № 4711 Ландышъ хрустальное мыло.
 № 4711 Резедовое хрустальное мыло,
 № 4711 О-де-колон. хрустальное мыло,
 № 4711 Монополь глицериновое мыло.

Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

ГОТОВАЛЬНИ

разн. наборовъ, принаровленн. къ немедленному употребленію.

Изъ желтой мѣди. отъ 2 до 15 р.
 „ массивн. никелина 4 „ 30 р.
 и отдѣлки: циркулъ, рейсфедера, угольнички, динейки, рейсинны и пр.

Е. КРАУСЪ и Комп.
 Фабр. въ Парижѣ, Avenue de la République, 4.
 Депо для Россіи:
 въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.
 Иллюстр. преисъ-курантъ высылается бесплатно. Р. № 3803 2—2

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

г. XX

№ 17

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 22 апрѣля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строну непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.

Воздост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
И. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. гесуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говъхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Запутался въ счетахъ. Карт. С. А. Дуновича (право гравированія приобретено „Нивой“), грав. Волковъ.

Торжество Юлии Андреевны.

Романъ М. В. Крестовской.

(Продолженіе).

XII.

Какъ только часы пробили половину девятого, Miss Morrison закрыла Библию, сняла очки, положила ихъ бережно на маленькій столикъ передъ постелью и обратилась къ Софи, объявляя, что теперь пора уже пачать одѣваться.

Софи поспѣшно встала; въ послѣднія десять минутъ ей удалось было задремать, но это только хуже утомило ее и голова ея была теперь еще тяжелѣе.

Miss Morrison отворила дверь въ гостиную, гдѣ Маша уже зажгла передъ трюмо свѣчи и дожидалась выхода Софи, разговаривая съ M-elle Mignard на томъ своеобразномъ парѣчии, на которомъ только онѣ умудрились понимать другъ друга.

— Маша! обратилась къ ней Miss Morrison, умѣвшая говорить немного по-русски, — можно помогать Miss Tannenbaum.

Маша оборвала свои разсужденія съ M-elle Mignard и быстро придвинула къ трюмо стулъ. Она тоже сильно побаивалась суровой англичанки.

— Барышня, вась мамаша велѣли спросить — вы сами можете любите причесываться, или парикмахера позвать, а не то я могу — я маленькую барышню за- всегда сама чешу.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ не надо, я всегда сама причесываюсь.

— Такъ извольте садиться, вотъ вамъ пудель-маптель и гребенки.

Софи сняла лифъ, надѣла пенюаръ и, сѣвъ предъ зеркаломъ, стала распускать волосы, залетевные въ двѣ тугія косы. Ей было немножко пеловко, потому что всѣ съ любопытствомъ смотрѣли и слѣдили за ней и она торопилась расплетая косы; но по мѣрѣ того какъ она ихъ распускала, волосы дѣлались все роскошнѣе и волнистѣе, такъ что когда она расплела ихъ наконецъ совсѣмъ и бѣлокурая волнующаяся масса ихъ закрыла почти всю ея фигуру — M-elle Mignard не выдержала и ахнула.

— Но, Боже мой, вѣдь это дѣло богатство! Какъ это вы умудряетесь такъ ихъ закрывать что они дѣлаются совсѣмъ незамѣтными? На нашемъ мѣстѣ я бы кажется ходила всегда съ распущенными волосами, только бы не скрывать этой роскоши! восклицала она съ восторгомъ.

Маша тоже ахала и восхищалась, и даже Нэдъ, уже переставшая плакать, но все еще сердито лежавшая на кровати, съ которой ей было видно и трюмо, и одѣвающуюся сестру, съ любопытствомъ приподняла съ подушекъ голову.

— Mais, mon Dieu! неужели-же вы опять заирячете ихъ какъ всегда? воскликнула M-elle Mignard, съ жалостью и почти негодованіемъ увидѣвъ, что Софи заплетаетъ и укладываетъ ихъ на головѣ обыкновенною своею манерой. — Вѣдь это жестоко!

— Я не умѣю иначе, сконфузилась Софи улыбаясь точно виноватою улыбкой. — Каждый разъ какъ я пробовала причесать ихъ какъ нибудь иначе — выходило еще хуже — у меня ихъ слишкомъ много для красивой прически.

M-elle Mignard съ сожалѣніемъ и укоромъ покачивала головой.

— Нѣтъ, сказала она со вздохомъ, — съ волосами одиѣ французенки умѣютъ обращаться. Да, никто лучше насъ не умѣетъ пользоваться тѣми преимуществами, которыя даетъ намъ природа.

Нэдъ покусывала подушку, издали насмѣшливо усмѣхаясь и мысленно называя сестру душой за ея прическу.

Когда Софи причесалась, на помощь Машѣ явилась еще домашняя портниха — и онѣ вдвоемъ принялись одѣвать Софи, суетясь и ползая вокругъ нея на колѣпяхъ, поправляя разныя складки и буфы на подолѣ и тюникѣ платья.

Софи, волнуясь и отчего-то робѣя въ душѣ, смущенно стояла предъ ними, вполне отдавшись на ихъ волю и почти не принимая въ ихъ стараніяхъ никакого участія.

— Délicieux! délicieux! восклицала въ восхищеніи M-elle Mignard, когда Маша съ портнихой надѣли на Софи платье изъ блѣдно-розоваго *crêpe de Chine*, перемѣшаннаго съ легкимъ французскимъ креномъ, воздушныя и граціозныя складки котораго прихотливо и легко падали внизъ, подхватываемыя кое-гдѣ бутонами чайныхъ розъ.

Платье было дѣйствительно прелестно шито и задумано съ тонкимъ, изящнымъ вкусомъ; но Софи было въ немъ почему-то неловко, и съ присущимъ женщинѣ инстинктомъ она чувствовала, что оно не идетъ къ ней и что отъ этого чуднаго розоваго цвѣта она сама кажется еще утомленнѣе и безцвѣтнѣе.

M-elle Mignard, совершенно искренно восхищенная платьемъ, суетилась подлѣ нея вмѣстѣ съ Машей, усердно оправляя на ней складки и банты, и досадуя въ душѣ слегка на эту *bête de Sophie*, относящуюся къ нему съ такимъ вялымъ равнодушіемъ.

Нэдъ соскочила съ постели и тоже вышла въ гостиную, оглядывая сестру прищуренными глазами. Лицо ея было еще заплакано, но уже повесѣло и приняло обычное плутовато-насмѣшливое выраженіе.

— Ne se pas que c'est superbe? спросила ее M-elle Mignard, которой уже наскучило дуться на свою капризную воспитанницу и хотѣлось помириться съ ней.

Нэдъ молча съ насмѣшливою улыбкой кивнула головой.

— Да, ужъ можно сказать, вторила французенкѣ и Маша, — деликатное платье! Хотѣли принцессѣ какой, такъ и то-бы не стыдно надѣть было-бы! А ужъ легкое какое, такъ все и сквозитъ; кажется какъ взять въ руки, такъ и растаетъ.

Всѣ столпились вокругъ Софи и разсматривали ее съ любопытствомъ, улыбками и замѣчаніями.

Даже Miss Morrison вышла изъ своей комнаты, и влѣвъ Софи отойти отъ нея на нѣсколько шаговъ — издали осмотрѣла ее строгимъ и внимательнымъ взглядомъ съ ногъ до головы и собственноручно оправила на ней неровно падавшую складку.

— Вотъ какъ для нашей барышни будутъ балъ дѣлать, такъ и имъ такое-же платье сошьютъ! сказала съ улыбкою Маша, обращаясь къ Нэдъ, которую она по преимуществу считала *своею* барышней.

Нэдъ насмѣшливо усмѣхнулась и покачала головой.

„Ну, нѣтъ ужъ,“ подумала она про себя, — „тогда-то я ихъ и получше заставлю сдѣлать!“

Наконецъ Софи была совсѣмъ готова, и Маша отиралась къ Юліи Андреевнѣ узнать, могутъ-ли барышня придти къ нимъ показаться. Черезъ минуту она вернулась съ отвѣтомъ, что барыня уже одѣта и ждутся барышни у себя въ комнатѣ.

Всѣ заволновались и снова бросились къ Софи, оправляя ее въ послѣдній разъ, прежде чѣмъ она представитъ предъ строгіе и зоркіе глаза Юліи Андреевны.

— Ну, желаю вамъ успѣха, дитя мое! сказала вдругъ Miss Morrison и ласково, какъ-бы ободряя, погладила Софи по головѣ своей тонкою рукой.

И въ глазахъ, и голосѣ ея при этихъ словахъ было такъ много теплоты и прѣжности, что Софи вдругъ

вспыхнула, и не отдавая себѣ отчета можно-ли это или нельзя, крѣпко обняла ее и поцѣловала.

Эта сцена была такъ неожиданна и непривычна, что не только Нэдъ съ M-elle Mignard, но даже и Маша съ удивленіемъ и насмѣшливыми улыбками переглянулись другъ съ другомъ.

— Это что за пѣжлости? тихо спросила Нэдъ, когда Софи, съ чувствомъ какого-то смущенія и неяснаго страха, отправилась на половину матери.

Miss Morrison, окинувъ ихъ горделиво презрительнымъ взглядомъ, опять ушла въ свою комнату и затворила дверь. Маша съ портнихой принялись убирать разбросанныя шильки и булавки, а M-elle Mignard, которой поручено было сопровождать сегодня Софи вмѣсто отдыхавшей Miss Morrison — отправилась къ себѣ доканчивать туалетъ.

— Если-бы ее одѣть въ бѣлое или даже голубое — она *отлядыла*-бы гораздо интереснѣе, сказала Нэдъ съ видомъ знатока, — а это розовое платье — совсѣмъ убьетъ ее.

— У этой глупой дѣвушки, отвѣчала M-elle Mignard, старательно прикалывая предъ зеркаломъ бантъ себѣ на голову, — есть въ распоряженіи три прекрасныя вещи: глаза, волосы и зубы; но она держитъ ихъ въ глубокомъ секретѣ, — глазъ почти не поднимаетъ, волосы закручиваетъ такъ низко что они совсѣмъ пропадаютъ, а смѣется такъ рѣдко что никто никогда не разглядитъ какіе тамъ у нея во рту зубы.

— Ah, monsieur, n'entrez pas! je ne suis pas encore prête! воскликнула она, вдругъ увидѣвъ на порогѣ комнаты Федора Густавовича, и съ кокетливымъ ужасомъ замахала на него руками, поспѣшно накидывая шаль поверхъ бѣлой кофточки.

Федоръ Густавовичъ благодушно разсмѣялся.

— Ну, ну, сказалъ онъ, утѣшая ее, — я съ вами не любопытствѣ. Мнѣ нужно только Нэдъ.

Но M-elle Mignard продолжала волноваться.

— Allez, mon enfant, fermez la porte!

Увидѣвъ отца, Нэдъ сердито нахмурилась, но замѣтивъ у него въ рукахъ какіе-то свертки, нехотя встала и пошла за нимъ въ гостиную съ недовольнымъ видомъ.

Федоръ Густавовичъ повидимому только что пріѣхалъ съ улицы, лицо его было красно и пахло отъ него пріятнымъ морознымъ воздухомъ.

Проводивъ своихъ гостей, онъ тотчасъ поѣхалъ къ ювелиру. Ему хотѣлось порадовать чѣмъ-нибудь Софи, которая казалась ему грустною, какъ будто чѣмъ-то обдѣленною, и онъ рѣшилъ подарить ей какую нибудь бриліантовую вещьцу, всегда утѣшающую, по его мнѣнію, женщины не только въ грусти, но даже и въ большомъ горѣ.

Онъ долго выбиралъ въ магазинѣ, и остановился наконецъ на жемчужныхъ сергахъ, осыпанныхъ крупными бриліантами. Стоили онѣ очень дорого, и вынимая за нихъ нѣсколько радужныхъ бумажекъ изъ своего толстаго бумажника, Федоръ Густавовичъ даже поморщился; но онъ желалъ чтобы его первый сюрпризъ дочери былъ роскошнымъ подаркомъ, въ которомъ ей не стыдно было-бы щегольнуть на сегодняшнемъ балу, а также думалъ, что чѣмъ дороже привезетъ онъ подарокъ, тѣмъ больше обрадуется Софи и тѣмъ сильнѣе выкажетъ онъ ей свою любовь.

Потомъ Федоръ Густавовичъ, сознавая себѣ провинившимся также предъ Нэдъ, желалъ утѣшить и ее при свиданіи, котораго, зная капризный характеръ своей любимицы, слегка побаивался послѣ своей злополучной разсѣянности.

Но выборомъ онъ очень затруднился и не зналъ что-же ей подарить. Золотыхъ вещей Юлія Андреевна носить ей не позволяла, туалетами ея завѣдывала тоже Юлія Андреевна, и Федоръ Густавовичъ рѣшительно

въ нихъ ничего не понималъ; въ игрушки, сколько онъ помнилъ, Нэдъ никогда не играетъ и пожалуй только больше еще разсердится если ей привезти что-нибудь въ родѣ большой куклы или красивой книжки съ картинками.

— Nu, dann kauf ich Bonbon! рѣшилъ онъ, не будучи въ состояніи ничего больше придумать, и захавъ въ кондитерскую, купилъ роскошную бонбоньерку съ нѣсколькими фунтами конфетъ; очень довольный своими покупками, онъ усѣлся въ маленькія саночки и помчался по освѣщенному Невскому, въ самомъ великолѣпномъ настроеніи духа, съ дорогой сигарой въ зубахъ и даже тихонько мурлыкая себѣ подъ носъ какую-то веселенькую пѣмецкую пѣсенку.

— Ну, Nedchen, поцѣлуй твой старый папаша! весело сказалъ онъ, когда Нэдъ вошла вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную. — Я знаю, что я совсѣмъ безпамятный. Я знаю, я имѣлъ предъ тобой провинности, но ты не будешь сердиться на твой папаша, который тебя очень любитъ! Nicht wahr, mein Kind? Ну, пускай-же меня поцѣловать тебя!

И онъ хотѣлъ обнять ее, но она капризно отвернулась отъ него съ новыми слезами на глазахъ при воспоминаніи о томъ, чего она изъ-за него лишилась.

— Ну, Nedchen, ты совсѣмъ не любишь твой папаша! А вотъ тутъ есть какое-то, что будетъ тебя немножко утѣшать! сказалъ онъ, развертывая бумагу и вынимая бонбоньерку.

Глаза Нэдъ, пока онъ разворачивалъ бумаги, загорѣлись любопытствомъ, но увидѣвъ, что это только коробка съ конфетами, они разочарованно потухли и она снова надулась. Къ бонбоньеркамъ, въ противоположность M-elle Mignard, она была вполнѣ равнодушна, а конфеты у нихъ въ домѣ и безъ того никогда не переводились.

Она небрежно, съ недовольнымъ видомъ поцѣловала отца, думая, что такъ сильно провинившись, онъ могъ-бы подарить ей что-нибудь и получше этихъ глупыхъ конфетъ.

— А это что? спросила она, указывая глазами на другой маленький свертокъ въ рукѣ Федора Густавовича.

— А это? — Федоръ Густавовичъ, гордясь внутренно своимъ дорогимъ подаркомъ, сдѣлалъ значительную и таинственную физиономію. — Dass ist für Sofichen! отвѣчалъ онъ важно.

— Ахъ, покажи! воскликнула Нэдъ, снова загораясь любопытствомъ.

— Nein, mein Kind, man kann nicht, не надо разворачивать до ней!

— Ну вотъ еще!

И ловкимъ движеніемъ она выхватила изъ его рукъ маленькій футлярчикъ, быстро сорвала съ него круглую коричневую резинку и тонкую бумагу и, раскрывъ его, тихо вскрикнула.

Нѣсколько мгновений она смотрѣла на серги молча, съ широко раскрытыми глазами и тяжело дыша, какъ будто дыханіе вдругъ стѣснилось въ ея груди.

— M-elle Mignard, вскрикнула она вдругъ, — venez vite! Voyez moi ça! и она подиссла футляръ съ сергами прямо къ огню свѣчей.

M-elle Mignard выбѣжала и остановилась всплеснувъ руками, въ восторгѣ и удивленіи.

— Но это чудо! чудо! безсвязно лепетала она, не сводя взгляда съ горѣвшихъ и переливавшихся на голубомъ бархатѣ безчисленными радужными огоньками бриліантовъ.

Нэдъ поворачивала футляръ во все стороны, прищипывая его такъ, чтобы пламя свѣчей ярче било по камнямъ.

Она ничего не говорила — только ноздри ея раздувались и вздрагивали, а глаза горѣли жаднымъ блескомъ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. „Съдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро“
Картина К. П. Стопанова (право гравированія прибрѣтено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

XVII передвижная выставка. По начальству. Картина академика Е Мановскаго (право грав. приобр. „Нивой“), грав. Шюблеръ.

— Pour qui ça, monsieur? тихо спросила M-elle Mignard, какъ будто боясь громкимъ голосомъ нарушить очарованіе мнугты.

— Pour Sofichen! съ добродушною гордостью отвѣчала Эедоръ Густавовичъ, слѣди за игрой и блескомъ камней. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ эффектомъ, который произвели серги на M-elle Mignard и Нэдъ, и въ душѣ проникся еще большимъ уваженіемъ къ собственному подарку.

— Чудо, чудо! повторила M-elle Mignard, но уже съ легкимъ разочарованіемъ, внутренне сожалѣя, что такіа прелестныя серги попадутъ къ этой глупой, ничего не смыслищей Софи.

Нэдъ поспѣшно, какъ-бы боясь, что ее оставятъ, вынула ихъ изъ футляра, быстро продѣла себѣ въ уши и, качая головой направо и пальво, заставляла серги переливаться и горѣть еще сильнѣе; глаза ея сверкали въ зеркалѣ почти такъ-же какъ бриллынты въ ушахъ.

— Nun! теперь довольно! торжественно проговорилъ Эедоръ Густавовичъ, протягивая къ ней руки, но Нэдъ быстро отклонилась отъ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула она съ отчаяніемъ, — еще минуточку!

И закачавъ еще сильнѣе головой, она снова впи- лась въ зеркало влюбленными, очарованными глазами, не зная сама, что притягиваетъ ея взоръ: эти- ли чудныя серги, или свое собственное прелестное лицо въ этихъ чудныхъ сергахъ.

— Charmant! délicieux! шептала въ упоеніи M-elle Mignard. Нэдъ наконецъ вынула серги изъ ушей, долго укладывала въ футляръ и съ сожалѣніемъ закрыла его, бросивъ на нихъ послѣдній влюбленный взглядъ.

— Лучше-бы, папочка, сказала она со вздохомъ возвращая ему футляръ, — ты мнѣ вмѣсто конфетъ подарилъ такіа-же серги!

— Ого, ха, ха, ну твой ротикъ не дурачекъ! воскликнулъ онъ, громко смѣясь и сплющивая по обыкновенію все ея разгорѣвшееся личико своими толстыми пальцами. — Для этого тебѣ надобно сначала выростать помножко.

— Да, какъ-же! она съ трудомъ высвободила свое лицо изъ его пальцевъ и сердито закачала головой, — скоро у васъ тутъ выростешъ! вы съ маман меня до двадцати лѣтъ все будете водить въ короткихъ юбочкахъ и отсылать спать въ 10 часовъ!

— Та-та-та-та! передразнилъ ее Эедоръ Густавовичъ, — не надо такъ спѣшить, все будетъ наставать въ свое время!

Но Нэдъ только безнадежно махнула рукой, какъ будто хотѣла сказать: „ахъ, ужъ знаю я васъ!“

M-elle Mignard ушла въ свою комнату, шумя своимъ шелковымъ сѣрымъ платьемъ, специально подареннымъ ей для торжественныхъ случаевъ Юліей Андреевной, и хотя сначала воздержалась было отъ всякихъ украшеній своей особы разными поддѣльными бриллынтами и золотомъ, зная что этого терпѣть не можетъ Юлія Андреевна, которая желала чтобы гувернантки жившія въ ихъ домѣ были строго приличны — но серги Софи такъ взволновали и раздражили ее, что она уже не могла вытерпѣть и надѣла себѣ на шею красную бархатку, приколовъ ее фальшивой бриллынто- вой звѣздой.

Какъ только она ушла, Нэдъ бросилась къ отцу и, крѣпко прижимаясь къ его могучей груди, начала ласкаться своею кошачьею манерой.

— Послушай, папочка, обиженно заговорила она, — вѣдь это я изъ-за тебя не попала сегодня на балъ, и ты должевъ меня за это наградить. Конфеты! Что такое конфеты! воскликнула она съ презрѣніемъ кивая на бонбоньерку, — я ихъ каждый день ѣмъ сколько угодно. А сегодня ихъ и еще больше будетъ. Ты лучше

подари ихъ M-elle Mignard, она все равно со мной подѣлится, а мнѣ... мнѣ, папочка...—Она еще ближе прижалась къ нему и крѣпко поцѣловала въ бритую щеку, — дай лучше денегъ, я тогда по крайней мѣрѣ закупаю чего хочу!

— Но! развѣ дѣтямъ даютъ деньги! сказалъ Эедоръ Густавовичъ, поддразнивая ее, и прищуривъ одинъ глазъ съ сомнительной улыбкой покачивалъ головой. — Когда я былъ такой маленькій клоунъ, какъ ты, Vater давалъ мнѣ одинъ двугривенный на цѣлый недѣля!

— Твой Vater былъ скупой и бѣдный, а ты добрый и богатый.

— Ахъ ты маленькій плутъ въ юбкѣ! Nun gut, gut, такъ и быть уже, на бумажикъ, бери сколько тебѣ надо.

И онъ въ великодушномъ порывѣ, чувствуя себя въ особенно хорошемъ настроеніи духа, протянулъ ей свой толстый бумажникъ. Нэдъ быстро схватила его, и при видѣ его плотныхъ пачекъ, глаза ея жадно всныхнули и загорѣлись. Она нѣжно приложилась къ бумажнику лицомъ и тихо, точно наслаждаясь прикоснове- ніемъ къ нему, гладила по немъ своей щекой. По- томъ вдругъ радостно засмѣялась и, граціозно вспры- гнувъ на колѣни къ отцу, вынула десятирублевую бу- мажку.

— Можно? спросила она, кокетливо заглядывая на него снизу вверхъ.

Онъ, нѣжно любясь ея красивыми движеніями, лас- ково кивнулъ ей головой. Тогда она вынула вторую такую-же бумажку и опять съ плутовской улыбкой за- сматривая на него, спросила:

— А эту можно?

Эедоръ Густавовичъ добродушно засмѣялся, но под- нялъ бровь и поначалъ головой уже съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. А Нэдъ, не обращая на это вниманія, выдернула третью десятирублевую бумажку и залилась веселымъ хохотомъ.

Эедоръ Густавовичъ выхватилъ у нея бумажникъ и хотѣлъ отнять третью бумажку, но дѣвочка быстро соскочила съ его колѣнъ, одною рукой высоко надъ го- ловой подняла деньги, а другою схватила его за шею и съ громкимъ хохотомъ, прыгая на одномъ мѣстѣ, ду- шила его крѣпкими поцѣлуями.

— Ну, ну, ну, ты будешь совсѣмъ задушать меня! кричалъ Эедоръ Густавовичъ, стараясь и освободиться отъ нея, и подалше спрятать бумажникъ.

M-elle Mignard выбѣжала на шумъ и хотела вмѣстѣ съ Нэдъ, смотря на отбивавшагося огромнаго Эедора Густавовича.

— Совсѣмъ маленькій ворнишка, совсѣмъ ограблялъ меня! сказалъ онъ тяжело дыша, съ трудомъ освобо- дившись отъ ея крѣпкихъ объятій и поспѣшно запря- тывая бумажникъ въ карманъ. — Совсѣмъ ограблялъ, лучше уходить скорѣй nach Hause, а то она будетъ пожалуй снимать даже мой сюртукъ!

И онъ полусхотливо, полуйскренно боясь, что она опять выхватитъ у него бумажникъ, поспѣшно, пере- валиваясь на ходу своей толстою фигурой, выбѣжалъ изъ комнаты, а Нэдъ, смѣясь и потрясая надъ го- ловой красными бумажками, нѣла прыгая предъ M-elle Mignard:

— Теперь мы покутимъ! Теперь мы покутимъ!

XIII.

Когда Софи вошла въ комнату матери, Юлія Андреев- на стояла во весь ростъ прямо лицомъ къ ней, въ рос- кошномъ, пластично обтягивавшемъ ее стройную фи- гуру, темно-зеленомъ бархатномъ платѣ, строгой, почти античной простоты, безъ всякихъ украшеній и отдѣлокъ, съ длиннымъ падающимъ красивыми, мягкими склад- ками трѣномъ и съ открытыми, прекрасными, какъ-бы выточенными рѣзцомъ тонкаго художника руками и

грудью, на которой сверкало, дрожа и переливалось огнями отъ каждаго ея движенія, старинное жемчужное ожерелье, перемѣшанное крупными брилліантами. Такое-же точно украшеніе сіяло и въ ея черныхъ синеватаго отлива, темного жесткихъ по вьющихся и красивыхъ волосахъ, которые были зачесаны кверху изящнымъ узломъ и открывая граціозную линію ея шеи завивались на затылкѣ мелкими змѣиными кольцами. И въ этомъ простомъ но великолѣпномъ нарядѣ она поражала своей красотой, въ которой было что-то властительное и покоряющее.

Софи, увидѣвъ мать, невольно вскрикнула и молча остановилась, смотря на нее восхищенными глазами. Юлія Андреевна, застегивая на рукѣ браслетъ, замѣтила ея восторгъ и улыбнулась тою снисходительною улыбкой, которою улыбаются красивыя женщины, видя челоуѣка пораженнаго ихъ красотой.

— Ну, мой другъ, ты уже готова? привѣтливо обернулась она къ дочери.

— О, мама! машинально сказала Софи, не отвоя отъ нея очарованныхъ глазъ.—Какая вы красавица!

Юлія Андреевна засмѣялась, окидывая дочь быстрымъ пронизательнымъ взглядомъ; ей вдругъ стало какъ-то и жутко, и весело. Ея смѣхъ и движенія были темного первны и порывисты, она чувствовала себя волнующею и возбужденною и отъ этой лихорадочной тревоги глаза ея то безпокойно вспыхивали, то потухали, а лицо слегка разгорѣлось нѣжнымъ розовымъ румянцемъ.

— Ну, покажись! сказала она, смѣясь чему-то своимъ первымъ смѣхомъ; взявъ Софи за руку, она поставила ее прямо предъ собой и, медленно поворачивая ее кругомъ, осматривала пытливо и тревожно.

— Прелестно, сказала она наконецъ, блеснувъ вдругъ загорѣвшимися глазами, — очень мило, очень... теперь недостаетъ только цвѣтовъ—вотъ они, я еще на прошлой недѣлѣ заказала садовнику приготовить какъ можно больше чайныхъ бутонновъ и ландышей.

И она вынула изъ стоявшей на столѣ плетеной корзинки небольшой букетъ ландышей и розъ, лежавшихъ въ мокромъ мху.

— Ахъ, какая прелесть! воскликнула Софи.— Но вѣдь это жаль, что погублено столько бутонновъ—за ночь они всѣ завянутъ и ужь потомъ не распустятся.

— Ну, это не бѣда! весело отвѣчала Юлія Андреевна, улыбаясь „сентиментальной“ дочери.— Мы закажемъ новыхъ. Дай я сама приколю тебѣ ихъ! Ты не модно причесалась, мой другъ, впрочемъ это ничего—главное, чтобы шло. Ну вотъ, теперь твой туалетъ вполне законченъ!

Она встала, внимательно оглядѣла дочь еще разъ и вдругъ повернула ее прямо къ трюмо и встала рядомъ съ ней, слегка обнявъ ее за талію.

Какъ ни была она увѣрена, что ей удастся затмить и побѣдить дочь, но все-же тревожное сомнѣніе закрадывалось въ ея душу и мучило ее въ послѣднюю минуту; она, какъ опытный полководецъ, предъ началомъ сраженія, рѣшила стать лицомъ къ лицу съ неприятелемъ и помѣриться съ нимъ силами.

Но собственная роскошная, величественная красота, поразила ее паряду съ дочерью, которая казалась предъ ней совсѣмъ маленькою, незамѣтною и ничтожною. И Юлія Андреевна стояла предъ зеркаломъ, невольно любуясь сама собой и улыбаясь своему отраженію счастливою, торжествующею улыбкой тщеславной женщины, сознающей свою красоту.

— Теперь, сказала она съ тою-же улыбкой наклонясь надъ дочерью,—ты съ этими ландышами совсѣмъ похожа на весну, а я... а я на отцѣтающую осень...

— О, мама! воскликнула Софи съ упрекомъ, — какъ вы можете это говорить!

Но Юлія Андреевна съ педовѣрчивой улыбкой качала головой.

— Это ничего не значить, мой другъ, я могу быть еще красива, но все-же я почти уже старуха...

— Нѣтъ, мама! это неправда! Я моложе васъ, но я въ сто разъ хуже васъ, и если-бы я была мужчиною или художникъ, вы-бы поразили меня съ перваго взгляда, съ первой встрѣчи.

— Ну это просто такъ кажется тебѣ, отъ того, что ты очень любишь меня! сказала смѣясь Юлія Андреевна,—и я очень рада, что ты такъ любишь меня... тихо съ какою-то задумчивою теплою нѣжностью прибавила она и, вдругъ наклонившись, она крѣпко обняла дочь и горячо поцѣловала ее въ голову.

Это былъ ея первый искренній поцѣлуй — и Софи, вся радостно испыхнувъ, чутьемъ уловила это и закинувъ руки на шею матери, дѣтскимъ движеніемъ, крѣпко и радостно прижалась къ ней. Въ эту минуту она любила болѣе чѣмъ когда нибудь свою прекрасную мать, которая однимъ взглядомъ, одной лаской умѣла очаровывать и привлекать къ себѣ сердца,—и все тяжелое и натянутое, что отчуждало Софи отъ матери, вдругъ порвалось въ ней, исчезло само собой; одно довѣріе, одна любовь, нѣжная и горячая, наполнила ея сердце. Но Юлія Андреевна вдругъ сухо отстранила ее и въ глазахъ ея блеснулъ враждебный огонекъ.

Сначала ей стало жаль дочери и стыдно за то, что она такъ сознательно старается затмить и затереть ее въ первое-же появленіе въ свѣтѣ. Горячая ласка Софи тронула ее, стыдъ и жалость сильнѣе поднялись въ душѣ ея, она крѣпче прижала къ себѣ дочь и глаза ея затеплились мягкимъ, влажнымъ взглядомъ; но ей вдругъ стало страшно этого теплаго нарождающагося въ ней чувства, страшно отъ того, что оно могло помѣшать ей въ ея цѣли, и женщина, которая была въ ней сильнѣе матери, проспулась въ ней и заглушила это чувство... „Нѣтъ, нѣтъ“, сказала она себѣ, „къ чему это?.. ей не пужна моя любовь... Ее любить за меня другіе и она въ сущности этихъ другихъ любить гораздо больше чѣмъ меня... Такъ, порывъ одинъ... И впереди ей предстоитъ еще много, много быть - можетъ любви... Предъ ней еще цѣлая жизнь, а мнѣ... мнѣ осталось какихъ нибудь пять-шесть лѣтъ... и они должны быть мои... я не уступлю ихъ никому... никому...“ Лицо ея стало сурово и сумрачно; она холодно отошла отъ дочери, и слегка поежившись, какъ будто зябла, накинула на свои открытыя плечи легкую накидку опушенную темнымъ, сѣдымъ сободемъ.

Софи съ печальнымъ удивленіемъ глядѣла на нее. Минуту назадъ она чувствовала ее такою близкою къ себѣ, такою нѣжною и любящею, а теперь, хотя Юлія Андреевна не сказала ей ни одного пеласковаго слова, но Софи невольно почувствовала, что мать опять ушла отъ нея куда-то далеко, а предъ ней стоитъ снова чужая свѣтская женщина съ любезными словами и улыбкой, но съ какимъ-то затаеннымъ враждебнымъ холодомъ въ глазахъ.

— Ну, мой другъ, начала Юлія Андреевна своимъ обычнымъ, нѣсколько повелительно-дѣловымъ тономъ,—надо узнать готова-ли Melle Mignard—пора выйти въ гостиную, уже безъ двадцати минутъ десять, а съѣздъ назначенъ ровно въ 10 часовъ.

Въ эту минуту въ дверь кто-то постучалъ и послышался голосъ Ѳедора Густавовича.

— Можно входить?

Юлія Андреевна слегка удивилась, Ѳедоръ Густавовичъ довольно рѣдко являлся на половину своей супруги.

— Войдите, сказала она пожимая плечами и педоумывая, зачѣмъ это ея благовѣрному вздумалось пожаловать къ ней.

Федоръ Густавовичъ отворилъ дверь и показался на порогѣ весь сіяющій и торжественный, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и брильянтовыхъ запонкахъ на безукоризненно бѣлой рубашкѣ, отъ глубокаго вырѣза которой лицо его казалось еще толще и краснѣе, какъ будто благодаря туго затянутому галстуку къ нему прилила вся кровь.

Но, переступивъ порогъ, Федоръ Густавовичъ остановился какъ-бы пораженный прекраснымъ видѣніемъ.

— O mein Gott! воскликнулъ онъ, разводя руками.— Какой великолѣпіе! Совсѣмъ eine schöne королева съ маленькой лѣсной фея!

Очень довольный и даже нѣкоторымъ образомъ торжествующій вслѣдствіе сознанія, что у него такая красива-жена и такая нарядная, миленькая дочка, Федоръ Густавовичъ внезапно почувствовалъ особенный приливъ нѣжности не только къ Софи, но даже и къ самой Юліи Андреевнѣ, чтó случалось съ нимъ очень рѣдко.

— Пускайте вашу вѣрнопопдаанный поцѣловать вашу прекрасную ручку! воскликнулъ онъ съ шутливою любовью и, подойдя къ снисходительно улыбающейся Юліи Андреевнѣ, съ рыцарской галантностью поцѣловалъ ея блѣдную, съ тонкими голубыми жилками, ручку, всю залитую брильянтами.

Собственно красота Юліи Андреевны дѣлала очень мало впечатлѣнія на Федора Густавовича. Во-первыхъ онъ уже давно привыкъ и приглядѣлся къ ней настолько, что почти не замѣчалъ ея, а во-вторыхъ дурныя отношенія, всегда господствовавшія между супругами, портили и отравляли всякое пріятное впечатлѣніе; но тѣмъ не менѣе онъ бывалъ чрезвычайно польщенъ, когда замѣчалъ это впечатлѣніе производимое ею на другихъ. Какъ-бы то ни было, но она все-таки его жена, въ нѣкоторомъ родѣ благопріобрѣтенная его собственностью, которую онъ любилъ щегольнуть предъ своими друзьями и знакомыми, почти такъ же какъ любилъ щегольнуть предъ ними и дорогою картиной, и рѣдкою вазой, и тонкимъ виномъ, которое можно было найти только у него, Федора Густавовича фонъ-Таненбаумъ.

— А вотъ для этой маленькой дебютантки я приносилъ кое-что; такъ себѣ одинъ хорошенькой игрушка!

И Федоръ Густавовичъ, уже заранѣе наслаждался эффектомъ который произведетъ его щедрый подарокъ, торжественно раскрылъ футляръ. Увидавъ брильянтовый серги, Юлія Андреевна слегка нахмурилась.

„Ну“, подумала она съ неудовольствіемъ, „это только моему благовѣрному могутъ приходить въ голову такія нелѣпыя, мѣщанскія идеи. Дарить дѣвушкамъ брильянты!“

— Дай мнѣ твои ушки, обратился къ смущенно улыбающейся Софи Федоръ Густавовичъ, приписывавшій сухое молчаніе своей супруги — просто зависти.— Я буду, продолжалъ онъ,—самъ продѣвать тебѣ мой подарокъ!

Юліи Андреевнѣ не хотѣлось ссориться съ мужемъ и портить себѣ предъ самымъ баломъ расположеніе духа, но эти брильянты раздражали ее.

— Послушайте, мой другъ, сказала она по возможности любезнѣе,—съ вашей стороны это конечно очень мило, и Софи вѣроятно вполне оцѣнитъ ваше вниманіе къ пей, но вѣдь вы-же знаете, что такой молодой дѣвушка, какъ она, неприлично носить брильянты, да еще такіе огромные, прибавила она, брезгливо кивая на нихъ головой,— а потому вы лучше ужъ и не надѣвайте ихъ на нее.

— Но! Федоръ Густавовичъ въ неприятомъ недоумѣніи остановился съ сергами въ рукахъ.— Развѣ правда? недоувѣрчиво спросилъ онъ, хотя уже сбитый отчасти съ толку, но тѣмъ не менѣе продолжая приписывать запрещеніе жены все той-же зависти.—

Но! повторилъ онъ съ сомнѣніемъ поглядывая на нее.— Правда-ли это? Я нарочно покупалъ ей, чтобы она на своей первомъ балу могла показывать ихъ своимъ подругамъ... Это недурной подарочекъ, зачѣмъ-же ему будетъ теперь пропадать!

Юлія Андреевна нетерпѣливо передернула плечами.

— Во-первыхъ, вы забываете, что она только что пріѣхала изъ Москвы и никакихъ подругъ у нея еще нѣтъ; во-вторыхъ, носить брильянты въ ея годы—страшное мѣщанство; а въ-третьихъ, подарокъ вашъ все равно не пропадетъ, онъ останется ей въ приданое.

— Ну да, это разумѣется такъ. Но все-таки-же это очень шалко! очень шалко! говорилъ въ полномъ разочарованіи Федоръ Густавовичъ, для котораго всякая художественная или роскошная вещь теряла полцѣны, если онъ не могъ ею немножко похвастаться.

— Ну что-жъ дѣлать! сухо замѣтила Юлія Андреевна и тотчасъ-же обратилась къ дочери, совѣтуя ей пойти скорѣй къ себѣ спрятать эти серги, а затѣмъ возвращаться вмѣстѣ съ M-elle Mignard уже прямо въ гостиную.

Софи, еще разъ поблагодаривъ отца, слегка скопфуженнаго неожиданнымъ инцидентомъ съ серьгами, ушла къ себѣ, а Федоръ Густавовичъ, праздничное настроеніе котораго было отчасти уже испорчено, тоже хотѣлъ удалиться.

Юлія Андреевна скользнула скачущимъ, брезгливымъ взглядомъ по его толстой фигурѣ, но вдругъ въ глазахъ ея вспыхнулъ какой-то игривый, задорный огонекъ и лукавая, насмѣшливая улыбка пробѣжала по красивымъ губамъ.

„Вотъ“, сказала она себѣ, мысленно смѣясь отъ впазпно пришедшей ей въ голову мысли, „вотъ будетъ интересна-то проба“.

Она подняла на мужа свои жгучіе, злые глаза и тихо спросила его:

— Куда-же вы уходите? Послушайте, заговорила она вдругъ, вставая и дотрогиваясь своей ручкой до обшлага его фрака.—Вы какъ будто немного обидѣлись на меня, мой другъ, за то что я не позволила Софи надѣть вашъ подарокъ? Но видите-ли, мой другъ... это могло-бы многимъ показаться смѣшнымъ, сказали-бы что мы выставлемъ ее на видъ и хвастаемъ своимъ богатствомъ... Про него и такъ всѣ знаютъ... а моя первая забота была всегда о томъ, чтобы никто и никогда не смѣлъ сказать про васъ и про вашъ домъ чего нибудь дурнаго или... что еще хуже, смѣшнаго... прибавила она, взволнованно отходя отъ него.

Федоръ Густавовичъ очень удивился. Обыкновенно Юлія Андреевна не имѣла привычки давать объясненія своихъ поступковъ или, чтó еще удивительнѣе, извиняться въ нихъ.

— Нѣтъ, сказалъ съ недоумѣніемъ Федоръ Густавовичъ,— я совсѣмъ не обижался, но мнѣ бывало только неприятно что подарокъ долженъ пропасть.

Ироническая насмѣшка опять пробѣжала по губамъ Юліи Андреевны, но голосъ ея, когда она заговорила, звучалъ мягко и нѣжно, казалось даже, что она какъ будто проситъ прощенія...

— Онъ не пропадетъ, мой другъ, ей представится еще много случаевъ показаться въ немъ... Вы идете въ залу? да, пора... пойдемте вмѣстѣ... дайте мнѣ руку...

Федоръ Густавовичъ удивился еще больше, по очень любезно поспѣшилъ исполнить ея просьбу и подставилъ ей съ галантнымъ видомъ свою руку.

Она окинула его какимъ-то страннымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилась какъ будто и насмѣшка, и что-то нѣжное, манящее къ себѣ,—и пошла, слегка прижимаясь къ нему, рядомъ съ нимъ, такъ близко что тонкій запахъ ея душистыхъ, волнующихъ волосъ пріятно щекоталъ его обоняніе. Они шли

Панно проф. К. Е. Маковскаго, писання для бар. Фонъ-Дервиза. Амуры-садовники.
Съ фотогр. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Иитъ“) грав. Барановскій.
Библиотека "Руниверс"

по длинному ряду парадныхъ, ярко освѣщенныхъ, по еще совсѣмъ пустыхъ, комнатъ и залъ, уставленныхъ красивыми группами тропическихъ растений, смѣшанныхъ съ камеліями, розами и глацинтами, аромат которыхъ нѣжно лился въ свѣжемъ, прохладномъ воздухѣ. Прелестная фигура Юліи Андреевны, въ роскошномъ туалетѣ съ длинными лѣниво волочащимся за ней трѣпачами, поминутно отражалась въ огромныхъ зеркалахъ, мимо которыхъ они проходили. Федору Густавовичу казалось что онъ ведетъ по какому-то дворцу прекрасную королеву, — и сознание, что этотъ дворецъ со всѣми его богатствами и роскошью собственный его домъ, а

прекрасная королева его собственная жена — восхищало его, наполняя его сердце гордостью и еще большимъ не только уваженіемъ, но даже какъ бы и благоговѣніемъ къ самому себѣ. Онъ шелъ надменно закинувъ голову и старался придать лицу своему надлежащую важность, а Юлія Андреевна все нѣжно оперлась на его руку, все ближе прижималась къ нему и волосы ея склоненной головы теперь уже касались его шеи и щекотали ему ухо. Онъ искоса съ недоумѣніемъ поглядывалъ на нее, но недоумѣніе это было приятное и даже льстивое его самолюбію.

(Продолженіе будетъ).

Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина.

Рассказъ В. П. Желиховской.

I.

„Порфирій Семеновичъ получилъ наслѣдство!“ Въѣтъ эта облетѣла чуть-ли не весь кварталъ Петербургской Стороны, гдѣ квартировалъ столончальникъ Перепелкинъ.

— Да неужто-жъ вправду?.. Не шутить-ли?..

— Ну вотъ!.. Какія шутки?.. Самъ видѣлъ полицейскій вызовъ: ѣдетъ получать... Какже! Дядя неизвѣстный проявился — купецъ Кубаринъ, изъ Москвы. При жизни и знать бѣднягу не хотѣлъ; Порфирій Семеновичъ и о родствѣ-то съ нимъ думать забылъ, не то что о наслѣдствѣ, потому семья большая у купца была...

— Ну такъ какъ-же?.. Неужли-жъ онъ въ завѣщаніи своихъ обожель, а о племянникѣ вспоминуть?

— Какое!.. Волею Божьей перемерли. Порфинька нашъ и не зпалъ ничего, какъ вдругъ — извѣщеніе: вызываются де наслѣдники такого-то, купца второй гильдіи, скончавшаго жистъ безъ прямыхъ наслѣдниковъ и безъ духовнаго завѣщанія... А гдѣ-жъ они, наслѣдники-то?.. Одинъ нашъ Порфирій Семеновичъ на всемъ свѣту — племянникъ родной и единственный наслѣдникъ!

— Т-съ!.. Поди-жъ ты!.. И много?

— Да много-ли, мало-ли, — не меньше ста тысячъ и не больше милліона рублишекъ.

— Ахъ Ты Господи!.. Въѣтъ вотъ оно!.. Бываетъ-же людямъ счастье!..

— Ужъ и милліонъ!.. Бude съ него, лядахаго, и ста тысячъ!

— Какое сто?.. Ей-же-ей самъ говорилъ мнѣ: триста тысячъ деньгами, двѣ лавки въ Гостиномъ, въ Красныхъ рядахъ, да каменный домъ на Мясницкой. Да-съ!.. Вотъ оно куды пошло: тотъ-же милліонъ.

— Ну и зафинтитъ-же теперь Порфинька! Фу-ты, ну-ты, щеголемъ питерскимъ обернется!

— Онъ-то?.. Смирнечокъ нашъ?.. Вотъ потѣха!.. Куда ему?!.. Развѣ—что Марѣй новый платокъ купить, да къ празднику себѣ новую пару закажетъ.

— Ну ужъ, какъ-никакъ, а угощеніе съ него знатное совремъ!.. Къ Палкину—это ужъ какъ угодно!

— Чего къ Палкину?.. Въ *Медведя* закатимъ. Пускай раскошелится на радостяхъ!

Такъ говорили и пересмѣивались товарищи по канцеляріи, гдѣ чуть не двадцатипятилѣтіе отслужилъ Перепелкинъ.

Новость была животрепещущая и чрезвычайно забористая... Помилуйте! Кто-бы могъ думать?.. Жилъ себѣ жилъ человѣкъ скромнымъ, бѣднымъ чиновникомъ; полъ-вѣка, можно сказать, въ ничтожествѣ провелъ и вдругъ—на-поди!.. *Лицомъ* стали!.. Обернулся богачомъ, капиталистомъ.

Кто въ околоткѣ не знаетъ Порфирія Семеновича?.. Всѣ его знаютъ, потому что человѣкъ онъ хотя скромный, но почтенный; десять лѣтъ никакъ во флигельѣ надворномъ, у купца Мордасова, двѣ комнатки занимаетъ, съ кухонькой, и всегда, аккуратно 21 числа каждаго мѣсяца квартирные деньги впередъ вноситъ.

— Человѣкъ душевный, тихій, порядливый! Важный жилецъ! величаетъ его хозяинъ.

— Баринъ добрый, не обидчикъ. Тверезый завсегда, не то что другіе чиновники. И богомольный: въ праздникъ—къ обѣднѣ, въ субботу—ко всенощной, это ужъ безпримѣнно!.. расхваливаетъ его дородная Марѣя, пожилая кухарка съ бѣлымъ на глазу.

Марѣя еще покойницѣ, госпожѣ Перепелкиной, матери Порфирія Семеновича, служила. Когда умерла старушка, онъ счелъ было излишествомъ держать прислугу и дома готовить; отпустилъ кухарку и сталъ, возвращаясь со службы, заходить по дорогѣ въ кухмистерскую. Но непривычный къ такой стряпнѣ, благодаря заботамъ матери и сожительству съ ней слызмала питавшейся свѣжею, здоровою пищею, бѣдный „Порфинька“ вскорѣ заболѣлъ и чуть не жизнью полатился за разлуку съ Марѣей... Вернулъ онъ ее и снова зажали они прежнимъ порядкомъ.

Марѣя готовила и бѣлье стирала. Баринъ ея, напившись съ нею вѣстѣй кофейку, на службу шпалъ, версты за три; рѣдко,

развѣ въ очень дурную погоду, позволяя себѣ вспрыгнуть на конку. Возвращаясь онъ часамъ къ пяти, а то и позже; сбѣдалъ щей съ кашей, да кусокъ говядины, и съ часикъ—на боковую, отдыхалъ, грѣвшимъ дѣломъ, прикрываясь газетой или книжкой. А книги онъ добывалъ у товарищей въ канцеляріи или у „батюшки благочиннаго“, священника его прихода, который звалъ г-жу Перепелкину и къ которому онъ иногда заходилъ. Чтеніе Порфирій Семеновичъ любилъ, но только съ разборомъ; газетами, политикой очень интересуется; историческіе романы, путешествія, духовные журналы весьма уважаетъ; по переводнымъ сочиненіямъ, особливо „вымыслы господъ французскихъ романистовъ“—презираетъ.

Воскресные и праздничные дни обыкновенно у Перепелкина начинались съ обѣдни. Не желалъ лишать Марѣю Родіоновну службы Божьей, онъ съ ней чередовался въ большіе праздники; въ воскресенія-же она шла къ ранней, а баринъ—къ поздней обѣднѣ. Въ такіе дни онъ ужъ самъ себѣ кофе подогрѣвалъ или самоваръ ставилъ, не ожидая кухарки; а вернувшись изъ храма, садился за ранній, воскресный обѣдъ, къ которому заботливая Марѣя не забывала приготовить экстренное блюдо: ватрушку или пирогъ съ капустой... Вторые блюда въ скоромные дни оставались все тѣ-же: „бинтскъ“ или битокъ съ лукомъ; потому что птица, а тѣмъ паче дичинка, дороги нынѣ въ Питерѣ стали... Пообѣдавъ рано, Перепелкинъ позволялъ себѣ развлеченіе: ѣхалъ по конкѣ на Невскій или въ Лѣтній садъ и тамъ прогуливался. Въ дурную-же погоду садился съ Марѣей Родіоновной въ дураки или фофаны поиграть. Это удовольствіе она страхъ какъ любила и помирала со смѣху оставивъ барина „въ дурачкахъ“ или „въ фофанахъ“.

Въ театрѣ Перепелкинъ хаживалъ очень рѣдко; раза три-четыре въ годъ, на Святкахъ, да на Масляной обыкновенно. Знакомыхъ почти не имѣлъ, а въ гости ходилъ только по зову и усиленнымъ приглашеніямъ, на именины или какія либо семейныя торжества къ сослуживцамъ. И самъ—на перечесть—рѣдко ихъ угощалъ, да и то не у себя, а въ ресторанахъ, по слуху своего производства въ чинъ или дня своего ангела.

Дамскаго общества Порфирій Семеновичъ совсѣмъ не зналъ, кромѣ матушки-попадѣи, домохозяйки своей, Анфисы Ильиничны Мордасовой, аккуратно званней его обѣдать въ день своего ангела и на блины въ четвергъ на масляницѣ, да еще одной вдовы, бѣдной чиновницы изъ прежнихъ знакомыхъ матери своей, которой онъ аккуратно помогалъ, чѣмъ могъ, въ двенадцатые праздники и которая заходила иногда къ Марѣѣ кофейку попить да „карты бросить“; погадать ей тайкомъ на ея барина — не выйдетъ-ли ему „судьбы“ — червонныхъ туза, десяти и девяти, вѣрныхъ предвѣстниковъ „марьяжа“.

Этого самаго *марьяжа* Марѣя Родіоновна, въ сущности, страхъ какъ боялась... Не равнѣтъ часть: на какую дѣвицу али вдову падеть выборъ ея „золотаго барина“. Другія вѣдъ таковы, что не токма ее, Марѣю, унекутъ—и самого-то съ Божья свѣта сгонятъ!.. А до брака ихъ не узнаешь. Гдѣ узнать?.. Чужая душа—потемки. Особливо такому безобидному, „не шустрому барину!“

Марѣя хотя и побаивалась перемены въ жизни Порфирія Семеновича, но скрывала это и очень любила его докехать советами и наставленіями. Онъ и самъ, хотя тоже побаивался женитца, особливо молодыхъ, да бойкихъ, но очень любилъ пометать о счастливой семейной жизни и лишь посмѣивался приятной фистулой, прислушиваясь къ пенямъ своей вѣрной слуги.

— Ну и чего вы, сударь, даромъ валандаетесь на бѣломъ свѣтѣ? начинала она ему пѣть, на досугѣ. — Чего вы ждете-выжидаете?.. Чтобы всѣ зубы вывалились, что-ли, а голову-то чтобы пыльной тряпочкой вытирать, когда гребешкомъ на ней нечего зацѣпить будетъ?.. Послѣ-то вѣдъ хорошая барышня и не пойдетъ за васъ, какъ совсѣмъ скрючитесь!.. Надо-бы вамъ, надо о себѣ позаботиться! Что-жъ такъ-то безъ любви, безъ призору, одному бобылемъ вѣкъ коротать?.. Охъ! Въ старости тошно одинокому, никому не нужному человѣку. Не разъ пожалѣете!..

— Отчего-жъ одинокому?.. Развѣ ты отходить хочешь, Мар-еушенька? притворно посмѣивался Порфирій Семеновичъ.

— Ну, вотъ! И-то не отойду, покаль не прогонимъ. Да развѣ во мнѣ дѣло?.. Надо хозяйкой обзавестись заправкой, пока время не ушло. Добрая, порядливой, изъ себя красивой сунутой.

— Ишь ты, куда заѣхала! осклабялся Перепелкинъ. — И доброй, и красивой! А гдѣ ихъ взять-то? Пѣтъ, Мареуша, нынче только невѣсты больно хороши, а жены — бѣдовыи. И не приведи Богъ по пынѣшнему времени бѣдному человѣку жениться!

— А ты гляди въ оба! Выбирай!.. Что-жъ, въ сам-дѣлъ? Чѣмъ ты не женихъ?.. Изъ себя — ровный; здоровъ, не пьяница, не мотъ, не картежникъ. Мѣсто хорошее и чинъ имѣешь чуть что не генеральскій. Да за тебя всякая, самая хорошая дѣвица со своимъ удовольствіемъ пойдетъ! А ты выбирай изъ хорошей семьи и чтобы не голая безприданница.

— Да, вишь-ты какъ!.. Не хочешь-ли чтобы я къ дочкѣ директора нашего департамента посватался?..

— Зачѣмъ намъ дилекторскихъ? прерывала барина Марѳа. — Дилекторскія пусть себѣ дилекторы и подбираютъ. А ты, вотъ, за отца-дядькона дочку присватайся.

— Ну ее, къ Богу, немощную!

— Да не за старшую. Ишь—угодилъ!.. Да она можетъ у тебя сама на крестинахъ была... Я про Сонюшку, про меньшую. Барышня хорошая!

— Богъ съ тобой, Марѳа! Куда мнѣ ученыхъ брать?.. Она одинъ башмаковъ что истреплетъ, по лекціямъ да курсамъ своимъ бѣгал.

— Ну вотъ ты какой! продолжала перебирать невѣсть Марѳа, очень успокоенная несговорчивостью барина. — Ну къ Аннушкѣ Мордасовой присватайся. Вотъ-бы заутили... За ней, гляди, тысячь пятьдесятъ батька отсынить!

— Ну ее, краснорожую!

— А то знаете что, баринъ? Познакомьтесь-ко вы съ учительской вдовушкой!.. Она вальяжная барышка! Книжки вамъ читать станетъ!..

— Ну да! И битъ васъ съ тобой будетъ перебилъ баринъ. — Видала ты, намедни, какъ она дѣвчонку свою, служанку-сиротку, колотила за то, что та по ночи боллалась за извозникомъ для ея гостей бѣжать?.. Спасибо!.. У нея и безъ меня дружки милые найдутся.

— Ну такъ что-жъ все на одномъ дворѣ, да по близости искать?.. Питеръ великъ! Поищи. Мало-ль хорошихъ невѣсть!..

— Охъ, мало, Марѳа Родіоновна! Страсть какъ ихъ мало, хорошихъ-то. А коли онѣ и есть, такъ не про нашу честь!

— Поди-жъ ты, какой несговорчивый!.. А и такъ тоже оставаться, подѣ старость, одинокому не сладко... Тебѣ вѣдь, чай, за-сорокъ съ хвостикомъ?

— Чего—съ хвостикомъ?.. И всѣ пятьдесятъ не далеко! сдерживая вздохъ улыбой, отвѣчалъ Перепелкинъ. — Нечего ужъ! Прошлаго не поймашь!.. Поздно думать о женитбѣ, когда духовную-пора писать!.. Только, жаль, завѣщать и некому, и нечего.

И такъ-то шути вопросомъ о бариновой женитбѣ, поживали коллежскій ассессоръ Перепелкинъ со своей преданной слугою и не видали какъ барину за полъ-вѣка перевалило, а Марѳа и веѣ шесть десяточковъ стукнуло. Жили они себѣ потихонечку, ни шатко, ни валко, ни на сторону; не лучше, да и не хуже многихъ тысячь російскихъ чиновниковъ, какъ вдругъ, словно спѣвъ на голову...

II.

Вы думаете наслѣдство на Перепелкина свалилось? Пѣтъ, — хуже!.. Наслѣдство-то послѣ, вотъ только съ годъ времени какъ подоспѣло; а то прежде бѣда страдася такая, что чуть безъ хлѣба не остался нашъ коллежскій ассессоръ.

Какъ разъ на заговѣніе предъ Рождественскимъ постомъ два года тому назадъ, призвалъ его въ свой кабинетъ директоръ и говорить:

— Порфирій Семеновичъ! Вы, голубчикъ, на Петербургской живете?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Вамъ не составить труда денежный пакетъ передать въ такое-то училище?

— Что прикажете, все радъ исполнить, ваше превосходительство.

— Да видите-ли официальнымъ путемъ медлить не хочу; разсыльный Трофимовъ у меня заболѣлъ, другому боюсь поручить такую большую сумму; самому—некогда. А дѣло спѣшное... А мнѣ помнилось, что вы, милѣйшій, въ тѣхъ странахъ живете? Такъ ужъ не въ службу, а въ дружбу: услужите!

Такъ это ласково, да учтиво все рассказалъ и руку даже подалъ, и съ чувствомъ потрясъ пальцы Порфирія Семеновича. Сумма точно была значительная: шесть сторулевыхъ, ни больше, ни меньше.

Положилъ ихъ Перепелкинъ въ жилетный карманъ, застегнулъ пошлотѣе, покончилъ дѣла служебныя, да и отправился исполнять начальническое „довѣренное порученіе“, которымъ внутренно не мало гордился.

Онъ такъ разошелся, что чуть было не крикнулъ: „изво-

щикъ!..“ Да вспомнивъ, что отсюда на Петербургскую надо безъ малаго полтинникъ отдать, только покосился на санки, выстроившіяся въ линію, и благообразно направился къ конкѣ.

„Съ пересадкой въ полчаса... Ну, въ три четверти навѣрняка доѣду!.. А тамъ рукой подать. Зачѣмъ-же тратиться?“ размышлялъ онъ.

Онъ уѣхалъ въ уголокъ, жмуясь отъ мѣднаго щита лампы, и пока колеса скрипѣли по обмороженнымъ рельсамъ, казалось дремалъ. Но это только такъ казалось. На дѣлѣ Порфирій Перепелкинъ, положивъ руку, подѣ ватной шинелью, на грудной карманъ,—сладко мечталъ. Онъ, по природѣ, былъ идеалистъ и мечтатель, и порою любилъ предаваться фантазіямъ самымъ разнообразнымъ. Въ послѣдніе годы будничное однообразіе жизни нѣсколько поужѣрило пылъ его воображенія; но въ прежнее время во внутренней жизни Перепелкина огромную роль играли предположенія и планы самые смѣлые, обыкновенно начинавшіеся съ предложенія:

„А что если вдругъ...“ Или: „А ну какъ я вдругъ...“ И за этимъ *вдругъ* слѣдовали чисто сказочныя происшествія... впрочемъ, не болѣе сказочныя и удивительныя чѣмъ тѣ, что *дѣйствительно* ознаменовали послѣдніе два-три года его жизни. Правъ, значитъ, былъ онъ мечтая: самъ себѣ намечталъ и на-пророчилъ чудеса.

И такъ, вѣхалъ Порфирій Семеновичъ по конкѣ въ свои далекія страны и, пощупывая пакетъ съ деньгами, мечталъ... Минутная близость къ одному изъ избранныхъ сего міра, ласковое, почти дружеское обращеніе директора, его „конфиденціальное“ порученіе, возбудили въ немъ остывшую, но не угасшую способность увлекаться собственными вымыслами...

„Вотъ, теперича, свезу я эти деньги. Объясню все тамъ, что и какъ, и почему мнѣ довѣрили. Образу на себя вниманіе и даже — благодарность! Какъ-же иначе?.. Разумѣется благодарность... Вѣдь ужъ я сколько лѣтъ столоначальникомъ... Имъ! Имъ!.. Ужъ пора-бы... То есть можно-бы!.. Даже должно-бы!.. Ну, вотъ... и *вдругъ*...“

Но ужъ вслѣдъ за этимъ магическимъ словомъ фантазія его понеслась такъ быстро, и занесла коллежскаго ассессора въ такую даль и высь, что за нимъ и поспѣть мудрено... Онъ мечталъ, жмурился и такъ приятно улыбался, что сидѣвшій противъ него прикащикъ изъ бакалейнаго магазина такъ и положили въ своею умѣ, что „эфтотъ господинъ хорошо пообѣдими и добре вынимши конѣ!..“ А бѣдный Перепелкинъ съ восьми часовъ утра не дѣлъ — и еслибъ не духовное возбужденіе, то ужъ конечно мыши бѣгавшія въ пустомъ его желудкѣ заставляли-бы его скорѣй мечтать о жареномъ гусѣ съ кашустой, чѣмъ о мѣстѣ начальника отдѣленія и сопряженномъ съ нимъ чинѣ надворнаго совѣтника.

Прозвонилъ колокольчикъ, прозвучалъ голосъ кондуктора, колеса жалобѣй провизжали по мерзлымъ рельсамъ, надо было выходить на перепутьи и мѣнять конку или идти пѣшкомъ.

Порфирій Семеновичъ пробудился отъ своихъ мечтаній и вышелъ на морозный вѣтеръ. Передъ нимъ былъ перекрестокъ, довольно мрачный и совершенно пустынный... Въ сторонѣ подѣ одинокимъ фонаремъ, уныло стоялъ вагонъ, очевидно только что дотащившійся до мѣста своего назначенія; пара лошадей съ опущенными ушами, понуро отфыркивавшаяся въ облакѣхъ густаго пара, краснорѣчиво свидѣтельствовала объ этомъ.

— Скоро тронется? спросилъ Перепелкинъ, нерѣшительно подходя къ трамваю.

Кучеръ, одиноко раскуривавшій носогрѣйку, сидя на подножкѣ, уныло подиалъ на него глаза и молчалъ. Кондукторъ забѣжалъ въ нивную, рядомъ, обогрѣться; а ему каторжная служба не позволяла оставлять лошадей. Едва доуспела на нѣсколько секундъ согнуть колѣна, которыя отъ усталости сводили судороги, а тутъ еще „эти“, фядоки, „чтобъ имъ пусто было!“ и затннуться разокъ во весь-то день не дадутъ!

Перепелкинъ, пожимаясь отъ вѣтра душаго прямо въ лицо ему изъ той длинной, темной улицы, куда ему надо было идти или ѣхать, повторилъ вопросъ.

— А кто его знаетъ! буркнулъ возница. — Когда еще слѣдующій дотащится? Вы думаете легко, такъ-то, день-денской, изъ конца въ конецъ?.. вдругъ прикрикнулъ онъ, какимъ-то надтреснутымъ, отчаяннымъ голосомъ. — Сейчасъ пришли! Дайте вздохнуть человѣку... Вонъ они — скоты! ткнулъ онъ кнутовищемъ на лошадей, сердито силинувъ въ сторону: — да и то жалко!.. Надо, тоже, жалость имѣть!.. Вамъ что-жъ?.. Садитесь!.. Довеземъ, коли донрежъ того ногъ не протянемъ.

И онъ отвернулся, такъ потянувъ дымъ, что табакъ затрещалъ и въ трубкѣ запыртели искорки.

Перепелкину, невѣдомо съ чего, вдругъ стало стыдно, и онъ, вмѣсто того чтобы войти въ вагонъ, въ задумчивости побрелъ въ сторону, мысленно рассуждая на тему, что вотъ де тоже недоволенъ бываешь и ропщешь, мечталъ тамъ, объ чинахъ, да отличіяхъ; а кабы вотъ этакая каторжная жизнь выпала?

Шелъ онъ быстро, крѣпко запахнувъ шинель, согнувшись, подставляя вѣтру теплую фуражку съ кокардой, и опомился только при стукѣ колесъ и колокольчикѣ медленно двигавшагося ему на встрѣчу трамвая.

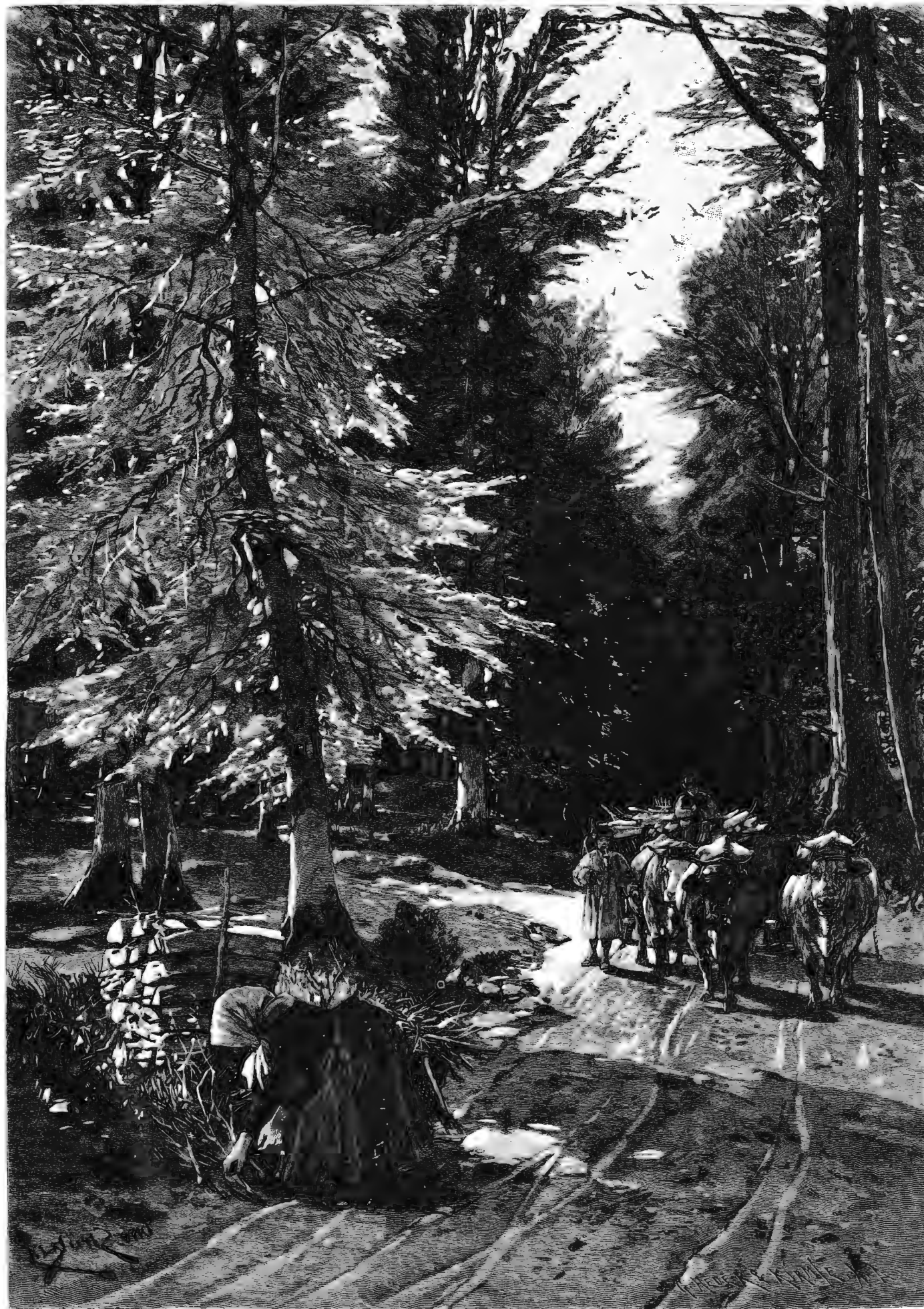
„Ну!“ подумалъ онъ: „пока этотъ дойдетъ, да тотъ мени догонитъ,—не стоить того ждать и садиться!“

Литературный альбомъ. „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, Шекспира. Титанія и ткачъ Основа.

Рис. Ю. Гейнеръ, грав. Крѣнеръ.

Библиотека "Руниверс"

На Гарцъ. Рис. О. Штрицель, грав. Гейеръ.

И онъ рѣшительно свернулъ въ переулокъ, вначительномъ со-
кращавшій путь.

Здѣсь ужь было совсѣмъ темно и пустынно. Перенелкинъ
шелъ быстро, помышляя о цѣли путешествія, о сладости воз-
вращения къ заждавшейся его, со щами и кашей, Марѣ; о
томъ какъ онъ вкусно пообѣдаетъ и отдохнуть въ свое удо-
вольствіе... Впереди ужь видѣлся боковой фасадъ того казен-
наго зданія, куда онъ шелъ, когда въ двухъ саженьяхъ впереди
съ узенькаго тротуара поднялся пьяный и шатаясь двинулся
ему въ встрѣчу. Перенелкинъ далъ ему дорогу, не оглядываясь.

Вдругъ — такого „вдругъ“ никогда не представляло ему его
воспаленное воображеніе — пьяный круто повернулъ и нава-
лился на него сзади, а кто-то другой загородилъ ему дорогу,
выскочивъ изъ-за досчатого забора, и ударомъ дюжого кулака
свалилъ его на землю...

— Караулъ!.. Грабятъ!.. Рѣжутъ! успѣлъ только вскрикнуть
Порфирій Семеновичъ и потерялъ сознание подъ вторымъ уда-
ромъ въ голову.

Последнюю мыслью его было не личное спасеніе, а береже-
ніе суммы, ввѣренной начальствомъ, суммы которую онъ судоро-
жно зажималъ рукою; послѣднимъ чувствомъ — ощущеніе
стаскиваемой съ него шинели, — а послѣднимъ представленіемъ —
звукъ шаговъ бѣгущаго человѣка и новый звучный голосъ, под-
державшій его отчаянное воззваніе: „Караулъ! Сюда!.. Воры!..“

Очнулся онъ не скоро. Было утро, зимнее, сѣрое, позднее
утро. Онъ лежалъ раздѣтый, въ постели, и едва проснувшись
подумалъ, что проспалъ, опоздаетъ на службу; хотѣлъ вскочить
и безсилно упалъ снова въ подушки, застонавъ отъ боли во
всѣхъ членахъ и особливо въ головѣ.

— Ахъ, Боже-Господи! раздался надъ нимъ шопотъ. — Ком-
прессъ свалился!.. Никакъ опять бредъ начинается.

„Эге!.. значить я не на шутку боленъ!“ подумалъ Перенел-
кинъ. „Вѣрно это Маруша...“

Онъ приоткрылъ глаза. Нѣтъ!.. Чужое лицо склонилось надъ
нимъ. Женщина гораздо моложе, съ лицомъ кроткимъ и очень
милымъ, но совершенно ему незнакомымъ, заботливо поправляла
ему холодныя примочки... „Это что-жъ такое?.. Откуда и кто?!“

Онъ оглядѣлся... Батюшки!.. Да что-жъ это?!.. И комната не
его?!.. Онъ не у себя, не дома?..

Вдругъ воспоминаніе сразу его ослѣпило и несмотря на страш-
ную боль онъ поднялся, опираясь на руки, и громко закричалъ:
— Ай! Господи помилуй! Деньги?!.. Деньги-то гдѣ-же?.. Чу-
жія, директорскія! Шестъ сторублевыхъ... Цѣлы-ли?!

Женщина въ первую минуту такъ испугалась, что отскочила
и молча смотрѣла на него, не смѣя приблизиться, ничего не
понимая, убѣжденная что онъ бредитъ.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ молодой человѣкъ съ
антечными снадобьями въ обѣихъ рукахъ, какъ былъ въ пальто
и шапкѣ, которыхъ не успѣлъ снять.

— Ну, что? сказалъ онъ озабоченно. — Ага! Пришелъ въ
себя?.. Ну, слава Богу.

— Какое пришелъ! прошептала испуганно женщина. — Бре-
дитъ! Кричитъ!

Перенелкинъ вращалъ глазами такъ страшно, что не могъ
внушить довѣрія.

— Голубчикъ! простоналъ онъ. — Гдѣ деньги мои?.. Да не
мои: чужія!.. Неужели нѣтъ ихъ?!

— Ахъ, вотъ оно что!.. Такъ онъ еще и чужія?.. Ну! Ставьте
Казанской рублевою свѣчку!

Онъ поставилъ пузырьки и банки на столъ и пошелъ отво-
рять комодъ стоявшій въ углу.

— Вотъ онъ, ваши Катеринушки!

И онъ весь ассигнаціи, помахивая ими по воздуху, улыбаясь
издали ожившему при видѣ ихъ болыному.

— Цѣлы, Божьей милостью!.. Не успѣли добраться до нихъ
злодѣи. Только вы ихъ сами помяли, пока разбойники вась
самого разминали! засмѣялся онъ. — Такъ крѣпко сжать у вась
былъ карманъ, что силу мы вашу руку отъ нихъ отпили,
когда внесли ко мнѣ сюда.

До чего обрадовался Перенелкинъ — и сказывать нечего. Го-
раздо больше осчастливило его спасеніе директорскихъ денегъ,
чѣмъ его собственное, — да оно въ сущности и было несравненно
изумительнѣе.

(Продолженіе будетъ).

Петербургъ - Владивостокъ.

Всероссійская Великая восточная желѣзная дорога.

(Окопчаніе).

Идея пользаванія рѣчками, которыя должны были замѣнить
желѣзную дорогу, не смотря на кружность пути и краткость
навигаціи, — при всемъ своемъ ограниченномъ и условномъ
удобствѣ, настолько утвердилась, что даже когда явилось
предложеніе постройки транзитной непрерывной дороги черезъ
всю Восточную Россію, то опонентами предложенія были кон-
трактъ созданія смѣшаннаго пути — частью рѣчками, а въ про-
межуткахъ между ними (волокахъ) желѣзными дорогами, — ко-
торый тоже рекомендовался какъ путь паровой и какъ бы не-
прерывный.

Краткость навигаціи, многія перегрузки не признавались за
препятствіе — все равно де грузъ пойдетъ непрерывно, то паро-
возомъ, то паровозомъ.

Однако такъ какъ внутренно они, конечно, сознавали, что та-
кая непрерывность въ сущности весьма прерывиста, то вза-
мѣнъ предложенія постройки очень мелкихъ участковъ, оста-
новившихся на двухъ крупныхъ — одинъ отъ Владивостока до
Буссе или даже Хабаровки, и другой отъ Срѣтенска до Том-
ска, но, кажется, съ перерывомъ Байкаломъ.

Увлеченіе включеніемъ рѣкъ въ составъ пути было такъ ве-
лико, что получивъ возможность произвести изысканія почти
на четыре тысячи верстъ (3850), разбили эти изысканія на
четыре отдѣльные участка:

Средне-Сибирскій	1700
Круго-Байкальскій	1200
Забайкальскій	550
Уссурийскій	400

3850

Прибавьте къ этому еще строящейся участокъ въ 900 верстъ
Самара-Златоустъ сѣвернаго направленія.

Но какъ Уссурийская вѣроятно будетъ продолжена до Хаба-
ровки, т. е. еще на 300 верстъ, все разстояніе тогда составитъ
4150 верстъ. И дорога начнется только отъ Томска, т. е. въ
1500 верстъ отъ Уфы, конечной европейской станціи, и будетъ
имѣть еще сверхъ того три перерыва. Тогда какъ выше уже
было замѣчено, что по южному направленію все разстояніе
отъ Оренбурга до Абагайтуй, и затѣмъ до Владивостока безъ
какого-либо перерыва, имѣетъ всего только 5300 верстъ; при-
бавивъ къ указанному выше (900+3850) еще остающіеся не
начатыми промежутки отъ Челябинска до Томска 1500 верстъ
и отъ Буссе до Срѣтенска 2000 верстъ, общая длина сѣвернаго
направленія выразится 8250 верстъ, длиннѣе южнаго почти на
2500 верстъ.

Но и при большихъ участкахъ опять выказалось слишкомъ
крупнымъ неудобство заставить грузы достигшіе Томска на
паровозѣ — двигаться далѣе рѣчками до Тюмени и паровозомъ

до Перми, послѣ парходомъ до Нижняго и тамъ опять далѣе
паровозомъ или парходомъ, смотря по надобности; тѣмъ болѣе,
что эти грузы, напримѣръ чай, достигши Владивостока на па-
роходѣ моремъ, еще ранѣе Томска, перегружался-бы на паро-
возъ до Буссе — тамъ на Уссурийскій парходъ, затѣмъ на Амур-
скій и Благовѣщенскій, и кажется тутъ опять на легкой па-
роходѣ или малую баржу до Срѣтенска.

Ясно, что если такимъ проектомъ, сторонниковъ рѣчнаго
сообщенія, пользаваніе рѣчками и сохранено въ значительной
степени, и если они могутъ думать, будто ими создается паровое
сообщеніе черезъ всю Восточную Россію, — то оно будетъ сли-
шкомъ медленно и дорого для торговли по своей прерывистости,
для строителя же желѣзной дороги — правительства — совер-
шенно разорительно по крайней невыгодности эксплуатаціи.

Такимъ образомъ система передвиженія то парходомъ, то
паровозомъ — не могла бы быть противопоставлена сдѣланному
предложенію непрерывнаго рельса на первыхъ порахъ отъ
бассейна Амура до Европейской Россіи, а впоследствии и отъ
самого Владивостока.

Когда противникамъ непрерывнаго рельсоваго пути пришлось
постепенно отказываться отъ введенія въ него рѣкъ съ постройкой
дороги изолированными участками и согласиться съ необходи-
мостью условія непрерывности, то они предпочли и при этомъ
уступить сколь можно менѣе: принявъ непрерывность, они
старались удержать проведеніе пути въ томъ же районѣ или
направленіи, на этотъ разъ пренебрегши другимъ важнѣйшимъ
условіемъ — магистральности.

Подъ этимъ условіемъ слѣдуетъ понимать наибольшую спо-
собность дороги принимать въ себя, въ будущемъ, частныя
пути, питательныя вѣтви, въ наибольшемъ числѣ и по воз-
можности наибольшаго протяженія; а также и то, чтобы районъ
вліянія дороги былъ сколь можно обширнѣе по пространству
и населенію.

Къ сожалѣнію, завоевавшіе себѣ вниманіе правительства,
сторонники сѣвернаго направленія въ своемъ проектѣ не удѣлили
того вниманія магистральности — какова она, конечно, заслу-
живаетъ.

Ведутъ они свой путь, по сѣверному направленію, кажется
только потому, что онъ совпадаетъ съ теперешнимъ почтовымъ
трактомъ и проходить черезъ два-три города, сами по себѣ
для питанія желѣзной дороги имѣющіе ничтожное значеніе.
Конечно, ни для одного изъ нихъ не стоило бы строить дороги
и въ сотню верстъ.

Постройте имъ, въ мѣстахъ гдѣ грунтовыя дороги плохи, по-
рядочное шоссе — и вы имъ окажете большую и лучшую услугу,
нежели можетъ это сдѣлать желѣзная дорога.

Всѣ города теперешняго сибирскаго почтоваго тракта, при

ничтожном населении, не могут иметь экономического значения, и в будущем—они просто большие станции этой большой дороги.

Теперь они находятся от крайнего пункта железной дороги в расстоянии 1500, 2000 и 3000 верст.

Развѣ можно сказать, что ихъ положеніе упадетъ и что они будутъ лишены желѣзныхъ дорогъ, если рельсъ отъ нихъ будетъ отстоять, вмѣсто теперешняго, только на 500, 700, 800 верстъ. Вѣдь это не Парижъ и Лондонъ, чтобы имъ необходимо было имѣть дорогу у себя—въ самомъ городѣ.

Всѣ они стоятъ на судоходныхъ рѣкахъ и сообщеніе на пароходѣ до станціи въ двое или трое сутокъ, для страны, гдѣ вчера еще находили эти дороги совсѣмъ лишними, будетъ, конечно, удобствомъ превосходящимъ потребность.

Имѣя тѣ безкопечной длины рѣчки, которыя только что считали способными замѣнить желѣзныя дороги, затѣмъ зимній санный путь, представляющій для малонаселенной страны громадный ресурсъ для перевозки тяжеловѣсныхъ, грубыхъ и дешевыхъ сырыхъ мѣстныхъ произведеній, и въ прибавокъ ко всему, если будетъ дано и шоссе въ необходимыхъ пунктахъ большой почтовой дороги, — претендовать, что эти два-три города, какъ Омскъ, Томскъ и Красноярскъ будутъ обижены, если желѣзная дорога пройдетъ южнее—не будетъ ли натяжкою? Но сверхъ того, есть еще очень важныя обстоятельства, вынуждающія предпочитать проведеніе дороги по южному направленію.

Районъ сѣвернаго направленія вдвое меньше южнаго, потому что пространство земель, лежащее отъ него къ сѣверу, дорогу питать никогда не будетъ—тамъ идетъ тайга и тундра въ полярныхъ условіяхъ, для культурной жизни сплошнаго населенія невозможныхъ.

При южномъ направленіи ее будутъ питать районы по обѣ стороны дороги и, сверхъ того, къ ней приближаются всѣ области Средней Азіи, на разстояніи отъ 300 до 600 верстъ, и дорога отвѣтитъ, сверхъ сибирскихъ интересовъ, еще интересамъ всей средней полосы цѣлой Азіи, что увеличиваетъ ея значеніе чрезвычайно. Она сократитъ будущія вѣтви желѣзныхъ дорогъ къ югу, а теперь же сразу караванную доставку грузовъ, проходящихъ и безъ того уже тысячеверстныя разстоянія.

Сѣверное направленіе пересѣкаетъ громадные сибирскія рѣки въ широкихъ частяхъ и тѣмъ вызываетъ много-милліонные расходы на мосты, съ одной стороны, тогда какъ при южномъ такихъ мостовъ не будетъ; съ другой же, что еще важнѣе, въ некоторыхъ рѣкахъ нельзя будетъ перейти мостами, а придется устраивать паромы и тогда движеніе будетъ непрерывнымъ только четыре мѣсяца въ году, остальные же восемь движеніе опять будетъ прерывистое и затрудненное.

Но ко всему этому и топографическія условія не въ пользу сѣвернаго направленія—мѣстность отъ Томска до Красноярска и далѣе къ востоку чрезвычайно пересѣченная, представляетъ множество водораздѣловъ и другихъ неудобствъ. Перейти мостомъ Енисей у Красноярска почти невозможно. Томскъ даже, кажется, признается необходимымъ оставить въ сторонѣ на 70 верстъ.

Но если Томскъ и Красноярскъ должны быть обойдены, въ пользу кого же стоитъ ломать копыя? Остается одинъ Омскъ, усиленно тяготящій къ Семипалатинску.

Настолько ничтожны результаты доставляемые сѣвернымъ направленіемъ!

Ими-то и объясняется справедливый индиферентизмъ, до сихъ поръ существовавшій къ желѣзнымъ дорогамъ въ Сибири.

Цѣли такъ ничтожны, узки, а расходы на постройку и эксплуатацию пути—такъ велики, что свѣчи будутъ стоять много дорожке игры. Краткій сдѣланный очеркъ—представляетъ сибирскій желѣзнодорожный вопросъ въ его теперешнемъ положеніи.

Картина характерно измѣняется, при южномъ направленіи. Оно намъ даетъ путь съ обширѣйшимъ возможнымъ райономъ по обѣ стороны, т. е. несомнѣнно магистральный и въ то же время вполне и безусловно непрерывный на всемъ своемъ протяженіи. Онъ пройдетъ въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ, что обезпечиваетъ ему его наиболѣе южное направленіе и во многихъ мѣстахъ закрытіе отъ сѣвера высокими горными хребтами. Топографическія условія его также особенно благоприятны.

Начиная отъ Оренбурга къ востоку чрезъ Орскъ, Атбассаръ и Акмолинскъ, онъ пересѣчетъ Иртышъ, между Павлодаромъ и Семипалатинскомъ, и отсюда направится черезъ Байскъ къ Телецкому озеру, затѣмъ по рѣкѣ Абакану до Миусинска, отсюда къ верховьямъ р. Уды, гдѣ пологими долинами Саянскаго хребта, идущими почти по параллели, пойдетъ къ Тункинскому селенію и далѣе въ Троицко-Савскъ.

Путь до Иртыша—стеной, преимущественно черноземный, и въблизи нѣсколькихъ рѣкъ вдоль ихъ береговъ. Вообще изъ облаго разстоянія дороги пойдетъ вдоль рѣкъ или ихъ долинами болѣе 2000 верстъ. Мѣстность эта, будучи ровною, снабженною водою и углемъ на мѣстѣ, обезпечиваетъ удобство и дешевизну постройки и эксплуатации дороги, вводя вмѣстѣ въ рельсовое сообщеніе главный торговый центръ степей, Семипалатинскъ.

Онъ же вѣроятно будетъ современнымъ и областнымъ, какъ болѣе центральный, вмѣсто Омска лежащаго на отдаленѣйшемъ рубежѣ области, чему конечно болѣе всего поспособствуетъ проведеніе желѣзной дороги и что вмѣстѣ съ тѣмъ отниметъ значеніе и послѣдняго оставшагося города у защитниковъ сѣвернаго направленія. Слѣдуетъ припомнить что степь, о которой мы говоримъ, служила первобытнымъ кочевымъ народамъ средствомъ ихъ сообщенія, передвиженія и заселенія большей части Европы. Давая возможность nomadу содержать его стада—степь удовлетворяла всѣмъ его потребностямъ: пастбища питали его лошадей, верблюдовъ и козъ, а эти послѣднія его одѣвали и кормили. Степь была средствомъ сообщенія, путемъ или дорогою—тогда когда рѣками челоуѣкъ еще не могъ пользоваться.

Въ то время, двигаясь съ востока на западъ, наступало на Европу варварство дикихъ ордъ; теперь, въ началъ желѣзнодорожный вѣкъ, по тѣмъ же стѣнамъ пойдетъ русскій паровозъ въ обратномъ направленіи отъ запада на востокъ, неся съ собою блага христіанства и просвѣщенія. Южный путь приблизится къ областямъ Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Сурь-Дарьинской, Ферганской, Семирѣченской, Кашгару, Кульдѣжъ, Тарбагатаю и Монголіи. Онъ же прорѣжетъ Алтайскій и Миусинскій округи—житницы тамошнихъ нашихъ владѣній.

Трудно себѣ представить чтобы всѣмъ этимъ колоссальнымъ пространствомъ, съ самымъ широкимъ будущимъ, можно бы было пожертвовать для двухъ-трехъ сѣверныхъ городовъ, случайнаго, временнаго значенія, лежащихъ почти въ предѣлахъ тундры.

Южный путь въ Алтайскихъ горахъ представляется уже, не говоря обо всемъ остальномъ, но даже и въ топографическомъ отношеніи, предпочтительнѣе пути сѣвернаго.

Взвѣсивъ множества водораздѣловъ сѣвернаго направленія, мы здѣсь можемъ идти долинами рѣкъ Бинъ и Абакана до Миусинска и затѣмъ до верховьевъ Уды.

Сдѣланныя два или три года назадъ изслѣдованія Саянскихъ горъ показали, что расположенныя тамъ спускающіяся къ сѣверу террасами, онѣ въ своихъ промежуткахъ имѣютъ обширныя пологія долины идущія съ запада на востокъ. Изслѣдованія дѣлались не для желѣзнодорожныхъ цѣлей, но тѣмъ не менѣе они показали, что нашъ путь отъ верховьевъ рѣки Уды можетъ, не спускаясь, быть направленъ по возвышенностямъ до Тупкинскаго селенія и далѣе до Троицко-Савска, устраняя чрезъ то надобность подъемовъ и спусковъ въ горной странѣ а также большихъ изгибовъ пути и облегчая весьма много достиженіе Кяхты. Путь отъ Тунки до Ключевского пойдетъ по теперешней дорогѣ, далѣе же долиною Джиды до рѣки Селенги у Усть-Кяхты и затѣмъ до Троицко-Савска.

Отсюда на востокъ сначала въ долину Чаяка и его притока Мензы, затѣмъ, перейдя водораздѣлъ долиною Онона съ притокомъ Борза и затѣмъ по нерѣченіи опять водораздѣла, войдя въ бассейны р. Аргуни, достигнетъ Абагайтуя.

Занятіе исходящаго угла, какъ-бы вершины клина, въ Китайскія владѣнія составляетъ предметъ первостепенной важности, особенно когда онъ наиболѣе приближаетъ насъ къ главнымъ объектамъ войны съ Китаемъ—его главнымъ городамъ: Мукдену и самому Пекину.

Не утомляя долѣе вниманіе читателя крайнею необходимостію строить дорогу по южному направленію, укажемъ еще на одно и чрезвычайно важное условіе. При немъ сохраняются всѣ существующіе нынѣ пути, ночтовые тракты и другія дороги.

Всѣ они даже получаютъ большее и дальнѣйшее развитіе. Пароходство по рѣкамъ усиленно распространится. Торговая дѣятельность каждаго изъ городовъ увеличится вслѣдствіе ихъ большаго приближенія къ желѣзному пути и сверхъ всего прибавляется въ совершенно самостоятельномъ районѣ—еще одинъ новый путь; тогда какъ при сѣверномъ направленіи дорога пойдетъ вдоль Московскаго тракта, поглотитъ его и обширная страна, такъ нуждающаяся въ развитіи сообщенія, увеличеніи числа путей, нынѣ коснѣющая отъ ихъ недостатка, никакого увеличенія или прибавки не получитъ.

Число путей останется то же, только грунтовая дорога одного изъ нихъ замѣнится желѣзною. Уже по этому одному, дѣйствительные радѣтели интересовъ Сибири должны видѣть преимущественнаго прибавочнаго самостоятельнаго пути на югъ ихъ страны.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется вопросъ о проведеніи желѣзнаго пути по Восточной Россіи.

Дѣйствительныя и существенныя выгоды какъ этой страны, такъ и всей Россіи требуютъ южнаго направленія, какъ для настоящей минуты, такъ и для интересовъ отдаленнѣйшаго будущаго.

Ранѣе постройки непрерывнаго пути до Аргуни, будетъ преждевременнымъ говорить о дальнѣйшемъ продолженіи до Владивостока. Путь однако несомнѣнно пойдетъ почти по прямому направленію къ этому порту, и такъ какъ этотъ путь весьма выгоденъ какъ для насъ, такъ и для Китая, то осуществленіе его конечно вопросъ недалекаго будущаго.

Тогда получится непрерывный, магистральный и дѣйствительно великій путь чрезъ всю Восточную Россію, изолиро-

важность Уссурийскаго края будет устранена и Владивостокъ обратится въ важнѣйшій торговый портъ на восточномъ берегу азиатскаго материка.

Цѣли настолько велики, что онѣ требуютъ и соответственнаго расхода, на смена, на посѣвъ въ ожиданіи будущей большой жатвы; но эти издержки не будутъ оковчательной тратой, а только временнымъ расходомъ — съмѣнемъ, способнымъ произвести такое дерево, какъ подобная дорога.

Говоря о двухъ мнѣніяхъ въ пользу направленій сѣвернаго и южнаго, нельзя умолчать и о третьемъ, о противникахъ желѣзныхъ дорогъ вообще и особенно по Восточной Россіи. Но взаимны старанія ихъ переубѣдить, достаточно можетъ быть припомнить, что въ нашъ желѣзнодорожный вѣкъ, для насъ было бы анахронизмомъ отвергать ихъ пользу.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ начались постройки желѣзныхъ дорогъ и въ Соединенныхъ Штатахъ и у насъ. Но тамъ господствовали идеи въ пользу этихъ дорогъ; расходы на нихъ приравнивались расходу на посѣвъ или признавались выгоднымъ помѣщеніемъ капитала; думали, что чѣмъ дорожъ строилось больше, тѣмъ лучше, и теперь мы видимъ тамъ 200,000 верстъ и развитие благосостоянія поразительное до баснословности. У насъ же и до сегодня, въ разныхъ даже ученыхъ обществахъ, очень много, со всею силою укоренившихся въ нихъ идей, употребляють всѣ усилія, чтобы избавить любимое ими отечество отъ такой бѣды и разоренія, какъ желѣзныя дороги. На каж-

домъ шагу встрѣчаются мнѣнія, и часто съ претензією на большой авторитетъ, считающія употребленіе денегъ на желѣзныя дороги полнымъ, безвозвратнымъ и разорительнымъ пожертвованіемъ—совершенною потерю.

Эти люди могутъ быть удивлены, они успѣшно вліяли

на правительственные взгляды, и мы вмѣсто того чтобы имѣть теперь что-нибудь подобное количеству построенному Соединенными Штатами (хотя мы пространствомъ превосходимъ ихъ въ нѣсколько разъ) — имѣемъ едва одну десятую часть и несемъ впрочемъ зато и всѣ послѣдствія—наши земледѣльцы находятся несомнѣнно чуть не въ крайней нуждѣ и вся страна почти въ такомъ же положеніи.

Господство такихъ идей такъ сильно, что и на Великую Восточную дорогу сегодня денегъ нѣтъ, вѣроятно все по той же причинѣ — что это есть растрата безвозвратная, а идея разорительная. Но пятидесятилѣтній опытъ, кажется, достаточно доказательство что не эти взгляды вѣрны — что ихъ экономія фиктивная, ложная и для государства въ концѣ-концовъ разорительная. Желѣзнодорожный вѣкъ конечно убѣждаетъ что эти дороги обогащаютъ государство и что намъ пора начать договяты нашихъ сосѣдей. Наше сочувствіе постройкѣ будетъ величественнымъ желаніемъ дѣйствительнаго развитія отечеству, особенно же когда есть возможность, при обыкновенныхъ издержкахъ, при обычномъ М. И.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Крестьянскій мальчикъ. Кар. акад. И. Пелевина (право грав. приобр. „Нивой“), грав. Пастушкевичъ.

Къ рисункамъ.

Запутался въ счетахъ. (Рис. на стр. 429).

Весьма живой жанръ, весь интересъ котораго сосредоточенъ на выраженіи физиономіи старика, запутавшагося въ своихъ выкладкахъ и счетахъ — художникъ превосходно передаетъ старческое недоумѣніе и отчаянныя попытки что-то припомнить, что-то дополнить, и такимъ образомъ выбраться изъ лабиринта путаницы...

„Сѣдина въ бороду — а бѣсъ въ ребро“.

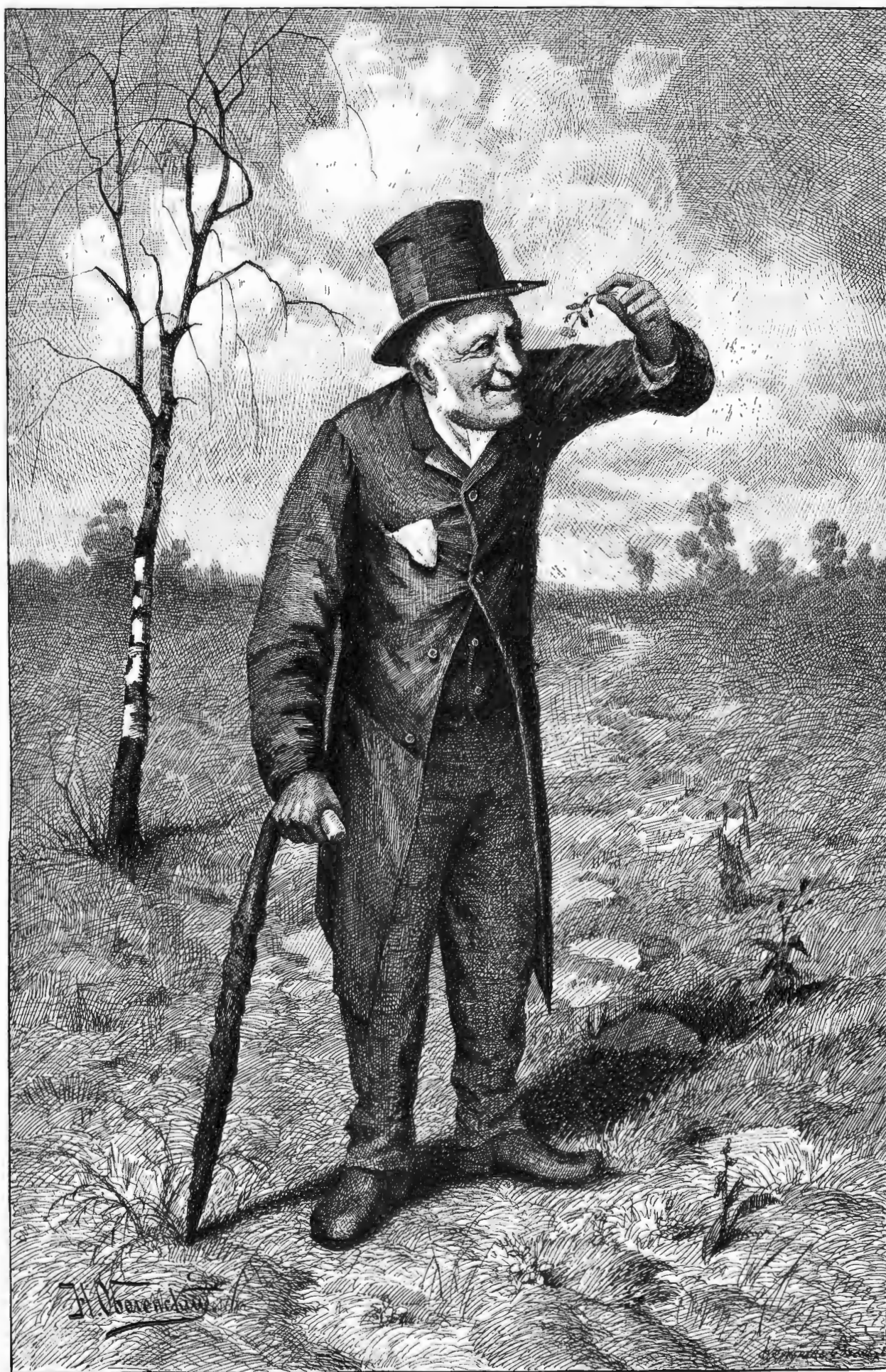
(Рис. на стр. 432).

Яркій талантъ К. П. Степанова хорошо знакомъ читателямъ нашего журнала. Въ прошломъ году, въ № 19, была помѣщена гравюра съ его прелестной картинки: „Донъ-Кихотъ послѣ сраженія съ мельницами“. За годъ молодой художникъ сдѣлалъ новые успѣхи и его четыре картины на академической выставкѣ настоящаго года невольно заставляютъ остановиться передъ ними. Прекрасный колоритъ, а въ особенности тонкій рисунокъ и замѣчательная виртуозность въ техникѣ, напоми-

наютъ старинныхъ голландскихъ мастеровъ времени Жерарда Дова. Въ настоящемъ номерѣ помѣщена гравюра съ его картины „Сѣдина въ бороду — а бѣсъ въ ребро“, изображающая стараго ловеласа и хорошенькую прислужницу въ тавернѣ.

По начальству. (Рис. на стр. 433).

Однимъ изъ лучшихъ украшеній каждой выставки „передвижниковъ“ бываютъ обыкновенно живые и талантливые жанры В. Е. Маковского, цѣлкомъ выхваченные изъ обыденной дѣйствительности. Плодовитость и разнообразіе Маковского, въ этой области художества, просто изумительны! То онъ заводитъ насъ въ приемную знаменитаго доктора, то въ московскій обжорный рядъ, то на *дешиоку*, то въ свидѣтельскую комнату суда, то въ скромную квартиру скромнаго чиновника. Въ такомъ именно уголкѣ и происходитъ тотъ эпизодъ, который составляетъ главную основу жанра, помѣннаго нами въ нынѣшнемъ № *Нивы*. Чиновникъ, начавшій свою службу „отъ младыхъ ногтей“ въ одномъ изъ безчисленныхъ департаментовъ, дослужившись въ весьма почтенномъ возвра-

Первый цвѣтокъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) перомъ Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ,

стѣ до высокаго сана столоначальника, удостоенъ отъ начальства высшею наградою, какой онъ можетъ добиться: онъ только что получилъ Станислава на шею. И вотъ онъ переживаетъ высоко-торжественную минуту—подвизываетъ орденъ къ галетку и собирается идти благодарить „начальство“ за награду. Событіе это не только на его лицѣ вызываетъ сосредоточенное и прилично-сдержанное удовольствіе, но и весь домъ приводитъ въ нѣкоторое волненіе. Жена хлопочетъ около мужа, помогаетъ ему въ туалетѣ; дочка спѣшитъ почистить и освѣжить вицъ-мундиръ, въ которомъ повый кавалеръ пойдетъ „по начальству“. Всѣ заняты, всѣ озабочены—всѣ переживаютъ торжественную минуту.

Панно проф. К. Е. Маковского. Амуры-садовники.

(Рис. на стр. 437).

Помѣщаемый нынѣ изящный рисунокъ, составляющій продолженіе серии роскошныхъ панно, говоритъ самъ за себя. Это аллегорическое изображеніе любви къ цвѣтоводству, олицетворенной въ группѣ двухъ рѣзавшихся амуровъ, окруженныхъ различными атрибутами культуры цвѣтовъ.

„Сонъ въ лѣтнюю ночь“, Шекспира.

(Рис. на стр. 440).

„Сонъ въ лѣтнюю ночь“—одно изъ наиболѣе художественныхъ, поэтическихъ и выдающихся по глубинѣ идеи созданій Шекспира. Это очень тонкая и граціозная сатира на ошибки перваго юнаго чувства, благодаря которому молодость, черѣдко подъ вліяніемъ минутной прихоти или ссоры, ослѣпляемая юношескимъ пыломъ крови, готова измѣнить достойнѣйшему или достойнѣйшей и перенести свою любовь на предметъ совершенно ей недостойный. Особенно часто это случается съ прекрасной половиной человѣческаго рода и для вытекающихъ отсюда поступковъ выработана даже особый, характеризующій ихъ терминъ—*rag dépit*—„съ досады“.

Въ пьесѣ Шекспира, гдѣ дѣйствуютъ духи и люди всѣхъ сословій, отъ царей до ремесленниковъ, есть между прочимъ слѣдующій эпизодъ. Титанія, прекрасная царица эльфовъ (красочныхъ, шаловливыхъ, но благородныхъ духовъ, обитающихъ въ цвѣтахъ), поссорилась изъ-за пустяковъ со своимъ супругомъ, могущественнымъ Оберономъ. Въ шутливую отместку ей, Оберонъ обрызгиваетъ глаза снѣжной Титаніи сокомъ одного цвѣтка, обладающимъ свойствомъ влюблять въ перваго встрѣчнаго. По пробужденіи Титаніи, этимъ встрѣчнымъ оказывается некрасивый, глухой и грубый ремесленникъ-ткачъ, по имени *Осиона*, которому вдобавокъ одинъ изъ служебныхъ духовъ Оберона, эльфъ Пукъ, придѣлалъ настоящую ослиную голову. Не смотря на это, Титанія расточаетъ ему нѣжнѣйшія чувства до тѣхъ поръ, пока Оберонъ не снимаетъ съ нея ослѣпленія, считая ее достаточно наказанною. Вотъ это-то увлеченіе Титаніи и изображено на нашемъ рисункѣ.

Въ лѣсу на Гарцѣ. (Рис. на стр. 441).

Между Заалю и Лейною, въ сѣверной Германіи, тлѣются горы, извѣстныя подъ именемъ *Гарца*. Меньшая часть ихъ, но болѣе высокая, на сѣверо-западѣ, носитъ названіе Сѣвернаго Гарца и знаменита своею вершиною Брокеномъ, достигающею 3,510 футъ высоты. Болѣе низкая часть горъ, съ вершиною „Викторія“, лежитъ на юго-западѣ и покрыта преимущественно листовыми лѣсами, тогда какъ на Сѣверномъ Гарцѣ произрастаетъ преимущественно лѣсъ хвойный.

Нашъ рисунокъ принадлежитъ кисти пейзажиста Стрюцеля, живущаго нынѣ въ Мюнхенѣ, и живо передаетъ лѣсную дорогу на Южномъ Гарцѣ въ солнечный день.

Крестыанскій мальчикъ. Карт. Пелевина.

(Рис. на стр. 444).

Академикъ Пелевинъ уже давно посвятилъ себя правдивому и чуждому ложныхъ эффектовъ воспроизведенію русскихъ народныхъ типовъ. Прилагаемый снимокъ съ его новой картины, составляющей *pendant* помѣщенному нами въ № 16 „Нивы“, изображаетъ бойкаго деревенскаго мальчугана, видимо затѣвающаго какую-нибудь шалость и рѣзко выдѣляющагося въ солнечномъ свѣтѣ на темномъ патнѣ тѣни.

Первый цвѣтокъ. (Рис. на стр. 445).

На склонѣ лѣтъ правильно-развитому человѣку свойственно все чаще удалиться отъ шумныхъ городскихъ развлеченій и обращаться къ тихимъ радостямъ, доставляемымъ созерцаніемъ вѣчно-юной природы, какъ бы повторяя слова поэта:

Я близкаго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже,
Съ тобой, владычица, люблю я забывать
И то чѣмъ былъ какъ былъ моложе,
И то чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ...

Вотъ передъ нами типичная фигура такого престарѣлаго поклонника природы, набросанная бойкимъ перомъ г. Оболенскаго. Старичекъ, ботанизируя на послѣбоденной прогулкѣ, нашелъ рѣдкій цвѣтокъ, какого еще нѣтъ въ его гербаріи, и любитъ имъ съ дѣтскою радостью; не въ цвѣткѣ здѣсь, конечно суть; суть именно въ томъ благодушномъ настроеніи,

которое навѣваетъ вѣчно спокойная, вѣчно творящая, вѣчно юная природа...

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. Проектъ архитектора Х. К. Васильева. (Рис. на стр. 448).

Въ октябрѣ 1881 года, коммисія состоящая изъ представителей Одесскаго Славянскаго благотворительнаго общества имени Св. Кирилла и Меодіа, Императорскаго Новороссійскаго университета, Одесской городской управы и Одесскаго общества изящныхъ искусствъ, — объявила въ журналѣ *Зодчій* всеобщій конкурсъ на составленіе проекта фонтана-памятника Пушкину, въ г. Одессѣ, въ концѣ Николаевскаго бульвара, противъ здачіи изящныхъ искусствъ; фонтанъ долженъ былъ быть украшенъ бюстомъ Пушкина и какъ сооруженіе монументальное, проектированъ въ такихъ условіяхъ, чтобы, по возможности, не нуждаться въ ремонтѣ.

Въ назначенный программой срокъ было представлено нѣсколько проектовъ, изъ которыхъ коммисіею судей единогласно былъ признанъ заслуживающимъ особеннаго вниманія и достойнымъ первой преміи проектъ Бакинскаго архитектора, художника архитектуры Хрисанфа Константиновича Васильева.

Фонтанъ проектированъ высотой въ 3½ сажени. Матеріалъ—гранитъ, бронза и мѣстный камень. Общей фигурѣ фонтана данъ видъ обелиска; въ то-же время онъ напоминаетъ собой и лиру, на которой установленъ бюстъ поэта. Авторъ проекта предполагалъ употребить и отдѣлать матеріалъ слѣдующимъ образомъ: Основаніе фонтана до верхней ступеньки съ боковыми водоемами должно быть исполнено изъ камня-песчаника или изъ сѣраго гранита. Верхняя ступень и общій вкругъ постаментъ расположенный резервуаръ съ вазами—изъ чисто-тесаннаго сѣраго гранита. Затѣмъ четырехгранная колонка съ капелюрами (ложками)—изъ крымскаго южно-бережскаго зеленоватаго діорита. Колонка эта должна быть отшлифована. Бронзовые украшенія, какъ-то: угловые дельфины надъ вазами, вѣнокъ вкругъ пьедестала, капитель колонны, доски съ надписями и самый бюстъ—изъ темной бронзы.

Струй въ фонтанѣ проектировано 22. Онѣ расположены слѣдующимъ образомъ: 16 находятся въ четырехгранной колоннѣ, 4 по угламъ постаментъ надъ вазами и по одной надъ двумя боковыми водоемами.

Желаемая коммисіею измѣненія заключались въ слѣдующемъ: вмѣсто стержня колонны сдѣлать постаментъ усѣченной пирамиды, на сторонахъ которой помѣстятъ надписи—выборки изъ стихотвореній Пушкина, содержащимъ своимъ отношеніемъ къ Югу Россіи. Съ передняго фасада должно быть помѣщено изображеніе лиры съ лавровыми и другими листьями и она должна быть перевита лентою, на которой обозначены года 1820 и 1824; внизу надпись: „Время вдохновеннаго творчества А. С. Пушкина въ Новороссійскомъ краѣ“. На правой сторонѣ монумента вверху, въ центрѣ вишетьки, будетъ изображено: „Евгеній Онѣгинъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“—на лентѣ-же вырѣзанъ годъ этихъ произведеній. Внизу слѣдующая надпись:

„Я помню твой восходъ, знакомое свѣтло,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическихъ волнъ.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влечилъ задумчивую думъ“.

На лѣвой сторонѣ постаментъ въ вишетькѣ надпись: „Кавказскій плѣнникъ“ и „Цыгана“. Внизу слѣдующіе стихи:

„Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.
Прощай-же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы“.

На задней сторонѣ памятника подъ гербомъ города Одессы слѣдующая надпись: „Сооруженъ Одесскимъ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ имени Св. Кирилла и Меодіа, Императорскимъ Новороссійскимъ университетомъ, Одесскою городской управою и Одесскимъ обществомъ изящныхъ искусствъ, по проекту архитектора Х. Васильева“.

Вся остальная часть памятника, т. е. угловые дельфины, вазы, бассейны, ступени и проч. остались безъ измѣненія.

По неизвѣстной у вышеназванной коммисіи денежныхъ средствъ, памятникъ долгое время оставался неисполненнымъ. Наконецъ, въ день 50-й годовщины смерти Пушкина была сдѣлана торжественная закладка фундамента и затѣмъ заказана въ Петербургѣ вся художественная бронзовая работа.

Самый бюстъ нашего великаго народнаго поэта вылѣпленъ супругой одного изъ ближайшихъ наслѣдниковъ его лиры, Жюстиной Антоновной Полонскою, которая съ величайшимъ

художественнымъ тактомъ избрала пособіемъ при воспроизведеніи облика Пушкина—портретъ его, писанный Кипренскимъ и единственный сколько-нибудь передающій то вдохновенное выраженіе, которое, по отзывамъ современниковъ, присуще было чертамъ лица безсмертнаго поэта въ лучшія минуты его жизни. Бюстъ этотъ, начатый въ мартѣ 1887 года, почти одновременно съ празднованіемъ пятидесятилѣтія поэтической дѣятельности Я. П. Полонскаго, оконченъ былъ въ маѣ того же года. Работа пьедестала принадлежитъ дѣлщикамъ на заводѣ Морана въ Петербургѣ.

Нашъ рисунокъ изображаетъ верхнюю часть памятника, т. е. бюстъ и пьедесталъ, вѣнчающіе фонтанъ.

Нельзя не одобрить мысли о постановкѣ памятника именно на Приморскомъ бульварѣ, близъ любимаго мѣстопробыванія Пушкина, описаннаго, между прочимъ, въ слѣдующихъ стихахъ:

Бывало, пушка зарева
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутого берега сбѣгая,
Ужь къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ мусульманъ въ своемъ раю
Съ восточной гущей кофе пью.

И дальше:

Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна, и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ...

Инженеръ-генераль Э. И. Тилло. (Портр. на стр. 449).

Не такъ давно праздновался пятидесятилѣтній юбилей службы въ офицерскихъ чинахъ предсѣдателя морскаго строительнаго комитета инженеръ-генераль-лейтенанта Эдуарда Ивановича Тилло. Одинъ изъ старѣйшихъ генераловъ инженернаго корпуса, Тилло немало потрудился на пользу родины и особенно извѣстенъ своею дѣятельностью, административною и практической, по морской строительной части. Ставъ во главѣ корпуса инженеровъ этой части, онъ посвятилъ ему свои обширныя познанія, свою любовь къ наукѣ—за практическую опытность, которую онъ пріобрѣлъ во время продолжительной государственной службы. Его неунынными трудами корпусъ инженеровъ морской строительной части поставленъ на высоту

той задачи, которая возложена была на него въ послѣдніе годы, при расширеніи портовыхъ учреждений на Балтійскомъ морѣ, въ Восточномъ океанѣ и, особенно, при устройствѣ новаго Севастопольскаго порта, и вообще трудился съ успѣхомъ подъ его руководствомъ. Немалая заслуга принадлежитъ Тилло и въ долѣ внутренней организаціи корпуса: благодаря его заботамъ, это учрежденіе получило исключительно военную организацію, сплотилось въ одну дружную техническую семью, органически связанную, съ одной стороны—съ Инженерною академіею, съ другой—съ корпусомъ военныхъ инженеровъ Э. И. Тилло трудился насколько могъ и въ качествѣ начальника военныхъ инженеровъ С.-Петербургскаго военнаго округа, которымъ онъ былъ двадцать пять лѣтъ назадъ, и оставилъ по себѣ добрую память. Кромѣ того, Тилло безъ малаго пятнадцать лѣтъ исполнялъ должность товарища предсѣдателя Императорскаго технического общества, и съ основанія комитета музея прикладныхъ знаний состоялъ и состоитъ по настоящее время постояннымъ предсѣдателемъ распорядительной комиссіи этого комитета. Техническое общество въ значительной мѣрѣ обязано также участію Тилло, которое онъ принималъ въ учрежденіи VIII желѣзнодорожнаго отдѣла общества. Помимо государственной службы, Тилло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельно трудился въ качествѣ члена совѣта старшинъ евангелической реформатской церкви. Сослуживцы Тилло тепло отзываются о высокихъ личныхъ качествахъ его, и свидѣтельствуютъ о его любви къ наукѣ, объ умѣньи его внушать эту любовь всѣмъ, кому съ нимъ приходится работать вмѣстѣ. Въ день своего юбилея Э. И. Тилло получилъ Высочайшую награду—чино инженеръ-генерала, множество поздравленій и нѣсколько подарковъ; одинъ изъ служившихъ подъ его начальствомъ, между прочимъ, прекрасно очертилъ добрый характеръ юбиляра и воплотилъ чело-вѣческія отношенія его къ рабочимъ, его заботы о бытѣ ихъ, когда во время Крымской войны производились работы въ Кронштадтѣ. Э. И. Тилло специальное воспитаніе получилъ въ инженерной академіи. Ему теперь безъ малаго семьдесятъ лѣтъ. Выпущенный офицеромъ въ январѣ 1839 года, онъ получилъ чинъ генераль-майора въ 1865 году, а въ генераль-лейтенанта произведенъ въ августѣ 1875 года. Помимо разныхъ должностей, онъ занималъ также почетное положеніе въ совѣтѣ Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Тилло имѣетъ ордена: Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 2-й степени, Бѣлаго Орла и иностранные: Августа-Франца-Иосифа Большой Крестъ, Прусской Короны 1-й степени и другіе знаки отличія.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Высочайшій выходъ къ сахальной заутрени состоялся въ Зимнемъ дворцѣ, въ исходѣ двѣнадцатаго часа. Богослуженіе совершалъ протопресвитеръ Яншевъ соборне, съ придворнымъ духовенствомъ; пѣлъ полный хоръ придворныхъ пѣвчихъ. По окончаніи лютургии Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества прослѣдовали въ Малахитовую гостиную, гдѣ и разговлялись освѣщенными пасхами.

— *Гражданинъ* сообщаетъ слухъ, что бракосочетаніе Е. И. В. Вел. Кн. Павла Александровича съ Греческою принцессою Александрою Георгіевною произойдетъ 4 іюня. Пріѣздъ высокоареченной невѣсты ожидается въ Петербургѣ около 20 мая. Принцесса Александра Георгіевна вмѣстѣ съ Августѣйшими родителями прібудутъ прежде всего въ Павловскъ, гдѣ и останутся во дворцѣ Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича. Торжественный вѣздъ въ Петербургъ послѣдуетъ съ Николаевскаго вокзала.

— 8 апрѣля, въ 12^{1/2} час. дня, съ почтовымъ поѣздомъ Рязанской жел. дороги отбыло изъ Москвы бухарское посольство.

Правительственныя распоряженія.

— Пожалованы ордена: Св. Андрея Первозваннаго: предсѣдателя департамента экономическаго государственнаго совѣта д. т. с. Абазѣ и Императорскому послу въ Вѣнѣ д. т. с. князю Лобанову-Ростовскому.

— Попечитель Дерптскаго учебнаго округа объявилъ въ мѣстныхъ газетахъ, что будетъ впредь разрѣшать открытіе частныхъ и содержанныхъ городами училищъ лишь съ пріодованіемъ на русскому языку.

— Медицинскій департаментъ потребовалъ отъ содержателей аптекъ представленія именныхъ списковъ всѣхъ служащихъ въ аптекахъ, провизоровъ, аптекарскихъ помощниковъ и учениковъ, съ обозначеніемъ полученнаго каждымъ образованія, званія и вѣровсповѣданія.

Дѣла церкви.

— Въ началѣ лѣта предполагается приступить къ реставраціи Софійскаго собора въ Кіевѣ. Реставраціей будетъ руководить Археологическое общество, избравшее для завѣдыванія работами особую комиссію изъ среды своихъ членовъ, въ составъ которой вошли: Д. И. Гриммъ, П. Ф. Исѣвъ, В. Г. Васильевскій, И. В. Помилловскій, Г. Г. Замысловскій, Н. П. Кондаковъ, Ф. Г. Солнцева, Н. В. Султановъ и В. В. Суслевъ.

— Въ с. Лазарцахъ (Литовской епархіи), вслѣдствіе обращенія къ православію на правилахъ единовѣрія цѣлаго раскольническаго общества, Феофанскаго толка, открытъ новый единовѣрческій приходъ. На средства присоединившихся съ пособіемъ Виленскаго святодуховскаго братства устроена церковь въ честь св. Владимира, и во священника къ ней посвященъ недавно бывший начетчикъ присоединеннаго общества Яковъ Анкундиновъ.

Искусства изобразительныя.

— Комиссія по сооруженію памятника А. С. Пушкину въ Одессѣ на Приморскомъ бульварѣ объявляетъ, что торжественное открытіе послѣдуетъ 16 апрѣля.

— Открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ Симферополѣ назначено 29 сентября. Въ настоящее время памятникъ законченъ и выставленъ во дворѣ бронзоволитейнаго завода А. Морана. Пьедесталъ дѣлается также въ Петербургѣ изъ сердобольскаго полированного мрамора, въ мастерской Барнинова.

Театръ и музыка.

— 11 апрѣля, въ 8 час. вечера, въ Маринскомъ театрѣ состоялся большой вокальный и инструментальный концертъ военныхъ хоровъ въ пользу инвалидовъ. На концертѣ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другіи Особы Императорской Фамиліи.

— 11 апрѣля, въ Конногвардейскомъ манежѣ состоялся первый публичный концертъ подъ управленіемъ популярнаго французскаго дирижера и композитора г. Оливье Метра, который знакомитъ петербургскую публику со своими произведеніями и произведеніями другихъ авторовъ, преимущественно французскихъ.

Литература и наука.

— Г. Бухгольцъ, редакторъ *Rigasche Zeitung*, бѣжалъ за границу. Соредаторъ Бухгольца Витчевскій прибылъ на-дняхъ въ Новгородскую губернію, въ одномъ изъ уѣздовъ которой и будетъ проживать въ теченіе 2 лѣтъ.

— Натуралистъ П. Д. Алонкинъ, недавно возвратившійся изъ-заграницы, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ занимался подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ зоологовъ, предпринимаетъ лѣтомъ, на свой счетъ, путешествіе на Сѣверъ, для изученія бѣломорской фауны, и главнымъ образомъ низшихъ морскихъ животныхъ.

Пути сообщенія.

— Проектъ устройства центральнаго вокзала въ Варшавѣ составляетъ предметъ обсужденія правительственной инспекціи желѣзныхъ дорогъ. По проекту, имѣющему быть представленнымъ для утвержденія, этотъ вокзалъ будетъ выходить тремя фронтами—на Маршалковскую и Хмѣльную улицы и на Иерусалимскую аллею.

— Изъ Риги сообщаютъ, что въ Маіоренгофѣ шпормомъ разрушена желѣзнодорожная станція; крыши, платформы и зданія снесены на значительное расстояние. Несчастій съ людьми не было и сообщеніе продолжается.

— Волжскіе судовладельцы-морьяки ожидаютъ значительныхъ барышей въ открывающемся навигаціи отъ перѣвозки нефтяныхъ остатковъ. Въ прошедшемъ году доставляли ихъ въ наливныхъ деревянныхъ шкунахъ по 4 к., а въ текущемъ уже сдѣланы контракты на 5 коп., и дѣлаются на 6 к.

Политическое обозрѣніе.

Минувшая Пасха нынѣшняго года совнала на западѣ Евро-
пы съ празднованіемъ Великаго Праздника у насъ, въ Россіи.

Хотя у не славянскихъ народовъ праздники Пасхи и не имѣеть тако-
го какъ у насъ религіознаго значенія, тѣмъ не менѣе по случаю праздниковъ политическая и дѣловая жизнь на Западѣ утихаеть въ это время, правда не надолго. Въ нынѣшнемъ году пасхальныя вакаціи прошли тихо и мирно, ничто не нарушило пасхальнаго отдыха, замѣтилъ *Journal de St.-Petersbourg*. Германскія газеты также единогласно заявляли радостную увѣренность въ мирѣ. Одна *Schlesische Zeitung* въ своей праздничной статьѣ намекнула на возможную случайность войны, но и та служить скорѣе доказательствомъ, что опасенія эти напрасны и ихъ вообще не существуетъ. Статья бреславльскаго газеты не должна быть ободена вниманіемъ, такъ какъ въ ней говорится, что возможность войны можетъ произтечь изъ Россіи или Франціи, ибо только эти двѣ страны на континентѣ Европы преслѣдуютъ цѣли, достижимыя лишь путемъ войны (!). Чтобы представить этотъ призракъ болѣе ужаснымъ, а съ другой стороны позолотить пидюлю для русскихъ, газета признаеть большіе и всесторонніе успѣхи Россіи за послѣднее время и одобряеть якобы сущестующія претензіи ея на свободный проходъ въ Босфорѣ и Дарданеллахъ. „Россія“, говорить газета, „давно перестала быть колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. Она довела свое войско до высокой степени совершенства и ежедневно идетъ впередъ въ своихъ вооруженіяхъ. Она въ Азіи показала и показываетъ съ каждымъ днемъ все болѣе, что занята разрѣшеніемъ такихъ культурныхъ задачъ, на которыя не можетъ

отважиться ни одно европейское государство. Въмѣстѣ съ тѣмъ Россія недавно доказала, что она переросла

финансовыя кризисы и рѣшила упорядочить свое государственное хозяйство. При всемъ этомъ Россія является тою великою страной, которая только воинственнымъ путемъ можетъ достигъ цѣли, предписанной ей историческою необходимостью и которую она ни на мигъ со времени Петра Великаго не упустила изъ виду. Всѣ другія государства Европы могутъ, но крайней мѣрѣ, довольствоваться своими теперешними границами и работать надъ своимъ внутреннимъ развитіемъ, но Россія этого не можетъ. Для полнаго культурнаго развитія громадной страны, по которой текутъ ея рѣки, стремясь къ Черному морю, — Россія нуждается въ свободномъ пути чрезъ Босфоръ и Дарданеллы. Но этотъ путь она можетъ проложить только мечомъ. Все это между тѣмъ говорить не за, а противъ вѣроятности столкновенія между Германіей и Россіей, такъ какъ Германія единственная великая держава Европы ничѣмъ не заинтересованная и не расположенная стать поперекъ пути Россіи въ преслѣдованіи ея цѣлей.“ Но кому вѣдать надлежитъ, тотъ знаетъ, что Россія какъ разъ держится совершенно иной политической программой, не дающей никакого повода подозрѣвать возможность столкновенія съ кѣмъ бы то ни было, не исключая странъ-союзницъ въ лигѣ мира. Въ дѣлахъ Балканскаго полуострова она давно отказалась отъ дѣятельной роли. Если же, въ силу

Бюстъ Пушкина, изваянный Ж. А. Полонскою для Одесскаго памятника, по проенту архитектора Х. Н. Васильева. Грав. Ю. Шюблеръ.

последнихъ событій, въ Сербіи и Румыніи произошли перемены въ политическихъ теченіяхъ, то это только явленіе которое должно было произойти если не сегодня, то завтра. Понятно, всѣ эти событія, вмѣстѣ съ быстрымъ внутреннимъ

ростомъ нашей родины, не могли не встревожить нашихъ сосѣдей, и осторожная Германия первая старается принять мѣры, чтобы чаша вѣсовъ политическаго равновѣсія не приняла бы для нея невыгоднаго положенія. Быть-можетъ для этой цѣли и должно состояться свиданіе маркиза Солсбери съ княземъ Бисмаркомъ, который пригласилъ англійскаго премьера посѣтить его послѣ Пасхи.

Въ вѣнскихъ офиціозныхъ газетахъ напечатаны по случаю Пасхи передовыя статьи также въ миролюбивомъ духѣ. Въ статьяхъ этихъ событія на Балканскомъ полуостровѣ обсуждаются съ оптимистической точки зрѣнія и признаются за мимолетныя фазы энергическаго стремленія балканскихъ государствъ къ самостоятельности. Но уже на другой день газеты начали высказываться, напротивъ, съ недовольствомъ о политической программѣ Румыніи по заявленіямъ Катарджи и Лаговари. По словамъ этихъ газетъ, нейтралитетъ, о которомъ упоминаютъ названные румынскіе министры—понятіе растяжимое. „Сербин—говорятъ газеты—въ свое время, также дѣлала самыя добросовѣстныя заявленія, а теперь хочетъ вернуть королеву Наталію.“ И это пишется меньше чѣмъ черезъ недѣлю, послѣ того какъ *Fremdenblatt*, говоря о перемѣнѣ министерства въ Румыніи, замѣтилъ: „Для того, чтобы объяснить надежде кабинета Розетти-Карна, нѣтъ надобности обращаться къ вопросамъ внѣшней политики. Кабинетъ Катарджи также возникъ изъ внутреннихъ условий и старается отклонить всякое подозрѣніе въ томъ, будто онъ намѣревается измѣнить внѣшнюю политику Румыніи. Если новый румынскій кабинетъ искренно будетъ держаться нейтралитета, какъ основы внѣшней политики, и тѣмъ самымъ станетъ противодѣйствовать дискредитирующей эту политику агитации, то одобреніе ея державами, столицами за сохраненіе мира, можетъ считаться несомнѣннымъ. Австро-Венгрія можетъ смотрѣть на послѣднюю перемѣну въ Румыніи только съ той точки зрѣнія, что свободное развитіе индивидуальности балканскихъ государствъ составляетъ лучшее ру-

ководство въ установленіи прочнаго порядка на Востокѣ“.

Кромѣ прибытія королевы Наталіи въ Сербію, такъ сильно пугающаго австрійцевъ, многихъ сильно интересуетъ вопросъ о возвращеніи туда митрополита Михаила. Архимандритъ Дукичъ, знатокъ церковныхъ законовъ, заявилъ, что митрополитъ Михаилъ можетъ быть восполненъ до уничтоженія скупщиною антиканоническихъ законовъ, такъ какъ эти законы сочинены напредлками послѣ сверженія канонической іерархія и въ отношеніи іерарховъ не имѣютъ силы; правительство же не видитъ причинъ обязывать ихъ исполнять. Антиканоническіе законы должны быть уничтожены скупщиною по почину законной церковной власти.

Въ Парижѣ слѣдственная и обвинительная коммисія, прозванная коммисіею девяти, производитъ слѣдствіе при соблюденіи безусловной тайны, осматриваетъ относящіяся къ дѣлу документы, производитъ обыски и секвеструетъ бумаги. За это время генераль Буланже переехала подалѣе отъ Франціи, въ Англію. Переселеніе это, какъ можно думать, было не добровольнымъ. Французскій посолъ въ Брюсселѣ, г. Буре, 18 апрѣля совѣщался съ бельгійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ принцемъ де-Шимэ относительно пребыванія Буланже въ Брюсселѣ. Принцъ де-Шимэ представилъ отчетъ объ этихъ переговорахъ на другой день въ совѣтъ бельгійскихъ министровъ, который постановилъ передать генералу Буланже о затруднительномъ положеніи бельгійскаго

Инженеръ-генералъ З. И. Тилло. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

правительства и сообщить ему, что будетъ изданъ приказъ объ его изгнаніи, если онъ не покинетъ страны добровольно, и въ тотъ же день извѣстилъ генерала Буланже о постановленіи совѣта министровъ черезъ секретаря министра юстиціи. Генераль Буланже, совѣтовавшійся съ Рошфоромъ, отвѣтилъ, что онъ уѣдетъ въ Англію, и 12 апрѣля прибылъ въ Лондонъ изъ Дувра. На станціи Черингъ-кроссъ собралась огромная толпа народа, большая часть которой привѣтствовала его восторженными криками. Среди криковъ слышались, впрочемъ, также и свистки.

С М Ъ С Ъ .

Черта изъ жизни императора Николая I-го. Императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ чрезвычайно гуманно на преступниковъ, совершавшихъ преступленія подъ вліяніемъ пьянства, этого общечеловѣческаго порока. Вотъ что рассказываетъ въ *Русскомъ Архивѣ* г. Тюбальдъ. Посѣтивъ какую-то каторжную тюрьму, государь Николай Павловичъ разспрашивалъ каждого арестанта, за что онъ сосланъ въ каторгу.

— По подозрѣнію въ грабежѣ, ваше величество, говорили одни; по подозрѣнію въ поджогѣ, отвѣчали другіе; по подозрѣнію въ убійствѣ, докладывали третьи и т. д. Наконецъ, государь подошелъ къ послѣднему.

— А ты за что, старикъ?

— За дѣло, батюшка царь! Во хмѣлю, да въ дракѣ убилъ несчастнаго пріятели своего, хвативши его въ високъ.

— И теперь жалѣешь, какъ видно?

— Какъ не жалѣть, государь батюшка! Славный былъ человекъ—упокой Господи его душу! Осиротилъ я и семью его. Не отмолятъ мнѣ этого грѣха во-вѣки.

Государь задалъ ему еще нѣсколько вопросовъ и узналъ, что онъ имѣетъ на роднѣхъ жену и дѣтей, которыхъ „загубилъ своимъ преступленіемъ отъ проклатой водки“, и тутъ же повелѣлъ:

— Здѣсь все невинные, заподозрѣнные люди; преступникъ одинъ онъ. Чтобы онъ не портилъ этихъ „честныхъ“ людей, взять его изъ острога и возвращать на родину, въ его семейство.

Мужикъ, разумѣется, повалился въ ноги великодушному царю. (в.)

Акціонеры одной изъ калифорнскихъ желѣзныхъ дорогъ имѣютъ полное право утверждать, что дорога ихъ пробѣгаетъ по воздушному пространству. Путь проложенъ на высотѣ тридцати пяти аршинъ надъ землею: шпалы и рельсы покоятся на стволахъ колоссальныхъ деревьевъ. Мы, европейцы, радуемся уже и тому, если наши локомотивы двигаются благополучно по твердой землѣ, а смѣлый американецъ, не задумываясь, вѣрнеть себя поѣзду, мчащемуся надъ деревьями. Дорога, идущая между Лосъ-Анжелосъ и Колумбіей въ Калифорніи, прерывается широкимъ ущельемъ, въ ложищѣ котораго растутъ калифорнскій первобытный лѣсъ съ его исполинскими деревьями. Въмѣсто того, чтобы срубить деревья, преграждающія путь желѣзной дорогѣ, и навести мостъ черезъ ущелье, ихъ оставили въ покоѣ и воспользовались ими какъ безподобными сваями. Всѣ деревья, стоящія по линіи желѣзной дороги, были обрублены на высотѣ тридцати пяти аршинъ и на срубленныхъ верхушкахъ положены рельсы. Скоро, дешево, просто и часто по американски. Самые тяжелые товарные поѣзда безпечно громяхаютъ на этомъ естественномъ мосту, какъ будто устои его составляютъ не живыя деревья, а мощные гранитные быки. (с.)

Прибыльное лѣченіе массажемъ. Доктору Менгеру, бывшему въ Амстердамѣ (нынѣ въ Висбаденѣ), выпало на долю лѣчить массажемъ многихъ высочайшихъ особъ и высокопоставленныхъ лицъ. Такъ напр.: королеву Шведскую, императрицу Австрійскую, экс-императрицу

Евгению, королеву Румынскую, покойного кронъ-принца Нидерландскаго, эрцъ-герцогиню Австрійскую, великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго и многих русских титулованных лицъ. Говорятъ, онъ зарабатываетъ своей практикой до 160,000 марокъ въ годъ. Тѣмъ же менѣе докторъ Мецгеръ не беретъ со своихъ высокихъ пациентовъ большаго гонорара, чѣмъ съ обыкновенныхъ смертныхъ, а именно: за три минуты массажа онъ взимаетъ съ каждаго пациента, кто бы онъ ни былъ, по 5 голландскихъ гульденовъ, т. е. около 2 р. 50 к. золотомъ. (с.)

Желѣзнодорожныя сторожки изъ „бумажнаго камня“. Въ иностранныхъ газетахъ сообщаютъ, что на станціи Океръ, близъ Гослара (Гарцъ) построена въ прошломъ году, въ видѣ опыта, сторожевая будка изъ такъ-называемаго „бумажнаго камня“. Этотъ камень, представляющій химическое соединеніе растительнаго фибрина, джута, цемента и т. д., огнеупоренъ и имѣетъ около 2 цент. толщины. Соединенныя винтами стѣны домика состоятъ изъ двухъ пластовъ бумажнаго камня, между которыми имѣется слой воздуха въ 2 цент. толщины. Крыша также состоитъ изъ листовъ бумажнаго камня. Если такой домикъ оправдаетъ возлагаемая на него ожиданія—что вполне вѣроятно—то на той же дорогѣ будетъ построено еще четыре такихъ сторожки. Опыты съ подобными сторожевыми будками дѣлались также и на другихъ желѣзныхъ дорогахъ. (с.)

Будущій Миадо. При поразительно быстрыхъ успѣхахъ Японія во всемъ отрасляхъ культуры, не безынтересно будетъ сообщать нѣкоторыя подробности о японскомъ наследникѣ престола, относительно котораго одинъ изъ живущихъ въ Токио корреспон-

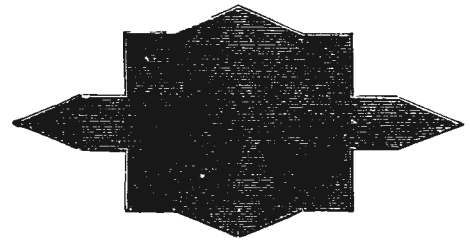
дентовъ пишетъ слѣдующее: „Наслѣдникъ японскаго престола—десяти-лѣтній мальчикъ, принцъ Хару. При его воспитаніи отброшены все старинныя преданія, игравшія до сихъ поръ большую роль въ дѣлѣ воспитанія японскихъ принцевъ. Принцъ Хару имѣетъ иностранныхъ гувернеровъ и изучаетъ англійскій языкъ. Это очень способный, честолюбивый мальчикъ, котораго вовсе не приучаютъ къ замкнутому образу жизни японскихъ принцевъ. Въ сопровожденіи свиты изъ знатныхъ японцевъ, онъ появляется вездѣ. Это хорошенькій, черноглазый мальчикъ съ нѣжной, желтой кожей, свойственной японскимъ дѣтямъ. Несмотря на свою юность, онъ уже бласѣ во многихъ отношеніяхъ и такой строгій, неумолимый критикъ по части лошадей, скачекъ, фехтованія, боевъ и всякаго рода спорта, какой когда-либо возсѣдалъ въ императорской ложѣ. Впоследствии принцъ Хару будетъ посланъ въ Европу, чтобы изучить страны и обитателей всего свѣта, и никто не сомнѣвается, что когда этотъ энергичный и ничѣмъ не стѣсняющійся юноша вступитъ на престолъ, произойдутъ большія перемены въ общемъ ходѣ дѣла. Старые аристократы озабоченно покачиваютъ головами и ломаютъ руки при видѣ того, какъ держатъ будущаго императора, посвящая его во все вопросы дѣла. Имѣетъ съ тѣмъ молодой наследникъ престола не имѣетъ новидному высокому понятію о неприкосновенности царственной особы. При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ, во время прогулокъ, съ величайшимъ удовольствіемъ играетъ и дерется съ плебейскими мальчишками, и никто изъ свиты не смѣетъ удерживать ихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ возвращаемые принцу удары“. (с.)

Ребусъ. Задача № 30.

Геометрическая задача № 31.

Данную фигуру разрѣзать прямыми линиями на восемь частей такъ чтобы составить изъ нихъ квадратъ.

Задача (ходъ коня) № 32.

Соединить данные квадраты такимъ образомъ, чтобы составила заглавная буква фамиліи известнаго русскаго современнаго писателя, а въ буквѣ посредствомъ хода коня можно было прочесть названія четырехъ его произведеній.

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
В ъ ч	а и й	н ч е	м с т	а п ѣ
с А а	о К и	ь Ы е	ь с л	р и с
н ъ м	м н в	а в т	а ѣ т	а р н

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Торжество Юліи Андреевны. Романъ М. В. Крестовской. (Продолженіе). — Удивительныя приключенія Порфирія Перепелина. Рассказъ В. П. Нелиховской. — Петербургъ-Владивостокъ. Всероссійская великая восточная желѣзная дорога. (Окончаніе). — Къ рисункамъ: Запутался въ счетахъ (съ рис.). — „Сѣдина въ бороду — а бѣсъ въ ребро“ (съ рис.). — По началу (съ рис.). — Панно проф. К. Е. Маковского. Амуры-садовники (съ рис.). — „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, Шекспира (съ рис.). — Въ лѣсу на Гарцѣ (съ рис.). — Крестьянскій мальчикъ. Карт. Пелевина (съ рис.). — Первый цвѣтокъ (съ рис.). — Памятникъ Пушкину въ Одессѣ (съ рис.). — Инженеръ-генералъ Э. И. Тилло (съ портр.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задачи. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Илюшиновъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за „НИВУ“ 1889 г., озабочиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Хромо-литографированный в краскахъ рисунокъ-таблица:

„Схема сортировки мясной туши“, показывающій, какія кости и мышцы входятъ въ разные сорта туши и процентное содержаніе каждой части и сорта въ тушѣ и мышцѣ, жира, сухожилий и костей въ нихъ. Таблица рекомендована какъ полезное и необходимое пособіе въ хозяйствѣ частей войскъ и военно-лечебныхъ заведеній циркулярами Гл. Штаба и Морскаго Штаба, Медицины, Совѣтомъ—гражданскимъ учрежденіемъ и Соб. Е. И. В. Канц. по учрежд. Императрицы Маріи—учебнымъ заведеніемъ. Цѣна за экземпляръ 1 р. 50 к., укун. и перес. 50 к. Требования направлять: СПб., Забалкан. пр., Город. Скотобойни, М. А. Игнатьеву.

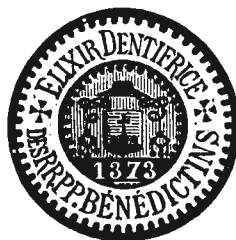
ОТЪ КАЗАНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО УЧИЛИЩА

Въ 1889 году исполнится 25 лѣтъ со времени основанія Казанскаго Земледѣльческаго Училища. Предположено составить очеркъ развитія и дѣятельности Училища за истекшій періодъ. Поэтому Казанское Земледѣльческое Училище покорнѣе проситъ своихъ бывшихъ учениковъ, всѣхъ девятнадцати выпускковъ, сообщить въ продолжительномъ времени свидѣнія о своемъ мѣстоожительствѣ, родѣ занятій и получаемомъ содержаніи, адресуя ихъ (въ формѣ простыхъ писемъ): Директору Казанскаго Земледѣльческаго Училища. Всѣмъ доставившимъ о себѣ свидѣнія, Училище сочтетъ приятнымъ долгомъ выслать экземпляръ очерка.

№ 3777

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ

Предлагаетъ: сѣлки, жейки, косилки, вѣлки, плуги разныхъ системъ и бороны. Цѣны самыя умеренныя. Прейсъ-курранты высылаются безплатно. № 3719 12—5

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
Находится во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ.

Измайловский проспект, 21,

МАГАЗИНЫ:

Невский проспект, 32, д. Католической церкви, и 66 у Аничкина моста,
Вознесенский проспект, 18—54, д. Шредера.

О-де-колонь отъ 30 к. до 1 р.

Туалетныя воды отъ 75 коп. до 3 руб.
75 коп.

Туалетныя воды цвѣточныя отъ 80 коп.
до 3 р. 20 к.

Духи Незамѣняемый букетъ 2 руб.

Духи разныя отъ 15 к. до 2 р. 50 к.

Мыла отъ 10 к. до 1 р.

Пудры отъ 10 к. до 1 р. 25 к.

Зубныя элексиры отъ 75 к. до 1 р.

Воды и молоко для кожи отъ 75 к. до
2 руб. 25 коп.

Кремъ и пать для кожи отъ 25 коп. до
1 рубля. Р. № 3804 3-2

ДРУСКЕНИКСКІЯ

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

(Русскій Крейтцахъ).

Гродненской губерніи и уѣзда, отъ ст. Порѣчь С.-Петербургско-Варшавской ж. д. въ 17-ти верстахъ. Сообщение почтовыми лошадами, въ коляскахъ, омнибусахъ, бричкахъ и другихъ экипажахъ. Лѣчебное заведеніе расположено въ прекрасномъ сосновомъ лѣсу на берегу р. Нѣмана; въ тѣнистомъ паркѣ возлать, музыка ежедневно утромъ и вечеромъ.

Лѣчебный сезонъ съ 5-го мая по 15-е сентября, а послѣ, смотря по состоянію погоды.

Воды солоно-бромо-юдиственныя.

Употребленіе воды показано при слѣдующихъ болѣзняхъ: ревматизмъ, англійской болѣзни, золотухъ, параличъ, нервныхъ страданій, хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, хроническихъ воспаленій мочевыхъ путей, катарръ желудка и кишокъ, сухихъ лишаихъ и мокнущихъ. Въ Друскеникахъ имѣется гимнастическій учебный залъ и массажъ; три раза въ день парное молоко, кумысъ натуральныя, приготовленныя татарами, кефиръ, всѣ натуральныя минеральныя воды. Приѣзжающихъ, до найма квартиръ, приглашаютъ останавливаться въ меблированныхъ комнатахъ и гостиницъ, принадлежащихъ Управленію водъ. Кромѣ постоянно практикующихъ на Друскеникскихъ минеральныхъ водахъ гг. врачей Бермана, Буяновскаго, Ибана, Марневича и Фина, Правленіемъ приглашены на сезонъ 1889 г. по женскимъ болѣзнямъ профессоръ Военно-Медицинской Академіи Н. Ф. Оляновскій, по внутреннимъ болѣзнямъ профессоръ Варшавскаго Университета Я. Я. Столыновъ и по болѣзнямъ дѣтскаго возраста консультантъ Максимилиановской лечебницы приватъ-доцентъ докторъ медицины И. И. Радецкий. Штатнымъ врачомъ водъ состоитъ докторъ медицины Д. А. Наменскій, къ которому до 20 апрѣля просить обращаться за свидѣніемъ въ С.-Петербургѣ, Преображенская улица, д. № 52, кв. 9, ежедневно отъ 8 до 5 часовъ. За справками обращаться письменно: въ И. Друскеники, Контора минеральныхъ водъ, ст. Порѣчь С.-Петербургско-Варшавской ж. д.; словесно: С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 35, у Аничкова дворца, домовая контора, отъ 10 до 3 час.

Друскеникская соль и маточный разсолъ

продается въ С.-Петербургѣ — у Штоль и Шмидтъ; въ Складѣ Русскаго Общества Торговли аптекарскими товарами и у Рухлионисъ и Гольмъ. Въ Варшавѣ — у Гейриха и въ Москвѣ — у Феррейна. № 3836

Продолжается подписка на историческую картину извѣстнаго художника Н. Н. Каразина:

КРУШЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ПОѢЗДА 17 октября 1888 года.

Моментъ, изображенный на картинѣ, являетъ собой Царскую Семью въ полной ея священно-благодѣтельной дѣятельности.

Картина печатается въ 22 краски въ графич. заведеніи Э. Марюса и подъ наблюденіемъ Н. Н. Каразина. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ у издателя Н. А. Разживина въ его магазинѣ бумаговъ: Невскій пр., № 66, противъ Аничкина дворца, по 3 р. за экземпляръ безъ пересылки; иногородные за пересылку прилагаютъ 1 руб. Казенныя учрежденія, полковыя канцеляріи, казенныя учебныя заведенія, Вѣдомства Императрицы Маріи и всѣ частныя гимназіи пользуются уступкою 20% съ рубля. Желая доставить недорого гг. покупателямъ и рамы для картинъ, я заказалъ въ извѣстной американской фабрикѣ Ч. Гофманъ 10.000 шт. разныхъ рамъ золочен. и черныхъ съ роскош. різьбой. Цѣна рамамъ для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ 15 р., 50, 11 р., 50, 5 р., 50, 4 р., 50, 3 р., 50 и 2 р., 50. Означенныя цѣны рамъ съ наклейкой картинъ на полотно и прикрѣпленной къ подрамку. За укупорку и лишь прилагаютъ 1 р. 40 к. Отправка же почтою или чрезъ транспортную контору, какъ будетъ заявлено заказчикомъ, посылается наложеннымъ платежемъ за счетъ покупателя. Выписывающіе раму за пересылку картинъ не платятъ, такъ какъ она будетъ вставлена уже въ раму. (Скидка 20% дѣлается только съ картинъ). Дѣйствительныя картины будутъ съ надписью Гг. Министръ Двора, Н. Н. Каразина и штемпелемъ Краснаго Креста, Общинъ Св. Георгія.

Изданіе картины разрѣшено г. министромъ Императорскаго Двора.

Поступили въ продажу: ГИМНЪ ВЪ ПАМЯТЬ 17 ОКТ. 1888 г., музыка А. Архангельскаго. Партитуры и голоса для смѣшаннаго хора 1 р., съ перес. 1.30 к., для мужскаго хора 1 р., съ перес. 1.30 к., для женскаго хора 1 р., съ перес. 1.30 к., для фортепьяно 75 к., съ перес. 1 р. Партиг голосовъ отдѣльно 75 к., съ перес. 1 р. Стихотворенія Чернича „ЧУДО 17 ОКТ. 1888 г.“ 15 к., съ перес. 30 к. Чтеніе Шнедера „СЪ НАМИ БОГЪ“ 15 к., съ перес. 30 к. № 3837

СТИХОТВОРЕНІЯ № 3826

І. ЯСИНСКАГО.

Второе изданіе (дополненное).
Въ книжныхъ магазинахъ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“.
Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЭЛЕКТРО-ГОМЕОПАТИЧЕСКІЯ

СРЕДСТВА

графа МАТТЕЯ

продаются въ складѣ Ф. Гебауеръ,
Москва, Газетный пер., д. 7.

ЛЕВИНГЕСЪ и ГЮЗІНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербург. Трущобъ“): 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

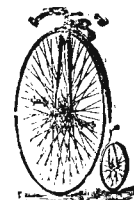
ОТЕЛЬ „COLLOSEUS“ БАДЪ СОДЕНЪ ПРИ ТАУНУСЪ.

Владѣлецъ: Фридрихъ Христіанъ. R. № 3833

Старинная первоклассная гостиница, вполнѣ заново отдѣланная и удобно устроенная, съ большимъ тѣнистымъ садомъ, въ великолѣпномъ мѣстоположеніи, противъ куршарка, купаней и источниковъ, извѣстна свою хорошею кухней и богато assortированнымъ погребомъ, рекомендуемая въ особенности для приѣзжающихъ на воды на продолжительное время. Внимательная и вѣжливая прислуга и умѣренная цѣны. Поѣздки въ окрестности въ собственныхъ экипажахъ гостиницы.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ и/М.
фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЪ“.
Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Имѣютъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12—5

CORSETS
20-10
LEOTY
adoptés
par le
High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine, Paris

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всѣ % бумаги.
Страхуваніе винягршннихъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата куноновъ. № 3718
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-означенному адресу.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ!

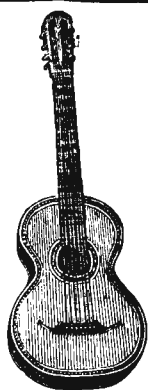

Только 10 р.
Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч. въ кабинетную величину, съ пробн. снимкомъ и руководствомъ. Пересылка за 15 фунтовъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4 Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ, С.-Петербургъ. Мт. № 3832

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведе-
ніе прекрас-
наго запаха,
не порти-
щеся.
LA POUDE
SIMON
и **МЫЛО**
à la
CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же за-
пахъ.
J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.
Въ розницу прод. у парикмахеровъ, пар-
фюмеровъ и аптекарей. А. № 3129 16 14

ГИТАРЫ
въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 руб. (отъ 8 руб. и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Соколова ч. I, II и III по 1 1/2 руб. за часть. № 3834

МАНДОЛИНЫ
въ 10, 20, 35, 50, 60, 75 и 100 руб. (отъ 20 руб. и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Келера 2 р. Иллюстрированный прейс-курантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также приемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“
уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулка, домъ Шабликина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейс-курантъ высылается безплатно. № 3338 3-1

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотек. Оптовая и розничн. продажа. Специалистъ хронометровъ.

Рекомендую гг. военнымъ большой выборъ привозныхъ часовъ для нижн. чиновъ. Ручательство на два года. Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейс-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3841

Имеется всоуду.

ШТУРМА УКУСУСЪ
НАТУРАЛЬНЫЙ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА ПЕЗВЕРДЕВЪ ЧИСТАГО ВЕУСА и ЗАПАХА.

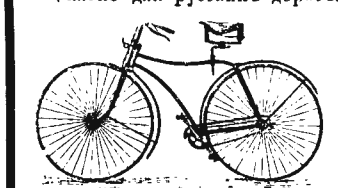
УКУСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ

Складъ: Невск. 96/1, по Надеждинск., мар. 26.

Вырабатываю только натуральныя укусусы окисленныя (при помощи атмосфернаго воздуха) изъ Штурма, Солада и Винограднаго вина.

Прейс-куранты GRATIS в FRANCO.

Безопасные 2-хъ-кол. велосипеды **СВИФТЪ и ВИППЕТЪ** специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейс-куранты безплатно, также брошюра виконта Варри: „О велосипедѣ и велосипедистахъ“. Москва, Кузнецкій м., д. Голыгина. СПб., В. Морская, 21. Р. № 3829 (9)

Поступила въ продажу большая гравюра:
ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

- 1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
- 2) Государыня Императрица Марія Феодоровна.
- 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.
- 4) Великій Князь Георгій Александровичъ.
- 5) Великій Князь Михаилъ Александровичъ.
- 6) Великая Княжна Ксенія Александровна.
- 7) Великая Княжна Ольга Александровна.

Гравюра артистически исполненная съ фотографіи С. Л. Левицкаго и К^о и отпечатанная на отличной веленовой бумагѣ, разбѣромъ 10 1/2 вершк. выш. и 7 1/2 вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, разбѣромъ 13 7/8 вершк. выш. и 9 7/8 вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалку 2 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“ Невскій просп., № 6, СПб.

Новое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПб.

Гёте „ФАУСТЪ“
объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,
исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

НАИЛУЧШЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES
достаточно известны:
ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12-10
Привозный Парфюмеръ.
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

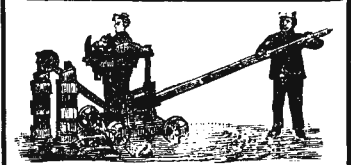
Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и заграниціей.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-смутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris. П. № 3707 (5).

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просить непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (62) № 2946

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ
Москва, Красносельск. улица № 3843

СТРОИТЬ: 6-1 плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, сортировки, мельницы, конные приводы, локомобили 3, 4 и 6 силъ, соломоубытки, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, сѣвные прессы, кирочн. прессы и пр.

БОНТОРЫ и СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10. Москва, Мясницкая улица, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова. Иллюстрированные каталоги безплатно

Г. БАРАНОВЪ и К^о.

Москва, уголъ Петровни и Столешникова пер., д. Роннова.

Рекомендуемъ дешевую столовую и чайную посуду (сервизы), а также желѣзную эмалированную кухонную и столовую. Металлическія кровати съ пружинными матрацами и перилами на гривѣ отъ 17 р. Мраморныя и цинковыя умывальники, ванны, клеветы, кунальные дупки, буквою и садовую мебель по фабричнымъ цѣнамъ и вообще принадлежности домашняго хозяйства. Отправка во все города Россіи и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 3751 3-3

ДАЛМАТСКІЙ
ПОРОШОКЪ. Владелецъ плантацій продаетъ черезъ Агента своего № 3818
А. И. де-Спиллеръ
ВЪ ОДЕССѢ. 3-2
За пудр. 36 руб., 28 руб. и 23 руб.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕРЪ
В. В. ЛЕЖЕНЪ
КАЗАНСКАЯ 44

Новый прейс-курантъ по выходѣ въ началѣ мая будетъ разсылаться за 50 коп.

КРЫШКИ для переноса „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго валенкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 18-8 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ШИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Шшесть въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейс-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.